Михаил Лост

ПРИНЦЕССА КРОВИ

фэнтезийный роман
III часть

© Авторские права защищены

Оглавление:

Часть III 3
– 1 – 3
– 2 – 38
– 3 – 74
– 4 – 128
– 5 – 171
– 6 – 205
– 7 – 247
– 8 – 289
– 9 – 323
– 10 – 371
– 11 – 419
– 12 – 458
– 13 – 510
– 14 – 553
– 15 – 610

Часть III
ПРИНЦЕССА КРОВИ

И загремели могучим прибоем
алые волны прошлого.

– 1 –

Вторжения армии Красной саламандры в северные земли не ожидал никто. Ее появление произвело совершенно ошеломляющий эффект, еще более усугубившийся стремительным продвижением войск. Кирион, доселе игравший роль буферного государства, пропускал легионы ад-Сейдина как сито воду. Походным маршем они миновали прежде не приветствовавшие чужаков земли и сходу бросались в атаку на северян, совершенно не готовых к такому повороту событий. Первое княжество пало за две недели и то продержалось столь долго лишь потому, что хан ударил только передовыми гвардейскими полками, а затем постепенно подтягивал остальные силы. Во второе княжество он вошел уже большей частью своих армий, в первом же сражении показав на чьей стороне перевес. С захватчиками, разумеется, переговоров не ведут, но не втянутые в полыхнувшую войну государства один за другим слали к ад-Сейдину послов. Вопрос у всех был один: чего властелину Железных земель здесь, собственно, понадобилось? Северяне интересовались не просто так, и за их дипломатическими посланиями ощущалось скрытое предупреждение. Несмотря на внутренние распри, северные земли способны объединиться против интервенции, и тогда баланс сил может оказаться далеко не в пользу хана. Не сделали же они этого до сих пор лишь потому, что удар оказался слишком неожидан, и для сбора союзного войска требовалось время. Посему лучше бы ад-Сейдину сообщить какие у него имеются притязания, пока север и юг не сошлись в затяжной кровопролитной войне.

Хан Гийюр отлично понимал, что слова северян — не пустая угроза. Их войска славились умением и выдержкой, и на собственной земле, незнакомой южным воинам, умели сражаться гораздо лучше, не говоря уже об особенностях климата. Северяне были гораздо малочисленней, но только порознь. В случае объединения королевств и княжеств перед лицом общей угрозы они были способны противопоставить армии вторжения достаточно крупные соединения, чтобы похоронить амбициозную кампанию. Именно поэтому ад-Сейдин отправил вверх по Шиале свой победоносный флот, после краха шаха Гелетбея наводивший страх на

все прибрежные страны. Он должен был отсечь все попытки восточных областей северных земель прийти на помощь центру. С запада же, по расчетам хана, некоторую долю сил противника оттянут на себя войска Желтой пумы. Тал Дауд получил указание не атаковать, но его боевым частям следует подойти близко к границе в строго заданных местах, создавая неопределенную напряженность. Эмира Аешского такое положение вещей вполне устраивало. Он был рад услужить Великому хану не вступая в сражение. Порядок на оккупированных им от имени Империи территориях покамест был так себе, поэтому Тал Дауд без колебаний согласился компенсировать собственную нерасторопность тактической помощью. Сам же ад-Сейдин тянул время, не сообщая послам чего-либо по существу. Бесконечно долго так продолжаться не могло, но и задерживаться он особо не собирался. В планы хана не входило покорение всех северных земель. Во всяком случае, не сейчас. Его интересовал только центр, куда и был направлен массированный удар. Точнее, не столько центр, сколько то, что находилось за ним. Ад-Сейдин рассчитывал добиться своего еще до того, как наступит зима, а потом возможно заключить и сепаратный мир. Даже вернуть все захваченные территории, если понадобится. Вот только успеть бы… До сих пор продвижение войск в целом соответствовало плану, но неумолимый календарь напоминал о предупреждении Дегониса. Колдун оказал неоценимую помощь в планировании всей кампании и его помощники активно поддерживали ее на всем протяжении, подготовив благоприятную почву. Хан Гийюр, хоть и отказался переносить вторжение на следующий год, к мнению Дегониса все же прислушивался и никогда не упускал из виду. Колдун, бесспорно, был прав, указывая чем чревато застрять в северных землях на зиму, и ад-Сейдин делал все возможное чтобы этого не произошло. Тем не менее, он подготовил и резервный план на случай, если кампанию не удастся завершить в срок. Зимняя экипировка для армии готовилась сразу в нескольких крупных провинциях и уже начинала поступать, а интенданты получили указание разработать схему поставки припасов в холодный период года.

Королевство Ганхельд представляло собой серьезного противника. Его правитель не строил иллюзий касательно намерений южного владыки и успел должным образом подготовиться. Его войска оставили приграничную зону, не имея возможности защитить ее должным образом от вражеских легионов, и отошли вглубь страны, сконцентрировавшись в двух крупных оплотах. Расчет короля был прост: до сих пор ад-Сейдин упорно стремился строго на север. Значит он будет вынужден либо вступить в бой на хоро-

шо укрепленных позициях противника, либо пройти сразу меж двух опорных пунктов и быть атакованным с флангов крупными воинскими соединениями. Хан это тоже понимал, и его армия готовилась к мощной решающей атаке одновременно на два лагеря неприятеля. Он бы куда эффективнее расправился с ними поодиночке, но на это, увы, у него банально не хватало времени. Нападать следовало одновременно, разделив основные силы на две равные части. Оставшиеся же будут обеспечивать охрану обозов, подвозящих припасы. С последними неплохо выручали вожди Кириона, нашедшие сделку с Красной саламандрой весьма выгодной. Предки явно одобряли сей союз, не только более не гневаясь, но и даровав племенам свое благословение. В шахтах находились новые жилы руды, дичь сама шла в руки, а земли плодоносили больше обычного. Ну чем не добрые знамения?

Вместе с тем северные земли мало-помалу наводняло какое-то зло. Если в Кирионе все обстояло довольно благополучно, то в лесах северных государств, особенно в краях боевых действий, его присутствие становилось все более ощутимым. Леса становились небезопасны. Местные жители боялись затемно покидать свои дома и даже днем ходили не иначе как группами. Подвоз припасов в города резко сократился, армия защитников неожиданно начала испытывать перебои с поставками продовольствия. Судя по множившимся слухам, из болот поднимались отвратительные твари, а чащу наводнили жуткие чудища. Мертвецы все чаще вставали из могил, и словно тень какого-то могущественного проклятья пала на некогда спокойные края. Болезни и мор поражали провинции одну за другой, домашний скот сходил с ума, по ночам вдоль дорог появлялись опасные призраки. Больше всего страдали отдаленные деревни, не получая помощи от властей. Многие из них опустели, либо покинутые отчаявшимися жителями, либо вымерли, превратившись в зловещий погост. И по ночам в нем бродили не нашедшие себе пристанища неупокоенные души. Доставалось и населенным пунктам покрупнее. В довершение к нечисти и болезням взбесилась и погода, регулярно бушуя то одним, то другим ненастьем. На смену сильнейшему ливню, превращавшему землю в непроходимую слякоть, приходил свирепый ураган, срывавший крыши и ломавший изгороди. Деревья валились как жалкие свечки, а земля гудела так, будто вот-вот разверзнется под ногами. С утра посреди проезжей дороги вдруг можно было обнаружить невесть откуда взявшийся овраг, а на месте цветущего луга — топкое болото. И веяло от этого болота какой-то поганью, непременно пытавшейся выбраться с наступлением темноты.

Власти, озабоченные делами посерьезнее, поначалу не верили

суеверным слухам, считая их естественными спутниками войны и приносимых ей бедствий. Со временем, однако, у них появлялось все больше оснований полагать, что дело и впрямь носит весьма неоднозначный характер. Положение продолжало ухудшаться, повергая целые провинции в состояние паники и страха. Казалось, страх возникал просто из ниоткуда, превращаясь в панику даже при незначительном происшествии. Он словно витал в воздухе, вдыхаемый вместе с ароматами свежескошенной травы и древесных смол, был растворен в питьевой воде, таился по темным углам. Люди не боялись дать отпор захватчикам, но готовы были сбежать на край света, лишь бы не видеть, как умерший сосед скарапается в дверь, а в лесу голодным злобным огнем горят чьи-то красные глаза. Десятки красных глаз. Отправиться куда-либо в одиночку затемно теперь означало практически верную смерть. Более того, начинали пропадать даже небольшие группы. От них либо не находили ничего, либо их истерзанные останки наводили настоящий ужас. В поисках защиты и покоя толпы беженцев хлынули в города и соседние страны. Опустошенная периферия вымирала, зато по трактам тянулись вереницы повозок ищущих спасения людей. Одну за другой вирус страха поражал целые области, подтачивая и без того подвергавшиеся испытаниям государства. Дабы положить конец разраставшемуся хаосу власти начинали принимать жесткие меры, решительно пресекая панические настроения и отряжая для наведения порядка воинские соединения. Прибывая на помощь малочисленным местным гарнизонам, те на какое-то время успокаивали население, но ненадолго. Ибо уже от самих солдат все чаще начинали поступать донесения, что во многих провинциях действительно творится какая-то чертовщина. Стаи взбесившихся волков нападали на дозоры, а об отправке курьера без надлежащего сопровождения нечего было даже и думать. Воинские отряды своими глазами видели разгуливающих мертвецов и заполонившую леса нечисть, а к болотам боялись подходить даже близко. Гати превратились в настоящие смертельные ловушки. Не страшась даже скопления людей, из гнилых омутов, раскидывая ряску, выпрыгивали какие-то гнусные твари и утягивали проходившего мимо человека на дно еще до того, как товарищи успевали прийти к нему на помощь. Обычное оружие было против них не слишком эффективно, но порой чудищ удавалось уничтожить. Их изрубленные останки отсылали центральным властям как доказательство, и те уже не могли отмахиваться от очевидного. Воинский дух гарнизонов неуклонно снижался, а в атмосфере царило ощущение надвигавшейся катастрофы. Поговаривали, что ведьмы теперь осмеливаются разгуливать средь бе-

ла дня, верша свое черное дело, и все происходящее было плодом их зловещего колдовства.

Надвигалась ночь. Столкнувшись с передовыми отрядами Красной саламандры, полк северян в непродолжительной ожесточенной стычке нанес противнику существенный урон, но все же отступил. За авангардом, судя по всему, подходили более крупные силы, и следовало немедленно известить об этом верховное командование. Отлично укрепленный форт, где заперлись хорошо вооруженные воины, без осадных орудий было взять едва ли возможно. Он находился существенно юго-западнее от одного из двух оплотов королевства, так что появление в его окрестностях соединений Красной саламандры было тревожной вестью. Возможно, что ад-Сейдин просто прощупывает почву, не желая атаковать оплоты в лоб и ища обходные пути. Также не исключено, что на центральном направлении он лишь создал видимость подготовки к атаке, а сам двинул войска в обход, намереваясь зайти с западного фланга. В таком случае восточный оплот станет совершенно бесполезен и будет бессильно наблюдать как превосходящие армады врага волнами набрасываются на западный. Либо же его солдаты покинут укрепленный район и столкнутся с противником в открытом бою, что грозит почти неминуемым проигрышем. Король Ганхельда призывал правителей северных государств на помощь, но та запаздывала. Восток оказался отрезан флотилией ад-Сейдина, уничтожавшего любые боевые и десантные суда. Она не трогала только рыбацкие лодки да торговые посудины, и то при условии, что те не перевозили товары военного назначения. Западная часть северных земель собирала союзное войско, но его продвижение тормозили неясные намерения армейских корпусов Желтой пумы, подошедших к самым границам. В случае вторжения запад, отправившийся на помощь центру, сам окажется беззащитен перед лицом захватчиков. К королю Ганхельда, тем не менее, подходило на выручку все больше полков откликнувшихся соседей, и в ближайшие дни они должны были прибыть в столицу, являвшуюся как раз одним из двух главных оплотов.

Форт пребывал в состоянии полной боеготовности. Высланные дозоры сообщали о передвижении передовых частей неприятеля. Курьер, отправленный в столицу в сопровождении легкой конницы, отбыл еще до наступления темноты и теперь должен быть далеко, неся королю тревожную весть. Солдаты северян, в добротных кольчугах и остроконечных шлемах, напряженно всматривались со стен в чернеющую лесную гряду. Выставленные на постах лучники, вооруженные большими, чуть ли не в рост, длинными луками готовились бить врага. В армии ад-Сейдина та-

ких не имелось. Хан предпочитал легкую кавалерию и конные соединения стрелков Зеленой ящерицы, а таскать с собой тяжелые луки его воинам было не с руки. Такая тактика, безусловно, оправдывала себя на открытой местности, но в северных лесах, да еще подле стен хорошо укрепленных гарнизонов противника имела заметный изъян. Дальнобойное оружие северян разило врага на значительном расстоянии, беспрепятственно пробивая кожаные доспехи, а на более ближнем от стрел не спасали и легкие кольчуги. Ответная стрельба оставляла желать лучшего. Тяжелые и неповоротливые боевые машины южан отлично показывали себя в осаде больших крепостей, но по лесным дорогам севера передвигались как черепахи и против раскиданных по провинциям фортов их эффективность стремилась к нулю. Северяне же напротив, имели на своем вооружении стрелометы, прозванные дикобразами. Стрелометами они были весьма условно, поскольку каждая такая стрела смахивала на целое копье. Заряжались дикобразы довольно долго, зато одновременный залп этих орудий с высокой стены наносил чудовищный урон всему, что не укрывалось за толстой либо же металлической преградой. Вот и сейчас взведенные орудия настороженно глядели в сторону леса, готовые в любой момент выпустить смертоносный дождь. Запас метательных снарядов позволит гарнизону форта охладить пыл даже вдесятеро превосходящего врага, если тот не подтянет тяжелые защитные конструкции.

Стены форта были погружены во мрак. Жаровни и факелы никоим образом не позволят узреть подходящего противника, зато защитники сами окажутся перед врагом как на ладони. Огонь, тем не менее, использовался. Разведенный во врытых в землю металлических бочках, он озарял пространство между фортом и лесом, создавая достаточную видимость до самого подножия деревьев. Любой, кто попытается пересечь освещенный периметр немедленно окажется под интенсивным обстрелом. Причем огрызнуться прицельным ответным огнем у него не получится. Профили воинов северян не появлялись на фоне неба ни между зубцами стены, ни в проемах бойниц. Форт был устроен таким образом, что за спиной у солдат всегда имелось прикрытие, выставленное вдоль внутреннего края сплошным заслоном. Перед стеной же в два ряда стоял частокол разной высоты, а перед внешним частоколом насыпан земляной вал, исключавший применение тарана по заостренным бревнам. Без массированного штурма преодолеть такую полосу препятствий становилось практически невозможно, а означенный штурм обернулся бы для нападающих огромными потерями. Противник, малознакомый с фортификационными со-

оружениями северян, сделал бы ставку на огонь, рассчитывая поджечь частокол и стены, обстреляв их зажигательными стрелами. Не тут-то было! Всю древесину строители пропитывали особым составом. Внешне она казалась словно вощеной, но горел этот воск не лучше простого булыжника. Нечего было и надеяться подпалить хотя бы часть укреплений, надеясь проесть в них хорошую дыру. Поговаривали, правда, что у пехоты ад-Сейдина имелись коробочки с адской начинкой, способные проделать брешь даже в камне, но чтобы разместить их на поднятых воротах до последних еще следовало добраться.

Ночную тишину нарушало лишь потрескивание пламени в бочках. Не было слышно даже криков филина, обычно гулко разносившихся в темные часы суток. Ничто не указывало на приближение врага. Возможно, тот решил обойти форт стороной, либо же разбил лагерь в нескольких милях поодаль, решая что предпринять. Может быть, подтягивает силы для утренней атаки. Солдаты, перетаптываясь, тихо переговаривались, потягивая подогретый мед. Ночи второй половины сентября становились холодными, и северяне искренне желали южанам застудить себе все, что можно. Громкие разговоры были запрещены, но солдаты острили горячим шепотом, тихо посмеиваясь в кольчужные рукавицы. Настроение у всех было боевое. Ганхельд — крепкий орешек, и хан хорошенько сточит об него зубы.

Огонь в одной из бочек неожиданно погас. Это было странно, поскольку нигде не ощущалось ни единого дуновения. Ветви деревьев не издавали сколь-нибудь слышного шелеста, а вымпелы на башнях полностью опустили свои длинные вышитые хвосты. Впрочем, такое иногда все-таки случалось. Некачественное топливо, забившиеся вентиляционные отверстия… Чего точно не случалось — это чтобы пара соседних бочек потухла практически сразу вслед за первой. Подобное событие уже не осталось без внимания, и солдаты озабоченно всматривались в проблемный участок, гадая, чем было вызвано столь странное явление. Они озаботились еще больше когда к этим трем бочкам одна за другой стали присоединяться остальные. И вот уже не только в одном месте — сразу в нескольких каким-то совершенно непостижимым образом пламя стало исчезать, погружая периметр во тьму. Теперь случайность полностью исключалась, но причину происходящего никто из защитников не знал. В поле зрения не появлялось ни единой живой души, а огонь гас так, будто его как свечу накрывали колпаком. Каких-то несколько минут — и вот уже все некогда освещенное пространство окутал мрак, разбавляемый лишь неясным звездным светом. Видимость была, мягко говоря, так себе, по-

скольку сильная облачность закрывала большую часть ночных светил, оставляя на долю земли жалкие отблески. Офицеры форта экстренно совещались. Природное явление или диверсия противника? А может, колдовство? Но ни одной ведьме не под силу быстро погасить полторы сотни огней вокруг большого форта. Даже если их будет несколько. Нет, здесь что-то другое. И лучше бы это поскорее выяснить. Мнения разделились. Одни предлагали организовать кратковременную подсветку огненными стрелами, другие — отправить разведгруппу. Подсветка грозила поджечь траву и превратить пространство вокруг форта в дымящееся кольцо, так что сошлись на разведчиках. Через малый проход наружу вышли две дюжины готовых ко всему добровольцев и крадучись отправились проверять что там такое с бочками. Перекличку с ними не вели, дабы почем зря не оглашать пространство демаскирующими воплями. В случае чего разведгруппа сама предупредит гарнизон об опасности и быстро отступит обратно в форт, не ввязываясь в схватку. Напрягая зрение и слух, сгрудившиеся на стенах солдаты ожидали результатов вылазки.

Крики раздались практически одновременно. Вопли боли резко сменились возгласами ужаса, прервавшимися буквально в считанные секунды. Ожесточенный стук железа, будто им лупили по сырому дереву, хрипы, звуки короткой агонии — и со стороны выдвинувшегося отряда разведчиков наступила зловещая тишина. Взволнованно переглядываясь, солдаты ожидали команды офицеров. Те, опешив, пытались сообразить что произошло. Кликнуть своих? Выслать им подмогу? Отдать приказ обстрелять сектор подожженными стрелами? Защитники колебались, чуя нечто неладное. Спешить на помощь товарищам не было ни малейшего смысла. Либо те в порядке, раз молчат, либо уже убиты неведомым врагом, и подмога сама попадет в засаду. Учитывая расстояние, откуда донеслись звуки, это было как раз немного не доходя бочек. Стало быть, если это враг, то он уже внутри периметра. Офицеры скомандовали подготовить огненные стрелы. Солдаты, откупорив стеклянные бутылки, приготовились макать туда острия, специально обмотанные у основания губчатым веществом. По стене прошла команда готовности. Сейчас кто-нибудь из офицеров громогласно предупредит разведчиков о грядущем залпе. Если те не ответят, защитники накроют плотным огнем внешнее пространство и превратят всех кто там находится в пылающих ежей.

Еще один громкий, быстро захлебнувшийся крик прорезал воздух. И на сей раз он раздался прямо со стены! Соседи заоравшего часового повернулись к нему, намереваясь узнать что произошло, и ужас сковал их сердца. В царившем над стеной полу-

мраке тело воина неподвижно лежало на дощатом настиле, а на нем копошилась какая-то здоровенная тварь. Выхватив мечи, ближайшие солдаты испустили тревожные возгласы. И тут же сами оказались атакованы неведомыми врагами! В мгновение ока перемахивавшие через гребень темные массы сбивали их с ног, нанося множественные удары. Пространство над подвергшимся нападению участком стены огласили громкие вопли и звон пущенных в ход мечей. Защитники обомлели. Враг проник на стены!
— Тревога! К оружию! — понеслись команды офицеров.
И вдруг стало понятно, что нападение происходит одновременно в разных местах. Сразу с нескольких секций стены донеслись испуганные крики и звуки ожесточенной схватки. Никто не понимал что происходит. Не затронутые атакой воины не решались покинуть свои боевые посты, чтобы прийти на помощь сражавшимся с кем-то товарищам. Те же орали нечто совершенно невразумительное, еще более увеличивая поднимавшуюся неразбериху.
— Запалить жаровни! — взревели офицеры.
Десятки рук со звоном сбросили крышки с металлических вместилищ тлевших углей. Угли полетели в полукруглые чаны на ножках, которые и представляли собой жаровни. Пропитанные горючим составом, те живо вспыхнули, хорошенько озарив все вокруг. В свете ярко запылавших огней на глазах опешивших воинов через стену перелезали какие-то твари. Цепкие как обезьяны, они с дьявольской ловкостью вскарабкивались на гребень, ныряли меж зубцов и, подобрав множественные искривленные конечности, спущенной пружиной кидались на защитников. В считанные секунды большую часть стены охватила яростная схватка.

Будь нападавшие людьми, пришедшие в себя северяне управились бы с ними довольно быстро. Вот только ничего общего с человеческим обликом жуткие чудища не имели. Их тела представляли собой часть бревна, а то и вовсе здоровенный пень. Длинные корни рук действительно были самыми настоящими корнями, оплетавшимися вокруг жертвы, впивавшимися в ее плоть, душившими и коловшими. Не лучше дело обстояло и с ногами. Те же подвижные корни, цепляясь за малейший выступ, с одинаковой легкостью преодолевали стены и забирались под кольчуги, жадно вгрызаясь в тело. Невероятно проворная и при этом тяжелая масса запросто сбивала воинов с ног, прыгая на них со стены, и у упавших катастрофически падали шансы отбиться и остаться в живых. Их товарищи с яростными криками рубили мерзких чудовищ, но удары острых мечей не приносили сколь-нибудь заметного эффекта. С таким же успехом можно было колошматить по древесному стволу, вышибая из него щепу. С чудищ летели клочья

опутывавшего их густого мха, пряди жухлой травы и сухие листья, но им казалось все нипочем. Покончив с одной жертвой, они тут же кидались на другую, невзирая на сыпавшиеся удары.

Выстроенные на внутреннем дворе солдаты ринулись по боковым лестницам наверх, спеша на помощь бившимся соратникам. Но вот уже и во двор со стены посыпался неуязвимый враг, показавшись в свете множества зажженных факелов. С паучьим проворством перемещаясь по совершенно отвесным поверхностям, он совершал длинные прыжки и без видимых усилий преодолевал значительные пространства. Даже приземление с большой высоты не наносило ему какого-либо ущерба. Прыжок за прыжком — и вот уже прямо внутри форта разгорелся нешуточный бой. Часть воинов, рвавшихся на стены, повернула назад и набросилась на продолжавших прибывать в численности гадин.

Первое ошеломление, вызванное внезапностью непредвиденного нападения и видом немыслимого врага проходило. Действия защитников приобрели куда более осмысленный и слаженный характер. Повинуясь командам офицеров, они стали биться более эффективно, давая куда более серьезный отпор. Ощерившись остриями пик, передние шеренги встречали спускавшихся со стены врагов, в то время как задние ожесточенно рубили мечами уже проникших внутрь строя. Высокая подвижность делала тварей еще менее уязвимыми, чем они и так были, но ряды выставленного железа мешали их продвижению, а длинные прыжки пресекались колющими ударами. Все чаще чудовища, пытавшиеся перемахнуть через лес копий, застревали на их остриях. На этих же остриях их, яростно извивавшихся, остервенело крошили клинками. Солдаты продолжали нести потери, но уже не столь значительные как в первые минуты схватки. В колеблющемся свете факелов все больше жутких тварей металось перед рубежом из копий, давая людям возможность хорошенько себя разглядеть.

— Мать честная, да это же Леший! — ошарашено воскликнул кто-то из воинов, вытаращившись на прижатое к стене чудище.

Пригвожденное сразу четырьмя пиками, оно билось всеми извивающимися конечностями, пытаясь добраться до людей. Один из солдат приблизился к немыслимому врагу и последовательно отсек все тянувшиеся к нему корни. На пиках беспомощно повис обросший мхом и пучками травы обрубок бревна, в дуплах которого тлели туманными огнями исполненные злобы глаза. Разлом в древесине с заостренными кусками коры напоминал хищный рот, чем он, по видимому, и являлся. Смыкаясь и размыкаясь, он лязкал как челюсти разъяренного пса, мечтающего впиться зубами в добычу. Слишком долго оставаться лишенной возможности к дей-

ствию тварь явно не собиралась. Из древесного тела, раздвигая мох, вынырнули тонкие побеги. Вытягиваясь и извиваясь, они прирастали прямо на глазах, грозя в ближайшем будущем превратиться в новые разящие конечности.
— Факел! — крикнул державший меч солдат.
Подхватив переданный ему металлический конус на стержневидной ручке, он со всего маху сунул жаркий огонь прямо в пасть чудовищу. Леший заверещал, издав совершенно непередаваемые звуки. Из его рта посыпались жаркие угли. Взвившееся пламя с сухим треском охватило мох, полыхнуло из глазниц. Почернела и осыпалась трава, корневища конечностей перестали расти, кора начала обугливаться, а все древесное тело задымилось.
— Это Лешие! — закричал воин так громко, как только мог, стараясь преодолеть шум сражения. — Жарьте их огнем!
И в следующую секунду поплатился за свое открытие. Сиганувшее сверху чудовище накрыло его своей тяжелой массой. Сухо хрустнули кости, и солдат остался лежать на земле с неестественно вывернутой шеей.

Да, погибший защитник ничуть не ошибся. Как это ни казалось невероятным, форт атаковало около сотни самых настоящих Леших, обычно поодиночке обитавших в глубине дремучей чащи. Злобные и примитивные, они, тем не менее, редко выходили к людным местам, предпочитая обитать в лесной глуши. Их мало кто видел, поскольку забредший в их владения путник обычно не находил дороги обратно. Леший был одним из немногих существ, порожденных темным колдовством, кто и сам мог воплощать зачаточную форму чар. Они наводили дурман, сбивали человека с толку, заставляли ходить по лесу кругами и воздействовали на зрительное восприятие. Мало-помалу жертва теряла все ориентиры, окончательно сбивалась с пути, и спустя долгие часы и то и дни плутаний, обессиленная, становилась легкой добычей Лешего. Однако, при всей своей силе и коварстве, эти чудовища редко нападали на людей вдали от лесной глуши, а на группы и вовсе никогда. Из-за этого многие северяне вообще не верили в их существование, считая бабушкиными сказками и страшилками для детей. Оно и понятно — без чьего-либо дурного вмешательства чудовищ в мире было достаточно мало, и они как правило держались в гиблых и необитаемых местах. В людных их попросту давным-давно перебили. Вот только эта известная всем концепция никак не вписывалась в происходящее. Такое количество Леших едва ли набралось бы во всех северных землях, а уж их кардинально изменившиеся повадки и вовсе поражали даже знавших о них старожилов. Атаковать форт всей невесть откуда взявшейся толпой бы-

ло для жутких тварей так же естественно, как солнцу всходить на западе. Тем не менее, очевидность происходящего заставляла поверить в реальность этого кошмара. Теперь в существовании Леших убедились даже самые прожженные скептики. Некоторые — ценой собственной жизни.

Поняв с кем имеют дело, солдаты резко изменили тактику. Убрав копья, они сделали основным оружием факелы, а мечами лишь отрубали змеившиеся корни, лишая чудовищ возможности атаковать. Нападение Леших удалось остановить, но до окончательной победы было еще далеко. Ряды защитников на стене заметно поредели, поскольку лучники и обслуживающий персонал дикобразов были намного хуже подготовлены к рукопашной схватке. Оттягивая стрелков вглубь форта, на их место командование выдвинуло группы ближнего боя, орудовавшие огнем и клинками.

Казалось, Леших наполняет какая-то дополнительная сила. Прежде никогда они не были такими дьявольски подвижными и могучими. Даже пламя — их извечный враг, — разило ожившее дерево как-то неохотно, принося должный эффект лишь при попадании в наиболее уязвимые места вроде пасти и глаз. Будто чья-то злая воля усилила одни присущие Лешим черты за счет изменения других. И эта же злая воля направляла их на штурм форта — занятие, до которого они сами вряд ли бы додумались. У солдат, правда, не было времени хорошенько это осмыслить. Сейчас им требовалось отразить немыслимую атаку с наименьшими потерями. Серьезно потрепанный полк, потеряв еще больше в численности, просто не сможет удержать крепость, если на нее предпримут атаку регулярные войска южан. Только вот из-за неожиданной схватки с Лешими про них-то как раз все и забыли.

Долгожданный перелом в сражении обернулся для защитников совсем не тем, на что они рассчитывали. Лешие, теснимые по всем фронтам, один за другим выбывали из строя, охваченные жарким пламенем. Они все еще огрызались, норовя проникнуть вглубь форта и набрасывались исподтишка на отбившихся от строя солдат. Обезьянья ловкость позволяла им сновать по отвесным стенам, постоянно меняя позиции и оставаясь недосягаемыми для людей. Стрелять по ним было совершенно бесполезно, поэтому воины лишь методично отгоняли их прочь, сокращая доступное врагу пространство. Воспрявшие духом северяне, осознав, что они вернули себе контроль над ситуацией, яростно разили отвратительного врага, мстя за погибших товарищей. И вот тогда, когда до окончательной победы оставалось совсем немного, раздался громкий металлический звук. Это лопнули цепи подъемного

моста. С жутким грохотом окованная железом махина устремилась вниз и непременно раскололась бы вдребезги, с разлету ударившись об опоры. Этого, однако, не произошло. Какая-то неведомая сила притормозила падение многотонного моста, отчего он сначала замедлил движение, а затем и вовсе плавно опустился на положенное место. С лязгом осыпавшись на землю, глазам потрясенных защитников предстали покрытые слоем инея разбитые звенья толстых кованых цепей. Промороженные насквозь, они стали настолько хрупки, что раскололись от первого же последовавшего по ним удара. Кто бы это ни сделал, пользуясь охватившим форт замешательством он подобрался достаточно близко, чтобы совершить свое черное дело. О дальнейшем долго гадать уже не приходилось. От кромки леса, гремя оружием, в направлении крепости стремительно выливалась лавина солдат Красной саламандры. С опущенным подъемным мостом все оборонительные укрепления, еще остававшиеся перед ним в целости, уже не способны были сдержать толпы атакующих. Как по команде, все Лешие неожиданно стали покидать форт, потеряв всякий интерес к находившимся там людям. Среди защитников, только что кипевших боевым пылом, воцарилась глубокая растерянность, смешанная с отчаянием. Все еще сжимая оружие, они с какой-то безмерной тоской осознавали неотвратимость поражения, хотя оно еще не наступило. У них была возможность перекрыть вход и часть моста бочками с горючим, и пока те пылают непроходимым барьером, обрушить над поверженными воротами верхнюю часть стены, а затем и сам подъемный мост. Они могли выставить запасные заграждения, были способны разрядить в подступавшего врага стрелометы и показать, что даже в такой ситуации форт все еще способен к ожесточенному сопротивлению. Увы, северяне оказались слишком деморализованы, чтобы среагировать достаточно быстро и предпринять все эти необходимые действия. Подбегавших солдат ад-Седина не встретил ни один выстрел, и ни одно дополнительное препятствие не встало у них на пути. Боевые орудия форта молчали. Выброшенные со стен белые флаги объявили, что его защитники сложили оружие. Полки Красной саламандры захватили отлично укрепленную крепость северян не потеряв ни одного человека. Приблизившись вплотную к стенам, они остановились, пропустив вперед только передовые части, принявшие капитуляцию противника и взявшие форт под свой контроль. Через ряды воинов, выполнив свое черное дело, незаметными тенями удалились в направлении леса хорошо замаскированные Манипуляторы.

Отправленный в столицу гонец до нее так и не добрался.

Топкое болото, образовавшееся возле размывшей мостик речки, поглотило весь отряд, опрометчиво решивший перебраться вброд. Когда спала витавшая над водами иллюзия, люди осознали, что залезли прямо в середину невесть откуда взявшейся трясины, и тот кто в ней обитал уже не выпустил их из своей кошмарной ловушки. Верховное командование так ни о чем и не узнало, и о передвижениях армейских частей ад-Сейдина ему стало известно лишь тогда, когда один за другим пали четыре форта, прикрывавшие подходы с юго-запада. Отправленные королем войска опоздали, не успев прийти на подмогу двум западным крепостям. Готовя штурм двух основных оплотов Ганхельда, хан умудрился лишить их западного тракта, по которому шли в его столицу полки подкрепления. Отныне ни один солдат союзников больше не мог прийти на помощь осажденному королевству, не сделав огромный крюк на север.

— Плохо, очень плохо, — ворчал Дегонис, склонившись над большой картой Севера.

Его шатер располагался неподалеку от ханской ставки, окруженный специально выделенным гвардейским полком. Мало кто знал, что командир этого полка подчинялся лично старшему колдуну, даже если внешне все выглядело иначе. Баратис обиженно засопел. Он тоже стоял подле карты, только что лично доложив учителю текущую обстановку и слушая его рассуждения. В отличие от карт разложенных на столе у хана, эта носила совершенно иной характер. Она представляла собой землю в миниатюре, объемно отражавшую все особенности рельефа. Более того, на ней помимо искусно выполненных городов и крепостей отражались подвижные элементы. Различные существа соседствовали с воинскими частями, а отдельные люди казались их живыми уменьшенными копиями. Вся карта была исполнена множеством существ и человечков, и Дегонис одним лишь мановением пальцев мог перемещать их куда угодно. Каждое такое перемещение вызывало на карте определенные изменения, подкрашивая области в разные цвета, убирая с нее какие-то объекты, либо заставляя появляться новые. Огонь, охватывавший некоторые элементы, выглядел как настоящий, разве что не грел и не жег, а вода текла и искрилась не хуже подлинной, но при этом не покидала пределов карты и не отдавала сыростью.

— Да я не про тебя, — отозвался Дегонис. — Вы, наоборот, сработали просто отлично! Сразу бы так, и мне не пришлось бы теперь наверстывать безвозвратно упущенное время.

— А что же тогда? — спросил заметно приободрившийся ученик.

— Ведьмы. Далеко не все эти чертовы бабы приняли предложен-

ный нами союз. На зов пришли многие, но все же гораздо меньше, чем я рассчитывал, — пояснил верховный колдун. — То ли их страх перед чародейками оказался сильнее, то ли сама природа заставляет вести себя подобным образом. Отступницы и есть отступницы. А неволить их нельзя. Если какие-то ведьмы не желают к нам присоединиться, то пусть хотя бы не мешают. Попробуй мы принудить или запугать хоть одну из них — а мне, признаться, очень хочется это сделать, — как они все тут же бросятся врассыпную. А их помощь, как показали недавние события, приходится весьма кстати. Сотня Леших, усиленная нашим собственным колдовством и направляемая Манипуляторами — это только начало. Ты знаешь кого мы собираем на Ливьянских болотах. О них не должна пронюхать ни одна живая душа.

— Ведьмы сообщают о возросшей активности Гексенхаммера, — вкрадчиво сказал Баратис.

— Ожидаемо, — усмехнулся Дегонис. — Я бы скорее удивился не отреагируй чародейки должным образом. Но они не успеют нам помешать. Не должны успеть! Пока они возятся с призванными нами тварями на периферии, не осмеливаясь забредать в края боевых действий, то окончательно прозевают угрозу. Не хочу это признавать, поэтому говорю лишь тебе: без армии хана мы не смогли бы достичь и части нынешнего успеха. Совместный же наш удар станет сокрушительным и необратимым. Вот только успеть бы… Мы отстаем от графика минимум на две недели. Если холода наступят раньше срока, положение наступающих войск серьезно осложнится. Вместо решительной атаки на последнее препятствие мы рискуем застрять на его подступах. Мы ведь тоже не всесильны. Это наши Покровители могут превращать цветущие края в бесплодную пустыню, воздвигать огнедышащие горные цепи, где их прежде не было, и обращать день в ночь. Мы же не в состоянии отсрочить наступление зимы даже совместными усилиями. Одно дело — расчищать дорогу для армейского корпуса. Совсем другое — бороться с пятифутовым слоем снега и морозами на огромном пространстве.

— Я это помню, Мастер, — тихо сказал Баратис. — Мы делаем все возможное.

— Я знаю. И ценю ваши усилия, — кивнул Дегонис. — Но все-таки меня не покидает мысль, что мы что-то упустили. Что-то очень важное.

У входа в просторную палатку, изобиловавшую раздельными секциями, послышались шаги, и кто-то попросил дозволения войти. Дегонис разрешил. Появившийся на пороге гвардейский лейтенант сообщил, что повелитель призывает старшего колдуна к себе.

Дегонис, кивнув лейтенанту, ответил что сейчас придет. Когда офицер удалился, верховный колдун вновь посмотрел на ученика.
— Я не знаю сколько пробуду у хана. Поручаю тебе заняться пополнением из Аш-Гарона. Оно должно прибыть сегодня вечером, — сказал он. — Как его распределить ты знаешь.

Когда учитель ушел, Баратис еще некоторое время созерцал чудесную карту, которой позавидовал бы любой полководец. Часть каких-то женщин в темных мантиях кучковалась неподалеку от подернутых зеленой ряской Ливьянских болот. Остальные, рассеянные на всей карте поодиночке, маленькими фигурками прятались в укромных местах. Серыми робами выделялись Манипуляторы. Большими и малыми группами они, как правило под прикрытием армейских отрядов, присутствовали в различных областях, выполняя самые разные задачи. Большинство было сосредоточено в краях боевых действий, но часть виднелась далеко на периферии, а некоторые осторожно продвигались через Орнхольм. Неповоротливыми черепахами ползли к оплотам Ганхельда боевые машины Красной саламандры, подвозя свой адский груз. Походным маршем подходили армейские соединения, заканчивая концентрацию на двух направлениях. Длинными вереницами тянулись подводы с припасами, бесперебойно доставлявшими в войска все необходимое. Тщательно разработанная система охраны обеспечивала их безопасность от самого Кириона, что, безусловно, оттягивало некоторую долю сил, зато позволяло не бояться неожиданных нападений. На востоке же, покачиваясь на речных волнах, раздувал паруса флот ад-Сейдина, блокируя любые попытки северян переправиться через Шиалу. Их разрозненные полки до сих пор бессильно топтались на трех разных участках побережья, не имея возможности преодолеть водное пространство. Десант Красной саламандры в бой не вступал, получив строгий приказ судов не покидать. Все донесения разведки, доставленные как регулярными войсками, так и собственными силами колдунов, немедленно отображались на подвижной карте, давая наглядное представление положению вещей. Да, дорого бы дали северяне, чтобы увидеть как здесь обстоят дела. И еще дороже — чародейки. Их обитель — неприступная твердыня в самом сердце высокого заснеженного пика, — виднелась далеко за горной цепью княжества Орнхольм. Казавшаяся на карте такой близкой и доступной, на деле она все еще находилась очень далеко. И до поры пусть так и остается, потому что сокращавшееся расстояние начинало играть против колдунов. До поры.

Щелкнув пальцами, Баратис превратил карту в обычную красиво разрисованную бумагу, покрытую слоем защитного глянца.

Затем, взяв со стола какие-то зашелестевшие документы, удалился через боковой выход.

Точное число Манипуляторов знал только сам Дегонис. Ад-Сейдину было известно лишь о тех, кто оказался задействован в составе регулярных войск и числился при Имперской страже. Об участниках самостоятельных операций колдунов он имел весьма смутное представление, а о многих и вовсе не ведал. Дегонис разделял своих подчиненных на основе выполняемых ими задач. Взаимодействовавшим со стражей и армией было категорически запрещено использовать определенный вид чар при свидетелях. Тем, кто работал на периферии, дозволялось уже намного больше, особенно если их сопровождали доверенные гвардейские части. Но лишь содержавшимся в секрете группам и одиночкам разрешалось пускать в ход все заклинания без ограничений. Их не должен был видеть никто — даже самые лояльные воины. Прознай ад-Сейдин про некоторые особенности методов Дегониса — и весь план очутился бы под неминуемой угрозой. Армия была необходима колдунам для выполнения поставленных целей, ибо без ее надежного прикрытия они становились чрезвычайно уязвимы. Сама же армия им по-прежнему не подчинялась, и приходилось действовать очень осторожно, чтобы жизненно необходимый союзник не превратился во врага. По мере развития событий рано или поздно многое выйдет наружу, но если все пойдет согласно задуманному, это уже не будет иметь никакого значения. Слушая повелителя, Дегонис искренне разделял все его опасения и собирался выполнить взятые на себя обязательства наилучшим образом. Он совершенно честно намеревался помочь ад-Сейдину воплотить все его замыслы до конца. Вот только сами эти замыслы с некоторых пор куда больше отвечали интересам колдуна, нежели хана Гийюра. Властелин Железных земель не знал, что чародейки заняли твердый нейтралитет, решив не вмешиваться в судьбу южных земель. Если бы армия Красной саламандры задавалась целью покорить их все, кого завоевывая, а кого присоединяя добровольно, ад-Сейдин уже получил бы свою Империю, которой северные государства были нужны как собаке пятая нога. И даже если бы ему приспичило расширить свои владения на те края, это было бы куда проще сделать, отталкиваясь от крепко скованного монолита новой огромной страны. Разгром Бафелона являлся полностью оправданным, но дальше ад-Сейдину следовало обрушить мощь своих армий на восток, выступив совместно с ханом Зелистана. Южные же территории вплоть до Далабада и сами при приближении армейских корпусов Красной саламандры подчинятся ему беспрекословно. Абсолютно все были уверены, что после Бафелона ад-

Сейдин нанесет удар где-то на тысячекилометровой восточной границе. Разумеется никто не ожидал, что он умудрится заключить договор с недружелюбным Кирионом и лавиной вторгнуться в северные княжества. В этом, однако, и был расчет Дегониса — застать противника врасплох. Позже, когда Империя южан будет очевидным образом готова к вторжению на север, последний уже так просто не возьмешь, да и чародейки зевать не станут. Кроме того, и собственные делишки колдунов мало-помалу перестанут быть секретом как минимум от тех же чародеек, что весьма чревато в плане их нейтралитета. Нанеся же быстрый и сокрушительный удар в самое сердце не ожидающего этого противника, Дегонис имеет отличные шансы устранить его с карты мира, после чего путь к достижению цели станет окончательно расчищен. Наследный принц Камаль, оберегаемый как зеница ока, достойно продолжит дело своего отца.

— Я не уверен, что нам все-таки следовало привлекать ведьм, — хмуро произнес ад-Сейдин. — Мне с трудом удалось убедить армию в необходимости присутствия твоих людей. Да, они отлично показали себя в деле, и солдаты теперь относятся к ним куда более лояльно — это факт. Некоторые даже приветствуют появление особых подразделений, сулящих им преимущество над противником. Только ведьмы — особый случай. Отношение к ним неискоренимо. Страх и суеверия слишком сильны, чтобы вот так запросто перечеркнуть тысячелетия истории. К тому же ты и сам прекрасно знаешь, что это враждебное отношение небезосновательно.

— Разумеется, повелитель, — кивнул Дегонис. — Но ты уже наглядно убедился насколько эффективно мы использовали их возможности. Эти недочародейки обладают чрезвычайно полезными нам навыками. Силы природы — однозначно их конек. Мои люди не способны в столь короткий срок создать такое количество Леших и прочих тварей — у них другая спецификация. Вместе с тем они могут усиливать этих существ и осуществлять определенный контроль. Ведьмы нужны нам как необходимый инструмент. Предлагаю относиться к ним именно так.

— Меня волнует как этот инструмент воспримут люди, — напомнил хан. — Мои подданные не одобрят правителя, который якшается с ведьмами, вызывающими мор и разгул стихий. Даже такого могущественного как я. За каждым таким случаем они начнут видеть мою защиту и покровительство, позволяющие преступнице оставаться безнаказанной.

— Я это хорошо сознаю, повелитель, — вкрадчиво сказал колдун. — Именно поэтому с ведьмами имеют дело только мои люди и ни-

кто другой. Часть их находится в секретном лагере у Ливьянских болот. Остальные работают под прикрытием моих специалистов, и об этом не ведает ни один посторонний человек. Признаюсь, обеспечить подобное непросто, но мы справляемся.
— Эти болота меня беспокоят, — заметил хан. — Я до сих пор не знаю что вы там готовите.
— Прошу прощения, повелитель, но я по-прежнему хотел бы сохранить детали в тайне, — чуть склонил голову Дегонис. — Не от недоверия к тебе. Но у чародеек кругом шпионы. Твой разговор с кем-нибудь из преданных военачальников, а такие наверняка состоятся, могут подслушать. Если чародейки до срока узнают что к чему, они сумеют подготовиться и нивелировать большую часть сокрушительного эффекта, столь необходимого нам в нужный момент. Даже мои люди осведомлены далеко не все, а лишь те, кто принимает непосредственное участие в подготовке.
— Хорошо, пусть так, — подумав, произнес хан. — Но я желал бы узнать, каким образом тебе удалось обеспечить благоденствие Кириона, вызвавшее его небывалую дружелюбность. Признаю, без твоей помощи мне ни за что не удалось бы столь быстро добиться от его вождей такого невероятного расположения. Они не просто позволяют нам беспрепятственно перемещаться по их землям — они даже поставляют припасы. Не бесплатно, разумеется, но прежде за ними ничего подобного не водилось.
— О, это отдельная история, — усмехнулся колдун, и лишь неизменно надвинутый капюшон скрыл от повелителя жесткое выражение его лица. — Но лично тебе я могу о ней поведать, хотя это тоже большой секрет, и разглашать его не следует.

Слова колдуна, в общем-то, не открывали ничего нового. Просто проясняли некоторые детали и преподносили определенные вещи под иным углом зрения. Жилы в шахтах, равно как и дичь в лесах, сами по себе не появятся. Такие чудеса, порой, действительно происходят, но как случайность, и уж точно не приобретают массовый характер. Колдовством, однако же, подобные вещи тоже не создашь, иначе как бы просто можно было жить в этом мире, если имеешь под рукой несколько подходящих заклинателей. Во всяком случае, обычным колдовством. Устройство мира таково, что ничто не берется из ниоткуда, и за все приходится платить. Благодать, свалившаяся на некоторые племена Кириона, носит временных характер. Достаточно продолжительный, чтобы послужить интересам Красной саламандры, но все же не бесконечный. За изобилием однажды наступят последствия. Помимо договоров, подписанных вождями, их подписи имеются и на некоторых свитках. Вожди плохо поняли содержащийся там текст,

изобилующий хитрыми оборотами, да и рунические знаки читать не умеют. Их жрецы также приложили руку к означенным документам, что окончательно закрепило сделку. Ибо эти документы и были ничем иным, как сделкой с некими силами. Эти силы обещались предоставить Кириону богатство и процветание. Именно поэтому шахты вдруг наполнились рудой и драгоценными камнями, дичь сама идет в руки, и даже сухие каменистые земли плодоносят как лучший чернозем. Взамен эти силы кое-что возьмут. Не сейчас — позже. Но властелину Железных земель не стоит об этом беспокоиться. Сделка касается только согласившихся на нее кланов. Ни один гражданин Империи не ощутит на себе ее последствий.

— Звучит так, будто ты предложил им сделку с дьяволом, — усмехнулся ад-Сейдин.

— В известном смысле — да, — невозмутимо отозвался колдун. — Просто дьявол — образ собирательный, воспринимаемый людьми строго как страшилка, неизменно требующая бессмертную душу в обмен на любые блага. На деле все гораздо сложнее, — добавил он, заметил как поползли вверх брови повелителя. — Товар бывает разный, и цена бывает разная. Вождей и жрецов Кириона, официально уполномоченных своими племенами, она устроила. Кто ж виноват, что эти варвары не потрудились как следует разобраться что именно и с кем именно они подписывают?

— Впредь я буду внимательнее относиться к тому, что ты подсовываешь мне на подпись, — с неопределенным выражением произнес хан, бросив на колдуна прищуренный взгляд.

— О, повелитель, тебе не о чем беспокоиться. Ни я, ни мои люди не практикуем связь с подобными силами, — не моргнув глазом, солгал Дегонис. — Не переступили мы эту черту и в случае с Кирионом. Разве писец, записывающий приказ о приведении приговора в исполнение, несет ответственность за сам приговор? Исходя из их собственных пожеланий, мы составили документ. Они его подписали. Желания Кириона — проблемы самого Кириона. К тому же твоей Империи, повелитель, о которой я мечтаю не менее страстно, просто не нужны такие смехотворные припарки, являющиеся уделом слабых и недалеких людей.

Верховный колдун, само собой, откровенничал с ханом отнюдь не для того, чтобы похвастаться своими успехами и под этим соусом недальновидно выдать себя с головой. Мало-помалу подавая ему несколько щекотливую сторону дела, он обеспечит себе заблаговременное прикрытие. Если до ад-Сейдина рано или поздно станут доходить слухи, что помощники Дегониса используют какие-то слишком подозрительные методы, он некоторое время будет уве-

рен, что речь идет об известных ему вещах, сделанных исключительно на благо Империи. Умело играя словами, колдун вкрадчиво преподносил повелителю всю историю так, что та обращалась едва ли не в невинную шалость. Хан ведь не ведал что именно скрывалось за подобным договором, как он готовился, и кто стоял за его осуществлением. Чародеек в советниках у него не имелось, тем более кого-то из сестер Гексенхаммера. Те бы живо вывели колдуна на чистую воду, заявив, что либо он лжет, либо дело пахнет жареным. Сейчас же, когда властелин Железных земель воспринимает этих женщин как своих врагов, Дегонис способен опровергнуть любое их заявление, если таковое вдруг поступит. Злонамеренная ложь, провокация, желание посеять непримиримый раздор в стане противника — в его арсенале найдется целая уйма аргументов, способных заставить хана проигнорировать самое открытое предупреждение.

— Хорошо, пусть так, — кивнул ад-Сейдин. — Но впредь я желаю, чтобы ты заранее извещал меня о чем-то подобном.

— Для этого я и прибыл в твою ставку лично, повелитель, — заверил колдун. — К сожалению, неотложные дела какое-то время удерживали меня вдали отсюда, а мои заместители не всегда осведомлены о всей картине в целом. Ведь верно служащие тебе колдуны растут не на деревьях, а помимо работы над Липким огнем у меня хватает иных забот обеспечивать нужды армии и бороться с влиянием чародеек.

— Да-да, я понимаю, — милостиво изрек хан. — Я рад твоему приезду. Баратис, безусловно, хороший специалист и очень мне помогал, но с тобой мне гораздо спокойнее.

— Я польщен твоим неизменным доверием, повелитель, — почтительно склонился Дегонис. — Клянусь, мы построим Империю достойную твоей великой фамилии.

Ад-Сейдину эти слова неизменно лились бальзамом на душу. Еще с тех самых пор, как он впервые заговорил с колдуном о своих планах, тот неизменно укреплял и подогревал его веру в осуществление мечты, способствовал воплощению ее в реальность. Дегонис поведал о существовании Липкого огня не только в благодарность за приют. Он положил на чашу весов самый значительный аргумент, переведя амбициозные идеи хана Гийюра из области фантазий во вполне возможную действительность. И с тех пор своими непрестанными трудами неизменно приближал и продолжает приближать день великого триумфа. Кристальный каскад — наглядный инструмент, доказавший становящийся судьбоносным виток истории.

— Скажи, а что именно случилось в Ардее? — спросил вдруг ад-

Сейдин. — Моих войск там даже близко не было, а целый полк северян, отправленный восстановить порядок в провинции, сгинул без следа. Как ты сумел этого добиться?

Ардеей называлась деревушка в северо-восточной части Ганхельда. После свалившихся на те края напастей она пострадала настолько серьезно, что к моменту прибытия королевских сил полностью обезлюдела. Дегонис, разумеется, отлично знал что там произошло, но открывать всей правды повелителю было ни в коем случае нельзя. Когда полк северян вошел в Ардею, он нашел там пустые дома, и лишь одна пожилая женщина катила по улице тоскливо поскрипывавшую тачку. На ней под куском грубой холстины лежали тела умерших. Солдаты, ошеломленные царившим кругом опустошением, поинтересовались что произошло. Женщина, тяжело вздохнув, остановилась и поведала весьма печальную историю.

Сначала в окрестных лесах завелась какая-то чертовщина. Охотники и дровосеки пропадали один за другим. Селяне, собиравшие хворост, говорили, что в чаще стало неладно, и они то и дело чувствуют на себе чей-то недобрый взгляд. Отыскать сгинувших людей живыми ни разу не удалось, зато добровольцы или случайные путники иногда натыкались на истерзанные останки. Кто бы ни был повинен в этом злодействе, он подбирался к деревням все ближе. Жители уже не ходили в лес поодиночке, а затемно не рисковали появляться там даже группой. Их беды, однако, только начинались. Не успели поползти слухи о жутких чудовищах, как разгулявшаяся стихия погубила значительную часть урожая. Она же спалила у селян немало домов и амбаров, когда ослепительные молнии поджигали деревянные строения как свечки. Семьи, оставшиеся без крыши над головой, составили первую волну беженцев, последовавшую вслед за теми, кто покинул края убоявшись неведомых тварей. Угроза голода нависла сразу над половиной области, но власти обещали изыскать резервы для посева и пропитания. Люди только начали отправляться от последствий понесенного ущерба, как ударил мор. С каждым днем он свирепствовал все сильнее, забирая жизни без разбора и не делая скидок ни на пол, ни на возраст. Знахари были бессильны. Занемогший человек угасал за несколько дней, при этом загадочная болезнь, казалось, поразила только конкретную местность. Люди в ней заражались неизвестно как, при этом вне ее не болели вообще, за исключением уже подхвативших недуг. Это, само собой, породило вторую волну беженцев, стремившихся покинуть опасный район. Колдовство или нет, но каждый хотел обезопасить себя всеми доступными средствами, и самым простым среди них было

попросту уехать. Многие деревни практически обезлюдели. Ардея потеряла последних жителей, когда в покинутых домах зашевелились умершие, которых попросту некому было хоронить. Край, разумеется, тут же наполнили мародеры и всякие сомнительные личности. Они грабили опустевшие жилища и не гнушались нападать на выживших и отказавшихся покидать родной кров. Окончательно утратив контроль над ситуацией, местные власти отправили королю очередной отчаянный призыв о помощи. Вероятно, прибывший полк собирался покончить с разраставшимся хаосом.

— А ты как уцелела, мать? Почему не уехала? — спросил кто-то из воинов.

— Так некуда мне, — пожала плечами женщина. — Да и незачем. Телегу мою видишь? На ней все мои как один лежат. Везу на кладбище. Уж как-нибудь да землей прикрою, силы еще остались. А потом и самой можно помирать, ибо и жить больше незачем. Может потому меня смерть и не тронула. Не боюсь я ее теперь, а вот страдать еще способна.

Солдаты, проникнувшись душераздирающей историей, помогли одинокой селянке похоронить близких. Они усердно орудовали лопатами, а затем, опустив тела в вырытые могилы, быстро засыпали их землей. Стараясь покончить с гнетущим делом, воины торопились, не слишком присматриваясь к деталям. В противном случае они, возможно, заметили бы, что покойники не слишком похожи друг на друга, как полагалось бы родственникам, да и давность их смерти несколько различается.

Женщина жила в небольшой хижине на окраине. Свободного места в деревне теперь было хоть отбавляй, поэтому солдаты не стали нарушать ее печального уединения, а расквартировались в пустующих домах. Тех, разумеется, где внутри не обнаружились разлагающиеся останки. Для погребения последних организовали похоронную команду, поставив перед ней задачу предать земле все бесхозные трупы. По деревне расставили посты, в том числе и неподалеку от обители единственной уцелевшей жительницы. Та, не желая сидеть сложа руки, вызвалась поработать прачкой и помочь с приготовлением пищи. За стиркой и кухонными хлопотами она и провела все время, пока солдаты сносили умерших на кладбище, хороня в братской могиле. От этой работенки они были не в восторге, боясь подхватить неизвестную инфекцию, но оставлять трупы гнить на открытом воздухе было бы еще хуже. Впрочем, женщина уверяла, что мор прекратился, забрав всех кого пожелал, и новых случаев заражения не было.

Командование расположилось в двухэтажном здании, где некогда жил староста и имелся большой зал для собраний. Нанеся

собранные сведения на карту, офицеры вырабатывали план действий. Ардея, как наиболее удобно расположенный населенный пункт, послужит базой. Отсюда в соседние деревни направятся отряды солдат. Им в задачу вменяется обеспечение безопасности местных жителей и отлов мародеров. Как только порядок будет восстановлен, из столицы пришлют новую администрацию, припасы и специалистов, которые разберутся в причинах разразившегося кризиса. С ними вернется и часть уехавших в город беженцев, получив гарантии безопасности от властей. Мародеров и разбойников следует карать по законам военного времени, местным жителям всячески помогать. В случае чрезвычайных происшествий командование должно быть извещено незамедлительно. Последнее, вероятно, офицеры оговорили особо, памятуя о словах женщины про неупокоенных мертвецов. Та, впрочем, сообщила, что сама ничего подобного не видела, а такие слухи — совершенно обыденное явление в доведенных до отчаяния умах. Среди всех напастей и последовавших смертей еще и не такое привидится. У страха, как говорится, глаза велики. Офицеры, в целом, разделяли ее мнение, но сложная обстановка все равно требовала повышенной бдительности.

К ночи полк закончил приводить Ардею в первичный порядок и солдаты устроились на ночлег. Под началом сержантов каждое отделение заняло свой дом и выставило у дверей часового. Три патруля ходили по деревне и еще несколько стояли по ее периметру, наблюдая за окрестностями. Вокруг было абсолютно тихо, и на глаза не попадалось ни единой живой души. Ни монстров из панических донесений, ни мародеров, орудующих при свете дня, ни даже диких зверей. Разве что поля действительно носили на себе следы пронесшейся непогоды, да обугленные развалины, не успевшие зарасти бурьяном, напоминали о недавних пожарищах.

К тому времени как сгустилась тьма, горнист уже протрубил отбой, и большая часть полка спокойно похрапывала по лавкам и кроватям. В отличие от своих товарищей, после хорошего ужина насладившихся горячим чаем из больших жестяных кружек, дозорным приходилось довольствоваться холодным из фляжек. Зато он содержал двойную порцию сахара и толику лимонной эссенции, помогавшие сохранять бодрость. Запивая им сухари, патрульные и часовые ожидали смены караула и своей очереди отправиться на долгожданный отдых после походного марша. В колеблющемся свете факелов солдаты исправно несли службу, прислушиваясь к ночной тишине, в которой любой звук разносился очень далеко. Непривычная это была тишина. В покинутой деревне не лаяли даже собаки, ушедшие с хозяевами, издохшие взапер-

ти, либо сбежавшие в лес. Слышны были только собственные шаги часовых, потрескивание пламени да приглушенные шумы из домов с расположившимся полком. Лес, постепенно исчезнувший во мраке, тоже хранил безмолвие. В этой нелюдимой пустоте, казалось, исчезла сама жизнь, оставив после себя деревню лишь как напоминание о былых деньках. Без факелов было не видно ни зги. С вечера небо затянули низкие серые облака, выглядевшие как саван покойника, а ночь окончательно окутала землю своим непроницаемым для света покрывалом. При явном отсутствии какой-либо угрозы солдаты, тем не менее, чувствовали себя неважно. В такое время суток и в таких окружающих условиях все суеверные страхи просыпались с удесятеренной силой, и бодрствующие патрули уже не могли отделаться от воспоминаний о жутких рассказах. Порожденные гнетущей атмосферой, они наливались собственной фантазией людей, применявшей их к окружающей действительности, и вот уже любой пень начинал казаться монстром, а мелькнувшая тень — выходцем из могилы. Солдаты, нервничая практически на пустом месте, пытались негромко вести досужие разговоры, но звуки собственного голоса угнетали их еще больше. Тьма и тишина наваливались прямо-таки свинцовой тяжестью, и даже лица товарищей в игре отбрасываемых огнями теней начинали казаться какими-то чужими.

В довершение ко всему появился туман. Подступив к самой деревне, он поначалу остановился на окраине, будто не решался войти без особого приглашения. Клубясь чуть поодаль, он малопомалу поглощал окрестности, и вскоре за его пеленой уже ничего невозможно было рассмотреть далее десяти ярдов. Загустев и налившись волнующейся белизной, туман осмелел и двинулся в деревню. Факелы часовых просто тонули в этом молочном море, превратившись в тусклые размытые огни. В считанные минуты Ардею накрыла такая плотная завеса, что видимость сократились дальше некуда. Разойдясь по разные стороны дороги, часовые едва видели друг друга.

Странный это был туман. Какой-то уж слишком густой и слишком вкрадчивый. Его клубы передвигались так, будто кто-то сдувал пар с кипевших вокруг деревни котлов, нагнетая в нее непроглядное облако. Он совершенно не отдавал сыростью, хотя обычно туман предполагает значительную влажность. Вот что он с собой принес — это запах. Запах какой-то гнили, будто неподалеку находилось гиблое болото, где все деревья превратились в иссохшие жерди, а травы испускают дурной аромат, от которого тяжелеет голова и стучит в висках. Волны молочного моря накатывали своим бесшумным прибоем, обволакивая деревню мутно-

белым потоком и наполняя легкие клубами сомнительно пахнущей взвеси. Солдаты даже дышать старались пореже, а некоторые прикрывали носы рукой, растерев в кольчужной перчатке листву и душистые ягоды с ближайшего кустарника. Вот уж точно гиблое место. Не иначе как потянуло плохо зарытыми могилами с кладбища да испарениями с ближайшего болота. Кажется, на карте было какое-то, отмеченное в паре миль к северо-западу. Только поди разбери теперь где восток, а где запад. Солдатам, вдыхавшим становившийся все более гадостным туман, как-то даже поплохело. Откуда-то возникло чувство сильной жажды, и они практически опорожнили свои фляги, не принесшие, впрочем, желанного облегчения. Поглощаемая жидкость горчила на языке и растекалась во рту противной жижей. У дозорных возникло труднопреодолимое желание сбегать к ближайшему колодцу и напиться изумительно свежей воды прямо из ведра, а затем вылить ее остатки себе на голову. Воспоминания о ее восхитительной прохладе и приятном вкусе, пришедшихся особенно по душе после утомительного перехода, искушали прямо-таки дьявольски. Даже чай, заваренный на ее основе, пился как-то по-другому, а простая похлебка казалась гораздо более изысканной.

Шаги в кромешном тумане раздавались гулко и далеко. Ходившие по деревне патрули теперь не видели ровным счетом ничего, светя факелами исключительно себе под нос, и совершенно не могли определить свои это там топают поодаль или же кто-то еще. Устроенная поначалу перекличка подтверждала что свои, и мало-помалу солдаты замолчали, ибо нарушение безмолвия нагоняло на них еще больше жути, а каждое громкое слово отдавалось в ушах болезненным гулом. Лишь когда очередной патруль подходил совсем близко, часовые окликали его дежурной фразой и, получив ответ, продолжали нести свое ставшее вдруг чрезвычайно утомительным дежурство. Точно также поступали и сами патрули, когда проходили вблизи друг от друга. Типичный вопрос, типичный отзыв — и снова разошлись. Никого, ровным счетом никого не было в этой брошенной деревне, и какой еще ответ могли услышать уставшие воины, кое-как отгонявшие гнетущую сонливость? Никакой. Точнее, невнятное, неразборчивое бульканье, будто некто произносил слова наполняя рот жидкостью, вытекавшей из продырявленной глотки. Ко всему прочему это сопровождалось хрипом и присвистыванием, вызывая в воображении затаптываемый ногами прохудившийся кузнечный мех. Опешившие солдаты патруля повторили свой вопрос, но ответ на него прозвучал ничуть не лучше, разве что стал еще более громким и уродливым. Встревоженные подобным поворотом дела, они, положив ла-

дони на рукояти мечей, с предупреждающими окриками двинулись наперерез мутным огням. Кажется, отвечавшие столь омерзительным образом сделали то же самое. Шаги отчетливо сближались, как сближались и поглощаемые туманом огни. И вот уже в молочных клубах показались очертания людей, а в следующее мгновение и сами они вынырнули из белого плена. Патрульные солдаты остолбенели от ужаса. Затем, испустив испуганные крики, со звоном выхватили мечи. Все до сих пор слышанные небылицы подтвердились самым непосредственным образом, а суеверные страхи воплотились в реальность. Кошмар стал явью. Перед ними, облаченные в лохмотья и ржавые доспехи, сжимая костяными пальцами оружие появились мертвецы. Мертвецы, не тлеющие в гробах, а свободно разгуливающие среди живых. Мертвецы, с холодным блеском в белесых глазах собиравшиеся напасть на опешивших солдат. Их гниющие руки занесли оружие, а тронутые разложением глотки испустили те самые громкие булькающие звуки. Насмерть перепуганный патруль, поднимая тревогу истошными криками, со звоном скрестил мечи с немыслимым врагом.

Часовые у домов и окрест деревни вышли из состояния оцепенения, опешив от неожиданно раздавшихся воплей и лязга железа. Где-то совсем неподалеку их товарищи схватились с кем-то не на жизнь, а насмерть. Призывая к оружию, часовые, оставив посты, ринулись на шум схватки, спеша на помощь. Вот только то, на что подбегавшие со всех сторон солдаты натыкались в тумане, не укладывалось даже в самое смелое воображение. Деревню наводняли невесть откуда взявшиеся мертвецы. Так же как и люди, они поодиночке и группами выныривали из тумана и, встретив живых, набрасывались на них с небывалым остервенением.

В считанные минуты вся Ардея была на ногах. Поднятые по тревоге солдаты впотьмах хватали оружие и выбегали из домов, врезаясь в препятствия и друг в друга. Никто ничего не понимал, но, судя по всему, сражение теперь уже кипело сразу во многих местах, быстро охватывая всю деревню. Не успевал какой-то отряд появиться на улице и сориентироваться в обстановке, как он сталкивался с целой компанией мертвецов, и после нескольких секунд кошмарного остолбенения тут же вступал в бой, создавая еще один очаг противостояния. Деревня погрузилась в настоящий хаос. Солдаты, холодея от ужаса, не слышали и не видели ничего кроме кошмарного врага, рубившегося с таким же ожесточением как и они. Не было ни команд, ни сколь-нибудь внятной тактики. Вся Ардея улица за улицей, дом за домом превратилась в поле боя, где живые сражались с мертвыми. Но мертвых было больше. Солдаты слышали, что к ним на помощь бегут товарищи, но эта по-

мощь все не приходила. Продолжавшие прибывать мертвецы многократно преобладали числом, и все что оставалось делать бившимся воинам — это рассчитывать только на себя. Откуда взялась страшная нежить — никто не понимал, но ее намерения не оставляли ни малейших сомнений. Мертвецы желали убить живых, едва только наталкивались на них в клубах проклятого тумана. В свете факелов их обезображенные тленом лица принимали настолько чудовищный вид, что даже у бывалых солдат сердце сжималось от ужаса, заставляя разум наполниться единственным желанием: изрубить, уничтожить эту омерзительную кровожадную нечисть. Воины, подстегиваемые бушевавшим в крови адреналином, дрались как никогда в жизни. На кошмарного врага сыпался град ударов, его кололи клинками, жгли факелами. Он, однако, отвечал практически тем же. Мертвецы, должно быть, тоже ничего не видели в тумане без огня, и пускали в ход свои невесть откуда взявшиеся факелы не хуже мечей, орудуя последними с поразительной сноровкой. Судя по всему, некогда они были воинами, павшими не столь давно, поскольку не успели слишком сильно разложиться. Какая-то могущественная злая сила подняла их из могил, и теперь они сеяли смерть среди живых. К счастью, оружие подвергшихся нападению солдат уничтожало их вполне эффективно. Отсеченные конечности, срубленные головы, пронзенные тела — сраженные мертвецы валились на землю, агонизируя на исходе своего неестественного существования. Но гибли и солдаты. Они противостояли равному себе по силе противнику, и было просто чудо, учитывая его численный перевес, что их не смели в первые же минуты схватки. От запаха разложения и дурмана белесых паров голова у воинов окончательно пошла кругом. Налившись отчаянной яростью, они защищались не на жизнь, а насмерть, усеивая пространство вокруг себя поверженными телами. Многие из упавших врагов бились в конвульсиях совсем как живые, и солдаты остервенело разили мертвецов в грудь, сносили скалившие зубы головы, дабы гнусная погань больше никогда не осквернила мир своим существованием. Некоторые, столкнувшись с численным преимуществом неприятеля, искали укрытия в домах, но и туда заходила неутомимая вездесущая нежить. Более того, она все чаще уже была там, притаившись в темноте. В этой ненавистной темноте, преисполненной невесть как просочившимся с улицы туманом. Трупы живых и мертвых устилали здания, заливая дымящейся кровью простой дощатый пол. Все еще стоявшие на ногах противники, с грохотом раскидывая мебель, продолжали превращать Ардею в одно большое кладбище.

Командование не избежало общей участи. Старшим офице-

рам так и не удалось собрать полк. В заполонившем деревню тумане было совершенно невозможно что-либо разглядеть, дабы оценить диспозицию. Отчаянные призывы горниста и выкрикиваемые приказы делали только хуже. На них из молочной пелены выныривало все больше мертвецов, и яростная схватка закипела прямо возле штаба. Теперь командование не могло отрицать их существование, столкнувшись с ними лично, но осознание этого немыслимого факта пришло слишком поздно. Мертвецам, казалось, было все равно кого рубить. Их было невероятно много, и они с одинаковым неистовством нападали как на живых людей, так и друг на друга. Нежить обуяло настоящее безумие, заставлявшее ее кидаться на все что движется. Охрану возле штаба смяли за минуту. Офицеры и дежурившие при штабе воины отступили в здание, куда немедленно ворвался чудовищный враг. Отбиваясь плечом к плечу, офицеры попытались отбросить озверевшую нечисть и забаррикадироваться, но дом старосты, увы, не был приспособлен к осаде. Офицеры, тем не менее, сумели на какое-то время оттеснить нападавших и заложить дверь на засов, получив некоторую передышку, дающую возможность выработать план действий. На деле они очутились в западне. Невесть как враг оказался внутри, и из глубины дома ринулся на уцелевших людей. Штаб превратился в смертельную арену, где не было ни победителей, ни проигравших. Изрубленные тела падали как снопы, и продолжалось это до тех пор, пока последний израненный человек не рухнул на залитый кровью пол.

Схожая картина наблюдалась и перед штабом. Прибежавшие на зов солдаты с ходу врубались в толпу мертвецов и разили их до тех пор, пока и сами не валились бездыханными на усеянную трупами землю. Пространство перед двухэтажным зданием погрузилось в смертоубийственный кошмар, наполненный лязгом железа, воплями ярости, хрипами и стонами умирающих.

Но вот уже сражение начинало затихать само собой. Людей становилось все меньше, мертвецов — тоже. Когда последние двое противников скрестили перед штабом клинки, в большей части Ардеи бои уже прекратились. Павшие воины устилали улицы, лежали в кустах и дверных проемах, свисали из разбитых окон. Оставшиеся разрозненные солдаты еще оказывали сопротивление жуткому врагу, который также иссякал, неся огромные потери. Увы, это произошло слишком поздно. От полка не осталось и десятой части, которая все еще вела ожесточенную схватку с остатками нежити, озаряемой вспышками пламени. На улице стало намного светлее. Туман слегка рассеялся, позволяя видеть несколько дальше, чем прежде, и молочное море все увереннее подкрашива-

лось в красные тона разгоравшихся пожаров. Огонь от факелов, выроненных убитыми, поджигал сухую древесину, жадно лизал скатерти и занавески, взбирался на изгороди. Один за другим дома охватывало никем не остановленное буйное пламя, стихийно распространявшееся на все до чего только могло дотянуться. Потянуло горелым человеческим мясом. Над всей окутанной туманом Ардеей вставало зловещее зарево, видимое за множество миль окрест.

Разрозненные одиночки, уцелевшие из перебитых и рассеянных групп солдат, не убегали прочь и не стремились покинуть деревню. Обуянные кипевшей в них жаждой мести, они бродили среди бушевавшего огня, выискивая ненавистных мертвецов, сгубивших их товарищей. И находили. Последние стычки отличались каким-то звериным бешенством, когда затупившиеся клинки начинали сменяться кулаками и зубами. Горстка выживших воинов вымещала гнев на проклятой нежити. Покрытые своей и чужой кровью с ног до головы, они неистовствовали среди пылающей деревни как демоны ада, уничтожали остатки чудовищных врагов и сами падали бездыханными.

К рассвету туман окончательно исчез. Густые клочья расползлись по окрестностям, всасываясь в землю, а остатки молочно-белых клубов развеяли легкий ветерок и лучи занимавшегося солнца. В его золотистом свете поблекли догоравшие пожарища, пожравшие львиную долю построек. Вместо ладных добротных домов в небо торчали груды обугленных балок да печные трубы, искривленные как хребет обожженного скелета. Ардея вновь обезлюдела. Прежде просто лишенная жителей, теперь она превратилась в царство мертвых.

Дюжины полторы бесчувственных да тяжелораненых людей — вот и все, что осталось от целого полка. Но и их судьба сложилась не менее печально, чем у товарищей. Окутанные дурманом, потерявшие ориентацию в пространстве воины даже при проблесках сознания уже не могли оказать должного сопротивления. Пожилая женщина — та самая, что повстречалась солдатам накануне, — неторопливо ходила по деревне, бормоча себе под нос неразборчивые слова. За ней, прыгая по бездыханным телам, совершенно самостоятельно катилась вчерашняя тачка, куда ее владелица порой бросала какой-нибудь заинтересовавший ее труп. Находя еще дышавших людей, женщина нагибалась и по живому вырезала теплые дымящиеся органы, складывая их в большую кожаную сумку. Встречавшиеся ей фигуры в серых балахонах не обращали на зловещую селянку никакого внимания. Методично осматривая деревню, они искали выживших и добивали всех, кого

удавалось найти. А нашли они всех до единого.

Когда женщина и личности в сером покинули Ардею, в ней остались только беспорядочно лежавшие мертвецы. Ровно целый полк, до последнего человека, за исключением тех, кого увезла самостоятельно передвигавшаяся тачка. Больше среди тел не было никого. Нежить, с которой столь яростно сражались солдаты, бесследно исчезла. Ее попросту не существовало. Одурманенный злым колдовством полк северян перебил сам себя.

При всем несомненном триумфе Манипуляторов, ад-Сейдину не стоило знать, как в Ардее все вышло на самом деле. Отравленная ведьмой колодезная вода заложила необходимую основу для дальнейшего воздействия. Созданная из плоти умерших эссенция, смешанная с не более приятными ингредиентами, была вылита во все колодцы и сделала их содержимое чрезвычайно опасным для людей. Не для всех, а только для тех, кто подвергался последующему эффекту. Пары колдовского тумана вызывали у жертвы жуткие галлюцинации, страх и ярость, доводя ее до полного исступления. Надышавшись ядовитым воздухом, люди оказывались во власти циркулировавшей в крови отравы, и любой человекоподобный объект вне поля зрения превращался для них в ожившего мертвеца. Этим объяснялось, что находившиеся в группе солдаты поначалу не нападали на товарищей, но в любом появившемся извне видели отвратительную нежить. Вместо нежити тоже были их однополчане, но друг для друга они являлись чудовищами с донельзя искаженной речью. Реакция, вызванная тем же одурманившим сознание колдовством, с обеих сторон была одинаковая — сперва секунды оцепенения, затем непреодолимое желание уничтожить врага, подстегиваемое паническим ужасом. Обычно паника предполагает беспорядочность действий и отчаянное бегство. В данном случае погружавшиеся в пучину безумия солдаты превращались в берсеркеров, сражающихся неистово и до конца. В пылу схватки и сплошной неразберихе группы распадались, и солдаты утрачивали последних союзников, все еще остававшихся для них людьми. Рубившиеся бок о бок воины переставали узнавать знакомые лица спустя всего несколько минут разлуки. Любой нашедший укрытие в доме раньше товарищей бросался на них, принимая за нежить, и это было взаимно. Любой отдалившийся от своих все еще имевших человеческий облик сослуживцев становился для них врагом, равно как и они для него. Густой ядовитый туман, продолжавший качать через легкие коварную заразу, создавал отличные условия для быстрой потери видимости. Воцарившийся хаос довершал дело, и к заключительной стадии схватки практически все воины уже бились каждый сам за себя, не отдавая отче-

та в происходящем. Они были окружены одними лишь страшными врагами и дорого продавали свою жизнь, стремясь отправить обратно на тот свет как можно больше нечисти. То, что эта нечисть дралась как с живыми, так и между собой никого уже давно не смущало. Она кидалась на все что движется, и помутившийся от злого колдовства разум воинов, накачиваемый страхом и яростью, был неспособен спокойно и хладнокровно разобраться в происходящем. Пожары стали естественным следствием бесхозно брошенного огня, а немногочисленных уцелевших, израненных и окровавленных, добили ведьма и Манипуляторы.

Да, ведьма постаралась на славу, за что и получила обещанную награду. Манипуляторы также безупречно выполнили все от них зависящее. Ни одно обычное колдовство не было способно проделать такое на столь значительной территории с настолько мощным эффектом. Искусно отравив людей через питьевую воду, ведьма обеспечила воплощение нужной формы галлюцинаций. Рассудок же воинам помрачил призванный Манипуляторами туман. Это был необычный туман. Его породили демоны безумия. Пары этого тумана заполонили не только улицы. Они проникали повсюду, просачиваясь в дома и обволакивая как бодрствующих, так и спящих. Надышавшиеся им жертвы чувствовали тяжесть, тревогу и дискомфорт. Наружу выныривали потаенные страхи, и эти страхи находили выход в том виде, какой им придавала эссенция ведьмы. Боязнь громких звуков и сильная усталость являлись последними симптомами подготовительной стадии. За ней стремительно наступала активная фаза. Действие демонического тумана вкупе с колдовским варевом отравительницы направляло поведение тяжко одурманенных жертв по нужному пути. Объятые ужасом, они остервенело рубили друг друга до последнего вздоха, прекращая сражаться лишь падая замертво, либо без сознания. У солдат, подвергшихся столь изощренной атаке, шансов избежать уготованной им участи попросту не было.

Всяческих упоминаний о демонах и эссенции на основе умерших Дегонис, разумеется, избегал. В его упрощенной версии выходило, что ведьма-помощница отравила питьевую воду одним из своих хитрых зелий, а Манипуляторы нагнали в Ардею тучи и туман, создав надлежащую атмосферу. Солдаты северян, лишенные света и ориентации в пространстве, ненадолго впали в буйное помешательство и перебили сами себя, не отделяя кошмар от яви. О необъяснимом происшествии в Ардее, разумеется, стало известно как в королевстве, так и ад-Сейдину благодаря донесениям шпионов. Ему не пришлось долго гадать, чтобы сообразить, чьих рук это дело, но стало интересно, каким образом люди его верного

колдуна проворачивают означенные вещи.

Закончив излагать допустимые подробности, Дегонис умолк, ожидая пока повелитель выскажется.

— Ведьмы, — усмехнулся ад-Сейдин спустя несколько минут. — Я же говорил: моим подданным лучше про такое не знать. Надеюсь, твои люди держат их в узде, потому что я не потерплю ничего подобного в своих землях.

— Это само собой разумеется, — кивнул колдун. — На сей счет им сделано очень серьезное внушение.

— Хорошо, — подытожил хан. — Только имей в виду: ты взялся за работу с ведьмами, ты за нее и отвечаешь. В случае чего я не стану их покрывать. Моя причастность к их привлечению исключается в любой форме.

— Разумеется, повелитель, — еще раз кивнул Дегонис.

— Что ж, я услышал все что хотел, — изрек ад-Сейдин. — Давай теперь обсудим некоторые детали решающей атаки на Ганхельд. Липкий огонь, безусловно, наше самое безотказное оружие, но его эффективность зависит от условий применения. Королевские войска заперлись в двух городах, однако эти города имеют непривычную нам структуру обороны. Вместо целенаправленных залпов по ключевым точкам наши боевые машины будут иметь дело с широкой полосой различных укреплений. Они потратят все запасы Липкого огня, прежде чем доберутся до городской стены. Перед нами возникает две до сих пор не встречавшиеся проблемы. Первую я уже назвал. Вторая — моя армия, при всей своей численности, неспособна взять оба города в плотное кольцо. Слишком велико пространство, изобилующее сильно пересеченной местностью. Набитой, вдобавок, большими и малыми укреплениями. Даже если мы сожжем их часть дотла, пробиваясь к центру, оставшиеся критически увеличивают радиус необходимого окружения до его полной невозможности. А частичное окружение теряет всякий смысл, если останется хоть один незакрытый коридор. Безусловно, мои воины возьмут города и в таких условиях — в этом я даже не сомневаюсь. Только на осаду и штурм уйдет гораздо больше времени, чем у нас есть, не говоря о значительных потерях. В означенном контексте я желаю услышать: как именно ты и твои люди намереваетесь помочь моим солдатам захватить оба оплота северян до того, как наступит зима. Тебе не хуже меня известно где мы должны быть, когда ударят первые морозы.

Дегонис ожидал этого вопроса. Собственно, все остальные разговоры были лишь прелюдией перед самым главным. Именно он грозил затянуться надолго, отчего верховный колдун и поручил ученику самостоятельно заняться текущими делами. Ад-Сейдину

требовалась твердая уверенность, что его атака не захлебнется самым неподходящим образом. Манипуляторы, разумеется, за целую армию воевать не могли, но вот сделать кое-что, чтобы обеспечить этой армии успешное продвижение им было вполне по силам. Вылазки на периферии преследовали двоякую цель. С одной стороны они ввергали земли северян в состояние страха и хаоса. С другой — колдуны таким образом ставили эксперимент за экспериментом, оттачивая свои практические навыки в полевых условиях. Возможности Манипуляторов неуклонно росли, а их умения совершенствовались. Со времен первой операции в Кирионе им стало по плечу очень многое, и пришло время применить это многое в масштабном сражении. Предложив хану подойти к лежавшей на столе карте, Дегонис немного поколдовал и превратил ее в некоторое подобие той, что имелась в его собственном шатре. Затем, собравшись с мыслями, ибо и здесь требовалась известная осторожность, неторопливо начал излагать свой замысел.

Верховный колдун вернулся к себе во втором часу ночи. Там он застал Баратиса, пребывавшего в довольно скверном расположении духа.

— Что случилось? — встревожился Дегонис. — Какие-то проблемы с пополнением из Аш-Гарона?

— Нет, с ним все в порядке, — мотнул головой ученик. — Три дюжины Манипуляторов явились точно в срок. Я распределил новичков по опытным группам, а часть направил к Ливьянским болотам — все как и было условлено.

— Что же тогда? — пытливо осведомился Дегонис. — Да говори уже! Я же вижу что ты чем-то озабочен.

— Кажется, мы потеряли одну группу Манипуляторов, — помявшись, как-то нехотя отозвался Баратис.

— Что значит — кажется? — опешил верховный колдун. — Говори толком что произошло!

— Они мертвы, — хмуро сказал ученик. — Один исчез бесследно.

— Подробности, Баратис, подробности, черт тебя дери! — сердито воскликнул Дегонис. — При всем своем могуществе я не умею читать мысли!

Баратис коротко рассказал все, что ему было известно. На проезжем тракте, к западу от Ганхельда, уже некоторое время успешно действовал отряд Манипуляторов. Им вменялось внимательно следить за всеми перемещениями по большой дороге, а заодно нагнетать атмосферу уныния и обреченности. Не вступая напрямую в опасные авантюры, они создавали мелкие очаги напряженности и воздействовали на умы людей, используя для этого все создавшиеся условия. Наблюдая за трактом, колдуны вычленяли из общего

человеческого потока отдельных путников, представлявших известный интерес. В их руки попало немало перехваченных донесений, и некоторые должностные лица уже никогда не доберутся до пункта назначения. Ведя разведочно-диверсионную деятельность, Манипуляторы также старались отслеживать возможную активность чародеек. Обо всех потенциально значимых событиях они немедленно посылали известия в главный лагерь, присоединяя к ним добытые документы. Их присутствие оставалось совершенно незамеченным. Колдуны отлично маскировались, ловко отводя от себя любые подозрения на подходящие обстоятельства. Тем страннее выглядел их неожиданный провал. Вернувшись из дальней вылазки, двое Манипуляторов не встретили группу в условленном месте. Результат непродолжительных поисков потряс их сильнейшим образом. Все были мертвы, один пропал без вести.

— Скольких мы потеряли? — уточнил Дегонис.

— Восьмерых, — тихо ответил ученик. — Плюс девятого так и не нашли.

— Восьмерых?! — нехорошо изумился верховный колдун. — Гексенхаммер? — добавил он уже куда более спокойным голосом, в котором, однако, читалось заметное напряжение.

— Не похоже, — покачал головой Баратис. — Судя по полученному донесению, ни на одном из Манипуляторов не обнаружено признаков насильственной смерти. Ни малейшего следа чар или ранений. Они… просто умерли.

— Яд? — коротко спросил Дегонис.

— Ни один яд не способен одновременно убить сразу восьмерых там, где они стояли, — заметил Баратис. — Такое впечатление, что они вдруг просто упали замертво.

— Ты хоть понимаешь насколько бредово это звучит? — пытливо осведомился верховный колдун.

— Здесь так написано, — пожал плечами ученик, протягивая ему донесение.

Схватив листок, Дегонис быстро пробежал его глазами и убедился, что помощник ничуть не приукрасил. Прочитанное казалось совершенно невероятным, но два выживших Манипулятора в привитой самим Дегонисом манере сообщали лишь сухие факты, не добавляя чего-либо от себя. Ввиду экстремальности ситуации они полностью свернули свою деятельность и ожидали дальнейших инструкций. С последними у верховного колдуна оказалось туговато. Он и представить себе не мог кто в состоянии проделать такое с большой, опытной, хорошо организованной группой не оставив каких-либо следов.

— Пошли кронуса, — наконец изрек Дегонис ожидавшему его ре-

шения ученику. — Пусть немедленно возвращаются. И прихватят с собой минимум двоих умерших — я сам их осмотрю.
Кивнув, Баратис немедленно отправился исполнять поручение учителя.

– 2 –

Объездной путь далеко в стороне от Ганхельда был бы очень долгим. Взяв не слишком сильно к западу, Сирелина стремилась как можно быстрее достичь Орнхольма и оттуда наконец-то отправиться прямиком в обитель. Области вблизи от подвергшегося нападению королевства были неспокойны и небезопасны, но чародейка пошла на некоторый риск, полагая, что в северных землях он сравнительно невелик. Эта поспешность едва всех не погубила. Оглядываясь на маленький отряд, передвигавшийся теперь намного быстрее, Сирелина корила себя за неосторожность, но утешалась мыслью, что в конечном счете все обернулось даже к лучшему. Ну, если не считать сильного душевного потрясения, вызванного неожиданным происшествием. На спутниках оно отразилось по-разному. Лицо Илианы до сих пор было невеселым, но она терпеливо держалась, выполняя взятые на себя обязательства. Эти обязательства заключались в ехавшем подле чародейки человеке. Ничем не примечательный тип восседал на самой обычной лошади, держа поводья вялыми руками. Серый плащ с накинутым на голову капюшоном скрывал приземистую фигуру мужчины лет сорока в темно-зеленой робе. Его безразличное ко всему лицо смотрело строго вперед, а в глазах витало какое-то отсутствующее выражение. Он ни с кем не разговаривал и вообще не проявлял каких-либо эмоций. Он выполнял только самые несложные действия, как то забраться в седло и спешиться, ходить, лежать и осуществлять простейшие человеческие потребности. На большее он был не способен. Не потому, что новым компаньоном маленького отряда стал умственно-отсталый. Просто ничего другого ему не дозволялось. Кто-то не знакомый с ситуацией, возможно, посочувствовал бы этому мужчине, напрочь лишенному собственной воли. Тем не менее, это все же было гораздо лучше, нежели лежать бездыханным на земле, как остались лежать восемь его коллег по ремеслу.

Само по себе происшествие формально спровоцировал Алдар. Его чисто юношеское желание выпендриться порой проявлялось весьма некстати. В кои-то веки очутившись среди тех, кто не шарахался от колдовства, молодой заклинатель использовал его к месту и не к месту. Заметно возросшие силы побуждали юношу

проверять их на практике, и сердившаяся Сирелина грозила связать его по рукам и ногам самым недвусмысленным образом. Особенно после того, как при выходе с постоялого двора он решил зажечь все фонари разом, а вместо этого едва не спалил саму гостиницу. Вмешательство куда более спокойного Ювиона, погасившего взвившееся пламя волной холода, спасло положение, но стоило чародейке потрепанных нервов и пары золотых монет, отданных хозяину заведения за причиненный ущерб. К счастью, в северных краях относились к колдовству довольно лояльно, поэтому хозяин, поворчав, принял компенсацию и простил набедокуривших гостей. На ночь тогда традиционно остановились в стороне от дороги, поскольку Сирелина предпочитала не задерживаться в домах, способных превратиться в ловушку. Таверны и постоялые дворы служили источником припасов и непродолжительного отдыха, но лагерь всегда разбивали под открытым небом.

— Что на тебя нашло?! — отчитывала Алдара чародейка. — Какого лешего ты привлекаешь к нам так много внимания, когда надо быть тише воды ниже травы? Будет у тебя еще возможность поколдовать, успокойся, а пока потрудись вести себя как обычный человек. Последний раз говорю!

— Да он просто втрескался в Илиану, вот и ведет себя как дурак, — с детской непосредственностью заявила Галана. — Они оба, — добавила она, имея в виду обоих заклинателей стихий.

Алдар покраснел до ушей, но чародейке живо стало понятно поведение молодого оболтуса. Усмехнувшись, она взяла с него обещание держать себя в руках. В противном случае ей придется доставить юношу в обитель спеленатого как младенца.

Инцидент был практически исчерпан, когда встревоженная Илиана сообщила, что к поляне приближаются девять человек. Они подходят одновременно со всех сторон и намерения у них вряд ли добрые. Смущенная некоторыми деталями разговора, девушка откровенно прозевала появление незнакомцев и обнаружила их на поздней стадии, когда те уже находились совсем близко. Вскочившая чародейка взялась за посох, а Бэйл выхватил меч, велев остальным встать между ними. Не подчинилась только Илиана, продолжая сидеть у костра и недвижно смотреть в одну точку. Сирелина, догадавшись, что воспитанница делает это не просто так, шикнула на гладиатора, взывавшего к никак не реагировавшей девушке. Дальнейшие события развивались быстро и драматично. Илиана, как оказалось, непрерывно контролировала ситуацию, но до поры ничего не предпринимала, желая узнать намерения незнакомцев. Те, уверенные в своем очевидном превосходстве, не замедлили их сообщить. Они заявили, что берут всю компа-

нию в плен и потребовали сложить оружие. В случае неподчинения угрожали немедленным применением силы, причем силы колдовской, способной сотворить ужасные вещи. Окружив небольшую поляну кольцом, Манипуляторы, демонстративно поигрывая темными чарами, ожидали ответа сгрудившихся у огня людей. Да, это были именно Манипуляторы, как уже догадалась Сирелина и как успела прочувствовать Илиана. В ответ на вопрос что им, собственно, понадобилось от самых обычных путников, колдуны снизошли до разъяснений. Им нужны два заклинателя стихий. Остальные, если все пройдет гладко, будут отпущены восвояси. Заклинатели же пойдут с ними. В случае сопротивления колдуны без колебаний убьют на месте всех, кроме них. Самих же заклинателей они захватят в любом случае, даже ценой их мучительных страданий. Ошибка исключалась. Манипуляторы видели способности молодых людей у постоялого двора и предлагают не тянуть понапрасну время, играя в отрицание. Зачем они им — это уже дело колдунов, и пусть лучше остальные пленники позаботятся о своих собственных жизнях. Самое, между прочим, время.

Это было абсолютно верно. Критический момент настал. Кто знает как повернулось бы дело, не будь на поляне Илианы. Чародейка была очень сильна и могла использовать многие умения Гексенхаммера. Манипуляторов, однако, было девять, и каждый из них тоже имел весьма развитый колдовской уровень. Кроме того, в них таилось что-то еще. Что-то хорошо скрытое от посторонних глаз, но не от уникального дара девушки. Теперь, в отличие от развалин в пустыне, она имела возможность хорошенько "прослушать" Манипуляторов вблизи, и уловила присутствие чужеродной силы. До сих пор, словно безучастная ко всему, Илиана поднялась на ноги как раз тогда, когда Сирелина намеревалась предстать во всей боевой красе.

— Что мне с ними делать? — ровным голосом спросила девушка.

Чародейка, никак не ожидавшая такого вопроса, глянула на воспитанницу и вздрогнула. В глазах той вновь появилась алая дымка. Не слишком густая, она все же была заметна вполне отчетливо. Сирелина готовилась вступить в жестокую схватку, но ее мысли пошли совсем по другому руслу, когда она сообразила в чем тут может быть дело. Манипуляторы уже не представляли угрозы. Они неподвижно застыли на месте, будто их всех разом хватил паралич. На их лицах не дрогнул ни один нерв; конечности замерли так, будто колдуны превратились в восковые фигуры самих себя.

— Больше нельзя было ждать, — все таким же тоном пояснила Илиана. — Они собиралась атаковать. Я не могла им этого позволить. Так что мне с ними делать?

До чародейки окончательно дошло, что ее воспитанница без видимых усилий осуществляет полный контроль над теми, кто самих себя величал Манипуляторами. Они превратились в марионеток, неспособных самостоятельно пошевелиться без веления кукловода. От осознания этого факта Сирелина даже растерялась. Ее самые смелые представления о возможностях девушки оказались крайне далеки от истины, и теперь она пыталась сориентироваться в сложившейся ситуации. Илиане пришлось в третий раз повторить вопрос, прежде чем чародейка обрела дар речи.

— Нам нужен пленник для допроса, — сказала она, оглядывая стоявших столбами врагов. — Это возможно?

— Вполне, — отозвалась девушка. — Тот, кто говорил с нами повелительным тоном у них вроде бы главный. А что с остальными?

Сирелина замялась. Как-то она плохо представляла себе дальнейшее развитие событий, пошедших по столь неожиданному пути. В бою она перебила бы Манипуляторов даже не задумываясь. Перед ней был враг — и точка. Враг, желавший ей и ее близким смерти. Враг, несущий миру откровенное зло и способный причинить еще немало всяческих бед. Отпускать его было ни в коем случае нельзя, а тащить с собой всю ораву просто не представлялось возможным.

— Скажи, вступи ты с ними в схватку прямо сейчас, ты убила бы их? — с каким-то пугающим спокойствием спросила Илиана, угадав ход мыслей чародейки.

— Без колебаний, — ответила та.

В следующую секунду восемь из девяти Манипуляторов пошатнулись и осели на землю там же, где и стояли, не издав не единого звука. Казалось, словно чья-то рука повернула некий невидимый рубильник, и жизнь покинула потерявшие над собой контроль тела. Сердца черных колдунов остановились. Их уставившиеся в темное небо глаза подернулись дымкой. Они были мертвы. Сирелина слегка побледнела, поняв, к чему привели произнесенные ей слова. На войне как на войне, но прозвучали они немедленно приведенным в исполнение приговором.

— Что с последним? — осведомилась чародейка, стараясь сохранять невозмутимый вид. — Было бы великолепно доставить его в обитель.

— Я могу контролировать его сколь угодно долго. Но только когда не слишком далеко и бодрствую, — сообщила девушка чуть дрогнувшим голосом.

— Поняла. Сейчас я придумаю все необходимое, — кивнула Сирелина. — Только сначала давайте уберемся отсюда куда-нибудь подальше. Собирайте вещи и гасите костер, а я пока обыщу… ну,

этих.
Стараясь не слишком тревожить еще совсем теплые тела, чародейка осторожно проверила все карманы Манипуляторов. Забрав все что представляло интерес, она упаковала находки в переметную сумку, затем взяла воспитанницу за руку и вместе с ней покинула погрузившуюся в темноту поляну. Пленный колдун шел впереди, мерно шагая под охраной приглядывавшего за ним Бэйла. Илиана ни на мгновение не выпускала его из-под своего воздействия, лишая даже малейшей возможности какого бы то ни было сопротивления. Девушка едва заметно дрожала, и чародейка догадывалась, что содеянное не прошло для нее бесследно.

Сирелина еще долго успокаивала воспитанницу как могла. Остальные вскоре пришли в норму и вели себя как ни в чем не бывало, но Илиана оставалась мрачной, как туча. Чародейке пришлось хорошенько постараться, чтобы унять бушевавшие в девушке эмоции. Пожалуй, лучше всего с такой задачей справилась бы Арадора, но Сирелина за долгие годы своих скитаний тоже немало поднаторела в жизненном опыте. Полностью избавить воспитанницу от чувства вины и сопутствующих ощущений она была не в состоянии, но все-таки чародейке удалось снять с ее души значительную часть тяжелого груза. С остальным, хочешь не хочешь, надо мириться. Это была одна из сторон жизни, и теперь всем, кто оказывался вовлечен в большую войну, приходилось делать выбор. Порой очень и очень нелегкий, но, тем не менее, необходимый. Илиана заметно приободрилась, но все-таки нет-нет, да и продолжала хмуриться. Вот и сейчас ее лицо выглядело отнюдь не радостно. Чародейка, придержав лошадь, поравнялась со скакавшей девушкой.
— Не тяжело? — спросила она, кивнув в направлении пленника.
— Ничуть, — мотнула головой воспитанница. — Я уже привыкла. Но всех девятерых я бы так долго вряд ли удержала…
— Опять ты себя пилишь? — укоризненно заметила Сирелина, догадавшись к чему относилась эта реплика. — Вот как приедем в обитель, я обязательно познакомлю тебя с кем-нибудь из сестер Гексенхаммера. Лучше всего с самой Немезией. Собеседник из нее крайне неприятный, но тебе будет полезно послушать что она скажет касательно твоего столкновения с Манипуляторами. Я не удивлюсь, если с твоими-то талантами она захочет прибрать тебя в Запретный чертог и сделать самой могущественной воительницей со злым колдовством в истории ордена.
Илиана слабо улыбнулась, слушая речи продолжавшей увещевания Сирелины. Та же постепенно перевела акцент с обители на способности девушки. До сих пор чародейка воздерживалась от рас-

спросов, памятуя, что воспитаннице было и без того тошно, но теперь решила прояснить некоторые детали. Илиана не отпиралась. Возможно, она и сама хотела поделиться с кем-нибудь своими ощущениями, и Сирелина подходила для этого как нельзя лучше.

Контроль над девятью Манипуляторами дался ей необычайно легко. Илиана сожалела, что доставила спутникам несколько очень плохих минут. Они не до конца понимали возможности ее защиты и полагали, что находятся в серьезной опасности, в то время как волноваться им было совершенно не о чем. Приближение колдунов отвлекшаяся девушка прозевала, но те, к счастью, не напали издали, пока пребывали вне ее внимания. Когда же их присутствие обозначилось совсем близко, Илиана уже ловила каждое исходящее от них возмущение в неком одной лишь ей видимом пространстве. На сей раз девушка не испытывала стресс и не переживала бурю эмоций. Теперь этот катализатор был ей не нужен. Следя за поведением колдунов, она тщательно фиксировала все их намерения и была готова вмешаться в любой момент. Что и произошло, когда Манипуляторы от слов собрались перейти к действию. По условному сигналу старшего они уже готовились атаковать все одновременно, но Илиана без особых усилий тут же пресекла их злобное намерение. Все девять колдунов оказались в полной ее власти. Илиана не могла утверждать наверняка, но, кажется, она бы совладала с ситуацией, даже будь их гораздо больше. Сколько именно — она не знала. Девушка ориентировалась на внутренние ощущения, и примечала серьезную разницу между прошлым опытом и нынешним. Девять Манипуляторов при всей своей злой силе вообще не представляли для нее особых трудностей. Фигурально выражаясь, она обезвредила их одним мановением руки, хотя не пошевелила и пальцем. В отличие от чародеек, ей было не нужно воплощать свое воздействие движением или словом. Манипуляторы пребывали в сознании, но фактически стали заперты в собственных телах, не способные что-либо предпринять. Илиана до последнего старалась подслушать мысли колдунов. Нет, читать их напрямую она не могла, но улавливала общий фон, открывавший ей порой очень многое. Например, Манипуляторы поначалу обомлели, растерянно соображая что происходит. Затем попытались обратиться к некой силе, даровавшей им львиную долю возможностей, в надежде что та вызволит их из непостижимого плена. Кажется, для них явилось сильнейшим потрясением, что из этого ничего не вышло. Единственный уцелевший пленник до сих пор пытается преодолеть сковывающие его узы, но совершенно безрезультатно. Чтобы он почем зря себя не изводил, Илиана погрузила его в состояние грез наяву. Он не отдает себе

отчет в том, что происходит, и будто спит на ходу.
— А ты можешь управлять и сознанием?! — живо спросила чародейка, сделав очередное поразительное открытие.
— Так я вроде бы об этом упоминала, разве нет? — смутилась девушка. — Я это и имела в виду, когда говорила что могу принуждать выполнять мои приказы, но не хочу этого делать без веских оснований.
— Я думала, это касается только животных, — потрясенно сказала Сирелина.
— Вообще-то всех, — тихо отозвалась Илиана.
Чародейка, не выдержав, попросила подробностей. Девушка, вздохнув, заговорила вполголоса, чтобы не слышали остальные ехавшие поблизости спутники.

О полном контроле разума и его преобразовании речь не шла. Например, было невозможно заставить человека сменить убеждения, внушить ему какую-либо веру или перевоспитать одним мановением руки. Злой колдун останется злым колдуном, и ничто этого не изменит. При этом определенное временное воздействие все же доступно. Например, человека можно погрузить в сон, либо же наоборот — пробудить. Можно вызывать у него видения сродни галлюцинациям, заставить исполнить приказ или же просто ограничить умственную деятельность вплоть до вегетативного состояния. Вот прямо сейчас Илиана применяет нечто подобное к пленнику, не позволяя ему оставаться в сознании. Она способна поступить и иначе. Колдун получит приказ запрещающий атаковать окружающих его людей. Он будет не в силах его нарушить, но наверняка попытается сбежать при первой же возможности. Значит, следует велеть ему не делать и этого. Тогда Манипулятор, чего доброго, позовет кого-нибудь на помощь и вообще начнет вести себя каким-нибудь непредсказуемым образом. Чем плодить разные ограничивающие правила, проще всего держать пленника в нынешнем виде, заведомо не давая ему возможности осознать что происходит. В прошлый раз, к примеру, Илиана могла переключить внимание колдунов друг на друга, и они бы выполнили ее приказ, даже если бы перед ними оказался сам Дегонис. Девушка способна управлять чужим телом, осуществляя над ним прямой контроль, но куда легче повелеть исполнить ее волю. Объект сам примет для этого все необходимые меры. Колдуны вступили бы между собой в жестокую схватку, обрушив свои темные чары не на людей у костра, а на своих же товарищей. Даже понимай они до конца что происходит, то все рано ничего бы изменили. Распоряжение Дегониса они либо выполнят, либо по каким-то причинам изменят, а то и вовсе проигнорируют. Приказ Илианы будет для

них последней безапелляционной инстанцией. К сожалению, все это осуществимо только в прямой видимости и на определенном расстоянии. Или к счастью, потому что такие возможности девушку попросту пугают. Между прочим, дальность воздействия постоянно растет, и уже увеличилась примерно вдвое с тех пор, как они покинули Солтенстил. Растет как и все остальное, и этот процесс продолжается непрерывно.

Сирелина только охала, порой отпуская словечки на колдовском наречии. Ее искрившиеся пальцы традиционно забавляли Илиану, невольно поднимая настроение.

— Получается, ты можешь проделать такое и с сильной чародейкой? Даже со старшими сестрами Совета? — почесала переносицу Сирелина.

— С кем именно — не имеет значения, — пояснила воспитанница. — Я еще не видела твоих сестер, но, полагаю, они вряд ли отличаются от тебя каким-то кардинальным образом.

— От меня? О! Признаюсь, мне было бы интересно проверить на собственной шкуре твои способности. Из чисто научного интереса, — ухватилась за эти слова Сирелина. — У них есть какие-то последствия? Побочные эффекты?

— Нет. Когда мое воздействие прекратится, объект вернется в свое естественное состояние. Я не знаю, откуда мне это известно. Просто известно, — отозвалась Илиана. — Но то, о чем ты просишь, я делать не стану, — глухо добавила она, отводя взгляд.

— Это почему же? — удивилась чародейка.

— Я никогда не проделаю ничего подобного с близкими, — с какой-то необычной для нее жесткостью произнесла девушка. — С посторонними проще, но со своими… Есть черта, через которую можно перейти только один раз, и обратного пути уже не будет. Это знает и Талара. Она как-то сказала, что могла бы мне с Бэйлом и приказать, но с того момента мы навсегда перестанем быть друзьями. Я прекрасно помню тот эпизод. Он сблизил меня с ней еще больше.

— Да, Талара, на удивление, оказалась хорошим человеком, хотя у принцесс ее уровня такое обычно не наблюдается, — кивнула Сирелина. — Только я тебя все же не понимаю. Я же вызываюсь добровольцем. Получить полезный опыт из первых рук.

— Нет, — отрезала Илиана. — Это очень плохой опыт. Ты уже никогда не сможешь забыть, как я манипулировала тобой словно куклой. Чужому человеку будет, в общем-то, все равно, но близкий станет подсознательно ожидать повторения чего-то подобного в любой момент. Ожидать и бояться этого, даже против своей воли и голоса разума. Вплоть до сомнений, сам ли он поступил как счи-

тал нужным, или это было моих рук дело. Такие чувства уничтожат любую дружбу. Так что прошу тебя впредь ни на чем подобном не настаивать.
Сирелина вдруг осознала, что воспитанница, похоже, знает о чем говорит. В ее речах сквозил какой-то глубокий жизненный опыт, не пойми откуда взявшийся в столь молодом создании. Такие высказывания скорее присущи старшим чародейкам с сотнями лет за плечами. Вероятно, вместе со своим даром Илиана унаследовала и все что он с собой привносил. Интересно, что именно? И вообще, кстати, от кого? Прокрутив в голове слова девушки, чародейка, вздохнув, отказалась от своего желания. Илиана, возможно, права. Но даже если она ошибается, то ее отказ все равно прозвучал достаточно категорично.
— Хорошо, пусть так, — наконец сказала Сирелина, как минимум временно отступаясь от своей идеи. — А если я... Эй, осторожно! — испуганно воскликнула она, не договорив.
Вылетевший из-за поворота большой крытый экипаж едва не врезался в скакавшую группу. Возница, натягивая вожжи, пытался сдержать четверку разогнавшихся лошадей, которых до этого усиленно охаживал хлыстом. Теперь они неслись так, что грозивший опрокинуться экипаж чуть не смял подвернувшихся навстречу всадников. Часть их шарахнулась влево, а часть вправо, разметавшись по разные стороны прыгающей на камнях повозки.
— Помоги им! — крикнула чародейка.
— Уже, — отозвалась Илиана.
И в самом деле: лошади вдруг резко сбавили темп, а затем и вовсе остановились, мелко дрожа и отфыркиваясь. Кучер, облегченно ругаясь, спрыгнул с козел и подошел к взмыленным животным.
— Э, милейший! — обратилась к нему Сирелина, пуская свою кобылу в галоп и подъезжая к незадачливому вознице. — Что за спешка?! Так ведь и людей недолго передавить!
Кучер рассыпался в извинениях. Он очень торопился, а лошади чего-то испугались и понесли. Просто чудо что экипаж не разбился и никого не зашиб.
— Их действительно что-то очень сильно напугало, — тихо заметила поравнявшаяся с чародейкой девушка. — Этот человек, кстати, и сам чего-то здорово боится. А в экипаже еще трое: мужчина, женщина и маленький ребенок. И на них также отчетливо различима печать страха. Ну, кроме ребенка — вероятно, он еще слишком мал, чтобы разделять впечатления взрослых.
Вооружившись этими сведениями, Сирелина решила расспросить возницу подробнее. Благодаря подсказкам девушки ей удалось разговорить поначалу скрытничавшего мужчину, удивленного ос-

ведомленностью неизвестной госпожи. По мере начавшегося разговора к нему присоединились и его пассажиры, поэтому он вышел довольно продуктивным.

Полученные известия звучали крайне удручающе. Ехавшая в экипаже благородная семья в спешке бросила свои владения на границе с Ганхельдом, проходившей по руслу реки. На другом берегу объявились отряды Красной саламандры и их численность продолжала расти. Совсем недавно южане полностью отрезали королевство от западного тракта, лишив Ганхельд подкрепления союзников, а теперь, как выяснилось, они продвинулись еще севернее. Ночью вдруг запылало соседнее поместье и оттуда доносились совершенно жуткие крики. Не собираясь выяснять что там произошло, а заодно дожидаться когда дойдет очередь и до них, семейство обратилось в бегство вместе с немногочисленными слугами. Челядь рассеялась по окрестным селениям, а господа отправились к родственникам на западе. Выяснилось, однако, что и это было не все. Сильный страх людям внушило нечто совсем другое. Они никогда не видели Водяных, но кто же тогда были те существа, которые вылезли из реки и напали на домашний скот? Выглядели они просто ужасно, и издаваемые ими хлюпающие звуки до сих пор стояли у беглецов в ушах. А глава семейства никак не может изгнать из памяти образ своего увиденного им накануне отца, сидящего в любимом кресле у камина. Он всегда там любил сидеть. При жизни!

— Плохо дело, — сказала чародейка, когда экипаж тронулся дальше, а она вместе с воспитанницей присоединилась к ожидавшим их спутникам. — Если я правильно поняла, солдаты хана теперь гораздо севернее, чем я предполагала. Они приближаются к границе Орнхольма. В услышанной же нами истории точно не обошлось без темного колдовства, что тревожит меня еще больше. Похоже, что Манипуляторы взаимодействуют с армией, если эти события не случайное совпадение. Кстати! А почему наш друг не напал ни на кого и не сбежал?!

Последнее восклицание вырвалось у чародейки, когда она взглянула на по-прежнему безучастного ко всему пленника.

— А почему он должен был сбежать? — удивилась Илиана.

— Ну ты же говорила, что для применения твоих способностей нужна прямая видимость, — напомнила чародейка. — А ты была рядом со мной, и колдуна от нас не менее четверти часа закрывала та повозка.

Илиана пояснила. Удерживать уже установленный контакт ей было гораздо проще, и на него влияли только расстояние и собственная концентрация девушки. Где при этом находился Манипулятор

уже не имело значения.
— Вечно я узнаю от тебя что-нибудь новенькое, — вздохнула Сирелина. — Вот если бы я могла сама оценить на себе все особенности…
— Я же тебя просила об этом не упоминать! — сердито напомнила воспитанница. — Те люди в экипаже — это одно, а ты — совсем другое!
Сирелина смущенно извинилась. Затем, округлив глаза, едва ли не вцепилась в ехавшую рядом Илиану. Исходя из прозвучавшей фразы, получалось, что та сейчас как-то воздействовала на повстречавшихся путников.
— Они были слишком напуганы и ничего бы тебе не сказали, — неохотно сообщила девушка. — Я их… слегка подтолкнула. Успокоила и велела поведать тебе как было дело. Моего вмешательства они не заметили. Я поступила неправильно?
Чародейка, хорошенько переварив услышанное, немедленно воззрилась на колдуна.
— А что насчет него?! — спросила она, полностью поглощенная захватившей ее мыслью. — Ты можешь как-то поспособствовать тому, чтобы этот тип был со мной разговорчив?
— Я могу приказать ему отвечать на твои вопросы. Отвечать правду. Он не промолчит и не солжет, — совершенно невозмутимо кивнула Илиана.
— Святые небеса, так что же ты раньше не сказала?! — бросив поводья, всплеснула руками Сирелина.
— Ты выразила пожелание заполучить пленника для допроса и доставить его в обитель. Насколько я помню, больше ни о чем речи не было. Я же мысли читать не умею, — обиделась девушка.
Чародейка хотела было заявить воспитаннице, что иной раз и самой подумать не грех, но сдержалась. Той приходилось весьма непросто после происшествия на поляне, так что отсутствие подобной инициативы все-таки простительно. К тому же Сирелина до сих пор даже не пыталась вступить в контакт с Манипулятором, и у Илианы имелись все основания полагать, что наставница решила отложить его до прибытия в обитель. Как бы там ни было, сейчас это уже не имело значения. Чем упрекать девушку, стоило хорошенько подумать, как побыстрее извлечь пользу из открывавшихся возможностей. Послав Илиане ласковую улыбку и нескольких золотистых бабочек с голубыми крыльями, чародейка едва удержалась от искушения остановиться и приступить к допросу немедленно. Заходясь от жгучего нетерпения, она все-таки решила обождать до вечера, когда отряд остановится на ночлег. Последний перед тем, как он наконец-то окажется в Орнхольме.

Возможно, именно эта задержка, позволившая Сирелине как следует все обдумать, и уберегла ее от непоправимой ошибки. К тому времени как маленькая компания разбила лагерь в небольшой лощине, заросшей стройными корабельными соснами, чародейка успела припомнить кое-что из недавнего прошлого. В частности, чем закончился предыдущий допрос Манипулятора. Это стоило принять во внимание и теперь, поскольку у Сирелины имелись все основания полагать, что нечто подобное вполне может повториться. Пока Бэйл — единственный из всех спутников не имевший никакого отношения к колдовству, — деловито собирал хворост, чародейка задумчиво глядела на колдуна, овощем лежавшего у корней могучей раскидистой сосны. Своими сомнениями она поделилась с Илианой, когда та подошла узнать, почему наставница уединилась и молчит, как воды в рот набрала.

Опасения Сирелины выглядели вполне разумно. Не исключено, что появление демона спровоцировали именно откровения первого Манипулятора. Если это так, то разговорив второго, чародейка рискует наступить на те же грабли. Возможно, даже хуже, учитывая близость спутников и открытое пространство. Илиана же понятия не имела распространяются ее способности на этих могущественных созданий из другого мира, или нет. Проверять наугад как-то не хотелось. С другой стороны, сразу или потом, из колдуна все равно требуется вытрясти как можно больше сведений. Если на его устах действительно лежит некая печать, имеется ли способ ее обойти, или же любое раскрытие секретных сведений неминуемо приведет к одинаковому финалу? Обдумывая это соображение, Сирелина постепенно пришла к определенному выводу, который тут же сообщила воспитаннице. Допустим, Манипулятор и в самом деле защищен от разглашения тайны ценой собственной жизни. Но ведь между собой-то колдуны как-то обсуждают детали всех замыслов, не говоря уже про разговоры с самим Дегонисом! Если некое столь жесткое ограничение и существует, то оно не распространяется на самих Манипуляторов. Как заклятье различает с кем можно говорить без опаски, а с кем нет — кто ж его знает. Вычленить какие-то отдельные признаки доверенного собеседника — задача довольно нетривиальная. А ну как на деле все гораздо проще? Допустим, заклятие основывается на собственной реакции колдуна. Беседуя с коллегой, он знает, что не выбалтывает запретной информации, в то время как с незнакомым человеком, особенно с чародейкой, его разум отчетливо сознает открытое нарушение клятвы. Иными словами, будет ли засчитано клятвопреступление, если Манипулятор и сам о нем понятия не имеет и не чувствует за собой никакой вины? Он общался с другим колду-

ном, а кто-то элементарно подслушал разговор. Втайне от него, разумеется, иначе обмануть свой разум не получится.

Илиана, хорошенько обдумав аргументы наставницы, пришла к выводу, что эта идея имеет право на существование. Если Дегонис подстраховался от болтливости своих подчиненных именно таким образом, то его расчет выглядел вполне оправданным. Колдун, попавший в руки противника, вынужден либо молчать, либо обречет себя на последствия. Сами же последствия, хоть и имеют небольшую задержку, наверняка наступают совершенно неотвратимо. Задержка, вероятно, вызвана сложностью заклятья, определяющего факт однозначного перехода красной черты, либо же какими-то особенностями появления демона. При этом Манипуляторы могут свободно говорить друг с другом, не рискуя вызвать неминуемую кару. Они же всегда понимают с кем допустимо обсуждать секретные темы, а с кем нет. Защита, наложенная на факт самосознания, будет довольно простой и при этом чрезвычайно эффективной. Понимая, что нарушает клятву, колдун подписывает себе приговор.

Если именно таков и был замысел Дегониса, то следовало признать, что он весьма недурен. Без лишних сложностей верховный колдун создавал ситуацию, которую практически невозможно было обойти. Вот только он не учел вмешательства Илианы.

— Ты хочешь, чтобы я вызвала у пленника иллюзию разговора с Дегонисом? — спросила, подумав, девушка.

— А такое возможно?! — в который раз опешила чародейка, собиравшаяся предложить нечто куда прозаичнее.

Что — не имело значения, если воспитанница умудрится провернуть такой неслыханный номер. Впрочем, записи на пергаменте тоже пригодятся.

— Точно не скажу — я ведь никогда ничего подобного не пробовала, — медленно произнесла Илиана. — Но в целом затея имеет шансы на успех. Я хорошо помню как выглядит Дегонис. Помню его манеру речи, его то вкрадчивый, то повелительный тон. Жесты, походку… Я вижу их в своей памяти до последней детали. Теоретически, если я оставлю пленного колдуна в состоянии грез наяву, то появление в этих грезах Дегониса не вызовет ощущение подвоха. Но гарантии нет, поскольку у меня нет и надлежащего опыта.

— Надо же когда-то начинать! — Сирелина облизнула враз пересохшие от волнения губы. — Официально тебе заявляю, что всю ответственность я беру на себя. Если у тебя какие-то проблемы с совестью или последствиями своих действий, то смело вали все на меня.

— Нельзя делать кого-то ответственным за собственные поступки, даже если этот кто-то предлагает такую индульгенцию, — покачала головой Илиана. — Но я сделаю это по доброй воле. Этому колдуну наверняка немало известно, и не исключено, что это знание спасет множество жизней.

Чародейка, заметно помрачневшая после первой фразы, немедленно оживилась. Моральные устои воспитанницы, безусловно, вызывали уважение. Вместе с тем излишняя щепетильность в некоторых случаях способна принести колоссальный вред. Заручившись согласием девушки, Сирелина тут же приступила к реализации хитрого замысла.

Чародейка и Илиана отошли подальше в лес, оставив ребят под охраной Бэйла. Последний в самом крайнем случае должен был самостоятельно довезти вверенных ему подопечных до ближайшего поселения в Орнхольме. Сирелина же озаботилась мерами безопасности. На сей раз она решила подготовиться обстоятельно, чтобы возможное появление демона не застало ее врасплох. Манипулятора усадили подле заранее облюбованной высохшей сосны. Как только появятся признаки трансформации, чародейка тут же обрушит дерево ему на голову, уничтожив телесную оболочку еще до того, как ей полностью овладеет демон. Кроме того, Манипулятора окружала клетка Изгары — те самые замкнутые энергетические стены, которые Сирелина успела создать во время схватки в подземелье Абериджа. Сейчас она наколдовала ее заблаговременно. Само собой, что и сидел колдун в центре специального круга, начерченного прямо на лесной земле. В комнате подъемника такой круг отлично ослаблял связь одержимого с овладевшим им существом и здесь, в лесу, он сработает не хуже. Вот привязывать Манипулятора чародейка не стала. Илиана удерживает его лучше всяких пут. В случае чего никакие веревки колдуна не остановят, памятуя о расколотом кресле, а вот подпортить реализм подготавливаемой сцены они вполне способны.

Когда все было готово, Сирелина встала в двух ярдах перед пленником, сложив руки в рукава так, как это частенько делал Дегонис. Для пущей убедительности она натянула на лицо капюшон, и хотя в глазах окружающих это никак не прибавило ей сходства с черным колдуном, известные ассоциации в мозгу Манипулятора сработают должным образом. Илиана, зайдя пленнику за спину, несколько минут стояла неподвижно, сосредоточенно уставившись в неопределенную точку невидящими глазами. Доселе безразличный ко всему Манипулятор немного оживился. В его затуманенном взоре появилось движение мысли. Не такое, как у нормального бодрствующего человека, но все же вполне заметное. Такое вы-

ражение порой бывает у настоящих мечтателей, способных в любой момент отправиться в мир грез. Отвлекшись от реальности, они видят вокруг себя нечто недоступное постороннему взгляду, и порой могут погрузиться в свои фантазии настолько глубоко, что их приходится тормошить, возвращая обратно. В несколько похожем состоянии пребывал и колдун, но он верил в происходящее, не отличая его от действительности. Люди со сне часто верят, что сон это реальность, но их умственная деятельность существенно ограничена. Вызвать полноценный диалог с человеком вне сна попросту невозможно, а Илиане требовалось заставить пленника общаться с чародейкой. Девушка частично вывела его из вегетативного состояния, но не дала пробудиться до конца, а перемешала иллюзию с окружающим миром, подлинное восприятие с искусственно созданными ощущениями. По-настоящему осознать, как это происходит, Сирелине удалось бы только испытай она такое на себе, но сие полностью исключалось. Встрепенувшись, Илиана сделала чародейке знак.

Колдун поднял голову, узрел находившуюся перед ним фигуру, и в его глазах появилась растерянность, смешанная с волнением. Стрелина, следуя заранее продуманной стратегии, живо перешла к делу. Выглядеть как Дегонис никак не означало им быть. Манипулятора следовало спровоцировать отвечать на вопросы, но при этом избегать любых неизвестных чародейке подробностей. Илиана дала ему соответствующие установки, но наставнице необходимо хорошенько сыграть свою роль и тщательно подбирать слова, чтобы добиться желанного эффекта.

— Надеюсь, мне излишне представляться, — изрек лже-Дегонис ничуть не изменившимся голосом Сирелины, но в ушах пленника он прозвучал совершенно иным образом.

— Мастер! Но как?!. Я хотел сказать, как вы здесь оказались? — спросил ошеломленный Манипулятор.

Тот факт, что и сам он пребывал невесть где ускользал от его восприятия. Для сна такие вещи характерны. Он начинается с какого-то места, и спящего как-то совершенно не волнует, как он в это место попал и что было до последовавших событий.

— Не имеет значения. Мне донесли, что многие Манипуляторы плохо осознают стоящие перед нами задачи, а некоторых не знают и вовсе, — сурово заявила чародейка. — Я выборочно проверяю тех, кому желаю полностью доверять, но это доверие надо заслужить. Ты хорошо меня понимаешь?

— Что от меня требуется, Мастер? Приказывай! — с готовностью отозвался Манипулятор.

Он продолжал сидеть на замшелом пне, поскольку так ему велела

Илиана. На вопросы Сирелины, согласно другому приказу, он должен был отвечать как на духу, воображая вместо нее верховного колдуна. Вмешательство чужой воли Манипулятор не сознавал, и охватившая его мозг иллюзия была полной. Илиана, дирижировавшая развитием ситуации, быстро устраняла все обнаруженные недочеты, учась прямо на ходу. Улавливая от объекта контроля какие-либо нюансы, способные вызвать сомнение или нежелательную реакцию, она тут же заполняла пробелы и подстраивала восприятие пленника нужным образом.

— Я задам тебе несколько вопросов. Ты должен ответить на них четко и по существу. Считай это экзаменом на понимание, — заявил лже-Дегонис. — По его результатам я приму решение.

— Да, Мастер, — кивнул Манипулятор. — Спрашивай.

— Отлично, — изрекла иллюзия верховного колдуна. — Итак… Каковы истинные цели северной кампании?

Угадала чародейка с особенностями взятой с Манипуляторов клятвы или в прошлый раз дело было в чем-то другом, но никакого вмешательства демона не последовало. Разговор продлился очень долго, и чем больше пленник говорил, тем белее становилась Сирелина, едва не падая в обморок от свалившихся на нее откровений. Манипуляторы, в отличие от самого Дегониса, многих деталей попросту не знали, но представление о картине в целом имели хорошо. Задачи перед ними ставились самые разные, но основные положения были общеизвестны. Пленник, как руководитель разведывательно-диверсионной группы особого назначения, оказался осведомлен намного больше других.

Да, северная кампания ставила своей целью ликвидацию ордена чародеек. Для этого использовались легионы ад-Сейдина, считавшего, что только эти могущественные женщины отделяют его от создания новой Империи. Более того, они обязательно помешают ее создать, если не нанести по ним упреждающий удар. Хан верил в это совершенно искренне. Дегонис, опасаясь последствий и побочных эффектов, не применял к нему методы Манипуляторов и действовал исключительно хитростью и убеждениями. Он умудрился сплести вокруг властелина Железных земель такую паутину лжи и коварства, ловко играя на его мечтах и амбициях, что хан верил едва ли не всему, что скажет верховный колдун. Особенно в свете непременно исполняемых им обещаний и самой серьезной поддержки в воплощении замыслов. Чем ближе хан Гийюр становился к своей Империи, как и предсказывал Дегонис, тем больше у него имелось оснований прислушиваться к речам заправилы Нижних подземелий. Альтернативного развития той же Империи ад-Сейдин уже попросту не видел и, вероятно, не осоз-

навал, что ни чародейки, ни северные земли не вмешались бы в дела южан, предоставив последних самим себе.

Предварительная подготовка в Кирионе сделала возможным внезапное вторжение в северные земли. Легионы Красной саламандры беспрепятственно проходили через одно из самых недружелюбных государств не только никем не остановленные, но и снабжаемые различными ресурсами. Первые два княжества были просто обречены, сметенные войсками захватчиков. Хан не собирался покорять все северные земли целиком — не сейчас. Он направлялся прямой дорогой к обители, для чего ему следовало как можно быстрее сокрушить Ганхельд и вторгнуться в Орнхольм. Дабы воспрепятствовать объединению северян он задействовал флот на Шиале, а также эмиров Желтой пумы и Голубой щуки. Стремительность удара обеспечивала ему быстрое продвижение к намеченной цели и Орнхольм станет последней ключевой точкой в ее достижении. Не тратя время на оккупацию всего княжества, войска ад-Сейдина займут позиции возле горного хребта, за которым расстилаются дикие края долины чародеек. От перевала до заснеженного пика с их обителью армия доберется очень быстро, а колдуны позаботятся, чтобы чародейки не помешали этому переходу. Обитель считается неприступной, и даже всем легионам хана самостоятельно ее не взять, равно как и одни лишь Манипуляторы на это не способны. Вместе, однако, они вполне могут преуспеть. Солдаты возьмут гору в плотное кольцо, в то время как колдуны нападут оттуда, откуда чародейки никак не ожидают. Как только доселе непреодолимая защита обители станет разрушена, армия отвлечет на себя внимание от подлинной угрозы. В непосредственном захвате нет никакой нужды, тем более что пропасть остается серьезным препятствием. Ярость Липкого огня превратит все, что находится по другую ее сторону в пылающий ад. И для этого даже не понадобятся осадные машины. На Ливьянских болотах создаются несметные полчища Кронусов. Эти крылатые твари, порожденные темным колдовством, не способны летать при свете дня, но зато скорость их передвижения и боевые качества весьма впечатляют. Совместная деятельность демонологов Дегониса и нескольких ведьм сделала возможной призыв и удержание летучего воинства, которое нанесет решающий удар, обрушив с неба сотни сфер Липкого огня. Защитный купол чародеек им будет не помеха. Ко времени воздушной атаки он окажется частично разрушен, а оставшиеся чары преодолеют наложенные на снаряды заклинания, сотворенные при помощи Покровителей. Застигнутые врасплох чародейки, не готовые к такому развитию событий, не успеют что-либо предпринять. В считанные минуты

вся обитель превратится в объятую пламенем преисподнюю. Если в недрах горы и уцелеют какие-то залы и помещения, то укрывшихся там чародеек добьют позже — когда армия по налаженному мосту переберется на другую сторону. Тогда с чародейками будет покончено навсегда и более никто не сможет помешать ад-Сейдину построить свою Империю, а Дегонису — воспользоваться ее плодами в собственных интересах.

Перед этим, однако, следовало добраться к обители до наступления зимы, иначе армия попросту застрянет в глубоких снегах, непривыкшая воевать на сильном морозе и по пояс в сугробах. Зимняя экипировка обеспечит ей выживаемость, но отнюдь не избавит от особенностей климата и тактических сложностей. Ганхельд необходимо сокрушить в ближайшие две недели и еще до конца октября пройти через Орнхольм к заветному перевалу. Собственно, падение Ганхельда состоится после взятия двух его основных оплотов, где укрылся король вместе с львиной долей своей армии. Союзные войска северян способны остановить продвижение южан и дать им серьезный отпор вплоть до изгнания из своих земель. Вот только собраться они не успеют, не зная истинной цели Красной саламандры. Ради нее хан готов пойти на сепаратные переговоры с князьями, предлагая им щедрую плату и гарантию своего возвращения на юг взамен на обещание не вмешиваться в войну буквально пару месяцев. Кронусы существенно ускоряют процесс вторжения, поскольку колдуны теперь используют их для переписки точно так же, как чародейки своих сов и воронов. При этом Кронусы имеют колоссальное преимущество в скорости, хоть и летают лишь затемно. Плюс они не привязаны к почтовым станциям и ориентируются на действие заклинаний. Именно поэтому связь между верховным колдуном и Манипуляторами последнее время приобрела столь оперативный характер. Она же используется и в армии, ибо колдуны обеспечивают обмен сообщениями между командованием, различными подразделениями и разведкой.

Когда войска ад-Сейдина преодолеют перевал, колдуны получат весомое пополнение из Аш-Гарона. Этот уединенный монастырь, расположенный в горах вверх по течению Идлиса, давно уже стал базой для обучения Манипуляторов. Издревле в Аш-Гарон свозили наделенных колдовским даром людей, от которых общество по каким-то причинам хотело избавиться. Дегонис решил, что лучше и придумать нельзя. Коварством и интригами он захватил контроль над монастырем, после чего полностью преобразовал его, превратив в лагерь по созданию Манипуляторов. Монастырь больше не являлся узилищем — он стал кузницей адептов темного

колдовства и демонологии. Хорошо натасканные Дегонисом служители Аш-Гарона преследовали две цели: собирать туда как можно больше подходящих кандидатур, а затем обращать их, создавая верных демонологов. Для исполнения первой цели они везде искали носителей колдовского дара и забирали их, когда добровольно, когда за плату, а порой и силой. Их интересовали только люди с определенным уровнем развития этого дара, как правило, старше двадцати лет. Со второй целью было сложнее. Обращение проходили не все. Некоторые рекруты не выдерживали телесно либо психологически, умирая или впадая в помешательство. Находились и те, кто стойко сопротивлялся искушениям и целенаправленному воздействию служителей, отказываясь ступить на уготованный им путь. Таких, не сломив, убивали. Процентов шестьдесят поддавались разработанной Дегонисом программе, переходя из одного круга обучения в другой, и становились Манипуляторами. Разработал он эту программу, разумеется, не сам. Ему помог высокий Покровитель, чьего имени Дегонис никогда не называл. Каждый Манипулятор, в зависимости от уровня развития, обретал собственного Покровителя, но все они сами подчинялись тому, с кем находился в контакте верховный колдун. Покровители дарили Манипуляторам силу и могущество, новые умения и навыки. Они же обеспечивали и преданность. Единожды установленная связь уже не разрушалась и лишь крепла, а вместе с ней крепли и возможности колдунов. И чем их становилось больше, тем большее было им по плечу. Манипуляторы чтили Дегониса, считая его мудрым и всесильным. Так велели им Покровители. Так думали они сами. Ведь обещания Дегониса сбывались. Колдуны обретали невиданную власть, а Покровители не разрушали их так, как это всегда происходило с обычными демонологами. Взамен они требовали лишь одного: создания нового мирового порядка, где Манипуляторам будет отведена великая и почетная роль.

Точное число колдунов знал лишь Дегонис, но было известно, что их уже несколько сотен. Он бы подготовил и больше, только на это требовалось время, да и носители колдовского дара на деревьях не растут. Впрочем, для осуществления поставленных задач ему должно было хватить запланированного количества, а потом повзрослеет и новое поколение. Когда придет время, Покровитель Дегониса откроет ему ритуал, благодаря которому на свет начнут появляться одаренные особым образом младенцы. Он то и дело открывает ему что-то новенькое, продолжая усиливать верховного колдуна. Глустры, Кронусы и многие другие — это все дары Покровителя. Дегонис вполне способен обойтись и без последнего пополнения, но с ним будет надежнее. Объединившись, Манипуля-

торы сумеют преодолеть защиту обители чародеек, пробив в ней брешь непредвиденным теми образом. В горде холдакса Кириона сорок Манипуляторов добились успеха впервые. У подножия обители они повторят этот опыт десятикратным числом. Зависимость между силой колдовства и количеством участвующих в нем людей нелинейная. Эффект будет поистине впечатляющим.

Особая роль отводилась ведьмам. О, эти женщины хорошо знали свое дело, и их навыки были чрезвычайно полезны. Порожденные ими твари, улучшенные колдунами, насылаемые заклятья, направляемые должным образом, способствовали достижению конечной цели. С помощью ведьм Манипуляторы создавали армию Кронусов. Руками этих злых женщин они наполняли северные земли гнусными чудовищами, превращая их в небезопасное место, сея хаос и панику среди населения. Монстры, стихийные бедствия, болезни и мор — ведьмы наконец-то получили возможность проявить себя во всей красе, не опасаясь последствий. Манипуляторы пообещали всем присоединившимся защиту и покровительство в грядущем новом мире. Жаль только что слишком многие отвергли их предложение, предпочтя держаться в стороне. Возможно, боялись Гексенхаммера и считали, что у темных колдунов не получится сокрушить орден чародеек. Гексенхаммер действительно невероятно опасен, но его служительниц окажется слишком мало, чтобы помешать нападению, и они будут рассредоточены в разных областях. Уже сейчас, согласно донесениям, они занимаются последствиями темного колдовства, с избытком наводнившего северные земли, и не догадываются, что их отвлекают от собственного дома. Манипуляторам велено избегать с ними открытого противостояния любой ценой. Такая же инструкция выдана и ведьмам. В случае появления кого-то из чародеек всем колдунам и их сообщникам требуется незамедлительно покинуть скомпрометированный район, известить руководство и ожидать дальнейших указаний.

Деятельность колдунов становится все более открытой. Они получили официальные назначения при Имперской страже и армии, осуществляя важные и зачастую незаменимые функции. Конечно, до поры приходится скрывать значительную часть методов и заклинаний, но начало успешно положено и обратной дороги уже нет. Солдаты хана постепенно привыкают к присутствию Манипуляторов, а те продолжают вербовать сторонников, обращая наиболее значимых лиц. Несколько гвардейских полков фактически подчиняются Дегонису. Это же касается и трети дворцовой гвардии. Ад-Сейдин по-прежнему является верховным правителем и непререкаемым авторитетом для своих воинов, однако колдуны

и не ставят себе целью подчинить его армию или стравить одну ее часть с другой. Им понадобится поддержка в рядах военных, когда в назначенный час на сцену выступит наследный принц Камаль. Именно поэтому он столь важен, и именно поэтому Дегонис приказал Манипуляторам держать его под круглосуточной опекой. Если с принцем что-нибудь случится, весь план окажется на грани катастрофы, чего допустить ни в коем случае нельзя. Вопрос престолонаследия не должен спотыкаться об отсутствие преемника, особенно если ад-Сейдин подстраховался каким-нибудь неизвестным Дегонису образом. Верховный колдун приложил все усилия, чтобы у хана не было других наследников и более не появилось. В случае потери Камаля ситуация станет непредсказуемой. Когда же наследного принца однажды провозгласят Великим ханом, Манипуляторы обретут всю полноту власти. Империя поглотит Север, а затем и Запад. Манипуляторы установят новый мировой порядок, в котором их Покровители будут править безраздельно. И после падения ордена чародеек этот день окажется не за горами.

У этих самоуверенных женщин и северян осталось крайне мало возможностей помешать замыслу Дегониса, и они продолжают упускать их одну за другой. Чародейки до сих пор не пришли на помощь людям и своей медлительностью сами обрекают себя на поражение. Северяне же никак не могут объединиться, хотя, безусловно, все к тому идет. Сейчас они намерены совершить огромную ошибку. Армия Ганхельда заперлась в двух оплотах, рассчитывая остановить Красную саламандру системой укреплений. Король, безусловно, уже наслышан о неудержимой ярости Липкого огня, и исходит как раз из возможностей осадных орудий хана. Те неудержимо сокрушают отдельно взятую твердыню, но против многоуровневых линий обороны практически бесполезны. Испепелить один участок из множества столь же эффективно, как заделать на ухабистой дороге только одну выбоину. Оплоты королевства представляют собой сложный комплекс фортификационных сооружений, где войска защитников чувствуют себя как рыба в воде. У городов есть и основные укрепления по внешней стене, но ад-Сейдину придется хорошенько постараться, чтобы приблизиться к ней на расстояние прямого удара. Красная саламандра не сможет взять оплоты с наскока и будет вынуждена вступить в затяжные бои, где утратит значительную долю своего превосходства. Тем временем в королевство продолжит прибывать помощь, и если оно сдержит южан до наступления зимы, то сконцентрированные войска союзников нанесут контрудар, имеющий отличные шансы на победу. И это не говоря о регулярных нападениях на обозы и разрозненные части увязшей в осаде Красной саламанд-

ры. Так думал король Ганхельда, и его расчет не лишен здравого смысла. Вот только он не принимает во внимание вмешательство колдунов. Сконцентрировав свою армию в двух оплотах, он обрекает ее на поражение, и поражение настолько серьезное, что северяне уже не успеют объединить достаточно сил, чтобы помешать хану занять часть Орнхольма и добраться до перевала. Король Ганхельда наверняка даже не рассматривает единственную возможность способную серьезно осложнить планы ад-Сейдина, за которыми по факту стоял Дегонис. Что же касалось чародеек, то им следовало бы открыто поддержать северян, а не сидеть сложа руки. Но даже если они попытаются сделать это в Ганхельде, то уже попросту не успеют, а после его разгрома будет поздно. И нет среди них того, кто сумел бы предвидеть такое развитие событий и принять необходимые меры.

Возможно, пленник сообщил все что знал, но даже если и нет, то Сирелине с лихвой хватило впечатлений от полученных сведений. Когда Илиана сделала настойчивый жест, предлагая заканчивать допрос, чародейка и сама решила устроить перерыв. Кивнув воспитаннице, она осталась стоять неподвижно до тех пор, пока та не вернула Манипулятора в вегетативное состояние.

— Он очень устал, — пояснила девушка, закончив обрабатывать пленника. — Вызывать у него прилив энергии мне очень не хотелось.

— На первый раз более чем достаточно, — сказала Сирелина, у которой голова шла кругом.

Стиснув воспитанницу в объятиях, она выразила свою величайшую благодарность, а затем в свойственной ей манере тут же собралась перейти к делу. Состояние чародейки, однако, оставляло желать лучшего. После откровений Манипулятора, в правдивости которых сомневаться не приходилось, оно граничило с шоком. Действительность оказалась намного хуже собственных подозрений Сирелины, а о многом она и вовсе не догадывалась, как не догадывался и никто другой. Получить такие бесценные сведения без прямого участия Манипулятора было невозможно, а Дегонис на сей счет отлично подстраховался. Но и он допустил непредвиденный прокол в лице Илианы, благодаря которой Сирелине стала известна чудовищная правда. Вне себя от охватившего ее волнения, бледная чародейка старалась унять мелкую дрожь, нездорово блестя глазами как при лихорадке. Илиана, подойдя к ней, взяла ее руки в свои, и в следующую секунду Сирелину накрыла теплая успокаивающая волна. Она заполонила каждую клетку тела, изгоняя из него все отрицательные эффекты, расслабляя и убаюкивая струной натянутые нервы. Мерцание сиреневых глаз девушки

проникло прямо в мятущийся разум чародейки, очищая его от тревоги и всех гнездившихся там страхов. Время как будто остановилось, и Сирелина прямо-таки купалась в объявшем ее освежающем потоке чистой энергии.

Когда девушка отпустила Сирелину, та ощутила себя невероятно обновленной и полной сил. Тело казалось таким легким, будто одним прыжком могло достигнуть вершины самой высокой сосны.
— Теперь я примерно понимаю как ты исцеляла людей даже сама того не ведая. Как ты исцелила меня еще тогда, в Нирелине, — ласково улыбнулась чародейка.
Она чувствовала, что ей по плечу горы своротить, и более не мешкала ни секунды. Времени было в обрез, и упускать его означало потворствовать и без того приближавшейся катастрофе. Вернувшись под руку с Илианой к Бэйлу и ребятам, чародейка заявила о серьезном изменении в дальнейших планах. Прозвучало это известие весьма неожиданно, поэтому ей пришлось дать некоторые пояснения. Заодно Сирелина сообщила парням, что их, по всей видимости, везли в монастырь Аш-Гарон и вышли бы они оттуда либо вперед ногами, либо Манипуляторами. История Алдара и Ювиона полностью вписывалась в поведанное пленником, так что им невероятно повезло. В отличие от многих других. Люди вроде Галаны приспешников Дегониса не интересовали, зато молодые заклинатели стихий подходили им как нельзя лучше. Страшно представить сколько наделенных колдовским даром несчастных подпали под необратимое влияние так называемых Покровителей.

Насчет большинства признаний пленника чародейка особо не распространялась, ограничившись лишь тем, что непосредственно касалось ребят и гладиатора. Илиане, разумеется, она объяснит все до последней мелочи, но для экономии времени это можно сделать и в дороге, когда они с утра пораньше отправятся прямиком в столицу Ганхельда.

Новый план предполагал разделение группы на две части. Бэйл с ребятами продолжит путь к обители и будет ожидать появления чародейки в Орнхольме, оставаясь в условленном месте две недели. Затем, если она так и не появится, самостоятельно доставит вверенных ему подопечных в орден. Сирелина же с Илианой и пленником без промедления поедет на встречу с королем Ганхельда. Манипулятора, хочешь не хочешь, придется тащить с собой, поскольку гладиатору невероятно трудно обеспечить его безопасную транспортировку. Присутствие колдуна не слишком полезно для чародейки и ее воспитанницы в свете резко изменившихся обстоятельств, но особого выбора у них все равно нет. Илиана попрежнему будет держать его под контролем, а на время сна ее как

обычно подстрахует Сирелина. Колдуну уже не привыкать быть перевязанным по рукам и ногам зачарованными путами, сковывающими как конечности, так и пальцы. Неизменный кляп во рту прекрасно довершал дело, а сигнальное заклинание немедленно известит чародейку, если в состоянии пленника произойдут изменения. Уж как там сложится в Ганхельде — кто знает, только Сирелине необходимо переговорить с его королем как можно быстрее.

Бэйл было воспротивился решению своей подруги, но та была непреклонна. Она очень сожалела, что пропустит его день рождения, приходившийся на конец сентября, но обещала загладить свое вынужденное отсутствие каким-нибудь приятным сюрпризом. Одного гладиатора она, безусловно, взяла бы с собой, но с ними трое ребят, о которых следовало позаботиться и которых ни в коем случае нельзя тащить в охваченное войной королевство. Сирелина не брала бы и Илиану с вверенным ей Манипулятором, да без нее, возможно, ничего не выйдет. Она уже поняла, что с великой силой девушки у нее неизмеримо больше возможностей как добраться до столицы Ганхельда, так и преуспеть в своих намерениях. Чародейке меньше всего на свете хотелось подвергать воспитанницу опасности, но на карту было поставлено слишком многое, а Илиана и сама не собиралась бросать ее в одиночестве. В итоге, после непродолжительного совещания, план действий был утвержден и маленький отряд улегся спать. Поднявшись чуть свет, путешественники тепло попрощались друг с другом и отправились в разные стороны.

* * *

Дегониса беспокоило какое-то смутное предчувствие. К таинственной потере девятерых Манипуляторов добавились вести из Солтенстила. Точнее, их отсутствие. Благодаря Кронусам он теперь имел возможность быстрого сообщения с разными регионами, даже очень далекими, и столица Железных земель входила в их число не в последнюю очередь. Оставленный в Калихари отряд до сих пор не вернулся. От него не было ни слуху ни духу, и он словно в воду канул. Известие, прямо скажем, неприятное, поскольку Покровитель вряд ли обрадуется исчезновению Лентикулата с интересовавшей его кровью девчонки. Дегонис, озабоченно хмурясь под своим неизменным капюшоном, размышлял куда могли подеваться Манипуляторы и гвардейцы. Разбойники? Вряд ли. Колдуны под прикрытием воинов способны без труда раскидать целую ораву врагов. Песчаная буря? Возможно. Унять могу-

чий разгул стихии им все-таки не по плечу, однако обеспечить себя и спутников безопасным укрытием — задача куда проще. А вдруг сам Дегонис прозевал что-то в тех древних развалинах, лишь на поверку казавшихся совершенно безжизненными и лишенными всякого интереса? Нечто такое, с чем не сумели совладать Манипуляторы. Вероятность этого крайне мала, но она все же существовала, особенно если принять во внимание ЧТО это были за развалины. Верховный колдун поймал себя на мысли, что попросту гадает на кофейной гуще, и от его рассуждений легче не становится. Проклятье, но что же теперь прикажете делать?! Он же не может покинуть ханскую ставку! Особенно теперь, когда заветная цель все ближе и нельзя допускать промедления и ошибок. Пожалуй, стоит выждать еще недельку, а затем отдать распоряжение выслать поисковый отряд. Большее сейчас, увы, не в его силах.

Имперская стража также не радовала расторопностью. Теперь стало совершенно очевидно: она в очередной раз дала маху, умудрившись упустить добычу прямо из рук. Аберидж, окруженный дворцовой гвардией, оказался пустым. Манипуляторы перевернули его вверх дном, но так никого и не нашли, хотя рассчитывали захватить чародеек и их сообщников. В заброшенной постройке определенно жили какие-то люди, но они бесследно исчезли и все старания напасть на их след прошли втуне. Дегонис и раньше получал неутешительные отчеты о провале этой операции, но последний подводил под ней окончательную черту: подозреваемые скрылись из Солтенстила и их местонахождение неизвестно. Садовник Бэйл, вероятно, сбежал вместе с ними.

Дегонис злобно чертыхнулся. Он поставил на редчайший меч этого типа метку, снабдил Манипуляторов картами и Компасами, а они умудрились прошляпить Бэйла вместе с чародейками! Ищи его теперь. Просто какое-то издевательство! Что же касалось самих чародеек, верховный колдун был абсолютно уверен — за исчезновением Манипулятора из лодки стоит кто-то из них. Возможно, они решили захватить его в плен и допросить. Вот и славно, что у них из этого ничего не выйдет, однако столь вопиющий случай сам по себе говорит о многом. Чародейки подозревают неладное и близки к пониманию происходящего. Бесконечно долго водить их за нос не получится. К гибели сразу восьмерых колдунов и исчезновению девятого только они и могут быть причастны. Больше просто некому. Девятый, чье тело так и не удалось найти, наверняка захвачен в плен. Добиться-то чародейки от него ничего не добьются, только вот как они сие вообще провернули?! В этом случае хорошо бы как следует разобраться, пока нечто подобное

не начало повторяться. Жаль еще не прибыли два уцелевших Манипулятора с телом для исследования — Дегонис займется им самостоятельно. Будем надеяться, они не запропастятся так же, как отряд в Калихари. С тем-то что, черт побери, случилось?! Неужели тоже чародейки?! Но как? Как они пронюхали? Скверная история. Да и вообще что-то во всем этом как-то не складывается…

Размышления верховного колдуна прервало появление гвардейца. Тот сообщил, что повелитель зовет Дегониса к себе. "Интересно, что на сей раз"? — подумал колдун, шагая в направлении красно-белого шатра, охраняемого бдительными подразделениями лейб-гвардии.

Фербур и Аугост огрызнулись. Столица и ее город-спутник — два оплота Ганхельда, — дали ясно понять, что готовы встретить неприятеля во всеоружии. Авангарды Красной саламандры, прощупывавшие передовые укрепления северян, были атакованы в двух разных местах почти одновременно. После непродолжительного, но ожесточенного боя южане отступили, а защитники исчезли так же быстро, как и появились. Потери понесли обе стороны, но воины ад-Сейдина — значительно больше. Кроме того, нападение явилось для них неожиданностью и впредь недооценивать мобильность и скрытность перемещений сил противника явно не стоило. Хан, излагая Дегонису сводку последних событий, упомянул, что его войска уже успели ответить пробной атакой и даже взяли одно из укреплений, но затем вновь отошли, дожидаясь концентрации основных соединений.

— Ты был прав — у них действительно развита система тоннелей, соединяющая все звенья защитных сооружений между собой, — заявил повелитель, барабаня пальцами по карте. — Они очень хорошо продуманы и замаскированы. Если бы не твое заблаговременное предупреждение, мои воины могли и не заметить искусно спрятанный вход. Исполняя приказ, они оставили все как есть, чтобы северяне до поры не усомнились в надежности этих ходов. Надеюсь, ты сдержишь данное мне обещание, иначе армия рискует застрять там надолго.

— Ты за этим меня позвал, повелитель? Чтобы я вселил в тебя уверенность в исходе предстоящего сражения? — уточнил Дегонис.

— Я получил еще одно письмо от дочери, — неожиданно сказал хан, глядя куда-то в сторону. — Признаюсь, я был не слишком внимателен к ее первым двум посланиям. Теперь я намерен загладить свою вину. Что тебе известно об исчезновении ее любимой придворной?

Ох, Дегонис и сам хотел бы это знать. Ну, в определенном смысле. Ему было отлично известно где он оставил эту девчонку, но что

произошло потом, и куда подевалась караулившая жертву группа — колдун понятия не имел. Дорого бы он дал за то, чтобы выяснить где сейчас находился Лентикулат с ее кровью. Но как же не вовремя заговорил об этом хан!.. Совершенно невозмутимым тоном Дегонис попросил уточнить что повелитель имеет в виду.
— Твои люди присматривали за внучкой шейха. Под твоим непосредственным руководством Имперская стража занималась ее поисками, о результатах которых почему-то до сих пор ничего не известно даже визирю, — изрек ад-Сейдин, по-прежнему не глядя на колдуна. — Талара очень расстроена. Сначала я хотел хорошенько отчитать ее за самовольный отъезд из Фолькона и потому не слишком прислушивался к ее словам. Теперь я уже не сержусь, зато письма от дочери вызывают все больше вопросов, благо что поступают они теперь гораздо быстрее, нежели прежде.
Дегонис мысленно выругался. Вот вам и побочный результат налаженного почтового канала с Солтенстилом. Сновавшие туда-сюда Кронусы помимо колдунов обслуживали и потребности ад-Сейдина. Тот моментально оценил колоссальные преимущества новой связи и пользовался ей постоянно. Несомненным плюсом был приказ хана об очередном узаконивании деятельности колдунов. Ввиду стратегической важности задачи он создал особые войсковые подразделения, которым вменялось в обязанность организовать и обслуживать установленные линии сообщений. Имперская служба связи, ни больше ни меньше. Ядром этих подразделений были назначенные Дегонисом колдуны; охрану и все насущные потребности обеспечивали солдаты. В стационарных пунктах пересылки вовсю возводились настоящие крепости, структурно учитывающие пожелания Манипуляторов. Мобильные сопровождались удвоенным числом воинов. К очевидным минусам следовало приписать то, что ад-Сейдин и его высшие вельможи получали любую корреспонденцию, отправленную через Кронусов, включая жалобы принцессы. Небезосновательные, надо сказать, учитывая некоторые щекотливые особенности ситуации. Вот принес ее черт из Фолькона! Интересно, чего она такого понаписала отцу, что он как-то не слишком приветлив. Дегонис, стараясь быть предельно осторожным, попытался навести справки.

Добился он немногого. То ли хан скрытничал, то ли сама Талара соблюдала несвойственную ей осторожность. Как бы там ни было, у колдуна появились основания считать, что принцесса подозревает его в причастности к исчезновению своей фаворитки. Как будто без нее хлопот мало! Впрочем, положа руку на сердце, винить Дегонису следовало в первую очередь себя. Второпях он не слишком гладко сработал, а как следует подчистить концы не ус-

пел, решив, что со временем в этом просто отпадет всякая надобность. Явившаяся на два месяца раньше Талара нарушила этот расчет и начала досаждать в самый неподходящий момент. Понимая, что промолчать не удастся, колдун выложил повелителю целую легенду.

Внучку шейха выкрали чародейки. Через нее они общались с ан-Бакиром, а когда в этом отпала надобность, то забрали ее к себе, чтобы она не выдала их секреты. Вероятно, вместе с садовником Бэйлом — другим любимцем дочери повелителя. Все это, несомненно, удручает, причем не только тем, что сказывается на принцессе самым нелицеприятным образом. Близость означенных людей к дворцовой жизни и представителю правящей династии заставляет предположить не самые радужные вещи. Чародейки наверняка задумали что-то худое и именно это Дегонис намерен выяснить. Собственно, и выяснял, подключив к расследованию и поискам Имперскую стражу. Поскольку вопрос довольно щекотливый, он до сих пор держал все сведения в тайне, но раз повелитель выразил пожелание узнать детали, то его верный слуга, разумеется, не станет держать его в неведении. У принцессы имеются все основания быть недовольной Дегонисом, считая его замешанным в историю с ее придворной. Это действительно так, только выводы Талара сделала неправильные. Колдун старается разобраться в интригах чародеек наименее болезненным для ее высочества образом и не хотел почем зря огорчать ее без веских доказательств. Расследование до сих пор не завершено. Более того — оно постепенно продвигается и Дегонис надеется узнать где в данный момент находится Илиана.

Последнее в устах колдуна звучало особенно цинично, но он ничем не рисковал, если ад-Сейдину неизвестно, что Дегонис лично вывез девчонку из Солтенстила. А это вряд ли. Во всем остальном выбранная тактика выглядела очень надежно. Колдун может свалить на внучку шейха что угодно, представив дело в выгодном для себя свете. В крайнем случае даже приписать ей сговор с чародейками, и опровергнуть его слова никому не удастся. Чародеек хан не послушает, а девчонка мертва. Не явится же она с того света, чтобы в компании Талары обвинить Дегониса в преступлении. Во всех иных случаях позиция колдуна непробиваема.

Хан внимательно выслушал представленные объяснения и нашел их вполне удовлетворительными. Его лицо заметно просветлело. Дегонис был ему очень нужен, и конфликт с Таларой оказался бы крайне некстати, особенно если ее заявления небезосновательны. Ад-Сейдину было бы очень непросто проигнорировать справедливое возмущение дочери, тем более что вся история дей-

ствительно выглядела весьма подозрительно. Повелитель скрыл от колдуна некоторые детали, упомянутые Таларой в письмах, исподтишка наблюдая за реакцией собеседника. В свете сообщенного Дегонисом они теперь выглядели не столь неоднозначно. Во всяком случае, пока что. Пожалуй, следует успокоить Талару и пообещать ей поставить это дело на личный контроль. А чтобы дочь не слишком переживала, удовлетворить ее просьбы о приютах и определенном уровне доступа к Имперской страже. Они отлично вписываются в собственные планы ад-Сейдина насчет своей любимицы. Это очень отрадно, что она самостоятельно начинает интересоваться государственными делами.

Дегонис понятия не имел, насколько часть его лживой истории была близка к истине. Уходя от повелителя, он считал, что успешно прикрыл себя от неприятностей с девчонкой, способных сильно осложнить его отношения с ханом. В иной другой ситуации тот закрыл бы глаза даже на откровенное похищение, приняв на веру заявление колдуна "так было надо", но только не в случае с Таларой. Дегонис радовался бы куда меньше, кабы узнал, что в тот момент когда он вошел в свою палатку, живая и здоровая Илиана в компании чародейки въехала в столицу Ганхельда.

* * *

Лошади порой неслись так быстро, что у Сирелины дух захватывало. Сказывался результат прямого вмешательства девушки. В южных землях чародейка соблюдала большую осторожность, поэтому отряд продвигался гораздо медленнее, нежели она путешествовала в одиночку. В северных краях скорость передвижения серьезно выросла, что позволило всего за несколько дней оказаться у границы Орнхольма. Теперь же Илиана не церемонилась. Повинуясь ее воздействию, лошади демонстрировали чудеса езды. Они подолгу не уставали, подпитываемые энергией необычной наездницы, и эта же наездница раскрывала потенциал животных до невиданных высот. Если бы Сирелина и ее воспитанница скакали по обычному мирному тракту, а не по дороге объятого войной королевства, то они бы двигались еще быстрее. В нынешних же обстоятельствах Илиана периодически придерживала лошадей, когда впереди объявлялась застава северян либо же потенциальная опасность. Северяне запросто могли атаковать несущихся с умопомрачительной скоростью путников, заранее не зная, друзья это или враги. Лазутчиков ад-Сейдина и особенно Манипуляторов, памятуя о недавней истории, также не стоило сбрасывать со счетов. Да и обычные отщепенцы всех мастей способны доставить

неприятности. И это не говоря уже о всякой нечисти, в избытке наводнившей северные земли. Сирелина имела случай убедиться, что дела с ней взаправду обстоят не лучшим образом. Чудовища являлись продуктами темного колдовства и Илиана не могла обнаруживать их так же, как живых существ. Выскочивший из засады Леший оказался очень неприятным сюрпризом, но на сей раз он связался не с той добычей. Чародейка реагировала молниеносно, сразив тварь еще до того, как та достигла цели. Длинный прыжок Лешего прервался световой волной из белоснежного посоха, который Сирелина более и не думала скрывать. Поверженное чудовище рухнуло на землю дымящимися обломками, а чародейка невольно поразилась быстроте и мощности сотворенного заклинания. Волна не просто в мгновение ока уничтожила злобное существо — она отшвырнула его грузные останки прочь как худого котенка. Влияние Илианы сказывалось самым непосредственным образом, и силы чародейки продолжали расти, открывая перед ней новые горизонты.

Открылось Сирелине и кое-что еще. Воспитанница, при всех своих феноменальных способностях, оставалась уязвима. Ее можно было поразить стрелой или заклинанием, поймать в ловушку, подкараулить спящей. Возможности телесного восстановления девушки вне всяких сомнений были просто фантастическими, но их предел заведомо неизвестен. Никто не знал, что именно является для нее смертельным, и лучше обойтись без соответствующих опытов. Илиане требовалась защита, и чем больше людей узнает о ее талантах, тем эта защита должна быть надежнее. Слишком многие захотят воспользоваться ее даром в дурных целях, а некоторые и вовсе убить. Девушка может оградить себя от находящихся поблизости людей, однако вред наносят не только они, но и механизмы, природные явления, чары… Кроме того, ей банально нужно спать, а на этот период она становилась совершенно беззащитной. Равно как и в случае коварного нападения.

Об этом Сирелина подумала особенно остро, когда на дороге встретилась очередная застава северян. Хмурые воины неприветливо оглядывали остановившихся всадников, не убирая рук с оружия. Успеет ли Илиана среагировать на внезапную атаку? В окружении солдат удар клинком займет какую-то секунду. В прошлый раз девушка ожидала злодейства от Манипуляторов, но будет ли она всегда готова к худшему развитию событий?

В северных землях принадлежность к ордену чародеек распахивала перед Сирелиной практически все двери. Ее белоснежный посох — негласный символ Гексенхаммера — являлся надежным пропуском даже в нынешнее тяжелое время. Представив-

шись, чародейка немного поколдовала, дабы доказать, что она та за кого себя выдает. При виде силы света, для которой Сирелине, учитывая особенности противодействия, пришлось самостоятельно создать немного темной энергии, суровые воины почтительно склонили головы. Дорогу они, однако, почему-то не освободили.
— Вы что, не собираетесь нас пропустить? У меня неотложное дело к вашему королю. Речь идет о судьбе королевства и дорога каждая минута! — сказала удивленная чародейка, обводя взглядом столпившихся людей.
— Простите госпожа, но нам нужна ваша помощь, — вежливо, но настойчиво ответил один из воинов, по всей видимости командир.
— Но я очень спешу! К тому же боюсь, что я не смогу вам помочь. Мой орден не вступал в войну, и у меня нет полномочий принимать чью-либо сторону, — заявила Сирелина, сама недовольная собственными словами.
Впрочем, сейчас ей действительно было не до всяких стычек.
— Мы знаем, и очень опечалены этим обстоятельством, — невесело произнес воин. — Наш король попросил чародеек вмешаться и не теряет надежды получить положительный ответ. Но мы просим вас о другом.
— О чем же? — невольно осведомилась Сирелина.
— Двое наших товарищей очень плохи. Они пострадали при нападении стаи взбесившихся волков, — пояснил воин. — Наш лекарь обработал их раны, но с каждым часом им все хуже. Попавшая в кровь зараза убивает их. Лекарь считает, что здесь не обошлось без злого колдовства. По всем симптомам это определенно бешенство, однако болезнь развилась слишком быстро, и он не в состоянии помочь. Им теперь никто не в состоянии помочь. Кроме вас, госпожа.
— Но чародейки и целители — не одно и то же, — помрачнела Сирелина. — Я могу изгнать темное заклятье, но если это бешенство, то оно неизлечимо.
— Проведите нас к ним, — подала вдруг голос Илиана.
Воин перевел на девушку вопросительный взгляд.
— Это моя воспитанница, — пояснила Сирелина. — Мы действительно очень спешим, но если она так хочет…

Лагерь северян располагался в полумиле от заставы. Их здесь была примерно рота, разместившаяся под навесами и в наспех вырытых землянках. Воины встречали незнакомцев настороженно, но узнав кто они тут же светлели, и их лица загорались надеждой. Колдуна чародейка выдала за своего слугу, потерявшего рассудок в результате несчастного случая. С ним и девушкой она проследовала в указанную палатку, служившую лазаретом. Там на

походных кроватях лежали означенные пациенты. Лекарь сбивающимся от волнения голосом поведал высокой гостье историю болезни, сопроводив ее своими предположениями. После короткого осмотра Сирелина нашла, что диагноз, судя по всему, поставлен верно. Кто бы ни заразил волков бешенством, он усилил действие вируса. Не прошло и двух недель с момента укуса, а у больных уже наблюдалось буйное поведение и водобоязнь. Привязанные к кроватям, они то и дело бредили, плохо осознавая окружающее. Чародейка даже не сомневалась, что здесь поработали ведьмы или Манипуляторы, а то и все сразу, но сделать уже ничего не могла. Увы, было слишком поздно. Этим несчастным, искалеченным укусами взбесившихся хищников, оставалось жить совсем немного.

Илиана, выслушав соображения чародейки, подошла к ближайшему больному и присела на край кровати. Взяв его за подергивавшуюся руку, она прикрыла глаза и некоторое время оставалась совершенно неподвижной. Лекарь, переглянувшись с сопровождавшими группу воинами, спросил у Сирелины что делает девушка. Чародейка выразительно приложила палец к губам. Она единственная знала, что если кто-то еще и может спасти умирающих, то это Илиана. Но неужели она способна и на такое?!

На этот раз Сирелина получила возможность наблюдать за проявлением дара воспитанницы со стороны. Глаза девушки заволокла уже знакомая алая дымка. Становясь все насыщеннее, она вскоре прямо-таки засияла, и точно такое же сияние легким ореолом исходило от рук Илианы. Затем перекинулось на лежавшего человека, сразу переставшего дрожать. Он успокоился в считанные секунды. Слюнотечение остановилось, глазные яблоки под веками прекратили свое беспокойное движение, дыхание выровнялось. Слабое алое свечение постепенно окутывало все его израненное тело, перевязанное бинтами. Особенно заметно наливались им очаги разорванной плоти. И вдруг синюшные разводы, окаймлявшие пострадавшие места, резко пошли на убыль. Некроз пораженных тканей исчезал, будто смываемый губкой рисунок. Напряженные мышцы расслабились. Лицо больного, только что страдавшего от сопровождавшегося галлюцинациями припадка, приобрело необычайно мирное выражение.

Когда Илиана встала, окутанная алым светом, присутствующих проняла легкая дрожь. Ни на кого не глядя заполненными этим светом глазами, девушка подошла к второму пациенту и проделала с ним то же самое, что и с первым. Потом произошло нечто совсем уж невероятное. Правая рука несчастного пострадала сильнее всего. Из нее был вырван огромный кусок мяса, а кость раздроблена челюстями хищника. Даже выживи этот человек, он

навсегда остался бы инвалидом. Срезав лубок и повязку, Илиана положила ладони прямо на изуродованное место. Источаемый ей алый свет вспыхнул еще ярче, становясь очень густым в точке прикосновения. Около минуты он продолжал густеть, обретая какую-то совсем не присущую ему плотность. Лишь когда девушка отняла руки, окружающие вдруг сообразили, что видят полностью восстановленные ткани. Алый ореол угас. Глаза Илианы вновь стали обычными сиреневыми.

— Теперь эти люди вне опасности, — произнесла она ровным голосом. — Когда они проснутся, то будут полностью исцелены.

Лекарь, выйдя из оцепенения, ринулся к первому больному и срезал с него бинты. Под ними оказалось абсолютно здоровое тело. От глубоких ранений не осталось и следа, как не осталось следа и от каких-либо страшных симптомов смертельной болезни. Быстрый осмотр второго страдальца подтвердил, что и на нем не имеется никаких повреждений. Правая рука, еще несколько минут назад представлявшая собой печальное зрелище, обрела совершенно нормальный вид.

— Силы небесные… — прошептал лекарь, вытаращившись на девушку.

Стоявшие в палатке воины потеряли дар речи, пребывая в состоянии благоговейного шока. Оказавшись в центре столь откровенного внимания, девушка смутилась и поспешила удалиться за полог, прихватив с собой безразличного ко всему колдуна.

— Кто она? — насилу выдавил из себя командир роты, проводив ее смятенным взглядом.

— Илиана, моя воспитанница, — негромко отозвалась потрясенная Сирелина.

Что еще она могла добавить?

От предлагаемого эскорта чародейка отказалась. Солдаты будут тормозить троих всадников, а существенной помощи в случае чего все равно не окажут. Командир роты, тем не менее, сунул ей подписанную путевую грамоту. На всякий случай. На подъезде к столице может и пригодиться, учитывая какие нынче времена. Весть о чудесном исцелении умиравших разнеслась по лагерю очень быстро, так что Сирелина ускорила отъезд, пока Илиану не окружила целая толпа пораженных воинов. Им обоим вполне хватило почетного салюта, отданного на прощание дежурным взводом.

В ином другом случае чародейка задержалась бы, чтобы разделаться с остатками волчьей стаи и выяснить кто ее наслал, но у нее банально не было времени. Она лишь наскоро проинструктировала командира какие меры следует принять, а также подели-

лась с ним некоторыми соображениями. Если стаей кто-то управлял, он не находился слишком далеко. Чей-то злой умысел мог ограничиться и простым заражением волков, но уж слишком слаженно те действовали, и их поведение не походило на бесцельное блуждание по лесу. В следующий раз воинам следует немедленно направить в разные стороны несколько групп и держать стрелков наготове. Стороны должны быть перпендикулярны направлению отхода волков, а лучники пусть держат стрелы на тетиве. Управлявший стаей наверняка не будет отводить ее к себе, чтобы избежать преследования, и не станет направлять от себя, поскольку в таком случае рискует встретиться с убегавшими людьми. Рассредоточенные лучники имеют отличные шансы поразить злодея до того, как тот сумеет атаковать солдат заклинаниями. Помимо прочего Сирелина предупредила, что злодей может оказаться не один и даже в сопровождении вооруженной охраны, так что слишком маленькие отряды посылать нельзя. Командир, слушая отдаваемые на ходу советы, все допытывался у чародейки про ее воспитанницу, но та отвечала очень уклончиво, что создавало вокруг Илианы еще больший ореол таинственности. Пожалуй, так и рождаются сказочные легенды.

Илиана проскакала несколько часов, прежде чем решилась дать Сирелине пояснения. Она просто не могла оставить несчастных умирать, понимая, что в состоянии им помочь; бросить мучившихся в агонии людей, когда в ее силах было прекратить этот кошмар. Спасти всех и каждого нельзя, но не игнорировать хотя бы тех, кто встречается на пути — элементарная человечность.

У чародейки и в мыслях не было как-либо ее укорять. Такие свершения в принципе нельзя ставить в вину самой сутью происходящего. Она лишь беспокоилась, что девушка может привлечь к себе слишком много внимания. Случившееся в палатке произвело глубокое впечатление даже на нее, чего уж говорить про простых людей. Девушка объяснила, что для ускорения процесса исцеления была вынуждена усилить воздействие, сопровождавшееся столь заметными эффектами. Она не видела себя со стороны, но основывалась на рассказе Сирелины, в красках разрисовавшей как было дело. Пострадавшие воины действительно находились на пороге смерти. В последней стадии бешенства происходит разрушение личности, и даже исцелив тело Илиана уже не вернула бы в него прежний разум. Повреждение головного мозга может быть необратимо и восстановление его клеток в некоторых случаях ничего не даст. Нельзя разобрать искру сознания по атомам, а потом как ни в чем не бывало собрать вновь и воображать, что оно останется неизменным. Сам же вирус девушка уничтожила без следа,

как уничтожит и любой другой, случись такая необходимость. Вне всяких сомнений на его поражающие свойства оказало влияние чье-то колдовство. Илиана смутно почувствовала нечто такое, что скрывалось в каждом из Манипуляторов. Присутствие какой-то особенной силы отнюдь не человеческой природы.
— Ты имеешь в виду, инфекция имела демонический характер? — помрачнев, спросила чародейка.
— Трудно сказать. Я пока не сталкивалась с этими существами, — задумчиво ответила девушка. — Ведь Око Дегониса не в счет.
— Надеюсь, и не придется, — негромко отозвалась Сирелина, но сама отчего-то не слишком в это верила.

Последний участок пути оказался самым трудным. Война, разносившаяся по провинциям погромыхивающими отголосками, здесь становилась окружающей реальностью. Армейские корпуса ад-Сейдина находились совсем близко, вплотную подступив к первому кругу оборонительных укреплений Фербура. Они не замкнули кольцо окружения, так что многие подходы к городу оставались свободны, но при этом отнюдь не были безопасны. Вражеские отряды то и дело перемещались, совершая вылазки и налеты, и охранявший дорогу полк северян уже дважды за последние трое суток вступал в стычку с неприятелем. Выданная на заставе грамота действительно пригодилась. Под прицелом башенных дикобразов чародейка медленно подъехала к перегородившим дорогу ежам из кольев и представилась, назвав и своих спутников. Путевая бумага за подписью командира роты подтвердила ее маршрут. Кивнув, воины убрали тяжелые заграждения и освободили проход. Сирелина, пользуясь случаем, спросила как обстановка. Седой капитан, вздохнув, ответил, что радоваться особо нечему. Войска Красной саламандры концентрируются с юга от города, охватывая его укрепления полукругом. Судя по всему, они готовятся к массированной атаке и при этом их разведывательные батальоны постоянно снуют по окрестностям. Вероятно, скоро будет жарко. До ближайших позиций хана около пяти миль, так что в том направлении лучше не соваться. Королевская армия намерена стоять до конца и дать захватчикам достойный отпор, но силы все же не равны. Если от союзников не подойдут подкрепления, до зимы город может не выстоять. "До зимы! — воскликнула про себя чародейка. — Эти люди даже не знают что их ждет!"
— Мне необходимо без промедления переговорить с королем! — добавила она вслух. — Вопрос жизни и смерти. Я располагаю сведениями об осаде вашего города.
Капитан бросил на чародейку заинтригованный взгляд. Затем подозвал одного из офицеров и негромко отдал ему какое-то распо-

ряжение.
— Мои люди проводят вас до королевского терема, — сказал он, делая приглашающий жест. — Дальше уж сами.
Поблагодарив капитана, Сирелина поманила за собой Илиану и тронула поводья. Лошади неспешно миновали проезд между двумя башнями и за ними тут же сомкнулись вновь выставленные ряды ежей.

Девушка прежде не бывала в крупных северных городах, поэтому с невольным интересом оглядывалась по сторонам. Впрочем, где она вообще бывала кроме Нирелина да Солтенстила? Чародейка спешила к королю, поэтому ей было не до экскурсии и рассказов про местные достопримечательности. Кроме того, Фербур в осаде не блистал присущими ему красотами. Лавки были закрыты, немногочисленные горожане испуганно жались к стенам домов, пробегая будто разыскиваемые преступники. Кругом стояли боевые посты, по улицам сновали нарочные. Солдаты, привлеченные белоснежным посохом, провожали чародейку и ее спутников долгими внимательными взорами. Они ничего не говорили, но даже Сирелина прямо-таки чувствовала их немой вопрос: зачем она здесь?

Королевский терем находился в центре столицы. Он представлял собой целый комплекс зданий, соединявшихся многочисленными галереями и переходами. Узорные башенки в северном стиле, с крышами из округлой деревянной черепицы, соседствовали с приземистыми бревенчатыми октогональниками, блестевшими на солнце стеклом окруженных резными ставнями окошек. У парадного белокаменного крыльца, своими габаритами смахивавшего на небольшой дом, дежурил взвод королевской гвардии. Сирелина, спешившись, изложила старшему офицеру цель своего визита.
— Простите, госпожа, но король очень занят, — вежливо сказал одетый в добротную кольчугу северянин. — При всем уважении, вам придется подождать аудиенции.
— Передайте, пожалуйста, королю, что если он меня не примет прямо сейчас, аудиенция может и не понадобиться, потому что ваш город падет, — веско заявила чародейка, сурово блеснув глазами.
Лицо офицера вытянулось. Нахмурившись, он пристально посмотрел гостье прямо в глаза, гадая, правду ли она говорит.
— Я располагаю сведениями чрезвычайной важности о планах ад-Сейдина. Он нанесет совсем не тот удар, которого вы ждете. Над вашими оплотами нависла неминуемая катастрофа, — прибавила Сирелина, видя колебания офицера. — Ради вашего же спасения,

немедленно проведите меня и моих спутников к королю!
Северянин, побледнев, сообразил, что чародейка с приметным белым посохом ничуть не шутит.
— Идемте со мной, — коротко сказал он, сделав знак немедленно расступившейся страже.
— Твоя работа? — шепнула Сирелина воспитаннице.
— Нет, — отозвалась та. — Они действительно напуганы и верят твоим словам.

Просторный тронный зал был ярко освещен вливавшимися в большие окна солнечным светом. Отражаясь от хрусталя пышных люстр, он зайчиками разбегался по начищенному до блеска кедровому паркету. Король Олаф VII, сидя на большом красивом троне из красного дерева, отделанного золотом и серебром, совещался с окружавшими его приближенными. При появлении неожиданных посетителей он раздраженно осведомился чем вызвано столь бесцеремонное вторжение, когда он занят жизненно важными делами. При упоминании чародейки король приподнял бровь и разрешил подвести гостей к нему. Затем, когда те приблизились, осведомился о причине визита.
— Ваше величество, прикажите немедленно начать эвакуацию Фербура и Аугоста. Эти города обречены, и промедление грозит неминуемой гибелью их жителям и всей вашей армии! — звучно отчеканила Сирелина.

– 3 –

Сказать, что сделанное заявление привлекло к чародейке всеобщее внимание означало не сказать ничего. В тронном зале повисло мертвое молчание, во время которого дюжина пар глаз таращилась на женщину с белым посохом. Затем присутствующие заговорили все разом. Советники в длинных тяжелых платьях, богато отороченных мехом, военачальники, звеневшие до блеска начищенными доспехами засыпали Сирелину вопросами, стараясь перекричать друг друга. В поднявшемся гвалте нельзя было разобрать ни единой фразы. Размахивавшие руками горячившиеся люди чародейку не интересовали. Не говоря ни слова, она спокойно стояла на месте, не спуская глаз с короля. Олаф VII, статный светловолосый мужчина лет сорока пяти с короткой вьющейся бородкой, хранил молчание, изучая фигуру гостьи. Затем резко поднял руку и в зале тут же установилась тишина.
— Наш народ всегда уважал могущественный орден чародеек. Он никогда не забывал их мудрые советы, и дела их навеки вписаны в историю Ганхельда, — величественно изрек он. — Полагаю, вы

пришли в ответ на мою просьбу о помощи?
— Благодарю за добрые слова, ваше величество, — церемонно отозвалась Сирелина. — К сожалению, меня сюда привели иные обстоятельства, никак не связанные с вашим запросом в мой орден. Но я действительно пришла вам помочь.
— Вот как? Значит, вас никто не посылал? — удивился король.
— У меня не было времени доложить в орден о том, что вскоре должно произойти. Не было возможности заручиться его официальным направлением, — пояснила чародейка. — Узнав критически важные сведения, я немедленно поспешила к вам.
— И что это за сведения, на основании которых я должен отдать приказ покинуть Фербур и Аугост — единственную нашу надежду устоять перед захватчиками? — осведомился Олаф VII. — Я рассчитывал получить из вашей обители нечто более весомое, чем предложение покинуть мою собственную столицу.
— Даже если бы со мной прибыло желанное подкрепление, оно все равно ничего бы не изменило, — ответила Сирелина. — Оплоты падут, как только армия Красной саламандры подготовится к атаке.
— Как прикажете вас понимать? — нахмурился король. — Наша защита не настолько слаба. Мы остро нуждаемся в подмоге, но все же не настолько, чтобы наши укрепления рухнули как карточный домик. Если вы прибыли сообщить, что помощи из ордена не будет и именно поэтому мне следует эвакуировать города — вы напрасно проделали долгий путь.
— Ваши укрепления окажутся совершенно бесполезны, если их некому будет охранять, — веско сказала чародейка, начинавшая терять терпение. — Сами по себе они ничего не значат.
— Что вы имеете в виду? — удивился Олаф VII.
— Я объясню вам, если позволите. За этим я и пришла, — напомнила Сирелина.
С этим она, однако, не спешила. Когда король предложил поделиться означенными сведениями, чародейка попросила разрешения сначала сказать ему кое-что на ухо. Получив его, она приблизилась к монарху и прошептала несколько слов. На лице короля не дрогнул ни один мускул. Он лишь воззрился на сделавшую шаг назад гостью с еще большим удивлением. Затем в его глазах появилась озабоченность.
— Хорошо, будь по-вашему, — вдруг сказал он. — Стража! — крикнул Олаф VII неожиданно громким голосом. — Запереть тронный зал! Никого не впускать и не выпускать!
Присутствующие растерянно переглянулись. Сановники, удивленные таким непонятным поворотом дела, не слишком любезно воз-

зрились на чародейку.
— Идемте со мной, — негромко добавил король, делая посетительнице приглашающий жест. — Поговорим в соседней комнате.
Уходя, Сирелина, скользнув по воспитаннице беглым взглядом, едва заметно повела бровью. Та ответила таким же неприметным кивком. Что же касалось колдуна, то он стоял в сторонке, по-прежнему безучастный ко всему происходящему. Таскать его с собой было очень неудобно, но Манипулятор оставался полностью безопасен только под контролем Илианы.

Чародейка, выяснив у пленника особенности предстоящего штурма Фербура и Аугоста, и то оказалась под большим впечатлением. Олаф VII так и вовсе не верил своим ушам, утратив присущую ему степенность. Нервно расхаживая по светелке, примыкавшей к тронному залу, он слушал свалившуюся как снег на голову гостью, расписывавшую ему подробности грядущей катастрофы. Случись на месте чародейки кто-либо другой — и король не поверил бы и половине всей истории. Однако репутация ее ордена была не пустым звуком, и в северных землях она все еще кое-что значила. Правящие князья прислушивались к этим живущим уединенно женщинам-долгожительницам, и впоследствии обычно жалели, если пренебрегли их вовремя данным советом. Нынешнее положение Ганхельда было таково, что ему тем более не следовало отмахиваться от предостережений. Просто сами эти предостережения носили характер совсем уж из ряда вон.

У осажденных крупных городов имелись важные особенности. Они обладали развитой сетью оборонительных укреплений, немалая доля которых приходилась на подземные коммуникации. Эти коммуникации связывали между собой распределенные вокруг внешней стены многочисленные башни и форты. Через эти тоннели в любую опорную точку могло подойти не только небольшое подкрепление, а и крупное соединение для контратаки. Точно таким же образом гарнизон безопасно удалялся в случае угрозы захвата объекта противником. При проникновении врага под землю любой из связующих сегментов блокировался, делая дальнейшее продвижение невозможным. В самом же крайнем варианте вся система затапливалась водами из подземных озер. Таким образом, послав в обнаруженные тоннели слишком мало людей, неприятель попросту не преуспеет, остановленный защитниками и преградами. Большое же войско, рассчитывающее добраться до города под землей, окажется уничтожено искусственным наводнением. Притаившиеся волчьи ямы, скрытые рвы, залитые горючими смолами, колодцы, утыканные шипами — вот лишь малая часть сюрпризов, ожидавшая захватчиков как на поверхности,

так и глубоко под ней. Подробный план защитных сооружений, безусловно, существенно поможет неприятелю в планировании нападения, но все же и чуда не сотворит.

Второй важной особенностью были уже упомянутые подземные озера. Сохранившиеся в толще земли с древних времен, они служили неиссякаемым запасом чистой воды. Даже в глухой осаде жителям не грозила жажда. Никто точно не знал размеры и глубину этих озер. К ним вела сеть пещер и гротов, к которым в свою очередь пристроили рукотворные коммуникации. Большие механические насосы накачивали воду в огромные резервуары, из которых она распределялась по всему городу. Эти же насосы малопомалу выкачают воду и из тоннелей, если их придется спешно затопить, открыв шлюзы.

С учетом указанных обстоятельств, два оплота Ганхельда имели огромное стратегическое преимущество и все основания на него полагаться. Однако именно это преимущество черные колдуны Дегониса и собирались обратить против самого королевства. В глубине подземных озер — там, где никогда не бывает дневного света, — они породили особых чудовищ. Мало чье темное колдовство было способно на такое, и лишь при помощи своих Покровителей им удалось вдохнуть жизнь в столь кошмарные создания. Сами по себе эти твари, постепенно разраставшиеся у дна до размеров кита, долгое время могли оставаться незамеченными и даже безопасными. В данном случае беда таилась не в них самих. Чудовища не в состоянии покинуть воды подземных озер и выбраться на сушу, тем более что дневной свет причинит им необратимые повреждения. Беда была в том, что они постепенно эти воды отравляли. В обычном озере нужно продолжительное стечение сразу множества обстоятельств, чтобы такая вот погань превратила его в зловонное топкое болото. В подземных же означенным тварям, как правило, банально не хватало питания, чтобы вырасти до надлежащих размеров. Демонологи Дегониса изменили и ускорили этот процесс. Подселив в озера Фербура и Аугоста созданных Покровителями маленьких существ, они в считанные недели превратили их во взрослых особей. Пройдет еще немало времени, прежде чем воды двух оплотов станут мерзкой жижей, но тлетворное влияние чудовищ сейчас выражалось иначе. Они выделяли споры. Множество спор. Производя в воду эти споры, они заражали ей весь водоем, своими испарениями заражавший воздух. Стоило солнцу взглянуть в каплю таких испарений — и споры немедленно погибали, но в кромешной тьме среда их существования становилась попросту идеальной. Струя воды, текущая в кувшин под дневным небом, обеззараживалась самостоятельно, но кружк-

ка, зачерпнутая ночной порой, представляла угрозу. Спор, тем не менее, было бы слишком мало, чтобы навредить значительному количеству людей. Им требовалось много места и кислорода, и это при полном отсутствии солнца. Расположенные под землей обширные коммуникации стали для них практически наилучшим местом размножения и развития. Оседая на полу, потолке и стенах, они казались мелкой серой пылью, витавшей там с незапамятных времен. Сквозняки, гулявшие по тоннелям, развеивали эту пыль, разнося ее далеко за пределы области обитания. Люди вдыхали ее с влажным воздухом, она попадала к ним с водой и пищей. Из спор произрастал грибок. Чрезвычайно патогенный штамм уже не боялся дневного света и мог существовать в довольно агрессивных условиях внешней среды. Грибок отмирал достаточно быстро, но успевал произвести вокруг себя некоторые изменения. В воде это постепенно приводило к заболачиванию. В организме человека грибок вел себя иначе. В значительной концентрации и в определенных условиях он начинал воздействовать на нервную систему. Затрудненность дыхания, чувство необъяснимой тревоги, сильнейшие зрительные галлюцинации… Пораженные люди перестают отличать реальность от бреда и становятся полностью недееспособными. У кого-то это выразится в утрате большей части двигательных функций, вплоть до смерти от остановки сердечной или дыхательной деятельности. Кто-то станет вести себя как буйно помешанный и кидаться на окружающих без разбору. Иные, ударившись в панику, просто лишатся способности к осмысленному сопротивлению. Пиковый эффект продолжается от нескольких часов до двух суток, и этого времени армии ад-Сейдина будет вполне достаточно, чтобы захватить все укрепления.

На данный момент у некоторых жителей города уже должны наблюдаться симптомы отравления, но в общем числе людей эти случаи выглядят незначительными. Солдаты же наверняка не уделяют должное внимание серому налету на стенах тоннелей, накапливающему зловещий грибок. Фактически все подземные коммуникации Фербура и Аугоста превратились в ядовитую ловушку замедленного действия. Грибок, выброшенный в очень влажную атмосферу, моментально наполнит легкие всех живых существ, и его концентрация в пораженных организмах быстро достигнет критического уровня. Если эта влажная атмосфера окутает города и пригороды, все находящиеся там люди обречены. Колдуны готовятся осуществить массированный выброс из тоннелей с помощью самих тоннелей. В их системе тяга воздуха мало чем отличается от пещер, к которым она и прилегает. В одну из ближайших ночей

подземные коммуникации Фербура и Аугоста наполнит колдовской туман. Его влажные пары впитают со стен все, что на них наросло, и разнесут далеко окрест, пробираясь через самые малейшие щели. Этот туман наполнит башни и форты, проникнет в город, зальет его своими волнами и ненадолго превратит все окрестности в непроглядное молочное море. Скапливаясь под землей, он вырвется на поверхность, неся погибель всем, кто вдохнет его плотные клубы. На открытом пространстве колдуны не смогли бы обеспечить должную концентрацию да еще развеять ее столь целенаправленным образом. Они способны быстро затопить туманом поле, деревню, но не большой город с предместьями. Однако, как уже было сказано, темные заклинатели обратят стратегическое преимущество Фербура и Аугоста в уязвимость. Система тоннелей подходит для их замысла наилучшим образом и доставит отраву быстро и куда следует. Действие грибка усилится самим туманом, порожденным демонами безумия. Площадь поражения слишком велика, чтобы сам по себе туман нанес значительный ущерб, но вместе с патогенным штаммом он станет поистине смертоносным. Нечто подобное, в куда меньших масштабах, колдуны Дегониса уже устраивали в разных областях северных земель, ставя один эксперимент за другим. Теперь они готовы осуществить массированный удар.

Людей хана отрава не заденет. Они примут противоядие, а воздействие колдовского тумана нейтрализуют выданные обереги. После того как гибельные пары вырвутся из тоннелей они пойдут в атаку и возьмут укрепления практически голыми руками. Фербур и Аугост обречены. Обречены несмотря на всю храбрость северян, ибо до нападения остались считанные дни, если не часы, и в столь кратчайшие сроки никто не в силах искоренить вызревшую под ними заразу. Защититься от нее в данный момент также невозможно. Одна Сирелина не в состоянии очистить десятки километров подземных коммуникаций огнем и светом. Для этого понадобилась бы вся группа Гексенхаммера, да и то не в такой сжатый отрезок времени. Обеспечить же все население средствами индивидуальной защиты против колдовского тумана, проникающего в малейшую щель — задача еще менее реальная. Возможно, армия хана нанесет удар уже этой ночью, но есть надежда, что ей понадобится еще пара дней для концентрации соединений. Нельзя терять ни минуты. Города должны быть немедленно эвакуированы на север.

Когда чародейка умолкла, король в сильнейшем замешательстве остановился у большого окна. Открывавшийся из него вид залитой солнечным светом лужайки, на которой проходил смотр

роты королевской гвардии, никак не соответствовал расписанным ужасам.
— Откуда у вас эти сведения? — спросил, наконец, Олаф VII не слишком уверенным голосом.
— Добыты прямиком от одного из колдунов. Его рассказ — чистейшая правда, поскольку он полагал, что беседует с кем-то из сообщников, — ответила Сирелина, не слишком вдаваясь в подробности. — Тот, кого я выдаю за своего пострадавшего слугу на самом деле и есть этот колдун, взятый мной в плен. Я собиралась доставить его в обитель, однако полученная от него информация заставила меня изменить планы и направиться к вам.
— Вы притащили в мой терем злого колдуна?! — изумился король.
— Он совершенно безопасен пока находится под моим влиянием и даже не осознает что происходит, — пояснила Сирелина. — Выбора же у меня просто не было, поскольку дорога была каждая минута. Вам, ваше величество, следует немедленно отдать приказ.
— Я должен посоветоваться со своими приближенными, — заявил Олаф VII. — То, что вы от меня требуете, кажется мне слишком серьезным решением.
— Среди ваших советников есть предатели, — жестко заявила чародейка. — Когда я шепнула вам, что в тронном зале МОГУТ БЫТЬ шпионы, я знала, что они там уже есть. Просто мне было необходимо установить их личности. Полагаю, моя воспитанница уже это выяснила. Совещаясь с ними, вы выдадите врагу что вам известно о его замысле, и он будет вынужден нанести удар в ближайшую ночь.
— Доказательства! — потребовал король.
— При них найдутся зачарованные амулеты, предназначенные для всех людей хана. Эти люди слишком дорожат собой и обещанной наградой, раз решились на такую гнусную измену, и вряд ли ходят без них с учетом надвигающейся опасности, — ответила Сирелина.
— Они как-то особенно выглядят? — осведомился Олаф VII. — Мало ли кто какие безделушки носит.
— Согласитесь, ваше величество, что будет крайне странным совпадением, если их безделушки окажутся точно такой же, как изъятая мной у пленного колдуна, — усмехнулась чародейка.
Король снова замолчал, мучительно соображая, что ему следует предпринять. Сирелина его не торопила, понимая, насколько непростой ему предстоит сделать выбор.
— И все-таки ваших аргументов мне недостаточно, — хмуро сказал, наконец, Олаф VII. — Они практически ничем не подкреплены кроме ваших слов. Не поймите меня превратно: я уважаю ваш

орден и его представительниц, но ведь и вы, как минимум, можете ошибаться, а от меня сейчас требуется совершенно немыслимое!
Сказав так, он, тем не менее, пытливо посмотрел на гостью, очевидно надеясь, что та сумеет его убедить.
— Признания предателей вам будет достаточно? — осведомилась чародейка.

Когда король и Сирелина вернулись в тронный зал, столпившиеся там придворные оживленно обсуждали что, собственно, происходит. Стоявшая в сторонке Илиана помалкивала, искоса наблюдая за несколькими людьми. Девушка особо никого не интересовала. Ее не представили как чародейку, а до простых людей никому сейчас в тронном зале дела не было. Король вновь занял трон. Приблизившиеся придворные ожидали что скажет их повелитель. Тот же велел всем молчать до особого позволения. Сирелина, подойдя к воспитаннице, о чем-то с ней пошепталась. Затем вернулась к Олафу VII и встала подле его трона, чем привлекла всеобщее внимание. Склонившись к королю, она что-то негромко прошептала ему на ухо.
— Надеюсь, вы не ошиблись, — негромко сказал король.
— Верьте мне, ваше величество, — так же негромко ответила чародейка.
— Стража! — вдруг взревел обычно флегматичный Олаф VII так, что у многих похолодели сердца.
Явившиеся на зов монарха воины замерли в ожидании приказа.
— Арестовать главного архитектора! Арестовать командующего резервами! Немедленно обыскать прямо на месте! — грозно велел король. — Ищите вот это, — добавил он, бросив капитану стражи какой-то овальный предмет на кожаном ремешке.
Королевская воля — закон. На глазах опешивших придворных стража скрутила указанных лиц и быстро обшарила всю одежду. Долго, впрочем, искать не пришлось. На шее у обоих обнаружились точно такие же амулеты как тот, что вручила королю Сирелина.
— Подвести ко мне обоих! — рявкнул король. — На колени!
Не тратя лишних слов, он обвинил главного архитектора и командующего резервами в государственной измене посредством сговора с врагом. Злой умысел против защитников королевства карается смертью, не говоря уже о помощи в захвате города. Только немедленное признание может спасти их жалкие жизни.

Придворные ошеломленно переглянулись. Заставший всех врасплох приказ был воспринят весьма недружелюбно. Двух солидных и уважаемых всеми сановников повязали как уличных во-

ришек без каких-либо объяснений. Однако раздавшиеся было голоса в их защиту живо умолкли при заявлении об измене, прозвучавшем как гром среди ясного неба. Все взоры обратились к брошенным на колени перед троном людям. Советники короля ожидали, что те сейчас гордо отринут столь немыслимое обвинение, навеянное не иначе как явившейся чаровницей. Те же, дрожа от страха, совершенно неожиданно поступили в точности до наоборот. Они наперебой начали каяться.

Илиана подтолкнула изменников совсем немного. Безошибочно вычислив их по эмоциональному фону, характерно изменившемуся из-за появления чародейки, девушка сообщила о своих наблюдениях Сирелине, а та в свою очередь королю. Пленный Манипулятор знал, что среди советников Олафа VII есть два предателя, способствовавшие реализации плана, но их имена ему были неизвестны. Чародейке вряд ли удалось бы убедить короля обыскать всех присутствующих, но наблюдения Илианы помогли определить кого именно следует допрашивать. Страх разоблачения от означенных лиц ощущался ей столь сильно, что девушке даже не пришлось прибегать к каким-то иным мерам воздействия. Этот же страх теперь и развязал предателям языки, поскольку она облекла слова короля в показавшуюся им неизбежной реальность. Уверенные, что их казнят на месте, арестованные сановники принялись спасать свои головы, рассчитывая на обещанное помилование.

Получив красноречивое подтверждение неслыханной истории чародейки, разгневанный король, выхватив меч, едва самолично не убил изменников прямо подле трона. Эти двое, разумеется, не ведали всей полноты замысла колдунов Дегониса, но и того что они сообщили было более чем достаточно. Главный архитектор около года назад предоставил врагу подробные планы подземных коммуникаций. Он как никто другой был осведомлен об их структуре и имел неограниченный доступ ко всем чертежам и схемам. Командующий резервами, помимо прочего, осуществлял охрану стратегических объектов города. К ним, разумеется, относились и подземные озера со всеми пещерами и тоннелями. Командующий неоднократно способствовал проникновению туда вражеских лазутчиков. Оба предателя клялись, что изначально ничего не знали о замыслах ад-Сейдина, и лишь недавно их поставили перед свершившимся фактом. Когда над Фербуром и Аугостом нависла угроза нападения, эмиссары хана Гийюра уже отдавали им приказы прямым текстом, обещая взамен жизнь и огромное вознаграждение. Отступать предателям было уже некуда, и они согласились на все. Скоро армия южан пойдет в наступление, о котором их пре-

дупредят накануне. Едва зайдет солнце, изменникам было велено выпить выданное им особое зелье и не выходить из дому. Им и всем членам их семей, кому эмиссары гарантировали неприкосновенность.

Предатели, возможно, говорили правду. Точнее, они действительно ее говорили, поскольку так велела им Илиана. Поначалу они и в самом деле понятия не имели в какую именно форму выльется их алчность, равно как до сих пор не ведали, что именно произойдет в момент атаки Красной саламандры. Вот только это ничуть не умаляло преступности деяний, особенно в глазах короля. Показать невесть кому планы оборонительных укреплений! Допустить каких-то посторонних лиц на стратегические объекты, куда даже простым гражданам королевства вход заказан! Колдунам и не надо было забирать с собой схемы или просить их дубликаты — они прекрасно скопировали их самостоятельно. Точно так же они осуществляли свою вредоносную деятельность и у подземных озер, пусть даже уверяли, что проводят обычные исследования. Подобное преступное попустительство уже само по себе заслуживало самого сурового приговора. В открытую измену оно превратилось при согласии сотрудничать с врагом, намеревавшимся захватить Фербур и Аугост. Предатели сообщали шпионам хана обо всем, что видели и слышали, включая решения королевского совета. Таким образом, все мероприятия по обороне городов, все сведения о подкреплениях и намерениях союзников немедленно становились известны ад-Сейдину, и он без помех готовил грядущее нападение. Предатели клялись, что ничего не знали ни о злом колдовстве, ни о страшном замысле, только какое это в конечном счете имело значение? Боясь разоблачения, они позволяли все больше втягивать себя в планы врага, становясь в его руках трусливыми исполнителями.

Да, враг вряд ли посвящал изменников в детали своего замысла, ограничиваясь минимально необходимыми сведениями. Что же касалось озвученных гарантий, то его не заботила судьба подобных личностей, их жалкие жизни и благополучие. Просто хан всегда держал свое слово. Сирелине еле удалось уговорить Олафа VII сдержать свое и не казнить предателей немедленно. Пусть враг до последнего не знает, что его агенты разоблачены. Главного архитектора и командующего резервами втайне от всех уволокли в особую королевскую темницу до особого распоряжения. Настал черед решать что делать дальше. Король вкратце познакомил советников с полученными от чародейки сведениями, послужившими причиной разыгравшейся сцены. Те, понятное дело, оторопели еще больше от осознания неминуемой катастрофы, предотвратить

которую было невозможно. Сирелина ответила на все вопросы, сводя грядущие события к простой дилемме: отступление или смерть. Большинство оставшихся в Фербуре и Аугосте так или иначе погибнут, кто от отравления, кто от сопутствующих ему вспышек безумного насилия и ударов солдат Красной саламандры. По приблизительным подсчетам чародейки, смертность составит не менее восьмидесяти пяти процентов. Это полностью укладывается в замысел черных колдунов. Плата, которую они обязаны принести взамен за дарованные возможности, должна быть велика, и чем больше прольется крови и умрет людей, тем лучше. Колдуны надеются собрать обильную жатву как своими заклинаниями, так и руками воинов ад-Сейдина, становящихся невольными исполнителями злой воли.

— Но куда же нам отступать?! — воскликнул король, в бессильной ярости ударив кулаком по подлокотнику трона. — У нас осталось еще много укреплений, но все они не годятся для большой армии! Мы будем вынуждены столкнуться с неприятелем в открытом бою. На нашей стороне преимущество на местности, но южан гораздо больше. Мы не сможем одержать победу.

— Вам следует покинуть Ганхельд и направиться прямиком в Орнхольм. Пошлите вестовых предупредить князя Сильвура о том, что вы идете к крепости Данерхейм, — с расстановкой произнесла Сирелина.

Как она и предвидела, присутствующие сначала онемели от такого невиданного предложения, а потом вновь зашумели один пуще другого. Как можно оставить королевство на произвол судьбы?! Родной дом, который их деды и прадеды защищали на протяжении веков?! Сирелина, обождав пока возмущение поутихнет, дала соответствующие пояснения. Удар ад-Сейдина изначально нацелен на эту крепость. Захватив ее, он овладеет Лорданским перевалом — единственным путем, по которому может придти помощь от чародеек. После этого разрозненные войска северян, рассеченные пополам, уже не смогут его остановить.

Здесь Сирелина немного лукавила. Она не сообщила королю и его приближенным, что конечной целью легионов Красной саламандры является орден чародеек. Те, чего доброго, просто уберутся куда-нибудь на запад или восток, и вовсе не станут вступать в сражение. Совесть расчетливой женщины при этом оставалась чиста: даже если сейчас королю и его людям удастся избежать разгрома, то до них доберутся позже, когда Империя начнет пожирать всех подряд. И вот тогда уже спасения не будет. Сейчас же у них еще есть шанс разрушить зловещий план Дегониса. Кстати, о сущности его так называемых Покровителей чародейка до

поры тоже помалкивала, упоминая демонологию лишь в случае необходимости. Пускай северяне думают, что имеют дело с компанией черных заклинателей, прислуживающих интересам хана Гийюра.
— Но наша честь! — воскликнул король, удрученный грядущей перспективой.
— Вы будете не первыми, кто защищал родину покинув ее с развернутыми знаменами. Впоследствии некоторых из них даже встречали как героев, — утешила Сирелина.
— Оставить королевство врагу… Вот уж не думал что доживу до такого дня, — прошептал побелевший Олаф VII.
— Зато вы сохраните свою армию и получите шанс поквитаться, — веско сказала чародейка. — Сейчас ад-Сейдин опасается только двух вещей: объединения северян и присоединения к этому союзу моего ордена. Он рассчитывает, что ни то, ни другое не произойдет в ближайшие два месяца. Пока что все именно так и происходит. Но если армия Ганхельда вместо сокрушительного разгрома сама придет на помощь более северному соседу — этого хан никак не ждет. Более того, допрошенный мной пленник заявил, что в данный момент это единственная реальная возможность спутать карты ад-Сейдина. И эту возможность вы, разумеется, даже не рассматривали.
В тронном зале повисла напряженная тишина. Сановники обдумывали слова чародейки, сводя концы с концами. Картина получалась крайне неприглядная, но до них постепенно доходило, что эта светловолосая женщина, как бы это ни было прискорбно, вероятно права.
— Эвакуировать два крупных города в столь кратчайший срок — непростая задача, — сказал, наконец, Олаф VII, и присутствующие поняли, что он принял решение. — Если я не ошибаюсь, у нас максимум два дня. Это огромная толпа народу! Люди, повозки…
— Никакого лишнего груза! — отрезала Сирелина. — Пусть берут только самое необходимое, что можно без помех унести с собой. Провизия, вода и предметы первой необходимости. Все тяжести бросать! Детей и стариков на повозки. Остальные пойдут пешком. За сутки вы вполне сможете продвигаться не менее чем на три десятка миль. Этого окажется достаточно, чтобы армия Красной саламандры осталась с носом. Ваши войска будут отступать в боевом порядке, прикрывая колонны беженцев.
— Даже если мы поступим так, как вы предлагаете, хан Гийюр быстро узнает о том, что происходит, — заметил кто-то из сановников. — Он нападет раньше; направит свои войска в обход укреплений Фербура и Аугоста.

— А вот чтобы этого не произошло, часть вашей армии должна отвлечь его внимание на себя, — кивнула чародейка. — Достаточно выиграть лишь сутки. Не скрою: будут большие потери, но этот обманный маневр обеспечит людям безопасный отход. Когда ад-Сейдин поймет, что его провели, он уже не рискнет послать вдогонку свои войска. Ваши леса — не лучшее место для его легкой кавалерии и боевых машин, а без четкого плана действий ударные соединения Красной саламандры становятся крайне уязвимы. Как, впрочем, у любой армии. И такого плана у хана попросту нет, поскольку он никак не рассчитывает вместо осады гнаться за отступающим противником, ибо этот противник даже сам на это не рассчитывал.
— Зато у вас, как я погляжу, все планы уже готовы, — слабо улыбнулся Олаф VII. — Вы столь же настойчиво и убедительно советовали и моему отцу? Кажется, благодаря вам тогда удалось избежать какого-то бедствия.
— Было дело, — скромно отозвалась Сирелина.
— Что ж, приступим, — вздохнул король. — Господа, у нас много работы!

Удар северян застал уверенные в себе войска Красной саламандры врасплох. Никто не ожидал, что с небольшими силами они сунутся практически в самое пекло. Когда хану доложили, что три полка Ганхельда с налету вклинились в его стоявшие лагерем армейские части, он даже не сразу поверил в происходящее. Такая вылазка была чистейшим самоубийством, бессмысленной растратой и без того ограниченного гарнизона Фербура. Впрочем, вскоре стало ясно, что ее эффективность превзошла все ожидания. Ворвавшись на позиции Красной саламандры, северяне рассекли два ее армейских корпуса надвое, после чего заняли господствующий холм и оттуда пролили целую тучу стрел на ошеломленного неприятеля. Затем, не дожидаясь пока опомнившийся враг соберется в контратаку, полки стремительно отошли назад, но лишь для того, чтобы три других полка нанесли новый удар в паре миль к западу. Отвлеченные предыдущим нападением воины ад-Сейдина, стягиваемые к месту схватки, успешно прозевали вторую вылазку, ставшую для них еще более разгромной, чем первая. Когда хану сообщили, что примерно то же самое происходит и подле Аугоста, где северяне нанесли осаждающим приличный урон, он пришел в крайнее раздражение. Похоже, он недооценил храбрость и тактику королевских войск Ганхельда. Введя его в заблуждение намерением отсиживаться в своих оплотах, они неожиданно начали скоротечную войну, пользуясь растянутостью позиций Красной саламандры. В конечном счете для них это все

равно ничего не решало, но хан Гийюр не собирался платить за победу цену больше той, которая его устраивала. А уже сейчас северяне нанесли его армии непредвиденный ущерб и даже уничтожили несколько осадных орудий. Нет, так никуда не годится! В сердцах ад-Сейдин приказал бросить в бой резервы и взять два ближайших форта, под прикрытием которых ганхельдцы коварно атаковали соединения южан. Если понадобится — сжечь их дотла!

Вскоре северяне ощутили на себе всю мощь боевой машины Красной саламандры. Дремавшая до поры, она развернулась в полную силу. По приказу хана стоявшие на осадных позициях части не двинулись с места, чтобы не нарушать строевой порядок. На указанные форты ринулись два резервных армейских корпуса, отбросив северян и загнав их обратно под защиту укреплений. На этом корпуса не остановились. Не обращая внимания на огрызавшегося противника, они продвигались вглубь оборонительных сооружений. Штурмом, однако, брать их не стали. Подтянутые следом осадные орудия обрушили на форты Липкий огонь. Тратить его на небольших участках хан не собирался, но ганхельдцам, похоже, требовалось наглядное устрашение, чтобы отбить им охоту к вылазкам. Четыре десятка стеклянно-металлических шаров поразили форты, превратив их в пылающий ад. Пламя их гигантских костров, пожиравших камень и пропитанное огнеупорным составом дерево как простую бумагу, было видно за множество миль вокруг. Даже предупрежденные заранее о страшной силе Липкого огня, некоторые защитники не успели отступить в подземные тоннели. Погибших было много. От шести полков осталось менее половины, но эти полки достойно выполнили свою задачу. Зарево пожираемых огнем фортом подсвечивало потемневшее небо, поглощаемое накатившейся с востока ночью. Когда разведка донесла ад-Сейдину, что из городов на север двинулись колонны беженцев, он лишь раздраженно отмахнулся. Пусть бегут! Сейчас до горожан ему нет ровным счетом никакого дела. Следующей ночью оба оплота падут, а гоняться за мирным населением себе дороже. В данный момент требовалось подсчитать потери и принять все меры для того, чтобы нечто подобное не повторилось впредь. Проклятье, все-таки не стоило недооценивать северян! По приказу хана с немногими взятыми в плен солдатами Ганхельда обращались весьма достойно. За храбрость и самоотверженность, которые ад-Сейдин ценил не только в своих людях.

Да, их было за что уважать. На первом этапе схватки они нанесли солдатам Красной саламандры сокрушительный урон, бесстрашно бросаясь на превосходящие силы врага. Лагерь осажденных охватил полнейший хаос, в котором нападавшие перемеща-

лись хорошо организованными ротами, сметая ошеломленного противника. Не меньший урон они нанесли и с холма, осыпав тяжелыми стрелами подступавших воинов ад-Сейдина. Когда же стало совсем жарко, северяне отступили, а следом их товарищи, воспользовавшись перемещением сил в стане врага, атаковали позиции осадных орудий. Не всех, конечно, а отдельного соединения. Естественная реакция солдат Красной саламандры была понятна — они начали стягиваться к месту яростной схватки и таким образом ослабили фланг, куда немедленно ворвались северяне. Не отреагируй командующие вовремя — и ганхельдцы разломали бы столько орудий, что хан еще долго вспоминал бы их королевство недобрым словом. К сожалению, численный перевес неизменно играл против смельчаков. Южан было слишком много, и это автоматически лишало северян возможности развить и закрепить свой успех, являвшийся скоротечной удачей. Понимая, что им нельзя надолго задерживаться в одном месте, ганхельдцы отступили, оставив осадные орудия в покое. Но и отступали они, как бы это сказать, наискось — прямо сквозь ряды не ожидавшего такой наглости врага. Его шеренги, не готовые к открытому столкновению, не выдерживали натиска атаковавших клиньями северян. Впервые за долгое время солдаты Ад-Сейдина, славившиеся своими боевыми качествами, несли потери гораздо большие, нежели их противник. К сожалению, ганхельдцы заплатили за свою храбрость высокую цену.

Колдуны Дегониса никак не вмешались в происходящее. Во-первых, попросту не успели отреагировать, как и все остальные. Во-вторых, очень непросто разить врага заклинаниями, когда этот враг практически перемешался с шеренгами собственной армии. Дегонис, подумав, приказал своим подчиненным в бой не вступать. Не стоит размениваться на такие мелочи и выдавать северянам свое присутствие, особенно когда Манипуляторы вот-вот осуществят свой великий замысел. Зачем сейчас поражать ганхельдцев малыми группами, если они накроют их всех оптом?

Сирелину подмывало отправиться на передовую, но взять туда Илиану она никак не могла, а оставлять ее в одиночестве не хотелось. Впрочем, элементарная логика подсказывала, что в городе от чародейки будет больше проку. Взявшись помогать королю — иди уж до конца. Спасение населения целого города важнее геройства в бою. Незначительного урона враг даже не заметит, а вот беженцев стоит хорошо организовать. Сирелина, получив официальное назначение короля и отряд сопровождения, развернулась на всю катушку. Окружающие потрясенно созерцали, как по мановению руки этой женщины разворачиваются огромные повоз-

ки, проносятся в воздухе мешки с припасами, рассасываются заторы на дорогах. Она сновала по городу и, казалось, появлялась везде и всюду, успевая расцепить столкнувшиеся телеги, освободить проезд, разгрузить целый амбар и выстроить транспортную колонну. Сирелина и сама поражалась как у нее с необычайной легкостью получается ворочать тяжеленными объектами, а уж про простых людей и речи не было. Ничего подобного им прежде видеть не доводилось, и могущество чародейки вызывало у них благоговейный трепет.

Илиана также не сидела сложа руки. Сирелина не хотела отпускать воспитанницу ни на шаг, но та настояла на своем, когда начали поступать первые раненые. Чародейка, мол, прекрасно справляется и сама, и в организации отступления от Илианы мало толку. Ворочать повозками она не в состоянии, равно как и кидать на них тюки. Управлять лошадьми, безусловно, полезно, но куда важнее оказать помощь пострадавшим воинам. Место девушки в лазарете, и они обе это знают. Сирелина, вздохнув, была вынуждена согласиться. Взяв с Илианы слово, что при малейшей опасности она без всяких церемоний защитит себя всеми доступными ей средствами, чародейка отпустила воспитанницу в сопровождении отряда королевской гвардии. При этом, даже по уши поглощенная сложной работой, ни на минуту не переставала о ней беспокоиться.

В лазарете царило печальное оживление. Сновали с носилками санитары, медсестры меняли окровавленные повязки и подносили воду, врачи оперировали раненых. Те все прибывали, хотя в сравнении с числом погибших их было достаточно немного. Илиана, оценив происходящее, сразу определила где размещали самых безнадежных. Для этого ей не пришлось задавать кому-либо вопросы: она ощущала исходившую от людей жизненную энергию. Точнее, ее стремительное угасание в одном из больших бараков. Войдя туда, девушка увидела то, что уже сообщили ей чувства: море крови, ужасающие раны, изувеченные тела и наспех перевязанные культи потерянных в бою конечностей. Многие солдаты лежали в беспамятстве, дыша все реже и тяжелее. Иным уже ничем нельзя было помочь, и их остекленевшие глаза больше никогда не озарит искра жизни. Илиану накрыла такая мощная волна боли и страданий, перемежавшаяся пустотами смерти, что она пошатнулась, невольно схватившись за виски. Обеспокоенные гвардейцы придержали ее за локоть, но девушка сделала знак: все, мол, в порядке. Взяв себя в руки, она внимательно прислушалась к внутренним ощущениям, определяя кто больше всего нуждался в неотложной помощи. Затем направилась к одному из истекавших кро-

вью воинов.

Санитары, принесшие еще двух безнадежных пациентов, вышли из барака с блуждающими взглядами. Остановившись на крыльце, они посмотрели друг на друга, будто спрашивали, верно ли все то, чему они только что стали свидетелями.

— Ты тоже это видел? — наконец выдавил один, оглаживая лицо дрожащей рукой.

— Как тебя сейчас, — тихо отозвался его напарник. — Там был весь живот разворочен. Кишки висели.

— И ни следа! Ни малейшего, мать честная, следа! — подхватил первый. — Мы сами его принесли. Этот человек был не жилец, а теперь лежит совершенно целехонек!

— А ты ее видел? Этот красный свет... Меня аж жуть взяла, — пробормотал второй. — Ходит от постели к постели, а после нее... Такое!

— Что встали?! — послышался чей-то суровый голос. — Отдохнуть захотелось?! А ну живо за работу!

Проходивший мимо врач, заметив торчащих на крыльце санитаров, решил пресечь столь возмутительное безделье, когда дел и так невпроворот. Лазарет тоже эвакуировали. Ходячие пациенты садились на повозки самостоятельно, тяжелых грузили на носилках. Когда одна повозка отъезжала, ей на смену тут же появлялась другая и снова начинала наполняться людьми. Все это происходило на фоне непрерывно продолжавшихся операций, ибо раненые не могли ждать. Проще всего было с безнадежными. Им, как могли, облегчали страдания, но ни про операции, ни про отъезд речь уже не шла. Из смотровой, где в поте лица трудились хирурги, их направляли прямо в этот барак, становившийся последним пристанищем обреченных.

— Оглохли что ли? — сердился врач. — Давайте шевелитесь! Сюда еще многих надо перенести.

— Да тут впору выносить, а не приносить, — отозвался первый санитар.

— Велите подогнать сюда телегу, — согласился с ним второй. — Да не одну, а то все не поместятся.

— Вы в своем уме?! — окончательно рассердился, подходя, врач. — Нам бы живых разместить, а вы никак об умирающих хлопочете?

— Да эти умирающие сейчас здоровее прочих будут! — воскликнул первый санитар.

Позади послышались шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появился воин в окровавленной рубахе. Всклокоченные волосы, слипшиеся от крови, и рассеянный взгляд создавали жутковатое

впечатление. Судя по прорехам в одежде, изобиловавшей свежими красными пятнами, на этом человеке живого места не было. Тем не менее, он прекрасно передвигался самостоятельно, хотя совсем недавно сие казалось совершенно невозможным. Опершись на перила крыльца, он посмотрел вокруг так, будто видел мир впервые и как-то по-особенному шумно втянул легкими воздух. Врач, неожиданно признав пациента, вытаращил глаза.
— Но это невозможно! — воскликнул он. — Я сам осматривал этого человека! У него был раздроблен череп! Внутреннее кровоизлияние! Мы были бессильны. Удивительно, что он был еще жив.
Словно не веря собственным словам, он подскочил к безнадежному раненому и быстро ощупал ему голову. Пальцы не нашли ни малейшего следа каких-либо повреждений. В поисках ответа врач недоуменно воззрился на санитаров.
— Вам лучше войти внутрь. Там вы все сами увидите, — негромко сказал один из них.
— А мы пока принесем еще раненых. И распорядимся насчет повозки, — добавил другой.
Врач хотел было что-то сказать, но так и остался с приоткрытым ртом, глядя то на пациента, то на санитаров. Затем шагнул в барак.

Когда он оттуда вышел, его всего трясло. Не от страха или отвращения, а от сильнейшего нервного потрясения. То, что предстало его взору, чему он стал свидетелем, не укладывалось ни в какие известные рамки. Даже если это было колдовство, то колдовство такое, о каком прежде никогда не упоминалось даже в легендах. Врач ни за что не поверил бы в происходящее, кабы не увидел его собственными глазами. Он немного пришел в себя лишь тогда, когда появились те самые санитары, тащившие еще одного находившегося при смерти солдата. За ними неторопливо катилась пустая повозка, запряженная парой лошадей.
— Несите сюда всех тяжелых, — негромко распорядился врач, словно боясь звука собственного голоса. — На повозку усаживайте тех… кто в ней будет нуждаться. Только таковых немного. Остальные… они пойдут сами.
В подтверждение его слов из барака один за другим начали выходить недавние умирающие. Выражение их лиц было просто неописуемым, но ни к боли, ни к страданиям оно не имело ни малейшего отношения.

Через четверть часа к бараку с безнадежными ранеными стали стягиваться многочисленные носилки. Их таскали не только санитары. Гвардейцы сопровождения, забыв про все на свете, носили раненых наряду с ними, на цыпочках выходя из помещения

служившего смертным одром, а ставшего ковчегом исцеления. Разговоров почти не было. Люди тихо перешептывались, будто страшились спугнуть происходящее чудо. Перемещением пациентов командовал тот врач, что пришел первым. Его коллеги, привлеченные разносившимися слухами, один за другим улучали время посмотреть что здесь творится. Из барака они выходили с совершенно ошеломленным видом, пребывая в той или иной степени прострации. Им приходилось брать над собой усилие, чтобы вернуться к прежней работе. Врачи не пытались сообразить как вообще возможно то, что происходило внутри длинной приземистой постройки с большими окнами. Спасая человеческие жизни, они просто сориентировались в обстановке. Взяв на себя часть более легких пациентов, остальных раненых они стали направлять прямиком сюда. Обратно эти раненые по большей части выходили уже самостоятельно. Они не садились на телеги — они направлялись прямиком в казармы, чтобы облачиться в новую амуницию и присоединиться к своим полкам.

Дольше всех внутри находился главврач. Опытный хирург, он какое-то время работал простой медсестрой, снимая бинты и разрезая на умирающих одежду, чтобы избавить окутанную алым светом целительницу от рутинной работы, замедлявшей ее собственную. Он видел такое, что в принципе считал невозможным, поэтому далеко не сразу сообразил, что его место отнюдь не здесь, а в операционной. Покинув барак, он прямо туда и отправился, на ходу отдав несколько коротких распоряжений. В барак немедленно прибыли самые расторопные медсестры. Следом за ними здание двойным кольцом оцепили солдаты охраны со строжайшим приказом не подпускать к ученице чародейки посторонних.

Сирелина встретилась с воспитанницей уже в пути, когда заходящее солнце коснулось верхушек векового леса. Все горожане были эвакуированы. Фербур организованно покидали последние воинские соединения кроме тех, кто еще прикрывал часть укреплений, создавая видимость обороны. Охраняя колонны беженцев, солдаты выстроили позади них мощный защитный барьер, способный отразить неожиданное нападение врага. Тот, похоже, уже подозревал неладное, но время помешать эвакуации было безвозвратно упущено. Судя по поступавшим донесениям, эвакуация Аугоста также находилась в завершающей стадии, и за второй оплот можно было не волноваться. Его структура очень походила на Фербур, а посему что было хорошо для одного города, то годилось и другому. Этот город-спутник столицы Ганхельда располагался от нее на расстоянии тридцати миль, из-за чего не соединялся с ней подземными коммуникациями. Обмен срочными донесениями в

условиях осады оставался возможным в силу его любопытной специфики. Сообщение между оплотами поддерживалось с помощью высоких сигнальных башен. На вершине каждой из них имелась особая комната с большой медной чашей, где ярко горел огонь. Этот огонь был отлично виден в такой же высокой точке, особенно в подзорную трубу. С определенными промежутками перекрывая узкие окна-бойницы заслонками, служащие посылали закодированные сигналы, отлично читаемые противоположной стороной. В плохую погоду, конечно, приходилось посылать нарочных, но при отсутствии низкой облачности метод работал превосходно. С учетом разоблачения шпионов, король на всякий случай использовал запасной код, вряд ли известный врагу. Фактически его не знали даже служащие. Они просто записывали зашифрованное сообщение и передавали его адресату. Таким образом, никто кроме короля и князя Аугоста не знал что в нем содержится. Город-спутник сообщал, что его эвакуация почти завершена, а воинские соединения продолжают мелкие вылазки для отвлечения противника. Сейчас от Аугоста тянулись точно такие же повозки, как и от Фербура, и через три десятка миль обе колонны должны были слиться в один огромный людской поток на большом северном тракте.

Получив последнее донесение от вестового, чародейка поехала прямиком туда, где должна была находиться Илиана. Двигавшиеся по обочине солдаты почтительно расступались перед ее лошадью и вновь смыкали ряды. С самого расставания Сирелина посылала к воспитаннице курьеров каждые полчаса, и те неизменно докладывали что девушка в полном порядке, пребывает при лазарете, и ее охраняют надлежащим образом. Только поэтому чародейка позволила себе столь долгую разлуку с воспитанницей, покинувшую Фербур вместе с госпиталем. Теперь же, когда дело было сделано, она наконец-то собралась ее повидать.

Илиану действительно охраняли означенным надлежащим образом. К своему немалому удивлению, Сирелина наткнулась на целый полк, взявший в оцепление несколько ехавших в центре повозок. Туда вообще никого не пропускали, но воины, уяснив кто эта подъехавшая к ним женщина, образовали проход, немедленно сомкнувшийся вновь за ее спиной.

— Где моя воспитанница? — осведомилась чародейка, пробившись сквозь плотные шеренги солдат.

— А, вы, должно быть, Сирелина? Счастлив вас видеть, госпожа, — ответил сопровождавший первую повозку всадник, представившийся Тармундом, главврачом. — Не беспокойтесь, мы позаботились о ней как следует. Она вон там, в пятой повозке.

Кивнув, чародейка направила лошадь в означенном направлении.

— Постойте, госпожа! — воскликнул вдруг главврач, перегораживая ей дорогу.
— В чем дело, милейший? — нахмурилась Сирелина.
— Прошу простить меня за дерзость, но сейчас ее лучше не тревожить, — вежливо, но настойчиво сказал главврач.
— Как прикажете вас понимать? — помрачнела чародейка, которой живо полезли в голову всякие нехорошие соображения.
— Нет-нет, все в порядке! — замахал руками Тармунд, угадав ход ее мыслей. — Просто она очень устала и крепко спит. Ее устроили наилучшим образом. Дайте ей отдохнуть, госпожа, не будите ее.
— А-а, — успокоилась Сирелина. — Спит?! — воскликнула она в следующую секунду аж захолонувшись от волнения. — А где тот человек, с которым она была?! Наш слуга!
— Не извольте беспокоиться, он в соседней повозке, — живо ответил главврач. — Я выполнил все указания вашей воспитанницы. Он крепко связан так, как она велела, и я лично накачал его сильнодействующим средством. Он не очнется до утра.
Сирелина облегченно перевела дух.
— Я желаю ее видеть, — заявила она не терпящим возражения тоном.
— Конечно-конечно, — с готовностью кивнул главврач. — Просто я хотел вас сначала предупредить.

Илиана действительно спала глубоким сном, зарывшись в груду лучших пуховиков и подушек, что смогли найти солдаты. Печать усталости на ее лице постепенно сменялась выражением полнейшей безмятежности. Девушка ехала одна, хотя все остальные повозки в основном были набиты до отказа. Окружавшие ее воины расступились только когда подъехала чародейка в сопровождении главврача. Убедившись, что с Илианой все хорошо, Сирелина осведомилась у Тармунда как здесь оказалась ее воспитанница.
— А вы что, ничего не знаете? — удивился главврач.
— О чем это вы? — поинтересовалась чародейка, подозревая, что девушка даром времени не теряла.
— Ваша воспитанница исцелила сотни полторы раненых. Фактически вернула их с того света. И продолжала исцелять уже находясь в пути, пока не свалилась без сил, — пояснил Тармунд, поглядывая на девушку с каким-то благоговейным выражением.
Главврач вкратце пересказал Сирелине то, чему стали свидетелями все присутствовавшие в лазарете. Чародейка, уже имевшая наглядное представление о возможностях девушки, на сей раз впечатлилась их необыкновенными масштабами.
— Скажите, кто она? Как она это делает? — тихо спросил Тар-

мунд, закончив свое повествование. — То, что я видел… не укладывается ни в одно известное мне явление. Что это, колдовство? Но разве какое-то колдовство способно на такое? Эти солдаты вокруг повозки… Они должны были умереть много часов назад. На них смотреть было страшно. Теперь на них ни единой царапины. Они вызвались сопровождать свою спасительницу и не отходят от нее ни на шаг.

Сирелина молча покачала головой. У нее и самой не было ответа. Все что она могла назвать жадно внимавшим ей людям — это только имя потрясшей всех девушки.

Хан воспринял известие об опустевших оплотах северян довольно сдержанно. Так или иначе, он устранил Ганхельд, и теперь на его пути оставался только Орнхольм. Как и предвидела Сирелина, он не стал преследовать отступавших северян не готовыми к погоне войсками, предпочтя сосредоточиться на запланированных действиях. Следовало сняться с осадных позиций и выстроить армию для дальнейшего похода, благо что он и без того был тщательно подготовлен. Обошлось без боя — и ладно. Когда последние полки ганхельдцев покидали укрепления, их никто не трогал. Ад-Сейдин уже знал, что Фербур и Аугост покинуты, и не видел ни малейшего смысла гоняться за разрозненными тенями. Согласно его приказу, передовые части двинулись к оплотам северян, попутно обезвреживая расставленные кругом ловушки. Армия должна была войти в города до наступления ночи. Той самой, в которую колдуны планировали массовое истребление людей.

Куда более серьезно реагировал на произошедшее Дегонис. В отличие от рассуждений хана, его замысел предполагал значительные человеческие жертвы, как дань Покровителям. Кроме того, верховный колдун тут же заподозрил нечто очень неладное. Ни с того ни с сего, без всяких предпосылок, оба оплота вдруг эвакуировались. Шпионы доложили об этом слишком поздно, а от высокопоставленных предателей до сих пор не было вестей. Одно небо сейчас ведало куда направлялись ганхельдцы. Вероятно, к своим северным укреплениям. Армия хана разгромит их и там, но Дегонис очень не любил, когда что-то шло не по плану. Особенно если в деле были замешаны чародейки. Шпионы уверяли, что видели одну из них в Фербуре. Описание того, что она там вытворяла, верховный колдун отмел как явную фантазию соглядатаев — такие вещи никому не под силу. Плывущие в воздухе телеги, вереницы летающих тюков — ну-ну. Но сама чародейка все же была — в этом сомневаться не приходилось, и появилась она накануне столь неожиданных событий. А ну как здесь прямая связь? Ну как если именно по ее наущению северяне ускользнули из тщательно

расставленной ловушки? Да нет, не может быть! Ни одна чародейка была бы не способна заставить короля оставить собственную столицу, которую он считал лучшим стратегическим укреплением. Только что же тогда? Что или кто?! Ох как будут недовольны Покровители, не получившие ожидаемых подношений… Проклятье! Здесь определенно что-то не так, а он, Дегонис, при всех своих проницательности и могуществе даже приблизительно не понимает что!

Баратис редко видел учителя в таком волнении. Обычно спокойный как скала, верховный колдун мерил шагами шатер. Он даже ученика позвал чтобы с ним посоветоваться, а это за ним наблюдалось достаточно редко. Польщенный оказанным доверием, Баратис напрягал извилины как мог, но понимал в происходящем не больше верховного колдуна.

— Возможно ли, что король Ганхельда, решив, что не удержит оплоты, просто убрался куда подальше? А остальное — чистейшее совпадение, — предположил Баратис.

— Скоро узнаем, — глухо отозвался Дегонис. — Если ганхельдцы разбегутся в стороны или засядут в северных фортах — то и черт с ними. Покровители будут очень недовольны отсутствием приношений, но я их ублажу по-другому. Однако если…

Верховный колдун замолчал, остановившись у стола и барабаня пальцами по окаймлению чудесной объемной карты.

— Что — если? — осторожно осведомился Баратис.

— Если они движутся в Орнхольм — то дело плохо, — негромко ответил Дегонис. — В такое совпадение я просто не поверю. Ни один человек в здравом уме не догадался бы сделать то единственное, что способно нарушить наши планы. Если армия Ганхельда идет в Орнхольм, то это будет означать лишь одно — кому-то стала известна как минимум часть наших замыслов. Вот только каким образом…

— Разве такое возможно? — пожал плечами Баратис. — Ни один из Манипуляторов не в состоянии проговориться. Принесенная ими клятва, скрепленная Покровителями, дает стопроцентную уверенность в надлежащем соблюдении тайны.

— Запомни на будущее: стопроцентной уверенности вообще ни в чем допускать нельзя! — наставительно сказал Дегонис. — Кроме того, двух болтливых болванов кто-нибудь мог подслушать. Та же чародейка. Впрочем, это все равно не отметает того факта, что королю Ганхельда понадобилось бы нечто большее, чем одни ее россказни. Нет, я решительно ума не приложу в чем тут дело! Нутром чую: здесь замешано нечто такое, что до сих пор ускользало и продолжает ускользать от моего взгляда. Я говорил тебе, что ос-

тавленная мной группа в Калихари исчезла бесследно?
Баратис кивнул. Учитель снизошел до того, что слегка приподнял перед ним завесу некой древней тайны, известной только ему и его личному Покровителю. Собственно, от последнего верховный колдун ее и узнал.
— Но разве эти события могут быть как-то связаны? — удивился ученик.
— Надеюсь, что нет, — как-то совсем мрачно изрек Дегонис. — Потому что если да, то у нас могут быть просто огромные проблемы. Ты себе даже не представляешь насколько.
Баратис робко попросил учителя пояснить.
— Позже, мой верный ученик, позже, — покачал головой верховный колдун. — Не исключено, что я беспокоюсь почем зря, понапрасну сгущая краски. Просто на карту поставлено слишком многое. Поглядим куда двинутся люди короля Олафа. Лишь бы не в Орнхольм. Лишь бы не…
Он не договорил и сосредоточенно уставился на карту, где среди густых лесов и пышных лугов северного княжества, вблизи от сияющего снегами горного хребта возвышалась большая старинная крепость.

Уходя, Баратис, при всем своем уважении к учителю, считал, что тот волнуется зря. Простое стечение обстоятельств. Досадное — да, несвоевременное — да, но все же случайное. Нет в этом мире силы, способной остановить находящийся совсем близко от реализации великий план. Даже если предположить худший сценарий, а именно что чародейкам об этом плане стало известно и они объединятся с союзной армией северян — даже тогда они вряд ли устоят. Легионы хана с поддержкой Манипуляторов все равно сокрушат противника, пусть для этого им и понадобится гораздо больше времени. Кампания продлится до весны. Армия станет на зимовку, и все ресурсы будут брошены на удержание позиций. По весне, доработав план, Манипуляторы, усиленные пополнением и приносимыми жертвами, помогут ад-Сейдину разгромить врага. Ведь Разлом можно открыть не только в ущелье под обителью чародеек…

Размышляя так, Баратис, положа руку на сердце, судил вполне здраво. Вот только ему было неведомо о чем думал учитель. Тот же не мог отделаться от томивших его мыслей. Возможно, Покровитель развеял бы его гнетущие сомнения, но посоветоваться с ним Дегонис откровенно побаивался. Покровитель все еще не знал, что Лентикулат с кровью девчонки исчез, а обратившись к нему верховный колдун был бы вынужден признать сей неприятнейший факт. Ладно, поживем — увидим. Для начала посмотрим

куда двинутся северяне, а пока стоит придерживаться имеющегося плана. Разве что внести в него некоторые коррективы, с учетом сегодняшних событий. Послезавтра уже первое октября, а это значит, что не позднее чем через месяц армия ад-Седина должна стоять у Лорданского перевала.

Когда Илиана открыла глаза, над ней было звездное небо. Если бы не отсвет от множества факелов, она увидела бы далекие красивые туманности и чарующие россыпи алмазных искорок. Сейчас, увы, все эти красоты оказались недоступны, но девушка машинально искала взглядом приметные небесные величины. Она знала астрономию назубок, и было тем более удивительно, что она порой старалась найти на небосводе нечто такое, чего, исходя из всех книг и атласов, там никогда не существовало. Это было очень странное ощущение, уже испытанное ей в развалинах дворца в Калихари. Некоторое время Илиана глядела вверх, стараясь определить что же такое она видит, либо же наоборот — не видит. Увы, звезды не ваза, чьи осколки нашлись в слое песка, и не та маленькая комнатушка, где девушку посетили странные видения. Простого мановения руки, чтобы отдернуть вселенскую завесу, тут явно недостаточно. Потянувшись в мягких, пахнувших свежим душистым сеном пуховиках, Илиана полностью вернулась к действительности. Ох, сколько вокруг людей! Сотни. Нет, тысячи! Многие тысячи. Столько тут переплелось чувств, смешавшихся в неповторимой гамме, окутывавшей девушку плотным облаком: страх, печаль, горечь утраты, боль и разочарование. К ним, однако, примешивались и надежда, радость, любовь и искреннее расположение. Илиана, купаясь в этих незримых волнах, через некоторое время осознала, что значительная доля светлых чувств исходит от ближайшего окружения. Приподнявшись на локте, она высунула голову из вороха подушек и огляделась по сторонам.

— Дорогая моя, ты проснулась, — ласково сказала встретившаяся с ней взглядом Сирелина.

Чародейка ехала подле повозки, в конце ее правого борта, и бдительно присматривала за воспитанницей. Впрочем, вряд ли той что-либо угрожало. Целый полк северян по-прежнему шагал рядом, держа несколько повозок в плотном кольце. Никто посторонний не сумел бы проникнуть сквозь него, не будучи тут же изрублен в капусту. Любое подозрительное намерение в адрес охраняемой девушки было сейчас равносильно самоубийству.

— Проснулась... Она проснулась... — пробежал по рядам солдат тихий шепот.

В направлении повозки повернулось множество увенчанных шлемами голов, стараясь увидеть ученицу чародейки.

— Привет, — сказала Илиана, смутившись под прикованными к ней взглядами. — Я что-то пропустила?
— Ничего, если не считать появления нескольких сотен восторженных почитателей, — усмехнулась Сирелина.
— В смысле? — порозовела девушка.
— Натворила ты давеча дел, — улыбнулась чародейка. — Король очень хочет тебя видеть. Я ему уже объяснила, — так, на всякий случай, — что ты послушница ордена и находишься под его защитой, а то он, чего доброго, решит оставить тебя при себе.
Тон Сирелины был шутливым, а глаза озорно блестели. Тем не менее, имелась в ее словах и доля правды. Дар девушки — величайшая ценность, и слишком многие могут пожелать завладеть им любым способом. Король Олаф, вне всяких сомнений, достойный и порядочный человек, но Сирелина не была уверена до конца, отпустил бы он Илиану восвояси или нет, кабы не боялся навлечь на себя гнев могущественных чародеек.
— Там еще оставались раненые, — подумав, сказала Илиана. — Сперва следует закончить с ними. Остальное подождет.
Переубеждать девушку было бесполезно. Собственно, чародейка не имела ничего против лечения. Ее опасения заключались в другом: вести об удивительной целительнице разойдутся очень быстро. До поры же Сирелина предпочла бы сохранить само ее существование в тайне. Дегонис однажды уже причинил девушке зло, и не иначе как чудом она избежала смерти. Второй раз он может преуспеть, особенно с учетом всех последовавших событий.

В крытых повозках Илиана привлекала куда меньше внимания. Гораздо сложнее дело обстояло с открытыми. Девушка обходила раненых самостоятельно, наотрез отказавшись тревожить их покой вынужденным движением. Наиболее нуждавшихся она уже исцелила накануне, потратив на них все силы, восстановившиеся, впрочем, на удивление быстро. Теперь Илиана занималась оставшимися, чьей жизни не угрожала непосредственная опасность. В сопровождении чародейки и главврача она передвигалась внутри плотного оцепления, переходя от повозки к повозке. Люди, наслушавшись поразительных историй, встречали ее с надеждой и удивлением. Реальность превосходила все ожидания. Сирелина, наблюдая становившееся хорошо знакомым алое свечение, невольно гадала, как долго новость о ее воспитаннице распространится по всему северу и достигнет врага.

Илиана не успокоилась пока не поставила на ноги всех, кому требовалось серьезное лечение. Она вняла уговорам чародейки и оставила более легких пациентов врачам и природе. Девушка и сама понимала, что помочь абсолютно всем невозможно. Не стоит

расточать дар на каждую занозу: для этого не хватит ни сил, ни времени. Одно дело хлопотать над тяжело раненым с заражением крови или облегчать страдания при глубоких ожогах, и совсем другое — заживлять ушибы и царапины. Особенности происхождения при этом не являлись для Илианы основанием отказать в помощи.
— А там кто? — спросила она, показывая пальцем на еще одну повозку.
— Пленные южане, — пояснил главврач. — Их захватили в одной из вылазок. После допроса они уже не имеют особой ценности, но мы все еще надеемся вытянуть кое-какие дополнительные сведения.
— Двое из них в довольно плохом состоянии, — сказала Илиана. — Им тоже требуется мое внимание.
Она не видела упомянутых людей, но до нее докатывались незримые волны испытываемых теми болезненных ощущений. Главврач, разумеется, этого не знал, а потому округлил глаза, силясь сообразить откуда ей сие известно.
— Госпожа, не надо растрачивать себя понапрасну на врага, — произнес он наконец. — Пусть благодарят небеса за то, что вообще живы.
— Так нельзя, — покачала головой Илиана. — Они тоже люди, и просто исполняли приказ. Речь ведь идет о военнопленных, так? Насколько мне известно, в отношении содержания военнопленных имеются определенные обязательства.
— Что ж, если вы настаиваете… — вздохнул Тармунд.

Солдаты ад-Сейдина явно не ожидали, что к ним проявят особое внимание. Особенно такое, какое последовало при появлении девушки с сиреневыми глазами. На очередной стоянке их отнесли в сторонку, а дюжина северян с обнаженными клинками следила за каждым их движением. Несколько поодаль виднелось целое кольцо вооруженных людей. Пленники уже вовсю предполагали самое худшее, в том числе то, что им сейчас зададут несколько вопросов, а затем прикончат. Приблизившаяся девушка никак не смахивала ни на дознавателя, ни на палача. Усиленная охрана являлась всего лишь охраной. Илиане она была, в общем-то, ни к чему, но воины, включая главврача, этого не знали. У одного из пленников был серьезно задет бок и его мучил жар. Другой, с перебинтованной головой, страдал от приступов тупой боли, пульсировавшей с каждым ударом сердца. Первый при отсутствии надлежащего ухода, вероятно, отправился бы в мир иной. Второй рисковал получить хронические осложнения. Северяне, опасаясь за безопасность сердобольной целительницы, с удовольствием свя-

зали бы обоих, но девушка воспротивилась.
— Все будет хорошо, — тихо сказала она. — Закройте глаза и успокойтесь. Сейчас вам станет легче.
Южане, понятное дело, сразу в это не поверили, но качнувшиеся острия клинков и суровый приказ стражей заставили их смежить веки и улечься на мох подле огромной сосны. Им оставалось лишь гадать что сейчас произойдет. Впрочем, оба пленника неожиданно ощутили чувство умиротворения и покоя, наполнившие их невесть каким образом. Страха не было. Откуда-то пришла уверенность, что им сейчас не грозит какая-либо опасность.

С каждым разом Илиана справлялась все быстрее и лучше. Ее навыки непрерывно совершенствовались, получая столь продуктивную практику. Она творила настоящие чудеса при полном самоконтроле, безукоризненно проникавшем в тончайшие переплетения жизненной силы. Стоявшие вокруг северяне восторженно наблюдали, как алое свечение вновь сращивало поврежденные ткани, не оставляя ни малейшего шрама, изгоняло из тел пагубную хворь. Забыв про оружие и неприятеля, они заворожено следили за вершившимся на их глазах таинством. Алый ореол Илианы окончательно приобрел для них мистический оттенок. Не смея попрекать целительницу помощью пленным врагам, воины оставили все дурные мысли. Подобный дар не мог и не должен был носить избирательный характер. Его обладатель казался вне каких-либо условностей, когда одному можно отказать помощи в угоду другому.

Что думали пленники — никто не знал. Не выдержав, они все же открыли глаза, и в них читалось нечто совершенно непередаваемое. Они продолжали лежать смирно, ощущая растекавшуюся живительную волну, не в состоянии оторвать взор от той, кто простым прикосновением залечивала их раны. Они не могли видеть как это происходило, но они это чувствовали. Боль и страдания бесследно испарялись. Им на смену приходили легкость и покой. Непередаваемое ощущение только что израненного, а теперь стремительно выздоравливавшего тела.

Когда алое свечение угасло, окружающие уже знали, что эти два человека полностью исцелены. Усевшись на покрывало, они с каким-то детским изумлением ощупывали те места, которые еще недавно находились в довольно неприглядном состоянии.
— Почему? — спросил вдруг один из пленников.
Илиана уже собралась уходить, но остановилась. Повернувшись, она посмотрела на пораженного южанина.
— Вы просто солдаты. Вы не совершили никакого преступления, — тихо сказала она, поняв к чему был этот вопрос. — Вы всего

лишь исполняли приказ.
— Коулбридж, — произнес вдруг южанин.
— Что? — машинально переспросила Илиана.
— Коулбридж, — повторил пленник. — У ваших там станция. Ее должны уничтожить на следующий день после взятия Фербура. Предупреди их.

Сложно сказать, что именно подвигло солдата Красной саламандры на такое признание. Возможно, сыграло свою роль свежеполученное впечатление, ибо Илиана в процессе лечения людей выглядела поистине сверхъестественно. Возможно, он просто был благодарен за помощь. Наиболее вероятно, солдату стало жаль чародеек, с одной из которых он перепутал оказавшую ему помощь девушку, и он поддался душевному порыву. Так или иначе, южанин сообщил очень важные сведения. Вот только пользы от них, учитывая обстоятельства, почти не было. Коулбридж находился в ста сорока милях к северо-востоку. Это был пограничный городок на небольшой реке, одна часть которого принадлежала Ганхельду, а другая Орнхольму. Насколько было известно Сирелине, эта почтовая станция, одновременно являвшаяся перевалочным пунктом для чародеек, функционировала до сих пор. В случае ее потери связь обители с Ганхельдом будет нарушена. Сестер следовало немедленно предупредить о грядущей опасности, но времени на это почти не оставалось. Близился рассвет. Рассвет того самого дня, когда на станцию должны были напасть. Судя по скупым комментариям пленника, это сделают не регулярные войска, а одна из диверсионных групп колдунов, успешно действовавших в восточной части королевства. В армии южан их недолюбливали, поскольку ходили слухи о слишком подозрительных методах работы этих людей. Курьер, даже скача во весь опор, поспеет в Коулбридж в лучшем случае к вечеру, когда, скорее всего, будет уже поздно. Хватаясь за голову, Сирелина мучительно искала выход из положения и не находила. Сейчас даже пленный Манипулятор перестал ее интересовать. Она только что приладила ему под одежду новый, тщательно зачарованный амулет с Нейтралом, а вот уже и думать о нем забыла, ужаснувшись полученному от воспитанницы известию.
— Я немедленно еду туда! — воскликнула чародейка, порываясь тут же взобраться на лошадь.
— Ты не успеешь, — мягко удержала ее Илиана.
— Но я же не могу бросить сестер на произвол судьбы! — терзалась Сирелина только что не заламывая руки.
— Конечно нет, — кивнула девушка. — Но вместе мы, я полагаю, успеем, если отправимся как можно быстрее.

Чародейка живо сообразила куда клонит воспитанница, но даже перед лицом угрозы для сестер не желала так ей рисковать. Неизвестно что их там ждет, а сунуться в Коулбридж наугад смертельно опасно. Себя еще Сирелина готова принести в жертву, но только не Илиану.

— Вечно меня опекать все равно не получится, — с оттенком грусти улыбнулась девушка. — Кем я буду, если не попытаюсь помочь тебе и твоим сестрам? Тем более что здесь я уже закончила. Полагаю, мне удастся поддерживать скорость небольшого отряда достаточно долго, чтобы мы поспели вовремя. А Коулбридж мы заранее предупредим.

— Это каким же образом? — опешила чародейка. — У меня в кармане нет почтовых голубей натасканных на ту станцию.

— Зато я видела подходящих голубей в клетке у одного из военачальников. Они должны быть где-то в колонне, — сказала воспитанница.

— И что с того? Эти птицы наверняка научены летать между Фербуром и Аугостом. Или еще куда, да только вряд ли туда, куда нам надо, — вздохнула Сирелина.

— Я попробую с ними столковаться, — лукаво прищурилась воспитанница. — Почтовые голуби для этого подойдут лучше всего. Я могла бы попросить кого-то из лесных птиц, но они уступают в летных качествах, да и дикий образ жизни накладывает определенный отпечаток. С голубями, привычными к людям, в несколько раз проще.

Для Сирелины давно не было новостью, что Илиана способна общаться с разной живностью на короткой ноге. Только до сих пор считалось, что отправить в обитель умную сову, с которой девушка была знакома какое-то время — это одно, а вот так запросто объяснить первому встречному голубю куда ему следует лететь — совсем другое. Лететь в такое место, которое голубь никогда в своей жизни не видел. В светлое время суток и хорошую погоду он мог бы проделать сто сорок миль часа за три, да вот поди ему объясни, где именно находится пункт назначения. Чародейка напомнила все эти щекотливые детали воспитаннице, но ту, похоже, они не слишком беспокоили. Она попросила довериться ей, и Сирелина, в очередной раз заподозрив, что еще очень многого про девушку не знает, сдалась.

С голубями помог Тармунд. Узнав о такой пустяковой просьбе, главврач лично съездил в расположение штаба и привез клетку с двумя пернатыми, принадлежавшими королевской почтовой службе. Красивые породистые птицы своим внешним видом заслуживали всяческих похвал и северянин сообщил, что их профес-

сиональные возможности не хуже. Достав птиц из клетки, девушка попросила подробную карту местности. Затем, забравшись с ними в повозку, ибо привал был закончен и колонна давно тронулась дальше, принялась что-то втолковывать своим новым знакомцам.
— А что делает молодая госпожа? — осведомился Тармунд, созерцая, как девушка водит по карте пальцем, а голуби, оживленно крутя головами, внимательно следят за его перемещением.
— Объясняет птицам куда надо лететь, — отозвалась чародейка.
Главврач посмотрел на нее с улыбкой, которая тут же исчезла, когда до него дошло, что женщина и не думает шутить.
— Разве такое возможно? — ошалело выдавил он.
— А разве возможно то, что вы уже видели своими глазами? — напомнила Сирелина.
— И много у вас таких в обители? — помолчав, тихо спросил Тармунд.
— Полагаю, вы поймете, если я не стану выдавать стратегические секреты, — ушла от ответа чародейка.

Через четверть часа оба голубя, проворковав что-то Илиане на прощание, взвились в воздух. Поднявшись ввысь, они сориентировались в пространстве и полетели в направлении занимавшегося рассвета. К лапке каждого была прикреплена небольшая записка, адресованная любой из чародеек Коулбриджа. Двух птиц девушка решила послать для надежности, и для надежности же несколько раз объяснила им как найти нужное место. Задача действительно оказалась нетривиальная, поскольку в их понятии карта ровным счетом ничего не значила. Илиана, ориентируясь на собственную навигационную систему голубей, которую на человеческий язык было почти невозможно передать, создала в сознании некий гибридный вариант с нарисованным на бумаге. Затем спроецировала ее пернатым собеседникам. Те, сразу став куда понятливее, начали воспринимать расстеленную карту более продуктивно. Перемещая по ней палец, девушка одновременно проводила параллель и в выстроенной ментальной схеме, и вскоре преуспела. Оба голубя неплохо усвоили маршрут, и даже смогли пересказать его основные вехи. В заключение Илиана описала птицам куда именно им следует прибыть в Коулбридже, кого там искать и как себя вести. Эти сведения, разумеется, она почерпнула от Сирелины, а от себя добавила каким образом требуется привлечь к себе внимание.
— Иногда я думаю, что до сих пор ничегошеньки о тебе не знаю, — сказала чародейка, провожая взглядом сизых, с полосками, крылатых посланцев.

— Я сама то и дело так думаю, — тихо отозвалась Илиана.

Еще через полчаса небольшой отряд, обогнав колонны отступавших северян, понесся вперед по дороге. Помимо чародейки, ее воспитанницы и пленного колдуна в нем было шестеро воинов в полной экипировке. Сирелина, как могла, объяснила, что сопровождение им не требуется. Северяне настаивали. Они вообще не горели желанием подвергать удивительную целительницу риску, поэтому Илиана убедила чародейку согласиться на компромисс. Капитан королевской стражи и пятеро опытных воинов помогут им поддерживать связь с армией Ганхельда, что в нынешних условиях весьма не лишне, да и эскорт из официальных лиц на территории королевства тоже пригодится. Кроме того, никто заведомо не знал, с чем именно им придется столкнуться там, куда они направлялись.

* * *

Коулбридж был совершенно мирным населенным пунктом, который не затронули беды, обрушившиеся на северные края. Южнее творился настоящий хаос, день за днем все больше пожиравший охваченное войной королевство, но здесь, вдали от легионов Красной саламандры и наводнившей леса нечисти он казался райским островком. Дело, однако, было не только в удаленности от эпицентра событий. В городке на границе двух государств, разделенных водами быстрой прозрачной реки Луаны, находился перевалочный пункт чародеек, среди которых чаще других появлялись служительницы Гексенхаммера. По роду своей деятельности они много путешествовали по миру, хотя не являлись Странствующими сестрами как таковыми. Учитывая как далеко находилась родная обитель, сестры не всегда возвращались в ее стены, а останавливались в таком вот обособленном месте, некоей мини-базе. Коулбридж отлично подходил для этой роли ввиду своего удачного расположения. Отношения с местными жителями также были очень хорошими. Настолько, что в этом городке чародейки не прятали свое здание подальше от посторонних глаз, а пользовались им вполне открыто. Взамен они по мере возможности оказывали людям разностороннюю помощь, а посему ни одна злая душа не осмеливалась вредить взятому под защиту поселению. Его жители чувствовали себя в полной безопасности под покровительством чародеек, особенно тех из них, кого они узнавали по белоснежному посоху.

Чародейки обустроились в небольшой башне на берегу реки, чью вершину увенчивала астрономическая конструкция с круп-

ным телескопом, расположенная над верхней комнатой с птичьим насестом. В разные времена эта башня принадлежала разным противоборствующим сторонам, и из ее бойниц частенько велся обстрел неприятеля. Дикобраз на ее крыше всегда смотрел в ту сторону, которая в данный исторический период считалась враждебной, и немало под его выстрелами полегло народу. Находясь на излучине крутого лесистого берега, вдоль которого проплывали парусные ладьи, она представляла собой отличное стратегическое укрепление. Замшелые валуны, окружавшие подножье башни, повидали немало осаждающих, и еще больше их повидало речное дно. Однажды правителям сопредельных государств окончательно надоели кровавые стычки в этом удобном для всех месте как по торговой, так и проезжей части. От Коулбриджа было куда больше пользы когда он вел мирное существование, нежели одна из сторон в очередной раз пыталась присвоить его себе. Отказавшись от строительства тяжелых укреплений, что повлекло бы за собой превращение пограничной зоны во взрывоопасный милитаризованный очаг, правители договорились объявить городок совместным владением. Ходили слухи, что это решение подсказали им чародейки, не меньше других утомленные бесконечными междоусобными сварами. Как бы там ни было, они вызвались быть гарантом этой сделки, и с тех пор им отдали во владение ту самую башню. Их стараниями был сооружен высокий каменный мост, способный пропускать речные суда и круглогодично связавший обе половины поселения. Ладьи по-прежнему беспрепятственно проходили мимо Коулбриджа, периодически останавливаясь в нем по торговым делам. Ширина и глубина Луаны позволяла им расходиться вдоль берегов, а большего никто и не требовал. Каменная пристань, мощеные улочки, красивые дома и просторные гостиницы — ко многому приложили руку чародейки, помогая местным жителям отстраивать свой городок. Коулбридж превратился в самый настоящий островок покоя и процветания, на радость всей округе, ведшей с ним выгодную торговлю. Правители Орнхольма и Ганхельда, в очередной раз получив наглядный пример положительного сотрудничества с чародейками, более никогда не трогали этот мирный оазис своими распрями. Коулбридж управлялся муниципалитетом, выбранным собственным населением. Для этого все те же чародейки помогли построить небольшую ратушу с часами на шпилевидной башенке. Увитая с годами плющом, она стала неизменным символом самостоятельности Коулбриджа. От правителей сопредельных государств там присутствовали уполномоченные посланники, следившие за соблюдением законов и сборов. Пока согласованные законы выполнялись, а все подати и налоги регуляр-

но поступали в казну, посланники и не думали вмешиваться в жизнь городка, где почетное место в муниципалитете всегда оставалось за кем-то из чародеек. Те же редко пользовались своим правом участия в совете, предпочитая давать людям жить так, как они хотят. Жители неизменно благодарили за столь великодушное и ненавязчивое покровительство поставками продовольствия и всевозможных товаров. Чародейки, при всем своем могуществе, тоже были людьми, которым требовались пища и домашний уют, а посему охотно принимали подношения.

Каролайна, заведующая почтовой башней, имевшей собственное название Ардо, с досадой поморщилась. Она любила посидеть поутру у выходившего на реку окошка, потягивая чудесный выращенный в садах обители чай. Большое фарфоровое вместилище желанного напитка, расписанное затейливым красочным узором, дышало жаром, дожидаясь внимания заботливой хозяйки. Ему вторило сопение стоявшего на углях чайника, хранившего в своих недрах галлон горячей воды. Каролайна как раз собиралась вторично наполнить пиалу тонкой ручной работы, но тут ее внимание привлекли донесшиеся с вершины башни звуки. Там, в просторной круглой комнате под самой крышей находился птичник, изобиловавший пернатыми почтальонами. Чего они с утра пораньше не поделили? Каролайна, степенная чародейка, куда больше смахивавшая на зажиточную вдовушку, нежели на могущественную колдунью, понадеялась, что птичья склока уляжется сама собой. Уж больно не хотелась ей бросать уютный уголок с чаем и бисквитами. Денек занимался хоть куда, и речные волны золотились в лучах восходящего солнца мелкой переливающейся рябью. Да, кажется, птицы успокаивались. Каролайна, вздохнув, наполнила чашку и уселась обратно у окна, еще дальше отдернув кружевные занавески. Эта башенная комната совсем не напоминала приют чародейки, вполне подходя вышеупомянутой вдовушке. Скатерки, вазочки, картины в рамах, взбитые подушки на пышной кровати и многочисленные вышитые коврики изобиловали в этом прибранном жилище, наполненном атмосферой простого сельского уюта. При этом и вид, и образ жизни Каролайны производили довольно обманчивое впечатление. Под личиной миловидной шатенки с простоватым лицом скрывалась очень опытная чародейка, весьма поднаторевшая в своем искусстве. А искусство ее заключалось не только в присмотре за башней и ухаживании за птицами.

В окно неожиданно ударился голубь. Хлопая крыльями, он с налету ткнулся в стекло и шарахнулся в сторону, оставив кружиться в воздухе сизое перо.

— Чтоб тебя, окаянный! — воскликнула Каролайна, едва не расплескав пиалу.
Подув на ее содержимое, она уж было собралась сделать еще один глоток, как глупый голубь повторил свой маневр. На сей раз он проделал его несколько иначе. Встретившись со стеклом, он отпрянул назад, но не улетел, а стал кружить рядом, шумя крыльями и то и дело показываясь в области видимости. При этом птица заглядывала в окно столь очевидным образом, что чародейка обеспокоилась. Такое поведение было для пернатых необычно и требовало определенных усилий. Уж не заболел ли один из ее подопечных? Подумав, Каролайна поставила пиалу на маленький столик, в компанию к блюдечкам и вазочкам со сластями, и потянулась к окну. Едва она его приоткрыла, как птица, словно только этого и дожидавшаяся, ринулась прямо в комнату.
— Стой! Куда! — возопила чародейка, испугавшись за свои фарфоровые статуэтки и вазочки.
Голубь, однако, и не подумал безобразничать, панически мечась по комнате. Усевшись на спинку стула, он начал громко курлыкать, выразительно уставившись на хозяйку жилища.
— Ты чего это, дружок? — спросила Каролайна, подходя к нежданному гостю.
Тот ничуть не испугался когда чародейка приблизилась. Более того, выказал явное намерение взобраться на протянутую к нему руку. Женщина безошибочно узнала отличную почтовую породу, а посему у нее в голове зароились профессиональные соображения. Взяв голубя, она быстро ощупала ему лапы. Ее пальцы тут же наткнулись на тщательно сложенную записку. С первого же взгляда стало понятно, что ее отправил кто-то из сестер. Взволнованная необычным поведением голубя, Каролайна, предчувствуя недоброе, развернула послание и привела в действие наложенное на него заклинание. В воздухе, выбросив в пространство сноп золотистых искорок, возник небольшой полупрозрачный свиток с начертанными на нем красивыми буквами. Повинуясь движению рук чародейки, он плавно развернулся перед ее глазами. Обычно сестры обменивались куда более прозаичными посланиями, составляя письма при помощи пера и бумаги. Краткость сообщений компенсировалась их точностью. Кроме того, за счет колдовской техники заклинательницы умудрялись вместить даже на небольшой листок очень объемное содержание. Но это когда у них имелись соответствующие условия. К неустойчивому по продолжительности и хрупкому при перемещении колдовству они прибегали достаточно редко, как правило, в нетривиальных случаях. Каролайна быстро прочла содержавшиеся в послании строки. Повинуясь щелчку ее

пальцев, свиток растаял в воздухе, а лицо женщины приняло необычайно серьезное выражение. Голубь все еще сидел у нее на руке, поэтому чародейка машинально направилась к выходу из просторной комнаты, намереваясь водворить его в птичник. В дверях она столкнулась с невысокой темноволосой женщиной, поспешавшей как на пожар.
— Каролайна! — воскликнула эта женщина, едва не врезавшись в объект своих поисков. — Почта пришла!
— Алеада! Очень хорошо, что я тебя встретила, — куда более спокойно отозвалась заведующая, хотя ее обуревало сильнейшее волнение. — Я только что получила важное послание.
— Да погоди ты со своим посланием! — горячилась Алеада — та самая, что сопровождала Сирелину на болота к ведьме Жозефине. — У меня тут такое!..
Чародейкам понадобилась лишняя пара минут чтобы наконец выяснить: они говорят практически об одном и том же. Переполох в птичнике унялся потому, что поднявшаяся к вершине башни Алеада усмирила безобразничавшего там голубя. Птица была залетная, тем более что чародейки в основном использовали сов и воронов, и вела себя очень необычно. Складывалось впечатление, что она намеренно подняла гвалт, стараясь привлечь к себе внимание. Едва только появилась чародейка, голубь кинулся ей прямо в руки, и женщина догадалась найти на его лапе записку. Прочтя ее, она ошеломленно посмотрела на пернатого курьера, будто тот мог прояснить ей подробности, а затем лавиной понеслась вниз по лестнице прямиком в покои заведующей.
— Выходит, Сирелина продублировала послание, — констатировала Каролайна. — Интересно, а как она направила сюда этих голубей? Они не из наших. Наших я знаю наперечет.
— Да какая разница?! — воскликнула Алеада. — Она сообщает, что черные колдуны Дегониса сегодня собираются уничтожить Ардо! Уничтожить — ни больше, ни меньше! Прямо сегодня! Она пишет, что едет к нам на помощь и умоляет нас принять все возможные меры, а ты тут изволишь изумляться откуда взялся голубь!
— Ты, безусловно, права, — озабоченно согласилась заведующая. — Провокация исключается. Я узнаю стиль и личный знак Сирелины. Не думаю, что она стала бы почем зря отправлять нам такое предостережение. За ней, конечно, числились всякие выходки, но такие шутки все-таки не в ее духе. Сирелина упоминает, что сведения получены из источника, которому она безгранично доверяет, и умоляет нас внять предостережению. Полагаю, будет крайне опрометчиво не прислушаться к нашей будущей коллеге. Следует немедленно объявить тревогу и перевести Ардо в осадное положе-

ние. Известить всех.

Под всеми, исключая почтовую рассылку, подразумевался только один человек, поскольку башня, в отличие от обители, нечасто изобиловала значительным количеством постояльцев. Жозефина как раз снимала с огня какое-то варево, когда ворвавшаяся в подвал Алеада сообщила ей тревожные новости. Это была та самая ведьма с болот, уже имевшая удовольствие лично познакомиться с Сирелиной.

— Тебе не кажется, что это как-то связано с предстоящим событием? — озабоченно спросила ведьма, уяснив суть послания.

— Возможно. Но разбираться будем позже, — ответила чародейка. — Сейчас требуется защитить башню. Потом выйдем в город и прогуляемся по окрестностям. Враг не может появиться ниоткуда.

Трудно было поверить, что в это солнечное утро Коулбриджу грозит какая-либо опасность. Да и откуда бы ей взяться? Поднявшиеся спозаранку жители неторопливо занимались своими делами, пока иные лежебоки все еще сладко посапывали носами в постелях. На постоялых дворах было тихо, и немногочисленные путники никак не походили на отряды врага. Последних не было видно и на сходившихся у Коулбрижда дорогах, а их наличие требовалось обязательно. Без довольно внушительной группировки можно было и не мечтать захватить Ардо, не говоря уже об уничтожении. Три заклинательницы, приняв необходимые меры, рассредоточились по городку, высматривая малейшие признаки неприятеля, но все было совершенно спокойно. Выборочная проверка ползущих по мостовой телег ничего не дала, а отправленные курьеры благополучно отбыли во все стороны и пока не возвращались. Попросив нескольких местных жителей глядеть в оба, чародейки встретились на мосту и глубоко призадумались.

— Мне кажется, мы что-то упускаем, — озабоченно пробормотала Жозефина.

— Да брось. Даже если Сирелина не ошиблась, враг может быть еще на подходе где-нибудь на южной дороге. Курьер нас известит. Это опытный агент, он не позволит себя провести, — ответила Алеада.

— Я на всякий случай послала двоих. Второй должен держать первого в пределах видимости или хотя бы слышимости. Если с головным дозорным что-либо случится, дублер немедленно повернет назад, — сообщила Каролайна.

— Вас может подвести уверенность в собственных силах, — заметила Жозефина. — Я все-таки не одна из вас и посему мыслю несколько по-другому.

Заведующая фыркнула, но слова ведьмы игнорировать все же не

стала. Усмирив гордость, служительница Гексенхаммера вступила в диалог с той, за кем некогда охотились ее сестры.

Вверх по течению Луаны поднималась крытая ладья. Она была уже всего в двух милях от городка, когда об этом сообщил вернувшийся лодочник. Шустрый малый, он греб так усердно, что едва не стер себе веслами ладони. Его узкая плоскодонка легко рассекала волны, но тяжелая ладья шла подозрительно быстро, будто ее подгоняла неведомая сила. Жозефина, залечивая руки лодочника, внимательно слушала его доклад.

— Да здесь каждый день какая-нибудь ладья проходит, — пожала плечами Каролайна. — Торговец, не иначе.

Отправить вверх и вниз по реке нескольких лодочников настояла ведьма, и заведующая считала эту меру несколько излишней. Впрочем, в складывающихся обстоятельствах лучше было перебдеть, чем недобдеть.

— А под каким флагом идет это судно? — осведомилась Жозефина, заканчивая накладывать целебный компресс.

— Ранхельма, — ответил, подумав секунду-другую лодочник. — Их вымпелы, как пить дать.

— Ранхельм… — протянула ведьма. — Это который на восточном берегу Шиалы? То королевство, которое оказалось отрезано от остального севера флотом ад-Сейдина?

— Оно самое, — насторожилась Алеада. — Постой, что ты хочешь этим сказать?

— То, что Луана, так или иначе, впадает в Шиалу, и что боевых кораблей Красной саламандры там сейчас больше, чем котов на помойке, — нахмурилась ведьма. — Я слыхала, что они не трогают мирных торговцев, но вы готовы поклясться… на чем вы там обычно клянетесь… что эта крытая ладья — простой торговец?

Чародейки переглянулись.

Означенная ладья производила впечатление типичного коммерческого судна. Закрытость ее верхней палубы вполне могла объясняться особенностями хранившегося там товара. Такое встречалось и раньше, и вопросов ни у кого особо не вызывало. Когда она приблизилась к пристани, находившейся в полумиле от моста, чародейки, стоя на вершине башни, внимательно наблюдали за ней в большую подзорную трубу. На корме ладьи виднелся самый обычный рулевой, ее парус вяло трепетал в порывах неустойчивого ветра, а весла ритмично вспенивали воду. Судно двигалось равномерно и уверенно, направляясь куда-то по своим делам. На него никто не обращал внимания, однако пристальные взгляды чародеек отметили тот факт, что оно шло несколько быстрее, чем ему полагалось за счет развиваемой тяги. Обычный человек, даже

заметив некоторое несоответствие, вряд ли стал бы ломать голову в чем тут дело. У чародеек же имелось предостаточно оснований заподозрить неладное.

Ладья неторопливо миновала пристань. Не собираясь там останавливаться, она поплыла прямиком к мосту. Под двумя его центральными арками было достаточно пространства чтобы пропустить подобную посудину. Мост и проектировался с расчетом на беспрепятственное судоходство, исключая тяжелые крупногабаритные корабли, которым в Луане попросту нечего было делать. Торчавшие на мосту рыбаки, завидя приближавшуюся ладью, недовольно ворча смотали удочки. В реке водилась отборная жемчужная форель, и для азартных рыболовов было делом профессиональной гордости выловить ее не сетями, а на снасть с особой приманкой. Для этого занятия в Коулбридж частенько прибывали любители и из других селений, дабы провести свободный денек за ловлей означенной рыбы. Чародейки, не спуская глаз с ладьи, внимательно следили как она вошла под мост и вышла с другой стороны, оказавшись всего в трехстах ярдах от башни. Рулевой казался ко всему безразличен, включая комментарии потревоженных рыбаков, а дозорный на носу судна без особого интереса поглядывал по сторонам, скользя по живописным окрестностям равнодушным взглядом. На корме и мачте ладьи колыхались вымпелы Ранхельма, но еще до того, как она поравнялась с башней, чародейки были уверены, что к этому королевству посудина не имеет никакого отношения.

Все примеченные мелочи наверняка ускользнули бы от внимания чародеек, кабы их заранее не предупредили. Каждая из них еще не являлась основанием для каких-либо подозрений, но вместе они складывались в единую картину. Отличительные знаки отрезанного южанами королевства, задрапированная палуба, неестественная скорость движения и слишком легкое маневрирование, абсолютно синхронно действовавшие весла и следы свежей краски — все это наводило на мысль, что приближавшаяся к Ардо ладья не та, за кого себя выдает. Даже самые искусные гребцы не способны двигать всеми парами весел идеально ровно, а свежая краска почему-то лежала аккурат в тех местах, где владельцы судна обычно указывают его название и порт приписки. В довершение ко всему рулевой с впередсмотрящим никак не смахивали на представителей северных народов.

Ладья держалась противоположной от Ардо стороны реки. Подойдя к излучине с башней, она сбавила скорость и неторопливо начала поворачивать вдоль изогнутой береговой линии. Казалось, все подозрения в ее адрес напрасны. Еще несколько минут —

и она проплывет мимо, уйдя вверх по течению Луаны. Все произошло внезапно. Ладья неожиданно затормозила и остановилась как вкопанная, хотя по ее бортам не было сброшено ни единого якоря. Скрывавшая палубу драпировка в мгновение ока слетела, будто сорванная налетевшим вихрем. Под ней, взяв башню на прицел, блеснули металлическими частями четыре стоявших вплотную друг к другу баллисты. Все свободное пространство позади них занимали вооруженные люди. Пропели спущенные металлические тетивы. Четыре тускло отсвечивающих шара стрижами устремились навстречу башне и врезались в ее потемневшую от времени кладку. В следующую секунду их расколотые недра исторгли Липкий огонь.

Заряжающим боевые машины следовало отдать должное. Едва первые снаряды поразили башню, как большие вороты с ручками уже пришли в движение, взводя тетиву для повторного выстрела. Который и последовал, как только солдаты успели опустить шары в паз на ложе. Впрочем, вряд ли дело ограничилось одними заряжающими. Судя по тому как вращались вороты, им помогала некая сторонняя сила, не имевшая к солдатам ни малейшего отношения. Ведь те к ним даже не прикасались. Интенсивность залпов была настолько высока, что ладья выпустила не менее полутора дюжин шаров, прежде чем в обстреле появилась первая значительная пауза. Находившиеся на судне люди пытались оценить масштабы нанесенного ущерба.

Вне всяких сомнений, ладья намеревалась уничтожить Ардо до основания, оставив после него глубокую выжженную воронку. То количество шаров Липкого огня, что она успела выпустить, хватило бы и для здания куда крупнее и серьезнее, нежели башня чародеек. Скорость же обстрела не позволяла потенциальным жертвам успеть покинуть зону поражения, не то что дать какой-либо отпор. Все ближайшее пространство вокруг Ардо превратилось в раскаленный ад. Липкий огонь, ручьями стекая на землю и песок, вгрызался в них с неистовой яростью, стремительно охватывая подножие башни распространявшимся пожарищем. Казалось, вокруг пристанища чародеек разверзлось жерло вулкана, пожиравшего все, до чего оно могло дотянуться. Целые огненные реки хлынули в реку настоящую, и между этими двумя стихиями началась нешуточная борьба. В воздух с ужасающим шипением взметнулись столбы пара. Его белые клубы, охватив часть излучины, поплыли над забурлившей рекой, немедленно покрывшейся сваренной заживо рыбой. Луана яростно сопротивлялась наглому захватчику, остужая его неукротимый порыв, но тот, вознамерившись спалить все и вся, продолжал стекать в нее широкими рука-

вами. Берег исчез в бешеной пляске огня, проваливаясь раскаленными дырами. Эти зияющие язвы моментально образовывались везде, где падали сгустки Липкого огня, и непрерывно ширились под воздействием его свирепой мощи. Дым смешивался с паром, гул ревущего пламени заглушил все другие звуки. Затянутая их клубами, объятая дьявольским жаром башня исчезла в его ненасытной утробе.

До нападавших не сразу дошло, что башня исчезла отнюдь не насовсем, сожранная лютой стихией, а всего лишь скрылась из виду. Когда дым и пар несколько разошлись, глазам врагов предстали ее нетронутые стены. Зловещие сферы, разбившись о неведомую преграду, пролили свое содержимое в стороны. Не в силах прогрызть оказавшуюся недоступной твердыню, оно разбрызгивалось по неуязвимой поверхности и стекало вниз, образуя чудовищное пожарище вокруг защищенной зоны. Башня торчала из нее как скала в охваченном племенем кратере. Совершенно целые камни у ее подножия по ровной окружности граничили с раскаленной зоной, где от немыслимой температуры распадалось само вещество. Казалось, башня словно росла из земли, становясь все выше, хотя на деле было строго до наоборот — это земля постепенно оседала вокруг нее, испепеляемая безумием Липкого огня.

Увиденное врагам явно не понравилось. Они рассчитывали на другой эффект, поэтому вид совершенно целой башни в море пламени доставил им несколько неприятных минут. Даже издали было видно, как на ладье возникло нездоровое оживление. Когда с вражеского судна сделали еще один залп в надежде пробить невидимую защиту, в городке тревожно ударил пожарный колокол

Простая почтовая станция чародеек, даже будучи предупрежденной, оказалась бы не в силах противостоять такой жуткой атаке. Температура адской смеси плавила любое вещество, поэтому для ее укрощения требовалось нечто большее, чем то, что имелось в распоряжении одной служительницы. С Ардо ситуация обстояла иначе. Им заправляли опытные чародейки, и башня была обустроена на славу, позаимствовав у обители некоторые колдовские механизмы. В частности, систему обороны. Обитель чародеек действительно считалась неприступной, ибо ничто не могло проникнуть за наведенные барьеры без ведома ее хозяек. Вот только сами по себе эти барьеры, разумеется, не держались. Единожды созданные, они поддерживались дежурными чародейками, способными как усилить его, так и ослабить по мере необходимости. В обычное время барьер работал штатно, но при малейшей опасности заклинательницы концентрировали усилия, и пробиться через него было практически невозможно. Любой метательный сна-

ряд разбился бы о невидимый купол, даже если бы враг умудрился обрушить на него целую скалу. В Ардо дело обстояло схожим образом, просто в значительно меньшей степени. На боевом дежурстве здесь сестры не стояли, но в случае чего все находившиеся внутри имели возможность задействовать оборонительные системы. Башню опутывала сеть сложных заклинаний, сходившихся в ее основании. Там, в нижней подвальной комнате, напичканной всевозможными чародейскими приспособлениями, имелись так называемые кристаллы Плетения, они же Тексенумы. Это были особые колдовские инструменты. Будучи связаны с каким-либо объектом, они хранили в себе саму основу наложенных чар, чья сложность зависела от размера и качества кристалла. Для примера можно было привести сеть оросительных каналов, совершенно пустых в отсутствие необходимости полива и наполнявшихся водой по строго заданной схеме, едва открывались шлюзы. Тексенум был совершенно бесполезен при транспортировке. Он связывался с объектом стационарно, притом связывался долго и тщательно. Единожды установленный, он, как правило, оставался на своем месте годы, а то и века. Собственно, потому он и назывался кристаллом Плетения, что хранил все невидимые нити сплетенных заклинаний, являясь их центром и основой. В него, сродни объемному пергаменту, как бы записывали саму суть наложенного колдовства, с которым он сливался в единое целое. Только могущественной чародейке было по плечу свести в такой кристалл сложные заклинания, и только очень сильная чародейка могла использовать его по назначению, в нужный момент открывая те самые образные шлюзы. В непрерывном поддержании заклятий не было прямой необходимости. Достаточно вовремя наполнить кристалл колдовской энергией, чтобы привести в действие заблаговременно наложенные чары. Для этого поблизости всегда дежурил кто-то из очень опытных сестер, способных взаимодействовать с кристаллами Плетения.

Расчет нападавших оправдался бы наихудшим для чародеек образом, кабы они прозевали внезапную атаку. Липкому огню было бы достаточно повредить башню, чтобы нарушить целостность сплетенных с ней заклятий. К счастью, предупрежденные Сирелиной и вычислившие откуда исходит угроза, Каролайна и Алеада наполнили Тексенумы своей колдовской силой до того, как в стены башни ударились сферы Липкого огня. Жозефина, увы, не имела возможности им помочь, не будучи знакома с этой стороной чародейского искусства. В этом не было ничего удивительного. Та же колдунья Заура, к которой в пригороде Солтенстила наведывался Бэйл, при всех своих несомненных достоинствах тоже не

сумела бы достаточно эффективно укротить Тексенум, как и многие другие заклинательницы. Именно поэтому рядовые почтовые станции не оснащались столь редкими и серьезными инструментами за неимением тех, кто сумел бы с ними взаимодействовать. Мало научить служительницу владеть кристаллом Плетения. Она должна была обладать соответствующим уровнем силы, а в распоряжении обители попросту не имелось лишней сотни настолько могущественных чародеек. Даже если бы сама Настоятельница установила в каждой станции по Тексенуму и навела необходимые чары, в руках обычной колдуньи они оказались бы катастрофически слабы. И это не говоря о том, что каждый кристалл Плетения создавался целые десятилетия, взращиваясь в чертогах обители умелыми чародейками.

Сестры Гексенхаммера, вложившие всю свою природную мощь в Тексенумы, оказались для Липкого огня достойным противником. При всей своей чудовищной ярости он не сумел прогрызть невидимый барьер и бушевал вокруг него, бессильно разбиваясь о защитные чары. Казалось, ничто не способно их сокрушить, и все попытки нападающих пройдут втуне. Увы, это было далеко не так. Каролайна и Алеада стойко выдерживали обрушившийся на башню огненный вихрь, но бесконечно долго так продолжаться не могло. Они были живыми людьми с ограниченным запасом энергии, а посему, как и обычные люди, тоже уставали. Атлет не способен удерживать штангу на плечах вечно, равно как и кузнец без остановки махать тяжелым молотом. Любому из них рано или поздно потребуется перерыв на отдых, и чем больше будет нагрузка, тем быстрее наступит такая вынужденная пауза. Вот только в случае с Ардо это означало неминуемую гибель. Чародейки не могли просто взять и прекратить наполнять Тексенумы колдовской силой. Как только они перестанут это делать, заклинание быстро ослабнет под воздействием бушующей стихии и неминуемо падет. Со всеми вытекающими. В обители было достаточно сестер и энергетических запасов, чтобы удерживать защитные чары практически вечно. Башня в Коулбридже такими ресурсами не обладала.

Похоже, о чем-то подобном догадались и на ладье. Среди вооруженных людей на палубе появились какие-то люди в сером. Они внимательно изучали неподдающуюся башню, о чем-то совещаясь между собой. Затем приказали вновь зарядить орудия и дать еще один залп, поддерживая интенсивность ревущего пламени. Судя по кислому выражению лиц, происходящее отнюдь не вызывало у них бурного восторга, но они исходили из складывающейся ситуации. А она была такова, что вместо быстрого

уничтожения цели, по всей видимости, приходилось вступить в затяжной бой. Собственно, это касалось и местных жителей. Привлеченные чудовищным пожаром и надрывными звуками колокола, они со всех сторон сбегались к реке. При виде ладьи с вооруженными людьми, обстреливающей оплот чародеек, они испуганно шарахались прочь, но вскоре среди них замелькали и латники. Было лишь вопросом времени когда население Коулбриджа попытается прийти на помощь своим покровительницам и как минимум обстреляет саму ладью. И кто бы на ней ни командовал, он сообразил, что в изначальный план необходимо внести изменения. Впрочем, именно для этого на судне имелся достаточный воинский контингент, охранявший Липкий огонь и способный вмешаться в случае непредвиденного развития событий.

Ладья, дав в сторону башни еще один залп, отодвинулась от нее к противоположному берегу и пришвартовалась. Такое движение ей не могли придать ни весла, ни парус, ни рулевой. Становилось очевидно, что ей управляли сторонние силы, не имеющие к традиционному судоходству никакого отношения. По сброшенному трапу на каменистый берег посыпались вооруженные воины. В этот же момент с палубы ладьи взвился вверх светящийся желтый шар. Поднявшись высоко в небо, он вдруг рассыпался на множество прыснувших в стороны огоньков, обретя сходство с праздничным фейерверком. Вот только цель у этой иллюминации наверняка была не развлекательная.

В задачу воинов не входила схватка с местными жителями, равно как и непосредственное нападение на окруженную пламенем башню. К последней было попросту не подступиться, а первых достаточно удерживать на расстоянии. Воины должны были припугнуть население Коулбриджа, пока ладья пытается пробить оборону чародеек. Выстроившись в боевой порядок, они двинулись на гражданских, но смертоубийством не занимались. Отогнав жителей городка прочь, воины захватили ближайшие по берегу дома и заняли оборону, обстреливая из луков осмелившихся появляться стражников. Во всяком случае, так обстояло дело на северном берегу, относившемуся к княжеству Орнхольм. На южном, принадлежавшем королевству Ганхельд, и дополнительных мер не требовалось. Никто не осмеливался подойти к бушующему огню, а стража и малочисленный воинский контингент не решались перейти мост и выступить против неожиданного неприятеля. Объединись они с солдатами северной части Коулбриджа и тамошней стражей — глядишь чего бы и вышло, но разделение пополам лишило их возможности совместных действий.

Запертые в башне чародейки понимали, что надолго их не

хватит. Силы постепенно убывали. Какое-то время они еще продержатся, но потом… Нападай на них даже несколько кораблей с обычным вооружением — и все их баллисты и солдаты оказались бы бессильны против защиты Ардо. К нему могла явиться целая толпа — и все ее усилия не принесли бы ни малейшего успеха. Вот только в расчет означенной защиты как-то не входило, что вокруг башни разверзнется раскаленная преисподняя. Не обычный пожар, а дьявольское пекло, вместо башенных стен пожиравшее колдовскую силу чародеек. Они сопротивлялись ему более чем достойно, удерживая охранный барьер, и Липкий огонь впервые столкнулся с настолько серьезным противником. Тем не менее, возможности даже таких могущественных женщин были не безграничны.

В невидимый щит Ардо ударилось несколько выпущенных с ладьи стрел. Немыслимый жар спалил их оперение прямо в воздухе, но набравшие скорость тяжелые наконечники все же достигли цели. Не пробив ее так же, как и огненная стихия, они упали вниз и еще на лету обратились в капли расплавленного металла.

— Проверяют, только ли огонь не может до нас добраться, — констатировала стоявшая промеж пары башенных зубцов Каролайна.

— Ты как? — добавила она следом.

— Пока нормально, — отозвалась находившаяся в нескольких ярдах от нее Алеада.

Прильнув к окуляру подзорной трубы, она изучала ладью и высадившихся воинов, пока заведующая концентрировалась исключительно на подпитке Тексенумов. Эх, будь здесь побольше сестер… Чародейки попали в очень неприятную ситуацию. Пока они поддерживали защитное колдовство, башня оставалась неуязвима. При этом рано или поздно их энергия иссякнет, что немедленно приведет к самым плачевным последствиям. Следовало дать нападавшим достойный отпор, но любое действие автоматически станет черпать ту самую энергию, уходившую на оборону. Иными словами, стараясь поразить врага сильными заклинаниями, чародейки начнут быстро сокращать срок жизни защитного барьера. Если же они ничего не станут делать, то просто протянут подольше с практически гарантированным исходом.

— У меня все готово! — воскликнула вдруг появившаяся на вершине башни Жозефина.

— Уверена? — не поворачивая головы, поинтересовалась Каролайна. — Любая ошибка может дорого нам стоить.

Она стояла неподвижно, закрыв глаза и положив одну руку на белоснежный посох, а другую на шершавую поверхность каменного зубца. Так она лучше ощущала сплетение сведенных в Тексенумы

заклинаний, а заодно меньше уставала, сродни пловцу, отдыхающему на волнах.
— Мы, ведьмы, тоже кое-что умеем, — усмехнулась Жозефина. — И по-своему вас порой обходим.
— Хорошо, действуй как договаривались. Алеада, иди с ней. Поможешь, — ровным голосом отозвалась заведующая, не обращая внимания на услышанную оговорку.
Чародейка и ведьма удалились.

Наводчики на ладье готовились произвести очередной залп. Запас сфер Липкого огня был, разумеется, ограничен, но в трюме их находилось еще вполне достаточно, чтобы продолжать обстрел. Кроме того, ладья все равно прибыла уничтожить башню, так что экономия не имела смысла. Разве что залпы теперь следовало давать с промежутками, поддерживая напор огненного вихря. Поправив прицел, наводчики ожидали приказа, подаваемого одним из колдунов, заправлявших этой экспедицией. Помимо командования, те осуществляли многие технические функции. Например, именно благодаря им вороты, взводившие тетиву баллист, быстро вращались без участия людей. Ладья также шла вверх по течению не сама по себе, хотя на ней имелся парус, а на веслах действительно сидели воины. Их мускульная сила кратно увеличивалась за счет наложенного заклятья. Также колдуны без всякого якоря остановили судно и удерживали его на месте, а затем придвинули к берегу. Один из них, стоявший с подзорной трубой на корме ладьи, как раз готовился отдать приказ, как вдруг произошло нечто совершенно непредвиденное. Из воды с громким плеском вынырнули какие-то буро-зеленые стебли. Гибкие как змеи и прочные как веревки, они состояли из множества переплетенных речных водорослей, чьи листья и узловатые наросты образовали единое целое. Часть их змеившихся концов была не толще большого пальца, но некоторые смахивали на настоящие канаты. Шевелясь как щупальца осьминога, они живо вскарабкались по борту ладьи и полезли на палубу. Несколько солдат, оказавшихся к ним ближе всего, и опомниться не успели, как их ноги опутали цепкие кольца. Резкий рывок — и вот уже завопивших людей сорвало с палубы прямо в реку. Крича благим матом, они пытались зацепиться за что попало, но внезапность нападения не оставила им шансов на спасение. Кроме того, захват буро-зеленых стеблей был невероятно силен, и застигнутые врасплох солдаты лишь скользили руками по всему до чего получалось дотянуться. Неумолимая хватка водорослей утягивала их прямиком на дно, и лишь пузыри поднимались в том месте, где прервались в волнах истошные вопли. На судне началась легкая паника. Через борт лезло все больше стеб-

лей, и отпрянувшие воины, выхватив мечи, едва успевали от них отбиваться, рубя елозившие по палубе живые веревки. То одного, то другого человека все время сбивало с ног, и обвившиеся путы тут же тянули его в реку. Солдаты яростно рубили эти буро-зеленые щупальца, но на смену сраженным выползали новые. Вот уже и кто-то из колдунов, испуганно изрыгая проклятья, сплоховал с заклинаниями и был утащен в волны Луаны. Сообразив, что дело дрянь, его коллеги перестали церемониться и, отступив подальше, начали бить прямо по палубе различными чарами. Запахло паленым, над судном прокатился сухой треск стихийных разрядов. В поднявшейся суматохе доставалось и солдатам. Кто-то из них уже орал от боли, тряся обожженной рукой или ногой, а кто-то и вовсе отлетел прочь, отброшенный волной Бесплотного удара. Тем не менее, на палубе вскоре образовалась свободная от водорослей зона. Клинки солдат и заклинания колдунов позволили остановить атаку и жертвы среди экипажа прекратились. Радоваться, однако, было рано. В тот самый момент, когда живым веревкам наконец-то дали достойный отпор, раздался жуткий треск. Одна из баллист, плотно обвитая наиболее толстыми стеблями, оторвалась от палубы и с оглушительным плеском ухнула в воду. Коварные водоросли под шумок и общую сумятицу умудрились лишить противника боевой машины. Колдуны осознали, что положение принимает совсем дурной оборот. Без баллист нечего было и думать пробить защиту башни. Стало быть, черт с ними, с людьми — следует срочно менять тактику. Только что пребывавшие в безопасности воины были брошены спасать другую баллисту, чьи крепления вовсю трещали от крепкой хватки внушительных щупалец. Мечи с остервенением обрушились на толстые канаты водорослей, но на солдат тут же накинулись буро-зеленые змеи поменьше, и вот уже новые жертвы, вопя от ужаса, отправились в глубину реки. Колдуны, не обращая внимания на потери, сконцентрировались на защитных заклинаниях. Что они там наколдовали — осталось неизвестным, однако количество атакующих водорослей резко убавилось, когда вода у борта пошла огромными бурунами. Над волнами потянуло тяжелым запахом гниения и тины. От ладьи во все стороны поползло грязное черно-масляное пятно.

— Вж-ж-жих!

С певучим гулом в воздухе что-то промелькнуло, и одного из колдунов швырнуло с ладьи прямиком на берег. Он рухнул навзничь с закатившимися глазами, пронзенный здоровенным противолодочным гарпуном. Пробив человека насквозь, гарпун по инерции унес его с собой и врезался в пологий травянистый склон, пригвоздив к нему пораженное тело. Колдун захрипел, обливаясь кро-

вью, дернулся и затих.
— Вж-ж-жих!
Другой Манипулятор еле избежал участи коллеги, увернувшись в последний момент. Вместо него гарпун снес сразу двоих оказавшихся за ним воинов, нанизав их как кур на вертел. Сообразив, что по ним ведется прицельный огонь, колдуны попрятались за укрытия, перекрикиваясь друг с другом. Следующий гарпун вонзился в борт, за которым спряталась очередная цель, и поразил ее в голову пробившим дерево острием. Колдун так и скрючился на месте с дыркой в черепе. Остальные учли его печальный опыт и отодвинулись подальше. Солдаты, следуя приказу, продолжали рубить оставшиеся водоросли. Те больше не поднимались из реки, и люди добивали последние зеленые канаты. Новый гарпун ворвался прямо в группу воинов, нанеся ей существенный урон. Тем не менее, врагу удалось отстоять свою баллисту. Тяжелое железо успело поразить еще несколько человек, прежде чем очередной метательный снаряд наткнулся на невидимую стену, отлетел от нее и с плеском упал в воду. Колдуны тоже умели наводить защитные барьеры, тем более их на ладье была целая группа. Повторный выстрел с башни также не достиг успеха. Почувствовав себя в безопасности, Манипуляторы, не на шутку разозленные таким поворотом событий, принялись наводить порядок на палубе. Спустя какое-то время три оставшихся баллисты вновь разрядили в башню сферы Липкого огня.

Ожившие водоросли были делом рук Жозефины. Ведьма, прекрасно владевшая искусством взаимодействия с силами природы, изрядно поднаторела в таких делах, невольно практикуясь на отведенных ей болотах. Сама по себе, впрочем, она не сумела бы достигнуть столь внушительных результатов. Жозефине помогла Алеада, поддержав сплетенное ведьмой колдовство частью своей энергии. Пока ведьма дирижировала нападением водорослей, чародейка подпитывала заклинание, а сама параллельно хлопотала над старинным орудием, давненько стоявшим без дела. В прежние годы из него гарпунили лодки неприятеля. Сегодня ему нашлось иное применение. Хорошенько поколдовав над оружием, Алеада улучила момент и точным выстрелом, направляемым ее волей, поразила первого колдуна. Их она уже безошибочно определяла среди всех прочих. Затем стреляла до тех пор, пока враг не воздвиг непреодолимый для гарпунов барьер. К сожалению, к тому времени он сумел избавиться и от водорослей, разрушив чары Жозефины и заполонив речное дно какой-то гадостью. Защитницы сделали что могли, и действовали они очень даже успешно, нанеся нападавшим ощутимый урон. Увы, этого было явно недоста-

точно. Переглянувшись, ведьма и чародейка поспешили на вершину башни.

Каролайна очень устала. Она еще держалась, но расчетливый ум женщины сознавал, что надолго ее не хватит. Вскоре подпитка Тексенумов целиком ляжет на плечи Алеады, которая уже и так наполовину выдохлась. Потрепанный враг довольно быстро опомнился и вновь атаковал Ардо, подкинув жару в огненное кольцо.

— Идеи есть? — осведомилась заведующая все тем же невозмутимым тоном, когда ее сестра вновь появилась рядом в компании ведьмы.

Алеада, выставив белоснежный посох промеж зубцов, сгоряча долбанула световым столбом в направлении ладьи, благо что выпущенная колдунами темная энергия вызвала соответствующее возмущение иммунитета. Толку от этого оказалось маловато. Из-за слишком большого расстояния свет утратил львиную долю поражающей способности. Впрочем, кто-то из колдунов все-таки получил свое и теперь осыпал чародеек проклятиями, унимая жар, охвативший покрасневшие участки кожи.

— Не растрачивай себя понапрасну. Они слишком далеко, — нахмурилась Каролайна.

Алеада, устыдившись своему ребяческому порыву, с досадой закусила губу.

— Я могу поднять вихрь. Врагу он будет нипочем, но если я сделаю его эпицентром башню, то он станет сбивать окружившее ее пламя, а заодно и сносить направленные в нас снаряды, — предложила Жозефина. — Не знаю как долго у меня получится его удерживать, но сколько-то времени мы выиграем.

— Это такими штучками твои коллеги по цеху досаждают мирным жителям? — усмехнулась Каролайна. — Ведьмы и буря. Классика.

— Могу и не делать, — фыркнула ведьма. — Сгорим тут все заживо. Тоже будет классика.

— Ладно, не обижайся. Пусть будет по-твоему, — улыбнулась заведующая. — Что тебе для этого нужно?

— Котел с ингредиентами и время на приготовление зелья. В ваших закромах наверняка кое-что найдется, а чего там не окажется — я заменю подходящими аналогами. Получится хуже, но сейчас выбирать не приходится. Можно обойтись и без котла, но тогда...

— Я тебя умоляю! Тонкости ведьмовского ремесла мы обсудим позже. Котел так котел. Остроконечную шляпу только не забудь, а то не по форме получится, — не удержалась заведующая.

— Вот и помогай чародейкам! — рассердилась ведьма.

— Я стараюсь шутить, потому что мне ужасно тяжело, — очень

серьезно сказала вдруг Каролайна. — Поспешите, ибо мои силы на исходе.
Жозефина, мгновенно остыв, бросилась вниз по ступенькам.
— Будь готова взять защиту на себя, — шепнула заведующая устремившейся следом Алеаде. — Я не знаю сколько еще смогу протянуть.

Котел поставили под открытым небом прямо на вершине башни. Сложенные березовые дрова весело трещали, пока содержимое здоровенной бронзовой посудины закипало и бурлило. Чего там ведьма бубнила себе под нос, помешивая сомнительное содержимое и постоянно подсыпая туда компоненты — чародейки особо не прислушивались. Они с нетерпением ожидали результата. Алеада подносила все что запрашивала Жозефина и поддерживала пламя, пока Каролайна, стиснув зубы, отдавала последнюю энергию Тексенумам. Больше всего ее поглощал тот, что блокировал стихийный урон. Препятствовавший же механическому воздействию заведующая, как могла, ослабила, но и полностью отключить не рисковала. Дело было не в стрелах или чем-нибудь в этом роде — сущей ерундой. Из-за воздействия Липкого огня искореживалась сама земля вокруг башни, и этот щит компенсировал всплески появлявшегося на него давления. Третий Тексенум отвечал за противодействие колдовству. Находившиеся на лодке заклинатели, судя по всему, не побрезговали атаковать башню какой-то нечестивой сущностью, попытавшейся пробиться снизу вверх. Ощутив резко возросшее давление на контур третьего Тексенума, Каролайна была вынуждена компенсировать его выбросом дополнительной энергии и пошатнулась. В глазах у нее потемнело, и она испугалась, что потеряет сознание. Стойкая женщина выдержала, но поняла, что ей осталось очень недолго.

Когда над котлом наконец-то занялся долгожданный вихрь, заведующая начала сдавать. Три заклинательницы почувствовали, что температура внутри башни повышается. Просачивавшийся напор пламени охватывал камни, и от них начинало веять жаром так же, как от нагретой скалы в знойный день. Алеаде не часто доводилось наблюдать ремесло ведьмы на практике, во всяком случае именно в нынешнем его варианте. Вид формировавшейся над котлом бури вызывал известный интерес, поэтому, несмотря на обстановку, чародейка невольно следила за воплощавшимся заклятьем. От себя, следуя инструкциям Жозефины, она снова влила в ее колдовство часть энергии, сделав бурю менее разрушительной, но более холодной. В тот момент когда ведьма, звонко ударив по котлу черпаком, громогласно выкрикнула заклинание, выпуская бурю на волю, башня едва не пала. Каролайна, выжатая

до капли, осела прямо на каменный пол, и Алеада еле успела перехватить у нее контроль над кристаллами Плетения. Только теперь она поняла, как тяжко приходилось ее старшей сестре. Казалось, на плечи чародейки неожиданно лег сам небосвод, и она, как мифический герой, держала его изо всех сил, не давая обрушиться на землю. Все ее существо окутало невероятное напряжение, сквозь которое трудно было даже думать, не то что делать что-то еще.

Взревел вырвавшийся на свободу вихрь. Взвившись над центром башни, он столбом ударил в небо, налив его материализовавшимися из ниоткуда сизыми тучами. В нескольких сотнях ярдов над Ардо образовалась клубящаяся завесь, по форме напоминавшая огромную тарелку из плотно сжатой спирали. Она сыпала мелкими молниями, и из нее, ширясь и кружась, протянулся длинный хобот торнадо. Объяв стены башни, он достиг земли и с ревом принялся сдирать пожиравшее ее пламя. Холодный грозовой фронт столкнулся с источаемым огнем жаром. В воздух взвились угли и пепел, разносясь далеко вокруг. Башня окуталась плотной вихрящейся завесой. Поток беснующегося воздуха был настолько неистов, что выпущенные с ладьи снаряды просто снесло, подхватило штормовым потоком, подняло высоко вверх и там разорвало чудовищным перепадом давления. Содержимое смертоносных сфер бессильно просыпалось в виде мелкодисперсного порошка, развеянного на многие мили окрест.

Алеада почувствовала, как агрессивный напор на защитные барьеры начинает уменьшаться. Он все еще был очень силен, поскольку источаемый Липким огнем жар на раз-два не уймешь, но ей стало заметно легче. Часть давившей тяжести ушла. Временно, конечно, но сейчас любая передышка была жизненно важна. Каролайна, придя в себя, уселась возле зубца, прислонившись к нему спиной, и смотрела в небо, созерцая бушевавшую там грозу.

— Жозефина, принеси ей микстуру! Там, в красном шкафчике! — стараясь перекричать дикий вой ветра, обратилась к ведьме Алеада.

— Не могу! — мотнула головой та. — Я не вы. Мне надо находиться здесь, чтобы контролировать ураган. Если я уйду, он покинет стены башни и двинется куда ему вздумается.

— Я сама схожу, — подала голос Каролайна. — Мне уже лучше.

— Только не хвати лишнего! Это очень сильнодействующее средство! — взволнованно воскликнула Алеада.

— А то я не знаю. Только выбора у нас все равно нет, — пожала плечами заведующая, поднимаясь на ноги.

Вызванный Жозефиной вихрь на какое-то время спас поло-

жение, сняв с Ардо часть урона и лишив нападавших возможности вести дальнейший обстрел. Поняв всю его бесперспективность, они оставили баллисты в покое и устроили совещание, решая как поступить дальше. Когда Каролайна поднялась обратно на вершину башни, она выглядела намного бодрее. Сильнодействующий напиток чародейки использовали лишь в самом крайнем случае. Он мобилизовал все резервы организма, придавая легкость и бесстрашие. Часть колдовской энергии восполнялась, позволяя плести заклинания дальше. Вот только ничто не давалось даром. Подрыв жизненных сил был таков, что после применения этого зелья следовало много дней восстанавливаться. Достигнуть под его воздействием полного изнеможения уже не грозило одним лишь обмороком — это было чревато смертью.

— Давай я тебе помогу, — ласково сказала Каролайна, и тут же сняла часть ноши с сестры.

Алеада почувствовала невероятное облегчение, хотя усилие уменьшилось лишь на половину. Впрочем, какое там "лишь"! На целую половину!

— Как долго мы еще протянем? — спросила она, отгоняя мрачные мысли.

— Не знаю. Но если нас обстреляет вторая ладья, то нам точно конец, — качнула головой заведующая.

Вторая ладья подошла к Коулбриджу как раз тогда, когда ведьма выпустила свое колдовство. Каролайна успела ее заметить до того, как почти потеряла сознание. Теперь она старалась отыскать это судно сквозь вихрящуюся вокруг стен завесу, но через нее вообще мало что было видно. Побочный, так сказать, эффект, но тут уж ничего не поделаешь. Чародейкам оставалось только гадать что происходит снаружи. На их счастье, сокрытый в сердце бури Ардо временно оставили в покое.

Вторая ладья пришла на условный сигнал, поданный с палубы первой в виде желтого фейерверка. Она не несла Липкого огня. В ее задачу входило боевое сопровождение. Поскольку жители городка начинали проявлять настойчивость в своих попытках добраться до наглого противника, чья численность оказалась не так уж и велика, да еще сократилась благодаря чародейкам, колдуны позвали поджидавшее до поры подкрепление. Ладья пришвартовалась у пристани, и прямо там же закипел первый серьезный бой. Городская стража и воины Ганхельда, собравшись в ударный кулак, атаковали захватчиков, в то время как их товарищи в северной части Коулбриджа в свою очередь насели на засевшего там врага. Колдуны, сообразив, что рукопашный бой может обернуться не в их пользу, вынуждены были разделить усилия. Половина

Манипуляторов отправилась помогать своим воинам, осыпая защитников городка атакующими заклинаниями. Бесплотные удары, Корни, Искажение, Жгучая жижа и Ядовитый газ были лишь частью того арсенала, который имелся в распоряжении приспешников Дегониса, и который они успешно применили против осмелившихся дать им отпор людей. Оставшиеся на ладье колдуны, собравшись в кучку, вовсю творили противодействующие чары. Им было необходимо разогнать защищавший башню шторм. Он постепенно ослабевал и сам, поскольку Жозефина тоже уставала, но колдуны не собирались дожидаться когда буря утихнет сама собой. Пока в Коулбридже с переменным успехом шла уличная схватка, в атмосфере столкнулись две противоборствующие стороны. Почувствовав, что она теряет контроль над стихией, ведьма приложила последние силы, и на некоторое время выбила колдунов из равновесия. Те в данный момент не имели возможности разрушить один ураган другим, а посему старались развеять уже имевшийся. Ломать темное колдовство у них получалось гораздо хуже, нежели его наводить, поэтому Жозефина какое-то время уверенно держалась. Вскоре, однако, ураган стал стихать, и вихревые потоки воздуха ослабли. Ослабли настолько, что через них стало хорошо видно ладью. И вот уже пробный запуск зловещих шаров вновь достиг цели, и чародейки тут же ощутили всплеск бешеной ярости Липкого огня.

— Жозефина, ты можешь долбануть этих мерзавцев молнией? — спокойным голосом осведомилась Каролайна.

— Мне не хватит сил, — отозвалась утомленная ведьма. — Они все уходят на удержание вихря. Пусть Алеада разложит Круг Стихий. Знаю, ей придется нелегко, но если она наполнит мою тучу электричеством, то сможет бить оттуда разрядами.

— Слушай, а ведь это идея! — хором воскликнули обе чародейки.

Помирать, как говорится, так с музыкой. Сам по себе Круг Стихий требовал довольно много бесценной сейчас энергии, а его эффективность на столь значительном расстоянии до цели вызывала вопросы. Штормовые тучи ведьмы несколько меняли расклад, и чародейки решили не упускать такой шанс. Скорее всего, последний. Алеада наскоро соорудила означенный Круг, торопясь и волнуясь как послушница на экзамене. Жозефина просила ее поторопиться. Варево в котле выдыхалось, а ее собственная энергия стремительно таяла. Она только что использовала подхваченное ураганом бревно, проплывавшее мимо горевшего берега. Дождавшись когда оно поднимется повыше, ведьма метко швырнула его прямо в группу видневшихся на противоположном берегу захватчиков. У ад-Сейдина стало на трех солдат меньше, а Дегонис

не досчитается еще одного Манипулятора. Не ожидавшего небесной кары колдуна переломало пополам, и его останки отлетели к стене дома, из-за которого он только что разил защитников Коулбриджа темными заклятьями.

Над Кругом Стихий появилась и стала расти светившаяся голубым огнем сфера, испускавшая многочисленные электрические сполохи. Послышался сухой треск разрядов. В воздухе запахло озоном.

— Скорее! — крикнула Жозефина.

Алеада, поднатужившись, выпустила всю успевшую накопиться в сфере энергию прямиком в начинавшую рассасываться тучу. Та немедленно откликнулась яростным гулом, а ее клубы осветились всплеском искавшего выход напряжения. Оглушительно бабахнув, ударила первая молния, едва не попав в саму башню. Алеада, вытянув руку с посохом вверх, кое-как овладела хаотичным электрическим вихрем и сделала короткое движение в сторону реки. Вторая молния долбанула в воду подле ладьи, которую теперь было очень хорошо видно из-за стихавшего урагана. Чародейка, трясясь от лихорадочного возбуждения, сделала поправку к северу, но перестаралась, и третья молния опалила берег, испепелив двух подвернувшихся там вражеских воинов. Лишь четвертая наконец-то достигла цели. Бледная от напряжения Алеада, впившись глазами в стоявших на палубе колдунов и по-прежнему держа одну руку с посохом вверх, выбросила в их направлении другую. Сильнейший разряд, прорезав пространство ослепительным зигзагом, шарахнул прямо в палубу. Ближайший колдун превратился в угольки. Остальные с воплями отлетели в стороны. В месте попадания молнии немедленно занялся огонь. К сожалению, это был последний выстрел Алеады. Усилия колдунов увенчались успехом одновременно с выведенной из игры Жозефиной. Кольцо урагана разошлось от стен Ардо, и напор воздуха иссяк. Тучи развалились на отдельные разбежавшиеся клубы и быстро развеялись без следа. Попади чародейка чуть точнее и, возможно, в ходе противостояния наступил бы долгожданный перелом. К сожалению, уцелевшие колдуны довольно скоро взяли ситуацию под контроль. Пожар на судне был оперативно потушен, а баллисты вновь изрыгнули в башню сферы Липкого огня.

Несмотря на потери, враг вернул себе преимущество, и на сей раз ответить ему было решительно нечем. Переключившаяся на молнии Алеада потратила часть своей энергии и невольно оставила Каролайну в одиночестве. Та даже не пикнула, понимая, что атака сестры их последний шанс на спасение. Увы, он все же не сработал. Теперь чародейки не могли отвлекаться ни на что, из

последних сил наполняя Тексенумы остатками своей колдовской энергии. Жозефина еще пыталась сопротивляться, стараясь достать врага своим ведьмовским искусством. Ей даже удалось поразить нескольких захватчиков, сражавшихся с защитниками Коулбриджа. Но это уже ничего не могло изменить. Ладья опять стала неуязвима, спрятавшись за вторично наведенным колдунами барьером, а под их же прикрытием солдаты врага одерживали верх над жителями городка. До падения Ардо оставались считанные минуты. Солнце клонилось к закату — последнему закату в жизни двоих до последнего сопротивлявшихся чародеек и одной ведьмы. Словно догадавшись что башня наконец-то сдает, ладья выпустила три залпа один за другим, израсходовав практически весь запас Липкого огня.

— Ну что ж, рада бы сражаться с вами плечом к плечу, — торжественно произнесла Каролайна, чувствуя, как в глазах у нее темнеет, а пальцы стали холодны как лед. — Прости, Жозефина, что не доверяла тебе.

— А, пустое, — отмахнулась ведьма. — Жаль помощь так и не пришла.

— Сестры за нас отомстят, — убежденно произнесла Алеада без тени страха и сожаления.

Жар становился все сильнее по мере того, как иссякала энергия чародеек. Окутанная пламенем башня начинала сдавать, и Липкий огонь наконец-то собирался полакомиться неуязвимой твердыней.

— Прощайте, дорогие! — воскликнула Каролайна, ощущая, как сознание покидает ее навсегда.

Это был конец, и уже ничто не могло его предотвратить. Должно быть, искажения в затухающем сознании вызвали в нем совершенно невероятное видение. Уже падая на пол, чародейка остатками восприятия успела увидеть, как неожиданно вздыбившаяся река вдруг накрыла собой ладью и одним махом перевернула ее кверху брюхом словно дохлую рыбу.

– 4 –

Наступила пора золотой осени. На начало октября северные леса приобрели тот особенный неповторимый облик, который можно увидеть только в это время года. Хвойные вечнозеленые великаны оказались окружены красочным и ярким обрамлением. Желтые, красные, бордовые, оранжевые ладошки листьев, круглые и вытянутые, гладкие и резные, тихо шелестели в движении становившегося каким-то невероятно прозрачным воздуха. Множе-

ство деревьев меняли свой летний наряд перед тем, как полностью его сбросить, будто собирались предстать в особом парадном одеянии перед длинной холодной зимой. Землю уже вовсю устилало плотное покрывало опадающего разноцветного убранства, сберегающее ее покой вплоть до следующей весны, когда в первых прогалинах появятся новые робкие цветы. Тогда, вслед за уходящим снегом, потянутся из плодородной почвы душистые травы, а кусты и деревья выбросят свежие листья, покинувшие распадающуюся скорлупу набухших почек. И даже сосны, ели и кедры станут еще зеленее, чем обычно, усеянные длинными нежными свечками пробивающихся побегов. Сейчас же природа готовилась ко сну, и ее прекрасный наряд говорил о том, что сон этот уже не за горами, и близок тот день, когда одни лишь оголенные ветви протянутся к плаксивому ноябрьскому небу.

Сирелина, в отличие от воспитанницы, немало повидала на своем веку подобных красот, поэтому реагировала на них достаточно сдержанно. По ее меркам, осень несколько запаздывала. Более северные леса уже недели две как должны были сменить свой облик, прощаясь с уходящим теплом огненно-желтыми красками. Здешние же словно никуда не торопились, предоставляя людям возможность подольше насладиться своим великолепием. К сожалению, Илиана не могла оценить их по достоинству. Сосредоточившись на лошадях, она старалась не крутить головой по сторонам, чтобы не нарушить установившуюся связь. Девушка, безусловно, примечала открывавшиеся перед ней фантастические пейзажи, но не позволяла себе ни притормозить у очаровательной опушки, ни, тем более, остановиться где-нибудь на высоком холме. С таких то и дело открывался изумительный вид на золотую, с огнем, чащу, поражавший любое хоть сколь-нибудь не безразличное воображение. Будет время и для созерцания прекрасного, а сейчас стоило спешить, и спешить так, как Илиана еще не спешила никогда в жизни.

Лошади летели будто у них появились крылья. Их фантастическая скорость производила впечатление даже на Сирелину, а уж про воинов сопровождения и говорить не приходилось. Для опытного наездника не было секретом, что некоторые породы способны какое-то время скакать невероятно быстро. Никто не знал, что этот порог — далеко не предел, а длительность пиковой скорости бывает столь продолжительной. Складывалось впечатление, что лошади не ведали усталости. Их копыта едва касались земли, а невероятная невесомость как всадников, так и их собственная позволяли вихрем пронзать пространство. Миля мелькала за милей, оставляя позади целые районы и области, а лошади рвались впе-

ред даже не нуждаясь в понукании.

Головокружительная скачка продолжалась несколько часов. Постепенно к ней все привыкли и даже досадовали, когда отряд был вынужден снижать темп, а то и вовсе останавливаться. Невольные задержки были связаны с заставами на дорогах. Весьма немногочисленных в этих краях, но все же существовавших. Их удавалось миновать без малейших проблем. Капитан королевской стражи при полном параде предъявлял верительные грамоты, и никто из встречных не осмеливался поставить их под сомнение. Присутствие в отряде чародейки лишь придавало им дополнительного веса и почтения, хотя на деле все было с точностью до наоборот. Это чародейка спешила на помощь своим сестрам, а воины Ганхельда лишь сопровождали ее и ее воспитанницу. К последней они окончательно прониклись каким-то суеверным восторгом. Догадавшись, что безумная скорость лошадей — исключительно ее заслуга, они мало-помалу освоились и стали воспринимать происходящее как должное. Как должное, разумеется, в присутствии девушки с сиреневыми глазами. Им непременно хотелось как-нибудь отличиться, поэтому когда вдали показались клубы дыма, разносимые бушевавшим над башней ураганом, пыл рвавшихся в бой солдат пришлось охлаждать. Впрочем, слушались они беспрекословно. Сирелина, заведомо не зная что происходит в Коулбридже, велела северянам не геройствовать, а любой ценой охранять ее воспитанницу, с головы которой не должен упасть ни один волос. Это их вполне устроило. Каждый был готов закрыть ее собой, случись в этом такая надобность.

Отряд приблизился к Коулбриджу с юго-запада. Приблизился, впрочем, было довольно мягко сказано, потому что лошади, подстегиваемые Илианой, на последнем этапе пути демонстрировали настоящие чудеса. Девушка, до глубины души взволнованная поднимавшимися над городком дымом и паром, понимала, что схватка в самом разгаре, и меньше всего на свете хотела опоздать в последний момент. Явно рукотворные грозовые тучи, исторгавшие хобот торнадо, озарялись молниями, но ураган заметно слабел, а молнии становились все реже. Сирелина, безусловно, разделяла ее чувства, изводя себя до крайности от волнения за судьбу сестер. Вид башни, объятой бушующим пламенем, едва не выбил чародейку из колеи, и лишь притормозившая лошадей Илиана уберегла ее от необдуманных поступков. Отряд свернул к реке, оставив позади проезжую дорогу. Широкая утоптанная тропинка привела его на самый берег Луаны западнее излучины с башней, откуда открылась панорама схватки. Большая потрепанная ладья обстреливала Ардо из трех баллист. Обстреливала Липким огнем,

который, судя по всему, уже добирался до каменных стен, пользуясь слабевшей защитой чародеек. Шторм над башней только что развеялся, и вражеское судно усилило напор, поддавая в и без того раскаленное пекло еще больше дьявольского жара. Бешеная ярость пожарища привела Сирелину в отчаяние. Она не знала ни одной силы, способной укротить такой чудовищный кошмар, пожравший все вокруг Ардо. Тексенумы башни, подпитываемые кем-то из сестер, все еще держались, но по ряду признаков становилось понятно, что осталось им недолго.

— Мы опоздали! — с невыразимой мукой воскликнула Сирелина, едва не направив свою лошадь в воду, будто намеревалась вплавь добраться до треклятой ладьи.

— Вперед по берегу! Живо! — скомандовала Илиана, увлекая за собой наставницу.

Уклоняясь от хлестких веток и маневрируя между деревьями, всадники быстро сокращали расстояние, отделявшее их от эпицентра побоища, и вскоре оказались совсем близко. Настолько близко, что ощутили веяние горячего воздуха, исходившего от бушевавшего пламени. Ладья была теперь как на ладони, но до нее все еще оставалось сотни три ярдов — несколько меньше, чем до башни, но все же слишком много, чтобы поразить ее каким-либо оружием. Застыв у противоположного берега, она продолжала обстреливать башню, нагнетая напор бесновавшегося огненного вихря. Сирелина затравленно обернулась на воспитанницу.

— Нам нечем ее уничтожить! — крикнула она. — Все бесполезно!

— Этого и не требуется, — с каким-то невероятным спокойствием сказала вдруг поравнявшаяся с ней девушка. — Просто переверни ее.

Обе их лошади теперь стояли рядом на маленьком мысу, а позади виднелись озабоченные происходящим шестеро воинов, плюс безучастный ко всему пленник.

— Я не могу! Этого никто не может! Это просто невозможно! — ужаснулась Сирелина.

— Возможно, — тихо произнесла воспитанница, встретившись с ней взглядом.

Сиреневые глаза мерцали загадочной глубиной, таившей в себе нечто совершенно неведомое. Чародейка хотела было что-то сказать, но промолчала, завороженная этой странной игрой света. Илиана положила руку ей на плечо, и Сирелина ощутила всплеск неудержимой силы. Ощутила, как все ее существо наполняет доселе неизвестная мощь. И в следующее мгновение она поняла, что хотела девушка. Увидела это так ясно, будто некогда уже наблюдала подобное собственными глазами. Увидела — и почувствовала

невероятную легкость. Абсолютно твердую уверенность в том, что это возможно. Она даже знала как. Обратив взор на ладью, чародейка вытянула в ее направлении руку ладонью вверх. Замерев неподвижно на несколько секунд, она плавно опустила ее на фут, а затем описала полукруг, возвращая руку на прежнее место, но уже ладонью вниз. Это было не просто движение…

Никто ни на судне, ни на берегу так и не понял что произошло, ибо это казалось совершенно немыслимым. Волны у деревянного борта вдруг вспенились, а затем, вздыбившись огромным валом, просто ушли из-под ладьи, уронив ее в разверзшуюся яму. Ладья завалилась на бок, окунувшись мачтой в бурлившую стену, а затем переместившаяся вокруг нее масса воды хлынула на нее сверху, окончательно перевернув кверху дном. Луана была достаточно глубока, а в этом месте излучины особенно, и образовавшегося напора с лихвой хватило для того, чтобы опрокинуть большое судно как выструганную из коры игрушечную лодочку. С берега донеслись испуганные вопли. Кипевшая там схватка остановилась сама собой. Обе противоборствующие стороны, окаменев от изумления, наблюдали, как речные волны расправились с кораблем будто с яичной скорлупкой. Только что он успешно обстреливал башню, собираясь наконец-то покончить с ней раз и навсегда, а вот уже сам, поверженный разъяренной стихией, болтается вверх обросшим ракушками брюхом. Волны, подхватив ничем более не удерживаемую ладью, неторопливо понесли ее вниз по течению в направлении моста, но длилось это недолго. Забулькав и задрожав, ладья вдруг нырнула перевернутым носом, а затем скрылась в реке целиком. На поверхности остались качаться лишь сорванные с палубы вещи да несколько всплывших трупов.

Людей охватило еще большее смятение, когда вторая волна, взметнувшись на добрый десяток ярдов, накрыла собой пространство вокруг башни. В воздух с ужасающим шипением ударили гигантские столбы пара, разбегаясь густыми белыми облаками. На несколько секунд у подножия Ардо сошлись в жестоком бою две стихии. Некоторое время казалось, что ничто не способно укротить бешенство Липкого огня. Сгустки пламени виднелись сквозь объявшие башню воды, светя через них цепью красных и оранжевых каверн. Однако даже это чудовищное оружие не сумело совладать с поднявшейся на дыбы Луаной. Когда ее волны пошли на спад, глазам наблюдателей предстали опаленные, но целые камни и до пепла выжженная, но все же остывшая земля. По обоим берегам Коулбриджа разнеслись радостные крики. Местные жители осознали, что коварному захватчику нанесен сокрушительный удар. Оставшись без ладьи с колдунами, потрясенные увиденным

зрелищем южане бросали оружие и сдавались. Сопротивлялись лишь уцелевшие Манипуляторы. Морально сломленные непостижимостью исхода сражения с башней, которое они, казалось, уже выиграли, колдуны понимали, что их не ждет теплый прием. Четверка заклинателей отступала ко второй ладье, собирая вокруг себя всех еще не сдавшихся солдат. Им даже удалось почти добраться до заветного судна, готового дать деру вниз по реке, как среди защитников Коулбриджа объявилась рассвирепевшая чародейка. Словно фурия она ворвалась в первые ряды сражающихся. Ее светлые волосы развевались будто водоросли в плавном течении, а глаза сияли бело-голубым так, что дрожь пробирала. Бабахнул оглушительный разряд. Вылетевшая из ладони чародейки шаровая молния мелькнула в группу южан и взорвалась там, опалив доспехи. Часть сраженных солдат рухнула на месте, остальные с воплями отлетели в стороны. Ослепительный зигзаг — и вот уже правый фланг противника утратил боеспособность, рассеянный мощной вспышкой гудящего электричества. Еще один — и левый последовал участи правого. Строй отступавших к ладье южан развалился, боевой порядок рассыпался. В поредевшем центре показалась четверка Манипуляторов, прикрывавшаяся воинами. Впервые за долгое время колдуны почувствовали настоящий ужас. Похоже, все, что им до сих пор говорили о чародейках, оказалось ложью. Мощь этой женщины поражала воображение, выходила за всякие границы. Струхнувшие Манипуляторы попытались достать ее заклинаниями, которыми они то и дело огрызались в отряды защитников городка, но получилось у них так себе. То ли они не сумели совладать с волнением, колотившим их мелкой дрожью, то ли чародейке их жалкие потуги оказались нипочем. Направив на сгрудившуюся четверку белоснежный посох, она окуталась таким ярким сиянием, что стало больно глазам. Толстый световой столб, исторгнутый ее оружием, ударил в Манипуляторов, превратив их в комки жгучей нестерпимой боли. Рухнув на землю, они принялись кататься и дико вопить, лишившись способности к осознанным действиям. Еще сопротивлявшиеся южане тут же побросали оружие, подняв руки вверх. На ладье, сообразив, что дело совсем дрянь, попробовали отчалить от пристани. Выбросив руку вперед, чародейка так громко произнесла заклинание, что от громовых раскатов ее голоса задрожали оконные стекла. Мачта, переломившись у самого основания, с надсадным хрустом обрушилась в воду. На ладье, решив более не искушать судьбу, выбросили белый флаг.

Пространство вокруг башни представляло собой то еще зрелище. Липкий огонь прогрыз целые рвы, уйдя глубоко в землю.

Почва, песок и камни на десятки ярдов вокруг были испепелены его неистовой яростью. Даже вход в Ардо оказался временно недоступен из-за просевшей местности, но жители Коулбриджа помогли чародейке и ее спутникам попасть внутрь. Откуда ни возьмись появились плотники, а народ потащил отовсюду доски, бочки, веревки и прочие материалы, способные навести временную переправу. Тем временем сначала к созданному огнем обрыву, а затем и ко входу башни приставили длинные лестницы. По ним чародейка и ее спутники забрались внутрь. Там их встретила едва живая от волнения и усталости Алеада. Сестры не слишком церемонились с приветствиями — им было попросту не до того.

Каролайна была при смерти. Она едва дышала, лишившись чувств, и жизнь покидала тело, отдавшее всю энергию защитным барьерам башни. Подле ее ложа вовсю хлопотала Жозефина. Ведьма мало что могла сделать, но благодаря ее заслугам чародейка до сих пор не умерла. Алеада коротко пояснила что произошло, рассчитывая получить объяснения и от Сирелины. Та предложила как следует переговорить лишь когда Каролайна окажется вне опасности.

— Боюсь, она обречена, сестра, — печально сказала Алеада. — Она выжала себя до капли уже находясь под Экстранумом. Ее жизненные силы потрачены необратимо. Жозефина облегчила ее состояние, но ненадолго. Больше никто не в силах ей помочь.

— Кроме одного человека, — отозвалась Сирелина.

Почтительно расступившиеся воины пропустили в комнату девушку с сиреневыми глазами.

— Это кто? — осведомилась Алеада.

— Все вопросы потом. Сейчас не мешай ей. Если кто и может спасти Каролайну, то это она, — сказала Сирелина, поманив воспитанницу.

Та приблизилась к постели пострадавшей чародейки. Присев на ее край, она взяла бесчувственную женщину за руку и замерла, словно прислушиваясь к неким далеким едва различимым звукам.

— Ей осталось совсем немного. Возможно, минуты, — тихо произнесла Илиана, ни на кого не глядя. — Ее жизненная сила почти обнулилась, клетки выжали сами себя. Повреждения кажутся необратимыми, хотя внешне тело выглядит совершенно целым. Я еще не имела дела с таким критическим случаем. Не знаю, справлюсь ли. Это не то же самое, что залечить рану или изгнать болезнь.

— Ты справишься, — мягко улыбнулась Сирелина. — Кто же кроме тебя.

— Тогда отойдите подальше, — слабо улыбнулась в ответ Илиана.

— Мне надо отдать больной очень много энергии. Для остальных это может быть опасно.
Без лишних слов Сирелина оттащила Алеаду и Жозефину, не слишком довольных таким поворотом дела. Все их вопросы она пресекла недовольным шиканьем, приложив палец к губам. Присутствующим оставалось лишь смотреть за действиями девушки. Довольно быстро выяснилось, что там было на что посмотреть.

Даже сама Сирелина впервые видела такое бурное излучение алого света. Не ореол, не волны и не облако, а настоящий поток хлынул прямиком в пострадавшую женщину, заливая все окружающее пространство. Комната покраснела так, будто в ней разом зажглось несколько огромных фонарей. Вероятно, этот отсвет был виден через окна башни на много миль окрест. Испускаемое Илианой энергетическое поле, чем бы оно ни было, стало таким плотным, что Сирелина практически видела его колышущиеся нити, окутавшие целительницу и пациентку. Выброс этого поля был так силен, что лучи расходились далеко в стороны от девушки, постепенно развеиваясь в воздухе. Сирелина почувствовала, как сама атмосфера в комнате становится все более плотной, затрудняя дыхание. Кажется, теперь она поняла о чем предупреждала Илиана. Источаемый девушкой энергетический поток был настолько мощным, что лился через край, не только наполняя исцеляемое тело, но и пронизывая все вокруг своими зримыми лучами. Для истощенной, умиравшей женщины он был прямым источником спасительной жизненной силы, но на здоровых людей воздействие этого поля могло быть весьма чревато. Прикрыв глаза от волнующегося алого сияния, присутствующие стояли как завороженные. На лице воинов читалось подлинное благоговение; Алеада и Жозефина застыли столбами, разинув рот и вытаращив глаза. Сирелина догадывалась об обуревавших их сейчас чувствах, поскольку и сама была ошеломлена до крайности.

Когда свет вокруг Илианы угас, Сирелина быстро приблизилась, надеясь на положительный исход. Долго ей гадать не пришлось. Веки Каролайны затрепетали, а затем разомкнулись. В заблестевших глазах промелькнула все еще туманная, но возвращавшаяся мысль. Илиана же напротив — как-то сразу осела.
— Она будет в порядке, — слабым голосом сказала девушка. — Только процесс был слишком интенсивным. Я очень устала. Мне… немного не по себе…
Глаза ее закрылись, и она свалилась прямо на руки насмерть перепугавшейся наставницы.

Девушка пришла в себя на большой мягкой постели в чистенькой уютной комнате. Занавески открытого окна колыхал лег-

кий ветерок, а на пол падали косые лучи восходящего солнца. У стен, на шкафчиках и этажерках поблескивали красивые хрустальные и фарфоровые безделушки. На столике возле кровати искрился мелко пузырившимся содержимым округлый графин зеленого стекла. Привстав на локте, Илиана недоуменно огляделась вокруг, силясь сообразить где находится. Присущие ей способности еще не включились, поэтому она лишь краем глаза заметила устремившуюся к ней среднего роста женщину.
— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — ласково спросила эта женщина, озабоченно оглядывая лежавшую на кровати девушку.
Немного морщинистое лицо выражало с трудом скрываемое беспокойство, открыто читавшееся в серых глазах. Илиана несколько сиплым голосом сообщила, что все в порядке, а затем осведомилась, с кем она имеет дело и где, собственно, Сирелина. В суматохе последняя никого не успела представить своей воспитаннице, которая, проведя чудодейственное исцеление, сразу же грохнулась в обморок. Жозефина назвалась.
— Вот как? Ты действительно ведьма? — перепросила Илиана, с любопытством изучая хлопотавшую подле нее фигуру.
— Надеюсь, тебя это не слишком смущает, — ответила седеющая женщина. — Твоя чародейка сейчас держит совет со своими сестрами. — Я бы позвала их, но тебе следует еще немного отдохнуть.
— Я чувствую себя вполне нормально, — сказала девушка, порываясь встать.
Исходившая от троих чародеек сила теперь действительно ощущалась несколько поодаль. Не так заметно, как присутствие дежуривших у входа в комнату воинов.
— Конечно-конечно, — ласково закивала Жозефиной. — Но сначала выпей вот это.
Нацедив в стакан целый набор каких-то капель, она разбавила их содержимым графина и сунула девушке под нос. Та безропотно выпила предложенное ведьмой, справедливо рассудив, что чародейки вряд ли станут якшаться с преступной отравительницей. Тело немедленно наполнила приятная истома, а сознание окутал легкий дурман, но не злой, а несущий в себе целый ворох сновидений. Ресницы Илиана затрепетали, а руки сами натянули на себя шерстяное одеяло, забранное в красиво вышитый пододеяльник.
— Я должна увидеться с Сирелиной, — пробормотала девушка, укладываясь обратно на подушку.
— Конечно-конечно, — ласково повторила Жозефина, проводя ей по лицу и рукам душистой губкой.
Через минуту девушка уже вновь спала глубоким сном, на сей раз

совершенно здоровым.

Второй раз Илиана проснулась уже за полдень. Ей казалось, что прошла целая вечность, которую она бездарно растратила в постели. На деле она проспала лишь ночь и утро. Чародейки, утомленные вчерашними событиями и последующим ночным совещанием сами дрыхли вповалку, но живо вскочили на ноги, едва заслышали, что девушка поправилась. В последнем не оставалось никаких сомнений. Жозефина, поражаясь столь быстрому восстановлению, была готова в этом поклясться.

— Ну и напугала ты нас вчера, — сказала Сирелина, внимательно оглядывая воспитанницу.

Та с волчьим аппетитом уплетала выставленные перед ней кушанья, коих стащили на стол со всех закромов. За дверью зала для собраний позвякивали кольчугой воины караула, не желавшие оставлять девушку без присмотра ни на минуту.

— Я потратила почти все силы, но у меня не было выбора, — пояснила Илиана. — Поначалу мне даже казалось, что процесс уже необратим, столько жизненной энергии уходило в ослабшее тело, всасываясь будто вода в песок. К счастью, мне удалось остановить угасание и обратить его вспять.

Сказав так, девушка обеспокоенно вскинула голову, обведя взглядом двух новых для нее чародеек и одну ведьму.

— Не волнуйся, они уже все знают, — успокоила ее Сирелина. — У нас была долгая ночь чтобы обсудить друг с другом очень многие вещи. Я рассказала сестрам обо всем, что нам известно о Дегонисе и его колдунах, а так же о некоторых других событиях. О тебе они теперь знают примерно столько же, сколько и я. Надеюсь, ты ничего не имеешь против. Моим сестрам можно доверять, да и этой ведьме — тоже. Во всяком случае, Алеада и Каролайна за нее поручились.

— Алеада? — переспросила девушка. — Кажется, я слышала от тебя это имя.

— Она мой куратор, назначенный заведующей Запретным чертогом. Я тебе рассказывала, — напомнила Сирелина.

— Это еще кто теперь чьим куратором должен быть. После вчерашнего-то, — пробормотала вежливо раскланявшаяся с девушкой Алеада.

У служительницы Гексенхаммера до сих пор не шли из головы бурлящие воды Луаны, сначала перевернувшие вражескую ладью, а затем потушившие пожар вокруг башни. Она бы в жизни не поверила в такие россказни, сочтя их откровенной ахинеей, кабы не видела произошедшее собственными глазами. Когда Каролайна упала без сознания, сил Алеады хватило чтобы удержать защиту

башни. Помощь поспела как нельзя вовремя, просто это была такая помощь, что чародейка до сих пор не могла прийти в себя и даже иногда пощипывала свое запястье, будто стараясь убедиться, что все это ей не мерещится.

Каролайна представилась последней, сделав это очень торжественно и одновременно трогательно. Чародейка знала, что обязана жизнью этой удивительной девушке, вытащившей ее практически с того света. Голос и лицо Илианы стали ей известны еще до того, как сестры рассказали что случилось. Они звучали во тьме, которая окутала Каролайну с головой, разогнали сгущавшийся холод и вызвали к свету, окутавшему ее теплыми алыми волнами. Эти волны наполнили живительной силой все существо чародейки, прогнав объявшую его смерть и вырвав из мрака забвения. Илиана даже покраснела от смущения, услышав в свой адрес множество замечательных слов.

— Теперь к делу, — сказала Сирелина, когда все любезности были произнесены, а формальности улажены. — Мы все согласны, что я и Илиана должны продолжить путь в обитель. Каролайна уже известила Совет обо всех минувших событиях, а с утренней почтой отправилось и мое сегодняшнее донесение, заверенное здесь присутствующими. Теперь, когда Илиана снова чувствует себя хорошо, мы отправимся сразу, как только придет подмога. Сестры уже в пути и вот-вот должны прибыть. Вряд ли на башню сейчас нападет кто-то еще, но лучше подстраховаться.

Девушке, продолжавшей набивать рот всевозможными лакомствами, тоже нашлось что сказать.

Пленный колдун не успел прийти в себя, когда Илиана лишилась чувств. Кроме того, его стерегли шестеро воинов, да и Сирелина снабдила Манипулятора сильнейшим Нейтралом. Сейчас он сидел в подвале башни в компании своего коллеги, взятого вчера в плен. Последний из спасавшейся четверки уцелел лишь благодаря вмешательству чародейки. Остальных успели прикончить рассвирепевшие местные жители. С пленными солдатами они обошлись более гуманно, заперев их в сразу переполнившуюся тюрьму, но злое колдовство Манипуляторов не вызвало в их сердцах ни малейшего сострадания. По совету чародейки, оба захваченных колдуна были напичканы сильнодействующими средствами и дожидались когда Илиана возьмет их на поводок как послушных баранов. Эту парочку следовало допросить в прямо в зале Совета, чтобы старшие сестры имели возможность лично услышать от них закулисные особенности военной кампании ад-Сейдина. Илиана, пользуясь вынужденной задержкой, предложила допросить второго пленника немедленно, чтобы узнать подробности нападения на

башню. Учитывая имевшийся опыт, такой ход выглядел вполне разумным. Чародейки плюс ведьма, посовещавшись, не смогли отказать себе в искушении посмотреть на фантастические возможности воспитанницы Сирелины.

Никто, разумеется, и в мыслях не имел заподозрить, что колдун говорит по предварительному сговору с девушкой. Приходилось признать: откровенность речей вызвана исключительно оказываемым на него воздействием. Воздействием столь удивительным, что становилось очевидно — несмотря на все речи Сирелины, остальные заклинательницы до сих пор не очень-то в них верили. Когда второй Манипулятор явился вслед за Илианой, то его вид был весьма далек от ясности сознания. Тем не менее, спустя совсем непродолжительное время он уже истово верил, что разговаривает с самим Дегонисом, в роли которого по-прежнему выступала Сирелина.

Операцию, как и следовало ожидать, задумал лично верховный колдун. Ему было известно о роли Ардо, и он решил уничтожить башню еще до того, как войска ад-Сейдина вторгнутся в Орнхольм, чтобы не оставлять на фланге опорную точку чародеек. Захваченная у одного из торговцев Ранхельма ладья подошла для замысла как нельзя лучше. Снабженная баллистами, она несла в трюме достаточно Липкого огня, чтобы сжечь целый замок, а не только одну каменную башню. Впрочем, колдуны на всякий случай прихватили с собой изрядный запас адской смеси, который им действительно пригодился. Они, безусловно, преуспели бы в своем намерении, учитывая их высокую степень осведомленности, кабы не цепь невероятных и фантастических событий. Часть разведданных они получали через одну из ведьм. Помимо прочего та сообщила, что некая Жозефина хочет собрать в башне чародеек несколько других нелояльных к захватчикам ведьм. Опасаясь, что кто-нибудь из них проболтается о предложении черных колдунов, Дегонис решил ускорить ход событий, перенеся время атаки сразу на две недели. Добившись у хана соответствующего приказа, он немедленно переправил его куда следует. Ладья, выслав подтверждение в его получении, должна была атаковать Коулбридж сразу после падения оплотов Ганхельда. Дегонис с удовольствием обошелся бы и без использования армии, к услугам которой он был вынужден прибегать, но отправлять одних Манипуляторов было слишком рискованно. Лояльность многих командиров все еще находилась под вопросом, и Дегонис пользовался у солдат куда меньшим расположением, нежели хотел бы. Вероятно, это сыграло не последнюю роль, когда исцеленный Илианой офицер сообщил ей о предстоящем нападении на Коулбридж.

После уничтожения башни экипаж обеих ладей намеревался захватить городок, сделав его промежуточной базой для снабжения армии Красной саламандры. Заодно Манипуляторам был отдан приказ выследить и ликвидировать всех ведьм, намеревавшихся явиться к чародейкам. Их встреча должна была произойти как раз в начале октября, и колдуны либо накрыли бы всех оптом в башне, либо, окопавшись в Коулбридже, приветствовали бы их соответствующим образом. Лояльной ведьмы, сообщавшей колдунам все новости, это, разумеется, не касалось. Ее имени допрашиваемый колдун не знал, поскольку та имела дело лишь со старшим группы, но у нее на посохе была вырезана какая-то птица. Это он хорошо рассмотрел с ладьи, когда последняя остановилась в заранее условленном месте. Лояльная ведьма должна была получить свою награду, после чего следовало немедленно отправить ее к Ливьянским болотам. Ввиду изменения в плане тамошней группе срочно требуется подкрепление. Полчища Кронусов необходимо взрастить раньше положенного срока, для чего дорога каждая колдовская единица. Для этого туда же надо командировать и всех доступных ведьм, чье местонахождение указано особо. Слухи о разгроме опорного пункта Гексенхаммера могут подтолкнуть их к миграции и ненужной самодеятельности, чего допускать никак нельзя. Пусть лучше потрудятся на благо новой Империи.

В остальном второй Манипулятор пересказал часть уже известных от первого сведений, хотя допустил несколько любопытных оговорок, вызванных, возможно, простой игрой слов и разным толкованием отдельных событий. Так или иначе, картина складывалась исключительно угрожающая, и когда допрос был окончен, в зале собраний надолго воцарилась тишина.

— Я полагаю, несколько сестер из идущего к нам подкрепления следует отправить обратно в обитель — сопровождать Илиану, — неожиданно изрекла Каролайна. — Мы не можем позволить себе рисковать ей даже в малейшей степени. Вне всяких сомнений, ее место в стенах Альмирстала, под опекой Совета.

— Альмирстала? — невольно переспросила девушка.

— Альмирстал. Так между собой чародейки называют свой орден и одновременно дом, в незапамятные времена построенный у вершины пика Эрминдхайм, — улыбнулась Алеада. — Неужели сестра тебе не рассказывала?

— Нет, — удивленно мотнула головой Илиана, воззрившись на наставницу.

— Длинные названия, даже в книгах не встречаются, — чуть смутилась Сирелина. — Их и выговорить-то трудно — чего почем зря голову забивать? Всему миру наш дом известен как обитель чаро-

деек, а если про него и пишут, то называют иначе.
— Альмирстал. Мне нравится, — медленно произнесла девушка. — Звонко и солидно.
— Вот и хорошо, — кивнула Алеада. — Потому что он, возможно, станет тебе новым домом. Я согласна с Каролайной — такой талант нельзя подвергать даже незначительной опасности.
— А я что говорила? — усмехнулась Сирелина. — Выставят круглосуточную охрану в три ряда и объявят величайшей ценностью ордена.
— Не смешно, сестра, — нахмурилась Алеада. — Признаю — твои давние попытки привезти воспитанницу в обитель заслуживали не только согласия, но и всяческой помощи. Теперь, конечно, об этом поздно говорить, но позволь уж Совету решать что делать дальше.
— Если ты имеешь в виду судьбу Илианы, то решать ее будет только она сама и никто другой, — заметила Сирелина. — Если ты еще не поняла, она может уйти в любой момент, и ни одна живая душа окажется не в силах ее остановить. Не веришь — взгляни на этого колдуна, которого она только что разговорила. К тому же у нее теперь очень много почитателей в рядах воинов, которые скорее поднимут оружие против чародеек, нежели позволят дурно обойтись со своей спасительницей.
Алеада, поочередно переведя взгляд с колдуна на дверь, за которой стояли солдаты Ганхельда, а затем на девушку, основательно призадумалась. На ее лице отразилась непередаваемая игра эмоций, вызванных нахлынувшими мыслями.
— Не ссорьтесь! — неожиданно сказала Илиана. — В обитель с Сирелиной я отправилась добровольно. Я мечтала об этом с самого детства, с тех пор как с ней познакомилась. Я не стану оттуда уходить, если меня не попытаются принудить делать какие-нибудь плохие вещи. Все же прошу помнить — меня воспитывала Сирелина, и ее слово всегда будет для меня последним наравне со словом моего деда.
— Принято! — громко заявила Каролайна, подводя черту под столь щекотливым вопросом.
Алеада, вздохнув под ее пристальным взглядом, также выразила свое согласие.
— Что ж, раз уж мы все сошлись, что Илиана обладает бесценным даром, но при этом никто не смеет посягать на ее свободу воли, давайте перейдем к текущим вопросам, — продолжила заведующая башней. — Итак, я предлагаю…
Ее прервало неожиданное появление одного из воинов.
— Простите, госпожа, — обратился он вроде бы к чародейкам, но при этом глядя на девушку. — Там к башне пришла какая-то

женщина и говорит, что ей назначена встреча.
— Ой, должно быть, это кто-то из ведьм! — всполошилась, вскакивая, Жозефина.
— Веди ее сюда, — кивнула Каролайна. — Видела куда он смотрел? — шепнула затем заведующая сидевшей справа от нее Алеаде. — Похоже, Сирелина права. Представляю что сейчас думают в армии Ганхельда, если ее рассказ хотя бы наполовину правда.

До конца дня в Ардо прибыло несколько ведьм. В возрасте и помоложе, они все казались совершенно обычными селянками, если не считать несколько специфической одежды. Илиана, однако, улавливала исходящие от них волны особенной силы, отличавшейся от присущей чародейкам, но однозначно отсутствующей у простых людей. Все в том же зале для собраний гостей быстро вводили в курс недавних событий. Остальное, посовещавшись, чародейки решили отложить до появления сестер. Сперва следовало установить, кто из ведьм работал на Дегониса, а пока это было не ясно. Разумеется, наивно предполагать, что ведьмы охотно сдружатся и с чародейками, особенно с теми, кто состоял в Гексенхаммере. Здесь посредником в переговорах как раз и выступила Жозефина. Не всем ведьмам нравилось нынешнее положение вещей. С теми из них, кто не совершил тяжких преступлений, можно было как минимум временно договориться, пока южане со своими черными колдунами не уберутся восвояси. Потом дорожки заклинательниц скорее всего снова разойдутся, но до тех пор они вполне способны помочь друг другу остановить разрушение привычного жизненного уклада.

Илиана скромно сидела в уголке, листая свитки пергамента. Пока собирались ведьмы, она отлучилась в Коулбридж, чтобы заняться ранеными, пострадавшими при схватке с коварными захватчиками. В сопровождении Сирелины и неизменной свиты из шестерых воинов она довольно быстро управилась со своей задачей, поставив на ноги всех нуждавшихся в ее внимании пациентов. По городку немедленно поползли слухи о могущественной чародейке, способной исцелять одним лишь прикосновением. Сопровождавшая ее группа солдат вскоре удвоилась за счет явившегося к дверям башни пополнения, пожелавшего присоединиться к отряду целительницы. Чародейки не стали возражать, но лицо Каролайны выразило странную озабоченность. Сидя за столом в зале собраний, она нет-нет, да и бросала задумчивый взгляд на Илиану. Ту представили как послушницу, выполняющую роль секретаря на столь необычном мероприятии. В этой роли она и пребывала до тех пор, пока ночью не прибыл целый отряд чародеек. С ним приехали и последние из ведьм. На некоторое время башня на-

полнилась внушительной компанией носительниц колдовской силы. Воины под командованием капитана королевской стражи только диву давались, глядя на это разношерстное общество, которого они прежде не видывали, но покидать Илиану наотрез отказались. Капитан лишь отправил гонцов из Коулбриджа прямиком к королю с соответствующим докладом, а сам со своими людьми решил и дальше сопровождать девушку с сиреневыми глазами. Чародейки, посовещавшись, не стали прогонять воинов, поручив им дежурство в башне.

Сирелину, по правде говоря, мало интересовали перипетии нынешнего собрания. Ей было известно несколько больше остальных сестер, а посему она торопилась доставить Илиану в обитель, где следовало как можно быстрее организовать достойный отпор Дегонису. В Ардо же прекрасно управятся и без нее. Задержалась чародейка лишь по просьбе воспитанницы. О ведьме-лазутчице было известно только то, что у нее имелся посох с изображением птицы. Такового при ней могло и не оказаться, и Илиана пообещала вычислить врага среди всех остальных. Сирелина, поразмыслив, решила, что это неплохая идея, и посвятила в нее Каролайну, Алеаду и Жозефину. Все они согласились с поступившим предложением и отложили отъезд девушки, предоставив ей свободу действий.

Илиана, по своему обыкновению, не приставала к окружающим с досужими вопросами. Она непрерывно прослушивала их эмоциональный фон, стараясь вычленить оттуда отрицательные чувства. К сожалению, в данном случае таковых более чем хватало. Чародейки не питали особой любви к ведьмам. Последние тоже не лучились к сестрам ордена симпатией. Взаимная неприязнь создавала такой уровень помех в доступном одной лишь Илиане эфире, что определить лазутчика становилось весьма непростой задачей. Тем не менее, девушка сосредоточенно прощупывала каждую ведьму в отдельности, улавливая малейшие колебания в излучаемых чувствах. Постепенно она выделила из общего числа собравшихся троих ведьм, вызывавших у нее больше всего подозрений. Этих подозрений, увы, было все же недостаточно, и Илиана решилась на простейшую провокацию. Подозвав Сирелину, она о чем-то с ней пошепталась, а потом покинула зал собраний. Вернулась девушка с вторым пленным колдуном, шедшим за ней как козел на веревочке. Показавшись в дверях, она сделала наставнице знак. Та, кивнув, встала и кружным путем направилась к ближайшей из трех ведьм.

Первая объявилась в подвале как раз тогда, когда Илиана заняла позицию у алхимического стола. Рядом с собой, спиной к

дверям, она поставила ничуть не возражавшего Манипулятора. Вошедшая ведьма поинтересовалась кто ее звал и какая от нее требуется помощь. Илиана попросила ее приблизиться.
— У нас очень мало времени, — тихо произнесла девушка. — Это я попросила передать тебе спуститься сюда. Скоро они догадаются.
— О чем это ты? — удивилась ведьма. — Ты вообще кто такая?
— Не надо имен, — приложила палец к губам Илиана. — Я не знаю твоего, ты не знаешь моего. Достаточно того, что у нас есть общая цель.
Колдун повернулся, и ведьма машинально попятилась. Лицо у него было какое-то отсутствующее, а невидящие глаза рассеянно смотрели куда-то сквозь собеседницу. Он будто спал наяву.
— Не пугайся. Они что-то с ним сделали, — быстро сказала Илиана. — Он был на первой ладье. Видел, когда ты говорила со старшим его группы и успел мне тебя описать. Я не прошу ему помочь — слишком поздно. Ты должна передать срочное сообщение. Чародейки узнали про Ливьянские болота. Тамошнюю группу следует немедленно усилить. Впрочем, они сами разберутся что необходимо предпринять.
— Чего? — опешила ведьма. — Кому передать? Какие Ливьянские болота? Девушка, ты в своем уме?!
Илиана ощутила порыв истинного удивления пополам со всплеском растерянности и даже раздражения. Ей стало совершенно очевидно, что эта ведьма была невиновна.
— Извини меня, я ошиблись, — вежливо сказала Илиана. — Сирелина! — крикнула она.
В дверях немедленно возникла державшая посох наизготовку чародейка.
— Это не та, — коротко сообщила девушка. — Проводи ее.
Сирелина, подхватив сердитую ведьму, увела ее из подвала, на ходу втирая наспех сочиненную легенду. Увела, разумеется, не в зал собраний, а попросила обождать в одной из комнат, где и заперла под охраной пары северян.

Точно такой же номер повторился и со второй ведьмой, и точно так же он не принес каких-либо результатов. Все диалоги развивались по схожему сценарию. Илиана уже начала сомневаться в собственной затее, когда от третьей ведьмы, гораздо моложе всех остальных, неожиданно ударила незримая волна сильнейшего беспокойства и целой смеси разнообразных эмоций. На ее лице, внешне вполне миловидном, но отчего-то все равно казавшемся каким-то неприятным, отразилось ничем не прикрытое волнение.
— О чем это ты, милочка? — спросила ведьма, испуганно обернувшись.

— Я работаю на них, — сказала Илиана, мотнув головой в сторону колдуна.
Тот, словно в доказательство ее слов, сделал в воздухе движение рукой, и над его ладонью загорелся знак Красной саламандры. Другую руку он положил девушке на плечо и кивнул.
— Так он нас понимает? — ахнула ведьма. — А почему молчит?
— Понимает, но с трудом. И сам говорить не может. Как не может бежать и колдовать серьезные заклинания. Его чем-то накачали, — пояснила Илиана. — Его держат здесь в плену, а я должна была заставить его выпить еще одну порцию какого-то зелья. Он успел попросить меня о помощи. Я очень рискую, говоря с тобой, но у нас нет выбора. Он сказал, что я узнаю тебя по посоху с птицей, но его при тебе не оказалось.
— Сюда я взяла другой, — сказала ведьма. — Тот… эти собравшиеся наверху бабы не одобрили бы.
— Я как-то так и подумала, — кивнула Илиана. — А потому постаралась узнать тебя по описанию.
— Что я должна делать? — быстро спросила ведьма.
— Сдаться и покаяться в своих грехах! — воскликнула разъяренная Сирелина.
Подслушивая за дверью, она, не стерпев раскрывшегося обмана, ворвалась в подвал, сверкая глазами.
— Так это подстава! — возопила попавшаяся с поличным ведьма.
Подняв свой посох, она собралась атаковать чародейку, но неожиданно ощутила, что не в состоянии этого сделать. Илиана, бдительно следя за каждым ее движением, лишила ведьму возможности самостоятельно двигаться. А заодно не только сквернословить, но и произносить заклинания. Ведьма так и застыла с посохом наперевес, ошалело хлопая глазами.
— Ты могла все испортить, — укоризненно произнесла Илиана.
— Да и так уже все было ясно, — пожала плечами Сирелина. — Ладно, давай эту голубушку наверх. Надо выпустить двух невиновных и извиниться перед ними. А затем допросить эту красавицу. Полагаю, с ней не придется церемониться так же, как с Манипуляторами. Вряд ли она давала ту же клятву. А если и давала, то ей же хуже.

Допрос лазутчицы состоялся в присутствии всех чародеек и ведьм. Далеко не все собравшиеся знали, что чистосердечное признание на самом деле таковым не было. Скромно сидевшая в уголке Илиана велела попавшейся ведьме отвечать на вопросы, и отвечать только правду, а более не говорить ни слова. Рухана, а именно так звали лазутчицу, сообщила немало важных сведений, хотя будь на то ее воля, она молчала бы до последнего и начисто

все отрицала.

В свои глобальные планы колдуны ее, разумеется, не посвящали, но Рухане были известны некоторые имена сотрудничавших с ними ведьм, а также существование их основного лагеря на Ливьянских болотах. Ей вменялось в задачу вербовать Дегонису новых сторонниц, а также работать глазами и ушами его колдунов в этом регионе. Собственно, именно поэтому она встречалась с предводителем отряда на ладье, и именно поэтому немедленно выдала Манипуляторам замысел Жозефины.

Гнусным намерениям коллеги по ремеслу возмутились даже остальные находившиеся в зале ведьмы. Ведь получалось, что Рухана сознательно обрекла бы их всех на уничтожение, доведись им собраться в башне чародеек на день-другой раньше. Чародейкам даже пришлось вмешаться и защищать предательницу, чтобы осерчавшие ведьмы, чего доброго, не разорвали ее в клочья. Порядок кое-как восстановили, а гости утохомирились. Допрос был продолжен и завершился к середине ночи, когда лазутчица сообщила все, о чем ей было известно.

Уж рассвело, когда покинувший башню отряд остановился у каменного моста.

— Не знаю как тебя и благодарить, — сказала Илиане провожавшая ее Каролайна. — Береги себя и не используй свой дар в дурных целях. Он может принести как великое благо, так и неисчислимые беды. Признаться, я до сих пор не понимаю его границ, но даже то, что мне уже открылось, приводит мой разум в смятение.

— Я и так стараюсь себя сдерживать, и применяю его только в случае очевидной необходимости, — вздохнула девушка. — Даже Сирелина считает, что я слишком себя ограничиваю, а я стараюсь к ней прислушиваться.

— Сирелина — толковая чародейка и хорошая наставница. Слушайся ее и дальше, — кивнула Каролайна. — Но кое-чего она тебе все же не сказала, — шепнула она, поманив к себе наклонившуюся Илиану. — Видишь этих людей? Ты обретаешь над ними все большую власть. Поверь, я немало повидала в жизни и знаю о чем говорю. Это такая власть, о которой сильные мира сего могут только мечтать. Люди будут идти к тебе сами, готовые выполнить любую твою волю без всякого принуждения. Боюсь, их число станет только расти, и кто знает, в какие масштабы способны вылиться подобные преданность и восхищение. А такая власть имеет темную сторону. Она меняет людей, развращает их умы и сердца. И хуже всего, когда это происходит постепенно. Обладающий такой властью привыкает к ней и уже не помнит, что когда-то было иначе. Повелевая людьми, он со временем забывает как и почему

они к нему пришли, считая, что лучше знает их нужды и чаяния. Лучше знает что правильно, что им на самом деле нужно. Благодетель, осчастлививший многие тысячи людей, незаметно для себя превращается в тирана. Я не прошу у тебя заверений в том, что этого никогда не будет. Прошу лишь подумать над моими словами.
— Обещаю, — отозвалась враз посерьезневшая Илиана.
— Вот и хорошо, — улыбнулась Каролайна. — А теперь — в добрый путь, дорогая спасительница! Я никогда тебя не забуду. Да благословит тебя небо!

Кавалькада давно скрылась за поворотом, а Каролайна еще долго стояла у моста, задумчиво глядя ей вслед. В ее голове теснились самые разные мысли, и далеко не все они носили радужный характер. Чародейка словно старалась заглянуть в будущее, но впервые за всю свою жизнь она столкнулась с чем-то таким, против чего был бессилен весь ее жизненный опыт. Нечто совершенно непостижимое вдруг появилось в хорошо знакомом мире, и последствия этого появления становились непредсказуемы.
— Что ж, будем надеяться, Совет чародеек окажется умнее одной глупой старой Каролайны, — прошептала заведующая Ардо, тихо разговаривая сама с собой. — Будем надеяться, что эта девушка никогда не забудет уроков своей наставницы. Будем надеяться, все мои опасения ошибочны. Будем надеяться…
Вытянув руку перед собой, чародейка легким усилием воли вызвала над ней крупный пламенеющий шар. Она еще никому не говорила, что лечение Илианы возымело и еще один важный эффект. Накачивая умиравшую женщину мощнейшим потоком энергии, девушка, вольно или невольно, наделила ее новыми силами. Теперь Каролайна была способна на такие вещи, о которых раньше и подумать не смела. Доступные ей колдовские горизонты внезапно расширились настолько, что попросту пугали.
— Будем надеяться… — еще раз прошептала чародейка.
Погасив огненный шар, она негромко вздохнула и отправилась обратно в башню.

— О чем это вы там шептались? — с оттенком легкой ревности осведомилась Сирелина у скакавшей рядом воспитанницы.
— Да так. Каролайна благодарила меня за спасение. Стеснялась сделать это во всеуслышание, — отозвалась девушка.
Сама же невольно оглянулась по сторонам. Сопровождавшая ее группа теперь насчитывала четырнадцать воинов. К моменту отъезда к изначальным шести присоединилось еще восемь человек, вступивших под командование капитана королевской стражи. Половина из них относилась к солдатам Орнхольма, но их это совершенно не заботило. Капитан возглавлял личную охрану Илиа-

ны, а все остальное было не важно. В отряде также находилось и четверо чародеек, приставленных Каролайной к Сирелине и ее воспитаннице, но солдаты, выказывая несомненное уважение к этим женщинам, очевидным образом тяготели к девушке с сиреневыми глазами. Та же, не ослабляя своего контроля над двумя пленными колдунами, дарила их смущенной улыбкой, но все распоряжения оставляла на долю Сирелины. А заодно, то закусывая губу, то потирая лоб, размышляла над прощальными словами заведующей Ардо.

Старинная крепость раскинулась на несколько миль в стороны. Никто уж из людей и не помнил кому понадобилось выстраивать возле Лорданского перевала это внушительное сооружение. Огромные башни тянулись к небу, возвышаясь над толстой каменной стеной. Ее концы по дуге упирались в горную гряду, где рукотворное укрепление сливалось с природным. Широкая мощеная дорога выныривала из лесной чащи и, миновав плодородные поля, проходила через могучие окованные ворота. Они всегда были открыты, но их размер все равно поражал воображение. Точно так же, как поражал воображение и размер их точной копии — других ворот, находившихся в паре сотен ярдов после первых. По обе стороны этого исполинского шлюза громоздились два идентичных комплекса, смахивавших на настоящие замки. Их верхние точки, окруженные нисходящими поясами зданий и бастионов, смотрели поверх далеко не низких башен как старший брат с высоты своего роста смотрит на младшего. Оба замка представляли собой сложные фортификационные конструкции, способные держать под обстрелом огромную площадь, где каждый новый ряд прикрывал предыдущий. Противник, проникший на первый ярус, оставался под прицелом всех остальных. При этом все ярусы одновременно имели возможность обрушивать всю защитную мощь на замкнутое пространство шлюза, а также далеко в стороны. Гипотетический противник, конечно, мог не идти напролом в самом защищенном месте, а попробовать обойти замки по бокам, штурмуя длинную стену. Этот вполне логичный ход, тем не менее, только казался намного проще. Толстая стена, утыканная наклонными шипами, простреливалась с башен на всем своем протяжении, равно как и прилегающие к ней окрестности. Сама же обладала несколькими рядами хорошо защищенных бойниц, а как перед ней, так и после имелся глубокий ров, заполненный водой горной реки. Сооруженная некогда плотина породила целое искусственное озеро, которое в свою очередь наполнило рвы, создав большое дополнительное препятствие. Они были настолько огромными, что в них во множестве расплодилась рыба, и местные жители ловили

ее вдоволь круглый год. Любому, кто попытался бы миновать замки стороной, сначала пришлось бы форсировать сто ярдов ширины первого рва, пробиться через внушительную стену, а затем вновь искупаться во втором. И все это только для того, чтобы упереться в малый каменный пояс внутренней защитной линии, ощетинившейся недружелюбным частоколом. Небольшие каменные купола над этим поясом, оснащенные вытянутыми бойницами сужающейся ступенчатой формы, позволяли держать под обстрелом все пространство второго рва, делая его преодоление весьма сомнительным занятием. За каждым куполом имелась глубокая выемка, где располагались метательные машины, способные перебрасывать камни через толстую внешнюю стену на радость атакующим. По суше через рвы можно было перебраться только по ведущей к воротам дороге. Казалось, учитывая огромные размеры моста, это совершенно неподъемная конструкция, позволяющая беспрепятственно приближаться к огромным створам. Только и здесь потенциального противника поджидал неприятный сюрприз.

Трудно было представить кому понадобилось соорудить весь этот умопомрачительный комплекс, до сих пор сохранявший невероятно внушительный вид. Нынешние князья Орнхольма давненько не использовали его по назначению, поскольку даже во времена самых кровавых распрей эта крепость была попросту никому не нужна. Она ничего не охраняла кроме расположившейся за ней деревушки да Лорданского перевала, ведущего в совершенно дикие земли, не интересные никому кроме чародеек. Теоретически, воинственно настроенные соседи могли бы попытаться крепость занять, но толку от такого маневра было немного. Она стояла на отшибе, непосредственной угрозы никому не несла, и чем бросать на нее силы, проще было сразу атаковать важные города и оплоты княжества, а не отправлять армию к горам, чтобы присвоить себе груду никчемных камней. В крепости находился чисто номинальный гарнизон, поддерживавший порядок и охранявший вверенную ему область, плюс отряд служащих, ухаживавших за механическими конструкциями и боевыми машинами. Если бы не внимание чародеек, помогавших следить за этим исполинским сооружением, оно давно пришло бы в упадок. Конечно, сложенным на славу камням с течением веков мало что сделается, но вот от боевых машин и части защитных элементов не осталось бы и следа. Князей Орнхольма устраивало такое положение вещей. Бесполезная со стратегической точки зрения крепость в случае каких-либо неурядиц могла стать надежным убежищем для значительного числа людей, а ее надлежащее состояние частично ложи-

лось на плечи чародеек. Плюс она являлась неким символом боевой мощи княжества, пугавшим, правда, не больше чем медведь на флаге, но служившим своеобразным памятником исторического могущества. В итоге века шли за веками, охранявшая неизвестно что крепость здравствовала, но пустовала, и все были этим довольны.

Местная деревня носила одноименное с крепостью название Данерхейм. Кто из них появился раньше и у кого позаимствовал наименование — да кто ж его теперь ведает? Разве что чародейки, но они не спешили делиться с простыми людьми сокрытыми в их умах и библиотеках знаниями. Помимо полей, деревне принадлежало все внутреннее пространство между горами и крепостной стеной, и выглядело оно как мирная долина, заполненная сочной травой и цветами. Серебрившиеся воды искусственного озера обеспечивали все людские нужды, а стада коз, коров и овец неизменно паслись на совершенно безопасных просторах, лишенных каких бы то ни было хищников. Рыбаки неспешно плавали на лодках по рвам, давно ставших для них обычными каналами, а пастухи лениво дремали на густом травяном ковре, предоставляя вверенной им скотине бродить окрест сколько вздумается. Деревня процветала, имея в несколько раз больше ресурсов и провианта, нежели ей требовалось, но для излишков всегда находилось отличное применение. Их регулярно поставляли чародейкам, взамен чего те щедро платили как деньгами, так и отличными вещами. Также в Данерхейм заглядывали и проезжие торговцы, желавшие предложить всякие диковины и предметы роскоши в обмен на имевшиеся у местных жителей припасы и товары все тех же чародеек. Ни разбойники, ни даже простые грабители в этих тихих краях не промышляли, опасаясь не столько их небольшого гарнизона, сколько возмездия могущественных обитательниц уединенной горной обители. В этом благодатном краю люди вели спокойную размеренную жизнь и совершенно не смотрели косо на чужаков. Скорее наоборот — приветствовали всякого, кто надумывал сюда перебраться подальше от мирской суеты и обзавестись хозяйством. Деревня постепенно росла, и по большому счету находилась в одном шаге от того, чтобы считаться городком наподобие Коулбриджа. Проезжих путников здесь было мало. Помимо чародеек и их посетителей, дикие земли по другую сторону горного хребта интересовали только отшельников, охотников, да любителей экстремальных путешествий. Правда последнее время, ввиду потрясших северные края событий, гостей в Данерхейме заметно прибавилось, но к каждому местные жители относились с неизменным радушием. Такими гостями оказались и седеющий муж-

чина крепкого телосложения с двумя молодыми людьми лет двадцати четырех и девчушкой с косичками. Ведь именно эту деревню чародейка Сирелина назначила местом свидания, когда вместе со своей воспитанницей и пленным колдуном разделила покинувший Солтенстил отряд и сломя голову поскакала в Фербур.

Бэйлу в Данерхейме было скучновато. Во-первых, он бывал здесь и раньше, и знал местные достопримечательности наперечет. Тут он находил и известные утешения до тех пор, пока подругой его сердца не стала Сирелина. Во-вторых, после всего водоворота событий последних лет, гладиатор откровенно томился от безделья, неожиданно оторванный от внешнего мира и его опасных интриг. В жилах опытного воина все еще текла горячая кровь, дополнительно подогретая воздействием Илианы, и жажда новых схваток манила его чем дальше, тем больше. Ребятам же строго наоборот — в Данерхейме очень нравилось. Пышущая покоем и тихим счастьем долина прямо-таки лилась бальзамом на их молодые души, позволяя вместо преждевременно взрослой жизни вести самую обычную юношескую. Галана, забыв про все свои страхи, окончательно преобразилась, и ее лицо все чаще озарялось светлой улыбкой. Алдар с Ювионом, несмотря на свой вроде как более степенный возраст, так и вовсе вели себя как сущие сорванцы, ничем не отличаясь от девчушки с косичками. Все трое, быстро сведя знакомство с местными ребятами, с утра до ночи носились по деревне и ее окрестностям, затевая всяческие игры и открывая для себя простые радости беззаботного существования. Верховая езда, рыбалка, катанье на лодке, лазанье по горам, беготня по открытым для всех желающих укреплениям крепости — неделя с хвостиком, что они провели в Данерхейме, пролетела для них совершенно незаметно. Поначалу Бэйл ежеминутно боялся, что кто-нибудь из ребят непременно свернет себе шею. Потом привык и относился к проделкам юной компании совершенно философски, ограничиваясь ворчанием и нравоучениями. Впервые за долгое время он наконец-то расслабился. Хоть и занимаясь хозяйством, он позволил себе столько отдыха, сколько обычно не позволял никогда, и порой коротал время за раскладыванием карт или гулял вместе со своими подопечными, наслаждаясь откровенным бездельем.

Хозяйство было небольшое, но справное. Бэйл, учитывая присутствие молодежи, предпочел арендовать на три недели уютный двухэтажный дом с садом и огородом, нежели обосноваться в гостинице. Последняя, как ему было хорошо известно, изобиловала всеми удобствами и выглядела весьма недурно как снаружи, так и изнутри, но она скорее подходила для одиноких путников или пар,

нежели для гладиатора и его нынешней компании. Хозяйка дома, добродушная стареющая вдовушка, охотно сдала свои владения, поскольку Бэйла в деревне знали, а плату он предложил более чем щедрую. Она же помогала ему кормить ребят и присматривать за порядком, а за чашкой чая с удовольствием болтала с гладиатором о всяком-разном, слушая новости из далеких краев и рассказывая местные сплетни.

Имелась в Данерхейме и почтовая станция чародеек, продолжавшая исправно функционировать, но Бэйл туда не совался, следуя указаниям Сирелины. До поры это просто не имело смысла, а после ему все равно надлежало отправиться прямиком в обитель. Исходя из этих соображений и учитывая специфику последних событий, Бэйл не выходил на контакт с кем-либо из чародеек, а дожидался свою подругу, волнуясь за ее судьбу и судьбу Илианы. Для этого у него имелись все основания: обе особы отправились прямиком в самое пекло и, судя по последним новостям, дела в Ганхельде шли весьма неважно. До исхода обозначенного Сирелиной срока было еще очень далеко, но с каждым днем гладиатор беспокоился все больше, невольно рисуя в воображении картины одна хуже другой. Он как раз представлял себе очередные ужасы с черными колдунами, камерой пыток и прочими прелестями, как взволнованная хозяйка сообщила, что у дома остановился большой отряд с солдатами и чародейками, и спрашивает Бэйла. Гладиатор, томясь от неизвестности и дурных предчувствий, лавиной сорвался по лестнице и прямо в дверях налетел на входившую Сирелину. Секунда-другая радостного изумления — и голубоглазая женщина охнула от стиснувших ее медвежьих объятий. Когда она наконец-то высвободилась, вид у нее был несколько помятый, но трудно сердиться на столь искреннее проявление эмоций. В следующую секунду Бэйл уловил прилив какой-то теплой волны. Это было сродни приближению к топившемуся камину, только это было необычное тепло — оно согревало не столько снаружи, сколько изнутри. Повернув голову, гладиатор увидел стоявшую рядом Илиану. От девушки прямо-таки веяло чем-то невидимым и бесплотным, но от этого не менее реальным. Когда она обняла Бэйла, тот почувствовал такой мощный напор пронизывавшего каждую клетку тепла, что нетрудно было догадаться кто являлся его источником. Гладиатор ощутил в теле невероятную легкость, и ему показалось, что если он сейчас посильнее оттолкнется, то подпрыгнет на невероятную высоту. Вероятно, так проявлялась на родных и близких источаемая Илианой жизненная сила. Проявлялась с ранних лет, просто теперь ее излучение принимало совсем иные масштабы.

— А где ребята? — спросила девушка, отпуская Бэйла, у которого от пережитого воплощения чувств аж голова пошла кругом.

Пока Илиана ходила за умотавшей на озеро компанией, Сирелина, кое-как утихомирив пыл своего верного спутника — для этого еще будет время — вводила его в курс дела. В самые ближайшие дни Данерхейму придется забыть о своем беззаботном существовании. Войска Ганхельда держат путь прямиком сюда вместе с частью эвакуированного населения. Львиная доля последнего рассредоточилась кто куда, убравшись подальше от маршрута следования Красной саламандры, но немало осталось и с армией. Места в крепости хватит на всех, равно как и в деревне имеется немало припасов, но это только начало. На первом этапе сложнее всего было предотвратить стычки между солдатами Ганхельда и Орнхольма. Армия, пересекающая границу сопредельного государства без разрешения, способна вызвать конфликт на радость общему врагу. Даже незначительные стычки на пограничных рубежах могли привести к прямому столкновению двух государств. К счастью, осложнений удалось избежать благодаря осмотрительности короля Олафа VII и своевременному вмешательству чародеек. Князь Сильвур внял обращенным к нему посланиям и не нашел ничего предосудительного в том, что армия Ганхельда поможет ему защищать Орнхольм, если ад-Сейдин и впрямь идет на княжество. Уже это само по себе являлось крупной победой. Заартачься князь появлению пусть и дружественных, но незваных войск на своей земле — и катастрофы было бы не избежать. Дальше становилось намного сложнее. Позволив королю-союзнику занять Данерхейм, сам князь Сильвур вряд ли сконцентрирует там же и свои войска. К сожалению, его вполне можно понять, и чародейки сами до сих пор не пришли к единому мнению. С одной стороны, разделенные армии Орнхольма и Ганхельда окажутся в несколько раз слабее. С другой, если все они соберутся в Данерхейме, то последний, безусловно, станет для ад-Сейдина серьезным препятствием, но зато все княжество окажется без защиты. И хан вполне может стать лагерем у крепости, а часть своих легионов направить на разграбление и сожжение Орнхольма. С подачи Дегониса это вполне вероятно. Князь Сильвур вряд ли отнесется к такому развитию событий безучастно, и трудно предвидеть на кого он возложит за это вину: на захватчика или на тех, кто присоветовал ему удалиться в крепость. В данный момент он собирается пополнить чисто номинальный гарнизон Данерхейма двумя полками, но не больше. Скорее, для поддержания собственного престижа и представительства официальной власти. Сам же, предупрежденный королем Олафом VII и чародейками, приводит

свои войска в полную боевую готовность, но никто не знает какое решение князь в итоге примет. Чародейки помогут армии Ганхельда и беженцам устроиться в Данерхейме, обеспечат их всем необходимым и наладят быстрый канал связи между двумя правителями. На большее пока рассчитывать не приходится. Все более глобальные вопросы должны быть утверждены Советом, который вышеуказанные меры одобрил, а в остальном еще ничего не согласовал. Для этого и требуется побыстрее доставить колдунов и Илиану в обитель, чтобы старшие чародейки лично заслушали показания пленных Манипуляторов. Лишь тогда они поймут, что ордену необходимо немедленно вступить в войну на стороне северян, которых следует в как можно большем количестве стянуть к Данерхейму. И что промедление буквально смерти подобно.

Бэйл слушал чародейку вполуха. Нет, не потому, что ему были не интересны все эти новости. Просто столь сложные интриги его занимали постольку поскольку. Грядет великая битва? Отлично! Та еще будет потеха. Возможно, последняя в его жизни, учитывая, как минимум, возраст, но повоюет он на славу. Только политические трения и особенности взаимоотношений людей и государств его занимали гораздо меньше, чем созерцание дорогой сердцу подруги и растущее беспокойство за ребят и Илиану. Уже часа два Сирелина с жаром выкладывала гладиатору все перипетии последних событий, а юные сорванцы что-то не торопились…

На озере Илиана никого не нашла. Галана, Алдар и Ювион должны были находиться где-то здесь с целой ватагой местных ребят, но их нигде не было видно. Гадая, куда они могли запропаститься, девушка огляделась по сторонам и заметила на берегу нескольких рыбаков. Те насторожились при приближении вооруженного отряда — четырнадцать воинов неотступно сопровождали девушку — но узнав в чем дело расслабились и заулыбались. Да, они видели резвившуюся поблизости молодежь. Не в первый раз. Погрузившись на лодку, ребята отплыли в направлении крепостной стены. Вон туда, где в укреплениях виднеется канал, связующий озеро с внутренним рвом. Деваться им оттуда некуда, ибо путь обратно только один. Река, наполняя озеро, а затем и рвы водой, таким образом делает здоровенный крюк и вытекает по другую сторону крепостной стены у самых гор примерно там же, где изначально спадает с них в долину. Ребятишки, скорее всего, поплыли либо покататься, либо причалят у одной из башен, чтобы вдоволь побегать в пустующих казематах. Местных-то крепость не слишком интересует, а новичков очень даже привлекает, благо что гарнизон позволяет бывать во многих местах совершенно свободно. Вернутся, куда они денутся.

Илиана призадумалась. Ждать возвращения юной компании можно до самого вечера, а терять время попусту не хотелось. Исходя из сказанного рыбаками, разминуться с ребятами было попросту невозможно. Пожалуй, имеет смысл отправиться за ними. Придя к столь нехитрому выводу, девушка озвучила его своему сопровождению.

— Как прикажете, госпожа, — улыбнулся капитан. — Куда вы, туда и мы. Эй, братцы, не сдадите нам пару своих лодок часа на три? — обратился он к селянам, зазвенев кошельком.

Оживившиеся рыбаки ничего не имели против. Через несколько минут они уже делили полученные монеты, а приналегшие на весла воины вспенили водную гладь чистого безмятежного озера.

Большая лодка и впрямь обнаружилась у одной из башен в полумиле от канала между озером и рвом. Пришвартованная подле узкого пирса, она была пуста, зато дверь над спускавшимися к воде ступеньками оказалась приоткрыта. Причалившие воины помогли Илиане выбраться на пирс, а затем они все вместе проследовали внутрь. Девушка надеялась, что ребята не разбежались по крепости на многие мили, учитывая суммарную протяженность фортификационных сооружений. В отличие от сопровождавших ее воинов, она обладала своеобразным тепловизором, позволявшим обнаруживать присутствие любых живых существ в определенном радиусе. В поле его действия, однако, ребят не наблюдалось. Илиана, поднявшись на пару этажей вверх, принялась звать их по имени то в одну, то в другую сторону. Ее голос, эхом раскатываясь под каменными сводами, вырывался на улицу звонким кличем, но при этом и разносился далеко внутри стены. Долго стараться не пришлось — откуда-то справа вскоре послышались приглушенные отзывы. Узнав среди них знакомые интонации, Илиана шустро припустила им навстречу, попросив солдат не идти впереди, чтобы почем зря не испугать ее детей.

Разыгравшиеся ребята постепенно ушли на сотни ярдов в сторону от того места, где причалили. Внутреннее пространство крепости изобиловало комнатами и переходами, и играть в прятки там можно было едва ли не вечно. Учитывая масштабы сооружения, правила приходилось менять прямо на ходу, преобразуя принцип игры и составы команд, поскольку классический вариант становился попросту неосуществим, но от этого получалось только интереснее. Заслышав голос Илианы, ее друзья, а затем и остальные немедленно бросили игру и побежали ей навстречу, весело перекликаясь. Минут через десять молодые люди устроили своей подруге радостные обнимашки, затискав девушку не намного меньше, чем Бэйл Сирелину. Компания ребят, состоявшая

из местной молодежи разного пола и возраста, сгрудилась вокруг, со смехом наблюдая за этим проявлением бурного восторга. Солдаты, не мешая этой счастливой встрече, скромно держались в сторонке, поэтому их даже не сразу увидели.
— А это кто? — спросил Алдар, наконец-то заметив группу воинов. Он прямо-таки лучился энергией и здоровьем, наслаждаясь доселе неведомыми прелестями простой и беззаботной жизни. Как, впрочем, и все остальные.
— Они со мной. Нечто вроде добровольного сопровождения, — пояснила немного смутившаяся Илиана.
— С каких это пор ты ходишь в сопровождении целого отряда солдат? — усмехнулся Ювион. — На тебя не похоже.
— С тех самых, с которых вы играете в прятки. Раньше за вами такого тоже не примечали, — улыбнулась Илиана.
Молодые люди порозовели и развели руками — мол, ладно уж, чего там. Покончив с обнимашками, они тут же засыпали Илиану вопросами о том, где она была и что поделывала. Та не была уверена, что абсолютно всем присутствующим следует знать все подробности, включающие многочисленные страсти-мордасти. Посвящать местных ребят в перипетии произошедших событий и взаимоотношения чародеек, ведьм и черных колдунов явно не стоило. Этому разговору лучше состояться в другой обстановке, где будут только свои. Да и то некоторых лучше уберечь от излишне живописных деталей. Девчушка с косичками и без того достаточно впечатлительна, тем более со своим-то даром… Минуточку! А где Галана?! Илиана, встрепенувшись, огляделась по сторонам, ища глазами знакомую фигурку. Девочка отсутствовала, а в общей суматохе поначалу этого никто и не заметил. Прервав словоизлияние ребят, Илиана обратила их внимание на означенное обстоятельство.
— Галана! Галана-а-а-а! — на все лады принялась голосить вся компания.
Эхо ее криков грянуло так, что даже солдаты, усмехаясь, прикладывали пальцы к ушам. Ответа не было.
— Должно быть, ушла слишком далеко пока пряталась, — предположил Алдар.
— Тогда идем ее искать. Нам пора возвращаться, — озабоченно сказала Илиана.

Начавшись как очередная игра, мероприятие превратилось в самые настоящие поиски, становившиеся чем дальше, тем тревожнее. Посерьезнев, ребята, стараясь не сильно разбредаться друг от друга, изучали все попадавшиеся комнаты и переходы, но девочки нигде не было, как не было ответа и на постоянно разда-

вавшиеся призывы. Несмотря на всю общую линейность укреплений, ширина здоровенной стены, ее этажность и количество огромных башен превращали их в настоящий лабиринт с таким количеством ярусов, что плутать в них можно было очень долго. Заблудиться не заблудишься, но отойти слишком далеко и не заметить этого ребенок вполне способен, а за могучими дверями из мореного дуба, окованными железными полосами, все голоса становились похожими на комариный писк и быстро глохли. А ну как Галана случайно заперлась в каком-нибудь каземате и не может выбраться? Или упала где-нибудь и лежит сейчас без сознания? С каждой минутой волнение росло, превращаясь в откровенную боязнь за девочку. К поискам подключили солдат. Разделившись на две группы, те двинулись в разные стороны, поскольку Галана могла уйти в противоположном направлении.

Битый час обшаривания крепостных сооружений не принес каких-либо результатов. Илиана, до отказа напрягая свои чувства, старалась уловить хоть какой-нибудь отголосок живого существа, но в ее восприятии, помимо уже известных людей, возникали только крысы да голуби. Лежавшая на полу многолетняя пыль помогала неплохо ориентироваться, но она была не везде, и уж тем более отсутствовала на открытой части стены. К тому же и внутри периодически ходили солдаты гарнизона да служащие, поэтому следы ребенка вполне могли затеряться среди прочих. Для большей эффективности поисковому отряду пришлось разбиться на малые группы, которые постепенно стали отдаляться друг от друга. Илиана, снедаемая тревогой, даже не заметила, как оказалась совершенно одна. Она слышала раздававшиеся неподалеку голоса, звавшие Галану, и сама то и дело окликала ее, но ответом было лишь эхо. Сердце девушки, снедаемое тревогой, стучало все чаще. Все ее удивительные возможности неожиданно оказались бессильны перед лицом исчезновения ребенка. Выбравшись на самый верх крепостной стены, Илиана окинула взором окрестности, стараясь сориентироваться. Башни были похожи друг на друга как близнецы, а стена тянулась на несколько миль от самых гор и до двух центральных замкоподобных укреплений. Куда могла запропаститься отбившаяся от компании Галана? Стала бы девчушка просто так уходить очень далеко и совершенно одна? Вряд ли. Да, увлеченная игрой или чем-нибудь еще она способна отойти на приличное расстояние, но все же не слишком. Чай они не в пещере. И за прошедшее время наверняка спохватилась бы и попыталась вернуться обратно, клича друзей по именам. Стало быть, с ней наверняка что-то случилось, раз этого до сих пор не произошло. Но если с ней что-то случилось, то и искать ее надо где-то го-

раздо ближе от места разлуки, а не в милях оттуда. Постаравшись успокоиться, Илиана привела мысли в порядок и нашла это соображение весьма толковым. Она хотела было созвать остальных и объяснить им свою идею, но, поколебавшись, решила, что прекрасно управится и сама. Пусть ищут дальше, на случай если Илиана ошибается. Она же со своим чутьем гораздо быстрее и эффективнее всех прочих обыщет подходящие участки стены и башни. Те, что были ближе всего к моменту окончания игры в прятки.

Девушка начинала бояться худшего. Голоса друзей и солдат теперь были едва слышны, когда она принялась обшаривать намеченные места, вихрем перебегая с яруса на ярус. Чутье Илианы не работало только в двух случаях: когда она спала и когда живое существо… оставила жизнь. Ужасные предчувствия нахлынули так, что девушке пришлось сделать над собой усилие, чтобы не растерять необходимую концентрацию. Когда она на что-либо отвлекалась, радиус действия ее способностей заметно сокращался вплоть до полного исчезновения. А страхи за девочку и теснившиеся в голове видения одно хуже другого отвлекали ее дальше некуда. Остановившись, Илиана постаралась взять себя в руки. Закрыв глаза, она несколько минут стояла неподвижно, настраиваясь на нужную волну, изгоняя из головы все тревожные мысли и успокаивая бешено бьющееся сердце. Сейчас она не старшая сестра, переживающая за младшую — сейчас она просто инструмент. Спокойный, расчетливый, беспристрастный. Когда Илиана двинулась дальше, сдерживая шаг, границы ее тепловизора расширились в несколько раз. Илиана загнала все свои эмоции в самые глубокие подвалы подсознания, отключив в себе чуть ли не все человеческое. Уподобившись сошедшей с гор мифической ледяной королеве, она обрела взамен необычайную остроту восприятия.

Два человека о чем-то негромко переговаривались, поглядывая в узкое окно, за которым клонилось к горизонту солнце. Позади них, на большом деревянном насесте, приглушенно возились четыре крылатых твари, смахивавших на помесь птицы и летучей мыши. До наступления темноты оставалось еще несколько часов. В отличие от многих иных созданий, свет тварей не жег, хотя они его все равно избегали. Просто летать при нем они не могли, становясь совершенно бесполезными. День кронусы проводили в каком-нибудь убежище, а ночью отправлялись на охоту, либо же с донесением куда прикажут. Два человека с нетерпением ожидали захода солнца. Им следовало немедленно сообщить обо всех новостях своему руководству. Новости эти были очень и очень важны-

ми, и медлить с их отправкой ни в коем случае нельзя. Жаль эти твари с длинными зубастыми клювами совершенно неподъемны при свете дня, да уж ничего не поделаешь. Впрочем, может оно и к лучшему. Если их заметит чей-нибудь наметанный глаз, то вся секретность чего доброго пойдет прахом, а ее необходимо соблюдать любой ценой. Это ж надо было — чуть не погореть из-за какой-то любопытной девчонки! Принес сюда черт поиграть этих треклятых детишек! Один из недружелюбного вида людей обернулся и посмотрел на скорчившегося в углу ребенка. Дышит. Хорошо. Еще пригодится. Теплая кровь и дымящиеся органы всегда дефицит, особенно такого юного создания. Лишняя жертва будет очень кстати, а кто бы ее ни искал — все равно не найдет. Эти простофили, клича свою потеряшку, с час назад уже проходили совсем близко от входа в верхнее помещение башни, но не заметили его прямо у себя под носом. Маскировочные чары надежно сокрыли дверь, а благодаря искусно наведенному дурману никто даже и не подумал о том, что выше есть еще одна комната. Конечно, благоразумнее было бы вообще не трогать девчонку, ну да теперь поздно. Отпускать ее нельзя, а просто так сбросить со стены жаль. Не девчонку, разумеется, а того, что из ее живого тела можно получить.

Зловещая парочка прислушалась. Крики искавших ребенка стихли вдали. Вероятно, поблизости сейчас совсем никого не было.
— Интересно, что здесь делают солдаты Ганхельда? — тихо спросил один, переведя взгляд со скрючившегося в комочек тельца на собеседника. — Знаки различия не оставляют сомнений.
— Надо выяснить, — подумав, сказал второй. — До наступления темноты, — добавил он, выразительно кивнув в сторону кронусов.
— Что предлагаешь? — осведомился первый.
— Схвати одного из них и притащи сюда. Допросим, а потом устроим ему несчастный случай, — усмехнулся второй.
— А это будет не слишком подозрительно? — обеспокоился первый.
— Ничуть, — осклабился первый. — Искал девчонку и грянулся с лестницы. Пробитая о ступеньку голова при очевидном отсутствии насилия — лучшее доказательство. Как будто нам впервой такое.
— А ты что, со мной не пойдешь? — насупился второй.
— Одному легче оставаться незамеченным. Я пока пригляжу за нашим убежищем, а заодно и за девчонкой. Будет скверно, если она досрочно отдаст концы. И так еле дышит, — пояснил первый.
Второй, ворча себе под нос, подхватил лежавшую в углу дубинку и удалился. Разумеется, он не собирался гоняться за жертвой сломя голову, надеясь поразить ее столь нехитрым приспособлением, осо-

бенно если в качестве жертвы был выбран вооруженный воин. Достаточно приманить его и дезориентировать, а затем одно касание этой зачарованной штукой и… Первый, прислушавшись к стихавшим шагам, удовлетворенно кивнул и вновь отвернулся в окно. Мастер будет доволен их расторопностью. Ох, скорее бы стемнело.

Совсем скоро шаги послышались вновь. Оставшийся в логове Манипулятор даже удивился скорому возвращению своего напарника. Вероятно, тот просто что-нибудь забыл, поскольку вряд ли успел выследить и пленить кого-то из солдат. Да и судя по походке шел он один. Кстати, странная какая-то походка. Удивленно прислушиваясь к приближавшимся шагам, колдун обернулся и остолбенел. В дверном проеме появилась весьма не похожая на коллегу фигура. Длинные золотистые волосы спадали на плечи и грудь совсем не мужских пропорций, а с лица, отличавшегося аристократическими чертами, блестели сиреневые глаза. Манипулятор насколько оторопел от этого неожиданного зрелища, что только рот разинул. Вошедшая девушка повернула голову и посмотрела на сжавшегося в уголке ребенка. Из ее груди вырвался короткий сдавленный звук. От следующего взгляда, которым она одарила колдуна, тому стало по-настоящему жутко. Сиреневые глаза вспыхнули ярко-алым. Вспыхнули так, что заполонивший их свет затмил и часть лица. Этот же свет вдруг озарил и всю девичью фигуру, излучавшую его будто раскаленная лампа. Манипулятора швырнуло в стену. Швырнуло жалким щенком, получившим пинка от злого хозяина. Удар был настолько жестоким, что хрустнули кости. Скрученные в узел мышцы вновь пришли в движение, и вот уже неконтролируемое собственным владельцем тело бросило в другую сторону, ударив о каменную кладку сильнее прежнего. Затем еще и еще. Заходившаяся от ярости Илиана молотила колдуна до тех пор, пока не измочалила его в кровавые клочья, державшиеся единым целым только за счет усилия ее воли. Последним аккордом расправы она выкинула его в окно, но падавшее в ров тело разорвало на части еще до того, как оно свалилось в воду. Туда посыпались лишь совершенно бесформенные куски плоти, да пролилась дождем разбрызганная в воздухе кровь. Покончив с черным колдуном, Илиана подошла к Галане и опустилась подле нее на колени. Взяв девочку на руки, она прижала ее к груди и окутала своим алым сиянием.

Возвращавшийся с пленником колдун столкнулся совсем не с тем, с кем бы ему хотелось. Из-за очередного поворота на него вдруг вылетела какая-то девушка, державшая за руку пойманную сегодня девчонку. Живую и здоровую. Этой девчонке сейчас пола-

галось дожидаться своей участи в башне, после того как она не придумала ничего умнее, как спрятаться возле замаскированного входа и увидеть как оттуда появился один из колдунов. Теперь она выглядела просто прекрасно и испуганно вскрикнула, узнав в Манипуляторе своего похитителя. Для Илианы эта встреча тоже оказалась неожиданностью. После всего пережитого, она сейчас целиком и полностью была поглощена Галаной и не сообразила, что один из приближавшихся объектов оказался еще одним черным колдуном. Ее контроль был абсолютен, но Илиану подвел чисто женский рефлекс. Держа за руку девочку, она в первое мгновение подумала о ее безопасности и толкнула в сторону вместо того, чтобы сразу же лишить колдуна дееспособности. Тот же в свою очередь скинул на нее захваченного воина, которого тащил в логово на вершине башни. Манипулятор успел это сделать до того, как Илиана полностью подчинила его тело, но успел и почувствовать, как им овладевает некая могущественная и непреодолимая сила. Упавшая под тяжестью воина девушка ненадолго потеряла колдуна из виду, что было необходимо в момент установления первичного контакта, и ее не успевшая сформироваться власть над ним прервалась. Манипулятор, почуяв, что имеет дело с чародейкой, ибо что ему еще оставалось думать, решил не дожидаться развития событий. Выбросив руку к потолку, он рявкнул короткое заклинание. Каменная кладка, потревоженная колдовским воздействием, немедленно обрушилась на лежавших людей большими и малыми фрагментами, засыпав их острыми осколками и слоем извести. Израненная девушка, получив камнем по голове, потеряла ориентацию в пространстве. В глазах стало темно, мысли спутались, в ушах зашумело. Галана, избежавшая камнепада благодаря упреждающему толчку Илианы, истошно закричала. Колдун свирепо обернулся, намереваясь заткнуть ей рот. Окажись у него немного больше времени — и кто знает, как развивались бы дальнейшие события. Ему представился шанс одним махом вернуть план Дегониса в прежнее русло, раз и навсегда избавив верховного колдуна и его Покровителя от величайшей угрозы. Но шанс был упущен. Тревожные крики, громкий топот и звон металла возвестили о приближении солдат. Затравленно обернувшись, колдун метнулся к ближайшему выходу, но не пробежал и двадцати ярдов как понял, что очутился в тупике. Развернувшись, он припустил обратно, рассчитывая свернуть в другой проход, и нос к носу столкнулся с четырьмя воинами, объявившимися на месте молниеносной схватки. Тем хватило одного взгляда, чтобы сообразить что здесь произошло. При виде поверженной Илианы они обезумели от горя и ярости, и с дикими криками ринулись на колдуна. Тот

попытался оказать сопротивление, но всех четверых остановить не успел. Слишком стремительной была атака в замкнутом пространстве, и даже его колдовского искусства не хватило сломить напор подлетевших воинов, изрубивших его на куски. Покончив с гнусным врагом, солдаты устремились обратно, надеясь помочь девушке, но остановились пораженные открывшимся зрелищем. Илиана уже стояла на ногах прямо посреди груды камней, а вокруг нее кружились вливавшиеся обратно в тело капли вытекшей крови. Пострадавшая голова заживала прямо на глазах, раны и порезы затягивались так, будто их никогда и не существовало. Когда красные завихрения исчезли, девушка была совершенно цела. Не теряя времени, она склонилась к лежавшему рядом воину. Его товарищи, переглянувшись, в мгновение ока оказались рядом и принялись сбрасывать с него громоздившиеся камни, чтобы не мешали целительнице выполнять свою священную работу. Никто уже и не сомневался в результате, когда она блестяще ее выполнила.

От всего произошедшего Сирелина пришла в откровенный ужас. Она чуть не потеряла свою бесценную воспитанницу едва не на пороге самой обители. Заходясь от обуревавших ее чувств, Сирелина закатила сестрам настоящий скандал. Что за бардак творится в землях, которые чародейки вроде как охраняют и считают сферой своего влияния?! Сестры тоже пребывали не в лучшем расположении духа. Уверенность в своих силах порой порождает беспечность. Никому и в голову не приходило, что черные колдуны настолько обнаглеют и устроят тайное логово в исконной вотчине чародеек. Шпионское гнездо прямо в Данерхейме! И кто знает как долго они там торчали, сообщая куда следует обо всем, что видели и слышали. Уму непостижимо! А ведь если подумать, учитывая все обстоятельства, сестрам давно следовало о чем-то таком догадываться и держать ухо востро. Обеспокоенные чародейки немедленно послали в обитель сообщение, а сами отправились в крепость — переворачивать ее с ног на голову. Сирелина, оставив их развлекаться сколько душе угодно, участвовать в этом мероприятии не собиралась. Ей, безусловно, очень хотелось узнать обстоятельства пребывания Манипуляторов в Данерхейме. Увы, допрашивать было некого. Одного колдуна прикончила Илиана, о чем говорила как-то неохотно, а другого искрошили в фарш ее верные воины. Пускай теперь сестры ищут полезные улики, способные пролить некоторый свет на деятельность колдунов — у Сирелины есть дела поважнее. До обители рукой подать, и она доставит туда Илиану пока с ней еще что-нибудь не стряслось. Бэйлу насилу удалось уговорить свою подругу не выезжать на ночь глядя, поскольку

тащить ребят в такую пору через перевал — не самая лучшая идея. Сирелина, подумав, согласилась, но спозаранку подняла всех на ноги. Отбывшие в крепость чародейки еще не возвращались, но это не имело значения. С собой Сирелина оставила только одну сестру — так, на всякий случай; заодно поможет приглядывать за двумя пленными Манипуляторами. Остальные чародейки найдут гораздо лучшее применение своим талантам в Данерхейме. Четырнадцать воинов, разумеется, по-прежнему будут сопровождать Илиану. Буквально вчера выяснилось, что эта мера оказалась отнюдь не лишней, да и требовать от них чего-то другого все равно бесполезно. Как-то они уж совсем прониклись к девушке особыми чувствами, начинавшими смахивать не только на преданность. Интересно, с чего бы вдруг? Сонные ребята еще дожевывали свой завтрак, а солдаты уже выстроились возле дома, готовые как выступать, так и изрубить любого, кто сунется туда с недобрыми намерениями. С первыми лучами солнца весь отряд покинул деревню и направился через горы.

Лорданский перевал не входил в число самых дружелюбных достопримечательностей. Обладая несомненной суровой красотой, он, тем не менее, частенько бывал беспощаден к путникам, одаривая их то губительным камнепадом, то покашливанием заснеженных вершин, выражавшимся в сходивших на дорогу лавинах. Где-то поодаль гремели горные реки, низвергаясь с исполинских круч куда-то в бездонные ущелья, а далекие раскаты обвалов заставляли беспокойно поглядывать на возвышавшиеся вокруг склоны. Их усеивали кряжистые сосны, растущие порой практически на голых камнях. Эти же сосны протягивали пушистые лапы и над дорогой, будто старались уберечь путников от случайной осыпи. Правда чем дальше, тем деревьев становилось меньше, а на смену запаху их душистой смолы приходило холодное дыхание гор. Снежные вершины становились все ближе по мере того, как отряд продолжал свой путь, и их сверкающая белизна на фоне ясного неба заставляла щурить глаза. Чародейки столько раз пересекали этот перевал, что теперь уж и сосчитать не могли, поэтому не особо любовались окрестностями. Бэйл так же почем зря не вертел головой, а вот молодежь с восторгом созерцала открывавшиеся пейзажи. Сирелина, о чем-то переговариваясь с сестрой, уверенно вела отряд вперед, а Илиана ехала рядом с ребятами, причем ехала простым лошадиным ходом, поскольку на такой непростой дороге, изобиловавшей камнями и выбоинами, лучше было воздержаться от воздействия на лошадей. За Галану она уже не беспокоилась — девчушка чувствовала себя отлично, и от пережитого кошмара не осталось и следа. Илиана изгнала злое колдовство,

вернув ребенку силы и энергию, и Галана теперь выглядела лучше прежнего. С ребятами же девушка ехала просто потому, что успела по ним соскучиться. Не все же ей бегать из огня да в полымя. Воины держались неподалеку от Илианы и бдительно поглядывали по сторонам, не желая допустить хоть какую-нибудь промашку. Вчера они уже дали маху, оставив целительницу одну, и та чуть не погибла. Больше такого не повторится.

— Скажи, а как ты нашла вход? Ведь на нем, как я поняла, лежало заклятье. Да и дурман… Я в этом мало что понимаю, хотя Сирелина нам вчера объясняла, — улучив минутку, тихонько спросила Галана.

Она ехала подле своей удивительной подруги, к которой давно уже прониклась живейшей симпатией. Как, впрочем, и все остальные. Вообще трудно было сыскать того, чье сердце не тронула бы девушка с сиреневыми глазами. Разве что черных колдунов, но они были очевидно не в счет. Молодые заклинатели стихий, скакавшие позади Илианы, и вовсе превращались в ее присутствии в двух неуклюжих недотеп, смущаясь и краснея когда девушка ловила их взгляды. Вероятно, Галана в своем предположении была не слишком далека от истины.

— Я разве не говорила? — удивилась Илиана. — Наверное, заболталась с Сирелиной. Дурман действует на разум, но определенным образом. Равно как и маскировочные чары. Мое же сознание сконцентрировалось на источниках жизни трех человек: двух взрослых и одного ребенка, причем у ребенка он был очень слабым. Сосредоточившись исключительно на своих ощущениях, я как бы не замечала ничего остального, идя на огонек жизни ребенка как мотылек летит на пламя свечи. Один взрослый быстро промелькнул на краю доступной мне области обзора и исчез. Я не знала кто это был, и не обратила на него внимания — меня занимал лишь ребенок, которым наиболее вероятно была ты, Галана. Поднявшись на вершину башни, я без труда отыскала скрытую дверь, поскольку дурман на меня действовал довольно плохо. Я видела ее будто сквозь дымку, но все же видела.

— Если честно, я не очень поняла, — почесала девчушка в затылке.

— Ну смотри. Допустим, некто зачаровал дверь и ты видишь лишь гладкую стену, — привела пример Илиана. — Что ты будешь делать?

— Ничего. Останусь на месте или уйду, если я не знаю что там есть вход, — озадаченно ответила Галана.

— Правильно, — кивнула Илиана. — А теперь представь, что на твоем месте оказался слепой. Он подошел к стене, ощупал ее ру-

ками, нашел дверь и открыл ее. Чары не могли на него подействовать, потому что он их попросту не видел. Вот и я в известном смысле их не видела, ориентируясь исключительно на свои прикованные к источникам жизни чувства.
— А-а-а! Теперь поняла! — просветлела лицом юная собеседница.
— Есть и другое объяснение, — послышался вдруг голос подъехавшей Сирелины. — На Илиану не действует темное колдовство, либо же действует, но недолго и плохо. Ее жизненная сила подавляет любое агрессивное вмешательство, чему способен послужить доказательством тот случай с отравлением. Колдуны могут связать ее корнями, сковать зачарованной цепью или как-либо еще лишить подвижности — это да. Но навредить ее телу или разуму заклинаниями они не в силах, достигая как максимум слабого кратковременного эффекта. Пока это лишь мое предположение, но я полагаю, что она восстанавливается от их злого воздействия так же быстро, как от ранения или яда. И если ее иммунитет растет пропорционально росту ее силы, то вскоре она и вовсе станет неподвластна любым ухищрениям Манипуляторов. На радость Дегонису и всем его прихвостням.
— А при чем тут маскировочные чары? — потерла лоб Илиана. — Ты ведь тоже можешь их наложить, и в них не будет ни капли злого колдовства. По-моему, моя теория правдивее.
— Скорее всего, они правдивы сразу обе, — улыбнулась чародейка.
Ехавшая впереди сестра издала громкое восклицание, призывая Сирелину. Отряд остановился. Впереди, показавшись из-за поворота, ярдах в ста виднелся внушительного размера завал.

Само по себе такое явление не казалось чем-то из ряда вон. Примерно пару раз в год дорогу на каком-нибудь участке засыпало, когда сильно, когда не очень. Собственно, для этого за перевалом и приглядывали чародейки, привлекая в случае необходимости жителей Данерхейма. Они же устроили вдоль всего пути и несколько убежищ сродни открытым гротам. Внутри застигнутые непогодой или неожиданным препятствием путники могли найти укрытие, развести костер и заночевать в относительной безопасности. Завал, объявившийся на пути отряда, выглядел совершенно буднично, однако Сирелина, учитывая недавние события, сразу же встревожилась. По ее сигналу солдаты немедленно пришли в боевую готовность, окружив Илиану с ребятами плотным кольцом, и подняли щиты, чтобы отразить возможное нападение. Затем всей группой сдвинулись в наиболее безопасное место подле груды огромных камней у относительно пологого склона. Сирелина, оставив сестру присматривать за отрядом, вместе с Бэйлом приблизи-

лась к завалу. Он не то чтобы выглядел огромным и совершенно непреодолимым. Часть свалившихся на дорогу камней действительно имела тот еще размер, но в целом пешеход без всякого риска для жизни мог бы перебраться через образовавшееся препятствие. Но только не всадник. И уж точно не целый конный отряд, насчитывавший двадцать три человека. Сирелину, однако, занимало само происхождение завала. Уж не приложила ли к нему руку чья-то добрая душа, которая сейчас сидит в засаде и ждет подходящего момента для атаки? После колдунов в крепости сие не казалось таким уж невероятным.

— Что скажешь? — негромко спросила чародейка, настороженно оглядывая покатые склоны.

— Так просто не проехать. Придется разгребать, — хмуро ответил гладиатор, покрутившись возле нагромождения камней. — Вот здесь стоит попробовать. Здесь меньше всего больших глыб. Часа за три управимся и расчистим узкий проход, а иного сейчас и не надо.

— Да я не про то! — с досадой поморщилась Сирелина. — Засаду не чуешь? У тебя вроде нюх на такие дела.

Пока они препирались, Илиана заприметила неподалеку горного орла. Тот чинно сидел на отвесном выступе и свысока поглядывал на сгрудившихся людей. Сосредоточившись, девушка обратила все свои чувства в направлении птицы и вскоре уловила пульсацию ее жизни.

— Сейчас сюда подлетит орел. Опустите оружие и не вздумайте стрелять! — велела Илиана своей охране.

Солдаты, машинально подчинившись, поначалу не поняли о чем вообще речь, пока к отряду, раскинув огромные крылья, и в самом деле не приблизилась здоровенная птица. Усевшись на ближайший камень, она замерла, не обращая внимания ни на кого кроме Илианы. Спешившись, девушка, пройдя мимо солдат, направилась прямо к ней.

— Госпожа, вы куда?! — обеспокоился капитан.

— Дайте мне поговорить с орлом. Здесь никого нет, не волнуйтесь. Об этом говорит сам факт его присутствия, — ответила девушка.

Солдаты переглянулись. Илиана, подойдя к пернатому гиганту, присела рядом с ним и, положив руку на крыло, принялась его легонько поглаживать. Вряд ли птица могла толком что-то почувствовать через свои жесткие перья, но по тому, как она щурила глаза, было очевидно, что ласка ей очень даже нравится. Вероятно, дело заключалось в чем-то ином. Илиана молча смотрела на орла, а тот, повернув голову, приоткрыл клюв и издавал какой-то забавный клекот. Так продолжалось несколько минут.

— Урм говорит, что никого здесь не видел. Только пару дней назад проехало несколько женщин, а более людей он не встречал, — сообщила Илиана. — Полагаю, он имеет в виду чародеек.
— Урм? — выдавил из себя капитан королевской стражи.
— Так его зовут, — пояснила девушка. — Урм говорит, что сегодня ему люди точно не попадались. Во всяком случае, здесь. Кроме нас, разумеется. Нам нечего опасаться. Можете убрать оружие.
На лицах солдат появилось совершенно неописуемое выражение. В отличие от ребят, они еще не знали про эту удивительную способность Илианы, и теперь, после всего уже увиденного, пребывали в откровенной прострации.
— Сейчас я попрошу его взлететь и осмотреть окрестности. В этом нет необходимости, но так, на всякий случай, чтобы всех успокоить, — сказала Илиана.
Вновь повернувшись к большой гордой птице, она впервые за все время разговора прошептала ей несколько слов. Орел, чуть наклонив голову, издал короткий клич, расправил крылья и взлетел. Набирая высоту, он делал круги вокруг завала с застрявшим возле него отрядом, с каждым разом поднимаясь все выше, а круги делая все шире.
— Если Урм кого-то увидит, он даст знать, — добавила, возвращаясь к своей лошади, Илиана.
— А… Лошадей вы тоже понимаете, госпожа? — спросил капитан.
— Да. Вашу зовут совсем не так, как вы привыкли ее величать, и она обижается, что вы давно не угощали ее сахаром, — невозмутимо ответила девушка.
Изменившись в лице, офицер спешился, вытащил из сумки кусок сахара и предложил лошади. Та, радостно фыркнув, ткнулась теплой мордой в кожаную перчатку и приняла угощение, помахивая хвостом. Воины, и без того насмотревшиеся всяких чудес, потеряли дар речи. Лишь окрик подъехавшей Сирелины, сердито интересовавшейся почему все смотрят не по сторонам, а на Илиану и лошадь, привел их в чувство. Целый хор голосов наперебой ввел чародейку в курс дела.
— А, вот оно что, — просветлела Сирелина, воззрившись на воспитанницу. — Твой орел уверен?
— Вполне. Это очень умная птица. Он знает что говорит, — заверила ее Илиана. — На всякий случай он сейчас кружит в вышине и известит нас, если кого-нибудь заметит.
— Это такая шутка что ли? — опешила вторая чародейка.
Она еще не была в курсе всех нюансов связанных с воспитанницей сестры, поскольку о них ведал лишь Совет, да те, кто успел лично стать свидетелем ее способностей.

— Да, Илиана умеет не только лошадей подгонять, — озорно прищурилась Сирелина.

Раз какая-либо опасность отсутствовала, завал вполне можно было разобрать. В заявленные Бэйлом три часа полторы дюжины мужчин при помощи двух чародеек управились бы почти наверняка, но тут быстро выяснилось, что так много усилий и не потребуется.

— Давай. Твоя очередь, — подтолкнула наставницу Илиана, пока та соображала как лучше всего подступиться.

— Ты это о чем? — осведомилась Сирелина.

— Подними эти камни и перенеси в сторону, — предложила девушка. — Ты же ворочала мешки и даже телеги в Фербуре. Расчисти проход. Все ведь не надо поднимать. Достаточно небольшого коридора.

— Я это и собиралась сделать, — проворчала чародейка. — Буду бросать их один за другим, помогая мужчинам.

— Я не это имела в виду, — хитро улыбнулась Илиана.

Действительно, она подразумевала нечто совсем другое. Следовало поднять часть камней разом, переместить подальше в сторону и там бросить. Не по одному, а целой грудой, весившей какое-то невообразимое количество тонн. А почему нет? Речные воды уже подчинились чародейке, так чем этот завал хуже? Зачем зря растрачивать время и силы, если можно управиться быстро и эффективно?

Сирелина не то чтобы не верила воспитаннице. Просто она до сих пор не могла свыкнуться со своими новыми возможностями. Привыкла мыслить прежними категориями, как-то упуская из виду изменившиеся масштабы. Признаться, никто из присутствующих не верил, что из предложения Илианы выйдет толк. Однако скептическая усмешка на устах второй чародейки быстро померкла, когда под воздействием Сирелины целый пласт завала пришел в движение и пополз вверх, осыпаясь мелкими камешками. Первая попытка, правда, не увенчалась полным успехом, поскольку взволнованная до глубины души Сирелина при виде творения своих рук потеряла концентрацию и уронила все обратно. Лишь на третий раз ей удалось поднять камни достаточно высоко для того, чтобы передвинуть их в нужную сторону. Было нечто завораживающее в том, как они медленно плыли в воздухе, подчиняясь заклинанию и жестам чародейки. Осыпавшись поодаль от завала, камни покатились, с глухим стуком ударяясь друг о друга, и замерли неподвижно, будто всегда там и лежали.

— Силы небесные… — пробормотала вторая чародейка.

— С такими союзницами нам сам черт не страшен! — убежденно

сказал кто-то из солдат.
Остальные согласно загудели. Сирелина промолчала. Ох, если бы все было так просто… Но не стоит попусту огорчать людей, особенно накануне грядущей битвы. Подхватив вторую груду, она, поднатужившись, потащила ее вслед за первой.

Последнюю часть прохода в завале пришлось разгребать более традиционными методами. Сирелина, перестаравшись с непривычки, здорово устала, охватывая колдовством сразу большую площадь. С водой все-таки было иначе, плюс там не обошлось без прямого влияния Илианы. К счастью, камней оставалось совсем немного, и совместными усилиями их убрали менее чем за полчаса. Девушка, исподтишка восстанавливая чародейке энергию, советовала ей быть более уверенной в себе и почаще тренироваться. Сирелина быстро устала не из-за того, что столкнулась с очень трудной задачей, а потому что неправильно к ней подступилась. Это как выбивать тараном ворота, открывающиеся в противоположную сторону. Выбить-то выбьешь, да сколько при этом сделаешь лишних усилий!
— Это еще кто у кого теперь наставница, — невольно улыбнулась Сирелина, слушая девушку и припоминая слова Алеады.

Когда с завалом было покончено, отряд, закончив вынужденный привал, немедленно продолжил путь. Вторая чародейка теперь не отступала от сестры ни на шаг и все допытывалась, каким образом той удалось обрести такую колдовскую силу. Сирелина, сдавшись под ее напором, призналась, что это целиком и полностью заслуга ее воспитанницы. Просто она хотела сохранить это втайне до прибытия в обитель. Илиана и без того привлекает к себе слишком много внимания, и лишнее беспокойство ей совершенно ни к чему.

Перевал миновали к заходу солнца. Урм, спикировав к Илиане, распрощался с ней и, получив в благодарность упитанную рыбину, улетел восвояси. Рыбы, запасенной накануне в деревне, у людей было вдоволь, до обители оставался всего день пути, а орел честно исполнил возложенное на него поручение, до последнего бдительно оглядывая окрестности. Причем в ущерб себе, поскольку несколько раз упустил случай поохотиться. Воины проводили птицу потрясенными взглядами, поскольку у них все еще в голове не укладывалось, что можно вот так взять и накоротке пообщаться с совершенно диким существом. Пообщаться и поручить исполнить какое-нибудь дело.
— А ведь из таких вот пташек выйдут отличные разведчики, — шепнула сестра-чародейка Сирелине. — Наших-то горгулий слишком далеко не пошлешь, а эти…

Сирелина сама терялась в догадках, в какие масштабы могли бы воплотиться способности Илианы, и до поры предпочитала позволить событиям идти своим чередом, понапрасну не доставая девушку измышлениями а-ля "если бы, да кабы".
— Попроси ее, — шепнула сестра.
— Опять ты за свое, — проворчала Сирелина.
— Ну пожалуйста. Все равно сейчас привал сделаем, — упрашивала та.
В привале, собственно, прямой необходимости не было. До пика Эрминдхайм можно было добраться к утру. Одна Сирелина непременно продолжила бы путь, но после перехода через горы она решила дать всем отдохнуть. А уж засветло, да при воздействии Илианы отряд быстро доберется до заветной обители.

Лагерем встали невдалеке от подножия седого хребта, чье дыхание еще ощущалось, когда оттуда задувал шумевший в ветвях деревьев ветер. Впрочем, скорее просто осень давала себя знать. Начало октября по эту сторону гор было заметно холоднее, и деревья уже вовсю теряли листву, усеивая землю красивым цветастым ковром. На этом ковре, подложив побольше лапника, и расположились усталые путники, причем для Илианы воины натаскали столько подстилки, что ее постель приподнялась на целый фут. От костра, весело взметнувшегося к темному небу, вскоре потянуло ароматной похлебкой. Ей занимались Бэйл и Галана, поручив молодым людям помогать по кухне. Пока воины ставили палатки, Сирелина подошла к болтавшей с ребятами Илиане. Отозвав ее в сторонку, наставница с некоторым смущением передала ей просьбу сестры-чародейки.
— Я не хочу тебе досаждать, но Дармила так меня умоляла! — пояснила она. — Сама она не решается тебя просить, но с меня прямо-таки не слезает.
— Конечно, почему нет, — кивнула девушка. — За один раз чудес я не обещаю, но кое-что, полагаю, мне вполне по плечу.
Сирелина, вздохнув с некоторым облегчением, поманила пальцем сестру, издали следившую за этим разговором. Та немедленно подошла, не слишком успешно пытаясь скрыть свои большие надежды.
— Дармила, Илиана согласилась... с тобой позаниматься, — сообщила Сирелина, запнувшись с определением явления. — Только я предлагаю вам пройти в палатку, чтобы почем зря не смущать наших спутников.
Дармила, невысокая миловидная шатенка с вьющимися волосами, была готова на что угодно — хоть на дерево залезть, лишь бы девушка согласилась одарить ее хоть каплей своей силы. Илиана,

кивнув наставнице, удалилась в приготовленную для нее в палатку, куда следом нырнула и вторая чародейка. У опустившегося полога немедленно встали на караул два воина, а еще двое виднелись по другую сторону — мало ли кто оттуда подкрадется. Сирелина не пошла за компанию, предпочитая не мешать девушке заниматься своим удивительным делом. Лишь издали наблюдала, как внутри палатки постепенно разгорается алое свечение, окрашивая ее борта в кроваво-красный цвет. Наблюдала и невольно думала что ждет Илиану в обители, когда все обитательницы Альмирстала захотят ощутить на себе ее чудодейственное влияние.

– 5 –

Талара, сидя в темном душном сундуке, чувствовала себя полной дурой. Ее неугомонная натура, временно оставшись без подходящего занятия, требовала приключений. А поскольку принцесса оказалась втянута в заговор против темных колдунов, причем втянута не безосновательно и по доброй воле, обычные сорванские затеи ее уже не устраивали. Не было и Бэйла, который уберегал ее от излишне опасных и необдуманных выходок, отсутствовала Илиана, способная усмирять пыл импульсивной подруги. В результате всех этих обстоятельств Талара и очутилась в столь неприглядном положении. Ей показалось отличной идеей выяснить побольше о колдунах в штаб-квартире Имперской стражи. Пользуясь своими привилегиями, она явилась совершенно официально, навести кое-какие незначительные справки. Возиться с капризами ее высочества офицерам совершенно не хотелось, поэтому Талару провели в крыло колдунов и передали с рук на руки заведующему. Тому самому, который не так давно снабдил ее Компасом. Напомнив об этом событии, принцесса — сама невинность, — обронила, что колдун обещал быть всегда к ее услугам. Заведующий, стараясь сохранять учтивое выражение лица, поинтересовался, что на сей раз угодно ее высочеству. Ее высочество попросила устроить ей экскурсию. Отец, мол, в письмах упоминает о своих верных слугах, отдельно отмечая их важную роль. Само собой, принцессе очень захотелось узнать об этом побольше, поскольку до сих пор ей не приходилось иметь дело с такими удивительными вещами, какими занимаются особые специалисты Имперской стражи. Ведь нужно же ей разбираться в устройстве столь важной опоры своего государства.

Заведующий призадумался. С одной стороны, он не горел желанием работать гидом для этой капризной девицы. С другой, ее слова прозвучали довольно лестно. Кроме того, заведующий был

осведомлен, что хан подписал особое распоряжение, дающее его дочери право официального доступа к некоторым ресурсам Имперской стражи ввиду ее нового статуса. Назначение Талары на должность Попечителя приютов для многих оказалось полнейшей неожиданностью. Бумага за подписью и печатью ад-Сейдина пришла совсем недавно, поэтому визирь сейчас улаживал все необходимые формальности. Принцесса еще не заняла этот пост, но данное событие должно было произойти со дня на день. Если прежде офицеры Имперской стражи просто шли ее высочеству навстречу, не решаясь отказывать в сущих пустяках, то теперь они будут обязаны предоставить ей все, чего она пожелает как государственное лицо, а не только принцесса крови. Что ж, пожалуй, стоит удовлетворить желание Талары. Еще не хватало, чтобы она наябедничала отцу что его приказы не выполняются. Расплывшись в любезной улыбке, заведующий пригласил ее высочество следовать за ним.

Принцесса и сама не знала чем закончится ее путешествие. Она просто смотрела во все глаза и слушала во все уши. Вряд ли колдуны так вот на раз возьмут да и выложат перед ней свои секреты, которые наверняка скрывают ото всех — даже от располагавшихся в том же здании воинов. Только у Талары было известное преимущество: она теперь знала подноготную этой змеиной компании, и могла оценивать вещи по-другому. Слушая колдуна, она поглядывала по сторонам, и ее цепкий взгляд старался примечать даже самые незначительные детали. Принцессе не понадобилось слишком много времени, чтобы прийти к простому выводу: настоящая база колдунов находилась отнюдь не здесь. В штаб-квартире Имперской стражи они несли возложенную на них службу, и, похоже, не более того. В принципе, это укладывалось в известную логику: приспешникам Дегониса слишком опасно показывать свое истинное лицо там, где это мог бы кто-нибудь заметить. Тем не менее, имелось в этом крыле и нечто весьма полезное. Все дела колдуны строго документировали в соответствии с установленным порядком. Стало быть, в их архиве имеется немало сведений, представляющих известный интерес. Пожалуй, стоит как следует в этом архиве покопаться, подняв инцидент на Высшем судилище, а заодно и ознакомиться с их насущными заботами. Неофициально, конечно, поскольку вряд ли заведующий будет столь же любезен, если Талара изъявит желание заглянуть в бумаги колдунов.

Случай подвернулся сам собой. Заведующий уже успел показать ее высочеству большую часть вверенного его заботам крыла штаб-квартиры Имперской стражи, рассказывая о трудовых буд-

нях, как вдруг к нему скорым шагом приблизился какой-то человек. Извинившись, колдун отошел с ним в сторону и о чем-то недолго шептался. Затем вернулся к принцессе и попросил дозволения покинуть ее очаровательное общество — его, мол, призывают неотложные дела и обход придется завершить. Талара любезно согласилась, но взяла с колдуна обещание, что в следующий раз они непременно продолжат столь увлекательную экскурсию. Похоже, сейчас заведующий готов был обещать ей что угодно, поскольку действительно куда-то торопился. Он предложил кого-нибудь позвать, чтобы ее высочество проводили подобающим образом, но Талара сказала, что в этом нет необходимости. Она неплохо запомнила где что находится, и сама найдет выход. Заведующий, вполне удовлетворенный таким предложением, почтительно раскланялся с дочерью повелителя и тут же убежал вместе с пришедшим человеком. Принцесса, оставшись совершенно одна, также немедленно куда-то направилась. Она, вероятно, все-таки слишком плохо ориентировалась в крыле колдунов, поскольку выход находился совершенно в другой стороне.

Проникнуть в архив оказалось не так уж и сложно. Посты охраны не стояли на каждом углу, и их было очень мало. В самом деле, кого Имперской страже опасаться, если надежно охраняется само здание и основные внутренние переходы? Нет ни малейшей необходимости ставить вооруженных людей у каждой двери и на каждом перекрестке. В процессе обхода Талара хорошо запомнила расположение охраны и не опасалась того, что случайно вылетит на какого-нибудь сонного стражника. Впрочем, ей это ровным счетом ничем не грозило, кроме как срывом всей шпионской затеи. Изредка попадавшиеся навстречу колдуны могли доставить куда больше хлопот, но принцесса каждый раз сначала находила себе укрытие, а затем шла дальше. Только однажды ей это и понадобилось. Талара юркнула за портьеру, дождалась пока приближавшийся колдун пройдет мимо и продолжила свой путь. Стоило ли говорить, что закончился он в архиве, где ее любопытное высочество, пользуясь отсутствием посторонних, деятельно принялась изучать один шкаф за другим.

Поскольку Имперская стража была организована сравнительно недавно, архив не представлял собой огромный зал, уставленный стеллажами с невообразимым количеством ячеек. В просторной комнате стояло несколько рядов типичной служебной мебели. Застекленные шкафы соседствовали с самыми простыми этажерками, где в строго определенном порядке располагались папки, коробки и прочие вместилища документации. Из прослушанной лекции Талара уже имела представление о том, как здесь

классифицируется и распределяется поступающая информация, а посему без труда отыскала шкаф с текущими делами. В нем хранились все сведения касательно незакрытых вопросов — стало быть, они и считались самыми актуальными. Принцесса, однако, сначала решила покопаться в деле своей подруги. Теперь-то она уже знала что произошло от нее самой, но выяснить подноготную этой истории со стороны колдунов было бы не лишне. Сориентировавшись в шкафах, она принялась просматривать висевшие на них каталоги, куда в алфавитном порядке, с датами открытия и закрытия папок, заносилось все, что находилось внутри. Талара, разумеется, понятия не имела как именно может называться дело Илианы, а посему была вынуждена в известной степени полагаться на удачу. Впрочем, основываясь на датах, ей довольно быстро удалось наткнуться на запись озаглавленную "Высшее судилище", немедленно привлекшую внимание. Отыскав нужную папку, Талара выудила ее из шкафа и принялась внимательно изучать. Да, за Бэйлом действительно следили. Следили с тех самых пор, как повязали в доме у колдуньи Зауры. Дело содержало несколько перекрестных ссылок, но Талару сейчас интересовало лишь то, что относилось к Илиане. Здесь, однако, колдуны либо проявляли известную осторожность, либо их самих не особо оповещали о планах Дегониса. Внучка шейха упоминалась лишь как пропавшая придворная дама принцессы, которую непременно следовало отыскать. Талара, усмехаясь, то и дело натыкалась на отсылки к своему имени, причем как относительно Илианы, так и Бэйла, ввиду чего от колдунов требовали соблюдать особую осмотрительность. Особой информативности, увы, папка не принесла. По большей части в ней содержался лишь свод проведенных мероприятий и отданных распоряжений, к которым прилагались соответствующие отчеты о выполнении. Дело обрывалось совершенно неожиданно, с пометкой "по приказу Д". С таким же обоснованием оно начиналось, и точно таким же образом были промаркированы многие внутренние документы. Похоже, дело с самого начала находилось на личном контроле Дегониса, исполнители следовали его приказам и понятия не имели что за этим стояло. В последних строчках сообщалось, что местонахождение объекта было определено, о чем немедленно доложили "Д". После этого поступил приказ снять оцепление и закрыть дело, завершив все связанные с ним мероприятия.

Положив папку на место, Талара призадумалась. Даже предъяви она ее отцу, толку с этого выйдет немного. Все выглядело так, будто Дегонис действительно принял меры для розыска ее придворной дамы, осторожно и без огласки. Способ, который он

для этого выбрал, можно поставить ему в вину, но не результат, о котором не сказано ни слова. Взяв эту папку на заметку, Талара быстро прошла к шкафу, где должно было содержаться личное дело Илианы, упоминавшееся в перекрестных ссылках "Высшего судилища". Она хорошо запомнила его координаты и теперь без труда отыскала среди всех прочих документов. Здесь ее ждало разочарование. Папка содержала единственный лист с одной лаконичной строчкой. "Изъято по приказу Д" гласила аккуратная запись, датированная днем окончания поисков.

М-да, с доказательствами пока было как-то туговато. Принцесса могла бы обвинить Дегониса в том, что он дурно обошелся с Бэйлом, но не более. Личное же дело гладиатора оказалось ничуть не информативнее записей об Илиане. "Изъято по приказу Д" гласила все та же короткая пометка, сделанная несколько позже. Дата показалась принцессе весьма примечательной — это был день возвращения Дегониса из пустыни Калихари. Не иначе как злодей заметал следы, уничтожая официальные документы, способные случайно его скомпрометировать. Что ж, удивляться не приходилось. Колдуны вели здесь служебный архив, и принцесса начинала понимать, что обнаружить в этой комнате нечто, способное вывести их на чистую воду было, по меньшей мере, наивно. Впрочем, полезность этого архива все же не исключалась. Вернувшись к шкафу с открытыми делами, Талара быстро наткнулась на весьма примечательную папку озаглавленную "Аберидж". Схватив ее с полки, она жадно заглянула внутрь. Самый верхний лист содержал доклад оставленного в развалинах наблюдателя, сообщавшего, что на объекте никто не появлялся. Доклад поступил позавчера, и принцесса мысленно поздравила себя с тем, что благоразумно удержалась от визита в заброшенный комплекс. Перевернув лист, она хотела было посмотреть дальнейшее содержимое, выглядевшее весьма объемно, но тут послышались чьи-то приближавшиеся шаги. Живо сунув папку на место, Талара притворила шкаф и метнулась к заранее облюбованному убежищу. Им оказался большой сундук, мирно стоявший в углу подле письменного стола. Он был заполнен лишь на треть какими-то коробочками, для лучшей сохранности при транспортировке переложенными мелкой стружкой и овечьей шерстью. Принцесса заблаговременно вскрыла нехитрый замок с такой же легкостью, как и на входной двери. Та ведь тоже запиралась, но уроки Дэи не прошли для Талары даром. Юная разбойница отлично управлялась со всевозможными запорами и с удовольствием научила нескольким приемам свою высокородную подругу. Забравшись внутрь, принцесса притворила крышку и затаилась.

Явился архивариус. Во всяком случае, именно так заведующий представил этого типа со скрипучим голосом, в чьи обязанности входило сохранять содержимое шкафов в надлежащем порядке. Он не торчал в архиве постоянно, а сидел неподалеку, собирая поступавшие за день документы. Потом отправлялся сюда и раскладывал их по надлежащим местам. Этот же тип занимался и выдачей запрошенных бумаг, ежели в том возникала необходимость. Разговаривая сам с собой — а именно так Талара и опознала пришедшего человека — он, судя по характерным звукам, уселся за письменный стол, бухнув на него что-то довольно увесистое, и принялся шелестеть листами. Периодически раздавался стук пера о дно чернильницы и поскрипывание его кончика при выведении букв. Да, колдуны, как и чародейки, тоже сплошь и рядом прибегали к самым прозаическим вещам, хотя были способны делать записи и более впечатляющим образом. Впрочем, не исключено, что архивариус колдуном и не был. Талара, отчаянно крутя носом чтобы не чихнуть, смиренно дожидалась пока старый хрыч закончит свою возню и уберется восвояси, позволив ей продолжить изыскания. Тот, как назло, особенно не торопился, перебирая бумаги и бормоча себе под нос что-то неразборчивое. В какой-то момент он, вероятно, потянул за один из висевших над столом шнуров, потому что в архиве появился служащий.

— Мне нужны чистые журналы для записей, — сообщил архивариус не слишком любезным тоном.

— А разве они закончились? — удивился вошедший.

— Если вон в том шкафу ты найдешь хоть один, я дам тебе золотую монету, — заявил архивариус.

Донесшийся шум, вероятно, сопровождал действия служащего, который открыл дверцы большого сплошного шкафа и проверил его содержимое. Судя по раздавшейся реплике, он ничуть не преуспел, а значит и золотая монета ему не полагалась.

— Странно, — пробормотал служащий. — А! Ну так конечно! — воскликнул он практически следом. — Была же новая поставка. Все заказанные расходные материалы вон в том сундуке!

Талара похолодела. Насколько она успела осмотреться в архиве, здесь имелся только один сундук, в котором она в данный момент пребывала. Шаги служащего немедленно направились прямиком в ее сторону, что лишь подтвердило нелицеприятные подозрения. Принцессу охватила легкая паника. Еще несколько секунд — и служащий узреет в сундуке совершенно не то содержимое, на которое рассчитывал. Она уже прямо-таки видела, как руки этого человека тянутся к крышке, намереваясь ее поднять, и решительно не понимала каким образом она сейчас будет оправдывать свое

местонахождение.
— Оставь сундук в покое, болван! — вдруг гневно рявкнул архивариус.
Приоткрывшаяся было крышка грохнулась обратно.
— Почему, господин? — оторопел служащий.
— По-твоему, я сам не способен достать то, что мне нужно? — едко осведомился архивариус. — Это НЕ ТОТ сундук! Видишь на нем эмблему? Какой-то дебил перепутал груз, а вы, сборище недоумков, до сих пор этого не исправили, хотя я велел сделать это еще вчера!
В следующую пару минут принцесса услышала немало таких выражений, которые обычно в приличном обществе не употребляются. Из них, если опустить излишние анатомические подробности, она заключила, что в архив доставили сундук, предназначавшийся совсем в другое место, а нужный, вероятно, уехал как раз по неправильному адресу. Как бы там ни было, Таларе совершенно не нравилось повышенное внимание к ее убежищу, но оно, к сожалению, не ослабевало. Ее надежды, что помещение хотя бы ненадолго опустеет, и она благополучно выберется на свободу, развеялись быстрее, чем принцесса успела об этом подумать. Служащий, получив хороший нагоняй, явился с двумя помощниками и под бдительным присмотром ворчавшего архивариуса они все вместе погрузили сундук на пригнанную тачку. На ней же, поругивая неподъемную тяжесть, служащие доставили груз интенданту, коротко передав все пожелания архивариуса. Тот, немедленно озаботившись неувязкой, кликнул сопровождение, и вскоре сундук, охраняемый по всем правилам, покинул штаб-квартиру Имперской стражи и отправился колесить по улицам Солтенстила. Все это время Талара, придерживая крышку изнутри, соображала, что ей, собственно, теперь делать. Дочери повелителя по-прежнему ничего не грозило, появись она во всей красе на глаза изумленным стражникам, но засветиться столь откровенным образом ей совершенно не хотелось. Как минимум колдуны наверняка начнут относиться к ней с подозрением, а этого лучше избежать. Значит, с эффектным появлением следует повременить, дожидаясь более удобного случая. Ведь не все же время поблизости будет кто-нибудь торчать!

Куда бы ни прибыл сундук, там его уже ждали. Чей-то властный голос отдал распоряжения страже; затем, судя по репликам, вручил им правильный груз и подписал какие-то бумаги. После этого стража удалилась, а у принцессы появилась надежда, что сейчас она наконец-то выберется. Не тут-то было. Властный голос кликнул подчиненных.

— Немедленно доставить этот сундук в особняк Ин-Хашуф! Там его уже заждались! — велел он, выразительно похлопав по увесистой крышке. — И если еще раз какой-нибудь кретин перепутает адресатов, я лично превращу его в реагенты! Те самые, которые предназначены нашим братьям Манипуляторам, и которых они так и не получили.

Талара навострила уши. Содержимое ее убежища начинало представлять известный интерес, равно как и то место, куда оно направлялось. Произнесенное название было ей хорошо знакомо. Именно оттуда в сопровождении двух воинов вышел колдун, не без участия принцессы похищенный прямо из лодки, и именно туда сейчас и собирались отвезти сундук, снова загрузив его на телегу. Когда Талара осознала, что ей стоило выбраться наружу гораздо раньше, пусть даже ценой компрометации, было слишком поздно. Она очутилась невесть где, запертая в дурацком деревянном ящике, и теперь одно небо ведало чем закончится ее слишком опрометчивое приключение.

В сундуке было душно, но воздух все же проникал в него через небольшие отверстия в области замка, так что задохнуться принцессе не грозило. При этом ее до сих пор не обнаружили, но легче от этого как-то не становилось. Куда бы не принесли треклятый ящик с крышкой, его наконец-то оставили в покое. Талара, возрадовавшись, попробовала выбраться, да не тут-то было! Сундук оказался заперт на замок, причем девушка решительно не помнила когда это произошло. Не исключено, что вредный механизм защелкнулся сам, когда служащий после окрика архивариуса уронил крышку обратно. И что теперь прикажете делать?! Талара, беззвучно чертыхаясь, ощупала пальцами замок. Кромешная тьма отнюдь не способствовала этому занятию. Разве что усиливала растущее чувство паники, но это на пользу делу уж точно никак не шло. Нет, решительно, это какой же надо быть идиоткой, чтобы оказаться в подобном положении, да еще по своей собственной инициативе!

Недолго пришлось ковыряться, чтобы выяснить простую истину: отомкнуть сундук изнутри невозможно. Упрекать механика не приходилось — зачем бы ему делать замочную скважину с обеих сторон? Он же не знал, что за одной глупой принцессой захлопнется крышка и она под ней застрянет. Пара отмычек, подаренных Дэей, становились совершенно бесполезными. Талара, стараясь не впадать в отчаяние, уныло подумала об альтернативах. Вырисовывалось их негусто. Либо она будет торчать здесь впотьмах, пока кто-нибудь не откроет сундук, либо же сама ускорит этот процесс, начав орать и звать на помощь. М-да, хорошенькие дела.

Талара, почувствовав, как у нее от продолжительного лежания затекает тело, пошевелилась, и ей в бок тут же врезался какой-то твердый предмет. Кинжал! Тот, из Абериджа! Сегодня принцесса не стала наряжаться в кольчугу и цеплять к поясу меч, а пришла в практичной матерчатой куртке, спрятав за пазуху оружие поменьше. Собственно, звон кольчуги давно бы ее выдал. Вытащив кинжал из ножен, принцесса, недолго думая, тут же пустила его в ход. Нет, она отнюдь не собиралась заняться членовредительством, хотя в кромешной тьме это было сделать проще, чем хотелось. Вонзив острие в твердое дерево, девушка изо всех сил принялась расшатывать металлические крепления замка.

Трудилась Талара где-то с полчаса. Похоже, ей неимоверно повезло. Любой другой клинок давно не выдержал бы прилагаемых усилий и сломался, не справившись с несвойственной ему задачей. Кинжал из Абериджа держался стойко. Уж как только ни орудовала им девушка, а зачарованной стали все было нипочем. Ее необычайная острота и невероятная прочность сыграли новой хозяйке добрую службу, и замочные накладки в конце концов поддались. Действуя кинжалом как рычагом, Талара сумела поддеть и сковырнуть нижнюю часть замка, с глухим стуком упавшую у внутренней стенки. Окрыленная достигнутым успехом, принцесса немедленно попыталась поднять крышку, но та даже не пошевелилась. После всех усилий это оказалось настолько тяжелым ударом, что девушка поначалу даже растерялась, хватая ртом ставший совсем горячим воздух. Как же так?! Замок же сломан! Не сразу до нее дошло, что крышка просто привалена сверху чем-то тяжелым. Упершись руками и хорошенько поднатужившись, Талара наконец-то приоткрыла сундук, и соскользнувшие с него мешки с глухим шлепком свалились на пол.

Свобода! Наконец-то свобода! Впрочем, достаточно условная, поскольку Талара все еще находилась где-то внутри особняка. Где именно — пока было совершенно неясно, ведь лишенная света комната отнюдь не располагала к ориентации в пространстве. Выбравшись из сундука, девушка обнаружила, что вокруг царит темнота, а впереди пробиваются тонкие полоски света. Вытянув перед собой руки, она осторожно, маленькими шажками, проследовала в их направлении и ожидаемо наткнулась на дверь. Мысленно скрестив пальцы на удачу, Талара потянула ручку, и деревянная створка приоткрылась. Не заперто! Ну хоть на этом спасибо! В коридоре, озаренном светом настенной лампы, никого не было. Талара, покрутив головой, хорошенько прислушалась, но до ее слуха не донеслось ни единого звука. Шагнув за порог, принцесса начала было красться по коридору, выбрав сторону наугад,

но, подумав, быстро вернулась обратно. Выудив из сундука одну из небольших коробок, девушка сунула ее за пазуху. Потом закрыла крышку и на прежний манер привалила ее тяжелыми мешками, насилу поднятыми с пола. Сорванный замок, конечно, не починишь, но и прямых улик своего пребывания лучше не оставлять.

Покинув темную комнату, Талара, поколебавшись, свернула направо и неслышной тенью двинулась вперед. В этом направлении ей долго плутать не пришлось. Коридор привел ее к лестнице, не удивив по пути ничем, кроме одной двери, за которой обнаружилось нечто вроде склада, очень похожего на тот, откуда выбралась девушка. Возле лестницы также горел стенной фонарь. Области яркого света сменялись полумраком, но до кромешной тьмы дело не доходило. Это было и хорошо, и плохо. С одной стороны, принцессе не приходилось идти на ощупь; с другой — если кто-то появится, шансов спрятаться будет весьма негусто. В стене лестничной площадки имелся какой-то проход, забранный густой проволочной сеткой. Потянув ее на себя, Талара увидела тупиковое помещение без потолка. Подняв голову, она заметила наверху, ярдах в пятнадцати, слабый свет. Он сочился и из боковой ниши, располагавшейся примерно посередине странной шахты, на двух противоположных стенах которой обнаружились толстые железные балки, равномерно усеянные зубьями. Внимательно посмотрев под ноги, принцесса поняла, что пол не является цельным монолитом, а скорее похож на вставленную промеж стен плиту. Вспомнив необычные металлические звуки, сопровождавшие последний этап ее сундучного путешествия, и странное ощущение снижения, Талара догадалась, что эта плита, скорее всего, подвижная. Вероятно, с ее помощью каким-то образом перемещаются вверх и вниз, перевозя особо тяжелые и габаритные грузы. Как это происходило — гадать было некогда. Кроме того, даже если привести в действие это устройство, оно наверняка вновь разразится означенными скрежетом и стуком, чего принцессе совершенно без надобности. Оставив закуток в покое, она тщательно притворила проволочную сетку. Очевидным выбором девушки была лестница. Шагнув на ступеньки, она по-кошачьи бесшумно стала медленно подниматься, ежесекундно прислушиваясь к малейшим звукам. Судя по вертикальной шахте, над ней было два этажа, и первый пролет привел ее аккурат на промежуточный. Здесь на площадку выходило сразу три двери, исключая уже знакомую сетчатую. Талара, поколебавшись, свернула на соседний лестничный пролет и поднялась еще выше. Когда он закончился, девушка поняла, что очутилась на первом этаже особняка. Вот сюда погрузили сундук и отправили вниз, и вот эти рычаги на

стене, вероятно, управляли процессом спуска. Однако не это, разумеется, подсказало ей свое местонахождение. В стене имелось окно, за которым в лунном свете серебрились неподалеку волны Идлиса. Будь Талара благоразумнее, она немедленно постаралась бы удрать подобру-поздорову, не упуская подвернувшуюся возможность. В принцессе же немедленно взыграла острая жажда приключений. Вместо того чтобы покинуть особняк, она решила осмотреться здесь как следует, раз уж ей представился столь уникальный случай.

Доносившиеся на первом этаже приглушенные голоса спугнули исследовательницу, поэтому она, быстро прекратив попытки забраться куда не звали, решила вернуться в подвал. Если колдуны где и прячут что-нибудь интересное, то наверняка там. Сирелина, узнай она о ходе мыслей принцессы, только за голову бы схватилась. После Нижних подземелий чародейка хорошо знала, что скрывают подземные ярусы Манипуляторов и насколько там может быть опасно. Талара же практически лезла на рожон, воображая, что находится в относительной безопасности, раз вокруг тихо, и никто поминутно не ходит взад-вперед по какой-либо надобности. Впрочем, на минус первом этаже она все же долго не пробыла. Здесь пахло чем-то едким, и вообще весь воздух был отчетливо насыщен какими-то химикатами. Принцесса как раз соображала откуда и чем тянет, когда впереди нее из одного дверного проема в другой деловито прошла фигура в сером балахоне. Прошла совершенно спокойно, не заметив видневшуюся поодаль девушку. Та, испуганно вздрогнув, сунулась было в боковую комнату, заставленную какими-то вычурными стеклянными посудинами, но хлопнувшая в отдалении дверь окончательно выбила ее из душевного равновесия. Решив не искушать судьбу, Талара на цепочках вернулась к лестнице и проследовала туда, откуда начала свое путешествие. В сундук она, разумеется, лезть не собиралась. Просто на сей раз двинулась по коридору в другую сторону.

О да, здесь было явно интереснее. Во-первых, принцессе по пути встретилось сразу четыре двери, причем двери железных. Замков на них не наблюдалось, однако три створки из четырех наотрез отказались подаваться даже когда Талара, пыхтя от натуги, как следует налегла на них плечом. Открылась лишь четвертая. Заглянув внутрь, девушка, к своему глубочайшему удивлению, обнаружила нечто вроде тюремной камеры со всеми характерными ее признаками. Это ее немало обеспокоило, поскольку невольно заставляло задуматься о том, для кого предназначался такой вот номер с удобствами. В железной двери обнаружился внутренний замок, сразу тремя стержнями входивший в стену, но ни замоч-

ной скважины, ни какой-нибудь приводившей его в действие пружины нигде не наблюдалось. Хм, странно. Как же тогда он работал? Притворив дверь, Талара двинулась дальше и вскоре очутилась в неожиданно большой для подвала комнате, по размеру смахивающей на гостевую залу сельской таверны. Умеренное освещение позволяло хорошенько осмотреться, и в первое мгновение принцесса подумала, что попала в какую-то кузню. В центре располагалось нечто похожее на печь, где явно разжигался огонь, а в боковое окно подносились тигли с плавящимся материалом, видневшиеся, кстати, неподалеку. Только странная это какая-то была печь. Помимо мехов, с трех сторон к ней примыкали ступеньки, заканчивавшиеся небольшой площадкой, вдававшейся в стену полуовалом. Вершина печи была плоской и в ней, подле каждой площадки, имелась выемка, напоминавшая раковину с уходившей куда-то внутрь трубой. Вероятно, в процессе работы печи сюда что-то заливали, а для удобства использовали приделанную здесь же подвижную крепежную скобу. В центре вершины находилось небольшое отверстие, окруженное замысловатыми символами, но не начертанными, а сделанными из какого-то материала и зацементированными прямо в поверхность. Отверстие также обрамляли круги разного радиуса, пересекавшиеся множеством хитроумных прямых и изогнутых линий. Талара не разбиралась в колдовстве, но догадалась, что замысловатое изображение нанесено здесь наверняка не просто так, учитывая, где она находилось. Оставив печь в покое, принцесса осмотрела остальное убранство комнаты.

Да, вряд ли колдуны занимались здесь исключительно кузнечным ремеслом, хотя инструментов и приспособлений для него было вполне достаточно. Помимо тиглей, сыскались и наковальни, целый набор молотов, клещи, тиски, и столько всяких приспособлений, что Талара даже не смогла определить назначение и половины из них. У одной стены, подле нескольких бочек с водой, громоздились мешки угля. Вдоль другой располагалось несколько столов, часть из которых, судя по убранству, годилась для обработки металла, а другая очевидным образом предназначалась не то аптекарю, не то алхимику. Последнее, разумеется, было куда вероятнее. Чем больше принцесса изучала странный зал, тем больше она недоумевала. Крючья и цепи, торчавшие с потолка, как-то уж совсем не вязались с элементами ремесленной обстановки. Они, скорее, годились для камеры пыток, нежели для мастерской или чем там еще служило это помещение. Вероятно, на них что-нибудь подвешивали в процессе работы, чтобы иметь это что-нибудь под рукой. Любопытно, что под каждым крюком на полу имелась ок-

ружность, усеянная по периметру всяческими знаками. Да и сам пол, кстати, тоже был весьма необычен. В том, что поначалу казалось беспорядочно раскиданным абстрактным рисунком, постепенно начинал просматриваться некий замысел. Печь, столы, странные механизмы, круги под крюками и вделанные в пол канавки обрамляли сложные узоры, чем-то похожие друг на друга, но при этом очевидно разные. При этом они соединялись всяческими линиями и змеящимися надписями на непонятном языке с вкраплениями каббалистических символов. Складывалось ощущение, что не узор соответствует убранству подземного зала, а строго наоборот — его убранство подстраивается под выведенный на полу узор. Талара пожалела, что не обладает познаниями чародейки и своей подруги. Уж те бы наверняка сообразили с чем имеют дело. Девушка напряглась и постаралась хорошенько запомнить увиденное, чтобы позже хотя бы отчасти воспроизвести его на бумаге и отослать куда следует.

Меньше всего Таларе понравились три боковых стола с висевшими над ними инструментами. Увидеть их в лазарете или шатре полевого хирурга было бы вполне естественно, но здесь, среди тиглей, литейных форм и алхимических реторт они казались совершенно неуместными. Вон та пила похожа на ту, которой обычно пилят кости, а вот этот мясницкий крюк больше подходит живодерне, где сдирают шкуры с туш забитых животных. Жуть да и только. Нет, определенно это место беспокоило принцессу все сильнее, если такая характеристика была вообще уместна в данных обстоятельствах. Ведь девушка, по факту, находилась в глубоком подвале особняка черных колдунов, где означенные личности невесть чем занимались вдали от посторонних глаз. Здесь просто ВСЕ должно ее не только беспокоить, но и пугать! Поежившись, Талара закончила осмотр помещения и собралась узнать что было дальше. Увы, ей это не удалось. В противоположной от входа стене имелось нечто похожее на широкую дверь, выглядевшую как сплошное металлическое полотно. Сколько девушка ни старалась, она так и не сумела сообразить как привести его в движение. Либо здесь присутствовал какой-то скрытый механизм, который у нее никак не получалось отыскать, либо это полотно обладало таким же неизвестным управлением, как и замок на двери в темницу. Бесплодно покрутившись у неподдающейся заслонки, принцесса разочарованно вздохнула и собралась на выход. Здесь-то ее и поджидал неприятный сюрприз. С той стороны, откуда она пришла, неожиданно донеслись приглушенные голоса и звуки приближавшихся шагов.

Талара сгоряча сунулась было в коридор, поскольку иного

выхода из странной кузницы не наблюдалось, но быстро поняла, что этот единственный путь для нее закрыт. Добраться до заветной комнаты с сундуком она не успеет. Всего несколько шагов — и девушка убедилась, что у нее нет ни малейших шансов юркнуть даже за незапертую железную дверь, став добровольной узницей тюремной камеры. Впереди показался свет и мелькнуло чье-то одеяние. Принцесса шарахнулась обратно и вновь очутилась в ремесленном зале. Сердце ее лихорадочно билось, разгоняя по жилам враз забурлившую с перепуга кровь. До Талары только сейчас по-настоящему дошло где она находится, и только сейчас она стала сознавать всю опрометчивость своего недальновидного поступка. Если до сих пор ей удивительным образом везло, и девушка, попав в логово врага, столь долго оставалась в нем незамеченной, то теперь, похоже, наставал черед за это поплатиться. Шаги приближались. Кто бы там ни шел, он шел не один. Впрочем, какая разница? Принцессу с транспарантами здесь явно не ждут, и хлебом-солью приветствовать не станут. В распоряжении девушки оставались считанные секунды. Затравленно обернувшись, она беспомощно оглядела зал так, будто видела его впервые, скользя по каменным стенам непонимающим взглядом. Разум, замутненный приступом паники, отказывался повиноваться. Талара, закусив губу, резко и сильно ущипнула себя за запястье, едва не вскрикнув от боли. Боль, тем не менее, привела ее в чувство, выдернув сознание из панического плена. Живо сориентировавшись в обстановке, принцесса метнулась к бочкам с водой и спряталась между их дубовыми бортами подле нагромождения мешков с углем.

В зал вошли трое. Один, в черном одеянии, расшитом серебряными символами, подошел к ближайшему алхимическому столу и разложил на нем какие-то свитки. Двое других, одетых в типичные серые балахоны Манипуляторов, направились прямиком к Таларе. Та испытала прямо-таки непередаваемые ощущения и на какое-то время полностью утратила возможность соображать. Практически перестав дышать, испуганная девушка вжалась в бочки, стараясь слиться с ландшафтом. В ее голове пульсировала одна лишь нехитрая мысль, в которой, несмотря на страх, сквозила тоскливая обида: да как же эти типы узнали где она спряталась?! Талара пережила несколько очень неприятных мгновений прежде чем выяснилось, что означенные типы явились вовсе не за ней. Подхватив каждый по мешку угля, они подтащили их к печи и засыпали куда следует. Затем без всякого приспособления добыли огонь, полыхнувший на углях сразу вслед за раздавшимся заклинанием. Последние сомнения исчезли: девушка имела дело именно с колдунами.

Уяснив, что об ее присутствии по-прежнему никто не догадывается, Талара сразу осмелела и, забыв про все свои страхи, прильнула глазом к щели между бочками. Теперь она видела практически все, что происходило в зале. Там уже стало гораздо светлее. Колдун в черном, пробубнив себе под нос какие-то слова, пошевелил в воздухе пальцами, будто подкручивал невидимый фитиль. Настенные лампы враз засветились ярче, и тут до принцессы дошло, почему их огни показались ей несколько необычными. Это были колдовские огни, не имевшие ничего общего с традиционным процессом горения. На ее счастье, там, где она укрылась, света не прибавилось, поскольку колдун посчитал явно излишним озарять почем зря уголь и воду. Теперь притаившаяся Талара сидела в еще большей тени, чем прежде, с учетом усилившейся разницы в освещенности. Ей же все было отлично видно. С вновь проснувшимся охотничьим азартом принцесса внимательно наблюдала за действиями явившейся в кузницу троицы.

Чем бы ни занимались колдуны, похоже, они проделывали это не в первый раз, настолько отточенными выглядели все их движения. Негромко переговариваясь между собой, они уверенно следовали какому-то техническому процессу, возглавляемому колдуном в черном. Талара, прислушиваясь к их репликам и присматриваясь к выполняемым операциям, довольно быстро сообразила чем эта компания занимается. Колдуны плавили свинец. Когда печь запылала должным образом, они поставили в нее большой тигель, наполненный свинцовой рудой. Ну, не совсем рудой, так как означенный металл уже извлекли из породы где-то в другом месте, а однородными кусками. Мехи, повинуясь наложенному на них заклинанию, качали воздух сами собой. Особо стараться им не пришлось, поскольку температура плавления свинца была довольно низкой. Когда содержимое тигля достигло требуемой кондиции, колдуны вытащили его из печи. Тут в дело вступил тип в черном. Подойдя к тяжелой посудине, он принялся высыпать в нее какие-то гранулы, бубня себе под нос заклинания. Вероятно, это были именно они, ибо пальцы колдуна подсвечивались зеленым, а сыпавшиеся в тигель субстанции то и дело вспыхивали яркими искорками. Помощники в сером исправно перемешивали жидкий свинец особым черпаком и делали это до тех пор, пока старший не велел им остановиться. Тигель отправился обратно в печь и какое-то время снабженный неведомыми приправами металл бурлил там в свое удовольствие, дожидаясь сигнала смотревшего на хронометр колдуна. Когда процедура с выемкой из печи повторилась, один из помощников подкатил передвижной столик с лежавшей на нем литейной формой, состоявшей из нескольких крупных яче-

ек. Тип в черном снова перехватил инициативу. Зал наполнили раскаты искаженного колдовского наречия, в котором Талара не понимала ни единого слова. Читая заклинания, колдун поочередно высыпал в литейную форму какие-то порошки из разных коробочек, предварительно смазав ее какой-то жидкостью из стеклянного флакона. Повинуясь его знаку, помощники закрыли форму и до отказа заполнили ее расплавленным свинцом. Пока металл лился внутрь, человек в черном продолжал свою громогласную речь, жестикулируя чем дальше, тем больше. Он то принимался водить ладонями подле стола, то воздевал их к потолку, а то разводил в стороны. Талара, во все глаза наблюдая за его манипуляциями, вовсю гадала что означает это представление. Помощники в сером отступили в стороны. Главный колдун, окунув палец в поданный ему густой состав, начертал на литейной форме какие-то знаки. Было хорошо видно, как они, повинуясь звукам его голоса, вспыхнули и замерцали, переливаясь разными цветами. Закончив украшать поверхность колдовскими узорами, человек в черном замолчал, оглядывая творение своих рук. Знаки, выведенные на вместилище жидкого свинца, уверенно светились. Удовлетворенно кивнув, главный колдун вдруг трижды хлопнул в ладоши. Его помощники тут же пришли в движение и встали каждый в свой круг на полу, коих вокруг печи насчитывалось ровно шесть. Несколько минут Талара прикидывала что будет дальше, так как все трое застыли столбами и более ничего не происходило. Действительность превзошла все ее самые смелые фантазии. В зал вдруг вошло еще трое колдунов, но вошли они не одни. Каждый вел перед собой связанного человека. Принцесса и опомниться не успела, как этих людей водрузили за скованные руки на те самые свисавшие с потолка крюки. Судя по всему, связанные вряд ли принимали участие в неведомом ритуале добровольно. На их лицах сквозил откровенный ужас, а заткнутые рты издавали невразумительное мычание. Мужчина, женщина и ребенок. Кажется, мальчик лет двенадцати. Талара, похолодев, начала подозревать, что здесь затевается нечто весьма недоброе. Действия колдуна в черном разонравились ей окончательно. Между тем, он поочередно подошел к каждому из троих пленников, изрекая слова на неведомом языке, и начертил на их лбах какие-то знаки, озарившиеся таким же свечением, как и те, что были выведены на литейной форме. Щепотка порошка, брошенная под ноги подвешенных людей — и круги под крюками озарились красным, а спустя минуту-другую и сами люди очутились в неком подобии столбов красного света, шедшего прямо от пола.

— Они угодны Покровителям! — с явным удовлетворением возвес-

тил тип в черном.
Талара почувствовала, как по спине побежали мурашки. Главный колдун еще раз хлопнул в ладоши. Два первых помощника по-прежнему оставались на своих местах, но трое новых подхватили литейную форму и поднесли ее к печи. На сей раз та полыхнула совсем иначе. Главный колдун подошел к ее жерлу и стал вбрасывать туда какие-то маленькие шарики, вспыхивающие разными цветами. Его протяжная речь приобрела особый характер. Казалось, он не читал заклинание, а обращался к неким силам. Цвет огня в печи неожиданно изменился. Сначала пожелтев, он стал совершенно однотонным тускло-красным. Этим цветом очертился и узор на полу, окружавший печь. Линия за линией, символ за символом он наполнился таким же свечением, какое исходило изнутри дышавшего жаром сооружения. Правда жар, судя по поведению колдуна, оно более не источало — человек в черном, продолжая свой речитатив, внес обе ладони прямо в жерло и ему ничего не сделалось. Пламя не опалило ни плоть, ни расшитый серебряными узорами балахон. Умолкнув, главный колдун отступил назад, и трое помощников тут же водрузили литейную форму в печь. На ней, под влиянием отчего-то ставшего совсем не горячим огня, стали проступать совершенно иные надписи, нежели сделал зловещий человек. Будто некто прямо на глазах их переписывал, поглощая прежнее изображение и незримой рукой нанося новое. Встав в очерченный круг напротив жерла, черный колдун развел руки в стороны. Его помощники поступили точно так же, заняв предназначенные им места.

Проводимый ритуал был Таларе неведом. Мимика, жесты и речи ускользали от ее понимания. Впрочем, много ли она вообще понимала в том, что начиналось как обычная плавка металла? Жутковатая шестерка качалась в такт произносимым фразам, выделывала затейливые пассы и порой вела себя как одержимая, то мотая головами, то принимаясь трясти приподнятыми ладонями. По мере развития ритуала круги вокруг колдунов постепенно наливались таким же цветом, как и насыщавший жерло печи. Таким же, в какой были окрашены столбы подсвечивающего пленников света. В какой-то момент между печью и потолком возникло смутное движение. Из центрального отверстия плоской вершины потянулась некая дымка, формировавшаяся в небольшое облачко, становившееся плотнее и плотнее. И в этом облачке что-то появилось. Поначалу совершенно неразборчивое, видение принимало все более ясные очертания, пока Талара, вздрогнув от испуга, не увидела чье-то лицо. Впрочем, лицом эту образину можно было назвать лишь с натяжкой. Огромный и приплюснутый мяси-

стый нос с исполинскими ноздрями, мощные, торчащие в стороны скулы, уродливый лоб, выдающийся вперед костями надбровных дуг… Во впадинах глазниц горели злобные оранжевые глаза с узкими вертикальными зрачками, а из массивного, обтянутого красной кожей черепа торчали два извивающихся рога, каждый размером около полутора футов. Образина беззвучно осклабилась, продемонстрировав два гребня острых зубов. Шестерка заклинателей умолкла.

— Покровители ожидают подношения! — торжественно изрек человек в черном.

Все шестеро покинули круги. Разделившись группами по двое, они подошли к пленникам. Сняв их с крюков, колдуны подвели вяло сопротивлявшихся людей к ступенькам подле печи и втащили наверх. Каждая группа проделала одни и те же действия. Пока один колдун держал пленника, другой притянул его голову к вделанной в вершину раковине и зафиксировал ее имевшейся там скобой. Люди еще могли биться, но освободиться были уже не в состоянии. Связанные руки, пристегнутые к специальному поясу, не позволяли им избавиться от хватки железной конструкции. Тускло блеснула сталь. Заклинатель в черном первым обнажил тонкий серповидный нож. Сжав его в кулаке, он вытянул руку острием к маячившей над печью образине. Двое помощников, занявших позиции подле других трепыхавшихся пленников, последовали его примеру. Талара похолодела, понимая, что сейчас произойдет нечто страшное.

— Да прольется на нас милость Покровителей! — воскликнул черный колдун.

И быстрым отточенным движением перерезал своей жертве горло. В раковину хлынула теплая дымящаяся кровь. Вливаясь в нее бурным потоком, она уходила в трубу, ведущую внутрь печи. Жерло той вдруг стало наливаться сиянием и пошло разноцветными световыми волнами. Видение рогатой образины исказилось злобной радостью. Радостью хищника, вкусившего живой трепещущей плоти. Умиравшая жертва хрипела и билась в конвульсиях, закатив глаза, пока ее кровь из перерезанных артерий поступала в адскую конструкцию. Талара вне себя от ужаса смотрела как женщина разделила участь мужчины. Не в силах отвести взор, принцесса, словно парализованная, наблюдала за вторым убийством, свершившимся столь же буднично и хладнокровно, сколь и первое. Лишь когда нож сверкнул у горла ребенка она наконец зажмурилась, не выдержав чудовищности происходящего. Отвернувшись, девушка привалилась к бочке спиной и закрыла лицо руками.

Сколько Талара так просидела — она не знала. Она полностью утратила над собой контроль и потеряла ориентацию в пространстве. Нет, она не билась в истерике, а сидела неподвижно как истукан, но в голове у нее разыгралась настоящая буря. Обрывки бессвязных мыслей водили безумный хоровод, атакуя мятущееся сознание так же, как все поступающие чувства, прорвавшись сквозь некий сломавшийся фильтр, одновременно воздействуют на шизофреника. Несчастный сумасшедший, лишенный возможности сконцентрироваться на чем-то одном, беспомощно барахтается в обрушивающемся на него потоке, и Талара сейчас пребывала в достаточно схожем состоянии. Ее разум просто взорвался от того, чему она стала свидетелем, и испытывал сильнейший стресс, грозивший откровенным помешательством. Принцессу била крупная дрожь и было даже странно, что вместе с ней не трясется и большая дубовая бочка. Лишь поверхность заполнявшей ее воды пошла кругами, но это явление прошло незамеченным. Девушка то открывала глаза, уставившись на свои ладони невидящим взглядом, то вновь закрывала их, тщетно стараясь отогнать жуткие образы. Во рту пересохло, грудь бурно вздымалась и установись в зале гробовая тишина, наверняка было бы слышно, как Талара перегоняет легкими воздух.

Когда принцесса пришла в себя, тела уже убрали. Два колдуна деловито доставали из погасшей печи литейную форму. Злодей в черном одеянии руководил процессом, хотя руководить, собственно, было уже особо нечем. Ритуал завершился. Талара хорошо помнила что именно заливалось из большого тигля. Содержимое остывшей формы, извлеченное главным колдуном, имело совершенно другой вид. В руках у него вместо серебристо-белой массы с характерным свинцовым блеском оказался слиток тускло-желтого металла. Пройдя к алхимическому столу, колдун нацедил в пипетку какой-то жидкости и капнул ей на проверяемый образец. Затем проделал еще несколько коротких алхимических экспериментов.

— Как обычно, — удовлетворенно заключил он. — Покровители вновь даровали нам свое благословение.

Вернувшись к помощникам, колдун вручил им слиток, немедленно убранный к другим в особый деревянный ящик. Талара, вздрогнув, увидела на нем государственную эмблему казначейства Железных земель.

— Не забудьте сначала отдать груз в обработку нашим мастеровым, — напомнил злодей в черном. — Человек не может получить абсолютно чистое золото. Все должно выглядеть естественно.

— А что с этими? — мотнул головой один из людей в сером. — Что

мы на этот раз с ними делаем?
Принцесса машинально перевела взгляд. На трех сразу не понравившихся ей столах лежали трупы недавних жертв и подле них уже хлопотали остальные колдуны.
— Выньте внутренние органы. От тел избавьтесь. Отвезите кому следует, — изрек старший. — И постарайтесь к следующему разу не затягивать с подходящими кандидатурами. Не будет подношений Покровителям — и никакая алхимия не даст желаемого результата. Война требует золота. Пока солдаты получают жалованье, а все государственные нужды оплачиваются — хан всесилен. Мастер будет очень недоволен, если казначейство хотя бы раз не получит обещанное. Ад-Сейдин не знает, откуда Мастер берет средства, но к их своевременному поступлению он крайне щепетилен.

Отдав последние распоряжения, колдун в черном удалился. Следом за ним двое помощников увезли на тачке тяжелый ящик с золотыми слитками. Талара окаменела. Все-таки она не была дурой, каковой себя ощущала сидя в сундуке, и услышанное сообщило ей о многом. Вместе с этим к принцессе пришло и осознание, что если колдуны ее здесь обнаружат, то живой уже не выпустят. По чистой случайности она стала свидетелем того, чего никто кроме посвященных никогда не должен был увидеть. Если бы Талара, поддавшись безумному порыву, вылезла перед жертвоприношением и именем своего отца потребовала прекратить безобразие, то теперь, скорее всего, сидела бы в той самой пустующей тюремной камере, дожидаясь своей участи. Это если бы ее не убили на месте, ибо нечего было и мечтать управиться одним лишь кинжалом с шестью колдунами разом. Вероятно, узилище как раз для этого и предназначалось — содержать живых людей вплоть до уготованного им конца. Значит, три запертые двери... Принцесса поежилась. Неужели отец в курсе этого чудовищного злодеяния?! Нет, вроде бы нет. Во всяком случае, оброненный колдуном комментарий свидетельствовал о его неосведомленности об источнике происхождения этого золота. При мысли о том, что отец мог обо всем знать, Таларе становилось по-настоящему дурно.

Принцесса вернулась к действительности когда в зале раздался скрежещущий звук пришедшего в движение металла. Поглядев откуда он исходил, девушка увидела, как смахивавший на дверь железный лист отошел в сторону, открыв зев видневшегося за ним прохода. Закончив с телами, колдуны завернули их в полотно, перевязали веревкой и поочередно перенесли куда-то за пределы дьявольской кузницы. Судя по всему, недалеко, поскольку оставив одно тело они быстро возвращались за следующим. Ко-

гда эта благородная работа была завершена, один из колдунов нажал на ничем не примечательный фрагмент каменной кладки над ближайшим к двери столом. Железный лист все с тем же механическим скрежетом пополз обратно и занял прежнее положение. Притушив свет, колдуны покинули зал, и вскоре их шаги стихли в направлении лестницы.

Когда Талара осмелилась выбраться из своего убежища, она мечтала лишь об одном: побыстрее покинуть это ужасное место. Опираясь на бочки, сослужившие ей столь добрую службу, девушка кое-как размяла затекшие ноги. Затем, пошатываясь, направилась к секретному механизму. Она не знала наверняка, выведет ли ее куда-нибудь этот проход или нет, но возвращаться к лестнице ей совершенно не хотелось. Теперь принцесса слишком хорошо понимала, чем грозит случайная встреча со здешними обитателями, и старалась не вспоминать о своем прежнем сумасбродном поведении. Железная заслонка открывалась не совсем бесшумно, однако девушка надеялась что этого никто не услышит. Все равно у нее не получится себя пересилить и вновь пройти через коридоры поместья ужасов. Кроме того, реплики колдунов давали основания предполагать, что по ту сторону имеется еще один выход, через который явно не единожды избавлялись от следов преступления. Подойдя к стене, Талара провела по ней пальцами и, нащупав нужный фрагмент, надавила. Никакой реакции. Девушка, поднатужившись, приложила значительно большее усилие, но и оно не принесло желаемого результата. Этого еще не хватало! Неужели треклятая железяка открывается как-то иначе? Ведь принцесса видела лишь как колдун закрывал уже отворенную дверь. Закусив губу, она уставилась на каменную кладку так, будто собиралась пробуравить ее взглядом. Нервное напряжение просто зашкаливало. В какой-то момент перед глазами Талары возникла рука колдуна, нажимающая на скрытую кнопку. Девушка медленно переместила ладонь на соседний камень. Одно легкое нажатие — и тут же послышался знакомый скрежет. Принцесса облегченно перевела дух. Она просто перепутала нужную точку.

Казалось, дверь издает такой оглушительный грохот, что сейчас в кузницу сбегутся все обитатели зловещего поместья. Талара ежесекундно боялась появления кого-то из колдунов и испытала невероятное облегчение, когда отодвигавшийся железный лист замер на месте. Прислушавшись, она убедилась в отсутствии чьих-либо шагов и вообще каких-либо звуков. В подземелье было тихо, как в глубоком склепе, и единственное что нарушало установившуюся тишину — это собственное дыхание девушки. Покинув зал с адской печью, принцесса углубилась в открывшийся коридор.

Долго ей плутать не пришлось. Коридор, пройдя под небольшим наклоном вверх, уперся в окованную деревянную дверь. Талара отчетливо ощутила, как в воздухе появилась значительная влажность, а до ее слуха донесся плеск воды. Отведя могучий засов, девушка переступила порог и огляделась по сторонам. Когда ее глаза привыкли к полумраку, она сообразила, что находится на небольшом П-образном причале, расположенном прямо под поместьем, а короткий полукруглый тоннель, перекрытый толстыми прутьями решетки, выводит прямехонько в Идлис. Причал освещался типичным колдовским фонарем, тускло светившим себе под нос. Речные волны, облизывая позеленевшие камни, покачивали две лодки со сложенными у бортов веслами. Талара с наслаждением втянула запах реки, показавшийся ей просто чудесным. Это был запах свободы. Девушка уже вовсю прикидывала как станет выбираться, но вдруг подумала о том, что оставила проход в кузню открытым. Сделав над собой усилие, она вернулась к железной заслонке. Открывалась она снаружи или нет, принцесса не знала, но в ее распоряжении имелся все тот же известный механизм. Шагнув в ненавистный зал, Талара нажала заветную кнопку и живо юркнула обратно в коридор. Дверь, проскрежетав, затворилась, практически скрывшись в наступившей темноте, однако даже в таких условиях принцесса догадалась, что на перегородке лежит какое-то заклятье. Вместо пупырчатого железа наблюдался лишь сплошной каменный монолит, ничем не отличимый от соседних стен. Короткий проход от причала выглядел никуда не ведущим тупиком. Не забыв притворить за собой деревянную дверь, Талара вновь очутилась на причале, наплевав на оставшийся незапертым засов.

Интересно, куда подевались трупы? Эта мысль пришла девушке в голову когда она, глядя в темную воду, прикидывала свои дальнейшие действия. Взять лодку будет слишком заметно, но решетки, за которой серебрилась река, еще надо как-то достичь, чтобы попытаться ее отомкнуть. Принцесса уже собралась сунуться в воду, рассчитывая добраться вплавь, и именно в этот момент вдруг подумала, не сбросили ли колдуны свою зловещую ношу прямо с причала. От этого соображения ее аж передернуло, когда Талара представила, как опустится в волны прямо над утопленными жертвами. Машинально поискав глазами, девушка заметила поодаль большую темную нишу, видневшуюся невдалеке от нижнего входа в поместье. Если означенный вход располагался четко по центру буквы П, то ниша разместилась в ее левом верхнем углу. Для собственного душевного успокоения принцесса проследовала прямиком туда, надеясь наткнуться на тела убитых людей. В этой

нише, на поверку оказавшейся гораздо глубже, Талара действительно нашла что искала. Колдуны перенесли трупы именно сюда, а не утопили возле лодок. Вот только помимо бездыханных тел здесь было кое-что еще. Навстречу девушке, прекратив обгрызать свежую человеческую плоть, поднялось нечто похожее на собаку, будто сотканную из сгустков клубящейся тьмы. Эта тьма волновалась как колосящееся поле, когда по нему от края до края пробегает ветер. В красных глазах, оторвавшихся от трапезы, вспыхнула жажда убийства. Осклабившаяся пасть обнажила ряды зубов, напоминавших тлеющие угольки, за которыми не было ровным счетом ничего кроме все того же густого мрака. Из утробы чудовища донеслось глухое рычание. Талара остолбенела. А она-то еще с удивлением подумала, почему колдуны столь беспечно отнеслись к охране входа со стороны реки. Судя по всему, в качестве швейцара для незваных гостей здесь и пряталась эта тварь, коротая время за пожиранием свежих трупов. Чудовище присело, царапнув огромными когтями плиты каменного пола. Присело, изготавливаясь к нападению. В одно мгновение девушка выскочила из ниши и прямо-таки спиной почувствовала как ее настигает дьявольская собака. Принцесса, недолго думая, сделала обратное сальто через голову. Тварь, уже рассчитывавшая вцепиться в жертву, пронеслась под ней, клацнув зубами в пустоте. Тормозя всеми лапами, она погасила разбег и резко развернулась, ища проворную дичь. Та не теряла времени даром и прыгнула в лодку, рассчитывая отгрести на ней к решетке. Посудина качнулась, выбивая девушку из равновесия. Стараясь его удержать, она взмахнула руками, перескочила в соседнюю лодку и там, не удержавшись, грохнулась навзничь, едва не разбив себе голову о скамью для гребцов. Талара хорошо умела балансировать, но беготня в лодке обычно до добра не доводит. Когда она вскочила на ноги, глустр уже был тут как тут. Рысью подлетев по причалу, он пожирал жертву глазами, мечтая сбить ее с ног и уже не дать ей подняться. Он бы уже это сделал, но принцессу спасло то, что чудовище колебалось. Этот сгусток тьмы боялся воды. Не той, что наполняла ведра или периодически падала с неба длинными косыми чертами, а глубокой, способной скрыть с головой и растворить густые волнующиеся сполохи его тела. Глустр не умел плавать, и волны Идлиса уничтожат его без следа, если он пробудет в них достаточно долго. Талара инстинктивно шарахнулась назад, ожидая нападения, и уж было решила, что ее песенка спета, но тварь не торопилась, оценивая опасность. Лодка выглядела не очень надежно, да и зазор между ней и причалом был великоват. Ощерившись, глустр вновь испустил глухое рычание, показав угольки зу-

бов. Принцесса, дыша как загнанный зверь, выхватила кинжал, собираясь перерезать веревку, удерживавшую лодку. Тварь сообразила, что добыча сейчас ускользнет. Либо она атакует, либо останется без живой, сочащейся кровью плоти. Глустр выбрал первое. Спружинившись, он распластался в длинном прыжке, намереваясь ударить девушку передними лапами. Талара, заметив этот бросок, только и успела выставить перед собой кинжал, так и не коснувшись им веревки. В следующую секунду чудовище настигло ее и опрокинуло на дно лодки. Тут-то бы принцессе и конец. Еще мгновение — и оно вцепилось бы девушке в горло убийственной хваткой. Талара даже ощутила на лице исходившее из жуткой глотки дуновение, тянувшее холодом и тленом с легкой примесью серы. Глустр щелкнул зубами, но щелкнул мимо. Издавая похожие на скулеж звуки, он вдруг забился, гремя о лодку когтистыми лапами, словно его внезапно поразил припадок эпилепсии. Из груди глустра, засаженный по самую рукоять, торчал кинжал, на который он напоролся, навалившись на девушку. Обычный клинок не причинял этой твари особого вреда, поэтому она не слишком беспокоилась о жалкой булавке в руках молоденькой человеческой самки. Такое жало ее тревожило гораздо меньше, нежели глубокая речная вода. Вот только жало оказалось непростым. Клинок из Абериджа, созданный в далекие времена неким могущественным чародеем, разил колдовских созданий беспощадно. Талара, осознав что произошло, покрепче стиснула рукоятку своего оружия и стала дергать им из стороны в сторону, кромсая придавившего ее монстра. Глустр захрипел. Его красные глаза потускнели. Завалившись на бок, он сполз на дно лодки, судорожно дергая конечностями. Принцесса, вскочив на колено, перехватила кинжал и принялась неистово колоть издыхавшее исчадие тьмы. Обратно во тьму оно и отправилось. Поверженное зачарованным клинком, чудовище испустило последний хрип и затихло. Красные огни в глазницах погасли. Талара, продолжая наносить удары, остановилась только тогда, когда поняла, что бьет в пустоту. Глустр не оставлял после себя трупа. Не принадлежа этому миру, он развеивался без следа, и лишь налет чего-то похожего на сажу напоминал о его недавнем существовании. Плюхнувшись на скамью, принцесса перевела дыхание, утирая со лба бисеринки пота.

На шум непродолжительной схватки так никто и не пришел. Впрочем, особого шума-то и не было. Глустр не выл и не лаял, привлекая внимание, а рычал и атаковал. Его и не держали как сторожевого пса. Он не предупреждал о незваных гостях — он убивал их. Девушке еще очень повезло, что тенепес не напал на нее сразу, отвлеченный своим гнусным пиршеством, иначе кто

знает, чем закончилось бы их столкновение. Талара, убедившись, что вокруг по-прежнему все спокойно, вернулась к изначальному замыслу, а именно к желанию побыстрее покинуть это место, ставшее еще менее приятным, чем прежде. Смахнув с лодки налет сажи, чтобы от злобной твари не осталось и следа, девушка вновь обратилась мыслями к решетке. Ее до сих пор слегка трясло от пережитого нервного напряжения, но она постаралась взять себя в руки. Пожалуй, лодку все-таки брать не стоит. Угнать ее означает оставить колдунам свидетельство о том, что у них кто-то побывал, чего по возможности лучше избежать. Правда они рано или поздно обнаружат пропажу своего очаровательного песика, ну да пусть ищут его сколько влезет. Нет тела — нет улик. Талара, вздохнув, поняла, что купания не избежать. Впрочем, чего уж там! Сейчас она была готова плыть хоть до другого берега, лишь бы оказаться отсюда подальше. Выбравшись из лодки, принцесса прошла до конца причала и там, усевшись на его край, слезла в темную воду.

Здесь было глубоко. Во всяком случае, ноги до дна не доставали. Не собираясь затягивать водные процедуры, Талара поплыла к видневшейся неподалеку решетке, с тихим плеском расталкивая волны руками. Ей было очень неуютно в этой воде, несмотря на то, что она была вполне себе теплой. Давила сама атмосфера, воздействуя на психику. Кто никогда не плавал в темноте, ощущая над головой мрачные гнетущие своды, пущай спустится в какую-нибудь пещеру и там, при свете одного лишь далекого факела, поплавает в свое удовольствие в подземном озере. А еще лучше в тоннеле, уходящем невесть куда. Вот тогда, возможно, он сумеет оценить те чувства, что обуревали стойко державшуюся Талару. Запас прочности у этой бойкой и храброй девушки был велик, но даже он оказался на исходе. Заветная решетка находилась совсем рядом, когда ноги принцессы неожиданно что-то коснулось. Водоросли? Рыба? Какой-то затонувший хлам? Принцесса даже толком не успела испугаться, как касание повторилось, и на сей раз она явственно распознала присутствие какого-то неведомого существа. В следующую секунду чьи-то когтистые лапы схватили ее за ноги и в мгновение ока утянули под воду.

Поддайся Талара панике — и она больше никогда не увидела бы света, не наполнила легкие оставшимся над поверхностью воздухом. Отчаянно барахтаясь, принцесса поначалу едва не захлебнулась, но вовремя сомкнула губы и задержала дыхание. Плавала и ныряла она весьма недурно, так что какое-то время вполне могла продержаться под водой. Вот только взвинченное до предела тело пожирало растворенный в крови кислород в несколько раз быстрее нормы, вызывая его острую нехватку, и с сопротивлением

следовало поспешить. Однако это было проще сказать, чем сделать. Если наверху было видно хотя бы что-то за счет света одинокого колдовского фонаря и серебрившегося под луной Идлиса, то в глубине реки царил кромешный мрак. Кто бы ни схватил девушку, он держал ее очень цепко, продолжая утягивать на дно. Талара принялась лягаться, стараясь поразить неведомого врага, но тот ловко избегал ударов, ни на миг не отпуская хватки. Кажется, это были не щупальца, а именно лапы с длинными раздельными пальцами, и эти лапы постепенно перехватывали принцессу все выше, подбираясь к туловищу. Девушка ощутила прикосновение холодного костлявого тела. Все инстинкты вопили о том, что надо как можно быстрее вынырнуть. Биться ногами, рваться туда, наверх, стремясь выплыть из кошмарной бездны и схватить живительного воздуха! Именно так, поддавшись животному страху, и погибают не только обычные люди, но даже опытные ныряльщики. Собрав всю свою волю в кулак, Талара поступила с точностью до наоборот. Выхватив уже сослуживший ей добрую службу кинжал, она изогнулась и, приблизившись к невидимому врагу, наугад ударила в область хвативших ее конечностей. Клинок немедленно наткнулся на какую-то плотную массу, а в воде раздался такой звук, который на воздухе, скорее всего, оказался бы истошным визгом. Принцесса ударила еще и еще. Ее губы вдруг ощутили невероятно мерзкий привкус. Цепкая хватка ослабла. Неведомое существо, сочась гнилью из полученных ран, затрепыхалось, но все еще не желало отпускать свою добычу. Талара, пересилив себя, протянула левую руку и впотьмах нашарила туловище неведомой твари. Прикосновение к нему оказалось столь омерзительным, что девушка едва не выронила свое оружие, чуть не лишившись единственного шанса на спасение. Склизкое, холодное тело, покрытое множественными наростами, лягушачьи бородавки и нечто похожее на фрагменты не то шерсти, не то густых водорослей — все это ничуть не хотелось увидеть при свете дня. По руке передернувшейся от отвращения Талары скользнули острые зубы и девушка поняла: она избежала укуса лишь потому, что успела поразить гнусную тварь своим верным клинком. На сей раз атака уверенно достигла цели. Подводная гадина разом утратила воинственный настрой, но принцесса так просто ее не отпустила. Еще удар и еще! В воде отчетливо потянуло зловонием, пробивавшимся даже сквозь не дышавший нос и сомкнутый рот. Гладкий, лишенный растительности череп с прядями невероятно гадких волос за ушами и на затылке ткнулся прямо Таларе в ладонь. Принцесса всадила кинжал наискось, по самую рукоять вогнав его в основание жилистой шеи. Тварь вздрогнула и затихла. Длинные когти-

стые пальцы сползли с принцессы и скрючились в последнем импульсе сведенных мускулов. Распластав конечности, неведомое чудовище обмякло и стало медленно опускаться на дно. Мощно оттолкнувшись ногами, Талара стремглав вынырнула на поверхность и принялась жадно хватать воздух широко открытым ртом, отплевываясь и отфыркиваясь. И эту схватку за свою жизнь она тоже выиграла, отделавшись несколькими незначительными царапинами. Пожалуй, больше не стоит искушать судьбу. Ведь окажись здесь эта тварь не одна... Убрав кинжал, принцесса, озаботившись этой тревожной мыслью, в несколько замахов достигла решетки и ухватилась за толстые железные прутья.

Одно небо ведало как открывалась эта треклятая конструкция, состоявшая из вертикальных железных стержней, перехваченных в нескольких местах горизонтальными лентами. Исходя из наличия некого подобия рамы, часть решетки опускалась под воду, открывая в тоннеле достаточно широкий проход для того, чтобы в него без помех проплыла какая-нибудь из пришвартованных у причала лодок. Талара, выбравшись из воды и встав ногами на поперечную перекладину, пыталась определить, как именно приводится в действие запирающий механизм. После всего пережитого она соображала довольно туго, поэтому до нее не сразу дошло, что это ей вовсе и ни к чему. Расстояние между несколькими парами прутьев оказалось достаточно велико, и девушка вполне могла попробовать там пролезть. Когда она пришла к столь нехитрому соображению, то немедленно предприняла соответствующую попытку. Вскарабкавшись на раму, принцесса очутилась под самым потолком полукруглого тоннеля, где означенный зазор был больше всего. Мокрая одежда, с которой ручьями стекала вода, разбухла и стесняла движения. Чуть не сорвавшись вниз, Талара просунула ногу через решетку, а затем начала протискивать и туловище. Говорят, пройдет голова — пройдет и все остальное. Голова-то проходила, но в какой-то момент Таларе показалось, что она наглухо застряла между прутьями. С екнувшим сердцем девушка подалась назад и насилу высвободилась из железной ловушки. Остаться незамеченной, справиться с чудовищами, и в одном шаге от свободы столь глупо попасть в плен к куску бездушной перегородки — это было бы поистине сильным ударом, злой иронией капризного случая. Немного пораскинув мозгами, Талара не хуже заправского акробата умудрилась снять верхнюю одежду и, обмотав ее вокруг решетки, предприняла вторую попытку. Идея избавиться от вещей была весьма удачной. На сей раз гибкое тело благополучно проскользнуло на другую сторону, чуть оцарапавшись о налет ржавчины. Дыша как загнанная лошадь, принцесса кое-как оде-

лась. Цепляясь за прутья, это было столь же непросто, сколь и раздеться, только ей совершенно не улыбалось идти по городу в одном исподнем, хотя и плавать в нем гораздо легче. Уже при спуске вниз руки Талары, не выдержав продолжительного напряжения, все-таки соскользнули, и она плюхнулась в воду, подняв фонтаны брызг. Только теперь девушке было все равно — последняя преграда осталась позади, а она наконец-то очутилась на свободе! Оттолкнувшись ногами, принцесса, не оглядываясь, быстро поплыла к выходу из тоннеля, за которым все так же безмятежно серебрились волны неторопливого Идлиса.

Талара сделала приличный крюк вниз по течению, прежде чем осмелилась выбраться на берег где-то в полумиле от поместья Ин-Хашуф. Когда она вышла на твердую землю, ее аж шатало от усталости. Усевшись на узкой полоске песка, девушка вновь сняла одежду, хорошенько ее отжала и разложила рядышком, надеясь хоть немного просушить. Густые кусты над крутым склоном скрывали принцессу от посторонних взглядов. Впрочем, кому бы приспичило явиться сюда в столь поздний час? Или, наоборот, ранний, ведь рассвет был уже не за горами. Талара, слегка поеживаясь от прохлады, сидела, обняв колени руками и уткнув в них голову. Телом она была здесь, на этом ничем не примечательном изгибе берега, но мыслями все еще находилась там, в глубине зловещего логова черных колдунов.

* * *

Принцессе, оставшейся без лучшей подруги, пришлось бы совсем тошно от одиночества, если бы не ребята, которых она приютила у себя во дворце. Их компания помогла ей справиться с пережитым стрессом, хотя Талара быстро поняла, что поведать о своем ужасном открытии никому не может. Ребята, вне всяких сомнений, заслуживали всяческого доверия, но если они случайно хоть кому-нибудь проговорятся, то над всеми ними нависнет смертельная угроза. Ведь все выходило так, что принцесса не могла рассказать обо всем увиденном и услышанном даже отцу, а его следовало бы известить в первую очередь. Столь чудовищные обвинения требовали серьезных доказательств. Еще более серьезных, нежели похищение Илианы. Отец, даже если поверит дочери на слово, окажется в крайне непростом положении. Колдун, поставляющий ему золото, необходимое для продолжения войны, стал своеобразным инструментом, полезным и незаменимым, который вот так запросто не отринешь. Этот колдун наверняка придумает подходящую легенду, чтобы дискредитировать слова принцессы в

глазах повелителя и заставить его усомниться в искренности собственной дочери. И пока будет длиться разбирательство, успеет замести следы, зато Талара станет для него невероятно опасным свидетелем, от которого он попытается избавиться любой ценой. А в том, что Дегонис на это осмелится, можно даже не сомневаться. Как он провернет устранение принцессы — не суть важно, но рано или поздно провернет обязательно, не дожидаясь пока хан возьмется за него основательно. Талара верила, что отец, доведись ему увидеть преступления колдунов собственными глазами, немедленно разорвал бы с ними всякие связи и покарал должным образом. Увы, лично получить неопровержимые улики — это одно, а услышать лишь чьи-то слова, пусть даже любимой дочери — совсем другое. В жизни так случается сплошь и рядом. Мы верим нашим близким, но верим как-то наполовину, не до конца принимая их кажущиеся нам совершенно нереальными истории. Кроме того, положа руку на сердце, с уликами было весьма туго. Колдуны ведь не станут проводить свой кровавый ритуал в присутствии хана, а наличие в поместье пленников и чудовищ объяснить куда проще, нежели то, что происходило в адской кузнице. Талара, терзаясь обуревавшими ее мыслями, пришла к заключению, что единственными людьми, кому она могла открыться, были Илиана и чародейки. Те самые, с которыми ее отец вступил в войну, и которые сейчас, с подачи черного колдуна, являлись его злейшими врагами. Принцесса старалась хоть как-то развеяться в компании ребят, а свое подавленное настроение объясняла беспокойством об их общих друзьях, отбывших в далекие северные края вместе с Сирелиной. Это выглядело вполне правдоподобно, и ребята утешали ее, как могли, стараясь развлечь и развеселить. Талара в очередной раз порадовалась, что поселила их у себя во дворце, и находила несказанное утешение в этом дружелюбном и открытом обществе, за которым теперь и ходить далеко было не надо. Впрочем, о возвращении в Аберидж до поры не шло и речи, поскольку место было серьезно скомпрометировано и там, как выяснилось из архива колдунов, до сих пор находился соглядатай. Имперская стража, сбиваясь с ног в поисках неизвестных обитателей развалин, понятия не имела, что означенные личности обосновались прямо у нее под носом в самом сердце Солтенстила. Да и кому придет в голову подозревать дочь повелителя и ее новых любимцев в причастности к одному из самых значимых дел? Выдать компанию заговорщиков могли разве что собаки, так и не взявшие след в Аберидже, но вполне способные учуять людей после, однако со временем из памяти животных стерлись все соответствующие воспоминания. Кроме того, даже если бы вся свора друж-

но облаяла принцессу, то ничего кроме кнута от своих хозяев не получила за столь возмутительное поведение в отношении дочери повелителя.

Сложнее всего было пробраться во дворец самый первый раз, когда Талара и Илиана распрощались перед долгой разлукой, ведь окрестности были наводнены патрулями Имперской стражи и отрядами гвардейцев. Несмотря на риск, Илиана отправилась с принцессой, чтобы передать той с рук на руки сову и показать свое тайное убежище. Стражники не посмели досматривать спутников ее высочества, равно как и задавать вопросы, поэтому Талара беспрепятственно провела ребят в свои владения вместе с Илианой, прятавшей лицо под вуалью. Ее же она позднее вывела обратно и благополучно доставила в условленное место к Бэйлу и Сирелине. С тех пор прошло больше месяца, и Талара с растущим нетерпением ожидала весточки от подруги, каждый день проверяя открытое ей убежище. Сова давным-давно отбыла, но до сих пор не возвращалась. Принцесса томилась снедавшей ее тайной, желая побыстрее сообщить ее тем единственным людям, кто мог ее выслушать. За содеянное с Илианой она возненавидела Дегониса, но все-таки не смотрела на каждого колдуна как на врага. Ныне все изменилось. При встрече с кем-то из них Талара с трудом сохраняла невозмутимый вид, потому что перед глазами у нее стоял подвал и приносимые в жертву люди. Теперь она ненавидела их всех. Эти злые прислужники демонов должны были заплатить за свои бесчеловечные преступления, и принцесса приложит все усилия, чтобы возмездие настигло этих чудовищ в серых и черных балахонах. Больше она себе иллюзий не строила. Вероятность того, что отъявленными негодяями являются лишь Дегонис и несколько его ближайших сподвижников, включая тех, в подвале Ин-Хашуфа, а остальные ничего и знать не знают, верно служа повелителю Железных земель, попросту исключалась. Если раньше у принцессы еще и оставались какие-то сомнения в том, что она водит знакомство с Сирелиной, а формально и с другими чародейками, в то время как отец с ними воюет и вообще объявил вне закона, то теперь они окончательно развеялись. Талара порой приходила в смятение от складывающейся ситуации, но не видела иного выхода, кроме как положиться на своих друзей. Как это ни парадоксально, но теперь только они могли помочь не только ей, но даже ее отцу и всему государству, и она, Талара, окажет им любое содействие, чтобы разоблачить негодяев и вывести их на чистую воду. Она никогда не предаст отца, но если для его же блага следует заключить негласный союз с теми, кого он считает врагом — так тому и быть. От осознания этого факта принцессе ста-

новилось совсем паршиво. Ее сердце прямо-таки разрывалось на части между чувствами к отцу и жаждой справедливости. То, что Талара делает и как себя ведет в его глазах ведь и будет означать самое настоящее предательство! Силы небесные, ну за что же она загремела в такой моральный кошмар?!. Да, теперь принцесса испытывала примерно то же самое, что довелось пережить и Илиане, когда та оказалась между лучшей подругой — дочерью человека, причинившего столько горя ее родным, — и чародейкой Сирелиной, за которой гонялась вся городская стража. И точно так же как Илиана принцесса отказывалась делать выбор, решив довериться судьбе и велению своего сердца.

Дэя так и не поняла, почему Талара ни с того ни с чего подарила ей чудесную бриллиантовую заколку. Прекрасно ограненный камень был просто изумителен, и юная разбойница очутилась на седьмом небе, не сводя глаз с потрясающей игры света. Уроки Дэи принцессе очень даже пригодились и она, желая развить оказавшийся столь полезным навык, попросила продолжить обучение. Дэя, польщенная оказанным ей вниманием, с энтузиазмом согласилась, пообещав сделать из подруги такую же доку по части замков, как и она сама. Талара, не ленясь, выкраивала время на эти занятия, хотя означенного времени у нее становилось все меньше. Визирь сообщил, что формальности с ее новой должностью почти улажены, так что вскоре на плечи молодой принцессы ляжет ответственность за все приюты в государстве. Разумеется, у нее будет целый штат служащих и опытных советников, хорошо знающих состояние дел, но, тем не менее, главной теперь будет она. И от нее будет зависеть благополучие сирот, так что если в каком-то приюте с детьми станут обращаться столь же дурно, как в том, где Талара не столь давно устроила разнос, то и винить ей придется в первую очередь себя. Иль Машхан обещал принцессе всяческую помощь и поддержку, и любезно предложил приходить к нему за советом в любое время. Дело было даже не в негласном поручении ад-Сейдина. Визирь, в отличие от многих, действительно хорошо относился к младшей ханской дочери, которая ни разу не вела себя с ним пренебрежительно, хотя он был отнюдь не знатного рода. Иль Машхан сообщил повелителю, что тот может всячески рассчитывать на его помощь, и что он, Иль Машхан, приложит все усилия, чтобы принцесса проявила себя наилучшим образом как ныне, так и впредь. Ад-Сейдин умел читать между строк и остался письмом визиря весьма доволен. Отныне, в случае чего, он мог положиться на своего министра, который вместе с ди-Ортом и да-Эруданом станет верной опорой его дочери, если… Если. Правящая династия не должна прерваться ни в коем случае. В конце

октября дочери исполнится семнадцать лет. Всего через год она станет совершеннолетней, и приобщение к государственным делам будет ей лучшим подарком. Талара же не догадывалась о какой-либо подоплеке и искренне радовалась вниманию отца, удовлетворившего ее просьбу самым непосредственным образом. Она всерьез готовилась к новому назначению и предложила Фаризе стать ее помощницей. Уж кто-кто, а эта девушка, заботившаяся о бездомных детях, успела набраться немало личного опыта, и разбиралась в нуждах сирот получше многих. Фариза, тронутая таким отношением, заверила благородную подругу в своей преданности. На том и порешили.

В середине октября секретный чердак вновь стал обитаем. Вернувшаяся сова мирно дремала на насесте, когда объявившаяся принцесса на радостях едва не довела ее до инфаркта. Не будь Шуя знакома с подругой своей хозяйки, она вряд ли позволила бы тискать и трепать себя так, как это делала девушка. Для Талары сова была олицетворением связи с Илианой; той прочной ниточки, что однажды связала их сердца и теперь вела по жизни вместе. При виде пернатого посланника Талара вновь почувствовала что она не одна, и разом воспряла духом. Сова стоически вытерпела все обрушившиеся на нее ласки и негромко ухнула, как бы напоминая девушке о цели своего визита.

Послание отыскалось где и следовало — в специальном цилиндре, прикрепленном к птичьей лапе. Цилиндр был запечатан несколько громоздкой печатью, казавшейся совершенно неуместной, зато Илиана могла быть совершенно уверена, что письмо вскроет только та, кому оно предназначено. Непреодолимое могущество Рефендари давало в этом полную гарантию. Кроме Талары никто не в состоянии снять печать, а попытка разрезать цилиндр посередине привела бы к немедленному уничтожению содержимого. Из надежного хранилища в руки принцессы выпали драгоценные листки, содержавшие весточку от подруги. Листков было много. Тончайшая бумага была исписана с обеих сторон микроскопическим почерком. Илиана, при всех своих уникальных способностях, чародейским даром все же не владела, а значит не могла отправить подруге письмо такого типа, какое Сирелина посылала в башню Ардо. К тому же оно оказалось бы одноразовым. Конечно, помощь чародейки решила бы эту проблему, но Илиана предпочла составить послание собственноручно. Потом достаточно перевести содержимое обычных больших листов на маленькие почтовые, а для этого годилась любая служащая почтовой станции, а не обязательно Сирелина. Ведь именно так поступал и Бэйл, когда ходил отправлять свои сообщения к Зауре. Впрочем, без Сирелины все

же не обошлось. Когда Талара распечатала цилиндр, рядом с ней неожиданно появилась Илиана. Она выглядела совсем как живая, разве что слегка смахивала на призрака из-за некоторой прозрачности и чуть светившегося контура. Сбитая с толку сова потянулась к своей хозяйке, но быстро сообразила, что это лишь обман зрения.

— Здравствуй, Талара, — улыбнулась Илиана. — Я бы сказала, что очень рада тебя видеть, но перед тобой лишь мое эхо, заключенное чарами Сирелины. Она делает большие успехи в освоении нового колдовства и была рада создать эту иллюзию. Жаль, что мы не можем поговорить с тобой по-настоящему, но ничего не поделаешь. На письме, которое ты получила, тоже лежат чары. Положи каждый листок на нормальный лист бумаги, с которого тебе будет удобно читать. Затем скажи кодовое слово, и текст немедленно перенесется с одного носителя на другой.

Девушка говорила около минуты. Помимо небольшой инструкции к письму, она произнесла короткую и очень теплую речь. Илиана тоже очень скучала по своей подруге, и хотела выразить это лично, не доверяя подлинные чувства перу и чернилам. Жаль только длилось это недолго. Иллюзия, попрощавшись, исчезла, и принцесса, жадно внимавшая каждому слову, вновь ощутила горечь расставания. Увы, с этим приходилось мириться. Настоящая Илиана сейчас находилась за пару тысяч миль. Вздохнув, Талара посмотрела на сову. Та ответила ей долгим понимающим взглядом и продолжила приводить в порядок взъерошенные ласками девушки перья. Встрепенувшись, принцесса вспомнила про зажатые в руке листки и приступила к переносу послания.

Она как раз закончила это нехитрое занятие, разложив листы письма в правильном порядке, когда на чердаке, бесшумно скользнув в слуховое окно, появились еще две совы, улетавшие поохотиться. При виде девушки они на мгновение напряглись, но Шуя коротким уханьем дала им понять, что все в порядке. По здравому размышлению Илиана решила не ограничиваться единственной совой и отправила к Таларе еще парочку. Всех птиц она проинструктировала должным образом, а Шуе поручалось доставить помощниц прямиком в Солтенстил и вверить заботам принцессы. В результате вся троица благополучно явилась на чердак и поступила в полное распоряжение Талары, о чем Илиана упомянула в своем иллюзорном явлении. Теперь принцесса обрела возможность посылать в обитель письма втрое чаще, ибо отныне у нее имелось сразу три умных почтальона, таращивших глаза с большого деревянного насеста. Девушка, улыбаясь, подошла и поздоровалась с каждой совой, на что те, явно поняв обращенные к

ним слова, умудрились ответить не только уханьем, но и кивком головы. Не иначе как сказывалось влияние Илианы.

Через полчаса, проскакав во всю прыть через парк, принцесса явилась прямиком к своим новым приближенным поделиться полученными новостями. Она хотела сразу написать ответ, снедаемая нетерпением и глодавшей ее ужасной тайной, но решила немного обождать. Совам следовало дать отдохнуть, а ребята тоже наверняка захотят передать друзьям весточку, и будет крайне несправедливо лишить их такой возможности.

Талара поселила ребят по соседству с нирелинцами, обустроив домашний уют и снабдив уймой хороших вещей, начиная от одежды и мебели и заканчивая украшениями и безделушками. Узнав, что это друзья внучки ан-Бакира, нирелинцы приняли их более чем радушно, а добрая Далина вновь обрела возможность хлопотать над детьми. Труднее всего принцессе далось известить самих родственников Илианы о ее судьбе. Как ни странно, как-раз-таки потому, что она была жива, здорова и в относительной безопасности. Подавленный горем старый шейх и расстроенная дальше некуда Далина выдали бы эту новость колдунам с головой, начни они ни с того ни с сего лучиться радостью и спокойствием. Ведь прихвостни Дегониса наверняка краем глаза присматривали за семейством, и тут же доложили бы кому следует о столь разительных переменах. Сообразив, о чем толкует принцесса, окрыленный душой ан-Бакир пообещал вести себя соответствующим образом и выглядеть достаточно удрученным. Впрочем, и он и Далина неплохо списывали свое несколько изменившееся настроение на общение с ребятами, а Хранители умело держали себя в руках. Фариза быстро нашла с доброй соседкой общий язык, разделив с ней заботу о юных подопечных. Те же изрядно скрашивали нирелинцам одиночество, своими звонкими голосами и веселой беготней напоминая те времена, когда в оазисе резвилась беззаботная детвора и само время, казалось, было не властно над островком мира и благополучия.

Неподалеку по-прежнему дежурил гвардейский пост, держа в пределах видимости оба дома. Вот только на сей раз его поставила сама Талара. Опасаясь, что злые колдуны могут выкинуть какую-нибудь пакость, она своей властью распорядилась охранять своих друзей и никого постороннего в их жилища не пускать. Разумеется, прихвостни Дегониса, учитывая их возможности, при желании способны обойти такую нехитрую защиту, но сам факт присутствия стражи должен заставить их хорошенько подумать, прежде чем решиться что-либо предпринять. Убедившись, что гвардейцы несут свою вахту как положено, Талара заперлась с ребятами, что-

бы поведать им содержание письма Илианы. Ну, исключая Тишу и Скича. Эти двое были еще слишком юны, чтобы становиться носителями столь важных тайн. За последние месяцы они уже и так предостаточно наслушались и насмотрелись, особенно в Аберидже, так что усугублять ситуацию явно не стоило. Их отправили под присмотр к Далине, благо что до последней было рукой подать. Принцесса, пожалуй, по молодости лет присоединила бы к ним и Дэю, но юная разбойница заартачилась. После всего она и слышать не хотела, что ее собираются исключить из дальнейшего развития событий, в которых она при случае намеревалась принять самое деятельное участие. Талара, подумав, смилостивилась. Дэя, которой вскоре должно было исполниться четырнадцать лет, напоминала принцессе саму себя в бытность ее первого знакомства с Илианой. К тому же и в остальном девчонка была весьма на нее похожа, так что Сирелина была совершенно права, когда говорила, что Дэя прямо создана, чтобы разделять с принцессой ее приключения и проделки.

Зашторив окна и проверив двери, Талара увела Фаризу, Ангура и Дэю в дальнюю комнату и там заговорщицким шепотом изложила им все, что узнала из доставленного совой послания.

– 6 –

Обитель произвела на Илиану большое впечатление. Безусловно, ей здесь очень нравилось, а особенности архитектуры и внутреннего убранства непрестанно радовали глаз. Изящество и необычность сочетались с удивительной рациональностью и житейской практичностью. Чародейки, как и любая женщина, отдавали должное красоте, но при этом не забывали и о пользе дела. В результате воплощению их градостроительных идей мог бы позавидовать любой маститый архитектор, а конструкционные находки были способны привести в буйный восторг всех известных механиков. И все это совмещалось с серьезной научной и исследовательской деятельностью, перемежавшейся регулярным трудом в самых разных областях, и невиданным садоводством. Ни одна сестра в обители не сидела сложа руки, и каждая была чем-нибудь занята, привнося свою лепту в ее удивительный, отлаженный как часы механизм. С момента прибытия и на весь период своего пребывания Илиана не переставала восхищаться этой уникальной горной обителью, чудесами и великолепием Альмирстала.

Первым делом Сирелина позаботилась об апартаментах для воспитанницы. Недолго думая, она поселила ее в своих собственных покоях и наотрез отказалась расставаться с ней каким бы то

ни было образом. Организовать еще одну кровать чародейка поручила горгулье, а сама отправила Илиану в ванную комнату — привести себя в порядок после долгой дороги. Совет уже собрался на экстренное заседание, но ничего — обождут. Старшие чародейки столь долго противились желанию Сирелины привезти одаренную девочку в обитель, что теперь потерпят и еще часок, пока воспитанница принимает ванну и подкрепляет силы. Покуда Илиана плескалась в свое удовольствие, Сирелина занялась размещением остальных. Бэйлу, разумеется, обитель не была в диковинку, так что он мог управиться и самостоятельно, но с ребятами дело обстояло иначе, не говоря о сопровождавших Илиану воинах. Тех вообще насилу удалось разлучить с бесценной целительницей, для чего Сирелине пришлось проявить все свое красноречие и убедительность. Воины, скрепя сердце, согласились обождать, пока им будет официально дозволено сопровождать девушку с сиреневыми глазами. Они признавали, что в обители чародеек ей вряд ли что-нибудь грозит, но меньшее их не устраивало. Сирелина, подумав, пообещала им сделать все возможное, а пока вверила солдат заботам Бэйла, разместившего их в гостевой зоне. Там же временно обосновались и ребята. Галана, как девочка, обладающая определенной формой колдовского дара, вскоре получит соответствующий допуск в обитель. Послушницей ей не бывать, поскольку ими становились лишь будущие чародейки, но и обычной ученицей сродни простым обучавшимся при обители детям — тоже. Для таких как Галана имелся особый курс и особый статус. Хорошие провидицы — явление достаточно редкое, а такие сильные как девчушка с косичками — и тем более. Сирелина быстро известила кого следует, и с Галаной уже знакомилась одна из сестер, занимавшихся этим специфическим воплощением колдовских способностей.

Сложнее всего дело обстояло с молодыми заклинателями стихий. Сирелина уже объясняла, что лица мужского пола в обитель обычно не допускались, даже такие, как Алдар и Ювион. К ним требовался особый подход, и Сирелина распорядилась подготовить соответствующее сообщение для представителя колдунов Запада. Чародейки поддерживали с ними определенную связь и с давних времен передавали им одаренных колдовским даром мальчиков. Или, как минимум, сообщали где они находятся. Связующим звеном и был означенный представитель, обитавший сравнительно неподалеку от пика Эрминдхайм. Колдуны Запада, редко появляясь в краях чародеек, издавна установили с ними нормальные отношения, для чего и направляли одного из своих коллег в качестве своеобразного посла. В отличие от темных колдунов сродни Дего-

нису и его Манипуляторам, Западники не желали зла чародейкам и находили полезным добрососедское существование, включавшее обмен новостями и опытом. Жаль только клерики не разделяли их миролюбивых взглядов, не делая большой разницы между темными колдунами и колдовством вообще. О них, однако, был разговор особый.

Когда Илиана, замотанная в большое мохнатое полотенце, вышла из ванной, ее уже поджидал подходящий гардероб. Чародейки умели одеваться со вкусом, и их платьям с комплектами прекрасных украшений могли позавидовать даже иные монаршьи дворы. Сирелина, как Странствующая сестра, обычно предпочитала более практичные наряды, позволявшие носиться сломя голову по далеким странам и лихо выпутываться из неприятностей, но и она облачалась в изящные вещи, как только в деятельной беготне наступал перерыв. Глядя на воспитанницу, чародейка нашла выбор одежды вполне удачным. Шелковое сиреневое платье с короткими рукавами очень шло к необычным глазам девушки, а коралловое ожерелье дополнял тонкий алмазный венец с большим рубином в центре. Рубиновые же серьги в платиновой оправе формой камней напоминали медальон Илианы — тот, с которым она была вынуждена расстаться в старой насосной станции. Сирелина собственноручно вплела девушке в золотистые волосы несколько жемчужных нитей, а горгулья надела ей на ноги невесомые туфли с серебряными пряжками. Драгоценные камни на туфлях становились красными при искусственном освещении и зелеными в естественном.

— Ну, что скажешь? — ревниво осведомилась чародейка, подводя воспитанницу к большому, во весь рост, зеркалу.

— Изумительно! — воскликнула девушка, невольно завертевшись то так, то эдак.

Удовлетворенная похвалой чародейка дала ей несколько минут полюбоваться собственным отражением, а затем взяла под руку и повела в зал Совета. Туда они прибыли в сопровождении эскорта из солдат. Их Сирелина прихватила на свой страх и риск, решив подчеркнуть особую роль капитана королевской стражи Ганхельда. Высокопоставленный офицер как бы представлял своего короля, со всем войском направлявшегося сейчас в Данерхейм. Наличие же в свите Илианы воинов Орнхольма подчеркивало ее необычный статус, который затруднялись определить и сами охранявшие девушку солдаты.

Совет собрался в полном составе, терпеливо ожидая появления Сирелины и ее воспитанницы. Пленные колдуны были уже здесь, и об их значимости старшие чародейки успели узнать из

подробного доклада, поступившего из башни Ардо. Капитан королевской стражи, сопроводив Илиану до предназначенного ей места, удалился за дверь, где остался на карауле вместе с подчиненными. Сирелина, представив Совету свою воспитанницу, усадила ее в гостевое кресло с широкими подлокотниками и высокой спинкой, располагавшееся напротив полукруга чародеек. Сама же осталась стоять рядом, игнорируя приготовленное для нее сбоку от этого полукруга сиденье. Изабелла, улыбнувшись, предложила ей устроиться там, где она пожелает. Сирелина, сделав небрежный жест рукой, приподняла тяжелое кресло и без видимых усилий перенесла его к себе, но все равно осталась на ногах. Доклад, который ей предстояло сделать, как-то не располагал к пребыванию в сидячем положении. Настоятельница, зазвенев в серебряный колокольчик, открыла заседание.

Трудно было сказать, что произвело на старших сестер большее впечатление: девушка с сиреневыми глазами или откровения черных колдунов. После того, как все формальности были завершены, и Сирелина лично ввела старших сестер в курс дела, они с Илианой разыграли прежнее представление. Манипуляторы, уверенные что разговаривают с самим Дегонисом, выложили Совету чародеек все, что им было известно. Выложили одновременно, дополняя слова друг друга. Старшие чародейки, глубоко впечатленные услышанным, не меньше впечатлились и тому, как их признания были получены. Похоже, несмотря на все рассказанное Сирелиной, они попросту не верили, что такое вообще возможно. Что ее воспитанница способна на все то, в чем их пыталась заверить Странствующая сестра. В какой-то момент дискуссии в Совете достигли точки, где окончательно перемешались причина и следствие — обсуждение полученных сведений и сомнения в их достоверности. Илиана, видя как все больше сердится Сирелина, поняла, что чародейкам пора предъявить некоторые доказательства. Поднявшись, она обратилась к Совету с неожиданным вопросом.

— Могу я попросить у кого-нибудь из присутствующих кинжал или другой острый предмет? — сказала девушка, когда Изабелла, прервав сестер, дала ей слово.

— Конечно. Но зачем он тебе? — удивилась Настоятельница.

— Так не объяснить. Вы должны сами увидеть, — отозвалась Илиана.

Приподняв бровь, Изабелла сделала знак Немезии. Та, проворчав что-то себе под нос, извлекла невесть откуда желаемый предмет и направила к девушке. Кинжал, повинуясь чарам, плавно пересек разделявшее их расстояние и опустился на подставленную ладонь.

Вынув его из ножен, Илиана убедилась, что покрытое серебром лезвие острее бритвы. Выйдя чуть вперед она, чувствуя обращенные на себя взгляды, неожиданно вонзила острие себе в левую руку выше локтя и резко провела его к запястью, нанеся ужасную рану. Это было невероятно больно, и хотя девушка заранее заблокировала часть ощущений, она чуть не закричала, крепко стиснув зубы. Закричали чародейки. Они прямо-таки разразились на все лады испуганными и взволнованными возгласами при виде столь невообразимой сцены. Одна лишь Сирелина догадалась что затеяла ее воспитанница, и решила ей не мешать, хотя и находила такую демонстрацию несколько через чур.

— Тихо! — рявкнула она, осмелившись заорать на Совет. — Смотрите и не мешайте! Илиана знает что делает!

Старшие сестры, повскакавшие было с мест, невольно замолчали, удивленные этим громким восклицанием. Все взоры, скользнувшие было на Сирелину, вновь обратились на девушку. О да, там было на что посмотреть! Хлеставшая ручьями кровь, заливая пол и платье, неожиданно остановилась. Красная лужа, образовавшаяся у ног Илианы, пришла в движение. Распадаясь на капли, она стала подниматься в воздух, кружась вокруг девушки маленьким ураганом. Другие капли, впитавшиеся было в шелк, покидали ткань, присоединяясь к алому хороводу. Илиану ненадолго окутало целое облако мельтешившей взвеси. Покружив, оно начало вливаться обратно в рану, совершенно переставшую кровоточить. И чем больше оно вливалось, тем меньше становился глубокий порез, способный вызвать смертельную кровопотерю. Ткани затягивались прямо на глазах завороженных чародеек. Не прошло и минуты, как распоротая рука девушки стала совершенно цела, и на ней не осталось даже малейшего шрама. Точно так же, как ни на полу, ни на платье, ни где-либо еще не осталось ни одной капли крови. Все, что покинуло тело Илианы немыслимым образом вернулось обратно. Восстановление было быстрым и абсолютным.

— Немыслимо!.. — пробежал среди старших сестер тихий шепот.

Да, Сирелине было хорошо знакомо это слово. Она и сама неоднократно его произносила, становясь свидетелем феноменальных явлений, происходивших с ее воспитанницей. Вероятно, произнесет еще и не раз. Решив усилить эффект, чародейка подошла к девушке и протянула ей свою ладонь.

— Давай, — кивнула она, поймав сомневающийся взгляд Илианы. — Только не очень сильно. Я же не ты, кровь обратно не затечет.

Сирелина только глухо крякнула, когда острие кинжала пронзило ей ладонь. Кажется, девушка слегка перестаралась, ну да чего уж там. Не желая дать наставнице истечь кровью, девушка дав Сове-

ту насладиться зрелищем раны, приложила свои руки к пострадавшему месту. Исцеление прошло бурно, чтобы как можно скорее заживить поврежденную плоть. Алое сияние, исходившее от Илианы, окончательно повергло старших сестер в смятение. Когда же они узрели совершенно здоровую ладонь Сирелины, то на несколько минут утратили дар речи.

— Эти злые люди сказали вам сущую правду, — заявила Илиана, расставляя все точки над i. — Они ничуть не приукрасили и искренне выложили все, что им известно. Выложили, потому что я им приказала. Я могу приказать им выпрыгнуть в окно — и они сделают это. Я могу остановить биение их сердец и остановлю, если моим друзьям будет угрожать опасность. Все, что рассказала вам обо мне Сирелина — верно до последнего слова. Поэтому прошу вас, перестаньте сомневаться! Ведь чем дольше вы медлите, тем ближе черные колдуны к реализации своего замысла! Новый мировой порядок, который они уготовили всем живущим, будет поистине ужасен, если принять во внимание кем являются их так называемые Покровители.

— Хорошо сказала, — одобрительно шепнула Сирелина. — Теперь это их расшевелит.

Совету понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Даже Изабелла была потрясена до глубины души, хотя отлично держала себя в руках и лишь по косвенным признакам можно было догадаться, что Настоятельница пребывает в сильнейшем смятении. Сирелина, хватая быка за рога, предложила Совету проголосовать, принимает ли он все услышанное от колдунов за бесспорную истину. Изабелла, поразмыслив, согласилась. Голосование состоялось немедленно, и Сирелина не без удовлетворения наблюдала, как впечатленные старшие сестры признали неоспоримость предъявленных им сведений. Даже Немезия с Димиурой. Первая вообще привыкла всегда и во всем сомневаться. Вторая, изначально не веря в возможность совершенного общения с животными, еще в бытность отправки Сирелины в Солтенстил, теперь впала в другую крайность и рвалась с Илианой в почтовую башню. Изабелле даже пришлось остужать пыл Димиуры — для этого еще будет время. Сейчас перед Советом стоят вопросы поважнее.

Заседание продлилось до глубокой ночи. Когда Сирелина с Илианой вернулись в свои покои, отправив солдат в гостевую зону, то немедленно отправились по кроватям. Усталость взяла свое, и наставница с воспитанницей заснули сразу, едва закрыли глаза, под бдительным присмотром сидевшей на подоконнике горгульи.

Впервые за долгие века в Альмирстале произошло редчайшее событие: среди сестер была объявлена мобилизация. Всем нахо-

дившимся вне обители надлежало оставить все дела и как можно быстрее прибыть к пику Эрминдхайм. Всем кроме тех, кого приказом Совета направили непосредственно в Данерхейм — подготовить крепость к обороне, и иные важные места. Еще не занялся рассвет, а из ворот обители по вынырнувшему из пропасти каменному мосту понеслись гонцы, разосланные к правителям северных земель. Отдельный посланник направился к королю Ганхельда, приближавшемуся со своей отступающей армией к перевалу. Из почтовой станции разом выпорхнуло около трех дюжин сов и воронов, спешивших к своим адресатам. Служительницам Гексенхаммера предписывалось прийти в боевую готовность и проследовать к точкам сбора. Обитель гудела как встревоженный улей, когда Сирелина и Илиана насилу оторвали головы от подушек, разбуженные горгульей. За ними пришли, и собравшийся спозаранку Совет вновь желал видеть Странствующую сестру и ее воспитанницу.

За одно заседание все вопросы, учитывая складывавшуюся ситуацию, было разрешить попросту невозможно. Минувшей ночью старшие чародейки приняли самые необходимые меры. Теперь следовало более тщательно сориентироваться в ситуации и разработать план дальнейших действий. Илиана, собственно, для этого была сейчас не нужна. Ее позвали чтобы попросить оказать содействие Димиуре. В нынешних обстоятельствах способности девушки к общению с живыми существами выглядели отнюдь не лишне. Сеть почтовых станций чародеек, подвергшаяся серьезному ущербу, до сих пор функционировала очень плохо. Восполнить утраченные точки было нечем, а части оставшихся по-прежнему угрожала опасность. Илиана, если ее таланты соответствовали заявленному уровню, могла существенно помочь в организации пернатых почтальонов. Ради этого Димиура даже пожертвовала своим голосом в Совете. Временным заместителем она великодушно предложила Сирелину, представлявшую интересы своей воспитанницы. Старшие сестры, посовещавшись, согласились, и Сирелина не без некоторого внутреннего трепета опустилась в заветное кресло под благосклонным взглядом Арадоры. Последняя, улучив минутку, уже успела перекинуться с ней парой слов до начала заседания, условившись переговорить позже с глазу на глаз.

Нетерпение Димиуры прямо-таки зашкаливало. Старшая сестра, возглавлявшая почтовую службу, сгорала от желания увидеть способности Илианы в действии. Направившись прямиком в центральную почтовую башню, она быстро ввела девушку в курс дела, вкратце объяснив что и как здесь устроено. Илиана, внимательно выслушав белокурую чародейку, принялась знакомиться с

птицами. Здесь их было несколько сотен. Молодые и зрелые, несшие службу и отдыхавшие от заданий — они из поколения в поколение жили рядом с чародейками. Обширные гнездовья приносили потомство, старательно взращиваемое не только родителями, но и заботливыми сестрами. Наиболее способный к дрессировке молодняк оставляли. Остальных выпускали на волю подальше от обители, привозя взамен специально закупаемую "свежую кровь", дабы не допускать чрезмерного родственного скрещивания. Молодняк проходил продолжительный курс обучения, а затем кто оставался в обители, а кто распределялся по почтовым станциям. Обучение заканчивалось непосредственно на месте службы, становившееся домом, где пернатые гонцы в большинстве случаев и проводили всю свою жизнь. Одряхлевших птиц не бросали на произвол судьбы, как отработавшую свое ненужную вещь. Освобождая от обязанностей, их переводили на свободное существование, где они доживали свой век в тепле и сытости.

В целом, Илиана одобрила содержание птиц, львиную долю которых составляли совы и вороны, а в меньшей степени — голуби. О них действительно хорошо заботились, и чародейки не обращались с верными помощниками как с живым товаром. Присутствовала, правда, некоторая путаница с именами, поскольку данные людьми клички обычно не соответствовали собственным именам птиц, ну да ничего не поделаешь. Оглядывая пернатых служащих, Илиана машинально прислушивалась к исходившему от них эмоциональному фону и улавливала царившие в птичнике настроения. В основном крылатое сообщество чувствовало себя хорошо и комфортно. Тех же, кого беспокоило здоровье, и кто подвернулся под руку, девушка живо привела в порядок, окутав легкой алой дымкой. Димиура, услышав пояснения девушки, расширила глаза, но ничего не сказала. Вчерашней демонстрации ей было достаточно.

Представила старшая чародейка и своих подчиненных. В башне всегда дежурило несколько сестер, ответственных за кормление и уход. Входящие послания они распределяли по адресатам или направляли птиц в соседнее отделение, так как помимо Главной Почтовой башни в обители имелось несколько вспомогательных станций. Эти же сестры оформляли и запечатывали предназначенную к отправке корреспонденцию, занося все свои действия в особый журнал. Снарядив подходящую птицу, они отправляли ее к пункту назначения, как правило, промежуточному, где тамошняя служительница пересылала письма дальше. Вся система, единожды отлаженная, работала долгие века без единого серьезного сбоя, пока недавние события не нарушили устоявшуюся

взаимосвязь. Димиура воспринимала это очень близко к сердцу и возлагала на Илиану большие надежды.

Находившихся в башне птиц по клеткам никто не запирал, и они при желании перемещались вполне свободно. Чувствуя исходившую от девушки энергию, лучившуюся незримым теплом и жизненной силой, они следили за ней заинтригованными взглядами, но лишь одна с радостным гуканьем сунулась ей прямо в руки.

— Шуя! — воскликнула Илиана, признав большую рогатую сову.

Да, это действительно была она. Отправленная Таларой, сова давным-давно прибыла в обитель и коротала время в ожидании своей хозяйки. Никого другого она попросту не признавала, поэтому чародейки, извещенные припиской к посланию, позволили ей жить в птичнике как заблагорассудится.

— Совсем забыла тебе сказать, — смущенно произнесла Димиура.

— Сова здесь уже не первую неделю. От кого она?

— От моей подруги Талары, — отозвалась девушка, о чем-то воркуя с пернатой красавицей.

— Это которая ханская дочь? — осторожно уточнила чародейка.

— Угу, — кивнула Илиана, не прерывая общение с совой.

Шуя была готова вылететь хоть сейчас, но девушке прежде требовалось составить для принцессы письмо. Все, о чем она хотела написать, в пару строк точно не уместится, так что ближайший вечер следует посвятить этому столь желанному занятию. А пока надо как минимум помочь Димиуре.

— Итак, с чего начнем? — спросила Илиана, когда Шуя неохотно вернулась обратно на свой насест.

Старшая чародейка перечислила наиболее животрепещущие задачи. Для решения их всех потребовалась бы не одна неделя, но девушка остановилась на тех, где сестры однозначно не могли обойтись без ее вмешательства. Судя по донесениям, часть почтовых станций все еще функционировала, но их практическая польза сводилась к нулю из-за образовавшихся разрывов в устоявшейся цепочке. К ним, например, относились те, что располагались за Железными землями. Илиана осведомилась, имеется ли поблизости подробная карта местности, и Димиура провела ее в особый зал, где эта карта предстала прямо на полу во всей красе своей объемной и подробной детализации. Под ногами у Илианы расстилалось нечто похожее на точный макет всех земель от далекого Запада и до мало освоенного Востока, но макет едва ли не живой, с подвижными элементами и очень реалистичными фигурками. Девушка, удовлетворившись увиденным, попросила подсветить красным цветом недоступные почтовые станции. Когда Димиура легким движением пальцев перекрасила все необходимое, они

вернулись в птичник, где Илиана, побродив среди множества птиц, выбрала несколько подходящих кандидатур.
— А почему именно их? — поинтересовалась белокурая чародейка, когда девушка в компании полутора дюжин сов и воронов проследовала обратно к карте.
Само поведение пернатых, невозмутимо сопровождавших человека, которого они первый раз в жизни видели, она решила не комментировать.
— Я расспросила ваших почтальонов об интересующих нас местах и выбрала тех, кто знает о них больше других. Так будет проще растолковать им куда надо лететь, — пояснила Илиана.
У Димиуры отвалилась челюсть. В еще больший шок она пришла, когда увидела как девушка ходит с птицами по волшебной карте, поочередно показывая им нужный маршрут. Вооружившись самой обыкновенной указкой, она тыкала в объемное изображение, а птицы внимательно следили за ее действиями, отзываясь кто карканьем, кто уханьем. Илиане приходилось весьма непросто, поскольку сама она никогда не бывала в означенных местах, но для того и понадобилось выбрать наиболее осведомленных курьеров.

Спустя три часа полторы дюжины птиц были готовы к вылету, тщательно проинструктированные девушкой с сиреневыми глазами. Чародейкам достаточно произнести название пункта назначения, и крылатый почтальон немедленно отреагирует, подлетев на зов. Добравшись до цели, в обратный путь он прихватит с собой несколько тамошних птиц и таким образом покажет им прямую дорогу в обитель. Вновь прибывшим останется лишь втолковать кое-какие детали, чтобы оптимизировать пересылки по налаженному маршруту. Слушая Илиану, Димиура только рот открывала, хлопая глазами как юная послушница.
— Прости, но разве такое вообще возможно? — не выдержав, взмолилась она каким-то жалобным голосом.
Девушка, почесав в затылке, поманила ее за собой. Вернувшись в комнату, где сидела оформлявшая бумаги служащая, Илиана, посадив на плечо ворона, предложила старшей чародейке выбрать любой предмет в комнате. Такой, разумеется, который будет птице по силам. Димиура пожелала лежавший на столе свиток. Девушка повернула голову к ворону, и тот, покинув ее плечо, подлетел к свитку, подхватил его в лапы и отнес прямиком к чародейке. Та, изменившись в лице, приняла свиток и тут же запросила карандаш, но не простой, а именно синего цвета, из высокой металлической баночки. Ворон, следуя указаниям Илианы, уселся рядом с означенной баночкой, выхватил клювом нужный карандаш и

вручил его остолбеневшей Димиуре. Третье испытание та придумала уже просто из принципа, хотя уже и так все поняла. Тем не менее, ворон открыл клювом ящик стола, достал оттуда часы и сунул в ладонь старшей чародейке. Женщина, охнув, плюхнулась на кстати подвернувшийся стул под недоуменным взглядом непосвященной служащей.
— Вы его дрессируете, что ли? — спросила эта служащая, пытаясь сообразить что происходит.
— Долго объяснять, — вяло отмахнулась старшая чародейка, у которой прямо-таки голова шла кругом.
Вскоре она, однако, пришла в себя, и тут же развела кипучую деятельность. Спустя еще час все подготовленные Илианой птицы покинули башню и полетели кто куда, унося доверенные им послания.
— Как ты это делаешь? — тихо спросила Димиура, глядя вслед скрывавшимся пернатым курьерам. — Неужели они настолько хорошо тебя понимают? Это нечто сверхъестественное.
— Да. Но просто понимать недостаточно. Надо еще как-то объяснить то, что в понятии собеседника просто отсутствует, либо же существует как-то иначе, — ответила Илиана. — А у каждого животного свои представления об окружающем мире. Но я постепенно совершенствуюсь. Прежде я едва сумела объяснить Шуе как найти обитель, из-за чего она проплутала лишнюю неделю. Теперь же у меня довольно быстро получается показывать маршрут прямо на карте, если та достаточно информативна.
Не вдаваясь в излишние подробности, все равно недоступные неподготовленному человеческому восприятию, девушка вкратце пояснила собеседнице основы своего взаимодействия с живыми существами. Димиура только ахала и в ее разыгравшемся воображении начинали вырисовываться поистине фантастические горизонты.

Из деятельного плена белокурой чародейки девушку вызволила вернувшаяся Сирелина. Совет разошелся на длительный перерыв, и наставница немедленно отправилась искать свою воспитанницу. Димиура, вздохнув, была вынуждена уступить, и Сирелина увела Илиану в гости к Арадоре, где их поджидал весьма недурной обед. За этим обедом состоялся довольно долгий разговор, в процессе которого голубоглазая чародейка наконец-то лично познакомила друг с другом двух своих близких людей. Говорили о разном. Арадоре, исходя из рекомендации Сирелины, можно было довериться как никому другому, поэтому девушка без утайки отвечала на вопросы, и в свою очередь расспрашивала старшую сестру. Некоторые ее вопросы требовали очень серьезного ответа,

какие-то звучали довольно наивно, из-за чего лицо Арадоры озаряла улыбка, а порой из-за них открывались и весьма примечательные вещи.
— А много у вас таких любопытных созданий? — поинтересовалась Илиана, кивая на прислуживавшую им за столом горгулью. — Я пока насчитала не больше дюжины.
— У каждой чародейки есть своя, а кроме них в каждом чертоге имеется отдельный штат, подчиняющийся заведующей, — объяснила Арадора. — Горгулий у нас в обители не меньше тысячи. Я удивлена, что ты обнаружила их так мало, ведь ты вроде чувствуешь живых существ.
— Но не колдовских созданий, — покачала головой девушка. — Увы, они имеют иную природу и совершенно мне неподвластны.
— Значит, если черный колдун или ведьма окружит себя призванными тварями…
— …то я смогу справиться только с самим колдуном или ведьмой. Если успею, — закончила за старшую чародейку Илиана.
— Это следует учесть, — враз посерьезнела Арадора, многозначительно посмотрев на Сирелину.
— Мне это известно, и я уже об этом думала, — отозвалась та. — Именно поэтому присутствие воинов является ничуть не лишним. Илиане требуется охрана, и ее всегда должен сопровождать кто-то из солдат и чародеек. Ну, исключая обитель. Уж здесь-то ей ничего не угрожает.
— А в Альмирстале живет еще кто-нибудь кроме горгулий? — полюбопытствовала девушка. — Что-то я больше никого не видела.
— Конечно, — улыбнулась Арадора. — Просто они нечасто попадаются на глаза. Разве Сирелина тебе не рассказывала?
Илиана помотала головой, бросив на наставницу укоризненный взгляд. Та, смутившись, пробормотала оправдание. Мол, всего и не упомнишь. Какие-то совершенно привычные тебе вещи остаются без внимания, а потом уже и сама не знаешь о чем говорила, а о чем нет. Особенно когда в приоритете куда более полезные и интересные темы. Девушка заверила чародейку, что ни в чем ее не винит, однако тут же пристала с расспросами о других колдовских существах.
— А ты никогда не задумывалась откуда чародейки берут дорогие металлы и драгоценные камни? — хитро прищурилась Арадора. — Ты же наверняка видела дорожный запас Сирелины, да и сама им пользовалась. Мы же их не на деревьях выращиваем. А башенные лифты и прочие механизмы? Да, они питаются колдовской энергией Альмирстала, только им требуется уход и регулярное обслуживание. Пожалуй, после обеда Сирелине стоит устроить тебе экс-

курсию, чтобы ты увидела все собственными глазами. Я выдам разрешение, поскольку без него тебя не везде пропустят.
Разговор, перемежающийся действительно отличными блюдами, продолжился, и Илиана, заручившись соответствующим обещанием, еле досидела до конца. Арадора, заметив ее нетерпение, смилостивилась, не став излишне затягивать обед, и даже попеняла Сирелине, что та до сих пор не познакомила воспитанницу со всеми достопримечательностями обители. Впрочем, сама тут же признала, что на это попросту не было времени. Да и теперь лучше не расходовать его понапрасну — Совет скоро соберется вновь, а Илиане тоже найдется чем заняться.

Перво-наперво Сирелина отвела воспитанницу на вершину особой башни, где под хрустальным куполом располагалась сложнейшая конструкция. Помимо привычных часов, чьи стрелки имели в длину несколько ярдов каждая, гигантское табло отображало движение солнца, положение созвездий, текущее местонахождение планет и спутников. В режиме реального времени здесь выводилось множество любопытной информации, собранной воедино и таким образом, что ее было видно со всех концов обители. Технические помещения занимали несколько этажей, и там, помимо чудес инженерной мысли пополам с достижениями колдовства, Илиана увидела несколько невысоких, ростом фута три-четыре существ. Зеленым цветом кожи они походили на ящериц, но большие глаза и длинные руки с шестью пальцами роднили их скорее с обезьянками. Впрочем, до тех они тоже не дотягивали за счет полного отсутствия шерсти, включая совершенно лысые головы, коренастые тела и коротенькие кривые ножки. Большие тонкие уши были плотно прижаты к голове, но существа умели ими шевелить, забавно оттопыривая их не хуже слона. При этом слоновьего хобота у них отнюдь не имелось, а курносый носик забавно шевелился, когда они к чему-нибудь принюхивались. В отличие от горгулий, существа носили одежду, а именно короткие шорты с поясом, куда крепилась уйма всякой всячины. Их ловкие пальцы прекрасно обращались с любыми инструментами, а кожа на лбу уморительно морщилась, когда они о чем-либо задумывались. Звали этих забавных созданий скромфы. Как и горгульи, они создавались при помощи колдовского искусства, и лишь в таких насыщенных колдовством местах как Альмирстал могли существовать. При этом если творения ведьм и темных колдунов, как правило, носили злой характер, не имея другой цели кроме как вредить людям и губить их, то чародейки обзаводились своими помощниками в более мирных целях. Сообразительность скромфов по части техники не знала себе равных. Любой механизм манил их как пчелу

цветок, а саму основу их жизни составляло желание копаться в какой-нибудь конструкции, заботясь и опекая ее как мать родное дитя. Обычно они и жили подле вверенных им объектов, становясь, в известном смысле, их подвижной живой частью. Именно скромфы обслуживали лифты, водопровод, очистные сооружения и многое другое, составлявшее неотъемлемую часть обители. В отличие от горгулий, у них была своя, довольно любопытная иерархия, которую они устанавливали сами, и в которую чародейки не вмешивались. Вообще эти существа фактически жили своей жизнью, и сестер это очень даже устраивало. Единожды порученное скромфам дело выполнялось безукоризненно, а внимание хозяек они привлекали лишь в том случае, когда без их помощи было совсем не обойтись. Помимо обслуживания техники скромфы также мастерили уйму всяких вещей, и чародейки при желании могли бы основать небольшую часовую фабрику, настолько ловко работали зеленые коротышки.

Пока Илиана с любопытством рассматривала деловито расхаживавших созданий, Сирелина продолжала рассказывать об их житье-бытье. Выяснилось, что бывают скромфы и гораздо меньшего размера. Их маленький рост позволяет им существовать прямо внутри некоторых устройств, из-за чего, вероятно, среди людей появились разные довольно ошибочные легенды и поверья. В давние времена, когда колдовство имело более широкое распространение, скромфы обитали не только в Альмирстале, и простые люди могли иной раз наблюдать их в непосредственной близости. В принципе, это было только предположение, ибо о той исторической эпохе сохранилось не так уж много сведений. Чародейки основывались на ходивших среди людей историях, где существа, похожие на скромфов, частенько упоминались в фольклоре, становясь то добрыми, то злыми персонажами. Их изображения можно было встретить в самых разных культурах, и всякий раз при прямом упоминании каких-либо механизмов. Скромфы же не имели выраженной моральной направленности. Они просто были, спокойно занимались своим делом и никому не мешали. Их не интересовало ничего за пределами вверенного им устройства, а в случае его необратимой поломки эти создания становились очень несчастны и быстро чахли, утратив смысл своей нехитрой жизни. Были в ней, конечно, и свои развлечения. Например, скромфы любили музыку. Но не ту, что привычна людям, а несколько своеобразную. Их могла совершенно не трогать какая-либо мелодия, но она же, исполняемая собранной ими механической музыкальной шкатулкой, порой приводила их в восторг. Скромфы были очень тихими и незаметными существами, поэтому Илиана их и не

видела, а между тем они присутствовали в обители изрядным числом и непрестанно трудились на благо ее процветания.

Подивившись на забавных малышей, сновавших с уморительно деловым видом, девушка отправилась дальше, ведомая под руку рассказывающей всякие интересности наставницей. Их путешествие закончилось в одном из подземных залов обители, куда Илиану действительно не пропустили бы без выданного Арадорой разрешения. Сюда допускались только сестры. Послушницы — уже с ограничениями, а гости и вовсе лишь в самых редких случаях. Здесь начинался Подгорный чертог, и заправляли им не менее интересные создания, чем те, что повстречались девушке в Большой Часовой башне. В Подгорном чертоге обрабатывали добытую руду и ограняли драгоценные камни. В печах, больших и малых, выплавляли металл, а шлифовальные станки были предметом зависти многих искусных ювелиров. Звон молоточков, опускавшихся на ковкие заготовки, звучал как хор колокольчиков, а в маленьких тиглях бурлило золото и серебро. Найденные драгоценные камни раскладывались по поддонам, сортируясь в зависимости от типа, размера и качества. Эти камни поступали в соответствующие мастерские, где их доводили до совершенства долгим и кропотливым трудом. Все это несметное богатство добывалось в обширной сети шахт, протянувшихся далеко в недра огромного пика Эрминдхайм. В шахты чародейка Илиану не повела, остановившись у главного входа, зато прочла о них целую лекцию. Впрочем, обычному взрослому человеку там было не очень комфортно, поскольку внутри этих тоннелей ему приходилось, мягко говоря, тесновато. Шахты были рассчитаны на тех, кто их копал. Копал на протяжении тысячелетий, уходя все дальше в неведомые глубины, наполненные природными сокровищами. В свете особых кристаллов, действовавших только в присутствии своих создателей, Илиана с любопытством наблюдала за тем, как сновали туда-сюда приземистые создания, которых Сирелина величала драдды. Широкоплечие, мускулистые, они отлично орудовали киркой и молотом, но при этом проявляли удивительную сноровку и при работе с хрупкими субстанциями. Трудно было поверить, что их толстые узловатые пальцы способны не только добывать и ковать железо, но и создавать изумительно ограненные камни, сверкавшие в нарядах чародеек. Драдды носили желтые защитные каски, оборудованные все теми же осветительными кристаллами, а их костюмы различались в зависимости от рода занятий. Шахтеры были облачены в один наряд, литейщики в другой, ювелиры в третий. С суровых невозмутимых лиц смотрели прищуренные глаза, а нос картошкой вздымался над вечно жующим что-то ртом. Драдды

любили поесть, и для них существовала отдельная кухня, день и ночь производившая целые горы всякой снеди. Людям, правда, она не годилась, разве что какой-нибудь гурман рискнул бы попробовать ее кулинарные изыски в надежде не слечь потом с сильнейшими коликами, но драдды были очень довольны. Эти работящие существа напоминали какое-нибудь затерянное в джунглях племя пигмеев, здорово смахивая на них ростом и повадками. В отличие от горгулий и скромфов, драдды походили на людей, только маленьких и обладавших весьма специфической внешностью. Они даже носили бороды, хотя на поверку выяснилось, что к типичной человеческой бороде их лицевые украшения имели весьма отдаленное отношение. Чем старше и опытнее был драдд, и чем больше времени он проводил в горе, тем больше на нем оседало мельчайших частичек металла. Впитываясь в тело, они формировали такие вот бороды, дававшие своим обладателям удивительное рудное чутье. Сотканные из тончайших металлических нитей, эти бороды являлись своеобразным органом чувств, позволявшим улавливать присутствие ценных жил через толщу породы. Драдды заботились о них не хуже людей, расчесывая специальными гребнями и подравнивая на разный манер, что вкупе с необычайно серьезными лицами несомненно добавляло им известной комичности. Эти создания также обладали собственным социальным устройством, базирующемся на мастерстве и знании гор. Иные шахтеры имели за плечами сотни лет стажа и почитались не меньше, чем искусные кузнецы и сталевары. Такие опытные бобры обычно командовали бригадами, а самые старые и опытные задавали общих ход работ, определяя направление и границы выработки. Сирелина призналась, что даже сами чародейки не знают всей обширности и протяженности туннелей драддов, за исключением, разве что, Настоятельницы. Пик Эрминдхайм был огромен, и драддам хватит здесь работы еще на десятки тысяч лет. Если не на сотни, учитывая, что корнями он уходил далеко в землю и драдды, если верить слухам, давным-давно пробурили туда несколько скважин и теперь осваивали далекие глубины, где никогда не бывает дневного света.

Илиана, с живейшим интересом слушая наставницу, задавала вопросы, а пару раз, улучив подходящую возможность, поговорила с несколькими из этих до смешного солидных коротышек. Те, несмотря на свой суровый вид, оказались вполне любезными собеседниками и уделили пяток минут разговору с девушкой, не без любопытства разглядывая нежданную посетительницу. Один, покопавшись в кармане, извлек оттуда большой аметист и вручил Илиане, сказав, что камень подходит к ее глазам. Удивленная Си-

релина промолчала, но после, когда они с воспитанницей покинули Подгорный чертог, заметила, что это большая редкость, когда драдд дарит кому-нибудь подарок. Обычно им нет дела до людей и они, как и скромфы, заняты исключительно своими заботами. На замечание Илианы, что драдды ей очень сильно кое-кого напоминают, чародейка весело рассмеялась. На сей раз ошибка была исключена. Драдды действительно упоминаются в фольклоре многих народов. Их часто путают с другими мифическими созданиями, но обывателям это простительно, ибо они далеки от колдовства и не разбираются в таких тонкостях. При виде драдда обычный человек, даже сведущий по меркам своего сообщества, наверняка принял бы это существо не за того, кем оно являлось на самом деле. Людям вообще свойственно столь сильно переплетать правду и вымысел, что со временем они уже и сами не в силах разобраться что есть что. Какие-то их социальные явления начинают отрицать некогда свершившуюся истину, а какие-то наоборот — строиться на откровенных мифах. Все бы ничего, да фантазия и суеверия людей, порожденные их страхами, верованиями и просто богатым воображением, привносят в исторические хроники такую путаницу, что даже чародейки иной раз не в состоянии разобраться откуда что взялось, и что могло бы существовать в действительности, а что является чистейшим вымыслом. Собственно, это одна из главных причин, по которой летописи далекой древности оказались в крайне неопределенном состоянии, имея массу противоречивых разночтений. И даже происхождение самого пика Эрминдхайм вызывает вопросы, не имеющие ныне ответов. Ведь Илиана, несомненно, была права, когда заметила, что для одной, пусть даже и очень большой горы здесь многовато различных залежей, трудами драддов подаривших чародейкам баснословное состояние. Редко где можно увидеть переплетение столь разнородных руд, а наличие всевозможных драгоценных камней, то и дело извлекаемых из невероятных по протяженности шахт, еще сильнее подчеркивало удивительное изобилие.

Чародейка и ее воспитанница вернулись как раз вовремя. Совет уже собрался продолжить заседание, а Димиура с полчаса крутилась у покоев Сирелины, лично подкарауливая девушку с сиреневыми глазами. Илиана вновь встретилась со своей наставницей лишь поздним вечером, когда они обе уединились в ставших общими покоях. Впрочем, ненадолго, поскольку туда явилась рыженькая Флея со своими неизменными подружками — Ладой и Аширой. У послушниц имелось минимум два основания для визита. Во-первых, они просто соскучились по своей наставнице, немало помогавшей им в обучении и вообще проявлявшей дружелю-

бие. Во-вторых, девушки имели самое поверхностное представление о последних событиях, так как сестры традиционно не посвящали их в серьезные дела, и ползущие по обители слухи вызывали множество вопросов. А кому их задавать, как не Сирелине, приехавшей, судя по этим же слухам, из самой гущи событий. Чародейка, хотя час был уже довольно поздний, смилостивилась и пустила всю троицу, немедленно засыпавшую ее вопросами. Илиана, собравшаяся наконец-то написать письмо Таларе, мало-помалу втянулась в разговор и опять была вынуждена отложить послание на следующий день. Послушницы, узнав кто такая поселившаяся у Сирелины девушка, пришли в восторг, ибо она была центром множества интриг и косвенной причиной побега чародейки, организованного не без их собственной помощи. Илиане, в свою очередь, тоже понравились молодые заклинательницы, производившие впечатление самых обычных девушек, веселых и доброжелательных, кабы не врожденный колдовской дар. Про способности Илианы они понятия не имели, поэтому их беседа носила легкий и непринужденный характер. Послушницы расспрашивали новую знакомую о жизни в Солтенстиле и всем, что с этим связано. Сирелина, радуясь, что ей удалось столь ловко уйти от щекотливых вопросов, предоставила воспитанницам щебетать сколько душе угодно. Сама же, отойдя в сторонку, озаботилась насущными делами. Она не то чтобы не хотела посвятить послушниц в нынешнее положение вещей. Просто Совет, несмотря на ряд предпринятых мер, до сих пор не выработал по ним единого решения, и Сирелине это очень не нравилось. Наличие угрозы, исходящей от хана, де-факто ставшего марионеткой в руках черных колдунов-демонологов, теперь никто не отрицал. Старшие сестры разделились во мнениях как следует поступить. Данерхейм, безусловно, требовалось немедленно укрепить и всячески защищать, и здесь чародейки выразили полное единодушие. И на том спасибо, ибо в остальном они не слишком-то проявляли инициативу. Если вкратце, то Совет намеревался всеми силами поддержать армию Ганхельда в Данерхейме, но если та же армия двинется отбивать свое королевство, то действовать она, скорее всего, будет самостоятельно. Служительницы Гексенхаммера получат приказ уничтожать всех попавшихся им колдунов, а также ведьм из ставшего известным списка. Этот приказ, однако, имел существенную оговорку: чародейки не должны действовать на оккупированной южанами территории или вступать в противостояние с Манипуляторами, если тех сопровождает армейское прикрытие. Иными словами, Совет старался избежать открытого столкновения с легионами Красной саламандры, хотя было очевидно, что те нацелились

именно на обитель. Старшие сестры, признавая необходимость ликвидации демонологов, пока что проводили красную черту только по Данерхейму и частично брали под опеку Орнхольм. Мотивировали они это следующим образом: защищаться, безусловно, нужно любой ценой, но самим атаковать до поры не следует. Потенциал Манипуляторов чародейкам заведомо неизвестен, и существующий расклад сил вполне может оказаться не в их пользу. Прежде чем давать отпор захватчикам, требуется собрать союзное войско северян, а до тех пор, пока в их распоряжении лишь армия Ганхельда с несколькими полками князя Сильвура, соваться на рожон нельзя. Прислушиваясь краем уха к оживленной болтовне девушек, Сирелина внутренне сгорала от злости, хотя и признавала, что аргументация старших сестер не лишена оснований. Ведь даже армия Ганхельда имелась в их распоряжении лишь условно, и подчинялась в первую очередь своему королю, а не чародейкам. Защищать крепость вместе — это одно, а контратаковать столь малыми силами — совсем другое. Северяне, в случае потерь, сумеют восполнить их новыми рекрутами, а вот потери чародеек необратимы. Союзная армия, поддержанная сестрами, способна вытеснить Красную саламандру обратно в южные земли. А до тех пор, пока она не будет собрана, чародейкам лучше придерживаться оборонительной тактики и не распылять силы по большой территории. Так считало большинство в Совете, однако Сирелина все же считала данную стратегию ошибочной и даже опасной. Требуется немедленно нанести упреждающий удар, перехватив у врага инициативу. Группы сестер под прикрытием мобильных отрядов северян должны атаковать врага, обезвреживая его диверсантов, отрезая пути снабжения и вообще не давая ему ни минуты покоя. Манипуляторы с успехом применяли эту тактику еще до начала вторжения, и чародейки способны ответить им тем же. Отсиживаться в Данерхейме в ожидании атаки Красной саламандры чревато катастрофой. Если ад-Сейдин сломит сопротивление защитников и прорвется к перевалу, что, между прочим, вполне вероятно, то само существование обители окажется под вопросом. К сожалению, до сих пор неизвестно как именно Дегонис намеревается разрушить считающуюся непреодолимой защиту Альмирстала. Из-за этого старшие сестры терялись в догадках, а некоторые наперекор здравому смыслу и вовсе утверждали, что планы колдунов по уничтожению обители самонадеянны и неосуществимы.

Весело рассмеявшиеся девушки ненадолго отвлекли Сирелину от не слишком радужных мыслей. Оторвавшись от пергамента, на котором она вкратце набрасывала свои соображения и прикидывала несколько важных тактических операций, чародейка по-

смотрела на воспитанниц. Созерцание безмятежной юности заметно подняло ей настроение, испортившееся из-за тягостных размышлений. Давно ли она сама была такой молоденькой беззаботной мечтательницей? Не слишком ли быстро пролетают годы, оставляя позади все больше наивных надежд? Впрочем, до зрелого возраста Сирелине еще около пары сотен лет, так что рядить себя в старухи ей явно преждевременно. Глядя как девушки затеяли что-то с горгульей, чародейка невольно подумала о кронусах. Точнее, о целой их армии, выводимой на Ливьянских болотах. Это воздушное воинство, способное бросать сферы Липкого огня, представляет величайшую угрозу. Кронус, правда, не сумеет поднять такой же крупный снаряд, каким стреляли огромные осадные катапульты или баллисты атаковавшей Ардо ладьи. Скорее всего, их груз окажется небольшим, вот только следовало помнить, что речь идет о Липком огне. Тысяча кронусов, сбросившая свою ношу на беззащитную цель, способна превратить огромное пространство в пылающий ад. Даже обитель чародеек. Сирелина считала, что одной разведывательной экспедиции на Ливьянские болота недостаточно. Критически необходимо уничтожить зло в зародыше, не дав ему подняться в небо со своим смертоносным вооружением. На данный момент Дегонису и его Манипуляторам неизвестна осведомленность чародеек касательно их планов и стратегических резервов. Значит, они не станут окружать болота усиленной охраной, стараясь не привлекать к ним излишнего внимания. Значит, быстрый удар хорошо подготовленного отряда положит конец их воздушной армии до того, как та объявится на поле боя. Чем создавать свою, переквалифицируя горгулий из повседневных помощников в боевые единицы, лучше заведомо избежать их грядущего столкновения. Впрочем, одно другому не мешает. Завтра же Сирелина предложит начать немедленную подготовку горгулий. Их контингент в количестве от двух до трех сотен требуется разместить в Данерхейме для обеспечения прикрытия с воздуха. На ротационной, разумеется, основе, ибо горгульи, как и скромфы, не могут слишком долго существовать вне Альмирстала. Эх, как-то совсем не подходят для войны эти мирные создания! Горгульи, при всей своей сварливости, озорстве и шкодливых повадках, тем не менее, были отнюдь не злыми существами, и в солдаты годились весьма условно. Поручить им сбрасывать всякую пакость на головы противнику — это они запросто и с удовольствием. Ожесточенная же схватка не на жизнь, а на смерть с творениями темного колдовства, каковыми являлись кронусы, станет для них очень серьезным испытанием. Горгулий не создавали убивать кого бы то ни было, и подобная задача запросто может ока-

заться для них противоестественной. Вздохнув, Сирелина опустила голову на руки, стараясь найти приемлемый выход из сложившегося положения.

Следующий день выдался еще более напряженным, чем предыдущий. Сирелина даже Бэйла видела лишь урывками, разрываемая на части уймой неотложных дел. Илиана тоже не сидела сложа руки и с утра отправилась в птичник — продолжить свою уникальную работу. Ее там было невпроворот, учитывая количество крылатых почтальонов и сложность поставленных задач. Впрочем, и сестры отнюдь не бездельничали. В самых разных чертогах наблюдалось заметное оживление. Обитель мобилизовала свои ресурсы и готовилась отразить атаку врага еще на подступах, для чего требовалось как можно скорее усилить Данерхейм. В отличие от Фербура и Аугоста, старинная крепость представляла собой ту самую цель, которую ад-Сейдин любил больше всего — единый монолит, неприступный для всего кроме шквала Липкого огня. Сконцентрированный обстрел какого-либо участка укреплений пробьет в них огромную брешь, куда, едва остынет горящая земля, немедленно хлынут легионы Красной саламандры. Двести чародеек в союзе с армией Ганхельда вполне могут их остановить и даже нанести колоссальный урон, но на стороне хана будут черные колдуны, чьи возможности до конца не известны. Если же Дегонис досрочно бросит в бой кронусов, то положение защитников крепости и вовсе повиснет на волоске. Следовательно, требуется максимально укрепить Данерхейм, используя все имеющиеся средства. Для этого необходимо задействовать все: от зачарованной стали и Кругов Стихий до энергетических щитов и огромных Тексенумов. Битва, где с обеих сторон примет участие сильное колдовство, грозила стать самым масштабным столкновением за последние пару тысяч лет.

Когда Совет разошелся на очередной перерыв, Изабелла, подозвав Сирелину, отвела ее в сторону.

— Мне нужно переговорить с твоей воспитанницей, — сказала она негромко. — Попроси ее, пожалуйста, прийти сюда. Мы немного прогуляемся в навесных садах.

— Ты могла бы послать за ней сама, — заметила Сирелина.

— Из-за предмета нашего разговора — нет, — как-то по-особому взглянула на Сирелину Настоятельница. — Я располагаю донесениями из Ардо, а так же свидетельствами Алеады и, в меньшей степени, Дармилы. На Совете ты крайне скупо обмолвилась о самой, пожалуй, важной составляющей феноменального дара Илианы. А именно об ее умении расширять колдовские способности и выводить уровень колдовской силы на запредельные величины. Я

бы никогда не поверила про историю с перевернутой ладьей и поднявшимися водами Луаны, потушившими страшный пожар, если бы тому не нашлось множество свидетелей, включая наших сестер. А еще я осведомлена про то, что сказала Каролайна. Насчет свободы воли Илианы и твоей опеки. Именно поэтому я не хочу прыгать через твою голову. Не думаю, что ты говорила всерьез, заявляя, что девушка выйдет отсюда когда захочет и никто не сумеет ее остановить, только сути это не меняет. Неволить ее никто не собирается, тем более что толку от этого попросту не будет. Если Илиана сама не пожелает нам помогать, то не в правилах сестер выбивать что-либо силой.
— Хорошо, я попрошу ее прийти к тебе, — кивнула Сирелина. — Признаюсь, мне отрадно слышать твои слова. Однако во избежание возможных недоразумений я все-таки сделаю важную оговорку. Я надеюсь, что никому действительно не придет в голову принуждать Илиану к чему-либо. Это худшее, что только можно сделать. Девушка обладает невероятной силой, о которой фактически мы ничего не знаем, и то, что я сказала в Ардо является истиной до последнего слова.
Изабелла ничего не сказала, но по ее лицу было заметно, что она серьезно обдумывает услышанное.

В Главной Почтовой башне Сирелина воспитанницу не застала. Не слишком довольная Димиура сообщила, что девушка с час назад ушла вместе с тремя послушницами, а одна из этих несносных девчонок оставила наставнице Илианы послание. "Ты знаешь, где нас искать" гласили произнесенные ей с невероятно хитрым видом слова. Да уж, долго гадать Сирелине действительно не пришлось. Поблагодарив Димиуру, чародейка покинула башню и кружным путем, на случай если кто решит посмотреть куда она пойдет, направилась в хорошо знакомую пещеру. Ту самую, через которую проходил водосток, и через которую она попала на секретную площадку, откуда сиганула с горы на доске и благополучно рухнула в сугроб. Воспоминания о том приключении до сих пор будили в душе Сирелины двойственное чувство — наслаждение от ощущения полета и дрожь при осознании того факта, что она лишь каким-то чудом не разбилась. Воскрешая в памяти то незабываемое событие, чародейка вдруг подумала, что она еще не испытывала свои новые возможности на чарах с полетом. По правде говоря, она вообще еще мало в чем их испытывала, и стоило уделить этому занятию некоторое время.

Донесшийся до Сирелины веселый смех и оживленные восклицания подтвердили ей правильность догадки. Свернув от журчавшей воды в сторону, чародейка быстро достигла заветного

места, где послушницы обустроили уютное убежище. Там она застала всю компанию из четырех девушек плюс горгулья, чей озадаченный вид не мог не вызвать улыбки. При появлении Сирелины послушницы было всполошились, но, признав наставницу, живо успокоились и приветствовали ее радостными возгласами.
— Чья живность? — осведомилась чародейка, кивнув на разминавшее крылья существо.
Горгулья была крупнее большинства сородичей, но выглядела при этом как подросток, застуканный при краже сладостей.
— Моя, — скромно потупилась Флея.
— Твоя?! — ахнула Сирелина.
Здесь было чему изумляться. Для создания горгульи, помимо знаний, требовался достаточно высокий колдовской уровень, и послушницы обычно достигали его только к концу обучения. У каждой чародейки имелась своя горгулья, становившаяся чем-то средним между питомцем и личным слугой. Чародейки не могли призывать неограниченное количество существ, поскольку с каждым из них устанавливалось нечто вроде незримой связи, а они суммарно упирались в определенный потолок, но послушницы до поры на это были неспособны вовсе. Горгулья же Флеи — вот она, стоит себе как ни в чем не бывало и самым нахальным образом опровергает устоявшиеся каноны. Сирелина хотела что-то сказать рыженькой девушке, но тут на ее лице промелькнуло понимание.
— Твоя работа? — спросила она, повернувшись к Илиане.
— Разве это плохо? — не стала отпираться та. — Когда мы вчера разговорились, я узнала про особенности призыва и удержания ваших колдовских существ. Девочки давно мечтают о своей горгулье, но им это пока не под силу. Я вызвалась помочь. Они ведь уже знали как наводить чары, просто у них не хватало требуемого уровня. Получилось не сразу, но ведь получилось же.
— Да я тебя, собственно, ни в чем не виню, — подумав, неторопливо произнесла Сирелина. — Но они слишком юны, чтобы разумно обращаться с чрезмерной мощью. Представь ребенка с рогаткой, у которого вместо камней окажутся сферы Липкого огня. Догадываешься, что он может натворить?
— Мы не такие уж и маленькие, — надула губки Флея. — К тому же сейчас ордену понадобятся все его силы, чтобы разрушить замыслы черных колдунов, так что и мы пригодимся.
— Та-а-ак, что ты еще им наболтала? — прищурилась чародейка.
— Только то, что ты сама вчера хотела им сказать, да так и не сказала, — воззрилась на нее воспитанница самыми невинными глазами. — А с чарами — это был очень полезный опыт. Я выяснила, что развивать колдовскую силу молодой девушки можно в не-

сколько раз эффективнее, нежели взрослой женщины. С Флеей все получилось очень хорошо и быстро. Я даже почти не устала.
— И что, твои фокусы никого не напугали? — усмехнулась Сирелина. — Мне и то поначалу было не по себе, но я все-таки тебя давно знала, а не видела впервые в жизни.
— Честно говоря, сперва мы Илиане не поверили, когда она предложила подтянуть наш колдовской уровень, а затем немного струхнули как дошло до дела, — вступила в разговор Ашира. — Хорошо, что она нас предупредила как это выглядит, и попросила не бояться, ибо светилась она знатно, а уж глаза…
— Кстати, теперь моя очередь! — заметила Лада. — Я тоже хочу горгулью.
— Девчонки, смотрите! — воскликнула Флея.
С ее поднятого указательного пальца во все стороны с треском разлетались небольшие молнии. Десятка два разом.
— Старшие сестры мне голову оторвут! — враз обеспокоилась Сирелина. — Еще не хватало, чтобы вы разнесли всю обитель!
Ее озабоченность была вполне оправданной. Послушницы, не имея надлежащего опыта обращения с чарами стихий, способны натворить такого, что мало никому не покажется. Это Сирелина и объяснила присмиревшим девушкам, пытаясь предотвратить их опасную самодеятельность до того, как ее заметит кто-нибудь другой. Тем не менее, она, ворча, что еще пожалеет о своем великодушии, позволила Илиане заняться Ладой и Аширой. Она сочла слишком несправедливым лишить их того, что уже получила Флея.

Прежде чем увести Илиану, Сирелина взяла с послушниц обещание, что те будут крайне осторожны со своими новыми возможностями и не станут демонстрировать их где ни попадя. Касалось это не только воплощения стихий, но и горгульи. Ее до поры лучше никому не показывать. Пусть поживет в пещере — заодно будет кому за ней присматривать и наводить порядок. В остальном же Сирелина постарается подтянуть девушек, ускорив освоение колдовских премудростей. Позже, когда на это появится время. Сейчас, увы, у нее иные заботы. Заручившись согласием послушниц, Сирелина оставила их развлекаться с плетением чар, а сама удалилась, прихватив Илиану и попутно сообщив ей о пожелании Настоятельницы.

О своих впечатлениях от обители Илиана написала принцессе длинное письмо, не забыв рассказать и о приключившихся в дороге событиях. Таларе она доверяла полностью, а Рефендари, любезно предоставленная Сирелиной, гарантировала неприкосновенность послания. Чародейка также помогла воспитаннице присоединить к письму говорящую иллюзию, и вообще позаботилась о

наложении соответствующего колдовства. Когда Шуя наконец-то отправилась в Солтенстил, прихватив с собой еще двух как следует подготовленных сов, она уносила почтовый цилиндр, который могла открыть только Талара. Никто другой будет не силах преодолеть печать, а попытка обойти ее приведет к уничтожению содержимого цилиндра. Выдать содержание письма способна только сама принцесса, поэтому Илиана просила подругу быть бдительной и спрятать его в надежный тайник, если она не захочет его сжечь по прочтении.

Шуя и ее товарки унеслись стрелой. Глядя им вслед, девушка невольно подумала, не перестаралась ли она с жизненной силой, развивая физические данные птиц. Совы летели с головокружительной скоростью, уставая в несколько раз меньше обычного. Такими темпами они достигнут столицы Железных земель всего за несколько дней, если в пути их ничего не задержит. Впрочем, еще никто не пострадал от удивительного воздействия Илианы. Заклинатели и знахари с давних времен использовали различные стимуляторы, временно поднимавшие какие-либо характеристики организма. Все они имели побочные эффекты, самым простым из которых был длительный отдых. Влияние Илианы обходилось без последствий. Она либо навсегда усиливала чьи-то возможности, либо временно насыщала живые существа энергией, не наносившей никакого вреда ни во время, ни после ее использования. Свидетельством тому были первые вернувшиеся совы и вороны, отправленные из Главной Почтовой башни не слишком далеко. Они прекрасно себя чувствовали, пребывая в добром здравии несмотря на быструю гонку. Птицы обернулись втрое быстрее обычного, и Димиура очутилась прямо-таки на седьмом небе когда узнала, что и это еще не предел. Скорость и эффективность работы почты росла фантастическими темпами, а от сообразительности натасканных Илианой пернатых служительницы только рот разевали. Белокурая старшая сестра прониклась к удивительной девушке самыми восторженными чувствами. У Сирелины в Совете невольно появилась сторонница, ибо Димиура, готовая выполнить любую просьбу Илианы, распространила свои симпатии и на ее наставницу. Теперь чародейки заседали в Совете обе, поскольку Димиура вернулась в свое кресло, но за Сирелиной оставили право временного присутствия, имеющего также и право голоса. Против обыкновения, Димиура стала поддерживать выдвигаемые Сирелиной инициативы, хотя в прежде относилась к деятельности и идеям Странствующей сестры довольно скептически, если не сказать больше. С учетом влияния Арадоры, Сирелине стало гораздо легче проталкивать свои предложения, к которым Совет теперь был вы-

нужден прислушиваться. И пока воспитанница трудилась в птичнике, совершенствуя способности крылатых почтальонов, пыталась убедить старших сестер принять более радикальные меры.

В отличие от занятий с птицами, с чародейками все обстояло иначе. Изабелла, вероятно, пребывала в раздумьях насчет возможностей девушки. Во всяком случае, к той еще никто не приставал с просьбами оказать чудодейственное влияние, каковым она одарила Сирелину и, частично, Дармилу. Илиана целиком и полностью посвятила себя работе в почтовой службе и знакомству с обителью, уделяя оставшееся время свой наставнице, друзьям и троице послушниц. Сирелина подозревала, что она втихаря продолжает поднимать девушкам уровень колдовской силы, но вслух свои подозрения не высказывала. Ей самой хорошо перепадало от воспитанницы, и частота их занятий, если здесь было уместно это слово, зависела исключительно от сдерживающих ограничений. Илиана объяснила, что нельзя просто так взять и каждый день по многу раз совершенствовать одно и то же живое существо, в кратчайшие сроки развивая его природные данные. Здесь как с закаливанием — все делается постепенно. Попробуешь достичь всего быстро и сразу — вместо наделения отменным здоровье попросту угробишь пациента. При этом частота сеансов зависела строго от индивидуальных качеств человека или животного. Сирелина чувствовала, как ее возможности продолжают расти. Впрочем, не только чувствовала, но и знала. Выкраивая немного времени, она наведывалась в Тренировочный чертог и там, уединившись, усердно практиковалась, осваивая изменившийся уровень различных заклинаний. Следовало отметить, что Илиана не могла наделить кого-либо новыми умениями или колдовством — она лишь раздвигала существующие границы, как в случае с волнами Луаны. Девушка не научила Сирелину новому заклинанию — она открыла ей иные горизонты, возможность оперировать совсем другими массами воды, нежели прежде. Закосневший на определенном рубеже ум чародейки, даже обретя значительно большее могущество, частенько просто не осознавал его, продолжая действовать в прежних масштабах, хотя она давно их перешагнула. Вероятно, что-то такое и имела в виду воспитанница, когда упомянула разницу между взрослой чародейкой и молодой послушницей. Сражение за башню Ардо не обошлось без прямой энергетической подпитки Илианой, но в целом Сирелина непрерывно развивалась, и поэтому не могла запретить девушке проделывать то же самое с другими. Более того, она негласно это поощряла, считая, что драгоценное время упускать нельзя, так что пусть Илиана помогает тем, кому посчитает нужным. И пока Настоятельница соображала

что к чему, девушка самостоятельно выбирала объекты своего воздействия. Перепало даже Димиуре. Та, похоже, даже не осознала отчего вдруг стала лучше понимать своих крылатых подопечных, имея от природы соответствующие данные, незаметно подстегнутые Илианой. Не обошла она вниманием и Арадору, за которую попросила Сирелина. Попросила хотя бы в качестве наглядного примера, чтобы ее собственная наставница поняла о чем идет речь. Илиана сделала гораздо больше, и не ограничилась простой демонстрацией. Не отказала она и Дармиле, когда та, смущаясь, пришла в надежде еще на один сеанс. Словом, девушка не сидела без дела, и к ночи валилась на постель как ударно потрудившийся в забое шахтер.

Однако бывали и специфические исключения. Особая история вышла с Галаной. Илиана не забывала про друзей, поэтому то и дело улучала минутку, чтобы проведать их на новом месте. Девчушку с косичками уже определили на учебный курс и выбирали ей наставницу в соответствии с ее талантом. Если молодых людей не выпускали дальше гостевой зоны, то Галане довольно быстро разрешили гулять по обители в сопровождении кого-нибудь из чародеек. Наибольший восторг у нее вызывали колдовские сады, и Илиана разделяла это чувство. Огромные залы, сочившиеся чародейской энергией, наполняло такое несметное количество изумительных посадок всех форм и расцветок, что аж дух захватывало. Там можно было гулять бесконечно, наслаждаясь красотами колдовской флоры, не способной произрастать в обычном мире. Сирелина ничуть не приукрасила, когда некогда расписала перед воспитанницей великолепие оранжерей обители и садоводческое искусство чародеек. Да, они действительно знали толк в этом деле, в чем Илиана и Галана смогли убедиться лично. Сад в подземелье Абериджа произвел на них глубокое впечатление, но он был лишь бледным подобием того изобилия, что цвело в чертогах Альмирстала. Пользуясь выдавшейся возможностью, Сирелина повела подопечных на прогулку и беседовала с Илианой, пока Галана бегала неподалеку, осматривая достопримечательности очередной оранжереи. Остановку сделали у большого фонтана, орошавшего соседние с ним участки. Это был непростой фонтан. Из искусно высеченной скульптурной композиции растекались струи воды, но растекались не так, как это происходит в обычных садах, а очень даже по-особому. Часть струй привычно падала в бассейн под действием силы тяжести, но часть, изгибаясь причудливыми дорожками, протягивалась прямо в воздухе, длинными ручейками разбегаясь в стороны. Складывалось впечатление, будто в нескольких ярдах от земли проложены невидимые трубы, наполненные бе-

жавшей по ним поблескивающей жидкостью. Достигнув заданного места, ручейки проливались на посадки большими и малыми каплями, превращаясь то в облако мельчайшей водяной взвеси, а то в крупные алмазные брызги. Говорят, за бегущей водой можно наблюдать бесконечно. В случае с зачарованным фонтаном это правило действовало безотказно, ибо трудно было оторвать глаза от круживших в воздухе потоков, скользивших по спиралям и иным замысловатым траекториям. Разумеется, не обязательно было прибегать к таким изыскам, но чародейки совмещали полезное с прекрасным, приукрашивая и облагораживая все, с чем имели дело. Поэтому обычный фонтан, использовавшийся для пусть и не совсем обычного орошения, превратился в произведение колдовского искусства.

В мраморной чаше бассейна, обрамленной окантовкой из чистого золота, плавали многочисленные цветастые рыбки, забавно тыкавшиеся в опущенные в воду пальцы. Галана, усевшись на краешек чаши, весело смеялась, играя с ее любопытными обитателями. Стоявшие рядом спутницы невольно улыбались, глядя на беззаботное веселье девчушки с косичками. Ей позволили сплести венок из колдовских цветов, и теперь от ее головы исходило мягкое сияние, то и дело сыпавшее на плечи крошечные искорки. Не только Сирелине, а даже Илиане было отрадно наблюдать бесхитростную детскую радость, хотя девушка формально была младше Галаны. Вот только теперь ей давали не меньше двадцати двух лет. Никто до сих пор не понимал что происходило с ее возрастом. Сирелина, по зрелому размышлению, категорически отмела версию с ускоренным старением. Это было нечто иное, но что именно — она не знала. Быстрое взросление Илианы являлось такой же загадкой, как и все остальное связанное с воспитанницей, и чародейка надеялась, что сестры в обители помогут приподнять завесу хотя бы некоторых из ее тайн. Впрочем, шансов на это было мало, раз даже древняя Сфера, обладавшая многими утраченными знаниями, не смогла навести ясности. Кроме того, сестры сейчас поглощены совсем другими заботами, и им просто не до разгадывания головоломок пусть даже такой удивительной девушки как Илиана. Для этого найдется время позже, когда обитель устоит и избавится от опасного врага.

— Как здесь чудесно! — воскликнула Галана, вдоволь наигравшись с рыбками. — Спасибо, что вы меня сюда привезли!

Растроганная Сирелина ответила на протянутые ей объятия, невольно подумав о том, чего чародейки обычно лишены. Стоило ли все это могущество тихого счастья с Бэйлом в уютном домике, наполненном звонким смехом резвящейся детворы? Подозрительно

шмыгнув носом, чародейка сделала вид, что увлечена игрой света в журчащей воде фонтана. Галана тем временем стиснула Илиану, встречу с которой считала одним из самых важных событий в своей жизни. Девушка ласково обвила ее руками, невольно обдав волной жизненной силы.

— Огонь, — вдруг сказала Галана.

Сирелина, живо придя в себя, невольно закрутила головой по сторонам, соображая где пожар. Илиана машинально последовала ее примеру. Услышать такое вблизи плескавшейся воды было очень неожиданно.

— Везде огонь, — снова произнесла девчушка каким-то не своим голосом.

До ее спутниц, так и не обнаруживших источника пламени, дошло, что его тут и нет и не было. Илиана заглянула Галане в глаза. Те превратились в бездонные черные колодцы.

— Земля горит. Горят леса. Горят города. Все в огне, — отрывисто продолжала Галана, с усилием выговаривая рубленые фразы. — Огонь сжигает все.

Сирелина, сообразив, что происходит, обменялась с Илианой тревожным взглядом. В ее воображении немедленно возник Липкий огонь, пожирающий все, к чему он прикасался. Но почему в таких масштабах?..

— В огне нет жизни. В нем живут лишь Они. И Они идут, — глухо произносила Галана. — Под ними все пылает. Дома... Деревья... Луга и поля. Песок и камни. Дотла. Ветер разносит пепел. Пустыня. Остается лишь пустыня.

Чародейка и ее воспитанница, не издавая ни звука, слушали во все уши, боясь шелохнуться.

— Они идут. Их пламя сжигает все. Императрица. Они идут к ней. Они не остановятся. Ничто их не остановит, — слово за словом изрекала Галана. — Их много. Очень много. Легионы. Несметные полчища.

Сирелине стало очень неуютно. Ясновидящие частенько наводили туману, предполагавшему множественные разночтения, но услышать ТАКОЕ... Илиана тоже заволновалась, но совсем по другой причине. Девчушка похолодела как лед. Мертвенная бледность разливалась по ее только что румяному лицу, становившемуся каким-то пугающе безжизненным. А воздействовать сейчас на нее своими способностями ни в коем случае нельзя.

— Они идут, — повторила Галана. — Их все больше. Они идут к своей цели. Они сожгут все на своем пути. Они так уже делали. Они делают это снова. Они не остановятся. Связь сильна. Императрица. Они должны завершить начатое.

Девчушка задрожала. Силы покидали ее, дыхание прерывалось. Илиана, не на шутку перепугавшись, решала что будет хуже: рискнуть прервать ее видение или же дожидаться его окончания?
— Они идут, — снова и снова повторяла Галана. — Очаг пробудился. Он уже пробуждается. Он не закроется. Ничто его не закроет. Императрица. Они идут к ней. Они слышат зов. Без нее они не уйдут. Только тогда… Связь сильна. Земля горит… Они идут.
Глаза девчушки закатились. Умолкнув, она рухнула на руки Илианы.
— Неси аптечку! — крикнула та чародейке. — Скорее!
— Зачем? Помоги ей сама! — невольно удивилась Сирелина.
— Не могу! — воскликнула девушка. — Это убьет ее! Скорее же, ну!
Оставив вопросы на потом, чародейка вихрем куда-то умчалась. Вернулась она спустя пять минут, притащив большую коробку со всякой всячиной. В каждом чертоге имелся свой запас на все случаи жизни. Чародейки тоже были людьми, и как простые люди они могли пораниться, получить травму, заболеть или упасть в обморок. Надежные средства неотложной помощи всегда должны быть под рукой. Илиана, бережно уложив Галану на песок, брызгала на нее водой из фонтана, дышала на ледяные руки и осторожно растирала асбестовые щеки. Выхватив у Сирелины коробку, девушка, порывшись в ее содержимом, извлекла пару разноцветных флаконов. Несколько капель одного она влила Галане в рот, а другим смочила виски и запястья. Третий пузырек сыскался чуть погодя. Позвенев различными склянками, Илиана свинтила с него крышку и поднесла горлышко девчушке к носу. Та едва дышала, но ее ноздри все же улавливали испарявшуюся из пузырька жидкость.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем девчушка, глубоко вздохнув, задышала уверенно и ровно. На ее лицо постепенно возвращался румянец, а само оно перестало напоминать гипсовую маску. Сердцебиение стабилизировалось, руки потеплели. Илиана провела рукой по лбу, испытывая невероятное облегчение.
— Теперь все будет хорошо, — констатировала она, посмотрев на чародейку.
— Что случилось? — быстро спросила та.
Из них двоих в целительском искусстве воспитанница соображала лучше, поэтому Сирелина молча сидела рядом, пока девушка хлопотала над Галаной.
— Видение. Очень сильное. Гораздо сильнее прежних, — ответила Илиана.

— Я догадалась, — заметила чародейка. — Я имела в виду другое. Почему ты сказала, что твое вмешательство ее убьет? Ты же исцеляла даже смертельные раны.
— Из-за ее дара, — пояснила девушка. — Чем сильнее видение, тем опасней оно для провидца. За самые мощные можно заплатить жизнью. Ведь ты сама мне как-то об этом рассказывала. Именно поэтому я старалась не развивать способности Галаны, чтобы не подвергать ее опасности. Похоже, я сейчас случайно спровоцировала прорицание своей энергией. Из-за этого оно приняло столь яркую, но угрожающую форму. Я не могла вливать в Галану жизненную силу, так как это немедленно сказалось бы на ее способностях, а она и так едва дышала. Пытаясь исцелить девочку, я убила бы ее прямо у себя на руках.
— Значит, тебе совсем нельзя воздействовать на Галану? — поразилась Сирелина.
— Почему нельзя? Можно. Просто очень аккуратно и не во время приступов ясновидения, — уточнила Илиана. — А вот ее и без того серьезный дар, увы, лучше оставить как есть. Иначе он однажды сожжет ее как свечку.
— Теперь поняла, — пробормотала чародейка.
Галана уже выглядела почти нормально. Ее ресницы затрепетали, но глаза все еще оставались закрытыми.
— Как ты думаешь, о чем она говорила? — задумчиво спросила Сирелина. — Такое предсказание сложно с чем-то перепутать. Я сперва было подумала про Липкий огонь, но тут явно не те масштабы.
— Понятия не имею, — покачала головой девушка. — Ты же у нас спец по колдовству и всяким тварям. Кто такие Они, о которых постоянно упоминала Галана?
— На ум приходят лишь те, с кем якшается Дегонис и его подельники, — потерла лоб чародейка.
— Ты полагаешь, это было видение вероятного будущего? Того, где черные колдуны исполнили задуманное и установили свой новый мировой порядок? — обеспокоилась Илиана.
— Похоже на то, только все равно слишком многое не вяжется, — протянула Сирелина. — Им не под силу призвать легионы демонов. Для этого требуется нечто большее, чем одни лишь потуги Дегониса и всех его Манипуляторов. И эта императрица? Я не знаю никого, кто подходил бы на эту роль. Вообще никого.
— Это сейчас. Но если предположить, что ад-Сейдин все-таки построит свою Империю, то… У него есть наследник, принц Камаль, однако если с ним что-нибудь случится, то власть вполне может перейти к другому кровному потомку, — поразмыслив, неторопли-

во сказала девушка.
— Постой, ты хочешь сказать… Неужели ты имеешь в виду?.. — не договорив, ахнула Сирелина, сообразив, куда клонит воспитанница.
— Да, я имею в виду Талару, — кивнула Илиана. — Она принцесса крови по праву рождения. Я полагаю, такое развитие событий отнюдь не исключено.
— Но почему? Даже если так, почему вдруг она станет мишенью? — допытывалась чародейка.
— Унаследовав империю отца, она изгонит черных колдунов. Возможно, объявит их вне закона так же, как хан сейчас объявил чародеек. Уж мы-то с тобой в курсе почему, — пояснила девушка. — А тех это вряд ли устроит, и кто знает какими средствами они попытаются удержаться у власти. Или отомстить тому, кто низверг их с вершины в пропасть.
Сирелина, взвесив все за и против, нашла такую версию не лишенной смысла. Хорошего, правда, в ней все равно было мало, учитывая заявленное развитие событий, но утешал тот факт, что провидцы предсказывали возможное будущее, а не гарантированно свершающееся. Существовали и разночтения, чья ширина варьировалась в зависимости от четкости и конкретности видения, хотя в данном случае особых альтернатив не наблюдалось. К описанному Галаной было крайне проблематично притянуть какое-либо другое событие, так что Илиана, пожалуй, была права. Сомневаться же в предсказаниях девчушки не приходилось. Сирелина присутствовала при ее откровениях впервые, но Илиана уже имела возможность убедиться в их не безосновательности. Да и ребята в Аберидже успели кое-что рассказать…
— Знаешь, что это означает? — вдруг с самым серьезным выражением лица произнесла чародейка.
— Что? — невольно спросила девушка.
— Что принятых Советом мер все-таки недостаточно, — пришла к выводу Сирелина. — В противном случае наша провидица сейчас не увидела бы нахлынувший на нее кошмар.

Пришедшая в себя Галана как обычно ничего не помнила с того момента, как ее посетило видение. Спутницы, многозначительно переглянувшись, не стали посвящать ее в детали собственного же предсказания, чтобы почем зря не пугать хлопавшую глазами девчушку. Эта тема предназначалась совсем для других ушей. Они погуляли еще немного по оранжерее, давая девочке возможность полностью восстановиться, а потом Сирелина отвела ее к занимавшимся врачеванием сестрам — так, на всякий случай. Илиана все еще побаивалась применить к Галане свою силу,

поэтому было решено прибегнуть к традиционным методам.

Сирелина просто из кожи вон лезла, чтобы убедить Совет перейти к более решительным действиям. Частично ей это удалось. Было, разумеется, наивно полагать, что старшие сестры не в состоянии обойтись без ее вмешательства и только и ждут предложений Странствующей сестры как манны небесной. Вместе с тем они признавали обоснованность прежних доводов Сирелины. К ним вовремя не прислушались, и теперь ей шли навстречу как бы в качестве реверанса, не оправдывая свои ошибки и не желая допускать новых. Идея с горгульями посетила не одну Сирелину. Когда она явилась переговорить с наставницей, та сообщила, что уже думала об этом. Более того, в прежние времена чародейки активно использовали крылатое воинство, о чем можно найти упоминание в летописях. Правда вряд ли это были нынешние привычные к мирному существованию горгульи, но выбирать особо не приходилось. На Совете Арадора выдвинула предложение немедленно начать обучение воздушной армии, а Сирелина добавила про необходимость разместить ее не в обители, а сразу в Данерхейме. Первый пункт вопросов не вызывал, и, поскольку все чародейки уже обдумывали подобный шаг, он был принят единогласно. Обсуждение второго затянулось, но в конечном счете Сирелина сумела убедить достаточно старших сестер, чтобы голосование прошло в ее пользу. Крепость будет прикрыта с воздуха должным образом, и пока армия Ганхельда защищает ее на земле, горгульи закроют для врага небо. Вот только они, скорее всего, значительно уступают кронусам числом. Стало быть, требуются дополнительные меры, чтобы выровнять баланс и не допустить бомбардировки Данерхейма Липким огнем. Немезия взяла этот вопрос на себя, обещая решить его как можно скорее. В самом деле, кому как не заведующей Запретным чертогом подготовить оружие против порождения темного колдовства?

Вот идея с превентивными атаками необходимой поддержки не нашла. Точнее, не нашла в данный момент. Старшие сестры, еще раз внимательно выслушав аргументы Сирелины, пришли к заключению, что они не лишены здравого смысла. Вместе с тем сейчас требуется в первую очередь выстроить оборонительный рубеж у перевала, а лишь затем переключаться на что-то еще. Одни только Тексенумы требуют колоссальных усилий по транспортировке, установке и настройке. Чтобы покрыть всю многомильную оборонительную линию Данерхейма обители потребуется использовать все свои резервы, как материальные, так и человеческие. В наведении чар будут задействованы все наиболее могущественные сестры, включая Совет. Его временный переезд в крепость состо-

ится не раньше, чем того потребует прямая необходимость, но продолжительность пребывания окажется в зависимости от дальнейшего развития событий. Что же касалось служительниц Гексенхаммера, то им также не стоит распыляться по огромной территории, существенно снижая эффективность своей деятельности. Пусть лучше они сосредоточатся на Орнхольме. Ганхельд уже потерян, а в соседние страны ад-Сейдин не пойдет, если уж нацелился выйти к Лорданскому перевалу. Гексенхаммер не допустит активизации темного колдовства во владениях князя Сильвура и в первую очередь на подступах к Данерхейму. Это приоритетная задача. Сирелина, безусловно, права, когда заявляет, что Ливьянские болота нельзя оставлять без внимания, однако и соваться туда наобум также не следует. Пока организуется защита крепости, чародейки отправят на болота небольшую и незаметную развед-группу, чтобы оценить масштабы угрозы. На основании их доклада Совет примет соответствующее решение. Аванпостом по-прежнему остается Ардо. В Коулбридж сейчас стекаются разрозненные отряды ганхельдцев, а также множество беженцев. Каролайна с одобрения городского муниципалитета заняла в нем председательское место и теперь руководит распределением солдат и мирных жителей. На дорогах за много миль расставлены дозорные, регулярно докладывающие обстановку. Каролайна прекрасно понимает, что ей не удержать городок, если ад-Сейдин бросит на него хотя бы два армейских корпуса. В случае приближения значительных сил неприятеля она готовит Коулбридж к эвакуации в направлении Данерхейма. Гексенхаммер обеспечит надлежащую безопасность на дорогах и во всех ключевых точках княжества. Наибольшую тревогу вызывают гибридные диверсионные группы противника — черные колдуны, действующие под прикрытием армейских подразделений Красной саламандры. Столкновения с такими группами грозят малочисленным сестрам поражением и недопустимыми потерями. В этом свете предложение Сирелины, а именно сформировать отряды по тому же принципу, что и враг, Совет расценивает как вполне разумное. Только действовать эти отряды станут лишь на территории Орнхольма, а не за его пределами. С князем Сильвуром уже ведутся переговоры, так как он в первую очередь заинтересован в очистке своих земель от сеющих зло вражеских диверсантов. В ближайшее время при нем будет развернуто постоянное представительство чародеек для координации действий между Орнхольмом, королем Ганхельда и Альмирсталом. Совет, исходя из доклада Димиуры, отмечает особо ценный вклад воспитанницы Сирелины. Скорость обмена почтовыми сообщениями увеличилась в несколько раз, а их более точная ад-

ресность существенно расширила возможности чародеек. Мобильные группы получат возможность двухстороннего почтового сообщения, что прежде не представлялось возможным. В нынешних обстоятельствах данные новшества являются невероятно важными. Совет одобряет создание особой группы охраны, сформированной на основе как чародеек, так и солдат. За пределами обители эта группа будет сопровождать Илиану всегда и везде, ибо Совет не считает возможным рисковать ее феноменальным даром. Касательно использования остальных возможностей девушки старшие сестры позднее примут отдельное решение, согласуя его с Сирелиной как с представляющей ее интересы наставницей.

Арадора посоветовала Сирелине удовлетвориться решениями Совета, чтобы не вызывать раздражение старших сестер. Сейчас они относятся к ней довольно лояльно и склонны прислушиваться к ее инициативам, но перегибать палку не стоит. Арадора согласна, что Совет проявляет излишнюю осторожность, но эту осторожность вполне можно понять. Сирелина, скрепя сердце, пообещала быть сдержаннее. Ей все-таки удалось убедить чародеек перенести красную черту с Данерхейма на всю границу Орнхольма и принять часть предложенных ей мер. С остальным придется повременить. Во всяком случае, официально. Ведь никто не запрещал Сирелине заняться кое-чем самостоятельно, что она с успехом практиковала все последние годы. Кстати, плоды этой самодеятельности теперь признают и в Совете. Впрочем, не все из них. Полную версию событий в Аберидже Сирелина поведала лишь Арадоре, включая разговор со Сферой, Рефендари и Эмбринусы. Услышанное было настолько невероятным, что Арадора поначалу даже не поверила, пока Сирелина не предъявила доказательства в лице нерушимой печати. Странствующая сестра никогда не видела свою наставницу в таком восторге и смятении одновременно. Вид драгоценных камней, по факту оказавшихся Эмбринусами, произвел на нее неизгладимое впечатление, как и само открытие их существования. Когда эмоции схлынули и Арадора вновь обрела привычное ей рассудительное мышление, она сообщила, что сама переговорит с Настоятельницей, выбрав для этого подходящее время. Сделанное Сирелиной открытие вне всяких сомнений имеет колоссальную важность, поэтому Арадора даже попеняла ей за столь долгое его утаивание. Теперь же стоило распорядиться им правильно. Как именно — разговор отдельный. Сирелина должна понимать, что она не может присвоить себе все найденное в Аберидже. Печатью наверняка придется пожертвовать. Столь бесподобный инструмент должен служить всей обители, а не одной сестре. В остальном же Арадора постарается сохранить за Сирели-

ной существенные права, принадлежащие ей как первооткрывательнице. Дело будет представлено так, будто Сирелина узнала про все это лишь во время своей последней поездки, а сразу не сообщила ввиду более неотложных дел. Ведь как минимум наполовину это действительно соответствует правде.

Не забыла Арадора и про принцессу Талару, как не забыла про нее и Настоятельница. Пока этот вопрос открыто не поднимался, но старшие сестры хотели точнее узнать, на какую именно помощь они могут рассчитывать от ханской дочери. Сирелина, опустив вышеупомянутые подробности, про остальное все же рассказала, поэтому поведение Талары и ее вклад в побег из Абериджа был доведен до сведения Совета. Сирелина пообещала переговорить на сей счет с Илианой, ибо вопрос был сложный. Она хорошо помнила слова принцессы, вот только не всегда можно провести черту между ударом по черным колдунам и противостоянием ее отцу.

Буквально за день до прибытия армии Ганхельда в Данерхейм из крепости пришли неприятные вести. Во рву обнаружили нескольких Водяных и лишь благодаря повышенной бдительности чародеек они были вовремя обезврежены. Сами они там появиться ну никак не могли, поэтому сестры с утроенным вниманием обшаривали окрестности. Впрочем, обнаружить заклинателя никто особо не рассчитывал, так как тот почти наверняка давно покинул место преступления. Когда нашли логово Водяных, в нем сыскался один целый Овумус — нечто вроде крупного, с кочан капусты яйца, из которого вылупляется колдовское создание. Яйцо было поднято на поверхность при помощи воздушного пузыря. В отличие от осколков других Овумусов, уцелевший экземпляр почему-то не сработал, и Водяной из него так и не появился. Об этом никто не горевал, зато такая улика красноречиво говорила сама за себя. Сотворить Овумус по плечу только очень могущественному заклинателю, и обычная ведьма, пусть даже она злющая как черт, на это попросту не способна. Вероятно, некто подкинул полдюжины зловещих яиц в яму на дне рва и благополучно удалился, никем не замеченный. Возможно, те самые колдуны, уничтоженные в Данерхейме во время происшествия с Илианой. Собственно, и Водяных чародейки обнаружили только потому, что после этого стали хорошенько проверять всю крепость. Гексенхаммер использовал Светляков — эдакий сгусток колдовства, нечто среднее между чарами и полноценным существом. Для исследования водоемов и обеззараживания их от всякой погани трудно представить что-либо лучше. Сам по себе Светляк существовать не мог, поэтому для его использования требовалось присутствие сильного заклина-

теля, но ныне в Данерхейме в них недостатка не было. Светляк, курсируя под водой, периодически испускал яркую вспышку света, сродни той, которой сестры угощали порождения темного колдовства. Окажись одно из них неподалеку — реакция на вспышку выходила соответствующая. Светляк либо цеплялся к нечисти и сжигал ее, либо нечисть сама атаковала его примерно с тем же результатом. Водяные, получив ожоги, набросились на Светляков и эту схватку быстро проиграли, а из их логова чародейки добыли свидетельство их появления во рву Данерхейма. Противник вряд ли рассчитывал нанести какой-либо ущерб столь незначительным количеством тварей. Скорее, это был пробный шар; проверка, как приживутся воплощения темного колдовства прямо у сестер под носом. Так или иначе, теперь Гексенхаммер регулярно проверял ров и все ближайшие водоемы во избежание новых сюрпризов. Приходилось признать, что расклад сил пока не в пользу чародеек. Технически они были сильнее врага, исключая таких специфических личностей как Дегонис, но их было меньше и они просто не успевали везде и всюду. Осторожность Совета, решившего ограничиться одной лишь территорией Орнхольма, выглядела в этом свете вполне оправданной. Манипуляторы плюс пошедшие у них на поводу ведьмы брали числом, обильно плодя всякую гадость. Для опытной чародейки их потуги не представляли значительных затруднений, а служительницы Гексенхаммера и вовсе разделывались с порождениями тьмы без труда. Вот только пока они зачищали одну область, враг заражал две других. Чародейки еще могли обеспечить безопасность Орнхольма, но за его пределами отныне довольствовались самым необходимым. Такое вынужденное бездействие было довольно чревато, ибо если Дегонис и его компания продолжат в том же духе, то они превратят все северные земли в один огромный рассадник злобных порождений темного колдовства. Совет чародеек это понимал, но предпочел хорошо контролировать одну наиболее важную территорию с собственным плацдармом, нежели несколько, но посредственно.

В середине октября, когда Талара получила письмо от Илианы, армия Ганхельда вступила в Данерхейм. При штабе тут же организовали прямое взаимодействие между королем Олафом VII и князем Сильвуром, отправившим в крепость четыре полка — вдвое больше, чем он изначально обещал. Здесь же, при штабе, устроили свое представительство и чародейки, продолжавшие укреплять древнюю крепость. Судя по последним новостям, легионы Красной саламандры, покинув захваченные оплоты Ганхельда, организованно приближались к границам Орнхольма и должны были их пересечь со дня на день. Это означало, что в пределах полутора

недель они появятся у Лорданского перевала. К этому сроку чародейки рассчитывали установить огромные Тексенумы, извлеченные из закромов обители, и сплести защитные чары. Другие же оборонительные меры уже реализовывались вовсю. На башнях теперь круглосуточно дежурили дозорные сестры, приглядывавшие не только за землей и водой, но и небом. Им на помощь явились первые группы горгулий, переквалифицированных в летучих скаутов. Горгулий продолжали обучать прямо в крепости, куда с каждым днем прибывало все больше этих существ. Теперь в окрестностях Данерхейма в любую погоду постоянно кружили дозорные, высматривавшие опасность.

Двадцатого октября передовые полки Красной саламандры остановились ввиду небольшой речушки, журчавшей меж стоявшими под паром полями. Речушка была довольно живописной, как и шеренги пышных ив, клонивших к ее водам свои длинные ветви, еще не утратившие лиственное убранство. Впрочем, солдаты ад-Сейдина явились сюда отнюдь не затем, чтобы полюбоваться местными красотами. Здесь проходила граница, и по другую сторону моста начинались владения князя Сильвура. Следуя приказу, передовые части встали лагерем на холмах с южной стороны речушки, откуда открывался прекрасный обзор. Они не опасались внезапного приближения неприятеля — они дожидались, пока подтянутся остальные полки, поэтому вид быстро приближавшейся группы всадников не произвел на них особого впечатления.

Когда хану Гийюру доложили о прибытии парламентеров, он как раз созвал Малый военный совет. К завтрашнему дню вся армия соберется возле границы, и оттуда до Лорданского перевала останется решающий марш-бросок. Вот только недавние события грозили внести в план кампании существенные коррективы. Судя по донесениям шпионов, покинувшая собственные земли армия Ганхельда явилась прямиком в Данерхейм. Туда же направилось несколько полков Орнхольма, а чародейки развели невиданную прежде активность, занимаясь как крепостью, так и другими населенными пунктами княжества. Все это было очень некстати, поскольку начинало смахивать на худшее развитие событий. Предполагалось что чародейки, даже если сообразят куда направлен удар Красной саламандры, не успеют объединиться с достаточным числом северян, и потеряют перевал, прежде чем смогут кардинально повлиять на ситуацию. Теперь же выясняется, что войска хана еще не покинули Ганхельд, а чародейки уже вовсю налаживают оборону крепости. Такая расторопность наводила на некоторые соображения, невольно заставляя задумываться о серьезной утечке информации. Конечно Ад-Сейдин всерьез не надеялся дос-

тигнуть обители без сопротивления, но он уж точно не рассчитывал, что король Ганхельда неожиданно уведет все свои войска прямиком в Данерхейм. Вместо того чтобы оказаться уничтоженной, одна из крупнейших группировок северян заняла наихудшую для южан стратегическую позицию, куда теперь мало-помалу стекались и прочие гарнизоны. Князь Сильвур еще к ней не примкнул, но его дальнейшие действия наверняка будут основываться на приказах хана Гийюра. Выжидательная позиция правителя Орнхольма имела определенное преимущество, позволяя отвечать на поведение Красной саламандры, а не угадывать его. В ином случае это не играло бы особой роли, но ад-Сейдина существенно поджимало время. Возиться сейчас с князем для него недопустимая роскошь. Хан как раз слушал шепот склонившегося к нему Баратиса, традиционно представлявшего своего учителя, когда в шатер вошли приглашенные парламентеры.

Колдун и чародейка признали друг друга с первого же взгляда. Казалось, от промелькнувшей между ними враждебной искры сама атмосфера внутри насытилась предгрозовым напряжением, вызывая привкус электричества. Хан тоже догадался, что группу возглавляет не простая женщина, хотя ему куда меньше понравилось присутствие в ее свите старших офицеров Орнхольма и Ганхельда. После церемонного обмена любезностями властелин Железных земель осведомился с какой целью явились посетители.

— Только с одной: передать вам это послание, — сообщила женщина, протягивая хану большой запечатанный свиток.

— От чьего имени? — осведомился ад-Сейдин, сделав приближенным знак взять бумагу и передать ему.

— Там все написано, — лаконично изрекла женщина.

Командующий легкой кавалерией, приблизившись к чародейке, взял свиток и передал его Баратису. Придворный колдун лично проверял подобную корреспонденцию на предмет не таит ли она в себе какой-либо угрозы для повелителя. Баратис поскреб печать, намереваясь сломать ее и изучить свиток, но у него ничего не вышло.

— Можете не стараться — эту печать способен открыть только тот, кому адресовано послание, — усмехнулась чародейка.

— Верным слугам Великого хана под силу совладать с любым заклинанием, — огрызнулся Баратис.

— Это вряд ли. Если, конечно, вы не научились преодолевать могущество Рефендари, — небрежно обронила женщина.

Колдун заметно побледнел. Свиток в его руках дрогнул. Он воззрился на него так, будто только сейчас увидел.

— Властелин Железных земель может без опаски ознакомиться с

содержимым этого свитка. Единственное заклятье, лежащее на нем — заклятье неприкосновенности печати. Оно совершенно не опасно. В этом мои сестры дают слово, — сочла нужным добавить чародейка, видя колебания хана.
Тот сделал нетерпеливый жест. Баратис было запростестовал, но ад-Сейдин и слушать ничего не желал. Еще не хватало, чтобы в присутствии парламентеров его сочли трусом. Без малейшего труда сломав печать, что совершенно не понравилось колдуну, хан погрузился в чтение.

Послание оказалось довольно коротким. Союзные войска Орнхольма, Ганхельда и Альмирстала в одностороннем порядке объявляли территорию князя Сильвура неприкосновенной. Любой пересекший ее представитель Красной саламандры будет уничтожаться. Если армии ад-Сейдина перейдут границу Орнхольма, Альмирстал объявит хану войну и оставляет за собой право использовать любые средства не только для выдворения его солдат, но и для наведения порядка на землях своих союзников. Кроме того, Альмирстал приложит все усилия, чтобы колдовские силы на службе ад-Сейдина были уничтожены вне зависимости от своего местонахождения.

Дочитав, хан передал свиток командующему гвардией и воззрился на невозмутимо стоявшую женщину неопределенного возраста. Послание звучало четко и ясно. Оно не предполагало торг и ни о чем не спрашивало — оно проводило красную черту без всяких если бы да кабы. Игра в кошки-мышки кончилась. Чародейки, так и не получив от ад-Сейдина внятных объяснений, взяли инициативу в свои руки и объединили ближайших соседей. Их больше не интересовало что он задумал — они обозначали границу своих интересов, за которой начиналось открытое противостояние.
— Вы ждете от меня какого-либо ответа? — спросил, наконец, хан, нарушив молчание.
— Нет. Нам поручено лишь передать вам послание и убедиться, что вы с ним ознакомились, — ровным голосом отозвалась чародейка. — Теперь наша миссия выполнена и у нас более нет причин задерживаться в расположении ваших войск.
Баратису безумно хотелось порадовать своего учителя пленной чародейкой. До сих пор, несмотря на все старания, ни одну из них не удалось захватить живой. Впрочем, это мало кому было по силам, а у самого Дегониса и наиболее могущественных Манипуляторов хватало и иных забот. В конце концов, когда обитель чародеек будет уничтожена, колдуны смогут спокойно заняться уцелевшими и заполучить их в свои руки, а до тех пор с менее приоритетными задачами придется потерпеть. Хан, словно угадав

мысли своего приближенного, поманил к себе Хиврана.
— Проследи чтобы парламентеры беспрепятственно пересекли границу Орнхольма, — приказал он не терпящим возражений тоном. — Любой кто осмелится посягнуть на их жизнь или свободу заплатит своей головой, вне зависимости от занимаемого ранга.
Хан был человеком слова. Он без зазрения совести собирался напасть на обитель и перебить столько чародеек, сколько потребуется для претворения его плана в жизнь, но он никогда бы не посягнул ни на одну из них, пока она пребывала в охраняемом воинской честью статусе. Начальник легкой кавалерии приложил руку к груди и склонил голову в знак повиновения. Затем пригласил посланцев следовать за собой.

Малый военный совет продлился до середины ночи. Баратис, успев известить обо всем учителя, выполнял его инструкции и говорил ровно то, что велел ему Дегонис, а по большей части слушал. Верховный колдун, столкнувшись с непредвиденными событиями последних трех недель, сам был глубоко озадачен и пребывал в некоторой нерешительности. Его идеально разработанный план постигала одна неудача за другой. После провала в Фербуре и Аугосте последовал откровенный разгром у башни Ардо. Вместо того, чтобы избавиться от аванпоста Гексенхаммера и сделать Коулбридж перевалочным пунктом Манипуляторов, колдуны практически выдали свои враждебные намерения. Но кто же мог представить, что башня устоит, а ее защитники ликвидируют отправленную группу? При этом войска Ганхельда, покинув собственную страну, заняли Данерхейм, где стали объединяться с людьми князя Сильвура, и складывающая ситуация производила безрадостное впечатление. Хуже и не придумаешь. Похоже, чародейки каким-то образом пронюхали про замысел Дегониса, иначе откуда бы им знать что надо делать. Ведь что у них, что у северян была просто уйма вариантов как поступить, а они умудрились выбрать наименее очевидный, зато тот единственный, который всерьез угрожал нарушить план верховного колдуна. Они действовали столь четко и слаженно, что вероятность простой случайности быстро стремилась к нулю, заставляя предположить утечку сведений. Но как?! И от кого?! А тут еще среди северян поползли слухи о великой силе чародеек, способной исцелять умирающих и поднимать стеной реки. Этого еще не хватало! Манипуляторы так славно потрудились, подрывая боевой дух солдат и простонародья, а тут на тебе! Ломая голову над поступавшими донесениями, Дегонис впервые за долгое время перестал торопить ад-Сейдина и сам засомневался в целесообразности нанесения скорейшего удара. Близилась зима, и в случае чего армия Красной саламандры рисковала оказаться в

тяжелом положении. Победа безусловно поставит крест на сопротивлении противника и приведет к его неминуемому и окончательному разгрому. Если же если крепость выстоит, что в нынешних обстоятельствах уже не исключено, кампании грозил крах, а это тоже поставит крест, только на замыслах самого Дегониса. Верховный колдун, как ни напрягал голову, так и не мог прийти к какому-либо решению. Эх, если бы он тогда не потерял целый месяц в Калихари… Баратис, получив указания учителя и вернувшись в ханский шатер, в основном помалкивал, оценивая творившиеся в ставке настроения.

Мнения разделились. Часть советников считала, что кампанию следует отложить до весны, а дальше и видно будет. Объединение северян у Лорданского перевала не вписывается в оставшиеся сроки, а полномасштабная война с чародейками особого энтузиазма и вовсе не вызывает. Были и такие, что настаивали на продолжении похода. Дела, мол, действительно складываются не лучшим образом, но если перенести наступление на весну, то северян станет только больше. К армиям Орнхольма и Ганхельда подтянутся войска их соседей, весьма недовольных тем, что в их краях хозяйничают южане. Польстившись на щедрые посулы и подарки ад-Сейдина, некоторые из правителей были готовы на некоторое время закрыть глаза на происходящее, но лишь на некоторое. И с более внятным пониманием замыслов Властелина железных земель, чтобы самим не пасть жертвами его неуемных амбиций. Хан до поры успешно тянул кота за хвост, рассылая послов и обещая вскоре навести полную ясность. Вот только всерьез он этого делать не собирался, рассчитывая уничтожить чародеек до того, как придется давать объяснения. Его дипломатия резко ухудшится, когда все названные сроки выйдут.

У хана имелось свое мнение, но на сей раз он очень внимательно прислушивался к речам советников. Обратил он внимание и на непривычное молчание Баратиса. Поскольку голоса разделились примерно поровну, ад-Сейдин тем более не желал пороть горячку. Своей волей он мог бы отдать любой приказ, но теперь не спешил, оказавшись на распутье. Армия сосредотачивалась у границы Орнхольма и следовало решить пересечет она ее завтра или нет. Решить взвешенно и разумно. Хан ничуть не боялся ультиматума чародеек, хотя и не относился к нему легкомысленно. Ввиду их стратегической позиции он опасался не успеть осуществить задуманное. Пора было, однако, принять один из вариантов и закругляться, иначе совет без толку прозаседает до утра. Поднявшись, ад-Сейдин призвал приближенных к молчанию. Все напрягли слух, желая узнать что сейчас сообщит повелитель. Это, однако,

так и осталось неизвестным. В шатер, откинув полог, вошел запыхавшийся гонец и, поклонившись, вручил хану срочное донесение. Развернув бумагу, тот быстро прочел содержавшиеся в ней строки; затем положил на стол перед собой, на который как-то неожиданно тяжело оперся руками. Присутствующие продолжали молчать, ожидая когда ад-Сейдин что-нибудь скажет. Выражение его лица оставалось совершенно неопределенным, но некоторые заметили, что через лоб пролегла глубокая складка.

— Это от Дир Абала, командующего флотом, — изрек вдруг хан Гийюр спокойным голосом, в котором едва улавливались обуревавшие его эмоции. — Из-за рано ударивших морозов верховья Шиалы сковал лед. Чтобы не допустить гибели кораблей, командующий был вынужден отдать приказ отступить к Тиролю. Передовые части Ранхельма уже переправляются на западный берег.

К вечеру следующего дня в Данерхейме, а затем и в Альмирстале узнали чрезвычайно важную новость: легионы Красной саламандры покидают приграничную зону и отступают.

– 7 –

Каждый раз, когда Талара считала, что хуже уже и быть не может, выяснялось обратное. Попадая в очередные неприятности она обещала себе впредь стать осмотрительнее, но каждый раз все повторялось, просто на новый лад. Принцесса была не в состоянии обойтись без приключений на свою голову, и, формально помня про данный зарок, постоянно находила оправдание очередной затее, усердно претворяя ее в жизнь. Вот и теперь, сидя у костра, ханская дочь задумчиво созерцала игру пламени, весело вздымавшего оранжевые язычки к ночному небу, и размышляла о текущем положении вещей. Припоминая все свои предыдущие выходки, она приходила к выводу, что последняя получилась совсем из ряда вон. В сравнении с ней остальные смахивали скорее на детские шалости. Да, нынче уж точно хуже не придумаешь. И угораздило же ее встрять в такие неприятности?.. Что же теперь будет?.. Таларе, впрочем, означенные мысли были не в новинку, и они посещали ее всякий раз, когда девушка с головой окуналась в новое кстати подвернувшееся дельце, а затем, хлебнув лиха, соображала как докатилась до жизни такой. Правда было не исключено, что грабли, на которые она с завидной регулярностью наступала, и впрямь постепенно становились все толще и мимикрировали под другой садовый инструмент, щедро разбросанный вокруг обители ее неугомонного характера.

— О чем призадумалась? — поинтересовалась Илиана, усаживаясь

рядышком.
Талара, встрепенувшись, слабо улыбнулась. Исходившее от костра тепло заметно усилилось близостью подруги. Как ни крути, все-таки есть в ее нынешнем положении и свои плюсы: она вновь со своими друзьями и может пойти с ними куда пожелает. Ну, с определенными, конечно, ограничениями, учитывая их нынешний статус.
— Да так, особенно ни о чем, — отмахнулась принцесса.
— Ты же в курсе как непросто меня обмануть, — укоризненно покачала головой Илиана. — Я не умею читать мысли, но хорошо чувствую эмоциональный фон, особенно дорогих мне людей. Твой сейчас далек от гармонии и счастья.
— Я не знаю когда смогу вернуться, если вообще смогу, — вздохнув, посетовала Талара. — С вами, конечно, здорово, особенно с тобой, но боюсь даже представить что обо мне думает отец… И увижу ли я его снова.
Илиана живо догадалась какие именно думы обуревают ее лучшую подругу.
— Все образуется, — ласково сказала она, обняв принцессу за плечи, и та тут же ощутила, как все тревоги уходят, будто вода сквозь песок.
Это было совершенно непередаваемое чувство, сродни наивной детской уверенности во всемогущих родителей. Вот они пришли, и теперь действительно все будет хорошо — мир вновь наполнился красками и светом, и одно их мановение руки живо избавит от любых проблем. Талара, нежась в убаюкивающих ее незримых волнах, сознавала, что неприятности на самом деле никуда не делись, но они перестали ей досаждать, и девушка искренне наслаждалась окутавшим ее теплом и покоем.
— Эй, дорогуши, вы давайте особо не рассиживайтесь — у нас завтра трудный день, — бросила проходившая мимо костра Сирелина.
Чародейка по привычке обходила дозором окрестности, куда прихватывала с собой и Бэйла. Илиана не могла круглосуточно находиться на дежурстве, поэтому традиционные меры предосторожности никто не отменял. Впрочем, гладиатор Сирелине вроде был особо ни к чему, поэтому девушки понимающе переглядывались, издавая подозрительное хихиканье. Талара машинально осмотрелась по сторонам. Час был и впрямь поздний. Три юных чародейки уже вовсю почивали, забравшись в отдельно стоявшую палатку, и свет у них был погашен. Из другой, расположенной несколько в стороне, давно уже доносилось молодецкое похрапывание заклинателей стихий. Сирелина же отправляла спать своего верного

Бэйла, собираясь взять на себя вахту первой трети ночи. Принцессу и ее лучшую подругу ждала четвертая палатка, со всех сторон окруженная устроившимися на ночь спутниками. Илиану традиционно старались опекать, и любой кто попытается к ней приблизиться сначала наткнется на кого-нибудь из ее свиты.
— Она права, — поддакнула Илиана. — Пойдем, завтра нам понадобятся силы.
Талара, умиротворенная успокаивающим влиянием подруги, зевнула во весь рот и почувствовала усталость, вызывавшую непреодолимое желание склонить голову на подушку. Одна только мысль о мягкой постели казалась сейчас настоящим блаженством. Позволив увести себя в палатку, принцесса растянулась на постели и практически сразу провалилась в сон. Она только и успела подумать о том, что все не так уж и плохо, а в ее неприятностях друзья уж точно не виноваты. Талара сама вызвала Илиану в Солтенстил и та приехала, несмотря на протесты ее окружения и угрожавшую опасность. И если уж Илиана рискнула всем ради своей подруги, то самой этой подруге просто грех жаловаться на свои беды, ставшие следствием не слишком обдуманной затеи. Все образуется. Скоро черные колдуны получат такой удар, от которого не скоро смогут оправиться, если вообще смогут. А когда эта гнусная свора получит по заслугам, Талара сумеет вернуться домой, откуда столь поспешно сбежала, едва унеся ноги. Все образуется…

* * *

Семнадцатилетие младшей принцессы крови отпраздновали весьма пышно. Вся столица гадала будет ли хан присутствовать на столь знаменательном для него событии, которое он старался никогда не пропускать. Большинство склонялось к тому, что он не покинет армию в самый разгар боевых действий. Когда войска неожиданно для всех прекратили наступление и отошли, а хан вернулся в Солтенстил, кое-кто даже заподозрил, что он приостановил кампанию исключительно ради дочери. На деле это было простым стечением обстоятельств. Ад-Сейдин, безусловно, очень хотел повидать Талару на ее день рождения, но дела традиционно удерживали его вдали. Он даже подумывал вызвать дочь к себе в ставку под охраной целого армейского корпуса, но произошедшие события позволили ему самому прибыть аккурат к торжествам. Морозами в северных краях никого не удивишь, но в этом году они ударили раньше обычного, и ударили сильно. Лед образовывался прямо на глазах, угрожая в одно прекрасное утро сковать корабли в крепкие оковы. Флот Красной саламандры, блокиро-

вавший Шиалу, вынужден был уйти южнее, и восточная часть северных земель немедленно стала переправлять войска на помощь западным соседям. Это послужило последним аргументом, вынудившим ад-Сейдина отложить кампанию до весны. Решение далось ему непросто, учитывая что победа была близка, но и риск становился слишком велик. Армия ушла на зимовку в Фербур и Аугост, а сам хан, пользуясь случаем, немедленно отправился на встречу с Таларой.

Во всем великолепии церемонии внимательный глаз подмечал и весьма интригующие детали. Повелитель приказал установить по свою левую руку малый трон для дочери. Доселе такой трон стоял лишь справа и предназначался для наследного принца, возвращавшегося сейчас с флотом в Тироль. Впервые за долгое время около правителя Железных земель появилась особа женского пола, пусть даже его ближайший родственник. Большинство расценило это как жест отцовского внимания, подчеркивающий важность любимой дочери — только и всего. Более внимательные отметили, что к трону Талару вместе с ханом подвел и визирь, а позади нее встали ди-Орт и да-Эрудан, то есть пользующийся в армии наибольшим авторитетом военачальник из древнего благородного рода и командующий лейб-гвардией ад-Сейдина — олицетворение беспрекословного подчинения повелителю. Конечно это еще ничего не значило и могло быть связано исключительно со статусом и новой должностью принцессы, официально вступавшей во власть, однако заставляло и призадуматься. То, что хан выделил дочери собственный гвардейский полк, также казалось довольно естественным. Они имелись и у других дочерей, сопровождая их в поездках. Вот только старшие совершенно равнодушно относились к такой привилегии особ правящего дома, в отличие от младшей. Талара лично назначила командира своих гвардейцев, и ее выбор пал на того офицера, что некогда был куратором нирелинок, приглядывая за ними с самого первого дня их появления во дворце. У принцессы имелись основания полагать, что этот гвардеец недолюбливает колдунов и старается не иметь с ними никаких дел, особенно после того, как он сообщил ей сведения о сопровождении Дегониса. Кроме того, он всегда отменно обращался с вверенными ему заложниками и Илиана ни разу на него не пожаловалась. Взвесив все за и против, Талара решила, что именно такой человек ей и нужен, с прицелом на грядущую борьбу с ненавистной сворой черных колдунов. Лейтенант Хашум, до глубины души польщенный неожиданным выбором ее высочества, враз очутился в звании полковника и на церемонии стоял позади ее трона рядом с самыми могущественными людьми Империи. Продлилась она

долго, со всей надлежащей роскошью и почестями, а после ныне полковник Хашум гордо гарцевал на коне, сопровождая принцессу по Солтенстилу во главе своих подчиненных.

Гвардейцы южан весьма необычно контрастировали с западными рыцарями, ехавшими подле своего сюзерена. Маркиз дю Бренталь принял приглашение Талары и приплыл на своем фрегате аккурат за день до знаменательного события. С ним прибыло еще несколько больших морских судов, гордо покачивавшихся на волнах в порту Солтенстила. Король Фолькона простил маркизу ту выходку с отплытием высокой гостьи, да и хан Гийюр по зрелому размышлению не держал на него зла. Совсем наоборот, нашел, что желание его дочери очень кстати для налаживания дипломатических связей, а герцог Шеронский для нее весьма подходящая компания, учитывая его происхождение, влияние и богатство. У герцога в вассалах числилось порядка двухсот рыцарей, каждый из которых в свою очередь мог призвать под свое знамя несколько оруженосцев и до сотни пехотинцев. Внушительная получалась армия, составлявшая около четырех армейских корпусов Железных земель и способная самостоятельно вести крупные войны. И это не говоря о нескольких королевских кораблях, находившихся под началом дю Бренталя, и двух полках арбалетчиков — род войск исключительно западного образца, чрезвычайно интересовавший ад-Сейдина. Решительно герцог — крайне полезная компания для принцессы, и хан не только не препятствовал, а и всячески поощрял это кстати завязавшееся знакомство. По окончании торжеств он создал все условия для того, чтобы Талара показала гостю достопримечательности его столицы и ее окрестностей. Сам же немедленно занялся другими государственными заботами.

Первым делом ад-Сейдин постарался ускорить брак своей старшей дочери с Тамиром аль-Харуддином — наследным принцем Зелистанского ханства. В нынешних обстоятельствах властелину Железных земель позарез требовался надежный союзник на востоке, способный взять на себя часть забот по обеспечению безопасности Империи. Пока ад-Сейдин будет вести войну на Севере, Хусейн аль-Харуддин удержит своих соседей от нежелательных действий. Ведь правители еще не вошедших в Империю государств хорошо понимали что их ждет, и в случае объединения вполне могли нанести по Красной саламандре упреждающий удар. Особенно теперь, когда ее основные части встали на зимовку в северных краях. Этого следовало избежать, и родственный союз с Зелистанским ханом обеспечит ад-Сейдину необходимую поддержку вплоть до союза военного. Даже если аль-Харуддин не станет вести боевых действий самостоятельно, соседи уже не ос-

мелятся напасть на Империю зная, что он находится у них за спиной. Если же хан Зелистана присоединится к кампании, то будет вообще лучше некуда. Так или иначе, залогом успеха была свадьба между принцессой Лейлой и принцем Тамиром, для чего хан Гийюр предпринимал все от него зависящее, чтобы сие знаменательное событие приключилось как можно скорее. Никто и опомниться не успел, как об этом браке стало известно во всеуслышание, а его примерной датой назначили середину декабря текущего года. Ад-Сейдин посулил за своей дочерью настолько соблазнительное приданое, что аль-Харуддин согласился не затягивать с бракосочетанием и дал на него свое отеческое благословение. Вероятно, пообещал он и кое-что еще, поскольку властелин Железных земель был переговорами весьма доволен.

Никто кроме хана Гийюра не знал, что здесь ключевую роль сыграл Дегонис. Его Манипуляторы хорошенько обработали коекого из сановников Зелистана, заручившись их поддержкой, а сам верховный колдун организовал львиную долю приданого, заключавшегося в ящиках с золотом. Дегонис был слегка не в духе от пришедшихся на его долю забот, но отнюдь не потому, что был недоволен таким развитием событий. Наоборот — он всячески способствовал союзу двух домов, без которого северная кампания, и без того оказавшаяся в подвешенном состоянии, могла и вовсе пойти прахом. Верховного колдуна беспокоили ресурсы, без которых получение золота становилось невозможным, а чем больше требовалось золота, тем острее ощущалась их нехватка. Каких именно — с некоторых пор хорошо знала Талара, поведавшая обо всем в отправленном с совой послании. Ведь ей с некоторых пор открылась страшная тайна об источнике пополнения казны. Слухи о богатстве Железных земель были небезосновательны, и они помогали поддерживать веру в бездонную сокровищницу хана Гийюра. Государство действительно процветало, и его экономика давно находилась на подъеме, иначе ад-Сейдин попросту не смог бы всерьез задумываться о построении новой Империи. Войну надо на что-то вести, а государственные институты — содержать. Без помощи колдуна он какое-то время прекрасно справлялся самостоятельно, но расходы увеличивались и бесконечно долго так продолжаться не могло. Северная кампания ввиду своей срочности окончательно истощила казну, изрядно потратившуюся на предыдущие завоевания. Продолжение военных действий сулило рост недовольства среди населения Железных земель, быстрое увеличение долгов и прочие весьма неприглядные вещи. Ад-Сейдин был слишком умен, чтобы воевать без оглядки на благополучие своего государства. Несколько мирных лет были вполне способны

восстановить финансовый дефицит, но Дегонис убедил повелителя не ждать, пообещав организовать ему такую поддержку, которой не имел ни один властелин. И он ее действительно организовал, регулярно отправляя в казначейство Железных земель золотые слитки, полученные при помощи его великого алхимического искусства. Ад-Сейдин, обретя столь мощный неиссякаемый ресурс, выражавшийся в полновесном золоте, получил от Дегониса гарантии его возобновления и окончательно дал себя уговорить на старт северной кампании. Талара не ошиблась в своем отце. Если бы хан знал каким именно образом верховный колдун получает золото, то всякие отношения между ними закончились бы раз и навсегда. Увы, обретение желаемого слишком часто ослепляет. Ад-Сейдин искренне верил, что Дегонис — могущественный колдун и гениальный алхимик, служащий делу рождения новой Империи. Отчасти это так и было, вот только Империю колдун строил для себя, а получение золота оплачивалось живой кровью, и чем больше требовалось слитков, тем больше этой крови проливалось. Счет жертв пошел на тысячи, и Дегонис был не в духе именно из-за того, что его Манипуляторам становилось все труднее похищать подходящих людей и не вызывать при этом подозрений. Утилизация человеческих тел тоже превращалась в настоящую проблему. Порождения тьмы, от глустров до кронусов, пировали вволю, питаясь расчлененными трупами, только их еще как-то надо было доставить до места назначения свежими и незамеченными. С одной стороны, ту же крылатую армию на Ливьянских болотах было чем кормить, и она росла как на дрожжах. С другой — попробуй доставить в такую даль уйму контейнеров с человеческим мясом, да так чтобы оно не испортилось и чтобы об этом никто не пронюхал. Контейнеры надежно опечатывались чарами, сохранявшими груз от случайного вскрытия и протухания, и в сопровождении Манипуляторов отправлялись куда следует. Данные колдунам полномочия и армейское сопровождение позволяли избегать досмотровых процедур и в целом ситуация с жертвами оставалась под контролем. Только сохранять этот контроль с каждым днем становилось все тяжелее.

Второй ключевой идеей ад-Сейдина было привлечение к полномасштабным боевым действиям своих союзников, а именно эмиров Аешского, Дирзунского и Бушерского. Весной армия Красной саламандры столкнется с удвоенным по численности противником. Хан, разумеется, подтянет в Ганхельд новые соединения. Соглашение с аль-Харуддином позволит ему перебросить дополнительные корпуса заодно с теми, что он не успел использовать ввиду быстроты удара. Таким образом ад-Сейдин рассчиты-

вал компенсировать разницу с увеличившимися войсками северян, вернув себе значительное превосходство в живой силе. Его легионы атакуют главную цель, в то время как армии эмиров оттянут на себя противника сразу на трех разных участках. При этом их армии пойдут в бой первыми, и если противник на них не отвлечется, то они, не встречая особого сопротивления, начнут продвигаться вглубь северных земель до тех пор, пока не вынудят северян передислоцировать часть войск. Такой маневр автоматически ослабит их центр, куда тут же устремится Красная саламандра. Колдуны Дегониса вместе с лояльными им ведьмами продолжат вести свою диверсионную деятельность, осложняя противнику жизнь настолько, насколько вообще возможно.

Да, план был хорош. Оставалось лишь дождаться весны, когда флот снова перекроет верховья Шиалы, а малогабаритные ладьи сумеют пробраться по впадающим в нее притокам. В этом, собственно, сейчас и заключалась главная задача. Уйти из северных земель означало потерять все достижения кампании и весной начинать все сызнова, а ведь до Лорданского перевала было практически рукой подать. Однако не покидать завоеванные территории грозило крупным поражением, если союзные войска северян сумеют нарушить снабжение армии ад-Сейдина. Тогда они малопомалу раздробят ее на части, которые возьмут либо силой, либо измором. Хан не строил себе иллюзий и понимал, что его люди должны обогревать свои жилища и чем-то питаться, а если скованные морозами Фербур и Аугост окажутся в осаде, то долго они там не протянут. В нынешних условиях главной стратегической задачей становилось не только удержание Ганхельда, но и обеспечение бесперебойных поставок через защищенный коридор, протянувшийся на сотни миль. Задача весьма нетривиальная, и от ее успешной реализации зависело практически все. Колдуны Дегониса, разумеется, обещали помочь всем, что было в их распоряжении, однако ад-Сейдин прекрасно понимал: превратить суровую северную зиму в теплое южное лето никому не под силу. Есть пределы человеческим возможностям пусть даже таких одаренных личностей, как Дегонис, и в ближайшие месяцы хану самостоятельно предстоит одержать очень непривычную для себя победу — победу над природой. Выстоять в глубоких снегах и удержать завоеванное преимущество. Если это произойдет, северянам не устоять под запущенной на полную мощность военной машиной Красной саламандры. Если нет — о последствиях лучше даже не думать…

Талара, пользуясь своими новыми возможностями, тоже развела кипучую деятельность. С головой погрузившись в дела своей

новой должности, она не забывала и про ненавистных колдунов, поэтому, как говорится, совмещала приятное с полезным. А заодно потихоньку вербовала себе сторонников в собственном гвардейском полку, стараясь оставить в нем лишь тех, кто испытывал неприязнь к компании Дегониса. Таковых все еще хватало несмотря на изменившийся статус Манипуляторов, официально признанных в Империи. Возможно, некоторые люди просто нутром чуяли исходившее от них зло. Принцесса старалась действовать аккуратно, чтобы колдуны ничего не заподозрили. Вряд ли они выкажут открытое недовольство, зато наверняка проинструктируют лояльных к ним солдат как именно следует себя вести, дабы завоевать симпатии ханской дочери. Ее-то собственное отношение к обитателям Нижних подземелий давно не являлось для них секретом, но Талара старалась придерживаться прежней манеры общения: избегать, но и не преследовать. Вы, мол, сами по себе, я к вам не лезу и вы ко мне не лезьте. Дегониса и его компанию такое положение вещей вполне устраивало. Талару — тоже. До тех пор, пока они воображают, что так и есть на самом деле. Ох, с каким бы удовольствием принцесса отдала приказ сжечь их гадюшник дотла, а всех его обитателей обезглавить! Ничего, придет время, а пока… Пока она занималась насущными заботами, поддерживая постоянную связь с Илианой, а в ее лице и с чародейками далекой северной обители. С некоторых пор она получила возможность отправлять сов не меньше двух раз на неделе, что существенным образом повлияло на интенсивность и продуктивность переписки. Подруги сообщали друг другу обо всем, что с ними происходило, делясь впечатлениями и полученным опытом, а заодно и передавая послания от друзей. Принцесса и сама не заметила, как стала глазами и ушами чародеек, извещая их про все связанное с колдунами. Взамен она получала уйму сведений, раскрывающих очень многое доселе ей неизвестное, и укреплялась в желании воздать Дегонису и его прихвостням по заслугам. Уступив просьбам чародеек, Талара даже устроила официальное прикрытие некоторым их агентам и стала поддерживать с ними связь. На том, разумеется, условии, что эти агенты станут действовать только против Манипуляторов, а не ее страны. Это ей клятвенно пообещали, и ханская дочь мало-помалу начала втягиваться в нараставшее противостояние с черными колдунами. Устроенные при приютах агенты имели возможность открытого перемещения по городу для сбора пожертвований и всего такого прочего, а заодно занимались тайными делами, разнося послания, собирая сведения и порой выполняя довольно опасные поручения. Через этих агентов принцесса получала адресованные ей посылки со всякой всячиной,

включая книги с пометками Илианы и Сирелины, откуда узнавала особенности их общего врага и методы его обезвреживания. Сестры обители благодарили Талару за предоставляемую информацию, а за сведения о получении золота даже прислали специальный подарок — одно из лучших совместных творений драддов и чародеек. Небольшой ларец баснословной цены, инкрустированный настолько искусно, что глаз невозможно было оторвать, занял достойное место в покоях принцессы, и она с удовольствием им пользовалась.

Талара хорошо помнила тот день, когда у нее впервые отчетливо появилась мысль попросить Илиану о помощи. Это было накануне бракосочетания ее старшей сестры с Тамиром аль-Харуддином, чьими единственными достоинствами были происхождение и выгодный политический союз. Сама Талара ни за что бы не согласилась стать разменной монетой, особенно с таким неприглядным женихом, и скорее сбежала бы из дома куда глаза глядят, но и воспитана она была иначе. Лейла считала подобную судьбу своим долгом и видела предназначение в замужестве на благо династии. Отношения между сестрами всегда были прохладными и виделись они редко, несмотря на то, что жили в одном дворце. У них был совершенно разный круг общения, не говоря уже про интересы, и если Талару постоянно видели на людях за разными проделками, то ее старшие сестры обычно держались строго и замкнуто. Старые традиции не позволяли женщинам излишние вольности, а эти две особы росли в духе завещанном пращурами. Лейла, не осмеливаясь выговаривать отцу, иной раз все же сетовала, что он совершенно распустил младшенькую. Хан, оглаживая бородку, улыбался прищуренными глазами и отделывался замечаниями в том духе, что на каждую, мол, дочь, у него свои государственные планы. С таким ответом трудно было поспорить, и Лейла умолкала, но лишь на время, чтобы после очередной выходки младшей сестры опять сокрушаться о ее возмутительном поведении. Средняя, Амина, обычно помалкивала и не вмешивалась в дела родственников, но в целом была солидарна с Лейлой. Она также дожидалась пока отец подберет ей партию, а до тех пор коротала время в обществе старшей сестры и узкого круга придворных дам, посвятив себя традиционным для принцесс занятиям. Об этих занятиях Талара, презрительно фыркая, говорила, что от дрыхнущего круглые сутки кота и то больше пользы — он хотя бы иной раз орет дурным голосом. Восторгов это обычно не вызывает, но о его существовании все же помнят. В том числе мыши, которых он отпугивает одним своим присутствием. Сестры отвечали ей взаимностью, не забывая едко намекать на мальчишеские при-

страстия младшенькой. Не иначе как в пику им Талара и явилась поприветствовать Лейлу в своем боевом облачении, подаренном дю Бренталем, исключая меч и кинжал из Абериджа. Если бы не женские очертания фигуры, привлекательное лицо и здоровенная черная коса, она вполне могла бы сойти за настоящего воина. Впрочем, Талара им и была, продолжая совершенствовать свои навыки, разве что коса доставляла ей немало хлопот и уж как только она ее не закрепляла. Обменявшись любезностями, сестры немного поговорили о планах на будущее. Свадьба должна была начаться в Солтенстиле, после чего торжества переместятся в столицу Зелистана, которая станет для Лейлы новым домом. Видеться они теперь будут совсем редко, исключая гостевые визиты не чаще пары раз в год. Учитывая расстояние, разделявшее два города, тут, бесспорно, особо не разъездишься, тем более что основным занятием Лейлы предполагается продолжение рода, а оно налагает определенные ограничения и обязательства. Талара искренне желала сестре счастья, но сама, откровенно говоря, плохо верила что в ее случае оно вообще возможно. Впрочем, у всех свои взгляды на жизнь. По меркам старшей сестры у младшей тоже все складывалось совершенно неподходящим образом. Ей хоть сейчас на войну, а не замуж — вон как вырядилась! Разве для принцессы это нормально? Да еще, поговаривают, среди солдат все меньше охотников скрестить с ней клинок, чтобы почем зря не позориться. Талара теперь переключилась на собственный гвардейский полк и Лейла пришла бы в ужас за ее регулярное пребывание в обществе мужчин, кабы заведомо не знала чем сестра занималась. С моральной точки зрения все было чин чином, что служило известным утешением, но все-таки это не дело. Где ж это видано, чтобы приличная молодая девушка из благородной семьи вела себя как заправский служака и всюду совала свой неугомонный нос? И почему только отец ее так избаловал?..

— Холера мне в бок, сестра! Опять ты за свои нотации! — усмехнулась Талара, когда собеседницу традиционно понесло укорять младшенькую за неподобающее поведение.

Лейла поморщилось. Ну и словечко! Тоже мне съездила повидать западные края — привезла оттуда новые доспехи, ругательства и ухажера с целой толпой закованных в железо мужиков. Впрочем, от последнего отец, кажется, в восторге, поэтому тут особо не повозмущаешься.

— Так кому же их тебе читать, как не мне? — проворчала она. — Отец тебя вконец избаловал, потакая твоим капризам, и слышать ничего не хочет. Амина молчит, хотя и поддерживает мою точку зрения. Воспитательниц своих ты распугала — тех, кто сам не от-

ступился. Впрочем, воспитывать тебя уже поздновато. Была бы у нас мать, она бы сделала из тебя благочестивую девушку и настоящую принцессу. Мне, к сожалению, не получилось ее заменить, а теперь мы и вовсе будем видеться совсем редко.
— Мы и так виделись не слишком часто. А мать у нас вообще-то есть, а не была, — заметила Талара.
— Не умничай. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, — нахмурилась Лейла. — Хоть мне и тяжело это говорить, но фактически матери у нас нет, поскольку выполнять свои материнские обязанности она не в состоянии.
— И тем не менее она жива, значит нельзя о ней упоминать таким вот образом! — возмутилась Талара.
— Жива. Только заперта в своих покоях так, будто уже похоронена заживо, и с годами ее состояние становится только хуже, — глухо отозвалась Лейла. — Ты одна до сих пор надеешься, что она пойдет на поправку. Твои чувства к ней делают тебе честь — правда! — но боюсь, что это ничего не изменит. Все доктора признали свое бессилие и даже колдовство оказалось не в силах ей помочь.
Талара закусила губу. Эта печальная страница их семьи лежала у нее на душе тяжким грузом. Грузом, которым она не поделилась даже с Илианой. О супруге повелителя старались не упоминать, и в народе даже поговаривали, что она умерла, но это событие по какой-то причине не предали огласке. Впрочем, дальше слухов дело не заходило, раз хан до сих пор не женился вновь, а ведь он решительно искоренял обычаи многоженства и вообще придерживался моногамных отношений. Только приближенные к правящей династии знали нелицеприятные детали. Сантару, любимую жену хана Гийюра, обуяло безумие, лишившее ее возможности производить на свет новое потомство. Бесплодие тут было ни при чем, и этот термин повелитель использовал в разговоре с доверенными лицами, когда подразумевал что не может иметь детей. Бесплодными оказались две другие жены, с которыми он давно не жил. Все пятеро детей — два сына и три дочери — были от Сантары, и ад-Сейдин считал, что это даже хорошо. Престолонаследие при сводных потомках штука более сложная, чем при единокровном родстве. Вот только Сантару поразил тяжелый недуг, и фактически хан больше не рассчитывал на пополнение в семействе. Поначалу он надеялся, что жена поправится, но время шло, а ей становилось все хуже. В конце концов ее заперли в собственных покоях, чтобы Сантара не причинила кому-нибудь вреда. За ней был организован круглосуточный уход, но с тех пор супругу повелителя больше никто не видел, за исключением сиделок, врачей и при-

дворных колдунов, а свидания допускались лишь с родными. Эти свидания были редкими, поскольку удручающее состояние матери действовало на детей не лучшим образом. Даже на Талару, продолжавшую ее регулярно навещать и все еще надеявшуюся на чудесное исцеление.
— И все равно она жива! — упрямо повторила младшая сестра. — А раз жива, значит и надежда еще есть!
Именно в этот момент она вдруг подумала про чудесный дар Илианы. Подруга, стараясь не бахвалиться, в письмах вкратце описывала свои способности исцелять. Просто описывала она их в основном применительно к ранениям солдат, полученным на поле боя. А что если возможности Илианы ограничиваются не только этим? Есть ли вероятность, что она способна помочь и матери Талары? Принцесса, врасплох захваченная этой мыслью, стала отвечать сестре невпопад, чем привела ту в полнейшее недоумение. Впрочем, Лейла милостиво списала поведение младшей на упоминание матери и не сердилась, находя такой повод вполне заслуживающим снисхождения. Талара, кое-как закруглив окончательно развалившийся разговор, умчалась прямиком в убежище на чердаке, где лихорадочно принялась обдумывать посетившую ее идею. Она порывалась немедленно написать Илиане письмо, но все старалась придумать как это лучше всего сделать. Ей было невообразимо тяжело и совестно одновременно: тяжело упоминать о матери и совестно от того, что она до сих пор не обмолвилась о ней с лучшей подругой ни единым словом, отделываясь уклончивыми ответами. Испортив целый ворох бумаги, Талара в конце концов составила довольно нейтральное послание, осторожно наводя Илиану на соответствующий разговор. Сова, получив письмо, отправилась в ночь, а принцесса с нетерпением стала ожидать ответа.

Конечно Илиана не смогла отказать лучшей подруге, когда постепенно выяснила в чем, собственно, дело. В процессе переписки Талара поведала обо всем, а некоторые детали подтвердила Сирелина, имевшая некоторое представление о характере недуга жены ад-Сейдина. Илиана, осознав, насколько важен был для принцессы этот вопрос, даже и не подумала на нее сердиться за столь долгое молчание. Они, конечно, давали взаимное обещание не иметь друг от друга секретов, но ведь бывают же исключительные обстоятельства. С точки зрения согласия Илиана пообещала сделать все от нее зависящее. Практическая же реализация этого искреннего намерения оставляла желать лучшего. Во-первых, Илиана предупредила, что умеет исцелять далеко не все. Как и в случае с бешенством, она бессильна перед необратимыми повреж-

дениями головного мозга, приводящими к разрушению личности. Восстановить тело не означало восстановить душу. Если безумие вызвано именно такими разрушениями, либо же оно к ним привело, то Илиана может в известной степени облегчить состояние несчастной, но о полном выздоровлении нет и речи. Гадать о результате преждевременно, поскольку ей необходимо лично увидеть пациентку. Тогда она сумеет точно поставить диагноз и сказать к чему приведет лечение, то есть в случае осложнений предложить Таларе выбор. Тихая сумасшедшая, здоровая телом, всяко лучше страдающей буйно помешанной, но это если навскидку. Непосредственно на месте могут всплыть различные нюансы, и решение останется за принцессой, как ближайшим родственником. Илиана не вправе сделать это за нее. Талара без особых раздумий ответила подруге, что находит указанные доводы справедливыми, согласна положиться на ум и дар Илианы, и в любое время ожидает ее визита. К сожалению, здесь-то и наступало во-вторых. Что у принцессы, что у воспитанницы чародейки возникали серьезные трудности с организацией столь необычного свидания. Появляться в Солтенстиле Илиане было небезопасно, и это еще мягко говоря. Дворец же и вовсе грозил обернуться для нее смертельной ловушкой. Ведь Таларе каким-то образом потребуется провести подругу к матери, а это куда сложнее, нежели протащить ее в собственные покои. Следовало придумать как они вдвоем сумеют проникнуть к больной и при этом не окажется посторонних. При всем своем желании помочь матери, Талара все-таки не собиралась почем зря рисковать головой Илианы. Принцесса обещала найти подходящее решение, пока подруга ищет свое. Той ведь тоже взять и приехать было отнюдь не просто, учитывая где она находилась и чем занималась.

Помимо регулярных поездок между обителью и Данерхеймом Илиана часто бывала в разъездах. Она так серьезно расширяла способности почтовых птиц, что умудрялась поддерживать с подругой связь даже находясь в дороге. Не в глухом лесу, конечно, забираясь в него абы куда, а направляясь по более-менее известному маршруту. В Данерхейме девушка занималась тренировкой чародеек и иногда воинов, помощью беженцам и развитием разных животных, в первую очередь направляемых к ней сов и воронов. В обители Илиана уделяла внимание все тем же чародейкам, но несколько на иной манер, помногу часов проводила в Главной Почтовой башне и совершенствовала собственные знания, получив неограниченный доступ почти ко всем чертогам Альмирстала. Сестры только диву давались с какой скоростью девушка проглатывала содержимое огромных фолиантов и мудреных свитков,

причем не просто заучивала их наизусть, а действительно вникала в изложенную там суть. В этом уже никто не сомневался после того, как Илиана осмелилась дать чародейкам пару советов по части нескольких сложных вопросов — те высоко их оценили, найдя весьма разумными. Некоторые из сестер уже и вовсе ходили к ней не стесняясь, и девушка старалась выкроить время для всех. Димиура была из их числа. Обретя невиданные доселе возможности почтовой службы, она едва не упала в обморок, когда Илиана сообщила, что в нынешних обстоятельствах считает допустимым привлечь на службу дозорных орлов и некоторых лесных обитателей. Одно дело когда орел просто живет у тебя под боком и умеет выполнять разные нехитрые задачи. Совсем другое — полноценное патрулирование обширных территорий, где он не просто будет знать что искать, а еще и станет извещать кого следует. Илиане не хотелось неволить диких животных, но в исключительном случае она считала их посильную помощь допустимой. Кроме того, выведение орлов непосредственно в обители сделает их полноправными соседями чародеек, такими же как совы и вороны. Прежде никто этим и не думал заниматься за очевидной бессмысленностью, но теперь наличие собственных орлов представало совершенно в ином свете. Димиура, преисполнившись кипучего энтузиазма, готовила новое гнездовье поистине фантастическими темпами и была готова хоть лично выстроить для него новую башню.

Илиана нигде не появлялась без сопровождения. Даже в обители с ней обычно находился кто-то из сестер — так, на всякий случай. Вне стен Альмирстала девушку охраняли более чем тщательно. Размер эскорта ограничивался скорее соображениями скрытности, нежели безопасности, так как Северяне были готовы отправлять с ней и полк, и два. Они сформировали особое союзное подразделение, занимавшееся исключительно взаимодействием с чародейками. Из этого подразделения выделялись люди для создания гибридных мобильных отрядов, действовавших с большой эффективностью. Персональную охрану целительницы назначали из него же, и недостатка в добровольцах не было. Илиана, выезжая за пределы крепости, продолжала производить на людей неизгладимое впечатление. Вслед за солдатами Ганхельда о ней заговорили и воины Орнхольма. К ее помощи прибегали в самых разных случаях, и чародейки находили полезным поднимать таким образом авторитет союза. Больные и раненые, безнадежные и отчаявшиеся, пострадавшие от темного колдовства или нелепой случайности — в лице удивительной девушки они обретали не только исцеление, но и окрылялись духом. Союз, противостоящий захватчикам и способный предоставлять ТАКУЮ помощь в умах людей

начинал восприниматься совершенно иначе. Князь Сильвур, проникнувшись даром целительницы, успевшей совершить немало добрых дел в его столице, стал относиться к чародейкам еще лояльнее и предоставил в их распоряжение существенно большие ресурсы. Поскольку те и сами вносили неоценимый вклад в общее дело, вскоре стало совершенно естественным координировать все важные действия между Орнхольмом, Ганхельдом и Альмирсталом. Образовавшийся таким образом военный триумвират уверенно продолжал подтягивать новых союзников, почувствовавших реальную силу объединенных войск. Сопредельные державы присылали своих представителей, а прибывавшие полки вставали под начало сформировавшейся командной верхушки. Подкрепление из Ранхельма, существенно помешавшее планам захватчиков, не осталось в стороне, и его старший офицер вошел в состав центрального командования наравне со всеми прочими. Ад-Сейдин не зря беспокоился о резком увеличении численности сливавшихся в единый монолит северян, хотя и понятия не имел какую важную роль здесь играла та, кого хан помнил как маленькую внучку старого шейха из далекого оазиса. Эта же роль теперь накладывала серьезные ограничения и на саму Илиану, гадавшую, каким именно образом ей выбраться к своей подруге, если она практически никуда не выходит без внушительного сопровождения. И чародейки и воины вряд ли придут в восторг, если выяснят куда она подумывает отправиться. Девушка, разумеется, могла в любой момент поступить как пожелает, но она чувствовала на себе груз ответственности. Люди ей верили, надеялись на нее и ждали ее помощи. У нее была уйма неотложных дел, и бросить все на произвол судьбы оказывалось не так-то просто. Продолжая переписку, подруги решали как им обоим лучше всего поступить. Илиана твердо решила помочь Таларе и теперь изыскивала для этого подходящую возможность, а принцесса в свою очередь заранее прощупывала почву для ее предстоящего визита, когда бы он ни состоялся.

Сирелина тоже ничуть не обрадовалась, когда воспитанница сообщила ей о своем намерении. Соваться в одиночку прямиком в логово змеи выглядело настоящим безумием даже с уникальными возможностями девушки. Впрочем, от эскорта там толку тоже не будет, а скорее даже наоборот — открыто с собой полк северян с чародейками не потащишь, а скрытно и тем более. Лично она, конечно, сопроводила бы воспитанницу, прихватив и пару-тройку наиболее доверенных воинов, включая Бэйла, а заодно и кого-нибудь из сестер, но сама идея чародейке очень не нравилась. Впрочем, Сирелина быстро заметила, что Илиана уперлась и вела

разговор в русле "как это сделать наилучшим образом", а не "можно ли вообще". Переубеждать ее оказалось бесполезно. Девушка заявила, что ее талантам грош цена, если она не в состоянии выполнить сокровенную просьбу лучшей подруги и помочь ее матери, от которой отказался весь свет. Сирелина даже представить не могла к чему может привести как неудачный, так и благополучный исход заявленной миссии и соображала лишь как бы Илиана не поплатилась жизнью за свои душевные порывы. Если с ней что-нибудь случится, Сирелине в обитель лучше не возвращаться, так как сестры не простят ей такую тяжелую и невосполнимую потерю. Исходя из теории Эбби, каким-то непостижимым образом в мире вновь появился носитель уникального дара, способный придать чародейству новый мощный толчок, и его утрата скорее всего приведет некогда начавшийся Великий упадок к печальному логическому концу. Основываясь на полученных от Сферы сведениях, сестры Альмирстала не переставали строить различные теории о происхождении Илианы и ее сущности, но в своих изысканиях практически не продвинулись. Подобный дар был им попросту неизвестен и никаких упоминаний о нем не сохранилось, а категоричное утверждение Эбби о наследственной преемственности окончательно ставило их в тупик. Они бы с удовольствием побеседовали с загадочной Сферой целым консилиумом, включая Совет, но та осталась в далеком Аберидже и до поры была совершенно недоступна. Единственное, в чем чародейки были уверены — это что девушка представляет величайшую ценность и ее ни в коем случае нельзя лишиться.

У самой Сирелины тоже хватало забот. Совместными усилиями дела в Орнхольме налаживались. Диверсанты успешно уничтожались, а пробравшаяся было в земли княжества скверна быстро сходила на нет. Ведьмы, пустившие сюда свои щупальца, живо разбежались, а у войск ад-Сейдина хватало забот с зимовкой. Сирелина все рвалась хорошенько насолить колдунам, но достаточной поддержки так и не находила, а просиживать почем зря в Данерхейме ей не хотелось. Сопровождая Илиану, она мало-помалу обдумывала один план за другим, и в какой-то момент неожиданно пришла к выводу, что вылазку в Солтенстил можно совместить с кое-чем еще. Девушка даже удивилась с чего вдруг наставница стала куда благосклоннее относиться к ее желанию съездить к Таларе и живо стала допытываться в чем дело. Сирелина попробовала отнекиваться, но обмануть Илиану становилось все труднее. В свои годы, которые и без того не пойми как считались, она все чаще производила впечатление умудренной опытом женщины, а ее способность видеть людей начинала удивлять не меньше, чем

прочие таланты. Вздохнув, Сирелина выложила воспитаннице свою идею.

Спустя всего месяц после свадьбы старшей дочери ад-Сейдина с наследным принцем Зелистана расклад сил на юге резко изменился в пользу и без того доминирующей Красной саламандры. Судя по донесениям, войска аль-Харуддина приходили в боевую готовность и постепенно стягивались к своим западным границам. Каким бы ни было дальнейшее развитие событий, вряд ли оно будет на руку северянам, пока что серьезно осложнявшим жизнь оккупантам и имевшим неплохие шансы нанести врагу тяжелое поражение, отбить Ганхельд и выдворить за пределы северных земель. Союзная армия пополнилась солдатами тех двух княжеств, которые ад-Сейдин разгромил первыми, и они мечтали отомстить южанам за все. Если союзники преуспеют — отлично. Если нет — весной хан стянет все доступные ему ресурсы и ударит так, что мало не покажется, и поведение Зелистана наводило на известные размышления. Боевую машину ад-Сейдина требовалось ослабить, и лучше сделать это не дожидаясь, пока вся ее мощь обрушится на Данерхейм. Базировалась она на трех китах: армии, финансах и колдунах. Наиболее эффективным представлялось нанести удар по последним, поскольку они играли немалую роль в материальном обеспечении, создавая кровавое золото, а так же снабжали войска Липким огнем. Не говоря уже про все прочее. Гоняться за ними поодиночке выглядело совершенно идиотской затеей, но благодаря откровениям допрошенных Манипуляторов и сведениям от принцессы Сирелине было известно как минимум три их важных опорных пункта: Ливьянские болота, особняк Ин-Хашуф и монастырь Аш-Гарон. Каждый из них заключал важный стратегический интерес, но если о первых двух сестрам уже было кое-что известно, то последний до сих пор оставался темной лошадкой. При этом монастырь, согласно элементарной логике, продолжал увеличивать численность самих Манипуляторов, в то время как особняк и болота являлись скорее центрами их деятельности. Хорошенько поразмыслив, Сирелина решила, что наведаться в края Аш-Гарона и хорошенько все поразнюхать будет весьма не лишне. А лучше всего уничтожить это змеиное гнездо не дожидаясь пока оно породит тысячи Манипуляторов. Следовало ожидать, что Совет отнесется к ее идее весьма прохладно и не станет посылать крупную боевую группу для атаки врага за тысячи миль от прямого конфликта. Разведка — одно дело, а ударный отряд из множества чародеек, желательно подкрепленных воинским соединением — совсем другое. Получив отказ, Сирелина пожала плечами и принялась обдумывать собственную вылазку, о которой и

рассказала воспитаннице, когда та пристала с расспросами.
— Вот теперь я тебя поняла, — вспыхнула глазами Илиана. — Ты хочешь помочь мне добраться до Солтенстила, а потом я помогу тебе в Аш-Гароне. Идет.
— Э, минуточку! — опешила Сирелина. — Я вовсе не это имела в виду! Я действительно согласна сопроводить тебя к Таларе и присмотреть за тобой до тех пор, пока ты снова не окажешься в безопасности, но у меня и в мыслях не было тащить кого-либо собой.
— Я поеду с тобой, — заявила воспитанница. — Одна ты не справишься, а мои возможности тебе известны. Вдвоем у нас в несколько раз больше шансов достичь успеха, в чем бы он ни выражался.
— Ты с ума сошла! — ахнула чародейка. — Я столько тебя опекала не для того, чтобы угробить в собственной авантюре!
— Я уже не маленькая девочка и способна самостоятельно принимать решения, — очень серьезным тоном сказала Илиана. — Кроме того, балластом я уж точно не буду, а мои способности тебе ой как пригодятся. Не все же мне только исцелять да тренировать.
Сирелина пробовала возражать, но воспитанница уперлась. Либо они едут вместе и помогают друг другу, либо Илиана поедет одна, когда выберет для этого подходящее время.
— Иля, ты берешь меня за жабры, — вздохнула чародейка.
— Я выросла. Больше, чем ты думаешь, — отозвалась та. — Попробуй сейчас подумать обо мне не как о нуждающемся в защите ребенке, а как об одной из сестер Гексенхаммера. Согласна, это очень непривычно, но если у тебя получится, ты поймешь, что я имею в виду.
Сирелина несколько минут молчала, последовав совету девушки. Она постаралась выйти за рамки всех привычных стереотипов и посмотреть на нее как бы со стороны, будто впервые встретила. Результат превзошел все ожидания. Заглянув в загадочно мерцавшие сиреневые глаза, чародейка неожиданно увидела взрослую женщину; человека, представляющего собой грозную силу, способную безжалостно сокрушить практически любого врага. Это было новое и очень необычное впечатление. Сирелина даже слегка растерялась и ответила далеко не сразу.
— Кажется, я поняла, — сказала она, встретившись взглядом с воспитанницей. — Похоже, твое детство осталось в прошлом.
— Меня не покидает то же самое ощущение, — задумчиво произнесла Илиана не совсем понятно к чему.
— Ладно, уговорила. Поедем вместе, — сдалась чародейка.
— Эй, вы же не думаете всерьез, что отправитесь без нас?! — воскликнула бессовестно подслушивавшая Флея, неожиданно появля-

ясь в комнате.
Следом за ней туда же впорхнули две ее неизменные подружки, а также заклинатели стихий. Вся эта компания с некоторых пор пребывала в Данерхейме, и Сирелина поселила их в соседних покоях, в том же крыле западного замка, где обосновалась сама. Послушницы оказались в крепости не случайно. После долгих дебатов Совет принял предложение задействовать их в самых разных мероприятиях. Тех, что постарше, разумеется, и исключительно в посильных задачах. Младший состав оставался в обители, а остальные проходили эдакую полевую практику, внося свою лепту в укрепление Данерхейма и прочих работах. Алдар и Ювион тоже пожелали присоединиться к общему делу, тем более что посланник западных колдунов куда-то запропастился и до сих пор о нем ничего не было известно. Само по себе это обстоятельство внушало известное беспокойство, но чем попросту разбазаривать кадры молодых людей перевели в Данерхейм и отдали под опеку Сирелины. По части что-нибудь нагреть или заморозить эта парочка достигла внушительных успехов, и их таланты находили соответствующее применение. Молодые колдуны быстро подружились с троицей послушниц, поэтому даже не пришлось удивляться, что в комнату ввалилась вся компания сразу, не больше ни меньше.
— Это еще что за новости?! — возмутилась застигнутая врасплох чародейка.
— Мы поедем с вами! — заявила Ашира, деловито откидывая пышный хвост темно-русых волос.
— Когда выступаем? — сразу перешла к делу Лада, с ангельским видом накручивая на палец светлую косу типичной северянки.
Примерно одного возраста, они несколько отличались ростом, поскольку Ашира была невысокая, а Лада вымахала заметно выше среднего. Обе обладали веселым и жизнерадостным характером, щедрым на проделки и затеи. Сирелина, переводя сердитый взгляд с одной девушки на другую, не забывала одаривать им и Флею — идейную вдохновительницу всех шалостей и безобразий.
— Никаких "с вами"! — воскликнула чародейка. — Совсем обалдели?! Ваше место там, где укажет Совет! А Совет велел вам помогать в Данерхейме.
— Ну мы-то Совету не подчиняемся, — пожал плечами Ювион. — Так что вольны идти куда захотим. — У меня с Алдаром, знаете ли, есть желание нанести визит в этот Аш-Гарон, где из нас собирались сделать парочку упырей. Вот только совсем с другими целями, нежели предполагали наши похитители.
— Не упырей, а Манипуляторов. Разные вещи, — машинально поправила Сирелина.

— А это был не термин, а ругательство, — пояснил Алдар. — Полагаю, будет крайне несправедливо не взять нас в отряд, поскольку уж кто-кто, а мы оба имеем больше прав поквитаться с этими мерзавцами, чем кто-либо из вас. За исключением, разве что, Илианы.
— Какой еще отряд?! — нахмурила брови чародейка. — Ни о каком отряде и речи быть не может! Вы останетесь здесь, и чтобы я больше ничего подобного не слышала!
— Ну да, а когда мы случайно проговоримся, то мы же еще и будем виноваты, — вздохнула Флея, изображая унылую покорность.
— О чем это ты? — подозрительно осведомилась Сирелина.
— Ну как же: у нас же наверняка спросят куда вы подевались, а мы по молодости и наивности можем проболтаться, — потупила взор рыженькая послушница.
— Не поняла… — протянула чародейка, опешив от такого нахальства. — Это что, шантаж?
— Ни приведи небо! — вскинула невинные глаза Флея. — Как можно сравнивать с шантажом искреннюю дружескую помощь?
— Не дружеской ли помощью вы называете намерение сдать меня и Илиану с потрохами? — прищурилась чародейка. — Илиана вам спасибо точно не скажет.
Она хотела было апеллировать к воспитаннице, но обернувшись, увидела, что та смотрит куда-то в сторону с таким выражением, будто все происходящее ее не касается. Сирелина захлопала ресницами.
— Это просто какой-то заговор, — пробормотала она, хватаясь за голову.
— Здесь справятся и без нас, — убежденно заявила Ашира. — А вот вы без нас — еще неизвестно. Шестеро заклинателей — грозная сила, особенно когда с ними Илиана.
— Заклинатели! — фыркнула Сирелина. — Вам же еще учиться и учиться!
— Между прочим, мы теперь многое умеем, — хитро прищурилась Флея. — Илиана даром времени не теряла.
— Я как-то так и подозревала, — проворчала чародейка, покосившись на воспитанницу.
Продолжительная дискуссия ни к чему не привела. Сирелину, оказавшуюся в абсолютном меньшинстве, фактически прижали к стенке. Ее чтили как наставницу — в этом не было никаких сомнений, — но отсюда, вероятно, и произрастало такое вот несгибаемое упрямство. Если сама наставница то и дело нарушает волю старших сестер, следуя зову своего сердца, то с чего бы ее собственным воспитанницам вести себя иначе? Сирелина, так и не су-

мев ни уговорами, ни угрозами убедить молодежь отказаться от своей затеи, осознала, что выбор у нее невелик. Либо ей придется отпустить Илиану одну, чего она ну никак не хотела, либо тащить с собой группу добровольцев. Понятно что они давно не дети, как Галана, но и Аш-Гарон, вероятно, непростое испытание даже для опытных чародеек.

— Я подумаю, — мрачно буркнула Сирелина, давая понять, что незапланированная аудиенция окончена.

В первых числах февраля отряд всадников пересек западную границу Орнхольма и кружным путем направился в Солтенстил. Чародейка, поглядывая на молодых спутников, корила себя за безволие и мягкотелость, считая, что слишком легко дала себя уговорить. Вероятно, такой же точки зрения придерживался и Бэйл, скакавший рядом с тремя до зубов вооруженными воинами. Однако гладиатор во всем слушался свою могущественную подругу, доверяя ее решениям, что, впрочем, не мешало ему ворчать. Она даже помог Сирелине устроить подходящее прикрытие. Илиана, мол, едет повидать друзей, перебравшихся в довольно безопасное место на северо-западе, и вся компания ее сопровождает. Послушниц же чародейка взяла чтобы устроить им несколько практических работ в заранее неизвестных условиях. Бэйлу и Сирелине пришлось приложить немало усилий, чтобы легенда выглядела правдоподобной, но в конце концов они добились успеха и получили разрешение на выезд, пообещав вернуться через месяц. Означенное разрешение старшие сестры не выдали бы ни за что, кабы узнали, что вместо тихого уголка вся компания собирается в столицу Железных земель, из которой не столь давно едва унесла ноги, а после — прямиком в загадочный и зловещий монастырь Аш-Гарон. Впрочем, до него еще надо было добраться, так как в Солтенстиле Илиану ждало непростое испытание.

Сирелина покинула разгар событий без особых сожалений. Даже не будучи великим полководцем она и то поняла, что северяне все-таки не успеют выбить Красную саламандру из Ганхельда, лишив ее двух важнейших опорных пунктов в виде Фербура и Аугоста. Взять их приступом было невозможно, поэтому вылазки северян сосредоточились на уничтожении обозов с продовольствием и иными поставками, как и предвидели Дегонис с ад-Сейдином. Им удалось нанести противнику существенный ущерб, значительно потрепав его отдельные соединения и захватив немало припасов. Тем не менее, хан основательно подготовился к зимовке своих войск и северянам только один раз удалось полностью прервать безопасный коридор. Немедленно брошенные на них резервы восстановили снабжение раньше, чем это заметно

сказалось на состоянии расквартированных солдат, а армейские корпуса, занятые охраной линии снабжения, быстро учились противостоять тактике северян. Ад-Сейдин не мелочился. Он практически полностью сдал Ганхельд, сконцентрировав силы в двух захваченных городах, ставших оплотами его собственным воинам, и прилегавших к ним областей. Его полки обеспечивали подвоз ресурсов и безопасную зимовку — и не более того. Пускай северяне возвращают себе все остальное вплоть до весны — потом сами побегут обратно. Впрочем, они и сейчас не слишком торопились возвращаться в родные края. Помимо снега и морозов в них развелось так много всякой нечисти, что мало-помалу уезжало даже остававшееся население. Ведьмы посылали буран за бураном и отравляли источники воды, колдуны наводнили леса Дарегонами, способными существовать и нападать на все живое практически при любых условиях. Все эти напасти досаждали северянам порой ничуть не меньше, чем они сами людям Красной саламандры, и несмотря на явные успехи их шансы до исхода зимы переломить ход войны в свою пользу не вызывали сомнений. Их не было. Сирелина, желая помочь союзникам, прекрасно понимала, что лучше всего она это сделает вдали от заснеженного севера, нежели попросту будет участвовать в атаках на врага всего лишь еще одной боевой единицей. Чародейки не хуже ведьм обрушивали на противника силы стихий и недурно заваливали снегом отдельные форпосты, накладывали защитные чары и сеяли неразбериху в стане южан. Без помощи чародеек, входивших в состав ударных сил, союзные войска добились бы куда меньших успехов, но на стороне Красной саламандры воевали колдуны, чья численность оказалась намного выше предполагаемой. Они довольно эффективно противостояли осторожничавшим чародейкам, существенно увеличивая сопротивление южан и уменьшая их потери. Нет, определенно надо было что-то делать с Аш-Гароном, пока на одну чародейку не стало приходиться десять Манипуляторов. Утвердившись в этом решении, Сирелина повела свой добровольно-принудительный отряд навстречу неизвестности.

Стояла середина февраля, когда к принцессе, коротавшей время за бокалом фруктового коктейля подсела какая-то девушка в густой вуали. Талара, выбравшись в Солтенстил без свиты, устроилась в забегаловке на набережной, где они с Илианой и Бэйлом любили останавливаться во время продолжительных прогулок. Наблюдая за неспешно проходившими по Идлису кораблями она вспоминала то совершенно беззаботное время, отчего-то казавшееся сейчас таким далеким. Ведь прошло-то всего ничего, а оно словно осталось в иной жизни. Талара и сама была в вуали, одетая

в привычный костюм для прогулок, и приподнимала ее лишь для того, чтобы глотнуть приятный освежающий напиток. Сегодня принцессе требовалось оставаться неузнанной, так что маскировка была отнюдь не лишней, а отсутствие свиты и вовсе являлось необходимым.
— Занято, — буркнула принцесса, не отрывая взгляд от безмятежных волн Идлиса.
— А Бэйл бы живо отобрал у тебя этот бокальчик, ведь тебе еще не исполнилось восемнадцати, — с усмешкой сказала подсевшая девушка.
— Иля! — выдохнула Талара, на радостях едва не опрокинув стол. Забыв про осторожность, она подскочила к подруге и стиснула ее в объятиях. Впрочем, чего такого особенного в обычном проявлении эмоций между двумя хорошими знакомыми, если они давно не виделись? При условии, конечно, что их личности оставались для окружающих неизвестными.
— Тише-тише, задушишь, — сказала Илиана, чувствуя исходивший от принцессы поток теплых эмоций. — Я тоже очень рада тебя видеть, но давай все-таки не привлекать внимания.
Опомнившись, Талара уселась рядышком и заказала официанту еще две порции угощения.
— Это безалкогольное, — пояснила она. — Я не дура, чтобы расслабляться и туманить мозги перед тем, что мы задумали.
— Здесь безопасно? — осведомилась Илиана.
— Вполне, — кивнула принцесса. — Впрочем, что-то мне подсказывает, что ты это и лучше меня знаешь.
Илиана несколько минут прощупывала источаемый окружающими фон и не нашла в нем ничего подозрительного. Один воришка, собиравшийся обчистить карманы ротозеев, стражник, боявшийся что его застукают за выпивкой и ссорившаяся парочка влюбленных, раздувшая из мухи слона — все эти настороженные и отрицательные эмоции для двух заговорщиц угрозы не представляли. Конечно, более опасные личности могли оказаться и где-то поодаль, вне поля зрения Илианы, но и место встречи Талара выбрала не случайно. Аберидж и бывший дом Бэйла исключались, любая гостиница похожа на ловушку, ждать у потайного хода было нежелательно из-за неопределенности по времени, а в людном месте принцесса, в случае чего, успеет назвать себя и своей властью приказать страже убираться восвояси.
— Да, вроде бы все в порядке, — подтвердила Илиана, сделав добрый глоток из предложенного ей запотевшего бокала. — Ну, давай рассказывай.
Впрочем, к делу перешли не сразу. Подруги так давно не виде-

лись, что невольно заговорили совсем не о том, и проболтали часа полтора, прежде чем беседа перешла к нужной теме. К той самой, ради которой Илиана и приехала в Солтенстил. Принцесса заблаговременно предупредила подругу обо всем, так что постов и проверок на дорогах отряд успешно избежал. Правда при въезде в город у каждых ворот дежурило по Манипулятору, крутившемуся там с Компасом, и это представляло известную проблему. Сирелина наотрез отказалась тащить всю компанию в Солтенстил и устроила спутников в тихом пригороде, строжайше наказав сидеть и не высовываться, только для демонического прибора хватило бы и ее одной. Можно было проникнуть в столицу Железных земель и по воде, но Илиана нашла крайне простой выход. Приближаясь к колдуну, она слегка сжала его сердце, имитировав сердечный приступ. Колдун, хватаясь за грудь, рухнул в дорожную пыль под обеспокоенные возгласы ринувшихся к нему стражников, а чародейка и ее воспитанница беспрепятственно миновали ворота. Илиана могла бы и убить Манипулятора на месте, но решила этого не делать. Такая беспричинная смерть выглядела бы слишком подозрительно, чего никак не скажешь о шалившем сердце. Прихватило, упал, очухался — этим никого не удивишь. Сейчас Сирелина крутилась неподалеку, изображая явившуюся в город фермершу, покупавшую всякую всячину и ротозействующую на городские достопримечательности. Чародейка проводит подруг и до дворца, но внутрь уже не пойдет даже через подземный ход, хотя Талара и не возражала. Это было слишком опасно, и ее чародейская натура вместо помощи станет скорее лишней угрозой. Кстати, несмотря на периодическое присутствие хана, что, казалось бы, автоматически лишало его дочь доступа к заветному ключу, принцесса до сих пор беспрепятственно пользовалась потайными ходами. Как выяснилось, в этом не было ничего удивительного. Улучив момент, она выпросила у родителя дополнительные привилегии, налегая на то, что уже большая и по долгу службы имеет потребность выбираться в город инкогнито. Ад-Сейдин, поразмыслив, нашел ее просьбу справедливой, и колдуны по его приказу усовершенствовали личный ключ Талары. Доступ у нее все еще был несколько ограничен, к примеру в те же Нижние подземелья, но в остальном принцесса получила значительную свободу перемещений, причем совершенно официально. Больше никто не смог бы уличить ее в недозволенных вылазках, сообщив повелителю, что его дочь видели вне дворца, куда она невесть как попала. Это существенно упрощало дело, и когда принцесса провела Илиану привычным путем, то первая часть их затеи благополучно окончилась. К сожалению, это была самая простая часть. После небольшой паузы начи-

налось наиболее сложное.

Пауза была сделана намеренно. К чести Талары следовало отметить, что она устроила подруге приятный сюрприз, о котором заранее известила лишь нирелинцев, но не ее саму, да и то только потому, чтобы у старого шейха на радостях не отказало сердце. Принцессе никому не надо было объяснять зачем она пригласила в свои покои Арбаха ан-Бакира и Далину в компании с ребятами — ханской дочери и раньше вопросов особо не задавали, а теперь на это и вовсе никто не осмеливался. Заперев входные двери, Талара провела всех в дальнюю комнату и Илиана тут же поняла, почему на все ее попытки узнать, не сможет ли она повидаться с близкими, принцесса отвечала уклончиво.

Больше всех радовался старый шейх. Его счастье не передавалось никакими словами, когда он узрел свою внучку живой и невредимой. Казалось, он враз помолодел лет на двадцать, и удивительное влияние Илианы сейчас было совершенно ни при чем. Все, решительно все удивлялись тому, как девушка выросла и повзрослела. Даже Талара, только сейчас хорошенько разглядевшая подругу без вуали и при нормальном освещении. Она и сама выглядела старше своих лет, где-то на девятнадцать, но Илиане теперь трудно было дать меньше двадцати трех. А ведь официально ей еще не исполнилось и двенадцати… Раньше принцесса была старше своей подруги, а теперь по всему выходило, что вдруг стала младше. Впрочем, это ничуть не мешало обоим относиться друг к другу по-прежнему, словно ничего и не изменилось. Даже наоборот — их отношения продолжали крепнуть. Талара невольно улыбалась, глядя на Илиану и вспоминая себя и ту худенькую девочку у клетки с тигрицей Зарой в день их знакомства. Подругу и не узнать. Впрочем, зеркало подсказывало, что ее саму — тоже. На смену смуглой девочке-подростку, спорой на выдумки и занятой поиском приключений и сокровищ пришла взрослая девушка, все серьезнее вступавшая во власть. Впрочем, положа руку на сердце, выдумки, приключения и сокровища отнюдь никто не отменял.

Все вместе просидели до полуночи. Принцесса никого не торопила. Ей не хотелось быстро разлучать друзей и близких, к тому же до назначенного часа у них было предостаточно времени. Талара заблаговременно привела гостей в свои покои, откуда нирелинцы и ребята отправятся к себе домой, а подруги — совсем в другое место. Расставаться было непросто — несколько часов пролетели как одно мгновение. Принцесса пообещала, что приложит все усилия для того, чтобы родные Илианы обрели свободу, но пока им все-таки придется по-прежнему жить при дворце. Такова воля отца, и переубедить его будет весьма непросто, если вообще

возможно. Время покажет, но принцесса лично следит за тем, чтобы они жили хорошо и ни в чем не нуждались. Их охраняют гвардейцы из ее полка, получившие строгий приказ никого не пропускать. Хана и визиря, разумеется, такой приказ касаться не мог, но всем остальным доступ к заветному дому был заказан. Когда двери за гостями все-таки закрылись, подруги вновь остались одни. Глаза у Илианы выглядели подозрительно влажными и принцесса даже тактично удалилась, давая подруге возможность справиться с нахлынувшими эмоциями. Впрочем, быстро выяснилось, что уходила она отнюдь не за этим.

— Держи, — сказала Талара, протягивая Илиане какую-то коробочку.

Внутри на синем бархате лежал платиновый медальон с красивым каплевидным рубином — точная копия того, что был оставлен в старой насосной станции. У мастера Хольда уцелело несколько восковых слепков, и по одному из них придворный ювелир изготовил для принцессы подобие оригинала. Разве что загадочную вязь на обороте не удалось воспроизвести досконально, да и камень все-таки отличался, хотя и был одним из самых лучших. Илиана, тронутая подарком, немедленно одела его на шею.

— А твой мы тоже однажды сыщем, — заявила Талара. — Он наверняка хранится где-то у Дегониса. Не знаю как — но вернем обязательно!

— У меня для тебя тоже кое-что есть, — улыбнулась Илиана.

Покопавшись в небольшой сумке из красиво выделанной кожи, она выудила прямоугольный футляр.

— Что это? — облизнулась принцесса.

— Открой — узнаешь, — предложила подруга.

Внутри тоже лежала драгоценность. Во всяком случае, именно ей украшение и выглядело на первый взгляд. Искусно выполненный зеленый трилистник содержал четыре разноцветных драгоценных камня: по одному в каждом лепестке и последний в центре. Лепестки обрамляла тончайшая золотая окантовка, казавшаяся сплошной линией. На деле, если посмотреть на нее в сильное увеличительное стекло, можно было увидеть, что линия состояла из непрерывной цепочки слов на непонятном языке. Это были колдовские письмена, а украшение изготовил отнюдь не обычный мастер.

— Это от Сирелины, — пояснила Илиана. — Она беспокоится за тебя и просила носить этот амулет не снимая. Пока ты его носишь, он будет ограждать тебя от злого колдовства. Прежде такое было просто невозможно, ибо любые чары довольно быстро развеивались без поддержания, поэтому лишь сами чародейки могли поль-

зоваться собственными изделиями. Только здесь не простые камни, хотя ты, возможно, уже поняла. Это камни из Абериджа. Эбби успел кое-чему научить Сирелину, и она потратила немало времени для изготовления такой штуки.
— От любого колдовства? — живо спросила принцесса, моментально оценив подарок по достоинству.
— Универсальной защиты не существует, — покачала головой подруга. — Но Сирелина постаралась на совесть, ориентируясь на то, что скорее всего окажется в арсенале Манипуляторов. Даже если амулет не блокирует злые чары полностью, он как минимум ослабит их действие. В общем, лучшего оберега сейчас вообще ни у кого нет.
— А как же ты? — невольно вырвалось у Талары, уже одевавшей искусное и полезное украшение.
— Со мной разговор особый, — улыбнулась Илиана, но в глазах ее неожиданно промелькнул холодный стальной блеск.

В толще дворцовых стен шли молча. Все уже было сказано, и теперь дело за исполнением. Больше всего принцессу беспокоило, что ее ключ не сумеет отпереть потайную дверь в материнские покои, но она заблаговременно устроила соответствующую проверку. Ключ, к счастью, благополучно подошел, но этого все еще было недостаточно. Изнутри — большая редкость — потайная дверь закрывалась на засов, выглядевший как декоративная накладка. Сладить с ним можно было только находясь внутри покоев, поэтому дурацкий запор представлял известную проблему. Талара пришлось хорошенько потрудиться, чтобы обойти это препятствие. Она отнюдь не была белоручкой, хотя физическим трудом обыкновенно не занималась. Ей пришлось взять несколько уроков у мастеровых, а на саму идею ее натолкнула юная разбойница Дэя. Илиана до последнего не могла понять каким именно образом подруга собирается отомкнуть засов, находившийся по ту строну толстой секретной двери. Ей мерещились сверхмощные магниты и хитрые петли из тончайших нитей, заранее продернутые особым образом и пропущенные через щели в дверном косяке. Принцесса хранила загадочное молчание, но по блуждавшему на ее лице хитрющему выражению становилось ясно, что идут они отнюдь не для того, чтобы потом безрезультатно повернуть обратно. Часы показывали половину третьего ночи, когда Талара воспользовалась ключом, разблокировавшим колдовской замок. Затем сделала приглашающий жест. Илиана, пожав плечами, толкнула дверь, но та не поддалась.
— Сильнее, — шепнула принцесса.
Подруга поднатужилась и долбанула дверь плечом. Та вдруг рас-

пахнулась, едва не врезавшись в противоположную стену, поскольку располагалась в углу. Удивленная Илиана заметила, что засов так и остался в задвинутом положении, что не помешало им проникнуть в помещение. Присмотревшись, она поняла в чем состояла идея принцессы. Крепления засова остались прямо на нем. Вытащив здоровенные болты, Талара заменила их фальшивками и придала им прежний вид. Засов выглядел как обычно, но стоило приложить хорошее усилие — и крепления благополучно вылетали из гнезд. Шума они при этом почти не производили, но опасаться ночным гостям было некого. В покоях находилась только больная. Сиделки и прочий обслуживающий персонал отсутствовали с двух ночи до пяти утра. В этот момент происходила пересменка, и хотя при пациентке всегда кто-нибудь присутствовал, на эти три часа ее оставляли одну. Кто-то из лечащих врачей посчитал, что несчастной надо давать отдохнуть без посторонних, что должно благотворно влиять на ее пребывающий в потемках разум. Эти сведения, разумеется, направо и налево не разглашали, и Таларе пришлось немало постараться, чтобы выяснить столь немаловажные подробности. Она устроила целое шпионское приключение со слежкой, подкупами и сонными зельями, проясняя все детали работы обслуживающего персонала. Семейная тайна охранялась настолько тщательно, что к ней не имела доступа даже Талара. Впрочем, едва ли меньше она постаралась и когда хлопотала над засовом, подготавливая его к ночному визиту. Идя навстречу дочери, во время свиданий ее оставляли с матерью наедине, но принцесса здорово рисковала, если бы случайный посетитель застукал ее за столь подозрительным занятием.

В чистых и прибранных покоях горели ночные светильники, озарявшие пространство мягким рассеянным светом. В полной темноте больную никогда не оставляли, считая, что это вредно для ее психики. Впрочем, трудно было сказать что для нее вредно, а что нет, в таком состоянии пребывала несчастная женщина. За ней, вне всяких сомнений, очень хорошо ухаживали и всячески заботились. Это чувствовалось даже в мелочах: подоткнутое одеяло, аккуратно разложенные подушки, до блеска начищенный пол, легкий аромат целебных смол и практически никакого запаха лекарств, обычно присущего ложу больного человека и производящего неприятное впечатление даже на здорового. Увы, никакой уход пациентке не помогал. Приблизившись к ней, Илиана наконец-то до конца осознала, почему подруга столь долго скрывала от нее семейную тайну и даже сейчас, судя по исходившим от нее эмоциональным волнам, стыдилась и сопротивлялась одновременно. Лишь значительным усилием воли Талара собственноручно от-

дернула полупрозрачный полог кровати и отодвинулась в сторону, подпуская подругу к матери. Тяжкий недуг наложил на несчастную женщину глубокий отпечаток, не оставив и следа от ее былой красоты. Некогда покорившее хана лицо с тонкими аристократическими чертами утратило все присущие жизни краски и сейчас напоминало гримасу злобной старой ведьмы. Впавшие щеки, огромные круги под ввалившимися глазами, несметное количество преждевременных морщин, тонкий, клювом заострившийся нос, искусанные, потрескавшиеся губы… Трудно было представить, что когда-то эта женщина была одной из первых красавиц Железных земель. Прежде пышные волосы разметались по подушке жалкими хрупкими прядями, исхудавшая грудь неравномерно вздымалась под тонким одеялом, а истончившаяся кожа просвечивала насквозь сеточкой вен. Таким же исхудавшим было и тело, чьи очертания вырисовывались из-под одеяла. Руки казались двумя безвольными плетьми; руки, привязанные к опорам балдахина — свидетельство того, что несчастная могла причинить вред себе или окружающим. В этом медленно угасавшем теле все еще держалась жизнь, и держалась на удивление крепко. Женщина, выглядевшая невесомой пушинкой, в припадке буйного помешательства обретала невиданную силу, о чем свидетельствовал ряд косвенных признаков, не прошедший мимо внимательного взгляда Илианы. Впрочем, Талара, скрепя сердце, уже просветила подругу касательно всего, чего только вообще знала о болезни матери, хотя иные подробности срывались с ее языка весьма непросто. Сейчас больная спала. Спала беспокойным сном, учитывая как двигались под сомкнутыми веками ее глазные яблоки. На висках выступили маленькие бисеринки пота.

Илиана некоторое время молча стояла, рассматривая пациентку и ее скорбное ложе. По-царски роскошное, сейчас оно имело такое же значение, как и ложе простой крестьянки, и лишь его изысканность напоминала о статусе вверенного ему исполненного страданий тела. Талара хотела отойти в сторону, но Илиана сделала ей знак, что это не обязательно. Достаточно просто хранить тишину и не мешать. Затем, закончив поверхностный осмотр, сообщивший ей немало о поведении пациентки и обращении с ней, уселась на постель и положила руку больной на грудь.

До сих пор принцесса знала о внешнем проявлении способностей подруги лишь понаслышке. Легкое алое свечение, окутавшее руку целительницы, медленно вливалось в больную, проникая в нее робкими колеблющимися лучами. Продолжалось это довольно долго. Талара подумала, что лечение уже началось, как вдруг больная неожиданно проявила признаки беспокойства. Все еще не

открывая глаза, она стала подергивать головой, медленно поворачивая ее то в одну, то в другую сторону, а конечности ее также слегка подрагивали. Ладонь Илианы осветилась чуть сильнее. Рот больной приоткрылся, обнажив сведенные зубы, и из него с хрипом вырвалось враз потяжелевшее дыхание. Свечение угасло. Илиана, убрав руку с груди пациентки, встала и посмотрела на подругу.
— Плохо дело, — сказала она очень серьезным тоном.
— Надежды нет? — спросила Талара сорвавшимся голосом.
В этот момент она едва удержалась от рыданий.
— Я этого не сказала, — качнула головой Илиана. — Но это не простой недуг.
— Что ты имеешь в виду?! — вскинулась принцесса, живо просушив не успевшие навернуться слезы.
— Полагаю, на твою мать наложено злое колдовство. Очень злое, очень сильное и очень необычное, — ответила Илиана, неторопливо выговаривая слова. — Я чувствую в ней присутствие чужеродной сущности. Эта сущность поработила ее, живет в ней и является причиной недуга. Безумие — лишь следствие тех кошмаров, в которых пребывает твоя мать. Кошмаров, порожденных этой сущностью. Она питается ее жизненной силой, но при этом не дает и умереть. Это как паразит, который контролирует хозяина, но при этом понимает, что с его смертью исчезнет и он, и старается поддерживать в нем жизнь как можно дольше. Если бы сущность хотела убить твою мать, она давно бы это сделала. Все преобразования в теле и разуме вызваны этим пагубным влиянием. Больную нельзя исцелить не изгнав паразита, но в этом и заключается главная проблема. Чужеродная сущность так сильно переплелась с телом, так глубоко пустила корни в разум, что я не уверена удастся ли мне разделить их.
Талара, остолбенев, внимала каждому слову подруги. Мало-помалу до нее дошла основная суть сказанного, поэтому принцесса, отвалившись челюсть, озвучила ключевую мысль, словно требуя ей подтверждения.
— Постой, ты хочешь сказать, что на нее навели порчу? — спросила она, сжав побелевшие кулаки.
— Порча — обобщенное слово несведущих людей, куда попадает практически все, что не связано с естественными причинами, — мотнула головой Илиана. — Твоя мать стала жертвой колдовства, сильного и целенаправленного. На нее не наложили чары — в ней живет продукт этих чар, глубоко проникший практически в каждую клетку тела и погрузивший сознание в череду бесконечных ужасов. Но я не понимаю чем он все-таки питается… За столь дол-

гий срок он уже убил бы жертву, как бы ни старался оттянуть ее конец.
— КТО?! — выдохнула Талара, схватив подругу за руки столь сильно, что та даже поморщилась.
Нетрудно было догадаться, что она интересуется автором гнусного злодеяния.
— Не знаю. Но не думаю, если сильно ошибусь в предположении, что это кто-то из уже известной нам компании, — тихо ответила Илиана.
— Я убью его! — прорычала принцесса. — Я убью его прямо сейчас! — прибавила она, положив пальцы на меч и глянув в направлении двери.
— Для этого будет время позже, — мягко сказала Илиана, кладя ей ладонь на плечо, и Талара почувствовала, как по ней пробежала успокаивающая волна. — Сейчас нам надо решить что делать с твой матерью.
Немного поостыв, принцесса внимательно выслушала подругу и поняла, что та имела в виду. Илиана не была уверена в результате. Именно с таким недугом она еще не сталкивалась, причем с недугом настолько запущенным. Лечение могло закончиться как выздоровлением, так и смертью пациентки. Сама Илиана оценивала шансы примерно пятьдесят на пятьдесят, а полному исцелению принадлежала лишь половина от этих пятидесяти. Она была не в праве взять на себя ответственность за судьбу этой женщины и Талара очутилась перед крайне непростым выбором. От ее слова сейчас зависело что произойдет дальше. По лицу принцессы было видно, насколько сильная в ней идет внутренняя борьба. Она довольно долго молчала, взвешивая все за и против. Ее глаза были неотрывно прикованы к лицу матери, будто надеялись прочесть на нем ответ на столь важный вопрос.
— Покажи мне, — произнесла Талара глухим голосом.
— Показать что? — не поняла Илиана.
— Покажи мне что она чувствует, — пояснила принцесса. — И не спорь, — добавила она, видя, что подруга хочет что-то сказать. — Просто покажи.
— Закрой глаза, — велела Илиана, взяв ее за руки.
Она пощадила подругу, не передав ей всю гамму ощущений до конца. Илиана, разумеется, не могла передать ни видения, терзавшие больную, ни обрывки ее далеких от окружающей реальности мыслей, но ей было вполне по силам воссоздать для принцессы хотя бы часть поглотившего ее мать ужаса. До сих пор Илиане ни разу не приходилось излучать на кого-либо столь отрицательные волны. Вместо тепла и заботы она всколыхнула самые потаенные

кошмары, обдала леденящим холодом, пронзила каждую клетку бесконечным отчаянием. Совсем ненадолго, и в гораздо меньшей степени, чем испытывала больная, но и этого хватило более чем с лихвой. То, чем Илиана окутала Талару, произвело на последнюю глубочайшее впечатление. Тяжело дыша, побледневшая принцесса отпрянула прочь, задрожав как осиновый лист. Затем схватила руку матери и затряслась от беззвучных рыданий. Илиана стояла не шевелясь и не произнося ни звука, боясь нарушить эту душераздирающую, но священную сцену. Рыдания прекратились так же внезапно, как и начались.

— Действуй! — жестко сказала Талара, оторвав взгляд от матери и воззрившись на подругу.

— Уверена? — спросила та.

— Да! — кивнула принцесса. — Лучше пусть она умрет при попытке исцеления и тогда хотя бы избавится от страданий, нежели будет жить вот так, пребывая в кромешном аду. Действуй!

— Обойди постель с другой стороны и снова возьми мать за руку, — велела Илиана. — Надеюсь, это поможет.

Сказав так, она уселась подле больной и положила на нее обе ладони, одну на грудь, а вторую на голову. Пару минут ничего не происходило. Талара даже хотела спросить все ли в порядке, как вдруг из Илианы ударили волны алого света. Она вспыхнула едва ли не факелом, и эта вспышка была столь интенсивной, что принцесса невольно прикрыла глаза.

Как и в случае с Каролайной, девушка прибегла к крайней мере — она бурно насыщала тело энергией, вызывая мощнейший всплеск жизненной силы. Ее замысел был довольно прост: организм пациентки, восстанавливающий утраченные и поврежденные клетки, должен сам изгнать чужеродную сущность, обретя для этого достаточно сил. Простое колдовство или отраву Илиана вымывала из больных своей властью, но крепко сплетенный с человеком паразит не позволял ей проделать то же самое. Усилить самого паразита девушка не боялась. Ее способности не действовали на порождения колдовства и колдовские сущности, каковым он являлся. Пронизывая мать Талары энергетическим потоком, она вызывала лавинообразную реакцию в ее клетках, немедленно вступавших в противодействие с частичками чужеродной субстанции. Та, разумеется, не осталась безучастной к происходящему и мигом воспротивилась, не желая покидать привычную оболочку. Угнездилась она крепко, очень крепко. Несчастная женщина кричала бы от боли, когда из каждого ее нерва с корнем вырывались нитеобразные щупальца паразита, но Илиана временно лишила ее голоса, иначе на вопли сбежался бы весь дворец. К тому

же Талара наверняка пришла бы в ужас и чего доброго помешала бы процессу, а это грозило пациентке немедленной гибелью. Было совершенно невозможно описать, что сейчас происходило с телом и душой матери принцессы. Отдаленное представление могли дать рыболовные крючья, глубоко вонзившиеся своими острыми жалами в плоть и самую душу. Представьте, что почти во все клетки вашего тела впилось по такому крючку, а затем представьте, что их все разом стали вырывать, какие-то быстрее, какие-то медленнее. Пытка была поистине чудовищной, но иного способа изгнать паразита не существовало. Глаза Илианы сияли как два извергающихся кратера вулкана, отчего Талару пробирала дрожь. Алое сияние испускала вся ее фигура, и оно же охватило больную, проходя ее насквозь и выплескиваясь в стороны полыхающим ореолом. Принцесса с трудом верила в происходящее. Облик матери непрерывно менялся. Уходили изможденные старушечьи черты, исчезали следы тяжкого недуга. На смену им возвращалась утраченная природная красота, фигура восстанавливала свои грациозные очертания, лицо преобразилось, волосы обретали прежние блеск и пышность. Тело, возрождаясь как на дрожжах, наливалось невиданной прежде жизненной силой, обрушившейся на гнездившегося в нем паразита. Жуткие раны изорванных клеток, порожденные разрывом с чужеродной материей, немедленно затягивались под влиянием колоссального выброса энергии, исторгаемого Илианой. Эти раны возникали в теле тысячами, десятками, сотнями тысяч, сопровождая отторжение глубоко проникшей в него скверны. Не закрывай их целительница в то же мгновение как они появлялись, женщина неминуемо умерла бы от обширной кровопотери, множества внутренних повреждений. Фактически, она превратилась бы в один огромный кровоподтек с полопавшимися сосудами и внутренними органами. Лишь могучий поток жизненной силы, который Илиана вливала в больную, позволял той немедленно восстанавливаться, изгоняя из себя крепко засевшее зло. Ослабь она его хоть на несколько секунд — и внешне уже совершенно здоровое тело тут же обратилось бы в лохмотья искореженной плоти, в самой своей основе поврежденной не желавшим сдаваться паразитом.

Силы Илианы были не бесконечны. Более того, если бы она взялась за лечение несколько месяцев назад, то почти наверняка не справилась. За прошедшее время, сметая злые чары, исцеляя людей и животных и развивая их природные способности, девушка основательно поднаторела в собственных навыках, используя их все более искусно, а ее общий уровень по-прежнему продолжал расти. Она выдержала эту схватку с неведомой поганью, столь

долго разраставшейся в теле больной. В какой-то момент из бившейся женщины показалась черная жижа. Она выступала из пор, сочилась из ушей, ноздрей и уголков глаз, а затем вдруг хлынула изо рта так, будто легкие несчастной наполняла густая болотная тина. Мать Талары сотрясли сильнейшие судороги, грудь заклокотала; она задыхалась, не имея возможности глотнуть воздуха. У принцессы хватило ума ничего не предпринимать, видя, что подруга остается неподвижной, хотя все выглядело так, словно больную только что вытащили из трясины и дыхательные пути срочно требовалось освободить. Зловещая черная субстанция сливалась в единую вязкую лужу, волновавшуюся и ходившую рябью. Эта лужа не растекалась как обычная жидкость, а растягивалась эдаким приподнятым блином. Отторгаемая телом, она собиралась вне его, не имея возможности ни вернуться обратно, ни самостоятельно двинуться еще куда-нибудь. Когда последняя капля покинула мать Талары, Илиана неожиданно сдвинула одну из рук прямо в центр этой мерзкой жижи. Если бы та могла вопить, она завизжала бы так, что во дворце повылетали бы стекла. Прикосновение девушки, излучавшей потоки жизненной силы, для продукта черного колдовства было разрушительным и смертельным. Теперь целительница могла не бояться нанести пациентке вред, поскольку паразит находился вне ее тела и больше не представлял с ним единое целое. Алые волны обратили субстанцию в пепел, сжигая ее в мгновение ока. Вся отвратительная сущность была уничтожена, и от нее не осталось даже малейшего следа.

Когда алое сияние угасло, Талара увидела свою мать такой, какой она была прежде — пышущей здоровьем красавицей. Она даже как-то помолодела и выглядела просто изумительно. Впрочем, удивляться тут было нечему — Илиана накачала ее таким колоссальным объемом энергии, что тело женщины, полностью обновившись, пребывало на пике своих жизненных возможностей.

— Развяжи ее, — пробормотала Илиана, сползая с кровати на пол. У нее страшно закружилась голова, а перед глазами вдруг стало так темно, что она едва видела огоньки светильников. Талара, выхватив кинжал, быстро обрезала путы и хотела было спросить что дальше, но заметила плачевное состояние подруги. Кинувшись к ней, она испуганно схватила ее за плечи.

— Все хорошо. Со мной все в порядке. С твоей матерью тоже. Просто я очень устала, — сбивчиво выдавила Илиана, роняя слова. — Дай мне стакан воды.

Принцесса метнулась к стоявшему на столике графину с питьем, наполнила хрустальный бокал и вручила подруге. Илиана сделала несколько глотков, но неожиданно выплеснула остальное на пол.

— Здесь что-то примешано! — сказала она, утирая губы. — Не могу понять что. Что-то плохое, но неопределенного действия. Вроде бы не отрава, но и лекарством это точно не назовешь.
Талара прошипела несколько ругательств, погрозив вдаль кулаком.
— Иди к матери, — сказала Илиана. — Со мной все хорошо. Сейчас я приду в себя, дай мне пару минут.
Талара, поколебавшись, вернулась на постель, и взглянула на лицо матери, снова взяв ее за руку. Впервые за долгое время оно выглядело совершенно умиротворенным. Жизнь вернулась в эти аристократические черты, ресницы трепетали, грудь мерно вздымалась от тихого спокойного дыхания.
— Что с ней? — едва слышно спросила принцесса.
— Она спит. По-настоящему, — отозвалась Илиана. — Скоро она проснется и тогда для нее все будет окончательно позади.
— Позади?! — вдруг усомнилась Талара. — А если тот, кто совершил это злодеяние проделает его снова?
В ответ она услышала нечто совершенно неожиданное.
— Что вы здесь делаете?! — вдруг резко спросил чей-то низкий суровый голос.
Повернувшись на его звук, принцесса увидела возникшую словно из-под земли фигуру в черном балахоне, расшитом серебряными знаками. Подобное одеяние она видела в подземелье Ин-Хашуфа и начинала подозревать, что его носили высшие члены иерархии колдунов, наиболее важные и могущественные.
— Я принцесса Талара, а это моя мать! По какому праву ты осмеливаешься задавать мне вопросы?! — холодно заявила ханская дочь, соскакивая с кровати и принимая угрожающую позу.
На лице колдуна отразилась некоторая растерянность. Он признал принцессу и теперь лихорадочно соображал что следует предпринять. Талара явилась в покои больной самовольно, но все-таки она была не абы кто и не абы у кого.
— Я занимаюсь лечением вашей матери, ваше высочество. Поскольку я отвечаю за ее здоровье, я вынужден выказать вам неудовольствие вашим несвоевременным визитом в этот неурочный час, способным ухудшить состояние моей пациентки, — заговорил колдун, старательно подбирая слова.
— Ле-че-ни-ем? — недобрым голосом протянула принцесса, впиваясь взглядом в колдуна так, будто собиралась испепелить его на месте. — А не от твоего ли лечения она и занедужила, а?! Сам-то ты что здесь делаешь в означенный неурочный час? А ну показывай что это ты там принес!
Последнее относилось к банке, которую колдун держал в руках и ему было просто некуда ее девать. Нежданный посетитель бросил

тревожный взгляд на посудину, соображая как лучше всего себя повести.
— У него там пиявки. Пиявки с кровью, — сказала вдруг сидевшая на полу Илиана, частично прикрытая пологом кровати. — Теперь мне все ясно. Ясно, как они поддерживали паразита, чтобы он не выпил жизнь твоей матери раньше времени. И ясно почему в ее режиме есть несколько ночных часов, когда она остается совершенно одна. В это время ей в пищевод незаметно вводят насосавшихся кровью других людей пиявок, и паразит вволю пирует богатым питательным разнообразием. Умно.
Колдун изменился в лице. Талара тоже. Колдун явно не ожидал застать в покоях посторонних и еще меньше ожидал, что эти посторонние догадаются о цели его визита. Положение из щекотливого быстро превращалось в критическое. Илиана ощутила всколыхнувшийся поток злобы.
— Значит, именно этот поганец наложил заклятье на маму? — свирепо спросила принцесса, нащупывая меч.
— Не знаю. Но он пришел кормить паразита, значит точно замешан в злодеянии, — отозвалась Илиана, внимательно наблюдая за человеком в черном балахоне.
Таиться не было смысла. Узнав о выздоровлении жены повелителя, колдун моментально сложил бы два и два и сообразил кто к нему причастен, поэтому необходимость играть с ним в кошки-мышки отпала сама собой. Зато обвинения в лоб могли спровоцировать ответную реакцию, что и произошло.
— Вы напрасно сунулись не в свое дело, ваше высочество, — зловеще произнес колдун, поставив банку на пол.
— Лечение моей матери — еще как мое дело! — процедила Талара.
— Боюсь, вам ничего не удастся сделать, — усмехнулся колдун. — Лучше бы вы оставили все как было.
— Ошибаешься, милейший, — криво усмехнулась принцесса. — Моя мать выздоровела и теперь свободна от ваших гнусных чар.
Лицо колдуна вытянулось. Явно не веря услышанному, он машинально сделал несколько шагов вперед.
— Стой на месте! Еще шаг — и я снесу тебе башку! — прорычала Талара.
Колдун остановился. Он уже успел разглядеть удивительные перемены в состоянии больной и сообразил, что ханская дочь говорит правду. Судя по виду, это его немало озадачило.
— Значит, одна из вас чародейка. И вряд ли это вы, выше высочество, уж простите за нескромность. Вероятно, ваша подруга, — произнес колдун, пристально воззрившись на Илиану. — Любопытно кто она такая. Считалось, что снять такие сильные чары

уже едва ли возможно.
Судя по реплике, он не узнал внучку шейха то ли из-за изменений в возрасте, то ли потому, что вообще никогда ее прежде не видел. Колдун сделал перед собой короткое движение, а губы его шевельнулись. Наверное, наложил какое-то защитное заклятье. Не спуская глаз с Илианы, он выудил из складок мантии уже знакомый девушкам прибор и искоса взглянул на его показания. Брови колдуна поползли вверх.
— Не понимаю, — пробормотал он, хорошенько встряхнув Компас.
— Ничего не понимаю, — повторил он, убедившись что инструмент ничуть не передумал. — Единственный сигнал идет от вас, ваше высочество, но мы об этом давно осведомлены. Это излучает ваш необычный меч.
В данный момент здорово фонило не только оружие из Абериджа, но и амулет, изготовленный Сирелиной, но это ровным счетом ничего не меняло.
— Кто наложил заклятье на мою мать? — холодно осведомилась принцесса.
Колдун поднял на нее глаза и улыбнулся. Теперь, уразумев, что ему ничего не угрожает, раз он находится в комнате с самыми обыкновенными девицами, злодей явно расслабился.
— Я удовлетворю ваше любопытство, ваше высочество, если вы в свою очередь расскажете мне каким образом вам удалось его снять, — с усмешкой предложил колдун.
— Я должна поверить в твою откровенность? — прищурилась Талара.
— Разумеется. Я буду с вами честен хотя бы потому, что мне нет смысла лгать. Мы же все понимаем, что живыми из этой комнаты вы не выйдете, — все с той же недоброй усмешкой произнес колдун. — Я просто не могу вас отпустить, ибо трудно даже представить что вы такое наболтаете отцу.
— Я кликну стражу и она разорвет тебя в клочья, — заметила принцесса.
— Это вряд ли, — качнул головой колдун. — Пока она сюда ворвется, я успею уложить вас обоих, а затем заявлю, что застал двух ведьм за наведением порчи, вызывающей недуг больной. Они напали на меня, я спасал себя и жену повелителя. Кто бы мог подумать, что одной из злоумышленниц окажется его собственная дочь!
— И ты осмелишься на такое? — с недоверием поинтересовалась Талара.
— В сложившихся обстоятельствах у меня все равно нет иного выхода. Ведь вы же не будете держать язык за зубами, не правда ли,

ваше высочество? — осведомился колдун. — Кроме того, убивать вас не обязательно. Я выведу вас из строя и уже не дам прийти в сознание. Можно придумать соответствующую легенду. Сказать, что на вас срикошетило злое колдовство. Да мало ли… В первый раз что ли нам потчевать вашего отца подобной байкой? Припомните судьбу вашего брата и вы поймете, что это отнюдь не пустые слова.
— Значит, его смерть и впрямь дело ваших рук, — побелев от гнева, изрекла Талара. — Что ж, преступление достойное смертной казни. Вся ваша компания оптом отправится на эшафот.
— Как мило. Боюсь, ваше пожелание не сбудется, — отозвался колдун, окончательно почувствовавший себя хозяином положения.
— Ты не ответил на мой вопрос, — хмуро отрезала принцесса.
— Все-таки хотите поиграть? Извольте, — усмехнулся человек в черном. — Это совершенное колдовство наложил лично мой непревзойденный учитель. Только ему было по силам столь искусно замаскировать его под обычный недуг и постепенно взрастить его до нужного уровня. Только он мог придумать столь ловкий способ поддерживать в чахнущем теле жизнь, ведь умри ваша мать — и хан снова мог бы жениться, а появление новых наследников было бы для нас крайне нежелательно. Безумная же жена, угасающая долгие годы, при двух других совершенно бесплодных лишили хана такой возможности, а он твердо придерживался собственных правил, о чем не преминул заявить и моему учителю. При трех живых женах он отказывался взять себе четвертую, говоря, что это будет плохим примером для подданных. О, учитель мудр. Он все предвидел и очень хорошо рассчитал!
— Оно и видно, учитывая, что мы сегодня положили конец его злодеянию, — не удержавшись от иронии, заметила Талара.
Улыбка на лице колдуна завяла, и он сразу помрачнел.
— К слову об этом. Ваша очередь, ваше высочество, — заявил он, прищурившись.
— Имя! — резко сказала принцесса.
— Вам оно известно. Есть только один великий и неповторимый мастер. Его зовут Дегонис, — с невольным почтением в голосе произнес колдун.
— Отлично. Я постараюсь собственноручно отправить его в ад вместе со всеми его Манипуляторами, — ледяным тоном изрекла принцесса, будто зачитывала приговор.
Колдун помрачнел еще больше. Принцесса произнесла такое слово, которое, по его разумению, посторонние знать вообще не должны. Эта игра нравилась ему все меньше.
— Будет неплохо, если вы, выше высочество, расскажете мне не

только о том, как исцелили вашу мать, но и откуда вам известно про Манипуляторов, — сказал он неторопливо. — Обещаю — ваша подруга умрет быстро и наименее болезненно, а вас я постараюсь оградить от излишних страданий. В противном случае — пеняйте на себя.
— Думаешь, мы тебя боимся? — презрительно заявила Талара, встав подле подруги.
— А следовало бы! — огрызнулся колдун.
— Ее исцелила я, — сказала вдруг доселе помалкивавшая Илиана, поднимаясь на ноги. — Исцелила точно так же, как уничтожила твоих подельников в пустыне Калихари, где твой любимый учитель хотел забрать всю мою кровь до последней капли. Он оставил меня там умирать под присмотром ваших Манипуляторов. Только вот умерли они, а не я. Твой учитель, поди, до сих пор гадает куда они подевались?
Судя по ошарашенной физиономии колдуна, он был явно в курсе этой истории и даже отступил на шаг с совершенно неописуемым выражением.
— Не может быть! — выдохнул он, пожирая девушку глазами. — Клянусь Бивилексом, это и правда ты!
Игры кончились. Выбросив руку в направлении Илианы, колдун хотел произнести заклятье, но неожиданно понял, что не в состоянии этого сделать.
— Что, язык проглотил? — холодно осведомилась девушка.
Колдун замер как истукан, силясь преодолеть сковавший его неведомый паралич. Илиана нахмурилась. Как и в других Манипуляторах, в этом человеке она ощущала присутствие некой сторонней сущности, но в данном случае эта сущность прослеживалась намного, намного отчетливее. И сейчас вдруг всколыхнулась, вступив с девушкой в борьбу за управление телом. Человеческой натурой Илиана владела безраздельно, но это было нечто иное; нечто такое, что крайне плохо поддавалось ее воздействию. Эта сущность овладела колдуном в достаточной степени для того, чтобы сопротивляться контролю девушки. Манипулятор все еще не мог произнести ни слова, но его рука дрогнула и вдруг выбросила в Илиану заклятье. Не подкрепленное колдовской речью, оно оказалось слабее, чем обычно, но девушка почувствовала как ее обжег разбившийся о тело пагубный импульс. На мгновение ее будто прострелило с головы до ног болезненным разрядом, мелькнувшим как ударившая с неба молния. Илиана здорово ослабла после сеанса исцеления, а колдун едва шевелился. В результате его заклинание, чем бы оно ни было, не оказало на жертву значимого эффекта, но и девушка поняла, что теряет установленный контроль. Чу-

жеродная сущность перехватывала у нее управление марионеткой, не желая сдавать завоеванные позиции. Будь Илиана на пике энергии, неизвестно чем кончился бы этот невидимый поединок, но в эту секунду она осознала что не справляется.
— Он сейчас вырвется! — крикнула она Таларе.
Принцесса, выхватив кинжал, швырнула его в Манипулятора. Тот уже освободился от сковывающей его хватки, хотя часть его способностей по-прежнему оставалась заблокирована. Казалось, кинжал должен был поразить злодея в грудь, однако случилось нечто немыслимое. В момент касания фигура колдуна словно расплылась, отразившись одновременно несколькими чуть сдвинутыми в разные стороны слегка прозрачными контурами. Кинжал, не причинив ему вреда, пролетел тело насквозь и со звоном врезался в стену. Такой же эффект наблюдал Бэйл, когда попал в засаду в доме колдуньи Зауры. Так вот что наложил на себя Манипулятор когда думал, что вот-вот схлестнется в поединке с чародейкой! Илиана в нескольких отрывистых словах озвучила Таларе что произошло. Это было Искажающее заклятье. Оно позволяло телу попеременно присутствовать в обычном мире и в мире демоническом, позволяя таким образом пропускать через себя способные причинить урон объекты. На простого человека оно сработать не могло за отсутствием в его теле скверны, однако вызвало бы адскую боль в каждой клетке, полностью лишив дееспособности. Подготовленные должным образом Манипуляторы никакого дискомфорта не ощущали. Это заклятье они с успехом использовали не только на себе, но и швыряли в других, поражая жертву невыносимой жгучей болью. Его колдун и направил в Илиану, чье тело успешно воспротивилось темным чарам с минимальными последствиями. Оба — и Манипулятор и девушка, — сделали для себя чрезвычайно неприятное открытие, так как оба оказались не в состоянии эффективно совладать с противником. Илиана, собрав все силы, атаковала колдуна незримой волной, стараясь подчинить его своей воле. Он уже намеревался ударить девушек каким-то заклинанием, но у него ничего не вышло. Схватку за контроль над телом Илиана проиграла, однако все остальное ей удалось перехватить. Манипулятор мог двигаться, но временно утратил способность творить чары.
— Талара, руби его мечом! Я не даю ему колдовать! — крикнула Илиана.
Принцесса, с мелодичным звоном выхватив заветный меч, ринулась на колдуна. Тот, достав из рукава какой-то небольшой шар, швырнул его под ноги Илианы. Шар с грохотом взорвался, выбросив сноп ослепительно полыхнувших молний. Илиану отбросило в

сторону от опаленного эпицентра. Ее кожа успела покрыться сильными ожогами еще до того, как девушка рухнула поодаль, теряя сознание. Таларе повезло больше. Прыгнув к колдуну, она успела избежать электрического взрыва, задевшего ее лишь самую малость. Один быстрый взмах меча — и вот он наискось поразил Манипулятора, пройдя через него слева направо. Пройдя безрезультатно. Фигура злодея вновь разделилась на несколько контуров, пропустив сквозь себя клинок принцессы. Колдун злобно захохотал, чувствуя возвращение способностей. От окончательной победы его отделяли считанные секунды.

— Замри и умри! — торжествующе прошипел он, встретившись глазами с Таларой и потянувшись к ней поднимаемыми пальцами.

— Отличная идея! — воскликнула та и сунула ему меч прямо в сердце.

Сунула и оставила неподвижно, удерживая зачарованную сталь внутри разделившегося Искажающим заклятьем корпуса. Клинок озарило слабое голубоватое сияние. Колдун вдруг дернулся и захрипел. Его расплывчатый контур часто-часто замельтешил, испуская в пространство сухой треск. Затем стал каким-то совсем прозрачным и вдруг обрел свое естественное плотское состояние. Меч насквозь пронзил проявившееся вокруг него тело. Изо рта Манипулятора побежала струйка крови, глаза остекленели. Выдернув клинок, Талара одним махом снесла врагу голову. С опущенного к полу лезвия стекали капли крови, пока она смотрела на обезглавленного колдуна. Принцесса впервые собственноручно убила человека, но не испытывала по этому поводу ни малейшего сожаления. Дегониса и его прихвостней она за людей не считала. Это было как уничтожить бешеное животное, причем не просто бешеное, а изначально вредоносное по своей натуре.

Поверженный колдун лежал на полу в луже крови, а какой-то назойливый шум все продолжался. Талара оглянулась в поисках его источника, увидела неподвижно лежавшую подругу и сообразила, что это стража ломится в дверь, издавая тревожные возгласы. Колдун успел закрыть вход, и теперь с той стороны множество людей стремилось проникнуть в запертые покои, привлеченные криками и звуками побоища. Подобрав брошенный кинжал, принцесса подбежала к Илиане. Ожоги подруги затягивались с какой-то невероятной скоростью, однако она все еще была без сознания. Талара похлопала ее по щекам и легонько встряхнула, но безрезультатно. Рядом послышался тихий вздох. Повернувшись, принцесса увидела севшую на постели мать, оглядывавшуюся по сторонам так, будто она видела свои покои впервые. В голове Талары вихрем пронеслось сразу множество мыслей, превративших одно

мгновение в целую вечность. Двери с треском вылетели, обрушившись обеими створками в покои супруги ад-Сейдина. Подхватив Илиану, принцесса ринулась к потайному ходу.
— Талара? — изрекли уста исцеленной женщины, узнавшей пробегавшую мимо девушку.
— Я люблю тебя, мама! — крикнула принцесса, обернувшись с непередаваемым выражением лица.
Такой ее и увидели ворвавшиеся в просторную комнату люди, среди которых были сиделки, слуги, гвардейцы и колдун. Стоя подле обезглавленного тела, ее высочество, держа какую-то девушку через плечо, смотрела на очнувшуюся мать. Затем скрылась в зеве затворившегося за ней потайного хода.

– 8 –

Монастырь Аш-Гарон располагался в горах, покрытых густым дремучим лесом. От старинного причала на Идлисе к нему вела узкая мощеная дорога, петлявшая по пересеченной местности и порой едва не исчезавшая из виду. С десяток миль по этому пути — и вот уже прохожий углублялся в нагромождение скал, отливавших в солнечных лучах красным гранитом, а дорога ощутимо начинала забирать вверх. Впрочем, карабкаться к труднодоступным вершинам необходимости не было. Еще несколько миль среди россыпей камней — и вдоль горного отлога тропа становилась чистой и ухоженной, а после очередного поворота взору представали ворота монастыря, вделанные в широкую короткую стену. Стена перекрывала вход в узкое ущелье, обрамленное практически отвесными склонами. Внутри, в небольшом овальном пространстве, теснились древние наружные постройки, переглядывавшиеся окнами с теми, что выступали из толщи горы. Это уединенное место находилось вдали от селений и торговых путей, и сюда изредка забредали лишь охотники да заблудившиеся путешественники. В разное время монастырь служил как убежищем, так и узилищем для всяких особенных людей, судьбой или природой. В последние века он использовался как добровольно-принудительное пристанище для носителей колдовского дара. Репутация Аш-Гарона была ни плохой, ни хорошей. Не все о нем слышали, однако кто знал о его существовании обыкновенно старался избегать этого комплекса, построенного в глубокой древности. О нем ходили разные слухи, и почти все они были недостоверными, основываясь на человеческой фантазии и суевериях. Прежде монастырю частенько приписывали то, чего там никогда не было, равно как теперь и подумать не могли о том, что там действительно находилось. В

Железных землях Аш-Гарон считался прибежищем отшельников и отщепенцев, но не преступников. В людской молве он ассоциировался с теми, кто в силу разных причин не может полноценно жить в обществе. О нем мало кто вспоминал, и не забывали о нем лишь власти, раз в квартал обеспечивая поставки необходимых ресурсов. Еще меньшее число людей было в курсе, что с некоторых пор в монастыре обитают только лица с чародейским талантом, куда их негласно свозят с доброй половины южных земель. Совсем немногие были осведомлены, что он превратился в кузницу Манипуляторов.

Сирелина и ее отряд относились к последним. Приблизившись к заветным горам, располагавшимся друг от друга не так близко, чтобы считаться хребтом, но и не столь далеко, чтобы именоваться отдельными пиками, чародейка велела соблюдать максимальную осторожность. До монастыря было рукой подать и в последнюю ночь костры в лагере не зажигали, опасаясь привлечь нежелательное внимание. Четкого плана у Сирелины не имелось. Фактически она явилась к Аш-Гарону наобум, заранее не зная с чем и где столкнется. Если бы не старания Талары, нежданно-негаданно присоединившейся к походу, у нее отсутствовала бы даже схема монастыря с указанием полезных деталей. Эту схему принцесса заблаговременно раздобыла в библиотеке, где провела довольно много времени, копаясь в разнокалиберных фолиантах. Вся архитектура Железных земель нашла воплощение в отдельной секции, и принцесса, не уставая чихать от обилия пыли, сумела откопать записи об Аш-Гароне и его последнюю более-менее достоверную планировку. Добытые сведения она отправила с очередной совой, а теперь дело повернулось так, что Талара и сама приняла участие в затеянной чародейкой вылазке. Все лучше, чем отправляться куда глаза глядят, хотя ей предлагали убежище в Альмирстале, да и она сама могла двинуть на Запад и попросить приюта у дю Бренталя. Принцесса, как и следовало ожидать, безопасному укрытию предпочла активные действия, загоревшись желанием лично насолить ненавистным колдунам, и насолить хорошенько. В своих мечтах она уже бегала с факелом, предавая огню змеиное гнездо, и порой даже думала об этом вслух. Сирелина только усмехалась, покачивая головой. Ах, если бы это было так просто!.. Пройдя вдоль горного отлога параллельно дороге, через лабиринт скал и дремучих зарослей, она вывела отряд на высокий скалистый холм, откуда просматривалась верхушка перекрывавшей ущелье стены. Здесь чародейка сделала последнюю остановку, поскольку именно здесь и надлежало решить что делать дальше.

Довольно быстро выяснилось, что вокруг монастыря не имеется признаков жилья или какой-либо человеческой деятельности. Впрочем, с последним следовало сделать оговорку. Некогда обитатели Аш-Гарона засеивали разными сельскохозяйственными культурами несколько больших площадок у подножия горы. Промеж скал и нагромождений валунов до сих пор сохранились расчищенные пространства, постепенно отвоевываемые дикой растительностью. Также в прежние времена велись и вырубки, снабжавшие монастырь дровами и строительным материалом. Ныне они основательно заросли новыми деревьями, так что можно было смело утверждать, что работы давным-давно не ведутся. Имелось и подобие каменоломни, откуда добывались самый обычный камень и красный гранит, используемые для нужд уединенного комплекса. Гулявший в каменоломнях ветер был единственным движением среди заброшенных выборок, еще хранивших в себе следы кирки и лома. У каждого рабочего участка, начиная от полей и заканчивая каменоломней, имелась сторожка, где обитал смотритель. Когда-то. Сейчас ветхие постройки едва удерживали свой собственный вес, и если они до сих пор уцелели, то лишь благодаря изначальной надежности конструкции. Иными словами, после дня осторожной разведки нетрудно было установить, что монастырь свернул всю внешнюю деятельность, не оставив за своими вратами ни единого человека. В принципе, удивляться особо не приходилось. Дегониса вряд ли интересовала мирная автономная жизнь Аш-Гарона. Ему были нужны новые Манипуляторы, а эта кузница кадров располагалась где-то внутри и обеспечивалась регулярными поставками из Империи. До остального же колдуну попросту не было дела. Сирелина нашла это соображение вполне логичным, но настроения оно ей точно не прибавило. Если до сих пор у нее имелись надежды захватить языка и душевно с ним побеседовать, то теперь они стремительно таяли. С помощью Илианы теоретически можно сцапать кого-то из охраны ворот, ибо те наверняка не безлюдны, но такая операция ну никак не пройдет незамеченной, и обитатели монастыря живо окажутся настороже. Кроме того, недавний инцидент во дворце показал, что против черных колдунов Илиана не всесильна. Похоже, наиболее развитых из них она не могла слишком долго контролировать полностью, а это было чревато непредсказуемыми последствиями. Вряд ли дело заключалось в неумении девушки обращаться с означенными типами — она уже неоднократно показывала свою полную власть над захваченными Манипуляторами. Сирелина предположила, что демоническое присутствие в самых могущественных приспешниках Дегониса стало слишком значительным. Человеческой сущности, за-

хваченной Илианой, для полного подчинения оказывалось недостаточно, и колдун управлялся как бы двумя силами сразу, перехватывавшими друг у друга инициативу. Чародейка уже неоднократно рассказывала про особенности демонологов: откуда они черпают силу и как демоны постепенно завладевают их разумом и телом, превращая в одержимых. Открытое присутствие демона для человека необратимо и оно уничтожит телесную оболочку после того, как демон уйдет. Свидетелем тому была сама Сирелина, схватившаяся с пленным Манипулятором в подземелье Абериджа. В остальном же демоническая сущность росла постепенно, отравляя человека своей скверной. Чем глубже эта сущность пускала корни, тем могущественнее становился демонолог, но тем ближе становился его естественный и неотвратимый конец. В случае с Манипуляторами все выглядело несколько необычно. Должно быть, Дегонис сумел найти способ замедляющий этот процесс, и успешно им пользовался, наделяя колдунов новыми возможностями и при этом значительно растягивая отпущенный им срок жизни. Хуже, гораздо хуже, если это делали сами демоны.

Илиана, хорошенько обдумав аргументы наставницы, согласилась, но с небольшими отступлениями. В тот момент она значительно ослабла, потратив почти все силы на исцеление матери Талары. Кроме того, ей удавалось оказывать некоторое влияние и на чужеродную сущность, просто довольно незначительное. Если бы это было не так, сущность живо вытеснила бы ее прочь и полностью вернула себе контроль над марионеткой, однако девушка успешно путала ее карты, расстраивая враждебное воздействие и перехватывая инициативу. Таким образом, даже если теория Сирелины верна, то Илиане просто следует быть хорошо подготовленной и научиться лучше подчинять своей воле инородную форму жизни. С последним, конечно, туговато, поскольку демоны сплошь и рядом не попадаются, но если она наловчится накидывать уздечку одновременно на две разные сущности в одном флаконе, то уже ни один Манипулятор не сможет устоять перед ее хваткой. Чародейка, слушая воспитанницу, только качала головой. Такое было бы слишком даже для Илианы. Ее дар не действовал на колдовских существ, а эти исчадия преисподней с ними даже рядом не стояли. Нет, здесь, как обычно, было что-то еще, но только поди разбери что именно, когда вокруг воспитанницы и так теснятся лишь загадки да предположения. Даже если ее способности действительно распространяются на порождения скверны, пусть и в меньшей степени, этому должно быть какое-то иное объяснение. Только какое?..

Вскоре стало совершенно ясно, что дальше крутиться вокруг

монастыря не имело смысла. Какие бы здесь ни происходили события, они происходили в его стенах, и надо либо изыскать способ туда попасть, либо убраться восвояси. Сидеть и ждать некоего счастливого случая — крайне сомнительное занятие, грозившее растянуться на недели, если не месяцы. На третий вечер Сирелина объявила общий сбор, чтобы обсудить складывающееся положение, а пока условленный час не наступил, что-то колдовала, отойдя в сторонку и сосредоточенно бормоча себе под нос.

— Думаешь, ты смогла бы контролировать демона? — спросила Талара, подсев к размышлявшей о чем-то подруге.

— Я не знаю, — честно призналась та. — Демон, если это был он, здорово мешал мне подчинить того колдуна, и если бы не ты…

Голос девушки дрогнул. Она помнила все до того момента, как ее оглушило мощным разрядом электричества, а оставшуюся часть услышала уже от принцессы. Да, все-таки она уязвима, хотя и обладает невероятной властью над живыми существами.

— Эх, все бы отдала чтобы узнать как там сейчас мама, — вздохнула Талара, с головой выдавая к чему она завела разговор.

— Полагаю, какое-то время с ней будет все в порядке, — помедлив, ответила Илиана. — После всего произошедшего Дегонису будет сложнее повторить свое злодейство, в котором на данный момент нет прямой необходимости. Он собирается завершить свой план до того, как у твоего отца гипотетически появится новый наследник. Вряд ли колдун станет рисковать, стараясь вернуть твою мать в прежнее состояние. Скорее, попробует обратить вопиющее происшествие себе на пользу, свалив все на чародеек, а заодно и на тебя, что заблаговременно обелит его от всех твоих обвинений. Бесконечно долго он твоего отца обманывать не сможет, но ему это и не требуется. Дегонису достаточно получить отсрочку и выиграть битву против чародеек. Сейчас главное, чтобы он не заподозрил Сантару, то бишь твою маму, иначе он может устранить ее так же, как пытался устранить тебя.

Талара пригорюнилась, подперев голову руками. Да уж, исцеление матери пошло по совершенно непредсказуемому руслу. При формальном успехе оно закончилось едва ли не плачевно. Илиана выполнила свое обещание и спасла Сантару, а принцесса, не оставшись в долгу, тут же спасла саму Илиану. Сейчас обе подруги, живые и невредимые, сидят тут в ложбине промеж высоких скал, обдумывая удар по колдунам, а мама где-то там, в Солтенстиле, в окружении черных колдунов. Как бы не вышло так, что исцелением девушки подписали ей приговор. Ах, будь оно все неладно!

— Все будет хорошо, — ласково сказала Илиана, угадав ход мыслей подруги. — Верь мне.

Ее рука на плече принцессы, испускавшая убаюкивающие теплые волны, действовала ободряюще. Талара посмотрела в мерцавшие сиреневые глаза и слабо улыбнулась. Ей стало немного полегче. Илиана неплохо научилась предугадывать возможное поведение людей, поэтому раз она так говорит, значит на то имеются веские основания. Сама же Илиана и впрямь считала озвученную версию развития событий наиболее вероятной, но все-таки одно дело — вероятность, и совсем другое — твердая уверенность. Ведь если бы она заранее предполагала что может произойти во дворце, то и вела бы себя совершенно иначе. Как и Талара, она невольно воскресила в памяти свежие воспоминания, будто очередное их переживание было способно что-то изменить.

* * *

Во дворце поднялся жуткий переполох, усугубленный тем, что на месте немыслимого происшествия видели убегающую принцессу. Времени у Талары было в обрез. Если бы не великолепная физическая форма, развитая благодаря регулярным тренировкам и воздействию Илианы, принцесса просто не смогла бы долго тащить бесчувственную подругу. Не дожидаясь погони, она потайными ходами направилась прямиком в парк, где укрыла Илиану на заветном чердаке. Талара вынесла бы ее и за пределы дворца, но просто не успела этого сделать. Поднятая тревога перекрыла путь к отступлению. Подземные ходы стали наполняться гвардейцами и колдунами, блокировавшими периметр, и она сделала единственно верный выбор. Об убежище на чердаке до сих пор никто не знал, и там Илиана будет в безопасности, а уж выбраться из дворца она как-нибудь да сумеет. Уложив подругу на одеяло, принцесса под обеспокоенным взглядом двух сов начертала ей коротенькую записку и оставила на видном месте. После этого она покинула чердак и кружным путем направилась обратно во дворец. На подходе к нему ее остановил гвардейский патруль — один из тех, что сейчас наводнили окрестности.

— Ваше высочество, именем вашего отца прошу вас следовать за мной! — вежливо, но настойчиво заявил офицер, преграждая принцессе путь.

Талара поняла, что сейчас качать права и возмущаться будет очень плохой идеей.

— Это куда это? — осведомилась она, нахмурив брови.

— К вашему отцу, разумеется, — ответил офицер. — Таков его прямой приказ. Очень прошу вас подчиниться ему добровольно.

— Я и сама шла с ним поговорить, так что не вижу препятствий,

— с деланным равнодушием пожала плечами Талара.
Офицеру явно полегчало. Еще не хватало применять к дочери повелителя силу! Сейчас он может на нее и гневается, да завтра запросто остынет и спросит с подчиненных за ее малейший синяк. Отступив на шаг в сторону, офицер сделал приглашающий жест и предупредительно сопроводил принцессу куда было велено. Оставив ее одну в комнате из голубого мрамора с красивыми мозаичными панно, где хан обычно принимал вельмож, офицер с поклоном удалился, закрыв за собой дверь. Судя по тому как щелкнул замок, Талара догадалась, что просто так ее отсюда не выпустят. За другой дверью находился прямой ход в покои отца, но она также оказалась заперта. Подергав ручку, принцесса тихонько вздохнула. Теперь ей оставалось только ждать. За арочными, от самого пола, окнами все еще было темно, поэтому ничего особенно интересного там не наблюдалось. Покружив по комнате, находившейся по соседству с тронным залом, Талара, игнорируя скамейки, уселась на ступеньку подле отцовского трона и призадумалась.

Хан появился совершенно бесшумно. Девушка даже не слышала как он вошел и обернулась только на звук его голоса. Когда она последний раз смотрела на часы, прошло около тридцати минут, но сколько минуло с того момента, как она их вытаскивала? Поднявшись, Талара встретилась взглядом с приблизившимся отцом, остановившимся от нее в паре ярдов. С минуту они молча смотрели друг на друга, не издавая ни звука. Принцесса вдруг растерялась, совершенно позабыв, что хотела сказать, и ждала пока отец заговорит первым. Тот же не торопился начать разговор, внимательно изучая дочь. Ад-Сейдин пребывал сейчас в крайне возбужденном состоянии, не зная что и думать. Он только что пришел от жены, в покоях которой лежал обезглавленный труп колдуна, но которая при этом оказалась совершенно здорова как умом, так и телом. Само это обстоятельство настолько его поразило, что некоторое время он вообще ничего не осознавал, не в силах отпустить из объятий вновь обретенную супругу. Показания свидетелей окончательно сбили его с толку, поскольку они утверждали, что убийство — дело рук Талары, проникшей в покои матери среди ночи с какой-то другой девушкой, унесенной ей в подземный ход. Все произошедшее было настолько из ряда вон, что попросту не укладывалось в голове.
— Что все это значит, Талара? — сурово спросил хан, не сводя с дочери пристального взгляда.
— Что именно? — ответила та вопросом на вопрос.
Принцессе было важно знать в каком свете сейчас отец видит

приключившееся в покоях матери и что ему успели наболтать.
— Вот ты мне и скажи! — повысил голос хан. — Тебя застали в спальне Сантары подле обезглавленного трупа одного из моих верных слуг! Ты сбежала как преступник, унеся кого-то в подземный ход. Я желаю, чтобы ты немедленно дала мне исчерпывающие объяснения!
— Как мама? — невольно спросила Талара.
Отец сдвинул брови, но удержался от гневного окрика. Чудесное видение, представшее ему во плоти, заставило его сердце смягчиться, и вопрос дочери о Сантаре прозвучал не столь уж вызывающе.
— Уже и не припомню, когда она выглядела лучше. Разве что в день нашей свадьбы, — сказал хан, и в его суровом взоре промелькнуло нечто совершенно не присущее жесткому и неумолимому завоевателю.
С великим трудом он оставил сейчас жену в окружении охраны и врачей чтобы побеседовать с дочерью.
— Она что-нибудь сказала? — осторожно уточнила принцесса.
— Сказала, что ты там была. Больше ничего. Рассудок к ней вернулся, но она мало что помнит, — с расстановкой произнес хан. — Талара, выкладывай что там произошло! — добавил он более властно, возвращаясь к изначальному вопросу.
Принцесса колебалась. От ее слов сейчас зависело очень и очень многое. Может ли она сказать всю правду или стоит придумать какую-нибудь легенду, далекую от истины, но куда более убедительную?
— Я привела подругу. Это она исцелила маму, — ответила, наконец, Талара. — Появился колдун и напал на нас. Мы защищались.
Лицо хана вытянулось. Опешив, он даже отступил на шаг назад, смерив дочь недоверчивым взглядом.
— Это невозможно! — воскликнул он, переварив услышанное.
— Почему? — удивилась принцесса.
— Потому что если бы он на вас действительно напал, вы бы с ним не справились! — заявил ад-Сейдин. — Это был очень могущественный человек, равно как исцелить Сантару мог лишь еще более великий целитель.
— Именно такой и является моя подруга, — сообщила Талара. — Это она вылечила маму, и без нее я бы действительно не справилась с этим злодеем! Да, ты совершенно прав — она гораздо могущественнее, чем этот черный колдун!
— Ты что, привела в мой дом чародейку?! — разинул рот хан, наливаясь краской.
— Какая разница кто она? Мама здорова, а злодей мертв! —

вспыхнула принцесса. — Между прочим, он явился к маме вершить свое злое дело, как неоднократно приходил и прежде! Все произошло спонтанно, ибо колдун не рассчитывал застать нас у ее ложа.
— Талара, это пахнет изменой! — гневно заявил хан. — Чародейки — враги Империи! Мои личные враги! И ты осмеливаешься утверждать, что водишь с ними знакомство, а при этом еще и обвиняешь моих верных слуг?!
— Это как раз "верные слуги" и внушили тебе, что чародейки — твои враги. Ты видишь врагов совсем не там, где они есть на самом деле! — воскликнула принцесса.
— Талара, ты забываешься! Я все еще властелин Железных земель и твой отец! — жестко произнес хан. — Немедленно отвечай кто был с тобой в покоях Сантары и где она сейчас!
— Со мной была та, кто исцелил маму, изгнав и уничтожив наложенные твоими "верными слугами" злые чары! И я не скажу где она, потому что тогда она поплатится за свое доброе дело! — заявила принцесса.
— Тогда поплатишься ты! — всерьез осерчал ад-Сейдин. — Не шути со мной, дочь! Я дал тебе слишком много воли, и вот как ты решила меня за это отблагодарить?! Отвечай немедленно!
— Да толку тебе отвечать, если при слове "чародейка" ты тут же забываешь про все на свете и не желаешь ничего слышать?! — возмутилась Талара.
Она нечасто видела отца в таком гневе и при других обстоятельствах пошла бы на попятную, но сейчас отступать было нельзя. Набравши в грудь воздуху, девушка ринулась в атаку. Хан даже слегка опешил от напора дочери, с жаром принявшейся настаивать на своем развитии событий. Злое заклятье наложили колдуны, и тот, кому она лично снесла башку — да, это ее рук дело, чего уж там! — признался, кто именно это был. Она готова назвать имя, однако для отца это может быть серьезным ударом. У ее же подруги и в мыслях не было причинить кому-нибудь зла, и лучшим доказательством этого является исцеление матери, наконец-то освобожденной от непрерывного кошмара, порожденного поселившимся в ней творением темных чар. Да, они тайно проникли в покои под покровом ночи, но как еще подруга могла осуществить лечение? Кто бы позволил постороннему человеку прикоснуться к супруге повелителя и провести все необходимые действия? К сожалению, им обоим и в голову не пришло зачем именно был сделан ночной перерыв, во время которого больная оставалась одна. В этот промежуток к ней приходил черный колдун, чтобы поддерживать жизнь в паразите, помещенном в тело несчастной женщи-

ны. Разумеется, он понял, что не может выпустить принцессу и ее спутницу живыми, когда осознал, что им стала известна тайна недуга жены повелителя. Произошла короткая схватка, в которой Талара успела поразить негодяя до того, как он успел ее убить. Неужели ей обязательно надо было умереть для того, чтобы отец заподозрил истинного преступника, а не традиционно усмотрел во всем вину чародеек?!

— Талара, даже если предположить, что одна из них действительно иной раз способна на доброе дело, ты забываешь обо всех других их кознях, — сказал, помедлив, хан. — Даже если допустить, что в твоем рассказе содержится доля истины, это мало что меняет. У этих женщин могут быть опасные далеко идущие замыслы, и втеревшись в доверие, они способны компенсировать какое-либо одолжение сторицей. Чародейка уже проникала прямо к нам во дворец и ее преступные действия едва не нанесли государству непоправимый ущерб. Причем не в первый раз.

— Какое же это преступление — стараться вызволить небезразличных тебе людей из плена?! Спасти от грозящей им участи?! — всплеснула руками принцесса.

— Так значит, это правда, — помрачнел хан. — Значит, ты действительно поддерживаешь с кем-то из них контакт, раз осведомлена, зачем приходила чародейка... Талара, ты меня разочаровываешь. Связаться за моей спиной с врагами государства, пусть даже из самых лучших побуждений — крайне безрассудно и неосмотрительно. В моих глазах тебя оправдывает лишь то, что Сантара сейчас полностью здорова. Я готов сделать на это скидку, как доказательство твоих добрых намерений, но ты должна рассказать мне все. В противном случае я не буду снисходителен!

— Ты хочешь, чтобы я выдала человека спасшего мою мать и твою любимую жену? Выдала его прямиком в лапы злейших врагов, которые в действительности являются и твоими врагами? За кого ты меня принимаешь?! — гордо вскинула голову принцесса.

— За вконец обнаглевшую девчонку, которая осмеливается перечить своему отцу и повелителю! — воскликнул побагровевший ад-Сейдин. — Берегись, Талара, иначе ты познаешь силу моего гнева! Любого другого уже арестовали бы по обвинению в убийстве и государственной измене и бросили бы в темницу! Тебя защищает лишь то, что ты моя дочь, и ради чести семьи я не могу обойтись с тобой подобным образом! Однако не воображай, что я не найду на тебя управу!

Принцесса побледнела, сжав кулаки. Сдаваться она явно не собиралась, но отец здорово распалился, столкнувшись с упрямством непокорной дочери. Следовало быстро найти какой-то компро-

мисс, пока родитель в сердцах не наломал дров. Талара хотела что-то сказать, рассчитывая разрядить обстановку, однако на сцене неожиданно появилось третье лицо.
— Прости что вмешиваюсь, повелитель, но я не думаю, что принцесса так уж виновата, — послышался сзади чей-то вкрадчивый голос.
Хан и девушка невольно посмотрели в его сторону. На пороге комнаты из голубого мрамора неслышно появилась фигура в черном балахоне с низко надвинутым капюшоном.
— Как ты осмелился явиться сюда и прервать мой разговор с дочерью?! — гневно бросил ад-Сейдин. — Это касается только нас двоих!
— Еще раз нижайше прошу прощения, повелитель, но я просто обязан был прийти, поскольку мой визит напрямую с этим связан, — поклонился незваный посетитель. — Сейчас мной движет искреннее желание удержать тебя от ошибки, которую ты готов совершить в отношении принцессы.
— Говори! — бросил, поколебавшись, хан.
Дегонис, а это был никто иной, как он, разразился длинным монологом. О, этот злой колдун действительно обладал острым умом, способным любую критическую ситуацию истолковать в свою пользу, обелив себя и очернив врагов, выставив добро злом, а зло вознеся на пьедестал святой добродетели. По горячим следам он провел расследование этого чрезвычайного инцидента и с его точки зрения все выглядело следующим образом. Вероятно, причиной тяжкого недуга супруги повелителя являлись чародейки. Они наложили на нее сложное заклятье и каким-то образом изыскали способ его поддерживать. Возможно, при помощи принцессы, к которой они успели войти в доверие. Принцесса, разумеется, сама не ведала что творила, воображая, что помогает матери. В тот раз, когда чародейка Сирелина проникла во дворец, а позже неоднократно появлялась в его окрестностях, она натворила куда больше, нежели было принято считать до сих пор. К сожалению, Дегонис вынужден признать, что недооценил масштабы ее деятельности. Он готов нести ответственность за свою недальновидность, поскольку чародейка, судя по всему, сумела обрести влияние на дочь повелителя и заморочить ей голову. Не исключено, что она замешана не одна, и совместными усилиями эти коварные женщины склонили Талару на свою сторону, обещая помочь там, где другие не преуспели. Талара, вне всяких сомнений, действовала исключительно из благородных побуждений. Да и трудно винить несовершеннолетнюю несмышленую девушку в том, что она хотела помочь собственной матери! Кто истинный преступник — юная

принцесса, беззаветно любящая мать, или расчетливые, опытные, взрослые чародейки, давно запустившие свои длинные руки в государство и строящие многочисленные козни? Ответ, по мнению Дегониса, очевиден. Дочь повелителя пала жертвой своей доброты и обстоятельств. Да, супруга Великого хана действительно исцелена — ее карта была разыграна просто мастерски! И это, как считает Дегонис, является лучшим доказательством вины чародеек. Ведь как легко исцелить больную точно зная, что послужило причиной ее недуга! Снять собственные чары с матери на глазах у дочери! Да после такого чуда никто не устоит и сделает все, о чем только ни попросят избавительницы! Кто знает, как в дальнейшем обернулось бы дело и что потребовали бы чародейки от принцессы взамен, если бы не случайность, спутавшая их коварные планы. Вмешательство одного из лучших учеников Дегониса стоило ему жизни, но нарушило замысел коварных женщин, выведя их присутствие наружу. К сожалению, верный повелителю колдун не преуспел, и Дегонис усматривает в его нерасторопности то обстоятельство, что он боялся навредить присутствовавшей рядом принцессе. Именно это и позволило чародейке одержать над ним верх и, что еще более прискорбно, верный слуга пал под ударом дочери повелителя. Дегонис, однако, ее не винит и просит хана проявить к Таларе снисхождение. Она находилась под влиянием чародеек, а эти коварные женщины сбивали с толку и куда более зрелые умы. Разумеется так просто все оставлять нельзя, делая вид, что ничего не произошло, но и попусту наказывать принцессу не стоит. Неужели кому-то от этого станет легче, включая самого повелителя? Тем более благодаря счастливому стечению обстоятельств его супруга теперь здорова. Талару следует оградить от пагубного влияния и проследить, чтобы этого не произошло впредь. Возможно, как-то ограничить в излишней свободе и, безусловно, хорошенько расспросить, но сделать это не силой, а убеждениями, и уж тем более не заставлять расплачиваться за чужие преступления.

Чем дольше хан внимал вкрадчивым речам колдуна, тем больше светлело его лицо, не замечая каким от них веяло ядом. Да, вот теперь все становится на свои места! Конечно дочь ни в чем не виновата, став жертвой чудовищных козней чародеек. И как он мог в ней усомниться, решив, что она сговорилась с врагами государства? Разве он сам, окажись на ее месте, не клюнул бы на удочку исцеления Сантары, обещанного и свершившегося самым очевидным образом? О да, здесь велась очень тонкая игра, и Дегонис абсолютно прав, считая вне всякого здравого смысла делать Талару за нее ответственной. Дочь провинилась, но по-своему, и уж всяко не в том, что изначально можно было бы ей предъявить.

Ад-Сейдин почувствовал, как у него гора с плеч свалилась, и с каждым новым словом слушал Дегониса все благосклоннее. Талара — с точностью до наоборот. Чем больше главный злодей говорил, тем больше она закипала, наливаясь краской от нахлынувших чувств. Эк он все красиво расписал, да еще постоянно делает реверансы в ее сторону! Невероятно хитрый ход, на который повелась бы и сама Талара, не знай она заранее истинную подоплеку дела. Когда колдун закончил свою речь, у нее аж в глазах потемнело от злости. Она видела, какое впечатление Дегонис произвел на ее отца, и это выбивало ее из душевного равновесия.

— Ловко же ты все объяснил, негодяй! — воскликнула она, не в силах более сдерживаться. — Свалить свои собственные преступления на других, да еще великодушно просить за них снисхождения! Браво! Теперь понятно как тебе столь долго удается водить моего отца за нос!

— Талара, опомнись! — опешил успевший остыть хан. — Он желает тебе только добра, а ты говоришь такие вещи!

— Да неужели?! — взъярилась Талара. — Случайно не такого же, какого он желал моей лучшей подруге, когда похитил ее и собрался убить в пустыне Калихари, выкачав из нее всю кровь до последней капли?! Не этого ли он мне добра желает?! Или, может быть, мне будет оказана особая честь?! Например, отдать свою жизнь за целый ящик золота, которое он производит в своих подземельях ценой множества невинных жертв?!

Дегонис окаменел. Он явно не ожидал подобного выпада и ненадолго утратил дар речи. Традиционно надвинутый капюшон с колдовской завесой тьмы скрыл выражение его лица, вряд ли оставшегося безучастным к гремевшим под сводами комнаты словам. Возможно, кто-то из друзей сумел бы удержать принцессу от столь опрометчивого поступка, но никого из них здесь не было, а девушка, потеряв голову от прилива эмоций, разом позабыла все данные ей наставления. Взбешенную Талару прорвало. Отбросив всякую осторожность, она ринулась в атаку. В присутствии отца принцесса обвинила Дегониса и его подручных во всех известных ей преступлениях. Ад-Сейдин, разинув рот, внимал гневным речам дочери, от которых только что волосы не становились дыбом. Перечисляемые ей злодеяния носили ужасающий характер, особенно описываемые детали. Детали эти принцесса брала не с потолка, уверяя, что лично была кое-чему свидетелем, о чем подробно и в красках расписала, задыхаясь от кипевшего в ней гнева. Ноздри девушки раздувались, сердце едва не выпрыгивало из груди. Ох долго она копила в себе ненависть к черному колдуну и теперь, не сдержавшись, изливала все разом, пользуясь присутст-

вием слушавшего ее отца. Тот был настолько ошарашен яростным выпадом дочери, что ни разу ее не перебил до тех пор, пока она не умолкла сама, хватая ртом воздух. Грудь девушки бешено вздымалась, лицо пошло красными пятнами, а глаза сверкали как у разъяренной тигрицы, защищающей свое потомство. Ад-Сейдин прежде никогда не видел дочь в таком состоянии, как бы она ни скандалила и ни капризничала, и поразился обуявшим ее чувствам. Дегонис также не говорил ни слова. Вероятно, быстро обдумывал стратегию защиты.

— Талара, опомнись! Ты соображаешь, что ты сейчас наговорила? — тихо произнес хан, вытаращившись на девушку.

— Более чем! Мне следовало давно рассказать тебе обо всем, но я боялась, что ты мне не поверишь! Боялась, что этот мерзавец выкрутится, а от меня избавится. Ему ведь не впервой, учитывая судьбу моего старшего брата! — процедила Талара, слегка охрипшая от обвинительного монолога.

— Правильно боялась, — протянул ад-Сейдин. — Без веских доказательств поверить в такое попросту невозможно. У тебя есть что предъявить?

— Боюсь, повелитель, что это дело рук чародеек, — удрученным и вместе с тем очень серьезным тоном подал, наконец, голос Дегонис. — Вот какова была их истинная цель: настроить дочь против отца; посеять смуту в самом сердце Империи, в семье правящей династии. Представляю, какой это будет сокрушительный удар, если хотя бы часть этой безумной истории выйдет наружу! Боевой дух армии окажется катастрофически подорван, экономика зашатается, доверие к государственным институтам рухнет. Поверить не могу, что я умудрился прошляпить такое под самым носом!

— Клянусь своими великими предками, ты абсолютно прав! — ужаснулся ад-Сейдин, огладив дрогнувшей рукой аккуратно подстриженную бородку. — Какое дьявольское коварство! Это ж кем надо быть, чтобы превратить юную девушку в столь разрушительное орудие?!

— Я тоже клянусь! — крикнула Талара. — Клянусь, что видела своими глазами как эти злодеи получали золото, принося в жертву людей! Клянусь, что слышала собственными ушами, как убитый мной мерзавец назвал имя того, кто наложил злые чары на мою мать и кто причастен к смерти моего старшего брата! Вот он, стоит сейчас рядом с нами и корчит из себя святую невинность! Если мое слово, отец, для тебя ничего не значит, тогда не удивляйся, что я до сих пор молчала! А так же не удивляйся, когда эта змея ужалит тебя своим смертельным ядом! Я клянусь, что все сказанное мной — чистая правда, и если я хотя бы в чем-то солгала, то у

тебя будет полное право мне больше никогда и ни в чем не верить. Клянусь честью своей фамилии! Я готова присягнуть на чем угодно!
Хан нахмурился, призадумавшись. Безусловно, обвинения принцессы, брошенные в его присутствии колдуну, казались чистейшим безумием, но и отмахнуться от столь красноречивого заявления он уже не мог. Клятва чести, тем более произнесенная не кем-то, а его родной дочерью, была для него не пустым звуком и требовала соответствующей реакции. Пренебречь заявлением дочери, каким бы оно не казалось абсурдным, означало заведомо оценить ее слова ни во что, чего ад-Сейдин считал недопустимым.
— Повелитель, неужели ты всерьез относишься к этому нагромождению чудовищной клеветы? — искусно изобразив безграничное удивление и огорчение одновременно, произнес забеспокоившийся верховный колдун.
Хан вскинул руку, требуя чтобы он умолк.
— Талара, ты сознаешь всю ответственность за свои слова? — изрек он с расстановкой, не сводя пристального взгляда с дочери.
— Целиком и полностью! — гордо вскинула голову принцесса. — Если я хоть в чем-то солгала, можешь отречься от меня и навсегда изгнать из своего дома!
— Хорошо, — отозвался, помолчав, хан. — Пусть будет по-твоему. Несмотря на то, что твои речи представляются мне порождением козней чародеек, я не останусь к ним глух. Ты поклялась честью, и я поступлю как должно поступать справедливому правителю и главе правящей династии. Я прикажу немедленно начать расследование. Но пеняй на себя, дочь, если ты солгала мне в лицо! Итак, спрашиваю в последний раз: ты готова отвечать за свои слова? Готова отвечать за их последствия?
— Да! — твердо заявила принцесса, выдержав тяжелый взгляд отца.
— Да будет так, — властно изрек ад-Сейдин.

Оставшись одна, Талара мало-помалу остыла и призадумалась о своем положении. Отец запретил ей покидать стены дворца и лично забрал ключ, открывавший потайные двери. Оружие принцессе вернули, но в данный момент она находилась под домашним арестом в своих покоях вплоть до особого распоряжения хана. На ближайшее время он посчитал отнюдь не лишним подержать дочь взаперти, чтобы та пришла в себя и образумилась. Позднее, спустя денек-другой-третий, она обретет свободу перемещения внутри дворцовых стен, но чтобы ни шагу за них! Сейчас же у покоев Талары дежурил отряд гвардейцев, а внутри потайного хода находился дополнительный пост. Солдат поставили не

только для того, чтобы ограничить передвижения принцессы. Когда отец объявил свою волю, она тут же заметила, что Дегонис попытается от нее избавиться как от чрезвычайно опасного свидетеля и потребовала принять необходимые меры к ее защите. Талару неожиданно поддержал сам колдун. Он заявил, что с глубокой скорбью был вынужден слышать в свой адрес столько ужасных наветов, но понимает, что за люди вложили их в уста принцессы. Понимает и опасается, что эти люди действительно захотят избавиться от своего инструмента, способного выдать их планы и местонахождение, и представляющего теперь для них немалую угрозу. Талару и в самом деле следует усиленно охранять для ее же блага и не пускать к ней никого из посторонних. Лучше пусть принцесса посидит взаперти, зато останется невредимой, нежели проявить к ней снисхождение и потом горько жалеть об этом над ее бездыханным телом. Ад-Сейдин нашел соображение весьма разумным, хотя высказано оно было двумя разными сторонами конфликта, и приставил к дочери целую толпу гвардейцев. Предназначенную для принцессы пищу должны были трижды проверять, а любые передачи ей исключались. Талара, впрочем, прекрасно понимала: если Дегонис захочет ее отравить, он сделает это настолько искусно, что и комар носа не подточит. Ведь умудрился же он навести злые чары на ее мать и столько лет преспокойно поддерживать едва ли не у всех на виду. Взволнованно расхаживая взад и вперед по своим покоям, принцесса стала осознавать чем ей грозили слова Дегониса, произнесенные вроде бы в ее же защиту. Настаивая на охране обвинившей его дочери повелителя, колдун сразу же упомянул чародеек, ловко подведя соответствующую базу. Если с Таларой что-то случится, он тут же свалит на них всю вину, а без доказательств отец скорее поверит ему, нежели кому-то другому. И Талары уже не будет в живых, чтобы опровергнуть его чудовищную ложь... Безусловно, попытка устранить принцессу будет для Дегониса весьма опасной, но он, пожалуй, предпочтет ковать железо пока горячо. Ведь именно сейчас, по горячим следам, проще всего разыграть безотказную карту чародеек, списав на них устранение ханской дочери.

Сосредоточенно размышляя над произошедшим, Талара все больше приходила к выводу, что влипла в очень скверную историю. Запертая в своих покоях, она даже не имеет возможности принять меры для своей защиты, в то время как колдун способен нанести удар откуда угодно. Ох, говорили ей друзья держать язык за зубами!.. Черт ее дернул выдать себя с головой! Теперь обратной дороги нет. Жребий брошен. Отец, сообразив, что шумиха ему совершенно ни к чему, приказал держать инцидент во дворце в

строжайшей тайне, пригрозив болтунам смертной казнью. Он, разумеется, слов на ветер не бросал и отдал распоряжения о начале расследования, только принцесса всерьез сомневалась в его результатах. Когда проверяющие явятся в Ин-Хашуф, там наверняка не останется ни малейших следов преступления, равно как и в других местах. Дегонис не идиот, и первым же делом велит своим людям уничтожить все улики. Он-то, в отличие от Талары, сохранил возможность контактировать с внешним миром, хотя хан в порядке справедливости приказал ему не покидать дворец. Что толку? Достаточно спуститься в Нижние подземелья и озадачить подручных. Банка с пиявками и то уже успела затеряться. Принцесса не преминула о ней напомнить, но не иначе как кто-то из колдунов под шумок успел от нее избавиться, и важная улика бесследно исчезла. Вероятно, с остальными доказательствами произойдет примерно то же самое.

— Холера мне в бок, ну какая же я дура! И кто меня за язык тянул?! — хваталась за голову Талара, постепенно приходя в отчаяние от сложившегося положения. — Ведь предупреждали же меня! Просили проявлять осторожность! И что теперь прикажете делать?..

Но сказанного не воротишь. Принцесса не болела нездоровым оптимизмом, чтобы предполагать наилучшее развитие событий. Полностью осознав всю тяжесть ситуации, она готовилась к худшему. Готовилась к тому, что люди отца не сумеют в достаточной мере подтвердить ее обвинения, а Дегонис попытается ее устранить, не желая терпеть под боком критически опасного врага, пусть и временно скомпрометированного. Вот только откуда ждать угрозу и когда она придет?

Удар последовал быстрее, чем принцесса могла вообразить. Пока она металась по покоям как тигрица в клетке, под дверью потайного хода показалась какая-то темная жидкость. Для проникновения ей было вполне достаточно малейшего зазора негерметичной конструкции. Просачиваясь внутрь покоев, она образовывала вытянутую лужу — средоточие непроглядной тьмы, в которой не отражались ни огоньки прикрученных светильников, ни какая-либо иная искра света. Талара была слишком далеко чтобы заметить, как означенная лужа, достигнув довольно внушительных размеров, вдруг сначала подернулась рябью, а затем пришла в движение. Из нее, медленно выпячиваясь вверх, стало вырисовываться несколько вытянутых объектов, похожих на заготовки из теста, которые пекарь превращает в длинные багеты с хрустящей корочкой. К багетам объекты не имели ни малейшего отношения. Чем больше лужа собиралась в эти отдельные элементы, тем боль-

ше они принимали некий весьма зловещий облик, начиная волноваться образовавшимися изгибами. Когда последняя капля черной жижи всосалась в оживавшие формы, на паркете перед потайной дверью зашевелилось полдюжины черных как сажа змей. Еще мгновение — и вот они уже быстро и бесшумно заскользили по полу, скрываясь под мебелью.

Талара ничего этого не видела. Она никак не могла найти себе место, находясь в другой комнате и беспокойно шагая из угла в угол, благо что ее апартаменты позволяли совершать небольшие прогулки. В какой-то момент она даже приоткрыла входную дверь и встретилась взглядом с дежурившими там гвардейцами. Дабы хоть что-нибудь сказать, принцесса пожелала кувшин ледяной воды и захлопнула створку, лишний раз убедившись в своем бессилии. Даже под окнами торчала стража! Отец, вероятно, решил, что с его неугомонной дочурки станется сбежать по связанным простыням, учитывая, что до земли было не так уж далеко, и распорядился организовать там дополнительный пост. Кстати сказать, принцесса действительно об этом подумала, а посему и узнала о существовании препятствия оценивающе выглянув на улицу. Чертыхнувшись, Талара бухнулась в кресло и обхватила голову руками. Когда принесли воду, она уже успела позабыть о своем желании, однако запотевший графин оказался весьма кстати. Его содержимое, как и велел хан, трижды попробовали разные люди, включая одного из стоявших в карауле гвардейцев. Принцесса, разом осушив половину посудины, почувствовала себя несколько лучше. Бухнувшись на постель не раздеваясь, она уставилась вверх, чувствуя разливавшуюся по телу усталость — ночка-то, что и говори, выдалась та еще! Талара в очередной раз подумала о своей подруге. Как она сейчас там? А вдруг ее обнаружили, переворачивая дворцовую территорию вверх дном в поисках сбежавшей чародейки? Эх, будь оно все неладно! Впрочем, Илиане, как ни крути, сейчас лучше, чем ей. Подруга имеет неплохие шансы избежать свидания с врагами и удрать, в то время как Талара увязла по самые уши.

Беззвучно вынырнув из-под большой кровати, под одеяло что-то скользнуло тонкими черными кольцами. Затем еще и еще. Одеял с покрывалами на постели было очень много, а принцесса, ворочаясь то так, то этак, основательно их взъерошила и раскидала, превратив гладкую поверхность в эдакое волнующееся море. Продолжая думать о своем, принцесса постепенно начинала клевать носом, все реже дотрагиваясь до лежавшего рядом меча. Наличие верного клинка действовало на нее успокаивающе. Чудесные ли его свойства сразили колдуна, либо же сама по себе ее до-

гадка оказалась верной, но Талара уже имела случай убедиться в его беспощадности к колдовским сущностям и радовалась, что меч у нее не отняли. Откатившись в сторону, она в очередной раз потянулась к своему надежному защитнику и вдруг почувствовала в области запястья острую боль. Отдернув руку, Талара живо приподнялась на постели, ища что могло послужить тому причиной. В складках одеяла шевельнулось что-то черное. Сердце принцессы бешено заколотилось. Страх пронзил ее разум холодной цепкой молнией. Сонливость как рукой сняло. Принцесса хотела было соскочить с постели, но в ту же секунду точно такая же боль стрельнула и в другой руке, на которую она опиралась. Отдернувшись, Талара перевела испуганный взор и увидела скрывавшуюся в постели голову черной змеи. Отталкиваясь ногами, принцесса быстро-быстро подалась назад, вклиниваясь в подушки, и уперлась в резную спинку кровати. В этот момент она осознала, что отчего-то не вопит во всю глотку от ужаса и отвращения, хотя ее рот вроде бы открыт и пытается издавать какие-то звуки. Голос исчез. Вместо него из груди девушки вырывалось лишь слабое сипение. Внезапно она почувствовала, как деревенеют мышцы. Тело отказывалось ей повиноваться, голова пошла кругом, в глазах потемнело. На языке появился мерзкий горьковато-металлический привкус. Когда из складок одеял на нее бросилось разом две змеи, принцесса кое-как успела уклониться от одной, но другая, промелькнув кольцами в воздухе, ужалила ее в шею. Грудь будто стиснуло стальным обручем. Задыхаясь, Талара упала на подушки и почувствовала еще несколько болезненных укусов. Выбравшиеся из постели гадины впивались в нее зубами, выпуская все больше губительной отравы. Сознание девушки подернулось темной дымкой, взгляд затуманился. Сердце, затрепетав, резко замедлило ритм, а легкие быстро превращались в два непослушных каменных мешка. Сквозь жгучую боль, вдруг наполнившую сосуды, Талара последними обрывками мыслей поняла что умирает. Дегонис нанес удар, и она столь бездарно его прошляпила. Страха уже не было, исключая естественный страх перед мерзкими гадами. Было одно лишь сожаление необратимого поражения.

Внезапно боль усилилась, превратившись в самое настоящее жжение. Казалось, по венам принцессы потек жидкий огонь, старавшийся спалить ее изнутри. Таларе уже полагалось испустить дух, а она едва не рехнулась от этой боли, забив руками и ногами. Ого! Да она снова может ими шевелить! Сильнее всего жжение ощущалось на груди. Там к коже будто прилип какой-то раскаленный предмет, старавшийся проесть в теле глубокую дыру. Едва соображая что она делает, принцесса, обретя контроль над своим

телом, откатилась к мечу и выхватила его из ножен. Взмах за взмахом она остервенело рубила извивавшихся гадин так, что от постели только клочья летели. Талара не кричала — она разила зачарованным оружием явившееся к ней зло и усердствовала до тех пор, пока от черных змей не остались одни лохмотья, перемешанные с пухом подушек и бесформенными обрезками одеял. На постель было страшно смотреть, но еще ужаснее выглядела принцесса, чье лицо выражало ужас, гнев и отвращение одновременно, а дрожавшие руки своей мертвенной бледностью с синюшными прожилками сосудов походили на руки мертвеца. Впрочем, она и успела побывать как минимум одной ногой в могиле, откуда вернулась не иначе как чудом. Огонь в венах постепенно затихал, но грудь упорно продолжало что-то жечь. Сунув руку под одежду, Талара нащупала какой-то предмет и извлекла его наружу. На ладони блеснул зеленый трилистник. Его камни испускали уверенное свечение, распространявшееся колеблющимися белыми лучами. Да это же подаренный Илианой медальон, собственноручно изготовленный Сирелиной! Молнией сверкнула догадка. Кажется, подарок поспел весьма вовремя, ибо он только что спас принцессу от неминуемой смерти.

— Доченька, что ты делаешь? — спросил вдруг сзади чей-то глубоко обеспокоенный бесконечно знакомый голос.

Резко обернувшись, Талара увидела взволнованное лицо матери, переводившей взгляд с взъерошенной девушки на вдрызг изрубленную постель. Там, выбрасывая в воздух облачка сажи, развеивались куски поверженных колдовских змей. Несколько секунд — и от них не осталось ни малейшего следа. Оценив обстановку, растерявшаяся принцесса сунула клинок в ножны. Затем подскочила к матери, схватила ее за руку и потащила прочь из спальни.

— Уйдем отсюда. Здесь могут быть другие! — приговаривала она, испугавшись появления новых смертоносных гадов.

— Тали, что случилось? На тебе лица нет! — ужасалась Сантара, не сводя глаз с дочери.

Оттащив ее подальше от места кошмарной схватки, Талара остановилась и хотела что-то сказать, но чувства захлестнули девушку с головой. Забыв про все на свете, она заключила мать в объятия.

Сантара, полностью придя в себя, отправилась повидать дочь. Доктора были против, но никто не осмелился ей перечить. Не осмелились остановить супругу повелителя и гвардейцы у дверей принцессы, справедливо рассудив, что категоричный приказ не пускать к ней посторонних не распространяется на родную мать. Они лишь послали известить хана, но тот решил не мешать свиданию, посчитав воспрепятствование ему откровенным жес-

токосердием. Он и сам намеревался как можно скорее вновь посетить жену и счел себя не вправе лишить этого счастья дочь. Войдя в покои Талары, мать огляделась и направилась прямиком в спальню, откуда доносились какие-то странные звуки. Там она и застала дочь за столь необычным занятием, а именно разносом в пух и прах собственного ложа. Теперь, крепко обнимая Талару, она чувствовала как быстро бьются их сердца, а дочь дрожит мелкой прерывистой дрожью. Спустя несколько минут Сантара разжала объятия и взяла лицо принцессы в ладони.
— Тали, что здесь произошло? — мягко, но настойчиво спросила Сантара, кивнув в сторону спальни.
— Меня хотели убить, — глухо сказала девушка. — Тот же злодей, что наложил заклятье на тебя. Он хочет побыстрее от меня избавиться, так как я теперь представляю для него серьезную угрозу. Впрочем, ты же мне все равно не поверишь. Отец вот не верит. Похоже, мне вообще никто не верит!
— Я твоя мать — я тебе поверю, — проникновенно сказала Сантара. — Я видела кое-что прежде, я видела кое-что сейчас… То, что ты рубила. Расскажи мне все.
Принцесса не заставила себя упрашивать дважды. Чувствуя неподдельное внимание взволнованной матери, она вкратце выложила ей все последние события, обойдясь разве что без имен подруги и чародейки. Девушка показала спасший ей жизнь амулет, перечислила преступления Дегониса, подвела итог под тяжелой ситуацией, в которой оказалась. Не забыла она, разумеется, поведать матери и про обстоятельства ее исцеления. Сантара слушала стараясь не упустить не единого слова. Когда Талара закончила, она ненадолго задумалась, расставляя все услышанное по надлежащим местам.
— Я тебе верю, — произнесла она наконец, положив руки на плечи дочери. — Тот бесконечный кошмар, в котором я пребывала… Я смутно помню как он начался, однако после твоего рассказа мне становится ясно чья черная фигура, столь долго терзавшая меня в смутных видениях, его породила. Куда лучше я помню события последней ночи. Слова убитого тобой колдуна звучали в моем возвращавшемся сознании далеким эхом. Я слышала ваш разговор, но он был для меня как из другого мира, отголоском неких далеких призрачных событий. Я позабыла бы его напрочь, если бы ты сейчас не напомнила детали и он не воскрес в моей памяти, обретая совершенно иные черты. Теперь мне многое становится ясно, что прежде ускользало от моего некогда еще свободного от недуга взора. И ты, Тали, действительно в страшной опасности, если все тобой сказанное — правда, а я уже сказала, что верю каждому

твоему слову. Злой колдун может ввести в заблуждение твоего отца и моего супруга, но материнское сердце он обмануть не в силах!
От облегчения и прилива нежных чувств, где пылали и любовь и признательность, Талара едва не разревелась, утирая покатившиеся по лицу слезы. Мать некоторое время ласково гладила ее по голове, но потом вновь отстранила, мягко, но настойчиво.
— Тебе нельзя здесь оставаться, — сказала она, внимательно оглядываясь по сторонам. — Кто бы ни побоялся напасть на тебя в собственной спальне, он непременно попытается снова, когда поймет, что не преуспел.
— Что же мне делать? — взволнованно спросила принцесса. — Может быть, если ты поддержишь меня перед отцом, то…
— То ничего не выйдет, — тут же закончила за нее мать. — Он не прислушается ко мне, причем из самых лучших побуждений. Он и без злого колдуна решит, что я еще плохо понимаю что говорю, а то и вовсе нахожусь в плену видений, внушенных мне чародейками. Это будет очень хорошо вписываться в сотканную колдуном паутину лжи. К тому же твой отец может истолковать мои слова как попытка выступить в твою защиту исключительно из материнских чувств. Я вряд ли чего-то добьюсь, зато колдун проведает о моей осведомленности, а мне лучше всего прикидываться дурочкой, долгое время пребывавшей в беспамятстве. Нет, здесь надо действовать тоньше. Поверь, я сумею постепенно переубедить твоего отца, но на это уйдет некоторое время.
— Так мне-то что делать? — снова спросила Талара. — Сидеть здесь и ждать нового нападения? Дегонис, сделав выводы, способен изменить тактику, и не факт что амулет чародейки сумеет защитить меня снова.
— Да, здесь тебе оставаться нельзя, — кивнула мать. — Тебе нужно какое-то надежное укрытие, где ты смогла бы спрятаться до тех пор, пока все не утрясется.
— Есть у меня одно место во дворце, но вряд ли я сумею оставаться там никем незамеченной слишком долго, — подумав, сказала принцесса.
— Я не это имела в виду. Тебе необходимо побыстрее покинуть дворец, и чем дальше ты будешь от него, тем лучше, — пояснила Сантара. — С тяжелым сердцем я предлагаю тебе бежать из родного дома, но боюсь, что сейчас это лучший способ остаться для злодея вне досягаемости.
— У меня есть друзья за пределами дворца, только до них еще надо добраться, — сообщила Талара. — А я под домашним арестом и шагу не могу ступить за пределы собственных покоев.

— Им можно верить? — пытливо осведомилась мать.
— Это они помогли тебя исцелить, — коротко отозвалась принцесса.
Сантара быстро поразмыслила, взвешивая все за и против.
— Идем, — решительно сказала она, взяв дочь за руку, и повела ее прямиком к потайному ходу.

Гвардейцы, стоявшие неподалеку от секретной двери, никак не ожидали увидеть супругу повелителя и почтительно склонили головы, даже не зная что сказать.
— Кто старший? — властно осведомилась Сантара.
— Слушаю, моя господа, — выступил вперед один из гвардейцев.
— Сопроводите меня до моих покоев! — велела жена ад-Сейдина не терпящим возражения тоном. — Все! — добавила она, видя, как гвардейцы собрались разделиться.
Офицер смущенно замялся, обдумывая подходящие слова.
— Прошу прощения, госпожа, но это невозможно, — изрек он наконец. — Я не покину пост и не отправлю с вами всех своих людей.
— Понимаю что вы хотите сказать, — кивнула Сантара, решив, что угадала опасения гвардейца. — Я освобождаю вас от ответственности. Мое слово — слово вашего повелителя. Он не станет вас наказывать за исполнение моего приказа.
— Не в этом дело, госпожа, — покачал головой офицер. — Я присягнул на верность вашей дочери и обещал защищать ее ценой собственной жизни. Именно это я сейчас и делаю. Я еле добился права лично охранять ее, и с полчаса назад сменил на этом посту людей капитана Ларадона. Кажется, с ними был колдун. Они вели себя очень подозрительно и не хотели уходить, пока не сообразили, что я готов применить силу.
— Вероятно, именно они и пытались меня убить, полковник Хашум, — заявила Талара, выходя из своих покоев. — Вы были совершенно правы, опасаясь за мою жизнь, но она до сих пор в опасности.
Опуская некоторые детали, принцесса пересказала смятенному командиру своей лейб-гвардии случившееся в спальне. Тот с вытянувшимся лицом внимательно выслушал девушку, а затем воззрился на ее мать, как бы ища подтверждения.
— Я сама видела остатки этих колдовских змей, — кивнула Сантара.
— Проклятье! Я подозревал, что здесь что-то не так! Надо немедленно известить повелителя! — воскликнул полковник.
— Мой отец в паутине лжи отъявленных злодеев — он вам не поверит, — покачала головой Талара.

— Моя дочь права. То обстоятельство, что вы из ее полка автоматически делает вас лицом причастным и заинтересованным, — добавила супруга хана.
— Но что же тогда делать? — ошарашено спросил растерявшийся полковник Хашум.
Обе высокородные собеседницы вкратце изложили ему свой план. Терять им было нечего, а полковник казался честным человеком, искренне преданным своей молодой госпоже. Они не ошиблись. Усвоив каждое слово, офицер немного поразмыслил, а затем повернулся к своим людям.
— Вы ничего не слышали. Если кто-то из вас желает сейчас уйти — я его отпускаю. Он не понесет никакого наказания. Всю ответственность я беру на себя, — заявил он, оглядывая подчиненных.
Гвардейцы переглянулись. Затем гордо выпрямились и сделали шаг вперед, всем своим видом показывая, что никто из них не собирается малодушно ретироваться.
— Мы ждем ваших приказаний, госпожа, — отсалютовал полковник, и солдаты последовали его примеру.

Талара собралась в мгновение ока. Она и прежде не копалась по нескольку часов в будуаре перед тем как выйти из дому, как иная другая девица, а теперь так и вовсе обернулась метеором, взяв самое необходимое. К своему неизменному боевому наряду она прихватила ларчик с драгоценностями и кое-что из вещей, поместившихся в наплечную кожаную сумку.
— Должен вас предупредить — все выходы из дворца перекрыты, как явные, так и тайные, — сообщил Хашум. — Везде гвардейские патрули. Они шаг за шагом прочесывают местность, заглядывая в каждую комнату. Я могу сопроводить вас до периметра, но там, боюсь, пройти будет очень непросто.
В текущей ситуации задача покинуть пределы дворца и так была далеко не проста, если не сказать больше, но принцесса неожиданно заявила, что не уйдет без своей подруги. Та, вероятно, все еще там, где она ее оставила, и Талара не собирается бросать ее на произвол судьбы. Присутствующие переглянулись. Положение резко осложнялось.
— Кто твоя подруга? — спросила Сантара.
— Это она тебя исцелила, — встретилась с ней взглядом дочь.
После этих слов у жены ад-Сейдина язык не повернулся настаивать на ином развитии событий.
— Где она? — коротко осведомилась мать.
Талара сообщила что в парке, а точнее сказать она не может.
— В парке? Это очень хорошо! — неожиданно воскликнула Сантара. — Полковник Хашум, — добавила она, обращаясь к офицеру.

— Сопроводите нас в парк. Дочь укажет вам место.
— Накиньте вуали, — велел полковник. — Мы выдадим вас за наложниц кое-кого из вельмож.

Когда Талара объявилась на чердаке, Илиана гладила неживше-юся от ласки сову. Девушка уже успела прийти в себя и, прочтя оставленную подругой записку, обдумывала дальнейшие действия. Кто знает во что бы они вылились, поскольку Илиана нутром чуя-ла, что принцесса влипла в историю, если бы та сама сейчас не пришла. Пришла, кстати, не одна.
— Если ты все равно привела маму сюда, могла бы сразу вести ее на чердак, — невозмутимо заметила Илиана, поприветствовав за-пыхавшуюся Талару.
— Откуда ты знаешь что я не одна?! — изумилась подруга. — Ах да, — добавила она, припомнив таланты подруги. — Э, минутку! А как ты поняла что я пришла именно с мамой?
— Я лечила ее несколько часов назад. Сейчас я легко ее узнаю из всех других людей, — улыбнулась уголком рта Илиана. — Ты нас не представишь?
Талара метнулась за матерью и быстро вернулась вместе с ней. Церемонию знакомства особо не затягивали. Сантара, не сводя внимательных глаз с подруги свой дочери, изложила текущее по-ложение вещей. Внутренне она все-таки побаивалась, что дочь попала под влияние какой-то могущественной чародейки, но де-вушка с сиреневыми глазами произвела на нее самое благоприят-ное впечатление. От нее исходило какое-то тепло, светлое и успо-каивающее. Сантара имела основания считать, что разбирается в людях, и эта девушка не вызвала у нее ни одной отрицательной эмоции.
— Мы можем попробовать пройти прямо через ворота, если гвар-дейцы сопроводят нас к выходу, — подумав, сказала Илиана. — Охрана нас не остановит.
— Это огромный риск! — вскинула ладонь Сантара.
Она не была осведомлена о других талантах девушки, поэтому не знала, что той вполне по силам заставить стражу застыть столба-ми. Тем не менее, она была права: риск действительно существо-вал. Ворота мог охранять кто-то из сильных колдунов, а то и бег-лянки встретят по дороге кого-нибудь из особо ретивых исполни-телей ханской воли и обман некстати раскроется. Кроме того, нельзя было списывать со счетов и тех, кто окажется несколько поодаль ворот, не попав под влияние Илианы, но заметив стран-ную группу. Иными словами, непредвиденные случайности оста-вались, и они были чреваты катастрофическими последствиями. Подруги, переглянувшись, хотели было убедить Сантару в том, что

они знают, что делают, но женщина остановила их словоизлияния движением руки.
— Дорогие мои, дело в том, что все ваши ухищрения просто ни к чему, — пояснила она с хитринкой в лице. — Я знаю такой выход из дворца, о котором известно лишь мне и моему супругу. Готова поклясться, что он никем не охраняется, поскольку Гийюр свято чтит старинные семейные тайны и никому их не поверяет.
Талара разинула рот.
— А откуда ты о нем знаешь? — жадно спросила она, пытливо уставившись на мать.
— Когда-то через этот ход мы с твоим отцом бегали друг к другу на свидания, — улыбнулась Сантара, невольно обратившись к далеким прекрасным воспоминаниям. — Да, дочь моя, тогда я была даже моложе тебя, а твой отец еще не был тем могущественным и великим правителем, каким его все знают теперь. Мой собственный отец был против наших отношений, считая, что из них ничего не выйдет, да и у Гийюра дела шли не лучшим образом. Часть этой истории тебе известна. Взяв власть в свои руки, он избавился от коварного опекуна, а спустя несколько лет не забыл своих клятв при луне и взял меня в законные жены.
Талара, распустив уши, была готова не сходя с места услышать эту романтическую и доселе неизвестную ей историю, но мать быстро напомнила, что сейчас не до сказаний у камина. Для этого, будем надеяться, найдется время позже, а пока у Талары есть дела поважнее, если она однажды сама хочет рассказывать своим дочерям о приключениях юности. Илиана ее поддержала. Времени у них было в обрез. Становилось совсем светло, а принцессы скоро хватятся. Вздохнув, Талара поняла, что они правы. С романтикой прошлого следовало повременить ради романтики настоящего. Сомнительной такой романтики, учитывая стремительное бегство из родного дома.

— Мама, а как же ты? — мучительно спрашивала принцесса, не в силах разомкнуть объятия.

Они стояли в дальнем углу парка, примыкавшем к дворцовой стене. Буйно разросшаяся зелень толстенных деревьев, обрамленных поясами кустарников, могла скрыть даже слона, а не то что три женские фигуры. Здесь находился старый искусственный грот с небольшой скамеечкой, в центре которого журчала проточная вода, наполнявшая круглый бассейн из пробегавшего мимо ручейка. Позеленевшие от времени статуи мечтательными глазами смотрели куда-то к небу, куда им никогда не суждено было подняться, а через мраморную мозаику пола пробивались мох и стрелки робкой зелени. Кроме повелителя здесь редко кто-то бывал, и принцессе

теперь стало совершенно ясно почему. Большая морская раковина, искусно выполненная на стене грота аккурат позади скамеечки, на самом деле являлась дверью потайного хода. Много лет назад в этот грот приходила мать Талары, спеша на свидание со своим возлюбленным, либо же он сам, никем не замеченный, проникал под его своды и проходил под стеной и каналом на другую сторону. Эту тайну ад-Сейдин хранил настолько бережно, что о ней больше никто не знал, включая не только злодея Дегониса, но и родных детей.

— Обо мне не беспокойся, — ласково увещевала Сантара. — Я что-нибудь придумаю. Поверь, я все еще имею влияние на твоего отца, чтобы в моих руках он становился кроток как ягненок.

— А что будет с моими гвардейцами? — терзалась Талара. — Ведь ради меня они рискуют головой.

— Не волнуйся, я защищу твоих верных воинов. Такая преданность достойна самой высокой оценки, — уверенно заявила мать. — Я скажу, что они выполняли мой личный приказ. Даже твой отец не станет их наказывать за то, что они подчинились требованиям его собственной жены. Успокойся, все будет хорошо! А теперь — ступай, ибо дорога каждая минута!

И маленький искусственный грот скрыл двух девушек в зеве древнего как сам дворец потайного хода.

* * *

Дожидаясь когда чародейка начнет общее совещание, подруги продолжали витать в недавних воспоминаниях. Ох уж и наделало переполоху появление Талары, когда она вместе с Илианой явилась на ферму, где укрылась компания заклинателей. Сирелина чуть в обморок не грохнулась, услышав всю подноготную. Знатно они тогда удирали, понимая, что скоро все окрестности наводнят солдаты ад-Сейдина, разыскивающего исчезнувшую дочь. Выбор у девушек был невелик, и чародейка быстро это признала, но легче от сознания всего произошедшего никому особенно не становилось. Кроме того быстро выяснились и намерения Талары. Она наотрез отказалась уезжать восвояси пусть даже в обитель чародеек, о которой она уже столько слышала, и пожелала присоединиться к друзьям в их вылазке к Аш-Гарону. После последних событий у принцессы появился еще один огромный зуб на Дегониса — эдакий клык исполинского морского чудовища, — и она ненавидела черного колдуна так, как вообще только могла ненавидеть. Препирательства с настырной Таларой зашли в тупик. Раз уж принцесса все равно перешла на нелегальное положение, то

пускай уж она наконец-то будет со своими друзьями и в первую очередь с Илианой. Довольно носить маску и прятаться! Пора поставить окопавшуюся в Империи нечисть на место и Талара просто счастлива выступить против Манипуляторов вместе с лучшей подругой. А если ее не возьмут с собой, то она, во-первых, очень обидится, а во-вторых все равно поедет следом, зная куда вся компания направляется. Принцессе удалость отстоять свою позицию, и по зрелому размышлению решено было включить ее в отряд. С Талары станется тащиться хвостом, что при случае запросто может демаскировать всю затею и скомпрометировать и без того непредсказуемую операцию. Помимо прочего, Сирелину всерьез обеспокоила судьба оставшихся во дворце ребят и нирелинцев, но принцесса передала обещание матери взять их под свое покровительство. Сантара не допустит чтобы с ними что-то случилось. Сейчас весь гнев ад-Сейдина обернется на непокорную дочь, а злодею Дегонису такой оборот событий тоже по-своему окажется только на руку. Списав все на чародеек и Талару, он обойдет вниманием ее мать, решив, что та ничего не подозревает, и уж точно не станет возиться со всякой мелкой рыбешкой вроде приближенных принцессы. Последнее ему будет себе дороже. Зачем попусту себя компрометировать? После обвинений принцессы у него и без того забот полон рот, и раз уж не удалось одним махом избавиться от проблемы, свалив все на врагов Империи, то лучше лишний раз не привлекать внимания подозрительными инцидентами. В общем, все кончилось тем, что корабль увез вверх по течению Идлиса не только выступивший из Данерхейма отряд, но и принцессу, искренне намеревавшуюся внести свою лепту в уничтожение рассадника Манипуляторов. Впрочем, что касалось уничтожения, то сказать было куда проще, чем сделать.

— Эй, неразлучная парочка, о чем призадумались? — деловито осведомилась Сирелина.

Собственно, как раз за этим она и устроила общий сбор — следовало решить что делать со зловещим гадюшником. Подруги, встрепенувшись, огляделись. Все уже собрались несколько поодаль и теперь ждали только Илиану с Таларой, разглядывавших птиц вычерчивающих круги в вечернем небе. Не заставляя себя упрашивать, девушки живо присоединились к остальным и чародейка тут же открыла собрание.

Вопросы на повестке дня стояли простые и мудреные одновременно. О том чтобы отступиться не шло и речи — за это тут же высказались все присутствующие. Что же за поход такой, если бежать от первых же трудностей? Нет, определенно раз уж пришли, то следует что-то предпринять, а не ограничиться любовани-

ем монастырских ворот издали. Только вот что? С этим как раз и возникли самые большие сложности. Сидеть сложа руки и пассивно наблюдать за Аш-Гароном никому не хотелось. Так можно бесплодно проторчать подле ущелья сколь угодно долго без всякой видимой пользы. Стало быть, наиболее действенной, а заодно и сулящей максимальные трудности оставалась идея проникнуть непосредственно в монастырь, а уже там ориентироваться по обстановке. То бишь сунуть голову в пасть льва и надеяться, что ему не захочется сомкнуть челюсти. От идеи попахивало настоящим сумасбродством, граничащим едва ли не с самоубийством, однако расхрабрившаяся молодежь не собиралась идти на попятную, настаивая на дерзкой вылазке. Сирелина, скрепя сердце, была вынуждена согласиться, что это, пожалуй, единственный плодотворный вариант из всех возможных, но заранее оговорила, что безумств не потерпит и никому не позволит сложить голову из-за никчемного героизма. Молодежь поубавила пыл, смягчив риторику, но одна проблема все равно осталась. А именно: как, собственно, попасть в Аш-Гарон не усеивая свой путь трупами? Ведь как ни соблазнительно выглядело в устах горячих голов грандиозное побоище, врагов наверняка окажется намного больше и рано или поздно они возьмут численностью. Проникнуть в монастырь следовало незаметно, убирая со своего пути лишь тех, кого можно и нужно устранить без лишнего шума. Вот только входных билетов на это представление ни у кого не имелось, равно как и верительной грамоты от Дегониса. Иными словами, через главные ворота путь всей компании был заказан. Мало кто сомневался, что в Аш-Гарон ведут и потайные ходы, пробитые в толще горы, однако поди найди их в столь пересеченной местности. Проще отыскать упавшую в речной ил жемчужину, нежели обнаружить хорошо замаскированный вход на площади в десятки квадратных миль. Илиана, возможно, сумеет помочь, но далеко не факт что у тайного входа будет стоять хоть какая-то охрана, чтобы она сориентировалась на человеческое присутствие. Ее же удивительная способность находить всякие секреты на значительном расстоянии не работала. Пальцами, какими бы они ни были чувствительными, всю гору не ощупаешь и каждого камня не коснешься.

Обсуждение мало-помалу зашло в тупик. Копию раздобытого принцессой плана монастыря вертели то так, то эдак, но с предложениями оставалось туговато. Во всяком случае, с более-менее вменяемыми, так как безумные были не в счет.

— А это что за площадка? — спросил один из сопровождавших Илиану воинов.

Этот статный мужчина был не из Ганхельда и не из Орнхольма. Он

принадлежал к числу вольнонаемных солдат, к чьим услугам периодически прибегали разные правители. В нынешние времена такие встречались особенно часто. Никто даже толком не помнил откуда взялся этот воин, но он быстро вошел сначала в полк охраны целительницы, а затем и в ее ближайшее окружение. Храбрый и бесстрашный, он умудрился завоевать доверие даже чародеек, а потому когда с Илианой решили отправить всего троих солдат, он оказался в их числе. Будь у него на уме нечто недоброе, девушка давно бы это вычислила. Нет, от воина исходила некая доброжелательность, смешанная с любопытством. Илиане он казался несколько странным, а его эмоциональный фон как-то необычно отличался от прочих, но это вне всяких сомнений был положительный фон. Воин обладал какой-то специфической красотой, как правило не присущей людям ратного дела, но в его боевых качествах сомневаться не приходилось. Он не раз показывал себя в деле и один стоил десятерых, а также отлично умел держать язык за зубами, что сыграло не последнюю роль, когда Илиане выбирали сопровождение для похода. Звали его Ульм.

— Это которая? — спросила Сирелина.

— Вот здесь, в стороне от монастыря, — ткнул пальцем воин в схематично нарисованную прямоугольную секцию, соединенную с основным комплексом целым набором заумных линий и условных обозначений.

— А. Если я ничего не путаю, здесь должна находиться обсерватория. Во всяком случае, она находилась там раньше, — объяснила чародейка.

— Отсюда можно попасть внутрь монастыря? — уточнил Ульм.

— Разумеется, только проку от этого нет. Обсерватория находится слишком высоко и чтобы добраться до нее по горе надо быть высококлассным альпинистом. А лучше иметь крылья, — покачала головой Сирелина. — Никому из нас это не под силу.

Воин улыбнулся. Острота чародейки пришлась ему явно по вкусу.

— Я могу попробовать, — спокойно заявил он.

— Что? — опешила Сирелина.

— Я неплохо умею лазать по горам, — пояснил воин. — Если мы не придумаем ничего получше, я отправлюсь завтра рано утром, а к вечеру, полагаю, уже спущусь. Разведаю путь и осмотрюсь там наверху.

После короткого разговора выяснилось, что Ульм и не думал шутить. Он уверял, что это не составит для него великого труда, причем без всякого снаряжения. Есть такие уникальные скалолазы, которые умудряются штурмовать самые неприступные вершины голыми руками и воин, если он не привирал, был едва ли не одним

из них.
— Хорошо, допустим, тебе удастся туда залезть и не свернуть себе шею. Но нам-то что с того? — резонно заметила чародейка. — Ты же не затащишь всех наверх на своих плечах, не так ли?
Ульм помрачнел и призадумался, но его неожиданно поддержали послушницы. Переглянувшись, они с заговорщицким видом подталкивали друг друга локтями, а затем Флея вдруг изрекла с самым невинным видом:
— А мы, пожалуй, сумеем в этом помочь.
Чародейка похлопала глазами, силясь сообразить о чем она толкует, а затем потребовала объяснений. За ними дело не стало. Сирелина вне себя от изумления узнала, что послушницы продолжают экспериментировать с чарами призыва и рассчитывают вызвать каждая по горгулье. Они хотели сделать из этого сюрприз и приберегли как козырь в рукаве. Теперь, если Сирелина им поможет, они надеются преуспеть, и тогда в распоряжении группы окажется три крайне полезных крылатых существа. А троим горгульям, пожалуй, будет вполне по силам поднять людей в гору по одному.
Наморщив лоб, чародейка озадаченно потирала висок, обдумывая услышанное. Предложение прозвучало как гром среди ясного неба, но она быстро сообразила его несомненную пользу. До сих пор Сирелина такой вариант даже не рассматривала, причем не по собственной недалекости, а исходя из вполне естественных оснований. Она сама не могла кого-либо призвать, поскольку уже установила связь с максимально возможным количеством колдовских существ, трудившихся сейчас на благо обители и Данерхейма. Но даже если бы ей это удалось, эти существа, как всем хорошо известно, не могли долго существовать вне насыщенного чарами пространства. Собственно, именно поэтому она и не взяла никого из них с собой, поскольку любая горгулья не выдержит и пары дней пути, не говоря о нагрузке. Послушницы же заставили взглянуть на вопрос с другой стороны. Они-то до сих пор не были ни с кем связаны, включая даже тех, кого призвали в секретной пещере водостока, так как давно их отпустили. Стало быть, у них действительно имеется нереализованная возможность для воплощения колдовских существ. При этом Сирелина вдруг иначе подумала и об Аш-Гароне. Ведь если монастырь — центр подготовки Манипуляторов, то какое-никакое колдовство там имеется, и в его окрестностях горгульи должны чувствовать себя как минимум приемлемо. Выходит, послушницы и впрямь способны вызвать крылатых помощниц, тем более что это у них уже получалось, а если еще и Сирелина посодействует, то…
— Отличная идея, девушки, — наконец сказала чародейка, решив

не пилить их за утаивание стратегически важных секретов. — Вот только даже три горгульи не смогут высоко поднять взрослого человека, да еще нагруженного амуницией. Но не унывайте — мы найдем им подходящее применение.
— Это обычные горгульи не смогут, — уточнила Ашира. — А наши смогут.
— И как прикажете это понимать? — изумилась Сирелина.
— Есть предложение разложить Круг Призыва и заняться делом. Чего попусту время терять? Если не получится, тогда и говорить не о чем. В противном случае результат скажет сам за себя, — заявила Лада, откинув светло-русую косу.
— Давай сделаем как они хотят, — добавила Илиана, встретившись взглядом с наставницей.
— Чую, без тебя здесь не обошлось, — сердито проворчала чародейка. — Ладно, шут с вами, давайте приступать. В конце концов, пользу практического колдовства никто не отменял. А вам будет уроком самонадеянности, если ничего не выйдет!
Сказано — сделано. Воины быстро помогли расчистить требуемое пространство, раскатив в стороны валуны и выровняв каменистую почву. В распоряжении заклинательниц оказалась подходящая площадка, которую они тут же стали расчерчивать должным образом, расставляя походные руны и проделывая ряд загадочных манипуляций. Остальные следили за ними с нескрываемом интересом, включая заклинателей стихий. Молодым людям, увы, было не под силу провернуть нечто подобное, и хотя по части огня и холода им здесь не было равных, в другом чародейки превосходили их практически во всем.

Когда Круг Призыва был готов, вся четверка заклинательниц приступила к делу под руководством заинтригованной Сирелины. Для них процедура выглядела довольно буднично, как для кузница изготовление очередного меча. Вот он еще просто кусок необработанного металла, а вот постепенно под ударами молотов принимает нужные очертания. Одна операция, другая, третья — и после закаливания рождается клинок. Никакого волшебства, не считая удовлетворения от хорошо проделанной работы. В глазах спутников это было далеко не так. Как завороженные они наблюдали за колдовскими огнями, слушали чарующую речь и затаив дыхание следили за воплощением удивительных существ, появлявшихся словно из некоего портала в иной мир. Оттуда, из пространства над Кругом Призыва, лилось разноцветное свечение и ни с чем не сравнимые, непривычные уху звуки, сливавшиеся в далекую и неразборчивую, бесконечно прекрасную симфонию. Воздух будто сгущался, являя наблюдателям странные очертания, среди кото-

рых мелькали загадочные тени, появлялись и исчезали неведомые создания. Казалось, над Кругом разошлась ткань реальности, позволяя заглянуть куда-то за пределы известного пространства. И в этом Круге мало-помалу стали обретать черты пришедшие на зов юных чародеек существа. Сирелина, бдительно дирижируя процессом и шепотом подсказывая девушкам, невольно обратила внимание насколько бурно протекает процесс, хотя считалось, что он наиболее эффективен лишь в стационарных условиях Альмирстала. Она подозревала, что плоды их трудов окажутся вне известных стандартов, но результат превзошел все ее ожидания. Когда чарующая игра света развеялась, а звуки стихли, в Кругу Призыва очутилась озиравшаяся по сторонам горгулья. Да, это была именно горгулья, но как же разительно она отличалась от тех, что обитали у пика Эрминдхайм! Крупное, рослое существо намного превосходило размерами своих товарок. За широкими мускулистыми плечами виднелись здоровенные крылья, а могучие лапы не шли ни в какое сравнение с конечностями традиционных служителей чародеек. Горгулья все еще была пониже человека среднего роста, но при этом обладала настолько мощным торсом и атлетическими пропорциями тела, что наверняка могла потягаться с лучшими силачами людского рода. Даже голос у нее оказался низкий и басовитый, когда она, признав вызвавшую ее хозяйку, объявила о своем повиновении и тут же осведомилась, кому именно из присутствующих требуется задать хорошую трепку. Сирелина тут же поняла все.

— Силы небесные, это же горгулья-воин! — воскликнула она, пожирая глазами подбоченившееся существо.

К этому соображению чародейку привело отнюдь не наличие в руках у того увесистой палицы, которой оно поигрывало с небрежной легкостью. Упоминание подобного вида частенько встречалось не только в соответствующем бестиарии, но и в различной литературе. Вот только призвать кого-то из его представителей уже более тысячи лет никому не удавалось и считалось что это искусство безвозвратно утрачено. Как выяснилось, нет. Сирелине, сложив два и два, было нетрудно догадаться в чем тут дело. У современных чародеек на это просто перестало хватать колдовской силы, а Илиана, тренируя послушниц, расширила их способность до такой степени, что девушкам удалось воплотить то, что признавали невозможным даже старшие сестры. Горгулья-воин принадлежала к особому подвиду, обладавшему недюжинной физической силой и набором навыков, приспособленных отнюдь не для мирных целей. К этому прилагался соответствующий нрав, еще более сварливый чем у их обычных товарок, и выражение физиономии с квадрат-

ной челюстью и большими надбровными дугами неплохо усиливало производимое впечатление. Горгулья очень расстроилась когда выяснилось, что взбучку никому задавать не надо и язвительно высказалась на тему какого, собственно, лешего ее тогда позвали. Впрочем, настроение существа живо улучшилось едва ему объяснили, что поблизости все кишит врагами и нужна его помощь, не исключено что и в бою. Сразу повеселевшая горгулья взлетела на ближайшую скалу и приняла позу одной из городских статуй у ската крыши какого-нибудь особняка или собора. Вот только в отличие от безжизненных творений рук человеческих она несла подлинный дозор, защищая своего хозяина и бдительно высматривая кому бы всыпать. За такими серьезными созданиями требовался особый контроль, и Сирелина опасалась, что девушки не сумеют укротить их должным образом. К счастью, ее подозрения не подтвердились. Послушницы отлично держали бразды правления в своих руках и горгульи слушались их беспрекословно, хотя и ворчали по поводу и без повода. Воздействие Илианы давало себя знать, расширяя границы не только физически, но и осознанно, в чем чародейка уже имела удовольствие убедиться на собственном опыте. Когда каждая из послушниц обзавелась личным крылатым воином, те ненадолго устроили свару, выясняя, кто из них, собственно, главнее и будет вожаком. Не из девушек, разумеется, а из самих горгулий. Выход нашелся сам собой. Флея была главной заводилой и негласным лидером троицы, а значит ее горгулья имела право требовать того же самого от товарок. Когда этот вопрос был улажен, воздушное звено объявило о своей готовности, желая узнать волю хозяек.

Казалось, теперь Ульму не требовалось карабкаться к обсерватории самостоятельно, воспользовавшись услугами горгулий, но он неожиданно отказался, настаивая на одиночной вылазке. Появление горгулий, мол, способно вызвать неподходящее внимание, если их кто-нибудь заметит. Лучше уж он, Ульм, сперва разведает все сам и без сопровождения, поскольку для скалолазания ему требуется максимальная концентрация, а горгульи будут его отвлекать. Страховка ему также не нужна — он полностью верит в свои силы и рассчитывает что и остальные не станут в нем сомневаться. Настойчивость воина выглядела довольно странной, учитывая новые возможности отряда, но Сирелина, подумав, пошла ему навстречу. Только предупредила, что если он не преуспеет, то на следующую ночь в разведку отправятся горгульи, которых до поры отрядят скрытно приглядеть за воротами.

Ульм обернулся неожиданно быстро. Раньше заката его даже не ждали, а он объявился к середине дня. Каким образом он успел

вскарабкаться на высокую гору — осталось загадкой, о которой воин с загадочным видом помалкивал, ссылаясь на профессиональные секреты. Ему бы скорее всего и вовсе не поверили, ибо казалось невероятным как можно без всякого снаряжения забраться на такую верхотуру, разведать обстановку и вернуться обратно, но Ульм настолько подробно описал увиденное, что последние сомнения исчезли. Он и впрямь побывал на площадке обсерватории и доложил, что она никем не охраняется, а путь свободен.

Едва только сгустились сумерки, отряд собрался в наиболее подходящем месте у подножия горы. Горгульи, подхватив каждая по человеку, благо что силы для этого вполне хватало, по одному стали уносить их в темнеющую высь.

– 9 –

Площадка обсерватории представляла собой большое пространство, обрамленное со всех сторон склонами горы, усеянными большими и малыми валунами вперемежку с приземистой растительностью. Невысокие деревья цеплялись за камни цепкими корнями, а их вечнозеленая хвоя сливалась с мшаниками и редкими горными травами, чьи цветки испускали особый щекочущий ноздри аромат. Горгульи благополучно опустили людей за обломком скалы в сотне ярдов от места назначения и замерли в ожидании новых приказов. Вокруг, помимо прибывших лазутчиков, не наблюдалось ни души, что немедленно подтвердила внимательно прислушивавшаяся к своим чувствам Илиана. Площадка была пуста. Никто не прогуливался под темнеющим небом, наслаждаясь чистым горным воздухом и такой особой проникновенной тишиной, никто не смотрел в бездонную высь в окуляры большого телескопа и не возился с сопутствующими ему устройствами. Телескоп попросту отсутствовал. Пространство пустовало, а если и использовалось, то явно не по прежнему назначению. Ведь некогда выбор места для обсерватории оказался весьма удачен. Высота расположения и боковые склоны закрывали оптику от любого засвета. Она находилась как бы в некой пологой чаше на недоступной простым смертным вышине, где в тишине и покое астрономы-аскеты вели свои многовековые наблюдения. Горная вершина не имела снежной шапки, а посему сияние снегов, видимое даже в ночную пору, не нарушало их работу. Однако все это осталось в прошлом. Впрочем, телескоп, скорее всего, не разбирали. Несмотря на свои внушительные габариты, он имел выдвижную конструкцию, поднимаясь из расположенного под площадкой помещения. Сейчас ее

механическая крыша была сомкнута, а судя по набившимся камешкам и состоянию растительности ее давно не разводили, чтобы поднять на поверхность сокрытый внизу астрономический прибор. Чем бы здесь ни занимались нынешние обитатели Аш-Гарона, небесные тела их не интересовали, во всяком случае не через телескоп. Доверившись чутью Илианы, чародейка осторожно спустилась по крутому склону до края площадки, а затем позвала и остальных. Пока они занимали заранее выбранные позиции, Сирелина не торопясь обошла всю площадку, внимательно присматриваясь к чему-то под ногами и то и дело нагибаясь, чтобы пощупать что-то пальцами. Когда она вернулась к остальным, брови ее хмурились. По мнению чародейки, здесь практиковали темное колдовство, учитывая остатки соответствующих субстанций и отчетливо угадывавшиеся геометрические формы, начертанные как особыми мелками, так и выложенные из камней. Судя по царапинам на крыше и вмятинам на щебне, порой тут устанавливалось нечто тяжелое, что, должно быть, приносили из монастыря, поскольку вокруг ничего подобного не наблюдалось. Однако мероприятия под открытым небом устраивались нечасто, принимая во внимание очевидную давность следов, так что опасность неминуемого столкновения с кем-то из населения Аш-Гарона по крайней мере в этом месте отсутствовала. Впрочем, это отнюдь не означало что группа может расслабиться. Строго наоборот — следовало соблюдать максимальную бдительность, чтобы какой-нибудь случайной оплошностью не выдать свое присутствие.

Вход в монастырь никем на охранялся, запертый на самую обыкновенную дверь, разве что здоровенную. Вероятно, отсюда незваных гостей никто не ждал, имея на то предостаточно оснований. Кому, скажите на милость, понадобится карабкаться по горе, чтобы забраться в совершенно никчемный монастырь с кучкой странных отшельников? Манипуляторы, разумеется, могли бы опасаться чародеек, но летать те при всем своем могуществе не умели, а таких уникальных людей как Ульм в расчет попросту не принимали, чтобы ради них постоянно караулить небо и звезды. Не взяли колдуны в расчет и могучих горгулий, призванных молодыми послушницами. Девушки были вне себя от счастья и гордости за свое достижение и это чувствовали даже их подопечные, считавшие себя полноценными участниками экспедиции и не без некоторой снисходительности поглядывавшие на пеших воинов. По приказу своих хозяек они взмыли в воздух и расселись на ближайших скалах, таращась по сторонам в ожидании когда отряд решит что делать дальше.

Собственно, решать было особо нечего — следовало идти

внутрь, благо что Сирелина легко открыла дверь. Да, простой человек не смог бы ее отпереть, но чародейке не составило труда сдвинуть тяжелый засов, находившийся по внутреннюю сторону. В открывшемся помещении никого не оказалось, как и заверила Илиана, а после еще одной внушительной двери обнаружился пологий тоннель вниз, ведущий в направлении основного комплекса. Здесь мнения разделились. Одни считали, что дальше нужно отправиться всем вместе, а другие предлагали выслать кого-нибудь на разведку. Последнее звучало вполне логично, но лучшим разведчиком в таком случае была бы Илиана, способная обнаруживать живые существа, а отпускать ее одну ни в коем случае нельзя, в том числе потому, что для ее взора недоступны порождения колдовства. Девушке требовалась охрана, а раз так, то тогда и идти лучше сразу всем вместе. В тамбуре между тоннелем и обсерваторией жарким шепотом разгорелась целая дискуссия, в которой не принимали участие лишь Бэйл и Талара. Выслушав шепнувшую ему что-то на ухо принцессу, гладиатор проследовал с ней на площадку отсутствующего телескопа и некоторое время они вдвоем там бродили, а затем вернулись обратно к спорщикам. При свете малых осветительных огоньков, призванных заклинательницами, колеблющиеся тени людей прыгали по стенам причудливыми формами.

— Как устроен телескоп? — спросила вдруг не пойми к чему принцесса, влезая в оживленную дискуссию.

— Талара, сейчас не время для научных изысканий, — поморщилась чародейка. — Мы решаем как проникнуть внутрь.

— Вот об этом я и толкую, — заметила принцесса. — Я просмотрела достаточно записей в библиотеке и раньше не придала им значения, но сейчас они могут и пригодиться. Если я не ошибаюсь, под нами находится большой зал со служебными помещениями, а вся эта огромная конструкция телескопа приводится в движение при помощи системы противовесов, уходящих в глубокие вертикальные шахты. Настолько глубокие что, вероятно, они идут до самого основания горы, равно как из обсерватории вниз могут вести и какие-то малые ходы. Целая мешанина черточек, кружочков и прочих обозначений на план была нанесена не случайно, хотя и кажется нелепым набором устаревших обозначений. Давайте попробуем проникнуть в обсерваторию, а сунуться в этот тоннель мы всегда успеем, не так ли?

— Кстати, дельная мысль! — заявил Ювион, и его тут же поддержало еще несколько членов группы.

— По-твоему я об этом не думала? — вздохнула чародейка. — Без лишнего шума крышу нам не открыть. Эта конструкция по щелч-

ку пальцев не поддастся.
— Так и не надо! — мотнула головой Талара. — Вот здесь, если я правильно поняла, рядом с основным подъемником есть два боковых люка, закрывающих винтовые лестницы. Вот они, на схеме. Спирали в кружке.
Она ткнула пальцем в развернутый план Аш-Гарона, стараниями чародейки висевший в воздухе посреди собравшихся вокруг него людей.
— Подтверждаю, в указанных местах действительно есть что-то похожее на люки. Мы только что там были, и я видел их собственными глазами, — вмешался Бэйл.

Талара оказалась права. Сирелина была вынуждена признать, что проморгала эту конструктивную особенность площадки. Впрочем, немудрено. Засыпанные щебнем крышки люков вписывались в интерьер, выглядя как и остальные украшавшие внешнюю часть обсерватории узоры, и это не чародейка провела много часов в библиотеке, изучая посвященные Аш-Гарону записи. Принцесса приняла заслуженную благодарность и уже оправдала свое присутствие в отряде хотя бы по минимуму. Правда она понятия не имела как открыть расчищенный люк, но здесь на выручку пришли заклинатели стихий, а точнее Ювион. Пока заклинательницы удерживали крышку, он, приложив руку к шершавой поверхности, за несколько минут проморозил металл так, что тот покрылся толстым слоем инея. Когда юноша закончил, Бэйл одним ударом обмотанного тканью камня расколол крышку вдребезги. Ее обломки не посыпались вниз, поскольку колдовство удерживало конструкцию в воздухе. Стараниями заклинательниц осколки переместились к краю площадки и благополучно улеглись у подножия склона. Взорам открылась винтовая лестница, ведущая внутрь горной обсерватории.

Внутри было темно. Поскольку Илиана не ощущала присутствие какой-либо жизни, Сирелина выпустила сразу несколько осветительных сфер, порхнувших в разные стороны. Благодаря такой подсветке, разогнавшей кромешный мрак, спустившаяся группа смогла хорошенько осмотреться. Судя по состоянию внутреннего убранства, обсерваторией давно не пользовались. Пыль вперемешку с паутиной и каким-то невнятным мусором лежала толстым слоем, спрессовавшись в серую неприятного вида массу. Она покрывала огромный телескоп, простаивающий почем зря в ныне бесполезном помещении, свисала по стенам длинными волокнами, стелилась на столах и облепляла их содержимое. Кругом лежала печать запустения, способная вселить уныние в сердца истинных любителей астрономии. Монастырь имел в своем распо-

ряжении великолепный образчик сложной оптики для наблюдения за небом с целым набором сопутствующих инструментов, и все это хозяйство бесплодно ржавело, брошенное на произвол судьбы. Да, определенно Манипуляторам не было ни малейшего дела до звезд, комет и прочих небесных тел, во всяком случае с научной точки зрения. Сирелина, велев спутникам не разбредаться, ходила по обсерватории, заглядывая в соседние помещения. После оплошности с люком ее внимательный взгляд старался примечать малейшие детали, выискивая все что могло пойти на пользу делу. Потревоженная пыль набивалась в ноздри, вызывая непреодолимое желание чихнуть, и мало кто сейчас удерживался чтобы не заткнуть нос ладонью и не издать приглушенный звук вырывавшегося из легких воздуха. К едкому запаху пыли примешивалось что-то еще. Аромат каких-то химикатов вкупе с совсем уж странными запахами. Испуганно взвизгнув, Ашира вскоре обнаружила источник одного из них. Это был мумифицировавшийся труп, привалившийся в уголке за одним из стендов звездного неба. Череп, покрытый слоем вездесущей серой массы, таращился пустыми глазницами в никуда, а костяшки пальцев покоились поверх попорченного временем одеяния. Сирелина, подойдя на зов, быстро идентифицировала умершего. Вероятно, это был один из подлинных монахов, некогда населявших Аш-Гарон. Не исключено, кто-то из тех, кто прежде работал в обсерватории и теперь упокоился прямо в ней как в своеобразном склепе. Само же присутствие трупа ее не удивило. Черные колдуны использовали покойников для самых разных ритуалов и в некоторых случаях они даже становились необходимым элементом интерьера. Если ее догадка верна и эта мумия не случайность, то где-то поблизости должны находиться и остальные.

Подозрения чародейки вскоре подтвердились. В одном из боковых помещений обнаружилось еще несколько тел, а затем и в главном зале обсерватории в закутках под нагромождением пыли и тряпок. Сирелина отметила, что ни на одном из мертвецов не лежала печать насильственной смерти, но и позы не свидетельствовали о тихом уходе из жизни. Принесли их сюда или нет, складывалось впечатление что эти люди были отравлены и последние минуты их существования оказались не из легких. Сама отрава, проникшая в организм в изрядной дозе, вполне могла вызвать последующую мумификацию, и чародейке из занятий в Запретном чертоге была известна парочка таких отнюдь не гуманных снадобий. М-да, нынешние обитатели Аш-Гарона человеколюбием явно не отличались и незваных гостей уж точно хлебом-солью встречать не станут.

Проход к монастырю отыскался в одном из углов обсерватории сразу за небольшим промежуточным помещением. Радость этого открытия была преждевременна, поскольку здесь отряд столкнулся с непреодолимой преградой. Металлическая дверь оказалась наглухо запечатана и все усилия ее открыть ни к чему не привели. Дело было не только в том, что створки залили каким-то сплавом — судя по ряду признаков, по другую сторону имелся завал. Даже Сирелина затруднилась предположить что здесь произошло. Возможно, стены монастыря хранили какую-то трагедию, и укрывшиеся в обсерватории люди сами попытались преградить дорогу преследователям, стараясь избежать уготованной им участи. Как бы там ни было, ход оказался перекрыт и больше в обсерватории не наблюдалось ничего полезного.

Отряд уже собирался вернуться ко входу в верхний тоннель, когда Флея вдруг остановилась, принюхиваясь, как и Сирелина, к атмосфере запущенного зала с большим телескопом.

— А вам не кажется, что воздух здесь не такой уж затхлый и не совсем соответствует давно отрезанному от внешнего мира помещению? — сказала она ни к кому особенно не обращаясь.

— Видимо, система вентиляции все еще функционирует, — отозвалась чародейка.

— Или же это тянет из шахт противовеса, — заметила Талара. — Мы ведь их не проверяли.

— Полагаешь, стоит? — пытливо осведомилась остановившаяся Сирелина.

— А что мы теряем? — поддержала подругу Илиана. — Между прочим, если строители совместили эти глубокие шахты с вентиляцией, сделав вертикальные ходы сообщающимися с чем-то внизу, то это довольно удачный замысел. — Тяга обеспечит непрерывный приток воздуха, а правильно поставленные фильтры очистят его и заглушат постоянное завывание.

— Что ж, давайте попробуем, — подумав, кивнула чародейка. — Вряд ли из этого что-нибудь выйдет, но чем черт не шутит.

Конструкция большого телескопа производила впечатление своей массой и габаритами. Эту несусветную тяжесть просто так поднять было нереально, поэтому идея с противовесами стала крайне удачной находкой. В четыре прямоугольные шахты опускались по направляющим огромные набитые камнями клети, висевшие на толстых цепях, а служащим, передвигавшим телескоп вверх и вниз, оставалось лишь устанавливать требуемый баланс, поворачивая главный ворот. Путь к шахтам сыскался в техническом помещении, располагавшемся прямо под плитой центрального зала обсерватории. Вход в него еле нашли из-за нагромождения

пыли и мусора, зато когда люк в полу открылся и ступеньки привели исследователей к основанию обсерватории, они обнаружили целую сеть инженерных ходов, обслуживавших всю конструкцию. Часть из них выводила к означенным шахтам. Еще на подходе к ним отчетливо слышалось завывание ветра, вызванного током воздуха. Когда большие решетки сняли, а давным-давно забившиеся фильтры извлекли, глазам разведчиков открылась уходившая куда-то в глубину темная скважина со свисавшими цепями. Такой воздушный поток просто не мог рождаться ниоткуда. Элементарная логика подсказывала наличие внизу какой-то распределенной системы тоннелей искусственного или природного происхождения. После недолгого обсуждения было решено пустить вперед горгулью. Колдовское создание способно легко спуститься по цепи не рискуя сорваться в пропасть, а затем без труда выбраться назад, помогая себе крыльями. Горгулье такое развитие событий пришлось не очень-то по вкусу, но надежда встретить какого-нибудь врага, внушенная ей Сирелиной, придала ей бодрости. Подхватив факел, горгулья нырнула в шахту и вскоре лишь далекий отблеск огонька напоминал о ее существовании.

Вернулась она не скоро. Присутствующие уже начали побаиваться, что сварливое создание где-нибудь застряло, а то и вовсе сгинуло, хотя в последнем случае ее хозяйка почувствовала бы разорвавшуюся связь. Показавшийся в глубине огонек возвестил, что посланница на пути назад. Когда горгулья выбралась из шахты, ее тут же засыпали вопросами. Ответ превзошел самые смелые ожидания. Там, внизу, имелась сеть пещер, примыкавшая к объектам явно рукотворного типа. Дальше рассказ горгульи становился невразумительным. Она плела что-то про озеро огня у железной двери и огромных жуков, которых сокрушила своей булавой. Жуки, мол, не на того напали, а к озеру горгулья близко не подходила — жарковато, да и это место ей очень не понравилось. Оно все насыщено чем-то таким, что лишало сил саму горгулью, поэтому крылатый посланец повернул назад, сочтя свою работу выполненной.

Выслушав разведчика, люди устроили совещание. Специфика мышления горгульи была такова, что не позволяла точно идентифицировать увиденное. Гора Аш-Гарона не принадлежала к огнедышащим, а со слов горгульи выходило так, будто там, внизу, плещется пламенеющая лава, в изобилии заполняющая обширные пространства. Все это никак не вязалось с любыми возможными представлениями об этом месте, поэтому насчет того что именно видело колдовское существо строились разнообразные догадки. На помощь Илианы, увы, рассчитывать не приходилось. Она понима-

ла язык горгулий не больше других, поскольку те формально не являлись живыми созданиями в традиционном понимании, иначе она бы сумела переговорить с ней по-свойски и точно сообщить что та видела и слышала.

В шахту спустились все вместе. Эта задача оказалась намного сложнее, нежели подняться в гору, но при помощи горгулий и заклинательниц путешествие увенчалось успехом. Затем одну из крылатой троицы отправили наверх — приглядывать за проходом в обсерваторию, а две другие, включая разведчика, сопровождали отряд, воинственно помахивая булавами. Разбитый люк Сирелина предусмотрительно прикрыла маскировочными чарами, создававшими иллюзию целости конструкции, на случай если на открытой площадке кто-нибудь появится. Впрочем, с той стороны чародейка подвоха особо не опасалась, чего никак нельзя было сказать о том, куда они дружно направлялись. Шахта закончилась в большом гроте, действительно входившего в сеть пещер. Странный химический запах здесь был очень заметен, и чем дальше продвигался отряд, тем сильнее становилась его концентрация.

— Сера. Помимо прочего, — обронила помрачневшая Сирелина. — Самое оно, если бы мы находились подле жерла действующего вулкана. Вот только здесь-то это откуда?

С версиями никто не спешил. Илиана, ставшая что-то уж больно молчаливой, настороженно ловила малейшее изменение в одной ей видимом пространстве, а на все вопросы отвечала крайне неопределенно. Чародейка не спускала с нее глаз, гадая, чем вызвано такое поведение воспитанницы, но та по-прежнему констатировала что не улавливает присутствие живых существ. Во всяком случае, людей.

Пещера чародейке разонравилась окончательно, когда из-за поворота на тихо продвигавшийся отряд ринулась целая орава каких-то тварей. То ли горгулью неправильно поняли, то ли она не видела особой разницы, но "жуки" по факту смахивали на здоровенных, с собаку, многоножек. Их цеплявшиеся за камень лапки издавали непрерывное шуршание, а хищные серповидные челюсти клацали в предвкушении добычи. На горгулью они напали скорее случайно, так как от нее не исходил привычный запах плоти, чего никак не скажешь о людях. Туловище неприятного вида тварей отдаленно напоминало гусеницу, состоя из кольцеобразных наслоений, утыканных шевелившимися усиками. Промеж складок этих колец просвечивали широкие полосы, наподобие светляков испускавшие оранжевый свет. У пещерных обитателей имелся раздвоенный хвост-жало, и на каждом его конце горело по оранжевой искорке. В глазах читался неутолимый голод. Пол, стены и

потолок пещеры быстро заполнялся шуршащими волнами.
— Секвестры! — воскликнула Сирелина.
Резкий удар белоснежным посохом об пол исторг такой мощный выброс света, что передних чудовищ просто смело, разметав на развеивающиеся в воздухе фрагменты. Остальные болезненно заверещали, пряча глаза. Тела мерзкий тварей быстро покрывались тлеющими язвами. Послушницы немедленно присоединились к наставнице, сбивая атакующих бесплотными ударами. Колдовать грохочущие заклинания было нельзя, поэтому девушки отшвыривали ползучего врага назад, давя поодиночке его собственными защитными пластинами. Трое воинов немедленно окружили Илиану, а Бэйл, встав рядом с Сирелиной, держал меч наизготовку, намереваясь поразить любую осмелившуюся подползти гадину. Угроза неожиданно пришла и с другой стороны, откуда к нападавшим явилось подкрепление. Тревожный окрик Алдара — и вот уже заклинатель стихий швырнул в зашедшую сзади лавину насекомообразных струю пламени, щедро обдав им стены пещеры. Те как ни в чем не бывало продолжали быстро приближаться.
— Огонь здесь бесполезен! — крикнула чародейка.
— Понял, — усмехнулся Ювион.
Оттолкнув товарища, он развел локти, выставив перед собой ладони, а затем резко выбросил их вперед. Ударивший поток ледяного воздуха был настолько плотным, что тварей сорвало с каменной поверхности и швырнуло назад, причем часть из них прямо на лету покрылась слоем инея. Да, холод пришелся им явно не по вкусу. Первые ряды живо утратили подвижность и беспомощно шевелили лапками, упав на спину. Остальные испуганно заверещали, не решаясь ринуться в новое наступление. Протянув пальцы вперед, Ювион сделал резкое движение, будто сжимал в кулаке какую-то вязкую субстанцию. Одна из гадин неожиданно заледенела прямо на глазах. Стихия холода вонзилась в нее миллионом острейших игл, вгрызаясь в туловище неумолимой хваткой. Вместо активно двигавшегося существа с потолка пещеры рухнуло на пол ледяное изваяние. Рухнуло и разлетелось на множество зазвеневших осколков. Ошарашенный Ювион и сам не ожидал такого эффекта, однако тут же проделал это с другой тварью, а затем стал по очереди разить и прочую гнусь, почуявшую неладное. Да, твари уже поняли, что связались с кем-то таким, кому попадаться явно не стоило. Пока Сирелина и Флея громили врага спереди, Лада и Ашира присоединились к Ювиону, задав сунувшимся с тыла монстрам хорошую взбучку. Не остались в стороне и горгульи. Размахнувшись, они метко швыряли булавы в головы нападавшим и почти каждый бросок сопровождался мерзким хрустом повержен-

ной плоти. Тут только и выяснилось, что брошенная булава преспокойно возвращается им обратно в руки сродни бумерангу, только без всяких заумных траекторий. Открытие оказалось просто потрясающим, а ценность крылатых существ в глазах присутствующих немедленно выросла. Сообразив, что дело дрянь, уцелевшие твари обратились в паническое бегство. Люди, возможно, оставили бы их в покое, не рискуя соваться напролом в неизвестные ходы, но горгульи, ринувшаяся каждая в свою сторону, не оставили врагу не единого шанса. Они орудовали булавами до тех пор, пока последний из нападавших в корчах не рухнул на пол, сочась неким подобием крови из размозженного туловища.

— Что это было? — выдохнула Талара, слегка раздосадованная тем, что ей никого не удалось порешить.

В ближний бой принцессу просто не пустили, а Бэйл в какой-то момент даже придержал ее за шиворот.

— Секвестры. Падальщики скверны. Мертвая плоть, обретшая такую вот омерзительную форму, — отозвалась Сирелина.

Кристалл на ее посохе подозрительно светился, и это наводило на известные размышления.

— Они опасны? — уточнила принцесса.

Чародейка, сообразив, что ханская дочь, в отличие от послушниц, явно не в курсе с чем они сейчас столкнулись, собралась прочесть небольшую лекцию, но это сделала за нее Илиана. Вкратце она объяснила подруге откуда появляется эта мерзость и на что она способна. Да, Секвестры опасны. Возможно не поодиночке, но такой толпой они представляли смертельную угрозу и разорвали бы отряд в клочья, если бы не отпор со стороны заклинателей. Огонь на них не действует, как и на большинство исчадий скверны, зато холод разит их наповал в несколько раз сильнее, чем какое-нибудь обычное существо.

— Так что конкретно для нас они, как ты сама убедилась, проблемы не представляют, — завершила Илиана свой рассказ. — Проблему представляет то, откуда они, собственно, появились.

— Это верно, — озабоченно кивнула Сирелина. — Такое количество Секвестров из ниоткуда не возьмется. Рядом должен быть чрезвычайно мощный источник скверны, чтобы породить такое количество падальщиков. Я начинаю подозревать, что в донесении нашего доблестного разведчика таится крайне зловещая истина…

Схватку с Секвестрами удалось провести без лишнего шума, чреватого обвалом и демаскировкой. Заклинатели обходились наиболее беззвучными чарами, а воины старались им не мешать, ограничиваясь охраной ближнего пространства. Разве что горгульи порой промахивались булавами, и их оружие стучало по камням,

но этот стук тонул в различных шумах, гулявших по сети пещер. Убедившись, что враг повержен и более никто не помышляет о нападении, отряд осторожно двинулся дальше, ведомый уже побывавшим здесь разведчиком. Обе горгульи, перебившие уйму мерзких тварей, от радости пребывали на седьмом небе и даже перестали ворчать, найдя поход стоящим своего благосклонного внимания. О Сирелине с Илианой сказать тоже самое было никак нельзя. Они хмурились, чем дальше, тем больше, и то и дело переглядывались, как бы ища друг у друга подтверждения своим подозрениям.

Тоннель постепенно спускался все ниже, а химические запахи становились все отчетливее. В какой-то момент до Талары дошло, что глухой шум, наполнявший пещеру — это шум бегущей воды. По мере продвижения вперед он усиливался, а замшелые камни становились влажными. С открывшегося перекрестка, носившего явно рукотворный характер, вбок уходил тоннель, откуда звук воды доносился особенно отчетливо. Перекресток был хорошо обработан резчиком, проходы забраны в узорные арки, а подле каждого имелась надпись на старинном языке Железных земель.

— Главный канал и Резервуар, — прочла принцесса, быстро изучив выбитое в облицованном камне. — И что сие означает?

— То, что и написано, — усмехнулась чародейка. — Ты же вроде изучала записи об Аш-Гароне.

— Ну да. Но я же не инженер, — пожала плечами Талара. — Там много чего было.

Сирелина, сделав небольшой привал, сочла нужным сделать пояснение не только для принцессы, но и для остальных. Все-таки кое-какие сведения о монастыре добыла и она, прежде чем отправляться в экспедицию. Кто бы ни построил этот уединенный комплекс, он был неплохим архитектором, отличным механиком и вообще одаренным человеком. Внутри горы протекала река, а пещера, по которой они сейчас идут, вероятно возникла в результате ее многовекового течения. Река выходила на поверхность в нескольких милях к северу, питая большое озеро, а здесь она долгое время оставалась нетронутой, пока находчивые люди не нашли как ее использовать. Пробив ходы, они освободили часть естественных тоннелей от воды, а энергию реки обратили себе на пользу. В толще горы они соорудили технический комплекс, а затем направили туда реку, изменив ее естественное русло. Речной напор крутит огромные маховики, за счет чего приводятся в действие совершенно разные механизмы, начиная от жерновов и заканчивая подъемниками. Он же позволяет монахам без труда получить воду прямо у себя в жилищах, стоит лишь повернуть кран, чего не все-

гда могли себе позволить себе даже городские жители. В целом, Сирелина интереса ради обязательно бы сделала крюк и тщательно изучила любопытное гидротехническое устройство, но она здесь не на экскурсии.
— А давайте их отравим! — без всякого смущения предложила Талара, уразумев хитрую систему водораспределения. — А что? Подсыпать чего-нибудь в резервуар или откуда они там наполняют чайники.
— Не выйдет, — помолчав, ответила чародейка. — Слишком быстрый яд убьет первых, но предупредит остальных. Медленные нанесут ущерба больше, однако и эффективность будет серьезно разниться в зависимости от обстоятельств. К тому же это не метод чародеек. Да и яда у нас вообще-то нет, тем более отравить целую реку. Вода-то проточная, долго не застаивается, и яд придется сыпать практически мешками, чтобы он непрерывно поступал по трубам.
— Жаль, — вздохнула принцесса.
Воспоминание о колдовских змеях придавало идее об умерщвлении ядом отнюдь не крамольный оттенок, хотя обычно девушка такие средства презирала. Однако технически затея все равно оказалась неосуществима, так что и обсуждать было нечего. Оставив развилку позади, отряд двинулся дальше, ступая по явно обработанному людьми коридору. Он продолжал спускаться все ниже, что было странно, поскольку лазутчики уже миновали уровень монастырских построек и теперь фактически забирались под них. Горгулья же уверенно вела вперед, показывая дорогу. Одно небо ведало как она не заблудилась в оставшейся позади пещере. Вероятно, ей помогло чутье, улавливающее просачивавшееся человеческое присутствие. В один прекрасный момент по-своему уловила его и Илиана. Заканчивался коридор или нет, она не знала, только впереди совершенно отчетливо угадывался человек, о чем девушка тут же известила спутников.

Человек оказался не один. Когда тоннель наконец-то выровнялся и вывел к некоему подземному сооружению, витавшие в воздухе химические запахи стали настолько тяжелыми, что их источник просто обязан был находиться где-то неподалеку. Илиана подробно объяснила где именно она ощущает присутствие людей и как те себя ведут. С последним, кстати, все выглядело несколько странно. Объекты располагались неподвижно, а их эмоциональный фон пребывал в крайне сумбурном состоянии. Илиана затруднялась с точным определением. Бред наяву, кошмары пополам с галлюцинациями, видения рая и ада одновременно — как это опишешь в двух словах, а то и одним единственным терми-

ном? Все это находилось за стеной небольшого грота с вкраплениями каменной кладки, из которого горгулья-разведчик, не в силах открыть дверь, свернула налево в узкий боковой проход. Посовещавшись, люди решили последовать ее примеру, временно оставив запертую дверь в покое. Долго идти им не пришлось. Температура в тоннеле стала быстро подниматься и прохлада пещеры сменилась настоящим жаром. Вскоре на стенах показалось какое-то свечение, а затем коридор раздался вширь и за очередным поворотом лазутчики увидели такое, отчего невольно остановились, не в силах поверить своим глазам. Впереди, заливая дальнюю часть расходившегося в стороны грота, бурлило то самое озеро огня, о котором толковала горгулья. Каменные колонны, некогда высеченные проточной водой, подпирали потемневшие своды. Под ними, покрытая язычками пламени как лужайка травой, раскинулась светящаяся лава. Она и испускала те самые химические запахи, ставшие совсем тяжелыми. Озеро уходило куда-то вправо. Изгибавшийся грот не позволял увидеть что было за углом, но жар и свечение заставляли предположить, что раскаленная масса имеется здесь в изобилии и означенный грот — лишь малая часть открывшегося взорам огненного пространства. Отсюда горгулья-разведчик и повернула назад, в чем ее никак нельзя было винить. Нечего было и думать приблизиться вплотную к раскаленной лаве, не говоря уже о том, чтобы пройти по ней как по воде. Никакие парящие чары уже не помогут, и самые могущественные чародейки сгорят как свечки, едва ступят на пламенеющую поверхность. Ювион попробовал было обдать холодом прибрежную полосу, но Сирелина схватила его за руку и молча покачала головой. Максимум чего юноша сможет добиться — это облака пара, способного разве что ошпарить спутников.

Быстрый осмотр показал, что иного выхода из грота не имелось. Дальше было царство огня, а сам грот представлял собой некий свободный от расплавленного вещества закуток. Эдакий пляж у волнующейся лавы, хоть расстилай покрывало да нежься в ее жарком дыхании. Пожалуй, любители хорошенько погреть свои косточки нашли бы такое предложение вполне приемлемым, если бы нос не забивал густой запах химических соединений. Абсолютная бесперспективность тупика была очевидна, но группа какое-то время оставалась на месте. Сирелина навскидку попыталась сообразить откуда здесь взялось столь невероятное образование. Задумчиво изучая жаркий огонь, она была готова выслушать любую версию, пусть даже самую безумную. Ей очень хотелось поверить, что лава появилась каким-нибудь естественным путем, вот только чем дольше она размышляла, тем больше приходила к вы-

воду о могущественном колдовском вмешательстве. Недвусмысленно намекал на это и белоснежный посох, чья вершина испускала уверенное свечение, равно как и поведение горгульи. Сейчас, в присутствии заклинательниц, она уже не теряла силы так, как прежде, но находилась подле лавы с явной неохотой. Сирелине была хорошо известна возможная причина, способная так влиять на горгулью. Это была скверна. И эта скверна, судя по всему, исходила как раз от огненного озера.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — тихо спросила Илиана.

Девушка с некоторых пор отмечала некий фон, точно такой же, какой прослеживался в Манипуляторах. Здесь, у края лавы, он ощущался особенно сильно. Его источник находился где-то дальше, но почти наверняка имел отношение к зловещему озеру огня, производившему на Илиану очень плохое впечатление.

— Ты можешь улавливать скверну? — удивилась чародейка, обменявшись с воспитанницей несколькими фразами.

— Не совсем так, — качнула головой девушка. — Я чувствую присутствие тех, кто проник и в Манипуляторов. Скверна лишь то, что они источают. Я же ощущаю присутствие именно самой сущности. Ощущаю на значительном расстоянии, гораздо дальше, чем обычно. Ее эпицентр где-то неподалеку, откуда скверна растекается в пространстве незримыми волнами.

— Ты меня пугаешь, — побледнела чародейка.

— Боюсь, она права, — неожиданно подал голос Ульм.

Обе собеседницы воззрились на него с немым удивлением. Что мог обычный воин, пусть даже очень искусный, знать о демонической природе?

— А вы попробуйте поджечь что-нибудь от этого огня, — вместо ответа предложил воин.

Чародейка и ее воспитанница переглянулись. Скомкав листок бумаги, Сирелина подбросила его в воздух и колдовским движением пальцев направила прямо к язычкам пламени. Жар был таков, что бумага была обязана вспыхнуть еще на подлете, однако она как ни в чем не бывало купалась в огне, не обугливаясь ни единым краем, и обратилась в пепел лишь тогда, когда коснулась поверхности лавы. Чародейка изменилась в лице. Над раскаленной лавой полыхал холодный дьявольский огонь.

— Как ты догадался? — спросила она, воззрившись на воина.

— Видел такое прежде, — с непроницаемым лицом ответил Ульм, не удосужившись уточнить где именно.

Дальше, как ни крути, дороги не было. Сделав столь зловещее открытие, Сирелина повела отряд обратно, на ходу перешептываясь о чем-то с Илианой. Теперь у лазутчиков было два пути: либо

вернуться на развилку и заняться дверью, либо топать до подземной реки и попытать счастья там. Первый грозил неминуемой стычкой с находившимися за стеной людьми, второй сулил скитания по техническим тоннелям монастыря. Поразмыслив, чародейка выбрала первый. Рано или поздно отряд все равно столкнулся бы с кем-то из обитателей монастыря, и сейчас самое время задать кому-нибудь из них ряд вопросов.

С дверью справилась Сирелина. На сей раз это была добротная железная дверь, способная посрамить таран, и заперли ее должным образом. Чародейке пришлось хорошенько потрудиться чтобы снять наложенные на нее чары, после чего замок наконец-то сдался на милость победителя. Отряд, пребывавший в боеготовности, заранее распределил роли. В первой линии встали два воина, закрывавшие щитами чародейку и Илиану. Сразу за ней разместился Бэйл с послушницами и третий воин, прикрывавшие девушек с флангов, а замыкали команду заклинатели стихий, Талара и две горгульи. Илиану, хочешь не хочешь, приходилось пустить в первых рядах, чтобы она максимально быстро охватила предполагаемые цели своей волей. Воинов и чародейку поставили необходимой линией обороны исключительно для ее защиты. Движением пальцев послушницы распахнули дверь, и отряд ворвался внутрь в строго заданном порядке, готовясь столкнуться с любой неожиданностью.

Сталкиваться оказалось не с кем. Во всяком случае, в бою. Глазам лазутчиков открылось длинное помещение с рядами дверей по обе стороны. В самом помещении было пусто, а люди, исходя из ощущений Илианы, угадывались за закрытыми дверями, по одному за большинством из них. Горгульи, взмыв к потолку, ставшему здесь гораздо выше, чем в пещере, бдительно зыркали вокруг, выискивая опасность. Таковой, однако, не наблюдалось. Илиана отметила, что люди за дверями остались к появлению отряда совершенно безучастными. Это было странно и требовало внятного объяснения. Отряд, столпился у ближайшей двери, за которой определенно находился живой человек. На ней не имелось видимых запоров, но створка сидела как влитая, и не думая поддаваться на прилагаемые к ней усилия. Талара шепотом сообщила, что видела такое в Ин-Хашуфе. Сирелина, поводив у двери ладонью, нащупала сплетение чар и, прищурившись, замысловато пошевелила пальцами. Затем подала знак, что путь открыт. Позже она объяснила в чем заключалась особенность замка. Он представлял чисто механическое устройство, но рассчитанное на применение колдовства. Иными словами, вделанный в створку продукт искусного механика не имел внешних скважин и вообще ключа как таково-

го, а открывался и закрывался под воздействием заклинателей. Когда дверь распахнулась, Сирелина уже догадывалась почему она заперта, но все равно никак не ожидала увидеть то, что увидела.

Комната была по большей части пуста. В ее центре стояла большая кровать, на которой неподвижно лежал на спине какой-то человек в коричневой робе. Глаза его были закрыты. Руки и ноги, перехваченные широкими кожаными ремнями, крепко удерживали его на ложе, как поступают с буйно помешанными пациентами в домах для умалишенных. Даже голова была зафиксирована в некоем устройстве. Изо рта человека торчала гибкая толстая трубка, связанная со стоявшим в изголовье баком на круглой тумбе. В сторонке имелся стол и две табуретки, а на полу вокруг кровати поблескивал сложный рисунок из геометрических фигур, знаков и символов, среди которых мрачная как туча Сирелина признала классический образчик практической демонологии. Человек никак не отреагировал на вторжение в его келью. Кажется, он крепко спал либо пребывал без сознания. Быстрый осмотр показал, что и в остальных комнатах наблюдается точно такая же картина. В тех, что не пустовали, все люди пребывали в одинаковом положении, привязанными к кровати и с трубкой во рту, а убранство всех комнат выглядело абсолютно идентичным.

— Это что, какая-нибудь больница? — спросил Бэйл, нервно поглядывая на подозрительные конструкции.

Илиана приложила палец к губам. Когда стало очевидно, что никто из людей в коричневых робах не в состоянии самостоятельно пошевелиться или даже закричать, она подошла к самому первому. Гладиатор живо пододвинул ей табурет, и девушка уселась подле распростертого на ложе человека. Взяв его за руку, она уставилась невидящими глазами в пространство. Талара, затаив дыхание, встала подле подруги, а Сирелина тем временем загнала отряд в комнату и прикрыла обе двери на случай если кто-нибудь появится.

Некоторое время Илиана сидела неподвижно. В какой-то момент она встала, не говоря ни слова, и вытащила трубку изо рта безразличного ко всему человека. После этого девушка вернулась на место и вновь замерла, ни на что не реагируя. Окружающие старались ей не мешать, тихо перешептываясь друг с другом о назначении того помещения, где оказался отряд. Они умолкли когда Илиану окутало характерное алое сияние, перекинувшееся и на ее необычного пациента. Все решили, что девушка исцеляет какой-то недуг, но процесс внезапно прервался и прервался совершенно неожиданно. Человек вдруг открыл глаза. По собравшимся рядом людям пробежала дрожь когда они увидели, что зрачки этих глаз

представляют две вертикальные щели, а белки красны как кровь и испещрены черными вкраплениями. Из груди человека вырвалось глухое рычание, на губах проступила пена. Он сильно забился, стараясь высвободиться из державших его пут. Рот открывался и закрывался, клацая зубами, из глотки лились хриплые нечленораздельные звуки. Спутники Илианы машинально отступили на шаг при виде этого жутковатого зрелища. Внезапно глаза человека выкатились из орбит, а изогнутая грудь замерла будто сраженная столбняком. Пальцы судорожно скрючились, загребая ногтями. Затем все кончилось. Изо рта вылетел последний выдох, человек затих и более не двигался.

— Что с ним? — негромко осведомилась Сирелина.

— Он мертв, — бесцветным тоном произнесла, вставая, Илиана.

— Отчего он умер? — быстро спросила Талара.

— Я остановила его сердце, — раздалось в ответ с той же интонацией.

Присутствующие переглянулись. На их лицах проступили самые разные выражения, от озадаченного до испуганного. Илиана, обведя спутников взглядом, сообразила какое впечатление произвели ее слова.

— Извините, вы же не в курсе, — сказала она куда более человечным голосом. — Сейчас я объясню.

Девушка вкратце поведала о том, что произошло. Оценив состояние привязанного человека, она попыталась привести его в чувство, одновременно изгоняя проникшую в его тело скверну. Это удалось ей наполовину. Что бы ни происходило с этим несчастным, процесс был прерван, но повернуть его вспять Илиана уже не смогла. Изменения оказались необратимыми. Скверна слишком глубоко угнездилась в неизвестном человеке и все что оставалось девушке — это прервать его существование. Удалить из него зло было уже невозможно не уничтожив телесную оболочку, ставшую с ним единым целым. Последние секунды жизни оно с ненавистью рвалось к боровшейся с ним девушке, силясь добраться до нее и убить. От услышанного окружающим особо легче не стало, но они хотя бы поняли поступок Илианы.

— Давайте проверим следующего, — сказала девушка, направляясь к другой комнате.

— Это обязательно? — осторожно осведомилась Сирелина.

— Да, — отозвалась Илиана. — Кажется, я начинаю понимать что здесь происходит, и надеюсь что не все эти люди окажутся безнадежны. Если я преуспею хотя бы с одним, у нас будет тот, кому мы сможем задать вопросы.

Вторая часть сказанного воспитанницей чародейке понравилась и

ради этого она согласилась повременить с расспросами о первой.

Следующий случай был не лучше предыдущего. Бешенство, обуявшее очнувшегося человека, выглядело даже страшнее, и Сирелине показалось, что из его рта доносится подобие невероятно искаженной колдовской речи. Впрочем, это могли быть и случайные звуки из заходившейся в спазмах глотки. Третий, четвертый, пятый "пациенты" — все они вели себя однообразно, едва приходили в себя после вмешательства девушки с сиреневыми глазами. Стараясь не поддаваться эмоциям, она переходила от одного к другому, упорно продолжая свои попытки вернуть в адекватное состояние хоть кого-нибудь.

— Что же это за больница такая? — всплеснул руками Бэйл, находясь под сильнейшим впечатлением от тяжелого зрелища.

— Это не больница, это тюрьма, — глухо отозвалась проходившая мимо Илиана.

Лишь на восьмой раз становившаяся привычной процедура наконец-то пошла по иному пути. Человек тоже открыл глаза, но страшная краснота заливала их лишь отчасти, а зрачки выглядели вполне нормально. Илиана резко усилила напор жизненной силы, врываясь в клетки со всей своей мощью и уничтожая скверну на корню. Алое свечение на несколько секунд озарило всю комнату, а затем пошло на убыль, окутывая тело лежавшего мягким светящимся облаком. Когда девушка закончила, в глазах человека блеснула разумная мысль, и он окинул стоявших возле него людей тревожным взглядом.

— Кто вы? — спросил неизвестный сиплым голосом и сильно закашлялся. — Что вам от меня нужно?

У него сильно кружилась голова и он ощущал во всем теле серьезную слабость. Илиана, против обыкновения, провела, что называется, интенсивную терапию, стимулировав пациента к немедленному возвращению в сознание. Обычно она так не поступала, но сейчас того требовали обстоятельства.

— Сначала скажите кто вы! — велела девушка, пристально посмотрев в глаза неизвестному.

Жуткая краснота из тех ушла. Теперь белки выглядели обыкновенно, равно как и каряя радужная оболочка.

— Развяжите меня, — попросил человек, потянув крепко державшие его ремни.

— Чтобы вы набросились на нас как хотели сделать другие? — осведомилась Илиана.

— Нет. Чтобы вы доказали, что вы не одни из них, — ответил человек. — Вы на них не похожи, но я должен убедиться, что это не какая-то новая изощренная пытка. Иначе лучше убейте меня сра-

зу, ибо вам меня не сломить!
Повинуясь Илиане, воины немедленно освободили лежавшего от пут. Девушка ничем не рисковала. Она внимательно следила за малейшим движением пациента и его эмоциональным фоном, готовясь в любой момент взять над ним контроль. Впрочем, вид разношерстной компании из заклинателей обоих полов и вооруженных воинов у кого хочешь отбил бы желание нападать. Человек сел, машинально потирая запястья, и был изумлен, что на них не осталось никаких следов. Воздействие Илианы, помимо прочего, убрало все синяки и кровоподтеки.
— Кто вы? Что это за место? Как вы здесь оказались? — снова спросила Илиана, протягивая пациенту флягу с водой.
Тот жадно припал к горлышку и осушил посудину до дна. Утерев губы, он вернул флягу владелице и еще раз внимательно оглядел столпившихся возле его ложа.
— Похоже, вы действительно не из них, раз даже не знаете где находитесь. Но как же вы тогда попали в Аш-Гарон? — искренне удивился неизвестный.
— Мы знаем, где мы находимся. Я спросила именно про вот это самое место. Почему вы и остальные лежите здесь с трубками во рту? Что вообще происходит? — с нотками нетерпения задавала вопросы девушка.
— Вы поможете мне?! Вы вытащите меня отсюда?! — вдруг с жаром воскликнул неизвестный, вскакивая с ложа и хватая Илиану за руки.
Придвинувшиеся воины едва не продырявили его мечами, но девушка вовремя остановила их упреждающим восклицанием.
— Сядьте, успокойтесь и расскажите мне все, о чем я спросила, — дружелюбно предложила Илиана. — Сейчас вам ничего не угрожает, а наша общая дальнейшая безопасность зависит напрямую от того, что вы сообщите.
Окончательно сообразив, что пришельцы не принадлежат к числу мучителей, незнакомец прямо-таки засветился от охватившей его надежды. Усевшись на табурет напротив Илианы, он начал свой сбивчивый рассказ, становившийся чем дальше, тем подробнее. Мало-помалу человек окончательно понял, что имеет дело с врагами заправлявших в Аш-Гароне лиц и выложил им абсолютно все ему известное об этом ужасном месте.

Звали его Кром и шел ему тридцатый год. С рождения он обладал колдовским даром, с годами проявлявшимся все больше. Односельчане относились к нему с недоверием, а потом и вовсе изгнали по навету суеверных соседей. Кром долго скитался по свету пока не осел в одном небольшом городке, где освоил ремесло

плотника, стараясь скрывать природные способности. Тем не менее, временами они проявлялись, и это не оставалось незамеченным. Однажды к нему явился какой-то человек в сером и заявил, что знает место, где Кром сможет ни от кого не прятать свой дар. Там ему помогут его развить и наделят новой могущественной силой. Люди, которые некогда сторонились и прогоняли Крома, станут почитать его и бояться, а он вскоре будет властвовать над всеми, помогая избранным управлять миром. Речи человека в сером были так сладки и он сулил такие поистине золотые горы, что Кром согласился. Ощущение несправедливости и желание восторжествовать над своими обидчиками сыграли свою роль и Кром, бросив все, отправился с человеком в сером. Так он и попал в Аш-Гарон. Знал бы он, что это за место и какая судьба уготована тем, кто переступал порог этого монастыря…

Помещение внизу, где пришельцы обнаружили Крома и других, называлось Мутвиолеум и полностью оправдывало свое наименование, ибо на общеизвестный язык переводилось оно как "принудительная трансформация". Сюда отправляли тех, кто наотрез отказывался принять новое учение и стойко сопротивлялся воздействию Покровителей так называемых монахов. После всех уговоров и наказаний для закоренелых упрямцев оставался лишь один путь — в Мутвиолеум. Попадали они сюда, разумеется, отнюдь не добровольно. Для многих это было равносильно смертному приговору, но наставники считали, что лучше так, чем просто убить ценный человеческий материал, способный послужить их нечестивому делу. Непокорных привязывали к ложам и вводили в колдовской транс, а затем долгие дни накачивали особым составом, поступавшим в организм через трубку. Это была эссенция скверны. Такая ударная доза демонической отравы, вливаемая в тело напрямую, способна сломить любое сопротивление, что и не удивительно, ведь большинство попросту умирало, не выдержав ее пагубного воздействия. Именно поэтому наставники подвергали означенной процедуре лишь непокорных, с которыми у них не вышло сладить иначе — терять-то уже было нечего. Зато и результат такой процедуры иной раз превосходил их ожидания. Из переживших Мутвиолеум время от времени выходили наиболее сильные колдуны из тех, кто именовал себя Манипуляторами. Скверна прочно переплеталась с телом человека и если не убивала его, то полностью перестраивала под себя, обрекая жертву до конца своих дней служить Покровителям, причем служить верой и правдой. Пораженные скверной люди уже попросту не знали иной жизни, а о своем былом существовании если и вспоминали, то с презрением.

Место для Мутвиолеума было выбрано не случайно. Он находился по соседству с тем, что наставники именовали Фламма-де-Лакудемоника. Это было огромное озеро огня, бурлящее прямо под всем монастырем, но огня не обыкновенного. Оно излучало мощные волны скверны, пронизывавшие все вокруг и непрерывно воздействовавшие на всех, кто жил прямо над ним. В непосредственной же близости от озера концентрация скверны достигала наивысших значений. Продолжительное пребывание возле столь интенсивного источника демонической сущности способно отравить даже самых стойких. Лишь уже поддавшиеся ее влиянию черпали в ней дополнительные силы, для остальных же озеро несло величайшее зло, дурманящее рассудок и подтачивающее здоровье. Все адепты монастыря, живущие наверху, постоянно подвергались источаемым Лакудемоникой ядом, смущавшим умы и развращавшим сердца. Медленное телесное преобразование довершало дело, столь рьяно пестуемое грозными наставниками, сулившими власть над миром и непревзойденное могущество.

В монастыре периодически совершались жертвоприношения. Помимо зловещих ритуалов свежая кровь была необходима для появления Наставников, чьи силуэты порой можно наблюдать в самом центре огненного озера подле особой ритуальной площадки. Лакудемоника непрерывно подпитывалась из мира этих существ за счет установленной связи, некоего полуматериального прохода. Через некогда открытый Разлом огромные пустоты под Аш-Гароном, прежде заполненные водой, залили лавой, исторгнутой прямиком из мира Покровителей. Эта раскаленная поверхность поддерживала их возможность проявляться в нашем мире, привнося в него столь желанную наставниками скверну. Она пронизывала весь монастырь снизу доверху, медленно, но верно обращая на нечестивый путь всех запертых в нем адептов. Для тех же, кто отказывался ступить на этот путь добровольно и существовал Мутвиолеум.

Кром ненадолго прервался и снова попросил пить. Сирелина тут же поднесла ему другую фляжку, подсыпав туда какое-то снадобье. Освобожденный узник быстро выпил половину и почувствовал себя намного лучше. Набравшись смелости, он попросил пришельцев рассказать кто они такие и зачем пришли в Аш-Гарон. Чародейка, подумав, нашла его желание справедливым и представилась. Потом коротко сообщила о составе группы и ее намерении узнать об этом рассаднике зла как можно больше, чтобы уничтожить его если и не сейчас, то позже. В общем, не таясь открылась, что группа собирается нанести демоническому гнезду как можно больший ущерб. От услышанного Кром, давно поте-

рявший всякую надежду, пришел в восторг и тут же выложил все остальное до мельчайших деталей. Сама мысль о том, что он неожиданно обрел возможность поквитаться со своими мучителями придавала ему сил и бодрости, заставляя припоминать такое, чему он и сам прежде не придавал особого внимания.

Рассказывая, Кром тыкал пальцем в предложенную ему карту, на которую Сирелина, наскоро колдуя, тут же наносила объемные графические и текстовые пометки. Вскоре схематичный план Аш-Гарона обрел куда более вразумительные черты, став похожим на одну из тех карт, какими пользовались как чародейки, так и черные колдуны Дегониса. Поскольку несостоявшийся Манипулятор находился в монастыре довольно долго, он действительно хорошо знал его устройство и был неплохо осведомлен как здесь идут дела. Наставники особо не таились, предоставляя адептам значительную свободу. Бежать-то последним было некуда, и выйти из Аш-Гарона они могли либо Манипуляторами, либо вперед ногами. Впрочем, даже последнее им не светило. Тела умерших служили для самых разнообразных целей, а из тех, что при жизни обладали колдовским даром порой извлекали ощутимую пользу. Имелись и побочные эффекты. Канал в мир Покровителей, частички мертвой плоти, волны скверны и обилие темных чар временами порождали всякую погань, включая расплодившихся в пещерах Секвестров. Хватало и других гадов, в том числе порхающих под каменными сводами над озером огня, исторгнутых средоточием скверны. Для простых людей они представляли несомненную опасность, как и все, что исходило от Фламма-де-Лакудемоники. Впрочем, таковых в монастыре давно не осталось. Могущественный колдун по имени Дегонис однажды захватил власть при помощи совращенных им сообщников. Всех несогласных убили. Говорят, последние, спасаясь от уготованной им участи, забаррикадировались в какой-то части монастыря, где злой колдун запечатал их души, используя исходящее от них страдание в гнусных ритуалах. Так или иначе, с тех пор Аш-Гарон стал готовить ему верных последователей, как убеждением так и силой. Многие, ох многие поддавались искушению, воочию наблюдая как их наставники превращают одно вещество в другое, повелевают силами стихий, творят колдовских созданий, сбрасывают оковы плоти. Да, для этого требовались определенные жертвы, живая кровь и прочие неудобства, но ради великой цели, ради власти и могущества… Новый мировой порядок, щедро сулимый наставниками, смущал умы немалого числа людей и без всякой скверны, ведь адептам предлагалось войти в число избранных и с благословения Покровителей руководить судьбами простых людей… Увы, такова человеческая природа.

Помани неограниченной властью самого обычного гражданина, и он без всякой демонологии побежит за этим соблазнительным пряником, мечтая занять трон повыше. Не все, конечно, но слишком многие. Для отказников существовал Мутвиолеум.

К упоминанию жуткого места Кром возвращался снова и снова, не в силах так вот сразу взять и забыть терзавшие его кошмары. Он был бы просто счастлив немедленно покинуть дьявольское узилище, но его уговорили потерпеть еще немного. Слова узника, кстати, быстро подтвердились. Стало понятно, почему Илиана определяла присутствие живых людей далеко не во всех комнатах, на первый взгляд вроде бы и не пустовавших. Там лежали покойники. Те, что не пережили агрессивную трансформацию и были умерщвлены вливавшейся в них скверной. Сирелина, выудив из поясной сумки небольшую пробирку, нацедила из бака сочившееся через трубку вещество, прежде непрерывно поступавшее в тело жертвы. Позже его следовало подвергнуть тщательному анализу. Убрав пробирку в контейнер чтобы она случайно не разбилась, чародейка все так же внимательно продолжила слушать откровения Крома. Тот, впрочем, уже заканчивал, выложив все про распорядок дня в Аш-Гароне, расположение и назначение зданий, количество адептов и наставников, а так же уйму других интересных сведений, включая поставки ресурсов и жертв. Когда Кром окончательно умолк, в комнате ненадолго воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь покашливанием охрипшего от продолжительного монолога узника.

— Какие будут предложения? — осведомилась Сирелина.

Нечего было и думать вступать в открытое противостояние с населением монастыря. Так или иначе, в нем сейчас находилось не менее пяти сотен потенциальных врагов, пусть и не все из них соответствовали должному уровню. Костяк из наставников и прочих колдунов составлял человек пятьдесят, и если под их предводительством вся эта орава вступит в бой с дюжиной лазутчиков, последним вряд ли удастся выбраться из Аш-Гарона живыми. Даже учитывая возможности Илианы. Впрочем, сердце Сирелины холодило другое. Соображения не о том, что может приключиться в ближайшее время, а о том, что произойдет в будущем. Перспектива, учитывая все вышеизложенное, вырисовывалась крайне безрадостная. Если ничего не изменится, то к лету Дегонис получит в свое распоряжение до полутысячи новых Манипуляторов, и в дальнейшем их число станет только расти. При мысли об этом у чародейки темнело в глазах, а во рту становилось сухо.

— Нужно уничтожить этот рассадник! — решительно заявила Талара, ударив кулаком по ладони.

— Да я бы и рада, но как?! — закусила губу чародейка. — Мы не можем сейчас схватиться со всем монастырем.
— Так и не надо! — воскликнула принцесса. — Как я поняла, основная гнусь исходит от этой Лакомерзоники. Есть какая-то возможность хотя бы на время нарушить колдовской канал и вывести средоточие скверны из строя? А пока Манипуляторы в поте лица восстанавливают свое драгоценное озерцо, глядишь, мы и посерьезнее силы соберем. Особенно если отец прозреет.
— Какая храбрая девушка, — невольно улыбнулся Кром. — Как вас зовут?
— Я принцесса Талара, дочь властелина Железных земель, — подбоченилась та. — И я не намерена терпеть в своем государстве ничего подобного!
— Надо же! Настоящая принцесса! — удивился несостоявшийся Манипулятор.
Вопросов как так получилось, что черные колдуны вроде бы подчиняются хану, а его дочь очутилась по другую сторону баррикад он не задавал. Вероятно, был осведомлен об истинной подоплеке, ибо колдуны в действительности служили отнюдь не ад-Сейдину.
— Кстати, ее высочество говорит дело! — добавил он серьезным тоном. — У Фламма-де-Лакудемоники имеется эпицентр, где наставники поддерживают непрерывную связь с миром Покровителей. Если ее расстроить, озеро быстро превратится в простую лужу остывающей лавы. А восстановить связь отнюдь не так просто, иначе подобные вещи колдуны могли бы организовывать сплошь и рядом. Я знаю где находится ритуальная площадка и отведу вас туда, если вы решитесь на это благое дело.
— Мне нравится ход ваших мыслей! — одобрительно кивнула Сирелина. — Что ж, давайте обсудим детали. Прежде чем мы выйдем отсюда, я должна точно знать каждую мелочь. Мы не имеем права на ошибку. Наша гибель — не самое худшее, что может произойти. Враг, извещенный про осведомленность чародеек об этом месте, примет меры для его защиты, а тысячи порожденных им Манипуляторов окажутся не по силам даже Альмирсталу.
Присутствующие согласились, и следующий час, склонившись над картой, потратили на обсуждение предстоящей вылазки. Впрочем, оставалось и кое-что еще. Илиана, не забыв про других несчастных, продолжила свой скорбный обход. Увы, лишь одного человека ей удалось выдернуть из цепких объятий скверны. Правда и он прожил совсем недолго, но умер с благодарностью на устах, осознав, от какой участи его избавили.

Вдоль южной оконечности огненного озера тянулась приподнятая над лавой каменная дорога частично естественного, час-

тично искусственного происхождения. Рунические знаки, большие и малые, выглядели на ней своеобразным узором, только вывели их отнюдь не для красоты, а чтобы уберечь проходивших людей от жара Лакудемоники. Имевшая овальную форму, она раскинулась меж стен некогда подземного озера, где воду сменило пламя, и гулко бурлила, источая дурманившие голову химические ароматы. Запах серы здесь достигал своего апогея, и находиться в этом месте слишком долго означало получить верное отравление. Примерно посередине дорога выводила на крупный мыс, вдававшийся в Лакудемонику широким тупым клином. На этом мысу, судя по убранству, мозаике на полу и злобно таращившимся идолам, черные колдуны вершили свои отвратительные обряды, после которых оставалась засохшая кровь и частички внутренностей. У края лавы внимательный взор мог разглядеть обугленные кости, а ниши окаймлявшего мыс парапета украшали человеческие черепа. От мыса к центру озера тянулся каменный мост, державшийся на зачарованных базальтовых опорах. Он упирался в небольшой островок, выточенный в виде пентаграммы. Ее составляющие ярко светились оранжевым, а впереди, прямо на лаве, прочертились контуры обратной пентаграммы, будто та, с островка, неведомым образом отражалась в лаве при помощи хитрой системы зеркал. Линии на лаве были черными как безлунная ночь, и над ней висело густое марево, в котором то и дело мелькали какие-то тени. От перевернутой пентаграммы оно расплывалось далеко в стороны, постепенно сходя на нет, однако занимаемое им пространство казалось небольшим лишь издали. Вблизи марево выглядело значительно крупнее, размером с приличный двухэтажный дом. Напор сочившейся из него скверны становился таким ощутимым, что в теле появлялась болезненная тяжесть, а в голову из ниоткуда начинали проникать различные видения. Сирелина почувствовала, что ее иммунитет прямо-таки огнем горит, давая отпор губительной отраве, и этот огонь становился все сильнее, начиная обжигать чародейку изнутри. Кристалл на конце белоснежного посоха сиял так, что слепил глаза.

В каждом углу пентаграммы стояло по крупному кристаллу. Ни единой искры не отражалось на их идеально гладких поверхностях, обточенных не хуже лучших образчиков драгоценных камней, ни малейшего сполоха света не срывалось с абсолютно ровных граней. Концентрированная печная сажа казалась в сравнении с этими кристаллами невзрачным серым налетом, а деготь мог похвастаться игрой жизнерадостных красок. Сирелине были хорошо знакомы эти инструменты черного колдовства, но видела она их впервые. Впрочем, их вообще мало кто видел, поскольку

считалось, что искусство изготовления таких штуковин давно утрачено. Будучи связаны должным образом и наполнены достаточной энергией они приоткрывали завесу в иной мир, откуда темные колдуны могли черпать силы и призывать себе на службу различных тварей, а некоторые даже ненадолго проникать на ту сторону. Наиболее могущественные демонологи были способны создать канал к тем, от кого надеялись обрести невиданные прежде возможности. Такой канал сейчас и был установлен над центром того, что наставники Аш-Гарона красноречиво называли Фламма-де-Лакудемоника. То бишь озера пламени, воспроизводящего среду обитания демонов и создающего им условия для частичного присутствия в мире людей. Именно поэтому канал держался непрерывно и устойчиво, а скверна, сочащаяся от так называемых Покровителей, обильно насыщала озеро и распространялась вокруг, поражая все живое.

Разрушить пентаграмму оказалось не так-то просто. Удары по кристаллам ни к чему не приводили, как воины ни старались. Сирелина, направив конец посоха к гладкой поверхности, всадила в нее луч ослепительного света, но даже это не принесло желаемого эффекта. Кристалл полностью поглотил излучение, вообще никак не отреагировав на воздействие. Чародейка, нахмурившись, попробовала снова, однако второй раз стал ничуть не лучше первого. В обычных условиях ей бы без труда удалось разрушить колдовской инструмент. Нынешние обстоятельства создавали известные сложности. Мощная обратная связь между пентаграммой и тем, что находилось по другую сторону канала, наполняла кристаллы большой энергией, которую так просто не пробьешь. Банальные попытки убрать кристалл с занимаемого им места результата, естественно, не принесли. Пентаграмму сковывала могучая сила, и Сирелина с тревогой начала подозревать, что она окажется ей не по зубам. По ее команде послушницы и заклинатели стихий одновременно обрушили на кристалл различные чары, в то время как сама Сирелина поражала его светом. Увы, все их попытки не увенчались ни малейшим успехом. Следовало придумать нечто принципиально иное, если отряд не собирался долбать неподдающуюся пентаграмму до потери пульса.

— Берегись! — крикнул вдруг Бэйл.

Из-под высоких каменных сводов, поддерживаемых толстенными базальтовыми колоннами, на островок неожиданно спикировало с полдюжины каких-то тварей. Из крыльев, похожих на плавники рыбы-крылатки, торчали шипы, на головах имелись костяные наросты, а короткие уродливые конечности увенчивались острыми загнутыми когтями. Зауженные глаза располагались под углом, а

открытые пасти усеивал ряд мелких пирамидальных зубов. Каждая тварь имела хвост с неким подобием жала и очевидным образом намеревалась пустить его в дело. Заклинатели во главе с Сирелиной атаку откровенно проморгали, а Илиана так и вовсе не ощущала подобных существ. Оттолкнув ее в сторону, Бэйл одним ударом рассек нападавшую гадину надвое, в то время как Талара схожим образом уничтожила ее компаньонку. Их оружие отлично сладило с нечистью, из-за своих красных чешуек имевшую некоторое сходство с ящерицами. Простые мечи воинов управлялись заметно хуже. Попадание по телам вызывало злобный визг, но критического ущерба не наносило. Толстая шкура нападавших выдерживала стальные клинки, получая довольно незначительные повреждения. Впрочем, получив отпор, уцелевшие твари рванули прочь, но как раз здесь они и допустили главную ошибку. Из-за близости спутников заклинатели боялись разить врага колдовством, но теперь, когда тот обратился в бегство, настал их черед. Одну тварь практически сжег столб света чародейки. Других достали послушницы, влепив им сначала бесплотный удар, а затем пробив навылет кстати сотворенными Ювионом сосульками. Оглушенные, беспомощно кувырнувшиеся в воздухе монстры рухнули в лаву, где сосульки тут же обратились в пар, а их тела медленно погрузились в бурлившую массу. Находка с сосульками оказалась весьма удачной: заклинатель стихий творил их перед девушками, а те подхватывали острые ледышки чарами и швыряли в цель не хуже плюющегося стрелами армейского дикобраза. Радоваться, впрочем, было рано. Со всех сторон, визжа и хлопая крыльями, к островку начала стекаться целая орава точно таких же существ. Одни бежали прямо по потолку, цепляясь лапами, другие летели вдоль сводов, третьи зигзагами неслись над озером огня.

— Что это за нечисть? — осведомилась Талара, держа меч наизготовку.

— Лапурги. Нечто среднее между Секвестрами и низшими бесами, — отозвалась Сирелина, живо собравшая отряд для круговой обороны. — И – да, они еще как опасны! — добавила она, предвосхитив следующий вопрос.

Особенно в таком количестве. Повинуясь приказу чародейки, воины подняли щиты, выставив вперед жала клинков. Послушницы впопыхах начертили прямо посреди пентаграммы знаки клетки Изгары и еле успели, когда первая волна атакующих со всего маху врезалась в энергетические стены. Тут уж было не до церемоний. Сирелина, велев спутникам прикрыть глаза, с таким гулом долбанула посохом об пол, что под ногами задрожали камни. Исторгну-

тая ей ослепительная сфера рванулась во все стороны одновременно, испепелив с дюжину оказавшихся наиболее близко тварей. Ювион, поднатужившись, воплотил над головами спутников небольшой снежный вихрь. Замельтешившие комья снега в мгновение ока слеплялись в крупные сосульки. Послушницы, подхватив снаряды своими чарами, швыряли их в нападавших. Навстречу опешившим тварям волна за волной полетели острые куски льда. Большинство сумело уклониться от следовавших один за другим выбросов, но многие получили свою порцию угощения и с визгом падали в лаву, беспорядочно плеща крыльями. Горгульи, воинственно выпятив челюсти, швырялись булавами, превращая врагов в искореженные ошметки, а затем, когда дело дошло до рукопашной, хватали их голыми руками, сталкивая друг с другом как перегнившие фрукты. Впрочем, на них наседали мало. Лапурги, сообразив, что горгулья для них ни рыба ни мясо, атаковали в основном людей. Клетка Изгары надежно защищала отряд от проникновения порождений скверны, но послушницы из-за стремительности нападения успели установить ее не везде. Щиты воинов сотрясались от ударявшихся по ним тел, а клинки то и дело разили очередную погань, имевшую неосторожность задержаться поблизости. Впрочем продолжалось это недолго. В нескольких футах перед воинами неожиданно образовался какой-то красноватый купол, почти прозрачный, но, как выяснилось, для Лапургов непреодолимый. Каждый раз когда они в него врезались, купол исторгал завитки пламени. О происхождении купола долго гадать не пришлось. Алдар, до сих пор стоявший без дела, нашел своим талантам подходящее применение. Определив где в обороне находилась брешь, заклинатель стихий установил там огненный барьер, настолько плотный, что он не пропускал через себя ничего кроме воздуха. Сам по себе безвредный для Лапургов, он, тем не менее, держал их на расстоянии, не позволяя добраться до людей. Способности Алдара вне всяких сомнений серьезно выросли, раз он сумел соорудить такую серьезную штуковину пусть даже на очень ограниченном участке. Ледяные стрелы, разумеется, метать через огненный барьер стало невозможно, но послушницы тут же сконцентрировали выстрелы на другом секторе, где клетка Изгары позволяла беспрепятственно разить врага метательными снарядами. От осыпавшихся сосулек с шипением поднимались облачка пара, становившиеся все больше по мере того, как увеличивался объем попадавшего в лаву льда. Вскоре ближайшую поверхность Лакудемоники затянуло белыми облаками. Лапурги довольно быстро наловчились уворачиваться от сосулек, и теперь их могли поразить лишь значительные одновременные выбросы. Вот только подго-

тавливались они долго, да и эффективность оставляла желать лучшего. Предоставив Ювиону возможность кидаться сосульками самостоятельно, послушницы принялись разить тварей своими посохами. Предусмотрительно заряженные электричеством, они успешно били в цель, полностью выводя ее из строя. Оглушенные, обожженные Лапурги по одному валились в лаву, не в силах избежать прочерчивающейся в пространстве молнии. Такой обстрел к сожалению не позволял наносить массовые удары, но единичные цели поражались безотказно. Под сводами Лакудемоники понеслись раскаты грома, сопровождаемые неистовыми вспышками света посоха Сирелины. При этом для ближнего боя тоже находилась работа. Несмотря на потери, злобные твари умудрялись находить лазейки между энергетическим барьером и огненным щитом Алдара, закрывавшим только часть периметра. Проникнув за заслон, они с остервенелым визгом устремлялись к людям, разившим их ударами клинков. Работы хватало всем, разве что дрожавший от испуга Кром не принимал участие в побоище, надежно охраняемый сомкнутыми вокруг него бойцами.

Никто не считал сколько времени продолжалась неистовая схватка, равно как и количество уничтоженных Лапургов. В какой-то момент их невесть откуда бравшиеся звенья наконец-то обратились в бегство, сочтя бойко огрызавшуюся добычу слишком опасной. Лишь когда визг последних порождений скверны затих где-то вдали, воины опустили мечи, а чародейки посохи.

— Все целы? — спросила Сирелина, внимательно оглядывая спутников.

К счастью, слаженность действий позволила проникшим в сердце Лакудемоники лазутчикам обойтись без потерь. Незначительные укусы, полученные воинами в ближнем бою, тут же подлечила Илиана, затянув раны и изгнав яд вездесущей скверны. Лучше всего было горгульям. Зубы, когти и жала Лапургов в принципе были не способны нанести им существенного урона, а посему на всем протяжении столкновения они увлеченно орудовали булавами, соревнуясь друг с другом кто больше положит врагов.

— Целы-то целы, — отозвалась Илиана, убедившись, что никому более не нужна ее помощь. — Вот только осталось ли наше присутствие незамеченным? Пошумели-то мы изрядно.

— Ты про этих? — мотнула головой чародейка в сторону дрожавшего марева с мелькавшими в нем тенями. — Они нас не слышат. Это не тоннель меж двух дверей, в известном понимании.

Илиана, качнув головой, молча указала пальцем вверх.

— А, — помрачнела Сирелина. — Что ж, скоро узнаем. Пожалуй, нас следует поторапливаться. Кстати, Алдар, я впечатлена твоим

щитом! Молодец! Мало кто на такое способен!
— Это все она, — порозовел молодой человек, кивнув на Илиану. — Прежде я о таком и мечтать не смел. Да и сейчас разве я один ощущал всплеск идущей от нее энергии?
Выяснилось, что нет. Только теперь, после комментария Алдара стало понятно, почему проворные вертлявые твари так и не сумели добраться до людей, хотя прилагали к этому неимоверные усилия. Реакция воинов заметно выросла, а чародейки колдовали как угорелые, чувствуя небывалый подъем. Илиана отнюдь не стояла столбом в центре отряда, оберегаемая как зеница ока, а активно подстегивала возможности спутников, окутывая их потоком энергии. Собственно, именно поэтому она сейчас без всякого стеснения впилась зубами в сэндвич, после сильнейшей разрядки ощутив волчий голод.
— Где с этого очаровательного озера другой выход? — деловито осведомилась Талара.
— Вон там, — указал воспрявший духом Кром. — По той дороге, где мы шли, до конца. Оттуда тоннель идет вплоть до самого монастыря. Там основная лестница и большой подъемник.
— Я бы разделила отряд. Часть пусть останется здесь и соображает как раздолбать пентаграмму. Остальным лучше караулить выход, пока оттуда не явились незваные гости, — предложила принцесса.
— Она права, — снова поддержал Талару гладиатор.
Сирелина, подумав, пришла к выводу, что идея не лишена здравого смысла. Разделять команду ей не хотелось, но если сюда действительно кто-нибудь явится…

Костяком оставшейся у острова-пентаграммы группы стала сама чародейка. Другая образовалась вокруг Илианы. От способностей девушки в эпицентре скверны толку было маловато, зато у входа она в случае чего найдет им подходящее применение. С Илианой отправились Талара, Ульм, Алдар, Лада, и один из воинов, а также горгулья Лады. Сирелина руководила остальными, изыскивая способ разрушить окаянную пентаграмму.

Дорога, как и сказал Кром, дошла до юго-западного угла огненного озера и уперлась в большую стрельчатую арку, закрытую тяжелыми окованными дверями. Старательно обработанные камни арки усеивали крупные письмена невесть какого назначения. Отряд быстро приближался к цели, когда Илиана неожиданно произнесла:
— Скорее! Он сейчас появится! Похоже, я не смогу держать его долго! У вас будет несколько секунд чтобы его обезвредить!
Сказать так у нее имелись все основания. С другой стороны две-

рей она отчетливо различила приближение колдуна. В том, что это был именно колдун, ей сомневаться не приходилось, учитывая становившуюся хорошо знакомой чужеродную сущность, угадывавшуюся исключительно в Манипуляторах. Вот только на сей раз она была гораздо значительнее, нежели прежде. Нежели даже в явившемся к матери Талары злодее, из чего Илиана и сделала соответствующие выводы. Она успеет обезвредить врага, но ненадолго, и дальше ее спутникам лучше бы поспешить.

Увы, несколько драгоценных секунд было потеряно, прежде чем до всех дошло что Илиана имеет в виду. В распахнувшихся дверях появилась фигура в черном и остолбенела, узрев направлявшихся к ней людей. Остолбенела от неожиданности, то есть до того, как Илиана взяла этого человека под контроль, не дав ему ни закричать, ни сотворить заклинание. Впрочем, замешкался и колдун, соображая с кем имеет дело. Илиана, решив, что владеет ситуацией, не стала убивать его на месте, надеясь заполучить ценного пленника, которого можно хорошенько допросить. И здесь она допустила серьезную ошибку. Манипулятор замер, бессильно таращась на подбегавших к нему чужаков. Илиана ожидаемо ощутила всплеск сопротивления. Сопротивления настолько бурного, что она едва удержала врага, насыщаемого парами скверны. Не иначе как именно эта скверна позволяла ему стряхивать с себя оковы чужой воли гораздо быстрее. Девушка, припомнив имевшийся опыт, сделала ловкий ход. Она убрала контроль над движением, оставив Манипулятора без голоса и способности колдовать. Не ожидавший этого невидимый противник пролил всю свою мощь в освободившееся пространство, но автоматически ослаб в занятой Илианой части. При этом девушка помнила про брошенный в прошлый раз взорвавшийся шар и внимательно следила за руками колдуна. Тот, обретя свободу передвижения, неожиданно бросился назад. Лада, вскинув пальцы, сбила его с ног бесплотным ударом. Манипулятор, получив сильнейший тычок в спину, покатился по камням. Ульм и Талара, прикрываемые заклинателями, были от него совсем близко, как вдруг из-за поворота уходившего вглубь горы тоннеля выскочил второй колдун. Едва он объявился в поле зрения, Илиана немедленно атаковала его своей волей, но это раздвоение ненадолго ослабило ее влияние на первого колдуна. Чувствуя, что упускает контроль над обоими, девушка, стиснув зубы, безжалостно уложила второго Манипулятора на месте. Пока порождение скверны традиционно воспротивилось ее вмешательству, она сконцентрировала усилия вокруг черного сердца этого человека, сжав его словно стальным обручем. Схватившись за грудь, Манипулятор рухнул на пол. Скверна, противодействующая

Илиане, вернуть его к жизни уже не могла просто по самой своей природе. И тут первый колдун, разбивший себе лицо о камни, перевернулся на спину и выбросил вперед руку, каркнув заклинание. Девушка, сражая другого Манипулятора, отвлеклась совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно. Ударная волна отбросила прочь уже готовившихся схватить колдуна людей. В следующую секунду Илиана вновь перехватила частичный контроль над врагом, но было поздно. Не иначе как повинуясь его чарам, ворота резко захлопнулись, разделив человека в черном и лазутчиков. Манипулятор все еще оставался под влиянием девушки, но был теперь по другую сторону преграды. Не в силах колдовать, он попросту обратился в бегство. Илиана немедленно сделала рокировку, вернув врагу способность творить чары, но лишив его управления собственным телом. И тут же об этом пожалела. За закрытыми дверями раздался громкий гул, будто на крепостной башне взревела сигнальная труба. Наполнив тоннель, он прокатился до самого его конца и улетел в направлении монастыря. Нетрудно было догадаться что сие означало. Грохнувшийся на пол колдун поднял тревогу.

— В следующий раз буду уничтожать их на месте! — воскликнула побледневшая Илиана.

— Это если он будет, следующий раз, — пробормотала Талара, прислушиваясь к раскатам разносившегося по всем пустотам звука.

Его источник вдруг прервался, и лишь эхо все еще катилось дальше и дальше. Илиана, более не церемонясь с Манипулятором, продолжавшим ускользать от ее воли, сковала его сердце неумолимой хваткой. Колдун захрипел и затих с выпученными глазами.

— Еще как будет, — мрачно усмехнулся Ульм. — Сейчас сюда вся толпа сбежится.

Присутствующие переглянулись. Высказанное предположение в ближайшем будущем грозило воплотиться в действительность. Такого же мнения придерживалась и Сирелина, приславшая горгулью с вопросом что произошло. Получив ответ, горгулья вихрем унеслась обратно, и вскоре оставшаяся у пентаграммы часть группы прибежала к запертым воротам.

Винить кого-то не было ни смысла, ни оснований. Что произошло, то произошло. Илиана хотела захватить ценного пленника, и на ее месте Сирелина, имей она такую возможность, поступила бы точно также. Теперь-то становилось понятно, что врагов надо было немедленно уничтожать, сводя риск к минимуму, но кто ж знал что так получится? Прошлое уже не имело значения. Следовало быстро решить как поступить в ближайшем будущем,

грозившем обернуться настоящей катастрофой.
— Других проходов сюда точно нет? — озабоченно спросила чародейка у Крома.
Тот поклялся, что больше ничего такого не видел. Это, впрочем, гарантии отнюдь не давало, так как узник Аш-Гарона мог попросту о них не знать. Кроме того, у врага потенциально имелся минимум один обходной путь — через тот перекресток, откуда вел проход к Главному каналу и Резервуару. Система инженерных ходов почти наверняка выводила и к монастырю. Его обитатели, разумеется, вряд ли сразу туда сунутся, для начала явившись к парадному входу. Следовательно, стоило их задержать. Долго соображать как это осуществить не пришлось. Захлопнутые колдуном двери отворили, но внутрь никто не пошел. По команде Сирелины Ювион принялся изо всех сил нагнетать лед на потолок ярдах в десяти впереди, замораживая гладко обточенный камень. В воздухе завертелись, увеличиваясь в размерах, многочисленные снежинки и повеяло такой холодиной, что пробирало до костей. Послушницы, выставив посохи, принялись всаживать в потолок молнию за молнией, следуя за выстрелами Сирелины. Та на сей раз обходилась без всякого посоха, поражая люто промерзавшие камни одиночными разрядами, попеременно чередуя их с бесплотными ударами. Последние сотрясали начавший крошиться камень, пошедший змеистыми трещинами. Своды тоннеля загудели, потревоженная гора отзывалась низким ворчанием, прокатившимся далеко за пределы видимости. Где-то впереди послышались тревожные крики приближавшихся людей. Заклинатели удвоили усилия, но прочный тоннель упорно не желал осыпаться, хоть поливаемый градом молний по вгрызавшемуся в камень холоду. Илиана приблизилась к чародейке и положила ей руку на плечо.
— Охвати массу камня так, как ты перемещала телеги в Фербуре; так, как ты охватывала воду под ладьей, — шепнула она вздрогнувшей Сирелине. — Охвати только часть в нужном тебе месте. И дерни ее вниз.
Чародейка, ощутив как через нее хлынул поток энергии, повиновалась. Было невероятно трудно в сплошной массе камня выделить искомый участок, весивший невообразимое количество тонн. Постепенно сужая радиус, Сирелина, используя каждую трещину, смогла направить чары на заданную область так, будто та и впрямь была одним самостоятельным куском, а затем изо всех сил рванула его вниз. Имей чародейка дело со стеной, ей бы, разумеется, ни в жизнь не выдернуть из нее прочно схваченный раствором здоровенный фрагмент кладки. С потолком тоннеля была

иная ситуация. Его тяжесть сама по себе стремилась к полу, а непрерывно расшатываемые, потревоженные камни подавались куда охотнее. Результат превзошел все ожидания. В сверкнувших разрядах молний потолок, загудев от колдовской речи чародейки, неожиданно распался на части и с жутким грохотом обвалился, брызнув осколками льда и породы. Сирелина, окрыленная успехом, тут же ухватила следующий участок и, поднатужившись, потянула его вниз, будто хотела опустить паривщую в воздухе массу. Не выдержав ее напора, следующий сегмент потолка последовал вслед за предыдущим, наваливая глыбу на глыбу. После третьей попытки в дело вступила уже сама гора, потревоженная столь возмутительным обращением. Поднятая вибрация и сотрясения сделали свое дело, и потолок уже без всякого вмешательства умолкшей чародейки окончательно рассыпался. Мощный и стремительный обвал похоронил обоих поверженных колдунов, полностью заблокировав тоннель на десятки ярдов. Теперь распахнутые ворота вели в никуда. Из них под наклоном торчали расколотые камни, пробиться через которые колдуны смогут очень и очень не скоро. Прокатившиеся куски льда улетели в лаву и с шипением испарились, выбросив облачка пара. Сирелина с радостным изумлением оглядела творение своих рук. С не меньшим восторгом созерцали образованный обвал остальные, и в первую очередь послушницы, захлопавшие в ладоши.

— Предлагаю проделать тоже самое с проходом к подземной реке! Тогда враги до нас не доберутся! — воскликнула Ашира.

— Да, а потом обвалить потолок на пентаграмму! Это наверняка подействует! — дополнила ее мысль Флея.

С пентаграммой не вышло. К ней Сирелина устремилась сразу же, как отряд покинул заблокированные ворота и повернул обратно к центру Лакодемоники. Во-первых, до потолка было далековато, и хотя речные воды чародейка охватывала и с большего расстояния, источавшее скверну марево откровенно мешало, не позволяя сконцентрироваться должным образом. Впрочем, Сирелина, возможно, смогла бы преуспеть, если бы не во-вторых. Не достигла она и середины моста, ведущего к островку, как вокруг пентаграммы забурлила лава. Забурлила не так, как обычно, ибо этот процесс ни на секунду не прекращался. Она прямо-таки заходила ходуном, выбрасывая огромные буруны, а затем вдруг вздыбилась, будто в недрах огненного озера проснулись мощные гейзеры. Чародейка, попятившись, с невольным удивлением созерцала, как растет, поднимается раскаленная масса, выпячиваясь над поверхностью двумя широкими столбами по обе стороны островка. В какой-то момент из столбов, каждый футов двадцать

в диаметре, отошли крупные боковые фрагменты, а в основании показался просвет, разделяя одну колонну на две. Сирелина изменилась в лице. До нее вдруг дошла суть происходящего явления, и чародейка впервые за всю вылазку испугалась по-настоящему.
— Бежи-и-и-и-им! — завопила она, опрометью ринувшись обратно по мосту, чем привела в замешательство следовавшую за ней группу.
Спутники, наблюдая за вспучивавшейся лавой, были ошеломлены не меньше Сирелины, а ее крик так и вовсе сбил их с толку. Почуяв неладное, они заговорили все разом, засыпав чародейку градом вопросом.
— Да бежим же! — кричала Сирелина, отчаянно размахивая руками. — К нашему выходу! Скорее, иначе будет поздно!
А столбы лавы уже вовсю обретали какие-то подозрительные черты. Отделившиеся фрагменты изогнулись наподобие локтей, а на их концах образовывалось нечто сильно напоминавшее пальцы. Основание полностью раздвоилось, став похожим на две толстые ноги. В верхней части вытянувшегося туловища показалось нечто смахивающее на голову. Еще немного — и вот уже оба образования воплотились в некую пародию на человеческую фигуру: грубую, примитивную, но от этого не менее зловещую. Вершина составлявшей их лавы едва не упиралась в каменные своды, а размах рук просто ужасал.
— Что это за напасть?! — воскликнула то и дело оборачивавшаяся Талара, не в силах сдержать любопытство.
— Термоники! Бездушные творения стихии пламени, стражи огненного мира! — ответила Сирелина, подгоняя спутников.
Нечего было и думать сладить с такими исполинскими монстрами. Для этого требовалось нечто большее, чем одна чародейка с тремя послушницами, пусть даже и усиленные Илианой. Холод же Ювиона для этих чудовищ и вовсе был не опаснее прохладного ветерка. Термоники обитали в недрах огнедышащих гор, свободно плавали в потоках раскаленной магмы. Являясь неразумными по сути, они вполне могли послужить чьей-то чужой воле, обладавшей должными сноровкой и могуществом, чтобы укротить порождения первозданной стихии. Никто не знал, существовали ли эти гиганты сами по себе, либо же некогда проникли в мир людей из мира демонов, где океаны огня являлись для них естественной средой. Так или иначе, могущественное колдовство при надлежащих условиях было способно использовать Термоников в своих целях, а в окрестностях Лакудемоники его хватало с избытком. Нетрудно было догадаться что именно охраняли сотканные из лавы стражи, появившись подле пентаграммы. Вопрос, скорее, заключался в том, кто

их призвал, если прежде они никак не реагировали на появление чужаков и попытки разрушить канал над островком. Ответ пришел сам собой.

— Там! — крикнула Илиана, показывая пальцем.

В сотне ярдов впереди из бокового хода на дорогу вышел колдун. За ним, выстроившись группкой, виднелось несколько человек в коричневых робах. Если верить Крому, это был один из наставников во главе отряда адептов. С такого расстояния Илиана до врагов не доставала, зато те, не слишком церемонясь, швырнули в бегом приближавшихся людей темные чары. Сирелина на ходу крутанула посохом, исторгнув защитное заклинание. Вспышка света немедленно уничтожила вредоносное колдовство. Показавшиеся из камня корни бессильно распластались как жалкие обрывки веревок, летевшие навстречу сгустки масляно-жирной субстанции развеялись в прах. Манипулятор, воздев руку вверх, громогласно проревел заклинание, и с потолка на быстро приближавшуюся группу тяжелыми острыми мечами посыпались многочисленные сталактиты. Часть из них блокировал Алдар, успев создать на головами небольшой, но плотный огненный барьер, часть отразили воины, подняв щиты. Послушницы практически в унисон выбросили волну бесплотного удара, направленного не в цель, а сферообразно, что позволило отклонить значительную долю сталактитов. Тем не менее, отряд не пострадал лишь чудом. Сирелина, не дожидаясь развития событий, выстрелила в колдуна столбом света. Тот еле успел нырнуть в укрытие и столб ворвался в группу адептов, немедленно разразившихся истошными воплями. Скверна в их телах огнем горела, столкнувшись с мощным потоком света, и будущие Манипуляторы испытывали жуткую всепоглощающую боль. Два броска горгулий, ринувшихся на врагов с воздуха, окончательно отбили у них желание атаковать. Колдун снова избежал угощения, но двое адептов были убиты на месте, а хруст их костей произвел неизгладимое впечатлении на остальных. По команде Манипулятора уцелевшая часть группы юркнула обратно в боковой коридор, где находилось одно из помещений как раз в тот момент, когда Илиана собиралась заарканить всю компанию. Помимо Мутвиолеума подле озера огня имелись и другие залы, выполнявшие разные нелицеприятные задачи, и, как и подозревала Сирелина, где-то там сыскался запасной ход.

Позади лазутчиков, отвлекшихся на появление врага, раздался страшный грохот, а в спину им немедленно повеяло сильнейшим жаром. Термоники не дремали. Подхватив сгустки стекавшей с ладоней лавы, они швырнули их в убегавших людей. Каждый такой сгусток, сочащийся раскаленной жижей, был размером

с несколько телег и неминуемо уничтожил бы все живое, попади он хотя бы частично в цель. К счастью, мозгами Термоники не обладали, а потому швыряли лаву туда, где объекты находились в момент броска. Тем не менее, каждая брызнувшая капля могла причинить немалый ущерб вплоть до смерти, и кое на кого они все-таки попали. Болезненно вскрикнула Ашира, досталось Бэйлу и одному из воинов. Ювион живо наколдовал немного холода, сбивая пламя и смягчая боль от ожогов, а Илиана хватала пострадавших за руки, подлечивая их прямо на ходу. Теперь окончательно стала понятна поспешность Сирелины. Термоники в любой момент были способны сжечь всех людей заживо. Выстреливая столбами света, чтобы отбить у колдуна охоту высовываться, чародейка подгоняла спутников, которые теперь и так бежали со всех ног.

Колдун с адептами укрылся где-то за углом. Илиана достать никого не могла, так как для первичного контакта ей требовалась прямая видимость. Оставлять колдуна у себя за спиной никому не хотелось, а чтобы обрушить своды коридора Сирелине требовалось некоторое время. Термоники медленно приближались, шагая по пылавшей лаве как слоны через брод, понимая тяжелые волны расплавленного вещества. Поскольку неминуемый бросок от них не грозил, чародейка притормозила отряд, быстро соображая как обезопасить тыл от Манипулятора.

— Наколдуйте глыбу льда! — велел вдруг Алдар. — Ювион, девчонки, давайте все вместе!

— На кой? — невольно спросил Ювион. Ледяную стену разобьет даже ребенок!

— Делайте что говорю! — воскликнул Алдар. — Ну же, скорее! Вот здесь! Скоро сами все поймете!

Термоники вышагивали все ближе, а засевший колдун что-то орал вглубь переходов хриплым возбужденным голосом. Счет шел на секунды.

— Все вместе! — скомандовала Сирелина.

Совместными усилиями, плюс вмешательство Илианы, порожденная стихией холода ледяная глыба быстро выросла до внушительных размеров.

— А теперь поднимите ее повыше над лавой напротив входа и бегом отсюда! — крикнул Алдар.

На лице чародейки мелькнуло понимание. Подхватив глыбу своей волей, она оторвала ее от пола и плавно потащила вверх. Отряд успел убежать довольно далеко, когда глыба воспарила футов на тридцать к каменным сводам. Быстро удалявшаяся Сирелина не могла поддерживать слабеющее колдовство на непрерывно расту-

щем расстоянии, однако этого и не потребовалось. Поняв, что светоносная чародейка и ее спутники спасаются бегством, а выход вновь свободен, колдун и его компания вылезли из укрытия, намереваясь пуститься в погоню. Сирелина, едва удерживавшая ускользавшую тяжесть, с чистой совестью отпустила ее восвояси. Рухнув в лаву, ледяная глыба выбросила чудовищное облако пара, рванувшегося во все стороны с поистине бешеным напором. Какая-то секунда — и дорога была поглощена его плотными белыми клубами, в которых дико вопил ошпаренный Манипулятор и адепты в коричневых робах. Они встретили не самую легкую смерть.

Термоники успели швырнуть лаву еще раз до того, как отряд достиг Мутвиолеума, рассчитывая добраться до имевшегося там выхода. На сей раз все были готовы к такому повороту событий. Волна бесплотного удара вкупе со стихией холода Ювиона отразила брызнувшие потоки лавы. На сей раз крайне кстати, иначе люди могли серьезно пострадать вплоть до самых тяжелых последствий. Вихрем промчавшись через жуткое помещение, лазутчики очутились в пещере и рысью побежали верх по наклонному тоннелю. Лавовые гиганты, упустив шустрые цели, бессильно топтались у края огненного озера, и тяжесть их поступи отражалась вибрацией в камнях под ногами убегавших людей.

— А ну-ка стоп! — велела Сирелина, когда они очутились на развилке и спутники вознамерились нырнуть в хорошо знакомый ход, ведущий к шахте противовеса. — Не знаю как вы, а я не собираюсь оставлять всю эту компанию безнаказанной!

— Но что мы можем сделать?! — расстроено воскликнула Флея. — Путь назад отрезан. Сейчас туда сбегутся все эти негодяи! Надо срочно выбираться, пока они не сообразили откуда мы явились.

— Лучше уж живыми сообщить об этом месте кому следует, нежели остаться тут навсегда! — поддержал ее Бэйл.

— А я за то, чтобы попытаться, что бы там у Сирелины ни было на уме! — решительно заявила Талара.

— Мы тоже! — присоединились к ней молодые люди.

— Дайте ей сказать! Потом уже и решайте! — сердито проворчала Илиана, чувствуя исходившее от наставницы чрезвычайное возбуждение.

Оно появилось вскоре после трюка с ледяной глыбой, а сейчас достигло апогея. Перехватив взгляд чародейки на табличку, Илиана встретилась с ней взглядом и окончательно догадалась что у той на уме.

— Выкладывай! — коротко предложил гладиатор.

— Что там внизу? — быстро спросила Сирелина, обводя взглядом всех присутствующих.

— Фламма-де-Лакудемоника. Сама же говорила, — пожала плечами Лада.
— Но что это такое? — усмехнулась чародейка, не в силах удержаться от театрального эффекта.
Ответом ей было молчание, ибо все кроме Илианы решительно не понимали куда она клонит.
— Правильно, озеро огня! — ответила Сирелина на собственный вопрос, с улыбкой следя за недоуменным выражением на лицах спутников. — А что у нас здесь? — мотнула она головой в сторону бокового тоннеля.
— Главный канал и Резервуар, — машинально отозвался Алдар.
— Ре-ка! — по слогам громко произнесла чародейка. — Подземная река. А теперь давайте припомним обвал, который мы устроили в дальнем конце озера, а затем прорву пара, выброшенного всего лишь одной ледяной глыбой. Припомним и подумаем, что произойдет, если объединить все эти слагаемые и…
Тут она выдержала паузу, задорно блестя голубыми глазами и сложив губы в невероятно коварной усмешке.
— …И пустить реку прямиком в это дьявольское пекло! — восторженно воскликнула Талара.
Лица спутников прояснились. Уразумев идею чародейки, они заговорили все разом, потрясенные тем, что сами до сих пор не сумели до нее додуматься.

Главный канал представлял собой глубокий и широкий желоб, в котором, бурля и пенясь, стремительно бежала подземная река, вырываясь из толщи горы и направляясь прямиком в уготованное ей искусственное русло. Высеченную в камне сеть инженерных сооружений наполняли сложные механизмы, изобиловавшие поршнями, зубчатыми колесами, маховиками и прочими воплощениями технической мысли. Сейчас все эти затейливые конструкции Сирелину не интересовали. Пройдя во главе отряда вдоль бурлившей реки, она определила наиболее подходящее место для обвала. Вода не должна была найти себе другой выход, устремившись куда-нибудь прямиком в монастырь через один из технических ходов. Заполнив образовавшийся тупик, ей следовало хлынуть в пещеру, а оттуда — на свидание с Лакудемоникой. И можно было даже не сомневаться, что это свидание превратится в такую невиданную битву двух стихий, что происходившее подле башни в Коулбридже покажется простенькой зарисовкой. Даже если пентаграмма останется неповрежденной, огненное озеро превратится в такой паровой котел, что канал наверняка разрушится, а все кто окажутся поблизости сварятся заживо. Сирелина как раз примерялась где лучше всего ухватиться, чтобы расшатать кладку и об-

рушить своды в Главный канал, перекрыв его подчистую, как вдруг где-то впереди послышались голоса. Обитатели Аш-Гарона наконец-то сообразили зайти с этой стороны, выискивая проникших в их святая святых чужаков.
— Ну, сейчас повоюем! — воскликнула дрожавшая от возбуждения чародейка.
Взяв посохи наизготовку, послушницы распределили боковые проходы, ступенями спускавшиеся к забранному в канал потоку воды. Алдар и Ювион, встав по разные стороны, чтобы их стихии почем зря не сталкивались одна с другой, создали в пространстве заметное напряжение жара и холода, готовясь воплотить чары. Горгульи, взмыв к потолку, угрожающе помахивали булавами, ожидая в кого бы швырнуть свое грозное оружие. Воины, обнажив клинки, традиционно выставили щиты, прикрывая заклинателей от любой прямой угрозы. Илиана, оберегаемая Таларой, внимательно следила за приближением множества целей, постоянно сообщая спутникам об изменении их местоположения. Для появившегося на глаза врага зрелище готового к атаке отряда явилось полной неожиданностью. Для последнего же, благодаря Илиане, опрометчиво высунувшиеся обладатели серых, черных и коричневых роб сюрпризом отнюдь не являлись, и своды Главного канала немедленно сотряс грохот разрядов и заклинаний.

Первые враги сыпались по ступенькам как подкошенные, сраженные молниями послушниц. Алдар, крутанув рукой, выбросил стихию огня вперед. Лизнув стены, огонь полыхнул вокруг левого прохода, поджигая робы оказавшихся поблизости "монахов". Примерно тоже самое проделал Ювион, только его стихия не воспламеняла одежду, а покрыла ледяной коркой пол и стены. Враги, очутившись на абсолютно гладком льду, от неожиданности живо утратили равновесие и, изрыгая ругательства, начали падать, хватаясь друг за друга, что только усиливало сумятицу. Сирелина, наложив защитный барьер, тем временем рьяно взялась за своды Главного канала. У чародейки имелись все основания повременить со своей задачей до атаки врага. Слишком преждевременное колдовство демаскировало бы отряд, а ей требовалось некоторое время для выполнения столь непростой задачи. Теперь же она под шумок могла заняться прямым своим делом, ощущая энергетический поток от Илианы. Та, сконцентрировавшись на Сирелине, старалась не отвлекаться, направляя чародейку, но нет-нет да и прихватывала особо ретивого "монаха". Если в отдельных колдунах скверна пребывала в избытке, то в адептах она ощущалась в довольно незначительном количестве, не представлявшем для девушки хлопот. Остановив сердца нескольких свалившихся прямо

в реку врагов, чьи тела немедленно унесло течение, Илиана, улучив момент, взяла парочку под контроль и обратила против собратьев. Колдовать за них серьезные заклинания девушка не могла, но для рукопашного боя марионетки вполне годились. Плохо соображая что они такое вытворяют, рабы ее воли накинулись с кулаками на соседей, чем вызвали изрядный переполох и оторопь в стане нападавших. Флея, отставив посох, выжала из него возможный максимум и, звонко огласив своды колдовской речью, сотворила шаровую молнию. Метнувшись к проходу, молния пронеслась над ступеньками, влетела в боковой тоннель и там взорвалась с таким грохотом, что у присутствующих заложило уши. Даже гремевшее нараспев заклинание Сирелины ненадолго утонуло в этом невообразимом шуме. Под воздействием ее колдовства потолок пошел трещинами; в бурлившую реку посыпались песчинки и мелкие камешки. Чародейка, нащупывая каждую прореху в породе, охватывала казавшиеся единым монолитом глыбы и расшатывала их из стороны в сторону, утягивая вниз. Мало-помалу она приближалась к заветному результату, разрушая своды над Главным каналом, и продолжала усиливать напор, уверенно подтачивая начинавший подаваться камень.

Враг, однако, не дремал. Понеся значительные потери, он кое-как пришел в себя и начал огрызаться, чем дальше, тем больше. Сообразив чем чревато появление в зоне прямой видимости противника, "монахи" принялись бросать заклинания из укрытия. К ним продолжало подходить подкрепление, и их численность начинала оказывать существенное влияние на защитные барьеры Сирелины и ее спутников. Они быстро слабели, и вот уже просочившиеся корни начали хватать лазутчиков за ноги, норовя опрокинуть, а то и сломать лодыжку своей на удивление сильной хваткой. Посмотрев на пол, Талара испуганно ойкнула. Среди корней прямо из камня все чаще появлялись черные руки, чьи пальцы жадно норовили вцепиться в живую плоть. Световой барьер Сирелины, предусмотрительно наложенный в горизонтальной плоскости под ногами, все еще развеивал большинство их них, но напор быстро усиливался, нарушая защиту периметра. Воздух резко потяжелел. Нагнетаемое колдунами облако отравы отчетливо зазеленело в атмосфере над рекой, своей влажностью усиливавшей его действие. Лазутчикам стало трудно дышать. В горле запершило, голова начала кружиться. По команде Флеи ее подруги, прекратив метать молнии, завертели посохами над головой, а затем стали вращать и перед собой наподобие мельницы, закружившись и сами. Вокруг послушниц возникло по небольшому вихрю. Повинуясь их круговым движениям, вихри обрели форму миниатюрных тор-

надо. Воздушные слои уплотнились, в ушах послышался свист ветра. Прекратив вращение, послушницы синхронно ударили посохами об пол. Торнадо, развалившись, ринулись в разные стороны, разгоняя сгущавшийся над рекой яд. Обратный ток атмосферы вогнал его часть в коридоры к "монахам" и те были вынуждены срочно заняться нейтрализующими заклятьями, чтобы не пасть жертвами собственной отравы. На этом, однако, сюрпризы от обитателей Аш-Гарона не закончились. В какой-то момент только окрик бдительного Ульма уберег стоявшую близко к воде Аширу от беды. Река, до сих пор невозмутимо бежавшая в искусственном русле, неожиданно плеснулась на каменный берег. Образовавшиеся полупрозрачные лужи пришли в движение и ринулись к людям, намереваясь ухватить их эдакими ожившими кляксами, быстро принимавшими форму крабов. Точно такие же лужи полезли на берег и с другой стороны, и с каждой секундой их становилось все больше. Ювион, перестав нагнетать холод в правый тоннель и швырять туда ледяные шары, рвавшиеся на острые осколки, перенес свое внимание на незваных гостей. Сделав широкое движение рукой, он веером выпустил поток лютой стужи, пробравшей его товарищей до костей, зато успешно заморозившей шустро подбиравшихся к ним наколдованных тварей. Мечи тут же принялись раскалывать водяных ракообразных, а Ювион следил за рекой, немедленно обдавая леденящей стихией все, что осмеливалось оттуда выбраться. Неожиданно из оставленного им без внимания тоннеля донесся громкий гул, подозрительно смахивавший на жужжание тысячи насекомых. Несколько секунд — и целая туча небольших черных объектов вылетела к Главному каналу и устремилась к отряду чародейки. К энтомологии составлявшие эту тучу объекты не имели ни малейшего отношения, несмотря на схожесть с некоторыми ее представителями. Моровые мухи — так называлось это образование, порожденное злым колдовством и жгуче жалившее трупным ядом. Укусы оставляли на теле жертв быстро растущие гноящиеся язвы, немедленно вызывавшие температуру и лихорадку. Большое облако вполне могло обглодать до костей одинокого человека или вывести из строя целый отряд, не оказавший должного сопротивления. Пострадавшие от нападения роя становились очень заразны, распространяя подхваченную хворь на окружающих. Клетка Изгары препятствия для Моровых мух не представляла, так как полноценными колдовскими существами они не были, являясь лишь насекомообразным воплощением темных чар. Мухи облепили световой барьер Сирелины, сгорая в нем маленькими вспышками, и стали растекаться вдоль него, грозя проникнуть с флангов. Чародейка ведь не создавала вокруг от-

ряда нерушимое кольцо, чтобы сэкономить силы для воздействия на потолок. Алдар, прекратив накалять область левого коридора, сгустил жар возле жужжавшего облака, обдав его завитками пламени. Было нечто зловеще-завораживающее в том, как внутри черного роя тут и там возникали красные огненные вихри, пожиравшие часть лженасекомых, тут же вновь заполнявших образовавшуюся прореху. Столкнувшись с барьером и очагами пламени, рой ненадолго дезориентировался, стараясь совладать с образовавшимся препятствием. Сирелина, вынужденная прервать процесс обрушения, схватилась обеими руками за посох и долбанула им в пол с таким гулом, что его эхо прокатилось по сети пещер вплоть до самой Лакудемоники. Исторгнутая ей мощная волна света развеяла Моровых мух без остатка, но из тоннелей упорно летели новые.

— Световые сферы! — крикнула Сирелина.

Послушницы тут же наколдовали с дюжину означенных шаров и направили их туда, откуда вылетали жужжавшие облака. Само по себе вполне безобидное колдовство было для Моровых мух существенной помехой, ибо являлось сгустком света, и действовало на них сродни огню на мотылька. Забыв про людей, мухи яростно накинулись на качавшиеся в воздухе фонарики, стремясь подавить их своим напором. Сгорая и растворяясь в ярких лучах, они фактически тушили их своими телами, но послушницы постоянно выпускали новые. И тут сгустилась тьма. Сгустилась резко и столь неожиданно, что доселе хорошо освещенный Главный канал поглотил кромешный мрак, в котором сиявшие сферы чародеек с трудом разгоняли мглу лишь в нескольких футах возле себя. Мгла была настолько густой, что лучи света в ней попросту тонули как в жидкой смоле, а лазутчики с трудом видели друг друга.

— Назад! — крикнула Сирелина, чувствуя, что отряд начинает терять контроль над ситуацией.

То, что произошло, было под силу только ОЧЕНЬ могущественному колдуну, скорее всего, не одному. Место для маневра у лазутчиков имелось, ибо чародейка могла доставать желаемый участок сводов и на увеличенном расстоянии. Команда последовала весьма вовремя. Едва спутники Сирелины отступили на десяток ярдов, как возле их прежних позиций полыхнули множественные вспышки, с оглушительным грохотом выбрасывавшие сеть ослепительных молний. Илиана и Талара уже видели такое в покоях Сантары, когда колдун бросил небольшую сферу, исторгшую заключенную в ней стихию электричества. Сейчас происходило тоже самое, только совершенно в другом масштабе. Все еще не высовываясь из боковых тоннелей, колдуны подбросили шары в воздух и чарами

направили их в сторону противника. Скорость такой атаки оставляла желать лучшего, так как им приходилось действовать практически вслепую, что, в свою очередь, не позволило им увидеть изменения в позициях лазутчиков. Сирелина отвела спутников практически интуитивно, но этим спала им жизнь, поскольку никто не успел бы отразить последовавшую во мраке атаку. Положение резко становилось критическим. Разгоняя мрак, Сирелина в таком непрерывном противоборстве перестала бы колдовать что-либо еще, а оставить все как есть и творить чары в темноте наугад тоже было не слишком хорошей идеей. Три новые осветительные сферы, гораздо крупнее предыдущих, тут же съежились под натиском нагнетаемой тьмы в слабые тлеющие себе под нос огоньки. Тем не менее, короткой первичной вспышки хватило для того, чтобы разглядеть мечущихся у энергетического барьера чудовищ, похожих на собак, только будто сотканных из волнующейся черноты. Колдуны выпустили глустров, и те остервенело пытались пробиться сквозь клетку Изгары. Похоже, следовало идти ва-банк, грозивший как успехом, так и абсолютным поражением.

— Все! Слушайте меня! Все залпы по правому проходу! — крикнула Сирелина. — Не жалейте сил! Лупите всем, чем только возможно! Другого шанса у нас не будет!

Не успел стихнуть ее голос, как чародейка сорвала с шеи амулет и швырнула его ко входу в левый коридор направленным бесплотным ударом. Ударившись о камень, амулет рассыпался на мелкие осколки, среди которых тут же зазмеилась сеточка молний и проявилась полупрозрачная фигура быстро растущего в габаритах джинна. Сирелина однажды уже проделала такой фокус, спасаясь от стражников в Солтенстиле, и вот она вновь прибегла к средству последней надежды. Взревев от клокотавшей в нем ярости, джинн, узрев столпившихся в тоннеле "монахов", испустил снопы загудевшего электричества и ринулся в атаку. В тот же самый момент послушницы и заклинатели стихий, напрягая оставшиеся силы, обрушили на отведенный им участок все, на что только были способны. Рвались шаровые молнии, жаркий огонь лизал стены; лед, тут же обращаясь в горячий пар, с шипением обдавал все ближайшее пространство. Яростные вспышки, последовавшие за этим невообразимым вихрем различных стихий, сверкали во мраке буйной игрой красок, воплощая фантасмагорический театр света и теней. Даже глустры, обычно не обращавшие внимания ни на что кроме добычи, поджали хвосты и боязливо попятились, стараясь держаться подальше от разверзшегося побоища. Судя по воплям, "монахам" здорово досталось, и они ненадолго оставили лазутчиков в покое, вынужденные защищаться от бешеного напо-

ра. Вот только пауза ожидалась крайне недолгой. Заклинатели выкладывались на полную катушку и вскоре их естественные силы иссякнут, даже подстегиваемые Илианой. Девушка сумела бы восполнить их очень быстро, но для этого потребуется передышка, которой в распоряжении отряда попросту не будет. А враг продолжал пребывать. Как и предупреждала чародейка, сражаться против всего Аш-Гарона малочисленный отряд попросту не сможет и его задача — лишь выиграть время. Из этого времени Сирелина не имела права упустить хотя бы секунду, и вцепилась в своды над Главным каналом со всей мощью, на которую только была способна. Оставалось надеяться, что враг все еще не зашел с тыла, ибо его появление оттуда будет означать неминуемый конец. Колдовская речь Сирелины гремела так, что, казалось, одни ее громовые раскаты способны обрушить прочно державшийся потолок. Голос чародейки порой заглушал даже грохот безумствовавших стихий и рев беснующегося джинна, задававшего "монахам" знатную трепку. Густая тьма, более не нагнетаемая черными колдунами, которым стало попросту не до того, ослабла. Глустры, попав под лучи сияющих сфер, окончательно утратили боевой пыл и искали куда бы спрятаться. Но в свете этих же лучей из воды, в нескольких десятках ярдов впереди, неожиданно показалось что-то черное. Какая-то огромная, вязкая масса вздыбилась из речного потока, распространяя вокруг ужасное зловоние. Вода вокруг приближавшегося чудовища тут же заболачивалась, несмотря на свой быстрый бег, и начинала напоминать стоячее болото. Потянуло гнилью и тиной. Вышедшая из берегов река, заливая заметавшихся глустров, пошла пузырями, а на ее поверхности зашевелилось множество корнеобразных щупалец. Сирелина хорошо знала кто такой Болотник, остальные — не очень. На их счастье, проточная вода представляла для этого демона не самую лучшую среду, поэтому он двигался достаточно медленно, частично лишенный своей силы. Тем не менее, это был смертельно опасный враг, и его появление знаменовало полный перелом в схватке. Еще немного — и лазутчики подчистую ее проиграют, не в состоянии сопротивляться растущему напору врага. Чародейка не могла одновременно атаковать Болотника и продолжать расшатывать потолок. Кроме того, она вряд ли преуспела бы сейчас против этого гнусного демона, уже раззявившего прожорливую зубастую пасть и готовившегося выбросить щупальца в направлении жертв. Стиснув зубы, Сирелина, вскинув свободную руку к каменным сводам, сжала кулак, а затем рванула его вниз так, будто собиралась своротить целую гору. От напряжения у нее потемнело в глазах и она едва не потеряла сознание. В этот момент щупальца Болотника метнулись

вперед, протянувшись к ближайшим людям. Метнулись и обожглись о заслон из осветительных сфер, согнанных Флеей в уязвимый участок периметра. Энергетического барьера над рекой не было, да и вообще клетка Изгары едва держалась, выдыхаясь под напором вражеского колдовства. Световой щит Сирелины также оставлял желать лучшего, и послушница быстро усилила его первым что пришло в голову. Болотник, взревев, забил конечностями по воде, а затем, хватая сферы, принялся топить их в быстро распространявшейся вокруг него вонючей жиже. Тут же сгустилась тьма. Дело было даже не в том, что демон быстро уничтожал светившиеся шары. Джинн, испустив последнюю волну ярости, исчез. Выдохнувшиеся заклинатели ослабили напор, что немедленно почуяли "монахи". Над Главным каналом вновь стремительно воцарялся мрак и Болотник, окончательно подавив световую преграду, выбросил в людей разом десяток щупалец. И тут же с диким ревом оказался погребен под огромными каменными глыбами. Своды над подземной рекой, скованные не только обработанным камнем, но и скрепляющим заклятьем, наконец сдались под напором чародейки и обрушились в воду настоящей лавиной. Куски породы с грохотом громоздились друг на друга, засыпая не только Болотника, но и все окружающее пространство. Сирелина хотела было ударить чарами в соседнюю область, но поняла, что в этом нет ни малейшей необходимости. Обвал разрастался прямо на глазах и теперь грозил похоронить не только демона, но и самих лазутчиков. Его область стремительно расширялась, а вспенившаяся река уже выходила из берегов, вскипая возле перегороженного русла. Гора задрожала. Тяжеленные камни, срываясь с разваливавшегося потолка, сыпались вниз, накатываясь один на другой в огромной непреодолимой плотине.

— Бежи-и-и-им! — вновь закричала Сирелина совсем как тогда, когда узрела появление Термоников.

Спотыкаясь в сгустившейся темноте, отряд резво развернулся и припустил к выходу, преследуемый стремительно рушащимися сводами. Под ноги подворачивались катившиеся большие и малые камни, с плеском падавшие в бурлящий поток. Он доходил уже до колен, и последние ярды отряд преодолел с большим трудом. Позади продолжали грохотать поверженные своды, образуя длинный сплошной завал. Чародейка даже испугалась, что этот завал расширится настолько, что перекроет и тоннель, куда уже устремилась вода и где она сейчас бежала вместе со спутниками. К счастью, стремительное разрушение, соорудив внушительную непробиваемую плотину, вскоре остановилось, погромыхивая лишь продолжавшими ворочаться камнями. Поток, стремительно набирая

высоту и напор, едва не смыл спасавшихся бегством людей, когда они выскочили на развилку и нырнули в поднимавшуюся выше пещеру. Сердито пенясь, вода плеснулась на площадке, напоследок обдав ускользнувших из ее объятий диверсантов, а затем хлынула в наклонный тоннель — навстречу Лакодемонике. И только теперь стало понятно, что враг наступал и оттуда. Еще немного — и он замкнул бы окружение, но теперь его вопли тонули в грохоте свирепо вылетевшей ему навстречу перегороженной реки. Послушницы, не удержавшись, отправили в жерло тоннеля шаровые молнии, пронесшиеся над водой и взорвавшиеся где-то вдали под хор ругательств и проклятий. Выскочивших оттуда нескольких Лапургов, смятенных и мокрых, заклинатели уничтожили в мгновение ока. Сирелине хотелось верить, что именно запечатанные ей двери и расставленные заклинания-ловушки задержали преследователей, не позволив им своевременно захлопнуть капкан. В противном случае благополучное спасение преуспевшего отряда граничило с редчайшей удачей. Впрочем, спасение, собственно говоря, еще не состоялось.

— К шахте! Скорее! — скомандовала чародейка.

Не нуждаясь в особом понукании, изрядно промокшие люди со всех ног ринулись к заветному выходу, хлюпая и чавкая сапогами. Где-то на полпути к цели стены пещеры задрожали от прокатившегося далекого гула. Воды подземной реки, смывая все на своем пути, наконец-то достигли озера огня. Лазутчики не видели, как чудовищные столбы пара ударили к каменным сводам Лакудемоники, заволакивая пространство белой пеленой. Холодный поток, столкнувшись с раскаленной лавой, мгновенно превращался в страшно нагретую взвесь. С ужасающим шипением, переходившим в могучий рев, белая завеса молниеносно разрасталась, а ее концентрация непрерывно росла под напором продолжавшей поступать воды. Удиравший со всех ног отряд мог лишь догадываться что сейчас происходило у огненного озера, и нараставший гул подсказывал, что дела там идут весьма интенсивно.

Взобраться по шахте оказалось проще, чем в нее спуститься. Сирелина наколдовала мощный Восходящий поток. В замкнутом пространстве, представлявшим собой вертикальный стержень, да еще с возросшими благодаря Илиане силами чародейка уверенно забросила весь отряд на нужную высоту. Ей помогали горгульи, хватавшие сцепившихся людей и вовсю работавшие крыльями, а также послушницы, внесшие свою лепту в накладываемые чары. Подъем был столь быстрым, что свидание с противовесом едва не закончилось плачевно, но Сирелина вовремя притормозила колдовство. Кстати сказать, нечто похожее лежало в основе подъем-

ников Альмирстала, созданных на основе заклинаний и зачарованной механики, обслуживаемой скромфами. Труднее всего было обогнуть клеть с камнями, отнюдь не занимавшую весь диаметр шахты, но оставлявшую не такой уж большой боковой зазор. Когда это препятствие было благополучно пройдено, отряд столпился на крыше клети, а Сирелина и послушницы создали новый Восходящий поток, успешно вынесший всех прямо на поверхность. Да, именно на поверхность. Никакой нужды снова проходить через заброшенную обсерваторию не было. Шахта заканчивалась частой двойной решеткой, усеянной мелкими камнями. Пара мощных заклинаний — и вот уже решетка вылетела прочь, грохнувшись где-то поодаль. Ее жерло оказалось в паре сотен ярдов от главного зала обсерватории, а площадка для телескопа находилась сейчас за гребнем крутого склона. Оставленная снаружи третья горгулья, заметив своих, тут же порхнула к ним и доложила обстановку: к площадке высыпало несколько обитателей Аш-Гарона. Вероятно, до них стало доходить откуда в монастырь проникли посторонние, и они надеялись перекрыть им путь к отступлению. Впрочем, "монахи" выглядели крайне озабоченными и часть из них быстро исчезла за дверями, даже не обратив внимание на раздавшийся неподалеку шум выбитой вентиляционной заглушки. Этому поведению имелось объяснение. Гора под ногами лазутчиков начала подрагивать, а из шахты стал доноситься все более нараставший гул. Под Аш-Гароном творилось нечто невообразимое, и поднятое по тревоге население монастыря было брошено на борьбу со стихийным бедствием.

— Есть предложение здесь не задерживаться, — озабоченно произнесла Талара, поглядывая в направлении колодца противовеса.

— Ты абсолютно права! — кивнула Сирелина, отмечая рост вибрации и шума. — Нам лучше поторопиться.

Горгульи, подхватив сразу по два человека, благо что им теперь требовалось не тащить их вверх, а спустить к подножию горы, шустро порхнули с кручи.

Отряд собрался в прежнем укромном месте. В лучах поднимавшегося солнца лазутчики во все глаза наблюдали за горой, прислушиваясь к далекому гулу. Земля под ногами мелко дрожала. Теперь уже невооруженным глазом были видны облака пара, потянувшиеся из ущелья над монастырскими постройками. Фламмаде-Лакудемоника, превратившись в огромный паровой котел, плевалась испарявшейся водой через все возможные щели, но их было чрезвычайно мало. Намного, намного меньше, чем требовалось, чтобы разрядить непрерывно растущую концентрацию безумно горячей водной взвеси. Ведь огненное озеро было озером непро-

стым. Исторгаемый демоническим каналом жар и восполнявшаяся лава продолжали непрерывную схватку с подземной рекой, чьи воды накачивали пустоты под Аш-Гароном невообразимым количеством сжатого пара. Диверсия проникшего практически наобум отряда обернулась для рассадника Манипуляторов настоящей катастрофой. Даже Сирелина не сразу догадалась о ее масштабах, а колдуны и вовсе до последнего старались справиться с обезумевшей стихией. Лишь когда из ворот монастыря показались первые беглецы до лазутчиков неожиданно дошло к чему идет дело. Гору сотряс мощнейший толчок, а по окрестностям прокатился ужасающий грохот чудовищного взрыва. Каменная толща, не выдержав сумасшедшего давления, разлетелась на куски подобно разверзшемуся жерлу вулкана, где вместо лавы наружу вырвалась концентрированная масса испаренной воды. Огромные фрагменты породы вперемешку с частями развалившихся зданий подбросило высоко вверх и расшвыряло по окрестностям на несколько миль. Столб пара, взметнувшийся над ущельем, был настолько велик, что смахивал на исполинское дерево, неожиданно протянувшее свой ствол и ветви до самого небосвода. От сотрясения по склонам горы тут же пошло несколько внушительных обвалов, чей грохот присоединился к эху взрыва и реву бившей из недр неукротимой белой взвеси. На месте монастыря образовалась здоровенная воронка, где на дне все еще клокотала подчистую проигравшая лава, быстро заливаемая подземной рекой. Канал в мир скверны был уничтожен. Уничтожен вместе с самой Фламма-де-Лакудемоникой и находившимся над ней Аш-Гароном.

– 10 –

Стоя на вершине башни, Сирелина созерцала позиции врага, подступавшего к Хельбургу. Красная саламандра стянула к этому городу-крепости три армейских корпуса своего западного фланга. Всю весну, едва сошел снег, с переменным успехом шли бои за Орнхольм. Ад-Сейдин не совершил молниеносный бросок в сторону Лорданского перевала, а вторгся широким фронтом, охватывая княжество сразу тремя рукавами. Северяне оказали яростное сопротивление, действуя согласно приказам объединенного командования, но тактика хана Гийюра приносила свои плоды. Для нападения он выбирал наиболее ослабленные опорные точки противника и захватывал их одну за одной, вынуждая северян либо распылять, либо перемещать силы, что автоматически создавало пустоту на другом участке. Его выступившие одновременно сателлиты, как и ожидалось, долгое время беспрепятственно продвига-

лись вперед, пока северяне, озабоченные стремительной потерей земель, не выставили им навстречу два раздельных фронта. Предвидя такой поворот событий, ад-Сейдин немедленно начал основное вторжение и на первых порах достиг значительных успехов, стараясь подчинить себе Орнхольм и создать вокруг Данерхейма непробиваемое кольцо. Северяне, сообразив, чем для них чревата потеря центра сопротивления, вынуждены были быстро перестраивать стратегию обороны. Объединенное командование, изначально сформированное из высших лиц Орнхольма, Ганхельда и Альмирстала, претерпело существенные изменения. Перед лицом великой угрозы большинство правителей поступилось суверенными интересами, поскольку с их суверенитетом захватчики все равно не считались. На время глобальной войны с общего согласия был образован новый орган центральной власти, обладавший безоговорочным авторитетом. Верховное командование теперь состояло из представителей всех королевств и княжеств, вошедших в союз, по одному от каждого государства. Лишь Альмирстал, председательствующий в этом собрании, имел сразу три места. Приказам верховного командования подчинялись беспрекословно, а в экстренных случаях на местах приоритет отдавался чародейкам. Неразбериха на фронтах тут же прекратилась, а действия разрозненных войск приняли слаженный характер. Южане, уже практически захватившие Орнхольм, потерпели два крупных поражения подряд. Флангам северян удалось пробить образовавшееся кольцо и соединиться с центральными силами, а Красная саламандра во многих местах была вынуждена отступить к границам княжества. На долю ад-Сейдина достался ряд опорных пунктов, а его сателлиты захватили огромные территории, однако хан рассчитывал отнюдь не на это. Его армия, прежде несокрушимая, теперь терпела одно поражение за другим, и моральный дух солдат постепенно снижался. Среди них ходили совершенно фантастические легенды о возможностях чародеек, способных подчинять себе людей и обращать в бегство целые легионы. Ад-Сейдин старался на корню пресекать подобные слухи, борясь с ними все более жесткими методами, но Сирелина, наблюдавшая в подзорную трубу за позициями врага, отлично знала, что слухи эти отнюдь не безосновательны. Она хорошо помнила тот день, когда передовому армейскому корпусу хана был нанесен сокрушительный разгром, а также каким образом это вышло. Глядя на реявшие вымпелы Красной саламандры, чародейка невольно обращалась мыслями к тем событиям, положившим начало чему-то совершенно новому. Чему-то такому, что представлялось какой-то абсолютной квинтэссенцией власти и могущества.

Позади послышался шорох. Обернувшись, Сирелина встретилась взглядом с сиреневыми глазами.
— Пора, — сказала Илиана. — Все уже готовы.
Чародейка кивнула. Сложив подзорную трубу, она последовала за девушкой и спустилась вместе с ней к воротам. Там стояли выстроенные в боевом порядке полки северян, готовившиеся выступить из города. При появлении Илианы по рядам прокатился лязг железа. Воины приветственно громыхнули щитами и оружием. Командующий гарнизоном и старшие офицеры провели девушку и чародейку в центр головного полка, сразу за тремя первыми шеренгами. Там их уже поджидали заклинатели стихий, троица послушниц и Алеада. Компанию дополняли северяне из личной охраны целительницы, включая Бэйла и Ульма. Нетерпеливо помахивали булавами могучие горгульи.
— Мы ждем вашего приказа, госпожа! — отсалютовал командующий.
— Мы тоже, — улыбнулся Алдар. — Ну что, зададим им жару?
Группа сопровождения сомкнулась вокруг девушки, создав непробиваемый заслон.
— Открыть ворота! — велела Илиана.
В ту же секунду загрохотали большие вороты, поднимавшие толстые кованые решетки. С лязгом отомкнулись гигантские засовы. Створки ворот, загремев в пазах, потянулись в стороны. По полкам прокатилась громкая команда. Взяв оружие наизготовку, полки северян строевым шагом выступили из Хельбурга.

* * *

Да, Сирелина хорошо помнила тот день, когда это произошло впервые. По указанию Совета к ней как раз приставили Алеаду, чтобы странствующая сестра не выкинула еще какой-нибудь номер, подвергая ужасному риску себя и других. Победителей, как говорится, не судят, и старшие чародейки не могли наказать Сирелину за феноменально успешный рейд в Аш-Гарон. Важнейший стратегический оплот черных колдунов был уничтожен вместе со всем выводком, грозившим переломить исход противостояния. От такого удара Дегонис оправится крайне нескоро и ему понадобятся годы, чтобы организовать новый центр подготовки Манипуляторов. Обустроить подходящее место, стянуть туда свежие кадры — на все это у верховного колдуна теперь банально не было времени, учитывая что именно представлял из себя Аш-Гарон и насколько непросто создать такой комплекс вновь. Полученные же Сирелиной сведения многое прояснили, и Совет отдал должное не-

сомненной ее заслуге, равно как и всей совершившей вылазку компании. При этом старшие сестры не желали допускать подобные авантюры и впредь, а посему в сам собой образовавшийся отряд включили Алеаду. Совет решил не разлучать сплоченную группу, но по зрелому размышлению дополнил ее куратором Сирелины. Чародейки были хорошо знакомы, Алеада являлась опытной служительницей Гексенхаммера и помимо непосредственной помощи сумеет присмотреть за странствующей сестрой, удерживая ее от излишнего безрассудства. Сирелина, поворчав, смирилась, решив, что и так легко отделалась, сумев сохранить все привилегии и даже отстояв своих спутников. Чего только стоило одно появление Талары! Старшие сестры чуть в обморок не попадали, узрев дочь ад-Сейдина и уяснив детали щекотливой истории. Гарантом принцессы стала Илиана и ханской дочери обеспечили хороший прием, стараясь не слишком афишировать это событие. Та, впрочем, и сама не стремилась к публичности, поскольку выступать против собственного отца противоречило ее убеждениям. Именно поэтому Талара сопровождала подругу далеко не во всех поездках, преимущественно оставаясь в Данерхейме. Илиана не настаивала, понимая крайне непростое положение принцессы, ибо и сама не так давно испытывала нечто подобное. Кроме того, после уничтожения Аш-Гарона она стала какой-то молчаливой и подолгу находилась одна, задумчиво глядя куда-то невидящими глазами. Это вызывало серьезную озабоченность Сирелины. Она опасалась, что воспитанница подверглась интенсивному воздействию скверны, сказавшемуся на ней неким дурным образом. Отчасти это действительно было так. Илиану одолевали видения, в которых она и сама едва разбиралась, преследовали настойчивые, нашептывающие что-то голоса. Но это были не те голоса, чьих речей стоило бояться. Они не принадлежали настоящему и приходили откуда-то издалека, порожденные давно забытыми воспоминаниями. Их фрагменты ни с того ни с сего возникали перед внутренним взором девушки, вихрем проносились в голове и вновь исчезали бесследно, оставляя после себя странный осадок с примесью глубокой печали по какой-то невосполнимой утрате. Тоже кмое было и с видениями. Они не имели ничего общего с кошмаром или наваждением. Илиана чувствовала, что они как-то связаны с ее прошлым, по-прежнему скрытым непроницаемой дымкой, с загадкой ее происхождения. Воздействие мощного излучения скверны спровоцировало ее подсознание, вызвало ответную реакцию в крови. Незримые барьеры, доселе сковывавшие хранившуюся там тайну, начинали рушиться. Одновременно девушка ощущала небывалый рост свой силы, будто окончательно про-

снувшейся после недавних событий. Она никому в этом не признавалась, стараясь разобраться что происходит, следствием чему и явилась ее замкнутость. Впрочем, Илиана по-прежнему выезжала за пределы Данерхейма с различными неотложными делами. Благодаря ей было спасено немало жизней, решено немало стратегических задач. И решительно все отмечали бурный всплеск исходивших от нее волн алого свечения, проявлявшегося все чаще и все интенсивнее. Целительские способности, и прежде поражавшие воображение, творили настоящие чудеса, животные ныне понимали девушку с полуслова, выполняя самые сложные ее приказы. Однако никто и представить себе не мог на что она стала способна, пока однажды сдерживаемая Илианой мощь не вырвалась наружу.

В тот день отряд возвращался с дальних западных рубежей, отправившись туда по заданию Верховного командования. Илиану сопровождало традиционное прикрытие из вооруженных северян плюс Сирелина и вся привычная компания. Им успешно удалось нейтрализовать последствия черного колдовства, поразившего одну из стратегически важных областей. Пока девушка занималась пострадавшими, исцеляя их от разрушительного недуга, чародейки уничтожали злые чары, ликвидируя их источник и последствия. Благодаря Илиане были спасены не только люди, но и обнаружено несколько шпионов Красной саламандры, а также схвачены два колдуна, выдавшие себя отчетливо ощущавшейся в них скверной. Отряд как раз обсуждал детали прошедшей поездки, когда с очередного высокого холма вдали показался столбом поднимавшийся дым. Там находился Штель — небольшой город, лежавший в стороне от основного театра военных действий. Считалось, что передовые укрепления северян надежно охраняют периметр, а полки, стоявшие в полутора днях пути, уверенно контролируют окрестности. Тем не менее, в городе очевидно стряслась какая-то беда и отряд после короткого совещания направился прямиком на дым разраставшегося пожарища. Еще за несколько миль до слуха стали доноситься крики, лязг оружия и прочие звуки, характерные для рукопашного боя. Подъезжая к северным воротам, отряд столкнулся с поспешно бегущими людьми, спасавшимися из охваченного сражением города. Южные окраины пылали, в центре кипела жестокая схватка. Северяне сражались за каждый дом, перегородили баррикадами улицы, но южан было намного больше и они лезли с неослабевающим усердием. На главной площади, возглавляя уцелевших защитников, быстро убывавших в числе, руководил обороной старый полковник — самый старший уцелевший офицер. Его забинтованная голова сочилась

кровью, а левая рука висела плетью, но он продолжал подбадривать своих солдат, хотя неминуемое поражение становилось очевидным. Нападение было слишком внезапным. Помощь поспеет слишком поздно, и гарнизон Штеля мог рассчитывать только на себя. Сдаваться, однако, никто не собирался. Северяне храбро сражались за каждый камень, обагряя мостовую своей кровью, и южане, несмотря на численный перевес, до сих пор не овладели всем городом. Вероятно, передовой армейский корпус ад-Сейдина сумел пройти незамеченным между позиций северян и вторгся в слабо защищенную область, рассчитывая нанести серьезный урон и вывести из строя несколько значительных хозяйственных объектов. Пока подоспеет подмога, солдаты хана сожгут город дотла и двинутся дальше. Все это полковник устало сообщил явившемуся отряду, а заодно констатировал, что его люди сумеют продержаться еще максимум полчаса, но не больше. Пятьдесят человек, стоявших перед ним, увы, помочь ничем не смогут, хоть среди них и присутствовали чародейки. У врага, судя по всему, также имеются заклинатели, и заклинатели довольно сильные. Гарнизон Штеля будет сражаться за родной город до конца, но полковник не может настаивать, чтобы пришельцы из благородства сложили головы вместе с остальными. Полковник хотел сказать что-то еще, но его слова утонули в невообразимом шуме. Одна из баррикад, перегораживавших путь на площадь, вздыбилась будто приподнятая изнутри. С грохотом посыпались на мостовую взмывшие в воздух балки, разлетелись в стороны наспех собранные по всей округе элементы нехитрого укрепления. Северяне, удерживавшие баррикаду, попадали на землю, сраженные ударной волной. И тут же их накрыла взметнувшаяся с перегороженной улицы туча стрел, разя на площади все живое. Не успели защитники опомниться, как и вторую баррикаду постигла точно такая же участь. К образовавшимся прорехам с громкими криками устремились соединения врага.

— Назад! Все назад! — закричал полковник. — Отходим за четвертый рубеж!

Площадь была потеряна, и следовало как можно быстрее оттянуть всех уцелевших воинов за последнюю линию обороны, наспех сооруженную в еще свободном от врага квартале. Еще немного — и преобладающие силы южан сомнут защитников, оставшихся без сдерживающих укрытий. Солдаты хотели подобрать раненых товарищей, не собираясь бросать их на произвол судьбы, но с теми творилось что-то неладное. С искаженными лицами они судорожно бились на мостовой, закатывая глаза и до крови кусая язык и губы. Их тела пожирало нестерпимое жжение.

— Что это за чертовщина?! — воскликнул созывавший людей полковник.
— Скверна. Эти стрелы отравлены концентрированной скверной, — глухо сказала Илиана.
Все взоры невольно обратились к ней и тут же послышались испуганные возгласы. Из руки девушки торчала невесть как попавшая туда стрела. В общей суматохе Илиана несколько выбилась за ряды охраны и поднятые щиты, хоть и своевременно взмывшие вверх, все же пропустили одно коварное жало. Резким движением девушка вырвала стрелу из раны. По ее рукаву потекла струйка крови. Окружающие инстинктивно бросились ей на помощь, но тут же остановились, прикрывая глаза. Фигура Илианы исторгла такую мощную волну алого света, что больно было смотреть. В голове у девушки зашумело. Скверна, попавшая в кровь, не причинила ей вреда как остальным, но спровоцировала бурную реакцию. Глаза Илианы, сплошь залитые алым, обратились в направлении одной из разрушенных баррикад. Там, позади уже врывавшихся в прореху солдат Красной саламандры, находился колдун. Слева, на другой улице, еще один, а два стояли поодаль. Это они изготовили стрелы, вложив в них демоническую отраву, убивавшую сейчас множество людей. Скверна, уничтожаемая телом Илианы, тянулась к ним незримым следом, и фигуры Манипуляторов были хорошо видны внутреннему взору девушки сквозь все преграды. Окутанная алым сиянием, она вдруг двинулась прямиком к первому колдуну. Двинулась прямо в жестокую схватку, завязавшуюся с вливавшимися на площадь отрядами южан. Сопровождавший девушку отряд с отчаянными криками кинулся ее защищать, намереваясь уберечь от безумной выходки пусть даже если придется тащить ее силой. Остановить Илиану никто не сумел, как никто впоследствии не смог объяснить что ему помешало. Вслед за этим произошло нечто уж совсем невообразимое. Первые шеренги солдат Красной саламандры неожиданно развернулись и обрушили свое оружие на никак не ожидавших этого товарищей. Не успели они нанести удар, как и следующий ряд воинов хана поступил точно таким же образом, а затем еще и еще. На глазах обеих опешивших сторон часть южан вступила в яростную схватку друг с другом, причем число солдат, обратившихся против своих, непрерывно увеличивалось. Северяне теперь даже не понимали кого рубить, поскольку враг, только что дравшийся с ними не на жизнь, а на смерть, теперь точно с таким же остервенением нападал на собратьев. Баррикада, захваченная Красной саламандрой, опустела. Проникшие на площадь воины хлынули обратно в улицу, и накинулись на соратников. У второй баррикады ситуация

развивалась схожим образом, и защитники города, опустив оружие, остолбенело наблюдали как ханские полки вступили в сражение между собой. Сиявшая алым фигура беспрепятственно шла вперед, и чем дальше она продвигалась, тем больше солдат ад-Сейдина атаковало собственные подразделения, погрузившиеся в полнейший хаос. Северяне ощутили сильнейший прилив боевого духа. Казалось, будто в унисон величественно запели боевые рога, звавшие на битву, а кровь вскипела молодецкой удалью и бесстрашием. Уставшие, израненные защитники города, сплотили ряды и ринулись вслед за алым сиянием, будто несомые на крыльях. Противник дрогнул. В сердца южан, уже торжествовавших победу, закрался страх. Не понимая что происходит, они бились с собственными товарищами, внезапно сошедшими с ума, а позади них струился алый свет, и вот все новые и новые солдаты ад-Сейдина в мгновение ока переходили в стан врага. Перед лицом столь необъяснимого процесса воины ад-Сейдина окончательно пали духом, и когда северяне с боевым кличем ударили сомкнутыми рядами, стали обращаться в бегство. Колдун, в отличие от других, быстро заподозрил откуда явилась невообразимая напасть, и приказал лучникам сконцентрировать обстрел на источнике красного света. Стрелки даже успели дважды спустить тетиву до того, как их сразили мечами воины собственного прикрытия, обезумившие также, как и остальные. Стрелы не достигли цели. Илиану закрыли щитами воины охраны, а заклинатели стихий выставили над ней два барьера, столкнувшихся в воздухе льдом и пламенем. Быстро скоординировав усилия, молодые люди распределили области сферы, и защитные заклинания накрыли девушку двойным непреодолимым куполом, отражавшим все материальные предметы. Колдун попробовал швырнуть в направлении алого сияния какое-то мощное заклинание, но Алеада и Сирелина успешно блокировали его атаку, отразив злые чары вспышками света. Оставив попытки поразить неведомую чародейку, колдун обратился в бегство, но уцелевшие лучники тут же всадили ему в спину дюжину стрел. Манипулятор грянулся на землю, прокатился по ней, ломая торчавшие из тела древка, захрипел и затих. Остальным колдунам повезло не больше. Лишь один удостоился чести быть лично уничтоженным Илианой. Его вены вздулись так, будто кровь вскипела прямо у него в жилах, и Манипулятора практически разорвало. Другие пытались спастись, но их догнали и прикончили солдаты хана. Илиана больше не ощущала присутствие скверны и целиком сосредоточилась на кипевшей битве. Вокруг нее образовался ударный кулак, обрушившийся на все еще не затронутые хаосом подразделения Красной саламандры. Те части

армейского корпуса ад-Сейдина, что продвинулись вперед на флангах и достигли там значительных успехов, поворачивали назад, стремясь помочь попавшим в беду товарищам. Поворачивали — и тут же сами оказывались в необъяснимой ловушке, сталкиваясь со своими, причем любой их сосед мог в любую же секунду неожиданно перейти на сторону врага и безжалостно начать кромсать сослуживцев. Со всех улиц города к эпицентру жаркой схватки стекалось, оставляя позиции, все больше южан, и от этого, как ни парадоксально, их положение становилось все хуже и хуже. Командиры хана окончательно утратили контроль над происходящим и их подчиненные обратились в откровенное бегство. Оно замедлилось лишь у южных ворот, откуда Красная саламандра проникла в город. Там находился командующий армейским корпусом, и благодаря его личному вмешательству паническое бегство удалось остановить, а из уцелевших соединений сформировать боевой порядок. Командующий, разумеется, не знал, что совершает этим катастрофическую ошибку. Глядя, как к его выстроившимся людям вместе с северянами приближаются недавние подчиненные, он потерял дар речи. И впал в полнейший ступор, когда все еще верную хану часть армейского корпуса поразило все то же необъяснимое безумие. Еще до того как первые шеренги столкнулись в рукопашной схватке, воины, приободрившиеся было в присутствии своего военачальника, стали рядами разворачиваться к своим товарищам и без всяких предпосылок атаковать их как заклятого врага. Команд уже никто не слышал и не слушал. Пространство перед южными воротами превратилось для южан в настоящий кошмар. Когда сам командующий пал жертвой неведомой силы и бросился на свое окружение, мало помалу также подававшееся непреодолимому воздействию, оставшихся воинов накрыла волна неконтролируемой паники. Они бежали, бросая оружие, и падали, сраженные как северянами, так и своими. Через четверть часа передовой армейский корпус ад-Сейдина перестал существовать.

Пленных осталось не так уж много. В той мясорубке солдаты хана практически истребили друг друга, а северяне тем более не разбирались кто есть кто. В глазах выживших южан читался настоящий суеверный ужас. Теперь, свободные от охватившей их чужой воли, они откровенно дрожали, страшась могущества чародеек. Ибо именно чародейкам приписывали они свое сокрушительное поражение, особенно вон той, излучавшей алый свет. Когда враг был побежден, Илиана, смирив боевой пыл, занялась исцелением, приводя в порядок уцелевший гарнизон города. Полковник, как лунатик, смотрел на свою совершенно целую голову,

ощупывая ее не двигавшейся прежде рукой. Его люди один за другим вставали на ноги без следа даже самых ужасающих ран. Сирелина хорошо запомнила, какие проводы устроили уезжавшей Илиане. Выстроив гарнизон, полковник отдал честь и торжественно преклонил колено, а все солдаты последовали его примеру. Над городом прокатился клич северян, бивших мечами о щиты в знак высочайшего почтения к всемогущей чародейке.

С тех пор нечто подобное повторялось все чаще. Произошедшее не поддавалось вразумительному объяснению, и его просто приняли как данность. Совет чародеек даже после всех сверхъестественных способностей Илианы отказался бы верить в подобные истории, если бы они не подтверждались показаниями очевидцев. Верховное командование, до глубины души пораженное докладами с периферии, в качестве эксперимента направило отряд Илианы на западный фронт, где сателлиты хана продвигались все дальше, занимая постепенно оставляемые северянами территории. Не встречая серьезного сопротивления, эмиры Аешский и Бушерский пожинали плоды легкой победы, но при этом значительно растянули свои силы. Верховное командование решило воспользоваться прорехами в серьезно раскиданных подразделениях врага, оставшихся без взаимной поддержки. Эксперимент с участием Илианы превзошел все ожидания. Два полка северян нанесли войскам Голубой щуки сокрушительное поражение, перебив и рассеяв втрое превосходящие силы. Окрыленный успехом командующий экспедицией отдал самостоятельный приказ продолжить поход. Его полки, быстро пройдя до соседнего рукава захватчиков, атаковали прямо с марша, внеся в стан врага полнейшую неразбериху. Боевые порядки передовых частей эмира Бушерского оказались полностью расстроены. Вместо захвата очередного города ожидавшие грабежей южане обратились в бегство. Наступление сателлита Красной саламандры затормозилось.

Верховное командование пришло в восторг. Угроза выхода эмира Бушерского к районам боевых действий с легионами хана была ликвидирована, хотя бы временно. Успех требовалось немедленно развить. На западе северных земель бесчинствовали люди Желтой пумы, постепенно продвигаясь в сторону Орнхольма. Если их не остановить, они не только разорят оказавшиеся в их власти края, но и образуют с эмиром Бушерским единый фронт, вплотную подступив к опорному княжеству. После долгих дебатов было решено создать отдельный экспедиционный корпус и направить его на обуздание эмира Аешского. Тот растянул свои войска еще сильнее, чем союзник, а тактическим мышлением и вовсе не отличался. Если бы не советы офицеров хана, эмир не достиг бы и по-

ловины того успеха, который сопровождал его завоевания, вызванные по большей части вынужденным отступлением северян. Разумеется, отряду Илианы отводилось в этом корпусе особое место, и на него Верховное командование возлагало большие надежды. Результат не замедлил себя ждать. Вскоре в ставку ад-Сейдина стали поступать донесения, что дела у его союзника неожиданно приняли плачевный оборот. Он практически полностью установил контроль над всем западом северных земель и вдруг стал терять одну провинцию за другой. Небольшая армия северян, быстро перемещаясь между разрозненными войсками эмира Аешского, громила их наголову, обращая в бегство. Положение стало совсем критическим, когда дерзкая вылазка противника разнесла в пух и прах уверенно обосновавшиеся в крупном городе полки Желтой пумы. Это было совсем близко от ставки эмира и тот, перетрусив, сдал назад, отступив сразу на полсотни миль. Его войска, ничуть не ободренные бегством своего полководца, стали оставлять область за областью, где словно призрак появлялись ударные части северян. Появлялись — и вносили в боевой порядок южан чудовищный хаос. Множились слухи о могущественном колдовстве, порожденные немногочисленными уцелевшими в сражении при Штеле. Колдовстве столь непреодолимом, что самый мужественный воин полностью лишался воли и становился марионеткой, выполняя невесть откуда поступавшие приказы. Алый свет, озарявший шеренги северян, наполнял сердца захватчиков суеверным ужасом. Раздутый слухами, он мерещился им повсюду, и все чаще они начинали в панике отступать даже там, где повода для этого и вовсе не имелось. Отблеск далекого костра, осветивший стену деревьев, превращался для разыгравшегося воображения в вестник неминуемого конца, со всеми вытекающими. Южане, наслушавшись невероятных рассказов и небылиц, начинали коситься на своих товарищей — а ну как и они поддадутся неведомому влиянию и обратят оружие против соратников? О каком боевом духе можно было говорить, если солдаты перестали доверять друг другу, ожидая нападения не столько спереди, сколько в спину? Теперь даже малочисленные соединения северян, не имевшие никакого отношения к экспедиционному корпусу, атаковали противника сплошь и рядом, обращая превосходящие силы в бегство. Партизаны, ушедшие в леса с приходом захватчиков, осмелели настолько, что среди дня нападали на хорошо охраняемые обозы эмира. В начале лета в Данерхейм и ставку ад-Сейдина пришла одна и та же весть, вызвавшая ликование в крепости и чрезвычайное раздражение в красно-белом шатре. Потерпев еще одно серьезное поражение, эмир Аешский отступил в

пределы Империи, а его войска спешно покидали границы северных земель.

Ликвидация угрозы с фланга позволила Верховному командованию сосредоточиться на обороне Орнхольма и соседних с ним областей. Красная саламандра фактически топталась на месте и бои шли с переменным успехом. Не успевали солдаты хана выбить северян с какой-то одной провинции, как те немедленно выдавливали их из другой. Ад-Сейдин понимал, что его главная цель находится в Данерхейме, но с атакой на центр сопротивления не спешил. Крепость была слишком хорошо укреплена, и он все еще рассчитывал сначала ослабить ее блокадой, отрезав от остальных войсковых соединений, а уж затем, не считаясь ни с какими потерями, сокрушить могучим ударом. Осуществить этот замысел становилось все сложнее, поскольку подкачали не только сателлиты. Злое колдовство, терроризировавшее земли северян, также пошло на убыль. Дегонис, столкнувшись с фактом уничтожения Аш-Гарона, оказался без ожидаемого пополнения и теперь почем зря не рисковал Манипуляторами, ибо потери в их рядах стали необратимы. Колдуны действовали более осмотрительно и избегали любых опасных ситуаций. Кроме того, не дремали и чародейки, успешно выявляя и ликвидируя диверсионные группы. Ведьмы, в немалом числе сотрудничавшие с колдунами, начинали дезертировать, занимая позицию выжидания. Чаша весов фактически выровнялась и любое происшествие то и дело качало ее то в одну, то в другую сторону.

* * *

Воспоминания все еще носились в голове Сирелины, когда полки северян устремились к позициям врага. Со времени инцидента в Штеле минуло немало дней, промелькнувших, впрочем, в вихре водоворота событий. С тех пор многое изменилось. Фактически, порученное наступление теперь возглавляла Илиана. Вся стратегия строилась вокруг ее отряда, прозванного, как и она сама, Рубистелла — Алая звезда. Само лишь присутствие ее войсках поднимало боевой дух без всякого дополнительного вмешательства. Солдаты, уже имевшие удовольствие воевать с ней бок о бок, бесстрашно шли в бой, невзирая ни на какие преграды. Силы их удесятерялись. Командующий войсковым соединением, формально управлявший вверенными ему людьми, по существу исполнял распоряжения девушки с сиреневыми глазами. Офицеры при отсутствии связи с руководством отправляли к Рубистелле вестовых, запрашивая приказы. Выстроенное вокруг нее ядро атакующих

ни разу не потерпело поражения, а фланги развивали достигнутый успех, вклиниваясь в ряды дрогнувшего врага и сметая его подчистую. В битве за Хельбург Илиана лишь во второй раз участвовала в столкновении с войсками Красной саламандры, но теперь она эту битву возглавляла. Наслышанные об успехах экспедиционного корпуса, северяне безоговорочно вверяли ей свою судьбу. Популярность Илианы росла семимильными шагами, и ее охрана уже успела предотвратить несколько покушений.

Хельбург — этот западный оплот Орнхольма, являлся вратами в столицу, и потерять его означало существенно ухудшить положение, дав ад-Сейдину значительное преимущество. Сейчас его войска захватывали пригороды, стягивая к городу значительные силы. Гарнизон Хельбурга, хоть и довольно многочисленный, не мог противостоять Красной саламандре в открытом поле, а перемещение к нему дополнительных полков немедленно ослабило бы соседние участки линии соприкосновения, чем немедленно воспользовался бы хан. Подавив все окрестные заставы, командующий Красной саламандры намеревался подвезти к городу осадные орудия и пробить огромную брешь в обороне Липким огнем, после чего пойти на штурм, имея подавляющее превосходство в численности. Илиана, прибыв в Хельбург со своим отрядом, предложила не ждать когда войска ад-Сейдина атакуют, а ударить самим, пока враг занят предместьями. Исходи этот план от кого-нибудь другого — и его сочли бы в лучшем случае безрассудным авантюристом. Идею Илианы было решено воплотить в жизнь. Выстроенные войска пошли за ней без оглядки и теперь быстро приближались к противнику, слегка опешившему от такой несусветной наглости. Уж чего-чего, а столь отчаянной вылазки северян уж точно никто не ожидал. Впрочем, им же хуже. В чистом поле солдаты ад-Сейдина разгромят их подчистую, а затем голыми руками возьмут опустевший Хельбург. Боевые рога трубили общий сбор, а к месту нападения северян быстро стягивались крупные соединения. Командующий Красной саламандры решил, что разгадал дерзкий план противника. Полки северян направлялись прямиком к передвигавшимся на позиции осадным машинам. Вероятно, они рассчитывали сокрушить их до того, как получат серьезный отпор, и быстро отступить под защиту городских стен. Что ж, пусть пеняют на себя. Командующий, усмехнувшись, нарушил стройный боевой порядок подходивших войск и перебросил на наглецов все ближайшие части, образовав плотный фронт. До стремительно сближавшихся противников оставалось с четверть мили, когда лучники Красной саламандры сделали несколько довольно разрозненных залпов. Их было маловато, поскольку солдаты хана еще не ус-

пели правильно рассредоточиться и выставить соответствующие заслоны. В ответ стрелки атакующих, подняв длинные луки, прямо на ходу выпускали в направлении врага стрелу за стрелой, от которых то и дело чернело небо. И вдруг по войскам северян прокатился громогласный клич. Воины, и без того изрядно воодушевленные, ощутили невероятный приток боевого духа, распространявшегося от центрального ударного соединения. Бесконечно прекрасная неведомая музыка звала их в битву, лязг железа превращался в упоительное пение; кровь вскипала храбростью, граничившей с бесстрашием, мышцы наполнялись невероятной силой. В головном полку зажглось, пошло лучами алое сияние.

— Рубистелла! — ревели воины, переходя на бег.

Эхо их крика загремело на множество миль, разносясь далеко по окрестностям.

— Я слыхала, враги зовут твою воспитанницу иначе, — сказала Алеада, по-боевому перехватывая посох.

— И как же? — осведомилась Сирелина, от шума голосов едва расслышав сестру.

— Штельская ведьма, — усмехнулась та.

Алдар и Ювион, разведя стихийные барьеры, накрыли отряд двойным куполом, перемещавшимся вместе с заклинателями. Чародейки, крутанув посохами, окутались белой дымкой. Послушницы взяли периметр, усиливая ряды стражей блокирующими заклинаниями. Если и последовали какие-то дальнейшие реплики, они немедленно утонули в шуме завязавшейся схватки.

Солдаты Красной саламандры спокойно поджидали приближавшегося неприятеля. Их было больше, на подмогу им быстро приближались многочисленные полки, и они прекрасно это знали. Никаким напором северяне не пробьются сквозь выстроенный заслон, где их наступление неминуемо захлебнется, а затем обернется огромными потерями. Выставив щиты, воины хана готовились встретить любой натиск. Под сенью гордо реявших вымпелов их передние шеренги подняли мечи, собираясь вступить в бой. Затем развернулись как по команде и обрушили оружие на товарищей. Уцелевшие от этой внезапной атаки поступили точно так же с теми, кто стоял у них за спиной. А потом снова и снова. Подлетевшие северяне с ревом вклинились в позиции врага как нож в сливочное масло, рубя всех вокруг без разбора. Стена солдат Красной саламандры, только что казавшаяся непробиваемым монолитом, рассыпалась, образовывая глубокую прореху. Охваченные чужой волей люди забывали про присягу, чувство долга, гордость и воинскую честь. Забывали про все на свете. Для них оставался лишь один приказ, полностью контролировавший все их существо, и

они безоговорочно следовали этому приказу. Тела им уже не подчинялись, и даже те, кто еще умудрялся хотя бы частично сохранять ясность ума, с ужасом наблюдали, как собственные руки обращают оружие против своих соратников, а ноги шагают куда было велено. Некая непреодолимая сила завладевала попавшими в поле ее действия абсолютно, и не было никакой возможности воспротивиться ее неумолимому влиянию. В позициях Красной саламандры стремительно росла огромная брешь, куда беспрепятственно вливались полки северян, и в голове ударного кулака лучилась, сияла алым яркая звезда.

Илиана не могла контролировать бесконечное число людей, да еще на огромном расстоянии, но и того что оказывалось в ее власти было более чем достаточно. Игнорируя всю линию соприкосновения, она сосредотачивала усилия на отдельном широком участке, обращая врагов друг против друга. В этот участок немедленно врывались окружавшие девушку войска, пользуясь воцарявшимся в рядах неприятеля хаосом. И чем дальше продвигался ударный центр, стравливая вражеских солдат, тем больше разрастался этот хаос. Число людей, захваченных волей Илианы, особо не менялось. Обращенные рубились с товарищами и падали, сраженные как ими, так и северянами. Огоньки их жизней, видимые лишь внутреннему взору девушки, затухали, высвобождая место для контроля новых. Вокруг нее таким образом непрерывно кипела жаркая битва, где враги в принципе никак не могли добраться до северян, поскольку между ними всегда находились ряды обращенных, уничтожаемые с обеих сторон. Северяне несли потери лишь на флангах, но потери достаточно незначительные, так как они развивали успех ударного кулака, вливаясь в брешь широким потоком. Этот поток, проникая в позиции Красной саламандры неотразимым жалом, начинал бить как вглубь, так и вширь, разваливая шеренги вражеских подразделений. Едва их боевой порядок нарушался, а это происходило как неминуемое следствие разраставшегося хаоса и неожиданно изменявшейся линии столкновения, солдаты хана становились на порядок уязвимее. Вместо сплоченного братства они все чаще бились без поддержки, предоставленные сами себе. Рубились там, где не были охвачены волей Илианы, безжалостно бросавшей их друг на друга.

До командующего Красной саламандры не сразу дошло что происходит. Точнее, он вообще так и не осознал до конца с чем именно столкнулось его войско, и это провоцировало полководца на в корне неверные решения, только усугублявшие положение. При виде быстро прорывавшегося к осадным машинам противника, командующий приказал бросить ему в лоб все ближайшие

силы, закрывая разраставшуюся брешь. Фактически, предоставил в распоряжение Илианы новых марионеток, исправно направляемых ей против своих же сослуживцев. Центр позиций ханских войск охватила чудовищная неразбериха. Фронт развалился на две части, между которыми неистовали северяне, окрыленные невиданной энергией. Проделанная Рубистеллой брешь непрерывно разрасталась, успех молниеносного вторжения стремительно развивался. Полководец врага бросил на перехват невероятному продвижению противника лучшие гвардейские части и в ужасе наблюдал, как те, славившиеся своим ратным искусством и необычайной доблестью, попадали в какой-то жуткий котел. Глаза, прикованные к подзорной трубе, отказывались верить что один гвардеец яростно бился с другим, а затем они оба вдруг набрасывались на третьего. Сильно пересеченная местность мешала главному командованию в точности рассмотреть что происходит, и донесения вестовых звучали как совершенное безумие. Красная саламандра, неся необъяснимые потери, продолжала стягивать соединения к центру ожесточенной битвы, но их многократный численный перевес не приносил ни малейшего результата. Строго наоборот — становилось только хуже, словно солдаты хана пытались потушить огонь комками бумаги. И вот уже северяне, добравшиеся до боевых машин, очутились в самом сердце вражеских позиций, усиливая растущую сумятицу. Цель Илиана выбрала не случайно. Командующий врага угадал ее намерения лишь наполовину и осознал весь масштаб бедствия лишь тогда, когда баллисты и катапульты обратились против своих войск. До некоторого момента он все еще мог овладеть ситуаций. Северян все-таки было намного меньше. Вклинившись в позиции врага, они развалили их на два крыла эдакого прогрызенного бублика, но эти крылья, придя в себя, вполне могли смять их своим напором, поскольку отряд Илианы не мог контролировать всю линию соприкосновения. Натиск северян, рубившихся подобно могучим героям из старинных легенд, помешал им это сделать своевременно, а потом стало слишком поздно. Череда вполне логичных, но ошибочных решений окончательно подвела полководца Красной саламандры и его подчиненных. Взяв под контроль орудийную прислугу, Илиана при помощи чародеек быстро развернула боевые машины. Тяжелые орудия, окутанные колдовством, двигались как перышки и столь же проворно заряжались. Под грохот спущенных баллист и катапульт взмыли в воздух стеклянно-металлические шары и, описав дугообразную траекторию, стали падать прямо в позиции Красной саламандры. Липкому огню было абсолютно все равно кого пожирать, и он набросился на солдат хана с точно такой же бешеной

яростью, с какой прежде уничтожал не желавших покориться новой Империи. Столбы дьявольского огня, полыхнувшие в полках ад-Сейдина, охватывали их своими жаркими объятиями, плавили железо, прилипали к плоти, прогрызая ее вместе с костями неумолимой хваткой. Красная саламандра вдруг ощутила на себе мощь собственного монстра, поняла каково это — стать жертвой его безумия. Объятые ужасом от разверзшейся среди них раскаленной преисподней, полки бросились врассыпную, ибо сумасшедшего жара не выдерживала даже лучшая сталь. Хаос, доселе бесчинствовавший в центре сражения, незамедлительно раскинулся на все войска. Одна за другой взмывали в небо сферы с дьявольской смесью и все новые и новые соединения ад-Сейдина попадали под удар безжалостной стихии. Позиции южан быстро превращались в пылающий ад, от которого не было спасения, а предавшие хозяев боевые машины продолжали обстрел, поражая фланги и тылы, охватывая их чудовищными пожарищами. Лишь центр оставался незатронутым, но там сияла Алая звезда, и натиск нападавших бессильно разбивался о ее лучи. Когда заполыхал лагерь командующего, войска Красной саламандры окончательно охватила неконтролируемая паника. Разгром, начавшийся столь неожиданно, достиг фантастических масштабов. Оставив в покое боевые машины, отряд Илианы кидался в самую гущу схватки, где противник все еще стойко сражался, и ряды солдат хана тут же поглощал полнейший хаос. Южане, зажатые между огнем и безумием, кидались куда глаза глядят, преследуемые как чужаками, так и своими. Ужас и ощущение неминуемой гибели парализовали некогда победоносное войско. Оставив всякие попытки сопротивления, оно, бросая оружие и припасы, обратилось в стремительное бегство.

Пожарища тушили при помощи чародеек. Использовав Круг Стихий, они вызвали такую снежную бурю, что Ювион обзавидовался. Его способности действовали иначе и во многом он имел определенное преимущество, сотворяя холод сразу и на ходу, но поднять эдакий чудовищный буран был не в состоянии. Правда в бою от снежного вихря толку маловато, поскольку он без разбора атаковал бы своих и чужих, но при ликвидации очагов Липкого огня колдовство работало незаменимо. Впрочем, и в сражении чародейки без дела не сидели, хотя в прямом бою почти не участвовали. В их задачу входила защита Илианы, на которой они сосредотачивали все силы и внимание. Ничто не должно было проникнуть за охраняемый периметр и причинить вред девушке. Пока заклинатели стихий держали защитные купола, а воины образовывали живой заслон, чародейки непрерывно колдовали заклина-

ния даже если казалось, что отряд никто не атакует. Волны света, развеивающие заклятья, энергетические щиты, охранные чары, блокирующие контрмеры — все это лилось непрерывным потоком, заведомо упреждающим любое возможное нападение. Следовало отметить, что их старания не проходили втуне, и речь шла не только про стрелков, рассчитывавших поразить мишень на расстоянии. Алое сияние, струившееся из рядов северян, не оставалось незамеченным и для врага куда опаснее. Если в войсках Желтой пумы колдунов почти не встречалось, то армейские корпуса ад-Сейдина были усилены Манипуляторами разной степени подготовки. И они, разумеется, старались поразить тот сектор неприятеля, где очевидным образом находились чародейки. В обязанности послушниц, помогавших Сирелине, Алеаде и другим сестрам, помимо прочего входило выслеживание вражеских колдунов. В кипевшем вокруг сражении сделать это было непросто, но наметанный глаз заклинательниц распознавал цели там, где простые воины ничего бы не заметили. Определив источник угрозы, послушницы ставили маркер, после чего чародейки дружно ударяли атакующими заклинаниями, как правило результативно. Теперь, после боя, вся компания заклинателей дружно обменивалась ценным свежим опытом, пока Илиана прямо в полевых условиях лечила раненых. Их несли на носилках прямо к ней, а не в лазарет или куда-либо еще, что позволяло спасти немало жизней. На это время вокруг целительницы выстраивалось порядка двух полков, бдительно охранявших подступы к священному действию, так что враги не могли подойти и на полет стрелы. Впрочем, их здесь и не было. Кроме пленных остались лишь раненые и убитые, коих было просто неимоверное число. Красная саламандра потерпела сокрушительное поражение и впервые бежала с поля боя, побросав припасы, амуницию и боевые машины. В том числе с оставшимися зарядами Липкого огня. Нетрудно было предположить в какую ярость придет хан когда узнает, что баллисты и катапульты достались врагу, а охрана орудийных расчетов не уничтожила сферы с бесценной смесью. Сейчас северяне катили орудия в направлении города, а снаряды с Липким огнем под усиленной охраной везли прямиком в арсенал, откуда они отправятся в распоряжение Верховного командования.

Жители Хельбурга, наблюдавшие со стен за ходом битвы, встретили возвращавшиеся войска овациями. Отряд Рубистеллы закидывали цветами, превратив мостовую в настоящий благоухающий ковер. Добравшись до отведенных ей покоев, Илиана, едва живая от усталости, проспала больше суток. Проснувшись, она вместе со спутниками собралась как можно быстрее вернуться

в Данерхейм, но командующий так просто их не отпустил. От главной площади и до самых городских ворот выстроились полки северян. Когда отряд проезжал мимо, они салютовали, бряцая оружием о щиты, и их приветственные крики многократным эхом гремели над всем Хельбургом.

Поражение, нанесенное Красной саламандре, значительно приободрило объединенные войска и поубавило боевой пыл сателлитов ад-Сейдина. Эмир Аешский, трусливо бежавший из северных земель, стоял на границе, но обратно вторгаться не спешил, под разными предлогами затягивая исполнение приказов из верховной ставки. Эмир Бушерский вел себя не лучше. Окопавшись на захваченных территориях, он, находясь не так уж и далеко от легионов хана, топтался на месте, откровенно выжидая куда подует ветер. Захвати Красная саламандра Хельбург — и войска Голубой щуки двинулись бы к ним на соединение, полностью отрезав Данерхейм от всех западных земель. Теперь же Саргал Уль Дион считал неразумным лезть туда, где обломала зубы армия ад-Сейдина, и предпочитал держаться в стороне от эпицентра событий. Хан Гийюр все еще мог рассчитывать на лучников Зеленой ящерицы, оказывавших ему немалое подспорье, а также успешно действовавший флот, вернувшийся в верховья Шиалы. Это, однако, все же не соответствовало его изначальному замыслу, начинавшему трещать по швам. Похоже, хан наконец-то столкнулся с достойным противником, умевшим не только воевать, но и обстоятельно разрушать один его план за другим. Что и говори, сражались северяне действительно достойно, и ад-Сейдин отдавал им должное, обращаясь с пленными честь по чести. Чародеек он больше любить от этого не стал, но вынужден был признать, что снова недооценил их. Трудно было поверить, что в самый последний момент они умудрятся сплотить северян и выступить единым фронтом, лишив хана победы как раз тогда, когда она, казалось, уже сама шла в руки. По весне, перед продолжением кампании, ад-Сейдин разослал всем правителям северных земель одинаковое извещение. Армия хана, выдержав зимовку, готовилась к наступлению, но требовалось расставить все точки над i. Хан сообщал, что его интересует только Данерхейм и Альмирстал, и заявлял что не будет атаковать сопредельные государства, если они не станут вмешиваться. Ответ был ожидаем. Северяне уже сообразили, что лишь в союзе с чародейками и друг с другом они способны дать решительный отпор захватчикам, и высказались единодушно. Даже наиболее нерешительные правители понимали, что политика умиротворения агрессора — путь скользкий и гибельный. Хан, сокрушив чародеек, следом возьмет и их, если и не сейчас, так по-

сле, ведь уже никто не сумеет ему помешать. В результате ад-Сейдин получил решительный отказ и предложение убраться из северных земель, пока его не изгнали оттуда силой. Хан, усмехнувшись, повел свою армию в бой, рассчитывая к концу весны выйти к пику Эрминдхайм, однако близилась середина лета, а он все еще торчал в Орнхольме и его окрестностях. Да, северяне оказались крепким орешком, упорно не желавшим раскалываться под натиском могучих легионов Красной саламандры. Доблесть их воинов вызывала уважение, а могущество чародеек и впрямь соответствовало ходившим о них легендах. Или дело все-таки не в этом?..

— Я был вынужден примерно наказать трусов, покинувших поле боя, в результате чего потеряны не только боевые машины, но и заряды Липкого огня, попавшие в руки противника, — жестко сказал ад-Сейдин.

Он уже с четверть часа подвергал словесному анализу поражение под Хельбургом, находясь в сильнейшем раздражении. Дегонис, вызванный в шатер повелителя, молчал, ожидая когда хан выскажется. Гневная речь велась не просто так и имела определенную цель, ради которой и послали за верховным колдуном. Присутствовавшие при этом члены Малого военного совета также не произносили ни звука.

— Случай совершенно вопиющий! Мои войска обращаются в бегство перед вчетверо меньшими силами врага! Командующий что-то лопочет о колдовстве и охватившем полки безумии, как будто и без него мало в моей армии ходит возмутительных слухов! — продолжал разоряться ад-Сейдин, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик. — Я не намерен терпеть ничего подобного даже от простого солдата, не то что от высшего командного состава! Даже если чародейки и впрямь приложили к этому руку, долг воина — стоять до конца, а не драпать сломя голову, распуская панические бредни, подрывающие моральный дух всей армии!

Стоявший в сторонке Баратис бросил быстрый взгляд на учителя, но тот даже не шелохнулся.

— Мой хан, если мне позволено будет сделать замечание, то, возможно, мы слишком поспешили с экзекуцией, как следует не разобравшись в чем дело. Возможно, в словах командующего и таится истина, — осторожно произнес ди-Орт.

— Это не означает, что мои солдаты имеют право бежать с поля боя при попустительстве своих командиров! — резко бросил хан. — Бежать и бросать вверенную им амуницию!

Развернувшись, он приблизился к расстеленной на столе карте и наотмашь смахнул с нее фигурки, изображавшие шедшую на

Хельбург армию. Отлетев прочь, фигурки посыпались на деревянный настил и откатились к стене шатра. На западном фланге театра военных действий немедленно образовалась значительная пустота.

— Впрочем, именно за этим мы и собрались — разобраться в чем дело, — добавил хан более спокойно. — Я хочу знать что происходит. Прежде я не был склонен принимать во внимание всякие дикие байки, порожденные суеверием и очевидным влиянием чародеек. В нынешних обстоятельствах я прихожу к выводу, что за ними кроется нечто большее, чем простые слухи. Что тебе известно о Штельской ведьме?

Дегонис понял, что вопрос адресован ему. Приблизившись к стоявшему у карты хану, он остановился от него в нескольких шагах.

— Боюсь, повелитель, что эти слухи не лишены оснований, — изрек он ровным голосом.

Сановники переглянулись.

— Как прикажешь тебя понимать? — нахмурился ад-Сейдин, оборачиваясь к колдуну.

— У меня есть основания считать, что в своей основе они правдивы, — отозвался Дегонис.

— И ты мне говоришь об этом только сейчас? — холодно осведомился хан, вперив в колдуна тяжелый взор.

— Заговори я об этом раньше — присоединился бы к тем, кто сеял панику, — резонно заметил Дегонис. — Мои люди собирали сведения, и эти сведения носят крайне неоднозначный характер.

— Предлагаю немедленно сообщить Малому совету все, что тебе известно! — велел ад-Сейдин не терпящим возражения тоном.

Знал Дегонис не так уж и много. После утраты Аш-Гарона, потрясшей его сильнейшим образом, верховный колдун пребывал в отвратительном расположении духа. Его подозрения в том, что он упустил из виду нечто чрезвычайно важное, стремительно росли. Старательно вынашиваемый, тщательно подготовленный, идеально продуманный план давал сбой за сбоем, начиная разваливаться на глазах. Дегонис воображал, что уже ничто не способно ему помешать, а могучий каменный замок его достижений вдруг обернулся карточным домиком, грозившим рухнуть от любой новой карты. События, следовавшие одно за другим, поодиночке выглядели бы чистейшей случайностью, однако все вместе превращались в следствие чьего-то непредвиденного вмешательства. Кто бы мог подумать, что Аш-Гарон, эта заботливо сооруженная и тщательно выпестованная кузница хранителей грядущего мирового порядка, превратится в руины! Даже не в руины, а в глубокую яму, ибо от монастыря не осталось камня на камне. Не уцелело

даже свидетелей, способных внятно рассказать что произошло, и верховный колдун терялся в догадках. Одного предательства, от кого бы оно ни исходило, было явно недостаточно. Все происходящее не могло свершиться без чего-то большего, ускользавшего от его взора. Из-за потери Аш-Гарона Дегонису в срочном порядке пришлось перестраивать многие планы, менять стратегию, передислоцировать Манипуляторов, попутно ставя перед ними другие задачи. В этой суматохе, работая по двадцать часов в сутки, верховный колдун, как и все, поначалу не придал особого внимания инциденту в Штеле, сочтя его стечением обстоятельств и умелым колдовством чародеек. Ему было попросту не до того, чтобы изучать подробности каких-то локальных стычек. Вскоре, однако, множащиеся слухи о Штельской ведьме получили подтверждение и от Манипуляторов. Изучая содержание их докладов, Дегонис мрачнел как туча и требовал дополнительных исследований. С ними дело не ладилось. Колдуны, старавшиеся подобраться к объекту поближе, неведомым образом оказывались скомпрометированы, и все их донесения по большей части основывались на вторичной информации и удаленных наблюдениях. Мало-помалу все же стала складываться общая картина, ничуть не вызывавшая оптимизма. По северным землям, появляясь и исчезая как призрак, курсировал некий отряд, прозванный местными Рубистелла. Вроде как именно благодаря ему северяне умудрились расстроить наступление эмиров и наносить южанам одно поражение за другим. Возглавляла этот отряд та самая Штельская ведьма, окруженная свитой из лучших воинов и чародеек. Ей приписывались совершенно фантастические возможности. Говорили, что одним лишь прикосновением она исцеляет любые раны, видит людей насквозь, усилием воли обращает врагов в послушных марионеток или убивает их на месте. Про исцеления и какую-то чародейку Дегонис слыхал и раньше, равно как и про прочие чудеса, но приписывал их толково организованной кампании сестер Альмирстала, умело разыгрывавших карту контроля над сознанием людей. Ведь чем-то таким занимались и Манипуляторы, просто использовали для этого несколько иные методы. Только вот истории про Штельскую ведьму окончательно вышли за все те рамки, в которые еще можно было уложить известное Дегонису колдовство. Собирая факты воедино, он с тревогой начинал понимать, что все они начинают указывать лишь на одну силу, способную на нечто подобное. Ту, что была давным-давно погребена в сердце Калихари, куда он, Дегонис, лично ездил с пойманной девчонкой. Девчонкой с крайне примечательным медальоном. С той, которая впоследствии бесследно исчезла вместе с его людьми. Если исходить именно из этой силы,

то вся мозаика начинала вставать на свои места, только Дегонису становилось от этого ничуть не легче. Он уже достаточно прогневал Покровителя и откровенно страшился, если вдруг выяснится, что он упустил появление столь могущественной угрозы. Да нет, не может этого быть! Ведь в ту пору и Калихари-то не было, так что откуда бы ей взяться в нынешнем мире? Впрочем, та девчонка с медальоном тоже не с потолка свалилась, так что здесь было о чем призадуматься. Рубистелла... Это алое сияние, само по себе способное исходить откуда угодно, вкупе со всем прочим заставляло Дегониса всерьез занервничать. Ведь если это правда, если его источник действительно ТО САМОЕ... Верховный колдун, страшась одной этой мысли, слал все новые распоряжения, требуя от шпионов и Манипуляторов подробных отчетов об отряде чародеек во главе с той из них, кого прозвали Алая звезда. А та продолжала оставаться поистине неуловимой, появляясь и исчезая в разных местах, и везде ее сопровождали сверхъестественные явления. Ни один из колдунов так и не смог подобраться к ней достаточно близко, а все организованные покушения потерпели неудачу. Дегонис лично переговорил с теми, кому довелось побывать в столкновении с войсками Штельской ведьмы, и услышанное ему очень не понравилось. Разгром под Хельбургом окончательно уверил верховного колдуна, что происходит нечто очень неладное. Даже если его невероятное предположение ошибочно, а хорошо бы, чтобы так оно и было, то все равно ситуация стремительно выходит из-под контроля. Прежде лояльные ведьмы бегут, боевой дух армии падает, а его собственные дела грозят выйти наружу, ибо Дегонис не может бесконечно долго вести двойную игру, и подлинная жизнь Манипуляторов рано или поздно вскроется. Начало этому совершенно неожиданно и некстати положила принцесса Талара, которую Дегонис до поры считал всего лишь досадной помехой. Ему было бы на все наплевать, кабы армия ад-Сейдина в установленный срок подступила к пику Эрминдхайм, но этого до сих пор не произошло, и фигуральный карточный домик с каждым упущенным месяцем грозил рухнуть на голову своего создателя. У Дегониса, разумеется, имелись еще козыре в рукаве, но что прикажете доложить хану прямо сейчас, если информация, которой владеет верховный колдун, содержит то, что повелителю Железных земель говорить ни в коем случае нельзя?..

Из своей речи Дегонис выкинул все упоминания о возможной связи Штельской ведьмы с тайной развалин в Калихари и собственной роли в этой истории. Однако и списать все на суеверия, колдовские фокусы и стечение обстоятельств он не мог и не собирался. По озвученной им версии выходило так, будто за всем стоял

особый отряд чародеек, действующий как на публику, так и всерьез. Свет и прочие штучки — все это была игра для невежественных масс, охотно клюющих на такие зрелища, но за ними, к сожалению, действительно стояли довольно серьезные силы. Вероятно, чародейки выставили против хана своих лучших представителей, чья деятельность доселе хранилась в секрете. Их вполне можно было понять, поскольку такое могущество как впечатляло, так и пугало, но открытое столкновение попросту не оставило им выбора. Штельская ведьма — предводитель особого отряда, несомненно обладающего значительными возможностями. Паника, которую они вызывают в рядах солдат, происходит от воздействия колдовства. Люди Дегониса — верные слуги Империи — сами неоднократно прибегали к чему-то подобному, о чем повелитель уже наслышан. Особо могущественные и искусные заклинатели вполне способны дезориентировать врага и на какое-то время ввергнуть его в безумие. Чародейки, вероятно, также владеют чем-то подобным, и нет ничего удивительного что об стало известно только сейчас, ибо прежде эти женщины в глобальных боях не участвовали. При этом следует признать, что их возможности и техника превосходят доступную колдунам Дегониса, учитывая охват и мобильность. Чародейкам известен способ, позволяющий наводить такой дурман налету, без подготовки. Впрочем, последнее еще наверняка неизвестно. Не исключено, что подготовка все же осуществлялась. Если солдаты шагали по заранее отравленной земле, достаточно лишь вызвать соответствующую реакцию, чтобы пары дурмана заставили людей потерять голову. Как бы там ни было, Штельская ведьма — реальный человек во главе реального отряда, и угроза тоже совершенно реальна. Даже если все происходящее не более чем искусно разыгранный театр, порожденные мифы и слухи не менее опасны, чем подлинная деятельность. Они вселяют храбрость и надежду в северян и дурно влияют на моральный дух солдат Империи. Прежде последние бесстрашно выступали против чародеек, даже если — чего уж там! — получали жестокий отпор. Теперь же опытные вояки начинают опасаться каждой юбки, а это уже никуда не годится. В целом, Дегонис рекомендует повелителю сохранять спокойствие и сделать нужные выводы. Дисциплину в войсках безусловно необходимо поддерживать, но благородный ди-Орт несомненно прав, считая, что излишне суровых мер солдаты и их командиры не заслужили. Коварство чародеек не знает границ, и воины, хоть и провинились, все же заслуживают снисхождения. Дегонис, в свою очередь, примет все меры не только для сбора новых сведений, но и для ликвидации опасной группы, становящейся для северян символом вдохновения и побе-

ды.

С последним заявлением Дегонис несколько лукавил. Он уже некоторое время принимал эти меры, и все они оставались безрезультатными. Подсылаемые Манипуляторы загадочным образом попадали в руки врага, едва только подбирались вплотную к Штельской ведьме. Хватали даже шпионов, будто та умела читать мысли, и лишь действуя на расстоянии агенты верховного колдуна кое-как преуспевали. И это тоже безмерно тревожило Дегониса, поскольку нечто подобное прекрасно вписывалось в ту природу алого света, о которой он страшился даже думать. По правде говоря, он бы и понятия не имел, что такое вообще возможно, если бы не знания Покровителя, открывшего ему некогда очень и очень многое. А сомневаться в этих знаниях верховному колдуну не приходилось, учитывая, кем этот Покровитель являлся. Ведь одно его имя заставляло Манипуляторов трепетать перед своим учителем, ибо их Покровители не шли ни в какое сравнение с тем, кто благоволил Дегонису. Лишь самые одаренные колдуны, заслужившие право носить черную мантию с рунами силы, могли похвастаться чем-то похожим, но и на их долю все-таки выпадало подчинение, а не верховная власть. И все они, между прочим, до сих пор не ведали об том, что тревожило их безоговорочного лидера. Дегонис и раньше не слишком откровенничал, а последнее время, опасаясь необъяснимой утечки, и вовсе перестал посвящать исполнителей в свои замыслы. Почти все знал разве что Баратис, но и от него учитель скрыл свои страхи касательно Штельской ведьмы, как до сих пор скрывал их и от Покровителя, так и не дождавшегося Лентикувита с кровью девчонки.

Доклад колдуна ад-Сейдина более-менее удовлетворил, и Малый военный совет также остался доволен услышанным. Реверанс в сторону ди-Орта не прошел незамеченным. Хан, подумав, смилостивился и приказал смягчить вынесенные приговоры. При этом, посовещавшись с советниками, велел Дегонису как можно быстрее раздобыть подробную информацию об отряде чародеек и их личностях, раз уж они действительно существуют. Колдун поклонившись, хотел удалиться, но выяснилось, что это было еще не все.

— В свете новых событий Малый совет желает заслушать доклад о том, как обстоят дела с Крыльями, — заявил хан. — Есть мнение, что пора вводить их в дело. Несколько неожиданных рейдов расстроят оборону врага и отвлекут его от Данерхейма.

Дегонис недовольно поморщился, но из-за вечно опущенного капюшона это осталось незамеченным. Крыльями условно именовалась созданная на Ливьянских болотах армия кронусов. Кстати,

вот еще одно доказательство утечки сведений! Если бы Дегонис, заподозривший неладное, не принял меры к защите крылатого легиона, чародейки, явившиеся по их душу, уничтожили бы всех до единого. Он не присутствовал лично в разыгравшемся противостоянии, но донесения были вполне красноречивы. Кронусов удалось сохранить, но Дегонис приберегал их для решающей схватки, чтобы чародейки, отточив тактику, заведомо не наладили эффективную оборону. Об этом он и высказался, выражая сомнение в целесообразности немедленного использования стратегического оружия.

— Из твоих же докладов я понял, что это оружие для наших врагов давно уже не секрет, — заметил хан. — Стало быть, держать его в бездействии и дальше нет никакого резона.

В словах ад-Сейдина имелась известная логика. Верховный колдун и сам это прекрасно понимал. Кроме того, чародейки уже наладили эту самую оборону. Теперь не только над Данерхеймом, но и над многими другими опорными пунктами взмывали в небо крупные соединения горгулий, среди которых неприятной неожиданностью стало появление подвида воинов. В отличие от сородичей, горгулья-воин была очень серьезным и хорошо защищенным противником, на столкновение с которым никто не рассчитывал. Решительно, надо было успеть добраться до обители чародеек до исхода осени!..

— Я планировал приберечь Крылья для массированного удара в финальной атаке. Без них даже брешь в защите Альмирстала не позволит нанести сокрушительный удар, — ответил Дегонис.

— Кстати об этом! Ты до сих пор не сообщил каким образом намереваешься пробить эту самую брешь, — заметил хан. — Обитель считается неприступной, и на это у чародеек имеется предостаточно оснований. Хотелось бы верить, что мои войска, явившись к ней после всех потерь, не разобьются о неприступные камни.

— Повелитель, я вынужден хранить этот план в тайне. Даже у стен есть уши. События последних месяцев свидетельствуют о том, что откуда-то происходит весьма серьезная утечка сведений, и я теперь стараюсь держать все стратегические замыслы в глубочайшем секрете от всех. Порой даже от ближайших помощников, — с искренней озабоченностью отозвался колдун, кивнув в сторону Баратиса. — Я, безусловно, подчинюсь твоему приказу, но сначала позволю себе дать совет не вынуждать меня этого делать, чтобы гарантировать сохранность нашего самого сильного козыря. Я могу гарантировать его эффективность только в этом случае.

— Хорошо, будь по-твоему, — изрек, подумав, хан. — Надеюсь ты понимаешь всю тяжесть последствий, если твои заверения ока-

жутся пустым звуком.
— Разумеется, повелитель, — поклонился Дегонис. — Всю ответственность я беру на себя.
— Хорошо, — заключил ад-Сейдин. — Однако вернемся к вопросу с Крыльями…

Когда Малый военный совет разошелся, хан окликнул верховного колдуна, уже направлявшегося к выходу со своим учеником. Кивнув Баратису, Дегонис остался с повелителем тет-а-тет, гадая, чем вызвана очередная задержка. Прежде хан редко за ним посылал, вполне обходясь его представителем, но последнее время такое случалось все чаще. Вопросы звучали все настойчивее, а отвечать на них становилось все тяжелее. Ввиду не самого удачного развития кампании это выглядело вполне естественным, но Дегонис чувствовал постепенно растущее недоверие. Выходка принцессы и ее осведомленность, явившиеся для верховного колдуна полнейшей неожиданностью, не прошли бесследно. Несмотря на исчезновение младшей дочери, сохраненное в тайне под страхом смертной казни, хан, тем не менее, действительно проводил расследование, совмещая поиски Талары с ее заявлением. Дегонис, разумеется, умело заметал следы и отлично маскировался, но за последние два года деятельность Манипуляторов выросла до таких масштабов, что скрыть абсолютно все становилось попросту невозможно. К счастью, для ад-Сейдина и прежде не была великим секретом щекотливая специфика изысканий Дегониса. У них был своеобразный негласный договор: не спрашивай — не говори. Дегонис практиковал темное колдовство и некромантию, причем прямо в Нижних подземельях. Хан же успешно пожинал плоды, когда навыки верховного колдуна пригодились ему как в бою, так и в экономике. Однако если он закрывал глаза на возню с трупами, то о человеческих жертвоприношениях не было и речи, равно как и о серьезной демонологии выше уровня незначительных проявлений. Донесения, получаемые ад-Сейдином, еще не содержали прямой крамолы на Дегониса, но кое-что в них хану решительно не нравилось. Он до поры был готов и дальше терпеть многое, поскольку Дегонис и его люди ему очень нужны, но как долго это будет продолжаться? Верховный колдун, как ни старался, не мог полностью контролировать ход расследования, и мало-помалу повелителю становились известны некоторые довольно нелицеприятные вещи, объяснять которые становилось все сложнее.
— Ты говорил об утечке, — сказал вдруг хан без всяких предварительных оговорок.
— Так и есть, повелитель, — кивнул Дегонис. — Увы, у меня имеется предостаточно оснований так думать.

— Ты вполне уверен в своих людях? — осведомился ад-Сейдин, глядя куда-то в сторону. — Может быть так, что кто-то из них самостоятельно действует у тебя за спиной и вредит нашему общему делу?
Вопрос попал в цель. Верховный колдун и сам хотел бы это знать, ломая голову над тем, откуда врагу становились известны оберегаемые от всех сведения, доступные только Манипуляторам, и то не всем. Хан, разумеется, не знал всей подоплеки, поэтому допускал предательство. Дегонис такое попросту исключал, но это как раз и заводило его в глухой тупик. Манипуляторы, надежно сроднившиеся с дыханием Покровителей, не могли пойти против них по самой своей сути. Уста же их были надежно запечатаны страшной клятвой, и любой допрос попросту убьет любого колдуна до того, как он выболтает доверенные ему секреты. Здесь бессильна даже Штельская ведьма, если она и впрямь подчиняет людей своей воле. О том, как Илиана обошла это препятствие Дегонис даже не догадывался и оттого бродил в потемках, подозревая вмешательство некой силы, но даже близко не понимая где искать.
— Как я уже сегодня говорил в присутствии твоих советников, повелитель, именно поэтому я теперь стараюсь держать все наиболее важные сведения при себе. Исполнителям я больше ничего не сообщаю кроме необходимого минимума, — заметил колдун.
Эта фраза звучала двояко, но в понимании хана должна была произвести соответствующий эффект. На услышанное вслед за этим Дегонис никак не рассчитывал.
— Я начинаю думать, что моя дочь имела некоторые основания для своего заявления, — сказал вдруг хан вполне спокойным тоном. — О многом я ныне очень сожалею. Сожалею, что не расспросил ее более подробно. Сожалею, что принял недостаточные меры для ее защиты, пусть даже от самой себя. Сожалею, что поддался эмоциям, позволившим ненадолго взять надо мной верх и подорвать взаимное доверие между мной и Таларой.
Колдун опешил.
— Если я утратил доверие повелителя, я немедленно сложу с себя все полномочия, — заявил он, быстро соображая куда дует ветер.
— Об этом сейчас речь не идет, — все также спокойно произнес ад-Сейдин. — Польза твоей работы на благо Империи очевидна. Я все еще склонен считать, что моя дочь стала жертвой влияния чародеек, как ты и говорил, пусть даже кто-то из них действительно сделал несколько добрых дел для привлечения ее на свою сторону. Однако кое-что, возможно, упустил даже ты, излишне уверенный в своих людях.

Дегонис, было успокоившись, тут же насторожился вновь, внимательно слушая каждое слово хана. Тот, не затягивая, тут же развил свою мысль.

С точки зрения властелина Железных земель и нынешнего Великого хана, тлетворное влияние чародеек могло зайти довольно далеко. С чего они все решили, что эти коварные женщины способны совратить только простых людей, пусть даже представителей правящей династии? Колдуны, попавшие в их сети добровольно, либо принудительно, вполне способны дискредитировать всю структуру изнутри, особенно если они имеют доступ к важным ресурсам. Кроме того, колдовство — довольно сложная и непредсказуемая область. Если часть его адептов пошла по собственному пути, прельщенная открывавшимися соблазнами, это также чревато далеко идущими последствиями. Так может ли Дегонис гарантировать, что никто из его людей не творит что-либо за его спиной? Уверен ли он, что его колдуны не делают и шагу за очерченные им границы? Единичные случаи не страшны — в любом стаде находится паршивая овца. Хуже когда эти овцы сбиваются в группу; когда в здоровом теле растет ядовитое образование.

Ад-Сейдин еще не успел закончить, как Дегонис уже сообразил куда клонит повелитель. С одной стороны, он испытал некоторое облегчение. Хан вряд ли стал бы делиться с ним такими соображениями, если бы и впрямь считал верховного колдуна причастным. С другой — сигнал был более чем четкий. Ад-Сейдин уже допускал мысль о том, что кто-то из колдунов может осуществлять преступную деятельность. Лишь вопрос времени когда он в этом уверится, а затем и вовсе разберется откуда уши растут. Дегонис тут же понял как ему следует себя вести. Слова хана автоматически подали идею, способную отвлечь его внимание и направить расследование в ложное русло. Для повелителя целесообразно разыграть целый спектакль с выявлением группы предателей, дискредитирующих всех собратьев и практикующих запрещенное и преступное колдовство. На распутывание этого клубка, активно одобряемого Дегонисом, уйдут месяцы, и ад-Сейдин продолжит пребывать в заблуждении касательно истинного положения вещей. На группу отступников можно списать все грехи и так ловко повернуть дело, что хан еще нескоро догадается как его провели. Дегонис получит необходимую отсрочку, а там, глядишь, станет совершенно не важно чего себе хочет и думает властелин Железных земель, мечтающий стать султаном. Вот только откуда бы у него такие мысли? Кто же вложил их ему в голову, если принцессы давно и след простыл?

Дегонис, решив потакать подозрениям повелителя в выгод-

ном для себя свете, не догадывался откуда эти подозрения берутся, ибо одних только неоднозначных доказательств расследования ад-Сейдину было явно недостаточно. Сантара, исцеленная жена хана, дарила мужу не только вспыхнувшую с новой силой любовь. Ее нежные и ласковые речи незаметно вкладывали в голову супруга нужные мысли, оброненные будто невзначай слова заставляли увидеть определенные вещи в ином свете. О да, Сантара ничуть не приукрасила, когда пообещала дочери повлиять на ее отца. Испытывая искренние чувства к мужу, она при этом обладала подлинно женским искусством манипулирования, которому бы позавидовали те, кто как раз и именовал себя Манипуляторами. Ад-Сейдин, утопая в жарких объятиях, даже не замечал, что вкрадчивые слова жены, ни разу открыто не потребовавшей от него хоть чего-нибудь, действовали лучше любого ультиматума. Теперь он едва ли не открыто сокрушался о своем несправедливом отношении к Таларе, и если бы та вернулась, простил бы ей все на свете. Сантара не преминула сообщить об этом дочери, ведь они поддерживали связь через сов Илианы. Увы, вернуться принцесса не могла. Ей все еще угрожала смертельная опасность. Саму же Сантару Дегонис не подозревал и вряд ли осмелится тронуть. Если с любимой женой повелителя случится несчастье, никакие отговорки про чародеек уже не помогут. Не помогут по той простой причине, что обезумевший от горя хан попросту покарает всех, и правых и виноватых. Дегонис, сваливший все на чародеек, огребет по-полной просто потому, что допустил это, и вполне может лишиться головы. Он, как спрут, глубоко запустил свои щупальца в разные слои власти и имел много лояльных себе людей среди солдат и вельмож, но все же недостаточно, чтобы уцелеть при прямом приказе ад-Сейдина, если таковой последует. Империя по-прежнему держалась на авторитете хана, и его слово было законом. Слово, к которому теперь незаметно примешивался мелодично журчавший голос Сантары, о чем Дегонис при всем своем могуществе, а скорее из-за него же, даже не догадывался. Сантара, проведя с мужем два месяца во дворце, теперь регулярно приезжала к нему прямо в ставку в сопровождении целого армейского корпуса. Хан был не в силах устоять перед чарами вновь обретенной супруги и позволял себе эту роскошь, окружая ее заботой и вниманием. А та, судя по ряду признаков, теперь вполне могла подарить ему еще одного долгожданного наследника, и весть об этом, пока что известная лишь немногим, окончательно делала сурового властелина податливым воском в руках жены.

Вернувшись к себе, Дегонис долго молчал, не говоря ожидавшему его Баратису ни слова. Ученик не решался заговорить

первым, найдя учителя не в самом лучшем расположении духа. Последнее время дела действительно шли не лучшим образом. Ряд успехов здорово омрачала череда неудач, и некогда твердая уверенность в результате теперь все чаще подвергалась сомнениям. Вопрос, который вдруг задал верховный колдун, застал Баратиса врасплох.

— Принц Камаль в достаточной мере осознает свою важную роль? Готов ли он в случае необходимости исполнить свое великое предназначение? — изрек Дегонис без всяких видимых предпосылок.

Ученик, опешив, тут же доложил, что лучшие Манипуляторы не отходят от наследного принца ни на шаг, оберегают его от малейшей опасности и денно и нощно исполняют возложенную на них миссию. Верховный колдун остался удовлетворен подробным отчетом. Верный ученик неусыпно держал это важное дело на личном контроле и очень отрадно, что хоть на кого-то все же можно было положиться.

— К чему такой вопрос, учитель? — осмелился поинтересоваться Баратис, воодушевленный явной благосклонностью наставника. — На аудиенции у хана что-то пошло не так?

— К тому, мой дорогой, ученик, что нам, возможно, придется разыграть карту Камаля раньше, чем планировалось, — задумчиво ответил Дегонис.

Касательно последних событий разговор состоялся и в Данерхейме. Верховное командование, заслушав доклад о сражении при Хельбурге, пришло в восторг. Формально отчет представил через своих представителей командующий гарнизоном города, но всем было прекрасно известно кто в действительности стоял за одержанной победой. Почтовая служба чародеек теперь работала с невероятной быстротой, разнося вести по всем северным землям. Детали присутствующие услышали от самой Илианы, вместе с наставницей приглашенной в зал заседаний. Ее личная охрана не осталась у дверей, а проследовала с девушкой — единственной, кому позволялось нечто подобное. Дерзкий замысел, осуществленный с невиданным успехом, произвел на верховное командование огромное впечатление. Красная саламандра, грозившая занять доминирующее положение на западном фланге, отступила, поджав хвост. В распоряжении северян оказались бесценные трофеи, и в первую очередь сферы Липкого огня. Хор голосов выдвинул предложение представить отряд Рубистеллы к различным наградам, благо что они имелись у каждого государства. На сей счет даже разгорелись нешуточные дебаты какие именно награды следует вручить девушке и ее спутникам. В этом свете возникла идея, тут же подхваченная всеми, что на время существования

Освободительного союза следует учредить и новые ордена этого союза, раз уж проект единого знамени уже согласовали. Илиана, скромно молчавшая во время этого лестного для нее обсуждения, неожиданно попросила слово, немедленно ей предоставленное. Поблагодарив всех за оказанную честь, она заявила, что лучшей наградой для нее будет немедленная отправка на следующее задание. Если на западном фланге дела более-менее стабилизировались, то на востоке Красная саламандра грозила разрезать северные земли двойным эшелоном. Флот на Шиале успешно перекрывал сообщение с Ранхельмом, а стороной обошедшие Коулбридж армейские корпуса ад-Сейдина концентрировались явно не просто так. Если Илиане будет позволено выбирать, она хотела бы совершить вылазку на юго-восток и попытаться разыскать армию Кронусов. С большим отрядом послушниц, способных призвать достаточное количество горгулий-воинов, эта вылазка может иметь успех.

— Равно как и способна погубить подрастающее поколение чародеек! — заметила Изабелла, председательствующая в совете. — Этот вопрос мы уже обсуждали с твоей наставницей, и я не вижу оснований возвращаться к нему снова.

— Армия кронусов представляет большую угрозу. Ее необходимо уничтожить! — твердо сказала Илиана. — И лучше всего это сделать с юными чародейками, еще не связанными узами с призванными существами. Вы же прекрасно знаете почему. Отозвать горгулью способна любая сестра Альмирстала, но вызов новой возможен лишь спустя время.

— Насчет угрозы никто и не спорит, но чрезмерный риск этой экспедиции перевешивает гипотетическую пользу, — ответила Настоятельница.

— Точно так же вы говорили и про Аш-Гарон, — заметила Илиана.

— В Аш-Гароне вам просто повезло! — нахмурилась Изабелла. — Ты, разумеется, не можешь отвечать за авантюру нашей сестры, но в целом вы все недопустимо рисковали жизнями, как своими, так и чужими. С учетом вашего успеха мы закрыли глаза на столь вопиющее самовольство, но попусту рисковать жизнями послушниц я больше не позволю. Тем более сразу многими.

— Да, мое предложение содержит известный риск, но этот риск вполне оправдан. Мы все так или иначе рискуем в этой войне, и выиграть ее отсиживаясь за крепостными стенами не получится, — сказала девушка, вспыхнув сиреневыми глазами. — Стенами, которые, между прочим, падут, если кронусы забросают их Липким огнем. На всех Тексенумов не хватит.

Военачальники шевельнулись, многозначительно переглядываясь.

По рядам присутствующих пробежал тихий шепот.
— В совете верховного командования выдвигать предложения имеют право только его члены, — подняла руку Изабелла. — Мы ценим твой вклад в общее дело, но все же я вынуждена напомнить о соблюдении субординации. В сражении за Хельбург ты перешла все границы. Тебя отправили помочь гарнизону, а не возглавить атаку. Да, тебе сопутствовала удача, но какова была бы цена поражения? Формально ты вообще не имела права отдавать приказы, а нам хорошо известно, что это принимает массовый характер. Будь на твоем месте представитель верховного командования, тогда вопрос подчиненности отпал бы сам собой, но де-факто приняв руководство армией ты взяла на себя слишком много.
В иных обстоятельствах отповедь главной чародейки, возможно, и принесла бы должный эффект. Все-таки молодая двадцатипятилетняя девушка (в то, что ей недавно исполнилось двенадцать попросту никто не верил), к тому же чужестранка, и впрямь посягала на привилегии соответствующие лишь высшему командному составу. Однако слава Рубистеллы, подогреваемая не кем-нибудь, а матерыми воинами, чудеса исцеления и ее оглушительный успех под Хельбургом возымели свое действие.
— А ведь и впрямь неправильно получается! — заявил вдруг седой генерал, представлявший Ганхельд.
Илиана, порозовев, опустила глаза, почувствовав болезненный укол в сердце. Сирелина сердито нахмурилась. На лице Изабеллы появилась легкая усмешка.
— Все должно быть согласно законному порядку, согласно уставу и дисциплине. Засим предлагаю немедленно ввести Рубистеллу в верховное командование, дабы наделить ее соответствующими полномочиями на благо Освободительного союза, — неожиданно продолжил полководец.
Его слова прозвучали как гром среди ясного неба. Изабелла оторопела, не веря своим ушам. Даже Илиана с Сирелиной не ожидали подобного поворота.
— Поддерживаю! — заявил представитель Орнхольма.
— Поддерживаю! Поддерживаю! — загремели следом другие военачальники.
Голосование состоялось без всяких проволочек. Практически единогласно Рубистелла была избрана новым полномочным членом верховного командования Освободительного союза.

Вернувшись к себе, Илиана застала пригорюнившуюся Талару. Принцесса была одной из немногих, кому позволялось без разрешения входить к целительнице, и теперь она дожидалась лучшую подругу, надеясь увидеть ее до того, как та снова упорхнет.

Последнее время настроение Талары оставляло желать лучшего. Стараниями Илианы и Сирелины ей устроили теплый прием, приютили и даже охраняли. Как дочь того самого человека, который вверг весь север в пучину войны, она очень даже неплохо устроилась. Никто не винил ее за чужие грехи, никто не смотрел косо. Впрочем, здесь не обошлось без невольного влияния Илианы. Ближайшая подруга удивительной целительницы, боевой товарищ Рубистеллы, участвовавший в уничтожении Аш-Гарона, просто не могла быть плохим человеком. Принцессе, впрочем, от этого особо легче не становилось. Несмотря на приветливость окружавших ее людей, она не могла отделаться от мысли, что находится не на какой-то там экскурсии в мир чародеек, а в лагере противников ее отца. Да, конечно, они имели полное право защищать свои жизни и свободу, а колдуны, коварно манипулировавшие ханом, являлись чистейшим злом. Злом, которое обязано заплатить за все содеянное. Ведь и сама Талара очутилась по другую сторону баррикад все из-за тех же негодяев, уцелев лишь благодаря подарку чародейки. Только вот на душе у принцессы все равно кошки скребли. Ей даже не хотелось представлять лицо отца, когда тот рано или поздно узнает где находится его дочь. Мама сообщала, что он уже сильно сожалеет о том инциденте, и постепенно начинает кое о чем задумываться, но до прозрения было еще, мягко говоря, далековато. Таларе было безумно тяжело осознавать, что она может быть причастна к противостоянию с собственным отцом. Одно дело — разгромить гадюшник, каковым являлся Аш-Гарон, и совсем другое — участвовать в операциях против регулярных войск Империи. Именно поэтому принцесса обычно не сопровождала подругу в поездках, хотя ей очень не хотелось с ней расставаться, а сидела в Данерхейме, знакомясь с бытом северян и чародеек.

Поздоровавшись с Таларой, Илиана крепко обняла подругу и та традиционно почувствовала себя легче. Даже против своей воли Илиана машинально окутывала близких лучами жизненной энергии, порождаемой искренностью ее чувств. Именно поэтому рост их способностей и состояние здоровья разительно отличались от всех прочих.

— О чем ты опять грустишь, Тали? — заботливо спросила Илиана.

— Они просили тебя убить отц… хана? — каким-то чужим голосом выдавила принцесса, глядя куда-то в окно.

На самом деле она хотела произнести не совсем это, но события последних недель сказались соответствующим образом. Все переживания Талары сейчас воплотились в этом непростом вопросе, вырвавшемся скорее спонтанно, но заключавшем в себе очень и очень многое. Илиана, враз посерьезнев, с ответом не торопилась.

Налив себе и подруге по бокалу изумительного напитка из погребов Альмирстала, она устроилась у того же окна, что и принцесса.
— Я знала, что рано или поздно ты меня об этом спросишь, — наконец сказала Илиана, взвешивая каждое слово. — Я вижу, как тебе нелегко, и стараюсь оберегать от излишних потрясений. К сожалению, мы с тобой оказались в очень непростом положении. Откровенно говоря, мы оказались в нем с первого дня нашего знакомства. Ты знаешь: я всегда старалась быть с тобой честна, а если о чем-то и умалчивала, то лишь потому, что хранила чужие тайны. Я хочу быть честна с тобой и теперь.
— Значит, это правда? — помрачнела Талара, бросив взгляд на подругу.
По ее лбу пролегла глубокая черточка. Принцесса машинально накручивала косу на палец, как делала в минуты задумчивости и переживаний.
— Да, такие разговоры были, — вздохнув, сказала Илиана. — Пока еще на уровне отдельных высказываний и случайных предложений.
Это была чистейшая правда. Некоторые люди стали соображать, что таланты Рубистеллы можно использовать и иначе. Зачем бросать ее в бой на армию, если проще сразу эту армию обезглавить, а то и вовсе вывести из игры ключевые фигуры одну за другой. Верховное командование пока такие идеи не выдвигало, но Илиана их слышала уже неоднократно. На сей счет у нее даже состоялось несколько непростых разговоров, включая приватную беседу с Сирелиной. Илиана никому не позволит принуждать себя действовать против своей совести, но отрицать сам факт появления подобных предложений было бы бессовестной ложью.
— Но ты же можешь? — коротко спросила Талара, внимательно выслушав подругу.
— Могу, — помолчав, ответила Илиана.
— Тогда эти предложения будут только множиться и однажды перерастут в требование. Для этого имеются все основания, — хмуро сказала принцесса. — Что ты тогда будешь делать?
Илиана снова выдержала паузу, в очередной раз наполнив опустевшие бокалы. Принцесса жадно опустошила свой и напряженно ждала дальнейших слов.
— Полагаю, ответ, что тогда я потеряю тебя, тебя не устроит, — медленно произнесла Илиана, вертя бокал между пальцев.
У Сирелины это получалось более изящно. В процессе беседы чародейка частенько заставляла хрустальную посудину парить возле небрежно отставленной ладони, скользя в такт ее движению.
— Он наверняка не устроит других. Думаешь, они смирятся с тем,

что из-за одной подруги ты отказываешься совершить очевидное? — веско заметила Талара.
— Разумеется, нет, — кивнула Илиана. — В том числе и об этом мы говорили с Сирелиной. Как бы мне ни хотелось заверить тебя, что мной движут исключительно дружеские чувства, это все же не так. Вопрос гораздо более сложный, чем кажется иным горячим головам. Я много размышляла на эту тему и пришла к определенным выводам.
— Я слушаю, — лаконично произнесла принцесса.
Разговор у них вышел долгий.

Роль агента-убийцы Илиану отнюдь не прельщала. Между прочим, ничего удивительного в этом не было. Даже простой солдат, чтящий кодекс чести, без колебаний отдаст жизнь на поле брани, но никогда не возьмет в руки топор палача. Киньте клич — и целый полк добровольно пожертвует собой ради общей цели, бросившись в самое пекло. И этот же полк поднимет бунт, если кому-то из его состава приказать казнить заключенного. Ни один офицер не исполнит такой приказ, не отдаст его своим людям, и товарищи его поддержат. В случае с диверсионной деятельностью ситуация была схожей. Шпионаж, конечно, был обычным делом, но делом отнюдь не благородным. Убийц же не любили особенно, пусть даже они действовали на благо. Проникнуть в тыл врага, устроить лихой набег на его тылы и успешно вернуться к своим — это считалось блестящим проявлением доблести и отваги. Перерезать горло вражескому полководцу, пока тот спит, а то и вовсе подсыпать отравы выглядело поступком чрезвычайно низким, лишенным всякой чести и недостойным благородного человека. Илиана без колебаний разила врага в открытом бою, а черных колдунов вообще где угодно, но выступать в роли засланной убийцы ей не улыбалось. Кроме того, существовал серьезный риск погибнуть в одной из таких вылазок. Обычным шпионом, пусть даже очень искусным, наверняка согласились бы пожертвовать, что периодически и случалось. В случае с Рубистеллой таких желающих не находилось. Она представляла слишком большую ценность, и если ее собственные предпочтения звучали не слишком убедительным первым аргументом, то от второго уже не отмахивались. Поразмыслив, никто не собирался рисковать Рубистеллой ради каких-то одиночных фигур, пусть даже значимых. Потеря девушки стала бы катастрофически неравноценной. Другое дело — сам ад-Сейдин. Вот здесь, взвесив все за и против, в конечном счете нашлось бы немало сторонников отправить Илиану в логово врага. Если она остановит хана пусть даже ценой своей жизни, с экспансией будет покончено. Обезглавленная Красная саламандра убе-

рется восвояси и война прекратится сама собой. Понятное дело что на откровенное самоубийство девушку никто посылать бы не стал, но возможный риск посчитали бы вполне оправданным. Между тем, такой, казалось, простой и эффективный выход имел немало подводных камней, суливших крайне тяжелые последствия. Оставшись без ад-Сейдина, новая Империя тут же погрузится в хаос. Все сателлиты Великого хана, воспользовавшись образовавшимся вакуумом во власти, начнут тянуть одеяло на себя и немедленно перегрызутся. Поднимут голову силы сопротивления, выступающие за прежнюю независимость или свергнутых правителей. Даже в самих Железных землях начнется борьба за власть. Весь юг, от края до края, окажется брошен в пучину такой страшной гражданской войны, что о мире и процветании придется надолго забыть. Нынешняя стабильность пойдет прахом, и на руинах не успевшей родиться Империи еще долго будут пылать жаркие пожарища. Города, разрушенные до основания, миллионы людей, оставшихся без крова, рухнувшая экономика, неурожай и голод, несметное число погибших в неистовой и бессмысленной войне, грозящей затянуться на долгие годы, если не десятилетия — вот что последует за внезапным устранением ад-Сейдина. Это затронет даже Север. Он действительно освободится от легионов Красной саламандры, но лишится множества устоявшихся связей с соседями, торговых путей, товаров и связанной с ними промышленности. Катастрофа, разверзшаяся у его границ, станет постоянно давать себя знать отголосками в виде беженцев, смуты и эпидемий. Горы трупов и всеобщее обнищание неизменно породят множество болезней, в условиях неразберихи и безвластия быстро распространяемых повсеместно. Прекратив войну, Север дефакто останется в ее состоянии, вынужденный наглухо перекрыть все внешние границы со всеми вытекающими последствиями.

Некоторым, возможно, прогноз Илианы покажется слишком мрачным и далеким от действительности. Что хуже, они, чего доброго, согласятся на такое развитие событий, поскольку Север все же пострадает не слишком сильно, а южане уж пусть сами расплачиваются за свои амбиции. Илиана, однако, не возьмет на себя ответственность даже за часть описанных ей ужасов, а таковая однозначно последует, если общая картина все-таки не станет столь удручающей. Фигурально выражаясь, она не готова заплатить жизнями десяти миллионов за благополучие пятисот тысяч, а ведь на карту поставлены цифры совсем другого порядка. Избавить от беды одних, чтобы принести неисчислимые беды и страдания множеству других — это плохая идея, и Илиана категорически отказывается в ней участвовать. В итоге, как бы ни парадок-

сально это звучало, ради блага многих народов власть ад-Сейдина необходимо сохранить и одержать над ним верх никак не путем убийства.

Когда Илиана закончила, лицо Талары просветлело. На нем все еще лежала печать глубокой задумчивости, но она уже не носила тяжелый и болезненный характер.

— Теперь ты знаешь все, что я об этом думаю, — тихо прибавила Илиана. — К сожалению, я не могу сказать, что меня удерживает лишь наша дружба. Это было бы ложью. Со щемящим сердцем я думаю о том, что перестану быть для тебя лучшей подругой, но хочу остаться с тобой честной до конца.

— Вот именно твоя честность и доказывает, что мы по-прежнему лучшие подруги, — не без грусти улыбнулась, но все же улыбнулась Талара. — Пусть так остается и впредь.

У Илианы камень с души свалился. Сжав руку принцессы, она, одаривавшая людей волнами исцеляющей жизненной силы, сама почувствовала прилив покоя и уверенности.

— Считаешь, тебе удастся убедить в своей позиции всех остальных? А если к целесообразности такой операции придет верховное командование Освободительного союза? — спросила Талара уже без всякой задней мысли.

— О, на сей счет я уже предприняла необходимые шаги, — усмехнулась Илиана. — В своей точке зрения мне удалось убедить не только Сирелину, и теперь чародейки будут всячески противиться идее отправить меня в стан врага. Можешь считать меня воплощением коварства, но я ловко сыграла на их боязни остаться без источника могущества. Чародейки не готовы расстаться со мной ценой устранения твоего отца, даже если оно пройдет без описанных мной последствий. Ощутив новые возможности, они теперь ни за что не допустят авантюр с моим участием, если я сама буду против. Вероятно, именно поэтому Изабелла сегодня пыталась меня осадить, считая, что я захожу слишком далеко. Кстати, я теперь член верховного командования!

— Да ну?! — вытаращила глаза Талара.

— Угу. Меня поддержали все военачальники. Воздержались немногие, включая одну из сестер Альмирстала с Настоятельницей. Против не было никого. Честно говоря, я на это даже не рассчитывала и вела речь совсем о другом. Все вышло само собой, — сообщила Илиана, и коротко поведала подруге случившееся на общем собрании.

— Везет же некоторым! — завистливо протянула принцесса, узнав впечатляющие подробности. — Эх, как бы я хотела оказаться на твоем месте! Вести за собой воинов, воодушевлять их на битву…

Да где уж мне! Сижу тут сиднем, как дура, пока вокруг решаются судьбы мира.
— Кстати, об этом я тоже думала, — лукаво произнесла Илиана.
— Это о чем же? — живо осведомилась Талара.
— Вот об этом самом. У тебя есть отличная возможность если и не возглавить, то хотя бы вразумить множество воинов, — ответила подруга, посматривая с каким-то хитрым выражением.
— Против отца я не стану командовать даже ротой, если ты об этом! — тут же насупилась принцесса.
— Давай ты сначала меня выслушаешь, а затем уже будешь рассуждать, чтобы не бежать впереди лошади, — предложила Илиана.
— Валяй, — пожала плечами Талара.

Как и любая война, нынешняя тоже сопровождалась обоюдным взятием пленных. Ад-Сейдин, по слухам, находившим неизменное подтверждение, обращался с северянами очень достойно, а посему те, несмотря на личные антипатии к южанам, считали ниже своего достоинства не ответить тем же. Захваченных солдат Красной саламандры обычно содержали в специально построенных для этого вполне удобных бараках. В отдельных случаях создавались особые лагеря, находившиеся под охраной, но похожие на обычные поселения лесорубов и рудокопов. Южан хорошо кормили, и жаловаться на условия содержания им не приходилось. Раз в месяц, в особо оговоренные дни, стороны проводили обмен заранее указанным числом и составом пленных. Касалось это как простых солдат, так и офицеров, но наиболее важные направлялись в Данерхейм, где для них соорудили отдельный поселок. В северо-восточной части озера, у самого подножья горы, при помощи чародеек было возведено множество простых деревянных домов, окруженных внешней стеной с неизменными часовыми. Принятые меры безопасности исключали побег или массовое восстание, но в остальном все выглядело так, будто внутри поселка пребывают обычные люди. Они часами пролеживали на кроватях, сидели на крылечках, гурьбились подле кухни и вовсю коротали время за досужими развлечениями. Азартные игры были запрещены, но в целом пленников никто не ограничивал, предоставив им соответствующие условия, и когда на улице две команды бросали мяч, а по соседству их товарищи резались в шашки, это не возбранялось и не удивляло. Имелся в поселке и зал собраний, где представители северян порой делали какие-то объявления, а также проводились иные общие мероприятия. Южане могли использовать его по своему усмотрению и частенько устраивали там бойцовские поединки, однако в один прекрасный день он оказался закрыт. Вечером ожидалось какое-то собрание, извещение явиться на кото-

рое получили самые разные люди, от рядового до генерала. Очутившись все вместе, они гадали, чем вызван сбор столь разношерстной компании, не имевшей ничего общего ни по подразделениям, ни по статусу. Появление оратора прервало все вопросы. Рассевшись по скамьям, присутствующие умолкли и внимательно выслушали говорившего. Бэйл, а к трибуне вышел именно он, был краток. Он заявил, что здесь собрали самых разных воинов, как офицеров, так и рядовых, и они могут не пытаться найти между собой какую-то связь. Ее нет, за исключением одной — все они в совокупности являют полное разнообразие армии ад-Сейдина, представленной отдельными родами войск и их составом. Сделано это отнюдь не случайно. Тот, кто сейчас произнесет речь, хочет донести ее смысл сразу до всех слоев армии, равно как и услышать мнение всех ее представителей, каким бы это мнение ни было. Сказав так, Бэйл удалился, а его место у трибуны заняла какая-то девушка в походном костюме путешественницы.

— Это же принцесса Талара! — ошеломленно произнес вдруг один из сидевших в переднем ряду генералов.

По рядам присутствующих побежал нарастающий гул голосов.

— Прошу тишины! — подняла руку принцесса.

Дисциплинированные воины немедленно умолкли, но генерал, признавший дочь повелителя, не сумел удержаться от вопроса.

— Ваше высочество, вас что, похитили? — спросил он взволнованным голосом.

— Прежде чем я вам скажу то, что собираюсь, я начну с заявления! — громко отчеканила Талара. — Ни единое сказанное мной слово не будет обращено против отца! Вас никто не будет призывать поднять против него оружие! Никого из вас не станут приглашать переметнуться на сторону противника! Все услышанное вами будет носить исключительно информационный характер на пользу и благополучие нашего родного дома!

Присутствующие удивленно переглянулись.

— Я сейчас повторю, но продолжу лишь после того, как каждый из вас подтвердит, что он хорошо понял суть моего заявления. Хорошо понял, и прежде чем сгоряча и необдуманно высказаться, вспомнит об этом, — добавила принцесса и четко повторила вступительные фразы.

Затем по одному опросила всех собравшихся. Те, вставая, давали утвердительный ответ и вновь садились, невольно заинтригованные столь необычным развитием событий. Когда с этим было покончено, Талара, набрав побольше воздуху, обвела отцовских воинов взглядом и решительно заговорила, бросившись в водоворот своей речи без оглядки.

Сказать, что ее речь произвела огромное впечатление означало не сказать ровным счетом ничего. Лишь привычная военным дисциплина удерживала их от того, чтобы не прервать оратора, засыпав его множеством вопросов. По мере того, как принцесса говорила, наполняя зал своим уверенным звонким голосом, присутствующие менялись в лице, выражая самые разные эмоции. Начав с факта своего побега из дворца, Талара подробно обрисовала сопутствующие ему обстоятельства и тут же развила тему, изобличая черных колдунов Дегониса. Тщательно составленная и строго выстроенная речь не содержала ни единого обвинительного слова в адрес хана и его военачальников, однако выставляла деяния Манипуляторов в новом свете. Произноси эту речь кто-то иной, и слушатели вряд ли восприняли бы ее всерьез, хоть многие из них действительно недолюбливали колдунов. Однако исходила она от дочери повелителя, обладавшей авторитетом правящей династии, чье слово для людей чести было отнюдь не пустым звуком. Солдаты и офицеры, поначалу внимавшие Таларе с невольным любопытством, когда она описывала инцидент во дворце и собственные похождения, под конец вытаращили глаза, силясь осознать разоблачаемые ей преступления черных колдунов, уразуметь суть их конечного замысла. Принцесса, воодушевленная несомненным вниманием слушателей, исполнилась красноречия и не скупилась на подробности, виденные ей собственными глазами. Поначалу боявшаяся, что ее сочтут предательницей и собрание превратится в гневный хор голосов, обвиняющих ее в измене, она разошлась на полную катушку, непрерывно изобличая Дегониса и его гнусную компанию, втершуюся в доверие к ее отцу и злоумышлявшую против народов всего мира. Авторитет дочери ад-Сейдина, безусловно, сыграл свою роль, равно как и ее грамотно выстроенная речь. Они стали ключом к управлению ситуацией, являясь необходимым слагаемым для достижения успеха. Стоявшая в сторонке Илиана, включенная в состав свиты ее высочества, чутко прислушивалась к эмоциям находившихся в зале людей, незаметно направляя их должным образом. Она снижала уровень возмущения, в силу чего слушатели более лояльно относились к появлению Талары в стане врага и позволяли ей говорить, подстегивала их интерес к фактам, обращенным против черных колдунов, раздувала внимание к судьбе Империи, сосредотачивая мысли вокруг предательства Дегониса, коварно манипулировавшего властелином Железных земель. Только все это были мелочи, удерживавшие людей вместе и настраивающие их на нужный лад. Самое главное — Илиана создавала необходимый эффект гремевшей в зале речи. Решительно все собравшиеся ощущали, что принцесса

говорит правду. Правду от первого и до последнего слова! В одиночку Талара вряд ли сумела бы достучаться до аудитории, и скорее всего спровоцировала бы жуткий скандал. Кого-либо другого пленные воины хана и вовсе не стали бы слушать, даже Илиану. Конечно, она могла бы заставить пленников внимать своему рассказу, но результат оказался бы крайне недолговечен. Освободившись от ее контроля, воины немедленно отринули бы силой навязанные им мысли, и в конечном счете стало бы только хуже. Образовав тандем с Таларой, Илиана метко ударила прямо в цель. Полученный результат свидетельствовал, что расчет девушки полностью оправдался. Возможно, нашлись бы такие, кто обвинил Илиану в несусветном коварстве и использовании собственной подруги для достижения выгоды, но ведь разве речь Талары была лжива? Разве Илиана заставляла людей поверить в выдуманные истории, лишь бы внушить им угодную ей точку зрения? Все сказанное принцессой соответствовало истине, и Илиана помогала донести эту истину до многих умов, не более того. Судя по шквалу вопросов, засыпавших ханскую дочь, это ей вполне удалось. Солдаты и офицеры еще не до конца осознали весь масштаб злодеяний Дегониса, но начало было положено. Деятельность колдунов предстала перед ними в ином свете, а замысел Манипуляторов, использовавших ад-Сейдина в своих целях, вызывал бурю негодования. Появись кто сейчас из колдунов перед пленниками — и они, чего доброго, устроили бы ему настоящий трибунал, со всеми вытекающими. Илиана, кстати, подумывала предъявить им живого колдуна, но по зрелому размышлению отказалась от этой затеи. Специфика его допроса накладывала определенные условия и зрители могли заподозрить обман, что немедленно разрушит созданное впечатление.

Собрание затянулось до полуночи. Воинов, собственно, теперь волновало три главных вопроса, к которым так или иначе сходились все их помыслы. Что следует делать дальше? Какую цель ставила перед собой ее высочество, поделившись с ними столь ужасающими сведениями. Какую цель она ставит перед ними? Талара, заранее обговорив с Илианой все нюансы, не оставила собравшихся без ответа. Она ни в коем случае не призывает доблестных воинов обратиться против своего отца и сама никогда ничего подобного не сделает. Однако и сидеть сложа руки нельзя, когда хану грозит опасность от рук ядовитой змеи, опутавшей кольцами все государство. Освобожденные из плена, все присутствующие должны помнить что представляют собой колдуны, и чем большему числу товарищей они об этом расскажут, тем лучше. С них нельзя спускать глаз и надо ловить их за руку при малейших

признаках преступной деятельности, а таковую они осуществляют сплошь и рядом, стоит лишь хорошенько присмотреться и копнуть. Да, это может быть непросто и даже чревато, ведь в Империи колдуны находятся на совершенно легальном положении, а их вожак — доверенное лицо Великого хана. Но если оставить все как есть, кровопролитная война будет продолжаться, потому что Дегонису для мирового господства необходимо сокрушить чародеек. Достигнутые завоевания пойдут не во благо Империи, а строго в интересах черных колдунов, собирающихся установить новый мировой порядок. Порядок, где всем станут заправлять их Покровители, то есть самые настоящие демоны. Ибо именно за этим они помогают Великому хану подчинить себе как можно больше земель, и именно для этого им требуется устранить со своего пути все возможные препятствия, самое серьезное из которых — сестры Альмирстала. Устранить чужими руками, кровью и жизнями солдат Железных земель, верных подданных Империи. А после поработить их.

Расходились воины в чрезвычайном возбуждении, пообещав принцессе хорошенько подумать на досуге об услышанном. В последующие дни она еще несколько раз собирала аудиторию, и под конец поселок для военнопленных гудел как встревоженный улей. Люди передавали новость из уст в уста, обсуждали, спорили, сомневались, строили предположения и задумывались о будущем. К тому дню, когда ворота поселка отворились, подавляющее большинство солдат и офицеров было настроено должным образом. Ад-Сейдин, совершив очередной обмен пленными, даже не подозревал что он получил обратно. В армию, вернувшую себе захваченных неприятелем бойцов, проникли зерна сопротивления, немедленно начавшие давать обильные всходы.

Талара, наконец-то найдя себе достойное применение, с головой окунулась в новую работу. Предложенная Илианой идея пришлась ей по душе, и принцесса не жалела сил на новом поприще, отдаваясь ему без остатка. Разумеется, эта идея не возникла из воздуха, а ее воплощение требовало немалых усилий. Илиана тщательно разработала всю стратегию, прежде чем привлечь к ней подругу и начать практическую реализацию. Оборотни, массово направляемые в армию ад-Сейдина, будучи идеологически верными своему повелителю начнут активно подтачивать ее изнутри. Продолжая формально действовать во благо Империи, они станут смертельными врагами черных колдунов, и оставалось только ждать, когда посеянные идеи разрастутся и принесут плоды. В одиночку, разумеется, Илиана ни за что бы не справилась, и ей пришлось посвятить в свой план доверенных лиц. Исходи он от

кого-то другого — и здоровый скептицизм не пустил бы его дальше бумаги. Илиане имелись основания верить. Верить в то, что подобное ей действительно по плечу. Убежденная ей Сирелина обеспечила встречу с Советом чародеек, а тот, в свою очередь, предпринял необходимые шаги. В Данерхейме собирали наиболее важных военнопленных, не предполагавшихся к обмену, но после утверждения плана Илианы это правило было изменено. На ротационной основе в крепость стали доставлять и других южан для предстоящей идеологической обработки. Их распределение и фильтрацию сестры взяли на личный контроль. Тех, кто попадался при ликвидации диверсионных отрядов — отсеивали, как отсеивали любого, кто подозревался в симпатии Манипуляторам. Открыть человеку истинное лицо колдунов — одно, но если он уже и сам об этом прекрасно осведомлен — это совсем другое. Среди лояльных Дегонису солдат и офицеров, а таковые то и дело встречались, находились и откровенные соучастники, тем или иным способом перетянутые колдунами на свою сторону. О них в том числе предупреждала Талара, обращая с трибуны свою пламенную речь в сердца слушателей. Таких заблаговременно старались выявлять и изолировать. К тому моменту, как Илиана вошла в состав верховного командования, машина ее замысла была подготовлена до последнего винтика, а маховик запустила принцесса, де-факто возглавившая идеологическое сопротивление.

— А ты становишься очень расчетливой, — заметила как-то Сирелина, занимаясь подготовкой одобренного замысла; именно она ввела в оборот слово "оборотень", характеризуя обращенных военнопленных. — Задумать такое и хладнокровно осуществить — признаться, это меня даже пугает. Твое мышление выходит за привычные рамки. Ты начинаешь оперировать массами, строить сложные и долгосрочные логические конструкции с далеко идущими последствиями. Кое-что все чаще становится для тебя лишь инструментом для достижения цели.

— Это плохо? — спросила Илиана.

— Если речь идет об общем благе — нет. Вопрос лишь в том, что именно ты будешь считать общим благом, — ответила чародейка. — И на что будешь готова для этого пойти, — добавила она многозначительно.

Илиана долго размышляла, учла ли она в своем замысле Талару как равноправного партнера, или же сделала ее тем самым инструментом, необходимым исполнителем своей воли. Она честно рассказала подруге все, но ведь рассказала в последний момент, когда подготовительная работа была уже сделана. А если бы принцесса отказалась, что тогда? Да, она совершенно самостоятельно

одобрила предложение подруги и согласилась играть свою ключевую роль, но произошло бы тоже самое, если бы Илиана выстроила свою речь иначе? Если бы расчетливо не подбирала слова, не обходила подводные камни? Если бы одни чувства Талары с умыслом не остались незатронутыми, а другие наоборот — активно не привлекались? Илиана и впрямь ничего не утаила от подруги, но умение оперировать открытыми фактами для достижения своей цели, проливая свет на одни их стороны и оставляя в тени другие — по сути та же манипуляция. Илиана и сама не могла дать себе ответ на вопрос, воспользовалась она подругой или нет. Однако глядя, как Талара самоотверженно и с полной отдачей показывает себя на новом поприще, она мало-помалу успокоилась. Вокруг принцессы образовалась небольшая свита из офицеров разного ранга, отказавшихся возвращаться к своим и решивших помочь ее высочеству разоблачать врага, угнездившегося в самом сердце Империи. В конце концов, все это — на благо самих южан, раз уж они сами проявляют такую инициативу.

* * *

В воздухе привычно тянуло химией. Ее запах становился все более отчетливым, но до отравления парами было еще очень далеко. Небо на востоке затягивали густые тучи, прочно обосновавшиеся над жерлами вулканов. Последние теперь извергались непрерывно, но извергались довольно неторопливо, распространяя по склонам потоки вязкой тягучей лавы. У горизонта то и дело громыхало, и где-то там, в завесе дождевых облаков и пепла, проскальзывали хитросплетения молний. За последние месяцы эхо громких взрывов будило Пруса трижды, и трижды он выскакивал на улицу, обращая взволнованный взор к серым горам. Это взрывались вершины новых вулканов оживавшей вдали горной гряды. От его утлого домика их было не видать, но от этого вулканы не становились менее реальны, равно как и исходившая от них опасность. Впрочем, к такому развитию событий начал привыкать даже бывший геолог, а ныне самый обыкновенный фермер и самогонщик, ибо на четвертый раз он даже не потрудился встать с кровати. Перевернувшись на другой бок, Прус проворчал ругательство и накрыл голову подушкой, заглушая звуки разносившихся по округе раскатов. Разумеется, это отнюдь не означало, что он махнул рукой на происходящее и решил довериться судьбе. Обстановка медленно, но верно ухудшалась, и если каменные глыбы все еще падали поодаль от построек и пашен, то пепел все чаще присыпал чахлые посевы тонким налетом ничуть не желанных

осадков. Овраги у подножия хребта постепенно разрастались, протягивая свои изломанные щупальца на равнину, а воздух становился совсем уж неважным, особенно когда дул восточный ветер. Даже вода из колодцев попахивала, а небольшие озерца и вовсе источали подозрительные ароматы. Тем не менее, появилось во всей этой неприглядной картине и еще одно обстоятельство, повлиявшее на отношение Пруса. Как-то раз очередной камень свалился совсем близко от надела Жиля. Тот, обеспокоенный столь неприятным соседством, удосужился прогуляться к незваному гостю и изучить его. Он уже вовсю подумывал что зря не прислушивался к товарищу, и, возможно, им всем действительно стоит убраться подальше из этих мест, и прежде не лучившихся привлекательностью. При падении камень раскололся на несколько кусков, чьи наиболее мелкие фрагменты зловредно подворачивались под ноги пожилого мужчины. Едва не упав, Жиль, чертыхнувшись, мстительно пнул россыпь носком башмака. Камни со стуком разлетелись в стороны, и что-то среди них тускло блеснуло в лучах высоко стоявшего солнца. Блеск показался Жилю несколько необычным. Сам не зная зачем он это делает, пожилой земледелец согнулся в три погибели и принялся искать то, что привлекло его внимание. Его подслеповатые глаза видели довольно плохо, и он, проковырявшись несколько минут, уже собирался бросить свое нелепое занятие, если бы не удачно упавший солнечный луч. Что-то вновь блеснуло в чахлой траве совсем рядом, и Жиль, запомнив место, живо нащупал небольшой, но неожиданно тяжелый камешек невообразимой формы. Подняв его к самым глазам, фермер покрутил его то так, то эдак, и вдруг сообразил, что найденный им предмет ничего общего с камнем не имеет. С сильно забившимся сердцем, Жиль со всех ног бросился к соседу и запыхался так, что даже не смог толком говорить. Вместо слов он сунул ему в руки свою находку. Прусу, как геологу, хватило одного взгляда, чтобы тут же определить ее суть. Жиль нашел золотой самородок. Небольшой и с вкраплениями сторонней породы, но все же это было самое настоящее золото. Надо ли говорить, Жиль тут же и думать забыл о переезде, и все свободное время проводил на равнине между домом и горами, постепенно забираясь все дальше. Его первоначальный энтузиазм не иссяк, а вырос до неимоверных масштабов, когда в одну из своих вылазок он обнаружил еще один самородок, после чего золотая лихорадка захватила его окончательно. Прус не остался к находке безучастным. Если один раз еще представлялся ему какой-то невероятной случайностью, то отмахнуться от второго не позволяла элементарная логика. Она же, правда, была не в силах объяснить, откуда в прилетевшем камне

взялось золото, и геолог, сколько ни искал ответа в своих познаниях, так и не сумел его найти. Сперва больше из интереса Прус присоединился к Жилю в его поисках, и парочка совместными усилиями вскоре нашла еще два небольших куска драгоценного металла. Реальность перечеркивала все теоретические измышления, а перед взбудораженными приятелями неожиданно открылись совершенно новые перспективы. Теперь даже Прус резко пересмотрел свои взгляды на неприветливые горы, враз как-то ставшие намного привлекательнее. Подкопив достаточно золота, приятели смогут навсегда покинуть Диртленд и перебраться в какие-нибудь цветущие края, купить там дом и до конца своих дней наслаждаться жизнью. Ради такой перспективы стоило пойти и на куда больший риск, нежели всего-то оставаться в своих лачугах. Приятели, объединив усилия, постоянно рыскали по долине и при падении очередной глыбы тут же старались приметить место, сулившее новые барыши. От их семей, разумеется, не укрылось их странное занятие, от которого начинало страдать хозяйство. Приятели были вынуждены посвятить домашних в тайну, но поклялись, что лично отрежут им языки, если те вздумают проболтаться о находке случайным путникам. Родственники, смекнув куда ветер дует, поклялись молчать, загоревшись мечтами о лучшей жизни. По общему соглашению Прус и Жиль с утра до вечера рыскали по равнине, выискивая золото, а их родные взяли на себя все заботы о фермах. Тяжелый труд приходился им не очень-то по душе, но мысли о богатстве подстегивали энтузиазм и мирили с любыми невзгодами. По предложению Пруса упавшие глыбы дробили кувалдами, и его идея не прошла даром. Внутри расколотой породы приятели находили вкрапления золота, а один раз наткнулись на действительно приличный самородок, враз окрыливший их мечтания. Сожалея, что прежде не удосужились запомнить места падения всех предыдущих камней, Прус и Жиль резво шустрили по равнине, выискивая сулившие состояние объекты. Их усилия то и дело увенчивались успехом, количество драгоценного металла росло, и страсть к поискам не иссякала, неизменно подогреваемая новыми находками. До подлинного богатства приятелям оставалось еще далеко, но и уже найденное можно было обратить в неплохую сумму, а оба надеялись, что это только начало. Впрочем, совсем уж о просыпавшихся горах Прус не забывал.

— Что ты знаешь о супервулканах? — спросил он как-то своего соседа, когда они усердно дробили кувалдами найденную глыбу.

Серые горы давно уже непрерывно гудели, а земля мелко подрагивала, на что даже самогонщик, а ныне золотоискатель не обращал внимания. Просто на сей раз донесшийся раскат был особенно мо-

гуч, а над горизонтом показался столбом поднимавшийся пепел. Лишь огромное расстояние до эпицентра кряхтевшей, плюющейся магмой земли уберегали пограничные края Диртленда от последствий выбросов, постепенно становившихся все интенсивнее.
— Ровно ничего, — ответил Жиль, утирая с лица струившийся пот, проделывавший на запачканной коже светлые дорожки. — Полагаю, тот же вулкан, только побольше. Так?
Прус поставил кувалду и, опершись на нее обеими руками, окинул горную цепь прищуренным взглядом. Затем, объявив короткий перерыв, свернул самокрутку и вручил товарищу, после чего сделал вторую для себя. Глубоко затянувшись дешевым, но крепким табаком — хоть и вредном, но одним из немногих доступных в этом суровом краю удовольствии, — он прочел Жилю небольшую лекцию касательно природы упомянутого им образования. Внимательно выслушав приятеля, Жиль озабоченно хмыкнул, силясь уразуметь все величие описанной штуковины, великолепной и страшной, красивой и разрушительной одновременно.
— А этот твой супервулкан, как я понял, не просыпается на раз-два? — осведомился он, докуривая самодельную папиросу.
— Считается, что нет, — кивнул Прус. — Среди моих коллег бытует мнение, что этот процесс разгорается довольно долго, чему предшествуют сопутствующие явления. Впрочем, эти горы как раз для него подходят, учитывая предполагаемый возраст и активность. В обозримом пространстве характерной кальдеры нет, но никто до сих пор не знает о том, что находится за горизонтом.
— И если он взорвется, то уничтожит все живое на расстоянии… Сколько ты там говорил? — продолжил Жиль.
Прус, усмехнувшись, напомнил цифру, отметив, что она вполне себе приблизительная, и присовокупил, что реальные бедствия будут намного страшнее.
— Так вот что я тебе скажу, старина, — заявил Жиль, втаптывая в землю окурок. — Выбрось ты к чертям все эти мысли из головы! Если ты прав, эта штука все равно нас накроет, останься мы здесь или умотай в другой конец Диртленда. Ничего не изменится. Так что бери-ка кувалду да давай за работу! Если уж и помирать, так хоть богатыми!
Прус, приподняв бровь, поглядел на невозмутимого товарища. Затем неожиданно расхохотался, сраженный убийственной логикой простых житейских рассуждений. Подхватив свой тяжелый инструмент, он вскинул его на плечо, а потом, хорошенько размахнувшись, обрушил на каменную глыбу. Сопя, оба приятеля сосредоточенно колотили кувалдами, наполняя окрестности звонким стуком. Их интересовало только содержимое здоровенного камня, и

более не было никакого дела ни до серых гор, ни до клубившихся у горизонта пепельных туч.

– 11 –

Лишь своевременно принятая стратегия по охране воздушного пространства помогла сократить число жертв, которых в противном случае было бы несоизмеримо больше. Совет чародеек воспринял угрозу кронусов адекватно, но его чрезмерная осторожность в конечном счете сказалась не лучшим образом. Разведка, отправленная в конце осени к Ливьянским болотам, подтвердила худшие предположения о находившейся там крылатой армии. При помощи ведьм, поднаторевших в таких делах, колдуны взрастили несколько тысяч тварей, уверенно обосновавшихся на значительном пространстве. Кронусы не поднимались в небо, дожидаясь решающего удара, и копошились на островках и кочках среди топей и перелесков. Чтобы сэкономить на прокорме огромной оравы, Манипуляторы погружали взрослых и натасканных особей в колдовской анабиоз. В нем же они и находились под толстым слоем выпавшего снега, ибо будучи колдовскими тварями кронусы, опутанные заклинаниями, иначе переносили морозы, нежели обычные животные. Если бы сестры ударили сразу, как и предлагала Сирелина, крылатой армии пришел бы конец вместе с ее надсмотрщиками. Чародейки же выслали боевой отряд лишь после разведки, а та не прошла незамеченной со стороны и без того насторожившихся Манипуляторов. Позднее было невозможно установить, чем именно выдали себя разведчицы, но это стало очевидно, когда Ливьянские болота встретили сестер ожесточенным сопротивлением. Колдуны, убедившись в осведомленности противника, тут же приняли необходимые меры, и чародейки не успели своевременно пробиться сквозь выставленный заслон. Подле Ливьянских болот творилось нечто неописуемое. Несколько дней завывали чудовищные ураганы. Небо дочерна заволокло низкими тучами, ветер поднимал в воздух целые сугробы и неистово швырял их обратно на замерзшую землю. Видимость была не дальше пяти ярдов, трескучий мороз пронизывал до костей. Миллионы колючих льдинок со звоном обрушивались на все живое и неживое настоящим шквалом, а столбы взбесившейся стихии поднимались куда-то в заоблачную высь визжавшими кольцами. Нечего было и думать соваться в такую мясорубку, способную вывести из строя даже носорога. Ведьмы Ливьянских болот хорошо знали свое дело, и образовали такой мощный стихийный фронт, что пройти его было попросту невозможно. Чародейки, разумеется, решили про-

биться силой, и ответили тем же, пытаясь одним штормом разогнать другой. Казалось, само небо раскалывалось под напором сталкивавшихся вихрей. Стало так темно, что день ненамного отличался от ночи. Молнии — весьма нехарактерное для зимы явление, — громыхали в снежной мгле множественными вспышками, тут же тонувшими в неистовой белой каше. Манипуляторы задержали чародеек не только заклинаниями. Несколько полков Красной саламандры, срочно стянутые к Ливьянским болотам, создали им дополнительное препятствие. Чародейки удерживали их на расстоянии, но, вынужденные действовать на два фронта, распыляли усилия. В конце концов им удалось пробиться к цели, но все их старания пошли прахом. Болота опустели. Под шумок, пользуясь поднявшейся завесой, колдуны куда-то переместили всю крылатую армию. Где она с тех пор находилась — выяснить не удалось. Даже Илиана оказалась бессильна навести в этом вопросе ясность, но не потому, что не смогла как следует допросить захваченных в плен Манипуляторов, а просто те сами были без понятия. Дегонис, почуяв неладное, стал очень скрытным, и больше никто из исполнителей не знал сверх того, что ему полагалось для выполнения порученной задачи. Об армии кронусов не было ни слуху ни духу, и верховное командование не ведало где она находится. Тем не менее, угроза оставалась, о чем не уставали напоминать как Сирелина, так и Илиана, выдвигая одну инициативу за другой. Они упорно не находили должной поддержки, но им хотя бы удавалось развивать идею с горгульями. Их соединения прикрывали северян с воздуха, бдительно наблюдая за небом не только Данерхейма, но и многих опорных точек. Мало-помалу среди них стали появляться горгульи-воины, существенно превосходившие соплеменниц в боевых качествах и обладавшие расширенными возможностями. Чародейки, отзывая своих привычных помощниц, спустя время могли обрести новых. Все они привыкли к своим горгульям, и им было чрезвычайно жаль с ними расставаться, но в нынешнем положении становилось не до сантиментов. Благодаря влиянию Илианы, способности заклинательниц росли, и некоторые из них не только обзаводились новыми горгульями, но и делали это без отзыва старых. К сожалению, процесс перевызова занимал довольно длительный период, не позволявший чародейкам штамповать крылатых воинов непрерывно. Тем не менее, наращивание воздушной обороны успешно продвигалось, и если бы не эта предусмотрительная мера, ущерб от объявившихся кронусов был бы поистине чудовищен. Илиана, теперь уже как полноправный член верховного командования, в очередной раз собиралась предложить экспедицию для поиска летучей армии врага, как в штаб

одно за другим поступило несколько срочных донесений. Кронусы внезапно атаковали сразу три опорных пункта северян.

В первые минуты было трудно разобраться что именно произошло, и насколько значительный причинен ущерб. Несколько погодя, собрав больше сведений, верховное командование уяснило суть. Нападение совершили три крупных стаи кронусов, примерно по тысяче особей каждая. Пользуясь ночной темнотой, они смогли подобраться достаточно близко, прежде чем их обнаружили. К счастью, горгульи хорошо видели при слабом освещении, поэтому успели поднять тревогу и броситься на перехват. Увы, в одном случае этого не произошло, так как отразить воздушную атаку оказалось некому, ибо горгульи присутствовали далеко не везде. Кронусы безнаказанно швыряли снаряды на головы спящих жителей, пикировали с высоты и сталкивали со стен и башен стражу. Даже солдаты лишь группами могли дать отпор нахлынувшим звеньям крылатого врага. Полчища кронусов, полоща крыльями, облепляли одиночек, не оставляя им ни малейшего шанса. Городок немедленно охватили неистовые пожарища. Снаряды, бросаемые тварями с высоты, содержали Липкий огонь. Они были много меньше тех, что метали боевые машины Красной саламандры, но зато накрывали значительно большую площадь, охватывая весь город пылающими очагами. Находившихся поблизости чародеек было слишком мало, чтобы дать надлежащий отпор заполонившей небо ораве, быстро перемещавшейся из стороны в сторону и рассредоточивавшейся при появлении столбов света. Кроме того, свершив свое черное дело, кронусы довольно быстро убрались восвояси, оставив городок в лапах хищного пламени. К утру он практически сгорел дотла.

Ненамного лучше обстояло дело и в других местах. Второй город был крупнее, и чтобы сжечь его до основания кронусам пришлось бы хорошенько постараться, однако они к этому и не стремились. Их целью были склады с запасами провианта и боеприпасов. Горгульи, завидев приближавшегося врага, подняли тревогу и ринулись в бой, на лету разя крылатую нечисть. В воздухе завязалось нешуточное сражение. Горгулий было несравнимо меньше, но у них имелось серьезное преимущество в вооружении, силе и сообразительности. К сожалению, их усилий оказалось недостаточно, чтобы спасти намеченную кронусами цель. К тому моменту, как на помощь подоспели чародейки и лучники, враг осуществил бомбардировку и поспешно улетел прочь. Эффектнее всего проявили себя горгульи-воины, чье присутствие в рядах обороны сыграло решающую роль. Их толстая шкура была для кронусов непробиваема, а скорость и мощь вносили смятение в стан врага. Булава,

запущенная в стаю, разила мельтешивших тварей наповал и тут же возвращалась обратно, чтобы вновь отправиться на встречу с крылатой напастью. С яростным визгом кронусы кидались на могучего противника, рассчитывая задавить его своей массой, но ничего не могли с ним поделать. Это, однако, отвлекало горгулий, переключая усилия с общей обороны на локальные схватки. Они ожесточенно рубились, с упоением отдаваясь любимому занятию, но не могли сдержать всю ораву нападавших. Свет, разумеется, являлся для кронусов непреодолимым препятствием, но их было слишком много, чтобы запоздалые вспышки предотвратили быструю и массированную бомбардировку. Чародейки сумели защитить остальные объекты от вражеского налета, но склады были потеряны со всем содержимым. Снабжению северян был нанесен значительный урон. Сам по себе он мог бы показаться не столь критичным, если бы все три нападения не объединял один сценарий, преследующий вполне определенную конечную цель.

Третья атака состоялась на армию северян, готовившуюся встретить легионы ад-Сейдина на восточном рубеже. Теперь можно было с уверенностью заявить: если бы не горгульи, успевшие броситься на перехват, от нее не осталось бы и следа. Воздушная оборона, взмывшая в небо при первых же признаках опасности, яростно бросилась в бой, немедленно охвативший огромное пространство как наверху, так и внизу. Кронусы швыряли малые сферы Липкого огня прямиком на шатры и укрепления северян, вспыхивавшие гигантскими кострами. В первые же минуты их полки понесли большие потери. Лишь поднятая горгульями тревога помогла избежать всеобщей паники, грозившей охватить всю армию. Кронусам не удалось застать северян врасплох, иначе те сгорели бы прямо в своих шатрах, однако внезапность их появления все же сказалась сильнейшим образом. Позиции северян полыхали, охваченные свирепым пламенем, боевой порядок лагеря был практически уничтожен. Участки, подвергшиеся наиболее интенсивной бомбежке, превратились в пиршество огня, где уцелели весьма немногие. Больше повезло тем, кто оказался рядом с чародейками. Колдовские посохи, заряженные холодом, создавали островки безопасности, а заклинания света разили крылатого врага и отгоняли его прочь. В небо взмывали светящиеся сферы, распугивая шарахавшихся кронусов, а мощные вспышки накрывали целые звенья, выводя их из строя. Чародейки успели отреагировать на зов верных горгулий и принять контрмеры, иначе понесенный урон достиг бы невообразимых масштабов, да и они сами полегли бы вместе с северянами. Пока командиры наводили порядок среди подчиненных, подавляя разраставшуюся панику, сестры Аль-

мирстала оказывали уверенное сопротивление, не давая кронусам развить и без того значительный успех. Вокруг них сосредотачивались отряды лучников, отправлявших в небо залп за залпом. Своевременная тренировка позволяла вести обстрел, не боясь поразить собственных защитников. Получив условный сигнал, горгульи бросались врассыпную, покидая обозначенный сектор, тут же поражаемый тучей стрел. В целом, заблаговременная подготовка помогла избежать полного разгрома, грозившего обернуться немыслимым количеством жертв. Нанеся северянам большой урон в первые минуты схватки, кронусы постепенно стали нести потери сами. В иных обстоятельствах чародейки, действуя слаженно с горгульями и лучниками, сумели бы полностью уничтожить крылатую армию врага, если бы та продолжила наседать с прежним упорством. Увы, не дремала и армия наземная. Пользуясь плодами воздушного налета, она немедленно перешла в наступление, рассчитывая смять и уничтожить всех уцелевших в огненном вихре. Расстроенная подчистую оборона северян была не в состоянии сдержать натиск Красной саламандры, бросившей в атаку наиболее мобильные части. Их лагерь был фактически уничтожен, а жертвы и неразбериха исключали открытый бой. Бой, в котором враг теперь будет значительно превосходить в численности, маневренности и тактической подготовке. К счастью, в командовании северян нашлись люди, сумевшие трезво оценить положение. О том, чтобы удерживать пораженные позиции не было и речи. Спасая уцелевшие полки от окружения и окончательного разгрома, командиры приказали быстро отступать, сохраняя боевой порядок. Оставляя полыхавший лагерь, солдаты Освободительного союза оттягивались на север, преследуемые по пятам корпусами Красной саламандры. Бои завязывались прямо на ходу, когда передовые части ад-Сейдина догоняли отступавших, а те концентрировали полки, выставляя заслон. Прикрытию приходилось очень нелегко, и северяне продолжали нести потери, сдерживая наседавших воинов хана. Если бы у кронусов не закончились снаряды, исход сражения был бы весьма плачевен. Ограниченность боезапаса не позволяла порождениям темного колдовства сеять огненный вихрь непрерывно, и их ударная мощь тут же несоизмеримо сокращалась. Манипуляторы, не желая понапрасну терять ценные ресурсы, отозвали летучую нечисть, и теперь лишь отдельные звенья ненадолго появлялись над головами северян, осуществляя разведку. Впрочем, вскоре исчезли и они, успешно уничтожаемые горгульями. Последние, вкупе с чародейками, теперь полностью сосредоточились на наземной битве, отчего северяне отступали более организованно и с меньшими жертвами. Красной

саламандре не удалось окружить противника, но она продолжала настойчивое преследование, не давая ни часу передышки. Результаты этого не замедлили сказаться. Не имея возможности где-то закрепиться, серьезно пострадавшая армия северян была вынуждена отойти далеко на северо-запад, полностью оголив восточный фронт. Уничтоженные склады с припасами не позволяли быстро восстановить боеспособность региона, а сожженный дотла городок лишил отступавшие войска опорного пункта. Армия ад-Сейдина немедленно воспользовалась образовавшейся пустотой и полностью перехватила инициативу на восточном фронте. Лишь спасенные от разгрома полки не дали хану продвинуться еще дальше. В противном случае северяне потеряли бы не только обширные восточные области, но и очутились перед лицом неминуемого вторжения в правую часть Орнхольма.

Илиана немедленно выехала в расположение пострадавших частей, чтобы оказать помощь раненым. Таковых имелось в избытке. Сильные ожоги и увечья причиняли воинам неимоверные страдания. Знахари и чародейки купировали боль как могли, но были бессильны перед лицом столь серьезных повреждений. В обычных условиях многие из раненых были бы обречены и даже давно умерли, но они стойко держались, живя надеждой на целительницу. Снадобья, которые они принимали, не столько пытались им помочь, сколько оттягивали кончину, мобилизуя все ресурсы боровшегося со смертью тела. Расчет был на своевременное появление Илианы, и она не подвела ожидания. Всех, кто не успел скончаться до ее прибытия, девушка подняла на ноги, исцеляя даже самые страшные ожоги. Сильнодействующие средства, помогавшие умирающим цепляться за жизнь, оправдали свое применение, не продлив почем зря муки жертв, а позволив им протянуть до спасения. Войска, павшие было духом после тяжелого поражения и вызванного им глубокого отступления, тут же приободрились и возжаждали реванша. Присутствие Рубистеллы вселяло в солдат уверенность, и они ждали лишь приказа выступить на врага и отбить потерянные территории. Илиана, разумеется, прекрасно понимала, что в данный момент такой маневр совершенно невозможен. Даже с ее способностями полки северян не сумеют сокрушить легионы хана, занимавшие восточные области. Солдат Красной саламандры было слишком много, и даже если на первых порах атака северян достигнет успеха, их просто сомнут значительно превосходящие силы южан, окружив со всех сторон. Илиана не в состоянии охватывать своей волей весь фронт, и как бы храбро ни сражались ее воины, рано или поздно их всех перебьют, включая ее отряд. Силы девушки не бесконечны, и оставшись без

прикрытия она не сможет без конца обращать врагов друг против друга. Ее маленький отряд в море противника накроют массированным огнем, который не остановят все защитные меры. Нет, воевать таким образом — верный путь к гибели. В отличие от Хельбурга, прямое столкновение в данном случае совершенно бесперспективно. Другое дело — какая-то отдельная вылазка, не ставившая своей задачей непременное освобождение занятых ад-Сейдином территорий. И вот на сей счет у Илианы имелись некоторые соображения.

Кронусы не могли взяться ниоткуда. Более того, появившись один раз, они непременно появятся и в другой. Да, воздушная оборона уже оправдала себя, позволив избежать куда худшего развития событий. На основе полученного опыта были сделаны соответствующие выводы, повысившие эффективность горгулий и их поддержки с земли. Согласно сообщению Немезии, крылатые воины вскоре получат на вооружение нечто новенькое, и это, несомненно, воодушевляло. Вот только горгульям не по силам закрыть все небо Орнхольма, не говоря уже о всем Оборонительном союзе. Можно даже не сомневаться, что кронусы вскоре атакуют вновь, нанеся удар там, где их меньше всего ждут. Ад-Сейдин наверняка изготовил предостаточно малых сфер Липкого огня, чтобы эти твари, пополняя боезапас, отправлялись в налет за налетом. Их численность вполне этому способствовала. Стало быть, требуется немедленно ее сократить, пока положение не стало еще хуже. Экспедиция, активно предлагаемая Илианой и прежде, теперь, по ее мнению, становилась абсолютно необходимой. Вот только на поход уйдет какое-то время, за которое кронусы успеют атаковать еще не один раз. Следовало быстро что-то придумать, чтобы этого избежать. Отдохнув после исцеления раненых, Илиана заперлась со своим отрядом и они долго о чем-то совещались.

Ад-Сейдина разбудили громкие крики и лязг железа, сопровождавшиеся каким-то сердитым гулом. Схватив оружие, задремавший было Великий хан вышел из шатра, чтобы лично узнать что происходит. Соседний холм, объятый чудовищным пламенем, пылал так, что его отсвет ложился далеко окрест, озаряя палатки воинов и верхушки деревьев. Вблизи гулкого пожарища было светло как днем, а все что находилось на холме пожрал жадный огонь. Хан нахмурился и потребовал доложить ему что произошло. На горевшем холме располагались шатры почтовой службы, от которых теперь не осталось даже воспоминаний. Чудовищный пожар выглядел как-то слишком знакомо, и его удалось потушить лишь при помощи колдунов. Заклинатели стихий были не только в отряде Илианы. Имелись они и среди Манипуляторов, просто их

возможности, не развитые девушкой, не шли ни в какое сравнение с талантами Алдара и Ювиона. Тем не менее, их вполне хватило, чтобы унять свирепое пламя и разобраться в ситуации. Подозревавший неладное, мрачный как туча хан принял докладчиков в своем шатре. Он помрачнел еще больше, когда прочитал текст на предъявленном ему камне около фута в диаметре. Таких круглых камней, выточенных из легкой породы, обнаружилось несколько штук, привлекавших внимание свечением колдовского, как выяснилось, характера. Камни содержали послание, суть которого была более чем очевидной.

— Если еще хоть одна колдовская тварь сбросит Липкий огонь на земли северян, следующий шатер будет твой, Гийюр ад-Сейдин, — медленно прочитал вслух хан.

Инцидент замяли, объяснив ночной пожар неосторожным обращением с горючими веществами. Властелин Железных земель не желал, чтобы его воины нервничали, ожидая бомбардировки с воздуха, а в том, что это была именно она сомневаться не приходилось. Оставшись незамеченным, неведомый лазутчик сбросил большую сферу Липкого огня прямо на холм, раскидав вокруг него высеченное на камнях предупреждение. Вероятно, это была одна из сфер, потерянных при Хельбурге, и у противника наверняка имелись и другие. Колдуны озадаченно разводили руками, не понимая каким образом лазутчик сумел достигнуть ханской ставки. Горгулья без подпитки колдовской силой не могла забраться от Данерхейма так далеко, и даже если бы и долетела до холма, то на последнем издыхании. Атаку же произвели с недоступной высоты, раз абсолютно никто не заметил приближения врага, а ведь ханскую ставку на множество миль окружали войска, где несли службу бдительные часовые. К великому неудовольствию ад-Сейдина, внятного объяснения произошедшему он так и получил. Между тем факт свершившегося нападения был налицо. Более того, на этом фоне четкое послание, выдолбленное на камнях, выглядело отнюдь не пустой угрозой, адресованной властелину Железных земель. Впрочем нет, не угрозой — предупреждением. Ад-Сейдин терялся в догадках, почему враги сразу не напали на его шатер, хотя, судя по всему, могли это сделать и обещали, что непременно и сделают в следующий раз. Вот только все его предположения были крайне далеки от действительности, истинную подоплеку которой он себе даже не представлял.

Илиана с тревогой в сердце поджидала рыженькую послушницу. Выступивший с Рубистеллой полк, встав лагерем в условленном месте, отдыхал, выставив по периметру часовых и разослав дозорных. Лишь уловив приближение знакомого человека,

девушка почувствовала невероятное облегчение, ибо это приближение происходило не откуда-то, а сверху. Еще немного — и Флея прямо-таки упала в ее объятия, выпущенная державшей хозяйку горгульей. По сиявшему лицу юной чародейки Илиана тут же поняла, что миссия увенчалась успехом. Впрочем, об этом же говорил и бурный эмоциональный фон, чей всплеск Илиана ощутила одновременно с появлением послушницы на ее внутреннем сонаре. Вне себя от радости, Флея быстро рассказала подробности состоявшегося полета, самого по себе доставившего ей несравненное удовольствие. Колдуны с непривычки недооценивали возможности горгулий-воинов, а уж вмешательство Илианы и вовсе оказывалось для них темной лошадкой. В данном случае совмещение этих двух факторов и заводило Манипуляторов в тупик, не позволяя определить каким образом состоялся ночной налет на холм. Когда Илиана озвучила свою идею отряду, в добровольцах недостатка не было. Годились, правда, только послушницы, но все три, осознав суть предложения, рвались принять участие в уникальной вылазке. После бурных дебатов кого отправить в самое сердце позиций врага выбор пал на Флею. Илиана могла только просить. Прежде никто никогда такого не делал, и завершиться столь дерзкий замысел мог абсолютно чем угодно. Сирелина или Алеада с радостью отправились бы сами, не подвергая девушек риску, но их горгульи несли службу в воздушной обороне, а время призыва новых еще не наступило. Вдали от Данерхейма и, тем более, Альмирстала — центров сосредоточения насыщенного колдовства, — крылатые существа быстро выдыхались, подпитываясь лишь от своих хозяек. Однако пока звенья горгулий меняли друг друга, курсируя между крепостью, обителью и местами службы, помощниц юных чародеек из отряда Рубистеллы это не касалось. Как выяснилось, горгульи-воины обладали и еще одним весьма важным преимуществом. В отличие от простого подвида, они могли подолгу пребывать вне пронизанного колдовством пространства, лишь бы их хозяйки находились неподалеку. Связи между ними было вполне достаточно, чтобы горгулья-воин чувствовала себя уверенно, довольствуясь чарами призвавшей ее заклинательницы. Сирелина или Алеада при всем желании не заменяли горгульям послушниц столь необходимый им источник существования. К тому же девушки были легче взрослых женщин, а каждый фунт веса играл немалое значение. Скрепя сердце, обе чародейки согласились отпустить кого-нибудь из несносной троицы в рискованное путешествие. Алеада, несмотря на свою обязанность удерживать Сирелину и ее воспитанницу от опасных инициатив, не стала сообщать о грядущей вылазке Совету. Во всяком случае, сразу. Составив до-

несение будущим числом, она отправила его с задержкой, сделав отмену плана невозможным. Всем своим видом Алеада показывала, что идет на сей шаг крайне неохотно, признавая его оперативную необходимость. Когда три горгульи упорхнули в темнеющее небо, унося свою ношу к горизонту, она ворчала, что наверняка об этом пожалеет, как пожалеет и о затеянном Илианой походе. Последний, с ее точки зрения, как раз и являлся той самой опасной авантюрой, но как член верховного командования девушка имела право принимать решение на месте. Впрочем, Алеадой двигали не только эти оправдания собственному попустительству. Повоевав с той кого прозвали Рубистеллой бок о бок и насмотревшись на ее сверхъестественные способности, выходившие за рамки воображения, служительница Гексенхаммера относилась к воспитаннице Сирелины куда лояльнее, чем прежде.

Подхватив Флею, горгульи стремглав понесли ее к горизонту и быстро скрылись из виду. В головокружительную высь они поднялись когда стемнело, чтобы до поры привлекать как можно меньше внимания, скользя на границе полета стрелы. С собой девушка прихватила и зачарованные камни с высеченным на них посланием, адресованным хану. Перед отлетом Илиана накачала послушницу таким количеством энергии, что той казалось будто она в состоянии полететь сама, порхая в воздушном пространстве не хуже крылатых помощниц. Да, у Флеи теперь было три горгульи-воина, бдительно охранявших отряд, и они держали легкую прочную сетку, в которой разместилась хозяйка вместе с грузом. Это позволяло им развивать большую скорость, распределяя усилия. Поистине стремительным их полет делала дополнительная энергия, переполнявшая Флею в результате воздействия Илианы. Горгульи неслись с головокружительной скоростью не уставая, причем неслись на такой высоте, что у рыженькой девушки от восторга только дух захватывало. На всю операцию у нее ушло меньше двух суток. Вылетев условленным днем, ночью Флея достигла ставки ад-Сейдина. У нее была только одна попытка, ибо сфера, позаимствованная в Данерхейме, имелась в единственном экземпляре, но девушка была чародейкой. Небольшая практика перед вылетом помогла ей хорошенько наловчиться с попаданием в цель, и Липкий огонь полыхнул там, куда она его и сбросила, следуя наставлениям Илианы — на приметную цель неподалеку от шатра хана. Последний было легко узнать по ряду признаков даже ночью, ибо его освещал свет уличных факелов. Судя по воцарившемуся оживлению, бомбардировка не оставила южан равнодушными. Отправив следом камни с посланием, Флея, не снижаясь, тут же развернула небесную упряжку и улетела прочь, оставшись для врага не-

заметной и недосягаемой. На обратном пути ей пришлось сделать остановку, чтобы горгульи смогли передохнуть. Вернулась Флея под утро третьего дня, довольная удачно выполненной миссией и счастливая донельзя от ощущения незабываемого полета. Слушая восторженный пересказ девушки, все ей просто обзавидовались. Даже Сирелина, уже имевшая некий опыт при спуске на своей импровизированной летающей доске. С этого момента стало окончательно ясно, что чародейки могут быстро передвигаться по воздуху на значительные расстояния, пользуясь услугами группы из горгулей-воинов. Алеада немедленно отправила в Совет извещение, присовокупив его к ушедшему вчера посланию. Отправила прямо из леса, где остановился полк, благо что возможности почтовой службы давно такое позволяли. Вот крылатые разведчики были в новинку, и речь шла отнюдь не о горгульях, слишком приметных для врага. В небе, высматривая малейшую опасность, парили орлы, охватывая взором поистине колоссальные пространства. Эти гордые птицы с некоторых пор заступили на службу чародейкам. В стане противника никому и в голову не приходило, что реявший в недоступной выси пернатый красавец на самом деле примечает все изменения в его позициях и докладывает об этом кому следует. Если чародейки довольствовались ограниченным общением с воздушными разведчиками, то Илиана понимала их абсолютно. Ее полк, проходивший прямиком через захваченные земли, располагал оперативной картой местности. Бдительные орлы видели абсолютно все на десятки миль вокруг. Северяне, ловко маневрируя среди неприятеля, делали то, что в ином случае не удалось бы никому другому. Они беспрепятственно миновали области, кишевшие наступавшим захватчиком, оставаясь для него неуловимыми. Воинские соединения, небольшие группы, отдельные всадники и даже хорошо маскировавшиеся дозорные не оставались для орлов незамеченными. Их протяжный крик, одинаковый для любого человека кроме Илианы, разносился высоко в небе, извещая девушку обо всем, что происходило на земле. Порой они подлетали к ней и вплотную, усаживаясь рядышком, чтобы подробно рассказать о каких-то наиболее сложных случаях или сделать полный доклад о проделанных наблюдениях. Сирелина заносила все поступавшие сведения на подвижную карту, и в распоряжении полка имелся уникальный инструмент, позволявший планировать безопасный маршрут в режиме реального времени. Ведь в планы экспедиции не входило столкновение с обычным противником, каким бы оно ни было успешным. Полк Илианы интересовала только одна цель, и этой целью были кронусы. И направлялась эта экспедиция тоже не абы куда. Рыская наугад, полк

преуспел бы ничуть не больше, чем если бы вообще никуда не выступал. Кроме того, с разведкой прекрасно справились бы и орлы, но они-то как раз ничего и не находили, хотя старательно облетали огромные просторы. Дегонис, не будь дураком, каким-то образом укрыл всю крылатую армию, и требовалось догадаться каким. Он не мог расположить ее за тридевять земель, лишившись таким образом возможности оперативного вмешательства. Кронусы должны были находиться в одной ночи полета от логова до места назначения, чтобы наносить стремительные удары и успевать убраться восвояси. Исходя из означенных выводов, следовало найти на карте такое место, которое годилось бы для незаметного базирования множества колдовских тварей. Изучая объемный план местности, Илиана быстро наткнулась на подходящий объект и поделилась соображениями с остальными. Чародейки нашли предположения девушки состоятельными, особенно Алеада, лично бывавшая в тех краях. Эти предположения все больше обращались в уверенность, когда Илиана, по мере продвижения полка, опрашивала встречавшихся ей по пути сов. Никто бы из врагов и в жизни не поверил, что дикие ночные обитательницы леса запросто расскажут Рубистелле о своих наблюдениях. Да, они видели проносившуюся неподалеку стаю чудовищ и приметили, откуда она появилась, а также куда проследовала потом. Каждое новое сообщение все точнее корректировало путь передвижения крылатой нечисти, выводя на ее след. В конце концов, стало совершенно очевидно, что экспедиция следует в правильном направлении. Армия кронусов обосновалась в Гнейских пещерах, имевших немало выходов на поверхность как среди высоких каменистых холмов, так и прямо в лесной чаще, раскинувшейся от горизонта до горизонта. Людей эти пещеры не очень-то привлекали. Несмотря на свою протяженность, они были довольно узкими и неприспособленными для человеческой деятельности. Некоторые наиболее широкие ходы когда-то использовались рудокопами, рассчитывавшими обнаружить залежи полезных минералов. Их чаяния не оправдались, и кроме диких зверей разве что ведьмы порой заглядывали в зевы темных коридоров, из-за чего Алеада несколько раз и бывала в тех краях.

Даже имея точное преставление где обосновались кронусы, искать их можно было долго, поскольку протяженность Гнейских пещер велика, а точное количество и расположение входов и вовсе никто не знал. С помощью Илианы все оказалось гораздо проще. Орлы обнаружили хорошо укрытый в лощине лагерь врага. Усевшись подле девушки с сиреневыми глазами, большая красивая птица подробно поведала ей о своих наблюдениях. Воины с неко-

торых пор относились к подобным чудесам совершенно спокойно. Рубистелла превратилась для них во всемогущее чудо во плоти. Они повиновались без всякого принуждения и готовы были пойти за ней на край света. Вернувшиеся с разведки волки, невозмутимо миновав не менее невозмутимых часовых, будто такое явление было и для тех и для других абсолютно нормальным, подтвердили донесение орлов, а также сообщили уйму полезных деталей. Илиана быстро переводила добытые разведчиками сведения, а ее спутники, включая офицеров северян, внимательно ловили каждое слово.

В лощине находилось около полутора сотен человек, разместившихся в хорошо организованных землянках. Солдаты Красной саламандры несли дозор и караулили лагерь, ядро которого составляли ведьмы и колдуны. Небольшая численность солдат предполагала две вещи. Колдуны соблюдали скрытность, имея основания считать, что новая стратегическая точка противнику неизвестна и недоступна. Не было смысла охранять ее крупным воинским подразделением, привлекающим излишнее внимание. Любой тупица задался бы вопросом что воины хана делают в глухом лесу, где на многие мили вокруг нет ни единого поселения. Второй же вывод следовал из первого. Солдаты, скорее всего, заодно с Манипуляторами, принадлежа к избранным посвященным, как было в случае с некоторыми диверсионными отрядами и гарнизоном Ливьянских болот. Правда это особо ничего не меняло. Скорее, просто позволяло уяснить суть и относиться к врагу должным образом. Быстро обсудив план действий, северяне, разделившись на группы, рассредоточились вокруг лагеря. Выставленные часовые колдунов оказались бессильны против тандема диких животных и до зубов вооруженных северян, совместно действующих под руководством Илианы. Животные легко обнаружили всю охрану лагеря, а северяне, наведенные столь необычными помощниками, бесшумно вырезали все заставы. Никто даже и пикнуть не успел. Взяв лощину в кольцо, чтобы не допустить чьего-либо бегства, северяне появились как из-под земли. Даже без присутствия Илианы колдунам и ведьмам пришлось бы крайне туго. Целый полк, усиленный чародейками, представлял страшно опасного противника, а его неожиданная атака и вовсе сводила шансы адептов злого колдовства к минимуму. С ней же полторы сотни человек в ограниченном пространстве были фактически обречены. Воинов, воодушевленных присутствием Рубистеллы, приходилось скорее сдерживать, чем подгонять. Они бесстрашно бросались на врага, невзирая ни на какие препятствия, в ином случае способные внушить страх и смутить сердца. Они знали, что Рубистелла скует

злодеев непреодолимой волей, а своих верных воинов вытащит даже с того света, исцелив любые раны. Отвага, наполнявшая северян, граничила с тем состоянием, которое испытывали легендарные берсерки, становившиеся на поле боя практически непобедимыми. Вели им девушка прыгнуть в огонь — и они сделали бы это без колебаний.

У Манипуляторов и ведьм не было никакой возможности не только отбиться, но и просто сбежать. Кому-то из них под шумок удалось укрыться в пещерах, но и там их нашел сонар Илианы, для которого никакие физические препятствия не имели значения. Нашел тех, кого не догнали волки, усиленные чародейками на сопротивление темному колдовству. Не ушел никто. Выскакивая из землянок наружу, враги немедленно попадали в непреодолимую хватку девушки. Два колдуна в черном, чья скверна оказала традиционное сопротивление, также были бессильны, лишившись возможности творить заклинания. Один, к сожалению, был убит. К сожалению — не потому, что кому-то всерьез стало жаль этого человека, пошедшего по пути служения демонам. Колдун в черном представлял наиболее ценного пленника, способного поведать важные сведения. Обезвреженный, он погружался чародейками в глубокий сон, откуда его выводила Илиана. В означенном случае ей не надо было осуществлять над пленником абсолютный контроль. Она создавала ему привычную иллюзию, отлично обходившую влияние скверны. Колдун, видя перед собой Дегониса, традиционно выкладывал все что знал, даже не подозревая, что он, высший Манипулятор, сам стал жертвой несравнимо более могущественного манипулирования. Успешно повязав второго черного колдуна, северяне быстро сладили с остальными заклинателями, с кем церемонились куда меньше. Больше всего возни было с теми, кто отбивался в землянках или иных укрытиях, куда не доставал прямой взор Илианы. Без помощи чародеек, северяне даже при нынешнем преимуществе понесли бы потери, причем потери весьма ощутимые. Две сестры Гексенхаммера, ибо Сирелина условно считалась одной из них как минимум по возможностям, устроили упорно оборонявшимся веселую жизнь. Послушницы и заклинатели стихий также внесли свою весомую лепту. Засевших в глухой обороне выкуривали на свет нестерпимым жаром и вихрем заклинаний, вынуждая вылезать прямиком в хватку Илианы. Горячий воздух опалял кожу, гулял по стенам крошечными завитками пламени, грозя превратить убежище в крематорий, свет слепил глаза. Электрические разряды змеями ползли по полу, сухо потрескивая вздымавшимися дугами. Контрзаклинания не помогали, не в силах совладать с напором атакующих. Внутри замкнутого про-

странства порой образовывался завывающий вихрь, хвативший в свои объятия все подряд, от мелких предметов до самих людей. Иные землянки превращались в полярный морозильник. Заиндевев от чудовищного холода, укрывшиеся внутри люди едва шевелились, утратив всякую способность к сопротивлению. Алдар с Ювионом, приложив руки к дымоходам, нагнетали свое колдовство, быстро охватывавшее сокрытое в земле помещение. Послушницы не отставали, всаживая в двери, окна и вентиляцию разряд за разрядом и порождая вихрь за вихрем. Лязг оружия, яркие вспышки, гул накладываемых чар, вступавших в ожесточенное противоборство, всполохи стихий и скачки температуры ненадолго погрузили центр тихой лощины в невиданное ей прежде действо. Враги, сраженные шквалом ударов и колдовства, падали как подкошенные. Немногим повезло угодить в плен, причем везение это было довольно-таки условное, учитывая характер захваченных ведьм и Манипуляторов. Солдат Красной саламандры перебили почти всех. Северяне не потеряли в этом скоротечном бою ни одного человека, а пострадавших быстро вылечила Илиана, устранив все ранения и последствия злых чар. Пленников, обезвреженных девушкой и чародейками, собрали под одним навесом, приставив к ним охрану из воинов и волков. При виде последних у врагов душа в пятки уходила. Округлив глаза, они в страхе наблюдали, как громадные дикие звери как ни в чем не бывало стоят рядом с северянами и свирепо скалят зубы. Кое-кто из ведьм и сам недурно обращался с лесными животными, а Манипуляторы, используя их навыки, пускали в ход целые стаи, зараженные то колдовским бешенством, то еще какой-нибудь напастью. Тем не менее, сами будучи заклинателями, они лучше других умели чувствовать разницу. Здесь и сейчас наблюдалось нечто совсем иное. Некое абсолютное повиновение на уровне одной лишь силы мысли, способной диктовать свою волю. Волю, которая только что неумолимо лишала дееспособности их самих без всяких видимых на то предпосылок, заставляя беспрекословно повиноваться. Вероятно, она же управляла и зверьми. Пленники уже слыхали кое-что про Штельскую ведьму, и теперь, столкнувшись с ней воочию, испытывали суеверный ужас.

Допрос отложили на потом. До наступления ночи следовало определить точное местонахождение кронусов, пока те не стали на крыло, чего никак не могли сделать при свете дня. Илиана, внимательно изучив пленников, выбрала одну из ведьм и велела подойти. Ни воины, ни волки не шелохнулись, когда указанная женщина, вне себя от страха, встала и приблизилась к девушке. Она отлично сознавала что происходит, и смотрела как ступают

собственные ноги, движимые чужой волей, как они останавливаются, не доходя четырех шагов. Илиана посмотрела ведьме прямо в глаза, и та почувствовала, как в самые глубины ее подсознания проникает некая непреодолимая сила. Девушка стала задавать вопросы и ведьма отвечала, хотела она того или нет. Отвечала сколько в пещерах кронусов, где они находятся, какие поблизости имеются входы-выходы, а так же все остальное, что допрашивающая желала знать. Ведьма и рада была бы умолкнуть или солгать, но нечто непреодолимое заставляло ее отвечать только правду. Отвечать без утайки, не юля и не уклоняясь. Сейчас ведьма рассказала бы что угодно, покаялась в таких грехах, в которых она не признавалась бы даже себе самой.

Закончив расспросы, Илиана отправила ведьму на место и вызвала вторую, имевшую несколько иной эмоциональный фон. Та, в целом, подтвердила слова предшественницы, дополнив их некоторыми полезными сведениями. Сирелина тут же наносила все услышанное на созданную ей карту, и вскоре северяне обладали вполне приличной схемой лощины и прилегающих окрестностей с отметками важных элементов Гнельских пещер. Илиана опрашивала ведьм прямо в лоб с умыслом. Помимо прочего, она хотела убедиться, что их уста не сковывает какое-нибудь заклятье вроде лежавшего на Манипуляторах. Захваченные ведьмы были разного возраста, от древних, сморщенных старух, злобно сверкавших угольками глубоко посаженных глаз, до совсем молодой. Вероятно, чьей-то ученицы. Илиана почувствовала некоторую жалость к этой особе, которой еще не было и двадцати пяти. В отличие от остальных, она испытывала лишь чистый страх, боясь грядущей судьбы, и не было в нем ни примеси ненависти, ни желания убивать. Она боялась северян, боялась волков, ощущала паническый ужас, когда кто-нибудь обращал на нее внимание, и съеживалась в комок под взглядом Рубистеллы. О, да, теперь все пленники начинали понимать, отчего северяне прозвали эту девушку таким образом и насколько правдивы были ходившие про нее слухи.

— Подойди! — велела, немного поразмыслив, Илиана.

Молодая ведьма с каким-то невольным удивлением окинула собственные руки и ноги. Они повиновались ей по-прежнему. Чужая воля ушла, покинув тело и разум. Поднявшись, ведьма приблизилась к девушке, слегка пошатываясь. Илиана, разумеется, бдительно следила за каждым ее движением, готовясь в любой момент перехватить контроль, но теперь ведьма обладала полной свободой.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась Илиана.

— Уна, — нетвердым голосом отозвалась ведьма побелевшими губами.
На откинутый капюшон зеленой, под цвет лесной чащи, робы падали сбившиеся каштановые волосы. На бледном овале вполне миловидного лица, не отмеченного печатью пороков, припухли от подступавших слез изумрудные глаза. Пожалуй, эта ведьма могла бы околдовывать воинов и без всяких заклинаний.
— Вот что, Уна. Я предлагаю тебе помочь нам добровольно. Побыть проводником и показать где что находится. Так мы управимся гораздо быстрее. Взамен я обещаю, что тебя пощадят. Сестры Гексенхаммера порой накладывают не самые суровые наказания. Что скажешь? — неторопливо произнесла Илиана, продолжая изучать пленницу.
Та дрожала от испуга, но в ее душе ощутимо загорелся огонек надежды. Не коварства, порожденного расчетом выпутаться из жуткой передряги, а искреннего желания избавиться от этого кошмара. Илиана уже знала ответ еще до того, как он прозвучал.
— Только имей в виду, Уна! Я в любой момент могу передумать, если пойму, что ты задумала меня обмануть. Любую худую мысль я распознаю моментально. И не пытайся бежать. Я даже не глядя сумею остановить тебя на расстоянии мили, — прибавила Илиана, напомнив о себе мимолетным веянием в сознании пленницы.
Насчет расстояния Илиана, разумеется, приврала, но перепуганная ведьма принимала все за чистую монету и истово поклялась, что и шагу не ступит без разрешения, а также сделает все, что от нее потребуется.
— Что ж, тогда веди. У нас много работы, — заключила Илиана.
— Ты же не собираешься ее отпустить? — хмуро проворчала Алеада, когда отряд направился к ближайшему входу в пещеру.
— Нет. Но и свое обещание я сдержу, — ответила девушка.
— Участь ведьм решают сестры Гексенхаммера, — напомнила темноволосая чародейка, опираясь на свой белоснежный посох.
— Мне это прекрасно известно. Именно поэтому я и дала обещание, зная, что они порой обходятся и без излишне суровых мер, — спокойно отозвалась Илиана. — Кстати, мне никто так и не рассказал чего такое когда-то натворила Жозефина. Та, которую я встретила в Ардо, а после видела еще несколько раз. Кажется, она возглавила группу ведьм, поддержавших Оборонительный союз.
— Это совсем другое дело, — фыркнула Алеада. — У сестер имелись основания проявить снисхождение, а об этой девчонке ты ничего не знаешь, чтобы заявлять такие вещи.
— Это не так. Исходящий от нее фон не столь порочен, как у остальных. В нем нет злобы, нет желания мстить и убивать. Да, она

принимала участие в дурных делах, творила черное колдовство, раз оказалась здесь, но у меня есть основания считать, что ее сердце еще не полностью обратилось к злу, — заметила Илиана. — Кроме того, добровольный помощник куда полезнее моих марионеток. Я отнюдь не всесильна, хоть и кажусь таковой все большему числу людей. Позже я расспрошу ее обо всем, и ты прекрасно знаешь, что от меня невозможно что-либо утаить. Полагаю, она не успела натворить слишком много и перейти черту, откуда возврата уже не бывает. Скоро узнаем, права я или нет.
— Смотри не ошибись, — покачала головой Алеада. — Я не могу тебе запретить, но если эта девица выкинет какой-нибудь номер, отвечать будешь ты.
— Когда я последний раз ошибалась? — невозмутимо произнесла Илиана.
Алеада промолчала. У нее иногда язык чесался осадить эту юную особу несмотря на все ее влияние и могущество, но она каждый раз удерживалась, отдавая должное уму девушки. Уму и какой-то… жизненной мудрости, позволявшей ей предвидеть очень многое, чего она знать попросту не могла. Сестра Гексенхаммера была вдвое старше Сирелины и разменяла третью сотню лет, но ее преследовало ощущение, что Илиана гораздо взрослее нее, хоть и выглядит молодой, а уж ведет себя иногда ну чисто по-ребячьи. Последнее, впрочем, случалось все реже, и обычно в компании троицы и без того озорных послушниц, с кем она разделяла игры и шалости. Если бы не то удивительное чувство полного контроля, которое воспитанница Сирелины привносила вместе с развитием колдовских талантов, Алеада была бы уверена, что эта веселая компания однажды спалит всю обитель в придачу с Данерхеймом или устроит еще какое-нибудь глобальное бедствие. Приходилось, однако, признавать, что Илиана свое дело знает хорошо, в чем Алеада неоднократно убеждалась на собственном опыте. Исключая редкие случаи вроде нынешней экспедиции, в отряде на ротационной основе присутствовали и другие чародейки. Илиана постепенно развивала таланты направляемых к ней сестер прямо в походе, поскольку часто находилась в разъездах. Сирелина же с Алеадой почти постоянно были рядом, и им перепадало больше других, как и троице послушниц, быстро осваивавших прежде недоступные высоты. Ладно уж, пусть эта Рубистелла делает, что хочет. Обожжется с ведьмой — будет ей хорошим уроком. Правда Алеада отчего-то уже знала, что не обожжется.

При содействии Уны, помогавшей без всякого принуждения, северяне и впрямь управились куда быстрее. Оцепив целевую зону, они перекрыли часть выходов где завалом, а где прочной се-

тью. Некоторые, включая главный тоннель, оставили нарочито свободными, но так казалось лишь на первый взгляд. Световые барьеры, поставленные чародейками, комбинировались с клетками Изгары и начерченными на полу рунами. Уна старательно показывала где что находится, давая соответствующие комментарии. Она запнулась только один раз, когда северяне наткнулись на ледник с множеством человеческих тел. Кронусы питались отнюдь не цветочным нектаром и, выведенные из состояния анабиоза, требовали соответствующей кормежки. Ловя на себе взгляды северян, Уна была готова провалиться сквозь землю.
— Их привозили уже в таком виде, — пролепетала она. — Откуда-то издалека. Это особые обозы, сопровождаемые колдунами. Здесь в лесу есть тропа, по которой они приезжали и уезжали. Я тут ни при чем, клянусь!
— Она говорит правду, — сообщила Илиана.
Ведьма с облегчением ощутила, как гневные взгляды погасли. Они, разумеется, по-прежнему отнюдь не лучились доброжелательностью, но в них хотя бы исчез отблеск костра.
— Ты знаешь что-нибудь еще об этих несчастных? — спросила Илиана, кивнув на сваленные в холоде трупы. — Не в лесу же их нашли, и кто-то все это организовал.
— Это знает тот колдун, в черном, — быстро сообщила Уна. — Он тут самый главный и всем распоряжался. Его имя мне неизвестно. Мы его называли просто господин Распорядитель.
— Видимо, у Дегониса это словечко в ходу, — холодно усмехнулась Илиана.
— А? — не поняла ведьма, зато Илиана тут же догадалась, что о верховном колдуне ей неизвестно.
Что ж, еще одно очко в пользу этой заблудшей овечки.

Овечка сделала совсем круглые глаза от сцены, последовавшей когда из темноты очередного прохода к Илиане вдруг выпорхнула крупная летучая мышь. Спутникам стало понятно, зачем девушка велела приглушить свет. Усевшись ей на плечо, мышь разразилась попискиванием, в котором даже воины улавливали сердитые нотки. Илиана при этом не произносила ни звука, зато потом, когда мышь улетела обратно во мрак, передала содержание состоявшегося разговора. В этой части Гнейских пещер обитала колония рукокрылых. Появление кронусов их ничуть не обрадовало, но поделать с ними они ничего не могли. Узнав, что пришельцы собираются истребить всю крылатую нечисть, мышь пришла в восторг и сообщила все свои наблюдения касательно гнусных тварей, а также обещала помощь сородичей. Искренне удивленная Илиана поинтересовалась, чем же те могут посодействовать.

Мышь ответила, что кронусы не выносят испускаемого ими ультразвука. Они дезориентируются в пространстве, и колония сумела бы выгнать незваных и к тому же хищных гостей прочь, но этому мешали люди. Летучие мыши переселились в менее удобную часть пещеры и с удовольствием вернут себе прежние владения. Пришедшие сейчас люди перекрыли внешние выходы, но сеть пещер тянется далеко под землей и имеет немало коридоров, часть из которых ведет на поверхность. Мыши сами пользуются этими колодцами, и многие кронусы запросто могут ускользнуть. Когда начнется атака, колония заблокирует оккупантам все пути к отступлению таким писком, что через него не пробьется ни одна тварь. Остальное — за людьми. Илиана, обрадовавшись столь неожиданно полезным сведениям, пообещала истребить всех кронусов до последнего, и воодушевленная мышь полетела предупредить колонию.

— Как это вообще возможно? — осмелилась спросить потрясенная ведьма, подразумевая общение с обитательницей пещер. — Я думала, что ты чародейка, просто очень могущественная, но ни одна чародейка на такое не способна.

— Наша Рубистелла и не такое может, — усмехнулся кто-то из сопровождавших Илиану воинов.

Уна тихо охнула, начиная верить, что слухи о той, кого так называли, ничуть не преувеличены.

Когда все было готово, оставалось дождаться ночи. Та уже близилась, и в наступивших сумерках чародейки готовились нанести решающий удар. Сестры Гексенхаммера хорошо знали свое дело, а дополнительная помощь делала их возможности более эффективными. Кронусы не летали при свете дня, и кому-то другому показалось бы логичным напасть на них засветло. У чародеек имелся свой расчет. В темной пещере колдовская нечисть сохраняла подвижность, поэтому время суток там было без разницы. Если днем придется возиться с ней по всем коридорам и гротам, то ночью атакованные кронусы устремятся наружу и попадут прямиком в расставленные ловушки. Когда окончательно стемнело, заклинательницы ждали лишь сигнала от Илианы. Их лица озарял отблеск самых обычных тихо шипевших факелов, расставленных по периметру. Девушка в свою очередь поджидала летучую мышь. Последняя, появившись, сообщила, что колония готова и перекрыла все внутренние тоннели. Кивнув, Илиана отправила мышь обратно, предупредив, что до нападения осталось пять минут. Когда означенный срок истек, она подала условный знак. В небо устремилась зажженная стрела, пущенная одним из лучников. Завидев взмывший в темноту огонь, две послушницы тут же

сотворили несколько осветительных сфер. По мановению их рук сферы шустро нырнули в узкий проход, а девушки стали выпускать их одну за другой, заливая все вокруг невыносимым для кронусов сиянием. Они сосредоточились только на этом, в то время как третья послушница поддерживала клетки Изгары. Колодец, который молодые чародейки заполонили множеством ярко светившихся шаров, был выбран не случайно. Среди прочих завалённых проходов его намеренно оставили свободным ввиду подходящего расположения. Сферы послушниц зайдут кронусам с тыла и своим нестерпимым светом спровоцируют их на массовый вылет из пещеры, а выходы останутся только там, где тварей уже поджидали сестры Гексенхаммера.

Так оно и вышло. Не прошло и минуты, как из пещеры послышался громкий визг и шум множества хлопающих крыльев. Главный тоннель, через который кронусы обычно вылетали наружу, вдруг наполнился выпорхнувшими из глубины существами. Ринувшись подальше от слепящего света, они на полном ходу врезались в клетку Изгары, являвшуюся для них непреодолимой преградой. На несколько секунд у колдовского барьера образовалась невероятная сумятица из сотен копошившихся кронусов. И тут в дело вступили Сирелина с Алеадой. Наставив посохи на жерло пещеры, они выпустили два мощных столба света. Беспрепятственно пройдя сквозь энергетический барьер, они ударили прямо в порождения темного колдовства. Уже сами по себе столбы наносили кронусам сильнейший урон, но рунические знаки, заранее нанесенные на пол пещеры, кратно увеличили эффект. Зачарованное пространство до последнего атома наполнилось ослепительным излучением, превратившись для крылатой нечисти в зону смерти.

Чародейки не считали сколько тварей оказалось уничтожено буквально первым залпом, но вслед за ним они быстро дали второй, добивая уцелевших в задних рядах. Разумеется, всю стаю они прикончить не смогли, так как та банально не поместилась в зону поражения. Не пострадавшие кронусы тут же подались обратно в пещеру в поисках другого выхода. Такой вскоре сыскался среди череды завалов, и твари, натыкаясь друг на друга, гурьбой устремились на волю, подальше от подступавшего света. На сей раз клетка Изгары им не препятствовала. Стараясь побыстрее очутиться снаружи, кронусы набирали скорость, остервенело работая крыльями, и в мгновение ока вылетали под ночное небо. Там их поджидали воины с обнаженными мечами. Рубить разлетавшихся тварей было бы той еще задачей, если бы те не валились снопами на землю, вереща как ошпаренные. От тел, елозивших у ног северян, валил дым. Несясь к выходу, кронусы на всех парах попадали

в три световых щита, выставленных один за другим. Их шкуры, проходя через жгучий барьер, немедленно покрывались огненными язвами, быстро разраставшимися в диаметре. Затормозить твари уже не могли, и угодив в первый щит не избегали и остальных. Из пещеры они вылетали уже по инерции, наподобие выпущенного баллистой снаряда, ибо полученные повреждения не позволяли им удерживаться в воздухе. Вылетали прямиком к вооруженным северянам, немедленно начавшим крошить их в капусту. Чародейки расставили такую ловушку с определенным расчетом. Три световых щита распределяли между собой поражающую способность, достаточную чтобы вывести кронуса из строя. Расстояние между ними исключало спасительный маневр поздно спохватывавшейся нечисти, а умеренная интенсивность не выдавала себя свечением. Гурьбой проносясь сквозь обжигающие барьеры, озарявшиеся белыми сполохами, кронусы утрачивали летучесть и становились совершенно беспомощными перед лицом солдат. Обычно недосягаемые для клинков, злобные существа теперь массово издыхали под их сокрушительными ударами. Плотность потока кронусов не дала им вовремя остановить движение. Стая основательно поредела, прежде чем сообразила что происходит и кинулась искать другой выход. После первых двух, оказавшихся смертельной западней, метавшиеся кронусы решили удрать подальше в глубины пещеры и попытать счастья там, но неожиданно наткнулись на заслоны из летучих мышей. Те подняли такой писк, что твари потеряли координацию в пространстве, будто разом ослепли и оглохли. Они в панике шарахались туда-сюда, натыкаясь на все подряд, и ни о каком осознанном отступлении не могло быть и речи. Попавшая под воздействие ультразвука нечисть просто не понимала куда ей двигаться, сбиваясь в беспорядочную кучу-малу. Стараясь избежать поражения писком, кронусы выскакивали обратно навстречу подступавшему свету, ища хоть какой-нибудь безопасный выход из пещеры. Таковой вроде бы даже сыскался. Несколько тварей благополучно порскнули через вертикальный колодец, протянувшийся из большого грота. Остальные, визжа и толкаясь, последовали их наглядному примеру. Грот быстро наполнился уцелевшей частью стаи, собиравшейся беспрепятственно покинуть подземелье. Не тут-то было! Отворенный колодец, внешне совершенно свободный, был третьей ловушкой. Первые кронусы стали своеобразной приманкой, но когда твари подступили потоком, лаз перекрыла активированная клетка Изгары. Точно такой же энергетический барьер наглухо заблокировал грот и с обратной стороны. На каменном полу проступили рунические письмена. Запущенная цепная реакция пробудила на-

ложенные чары, действовавшие сродни ловушке с часовым механизмом. Под запертыми в гроте кронусами разгоралось, наливалось свечением могучее заклятье, сотворенное обеими сестрами Гексенхаммера. Последовавшая вспышка была настолько мощной, что из вертикального колодца в темное небо вырвался столб белого света. Порождений темного колдовства испепелило на месте. Недолго радовались и твари успевшие пробраться на свободу, чьему обманчивому примеру последовали угодившие в ловушку соплеменники. Горгульи, караулившие неподалеку, разделались с ними без особого труда, не упустив ни одного врага.

Остатки стаи добивали уже в пещере. Чародейки и послушницы вошли с двух сторон, уничтожая метавшихся в исступлении кронусов. Светящиеся сферы в изобилии плыли по гротам и коридорам, выявляя верещавшего врага и выгоняя его навстречу неотвратимой участи. Белые посохи работали непрерывно, ликвидируя нечисть поодиночке и группами. Послушницы, не располагая возможностями сестер Гексенхаммера, обходились средствами попроще, но и их для оставшихся кронусов хватало вполне с лихвой. Заклинательницы проявили сдержанность лишь вблизи от летучих мышей, не желая причинить вреда добровольным помощницам. Дезориентированные писком кронусы представляли собой легкую мишень и с ними разделались без труда, не прибегая к средствам массового поражения. Дольше всего выискивали попрятавшихся одиночек, до последнего надеявшихся избежать незавидной судьбы сородичей. Вскоре все было кончено. Когда чародейки покинули пещеру, армия кронусов перестала существовать.

При всем очевидном успехе радость полной победы омрачала огромная ложка дегтя. Уничтоженная стая была лишь одной из трех, совершивших недавнее нападение. Дегонис разместил в Гнейских пещерах только часть взращенных на Ливьянских болотах полчищ, а остальных перевел в другое место. Куда — ни ведьмы, ни даже колдун в черном не знали. Тем не менее, полк Илианы, оперативно привлеченный ей к выполнению боевой задачи, нанес противнику чувствительный урон. Помимо кронусов, Дегонис остался без половины ведьм и Манипуляторов, задействованных в призыве крылатой нечисти. Успешно доставленных пленников передали с рук на руки верховному командованию, и при помощи все той же Илианы их как следует допросили. Илиана вновь удостоилась благодарности северян, и на сей раз даже сестры Альмирстала не стали ворчать на ее излишнюю самонадеянность. Благодаря расчетливой и смелой вылазке девушки, осуществленной в кратчайшие сроки, враг лишился значительной доли страте-

гического ресурса, что позволит сохранить немало жизней. Кроме того, случайное общение с летучей мышью подсказало чародейкам важную идею. Ряд экспериментов, поставленных над парой пойманных горгульями кронусов, подтвердил неожиданное открытие. Ультразвук в определенном диапазоне влиял на этих тварей самым неблагоприятным образом. В Запретном чертоге закипела новая работа и чародейки обещали вскоре предоставить экспериментальное оружие, способное успешно бороться с крылатой армией врага. Также следствием предпринятых Илианой шагов была и еще одна немаловажная деталь. Ни сразу, ни в последующие дни ни один кронус не атаковал города и позиции северян. Бомбардировки с воздуха прекратились так же внезапно, как и начались.

Дальнейшая судьба захваченных пленников Илиану особо не интересовала. Вряд ли их ждала завидная участь, но она не вмешивалась в дела чародеек, испокон веков противостоявших злому колдовству. Кроме того, для Манипуляторов и вовсе обратной дороги не было, так что их исправление становилось невозможным. Единственное, что сделала Илиана — это добилась гарантированного снисхождения для Уны, обещанного той еще в лощине. На обратном пути к Данерхейму у них была возможность переговорить, и молодая ведьма выложила Рубистелле все подчистую, причем выложила совершенно искренне. Илиана для проверки велела ей рассказать все сызнова, на сей раз сковав собеседницу узами правды, и выяснилось, что Уна ни в чем ее не обманула. Как и подозревала Илиана, незадачливая колдунья еще не успела стать на порочный путь, и попала в компанию Манипуляторов скорее по стечению обстоятельств, включая жажду познания нового. Знакомые ведьмы, с которыми она поддерживала общение, позвали ее с собой, обещая бесценный опыт и золотые горы. Уна, успевшая хлебнуть лиха с простыми людьми, не слишком жаловавшими таланты заклинательницы, тянулась к тем, кого считала своими, и в один прекрасный день очутилась на Ливьянских болотах. Одна из ведьм стала ее наставницей, и за прошедшие полтора года Уна действительно много чему научилась, ведь колдовская жизнь на Ливьянских болотах просто кипела. Помогая призывать кронусов и прочих тварей, девушка слушала разговоры товарок по ремеслу и вместе с ними мечтала о новых временах. В них ведьмам уже не придется скрываться по лесам и пещерам, и они займут достойное место в обществе со своими всеми признанными талантами. Главными врагами ведьмы считали чародеек, настраивавших людей против них и мешавших развернуться должным образом. Злые ведьмы при этом безбожно путали причину и следствие, поскольку именно их собственные деяния заставляли обывателей обращаться

за помощью к сестрам Альмирстала. Уна слушала старших во все уши, тем более что те охотно делились с ней колдовскими премудростями, и чувствовала себя на пороге больших жизненных перемен. Мечты, однако, приходили в некоторое несоответствие с теми людьми, которые ими соблазняли. Их природа и навыки разительно отличались от того, чем владели ведьмы, а вкрадчивые речи, сладкие как патока, были приправлены змеиным ядом. Уна знала кто такие демонологи, но эти производили особое впечатление. Возможности колдунов, заправлявших от имени Империи, были существенно выше и носили специфический характер. Уна порой ловила себя на мысли, что колдуны их всех просто используют как полезный инструмент для достижения собственных целей. Целей, не имевших ничего общего с расписанными райскими кущами. Логика, пытавшаяся поставить знак равенства между собственными чаяниями ведьм и намерениями колдунов, черпавшими силу у своих Покровителей, не выдерживала никакой критики. Уна, недурно обращавшаяся с темными чарами и, чего уж греха таить, натворившая немало сомнительных дел, колдунов сторонилась, стараясь держаться подальше от скверны. Колдуны не настаивали. Им было важно заручиться лояльностью ведьм и добиться от них сотрудничества, а в остальном они ничуть не досаждали, по крайней мере внешне. Уна подозревала, почему эти люди называют себя Манипуляторами, и частенько задумывалась, насколько естественны владевшие ей эмоции и зарождавшиеся в голове мысли. Преуспевая в темном колдовстве и все чаще удостаиваясь похвалы наставницы и других ведьм, Уна начинала сомневаться в целесообразности своих усилий. Практикуя определенные занятия, она отнюдь не считала себя образцом добродетели, но и массовое убийство людей в ее намерения не входило. Напакостить дурно обошедшимся с ней селянам, навести приворот или порчу, вызвать себе верных слуг или колдовским искусством достичь власти и могущества — это одно. Выкосить ту же деревню безжалостным мором, совершать человеческие жертвоприношения и видеть в обывателях лишь ходячий набор ингредиентов — совсем другое. Постепенно Уна стала примечать обратную сторону медали и уже не так безоговорочно верила окружающим, большинством из которых двигала слепая злоба. Прослышала она и про то, что далеко не все ведьмы приняли предложение колдунов, а некоторые вроде как даже умудрились вступить во временный союз с Гексенхаммером — этого бича любого адепта темного колдовства. Выходит, действительно не все было столь однозначно, и если ведьмы разделились на два лагеря, то в том ли находится Уна? Ни о чем подобном она, само собой, никому не говорила, но мало-помалу осозна-

вала, что с демонологами ей не по пути. К тому моменту, как Уна очутилась у Гнейских пещер, она вовсю подумывала сбежать и отправиться куда-нибудь подальше от этих мест, охваченных войной и колдовским безумием. Полк северян, неожиданно объявившийся в лощине, поставил на этих планах крест, и перепуганная до смерти Уна решила, что настал час расплаты. Снисходительность Рубистеллы поразила и обрадовала ее одновременно. В благодарность за предоставленный шанс, молодая ведьма рассказывала все что знала, включая всякие полезные мелочи, и обещала искупить вину, если ей дадут такую возможность. Илиана в очередной раз убедилась, что далеко не все из ведьм, практикующих темные чары, суть зло по своей натуре.

Илиана лично явилась к сидевшей взаперти Уне, чтобы сообщить о ее дальнейшей судьбе. После этого даже Совет чародеек не станет отзывать свое решение, не рискнув подрывать авторитет Рубистеллы нивелируя данное ей слово. Согласно вынесенному вердикту, Уна направлялась в распоряжение Жозефины, под присмотр сестер Гексенхаммера из башни Ардо. Если молодая ведьма проявит себя должным образом, к ней отнесутся со снисхождением, но если вздумает взяться за старое, то пощады уже не будет. Вне себя от радости Уна была готова упасть Илиане в ноги, испытывая невероятное облегчение. Проведя совсем немного времени в Данерхейме, она уже поняла с каким почтением относятся к этой необычной девушке, с которой вынуждены считаться даже старшие чародейки. Не иначе как чудом обретя в ее лице заступницу, теперь Уна не сомневалась, что благополучно избежала самого страшного, и клялась в безграничной преданности.

— Ты выезжаешь на рассвете, — сказала, уходя, Илиана. — Смотри, не заставляй меня пожалеть о своем решении.

Молодая ведьма истово заверила, что не подведет.

— Отлично, — кивнула Илиана. — Кстати, — добавила она, задержавшись у порога. — Постарайся не влипнуть в какую-нибудь историю. Возможно, ты мне вскоре понадобишься.

Отряд Рубистеллы обосновался в отдельной башне западного замка. На нижних этажах расположилась ее личная охрана, включая как воинов, так и дежурных чародеек, а верхние отводились под личное пользование Илианы и всех ее постоянных спутников. Здесь же теперь проживала и принцесса, с которой Илиана вернулась после очередной речи перед солдатами и офицерами Красной саламандры. Талара, узнав подробности состоявшегося похода, здорово досадовала, что не приняла в нем участие. Смелая вылазка против ведьм и колдунов ей вполне подходила, а солдаты ее отца, охранявшие лощину, оказались преданы Манипуляторам.

— Не слишком ли ты много внимания уделяешь той ведьме? — проворчала Алеада, искоса взглянув на подсевшую рядышком Илиану. — Она и так должна быть тебе по гроб жизни благодарна, чтобы продолжать с ней возиться. Шах!
Последнее она адресовала Сирелине, с которой играла в шахматы подле мирно топившегося камина. Выдвинутый ей конь в образе доблестного рыцаря воинственно крутил мечом и показывал королю противника вызывающие жесты. Фигурки выглядели как живые, самостоятельно перемещаясь на мраморной доске согласно воле чародеек. Послушниц в просторной гостиной не было. Они упражнялись в колдовском искусстве этажом ниже и, судя по доносившимся звукам, пытались проделать дыру в параллельную реальность.
— Она еще пригодится, — заметила Илиана, не без интереса глядя на игровое поле и вникая в ход партии.
Сирелина находилась в сложном положении, но ей было чем ответить, причем если Алеада сделает хоть малейшую ошибку, то тут же потеряет все созданное преимущество. Чародейки традиционно разыгрывали сложные многоходовки, составляя идущие далеко вперед комбинации. Для них было совершенно нормально, когда уверенная атака под самый занавес разбивалась о защиту противника, тут же отвечавшего с не меньшим напором, после чего ситуация снова менялась.
— И зачем тебе сдалась эта девчонка? — осведомилась Алеада, увидев ожидаемый ход соперницы. — Тебе нас, что ли, мало? Флея, Лада и Ашира и так от тебя не отходят — совсем от рук отбились. Заграбастала себе наших послушниц, а теперь и ведьму подавай?
— Уна может то, чего не можете вы, — многозначительно произнесла Илиана.
Она подразумевала вполне конкретную суть, но чародейка наверняка воспримет сделанное замечание совсем по-другому, а девушка не удержалась от искушения поддеть строгую сестру Гексенхаммера.
— Да неужели?! И чего же такого уникального в ее способностях? — ревниво осведомилась Алеада, действительно истолковав слова Илианы не в том свете. — Вызвать дьявола? Невелика заслуга!
Девушка, не выдержав, прыснула со смеху, чем еще больше раззадорила чародейку.
— Дело не в этом, — сказала, посерьезнев, Илиана, вдоволь насладившись произведенным эффектом. — Вы не видели тех, кто бывал на Ливьянских болотах, а она видела. И это не вас знают в лицо, а ее.

Алеаде потребовалась несколько минут, чтобы переварить услышанное. Оторвавшись от партии, она воззрилась на Илиану испытующим взглядом, в котором промелькнула догадка. Кажется, чародейка начинала понимать, куда клонит собеседница.
— Ты хочешь сделать из нее шпиона? Заслать в стан врага? — быстро спросила она, на лету взвешивая все за и против.
— Отчасти, — кивнула Илиана. — Манипуляторы знают ее по Ливьянским болотам, и причастность к такой важной тайне служит в их глазах отличной рекомендацией. Допущенная к ней ведьма не вызовет подозрений и пройдет туда, куда другим путь заказан. Особенно если использует подходящий повод.
— Неужели ты настолько доверяешь этой ведьме, чтобы вот так, сразу и запросто, отпустить ее? А что ей помешает, явившись к колдунам, сдать нас с потрохами, рассказав обо всем увиденном? — усомнилась Алеада. — Сама идея недурна, но кто знает что сделает эта особа, обретя свободу? Если пустится в бега — это будет самое меньшее из зол. Куда хуже, если она станет двойным агентом и начнет водить нас за нос в интересах Манипуляторов.
— Это вряд ли, — улыбнулась Илиана.
— Твое доверие выходит за рамки элементарного здравого смысла! — всплеснула руками чародейка. — Я, конечно, знаю, что ты чувствуешь людей по-своему, но эта идея — чистейшее безумие! Нет никаких гарантий, что она не предаст нас при первом же удобном случае.
— Само собой, — кивнула Илиана. — Поэтому я и пойду с ней.
Алеада, уже собиравшаяся разразиться целой тирадой о недопустимости подобного риска, застыла с открытым ртом, окончательно забыв про шахматную партию. Ее фигуры, ощутив свободу от колдовской воли, откровенно гоняли лодыря. Рыцарь, недавно угрожавший королю противника, зевал во весь рот, перетаптываясь с ноги на ногу. Пешки расселись на своих клетках, вытянув затекшие ноги, а король мирно дремал со съехавшей набекрень короной. Стоявшие рядом ладьи — эдакие могучие великаны — устроили перекур, солидно дымя трубками. Изображавший слона сухопарый тип в сутане и митре, судя по скабрезному хихиканью, травил на ухо ферзю похабные анекдоты.
— Так, давай признавайся что ты задумала на этот раз! — выпалила, наконец, Алеада, запутавшись во множестве нахлынувших на нее предположений.
— Кажется, я догадываюсь, — неспешно произнесла Сирелина, улыбаясь беспечному поведению фигур противника. — Но пусть Иля сама скажет. Мне интересно, угадала я или нет.

Колдуны не могли осуществлять свою нелицеприятную дея-

тельность из ханской ставки — слишком приметно. Дегонис, когда сам, когда через Баратиса безусловно руководил Манипуляторами именно оттуда. Почтовая служба позволяла эффективно держать в руках бразды правления. При этом колдунам требовалось проводить определенные мероприятия, а надежным убежищем вроде Нижних подземелий, Ин-Хашуфа или Аш-Гарона они в ханской ставке не располагали. Ведь та перемещалась вместе с армией, что исключало постройку надежных, недоступных постороннему взору объектов. Вряд ли Дегонис рискнул бы практиковать серьезную демонологию за тонкими полотняными стенами шатров. Стало быть, где-то в северных краях он обустроил некую секретную точку, где Манипуляторы колдовали без опаски, не беспокоясь себя выдать. Именно оттуда расползалось по регионам хорошо подготовленное зло, воплощаемое исполнителями на местах. К примеру, те же Овумусы, откуда впоследствии вылуплялись чудовища, наводнявшие северные края. Верилось с трудом, что такие серьезные вещи колдуны-диверсанты изготавливали на коленке где-нибудь под деревом в перерыве между набегами на селения. Нет, здесь определенно требовалось хорошо подготовленное логово с сильными и умелыми заклинателями. В пользу этой версии говорило и еще одно косвенное доказательство. Шпионы, в том или ином виде, имелись по обе противоборствующие стороны. Исходя из получаемых донесений, старшие колдуны иногда куда-то отлучались, а куда — никто не знал. Для военачальников, вроде ди-Орта, такое поведение было вполне естественным. Солдат, участвующий в секретных операциях, вопросов вообще не вызывал, в отличие от Дегониса или Баратиса. Те вряд ли отбывали для того, чтобы лично возглавить реализацию какого-нибудь злодейского замысла, пусть даже такого масштаба, как операция в Фербуре и Аугосте. Скорее всего, они посещали свой тайный центр, когда требовалось их личное вмешательство. Особенно Дегонис, лично накладывавший наиболее сложные чары и создававший недоступные иным инструменты. Компасы служили наглядным тому подтверждением.

О существовании такого центра Илиана подозревала давно, и подозревала не только она. Колдуны, судя по всему, отлично его маскировали, поскольку ни один из допрошенных рядовых Манипуляторов даже не знал есть он вообще или нет. Тот, в черном, принадлежавший к демонологам высшего ранга, благодаря Илиане признался, что такой центр существует, немало удивленный несколько странными вопросами лже-Дегониса. При этом о его расположении он понятия не имел, и сомневаться в его искренности не приходилось. В осведомленности Манипуляторов прослежива-

лась известная логика. Все они знали про Аш-Гарон, ибо проходили через его горнило, и имели общее представление о планах Дегониса, разделяя с ним великий замысел. При этом, если бы не случайное приключение Талары, регулярный приток кровавого золота до сих пор оставался бы неизвестным, не говоря уже о его происхождении. Неясна была и роль принца Камаля, упомянутого еще самым первым пленником, но без какой-либо внятной конкретики. Особенно это беспокоило Талару, ломавшую голову при чем тут ее брат. Судя по всему, Дегонис хорошо законспирировал логово демонологов в северных краях, заблаговременно сделав в них плацдарм для наступления на чародеек. О его местонахождении кто-то, безусловно, знал, но пойди найди кто именно. Ни донесения многочисленных шпионов и разведчиков, ни допросы пленных, включая добытых Рубистеллой, не позволяли зайти в этом вопросе дальше предположений. И лишь после долгих разговоров с молодой ведьмой Илиана нащупала маленькую тонкую ниточку. Уна обладала отличной памятью и поделилась со своей заступницей уймой мелочей, выкладывая даже самые незначительные подробности своего пребывания на Ливьянских болотах, а также в лощине у Гнейских пещер. Держась подальше от колдунов, она все же периодически слышала их разговоры и машинально запоминала многое, включая имена и названия мест. Стараясь услужить Рубистелле, Уна поведала абсолютно все, что сумела запомнить, надеясь принести в этом ворохе всякой всячины и несколько жемчужин. Илиана ведь разговаривала с пленницей не от нечего делать. В случае с Манипуляторами любая мелочь способна обернуться чрезвычайно важными открытиями. Ведя записи и нанося пометки на карту, Илиана заметила, что посетители Ливьянских болот помимо прочего иногда упоминали один населенный пункт, нигде особо не фигурировавший. Он не звучал в армейских донесениях и не присутствовал в каких-либо сводках; подле него ни разу не происходило даже малейших столкновений и само его существование ничем не выделялось среди прочих. Особые гости Ливьянских болот упоминали его вскользь, возможно, даже не придавая этому значения, как бывает, когда разговаривают два хороших приятеля и один рассказывает другому как прошло путешествие. Илиана обратилась за справкой к архивам чародеек и нашла там нечто любопытное.

Означенный населенный пункт назывался Мильм. В нынешнее время населенным пунктом его можно было назвать достаточно условно, поскольку считалось, что там давно никто не живет. Немногочисленные заброшенные домики пришли в запустение и прямо в комнатах выросли деревья, тянувшие ветви к небу через

проемы обвалившихся крыш. Некогда там располагалась артель рудокопов, добывавших серебро, но со временем жила истощилась и большая часть жителей переехала. Последние покинули те края после разразившегося мора. Тот грянул не случайно. Рудокопы обратились к ведьме, рассчитывая колдовством вернуть себе удачу. То ли что-то пошло не так, то ли расплата за сделку наступила слишком быстро, однако Мильм выкосило подчистую. Уцелели немногие, побросав дома вместе со скарбом. Судя по записям, чародейки склонялись к выводу, что ведьма, соблазнившись щедрой платой, переоценила свои возможности и вызвала силы, с которыми не сумела совладать. Так или иначе, Мильм опустел и с тех пор зарос быльем. Находился он на северо-востоке княжества Стеммхайр, граничившего с Ганхельдом с юга, и одного из тех двух, что первыми пали во время начавшегося вторжения Красной саламандры. От ближайшей проезжей дороги до заброшенного поселка было миль двадцать через глухую чащу и высокие холмы. Географическое расположение Мильма вполне годилось для замысла Дегониса, учитывая путь продвижения легионов ад-Сейдина и распространение темного колдовства. Если бы верховный колдун подготовил там плацдарм, то имел бы под рукой удобное логово на всем протяжении северной кампании, находящееся в доступной близости и при этом хорошо замаскированное. Его доверенным Манипуляторам пришлось бы делать лишь небольшой крюк в сторону, направляясь куда-либо по делам как с юга на север, так и с севера на юг, и до тех же Ливьянских болот оттуда было не так уж и далеко. Следовало принять во внимание, что Мильм обладал немаловажной характеристикой, особо ценной в глазах таких типов как Дегонис. Место, отмеченное печатью смерти и страданий, отлично подходило для злых чар, включая практику демонологов. Образовавшиеся там особые зоны и каналы они обращали себе на пользу, кратно усиливая некоторые возможности и эффекты.

Выслушав соображения Илианы, обе чародейки призадумались, сосредоточенно изучая тут же расстеленную прямо в воздухе карту. В словах девушки имелась известная логика. Правда основана она была практически на сплошных догадках, исходивших из мимолетных упоминаний захваченной ведьмы. Слабовато, чтобы принимать ее за действительность, о чем чародейки тут же и сообщили, пояснив, что доказательств, мягко говоря, не хватает.

— Вот если бы нам об этом месте рассказал тот черный колдун из лощины — тогда другое дело, — заметила Сирелина.

— Он и рассказал, — ответила Илиана.

— Чего?! — опешила наставница.

— Ну, ему знакомо его название. Согласитесь, что такая важная птица вряд ли помнит все города и поселки северных земель наперечет. Так откуда бы ему слыхать про такую заброшенную дыру, как Мильм? — пояснила Илиана.
— Пожалуй, верно, — пробормотала Алеада, потирая подбородок. — Но все же это вилами по воде писано. Отдаю должное твоим теоретическим рассуждениям, однако нам требуется нечто более существенное, чтобы планировать удар по логову Манипуляторов, вообще не факт что существующему.
— Согласна, — кивнула Илиана. — Именно поэтому я уже отправила разведчиков — орлов, сов и воронов, — и жду их со дня на день.
— Когда это ты успела? — удивилась Сирелина.
— Еще в дороге, пока мы возвращались в Данерхейм, — невозмутимо ответила девушка.
— Могла бы и нас посвятить, — насупилась Алеада.
— Я сделала это только что. Когда решила что следует предпринять, если моя версия подтвердится, — отозвалась девушка.
— Полагаю, об этом я могу продолжить за тебя, — усмехнулась Алеада. — Исходя из всего мной услышанного, ты собираешься заявиться со своей ведьмой прямиком в гнездо врага, используя ее как своеобразный пропуск. Ты это предполагала, сестра?
— Не совсем, — покачала головой Сирелина. — К тому же я не понимаю, зачем соваться в Мильм именно таким образом, даже если она права. Не проще ли ударить по нему так, как мы ударили по Гнейским пещерам?
— Помнишь, как мы пытались подступиться к Аш-Гарону? — ответила вопросом на вопрос Илиана. — Многого бы мы добились явившись через парадный вход?
— Мильм — не Аш-Гарон, — с сомнением наморщила лоб чародейка.
— Вот именно! — подняла палец девушка. — Мы вообще не знаем что там и как устроено. Кроме того, есть и еще одно немаловажное обстоятельство…

Первые пернатые разведчики вернулись к рассвету, порхнув прямиком на балкон к Илиане. Горгульи, сидевшие там на страже, уже привыкли к подобным визитам и тут же известили ее о появлении гостей. Девушка, живо оторвав голову от подушки, впустила двух сов и подробно расспросила их о результатах проделанного путешествия. Полученных сведений оказалось достаточно, чтобы она укрепилась в своих предположениях. Остальные птицы, прибывавшие в течение всего дня и вплоть до следующего вечера, окончательно убедили ее в правильности озвученной накануне до-

гадки. Подбив итоги, Илиана тут же наметила план действий.

Заглянув к подруге ближе к вечеру, Талара застала ее за сборами. Переодевшись в практичный дорожный наряд, воспитанница чародейки упаковывала в дорожный мешок какие-то вещи. Взяв пример с Сирелины, она не брала слишком много, чтобы не тащить с собой лишнюю помеху. Прищурившись, принцесса оценила попавшееся ей на глаза.

— Куда-то собралась? — осведомилась она, плюхаясь в ближайшее кресло.

— Просто хочу навести порядок в своем походном снаряжении, — с деланным равнодушием пожала плечами Илиана, быстро запихивая в мешок несколько наиболее примечательных элементов одежды.

— Да-да, конечно, — усмехнулась Талара. — И лошадей про запас приготовили. Чтобы так и стояли оседланные. И подорожная грамота тоже выписана ну чисто для порядка — а вдруг понадобится?

— Ты что, следила за мной? — насупилась Илиана, прерывая свое занятие.

— Я тоже умею наблюдать, — подмигнула ей принцесса. — Дай угадаю: на сей раз ты собираешься поехать одна, вместе со своей новой знакомой. Ты сделаешь крюк в Коулбридж и заберешь ее оттуда, после чего вы вдвоем отправитесь прямиком в Мильм.

— И кому ты еще об этом разболтала? — обеспокоилась Илиана.

— Никому, — качнула головой принцесса.

— Вот и отлично! — кивнула Илиана. — Прошу тебя молчать об этом и впредь. Я никогда не уговорю даже Сирелину, и уж точно не всех прочих.

— Разумеется. Ты вполне можешь на меня положиться, — сказала Талара. — С одним только маленьким условием, — добавила она с хитрым выражением лица.

— Да? И что это за условие? — с нескрываемым подозрением прищурилась Илиана.

— Ты берешь меня с собой! — заявила принцесса.

Подруги препирались с четверть часа. Илиана, боясь поднимать голос, говорила тихо, и ее шепот напоминал шипение рассерженной кошки. Талара — внешне сама невозмутимость, — нарочито внимательно изучала ногти и стояла на своем как непрошибаемая скала.

— Да я даже Сирелину не беру и вообще никого из заклинателей! Ведь их там в два счета раскусят, как ты не понимаешь! — кипятилась Илиана, всерьез рассердившись на упрямство подруги. — Это же невероятно опасно!

— Очень даже понимаю. Именно поэтому я хочу поехать с тобой! Я-то для них ничем не выделяюсь, — парировала Талара.
Илиана, приоткрыв рот, замолкла, силясь сообразить о чем толкует подруга. Та снизошла до пояснений. Присутствуя при недавнем разговоре за партией в шахматы, продутой Алеадой подчистую из-за полной утраты концентрации, принцесса внимательно ловила каждое слово. Не отягощаясь стратегическими планами чародеек, она позволила себе сосредоточиться на деталях, и от нее не укрылось кое-что из сказанного Илианой. Сопоставив все факты, она заподозрила намерения подруги и последующие наблюдения доказали, что Талара в своих предположениях не ошиблась. Наличие в походе ведьмы — необходимый и основополагающий элемент, способный обеспечить прямой контакт с колдунами. Те, узнав Уну в лицо, могут пропустить ее туда, куда остальные пробьются только силой, что в свою очередь вызывает большие сомнения. Армию так далеко не пошлешь, а небольшой отряд Рубистеллы рискует наткнуться на ожесточенное сопротивление и завалить все дело. Ведь никому заранее неизвестно что находится в Мильме, поэтому без разведки никуда. А такую разведку лучше всего осуществить при помощи ведьмы, в чьей компании пойдет и сама Илиана. Ведь ее, в отличие от чародеек, не выявит ни один тест, и даже самый могущественный Манипулятор не заподозрит, что Уна притащила к ним в логово не кого-нибудь, а саму Рубистеллу. При этом от предательства Уну должен удерживать тот факт, что Рубистелла прикончит ее на месте, если вдруг заподозрит неладное, причем сбежать от нее не получится.
— Ишь какая догадливая, — проворчала Илиана. — Да, идея была именно такая. Я иду вдвоем с Уной под видом ее помощницы. Компас и прочие штучки на меня не реагируют, а ведьме они без разницы. Мы осуществим разведку экспромтом, а дальше и видно будет. Уна вряд ли рискнет вернуться на сторону врага, зная, что ее настигнет быстрое и неотвратимое возмездие. Спасая свою жизнь, она собиралась бежать от Манипуляторов, а затем без всякого сожаления рассказала о них все, что знала. Крайне маловероятно, что ведьма решит сдать меня с потрохами. Добыть Рубистеллу, безусловно, ценный дар, но ведь она не сумеет воспользоваться его плодами, а сложить голову за спасибо и букетик на могилу явно не в ее стиле. Уной движут страх, расчетливость и искренняя преданность мне за спасение. Эти три обстоятельства не позволят ей переметнуться обратно к Манипуляторам, где ее попросту ничего не ждет.
— Звучит логично, — согласилась Талара. — Но на меня тоже не среагирует ни один Компас, ибо не на что реагировать. Так что я

иду с вами. Могут же быть у ведьмы две помощницы?
— Я не могу позволить такой риск ни себе, ни тебе! — воскликнула Илиана. — Если я не преуспею, мне и отвечать только за себя. Требовать от других принести себя в жертву я не вправе.
— Так и не надо, — пожала плечами Талара. — Я сама за себя в ответе и иду по доброй воле, так что твоя совесть чиста.
— Как член верховного командования я не позволяю тебе идти со мной! — твердо заявила Илиана.
— Как та, кто ему не подчиняется, я вольна поступать как посчитаю нужным, — не менее твердо парировала принцесса. — Иля, ты, видимо, забыла о моем необычным положении, — куда мягче добавила она. — Открывать глаза солдатам моего отца — это, без сомнения, нужное и важное занятие, но мне хочется большего. Даже и не мечтай, что я упущу случай нанести удар по Манипуляторам!
— Я могла бы тебе приказать, — заметила Илиана.
— Однажды у нас уже была такая ситуация. Там, в Аберидже, если помнишь. Только тогда эту фразу произнесла я. И я же добавила почему никогда этого не сделаю, — негромко сказала Талара.
Илиана подошла к открытому окну. Свежий ветерок трепал занавески, за которыми мирно сидел орел, а на плечах застывших изваяниями горгулий пристроились вороны. Совы дремали на насесте в темном углу комнаты. Протянув руку, Илиана погладила орла, отозвавшегося на ласку тихим клекотом. Большая птица собиралась сопровождать девушку в походе, разделяя обязанности дозорного с воронами днем и с совами ночью.
— Ладно, уговорила, — наконец изрекла Илиана. — Топай собираться. Встречаемся у меня через два часа.
— Я уже собралась, — живо ответила вскочившая принцесса. — Я знала, что ты мне не откажешь.
— Даже так, — усмехнулась Илиана. — Ладно, тогда отбываем немедленно.
Повинуясь ее приказу, орел тут же расправил крылья, соскочил с перил балкона и быстро стал набирать высоту. Два ворона отправились следом, разве что ближе к земле, а еще два остались дожидаться девушку.
— Куда это они? — спросила Талара, провожая птиц удивленным взглядом.
— В Ардо, — коротко ответила Илиана.

Жозефина приняла новенькую вполне радушно, разместив ее в небольшой уютной комнатке. Сестры Гексенхаммера занимались своими делами и предоставили опеку над Уной своей давно проверенной ведьме, неоднократно доказавшей себя в деле. Жозефи-

на координировала действия коллег, лояльных Освободительному союзу, и при этом играла роль некоего моста между ними и чародейками. Благодаря помощи первых удалось предотвратить множество диверсий, а также основательно снизить количество населившей северные леса нечисти. Ведьмы, хорошо знакомые с этой стороной колдовского искусства, успешно разрушали создаваемые противником заклятья, чем доставили ему немало головной боли. Овумусы все чаще оставались невылупившимися, Лешие, Трикиморы и Водяные теряли агрессивность и целенаправленность. Болезни, поражавшие диких зверей, отступали; люди, оснащенные оберегами, уже не так страдали от черного колдовства, то и дело и вовсе обходившего их стороной. Будучи совершенно незнакома с Уной, Жозефина не могла оставлять ее без присмотра, поэтому командировки за пределы Коулбриджа исключались. Тем не менее, для новенькой нашлось предостаточно работы и в башне. Обереги, наговоры, зелья: Уна работала не покладая рук, осваивая теперь и другую сторону темного колдовства — нейтрализующую. Иные сочли бы, что молодая ведьма пока не годится и для этого, ведь всего пару недель назад она трудилась в стане врага, проявляя себя на поприще обслуживания армии кронусов. Жозефина считала бы также, кабы не два обстоятельства. Первое — некогда она и сама натворила дел, о которых впоследствии очень жалела. Второе — Уна вручила ей личную рекомендацию Илианы. Та вкратце описала, что не уловила в молодой ведьме ярко выраженных дурных душевных порывов и просила взять ее под опеку. А заодно предупреждала, что Уна ей может вскоре понадобиться, так что та должна быть всегда под рукой. Учитывая обстоятельства, не верить той, кого прозвали Рубистелла было бы весьма странно. Жозефина оказала новенькой радушие, а когда Каролайна осведомилась как дела, не преминула упомянуть про рекомендацию. Чародейка по-прежнему занимала пост заведующей Ардо и старшей сестры Гексенхаммера в округе, являясь по существу полноправным представителем Совета. Уяснив суть, Каролайна тоже доверилась мнению Илианы, особо отметив, что пришло оно не с официальной почтой, а лично с пленной ведьмой. Вероятно, у Рубистеллы имелись на нее какие-то виды, и уж кто-кто, а эта Алая звезда умела обращаться с людьми. В итоге Уне установили весьма мягкий режим, позволяя выходить за пределы башни, и доверили разную работу. Ее, разумеется, регулярно проверяли, но не так, как если бы относились к непременно желавшему насолить врагу. Если бы ведьма решила сбежать, она бы, вероятно, преуспела. Впрочем, Каролайна многозначительно обмолвилась, что не хотела бы оказаться на месте человека, обманувшего Рубистеллу, и

Уна явно не собиралась нарушать данное обещание, честно трудясь на новом поприще. Жозефина быстро обучила ее некоторым новым премудростям, и Уна проявила себя старательной и толковой ученицей. В свободное от работы время она гуляла по Коулбриджу, слушая невероятные рассказы о сражении за Ардо. Молодая ведьма с удивлением замечала, что местные жители относятся к заклинательницам совершенно нормально, причем не только к чародейкам, но и к ведьмам. Последних обычно выдавали какие-нибудь элементы наряда или возраст, и Уна вдруг осознала, что ни одна лавка здесь не закроет перед ней двери. Это было очень непривычное ощущение, и молодая ведьма, стоя на мосту, подле которого виднелась башня, могла совершенно свободно любоваться проходящими ладьями и купить у проходившего мимо торговца все, что пожелает.

За этим занятием ее и застала Илиана. Облокотившись о перила, Уна, грызя засахаренные орешки, смотрела на искрившиеся в лучах солнца волны.

— Ну, как тебе здесь? — услышала она знакомый голос.

Обернувшись, ведьма узрела позади себя двух девушек, одной из которых оказалась Рубистелла. Другая, с толстой черной косой через плечо, выглядела моложе, но ее гордый воинственный вид скрашивал эту разницу. Чуть поодаль означенной парочки, одетой для быстрой верховой езды, маячило трое воинов.

— Ох, я и не думала увидеть тебя так скоро! — всполошилась Уна. — Что-нибудь случилось?

Прошла всего неделя, как ведьма прибыла в Ардо, и появление покровительницы было явно не просто так.

— Я же говорила, что ты можешь вскоре понадобиться, — напомнила Илиана. — Если ты еще не передумала помогать, то собирайся. Ты едешь с нами.

— А кто твоя спутница? — спросила Уна, с любопытством изучая воинственную девушку.

— Ее зовут Тали. Она моя подруга и она воин, как и те трое. В нашем походе это будет ничуть не лишне, — ответила Илиана.

— О, должно быть, ты важная птица, раз тебя зовет подругой Рубистелла! — невольно удивилась ведьма.

— Зови меня Илиана. Если ты ляпнешь там, куда мы направляемся, что я Рубистелла, нам всем крышка, — очень серьезным тоном заметила собеседница.

— А куда мы направляемся? — живо спросила Уна.

— В тайное логово Манипуляторов, — усмехнулась Илиана. — Идем, я все расскажу тебе по дороге. Не бойся, у тебя будет возможность передумать.

План Рубистеллы поначалу привел ведьму в трепет. Особенно не по себе ей стало когда она осознала всю глубину доверенной роли и возможные последствия. Алая звезда, ни много ни мало, решила практически в одиночку проникнуть к колдунам, представившись помощницей Уны. Смелости этой чародейке было, безусловно не занимать, но в глазах ведьмы такая смелость граничила с безумием. Если в Мильме и впрямь база демонологов, где они творят наиболее черные дела, то лучше держаться оттуда подальше, а если и приходить, то с поддержкой большого отряда чародеек и нескольких полков отборных воинов. Уразумев, почему Илиана решила ограничиться столь малочисленной группой и не может взять с собой никого из заклинателей, Уна вконец оторопела. Оказывается, Рубистеллу невозможно вычислить как чародейку! Это звучало совершенно неправдоподобно, но Илиана предложила ей проверить это самостоятельно. В свои годы Уна была уже вполне искусной ведьмой и знала немало подходящих штучек, способных так или иначе взаимодействовать с колдовской природой. Однако как она ни старалась, Рубистелла выглядела совершенно обычным человеком, таким же, как и ее спутники. Уна была бы готова поклясться, что так оно и есть, если бы ей самой не довелось воочию убедиться в силе Алой звезды. Когда ведьма как следует усвоила все нюансы затеянного похода, Илиана неожиданно предложила ей выбор. Уна может отказаться и отправиться на все четыре стороны — препятствий ей никто чинить не станет. Только с этого момента она окажется сама по себе, и уже не сможет рассчитывать на снисходительность и защиту любого человека из Оборонительного союза. Оставшись, Уна обретет доверие, а если логово Манипуляторов будет уничтожено при ее прямом содействии, то заслужит не только прощение, но и новое место в обществе, сулящее почет и достойное отношение.

Уна размышляла больше суток, проворочавшись две ночи под уханье несущего дежурство филина. Все это время отряд из шестерых человек продолжал путь к Мильму, останавливаясь лишь для необходимого отдыха. Илиана непрерывно подзывала к себе встречавшихся по пути диких зверей, которых видела впервые в жизни. Звери разговаривали с ней как со старой знакомой, выкладывая все что видели и слышали. Вне зависимости от ответа ведьмы, Илиана уже приняла решение и собиралась к логову Манипуляторов даже если та струсит и сбежит.

— Ты и в самом деле позволишь ей уйти? — спросила подругу Талара, искоса взглянув на маявшуюся выбором Уну.

— Да, — отозвалась Илиана. — Я хочу чтобы она согласилась самостоятельно.

— Хм. По-моему, ты слишком честна и излишне переоцениваешь добрую волю, — заметила Талара.
— Дело не только в этом, — помедлив, сказала Илиана. — Мое воздействие на людей… Оно наиболее эффективно, когда те руководствуются искренними побуждениями. Заставишь кого-то — и получишь раба или, в лучшем случае, слугу. Убедишь — и подле тебя окажется преданный воин, стоящий за общие идеи до конца без всякого принуждения. В последнем случае источаемое мной воодушевление усилится десятикратно, придавая сил и храбрости, как происходит в сражениях.
— На меня это тоже распространяется? — насупилась принцесса.
— Нет. В известном смысле. Понимаешь, фигурально выражаясь, это палка о двух концах. Это ни хорошо ни плохо — это просто есть. Вопрос в том, как этим распоряжаться, — неторопливо пояснила Илиана. — Мое положительное влияние на тебя или Сирелину невероятно усиливается за счет наших искренних обоюдных чувств, и никакого умысла здесь нет. В случае со многими другими я достигаю схожего эффекта уже сознательно.
— То есть чем лучше к тебе относятся люди, тем в большую зависимость они от тебя попадают? — потерла лоб принцесса. — Ты используешь на них свой дар, они тебя искренне благодарят, а твое воздействие взамен становится сильнее. Став сильнее, ты еще эффективнее применяешь способности, что вызывает еще более восторженную реакцию, что в свою очередь увеличивает излучаемую на них мощь твоих талантов выше прежнего. Замкнутый круг по нарастающей, не находишь? Все больше северян уже и так считают тебя какой-то полубогиней.
— Как-то я не думала об этом с такой стороны, — смутилась Илиана, озадаченно почесав в затылке.

Уна сообщила свое решение наутро. Над опушкой стоял туман, ибо в северных краях близилось дыхание осени. Лето выдалось не слишком жаркое, и хотя июль еще не кончился, листву уже тронула желтизна, а земля по ночам отдавала накопленное тепло, порождавшее белые колдовские вуали. Прихлебывая горячий чай, ведьма грызла сухарик с изюмом, принюхиваясь к запаху готовившихся на костре грибов. Несмотря на всю бесхитростность полевой кухни, пахло изумительно. Один из воинов добавил к угощению пару травок, растерев их в небольшой плошке, и грибы, подрумяниваясь, благоухали, заставляя Уну поминутно сглатывать слюну. Илиана, переговорив о чем-то с парой волков, махнула им рукой, и звери бесшумно исчезли в лесу. Больше всего ведьму поразил медведь, явившийся спозаранку прямо к предводительнице отряда как к себе домой. Растолкав ее носом, он проворчал что-то

на ухо и удалился восвояси, сжевав в качестве угощения лепешку с яблочным повидлом. Размышляя о поведении лесного гиганта, Уна вспоминала недавние разговоры. За неделю, проведенную в Ардо, она успела побеседовать с Жозефиной и Каролайной о той, кого называли Рубистелла. Собеседницы особенно не откровенничали, поскольку новенькая все еще была темной лошадкой, но и услышанное заставляло призадуматься. Чародейка упомянула, что воды реки поднялись не без прямого участия девушки, успевшей явиться со своей наставницей практически в последний момент. Она же исцелила всех пострадавших, как делала это прежде и продолжает делать по сей день. Вот только одним целительством ее таланты не ограничиваются, и масштабы этих талантов выходят за рамки даже самого богатого воображения. Испытала их на себе и сама Каролайна, но в чем это заключалась она не сказала. Обмолвилась лишь, что дважды обязана Илиане жизнью. А заодно посоветовала не разочаровать Рубистеллу, если уж та оказала покровительство. Жозефина, обучившая Уну кое-чему новому, прямым текстом рекомендовала держаться этой девушки, если уж выпала такая возможность. В противном случае Уна наверняка пожалеет о том, чего лишилась. Сейчас, сведя воедино все увиденное и услышанное, молодая ведьма окончательно утвердилась в выборе что ей делать дальше.

— Я с вами, — сказала Уна, дуя на горячий чай и держа кружку обеими ладонями.

— Уверена? — коротко отозвалась умывавшаяся Илиана.

Один из воинов притащил бидон с водой, набрав его из ближайшего ручья, и девушки усердно ополаскивались, стараясь соблюдать чистоту. Специально для них воины установили небольшую палатку, где они без помех могли приводить себя в порядок. В данный момент полог был откинут и собеседницы отлично видели и слышали друг друга. Талара, зевая во весь рот, поливала подруге из дорожного кувшина. Илиана, отфыркиваясь, плескалась в струе воды, разбрызгивая вокруг большие алмазные капли.

— Да, — кивнула ведьма. — Лучше быть с тобой, чем скитаться по лесам до конца своих дней как тот медведь. Впрочем, даже он служит тебе.

– 12 –

Жельдорф, сухощавый смуглый мужчина лет сорока пяти, низко склонился над своим рабочим столом. Длинный чуть загнутый нос с крыльями делал его похожим на птицу, собиравшуюся клевать рассыпанное зерно. Вместо зерна на столе были разложе-

ны манускрипты. Их желтизна и потертость заставляли предположить, что им очень много лет, а то, как аккуратно прикасался к ним чтец, стараясь использовать для этого специальные инструменты, превращало эту догадку в уверенность. Впрочем, догадываться было некому. Жельдорф находился в личном кабинете совершенно один, бормоча себе под нос фразы, почерпнутые со страниц манускриптов. Знаки, начертанные особыми чернилами, он видел уже не в первый раз. Их язык, как и содержимое, было известно немногим посвященным, но даже у них сплошь и рядом возникали сложности с точным пониманием написанного. Собственно, именно этим сейчас и занимался Жельдорф — пытался нащупать ускользавший от него смысл, сокрытый в правильном трактовании контекста. Вслух перечитывая некоторые места, он старался сообразить, где допускает ошибку. Подобным образом манускрипты составлялись не просто так, и лишь опытный демонолог, достигший одной из высших стадий этого сложного и опасного искусства, был способен постичь их тайны, недоступные прочим смертным. Мастер — тот самый, что сейчас находился в ханской ставке, — наверняка сумел бы разобраться в хитроумных письменах, но самостоятельное чтение таких текстов становилось своеобразной проверкой. Для Жельдорфа было делом чести отыскать ошибку самому, не прибегая к помощи Дегониса. Кроме того, толк в такой помощи все равно отсутствовал. Не сумев сладить с манускриптом, Жельдорф не сможет и правильно применить содержащееся в нем знание, так как в этом и заключался сам смысл записанных колдовских премудростей. Жельдорф был могущественным колдуном. Об этом свидетельствовала его черная мантия, украшенная серебряными письменами. Такие носили лишь высшие Манипуляторы, посвященные в самые важные тайны. Им Дегонис доверял наиболее важные задачи, их назначал на самые ответственные посты. При этом ранг Черных колдунов ничуть не означал, что они не должны учиться дальше. Жельдорф хорошо постиг сложную науку, дающую огромные власть и возможности, за что и удостоился чести возглавить оплот в северных землях. Тем не менее, нет предела совершенству, и он стремился к большему, сознательно выпрашивая у Мастера наиболее трудные задачи. Над последней из них он и корпел уже три недели. Жельдорф подобрался к успеху вплотную, но никак не мог понять что же он упускает. Он разобрался почти во всем, но какая-то сущая мелочь перечеркивала весь результат. Разумеется, ему не по силам одному открыть Разлом и, тем более, создать еще одну Фламма-де-Лакудемонику, столь катастрофически потерянную в Аш-Гароне. Тем не менее, искусство Жельдорфа уже достигло того уровня, за

которым открывались новые горизонты. Мастер, как он хорошо знал, ждал от него освоения этих горизонтов, иначе бы не назначил старшим колдуном туда, где Жельдорф сейчас находился.

В дверь постучали. Колдун, оторвавшись от манускриптов, положил увеличительное стекло и недовольным голосом предложил войти. Он не любил, когда его отрывали от работы, и подчиненные об этом знали. Одновременно это означало, что если кто-то явился к нему в кабинет, значит дело не терпит отлагательств. Дверь открылась, и в комнате появился один из дежурных Манипуляторов в обычной серой робе. Комнатой, впрочем, помещение называлось достаточно условно. Некогда в этом искусственном гроте располагалась контора, где служащий тщательно записывал все о выданном снаряжении, происшествиях, а также сведения о суточной выработке. Заброшенная серебряная шахта со всеми своими шурфами, штольнями, штреками и подсобными помещениями выглядела достаточно непривлекательно для обычных людей, но отлично подходила для колдунов. Они старательно облагородили ее всем необходимым, но при это делали упор на профессиональные задачи, а не жилые излишества. Именно поэтому комната Жельдорфа имела добротный деревянный пол, мебель и предметы обихода, но ее стены и потолок представляли собой обычный шершавый камень, лишь слегка обработанный в наиболее нужных местах. Здесь было сухо и достаточно тепло, но любой мало-мальски жизнерадостный человек чувствовал бы себя чуть ли не похороненным заживо. Впрочем, Манипуляторов такое положение вещей как раз устраивало.

— Прошу прощения за беспокойство, но требуется ваше личное присутствие, — сообщил явившийся колдун.

Он говорил вежливо, с извиняющимися нотками, но твердо, что уверило хозяина кабинета в серьезности вопроса.

— Что там у вас стряслось? — спросил Жельдорф, скривив кислую мину.

— Ко входу в Тель-Анум явилась ведьма. Она утверждает, что имеет важные сведения, о которых желает рассказать, — сообщил дежурный Манипулятор.

— Чего?! — вытаращил глаза Жельдорф. — Ведьма?! Какая еще к черту ведьма?! Откуда она вообще знает об этом месте?!

— Она говорит, что работала на Ливьянских болотах вместе с группой наших. Старший из них поведал ей о нашей базе в Мильме. Ведьма уверяет, что здесь ее кто-нибудь должен знать в лицо, — быстро добавил Манипулятор.

— Я лично сброшу в Разлом того кретина, который проболтался этой бабе о Тель-Ануме! — воскликнул Жельдорф.

— Боюсь, что это невозможно, — покачал головой Манипулятор. — Группа у Гнейских пещер уничтожена. Собственно, она и пришла рассказать что там случилось, поскольку входила в ее состав, — пояснил дежурный.
Жельдорф оживился. Он уже закипал от возмущения, пытаясь переварить мысль, что какой-то ведьме известно про Мильм, но последние слова вошедшего пустили его мысли в новое русло. Уяснив наконец, что ведьма появилась здесь отнюдь не случайно и ее, так или иначе, привели сюда какие-то чрезвычайно важные обстоятельства, старший колдун наконец проявил интерес к их сути.
— Что еще она сказала? — осведомился он с неподдельным вниманием.
— Только это, — развел руками Манипулятор. — Мы же не стали допрашивать ее прямо на месте. Выяснив кто она и откуда, я тут же отправился за вами.
— И где она сейчас? — обеспокоился Жельдорф. — Надеюсь, вы не захлопнули перед ней двери, рассчитывая что она вечно будет торчать у порога? Если этой бабы там сейчас не окажется, то я…
— Она в приемном гроте. Мы выставили тройную охрану, — упредил посетитель слова старшего, отсекая всякие предположения в столь вопиющей халатности.
— Отлично. Хоть здесь можно на кого-то положиться, — вздохнул Жельдорф. — Ладно, — добавил он, вставая, — идем посмотрим на нашу гостью.

Стоя посреди большого зала, находившегося недалеко от входа в рудник, Уна старалась сохранять спокойное выражение лица. Небрежным жестом поправляя свисавшие поверх откинутого капюшона волосы, она с деланным равнодушием оглядывалась вокруг. Некогда здесь явно было промежуточное складское помещение. Рудокопы прикатывали сюда вагонетки, выгружая из них породу, а подсобные рабочие пересыпали ее в ящики для дальнейшей отправки наружу, расставляя их вдоль стен. Рельсы для вагонеток имелись и ныне, и, судя по стертому слою ржавчины, продолжали использоваться. Кое-где стояли и ящики, только вряд ли их содержимое имело отношение к выработке. Скорее оно предназначалось для маячивших поблизости колдунов, либо же являлось продуктом их собственной деятельности. Колдуны, кстати сказать, дружелюбием отнюдь не лучились. Тщательно заперев двойную дверь, они перекрыли выход с рудника заслоном, равно как и тоннель в глубину. Их лица выражали настороженность, смешанную с враждебностью. Шутка ли — неизвестно кто заявился к ним прямо в секретное логово! Солдаты, находившиеся здесь же в количестве дюжины, их настрой очевидно разделяли. Они стояли с

обнаженными мечами и были готовы пустить их в ход при малейшем неосторожном движении незваных гостей. Спутники Уны находились позади нее, всем своим видом выказывая испуг и озабоченность. Две девушки боязливо поглядывали по сторонам. Трое воинов держалось более уверенно, но отнюдь не вызывающе. Выражение их лиц как бы говорило "мы только охрана, все вопросы к хозяйке". В душе Уны творилось черти что, но она пыталась казаться невозмутимой, каким-то неведомым образом ощущая исходящую поддержку Илианы. Ведьма давно бы уже умерла со страху, но эта поддержка придавала ей сил и уверенности. Каким-то шестым чувством ведьма понимала, что Рубистелла держит ситуацию под контролем и в случае чего ее в обиду не даст. Когда появился тип в черном, чей нос скорее смахивал на клюв большой птицы, Уна поняла, что первую партию, так или иначе, она выиграла. Ощутив ободряющий всплеск от Илианы, она улыбнулась новому колдуну, чуть присев на шаг назад и разведя в стороны полы балахона. Реверанс совсем не соответствовал обстановке, но старший Манипулятор невольно удивился его вежливой непринужденности. Из-за этого он даже сказал совсем не то, что изначально планировал.

— Меня зовут Жельдорф. Я здесь главный. Мне сказали, что ты прибыла сюда с важными вестями, но так ли это? Та ли ты, за кого себя выдаешь? — неторопливо изрек он без всякой враждебности в голосе.

Миловидная ведьма производила довольно приятное впечатление и держалась уверенно, но не без почтения. Это колдуну понравилось, и он решил воздержаться от резкого тона, заведомо низводящего гостью до положения преступницы. Услышав адресованные ей слова, Уна окончательно уверилась, что видела этого человека и прежде. Его примечательный нос, выглядывавший даже из-под опущенного капюшона, она запомнила хорошо, а звуки голоса полностью соответствовали воспоминаниям. До сих пор ведьма не знала имени этого типа, но теперь полностью синхронизировала память с действительностью.

— Я узнала вас, господин, — сказала Уна. — Если вы позволите мне подойти ближе, возможно и вы узнаете меня. Я видела вас прежде на Ливьянских болотах. Полагаю, это будет лучшей рекомендацией.

Черный колдун, подумав, махнул рукой, разрешая приблизиться. Уна подошла, покачивая полами балахона, и остановилась в двух шагах от носатого. Тот пристально оглядел ее с головы до ног и вперился взглядом в лицо с изумрудными глазами. Молодая ведьма прямо-таки почувствовала как колдун изучает каждый дюйм

ее внешности.
— Как, говоришь, тебя зовут? — спросил старший Манипулятор.
— Уна, господин. Я была одной из младших ведьм, но меня очень хвалили за работу, — ответила гостья.
— Уна, Уна… Да, действительно, я тебя припоминаю, — кивнул колдун.
Стальные нотки в его голосе исчезли, сменившись обычной присущей ему властной суровостью. Жельдорф сделал знак рукой и солдаты опустили мечи. Колдуны стали смотреть на незваных посетителей куда менее враждебно.
— А кто твои спутники, Уна? — поинтересовался старший колдун, кивнув в направлении означенных лиц.
— Две мои служанки, господин. И трое наемников. Нынче очень опасно путешествовать без охраны, — пояснила ведьма, отступая в сторону и поочередно представляя своих сопровождающих.
— Они владеют колдовским даром? — прищурился Жельдорф.
— Нет, господин. Только я, — мотнула головой Уна. — Ваши люди уже это проверили, и мне бы хотелось побыстрее рассказать вам о том, что произошло.
— Об этом мы поговорим чуть позже. Ты ведь уже никуда отсюда не денешься, не так ли, — двусмысленно усмехнулся старший колдун, не то угрожая, не то констатируя. — Сначала я лично проверю твоих спутников. Только тогда я буду полностью уверен, а то вдруг ты притащила к нам Штельскую ведьму?
Последнее он сказал скорее для красного словца, но сердце Уны невольно екнуло. Ведь та, о ком шла речь, сейчас собственной персоной находилась у нее за спиной. Жельдорф неторопливо изучил всех визитеров по одному. Вкладывая им в руки большой кристалл, он что-то бубнил себе под нос, бросая в испытуемых щепотки мелкого порошка. Когда дошла очередь до Илианы, молодая ведьма внутренне вся сжалась в комок, ожидая катастрофы. Ничего такого не последовало. Кристалл остался таким же бесцветным, как и прежде, а колдун, задав девушке пару ничего не значащих вопросов, велел ей отойти в сторонку к уже проверенным. Когда он закончил, его лицо окончательно прояснилось. Прояснились лица и всех остальных, присутствующих в приемной зале. Охрана у входа, разумеется, сразу исследовала посетителей Компасом и тот указал лишь на Уну, однако могущественные заклинатели умели ненадолго скрывать свою сущность и выявить их было под силу только очень опытному колдуну. Обмануть Жельдорфа не сумел бы никто. Что ж, с чем бы ни явилась ведьма, она не притащила с собой чародеек и ее свита состояла из самых обычных людей. Сие, во всяком случае, никому не возбранялось.

— Ну, теперь можно перейти и к делу, — заключил старший Манипулятор. — Твоя компания у меня подозрений больше не вызывает, но само твое появление здесь — из ряда вон. У меня очень много вопросов.
— Я отвечу на все, господин, и отвечу в мельчайших подробностях. Однако не найдется ли для этого более подходящее помещение? — вежливо сказала Уна. — Я и мои спутники очень устали, добираясь сюда. Устали и проголодались.
— Да, разумеется, — кивнул, подумав, Жельдорф. — Следуйте за мной.

Колдун привел их отнюдь не в темницу, хотя такая мысль и мелькала как у ведьмы, так и у некоторых из ее сопровождавших. Помещение, где они в итоге очутились, предназначалось для гостей, ибо и такие бывали в Тель-Ануме. Обычно приезжал кто-нибудь из доверенных Манипуляторов и солдат охраны, чтобы лично передать какие-то документы и груз, либо же наоборот — что-то забрать. Круг посвященных, само собой, был строго ограничен, но все же существовать абсолютно автономно секретная база колдунов не могла. Такие люди как Уна и ее компания были здесь впервые, но их отвели туда же, куда и других приезжих. В руднике, имевшем довольно разветвленное устройство, хватало места для разных задач, и гости вполне сносно расположились в зале, где некогда стояли камнедробилки. Перед доставкой к внешним воротам крупные куски породы измельчали, чтобы их больше влезало в типовые ящики. Ныне убранство львиной доли рудника изменилось, и зал с камнедробилками не стал исключением. Разделенный надвое деревянной перегородкой, он был устлан добротными досками, а в качестве мебели выступали вполне приличные столы и скамьи. Имелись шкафы для посуды и буфеты, а кухня располагалась во второй секции, где всегда можно было разжиться припасами и подогреть еду. Там же размещались стойки с различными бутылками и большие бочки, наполнявшие любую подставленную тару, стоило повернуть кран. Дегонис не баловал своих подчиненных излишествами вроде обоев и резных дубовых панелей на стенах, гобеленов, хрустальных ваз и шелковых занавесок. При этом жаловаться на питание Манипуляторы оснований не имели. Уна, сидя напротив старшего колдуна, отдавала должное предоставленному угощению, в то время как ее спутники утоляли голод за соседним столом. Дорожная снедь, взятая с собой в поход, серьезно отличалась как качеством, так и разнообразием, поэтому ведьма без всяких прикрас хвалила предложенную еду, запивая ее легким красным вином. У дверей в столовую маячила внушительная охрана, но Уна делала вид, что это в порядке ве-

щей, и актерская игра ей вполне удавалась. Удавалась с тех самых пор, как она объявилась у входа в рудник и позвонила в условный колокольчик. Жельдорф, собственно, и начал свои расспросы с того, каким образом у ведьмы получилось отыскать это место, ежели предполагалось, что оно тщательно замаскировано. Начал не сразу, а постепенно, дав гостье сперва плотно поесть, и когда ее лицо порозовело от съеденного и выпитого, приступил к делу. Похоже, это щекотливое обстоятельство интересовало его даже больше, нежели вести, с которыми явилась ведьма.

Уна, разумеется, прекрасно знала ответ, но Жельдорфу следовало преподнести его в соответствующей интерпретации. Если с дурманом она по большей части управилась сама, и это выглядело вполне правдоподобно, то про чутье Илианы лучше помалкивать. По прибытии в Мильм той не составило труда выследить Манипуляторов и привести всю группу прямиком к месту их дислокации. Чутье девушки работало безошибочно, улавливая присутствие жизни что через стены, что сквозь толщу земли. Мильм, само собой, был окружен весьма серьезными и искусными чарами, но парившему в небе орлу они были глубоко безразличны, как и летавшим на разведку воронам. Птицы провели людей прямиком к заброшенному поселку, а чары ведьмы помогли проделать этот пусть с наименьшими трудностями. Непроходимый бурелом, широченная канава с водой, подернутой ряской, стена деревьев, обманчиво заводящая в болото дорога — все эти иллюзии Уна преодолевала своим умелым колдовством. Ей одной никогда бы не совладать со столь могущественным наваждением, ибо Манипуляторы постарались на славу, но совместными усилиями путь в Мильм был открыт. Илиану наводили пернатые разведчики, сообщая где есть проход. Она передавала сведения ведьме, одновременно усиливая ее способности. Сориентированная Уна, чувствуя приток энергии, направляла разрушающие заклятья туда, куда бы в жизни не догадалась. Иллюзия не разрушалась полностью, но сквозь нее проступала реальность, и это вполне позволяло путникам миновать препятствие и не угодить в западню. Последних, кстати сказать, было очень много. Свободный проход закрывали обманки, и эти же обманки прикрывали подлинную угрозу в виде глубоких ям, топкой трясины и острых кольев. Ловушки расставлялись с очевидным умыслом, и лишь чутье волков, сопровождавших группу, позволяло находить их раньше, чем в них попадали люди. Птицы, свободно паря в воздухе, заблаговременно предупреждали об опасности, давая знать, что группа идет прямиком в черную воду, а отнюдь не на лесную лужайку. Имелись и колдовские ловушки, выбрасывавшие заранее наложенные заклинания, но такие во-

время определяла Уна, хорошо знакомая с данной тематикой. Она же великолепно обезвреживала чудищ, водившихся вокруг Мильма в каком-то изумительном изобилии. Нет, она их не уничтожала. Будучи ведьмой, поднаторевшей в работе с такими тварями, Уна оперативно выявляла их присутствие и делала пассивными так, как ее научили коллеги по ремеслу. Чудища не реагировали на проходивших людей, не обращая на них ни малейшего внимания. Действуя сообща, вся компания успешно миновала внешнее заградительное кольцо и явилась в Мильм, оставшись незамеченной. Поселок выглядел совершенно безжизненным, и даже без всяких маскирующих чар никому бы и в голову не пришло, что где-то рядом находится крупная хорошо обустроенная база. Колдуны умело заметали следы, и даже звери затруднялись определить их точное местонахождение. Укрыться от взора Илианы было невозможно. Скрытно побродив по поселку, группа вышла к холмам, где располагался рудник, и там девушка уловила человеческое присутствие. Центральный вход выглядел наглухо заваленным, но это были все те же дурманящие чары. Наличие поблизости характерных источников жизни подсказало, что где-то в завале есть проход, птицы сориентировали точнее, а Уна приоткрыла завесу старательно наведенной иллюзии. В конце концов вся компания очутилась у тяжелой дубовой двери, стянутой железными полосами. Дверь выглядела сплошным монолитом, как и стена, в которой она находилась. Пальцы Илианы, ощупавшие гладкую поверхность, наткнулись на тайник, где оказался условный колокольчик. Для ушей Жельдорфа все эти подробности очевидным образом не годились, поэтому Уна присвоила все лавры себе, сообщив, что ей помогли толковые наемники, по совместительству следопыты, и пара прирученных волков, оставшихся в лесу. Последнее, учитывая что оно исходило от ведьмы, вопросов особо не вызывало.

— Твое мастерство заслуживает очень высокой оценки, если ты и впрямь одна справилась с защитой, рассчитанной на отряд чародеек, — заметил Жельдорф, глядя на собеседницу испытующим взглядом. — По правде говоря, именно это вызывает у меня большое сомнение. Либо твои таланты до сих пор серьезно недооценивали, и тогда эту ошибку стоит исправить, либо ты чего-то не договариваешь.

— Я действительно еще не договорила, — согласно кивнула Уна. — О Мильме мне довольно подробно поведал наш старший, возглавлявший группу у Гнейских пещер. Ну, не о самом Мильме, а о его существовании и о том, как устроена защита от чародеек. Последний вопрос меня очень интересовал, и он сделал большое одолжение, научив многим вещам. Эти сведения мне очень помогли, ибо

без них я действительно не сумела бы пройти к руднику, а то и вовсе сложила бы голову еще на подходе вместе со своими спутниками.
— И с чего бы это он так с тобой разоткровенничался? — прищурился Жельдорф. — Да еще учил всякому-разному.
— Понимаете, Злуст… то есть наш старший, он… относился ко мне с симпатией и оказывал… э-э-э… некоторое покровительство. Просто неофициально, чтобы остальные не были в обиде, — засмущалась ведьма, скромно опустив ресницы.
Уна била точно в цель. Имя колдуна, захваченного у Гнейских пещер, было ей хорошо известно от Илианы, допросившей пленника, равно как и некоторые иные подробности. Другие ведьмы его не знали, и в устах Уны оно звучало лишним доказательством некой щекотливой связи между колдуном и молодой особой.
— Ясно. Я давно подозревал, что этот чертов Злуст тот еще бабник! — прихлопнул ладонью по столу Жельдорф. — Ловко же он скрывал свои похотливые наклонности. Впрочем, я вполне могу его понять. Ведьма вроде тебя способна привлечь внимание мужчины. Что ж, твоя версия звучит вполне убедительно. Вот только есть в ней одна существенная деталь, никак в нее не вписывающаяся.
— Какая? Что Злуст… то есть, наш старший… сам не знал о существовании Мильма? — спокойно спросила Уна.
Жельдорф разинул рот. Ведьма без всякого смущения выложила тот аргумент, которым он собирался ударить ее в лоб и посмотреть на реакцию.
— Понимаете, он… очень обижался. Считал, что ему оказывают недостаточное доверие, раз он не посвящен в такие важные секреты. Он давно уже догадался о существовании вашей базы на руднике, сведя воедино все концы, и это особенно его огорчало. Он сам хотел бы работать в Тель-Ануме, а не возиться с ведьмами на болотах, на что частенько мне сетовал, — все с тем же легким смущением пояснила Уна.
До прибытия на рудник ведьма не знала как именуют его сами Манипуляторы, и теперь как ни в чем не бывало ловко ввернула название в разговор.
— Ну еще бы! Этот болтливый, похотливый болван, поди, мечтал не иначе, как о моем месте?! — возмутился старший Манипулятор, приняв близко к сердцу слова ведьмы. — Вот и правильно, что мы держали его подальше от таких тайн, хотя свою черную мантию он действительно заслужил! Провал у Гнейских пещер — лучшее тому подтверждение! Ишь ты, Тель-Анум ему подавай! А сам сгинул и дело завалил!

Уна поняла, что колдун окончательно уверовал в предложенную ему легенду и теперь оставалось нанести последние штрихи.
— Зря вы так, господин. Он стойко держался до последнего и лично уложил немало врагов. Но их было слишком много. Они пришли внезапно и, судя по всему, точно знали куда и зачем. Полагаю, нас кто-то предал, иначе ничего бы такого не случилось, — с нотками обиды сказала Уна, хорошенько глотнув из своего бокала.
Жельдорф враз помрачнел. В руководстве Манипуляторов уже давно ходили толки о предательстве и эта ведьма, вероятно, была не так уж далека от истины. Другое дело, как она уцелела сама и при этом знает такие детали? Не теряя времени, колдун тут же задал соответствующие вопросы. Уна была к ним готова и выложила припасенную историю. В сторонке от основного лагеря у нее со Злустом было обустроено небольшое гнездышко, о существовании которого не знали даже коллеги. Уна как раз поджидала там колдуна, когда нагрянули враги. Бой был быстрым и жестоким. Лагерь они перевернули вверх дном, обыскав каждый камень, каждую впадину, но укрытие ведьмы находилось несколько в стороне и оказалось вне радиуса их поисков. При этом сама Уна, дрожа от страха, видела очень многое, поскольку убежище специально располагалось с расчетом наблюдения за базой.
— Что ж ты не помогла им? — проворчал мрачно оглаживавший бородку колдун.
— Господин, неужели вы и впрямь считаете, что я одна изменила бы исход схватки? — расстроилась ведьма. — Их всех перебили, а оставшихся захватили в плен. Когда я поняла что происходит, с одного взгляда стало понятно чем закончится налет. Кроме того, я очень испугалась. Злуст был неподалеку. Он шел ко мне, когда напали враги, и отбивался как лев, усеивая землю трупами. При этом он ни разу не позвал меня. Согласитесь, что это для него означало.
Жельдорф вздохнул, понимающе кивая. В конце концов, она права. Нельзя винить эту ведьму только за то, что она безрассудно не сложила голову с остальными. От нее живой теперь пользы гораздо больше, раз она способна пролить свет на потрясшее всех событие. После потери Аш-Гарона оно выглядело очень угрожающим.
— Но почему ты пришла сюда? — спросил колдун совершенно другим тоном, нежели не только у входа в рудник, но и в самом начале разговора. — То, что ты добралась живой — уже подвиг, но ведь мы могли убить тебя на месте просто когда увидели на пороге.
— А куда мне было пойти? — пожала плечами Уна. — Я мало кого знала. Если нас предали, то все известные мне контакты оказыва-

лись под угрозой. Насколько мне известно, люди хана нас, ведьм, не жалуют. Это вы у них на хорошем счету, а мы по-прежнему подвергаемся гонениям. Путь к имперцам мне был закрыт. Поэтому я взяла своих верных людей и пошла в Мильм, рассудив, что уж там мне точно ничего не грозит. При этом меня вряд ли прикончат на месте хотя бы потому, что захотят узнать как я сюда попала. А раз так, я сумею рассказать кто я, откуда, и что произошло. Рассказать и попросить убежища.
— Логично, — усмехнулся Жельдорф. — Нестандартно, но логично, и это делает честь твоему мышлению. Что ж, я вижу, что ты очень толковая девушка. Возможно, старина Злуст был не так уж неправ, когда оценил твои таланты по достоинству.
В этот момент, растолкав охрану, на входе в столовую появился один из Манипуляторов.
— Ну? — коротко бросил старший, даже не обернувшись.
— Вокруг на много миль ни души. Они действительно пришли одни, — доложил вошедший колдун.
Жельдорф знаком отпустил его. Затем воззрился на сидевшую напротив ведьму. В его взгляде больше не было подозрительности. В нем читалось откровенное любопытство, смешанное с беспокойством и задумчивостью. Враждебность улетучилась окончательно.
— Ни шагу без моего разрешения ни тебе, ни твоим людям. Вздумаете покинуть Тель-Анум — вас прикончат на месте. Вздумаете сунутся куда не звали — вас прикончат на месте. Это понятно? — вдруг заявил он, приняв какое-то решение.
— Разумеется, — с самым серьезным видом кивнула Уна.
Жельдорф щелкнул пальцами. Охрана, развернувшись, молча исчезла за дверью.
— Теперь, моя дорогая ведьмочка, расскажи мне все что случилось у Гнейских пещер до мельчайших подробностей. Твои сведения и впрямь представляют величайшую ценность. Когда мы закончим, я немедленно отправлю весточку кому следует, а затем подумаю о твоем будущем. Полагаю, твоим талантам найдется достойное применение, — сказал старший Манипулятор.
Уна внутренне возликовала, скрывая облегчение за бокалом вина. Партия была выиграна. Жельдорф снизошел до того, что лично налил ей новую порцию. Ведьма, поблагодарив за любезность, принялась щебетать как соловей, выкладывая заранее разработанную с Илианой историю.

Знай Жельдорф кого он лично впустил в один из самых важных оплотов Манипуляторов, его бы хватил удар. Своевременно поднятая тревога безусловно была смертельно опасна даже для Илианы со всеми ее талантами. Ведь из заклинателей в ее распо-

ряжении имелась лишь одна молодая ведьма, а четверо воинов, включая Талару со своим чудесным мечом, не совладают с целой оравой врагов. Самые сильные Манипуляторы будут сопротивляться влиянию девушки и любой обвал, вызванный чарами, способен похоронить всю группу заживо. К несчастью для старшего колдуна, он не сумел распознать в Илиане ту самую Штельскую ведьму, о которой ходило столько слухов. Сочтя ее обычной служанкой амбициозной подружки своего погибшего коллеги, Жельдорф утратил к девушке всякий интерес и снисходил лишь до Уны. Из соображений безопасности и чисто стратегического расчета он поселил всю компанию в одной большой комнате, воображая, что так будет легче за ней присматривать. Той же это оказалось как нельзя на руку. Разделенные друг с другом, диверсанты действовали бы на порядок хуже и запросто могли бы чем-нибудь себя выдать. Уна, лишенная незримой поддержки Рубистеллы, также теряла немалую долю самообладания. Находясь все вместе, сообщники имели возможность координировать свои мероприятия, обмениваться наблюдениями и строить дальнейшие планы. Первым делом ведьма вручила Таларе ее меч, а так же раздала всем защитные амулеты, включая тот, что принцессе подарила Сирелина, и который уже один раз спас ей жизнь. Уна протащила их с собой, чтобы не вызывать подозрений. Ведьма с зачарованным клинком и зачарованными же побрякушками не вызывала вопросов даже у Манипуляторов, тем более ведьма с Ливьянских болот.

— Не нравится мне этот гадюшник, — проворчала Талара, прицепляя клинок на законное место. — Мы еще ничего толком не видели, но нутром чую — заведение паскудное, холера мне в бок.

Заговорщики могли общаться совершенно свободно. Во-первых, Илиана ощущала присутствие людей и поблизости были только дежурные, поставленные Жельдорфом, чтобы гостей куда-нибудь случайно не занесло. Это, конечно, не означало, что комната не прослушивается при помощи хитроумных конструкций, каковые частенько имелись в каждом уважающем себя дворце или замке. На сей счет имелось во-вторых, о чем позаботилась ведьма. Она установила колдовской барьер, позволявший скрывать речи находящихся внутри него людей, превращая их в неразборчивый гул. Такой барьер, разумеется, можно было разрушить, но только не издали, через хитросплетение полостей в кладке и металлических труб.

— Здесь ощущается мощное присутствие скверны, — сообщила Илиана. — Не такое, как под Аш-Гароном, но все же весьма значительное.

— А чего вас удивляет? — усмехнулся Ульм. — Эта очаровательная компания водит тесную дружбу с обитателями того, что вы называете преисподняя. Да от них за версту разит векстрами!
— Кем? — не поняла принцесса.
— Демонами, — пояснила Илиана. — Он имел в виду демонов. Просто на каком-то другом языке.
Ульм бросил на девушку быстрый взгляд, улыбнувшись уголком рта.
— А на каком? — полюбопытствовала ведьма. — Я тоже впервые слышу это слово.
— Понятия не имею. Я понимаю абсолютно любой язык, как животных, так и людей, но это не значит что я его действительно знаю и мне известно как он называется. В детстве я это не осознавала, но со временем научилась различать что люди говорят поразному, — сказала Илиана. — Я могу отвечать им на их языке, пока они со мной говорят. Я с ними как бы на одной волне. Но если я сама не знаю этого языка, я не в состоянии самостоятельно беседовать на нем с другим человеком, не имеющим о нем ни малейшего понятия.
Уна вытаращила глаза. Рубистелла продолжала поражать ее воображение все новыми сверхъестественными способностями.
— Значит, если я дам тебе одну из наших книг на давно забытом языке, ты ее без труда прочтешь и сможешь поведать содержимое? — жадно спросила она не без очевидного умысла.
— Нет. На письменность это не распространяется. Письменность — не живая мысль, — покачала головой Илиана. — Именно поэтому я старательно учу разные языки, в том числе давно вышедшие из употребления, и обязательно осваиваю даже самые мудреные алфавиты.
— И сколько ты уже выучила? — взмахнула ресницами ведьма.
— Восемьдесят шесть. Не считая наречий и диалектов, — послышался невозмутимый ответ.
Ведьма потеряла дар речи.
— Кстати, Ульм, а на каком языке ты произнес это слово? — в свою очередь спросила Илиана. — Что-то я его не припоминаю. По правде говоря, ты не в первый раз говоришь необычные вещи, и в твоих повадках порой сквозит что-то особенное. Не подумай ничего плохого — я знаю, что ты хороший человек, иначе я бы давно тебя раскусила. Просто интересно.
— Видишь ли, Илиана, я жил в одной очень замкнутой общине. Настолько замкнутой, что о ней мало что доподлинно известно. У нас свой язык, свои обычаи, свои законы, — потер подбородок Ульм. — Надеюсь, никто не обидится, если я не стану о ней рас-

пространяться. У нас это не принято. По правде говоря, мои братья не будут в восторге, если узнают, что я присоединился к вам. Но это уж мне решать.
— Он не лжет. И не желает нам зла. Не знаю как вам, а мне этого достаточно. Каждый человек имеет право на личные тайны, — сказала, немного подумав, Илиана. — Расскажешь когда сам захочешь, — прибавила она, встретившись с воином взглядом.
— Может быть; когда-нибудь, — улыбнулся тот.
— Ладно, к делу! — негромко хлопнула в ладоши девушка, вновь став Рубистеллой.
Даже если комната прослушивалась, шпионы не разобрали ни слова из состоявшегося разговора.

Предположения Илианы полностью подтвердились. Тель-Анум являлся рассадником того зла, что наводнило все северные края и продолжало причинять их жителям немалое беспокойство. Здесь создавались бесчисленные Овумусы, предназначенные для транспортировки туда, где им надлежало вылупиться. Бочки с колдовской отравой, ужасающей своим разнообразием, исправно производились как на винокурне, и их содержимое вливалось в водоемы множества государств. Идолы, источающие скверну, то и дело находимые чародейками в лесах и селеньях, на кладбищах и даже в повозках, выходили именно отсюда, порожденные усердным трудом демонологов. Сосуды с гибельными заклятьями, способными поразить как одиночную жертву, так и некоторое пространство, вывозились из Мильма тысячами. Заброшенный рудник Манипуляторы превратили в настоящую фабрику зла, и в ней почти круглые сутки кипела работа. Алхимики денно и нощно трудились над новыми комбинациями отравы, усиливаемой дыханием Покровителей. Колдуны творили заклятья, вкладывая их в самые разнообразные вещи, несущие беды и погибель своим жертвам. Производственные масштабы Тель-Анума постоянно росли, и если бы армия ад-Сейдина вторглась в северные края с его нынешним оборотом, кто знает где стояли бы сейчас войска хана. Росли масштабы и экспериментальные. Манипуляторы непрерывно совершенствовались, поднимая уровень своего мастерства и осваивая все новые возможности. Самые старшие из них, удостоенные черной мантии, творили наиболее сложные заклятья, в том числе основополагающие для всего технического процесса. Управляющая верхушка же по своим возможностям приближалась к самому Дегонису, хотя до почитаемого Мастера им еще многое следовало познать и немалым овладеть. Результат был налицо. Чудовища, вылуплявшиеся из Овумусов Тель-Анума, теперь вырастали всего за сутки, хотя прежде им требовалось от одной до двух недель. Исходный

материал по-прежнему поставляли ведьмы, но только в тех случаях, когда речь шла об их родной стихии, вроде Кикимор, Леших, Водяных и прочей гадости. Колдуны Тель-Анума с помощью своих нечестивых чар создавали более совершенный продукт, созревавший в кратчайшие сроки. Сами же мало-помалу начинали производить куда более опасных тварей. Творения ведьм, так или иначе, имели природную основу, воплощенную при помощи темных чар. Манипуляторы оперировали основой демонической, населяя мир порождениями скверны. Они собирались привести на смену кронусам нечто среднее между ними и лапургами. Последние не могли существовать вне области, в необходимой степени насыщенной скверной, а первые, при всех своих достоинствах, обладали рядом недостатков, основным из которых была невозможность летать при дневном свете. Промежуточный гибрид разрешит обе проблемы, и колдуны получили бы летучую армию, способную функционировать круглосуточно, более опасную чем кронусы и почти такую же быструю. Точнее, они ее уже получали, только недостаточно оперативно. Опытные образцы в количестве нескольких дюжин содержались в специальных залах и Манипуляторы продолжали совершенствовать процесс. В их задачу входило изготовление Овумуса, способного вылупиться прямо на месте во взрослую особь. Экспериментальная партия в полтысячи штук лежала в складских ячейках, дожидаясь своего часа. Колдуны до сих пор не решили проблему долгосрочного пребывания своих чудовищ вне области воздействия скверны. Именно поэтому партия до сих пор покоилась в закромах Тель-Анума, поскольку использовать ее можно было только один раз и очень недолго. В идеале следовало добиться устойчивого существования этих чудовищ в обычной для людей среде и сократить сроки создания яиц. Манипуляторы должны обладать неограниченной возможностью не только творить легионы подвластных им монстров, но и без промедления пополнять их ряды. Они непрерывно создавали различную нечисть, населявшую заброшенный рудник, отмечая особенности ее жизненного цикла и ставя опыт за опытом. При этом такими меркантильными вещами как превращение свинца в золото в Тель-Ануме не занимались. Для этого требовались человеческие жертвы, а засекреченный объект не мог себе позволить постоянный приток необходимого материала. Подобные задачи Дегонис поручал другим подчиненным, а на руднике производили средства ведения войны и основы будущего нового мира. Очаги проявления скверны относились к последним, а в военных целях колдуны зачаровывали оружие для солдат и мастерили особые амулеты. Вряд ли кто-либо из непосвященных воинов стал бы носить такую штуковину, пусть

даже она приносила известную пользу, кабы узнал особенности ее изготовления. Вмонтированный в щит, такой амулет делал его крепче, повешенный на шею — отклонял вражеские стрелы. Некоторые придавали дополнительные силы, внушали бесстрашие, повышали реакцию и выносливость. От всего этого, однако, тянуло скверной, и если ведьмы использовали свое обычное колдовство, отнюдь не обязательно вредоносное, то поделки Манипуляторов отдавали преисподней. Чародейки хорошо знали, что ничто, исходящее от демонов, не бывает задаром, и за иллюзию могущества рано или поздно придется заплатить. Вряд ли солдаты ад-Сейдина захотели бы принять такие дары имея представление об их сущности. Впрочем, вопрос с демонологами Дегониса представлялся крайне необычным. Не обходясь без традиционных жертв и ритуалов, вынужденные основываться на особенностях своих Покровителей и взаимодействия скверны с миром людей, они каким-то образом оставались вне наиболее пагубных последствий. Учитывая тот уровень, которого они достигли, Манипуляторы должны были ощущать на себе разрушительное влияние своих амбиций, но это отчего-то задерживалось. Перейдя красную черту, обычный демонолог становился обречен и спустя время еще при жизни фактически попадал в ад своих кошмаров, полностью утратив связь с реальностью. Пагубное влияние скверны было абсолютным и необратимым. Подчиненные Дегониса удерживали некий баланс, позволявший им подвергаться разрушению гораздо медленнее, а то и вовсе его приостановить. Вероятно, Дегонису удалось найти какой-то способ, серьезно тормозящий этот процесс на всем протяжении жизни колдунов. Эта теория уже обсуждалась чародейками, и после Аш-Гарона у них имелись все основания так считать. Манипуляторы входили в некий симбиоз со скверной, пожиравшей их не так, как прочих. Вот только вряд ли именно Дегонис додумался как такое сделать. Это ему мог подсказать тот, кто стоял за его спиной и кто являлся его собственным Покровителем.

Такие мысли витали у Илианы, когда она вместе со своей якобы хозяйкой обходила помещения Тель-Анума, внимательно примечая все увиденное и услышанное. Определенно демонологи продвинулись в своих возможностях очень далеко, оставив позади всех предшественников. Продвинулись — и все еще имели человеческий облик, пусть и навсегда обращенный к злу; обретали все большую силу — и до сих пор за нее не расплачивались самым тяжелым образом. А демоны ничего не делают просто так. Так что же на самом деле стоит за новым мировым порядком Дегониса? Он ли будет им управлять при поддержке Покровителей, даро-

вавших свою милость, или же сам колдун лишь марионетка в их руках? Средство, позволяющее достичь собственных интересов. И это средство нужно всячески оберегать, в том числе и от типичной судьбы всех демонологов. А если это так, то необычная сохранность Дегониса и его компании начинает представать в объяснимом и крайне зловещем свете.

— Опять твоя служанка о чем-то призадумалась, — сказал Жельдорф, кивнув на Илиану.

Верховный колдун с гордостью показывал ведьме свои владения, от которых та внутренне приходила в ужас, а внешне выказывала полный восторг. Решив, что нежданная гостья с рудника все равно никуда не денется, а пользу принести может, он внял ее ненавязчивому любопытству и стал рассказывать что здесь к чему. Жельдорф даже ворчал, что ведьма его околдовала, раз он снизошел до таких откровений. Уна ему понравилась, и колдун, устраивая ей экскурсии, соображал где использовать ее таланты. Пожалуй, разрушающие заклятья и Овумусы — это то, что нужно. Если она сумела в одиночку пройти к Мильму, то ей цены нет в противостоянии с чародейками. Что же касалось Овумусов, то иметь под рукой доверенную ведьму, способную прямо на месте принимать деятельное участие в создании гибридных чудовищ — тут даже не знаешь что лучше.

— Я поручила ей кое над чем поразмыслить, — пояснила Уна. — Она ж у меня ходячий кладезь знаний, а меня интересует нечто из ведовского искусства. Сама-то она колдовать не может, но если докопается до истины, то я смогу внести серьезную лепту в наше общее дело.

— Полезная девушка, — кивнул старший Манипулятор. — Мне бы здесь тоже не помешали такие одаренные личности. Теперь я понимаю на кой ты таскаешь ее с собой. Пожалуй, я всем вам найду подходящее занятие. Даже твоим наемникам. Как я посмотрю, они ничуть не воротят нос от наших дел, а это ценное качество. Хорошие воины нам тоже нужны. Даже девчонка с косой пригодится. Будет кому в столовой помогать пока ты занята работой.

Девчонка с косой отвернулась, скрывая недовольное выражение. Ради общего дела принцесса была согласна побыть для прикрытия у Манипуляторов на побегушках, но это не значит что такая роль ей шибко нравилась. Старательно наведенный макияж преобразил ханскую дочь, ибо женщины способны основательно менять внешность и без всякого колдовства. Даже если кто-то из обитателей Тель-Анума видел Талару в Солтенстиле, он вряд ли узнал бы ее в новом амплуа. Это же касалось и Илианы, немного поработавшей над своим образом. Для друзей обе девушки оставались прежни-

ми, но те, кто видел их лишь мельком, теперь ни за что не раскроют их личности.
— Кстати, как продвигается работа с теми манускриптами? — осведомилась Уна.
— Отлично! Просто отлично! — ответил Жельдорф, показывая гостье очередной зал, где алхимики в масках сновали туда-сюда в клубах какой-то зеленоватой взвеси. — Осталось лишь добиться устойчивого появления Очага непосредственно над Овумусом, но это уже дело техники. Попозже я обязательно покажу вам опытный образец, когда он заработает как задумано.

Для этого необычного и доверительного разговора имелись все основания, равно как и для того, что старший Манипулятор вдруг надумал познакомить гостью и ее служанок со своим хозяйством. Говоря будто ведьма его околдовала, Жельдорф был весьма недалек от истины. Просто сделала это не Уна, а Илиана, незаметно подтолкнув старшего колдуна в нужном направлении. Ведьма производила на Жельдорфа крайне благоприятное впечатление. Ее внешность и таланты заставляли его мыслить в несколько необычном русле. Уверившись, что Уна и впрямь с рудника никуда не денется, он позволил себе обойтись без лишней строгости и начинал считать, что бедолага Злуст был не так уж неправ, взяв себе в спутницы такую примечательную ведьму. Разумеется, одного эмоционального влияния, создаваемого Илианой, было бы недостаточно, тем более для нее самой. Лже-служанка Уны умудрилась серьезно отличиться в глазах старшего Манипулятора, чем и была вызвана отпущенная в ее адрес благосклонная реплика. Случилось это на следующий день после прибытия диверсантов в Мильм. Жельдорф принял ведьму в своем кабинете, чтобы решить ее дальнейшую судьбу, куда затем вызвал и служанок. Уна представила Илиану как свою помощницу по ученой части, особенно расхваливая умственные способности девушки, ее отличную память и обширные познания. Колдун слушал недоверчиво. Если ведьма уже вызывала у него долю уважения самим своим появлением в Тель-Ануме, то обычная девчонка в его глазах особо ничего не стоила. Внимая Уне, Жельдорф бегло изучал Илиану, поэтому не сразу осознал, что та с явным интересом смотрит на край стола, где он сложил вчерашние манускрипты. Причем смотрит с характерным огоньком в глазах, свидетельствующим о работе мысли. Жельдорф не любил прерывать работу, поэтому просто отложил ее в сторонку, собираясь вернуться к ней сразу, как будет покончено с текущим вопросом.
— Ей, голубушка, ты таращишься на мои бумаги так, будто что-то в них понимаешь! — заявил вдруг старший Манипулятор, жестом

остановив словоизлияние ведьмы.
— Простите, господин. Если их нельзя читать, я больше не буду, — извиняющимся тоном произнесла Илиана.
Ее интерес был неподделен. Манускрипты лежали рядом двумя маленькими стопками, и верхние листы содержали кое-что весьма важное про создание некоего Очага, о котором девушка уже слышала от Сирелины. Для Илианы не составляло особого труда просматривать текст вверх ногами, поэтому она, пользуясь случаем, старалась вникнуть над чем работает старший колдун.
— В смысле — читать?! — произнес ошарашенный Жельдорф. — Ты хочешь сказать, что понимаешь написанное, да еще вверх тормашками?!
— Да, мне знакомы эти письмена, — кивнула Илиана. — Это очень интересный язык и интересная наука.
Она ничуть не лгала. По крайней мере, насчет первого. Положение обязывало, и о враге следовало знать как можно больше. Именно поэтому сестры Альмирстала допустили Илиану до запретной библиотеки, где она в какие-то фантастические сроки изучила несколько колдовских языков, включая те, с которыми работали демонологи.
— Врешь! — искренне изумился старший Манипулятор.
— А я что вам говорила, господин! — живо заметила Уна. — Моя служанка очень талантлива. Настоящий кладезь знаний. Жаль, что она не владеет колдовским даром — какая бы из нее вышла ведьма!..
— А ну-ка! — не удержался от искушения Жельдорф.
Разложив на столе манускрипты, он подозвал девушку и велел ей озвучить их содержание с указанного места. Илиана без малейшей запинки спокойно прочла самые трудные фрагменты, причем в идеально правильной интерпретации.
— Поверить не могу! — воскликнул старший колдун. — Милочка моя, а откуда тебе известны эти письмена?! Они доступны лишь немногим посвященным. Очень немногим.
— Пару лет назад я стянула несколько книжек у одной из женщин, называющих себя сестрами Гексенхаммера. Уна их очень не любит, а мне они не опасны, так как я не ведьма. Эта дура на меня и внимания не обратила, а я обшарила ее поклажу и прихватила себе кое-какие вещички. Там оказалось два учебника по этому языку, и я его освоила, хотя в одиночку было довольно трудно, — скромно объяснила Илиана. — Это одна из причин, почему Уна держит меня при себе.
— Клянусь Неомольфом, и я бы не отказался от столь одаренной особы! — всплеснул руками Жельдорф. — Ничего себе дела! У бабы

из Гексенхаммера, говоришь? Да, она вполне могла иметь такое с собой. Небось, отобрала у кого-то из наших. Жаль, что ты лишь обчистила ее карманы, а не прирезала как свинью!
— Это было слишком опасно. Но если бы она угрожала нам с Уной, я бы так и поступила, — не моргнув глазом ответила Илиана.
Колдун несколько секунд обводил ее взглядом с головы до ног.
— Мне нравится твоя служанка, — произнес он, явно впечатленный услышанным. — Теперь мне ясно на кой ты рисковала, делая за ней крюк на много миль в сторону.
— Могу я спросить, господин? — сказала Илиана.
— Валяй, — кивнул Жельдорф.
— А почему эти манускрипты лежат здесь? Осмелюсь заметить, такой человек как вы вряд ли будет листать подобные бумаги исключительно чтобы скоротать время. Вы над ними работаете? — с почтительным интересом спросила девушка.
Жельдорф и сам не заметил как ввел служанку ведьмы в курс дела, поделившись своей проблемой. Позднее, вспоминая об этом событии, он гадал об удивительном стечении обстоятельств и своей необычайной снисходительности, но ни разу об этом не пожалел. Илиана, склонившись над манускриптами, глубоко призадумалась, но размышляла она отнюдь не над тем, о чем предполагал старший Манипулятор. Девушка довольно быстро нашла где он допускал ошибку и почему, и теперь решала для себя говорить ему об этом или нет. Очаг представлял собой эдакий малый проем между мирами, через который способна проливаться скверна. Без поддержания такой Очаг долго не существовал, но концентрация скверны, проходящая через него сродни речному потоку, могла использоваться для разных целей, и уж всяко недобрых. Если колдуны научатся расставлять такие проемы где угодно, да еще долгоиграющие, то они станут сразу на несколько шагов ближе к своей цели. С другой стороны, Жельдорф вряд ли успеет пожать плоды открытия, так как в задачу Илианы входит саботаж дьявольского гнезда, зато какой случай втереться в доверие!
— Кто-нибудь это уже проделывал? — спросила Илиана, терзаясь сомнениями.
— Да. Но только не здесь, — неохотно ответил старший Манипулятор. — Моя задача — освоить создание Очагов и применить их на практике.
Сомнения Илианы исчезли. Раз так, она не сообщит колдуну ничего нового, а лишь даст ему временную иллюзию успеха.
— Вот здесь, в этом месте, когда вы воплощали внешний контур, огни Баруда зажигались одновременно? — спросила она, указывая пальцем на означенный фрагмент.

— Да, а что? — озаботился Жельдорф.
— В зависимости от знака препинания, это выражение может означать не настоящее время, а только что свершившееся событие, — пояснила Илиана. — Полагаю, отсутствующий знак препинания в области протертости манускрипта. Документ очень старый, о чем свидетельствуют желтизна и прорехи, и знак оказался утрачен, чем и ввел вас в заблуждение. Я думаю, здесь написано, что огни должны быть зажжены сразу перед воплощением внешнего контура, а не одновременно с ним. С крохотной разницей во времени. В такой сложной науке даже малейшего отклонения вполне достаточно, чтобы весь процесс не принес результата.
Несколько минут Жельдорф хлопал глазами, склонившись к манускрипту, и изучал его так, будто видел впервые. Затем, тщательно изучив означенное место в увеличительное стекло и несколько раз перечитав упомянутую фразу, изменился в лице.
— Да что б мне провалиться! — ошарашено воскликнул он, воззрившись на девушку. — А ведь и правда, такое вполне может быть! Клянусь, если ты права, ты достойна награды!
Надо ли говорить, что догадка Илианы подтвердилась. Жельдорф, сгорая от нетерпения, выпроводил гостей, предложив им скоротать время за едой и напитками, выбирая все, что душе угодно, а сам ринулся ставить эксперимент. Уже через три часа Уну и ее служанок позвали обратно. По выражению клювастой физиономии вся троица догадалась, что колдун преуспел, о чем его тут же спросили и получили утвердительный ответ.
— Ну, что я говорила? — улыбнулась Уна. — Она у меня умница! Ах, какая бы из нее вышла ведьма!
— Не только ведьма. Она заняла бы достойное место в кругу моих коллег, если бы только владела колдовским даром. Какая жалость, что это не так, — согласился Жельдорф.
— Мы с ней — отличная команда. Потому я и попросила нас не разлучать, — заметила Уна.
— Добро! — заявил Жельдорф. — Вот что, дорогие мои. Вы находитесь на очень серьезном объекте, засекреченном даже от большинства других колдунов. Я не могу вас сейчас отсюда выпустить, но предлагаю следующее: если вы проявите себя должным образом, то по окончании войны я обеспечу вам будущее, достойное ваших талантов. Ведь когда мы победим, уже будет без разницы разболтаете вы кому-нибудь о Тель-Ануме или нет. А такие толковые помощницы мне очень даже пригодятся, так что жаловаться вам на безделье и награду не придется. Устраивает вас такой вариант?
— Меня — да, учитывая, что ждать осталось недолго. Ведь мы со-

крушим чародеек до конца этого года. А тебя, хозяйка? — произнесла Илиана с самым серьезным видом.
— Меня тоже. Тем более альтернатива вряд ли будет столь же благоприятной, — кивнула Уна.
— Вот и отлично! — довольно потер ладони колдун, став похожим на торговца, только что обтяпавшего выгодную сделку.
И уже на третий день он лично вовсю показывал своим новым сотрудницам одно из самых тайных убежищ Манипуляторов даже не подозревая, перед кем открывает все имевшиеся в нем секреты.

Вечером четвертого дня Илиана сделала спутникам условный знак, означавший, что предстоит важный разговор и им нужно собраться всем вместе. Столовая для этого никак не подходила, но диверсантов поселили в смежных комнатах. Трое наемников, а на деле воинов из личной охраны Илианы, Жельдорф собирался определить в гарнизон Тель-Анума, но оставил их вблизи от хозяйки. Та же со своими служанками обосновалась в соседнем помещении, на поверку оказавшемся вполне приличным. Старший Манипулятор, окончательно введенный в заблуждение, беспечно отнесся даже к вооруженной Таларе, представленной ему доверенной девушкой на побегушках. В ее обязанности входило таскать за хозяйкой вещи, выполнять различные поручения и охранять Уну от всяких посягательств, в том числе от собственных наемников. Жельдорфу даже в голову не пришло насколько опасна Талара, да еще со своим зачарованным клинком, поэтому он не нашел в просьбе ничего предосудительного. В конце концов, чего плохого, если эти три девицы будут находиться вместе? Так и хлопот меньше, чтобы не разбегались по руднику и не смущали почем зря трудившихся там аскетов. К тому же старший колдун обещал Илиане награду за ее ценную помощь с манускриптами, а посему отнесся к простым желаниям гостей снисходительно, тем более они становились его сотрудниками. Таким образом, когда вечером все шестеро очутились в комнате ведьмы, это ровным счетом никого не удивило. Уна громогласно раздавала распоряжения мужчинам, коротко перечисляя их будущие обязанности, за что-то ворчала на Талару и оживленно переговаривалась с Илианой насчет кронусов и лапургов. Вся эта комедия устраивалась для периодически проходивших мимо колдунов и преданных им солдат. Затем, когда наемники ведьмы плюс Талара притащили в комнату кувшины с вином и закуску, вся компания прекратила разговоры, переключившись на азартные игры в карты и кости. На деле, укрывшись за колдовским барьером, принялась обсуждать план действий.
— Все идет как нельзя лучше, — сообщила Илиана, открыв собра-

ние. — Ход с манускриптами очень помог, хотя мы бы все равно так или иначе втерлись к старшему в доверие. Я ловко сыграла на его настроении и пороках. Ты ему очень нравишься, Уна. По правде говоря, ему приглянулись мы все трое, но он просто чудовищный шовинист и женщин без колдовского дара вообще за людей не считает. Меня он оценил лишь за редкие знания, являющиеся в его глазах пропуском в узкий круг посвященных. Будь я ведьмой, этот гнусный тип попытался бы воплотить легенду об Уне и Злусте в действительность с собой и мной в главных ролях.
— И они еще называют себя Манипуляторами, — ехидно скривилась ведьма. — Поразительно ты их обрабатываешь, аж завидки берут!
— Свое дело они очень даже знают, так что недооценивать их нельзя, — наставительно подняла палец Илиана. — Если вы не заметили, он прощупывал вас всех, нагнетая определенный фон, просто по-своему. А я сводила его усилия на нет, позволяя вам оставаться спокойными и рассудительными, не выдавая своих подлинных чувств и намерений. Эмоции — великое оружие, если правильно уметь ими пользоваться. В лобовую атаку я не пошла, ибо она тут бесполезна. Требовалось грамотно разыграть имеющиеся карты, усиливая нужные впечатления и нивелируя неблагоприятные. Формально Жельдорф не сделал никакой ошибки, и его действия продиктованы известной логикой. Просто я помогла ему отбросить все сомнения и пойти по нужному нам пути. Он же не знает кто мы и с какой целью прибыли. Он считает, что обзавелся очень полезными подчиненными, которые все равно за рудник шагу не ступят, а значит и скрывать от них что-либо не имеет никакого смысла. Наоборот — посвятить во все означает извлечь потенциальную выгоду.
— Об этом я и говорила: и они еще называют себя Манипуляторами, — подмигнула Уна.
— Скажу еще раз: формально он не совершил никакой ошибки, ибо я лишь использовала естественные обстоятельства в нужном нам свете, — терпеливо повторила Илиана. — Он же не знает, что мы собираемся сделать.
— А что мы собираемся сделать? — живо спросила Талара.
— Что бы ни собирались, лучше побыстрее. Скоро они забеспокоятся почему нет ответа из ставки, — заметил Ульм.
Илиана одарила его легкой улыбкой. Решительно, этот воин ей нравился, трудно сказать почему. Из всех посторонних людей он как-то довольно быстро вошел в доверие и сейчас фактически заменял Бэйла. Лучше всего, конечно, иметь под рукой обоих, но взять гладиатора было невозможно. Он бы сразу обо всем расска-

зал Сирелине, и тогда без скандала из Данерхейма не выберешься. Изначально Илиана вообще хотела отправиться вдвоем с Уной, но после разговора с Таларой по зрелому размышлению решила прихватить с собой и Ульма. Тот, проникнувшись духом опасной экспедиции, предложил взять еще двоих доверенных людей, кто не выдаст план Рубистеллы ради ее же безопасности. Илиана согласилась на уговоры, в результате чего и сформировался нынешний отряд, готовый ко всему. Только этому отряду действительно следовало пошевеливаться. С той минуты, как Илиана и компания исчезли в недрах рудника, привлеченные ей птицы взяли Мильм в круговую блокаду. Ночью вахту несли многочисленные совы и филины, а в светлое время суток их сменяли орлы и соколы. Любой почтовый голубь, отправленный Манипуляторами, был обречен, ибо на него тут же бросались воздушные перехватчики. Кронусам везло ничуть не больше. На открытой прямой их скорость была несравнимо выше чем у совы, но летучие мыши, принимавшие участие в блокаде, своим ультразвуком сбивали им ориентацию в пространстве, после чего ночные хищники легко расправлялись с почтовой нечистью. Никто не мог улететь из Мильма и прилететь в него, о чем колдуны даже не догадывались. Трое суток полного отсутствия входящей корреспонденции — срок небольшой, но еще несколько дней — и у Жельдорфа появятся основания для тревоги, особенно если он посылал какие-нибудь срочные запросы. Сколько-то дней компания диверсантов будет в безопасности, но затем колдуны могут сопоставить странное молчание внешних контактов с появлением гостей, и лучше до этого не доводить. Илиана, впрочем, и не собиралась.

— Я знаю каким образом мы нанесем удар по этому злодейскому гнезду! — заявила она. — Даже если мы и не уничтожим все подчистую, то Тель-Анум получит такой огромный ущерб, что еще не скоро оправится от потрясения.

Присутствующие обратились в слух, гадая, каким образом они, шестеро, способны провернуть нечто подобное, учитывая, что заклинатель среди них был всего один.

— Мы обернем против Манипуляторов их же оружие, — улыбнулась Илиана с таким стальным блеском в глазах, что спутники поежились.

Весь следующий час она неторопливо и методично посвящала заговорщиков в свой план, веявший холодной расчетливостью.

* * *

Группа алхимиков как раз заканчивала свои изыскания, ко-

гда из внешнего коридора донесся странный шум. Казалось, в шахте кто-то хлопает крыльями, будто некий растяпа выпустил из клетки почтовых голубей. Алхимики работали в самой отдаленной части рудника, по соседству с обширными складскими помещениями. Теми, где хранились отнюдь не пищевые припасы и предметы хозяйственного обихода. Поначалу алхимики не придали этому особого внимания, но звуки быстро усилились, приобретая массовый характер. Алхимики удивленно переглянулись. Один из них проследовал к двери и приоткрыл ее, желая выяснить источник шума, к которому теперь примешивались писк и тихий скрежет. В следующую секунду он с воплем упал на спину, сбитый с ног какими-то существами. Его коллеги даже не успели ничего понять, как приоткрытая дверь распахнулась под напором ринувшихся в зал тварей. На осклабленных мордах горели кровожадным безумием оранжевые глаза. От продолговатых туловищ, державшихся в воздухе за счет кожистых крыльев, протянулись лапы с длинными острыми когтями. С истошным визгом твари моментально заполонили зал и облепили находившихся там людей. Всего несколько секунд — и те превратились в комки боли, разрываемые в кровавые клочья десятками чудовищ. Ничего не соображая, они метались взад и вперед, отчаянно размахивая руками, спотыкались, падали, вставали и снова падали, поглощенные свирепостью крылатого вихря. Свет померк для них гораздо раньше, чем последний алхимик бездыханным упал на пол, истекая кровью из огромных прорех в плоти. В считанные минуты визжавшая стая обглодала тела до костей, оставив на них лишь изорванные фрагменты одежды.

Нараставший шум и неожиданно раздавшиеся в отдалении вопли безмерно удивили и озадачили обитателей Тель-Анума. Крики, эхом доносившиеся с одного из секторов рудника, производили весьма тревожное впечатление. Быстрее всего среагировали Манипуляторы работавшие по соседству. Приостановив зачарование предметов, они поспешили к выходу чтобы узнать в чем дело. Долго им гадать не пришлось. Большой зал не закрывался, поскольку никто не видел необходимости сооружать огромную дверь в не менее огромном проходе. Из-за ближайшего поворота навстречу колдунам выскочило полдюжины глустров. Остолбенев, те смотрели, как тенепсы бегут прямо на них, разинув оскаленные пасти. Предполагаемые намерения чудовищ доверия не внушали. Брошенные впопыхах команды не принесли ни малейшего результата. Манипуляторы все еще не понимали что происходит, когда глустры, добежав до самого первого их них, разорвали его в мгновение ока. Разразившись испуганными криками, колдуны бросили

в исчадий тьмы несколько заклятий. Одно из них попало точно в цель, и тенепес осыпался быстро исчезавшей мелкодисперсной пылью. Двое других кувырнулось, истошно взвыв — искажающие заклинания лишили их дееспособности. Трое оставшихся, оставив поверженную жертву, устремились к колдунам. Те, растерянно переглянувшись, приготовились было сразить их похожим образом, но в этот момент в зале объявилось еще с десяток глустров, а над ними, хлопая крыльями, показалась визжавшая стая каких-то тварей. Колдуны, побледнев, бросились врассыпную, ища укрытие. Твари были им очень хорошо знакомы. Очевидное сходство между кронусами и лапургами позволяло идентифицировать их безошибочно. Паника — худший помощник. Впрочем, совладать с таким количеством объявившейся нечисти Манипуляторы просто не могли, и бегство действительно являлось для них лучшим выходом. Вот только бежать-то им было некуда. Одного, отбивавшегося заклинаниями, догнали глустры, но это дало другим небольшую отсрочку. Второй, истошно вопя так же, как и первый, пал жертвой крылатой стаи, чьи зубы, острые как у пираньи, оставляли царапины даже на стали. Колдуны, спасаясь, швыряли заклинание за заклинанием, но чудовищ было слишком много. Один сгоряча залез на стеллажи, воспользовавшись приставленной для этого лестницей. Избежав глустров, он попал прямиком в объятия летучих хищников, обглодавших его наполовину еще до того, как хрустнули грянувшиеся с высоты кости. Составленные столы с колбами, ретортами и замысловатыми колдовскими инструментами служили неплохим укрытием с воздуха, но не давали защиты от четвероногих убийц. Забравшиеся под них колдуны успешно отбивались от атак, творя заклинания и отлягиваясь от рычавших осклабленных морд, пока глустры не зашли разом со всех сторон. Хватая жертв за конечности, они вгрызались в плоть, ломая кости и лишая колдунов возможности наводить чары. Пространство под столами охватило кровавое пиршество. Дольше всего держались попрятавшиеся в шкафах. На их беду, мебель не была рассчитана на противостояние лютовавшей ораве. Бросавшиеся на створки монстры разбивали стекла, расшатывали дверцы, срывали их с петель и наконец добирались до орущих в ужасе людей. Ни команды, ни управляющие заклинания на озверевших чудовищ не действовали. Манипуляторы, пожираемые один за другим, сами пожинали плоды собственноручно сотворенного зла.

Рудник был довольно большим и протяженным, вследствие чего разраставшийся хаос в одном секторе некоторое время оставался незаметен для другого. Дежурные несли свою вахту, колдуны и солдаты ходили туда-сюда по делам. Кто-то катил вагонетку,

кто-то направлялся к месту работы или отдыха. Шум и истошные крики, взбудоражившие ближайших сотрудников, для кого-то были не слышны, поэтому выскочившие из ниоткуда монстры нападали совершенно неожиданно и безнаказанно. Четверо солдат, душой и телом преданных Манипуляторам, хоть и носивших эмблему Красной саламандры, шли в направлении склада и оказались растерзаны в считанные секунды. Их участь тут же разделила другая группа, следовавшая в соседнем штреке. Заполонившие тоннель чудовища быстро растекались в боковые ходы, повергая все на своем пути в безумие кровавого хаоса. Некоторые люди, тревожно прислушиваясь к нараставшей симфонии кошмара, соображали что им следует предпринять, и вдруг с потолка на них сваливалась какая-то масса. Жертвы оказывались погребены под чьими-то крупными телами с жесткими волосками, и острые неумолимые челюсти смыкались на незащищенных шеях. Малочисленная стража, выставленная скорее для порядка, не ожидала нападения, и при появлении монстров упускала драгоценное время, испытывая шок, становившийся для нее фатальным. У тех же, кто сталкивался с чудовищами из-за поворота, шансов не было вовсе. Они даже не успевали осознать происходящее.

И вот наконец по Тель-Ануму прокатился протяжный сигнал тревоги. Он успел повториться трижды, прежде чем прервался на самой середине тягучей интонации. Манипуляторы, бросая работу, выскакивали из производственных залов и лабораторий; солдаты, покидая казармы, строились в боевой порядок. Никто не знал что происходит, поэтому все сотрудники следовали инструкции, составленной на случай вторжения врага. Вторжение, разумеется, ожидали снаружи, поэтому узрев перед собой полчища нечисти люди тратили важнейшие секунды, оборачивавшиеся для них катастрофическими последствиями. Следуя в направлении главного входа, один из отрядов солдат подвергся нападению с тыла, когда полторы сотни всевозможных монстров высыпали сразу с двух боковых коридоров и сходу кинулись на свежую плоть. По наклонному полу шахты потекли ручьи крови, журча на неровностях и перекатах будто самая обычная вода. Группа Манипуляторов, покинув зону отдыха, ошеломленно наблюдала, как к ним, шелестя конечностями, бегут из глубины рудника похожие на пауков восьмилапые существа. В отличие от обычных арахнидов, эти чудовища имели колдовское происхождение, основу которого составляла скверна. Асмиксы — так они назывались. Каждая тварь была размером с горного барана и могла отожраться до крупной коровы. Это они падали с потолка на ничего не подозревавших людей, разя их челюстями и ядом, и именно они сейчас

потоками вторгались в зал подле зоны отдыха на глазах остолбеневших колдунов. Они ползли по потолку, усеивали стены, спрыгивали на пол, быстро перебирая ногами, а в их черных глазках читался неутолимый голод. Четыре жвала хищно расходились в диаметрально противоположные стороны, обнажая сочащуюся ядом пасть. Каждое жвало увенчивал острый крюк, несущий погибель. Такую же погибель несло и жало, спрятанное в окончании плотного бронированного брюха. Сила его удара была такова, что оно пробивало самые лучшие стальные латы. В отличие от обычных пауков, каждый асмикс имел две основные отличительные особенности. Он умел прятать голову в туловище как черепаха, и в нужный момент выбрасывал ее оттуда, всаживая в жертву смертоносные клыки. При этом никакой паутины асмиксы не плели. Они кидали в цель комки слизи из грудного органа, и эта слизь обладала невероятной клейкостью, немедленно сцепляя все, к чему только прикасалась. Попадая на рукав, она въедалась в него намертво, и стоило им зацепиться за что угодно, как единственным способом освободиться становилось избавиться от рукава. Что творилось при этом с кожей — рассказ не для слабонервных. Колдуны встретили асмиксов шквалом заклинаний. Загрохотали электрические разряды. Брошенные шары гулко взрывались, исторгая мощные рукава многочисленных молний. Потянуло жуткой вонью от опаленных тел бронированных чудовищ. Те не остались в долгу и обрушили на Манипуляторов лавину плевков. Колдуны, в отличие от простых солдат, имели возможность защититься, и чародейские барьеры уберегли их от разящего залпа. Поодиночке и группами асмиксы валились на пол, сраженные искажающими заклятьями, осыпались в прах, лопались как спелые плоды, забрызгивая пол и стены своими внутренностями. Но их было много. Слишком много. И они очень быстро приближались. Исторгаемые на ходу плевки мало по малу достигали цели, резко снижая подвижность колдунов. И вот уже первые ряды добрались до людей. Последние ярды асмиксы преодолевали молниеносными прыжками. Спущенной пружиной они бросались на жертву, спрятав голову, а в последний момент выбрасывали ее для смертельного удара. Первые Манипуляторы пали. Остальные исторгли сокрушительную волну заклятий, отбросившую взбесившуюся нечисть, но отсрочка была недолгой. Лишь треть людей успела укрыться в жилом отсеке, откуда они столь опрометчиво вышли всего пару минут назад. Асмиксы ничего не могли поделать с возникшим препятствием и бессильно топтались снаружи, шелестя конечностями, цвиркая и пируя доставшейся на их долю добычей. Дрожащие, насмерть перепуганные колдуны перевели дух. Происходящее казалось им ка-

ким-то бредом, плодом воспаленного воображения. Порождения зла, собственные исчадия вдруг обратились против своих создателей, не слушая команд, не обращая внимания на управляющие чары. Это было просто немыслимо, и Манипуляторы, обретя передышку и дар речи, наперебой принялись говорить, высказывая различные предположения. Не иначе какой-то дебил допустил ошибку в очередном опыте, сказавшуюся столь катастрофическим образом! Будь у колдунов больше времени они, быть может, и догадались бы о причинах разразившегося бедствия, но его-то у них и не оказалось. Без всяких видимых причин дверные петли вдруг звонко лопнули, а створка, качнувшись, гулко грохнулась на каменный пол, придавив пару теснившихся за ней чудовищ. В образовавшийся проем тут же хлынули вконец озверевшие от запаха крови асмиксы. Колдунов смяли в считанные секунды.

В положении людей Тель-Анума хуже всего было то, что они не имели в своем распоряжении мощных средств уничтожения порождений тьмы и скверны. Сестры Гексенхаммера без труда остановили бы волны нечисти, всаживая в нее заклинания света, которого та панически боялась. Узкое пространство играло бы им только на руку, позволяя сносить орды атакующих всего несколькими направленными заклятьями. Манипуляторы в силу своей нечестивой природы такими возможностями не обладали, а бить подобное подобным было не слишком эффективно. До сего момента им и в голову не приходило, что однажды придется сражаться с самими же созданными полчищами. Средства контроля не действовали и твари, невесть как оказавшиеся на свободе, кидались на все, что движется, не делая разницы между хозяевами и другими людьми. Сопротивление обитателей рудника серьезно осложняло разнообразие чудовищ. Если для чародеек было практически все равно кого разить жгучим светом, невыносимым для любого исчадия тьмы или скверны, то Манипуляторам требовался особый подход. Одни монстры осыпались в прах развеивающим заклятьем, но другие оставались к нему совершенно безучастны. Каких-то тварей отлично обезвреживали искажающие чары, однако носители скверны плевали на них с высокой колокольни. Ядовитыми облаками, прекрасно действовавшими против людей, чудовищ и вовсе нельзя было пронять, равно как и многими другими вещами. Электричество и огонь, отлично поджаривавшие определенный вид, крайне плохо поражали другой или не поражали вовсе. Шипы, защитные барьеры, жижа и прочие оборонительные средства имели эффект, но те же моровые мухи не приносили никакого результата. Сотворив кошмар, колдуны внезапно столкнулись с фактом собственного бессилия перед этим кошмаром.

Вскоре практически весь рудник охватило нечто невообразимое. Одиночки и небольшие группы быстро пали, не в силах дать взбунтовавшейся нечисти хоть какой-то отпор. Уцелевшие пытались защищаться, но разрозненность и отсутствие общей координации усугубляли и без того критическое положение. Пока часть колдунов вместе с солдатами отбивалась от наседавших тварей, другие пытались найти укрытие, запираясь в комнатах и даже простых тупиках. И там они оказывались в еще худшей ситуации, попадая в безвыходное положение. Едва чудовища подступали к преграде, как та ни с того ни с сего рушилась, открывая им свободный проход. Клетка Изгары, активно применяемая чародейками, Манипуляторам не была доступна, а стены тьмы, отлично пожиравшие людей в том же горде холдакса Врандга, для монстров препятствием не являлись. Будь у колдунов больше времени, они, возможно, и сумели бы организовать оборону должным образом, однако внезапность и неразбериха, наложенные на саму немыслимость ситуации, сыграли решающую роль. Им решительно нечем было на скорую руку заблокировать срывавшиеся с петель двери, починить выходившие из строя запоры. Врывавшиеся толпой твари не оставляли очутившимся в замкнутом пространстве людям возможности для маневра. Одна за другой залы и комнаты превращались в склепы, где порождения тьмы и скверны тут же устраивали кровавое пиршество, силясь заглушить неутолимый голод. Но наесться они не могли, и их было слишком много. Тель-Анум сконцентрировал в своих недрах огромное количество монстров, содержавшихся в особых загонах. Их выращивали разными способами, на них ставились эксперименты; погруженных в анабиоз, их доставляли к местам выпуска. Одним словом, в арсенале Манипуляторов было припасено немало нечисти, и теперь вся эта нечисть одновременно атаковала рудник. Вся, включая полтысячи кропургов — тех самых гибридов лапурга и кронуса. Опытная партия дожидалась своего часа, и вот он наконец-то пробил, только совсем не так, как рассчитывали ее создатели. Кропурги, налетая целым роем, превращались для обитателей Тель-Анума в неотразимый рок. С диким визгом они бросались на жертв и в считанные секунды разрывали их в клочья, не обращая внимания ни на клинки, ни на заклинания. И не было от этого роя спасения, а их насчитывалось несколько штук, носившихся по руднику в поисках добычи. Пока глустры, асмиксы, лешие и прочая наземная нечисть заполоняли штреки и штольни, толпами кидаясь на все что движется, кропурги налетали сверху, неожиданно выскакивая из любой прорехи. Вентиляционные каналы, колодцы и скважины служили им идеальным путем распространения. Группа людей,

успешно дававшая отпор волнам нечисти, неожиданно оказывалась атакована сверху или с фланга крылатой напастью, проникшей через упущенный из виду воздуховод. Всего нескольких тварей, со всего маху вклинившихся в сплоченную команду людей было достаточно, чтобы привести ее в смятение и тем самым позволить сдерживаемым монстрам прорвать оборону. Тель-Анум — это средоточие зла, — от края до края наполнился визгом, ревом, хрипом и шумом от множества крыльев и конечностей, сливаясь с грохотом заклинаний и гулом вздымавшегося пламени, и в этой симфонии ужаса отовсюду слышались душераздирающие крики. Смерть, которую щедро сеяли Манипуляторы, явилась к ним в обличье собственных творений.

Большой отряд колдунов и солдат собрался вблизи от выхода из рудника. Туда твари добрались в последнюю очередь, поэтому у людей, оказавшихся дальше всего от начала событий, было больше времени сплотиться. Отряд возглавлял второй помощник Жельдорфа. Первый, судя по всему, сгинул в вихре когтей и челюстей, когда полчища чудовищ добрались до зоны с рабочими кабинетами. Вероятно, старшего Манипулятора постигла та же участь, поскольку его с самого начала бедствия никто не видел. Громовым голосом отдавая команды, второй помощник эффективно удерживал оборону, быстро соображая что следует предпринять. Под его началом сейчас находилось около пятидесяти человек, и до выхода было рукой подать. Отступить и бросить своих? Колдун, возможно, так бы и поступил в каком-нибудь другом случае, но гнев Дегониса страшил его не меньше озверевших чудовищ. Мастер вряд ли оценит позорное бегство с рудника и гибель множества ценных сотрудников. Второй помощник Жельдорфа никак не мог принять решение, поэтому его отряд топтался на месте, успешно уничтожая подступавших монстров, но и никуда не двигаясь. Бесконечно долго так, однако, продолжаться не могло. Нападавших становилось все больше, а позиции обороняющихся отнюдь не улучшались. Подчиненные мало-помалу начинали роптать. Им совершенно не улыбалось разделить с коллегами жуткую участь, а было очень нетрудно догадаться о причине истошных воплей и их быстром замирании. Второму помощнику отчаянно не хотелось брать на себя ответственность за потерю Тель-Анума, хотя он с удовольствием отпраздновал бы труса и сбежал. Будь здесь Жельдорф, решение принимал бы он, но старший колдун отсутствовал. Видимо, с концами. С остальных-то Манипуляторов и взятки гладки, тем более с солдат, а спросит Дегонис с того, кто отдал приказ. Второй помощник очутился в крайне неприятной ситуации и желал бы избавиться от ложившегося на него бремени любой ценой,

но выбор у него был невелик. Становиться добычей для чудовищ он жаждал не больше остальных, но при этом и расплачиваться за все придется ему одному. Мучительно напрягая извилины, второй помощник наконец придумал выход, показавшийся ему вполне удачным.

— Слушайте все! Ждем еще четверть часа, чтобы подождать как можно больше наших! Потом отходим наружу и встаем лагерем в холмах! Отобьем рудник назад, когда полностью разберемся в происходящем! — крикнул он, заглушая шум схватки и визг наседавших чудовищ.

В ответ послышался одобрительный гул голосов. Подчиненные не слишком обрадовались столь длительной задержке, но нашли ее причину уважительной, а итоговую идею и вовсе замечательной. Убраться подальше от взбесившихся отродий, а уж там и видно будет! Второй же помощник внутренне ликовал. Он не отдал приказ бежать, бросая все и вся, а велел организованно отступить, собрав как можно больше людей. Отступить в безопасное место, чтобы оттуда, разведав обстановку, вернуть Тель-Анум обратно. Теперь Дегонису будет сложнее обвинить его в трусости, и в качестве доказательства у второго помощника имелось множество свидетелей. Пятнадцать минут — вот и все, что отделяет отряд от спасения, и уж их-то они продержатся. Ох, как он ошибался…

До обозначенного срока осталось совсем чуть-чуть. Отряд уверенно оборонялся, выстроившись в три ряда и держа строй. Первые две шеренги составляли солдаты, выставившие мечи и копья, чтобы встретить прорывавшихся тварей. За ними стояли колдуны, накладывающие защитные чары и отбрасывавшие нападавших существ потоком заклинаний. В ход шло абсолютно все, и это все фактически делало невозможным приближение к отряду не только озверевших чудовищ, но и людей. Никто из последних был просто не в состоянии прорваться сквозь выставленные заслоны и шквал чар. Само ожидание спасавшихся бегством коллег таким образом становилось совершенно бессмысленным, но кто же об этом сейчас думал, отбиваясь от монстров направо и налево. Еще пара минут — и отряд организованно отойдет к главному выходу, после чего окажется в сравнительной безопасности. Обороняющиеся уже поглядывали назад, ища взглядом не только центральный тоннель, но и второго помощника, готовившегося отдать желанный приказ. И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Сразу в двух местах пол под ногами людей вздыбился, а затем провалился большой воронкой четырьмя ярдами в диаметре. В образовавшиеся прорехи немедленно свалилось с десяток солдат и колдунов, и их испуганные возгласы моментально сменились ис-

тошными криками. Их товарищи, ошеломленно созерцая воронки, попытались вытащить упавших, и тут в самом центре зала появилась еще одна. В полу появилась сквозная дыра, соединявшаяся с залом ярусом ниже, и из нее немедленно хлынули носившиеся там кропурги. Стройные, уверенные в себе ряды защитников тут же охватил хаос, в который погрузился почти весь Тель-Анум. Атака изнутри застала их врасплох. Провалы быстро увеличивались в размерах, но уже никто не старался вызволить рухнувших туда коллег. Оставшиеся на поверхности люди яростно сражались за свою жизнь, очутившись меж двух огней. И вот из центральной дыры появились асмиксы, выскакивая оттуда на восьми лапах и тут же кидаясь на ближайшую жертву. Кропурги, которых становилось все больше, с визгом носились вокруг и окончательно расстраивали шеренги доселе непробиваемых защитников. Объятые ужасом, те бросились наутек, оставляя позиции, и среди первых бежал второй помощник Жельдорфа. Правда недолго. Четвертая яма разверзлась прямо перед ним, и он со всего маху сорвался в нее, покатившись кубарем. Из осыпавшегося грунта выскочили несколько длинных змеевидных щупалец и, обхватив дико заоравшего человека, живо утянули его в глубину. Туда, где поджидали добычу жадно ходившие ходуном челюсти, точно такие же, что вовсю пожирали жертв в первых двух ямах. Манипуляторы прекрасно знали о существовании сквардов. Эти мерзкие существа здорово смахивали на обыкновенную медведку без крыльев, разве что обладали исполинскими размерами, а вокруг головы у них имелся десяток невероятно длинных щупалец, способных компактно свертываться как стрекала. Эти щупальца они выбрасывали из выкопанной ловушки, хватая угодившую туда добычу, охотясь наподобие муравьиного льва. Обычно скварды встречались очень редко, порожденные особо злым и продолжительным колдовством, изобилующим трупами. Они завелись в Мильме самостоятельно, но колдуны, обнаружив их присутствие, отловили несколько штук, размножили и принялись ставить на них эксперименты. По их замыслу скварды могли бы подкапываться под укрепления противника, неожиданно появляясь внутри крепостей и иных оборонительных сооружений. Державшие оборону Манипуляторы никак не ожидали атаки этих тварей снизу. Скварды отлично управлялись с мягким грунтом, но твердый являлся для них существенным препятствием. К несчастью для колдунов, те забыли, что серебряный рудник в холмах у Мильма не пробивался в горе, являющей сплошной камень. Пол и стены в шахтах не были сплошным монолитом, хотя иной раз и выглядели таковым. Кроме того, внутри них имелись невидимые людям прорехи, порой дос-

тигавшие значительных масштабов. В такие прорехи и проникли скварды. Подбираясь к людям, они очищали себе дорогу могучими передними лапами и едкой жижей, исторгаемой на особо трудные участки. Очутись второй помощник и его отряд на сплошной каменной поверхности — и скварды не пробились бы к ним ни в жизнь. На их беду пол только казался единым целым, а на деле в нем притаилось достаточно уязвимых мест, чтобы мерзкие чудища добрались до своей цели. Улавливая добычу особым чутьем, скварды подкопали ловушки, а их рытье в шуме схватки и сотрясавших рудник вибрациях осталось незамеченным. Вряд ли они действовали осознанно, тем паче в сговоре с остальными тварями. Сквардами двигал инстинкт, и они старались добраться до еды как умели, продвигаясь с нижнего яруса к верхнему. Появление сквардов само по себе расстроило оборону людей, а кропурги из центральной ямы объявились по чистой случайности. Один из копальщиков перестарался и проделал сквозную дыру в нижний ярус, куда свалился сам и откуда тут же высыпали крылатые хищники. Все эти объяснения, однако, ничуть не облегчали участи попавших в западню людей. Одного за другим их настигали разнообразные твари, окончательно свихнувшиеся от запаха крови и вкуса свежей плоти. Немногим удалось добраться до выхода из Тель-Анума, только вряд ли они благодарили судьбу за столь милостивый жест. Там, где полагалось стоять охране, сейчас плели паутину родичи асмиксов, не умевшие плеваться слизью и прятать голову, зато выставлявшие невероятно прочные и жгучие сети. Попавшая в них добыча иной раз умирала в страшных мучениях еще до того, как становилась едой для умбратекса — теневого ткача. Эта мерзость совершенно не управлялась, не слушая никаких команд, поэтому ее использовали лишь как элемент устрашения, надеясь однажды хоть как-то приручить. До сих пор это удавалось из рук вон плохо, и все, чего достигли Манипуляторы — это заставили умбратексов игнорировать себя и отмеченных ими лиц. Надо ли говорить, что сейчас ткачи проявили к колдунам самый живой интерес. На нескольких человек с высокого потолка тут же упала огромная сеть, сброшенная сидевшими в засаде хищниками. Едкие тенета немедленно впились в плоть, прожигая одежду, и люди зашлись в неистовых воплях. Счастливо избежавшие свидания с сетью шарахнулись кто куда. Часть стала обедом для подбегавших сзади чудовищ, нескольких изловили ткачи и высыпавшие как блохи лешие. Рудник, надежно перекрытый липкими сетями, превратился в один огромный могильник, где пировавшая нечисть иной раз не оставляла от добычи даже костей.

Мало-помалу крики стихли. Тель-Анум больше не сотрясался

от грохота заклинаний и лязга клинков, гула осыпающихся тоннелей и катившихся под уклон камней. В отдаленных и наиболее хорошо укрепленных секторах все еще находились немногочисленные уцелевшие обитатели рудника, но их участь была решена. До поры орды чудовищ просто не замечали каких-то везунчиков, либо же не могли к ним подобраться. Теперь, когда весь Тель-Анум оказался в их власти, а все попавшиеся люди пойманы и пожраны, нечисть сконцентрировала усилия на оставшихся. Преграды разносились в щепки, баррикады раскатывались и растаскивались; скварды подрывали ходы, кропурги протискивались через вентиляцию. Все еще живым лишь оставалось ждать, когда расправившиеся с их коллегами твари явятся и за ними. Некоторые, не выдержав муки ожидания, кончали с собой, не желая попадать в пасть скребущимся и верещавшим чудовищам. Их бездыханные тела снопами валились на пол точно так же, как свалились те, кто надышался парами проникшего через воздуховоды яда. Смертоносная отрава поразила только часть рудника, что объяснило сравнительную тишину в отдельных областях. Благодаря вентиляции большая его доля улетучилась, не проникнув повсюду, но некоторые тоннели и залы превратились в братские могилы. Монстры, невосприимчивые к яду для людей, теперь спокойно лакомились свежими трупами, поскольку те лежали смирно и ничуть не возражали.

Дольше всех продержались алхимик в среднем ярусе и колдун недалеко от входа. Алхимик со страху залез в железную бочку, накрывшись крышкой, и сидел там до тех пор, пока кропурги постепенно не превратили ее в сыр с дырочками. Через эти дырочки алхимика стали доставать когти, зубы, жала и жвала. Последние минуты жизни он извивался ужом на сковородке, разрываемый по маленьким кусочкам будто содержимое консервов в плохо открытой банке. Колдун же спрятался под перевернутую вагонетку. Сначала все шло хорошо, и он даже надеялся выбраться из этой передряги. Все резко изменилось, когда он почувствовал что задыхается. Ткачи накрыли огромное пространство своими сетями и часть этой сети легла на вагонетку, придавив ее сверху и перекрыв щели по краям. Колдун попытался проделать под своим убежищем небольшой канал, чтобы получить приток воздуха. В известном смысле он преуспел, но едкий запах от тенет ел глаза, першил в горле и в конце концов заставил его закашляться. Вагонетку немедленно окружило с полдюжины умбратексов, желавших познакомиться с обитателем железной раковины. Тот стоически удерживал свое убежище в перевернутом положении, хрипя и перхая от запаха и натуги. Скребясь по тележке лапами, твари

оторвали колеса с креплениями, вследствие чего образовалось несколько небольших дырочек. Манипулятор имел удовольствие наблюдать, как в них заглядывают иссиня-черные глаза, горевшие неутолимым голодом. Затем в дырочки хлынула какая-то липкая жижа. Приставив мерзкие пасти, ткачи исторгали внутрь вагонетки пищеварительный сок. Обезумевший от боли колдун фактически переварился заживо. Когда умбратексы наконец перевернули вагонетку, им оставалось поглотить образовавшийся под ней густой суп, что они и сделали с превеликим удовольствием.

Когда после разверзшегося кошмара на руднике вновь установилась тишина, она казалась какой-то неестественной. Впрочем, если подумать, это было вполне логично. Звуки человеческой деятельности полностью исчезли. Затихли лаборатории, умолкли производственные залы. Больше никто не накладывал заклинания, не плавил металл, не ставил экспериментов и не гремел по рельсам тяжелым грузом. Теперь в Тель-Ануме хозяйничали монстры, а они в большинстве своем не шумели. Ткачи плели сети, лешие попрятались по темным углам, а скварды тихо рыли ходы, ничем не выдавая своего присутствия. Кропурги, не чуя живую плоть, негромко шелестели крыльями там и сям, перестав носиться визгливым роем. Вот только не стоило соваться в это кажущееся спокойствие. Весь рудник стал огромной ловушкой, где на зуб монстрам сгодится практически любая добыча кроме них самих. Порождения тьмы и скверны не сцеплялись друг с другом, за исключением редких драк за территорию, зато всех других ждала незавидная судьба.

— Кажись, все, — негромко сказала Талара.

Приложив ухо к двери, она внимательно слушала доносившиеся снаружи звуки. Стоявшие рядом воины делали примерно тоже самое. Илиана повернулась к подруге.

— Не могу утверждать за весь рудник, но в радиусе моего восприятия живых не осталось, — подтвердила она, глядя куда-то сквозь толщу породы. — Учитывая все обстоятельства, если кто и уцелел, то ему еще долго будет не до нас.

— Не отвлекайся, — попросила Уна.

— Не беспокойся, я все держу под контролем, — улыбнулась Илиана. — Впрочем, ты права. Нам следует поторапливаться, — добавила она.

При виде вошедших Жельдорф скривил недовольную мину. Его поднявшиеся от стола глаза радостью отнюдь не лучились и приветливостью посетителей не ласкали.

— Чего вам? — буркнул он, уставившись на вошедшую ведьму и ее служанок.

— Срочное дело, господин, — сообщила Уна. — Срочное и крайне важное!
— Ну и что на этот раз? — осведомился старший колдун, откидываясь в кресле. — Имейте в виду: если вы потревожили меня по пустякам, я буду очень недоволен.
— Я хорошенько обдумала ваши слова, господин, и пришла к выводу, что имею право на достойное место подле вас, — заявила ведьма. — В связи с этим у меня для вас кое-что есть.
Резким движением она неожиданно толкнула Илиану вперед, а затем ткнула посохом в основание шеи. Девушка грохнулась прямо на стол ошеломленного колдуна, распластавшись по нему с бессильно растопыренными руками. Ее лицо застыло с полуоткрытым ртом, глаза неподвижно глядели в одну точку. Конец посоха Уны — шишковатый узел из мореного кедра с четырьмя черными шпилями кристаллов по углам — упирался ей между лопаток.
— Что это еще за выходки?! — рявкнул Жельдорф, едва избежав струйки чернил, пролившейся из опрокинутой чернильницы.
— Разрешите представить вам Штельскую ведьму! — воскликнула Уна, продолжая давить на свою жертву посохом.
— Что?! — невольно растерялся колдун, машинально глянув на едва трепыхавшуюся Илиану. — Вздор! Она не владеет колдовским даром! Я сам проверял!
— Она — самая сильная чародейка из живущих. Она умеет скрывать свой дар, — быстро пояснила Уна. — Она взяла меня в заложники и проникла сюда с целью диверсии. Я не сбежала у Гнейских пещер — меня схватили. Схватили и заставили прийти сюда. Она грозилась меня убить, но я ее перехитрила. Она связала себя со мной своим колдовством, чтобы держать меня под контролем, но упустила, что это колдовство обоюдно и я могу использовать его против нее самой.
Ведьма в нескольких словах объяснила колдуну суть происходящего и тот прямо-таки являл образец ошеломленного недоумения. Его глаза быстро перебегали с ведьмы на скованную чарами девушку, беспомощно хватавшую воздух ртом. Во взгляде старшего Манипулятора сквозило откровенное недоверие, но чем больше говорила Уна, быстро произнося фразы, тем серьезнее он становился.
— Стойте, господин! Нельзя! У нее здесь есть сообщники! Нас могут убить, если поймут, что заговор раскрыт! — воскликнула Уна, когда рука Жельдорфа потянулась к специальному колокольчику.
Колдун замер, сраженный очередной невероятной вестью. Он, возможно, все еще не верил, что эта девчонка и есть Штельская ведьма, но уже осознал, что происходит нечто крайне важное.

— Я не смогу ее долго удерживать! Скорее запечатайте дверь! Наложите отражающее заклятье! Ни одна душа не должна знать, что мы внутри! — торопливо выбрасывала Уна. — Тогда мы ее обезвредим и хорошенько допросим. У нее на уме очень коварный план, и он будет почище той истории с вашими манускриптами! Я не знаю откуда и с кем она собирается нанести удар и нам надо срочно его упредить!

Жельдорф обеспокоился. Упоминание манускриптов окончательно заставило его взглянуть на дело в новом свете. Ведь и впрямь многовато-то эта девица знает для простой девчонки!.. Чары изменения внешности? Сокрытый колдовской дар? А что, если это правда?! В какую-то секунду старший Манипулятор прогнал в памяти все последние события, с учетом новой изложенной Уной версии и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Проклятье, а ведь сходится! Если все это устроила Штельская ведьма, напавшая на Гнейские пещеры, если у нее здесь есть сообщники и если она настолько сильна (а слухи про нее явно не беспочвенны), то дело и впрямь пахнет жареным! Вскочив, Жельдорф забормотал заклятья, старательно вычерчивая на двери рунические знаки. Не прошло и пары минут, как он наложил на нее такое количество чар, что в кабинет сейчас было не проникнуть и с тараном, а само его существование оказалось сокрыто от внешнего мира. Лишь сильный заклинатель сумел бы распознать уловку и снять навеянное колдовство. Для всех остальных кабинет превратился в недоступное убежище. Продолжая крепко удерживать свою лже-служанку, Уна смотрела как старший Манипулятор блокирует комнату и торопила его все более лихими подробностями.

— Все, теперь сюда никто не войдет и никто нас не увидит! — заявил Жельдорф, закончив колдовать.

— А вентиляция? — озаботилась ведьма.

— Кабинеты главных Манипуляторов оснащены особым образом. У них автономное устройство. Они защищены на случай чрезвычайных происшествий и я только что привел эту защиту в действие. Можешь не беспокоиться — нам здесь ничто не угрожает. И теперь я желаю получить самые подробные объяснения. Если ты сказала правду… на сей раз сказала правду, — особо подчеркнул Жельдорф, — то тебя ждет великая награда. В противном случае пеняй на себя!

— Разумеется, господин, — с готовностью кивнула Уна. — Пришло время допроса!

В следующую секунду старший Манипулятор получил сильнейший удар в затылок и провалился в беспамятство прежде, чем его обмякшее тело свалилось на пол. Стоявшая у него за спиной Талара

врезала колдуну рукояткой своего зачарованного меча и ястребом кинулась на падающее тело, не то стараясь не дать ему расшибиться, не то желая скрутить в бараний рог. Впопыхах Жельдорф совершенно забыл о ее существовании, чем принцесса не преминула воспользоваться. Бочком-бочком она пробралась ему в тыл и по условному сигналу нанесла удар.
— Готов, — удовлетворенно произнесла Талара, усевшись верхом на свою жертву и стягивая ей руки особым ремешком, старательно заколдованным ведьмой.
— Да, он без сознания, — подтвердила соскочившая со стола Илиана. — Молодцы, отличная работа!
Лицо Уны озарилось довольной улыбкой. Она и впрямь придавила Рубистеллу посохом с наложенным заклятьем, только заклятье это было для виду. Илиана стойко сопротивлялась вредоносным чарам, да ведьма и не намеревалась на самом деле ее обездвижить или причинить зло. Неприятные ощущения, помогавшие вызвать подходящее выражение лица и прочие театральные эффекты — только и всего.
— Сколько у нас времени? — спросила Талара, переворачивая вырубленного колдуна.
— Девятнадцать минут, — ответила Илиана, взглянув на солнечные часы. Те самые, что некогда подарила ей Сирелина. — Давайте-ка сюда нашего голубчика…

Придя в себя, голубчик узрел перед собой Дегониса. Несмотря на традиционно опущенный капюшон, Манипуляторы всегда знали кто перед ними, поэтому Жельдорф сначала изумился, силясь припомнить последние события, а затем пришел в ужас. Он сидел в своем кресле, связанный, а перед ним стоял Мастер собственной персоной. Рядом с ним подбоченились, скрестив руки на груди, Уна с Илианой. На их лицах обосновалось такое выражение, словно девушки смотрели не на Жельдорфа — одного из лучших черных колдунов, — а на презренного червя. Мастер гневался.
— Ничтожество! — грозно прогремел Дегонис. — Я вверил тебе важнейший объект, а ты дважды дал себя провести каким-то залетным ведьмам!
От звуков его голоса Жельдорфу прямо-таки сделалось дурно. Верховного колдуна не только уважали, но и откровенно боялись. О его силе ходили легенды, а возможности заставляли завидовать и страшиться одновременно. Покровители, дарующие свою благосклонность, отметили Дегониса особым образом, и лишь через него остальные обретали дарованные им привилегии. Слушая, как Мастер обвиняет его в халатности и откровенно намекает на возможность предательства, похолодевший Жельдорф прямо-таки

трясся мелкой дрожью. Дегонис нечасто прибегал к наиболее суровым дисциплинарным мерам, но серьезно провинившиеся подчиненные испытали на себе всю силу его гнева. Желающих разделить их судьбу не имелось. Жельдорф, разумеется, также не хотел присоединиться к проштрафившейся компании. Бледнея от страха, он кое-как уразумел, что Дегонис прибыл в Тель-Анум втайне от всех, а предварительно заслал своих верных ведьм, дав им вполне четкие инструкции. Ведьмы блестяще справились с заданием, а Жельдорф и его помощники успешно провалили испытание. Рудник — этот важнейший засекреченный объект — просто проходной двор, куда может попасть едва ли не любой желающий. С точки зрения Дегониса, ищущего источник утечки и корни предательства, Жельдорф проявил просто вопиющую халатность, и это в лучшем случае. В том, если эту халатность не вызвало нечто большее. Теперь Дегонис даже понятия не имеет кому верить в Тель-Ануме, а кому нет, и кто знает куда чародейки нанесут следующий удар. Возможно, как раз по Мильму и возможно уже сейчас их войска на пути сюда, пока Жельдорф мычит нечто несуразное и трясет головой как почуявшая овес лошадь. Жельдорфу с перепугу сделалось настолько плохо, что он едва не потерял сознание, и суровые ведьмы были вынуждены прийти ему на помощь. Мастеру нужны ответы, а пребывающий в состоянии прострации Манипулятор для него не лучший собеседник. Придя в себя, Жельдорф взмолился о снисхождении и поклялся исполнить все, что потребует Дегонис. Дегонис потребовал приподнять защиту с двери, чтобы в кабинет вошли его верные воины. Жельдорф, шевельнув оставленными на свободе пальцами, тут же исполнил желание, даже не задумавшись, почему верховный колдун не сделал этого сам. Едва в дверь прошли трое воинов из сопровождения ведьмы, старший Манипулятор, следуя указаниям, опустил чары обратно.
— Теперь поговорим по существу, — сурово заявил Дегонис. — Мне нужно выяснить кто предатель, поэтому я буду спрашивать, а ты отвечать. Отвечать быстро и без утайки, какими бы странными тебе не показались мои вопросы. Вздумаешь юлить — тебе конец. Вздумаешь удивляться моим вопросам и перебивать — и твоей участи никто не позавидует. Это понятно?
Жельдорф истово заверил, что он полностью к услугам Мастера и готов сигануть хоть в пекло, если на то будет его воля. Снисходительно усмехнувшись, Дегонис приступил к допросу.

Таларе, исполнявшей роль верховного колдуна, было крайне невесело узнать при чем тут ее родной брат и какое отношение он имел к своре Манипуляторов. Из-под накинутого черного покрывала недобро блестели ее глаза, а руки машинально поглаживали

рукоять меча. Не каждый день услышишь, что твой брат давно уже подпал под влияние черных колдунов и они много лет готовят его занять отцовский трон как только тот освободится. Принц Камаль верил в свое предназначение привести будущую Империю к подлинному величию. Все отцовские завоевания он расширит, а колдуны получат неограниченные возможности и уготовленный ими новый мировой порядок воплотится в реальность. Фактически, Камаль будет правящей марионеткой в руках Дегониса и его приспешников. Старший сын хана очень плохо поддавался влиянию Манипуляторов, поэтому они его устранили, подстроив несчастный случай. К сожалению, ад-Сейдин заподозрил неладное и скрыл своего второго и последнего сына в удаленной крепости под охраной надежного гарнизона. Колдуны на какое-то время лишились возможности влиять на наследного принца, но его окончательное обращение было лишь вопросом времени. Та работа, которую они уже успели проделать, позволила им в кратчайшие сроки довершить начатое, едва хан призвал Камаля принять участие в кампании. С первого же дня его окружили наиболее доверенные Манипуляторы, денно и нощно действительно оберегающие принца как зеницу ока, но при этом и непрерывно обрабатывающие разум. Сейчас его обращение завершено, и он готов вступить на отцовский трон. По плану это должно было произойти много позже, когда чародейки будут разгромлены, а Империя поглотит все северные и восточные земли. Тогда, на вершине могущественного государства, произошла бы законная и открытая смена власти от занедужившего отца к сыну. Теперь, в свете последних событий, проделать замену придется гораздо быстрее. Не раньше, чем легионы Красной саламандры подступят к Альмирсталу, но и не позже поражения чародеек. Авторитет ад-Сейдина слишком силен, по-прежнему воодушевляет солдат и хан фактически является знаменем, за которым следуют войска. Убрать его тогда, когда исход кампании висит на волоске — не самая удачная идея. Тем не менее, если придется, Камаль должен быть готов появиться в любой момент. Если выбирать между неопределенно тяжелым положением и полным крахом, лучше предпочесть первое. Ведь последнее время у ад-Сейдина появились некоторые подозрения, и чем дальше, тем больше они будут расти. Его младшая дочь изрядно насолила Манипулятором самым непредвиденным образом, а затем сбежала, невесть как умудрившись избежать верной смерти. Поговаривают, сейчас она мутит воду в стане врага, и даже простые солдаты Красной саламандры начинают косо смотреть на колдунов, а некоторые командиры отказываются воевать с ними бок о бок. К тому же любимая и крайне некстати выздоровевшая

жена хана в тягости, и если у нее родится мальчик это окончательно осложнит дело. Тронуть же ее нельзя, иначе обезумевший от горя ад-Сейдин начнет карать всех подряд, и правых и виноватых, причем наверняка начнет с колдунов.

В какой-то момент Илиане пришлось сделать небольшой перерыв. Талара, наслушавшись про собственную семью, теряла над собой контроль и ее пришлось успокаивать. В это самое время откуда-то издали раздались первые крики.

— Началось, — констатировала Илиана, посмотрев на колдовские часы.

— Я на всякий случай наколдовала тут всякого, но вроде этот поганец сказал правду — кабинет основательно защищен и грядущий бедлам нас не коснется, — сказала Уна, водя концом посоха вдоль стен, пола и потолка. — Хочется верить, что он достаточно наболтал нам про Тель-Анум и мы не допустили фатальной ошибки.

— Сейчас и узнаем, — усмехнулась Илиана. — Наш разговор только начался. Давай, Тали, соберись.

Принцесса, успокоенная подругой, вернулась к роли Дегониса и принялась вытряхивать из Жельдорфа все, что тому было известно и про Мильм, и про планы Манипуляторов и вообще про все на свете.

Разговор вышел долгий. К тому времени, как ведьма исписала целую пачку листов, управляя самостоятельно порхавшим по бумаге пером, в Тель-Ануме, погруженном в полнейший хаос, наступила тишина, отмеченная принцессой произнесенным "кажись все". Разгулявшиеся монстры захватили рудник, уничтожив почти всех его обитателей. Появились они, разумеется, отнюдь не случайно, а строго в соответствии с планом Илианы, блестяще реализованным Уной и всей компанией диверсантов. Впрочем, остальные по большому счету были на подхвате, так как без ведьмы ничего бы не вышло. Именно она наложила на Овумусы чары пробуждения, заставившие их вылупиться в строго заданное время. Она же и поразила монстров бешенством, сделав их абсолютно неуправляемыми. Кропурги покидали яйца уже в состоянии безумия, и развеять его заклинаниями было невозможно. Прочую нечисть удалось отравить сводящим с ума ядом, который, опять же, развеиванию чарами не поддавался. Этого яда с лихвой хватало на складе, ибо Тель-Анум производил означенную заразу в изрядных количествах. Будучи вылит в какой-либо водоем, он успешно сводил с ума диких животных со всеми вытекающими. Примерно так же дело обстояло и с обитавшими в загонах рудника чудовищами всех мастей. Предварительно заколдованные твари, попав в

пары отравы, становились невосприимчивы к управляющим командам хозяев и переставали видеть разницу между ними и иными людьми. Все что шевелилось для них автоматически превращалось в добычу. Уна отлично знала как работает подобное колдовство, поскольку ей самой частенько доводилось приложить к нему руку. На отравленные Овумусы она наложила временную задержку. Такую же, какую пустила в ход и в случае с парами яда. Заклятье на монстрах активировалось в момент появления этих паров, превращаясь в гремучую смесь. Манипуляторы, даже раскуси они что вдруг приключилось с любезными их сердцу питомцами, и то не сумели бы оперативно принять соответствующие меры. Дверные петли и замки, слетавшие перед наседавшими тварями, не оставляли им возможности хорошенько поразмыслить над происходящим. Вволю покрутившись по руднику, Уна испортила практически каждую дверь, заранее поместив разрушительное заклинание. Поскольку в Тель-Ануме не считали нужным превращать все залы и комнаты в глухие крепости, почти все двери и прочие преграды были самыми обычными, и колдовство ведьмы без труда их повергало, срабатывая на приближение условного объекта. У ведьмы, безусловно, не хватило бы собственных сил и на четверть всей проделанной работы, но ходившая хвостом Илиана непрерывно накачивала ее энергией, отчего Уна колдовала намного эффективнее и с невероятной скоростью. Бочки с ядом для людей также лопнули в строго заданное время, выпустив содержимое в систему вентиляции. Ульм сотоварищи рассовали их куда следует, избавив девушек от необходимости таскать тяжести. Они же попортили двери загонов для чудовищ, сделанные, надо сказать, на совесть. Колдуны не боялись атаки своих подопечных, за исключением самых неуправляемых особей, да тех, на ком ставили эксперименты, но и разбежавшиеся по Тель-Ануму чудовища их не устраивали. Загоны выглядели вполне надежно, и если бы не потрудившиеся над ними ведьма и троица воинов, чудовища так и остались бы внутри, бессильно скарапаясь в непреодолимую преграду. Иными словами, когда компания диверсантов собралась в гости к Жельдорфу, весь рудник превратился в огромную ловушку замедленного действия, и до ее активации оставались считанные минуты. Условный час наступил когда Жельдорф откровенничал с Таларой, считая ее Дегонисом. Он уже собственноручно обезопасил кабинет, и вырвавшаяся на свободу орда обезумевшей разношерстной нечисти совершенно игнорировала скрытый от всех закуток. Остальные Манипуляторы, естественно, не предприняли подобных предосторожностей, за что и расплачивались своими жизнями пока длился допрос старшего колдуна.

Илиана спешила не просто так. Создавать иллюзию такому типу как Жельдорф было довольно трудно и требовало немалых усилий. В отличие от обычных Манипуляторов скверна обосновалась в нем настолько серьезно, что о полном контроле не могло быть и речи. Для успеха всей затеи Жельдорфа было необходимо вырубить, чтобы в себя он пришел уже под воздействием Илианы, совершенно не заметив оного. При этом колдун по большей части оставался собой, и если бы раскусил подвох, то немедленно атаковал бы находившихся в комнате, что, как минимум, привело бы к его собственной смерти. Последняя никак не входила в планы диверсантов, во всяком случае до того, как Жельдорф выложит все что ему известно. Страх перед Дегонисом, щедро раздуваемый Илианой, сыграл свою роль, и колдун вел себя как шелковый, даже и не догадываясь о масштабах надувательства. Самым уязвимым местом всего плана было безопасное убежище для самих диверсантов, пока озверевшие монстры неистовствуют в руднике. Самостоятельно они его соорудить не могли, зато Жельдорфу такое вполне по плечу. Действительно сильный колдун способен заранее обезопасить себя от грядущей напасти, вот только использовать сложные заклятья под воздействием Илианы он был не в состоянии. Если же девушка ослабит свою хватку на разум Жельдорфа, то иллюзия развеется и вместо Дегониса он немедленно узреет Талару. Для того и понадобилось разыгранное представление, чтобы старший Манипулятор собственноручно обеспечил диверсантам надежное укрытие. Единожды наложенные чары, приподнятые чтобы пропустить троих воинов, успешно держались на всем протяжении бесчинства чудовищ. Жельдорф исправно отвечал на вопросы и говорил сам, когда лже-Дегонис, следуя уговору с Илианой, предлагал ему импровизацию. Под конец перо Уны исписало столько бумаги, что ведьма совсем по-простому устало потрясла в воздухе пальцами как изрядно притомившийся писец. Илиана, улыбнувшись, коснулась ее руки и Уна, получив освежающий заряд энергии, бодро продолжила работу. Та, впрочем, вскоре закончилась. Как раз вовремя, поскольку Илиана сама здорово притомилась и ей становилось все труднее поддерживать для Жельдорфа необходимую иллюзию. Когда старший колдун стал повторяться, девушка поняла, что допрос завершен. Получив условный сигнал, Талара вторично и не без удовольствия отправила врага в беспамятство, а Уна тут же опутала его сонными чарами. В отличие от тех, какими пользовались чародейки, они действовали на человека не слишком благоприятно, зато по-своему даже эффективнее. Скрутив исписанные листы в трубочку, ведьма сунула их в почтовую металлическую тубу и вручила Илиане.

— Кажется, мы добыли весьма ценные сведения, — сказала она. — Я не знала и десятой части всей картины. Теперь я абсолютно уверена что поступила правильно, когда сначала хотела сбежать от этой дьявольской компании, а затем перешла на вашу сторону.
— Я сама многое услышала впервые, — озабоченно кивнула Илиана. — Нужно как можно быстрее передать эту информацию в Данерхейм, чтобы там успели принять соответствующие меры. Если мы слишком промедлим, два города падут, а северяне потеряют несколько полков. Кроме того, требуется выставить заслоны как в западной, так и в восточной части горного хребта. Я давно подозревала, что колдуны ищут пути обхода Лорданского перевала, и подозревала небезосновательно.
— Остался сущий пустячок — выбраться отсюда живыми, — усмехнулся Ульм. — Если не ошибаюсь, там снаружи сейчас не менее тысячи тварей ищут кого бы порешить.
— Предоставьте это Уне. Она сумела натравить чудовищ на врага, сумеет и вывести нас отсюда, — ответила Илиана. — Кто-то еще сомневается в пользе от толковой ведьмы? Если она не возражает, по прибытии в Данерхейм я, пожалуй, включу ее в наш отряд.
— Я-то тебе зачем, когда в твоем распоряжении чуть ли не вся обитель чародеек? — удивилась Уна. — Нынче — другое дело, но ведь это просто исключение из правил.
— Ваши чары хороши каждые по-своему, — отозвалась Илиана. — К тому же ни одна чародейка не сумела бы сотворить тот кошмар, что поразил сегодня весь рудник. Даже темное колдовство бывает полезно, если применять его подходящим образом. Ведьма не обязательно должна быть злой и творить зло. Просто вы с чародейками разные.
— Знаю, что разные, — проворчала Уна. — Они не устают нам об этом напоминать.
— Знаете, да не то. Что вы, что они, — прищурилась Илиана. — У вас изначально не одна и та же природа, откуда и вся разница. Чародейки не любят своих сестер, ставших ведьмами, хотя при этом ведьма не способна превратиться в чародейку. Но что означает быть ведьмой или чародейкой? Образ жизни, набор чар, тяга к свету или запретным искусствам? Под слоем стереотипов лежит истина, о которой все давно забыли.
— О чем ты? — озадаченно произнесла Уна. — Что ты хочешь этим сказать?
Илиана лишь улыбнулась, мерцая загадочным огоньком в глубоких сиреневых глазах. Как ведьма ни пыталась, она так и не сумела вытянуть из нее какие-либо подробности. Как, впрочем, и Сирелина, всерьез подозревавшая, что воспитаннице о многих вещах

известно гораздо больше, чем та говорит.

Снять защитные чары изнутри оказалось гораздо проще, чем вообще увидеть их снаружи. Уна, бормоча себе под нос какие-то жутковатые слова, от которых иной раз шел холодок по коже, стерла начертанные Жельдорфом рунические знаки. Один за другим их контуры гасли как на двери, так и на полу, развеивая охранные и маскирующие барьеры. Кое с чем Уне пришлось основательно повозиться, ибо наложивший заклятья и впрямь был могущественным колдуном, но она справилась, подбадриваемая Илианой. Уна чувствовала свою значимость, и это придавало ей дополнительных сил. Она просто не могла не преуспеть на глазах Рубистеллы. Мысль о том, что ей, простой ведьме, удастся то, перед чем спасовали бы чародейки прямо-таки окрыляла Уну, испытывавшую прилив уверенности в себе. Вскоре путь был свободен. Кабинет старшего Манипулятора пришел в свое обычное состояние.

Весь отряд, прижавшись как можно теснее друг к другу, медленно двигался по слабо освещенному тоннелю. Дверь в рабочую комнату Жельдорфа осталась позади и теперь виднелась в полумраке полосой света через приоткрытую створку. Сам же хозяин пребывал без сознания, перекинутый через плечо Ульма. Диверсанты с удовольствием оставили бы поганца на ужин взбесившимся чудовищам, тем паче что тот все равно сообщил достаточно сведений. Илиана настояла взять его живым. Личные показания колдуна гораздо ценнее всяких записей с его слов. Чародейки получат возможность расспросить Жельдорфа о чем-то таком, что Рубистелле и ее компании и в голову не пришло, а такое упускать ни в коем случае нельзя. Ульм тащил свою ношу как перышко, будто колдун и вовсе ничего не весил, и даже шепотом острил на этот счет. Остроты, впрочем, быстро застыли на его языке, когда из-за поворота к кабинету устремилась стайка кропургов. Судя по всему, твари учуяли добычу и ринулись на поиски. Просочившись в кабинет, оставшийся в десятке ярдов позади, они, судя по звукам, наводили там порядок в соответствии со своим о нем представлением. Диверсанты, затаив дыхание, маленькими шажками следовали в противоположном от них направлении. Вскоре крылатые твари выпорхнули обратно, озадаченно попискивая. В этот момент навстречу Илиане и ее спутникам выкатились — иначе и не скажешь — сразу два асмикса. При виде этих чудовищ Талара была вынуждена зажать себе рот, а пальцы ее другой руки крепко впились в плечо подруги. Илиана послала ей успокоительный импульс, хотя и сама оказалась под изрядным впечатлением. Встав на задние лапы, асмиксы, совсем как пауки-охотники, подняли

передние и начали изучать окружающее пространство. Их глазки беспокойно поблескивали, а жвала сновали из стороны в сторону, издавая тихий скрежет. Прижавшись еще плотнее, люди прямотаки перестали дышать. Сзади послышался шелест крыльев. Кропурги, приближаясь, кружили в воздухе, то поднимаясь к потолку тоннеля, то резко снижаясь практически до самого пола. Прошла томительная минута, показавшаяся диверсантам вечностью. Когда они уж было подумали, что эта пытка не кончится никогда, кропурги вдруг ринулись вперед. Побледнели даже воины, за исключением стоически спокойного Ульма. Талара зажмурилась, вообразив что им всем пришел конец. Когда проносившаяся рядом крылатая тварь задела ее крылом, она чуть не грохнулась в обморок. Асмиксы, опустив конечности, деловито пробежали мимо, зацепив людей своими членистыми лапами, и скрылись в глубине тоннеля. Уна перевела дух. Привычная ко всяким мерзким отродьям, она по-своему тоже боялась. Боялась, что не рассчитала силы либо же недооценила гремучую смесь наложенного на чудовищ бешенства. В случае нападения отряд отбился бы от этих монстров, но это означало бы, что уловка не работает. За первыми ласточками явится огромная орава, и исход свидания с ней совершенно очевиден, так как после снятия чар с кабинета прятаться стало негде.

— Пошли, — тихо сказала ведьма, потянув за собой остальных.

Крепко держась за руки, спутники вновь двинулись за своей провожатой, стараясь находиться как можно ближе друг к другу и сливаясь в единое целое. В этом, собственно, и состояла идея Уны. Опытные ведьмы умели становиться невидимыми для порождений темного колдовства, а она здорово поднаторела на поприще взаимодействия с ними. О зрительной невидимости речь, разумеется, не шла. Ведьма как бы исключала себя из области их восприятия, привлекая внимания не больше куста или камня. Тварь не считала ее живым объектом и не проявляла никакого интереса. Подобным образом поступала и Жозефина, напичкав болота всякими опасными существами. Это же применяла и сама Уна, когда вела спутников в Мильм мимо сидевших в засаде чудовищ. Просто нынче был особый случай. Наложить чары только на себя и кратковременно на других — это одно, а пройти через набитые обезумевшими монстрами тоннели целой группой — совсем другое. Замысел ведьмы заключался в том, чтобы отряд казался тварям единым объектом. Именно поэтому люди тесно прижимались телами, боясь отступить хотя бы на полшага. Скорость передвижения у них была ниже некуда, зато ведьма уверенно удерживала чары, сосредоточив на них все свое существо. В таком состоянии она не

могла колдовать что-либо иное, поэтому сперва ей пришлось снять защиту с кабинета Жельдорфа, а уж затем наложить на всю компанию соответствующее заклинание. Это было чревато скорым появлением околачивавшихся поблизости тварей, что, собственно, и произошло. Почуяв добычу, те быстро явились на зов живой плоти и были крайне разочарованы не обнаружив ничего стоящего своего неуемного аппетита. Уна пережила несколько скверных минут, когда чудовища старались отыскать источник куда-то подевавшегося запаха, да и спутники чувствовали себя не лучше. К счастью, ее ожидания оправдались и гнусные отродья разочарованно удалились восвояси. При этом удивляться что к подобному трюку не прибегли колдуны не приходилось. Такое было доступно только ведьмам, особенно набившим руку в соответствующей практике, и даже чародейки не владели означенной возможностью.

Слишком долго идти не пришлось, иначе путешествие грозило затянуться на сутки. С ближайшего перекрестка, где диверсанты к своему вящему удовольствию повстречались с парочкой ползущих по своим делам сквардов, они свернули отнюдь не в сторону главного входа. Интересовавший их пункт назначения находился совсем в другом месте. Мимо, поодиночке и группами, то и дело шныряли разные когтистые и зубастые гадины, пока отряд, едва дыша, потихоньку шел к своей цели. Кто-то из людей пару раз чуть не споткнулся о сунувшихся под ноги глустров, а кропурги, пролетавшие взад и вперед, прямо-таки испытывали терпение. Тель-Анум превратился в тот еще гадюшник, где вовсю хозяйничала нечисть, и эта нечисть осваивала открывшиеся ей просторы. Талара, несколько попривыкшая к дурной компании, всякий раз тихо шептала ругательства, обычно не приличествующие благовоспитанной девушке, тем более из старинной правящей династии. На смену непреодолимому отвращению, провоцирующему панический страх, пришло нервное возбуждение. Под успокаивающим воздействием Илианы принцесса расхрабрилась и еле удерживалась чтобы не пнуть очередного глустра как зарвавшуюся шавку и не сунуть кулаком в морду наткнувшемуся на нее кропургу. Илиана, чувствуя эмоциональный фон, посоветовала подруге умерить пыл, пока та всех не подвела под монастырь. Талара вторично взяла себя в руки и отводила душу честя монстров на все корки, отчего им, вероятно, основательно икалось.

Последний этап пути чуть не испортили умбратексы. Кой-то черт надоумил их соорудить тенета аккурат в заветном месте, перекрыв весь боковой тоннель. Видимо, они вообразили, что обнаруженный ими тупик великолепно подходит под логово и тут же

принялись за работу, декорируя его на свой вкус. Диверсанты повстречали практически весь бестиарий Тель-Анума, но умбратексы со своим плетеным рукодельем доставили наибольшие хлопоты. Действуя с хирургической точностью, Ульм и Талара разрезали прочные едкие нити, напоминавшие толстую бечеву. На досуге следовало выяснить где раздобыл клинок северянин, препоручивший пленника другому воину. Своим-то принцесса разжилась в Аберидже, и он был зачарован древним могущественным чародеем, вследствие чего и рассекал жуткую паутину как гнилые нитки. Умбратексы, немало озабоченные движением сетей, ринулись выяснять в чем дело и огромные прорехи привели их в полнейшее недоумение. Вокруг, однако, никакой живности не наблюдалось, поэтому, озадаченно цвиркнув, ткачи немедленно начали восстанавливать свои художества. Толкаться с ними бок о бок — худшее, что довелось испытать людям, и без того находившимся на волоске от гибели. В какой-то миг все едва не пошло прахом. Один из воинов все-таки наступил на едкую паутину, немедленно впившуюся ему в сапог. По правде говоря, было почти невозможно не попасться в липкую гадость хоть кому-то, учитывая раскинувшиеся вокруг плетеные джунгли. Стараясь высвободиться, воин отклонился в сторону, чем сразу привлек внимание ближайшего ткача. Тот, в свою очередь, задел нитью ведьму, поскольку только что откровенно упирался в нее задом. Уна болезненно вскрикнула. Паутина вцепилась в ее балахон и живо добралась до кожи. Боль была адской и ведьма до крови закусила губу, но при этом потеряла концентрацию и сама отшатнулась от общего монолита. Умбратексы тут же издали громкий писк, живо разворачиваясь к людям и поднимая передние лапы. Нетрудно было догадаться, что маскировка рушилась прямо на глазах. Медлить было нельзя. По команде Ульма он и Талара тут же снесли головы двум ближайшим ткачам, а побледневшая от боли ведьма нашла в себе силы отшвырнуть еще двоих бесплотным ударом. Другие воины действовали не столь эффективно, но все же совместными усилиями отряд перебил умбратексов прежде, чем те до них добрались. Закаленная сталь перерубала конечности, подставляя падавших чудовищ под разящие удары. Посох Уны не только исторгал колдовство, но и крушил бронированных врагов не хуже кувалды. Одному он с хрустом проломил голову, откуда брызнула мерзкая масса. Раздавшиеся от входа в тупик звуки возвестили, что и прочие твари открыли для себя присутствие человечинки.

— Бежим! — рявкнул Ульм, кидаясь на оставшиеся тенета и снося их с какой-то невиданной скоростью.

Талара, орудуя клинком, на ходу дорезала подворачивавшиеся ни-

ти, и весь отряд опрометью ринулся в полумрак, где в самом конце тоннеля слабо светился начерченный на стене прямоугольник. А в тоннель уже вливалась нечисть. Кропургов, сбивавшихся в стаю, валило не менее сотни. Внизу поспешали глустры, а позади них, судя по характерному шуму, вприпрыжку семенили асмиксы. Не отставали и лешие, и их фигуры хорошо просматривались, когда они, как блохи, прыгали с одной стены на другую. Прямоугольник оказался контуром двери. Сунув ключ Илиане, ведьма стала к ней спиной и принялась отправлять навстречу орде чудовищ заклинание за заклинанием. Она не стремилась перебить их как можно больше — Уна хотела выиграть хотя бы несколько драгоценных секунд. Следовало отдать должное — ей это удалось. Корни и жижа притормозили особо ретивых тварей, а удачно брошенный вихрь познакомил кропургов с неровностями стен тоннеля, почистив их телами наслоения векового мха. Илиана попала в замочную скважину не с первого раза. Руки ее дрожали. Когда дурацкая железка наконец-то встала куда надо, она повернула ее против часовой стрелки, но ключ и не подумал пошевелиться. Илиана приложила усилие в обратном направлении, но и тут не достигла даже малейшего успеха. Внутри у девушки все оборвалось. Сердце сжало будто ледяными клещами, а голова пошла кругом. Сейчас судьба всего отряда зависела от того, откроет ли она замок, и вот Илиана как последняя дура не в состоянии сделать такую простую вещь. Впервые за долгое время она растерялась. Она перестала быть могущественной Рубистеллой, превратившись в самую обыкновенную испуганную девушку. На нее накатило какое-то оцепенение от осознания собственной беспомощности. Секунды превратились в вечность, и эти секунды уходили, в то время как толпы тварей становились все ближе.

— Холера мне в бок, Иля! Чего застыла?! — рявкнула Талара, хорошенько пнув окаянную дверь.

Та немедленно подалась, беззвучно открывшись как миленькая. Позаимствованный у Жельдорфа ключ был колдовским. Его не надо было поворачивать, а требовалось лишь сунуть в замочную скважину. Принцесса вдоволь насмотрелась на такое у себя во дворце и была удивлена нерасторопностью подруги. Беглый взгляд на лицо Илианы показал, что та сейчас явно не в форме. Сцапав ее за плечи, Талара втолкнула девушку внутрь помещения и следом нырнула сама. Туда же юркнул и воин с Жельдорфом на плече, потом другой воин и ведьма. Последним скрылся Ульм. Здоровенный асмикс распластался в прыжке, выставив ему навстречу жуткие лапы. Спрятанная голова распрямилась в момент удара, собираясь поразить замешкавшуюся жертву. Ответный удар от-

бросил тушу чудовища прямиком в подбегавшую ораву, внеся в нее изрядный хаос и расшвыряв десятка два тварей. Презрительно усмехнувшись, Ульм закрыл дверь, на которую буквально через пару секунд обрушилась лавина монстров. Казалось, снаружи ломится разъяренная толпа, норовя предъявить спрятавшимся людям свои претензии.

— Что дальше? — осведомилась Талара, напряженно прислушиваясь к зловещему грохоту.

— Минутку, — отозвалась Илиана.

Она быстро вылечила пострадавшего воина и занялась кряхтевшей от боли ведьмой. Алое свечение от исцеляющих ладоней живо привело ту в порядок, и Уна с благоговейным восторгом уставилась на совершенно здоровое плечо.

— Да нет у нас этой минутки! — обеспокоенно воскликнула принцесса, наблюдая как дверь начинает подаваться под свирепым натиском безумствующих чудовищ.

— Да уже и не надо! — ответила Илиана.

Подойдя к стене, она треснула ладонью по какой-то выпуклости. В следующее мгновение пол большой округлой комнаты резко подскочил, отчего часть диверсантов свалилась с ног. Сшибая все встречные препятствия, комната, оказавшаяся цилиндрическим подъемником, рысью ринулась вверх, двигаясь по старой заколоченной шахте. Она не имела открытого входа, поэтому ее появление на поверхности явило собой эффектное зрелище. Земля вдруг вздыбилась, взмыв в воздух огромными пластами, и куски породы разлетелись далеко вокруг, со стуком падая на окрестные холмы. Сломанные доски и обломки балок вылезли из почвы ребрами искореженного скелета. В открывшуюся дверь хлынули потоки дневного света. Диверсанты, выбравшись наружу, поняли, что находятся в миле от главного входа вблизи от каких-то заброшенных построек. Старшие колдуны хорошо позаботились о своей безопасности, и этот аварийный запасной выход предназначался для высших колдунов на какой-нибудь крайний случай. О нем на днях успел проболтаться Жельдорф, и на состоявшемся допросе Илиана лишь отобрала у него ключ и вытянула необходимые детали.

— Пожалуй, стоит поскорее убраться отсюда подальше, — предложила Уна, озабоченно прислушиваясь к доносившимся из шахты звукам.

— Поддерживаю! — хором заявили Ульм и Талара.

Илиана, вновь вернув себе самообладание, не медля повела отряд туда, где ее дожидалось верное звериное воинство.

* * *

О падении Тель-Анума чародейки и Дегонис узнали в один и тот же день. Первым весточку доставил орел, чувствуя себя несколько непривычно в роли почтальона. К верховному колдуну явился изрядно помятый кронус. Сначала послание вручили Баратису. Смятенный тип в сером, отвечавший за корреспонденцию Манипуляторов при ханской ставке, сунул ему в руки небольшой сложенный листок, адресованный Дегонису. Баратис прочел содержавшийся там текст и так изменился в лице, что на него было страшно смотреть. На пару минут он утратил способность соображать и трижды перечитал нехитрое письмо. Затем встретился взглядом с курьером, который с не менее ошарашенным видом развел руками. Трясущийся Баратис отправился к учителю и, запинаясь на каждом слове, отдал ему листок. Выражение лица Дегониса, скрытого за неизменным капюшоном, никто не увидел, однако оно вряд ли осталось к прочтенному безучастным. Там была всего одна строчка: "Тель-Анум уничтожен. Ты следующий."

– 13 –

Часы редкого затишья обычно предвещали новую бурю. Не колдовскую, что с устрашающей периодичностью накрывали огромные области, а очередной виток ожесточенного противостояния. На прояснявшемся от туч и дыма небе выглядывало солнце или луна, в зависимости от времени суток, а земля переставала дрожать, отдаваясь гулом от бесчисленных боевых орудий, сотен тысяч ног и непрерывно накладываемых заклинаний. Непродолжительную передышку старались использовать с максимальной эффективностью. Измученные, падавшие от усталости люди сменялись свежими резервами, машины и механизмы срочно приводились в порядок, пополнялись боеприпасы. Суммарный объем колдовства настолько пропитал окрестности, что они стали пригодны для жизни всяких удивительных существ без чьей-либо дополнительной помощи. Эти существа появлялись практически везде и уже ни у кого не вызывали удивления. Сами же заклинатели старались побыстрее восполнить силы, а характер их чар менялся с боевого на восстановительный. При этом ни о каком даже временном спокойствии не могло быть и речи. Любая пауза грозила неожиданной атакой, малейшая передышка — очередным хитрым маневром. Так случалось уже неоднократно, и пока одни черпали долгожданный отдых другие приходили в повышенную боеготовность. Ели и спали обычно прямо на боевых постах, делая исключения лишь в случае крайней необходимости. Противостояние об-

рело такую форму, что стихийное бедствие в сравнении с ним выглядело обычным ненастьем. Люди жертвовали всем, чем могли, каждый по-своему, не роптали и не жаловались. В этом не было ни возможности, ни смысла. Каждый понимал, что ныне решается его судьба, и поддаться слабости означает лично уменьшить шансы на благоприятный исход не только общие, но и собственные. С обеих сторон в ход шли все возможные ресурсы, и все доступное людям сходилось в неистовой схватке, которой не было видно конца. Предгорный край, некогда веками наполненный тишиной и покоем, превратился в гигантскую арену, где лоб в лоб сошлись непримиримые враги. Сошлись в решающем сражении, чей исход определит их дальнейшую судьбу. От зарева пожаров ночью иной раз было светло, как днем, а день порой превращался в ночь из-за густых клубов дыма или свирепо бушующих штормов.

Илиану разбудила чья-то рука, тормошившая ее за плечо. Немногие имели право войти в ее покои, тем более когда она спала. Рубистеллу охраняли как величайшую ценность, утратить которую было бы тяжелейшей и невосполнимой потерей. Даже чародейки относились к ней с почтением, а северяне так и вовсе начинали почитать как национальную святыню. Несколько суток девушка лечила раненых, вытаскивая наиболее тяжелых практически с того света. Если человек еще дышал, пусть даже походил на кусок бесформенного, размазанного мяса с вывалившимися внутренностями, она приходила ему на помощь. На глазах пораженных людей изувеченному до неузнаваемости телу возвращался исходный облик, и умиравший быстро возвращался в строй. Само появление Рубистеллы воодушевляло воинов без всякого воздействия с ее стороны. Она старалась успеть везде, где требовалось ее присутствие, и алое свечение, столь непохожее на отсвет пожаров, неизменно озаряло лица несокрушимой верой. Верой в ее могущество, верой в победу и собственные силы. Без счета жизней спасла она, печалясь о тех, кто пал мгновенно или не дождался ее прихода. Чародейки и врачи не лечили пострадавших — они всеми силами старались поддерживать в них жизнь до чудодейственного вмешательства Илианы. Они же — чародейки и врачи — когда выдалась нынешняя передышка чуть ли не насильно отправили девушку спать, ибо она находилась на грани истощения. Рубистелла быстро восстанавливала силы, но даже ей требовался отдых. Хотя бы два-три часа. Приоткрыв глаз, Илиана узрела стоявшую рядом Талару.

— Что случилось? Новая атака? — спросила Илиана, все еще не отрывая голову от подушки.

Каждая лишняя минута покоя восстанавливала запас энергии,

любая капля которой в нынешних условиях становилась дороже алмаза.
— Пока нет. Но наши считают, что необходимо твое присутствие, — пояснила принцесса. — Ты как? — добавила она, окинув подругу беспокойным взглядом.
— Я в порядке, — ответила, поднимаясь, Илиана.
Ее сонливость как рукой сняло. Вернувшиеся свежесть и бодрость возобновили кипучую жажду деятельности.
— Тогда идем скорее. Я все объясню по дороге, — сказала Талара, увлекая подругу за собой.

Северо-западная часть укреплений Данерхейма — там, где стена соприкасалась с горой, — до сих пор подвергалась менее значительному напору врага. Горный хребет был совершенно безразличен ко всем его ухищрениям, поэтому основные атаки сосредотачивались на других участках. Тем не менее, никто и не думал ослаблять западный фланг. В неровном свете звезд поблескивали кольчуги и шлемы не покидавших посты воинов. Боевые машины, исправно смазываемые и снаряжаемые, помогали обстреливать соседние сектора. Чародейки несли положенную вахту и даже в наиболее тяжелые минуты не нарушали приказ оставаться на месте, ведь враг мог появиться откуда угодно. Собственно, именно поэтому сейчас и позвали Илиану. Спустившись на нижний ярус, она вместе с Таларой углубилась в тоннель, начинавшийся еще в стене, но уходивший в гору. Через три десятка ярдов подруги вышли к небольшой группе. Алеада о чем-то горячо спорила с Уной, а Сирелина деятельно сновала вокруг, выделывая руками затейливые пассы. Завидев девушек, вся троица немедленно бросила свои занятия и окружила Илиану. Та уже была в курсе зачем ее позвали и попросила помолчать, напряженно прислушиваясь к своим чувствам. Внутреннее чутье Рубистеллы работало безукоризненно, но когда она отвлекалась, радиус его действия сужался вплоть до полного затухания. Присутствующие замерли, стараясь не мешать ей сосредоточиться. Отряд Рубистеллы известила одна из дежурных чародеек. В ее обязанности входило патрулирование коридоров. Чародейка как раз проверяла нижний тоннель на стыке стены и горы, когда всего на мгновение ей почудилось, что она что-то слышит. Чувство было мимолетным, но в нынешних обстоятельствах ничто нельзя игнорировать. Чародейка долго прислушивалась и ей показалось, будто откуда-то из толщи камня доносится едва слышное поскребывание. Напрягая все органы чувств она также заметила, что со стен и потолка иногда срываются песчинки. Во время схватки крепость сильно сотрясалась и тогда, порой, валились и фрагменты кладки, но сейчас-то было тихо. Поразмыслив,

дежурная чародейка отправила весточку кому следует. На зов тут же явилась вездесущая Сирелина, наконец-то дорвавшаяся до активных действий. Теперь на их отсутствие ей жаловаться не приходилось. Покрутившись в подозрительном тоннеле, заканчивавшимся тупиком, она послала за Алеадой, вместе с которой пришла и молодая ведьма. Служительница Гексенхаммера была не в восторге от компании недавней прислужницы Манипуляторов, немало потрудившейся на Ливьянских болотах. Ведьма, однако, блестяще проявила себя в Тель-Ануме и волей Илианы вошла в состав отряда. Эти двое тут же стали применять диаметрально противоположные средства, из-за чего, собственно, и вышел спор. Алеада сердилась, что ведьма своим темным колдовством только осложняет задачу, а Уна в свою очередь считала необходимым воздержаться от традиционных методов чародеек. Тем не менее, все трое сошлись во мнении, что у них есть основания для беспокойства и решили разбудить Илиану. Теперь, когда ее чутье проникало сквозь любые препятствия, они, забыв про перепалку, напряженно ждали вердикта. Прошло едва ли больше минуты, как он последовал.

— Поднимайте тревогу! — озабоченно сказала Илиана. — Я чувствую присутствие людей. Вон там, — протянула она руку, показывая куда-то в стык между внешней стеной и полом.

— Уверена? — быстро спросила Уна. — Прости за дурацкий вопрос, — быстро поправилась она, встретив взгляд девушки. — Я имела в виду, какого рода присутствие.

— Они двигаются. Двигаются строго по прямой. Исходя из этого я предполагаю, что они копают проход, — ответила Илиана, глядя куда-то в пространство. — Ширина — от трех до пяти ярдов. Расстояние…

Девушка помедлила, приводя в соответствие внутреннее видение с трехмерным пониманием местности. Она внимательно следила за пульсирующими точками на своем недоступном никому другому сонаре. По мере роста концентрации, этих точек становилось все больше, а их движения прослеживались все отчетливее. Будто муравьи они сновали туда-сюда, медленнее к стене, быстрее обратно.

— Ярдов пятьдесят, — наконец произнесла Илиана. — Да, это точно подземный ход. Он идет далеко с внешней стороны стены и приближается к горе. Хотя нет, погодите… Два человека находятся гораздо ближе. Значит, он уже подходит под крепостной рубеж. Если пробить вертикальный колодец, он почти совпадет с тем коридором, где мы сейчас стоим.

Присутствующие обменялись тревожными взглядами.

— И они что-то носят, — многозначительно добавила девушка. — Я не могу этого видеть, но характер их движения заставляет меня предположить, что ближе к стене ход наполняется чем-то тяжелым. Кстати, чего вы стоите столбами?! Кто-нибудь собирается известить верховное командование?!
Алеада и несколько воинов тут же сломя голову побежали в направлении лестницы.

Враг готовил подкоп — в этом уже не оставалось никаких сомнений. Подобных шагов от него ожидали и раньше, для чего и предпринималось патрулирование нижних коридоров. Более того, несколько вражеских подземных галерей уже было вовремя обнаружено и обезврежено, несмотря на глубину залегания. Внушительный ров здорово мешал нападавшим подбираться к укреплениям Данерхейма, но подле начала горы его уже не было. Неподходящий рельеф делал эту местность непригодной для полномасштабной атаки, но тоннель... Да, окажись он подальше — и даже Илиана не смогла бы обнаружить его присутствие. Вот только какой в нем был смысл? В отличие от стены, гору не обвалишь, и такой же трюк как в Нирелине не провернешь. Неужели враг и впрямь вообразил, что успеет доставить на поверхность достаточно сил, чтобы нанести удар с тыла и продолжать удерживать точку проникновения для непрерывного пополнения? Поднятые по тревоге солдаты и заклинательницы окружали опасный участок, составляя план действий. С внутренней стороны горы оперативно разворачивались работы по наведению контргалереи. Ведьмы и чародейки совещались каким колдовством лучше всего достать пробиравшегося под землей противника. Стоя на вершине ближайшей башни, Илиана вдумчиво изучала деятельность защитников крепости, размышляя что затеял враг. Из опасной зоны ее увела охрана, поскольку никто не знал чем грозит его появление. Эта же охрана из воинов и чародеек сейчас окружала девушку двойным кольцом, внутри которого вместе с ней находились Сирелина, Уна и Талара. Алеада же сновала на месте событий, подробно объясняя всем выявленные Рубистеллой детали. Размышления девушки прервал протяжный сигнал тревоги. Над головой, размахивая булавами, стремительно пронеслось звено горгулий-воинов. Враг снова пошел в атаку.

Сражение за Данерхейм длилось уже неделю. Огромные Тексенумы, доставленные чародейками прямиком из Альмирстала, достойно удерживали бешеную ярость Липкого огня. Без них даже такая крепость пала бы очень быстро, не в силах совладать с чудовищным жаром. На особые подразделения чародеек возлагалась только одна задача — наполнять кристаллы Плетения своей кол-

довской силой. Они действовали в три смены, а в особо тяжелых случаях им на помощь приходили свежие резервы. Сферы, запущенные боевыми машинами Красной саламандры, бессильно разбивались о незримый барьер и реки огня стекали прямиком в ров, чья вода регулярно испарялась, а он становился все глубже и глубже. Такой вроде бы бесполезный обстрел на деле таил в себе немалую опасность. Вгрызаясь в землю, Липкий огонь не только уходил вниз, но в перспективе грозил начать распространяться и вширь за пределами области действия Тексенумов. Это автоматически превратилось бы в глобальный подкоп по всему периметру атакуемых участков. Зайдя слишком далеко под стену, Липкий огонь проест достаточно пустого пространства, чтобы эта самая стена попросту рухнула вместе с башнями и всем их содержимым. Чтобы этого не произошло, защитники регулярно высыпали в пострадавшие рвы камни и щебень, чьим неиссякаемым источником служил горный хребет. Для этих целей были задействованы немалые ресурсы, по тем или иным причинам не принимающие участия в боевых действиях. В частности, мирное население и некоторые военнопленные, причем ни о каком принуждении речь не шла. Многие тактические ходы противника стали известны верховному командованию благодаря рейду Илианы, проникшей в Тель-Анум и уничтожившей его изнутри. Контрмеры были приняты заранее, поэтому защитные процессы позволили избежать немалых осложнений с самого начала битвы. Когда легионы Красной саламандры подошли к Данерхейму, их встретили во всеоружии, а защитники крепости были готовы ко всему. Впрочем, без сюрпризов тоже не обходилось.

Хан стянул к Лорданскому перевалу все основные силы, сконцентрировав почти всю свою мощь в северной части Орнхольма. Вспомогательные армии в количестве трех прикрывали фланги и тыл. С запада и востока подразделения южан выстроили надежный рубеж, чтобы гарнизоны союзных войск не могли беспрепятственно подходить к Данерхейму и принимать участие в сражении. Южный контингент обеспечивал прямую связь с Империей и исключал появление ударных частей северян с этого направления. Фактически ад-Сейдин установил блокаду крепости, хоть и не так, как планировал изначально. Вместо захвата стратегических рубежей и ослабления противника он выставил крупные заслоны, не задействованные в главной битве, но и не пускавшие туда никого другого. Армия главного удара, не считаясь ни с какими потерями, вышла напрямую к Данерхейму и обосновалась там с очевидными намерениями атаковать до победного конца. В результате образовалось три фронта: центральный, где обе сторо-

ны сосредоточили наибольшие силы, западный и восточный, куда на помощь крепости тут же устремились все крупные боевые соединения, доселе рассредоточенные на значительной территории не только Орнхольма, а и всех государств Оборонительного союза.

В Данерхейме были готовы к появлению врага, но вид полчищ Красной саламандры, заполонивших окрестности до самого горизонта производил довольно тягостное впечатление. Бесчисленное множество шатров и еще большее количество огней усеяли все видимое пространство. Солдаты ад-Сейдина валили лес и рыли землю, сооружая технические, оборонительные и наступательные сектора. На передней линии воздвигались земляные валы, усиленные камнями и тяжелыми защитными конструкциями. Осадные орудия располагались в несколько эшелонов, в зависимости от принципа действия. Наиболее тяжелые стояли дальше всех и стреляли реже, зато их заряды обладали наибольшей разрушительной способностью, посылая в небо целые обломки скал. Этих исполинских чудовищ мастера эмира Аешского изготовили по специальному заказу, и они использовались впервые, доставленные в действующую армию лишь месяц назад. Ад-Сейдин не собирался устанавливать продолжительную блокаду, хотя с первого взгляда такое вполне могло показаться. Просто он обстоятельно готовился к решительному натиску, должному произвести долгожданный и необратимый перелом в северной кампании. Его войска старательно окапывались на позициях для того, чтобы из-под надежной системы укреплений непрерывно атаковать крепость до победного конца. Единожды размещенные боевые машины, хорошо укрытые от вражеского огня и обеспеченные всем необходимым, обрушат на Данерхейм весь арсенал, каким только располагают южане. Мобильные подразделения, включающие колдунов, будут подходить и уходить по выстроенным коммуникациям. Освобожденное от леса пространство и многочисленные глубокие траншеи позволят разбить место дислокации армии на зоны, исключая возможное распространение огня, и прочие неприятности связанные с дремучей чащей. Собираясь атаковать, хан заботился и об обороне, заведомо исключая какую-либо непростительную беспечность в реализации своего замысла. Северяне, несомненно, станут использовать любую возможность для ответного удара, не брезгуя диверсиями и иными выпадами, и их требовалось упредить, а последствия минимизировать. В течение трех суток со стен Данерхейма можно было наблюдать, как впереди, начиная от середины ближайшего поля, меняется привычный ландшафт. В кратчайшие сроки легионы хана осуществили всю предварительную подготовку. А на четвертый день пошли в атаку, дав начало самой ожесточенной

битве тысячелетия.

Баллисты и катапульты работали несколько часов, сконцентрировав стрельбу на нескольких участках. Чтобы снизить последствия чудовищного жара, исходящего от рек огня, чародейки вызвали ледяной шторм, способный дать любому полярному урагану сто очков форы. В зоне его поражения температура упала на сотню градусов. Воздух в эпицентре похолодел так, что находиться вблизи было смертельно опасно. Начало сентября выдалось вполне теплым и солнечным, но свет просто померк в потоках свирепо завывавших туч, плюющихся комьями жгучего снега с не меньшей яростью, чем Липкий огонь пожирал землю и камни. Стены крепости покрылись толстым слоем инея. Чтобы не допустить губительное распространение шторма, ведьмы Оборонительного союза создали контрфронт с единственной целью — он препятствовал проникновению стихии холода на позиции северян. Образовавшийся воздушный барьер чудовищно ревел. Сталкивавшиеся вихревые потоки устремлялись вверх плотной стеной, из-за чего все защитники внешнего рубежа укрылись внутри крепости, иначе их швырнуло бы в небеса. Нечто подобное были вынуждены сделать и колдуны, поскольку шторм грозил превратить передовые позиции хана в безжизненное царство холода. Встречная буря вступила в противостояние с сотворенной чародейками. В результате образовалась узкая, вытянутая вдоль стены крепости область, где творилось нечто поистине неописуемое. Две бури удерживали третью, а от их совместного рева содрогались камни. Сферы Липкого огня, исправно швыряемые боевыми машинами Красной саламандры, отправлялись в самое сердце бесновавшейся стихии и лишь по вспышкам пламени и столбам тут же кристаллизировавшегося пара можно было попытаться представить что там происходило. Раскаленная преисподняя переплелась с ледяным адом и даже опытные заклинатели из своих надежных укрытий с опаской поглядывали на творение своих рук.

Обстрел прекратился с наступлением темноты. Северяне решили, что враг не столько выдохся, сколько желает изучить последствия первой атаки и сами занялись тем же самым. Отчасти это действительно было так. В эпицентре все еще тлели горячие очаги, испуская клубы дыма, а ледяные наросты обильно покрывали обширные участки. Все, что не защищали чары Тексенумов под воздействием сумасшедшего перепада температур превратилось в какие-то мелкие крупицы не пойми какого вещества. Часть рва осыпалась, а на его дне, ставшем на десяток ярдов глубже, бурно бежала вода. Чтобы не лишиться внутреннего рва, а за ним и искусственного озера, защитники Данерхейма предусмотри-

тельно закрыли плотину, и теперь во внешний ров поступали лишь излишки из горной реки. Требовалось побыстрее засыпать прорехи, для чего северяне тут же стали доставлять к стене камни, поднимаемые наверх специальными кранами. Этот процесс пришлось приостановить, когда дозорные протрубили тревогу. К крепости, несясь на всех парах, поспешала огромная стая кронусов. В ночное небо тут же поднялись соединения горгулий, ринувшихся на перехват. Чародейки по команде начали выпускать одну светящуюся сферу за другой. Поднимаясь ввысь, они ярко озаряли окружающее пространство, создавая для крылатой нечисти непреодолимые зоны. Та, впрочем, к земле особо и не стремилась. Разделившись на два рукава, кронусы широкими потоками долетели до крепости и пока нижний атаковал горгулий, верхний открыл бомбардировку. Благодаря сведениям из Тель-Анума северяне уже знали, что летучая армия врага намного больше, чем было известно изначально. Тем не менее, ее появление вызвало небольшой шок. Если бы небосвод не потемнел ввиду позднего часа, он непременно потемнел бы от кронусов. Над Данерхеймом завязалась ожесточенная схватка.

Горгулий было в десять раз меньше, но они быстро дали понять кто здесь хозяин. Чародейки не только призвали могучих подопечных, но и позаботились об их вооружении. Кронусов встретили ослепительные вспышки. Горгульи, срывая с пояса маленькие шары, швыряли их во врага. Вблизи от нечисти шар взрывался, исторгая потоки света, и кронусы, получив нервный шок, как подкошенные валились вниз, где их тут же кромсали солдаты. Создаваемая этими вспышками иллюминация напоминала какой-то волшебный праздник и выглядела бы совершенно завораживающе, если бы не сопровождавший ее драматизм. Самим горгульям удавалось избежать заметных потерь, особенно воинам. Кронусы просто не могли с ними справиться, а стоило им облепить жертву, как та, только того и дожидаясь, активировала световой шар, поражая всех нападавших оптом. К сожалению, это не препятствовало сбрасыванию снарядов самими кронусами. На землю одна за другой сыпались сотни малых сфер Липкого огня. Защита Тексенумов охватывала крепость, но отнюдь не всю внутреннюю долину. Разбиваясь о незримые барьеры, раскаленная жижа стекала вдоль них до самого основания, где вгрызалась в камни и почву. Там же, где барьеры отсутствовали, она беспрепятственно попадала на все, что подворачивалось в ее хищную хватку. В долине десятками расцветали очаги жарких пожаров. Бомбардировка, расстраиваемая горгульями, имела довольно хаотичный характер, но при этом процесс был массовым. Очередная упавшая сфе-

ра могла поджечь луг, а могла упасть и среди палаточного лагеря; ее добычей становились то пустая дорога, то груда строительного материала, а то и какая-нибудь постройка, очутившаяся все защитного барьера. Чародейки тут же ринулись тушить занявшееся пламя, сбивая его заклинаниями холода. Увы, они не везде поспевали сразу, поскольку площадь бомбардировки составляла несколько квадратных миль. Похоже, кронусы не атаковали какой-то один объект. Не имея конкретной цели, они бомбили все подряд, выясняя таким образом уязвимые места в обороне северян. Горгульи, оценив происходящее, изменили тактику. Не обращая внимания на наседавших кронусов, они кидались на тех, что осуществляли сброс зловещих снарядов. Эти кронусы откровенно уходили от столкновения, улепетывая от горгулий во всю прыть. Сверкавшие в небе вспышки посыпались с удвоенной интенсивностью. Прикрывая долину, горгульи разили светом направо и налево, создавая врагу как можно больше препятствий. Бомбардировка кончилась так же внезапно, как и началась. По условному сигналу летучая армия врага бросилась врассыпную и унеслась восвояси. Вероятно, нападение было пробным, прощупывавшим возможности защитников. Те, предвидя такой ход, попридержали кое-что из своего арсенала до более серьезной схватки, оставив его в тайне для врага, и, как позже выяснилось, правильно сделали. Правда расплачиваться за это пришлось пострадавшими от Липкого огня участками по всей долине. Хорошо что урон от них был не слишком большим и чародейки быстро локализовали очаги возгорания.

Положение резко ухудшилось, когда в сражение вступили дальнобойные боевые машины ад-Сейдина. Стреляя с большого расстояния, они с легкостью перекидывали снаряды высоко через стену и те падали позади нее. Наводчики хана сделали только одну ошибку — первые два залпа орудия дали огромными камнями, чтобы сначала пристреляться. Чародейки, сообразив к чему идет дело, успели сбить львиную долю сфер Липкого огня восходящими потоками. На стене в секторах обстрела в небо взмыли обширные воздушные столбы. Они подбрасывали пролетавшие через них шары, сбивая им траекторию и существенно гася набранную скорость. Горгульи, дежурившие поблизости, тут же кидались наперехват. Швыряя булавы, они раскалывали кувыркавшиеся сферы, безопасно рассыпая их содержимое. Часть сфер, однако, все же достигала если и не своей цели, то хоть где-то, но падала. Эти очаги возгорания не шли ни в какое сравнение с маленьким грузом кронусов. Ярость Липкого огня была поистине чудовищной. Чародейкам приходилось действовать большими группами, чтобы со-

вместными усилиями подавить стремительно вырывавшееся пламя. Без них северянам пришлось бы туго, но даже с их бесценной помощью жуткая смесь успевала нанести значительный ущерб, и чем чаще сферы выполняли свою задачу, тем больше этот ущерб становился. Крепость по-прежнему оставалась для врага недосягаемой, равно как и почти вся деревня, но вот пространство между ними, укрытое барьерами лишь фрагментарно, мало-помалу начинало превращаться в решето, где роль отверстий играли прожженные огнем эпицентры.

Первый ответный выпад сделала Сирелина, умудрившаяся поймать одну из сфер уже у самой земли своими усиленными воспитанницей чарами. При свете занимавшегося дня четыре горгульи подхватили не разбившийся шар и, взлетев повыше, сбросили его прямиком на позиции огромных орудий. Взметнувшийся Липкий огонь пожрал могучую боевую машину без остатка, прежде чем Манипуляторы успели его потушить. Вслед за этим со стен Данерхейма заговорили орудия северян, посылая в стан Красной саламандры залп за залпом. Чародейки старательно подготовили соответствующее угощение. Помимо обычных зажигательных снарядов и камней баллисты и катапульты выбрасывали и зачарованные подарки. При падении они взрывались шаровыми молниями, поражая все живое в радиусе нескольких ярдов. Гул и грохот сопровождали взметавшиеся тут и там змеистые электрические рукава, исторгаемые ослепительно полыхнувшими воронками. Порой из снаряда вырывался разъяренный вихрь, доставлявший солдатам хана массу неприятностей. Упав в расположении врага, он хватал ближайших жертв и швырял их куда попало, ломая кости и нанося увечья. С треском слетали крыши защитных сооружений, обнажались крытые ходы и траншеи. Если же снаряд испускал рой злющих как черти ос, способных в несколько секунд зажалить до смерти, то это была работа ведьм Оборонительного союза. Ведьмы же создали и мерзкую липкую жижу, вонявшую так, что секрет скунса в сравнении с ней казался ароматом цветущих роз. Людей, попавших в зону поражения такой штуковины, непрерывно тошнило от отвращения, включая потерю сознания. Колдуны спешно ликвидировали последствия вонючек, а пострадавшим попросту блокировали обоняние. Впрочем, тем все равно приходилось уходить с поля боя и чиститься. Даже не чуя запаха солдаты испытывали слабость и головокружение. Дегонис ничуть не преувеличивал, когда некогда подчеркнул хану опасность схватки с двумя сотнями чародеек, к которым теперь добавились и ведьмы. Манипуляторам, впрочем, тоже было чем ответить. Помимо Липкого огня, боевые машины принялись метать продукты

черного колдовства, начиная от отравы и заканчивая моровыми мухами. Бочки с ядом требовали особого подхода, и разбить их как шары с адской смесью было невозможно. Точнее, это ничего не меняло, и содержимое успешно выплескивалось наружу прямо на головы защитникам. Восходящие потоки чародеек оказались бессильны перед этой новой угрозой. Разбиваясь, бочки с шипением испускали густые зеленоватые облака, грозившие неминуемой смертью. Другие содержали зелье безумия, и трудно было сказать что хуже. Чародейки и ведьмы применяли контрзаклинания и противоядия, старались подавить отравленные пары, а то и вовсе сдуть их за пределы крепости, подняв повыше вверх. Масштабы поражения мешали им своевременно и полностью ликвидировать угрозу. Последствия были бы гораздо серьезнее, если бы Илиана не раздобыла чрезвычайно важные сведения в Тель-Ануме. Специальные маски, заблаговременно выданные людям, блокировали значительную часть вредоносного воздействия. Отряды в защитных костюмах действовали прямо в зоне обстрела, выводя оттуда пострадавших. Они же спешно ликвидировали ядовитые очаги, обезвреживая бочки и нивелируя пагубное распространение их содержимого. Моровые мухи уничтожались точно наведенными заклинаниями. Одна лишь Илиана, неизменно приходившая на выручку нуждавшимся в ее помощи, обходилась без всякой защиты. Лучший яд Манипуляторов оказывался бессилен перед ее кровью, уничтожавшей любую вредоносную заразу. Злое колдовство, успешно разившее всех остальных, вызывало у девушки некоторый дискомфорт — и только. Появляясь прямо в плотных облаках отравы, она хватала упавших людей и многих спасала от верной смерти, быстро пресекая последствия отравления. Приток жизненной силы позволял жертвам колдовства выбираться из эпицентра самостоятельно. Моровые мухи, кидавшиеся на всех подряд, сами шарахались от Илианы как от чумы. От одного прикосновения к ней они осыпались в прах, запуская цепную реакцию по всему рою. Охрана была не в состоянии следовать за Рубистеллой, сломя голову бросавшейся в концентрированный яд и облака насекомых. Сопровождавшие ее чародейки, дрожа от волнения, следили за девушкой издали, стараясь помогать хоть чем-нибудь. Одна из падавших бочек едва не свалилась Илиане на голову, и своевременные выстрелы заклинательниц отклонили роковую траекторию. Охрана умоляла девушку не рисковать и вернуться в безопасное место, но та и слышать ничего не хотела. Охране стало намного легче, когда всем наконец-то принесли защитные костюмы, и она вновь смогла сопровождать свой бесценный объект. Илиана тут же взвалила на спутников задачу по выведению людей, а сама

продолжала исцелять их, испуская потоки алого света. Одно ее касание — и вызванное колдовством помутнение рассудка тут же развеивалось; секунда-другая — и задыхавшаяся от яда жертва обретала возможность дышать.

К вечеру на полосе между позициями легионов ад-Сейдина и внешним оборонительным рубежом Данерхейма вновь сошлись бушующие стихии. Чародейки, разозленные минувшими бомбардировками, выстроились вдоль стены и наколдовали поистине чудовищный ураган. Если кому-то доводилось видеть самум, идущий от земли до неба непроницаемым песчаным валом, то он мог получить слабое представление о сотворенном сестрами Альмирстала. Колдуны тоже были не лыком шиты, но прежде чем им удалось остановить наступление бури и отодвинуть ее назад, передовые позиции Красной саламандры перемололо в настоящую кашу. От фортификационных сооружений не осталось и камня на камне. Два полка, не успевших покинуть зону поражения, исчезли без следа. Вой бури просто оглушал, а ее мощь бросала в небо тяжеленные повозки с поклажей. Оттесняя колдовство чародеек, ураган Манипуляторов также постарался на славу, перемешивая небо с землей. Когда стихии наконец-то угомонились, обе стороны слегка опешили от произведенных разрушений. Солдаты Красной саламандры быстро восстановили утраченные позиции на перепаханной вдоль и поперек земле, но с тех пор незамедлительно отступали при первых признаках появления вихря.

Фактически, с обеих сторон сталкивались колдовские силы. Армии были на вторых ролях, прикрывая атаки и оборону заклинателей. Без легионов ад-Сейдина северяне смяли бы черных колдунов в кратчайшие сроки. Точно так же армия хана без труда сокрушила бы крепость вместе со всеми союзными полками, не будь в ней чародеек и ведьм. На первых порах исключение составляли вторичные фронты, западный и восточный, где кипели нешуточные страсти, а кровь лилась рекой. Там войска противников сражались по большей части традиционно, причем сражались с переменным успехом. Северянам не удавалось пробить действительно значимую брешь и выйти к Данерхейму, но Красная саламандра расплачивалась за это увеличенными потерями. Вынужденная растянуть линию соприкосновения, обеспечивавшую необходимую блокаду, армия хана распыляла силы, в то время как полководцы Оборонительного союза били сконцентрированными ударами. Тем не менее, командующие хана оправдывали возложенное на них доверие и крепость оставалась отрезанной от всех северных земель. Впрочем, у нее имелось достаточно войск и припасов, чтобы атаки ад-Сейдина раз за разом разбивались о ее не-

приступные стены.

Иначе дело обстояло в нескольких особых случаях. Манипуляторы, как сами, так и по поручению хана, долгое время искали пути обхода Лорданского перевала. Орлы, призванные на службу чародейкам стараниями Илианы, знатно испортили им всю затею. Пернатые разведчики за много миль обнаруживали карабкавшихся по горам лазутчиков. Те, уверенные, что никто и понятия не имеет об их присутствии, иной раз уже вовсю рассчитывали спуститься по другую сторону хребта, как вдруг из ниоткуда объявлялись чародейки. Ни Дегонис, ни хан так и не уразумели отчего все кто направлялся на поиски обходного пути как в воду канули. Хребет казался просто заговоренным, будто некое непреодолимое колдовство уничтожало любого, осмелившегося вторгнуться в заповедную область. Несколько десантных кораблей, забравшихся в необитаемые верховья Шиалы, высадили на западный берег реки четыре сотни солдат и два десятка колдунов. Им надлежало пройти через дикие земли и непроходимые болота, тянувшиеся на сотни миль, и добраться до пика Эрминдхайм с востока. Путешествие здорово затянулось, но колдуны с горем пополам провели воинов довольно далеко. Они уже предвкушали успех, как вдруг кронусы, регулярно привозившие их донесения в ставку, перестали прилетать. Никто так и не узнал что случилось с исчезнувшей экспедицией. Военный совет ад-Сейдина сошелся на том, что рубежи земель чародеек хорошо охраняются, хотя было совершенно непонятно откуда они берут необходимые ресурсы для охвата столь огромных территорий. Никому, разумеется, и в голову не пришло, что сестры Альмирстала ничем подобным и не занимались. Орлы, облетавшие дозором доверенный им маршрут, заприметили врага еще за три сотни миль. Располагая точными координатами местонахождения лазутчиков, чародейки выслали боевой отряд, разнесший экспедицию хана в пух и прах, прежде чем та поняла что случилось. Нечто подобное происходило и во время сражения за Данерхейм. Специально обученные люди постоянно пытались забраться в горы и оттуда скрытно выйти к долине и перевалу для диверсий и наблюдения. Крылатые дозорные пресекали такие поползновения на корню. Чародейкам при этом даже не требовалось карабкаться по скалам, рискуя свернуть себе шею. Так же, как некогда и Флею, горгульи подхватывали пару чародеек и доставляли прямиком к нужному месту, где точные заклинания сбрасывали врагов на острые камни. Вихри, бесплотные удары, землетрясение и прочие прелести — чародейки угощали лазутчиков всем, что наиболее удачно подворачивалось под руку, причем сами оставались для них неуязвимы. Вездесущесть сестер Альмир-

стала неприятно поражала хана и Манипуляторов, и они ничего не могли с этим поделать.

Впрочем, легионы Красной саламандры все же не сидели сложа руки. На третьи сутки их полки после продолжительного обстрела крепостных стен пошли в наступление. На сей раз боевые машины метали самые обычные камни, причем целились исключительно во фронтальную часть стены. Разбиваясь о барьер Тексенумов, камни осыпались в ров и мало-помалу заполняли его своими обломками и щебнем. Когда ров основательно обмелел, по позициям врага прокатился громкий гулкий сигнал. Полки Красной саламандры высыпали из-за защитных укреплений и бегом устремлялись в атаку. Наводной мост центральной дороги, проходившей между двумя крепостями, был задвинут внутрь особым механизмом, но именно там, по огромным воротам, враг наметил очередной удар. Лавина ханских солдат, невзирая на убийственный обстрел из Данерхейма, добралась до рва. Солдаты несли мешки с землей и приставные лестницы, созданные искусными инженерами. Под прикрытием больших переносных щитов и заклинаний они быстро навели широкую переправу. Чародейки, не дожидаясь пока противник доберется до ворот, создавали еще один шторм, но на сей раз дело застопорилось. Издали колдуны развеивать творение их рук не могли, но в относительной близости все попытки воплотить могучую стихию начали разбиваться о сопротивление контрзаклинаний. Воздух ощутимо наэлектризовался, наполнившись чрезвычайным напряжением. Его плотность ощущалась повсеместно в зоне взаимного столкновения противоборствующих чар. Нечто подобное происходит, когда одна звуковая волна гасит другую в противоположной фазе. В итоге не слышен ни тот, ни другой звук, но создаваемое ими давление остается. От статического электричества шевелились волосы и слегка било током. Заклинательницы могли вызвать бурю издали, но направить ее вдоль стены было на порядок сложнее, чем от нее. Не оставляя попыток создать в рядах атакующих ревущий шторм, чародейки непрерывно обстреливали воинов хана различным колдовством. Манипуляторы, защищенные надежнее других, неплохо противостояли их чарам, но отразить все были просто не в состоянии. Нападавших разили огонь и молнии, их сковывал лютый холод, слепили и оглушали вспышки; людей сбивало с ног, придавливало переносимым грузом, швыряло в воздух и сталкивало друг с другом. На головы солдат ад-Сейдина сыпались фрагменты скал, их жалили жужжащие насекомые. Горючие смеси расплескивались над головами мелкими брызгами, а затем в мгновение ока поджигались струей пламени. И стрелы. Тысячи стрел из луков и копий из ди-

кобразов накрывали южан смертоносной лавиной. Без чар Манипуляторов полки Красной саламандры захлебнулись бы в атаке даже не добравшись до стен. Колдовские обереги отводили жала стальной погибели, зачарованные защитные конструкции стойко держались под напором сыпавшихся на них ударов. Одно колдовство вновь сошлось с другим, но на сей раз его противоборство вылилось во взаимном уничтожении непрерывно накладываемых заклинаний. В результате атака на Данерхейм внешне стала напоминать обычный войсковой штурм крепости. Приставляя лестницы, солдаты хана лезли на стены, откуда их окатывали горячей смолой и обстреливали всем подряд. Луч света из посоха Гексенхаммера как таковой не причинял вреда обычным людям, но слепил глаза, лишая возможности что-либо видеть. Колдуны же шарахались от него как от чумы, и их нет-нет, да и доставала карающая длань, нанося сильнейшие ожоги и на некоторое время выводя из строя. Ведьмы Оборонительного союза, действуя бок о бок с сестрами Гексенхаммера, заливали приставные лестницы скользкой жижей, отчего те становились совершенно непригодны для использования, усеивали землю цепкими корнями, накладывали на врагов дурные чары. Последние носили самый разнообразный характер, вызывая как простую слабость, так и куда более значительные недуги, нарушали координацию, провоцировали галлюцинации и причиняли немало иных нелицеприятных ощущений. Наиболее сильные чародейки, включая обработанных Илианой, сшибали лестницы бесплотными ударами. Атакующие с воплями сыпались гроздьями на полыхающую, усеянную корнями, жижей и колючками землю, а лестницы сносило прочь. Колдуны надежно сковали их своими нечестивыми чарами, и разрушить такую лестницу становилось очень непросто, но они были не в состоянии помешать их попросту отбрасывать. Однако ханских солдат было много. Очень много, а чародеек всего две сотни, и лишь половина из них, не занятая на Тексенумах и иных задачах сражалась на длинном рубеже. Площадь атакуемого участка непрерывно росла, и вот уже приставляемые лестницы принесли первые плоды: часть нападающих добралась до гребня стены и в долине Данерхейма раздался лязг скрестившегося оружия. Подгоняемые воздействием Манипуляторов, солдаты Красной саламандры лезли как оглашенные. Северяне, воодушевленные совсем другим образом, встретили их достойно. Рукопашная схватка обрела столь яростный характер, что мечи порой со звоном ломались друг о друга, а доспехи искореживались от сыпавшихся ударов. Южане подступали все новыми и новыми волнами, и их легионам не было конца.

Пользуясь установившимся колдовским статус-кво, позволяющим вести обычные боевые действия, хан бросил в бой немалые силы. Под прикрытием защитных конструкций к воротам выдвинулся мощный таран. Само собой он был зачарован лучшими колдунами. Они же помогали его перемещать, отчего тяжеленная конструкция катилась в несколько раз быстрее обычного. Охранные заклинания уверенно выдерживали натиск чародеек, и вот уже окованное жало, раскаченное множеством рук, со всего маху ударило в ворота. Раздался такой гул, будто в горах сошла лавина. Ворота не подумали даже качнуться, но лиха беда начало. Колдуны прекрасно знали, что Тексенумы не защищают периметр абсолютно от всего, ведь это невозможно чисто физически. К примеру, люди вполне способны проникнуть через их барьер, и они это успешно делали, штурмуя стены. Таран, бивший в ворота, формально сталкивался с незримым полем кристаллов Плетения, но Манипуляторы это предусмотрели. Жало штурмового орудия они снабдили мощным Нейтралом, локально разрушавшим любое колдовство. Таким образом налетавший таран как бы создавал в чародейском барьере небольшое окно, куда лупило массивное, окованное сталью дерево. Сестры Альмирстала догадались что происходит, но Нейтрал на то и Нейтрал чтобы сводить на нет все заклинания. Его можно было разрушить сконцентрированными чарами, если их поток превзойдет собственную силу знака, наверняка подпитываемую колдунами. Следовало подумать как это лучше всего сделать, но на сей раз чародейки поступили куда проще. Солдаты и Манипуляторы, находясь под тройным панцирем боевой машины, открыто торжествовали, обрушивая на ворота удар за ударом, как вдруг эта машина стала приподниматься в воздух. Собравшись большим числом, чародейки создали под ней такой мощный восходящий поток, что тяжеленный таран со всеми своими обвесами закачался, отрываясь от земли, а потом и вовсе перевернулся, неуклюже завалившись на бок. В следующую секунду всех, кто очутился в области восходящего потока, зашвырнуло высоко вверх, откуда они с отчаянными криками посыпались обратно, расшибаясь насмерть. И тут налетели соединения горгулий. Оценив риск, чародейки бросили их в бой. Размахивая булавами, крылатые воины стремглав проносились мимо приставных лестниц и сбивали карабкавшихся по ним врагов как спелые плоды. На стене, невдалеке от ворот, зажглось, пошло лучами алое сияние. Рубистелла, объявившись в гуще событий, ринулась прямо сквозь сражавшихся, хватая врагов своей волей и швыряя их обратно в ров. Стравливать их друг с другом сейчас было несподручно, поэтому она заставляла их прыгать с высоты, что было

равносильно гибели. Происходило и нечто иное. Многих солдат Красной саламандры скрючивало так, что на них было страшно смотреть. Их мышцы вздувались как при сильнейшем приступе столбняка, глаза и уши кровоточили, лица искажались жуткими гримасами. Тела швыряло не только со стены, но и в стену, с хрустом впечатывая в тысячелетнюю кладку. Иных попросту разрывало прямо в доспехах, осыпавшихся кровавыми лохмотьями. Илиана обычно избегала проделывать такое с простыми людьми, но ее эмоции зашкаливало, а боевая ярость затмила глаза ослепительным алым сиянием, от которого окружающим становилось больно на нее смотреть. Она шла прямо сквозь жарко кипевшую схватку, расшвыривая врагов во все стороны как ничтожные тряпичные куклы.

— Рубистелла! — сотряс стены крепости громогласный хор десятков тысяч голосов, превратившийся в боевой клич.

Северяне, воодушевленные присутствием Алой звезды, в считанные минуты сминали проникавшего на стены неприятеля, избавляя Илиану от необходимости проделывать это самой. Среди солдат ад-Сейдина уже давно ходили всякие разговоры про Штельскую ведьму и теперь они сталкивались с ней воочию. Слыша клич защитников и наблюдая алое сияние, сопровождавшее начавшуюся в их рядах неразбериху, южане приходили в смятение. Их боевой пыл основательно снижался, а видя какой чудовищный крах постигал боевых товарищей в эпицентре этого сияния они и вовсе утрачивали желание лезть наверх. Туда, откуда вдруг начинали лавиной сыпаться живые и мертвые. Илиана не могла присутствовать одновременно на всей протяженности стены, поэтому появлялась в наиболее важных местах, поддерживая союзников и уничтожая противника. Кроме того, несмотря на охватившие ее чувства, девушка не забывала и про исцеление пострадавших, по мере возможности стараясь совмещать и то и другое. Отведя разящий удар врага от очередного защитника крепости, она сминала южанина будто глину в кулаке, а затем прикладывала руку к пострадавшему, затягивая его раны в какие-то секунды. И вот уже целую дюжину врагов, опрометчиво сунувшуюся в поле ее зрения швырнуло со стены, а Рубистелла, заходясь алым светом, вводила в строй лежавших на камнях раненых северян. Стиснув зубы, охрана старалась поспевать за ней повсюду, но это удавалось далеко не всегда. Сердце Сирелины прямо кровью обливалось, когда возле Илианы звякала невесть кем пущенная стрела или активировались опасные чары. Работая не только на пару с Алеадой, но и несколькими другими сестрами, Сирелина колдовала что есть мочи, отводя от девушки беду. Не отставала от нее и

троица послушниц плюс оба заклинателя стихий. Безрассуднее всех вела себя Уна. Воодушевленная оказанным ей доверием, молодая ведьма прямо-таки тенью следовала за Рубистеллой, подныривая под клинки и непрерывно орудуя посохом. За это она чуть не поплатилась жизнью, когда взорвавшийся на молнии шар Манипуляторов поразил ее в правый бок отброшенным осколком сломанного меча. Илиана, подхватив оседавшую ведьму, одним рывком извлекла кусок металла, исторгнутый собственной плотью раненой, а затем заживила пострадавшие ткани. Уна, сообразив, что сейчас была на волосок от верной смерти, несколько поубавила пыл, став несколько осмотрительнее.

Атака Красной саламандры захлебнулась. Армия хана понесла значительные потери, бывшие, впрочем, просто каплей в море на фоне ее общей численности. Северянам тоже досталось, но в несравнимо меньшей степени. На исходе третьих суток наступило непродолжительное затишье. Илиана, не теряя времени, занималась исцелением раненых. Ханские военачальники, отозвав войска, проводили Военный совет, анализируя полученный опыт. Верховное командование Оборонительного союза также устроило совещание. Илиана забежала туда совсем ненадолго. Генералы северян, одного из которых она сегодня вытащила чуть ли не с того света, со всей серьезностью и уважением выслушали ее соображения и отпустили обратно к пострадавшим — выполнять свой священный долг.

Ночью приключилась новая напасть. Защитники Данерхейма ожидали вторичного появления кронусов, но вместо них заработали дальнобойные орудия ад-Сейдина. Некоторое время никто не мог понять отчего не слышен привычный свист тяжелых снарядов и не раздается могучий гул от их падения. Вскоре выяснилось почему. С внутренней стороны крепостных стен внезапно раздался сигнал тревоги, прокатившийся от края до края. В колеблющемся свете факелов, то появляясь из темноты, а то вновь скрываясь под ее покровом носились какие-то твари, поодиночке и группами нападавшие на людей. Находившиеся поблизости чародейки, определив угрозу, тут же позвали на помощь служительниц Гексенхамера. Вместо камней, яда или Липкого огня боевые машины Красной саламандры забрасывали в долину порождения темного колдовства. Людей при такой транспортировке ждала верная гибель, зато нечисти было хоть бы хны. Сотни полторы Леших успели натворить немало бед, прежде чем в их стаю ворвались ослепительные вспышки света. Лешие бросились врассыпную, стараясь держаться затененных участков и продолжая нападать на наиболее беззащитных жертв. К сожалению, эти твари были далеко не

самой большой напастью. Тель-Анум, хоть и уничтоженный смелой вылазкой Илианы, успел наплодить немало мерзости, и сейчас целая свора асмиксов и умбратексов бесчинствовала среди палаточных городков. Сизги — небольшие, размером с кошку, похожие на ящериц чудовища, скакали как кузнечики целыми сотнями. Обладая необычайным проворством, позволявшим одним стремительным прыжком преодолевать десяток ярдов, эти чешуйчатые твари плевались нервнопаралитическим ядом, убивавшим в считанные минуты. В Мильме их не держали, сразу отправляя Овумусы куда следует, хотя в судьбе сгинувших там колдунов это ничего не изменило. Сизги совершенно не поддавались контролю, атакуя всех подряд, поэтому Манипуляторы использовали их только сейчас, доставив в расположение северян столь нетрадиционным способом. Опасность, исходящая от сизгов, была настолько велика, что чародейки продвигались очень осторожно, из-за чего остальные чудовища получали своеобразную фору. К счастью, гнусные недоящерицы были глупы, не обладая более развитым умом как ткачи или глустры. Они беспорядочно бегали по местности и не умели действовать слаженно, в отличие от тех же ткачей или кронусов. Илиана, узнав в чем дело, тут же вихрем принеслась к месту бедствия и на сей раз выступила в несколько необычной для себя роли. Под испуганные крики чародеек она, выхватив одолженный Таларой меч, ринулась прямо в гущу чешуйчатых полчищ. Чародейки испугались за нее совершенно напрасно. Сизги, раздраженные нахальным появлением девушки, прямо-таки заплевали ее своим ядом, и были крайне недовольны отсутствием заметного эффекта. Илиана, выискивая пострадавших, многие из которых, увы, были уже мертвы, рубила тварей направо и налево. Ее геройство едва не кончилось плачевно, когда из темноты на девушку кинулся асмикс в сопровождении группы Леших. Сирелина вместе с Алеадой всадили в нападавших столбы света, но Илиана и сама поняла чем грозит такое безрассудство. Она не управляла колдовскими тварями, которых сейчас шныряло вокруг великое множество, и те запросто были способны с ней разделаться. Кроме того, толку от него выходило маловато. Сизги начинали разбегаться кто куда, и пресекать их прыжки откровенно не получалось. Отступать, однако, девушка не собиралась. Вернувшись к охране, Илиана быстро объяснила спутникам свой замысел. Затем, схватив Сирелину, Алеаду, Флею и Уну, потащила их прямо в гущу разгулявшейся нечисти. Заклинательницам сперва стало очень не по себе, когда на них посыпались смертельно опасные плевки, но быстро выяснилось, что пока Илиана окатывает спутниц потоками жизненной силы, бояться им совершенно нечего. Яд сизгов попро-

сту не успевал действовать. Приободрившийся отряд немедленно вступил в бой, и по мере того, как другие чародейки осторожно подступали с периметра, принялся громить чудовищ в самом эпицентре, заодно выгоняя их прямо под удары служительниц Гексенхаммера. Спутницы Илианы безнаказанно разили тварей поодиночке и толпами. Сизги сгорали в потоках света целыми десятками; Лешие, удиравшие во весь опор, осыпались обугленными останками прямо на ходу, уничтоженные неотразимыми лучами. Флея и Уна — обе рыжие и обе зеленоглазые, со стороны казались сестрами, но при этом одна била врагов заклинаниями чародеек, а другая — ведьмовским искусством. Послушница облепляла чудовищ осветительными сферами и атаковала стихиями, в то время как ведьма развеивала создавшее их колдовство и дезориентировала в том случае, если это было невозможно. Алдар и Ювион, поддерживая заклинательниц на внешнем рубеже, морозили и поджигали нечисть, внося свой вклад в общее дело.

Спустя примерно час совместных усилий десант исчадий тьмы и скверны был ликвидирован. Благодаря успешным действиям отряда Илианы последствия столь неожиданного вторжения были минимизированы на порядок. В противном случае вредоносные масштабы от нападения чудовищ грозили обернуться настоящим бедствием. Манипуляторы весьма хитроумно подготовили нападение, где одни порождения зла играли атакующую роль, другие создавали разраставшийся хаос, а третьи невероятно осложняли процесс обезвреживания первых двух. Они лишь традиционно не приняли во внимание вмешательство Илианы, но оно для них по-прежнему оставалось непредвиденным и непредсказуемым.

Оставшуюся часть ночи над долиной по обе стороны стены бушевали бури. Какого-либо единого фронта их столкновения не существовало. Чародейки, ведьмы и колдуны на сей раз сотворили множество отдельных образований, и они принялись гулять по окрестностям как заблагорассудится. Все небо до горизонта затянуло тяжелыми тучами. Южане и северяне попрятались в укрытия, пока вокруг Данерхейма свирепствовали нагнетаемые и развеиваемые стихии. Так продолжалось до утра. Когда ураганы поутихли, а небо более-менее расчистилось, армия ад-Сейдина снова пошла на приступ.

На сей раз Манипуляторы подготовили таран основательнее. Восходящий поток больше не действовал. Вся область исполинского осадного орудия охватывалась Нейтралами, наведенными сразу несколькими могущественными колдунами. Это, само собой, полностью сводило колдовскую защиту на нет, но грозная конструк-

ция была очень прочной сама по себе, представляя собой эдакую передвижную крепость. Новая атака была еще более яростной, и сражение закипело с новой силой. Таран, подкатившись к воротам, обрушил на них всю свою мощь. Казалось, на сей раз ему ничто не угрожает, за исключением традиционных средств, имевшихся в распоряжении любой уважающей себя армии. Вскоре, однако, выяснилось, что расчет Манипуляторов оказался очень даже ошибочным. Таран, раскачиваемый двумя сотнями человек, уже готовился всадить в ворота очередной тяжелый удар, как произошло нечто совершенно непредвиденное. Земля вокруг наведенной переправы вдруг просела, пойдя множественными трещинами. Осадное орудие накренилось, задрав носовую часть, а солдаты, теряя равновесие, начали падать с ног, хватаясь друг за друга. Трещины в земле росли и ширились, превращаясь в крупные разломы. С испуганными криками атакующие стали падать в разверзшиеся под ними впадины, но продолжалось это очень недолго. Таран задирался все выше, и вдруг в какое-то мгновение и он сам, и все вокруг него провалилось куда-то вниз. Вблизи ворот образовалась глубокая яма полторы сотни ярдов в диаметре, на дне которой с оглушительным грохотом разбилось упавшее орудие, похоронившее под собой несколько сотен солдат Красной саламандры и дюжину колдунов. Те, кому посчастливилось избежать падения, в страхе разбегались от осыпавшихся краев, куда продолжали сваливаться очутившиеся поблизости люди. Верховное командование Оборонительного союза прекрасно понимало, что ад-Сейдин предпримет новую попытку пробить ворота, и чародейки придумали отличный выход. Разгадав намерения колдунов, они призвали на помощь драддов. Прирожденные рудокопы управлялись и с куда более сложными задачами. В кратчайшие сроки драдды вырыли под землей огромную ловушку и по сигналу обрушили подпорки. Таран, ожидаемо очутившийся прямо над приготовленной для него ямой, благополучно туда и ухнул, увлекая с собой всех, кто имел несчастье находиться рядом.

При виде постигшей боевое орудие катастрофы, командование южан дало сигнал к отступлению. Полки Красной саламандры откатились на свои позиции. Вслед за этим, как бы вымещая злость за выходку северян, баллисты и катапульты хана вновь обрушили на Данерхейм сферы Липкого огня. И вновь чародейки были вынуждены создать ледяной шторм, способный превратить человека в снеговика за несколько секунд, а ведьмы и колдуны, не сговариваясь, удерживали его с двух сторон встречными фронтами.

Ночью явились кронусы. В этот раз они поднялись очень вы-

соко в небо, откуда осуществили бомбардировку. Ее точность оставляла желать лучшего, но зато крылатые твари безнаказанно убрались восвояси прежде, чем их перехватили горгульи. Чародейки не имели возможности поднимать осветительные сферы так высоко, а горгульи просто не успевали долететь до врага мало-мальски нужным числом. Эту проблему требовалось как-то решать, пока кронусы не повадились бомбить долину по несколько раз за ночь. Постоянно держать наверху сотню горгулий казалось не самой удачной идеей, поэтому чародейки придумали кое-что другое. Они запустили в небо сеть воздушных шаров, способных встречать крылатую нечисть вспышками света. Само собой, шар при этом уничтожался, зато кронусам изрядно доставалось на орехи. Манипуляторам это не понравилось. Хорошенько поколдовав, они вызвали ураган, пронесшийся высоко над землей. Кронусы, как и следовало ожидать, зашли на следующую атаку, но их уже встречала новая партия шаров. Чародейки, обладая большим количеством исходного материала, поставили это дело на поток. Пока ураган сносил организованную над долиной завесу, нападение нечисти по понятным причинам исключалось. В такой неистовый ветродуй летать мог разве что сказочный дракон, да и то не без труда. Когда же ветер стихал, завеса быстро восстанавливалась. Кронусы попробовали подняться еще выше, чтобы избежать засилья шаров, но оттуда они практически перестали попадать куда надо. Кроме того, время падения малых сфер Липкого огня увеличилось настолько, что чародейки успевали принять меры и успешно отражали зловещий дождь. Кронусы отступили, а их хозяева принялись соображать как следует действовать дальше.

Пятые сутки ознаменовались самым неистовым и продолжительным столкновением. Сперва, по взаимному уговору, армии сделали небольшой перерыв, чтобы убрать убитых. Хан прекрасно знал, чем чревато засилье трупов, устилавших пространство от стены и до его позиций. Северянам это тоже не доставляло никакого удовольствия. Взметнувшиеся белые флаги дали два часа передышки, во время которой похоронные команды ад-Сейдина предавали земле умерших в больших братских могилах, а защитники Данерхейма наводили порядок на стене. Когда белые флаги опустились, легионы Красной саламандры пошли на третий приступ. Хан, достаточно прощупавший почву, прибег к нескольким видам нападения разом. Пока его войска штурмовали стены на западном фланге, боевые машины бомбардировали Липким огнем восточный. При этом дальнобойные орудия принялись швырять в расположение крепости бочки с отравой и прочей гадостью. Манипуляторы не смогли предотвратить ледяной шторм, но умело

удерживали его распространение на область сражения. Теперь в нем приняли участие гигантские штурмовые башни, защищенные не только тяжелой броней, но и старательно наведенными чарами. Из-за веса они едва передвигались сами, но посредством колдовства южанам удалось выкатить их на позиции и подвести вплотную к крепости. Две башни были уничтожены концентрированным огнем северян. Остальные достигли цели и на гребне стены завязалась ожесточенная схватка. Через башни и по приставным лестницам солдаты Красной саламандры лезли непрерывным потоком, не обращая внимания на потери. Северяне, впрочем, оказывали им достойный прием. Армия Оборонительного союза, сконцентрированная ко дню осады в Данерхейме, была не так уж мала. Ад-Сейдин не имел того численного преимущества, которого бы ему хотелось, и которое он упустил в прошлом году. И лишь вспомогательные фронты сохраняли хотя бы текущий расклад сил, не позволяя северянам объединить еще больше полков в единое целое. Кроме того, на стенах крепости воевали чародейки, включая Старших сестер, и они наносили южанам колоссальный урон. Их возможности оказались намного выше прогнозируемых, что явилось для хана очередным неприятным сюрпризом. При этом колдуны Дегониса в самое пекло не совались, чтобы не нести большие потери, ставшие невосполнимыми после утраты Аш-Гарона. Как максимум, они действовали из надежных укрытий вроде осадных башен и тарана, хотя и там им регулярно доставалось. Это, само собой, ничуть не облегчало южанам задачу, из-за чего чародейки и ведьмы Оборонительного союза задавали им знатную трепку. Илиана же своим постоянным вмешательством в разные процессы окончательно путала все карты, на ходу изменяя расклад сил. Скрепя сердце ей приходилось выставлять приоритеты. Не имея возможности поспеть везде и помочь всем, она в первую очередь бросалась на выручку чародейкам, спасая пострадавших сестер Альмирстала. Никто ее за это не осуждал. Все жизни бесценны, но гибель чародейки — настоящая трагедия, и северяне понимали, что лишь благодаря им они до сих пор обладают суверенитетом и имеют отличные шансы сохранить его в будущем. Едва в небо взмывала красная ракета, издавая характерный громкий звук, слышимый даже в ходе жаркой битвы, как Илиана, бросая все текущие дела, во весь дух бежала на зов, откуда бы он ни приходил. Ей помогали горгульи, хватавшие девушку и быстро перемещавшие ее куда требовалось. Учитывая обстоятельства, такие путешествия обычно совершались над внутренним рвом, где было относительно безопасно. Горгульи не могли прихватить с собой всю охрану Илианы, но ее главные спутники неизменно летели

с ней. На это уходили дополнительные силы и без того ограниченного крылатого воинства, но верховное командование предпочитало пожертвовать частью оборонительных ресурсов на безопасность Рубистеллы, нежели лишиться ее вовсе. Слава Илианы крепла день ото дня. С того часа в Ганхельде, как она начала исцелять людей, и до самого начала осады Данерхейма ей приписывалось в несколько раз больше, чем она совершила, а совершила она действительно немало. Уничтожение Тель-Анума принесло девушке неслыханную популярность в рядах высших военачальников, не поскупившихся на рассказы для подчиненных. Кое-кто из старших чародеек считал, что эта операция достойна скорее дисциплинарного взыскания, нежели награды, поскольку являлась чистейшим безрассудством, не закончившимся плачевно лишь благодаря неслыханной удаче. Тем не менее, им приходилось держать свои соображения при себе. Для северян воспитанница Сирелины окончательно превратилась в Рубистеллу — знамя, за которым самоотверженно следовали все войска. С ее мнением считались, причем, положа руку на сердце, это было мнение мудрого и рассудительного человека, обладавшего невесть откуда взявшимся жизненным опытом. Прогнозы девушки сбывались и самые, казалось бы, невероятные догадки били точно в цель. Командиры всех рангов теперь первым делом желали узнать чего думает на тот или иной счет Рубистелла. Даже князья северян относились к ней как к равной, выказывая приличествующее их статусу уважение. Изабелла больше не рисковала публично одергивать Илиану, даже если считала, что на то есть основания. Князья Орнхольма и Стеммхайра однажды сильно разгневались на Настоятельницу, когда та повысила голос на Рубистеллу. Князь Сильвур даже сказал, что закроет двери своей страны для любого, кто оскорбит Алую звезду, а он сам и его люди готовы последовать за ней хоть на край света. Король Олаф VII и вовсе заявил, что в случае его смерти армия Ганхельда перейдет в прямое подчинение Илианы до совершеннолетия его старшего сына. Кажется, он ничуть не шутил. Тут Изабелла осознала насколько далеко простерлось влияние воспитанницы Сирелины, быстро становившейся одной из крупнейших мировых фигур. Подобное развитие событий ей не слишком нравилось, но на сей счет с некоторых пор приходилось помалкивать даже в обществе других чародеек. Те были многим обязаны Илиане, и все большее их число души в ней не чаяло. Впрочем, когда в воздух взмывала очередная красная ракета, и сама Настоятельница внутренне желала девушке удачи, хотя спасенные ей сестры увеличивали и без того стремительно растущую власть Рубистеллы. Умиравшие чародейки возвращались к жизни, испытывая к своей

избавительнице глубочайшую признательность, и становились за нее горой. Пожалуй, кинь Илиана клич об очередной безумной авантюре — и с ней отправилась бы четверть обители, включая некоторых старших сестер.

На сей раз девушка едва поспела вовремя. Манипуляторы придумали довольно мерзкую штуку. Шар, некогда взрывавшийся сетью молний, теперь обвешивался поражающими металлическими элементами, щедро приправленными ядом. В прямой близости осадной башни, откуда по перекидному мосту лезли потоком солдаты хана, защитный барьер Тексенумов начинал искажаться, пропуская некоторые объекты. В частности, малые, двигающиеся с низкой скоростью и открыто не производящие вредоносного эффекта. Не производящие до поры. Стрелы, выпускаемые из башенных бойниц, неизменно отскакивали от одного из незримых полей кристаллов Плетения, а вот небольшие шары, ловко запущенные прямо под ногами наступающих, прокатились беспрепятственно. Ближайшая служительница Гексенхаммера, улучив момент, всадила в проем осадной конструкции мощное заклинание, исторгнувшее внутри сильнейшую вспышку света. Укрывавшимся там Манипуляторам, судя по воплям, здорово досталось, но сама чародейка тут же поплатилась за свою смелость. Подле нее взорвалось сразу три шара и ее не убило на месте только каким-то чудом. Под прикрытием северян, тут же стеной сомкнувшихся подле упавшей чародейки, сестры оттащили ее в безопасное место, подав условный сигнал ракетой. Пострадавшей оставалось жить считанные секунды, когда подбежавшая Илиана схватила смерть за протянувшую к жертве костлявую руку. Алеада хорошо знала эту сестру. Она, само собой, знала их всех, но с этой ее связывала дружба и долгие годы совместной работы. Когда жизнь пострадавшей оказалась вне опасности, Алеада шепнула девушке слова благодарности.

— Как насчет отомстить? — сверкнула алыми глазами Илиана.

— Что будем делать? — без обиняков спросила чародейка, готовая поддержать даже самую безумную выходку.

Схватка возле означенной осадной башни резко изменилась, когда южане неожиданно атаковали друг друга. Северяне быстро сообразили что это значит, но даже они не догадались о замысле Рубистеллы. Пользуясь заминкой в рядах серьезно пострадавших Манипуляторов, та ринулась прямо сквозь врагов, на ходу охватывая их своей волей. Девушка справедливо рассчитала, что пока южане не разобрались в происходящем, они не станут бить по своим, а по ближайшим рядам северян прокатился приказ остановить обстрел перекидного моста. Его ширина позволила Илиане и

ее спутникам пробежать прямо по центру сквозь толпу солдат Красной саламандры. Со стороны это выглядело абсолютно невозможным, но для Рубистеллы и ее сопровождения те не представляли ни малейшей опасности, не в силах противостоять сковавшей их воле. Они расступались перед Илианой, образуя свободный проход, и та в какие-то секунды очутилась внутри башни вместе с заклинательницами. Там все еще находились свободные от власти девушки солдаты, столкнувшиеся с собственными товарищами. Илиана тут же установила над ними контроль и отправила по лестнице вниз — работать живым заслоном. Чародейки и ведьма не теряя времени приступили к делу. Башни, как и подозревала Илиана, были серьезно защищены колдовством лишь снаружи, но отнюдь не изнутри. Круг Стихий, совместными усилиями разложенный в поистине рекордные сроки, исторг столб ревущего пламени. Пока рабы воли Рубистеллы сражались против своих, давая диверсантам необходимое время, те постарались на славу и сами еле успели убраться восвояси. Едва последний из них ступил на стену крепости, как башня полыхнула таким огнем, что северяне попятились, закрывая от жара лица. Любая из сопровождавших Илиану заклинательниц была способна устроить очень мощный пожар, но все вместе они сотворили нечто поистине жуткое. Высвобожденная стихия огня была непропорционально больше их сложенных вместе сил. В пять секунд ревущее пламя охватило всю вершину башни, а затем распространилось до самого основания с такой скоростью, будто в осадную конструкцию попала одна из сфер с адской смесью. Немногим солдатам хана посчастливилось убраться из нее до того, как огненный вихрь пожрал абсолютно все, до чего сумел дотянуться, оставив после себя обугленные головешки. Дегонис, судя по внутреннему сонару Илианы, не досчитается еще десятка колдунов, но ей было некогда наблюдать как рушится казавшаяся непробиваемой конструкция. Еще одна красная ракета взмыла к небу в полумиле к западу, и девушка прямотаки прыгнула в объятия подлетевших к ней горгулий. Крылатые воины тут же рванули в сторону призывавшего на помощь сигнала, а следом устремились и спутники Рубистеллы.

К ночи напор легионов ад-Сейдина ничуть не ослабел, а даже усилился. Дальнобойные орудия перестали метать отраву и принялись забрасывать расположение крепости ордами нечисти. Было страшно представить какие неисчислимые беды принесли бы порождения злого колдовства не будь уничтожен Тель-Анум, если до сих пор Манипуляторы обладали столь значительным запасом различных чудовищ. Чародейки, как и хан, тоже извлекли урок из предыдущих дней осады, и приняли необходимые меры. Боевые

машины Красной саламандры не могли забрасывать снаряды дальше определенного рубежа. Определив точные границы бомбардировки, чародейки напичкали местность различными заклинаниями, кое-где изрисовав землю так, что она стала напоминать выставку колдовского искусства под открытым небом. Нечисть, приземлявшаяся подле таких эпицентров, порой даже не успевала разбежаться, как яростная вспышка света испепеляла львиную долю незадачливого десанта. Метавшиеся твари периодически натыкались на клетки Изгары, сбивавшие их с толку, а сам путь их следования то и дело подсвечивался сигнальной иллюминацией, позволявшей защитникам действовать более целенаправленно. Расставленные колдовские ловушки работали безукоризненно. Какой-нибудь асмикс, только что гнавшийся за жертвой, вбегал в зачарованную зону и в мгновение ока обращался в ледяную скульптуру. Струя холода, ударявшая ему прямо в брюхо, делала из лап сосульки, тут же со звоном переламывавшиеся на множество осколков. Тварь падала на землю, но падала уже неподвижной, так как неумолимый холод пронизывал ее до последнего атома. Группа Леших, ворвавшихся меж хозяйственных построек, активировала скрытую там западню, и поток огня превращал их в пылающие факелы. Свет сжигал умбратексов без остатка, развеивая их на облачка тлеющей сажи, а сизги панически боялись взмывавших над землей светлячков и разбегались кто куда. Расставленные колдовские сети, незримые в обычных обстоятельствах, становились для чешуйчатых чудовищ губительной преградой. Один длинный прыжок, которым тварь рассчитывала убраться подальше от опасности — и тенета вспыхивали тончайшими нитями, рассекавшими творения тьмы не хуже острейшего клинка. Чудовище осыпалось практически нарубленное небольшими кубиками, тут же обращавшимися в прах. Беспорядочно скакавшие сизги попадали в такие сети десятками, а стоило в них угодить асмиксу или ткачу — и их агония превращалась в ослепительную иллюминацию. За заклинания света отвечали служительницы Гексенхаммера. Стихиями огня, холода и электричества обычно занимались другие сестры, а ведьмы помогали ловушкам срабатывать как положено, будучи хорошо знакомы с порождениями темного колдовства. Паутина света была уникальным совместным достижением и тех и других. Основу создавали ведьмы, а затем вплетали в незримые нити чары сестер Гексенхаммера. Полученный результат был абсолютно безвреден для всех, кроме чудовищ. Человек или обычное животное проходили через сети даже не ощущая их присутствия. Стоило же попытаться пересечь охраняемое пространство какому-нибудь Лешему — и сеть тут же оза-

рялась жгучими полосами, уничтожая сунувшуюся в нее тварь. Самые мощные ловушки выходили у Алдара и Ювиона, работавших в паре с Уной. Светом они, правда, оперировать не могли, зато по части поджечь или заморозить поднаторели основательно. Заклинатели стихий воплощали разящую субстанцию, а ведьма ловко помещала ее в сдерживающее заклятье. Сдерживающее до тех пор, пока какое-нибудь чудовище опрометчиво не объявлялось в зоне его действия. Тем не менее, несмотря на ряд очевидных успехов, десант из гнусных тварей причинял немало бед. Чародейки и ведьмы не имели возможности заниматься только им, и были вынуждены разделять усилия между разными задачами. Восточный фланг по-прежнему подвергался обстрелу Липким огнем, в то время как на западном продолжала кипеть неистовая схватка. Легионам хана не было видно конца, и северяне постепенно начинали уставать. Под стеной лежало столько трупов, что было страшно смотреть. Впрочем, туда особо и не всматривались, не растрачивая попусту внимание, утрата которого всего на секунду могла стоить жизни.

В довершение ко всему появились кронусы. До сих пор они старались держаться повыше, но в нынешней атаке ставка пошла на максимальное сближение. Крылатые твари пикировали к самой земле, сбрасывая свой дьявольский груз, и нападали на защитников везде, где это казалось наиболее безнаказанным. Не задерживаясь, они старались разить с налету, сбивая их с ног и сталкивая с высоты. По внутренней долине занялись очаги пожаров, вызванных попаданием Липкого огня. Солдаты ад-Сейдина, явно осведомленные о грядущей налете, увеличили напор, и вот уже им удалось захватить участок стены в центре западного фланга, куда немедленно устремились дополнительные силы. Военачальники хана хотели побыстрее закрепить успех и создать важный плацдарм. Здесь сыграл свою роль внутренний ров, не позволявший неприятелю беспрепятственно спуститься по другую сторону, поэтому воины Красной саламандры на первых порах довольствовались верхней частью стены, развивая преимущество и захватывая участок между двух соседних башен. Положение становилось критическим. Бить прямой наводкой со второго оборонительного рубежа северяне не могли, хотя там стояли боевые машины. Барьеры Тексенумов не делали разницы между своими снарядами и чужими, поэтому орудийные расчеты бессильно наблюдали, как в рукопашной теснят их товарищей. Чародейки обрушивали на врага какой-то чудовищный коктейль из заклинаний, но те лезли как саранча. На месте скатывавшегося в ров убитого появлялось двое новых. Южане быстро расширяли занятый плацдарм, грозя доб-

раться до башен. К опасному сектору выдвинулись резервные полки Оборонительного союза, но из-за возникшей тесноты от них было мало толку. Кронусы, осмелев, лезли к самой гуще сражения, не обращая внимания на горгулий. Защитные поля Тексенумов не позволяли им осуществлять бомбежку, но твари атаковали всех подряд на ближайших подступах. Положение стало поистине угрожающим, когда враги вплотную подступили к одной из башен. Если им удастся проникнуть внутрь и повредить установленный там кристалл Плетения, они проделают в обороне крепости зияющую брешь.

В таком глобальном противостоянии преддверие победы сплошь и рядом сменяется поражением. Ханские военачальники при виде достигнутого успеха уже предвкушали сокрушительный удар в захваченную область, как вдруг ситуация резко изменилась. Изменилась ввиду сразу нескольких факторов. Илиана, завидев насколько тяжелым стало положение северян, приказала горгульям нести ее прямо в эпицентр событий. Остановить девушку никто не успел. Горгульи с налету забросили ее прямо в центр захваченного участка стены. Южане непрерывно прибывали сразу из двух осадных башен и к ним уже подкатывались новые. Для любого другого человека это была бы верная смерть, но только не для Илианы. Она спрыгнула прямо в гущу вражеских полчищ, но все ближайшие солдаты хана уже были ее власти. Не успела девушка встать на залитые кровью камни, как в рядах Красной саламандры началась настоящая мясорубка. Алая звезда, до сих пор лучившаяся среди северян, засияла промеж неприятельских полков. Свечение было настолько мощным, что враги заподозрили неладное еще до того, как столкнулись с собственными же товарищами. Свой шанс, однако, они упустили. Илиана здорово рисковала, с налету кинувшись в самую толпу противника. Если бы тот предвидел ее появление и успел отреагировать, то девушку могли поразить до того, как она охватит своей волей достаточное число людей. К счастью, при виде подлетавших горгулий враги замешкались и упустили драгоценные секунды. Илиана рассчитала правильно и очутилась за спинами солдат прежде, чем те до нее добрались. Спинами, потому что развернувшись, они образовали живой заслон и уже вовсю рубили своих же соратников. Илиана, озаренная алым сиянием, двинулась прямо сквозь жестокую схватку. Шеренги южан, уже считавших себя хозяевами на захваченной стене, быстро пожирал разраставшийся хаос. Северяне сразу поняли что происходит. В алых лучах враг шел на врага, уничтожая собственные позиции.

— Рубистелла! — громыхнул боевой клич враз воодушевленных се-

верян. — Рубистелла! — ревели они, с утроенными силами ринувшись на дрогнувшего врага.
Южане попятились. Они неожиданно очутились меж двух огней. Если спереди им противостояли обычные воины, пусть и усиленные чародейками, то сзади творилось нечто невообразимое. Все признаки говорили о появлении Штельской ведьмы. Ее имя уже произносили вслух, оно волной побежало среди дрогнувших ханских солдат, вызывая приступ неконтролируемой паники.
— Рубистелла! — громогласно неслось над стеной.
Выливавшиеся из башен защитники сминали оробевшего неприятеля.
— Штельская ведьма! — все чаще кричали южане, дрожа от охватывавшего их ужаса.
Скорее из страха, нежели ввиду осознанных действий, в эпицентр алого света полетело сразу несколько смертоносных шаров, а солдаты стали стрелять наугад в ряды обращенных товарищей. Гул спущенных стрел и серия взрывов накрыли часть стены чудовищной неразберихой. И вдруг алый свет поблек. Его лучи потускнели, как-то вдруг сникнув и съежившись. Над полками северян прокатился единый протяжный вздох и взволнованные возгласы. Люди с башен напряженно всматривались в центр схватки, пытаясь разобрать что там происходит. Кольцо южан, сражавшихся против своих, замедлилось и раздалось в стороны. В образовавшиеся прорехи их рядов показалась девичья фигура, от которой и исходил свет. Враги, пользуясь очевидной заминкой среди свихнувшихся соратников, ринулись к обнаруженной цели, без особого труда справляясь с околдованными воинами. Но они боялись. Этот раздутый воображением страх лишал их инициативы и заставлял медлить. Будь солдаты хана в тот момент порасторопнее — и кто знает чем бы кончилось дело. Они хотели добраться до Штельской ведьмы и страшились ее одновременно. То, что они увидели по мере приближения, заставило их ошеломленно застыть на месте. Вокруг девушки вихрилось облако больших и малых капель крови. То, что это была кровь и ничто иное отчего-то сразу становилось ясно даже самому последнему тупице. Эта светившаяся алым кровь быстро вливалась в тело девушки, чья фигура вновь сияла все сильнее по мере этого процесса.

Илиану поразило сразу несколько ядовитых осколков, а в плечо ей вонзилась невесть как попавшая туда стрела. Должно быть, она упала пущенная навесом. Один из осколков угодил в основание шеи, два других ударили в не менее жизненно важные участки тела. Любой другой человек был бы обречен и умер в течение минуты от кровопотери. Илиана осела на колено, чувствуя,

как у нее темнеет в глазах, но удержалась в сознании. Именно в этот момент ее сияние ослабло, а она начала терять контроль над захваченным врагом. Но вот уже ее тело исторгло отравленное железо. Стрела вышла сама, звякнув о камни. Ручьем вытекавшая кровь остановилась, а затем стала подниматься в воздух, завихрившись в густом облаке. Южане в суеверном ужасе наблюдали, как Штельская ведьма на глазах оправляется от ран, впитывая в себя кровавый вихрь. Наблюдали, впрочем, совсем недолго. Илиана не дала им успеть прийти в себя и их кратковременный шанс поразить ее снова оказался упущен. Новая вспышка алого сияния была настолько бурной, что враги прятали глаза и закрывались от нее руками. Те, кто догадался навести на Штельскую ведьму луки едва не ослепли, ненадолго утратив способность видеть, а сунувшиеся было вперед теперь пятились, отворачивая головы как от сильнейшего жара. И вдруг все ближайшие к Илиане ряды расшвыряло так, будто за их спинами сработала огромная спиральная пружина. Люди разлетелись как соломинки, образовав большое пустое пространство, в центре которого горела Алая звезда. А затем ее воля лавиной обрушилась на открывшиеся взору шеренги солдат ад-Сейдина. Не в силах ей сопротивляться, те послушно развернулись и принялись кромсать своих соседей, которые, в свою очередь, тоже стали обращаться целыми сотнями.

— Рубистелла! — торжествующе взревели северяне, увидев кульминацию происходящего.

И с удесятеренными силами ринулись на врага, давя неудержимым напором и сбрасывая в ров.

— Когда все закончится, я прикончу тебя лично! — рявкнула Сирелина, приземляясь подле воспитанницы.

Остальные спутники спрыгивали рядом, быстро наводя защитные барьеры. Они просто не поспели вовремя за унесшейся Илианой и на подлете, как и все, с замиранием сердца наблюдали за разворачивавшейся драмой. Ход девушки, храбро ринувшейся в гущу неприятеля, был понятен, но очень многих заставил пережить несколько тяжелых мгновений. Лишь собственная удивительная сущность уберегла Илиану от верной гибели, но нельзя бесконечно испытывать судьбу. Северяне, впрочем, только что уверились во всемогуществе и неуязвимости Рубистеллы и бились как берсеркеры, повергая в страх и без того дрогнувших солдат Красной саламандры. Участок стены между двумя башнями превратился в огромную мясорубку, в которой быстро исчезали уничтожаемые защитниками крепости и друг другом полки ад-Сейдина. И вот сразу в трех местах раздался оглушительный грохот. Осадные конструкции, исторгавшие потоки врага, рухнули в точно такие же

ямы, в какую угодил злополучный таран. Драдды наконец-то закончили работу и южане лишились разом нескольких стратегически важных точек поддержания атаки. Мощная защита, успешно противостоявшая бившим по ней заклинаниям, была бессильна перед банальным падением с высоты. С ужасающим треском, заглушавшим даже шум яростной битвы, башни ударялись о дно ям и разваливались на множество обломков, погребавших под собой сотни искалеченных людей. В армейских соединениях ад-Сейдина, подходивших под стены крепости непрерывным потоком, зазияли дыры и началась неразбериха. С кронусами, только что тучами нападавшими на Данерхейм, тоже творилось нечто неладное. Поодиночке и стаями они, беспорядочно кувыркаясь в воздухе, валились на землю и ползали по ней так, будто только учились ходить. Секунду назад их звенья сбрасывали сферы Липкого огня и сшибали людей, а вот уже они беспомощно полощут крыльями и сыплются как опавшие листья, не понимая где находятся. Сведения, случайно добытые от летучей мыши в Гнейских пещерах, не прошли даром. Чародейки пустили в ход новое оружие, прибереженное ими на подходящий случай. И вот этот случай настал. Когда кронусы массово оказались в зоне поражения, их столь же массово стали выводить из строя выстрелами ультразвуком. Пока твари носились слишком высоко, чародейки не могли достать их с земли, но теперь обнаглевшие отродья тьмы сунулись куда не следовало и расплачивались за это по полной программе. Немезия, как и обещала, создала в Запретном чертоге принципиально новый колдовской инструмент, испускавший широкий луч неслышимых человеческому уху волн. Тех самых, что издавали летучие мыши и что напрочь дезориентировали кронусов. Этот же звук теперь исторгали несколько специфических орудий, размещенных на башнях в наиболее удобных местах. Они были похожи на длинные трубы с самой крупной посередине в окружении кольца маленьких, и вертелись на шарнире во все стороны света вместе с креслом стрелка. Чародейки, наводя жерла этих орудий навстречу несущейся туче тварей, делали выстрел, производивший в крылатой армии врага невероятное опустошение. В ручном исполнении инструмент был не слишком дальнобойным, зато маленьким по габаритам и имелся у каждой сестры Альмирстала. Башенные же пушки, большие и тяжелые, били крылатых чудовищ гораздо дальше и целыми пачками.

Успех сменился откровенным разгромом настолько быстро, что ханские военачальники даже не сразу осознали всю глубину произошедших на поле битвы перемен. Осадные башни продолжали катиться к стене, но там сбрасывали в ров последних ата-

кующих. Ширившийся плацдарм, захваченный в центре западного фланга, всего за четверть часа был потерян окончательно и бесповоротно. Полководцы Красной саламандры сгоряча попытались отбить его назад, но этим только усугубили растущие потери, как усугубили их и колдуны, вовремя не разобравшиеся в происходящем. Армия кронусов потеряла не меньше трети свой численности, прежде чем у кого-то из Манипуляторов хватило ума дать сигнал к отходу. И вот обрушилась в глубокую яму очередная осадная башня, увлекая за собой половину отчаянно сражавшегося полка южан. Остальные, забрав со стен уцелевших солдат, стали медленно пятиться назад, возвращаясь на исходные позиции, ибо даже дураку стало ясно чем грозит их дальнейшее пребывание на одном и том же месте. Гулкий сигнал, трижды повторенный гигантскими сигнальными рогами из лагеря ад-Сейдина, возвестил глобальное отступление. Казалось бы, хан возьмет передышку, подсчитывая потери и разбираясь в причинах неудачи. Как бы не так. Едва войска западного фланга отошли зализывать раны, а на восточном унялась борьба стихий, где безумие Липкого огня схлестывалось с ледяным штормом, участки на карте сражения тут же поменялись ролями. Боевые машины Красной саламандры начали обстрел западных стен, в то время как без всякого перерыва свежие армейские корпуса ад-Сейдина пошли на штурм восточных.

Илиану как раз и отправили спать, когда очередной напор южан разбился о несломленных защитников Данерхейма. Потери с обеих сторон были очень большими, но легионы хана имели достаточный потенциал, чтобы раз за разом нападать на крепость не одну неделю. Никогда еще имперские солдаты столь массово не гибли на поле брани, и в любом ином случае ад-Сейдин не стал бы платить за одну крепость столь высокую цену. Только конкретно эта крепость была ключом ко всей кампании, и отступиться дефакто означало не только потерпеть поражение, но и проиграть войну. В период вновь объявленного технического перемирия похоронные команды собирали убитых, громоздившихся целыми холмами. Северяне как раз заканчивали отдавать последний долг своим, когда за Илианой явилась Талара и отвела ее в северо-западную часть стены, упиравшуюся в гору. Теперь, стоя на вершине ближайшей башни и наблюдая, как проносятся поднятые по тревоге звенья горгулий, Илиана соображала что затеял враг, стараясь предугадать его намерения. С внутренней стороны горы уже вовсю работали драдды. Установив технические конструкции, они быстро углублялись в землю, вынимая на поверхность большие пласты земли и камня. Им было не впервой идти навстречу вражескому тоннелю. За минувшие дни южане неоднократно пыта-

лись подкопаться к стенам крепости то ли чтобы зайти под нее, то ли для своевременного обнаружения подземных ловушек. Драдды четырежды нарушали их планы контргалереей, после чего прямо под землей вспыхивала короткая стычка между солдатами и заклинателями, заканчивавшаяся всегда одинаково. Чародейки и ведьмы с заранее защищенного участка всаживали в открывшийся проход вихрь и сотрясение. Первый ошеломлял землекопов и уносился вглубь вражеского тоннеля, наводя в нем жуткую неразбериху. Второй попросту осыпал стены, еще не укрепленные настолько, чтобы выдержать серьезную тряску. Колдуны, разумеется, могли попытаться воспрепятствовать атаке заклинательниц различными методами, но они ничего подобного не делали. Ведь обнаруженный тоннель терял всякий смысл своего существования.

Кажется, горгульи полетели встречать кронусов, роившихся с восточной части крепости, но не нападавших. Возможно, враг послал их в разведку, ибо редкие вспышки огня никак не говорили в пользу интенсивной бомбардировки. Интересно, что им там понадобилось? Переключив внимание на драддов, Илиана смотрела, как те деловито снуют возле наскоро возведенного технического лагеря, охраняемого солдатами и чародейками. Носильщики грузили мешки земли и камня на телеги и увозили прочь, а драдды постоянно выносили на поверхность все новые заплечные короба, наполненные вынутым грунтом. Вот же проворные ребята! В том, что они, наткнувшись на подземную часть горы, прекрасно с ней сладят Илиана даже не сомневалась. Ее удивляло как наиболее твердый участок проходит враг, да еще столь бесшумно. Удары кирки — штука весьма гулкая, а скорость такой ручной проходки оставляет желать лучшего. Драдды — колдовской народец, и работают они зачарованными инструментами, неподвластными никому другому, а вот как с этим дело обстоит у людей хана? Что-то здесь не клеилось, и Илиана никак не могла понять что. Неожиданно она почувствовала как ее тихонько тронули за колено. Посмотрев вниз, девушка увидела скромфа. Ростом тот был ей ниже пояса. С уморительно серьезным видом скромф показал пальчиком сначала на Илиану, а потом ей за спину. Обернувшись, девушка сообразила, что стоит возле большой баллисты. Чародейское существо явилось исполнять свои обязанности, ибо все орудия и механизмы в Данерхейме с некоторых пор обслуживались этими непревзойденными мастерами по части инженерной техники.

— Прости малыш, — сказала Илиана, отодвигаясь. — Работай сколько нужно.

Скромф тут же принялся за дело. Что-то подкрутил, что-то смазал; постучал маленьким молоточком по узлам баллисты, нахмурил лоб,

порылся в поясной сумке и обработал вызывавший сомнения участок каким-то составом. При повторном простукивании его физиономия прояснилась. Удовлетворенно кивнув, он забрался в ковш для снарядов и принялся изучать надежность крепления ложа. Илиана не без любопытства следила за его манипуляциями. Несмотря на все обстоятельства, скромфы умудрялись поддерживать боевые машины в идеальном состоянии, причем сплошь и рядом делали это прямо в сражении. Благодаря им орудия работали безотказно, посылая врагу привет за приветом. Ни одно из них не развалилось от натуги и ни одно даже не треснуло. Поворотные механизмы работали без единого скрипа, спусковые рычаги никогда не давали осечек.

Закончив профилактику, скромф исчез так же внезапно, как и появился. Подле каждого орудия был маленький люк, куда могла протиснуться разве что кошка или ребенок, и скромфы ловко пользовались их наличием. Это наводило Илиану на определенные мысли о строителях древней крепости, появившейся у Лорданского перевала в стародавние времена. Пожалуй, стоит покопаться в библиотеке чародеек, чтобы собрать о Данерхейме побольше сведений. Но это потом. Сейчас Илиану одолевали совсем другие заботы. Неожиданно девушка почувствовала, как у нее в голове промелькнула идея, сложившаяся из нескольких звеньев. Совсем мимолетно, подобно летней зарнице, но Илиана успела ухватить ее за хвост и теперь постепенно вытаскивала на свет, анализируя каждый фрагмент. Катапульты, кронусы, бомбардировка, Липкий огонь, подкоп, колдовские существа, подземная галерея, вихрь, твердый камень… Все это, само по себе разрозненное, стало принимать для нее внятные очертания, выливаясь в единое целое. Отбрасывая исходные ассоциативные элементы, Илиана получила полезный остаток, содержавший логическую связь.

— Я знаю что задумали враги! — тревожно воскликнула она, поворачиваясь к спутникам.

Те прямо-таки вцепились в девушку, немедленно засыпав вопросами.

— Они роют тоннель не для того, чтобы выйти по другую сторону горы, а чтобы пробить в ней брешь! — заявила Илиана, указывая рукой в означенном направлении.

Присутствующие переглянулись, и на их лицах возникло отчетливо читающееся недоверие.

— Это невозможно, — высказалась первой Сирелина. — Как сокрушить гору?

— Полноценную — нет, — кивнула Илиана. — Но здесь ее отлог еще очень узок, так что это вполне осуществимо.

— И чем же? — озадаченно спросила Уна. — Ни у кого нет такого могущественного колдовства. Это ж не обвал или оползень вызвать, а вдребезги расколоть огромный пласт твердой породы. Да даже если и расколоть, куда он в конечном итоге денется?
— Испарится. Они собираются прожечь проход Липким огнем! — пояснила Илиана.
— Липкий огонь, как и все остальное, течет вниз. Проделать им глубокий кратер — это да, запросто, а заставить его ползти вверх просто нереально, — с сомнением сказала Сирелина.
Вместо ответа Илиана покрутила головой. Найдя оставленную скромфом стеклянную банку с жидкой смазкой, она подняла ее и продемонстрировала окружающим.
— Эта субстанция — Липкий огонь, — пояснила девушка.
Затем принялась трясти банку так, что ее содержимое расплескалось по стенкам и продолжало размазываться до тех пор, пока она не остановилась.
— Мы сами подали Манипуляторам идею, когда использовали под землей вихрь, — заявила Илиана, предъявляя зрителям банку с оседавшим по стенкам маслом. — Сейчас я исполняла роль этого вихря. Как вы думаете, что произойдет с Липким огнем, если запереть его в замкнутом пространстве с мало-мальски сильным ураганом?
Лица заклинательниц озарило понимание. Они наконец-то уразумели идею и вновь переглянулись с растущей тревогой.
— Они что, и тоннель Липким огнем прожигают? — осведомилась Талара. — А куда же деваются дым и жар?
Илиана, перестав играть в угадайку, последовательно объяснила свою догадку с самого начала.

Подземную галерею рыли скварды, направляемые колдовством Манипуляторов. В Тель-Ануме, предоставленные сами себе, эти твари не представляли целенаправленной угрозы, охотясь исключительно по собственному желанию. Кроме того, твердый камень являлся для них серьезным препятствием, но только до тех пор, пока колдуны не нацепили им на передние лапы зачарованные резаки. Могучие чудовища, окатывая неподатливую породу едкой жижей из особых желез, крошили ее стальными накладками весьма эффективно и при этом совсем не шумно. Колдовские письмена, испещрявшие снаряжение чудовищ, прямо-таки огнем горели, пока те прокладывали тоннель, повинуясь следовавшим за ними Манипуляторам. Сквардов вырастили в Тель-Ануме, а резаки изготовили в Нижних подземельях ханского дворца. Разрозненные сведения, добытые Илианой у пленных колдунов, наконец-то объединились в общую картину, и ничего хорошего она не

предвещала. Еще на подступах к горе носильщики начали складывать в галерею емкости с Липким огнем, чем и объяснялось их быстрое продвижение в обратном направлении без тяжелой обузы. Вряд ли эти емкости там и останутся. Скорее всего, когда тоннель будет закончен, их перенесут прямо под намеченный для атаки участок. Потом Манипуляторы запечатают тоннель надежным заклятьем и активируют внутри заминированной комнаты ураган. Бушуя в замкнутом пространстве, он станет непрерывно расплескивать Липкий огонь по всем поверхностям, а тот, в свою очередь, примется их проедать с присущим ему неукротимым безумием. Таким образом в зоне поражения окажется сферическая область, и Липкий огонь пойдет не только вниз, а во все стороны разом. Вместо образования кратера под горой он пожрет саму гору. Во всяком случае, достаточную ее часть, чтобы остатки обрушились в прожженную дыру и на месте непреодолимого препятствия появилась зияющая брешь. Манипуляторы и ведомые ими чудовища уже добрались до середины оборонительного рубежа, и до приведения их плана в действие осталось совсем немного. Если не поторопиться, крепость рискует получить на фланге серьезную пробоину, не прикрытую ни рвами, ни Тексенумами.

От расписанной Илианой перспективы слушатели пришли в ужас. При этом, взвешивая каждое слово девушки, они понимали, что ее опасения отнюдь не беспочвенны, и случайно открытая угроза способна воплотиться в действительность. Сирелина немедленно послала за Алеадой и когда та явилась на зов посвятила сестру в курс дела. Алеада, побледнев, тут же убежала сообщить новость кому следует и принять необходимые меры. Последнее, кстати, вызывало наибольшие вопросы. К тому времени как дрдды закончат наводить контргалерею может быть уже поздно. Если Илиана права, враг способен привести свой план в действие уже сейчас, поскольку точка для эпицентра уже достигнута. Оставалось надеяться, что Манипуляторы захотят продлить коридор, чтобы напихать в него побольше Липкого огня для максимального эффекта. Следовало как можно быстрее разрушить их замысел, обезвредить диверсантов и уничтожить подкоп, пока не дошло до беды. Заклинательницы устроили совещание, соображая как лучше всего это сделать. Расстояние, причем не на открытом пространстве, а сквозь толщу земли, вызывало очевидное затруднение. Ведьма теоретически могла достать тоннель корнями или колючей стеной, но толку от этого немного. Враг пострадает не слишком сильно, зато поймет что обнаружен и сразу же приведет замысел в исполнение. Флея сгоряча предложила хорошенько тряхануть землю групповым колдовством, чтобы тоннель попросту

обвалился. Реализация, увы, серьезно отставала от радужных предположений. Колдуны почти наверняка укрепили тоннель защитными чарами, чтобы противостоять распространению вихрящегося Липкого огня в нежелательную сторону. Кроме того, чтобы добраться до пустоты на глубине в сотню ярдов понадобится такое мощное землетрясение, что неминуемо пострадает и часть оборонительных укреплений. Разрушая вражескую галерею, чародейки за компанию развалят и кусок стены, а то и башню прихватят, где сейчас стоит отряд Рубистеллы.

— А если пробурить небольшой лаз, чтобы в него на четвереньках протиснулся только один человек? — спросила Илиана. — Такой лаз драдды проделают очень быстро. Туда пролезу я, и все что мне потребуется — это установить прямой контакт с противником. Тогда я возьму всех под контроль и диверсанты перебьют сами себя.

Сирелина, быстро поразмыслив, категорически отвергла эту идею. Один толчок земли — и девушку похоронят тонны породы. Даже если ее не раздавит насмерть, она попросту задохнется, ибо Рубистелла при всех своих сверхъестественных возможностях все же оставалась человеком. Она могла дышать отравленным воздухом, но все же воздухом, и ей, как и прочим, грозила банальная смерть от удушья. Илиана робко предложила чтобы с ней отправился кто-нибудь из заклинательниц и придерживал стены лаза чарами, но ей все равно отказали. Даже у самой могущественной чародейка не получится контролировать огромную массу горы в столь замкнутом пространстве, а колдуны способны на любую пакость. Особенно те, кто носит черную мантию и сопротивляется воздействию Рубистеллы. Нет, забраться в такую крысиную нору означает самостоятельно загнать себя в ловушку. Илиана насупилась и отошла в сторонку, предоставляя спутникам искать выход из ситуации. К ней присоединилась Талара. В колдовстве она мало что понимала, поэтому не видела смысла дискутировать с остальными.

— По-моему, твои приятельницы ни о чем кроме своих чар даже не думают, — с досадой проворчала принцесса. — И как же мы до сих пор обходились без заклинаний? Ничего, и дома строили, и водопровод прокладывали.

Илиана улыбнулась, оценив замечание подруги. Затем вдруг у нее промелькнула какая-то мысль, отчего на лице девушки появилось чрезвычайное напряжение.

— Тали, ты гений! — воскликнула она, крепко обняв принцессу.

Та, разумеется, не поняла с чего бы вдруг такие нежности, но Илиана уже привлекала внимание спорящих чародеек и ведьмы, доказывавших друг другу кто из них глупее и кому следует закончить начальную школу по азам колдовства.

— Талара придумала что надо сделать! — заявила Илиана, даже не подумав присвоить себе лавры. — Пусть драдды срочно прокопают узкий лаз, который я предлагала изначально, только полезу в него не я…

Два Манипулятора, контролировавшие работу сквардов, отправили наверх очередное донесение. Еще час — и тоннель дойдет до запланированной точки. Гора поддавалась неважно, но все же поддавалась. Под шум сражения колдуны сумели подобраться к ней вплотную и вскоре их труды увенчаются успехом. Начни они проход с первого дня осады — и результат уже не заставил бы себя ждать. Жаль что идея скомбинировать в закрытом пространстве Липкий огонь с вихрем пришла им не сразу, а лишь после подземных нападений чародеек. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Зато теперь, как только пробиваемая сквардами галерея будет до отказа наполнена адской смесью, колдуны хорошенько посчитаются с этими заносчивыми женщинами. Когда под узким, граничащим со стеной крепости участком горы взовьется раскаленный огненный смерч, уже никакие ухищрения не помогут им остановить разрушительный процесс. Прожженные камни осядут в прожженную же яму, открыв легионам хана прямой путь во внутреннюю долину Данерхейма. Парадным маршем они, конечно, туда не войдут, но в сравнении со штурмом стен, укрытых барьерами ненавистных кристаллов Плетения, атака будет на порядок проще. С такой брешью в обороне северяне не смогут держаться сколь угодно долго и вскоре выдохнутся перед непрерывным натиском Красной саламандры. Удовлетворенно наблюдая, как зачарованные резаки на лапах сквардов тихо рассекают твердый камень, Манипуляторы пассами рук извлекали сыпавшиеся осколки и переправляли их дальше по коридору. Там их подхватывали носильщики, притаскивавшие тяжелые снаряды с Липким огнем, ссыпали в мешки и уносили к выходу, расположенному в трехстах ярдах от передовых укреплений ханской армии. Да, мастера в Нижних подземельях потрудились на славу. Их заколдованная сталь обладала изумительными свойствами, явившимися прямиком из царства Покровителей. К сожалению, изначальная идея сковать из такой стали мечи и вооружить ими всех солдат ад-Сейдина оказалась неосуществимой. Без последствий к ней могли прикасаться лишь те, кто носил в себе благословение Покровителей, то бишь сами Манипуляторы. Практическое применение технологии было под вопросом и сошло бы на нет, если бы одна светлая голова не додумалась привлечь колдовских существ. Для кронусов, к сожалению, стальные накладки на клювы и когти были слишком тяжелы, а вот скварды, одетые в эдакие металлические перчатки, демонстриро-

вали чудеса проходимости. Сразу четверо этих чудищ, управляемых колдунами, усердно копали тоннель, тихо срезая неподатливый камень. Жаль что их в распоряжении Дегониса осталось всего ничего. Эх, если бы не потеря Тель-Анума!.. О последней старались не говорить, хотя всем Манипуляторам было прекрасно известно отчего Дегонис перестал откладывать штурм Данерхейма и бросил на него все силы.

Впереди вдруг послышался странный скрежещущий звук. На фоне работы сквардов, кромсавших передними лапами гору, и беготни носильщиков колдуны разобрали его не сразу. Носильщики продолжали доставлять сферы Липкого огня и постепенно перемещали их все дальше по тоннелю, чтобы в назначенный час быстро сложить их в зачарованную камеру. Колдуны озабоченно переглянулись. У них в памяти тут же вспыли четыре неудачных попытки подхода под стены крепости, когда навстречу неожиданно открывалась пустота и оттуда летели заклинания чародеек. А ну как и в этот раз они умудрились обнаружить галерею и сейчас копают навстречу? Если это так, то план следует немедленно ускорить и привести в действие до того, как тоннели пересекутся и под землей произойдет столкновение. Половина снарядов с Липким огнем уже находилась в зоне предполагаемого поражения и этого, в теории, было вполне достаточно. Колдуны быстро оценили обстановку, велев носильщикам поторапливаться, а затем, подойдя поближе к сквардам, стали напряженно прислушиваться. Теперь они совершенно отчетливо различали этот тихий скрежещущий звук, словно под землей тащили волоком какой-то длинный объект. И этот звук, кажется, приближался. Колдуны, предчувствуя недоброе, издали условный сигнал, приказывавший сквардам прекратить копать. Чудовища замерли, растопырив передние клешнеобразные конечности. Их усы-антенны медленно шевелились, ощупывая шершавую поверхность горы. А странный звук становился все ближе, и в этом теперь не было никаких сомнений. Что-то двигалось в толще горы, и двигалось прямиком к наводимой под ней галерее. Манипуляторы переглянулись. Следует ли им немедленно приступить к финальной фазе операции или сначала стоит установить источник шума? А может, прямо сейчас требуется наложить защитные барьеры, стараясь упредить появление противника? Но какие именно? Ведь каждому врагу предназначено свое средство. Как бы второпях не загубить всю работу. Пожалуй, лучше всего послать за старшим. Пусть он и решает. Утвердившись в этом намерении, колдуны собрались отправить на поверхность вестового, но произошедшее в следующий момент избавило их от необходимости что-либо предпринимать. Стена между

сквардами неожиданно раскололась, обдав колдунов брызнувшими кусками камня. Не целиком, а примерно посередине, где образовалось отверстие фута три в диаметре. Раскололась не сама по себе, а вследствие пробившей это отверстие штуковины. Глазам ошеломленных Манипуляторов представилась тонкостенная труба, заполнявшая прореху от края до края. Обод на ее конце светился нанесенными колдовскими письменами, а из чернеющего зева послышался до боли знакомый звук, с каким обычно бежит вода. Скварды тревожно заверещали, попятившись от подозрительного новообразования. Остолбеневшие колдуны, вытаращившись на трубу, хотели что-нибудь предпринять, но было поздно. Нараставший шум достиг подземной галереи и круглое жерло исторгло мощный поток воды, идущей под огромным давлением. Решетка, установленная у самого конца последнего звена трубы, распределяла этот поток таким образом, что он ударил не столбом, а расплескался во все стороны множеством убийственно твердых рукавов. Обоих колдунов мгновенно снесло бешеным напором, сокрушавшим все на своем пути. Тоннель немедленно огласили истошные вопли. Вода била не хуже кузнечного молота, но отнюдь не это заставило Манипуляторов заходиться от крика. Конец галереи тут же наполнился клубами пара. Из недр горы хлестал пузырящийся кипяток! Ошпаренные колдуны, невзвидя света, барахтались в луже поднимавшейся нестерпимо горячей воды, заливавшей снаряды Липкого огня и заголосивших носильщиков. Их первые ряды постигла та же участь, что и колдунов. Они сварились заживо, и извивавшиеся, дико орущие тела еще некоторое время агонизировали в безжалостных объятиях кипящей воды. Обреченных никто не спасал. Те, кому повезло очутиться подальше от вторжения кипятка бросились наутек, падая и наступая друг на друга. И вдруг в коридоре раздался грохот. Яркая вспышка исторгла сеть голубых молний. И сразу же громыхнуло еще и еще. Чародейки тоже наловчились отправлять стихийные подарки. Выскакивая из трубы в виде стеклянных колб, они, выносимые напором воды, приводились в действие при контакте с воздушными массами и взрывались концентрированными чарами. Всех, кто находился в воде, тут же сразило вырвавшееся на волю электричество, убивая быстрее и милосерднее кипятка. Чародейки, впрочем, отнюдь не стремились облегчить участь пораженных врагов. Кто-либо из колдунов мог оказаться подальше от появившейся трубы и успеть принять какие-либо меры. Воде ведь не затопить весь тоннель мгновенно, даже под организованным могучим напором. Молнии были призваны обезвредить всех находившихся на ближайшем участке, наиболее критичным с точки зрения закладки Липкого огня.

Впрочем, предосторожность чародеек получилась излишней. На подобное развитие событий Манипуляторы попросту не рассчитывали и хлынувший кипяток, быстро превратив конец тоннеля в плюющийся паром смертельный котел, ринулся затапливать весь подземный ход. У воды, поступавшей из трубы, имелось для этого предостаточно ресурсов. Чародейки брали ее прямиком из реки, наполнявшей искусственное озеро и внутренний ров. Находившегося там объема хватило бы чтобы оперативно затопить не один десяток таких галерей. Драдды, живо прокопав узкий лаз, при помощи своих хозяек и скромфов соорудили трубопровод, благо что подобного добра у них имелось в изобилии. Искусным рудокопам было не впервой протаскивать такие конструкции в своих шахтах, а чародейки существенно ускорили процесс, в результате чего Манипуляторы узрели пробивший последние ярды конец трубы. Широкий водозабор направлял поток в специальную камеру, где совместными усилиями заклинательниц и их подопечных создавались необходимые температура и давление. До самого последнего момента колдуны даже не догадывались что им грозит и в итоге подземная галерея оказалась уничтожена свирепо кипевшей водой. Когда один из колдунов с поверхности обрушил своды тоннеля, он просто остановил затопление, забравшееся в расположение ханских войск. Спасать было уже просто нечего.

С вершины все той же башни отряд Рубистеллы наблюдал за ходом работ, а затем и за их кульминацией. В подзорную трубу было хорошо видно, какая паника поднялась вблизи от входа в тоннель. Ошпаренные люди выбегали наружу, а им навстречу спешили солдаты и Манипуляторы. Ударившие из хода облака пара точно указали на то место, откуда враги начали подкоп. Оно, разумеется, не выделялось ничем особенным, но теперь назначение некоторых соседних построек становилось вполне понятным.

— Отличная работа! — удовлетворенно подытожила Сирелина, опуская свою подзорную трубу. — Ты молодец, Талара!

Принцесса зарделась. Она считала похвалу незаслуженной, но Илиана настояла, что авторство идеи по праву принадлежит принцессе. Ее замечание про водопровод явилось основополагающим, воплотившись в быстро и эффектно реализованный план.

— Просто чудо, что мы вовремя спохватились! — заметила Талара, скрывая смущение. — Правда я не пойму зачем колдуны стали рыть именно здесь. Не проще ли было подобраться под стену?

— У стены они уже несколько раз потерпели неудачу и сообразили, что там мы успеваем их обнаружить, — напомнила Илиана. — Вариант с горой давал им небезосновательную надежду избежать обнаружения, что и произошло бы, копай они несколько дальше.

Толщина же данного участка еще позволяла пробить в нем достаточную брешь. Теперь драдды проведут под горой технические ходы, чтобы заблаговременно засекать все подобные попытки.
— Ладно, барышни, отбой, — подытожила Сирелина. — Идите отдыхать, а я навещу Бэйла. Он все еще тренирует всех желающих в нижнем ярусе нашего замка. Вон и горгульи возвращаются.
И действительно, крылатые защитники, убедившись в отсутствии угрозы, покидали восточный фланг и шли на посадку. Занимался рассвет и до следующей ночи ни один кронус не сможет оторваться от земли. Вся компания направилась было к лестнице, но Уна вдруг остановилась. Ее лицо отразило смутную тревогу, а глаза обратились вдаль, к противоположному концу крепости.
— Постойте! — сказала вдруг она взволнованным голосом.
Все остановились, обернувшись на молодую ведьму.
— Я тут подумала… А с чего мы решили, что этот подкоп один? — озабоченно произнесла Уна. — Кто мешает врагу проделать тоже самое с другой стороны?
Слова ведьмы прозвучали как гром среди ясного неба. Лица присутствующих вытянулись, а взоры машинально устремились на восток, где крепостная стена примыкала к горному хребту похожим образом. И будто в ответ на их немой вопрос над горным отлогом неожиданно показались дымки. Их черные рукава, потянувшиеся в светлеющее небо, уверенно набирали плотность, и вот уже в изломах казавшегося незыблемым камня показалось что-то ярко-красное. Высокую скалу лизнул вынырнувший из-под нее огонь, а издали донесся нарастающий низкий гул.
— Силы небесные… — прошептала ужаснувшаяся Сирелина.
Над Данерхеймом прокатился громкий и протяжный сигнал тревоги. Под эти пугающие звуки гора вблизи от крепостной стены пошла трещинами. В лучах занимавшегося солнца было хорошо видно, как на ее склонах прямо на глазах образуются провалы, откуда вырывается свирепо бушующее пламя. Раскаленный вихрь, скрытно пожравший каменные недра, разом во многих местах вышел на поверхность, пробивая на склонах громадные бреши. А затем часть горы с чудовищным грохотом обрушилась в образовавшуюся под ней пустоту, провалившись в разверзшуюся там преисподнюю.

– 14 –

Впервые за все время сражения за Данерхейм хан выглядел удовлетворенным. В отличие от своих военачальников, он не торопился праздновать успех или впадать в уныние при неудаче.

Сохраняя невозмутимый и порой совершенно бесстрастный вид, ад-Сейдин наблюдал за ходом битвы из безопасного укрытия, постоянно меняя свое местонахождение. После того случая с сожженным холмом почтовой службы он больше не проживал в своем шатре у всех на виду, чтобы не пасть жертвой внезапного налета. Хан не знал, что та, кого именовали Штельской ведьмой была категорически против его ликвидации, и действовал исходя из стратегических соображений. До самой осады крепости ни один кронус не бомбардировал ни города, ни позиции северян. Ад-Сейдин не то чтобы позволил себя запугать, но принял разумное и взвешенное решение, в конечном счете активно одобренное Дегонисом. Верховный колдун вообще не желал бросать в бой крылатую армию без особой нужды. Хан же не хотел лишний раз испытывать судьбу, тем более снаряды Липкого огня стоило приберечь для самой важной битвы. И вот эта битва наконец настала. В ход пошло абсолютно все, чем располагала армия Красной саламандры, за исключением секретного средства верховного колдуна, которым тот намеревался разрушить защиту Альмирстала. Впрочем, судя по происходившему на восточном фланге крепости, оно пока и не понадобилось. Каким-то непонятным образом защитники Данерхейма умудрились обнаружить западный подкоп, но все же прозевали другой. И тот наконец-то принес свои плоды. Дегонис сдержал обещание. Его колдуны, управляя жуткими чудовищами, пробились под горную твердь и разрушили ее вихрем Липкого огня. На это ушло просто колоссальное количество снарядов с адской смесью, но результат того стоил. Часть горного отлога была пожрана изнутри, а оставшаяся рухнула в образовавшийся кратер. Стена крепости теперь упиралась в изломанный обрубок скалы, после которой зияла, плюясь огнем и дымом, здоровенная брешь. Проход во внутреннюю долину был открыт, и ни рвы, ни колдовские барьеры чародеек больше не представляли никакого препятствия. Само собой, с полноценной горой такой номер не пройдет, даже если войска Красной саламандры используют весь запас Липкого огня, поэтому с пиком Эрминдхайм верховный колдун явно замыслил нечто другое. К крепости же примыкали достаточно узкие отлоги седого хребта, что успешно позволило реализовать хитроумный замысел. Наблюдая в подзорную трубу как суетятся защитники Данерхейма, хан озарялся легкой усмешкой. Теперь — все! Быстро заделать такую серьезную прореху им попросту нечем, а воины Империи не дадут возможности соорудить какие-либо укрепления. Они будут непрерывно атаковать пробитый участок до тех пор, пока своим напором не сломят северян. У хана достаточно армейских корпусов, чтобы раз за разом штурмовать и

стены, обескровливая и изматывая противника. С открытым же проломом сотни полторы ярдов в ширину солдаты Красной саламандры управятся куда легче. Они потекут рекой и будут сражаться до тех пор, пока эта река не вольется в долину, обходя крепость с тыла. Тогда Данерхейм будет обречен. Резни ад-Сейдин не желает, тем более ему следует экономить силы для пика Эрминдхайм. Заняв господствующее положение, он предложит защитникам сдаться и уйти, сложив оружие, но сохранив знамена. Лишние жертвы ему не нужны, как и недобрая слава в северных землях. Она, кстати, и так оставляет желать лучшего благодаря колдунам. То ли те основательно перестарались, наводя ужас в сопредельных странах и устраивая там хаос и беспорядки, то ли подозрения в их адрес и впрямь не лишены оснований. Последнее, кстати сказать, все больше тревожило властелина Железных земель, но он решил вплотную заняться этим вопросом после победы над чародейками. Подвергнуть сомнению деятельность колдунов сейчас означало лично преломить ход северной кампании не в свою пользу. В армии и так уже ходят дурные слухи, и все больше подразделений открыто отказываются иметь дело с осквернителями и демонопоклонниками. Нет, пусть уж сначала падет Данерхейм, а войска Красной саламандры установят блокаду Альмирстала. Там и поглядим. До поры все недовольные отправлены на вспомогательные фронты — воевать с северянами более традиционным образом. Ди-Орт удержал повелителя от суровых дисциплинарных мер и хан по зрелому размышлению нашел совет своего лучшего полководца небезосновательным. Ведь если в его собственные мысли закрались сомнения, как можно наказывать солдат, если они, чего доброго, окажутся правы? Тех самых солдат, что несмотря на потери продолжают сражаться за своего повелителя до последней капли крови и сейчас готовы ринуться в самое пекло. Они уже бегут прямо к образовавшемуся жаркому кратеру, куда рухнула верхняя часть горы. Бегут, чтобы засыпать разлом мешками с землей и щебнем, навести переправу и вступить в долгожданный открытый бой с противником. Опустив подзорную трубу, ад-Сейдин знаком подозвал военачальников и приказал начинать генеральное наступление. Поражение крепости становилось вопросом времени, если имперские легионы как можно быстрее проникнут в проделанную брешь и ни на минуту не ослабят могучий натиск.

Чародейкам ничего не оставалось, как вызвать сильнейший шторм, грозивший нанести урон восточному флангу крепости. Возникший пролом требовалось срочно чем-то перекрыть. Баллисты северян были не в состоянии обстреливать пораженный уча-

сток, и лишь катапульты ближайших башен способны развернуться в нужном направлении и достать до наступающего в непредвиденном месте врага. Этих катапульт было слишком мало, чтобы обеспечить достаточно интенсивный обстрел. Без мощной защиты Тексенумов чародейки не сумеют остановить армию хана, а живой заслон северян долго не протянет. Так или иначе, требовалось срочно выиграть время и сестры Альмирстала, в очередной раз объединившись с ведьмами, выпустили на волю свирепую стихию. Солдаты Красной саламандры уже начали засыпать разлом, когда небо над ним почернело, обращая день в ночь, а оттуда, кружа и ширясь, показался завывающий смерч, гудевший переполнявшим его электричеством. Передние шеренги, не успевшие отступить, втянуло внутрь завывавших воздушных потоков и перемололо в фарш. Остальные попятились, поражаемые вырывавшимися из бури разрядами молний. Заполонив всю брешь в горе, она стремительно увеличивалась в масштабах, и вот уже ураган накрыл несколько квадратных миль, перемешивая небо с землей. От него попряталось все живое, и в первую очередь защитники крепости. Свиставший ветер был настолько силен, что срывал даже тяжелые объекты, а людей уносил будто пучки соломы. Даже боевые орудия северян едва держались под чудовищным напором, а все менее массивные незакрепленные предметы швыряло в ревущую бездну. Деревянные подсобные постройки, очутившиеся в зоне действия шторма, разнесло по бревнышку до самого фундамента. Каменные строения устояли, но все ненадежные крыши с треском улетели в черное небо.

Подобный разгул стихии, разумеется, остановил продвижение солдат ад-Сейдина и их намерение создать переправу через разлом, и так основательно засыпанный рухнувшими обломками горы. Манипуляторы, однако, были готовы к такому развитию событий. Во-первых, чародейки не в состоянии поддерживать такой безумствующий шторм бесконечно долго. Во-вторых, ждать у моря погоды колдуны не собирались. Наведя на восточном фланге встречный стихийный фронт, из-за чего пришлось пожертвовать частью передовых позиций ханской армии, Манипуляторы принялись смещать схлестнувшиеся эпицентры в сторону гор. Атакуя стену крепости в лоб, они наталкивались на противодействие чародеек, в результате чего оба фронта упирались друг в друга и в итоге не двигались ни взад, ни вперед. Теперь ситуация была иной. Чародейки сами оказались сбоку от вызванной бури и не могли полноценно контролировать ее распространение. Колдуны принялись отводить разгулявшуюся стихию на восток, от чародеек, и те были не в состоянии этому помешать. Они не давали сдви-

нуть шторм во внутреннюю долину, и таким образом невольно помогали Манипуляторам отталкивать его от себя. Колдуны же на этом не останавливались. По мере отступления шторма, они создавали на освобождавшемся участке зону противодействия, чтобы чародейки не сотворили там новых ураганов. Делали они это под прикрытием тяжелых защитных конструкций, подведенных выступившими армейскими корпусами ад-Сейдина. Впереди солдат в какой-нибудь сотне ярдов поднималась стена ревущего воздуха, черная от земли и сконцентрированной в ней энергии, сверкавшей тысячами молний. Эта стена постепенно отодвигалась, а вслед за ней, сохраняя дистанцию, шли полки Красной саламандры. Чтобы расстроить их ряды, чародейки попытались запустить еще один шторм, но Манипуляторы вовремя упредили их замысел, столкнув их ураган со своим. У крепости образовался второй стихийный фронт, через который едва было видно, как солдаты ад-Сейдина подходят все ближе к расчищавшемуся разлому. В какой-то момент первый шторм, окончательно вышедший из-под контроля чародеек, снесло на северо-восток — свирепствовать в горы. Проход между скал был открыт и ханские полки, огласив окрестности торжествующим боевым кличем, ринулись вперед. Земля все еще дрожала под их ногами, отзываясь на яростно бушевавшие вихри, но имперские воины не обращали на это ни малейшего внимания. Буря колдунов, старательно зачарованная соответствующим образом, сотворила еще одно немаловажное дело. Она почти засыпала разлом, и теперь солдаты хана быстро засыпали мешками со щебнем оставшиеся прорехи. Они лезли как саранча, карабкаясь через валуны и перескакивая через ямы. Мешки, передаваемые из рук в руки, продолжали устилать все выбоины и неровности, превращая область разлома во вполне сносную равнину с торчавшими из нее пиками обожженной породы. А передовые полки уже достигали конца этого разлома, где за изгибом горы начиналась внутренняя долина Данерхейма. Северяне отчего-то медлили и не встречали неприятеля заслоном пехоты. Должно быть, не успели выступить вовремя из-за бесновавшегося шторма, уходившего теперь все дальше на северо-восток. Только странно, что этот шторм вроде бы продолжал отдаляться, а земля почему-то дрожала все сильнее, издавая мерный тяжелый гул. Кажется, впереди осыпалась скала! Да, вон движутся ее глыбы, скатываясь с вершины вниз. Это они и издают означенный шум и вибрацию, ударяясь о твердую почву. Бежавшие вперед южане не сразу осознали всю глубину своей ошибки. Могучий гул действительно производили огромные каменные глыбы. Вот только исходил он отнюдь не от их падения. Из-за углового утеса навстречу

солдатам ад-Сейдина неожиданно выступила какая-то громадина. Она походила на ту самую скалу, только у нее имелось нечто откровенно напоминавшее руки и ноги. И этими ногами она тяжело переступала по земле, издавая тот самый внушительный гул, а руки раскачивались взад и вперед как у идущего человека. Ошеломленные полки Красной саламандры по инерции все еще двигались вперед, вытаращившись на приближавшееся диво. Передние ряды и рады были бы остановиться, но на них напирали задние, а на тех тоже вовсю давили товарищи. В разломе скопилось несколько тысяч человек и они продолжали прибывать, хотя передовой полк уже мечтал убраться куда-нибудь подальше. Оторопь сменилась испугом. Каменная громада не была плодом воображения, а ее характерные очертания заставляли предположить наихудшее. И это наихудшее немедленно произошло. Занеся нечто похожее на ладонь, громада махнула рукой, имевшей размеры пожарной каланчи, и смела первые шеренги завопивших от ужаса южан. Еще один взмах — и сразу сотня изуродованных тел разлетелась как галька из-под колес телеги. В разломе образовалась давка. Стремясь избежать свидания с подступавшим чудищем, передние отряды пятились назад, но отступать им было решительно некуда. Они лишь увеличивали свою численность на квадратный ярд, и очередной удар каменной руки собрал еще большую жатву. Воины Красной саламандры обомлели. Они никак не ожидали встретить ТАКОЕ и откровенно растерялись, созерцая невероятное творение и соображая что им делать. Ведь даже до последнего дурака быстро дошло, что стрелять в эту громадину из луков или рубить ее мечами столь же эффективно, как плевать в жерло вулкана, надеясь таким образом его потушить. Чудище, кем или чем бы оно ни было, высилось на добрых тридцать ярдов, а ширина его плеч, откуда свисали гигантские конечности, внушала суеверный ужас. И это чудище сейчас вовсю сносило передние полки, орудуя ручищами с неотразимой мощью. Командиры южан, сориентировавшись в обстановке, приказали своим людям возобновить наступление и перейти на бег. Не в силах сражаться с ожившей скалой, они могли просто пробежать ее, пожертвовав некоторой частью личного состава. Сообразив, что позади ужасающей громады безопаснее, чем перед ней, солдаты бросились вперед, прекращая образовавшуюся давку. Крики боли и испуга сменились вновь прокатившимся боевым кличем, вернувшим южанам утраченный боевой дух. Исполин, подняв ногу шириной с типичный фермерский дом, с грохотом опустил ее на землю, раздавив разом десятка три человек, но людской поток уже стремительно двигался вокруг него. Громада пнула его другой ногой, выбив фонтан искалечен-

ных тел, а затем принялась усердно махать руками, однако воины хана, несмотря на потери, лились мимо широкой рекой, и эта река наконец-то добралась до входа во внутреннюю долину. И тут боевой клич захлебнулся, а вслед за тем в разлом ворвался оглушительный грохот, будто с горы сошел оползень. К своему ужасу солдаты Красной саламандры наткнулись сразу на трех точно таких же гигантов, немедленно обрушивших на них каменные длани. Удары сыпались один за другим, превращая людей в кровавое месиво. Чудом уцелевшие воины проскакивали дальше, где их тут же встречали губительные залпы северян, выстроившихся позади неведомых исполинов. А те, перекрыв львиную часть прохода, грузно двигались в разлом, проходя по шеренгам Красной саламандры убийственным катком. Гиганты состояли из огромных кусков скал, громоздившихся друг на друга, покрытых наслоения мха и выбивавшимся из расщелин ползучим кустарником. Тускло поблескивали кварцевые жилы, венами змеившиеся среди необъятных валунов. Блестели вкрапления руды, выходившие из твердого камня. А сам этот камень, несмотря на всю свою очевидную бездушность, уверенно перемещался, шагая как человек и перемалывая в труху полки Красной саламандры. Могучие кулаки отсвечивали красным не то от пластов гранита, не то от реками льющейся крови. В подобии голов зияли целые пещеры глаз, уходивших внутрь ребристых наслоений базальта. Казалась, будто ожила часть горы и в критический момент пришла на помощь защитникам Данерхейма.

Отчасти это действительно было так. Нереймиты — Каменные Стражи — вот как именовались эти творения чародейского мастерства, с незапамятных времен охранявшие пик Эрминдхайм от посягательства чужаков. Давно, очень давно они не использовались по прямому назначению, погрузившись в вековую дрему. Люди забыли о самом их существовании, и даже большинство чародеек никогда не видели как они двигаются. Некогда их было больше, намного больше. С годами их число сократилось, как сократилось число старших чародеек, управлявших этими гигантами. В старину воля сестер Альмирстала могла пробудить целую сотню таких исполинов, способных сокрушить любую армию. Ныне, обретя вечный сон, они мирно покоились вокруг горного пика. Мхи покрывали их мягким одеялом и деревья, произраставшие вокруг спящих уже многими поколениями, шелестели им тихую колыбельную. Но не все гиганты канули в седую вечность. Последние из могущественных чародеек призвали их на службу, и Стражи, покинув вверенный им рубеж, отправились в свое первое и, вероятно, последнее путешествие. И вот когда, казалось бы, уже

ничто было не способно остановить вторжение полчищ Красной саламандры, на их пути возникли Нереймиты, до поры прикидывавшиеся грудами безжизненного камня. Возникли и стали безжалостно крушить, перекрывая новообразованное ущелье. Солдатам хана было просто нечего противопоставить явившимся исполинам. Как можно воевать с горой?! Три гиганта, шедшие вслед за первым, разносили полки ад-Сейдина в пух и прах, а тем, угодившим в такую немыслимую ловушку, даже некуда было деваться. Колдуны, затесавшиеся среди наступавших, пробовали швырять в Стражей заклинания, но чтобы хоть как-то им повредить требовалось нечто большее, чем спонтанные усилия пары десятков Манипуляторов. С сердитым ворчанием Нереймиты ударяли кулаками в гору, осыпая на головы людей обвалы, подхватывали падавшие камни и швыряли туда, откуда прилетали темные чары. Запущенные валуны, каждый с внушительный стог сена, не оставляли от колдунов и мокрого места и, ударившись о землю, катились дальше, подпрыгивая как самые обычные мячики. Кровавая дорога отмечала их траекторию, устланная перемолотыми, расплющенными телами. Половина армейского корпуса Красной саламандры была истреблена в считанные минуты.

Стройные колонны солдат, подходившие к разлому, неожиданно застопорились, а затем раздались в стороны, пропуская бегущих. Хан, прильнувший к окуляру подзорной трубы, каким-то машинальным жестом протер глаза и вновь уставился на восточный фланг. Туда, где его войска вовсю вливались в широкую брешь, готовясь ворваться в долину Данерхейма. Довольная усмешка, застыв, медленно сползла с лица властелина Железных земель. В разломе творилось нечто невообразимое. Его верные воины удирали сломя голову, даже не пытаясь сопротивляться. За ними, выдвигаясь из глубины прожженной горы, шагали четыре ее детища, похожие друг на друга как братья. Шагали и крушили солдат как жалких муравьев, перегородив все ущелье от края до края. От этого невиданного зрелища ад-Сейдин потерял дар речи. Победа, уже шедшая в руки, разбилась вдребезги об этих невесть откуда взявшихся чудищ. Его полководцы, остолбенев, бессильно таращились на происходящее, начисто забыв про прибывавших вестовых. На несколько минут ханскую ставку охватил какой-то паралич, вызванный кажущейся невозможностью разыгравшейся сцены.

Первым пришел в себя хан.

— Всем орудиям бить по этим чудовищам! Не жалеть Липкого огня! Горнистам сигналить отступление! Кто не успеет убраться подальше — сам будет виноват! — воскликнул он, с трудом сдержи-

вая гнев.
Этот гнев распалял ад-Сейдина еще больше тем, что от него тянуло каким-то издевательским бессилием. От громкого окрика полководцы живо пришли в себя и развели кипучую деятельность. В полки полетели приказы немедленно отступать, держась подальше от каменных громад, а над позициями Красной саламандры запели сигнальные трубы, звавшие солдат назад.
— Баратиса ко мне! — раздраженно бросил хан, продолжая наблюдать за сокрушительным поражением своих людей.
Послали за колдуном. И вот загрохотали катапульты. Взведенные ковши, спущенные руками наводчиков, исторгли большие стеклянно-металлические сферы в направлении разлома. Прочертив в небе длинную дугу, они принялись падать куда попало, поражая как целевую зону, так и падая во все стороны от нее, включая полосу между горой и оборонительными рубежами южан. Те, продолжая отступать, с воплями бросились врассыпную от взвившихся к небу очагов свирепого пламени. Стражей почти не задело. Кроме того, они уже отходили обратно во внутреннюю долину, не дожидаясь пока боевые машины ад-Сейдина накроют их жгучей лавиной своего адского зелья. Чародейки предвидели такой исход. Остановив наступление и обратив врага в бегство, они возвращали Нереймитов назад, пока те не пострадали. Ведь даже для них Липкий огонь представлял серьезную угрозу и контакта с ним следовало избегать. Стражи выполнили свою задачу и теперь хану придется как следует постараться, чтобы воспользоваться плодами своего недавнего успеха. Что он предпримет — уже отдельный вопрос, а сейчас непосредственная опасность миновала. Сумасшедший шторм, поднятый чародейками, предоставил необходимую отсрочку, дав Нереймитам время подойти от перевала. Все северяне, от мала до велика, благоговейно созерцали эти неторопливо шествующие скалы, на вершине которых, показавшись из глаз-пещер, виднелись старшие чародейки. Это невиданное зрелище они еще долго будут передавать из поколение в поколение, и старики долгими зимними вечерами станут рассказывать малышам как некогда сами горы поднялись на защиту северных земель, а их пра-пра-прадедушка там был и лично это видел.

Баратис, явившийся на зов повелителя, был в изрядном смятении. Он уже успел побывать у учителя, для которого появление Нереймитов оказалось неприятным сюрпризом. Верховный колдун что-то такое подозревал, но ожидал встретить не раньше, чем подле пика Эрминдхайм, а уж там подобные препятствия не имели бы особого значения. Наличие исполинских Стражей в Данерхейме грозило в очередной раз спутать все карты. Чародейки про-

сто не могли уводить их далеко от своей обители. Что-то дало им такую способность. Прибавило сил, чтобы Нереймиты проделали такой немалый путь и добрались аж до Данерхейма. Добрались и вступили в бой как раз тогда, когда не только южане, но и колдуны меньше всего этого ожидали. И Дегонис уже знал что. Отдав необходимые распоряжения помощникам, он сам явился к хану вслед за своим верным учеником.

Баратис с трудом выдерживал недовольство повелителя, рассерженного не на шутку. Повелитель желал знать что за напасть сорвала войсковую операцию и о чем еще забыли его предупредить колдуны. Как можно планировать атаку, если заведомо не знаешь с чем столкнешься? Что это за ходячие горы и каким образом, скажите на милость, с ними можно сладить?! Дегонис избавил ученика от необходимости отвечать на все эти неприятные вопросы. Отойдя в сторону, Баратис облегченно переводил дух, а верховный колдун занял его место. Ад-Сейдин одарил его неприветливым взглядом, но он успел потратить значительную часть гнева на ретировавшегося придворного специалиста. Дегонис вкратце объяснил повелителю суть произошедшего.

— Прекрасно! А если эти громады вздумают выйти за стены и атаковать мои войска — у тебя есть средство их остановить? — заявил хан, не слишком довольный услышанным.

— Найдется, — кивнул верховный колдун. — Чародейки это понимают и берегут свое самое мощное оружие. В открытом поле мы сможем расстрелять Стражей Липким огнем или заманить в заколдованную зону, ослабляющую движущую ими связь. Стражи тоже уязвимы. Потери, несомненно, были бы большими, но уничтожение оживших глыб стало бы вопросом времени. Именно поэтому чародейки и придержали их на крайний случай и не выпускают дальше защищенного рубежа.

— Почему ты меня раньше не предупредил, если уже знал об их существовании?! — возмутился ад-Сейдин, буравя собеседника взглядом.

— Потому что не ожидал встретить ничего подобного до пика Эрминдхайм, — с угрюмыми нотками отозвался Дегонис. — Чародейки не могли уводить Стражей так далеко, а наличие их подле обители нашему плану не помеха.

— Неужели? И что же вдруг случилось, что твои расчеты оказались более чем ошибочными? — едко поинтересовался хан. — Это стоило мне целого армейского корпуса!

Дегонис вздохнул. Теперь он был осведомлен о первопричине всех невероятных потрясений, постигавших как его, так и северную кампанию. Осведомлен не потому, что кто-то известил верховного

колдуна или шпионская сеть наконец-то сработала как положено. Нет, он просто свел все концы воедино, а узнав изображенного на рисунке человека уже не мог отрицать очевидное. Очевидное только ему, ибо более никто даже не догадывался об истинной подоплеке дела.

— Боюсь вызвать своими словами гнев повелителя, но у меня есть основания утверждать, что это дело рук Штельской ведьмы, — сказал Дегонис так, чтобы его слышал только хан.

Последнее было не так уж трудно. Ад-Сейдин находился в овальном шатре, стоя у выходившего к крепости окна. Военачальники расположились поодаль, занимая вместительный тамбур. Снаружи дежурила бдительная гвардия, в чьи обязанности с некоторых пор входило не столько наблюдение за окрестностями, сколько за небом.

— Слышать ничего не желаю про Штельскую ведьму! — осерчал хан. — Теперь просто все повадились списывать на нее свои промахи и неудачи! Как что — сразу Штельская ведьма! Чушь! Не может один человек быть всему виной! Даже возможности чародеек не безграничны!

— Может, — мрачно произнес верховный колдун. — Она вовсе не чародейка. Ее принимают не за ту, кем она является на самом деле.

— А ты, выходит, знаешь кто она такая? — пытливо спросил ад-Сейдин, пристально глядя на Дегониса.

О да, теперь верховный колдун действительно это знал. Знал с тех самых пор, как ему наконец-то принесли портрет той, кого северяне называли Рубистелла. Один лишь взгляд на невзрачный лист бумаги, содержавший карандашный рисунок простого уличного художника, и у Дегониса перехватило дыхание. В отличие от других, ему не требовалось никаких дополнительных уточнений личности и жаловаться на отсутствие мастерства живописца также не приходилось. С портрета на верховного колдуна глядела приемная внучка Арбаха ан-Бакира. Та, вокруг которой с каждым годом было все больше странностей, о чем лишь не так давно стал задумываться Дегонис, и которую он лично оставил в самом сердце Калихари умирать, сраженную неумолимым Прендератом. Никто не мог самостоятельно освободиться от его безжалостной хватки, а девчонку караулили доверенные гвардейцы и Манипуляторы, невесть куда подевавшиеся вместе с жертвой. Теперь все окончательно встало на свои места. Во всяком случае, в своей основе. Верховный колдун понятия не имел откуда вообще взялась эта треклятая Илиана, но кое в чем уже не сомневался. Платиновый медальон с каплевидным рубином и письменами на древнем

забытом языке не являлся какой-то находкой, случайно попавшей ей в руки. Он был ее собственным. Не как вещь, принадлежащая хозяину после покупки, а по праву рождения. Медальон не был простой безделушкой. Он с самого начала свидетельствовал кто его владелица такая, а Дегонис, понимая начертанные слова, умудрился проморгать сей факт под самым носом. И лично доставил внучку шейха в единственное место на земле, куда не должен был пускать ни при каких обстоятельствах. Доставил и опрометчиво уехал, доверив Илиану своим верным людям, ставших первыми жертвами Принцессы Крови.

До конца осознав с кем имеет дело, верховный колдун кардинально пересмотрел свой взгляд на многие события, включая уничтожение Аш-Гарона и заканчивая потерей Тель-Анума. В новом свете они перестали ему казаться сверхъестественными. Кроме того, отпала всякая необходимость искать необъяснимую утечку сведений. Ее попросту не было. Все меры предосторожности, надежно запечатывавшие уста Манипуляторам, которыми Дегонис так гордился, для Принцессы Крови не представляли особой проблемы. И это автоматически стало представлять огромную проблему для самого Дегониса. От ошеломительного открытия ему сделалось ничуть не легче. Строго наоборот — верховный колдун сообразил, что очутился на краю пропасти и с каждым днем его шансы на успешный исход великого замысла становятся все меньше. Все эти сказки о чудесных исцелениях и раздутые истории про обращаемых на поле брани врагов оказались ничуть не преувеличены. Более того — дальше будет только хуже, и какой-то необъяснимый рост возможностей чародеек — это только начало, положенное еще в сражении за Коулбридж. Теперь — о, лишь теперь до Дегониса дошло, почему внучка ан-Бакира не умерла от яда, приняв дозу способную убить несколько десятков человек. Ее невозможно отравить. Любой яд перед ней бессилен, как бессилен и убийца с кинжалом. Стрела в сердце, пущенная умелым наемником, устранит даже самого могущественного чародея, но только не Принцессу крови. Требуется нечто большее, чтобы вернуть ее обратно в небытие, из которого она невесть как появилась, поэтому не удивительно, что шпионы и колдуны даже близко не смогли подобраться к Штельской ведьме. Она, безусловно, смертна, но убить ее очень непросто, особенно если учесть, что Принцесса крови способна учуять недобрые намерения на немалом расстоянии. Этим, кстати сказать, она вовсю и пользовалась, разоблачая шпионов и Манипуляторов. Разоблачая и допрашивая. Тель-Анум, такой тайный, такой защищенный… Увы, при создании этого оплота никто не брал в расчет того, с кем столкнутся его обитатели.

Что же касалось чародеек, то все непонятные вещи обрели более чем внятное объяснение. Неожиданное появление горгулий-воинов, кратно выросшая мощь призываемых стихий, воплощение прежде невиданного колдовства — о, это только цветочки. Все перипетии северной кампании, вдруг сошедшей с накатанной колеи в самой, казалось бы, надежной точке стали ясны как лазурный день. Спасение армии Ганхельда, укрепление Данерхейма, объединение северных земель, создание Оборонительного союза и его последующие успехи… Дегонис не успел совсем чуть-чуть, замешкался совсем немного. Если бы он тогда не гонялся за Илианой, а отправился прямиком в ханскую ставку, сейчас от Альмирстала осталось бы одно воспоминание. А так по всему выходит, что он собственными руками выпустил джинна из бутылки, с которым ныне отчаянно пытается совладать и прекрасно понимает кто выйдет из этой схватки победителем. Нет, теперь нельзя медлить ни одного дня, пока Принцесса крови не обрела полную силу.

Нападение на Данерхейм явилось следствием тяжелых раздумий верховного колдуна. После бессонных суток, проведенных в полном уединении, он пришел к выводу о необходимости немедленного удара по крепости, ибо если имперские легионы не преуспеют сейчас, то не преуспеют уже никогда. Расклад сил на стратегической карте оставлял желать лучшего. Важные опорные пункты северян не были устранены, ключевые ресурсы не подорваны. Более-менее успешно действовал флот на Шиале, отрезавший Ранхельм и его соседей от Оборонительного союза, но и там дела обстояли не слишком благоприятно. Половина войск королевства еще зимой переправилась на западный берег и присоединилась к объединенной армии. Другая доставляла огромные неприятности, перемещаясь по восточной береговой линии и постоянно атакуя корабли Красной саламандры десантом. Ад-Сейдин не достиг желаемого преимущества, с каким намеревался подступить к стенам древней крепости, являвшейся ключом к Лорданскому перевалу. Он рассчитывал постепенно вывести из игры основные оплоты северян и установить блокаду обескровленного Данерхейма, но происходило с точностью до наоборот. Принцесса крови один за другим уничтожала критически важные ресурсы захватчиков, смещая баланс сил отнюдь не в пользу ад-Сейдина и Манипуляторов. И дальше медлить было нельзя. Хан еще не знал, что восточные государства, расположенные между новой Империей и Зелистаном, отрядили к северянам послов, желая присоединиться к Оборонительному союзу, и переговоры набирают обороты. Верховный колдун намеренно держал повелителя в заблуждении, чтобы тот продолжал следовать прежнему замыслу, а всех агентов Мухаррафа —

главы особой канцелярии — прознавших об этом обстоятельстве, откровенно устранял. Дегонис в очередной раз скорректировал сценарий северной кампании и, вероятно, в последний. Хан одобрил его план, хотя тот откровенно походил на ставку ва-банк, каковой, по сути, действительно и являлся. В назначенный час по армейским корпусам Красной саламандры полетели запечатанные приказы. Южане массово покидали все северные земли, концентрируясь в Орнхольме. Готовившееся масштабное нападение на Коулбридж, этот серьезный оплот чародеек, так и не состоялось. С большими потерями, вынужденный с налету давить числом, ад-Сейдин с боями вышел к Данерхейму, создав два вспомогательных фронта, призванных перекрыть театр решающей битвы от внешнего мира. Северяне, разумеется, тут же занимали освобождаемые территории и, объединяясь в крупные соединения, шли на помощь осажденной крепости. К ней же Ад-Сейдин стянул все, что имелось в его распоряжении, и Дегонис, само собой, поступил точно так же. Небольшие отряды Манипуляторов продолжали действовать на периферии, но почти все силы колдунов были брошены на Данерхейм.

Да, верховный колдун понимал откуда вдруг чародейки выудили из рукава козырного туза в виде Каменных Стражей. Без Принцессы крови тут явно не обошлось. Хан изволит гневаться, а впору бы радоваться что их всего несколько штук. Протяните еще годик-другой — и целая сотня таких громадин явится под стены Солтенстила. Уже сейчас Илиана — Дегонис и сам не заметил, как перестал надменно именовать ее "девчонкой" — успела существенно развить возможности сестер Альмирстала. Повелитель недоволен непредвиденным могуществом чародеек, а лучше бы сказал спасибо, что в его войска еще не летят огненные шары размером с буйвола, а тяжелые осадные орудия не взмывают в небо, разваливаясь на куски. Вот только как ему об этом сообщишь? Объяснив всю подоплеку дела, Дегонис окажется вынужден раскрыть и источник сведений, иначе они будут выглядеть плодом его воспаленного воображения. Сам-то верховный колдун был абсолютно уверен в их достоверности, ибо знал от кого именно они получены. Это как раз и являлось непреодолимой проблемой, поскольку имя Арферона, некогда рассказавшего ему о существовании Липкого огня, лучше никому не называть. В результате Дегонис, изворачиваясь как только можно, подал хану ситуацию в несколько измененном виде, продолжая укреплять повелителя в уверенности, что решительный натиск — гарантированный ключ к победе. Он скрыл от ад-Сейдина личность и сущность Штельской ведьмы, запутав в колдовской терминологии. На это у верховного колдуна

были веские основания. Знай хан с кем он в действительности имеет дело и откуда у Дегониса информация, он, вполне вероятно, немедленно бы дал приказ к отступлению. И правильно бы сделал, потому что верховный колдун собрался залить пожар своих замыслов морем крови введенных в заблуждение южан.

Пока властелин Железных земель, наблюдая за очередным поражением своих войск, разговаривал с Дегонисом, верховное командование Освободительного союза собралось на срочное заседание. Образовавшаяся брешь в защитном периметре крепости грозила изменить весь ход сражения. До сих пор стены Данерхейма, усиленные сестрами Альмирстала, успешно противостояли захватчикам. В одночасье все изменилось. Если прежде северяне стойко держались, раз за разом сбрасывая врага в ров, то в открытом бою расклад сил будет совсем другим. Живой заслон не сможет слишком долго удерживать позиции подле разлома в горе. Чародейки успели остановить вторжение полчищ Красной саламандры и их могучие Нереймиты внушали трепет даже союзникам, но и этим удивительным созданиям не удастся вечно препятствовать многочисленным захватчикам. Липкий огонь рано или поздно доберется и до них. И хан и его черные колдуны наверняка что-нибудь придумают. Это сейчас они взяли паузу, оценивая произошедшее и делая выводы. Позднее южане вновь пойдут в атаку, и на сей раз подготовятся к ней куда основательнее. К этому мнению пришли все, начиная от чародеек и заканчивая теми, кто ничего не смыслил в колдовстве. Следовало срочно придумать как укрепить оборону, вернув ей прежнюю надежность. На сей счет тут же развернулась оживленная дискуссия, ибо пока никто не знал каким образом это сделать. У чародеек имелись запасные Тексенумы, но на раз-два их не установишь, не говоря уже о том, что их эффективность в пустом пространстве сводилась к минимуму. Засыпать разлом? А как? Его габариты предполагают многодневную тяжелую работу, к которой ад-Сейдин вряд ли отнесется безучастно. Его орудия продолжают постреливать в проделанную брешь и сожгут любого, кто появится в зоне поражения. Впервые с самого создания верховного командования его члены не находили общий язык не из-за того, что у них имелось разное мнение по какому-либо вопросу, а потому что его как такового не было вовсе. В какой-то момент Илиана, присутствовавшая на заседании, попросила слово. Все разговоры тут же стихли, и множество пар глаз с надеждой уставилось на девушку. Та даже немного смутилась, чувствуя, что от нее ждут решения создавшейся проблемы и верят, что сейчас Рубистелла коротко изложит как следует поступить. Впрочем, это смущение быстро прошло, поскольку она

действительно имела что предложить. Вот только совсем не то, на что рассчитывали слушатели.
— При всем моем уважении к здесь собравшимся, мы изначально следуем в неверном направлении, — заявила поднявшаяся Илиана. — Все высказывания, все предложения вертятся лишь возле того, каким образом нам залатать дыру в обороне. Простите меня за прямоту, но какой в этом толк?!
Члены верховного командования переглянулись, не понимая куда клонит Алая звезда.
— Давайте на минуту предположим, что восточная гора до сих пор пребывает в целости и сохранности. Что это меняет? — пояснила Илиана. — Легионы хана способны штурмовать Данерхейм неделями и наша защита рано или поздно выдохнется. Иными словами, ад-Сейдин имеет достаточно ресурсов, чтобы овладеть крепостью и при лобовой атаке, регулярно подтачивая нашу обороноспособность круглосуточными бомбардировками. Ни сестры Альмирстала, ни я, ни наши доблестные воины не смогут вечно сдерживать такой непрерывный натиск. Мы уже здорово устали, а ведь осада длится всего чуть больше недели. Хан пока терпит неудачу за неудачей, но он ведь делает из них выводы и приспосабливается к приемам нашей защиты. Учится на своих ошибках и вскоре найдет что нам противопоставить, как наверняка найдет и каким образом поступить с проделанным разломом. Не хочу показаться излишне пессимистичной, но я полагаю, что в нынешней ситуации с достаточно высокой вероятностью падение Данерхейма лишь вопрос времени. Шансы я навскидку оцениваю примерно семьдесят на тридцать. Не в нашу пользу.
В зале, где и без того не говорил никто кроме Рубистеллы, повисла тяжелая тишина. Присутствующие переваривали услышанное, и на их лицах отражались самые разные выражения. Илиана молчала, дожидаясь осознанной реакции. Она последовала в лице седого фельдмаршала. Того самого, кого девушка в пылу сражения исцелила от смертельной раны, когда полководец лично участвовал в рукопашном бою, увлекая за собой воинов.
— И что вы предлагаете, госпожа? — коротко спросил он ровным спокойным голосом.
— То же, что и в Хельбурге. Ударить первыми! — тут же уверенно изрекла Илиана, обведя собравшихся твердым взглядом.

Западным фронтом северян командовал генерал Даус, прежде руководивший обороной Хельбурга. Когда южане стали массово отступать, концентрируя силы возле Данерхейма, он немедленно вывел полки из города и отправился вслед за неприятелем. С каждым днем к нему подходили менее крупные соединения, вливав-

шиеся в единый ударный кулак. Когда северяне достигли позиций Красной саламандры их число уже было таково, что они прямо с марша ринулись в бой. Ханские войска, установившие блокаду Данерхейма, выдержали удар, подтянув к точке соприкосновения резервы. Северяне, перегруппировавшись, за одну ночь переместились в другой район и снова атаковали. Солдаты хана вновь удержали занятый рубеж, что стоило им немалых потерь. Генерал северян не стал задерживаться у поля битвы и опять увел свои войска, выискивая слабые места в обороне врага. К нему продолжало прибывать подкрепление в виде больших и малых гарнизонов, рассредоточенных на значительном расстоянии. Когда захватчики оставили обширные просторы северных земель, они автоматически высвободили находившийся там воинский контингент противника. И этот контингент теперь собирался в единое целое, намереваясь задать оккупантам хорошую трепку. Древняя крепость звала на помощь, и эта помощь стекалась отовсюду, собираясь в серьезную армейскую группировку. Ад-Сейдин поступил весьма дальновидно не обрушившись всеми силами на Данерхейм, а распределив их часть по вспомогательным фронтам. Если бы не это, его войска сейчас оказались бы меж трех огней. Он и не рассчитывал взять крепость с наскока даже максимально возможной армией, а непрерывные атаки с флангов погоды и без того непростой осаде уж точно не сделают. В результате, пока центральные армейские корпуса занимались исключительно штурмом крепости, полки на флангах стоически выдерживали растущий натиск северян. Тех становилось все больше и их тактика чрезвычайно досаждала полководцам ад-Сейдина. Перемещаясь между растянутых позиций Красной саламандры, они наносили быстрый удар и сразу же отходили в другое место. Блокаду они таким образом не пробивали, но успевали ретироваться до того, как солдатам хана подходило подкрепление. Численные потери росли не в пользу южан, а северяне продолжали наращивать силы и проверять неприятеля на прочность. Столкновения происходили вполне традиционным способом. Почти все чародейки находились в Данерхейме, и там же сосредоточились колдуны. Ни те, ни другие не могли позволить себе распылять ресурсы и схлестнулись в эпицентре противостояния, в то время как на флангах сошлись простые воины. Совсем уж без чар не обходилось, но их присутствие в общей массе являлось незначительным. Генерал Даус как раз планировал новый удар по врагу, когда ему доложили о прибытии члена верховного командования. Военачальник очень удивился. Данерхейм был в блокаде и ни одна живая душа не могла пробраться за его пределы. Когда полог шатра откинулся, пропуская посетителей, на

лице генерала появилась невольная улыбка. Ну конечно, кого же еще он ожидал увидеть!
— Мое почтение, госпожа, — сказал полководец, склонив седеющую голову. — Рад снова видеть вас в добром здравии.
— Приветствую, генерал, — отозвалась Илиана. — Прошу вас пригласить сюда всех старших офицеров. Я сообщу вам план совместной атаки на врага, утвержденный верховным командованием.
— Разумеется, госпожа, — кивнул военачальник и отдал необходимые распоряжения. — Осмелюсь спросить, почтите ли вы нас своим личным присутствием в бою?
— В этом и состоит часть плана, — кивнула Илиана.

Когда собрался весь командный состав, девушка не теряя времени приступила к детальному изложению замысла. Офицеры внимательно слушали, стараясь не пропустить ни одного слова. План был чрезвычайно дерзким, но исходил не от кого-нибудь, а от самой Рубистеллы. Они уже знали на что способна Алая звезда и не ставили под сомнение целесообразность всей затеи, в ином случае показавшейся бы просто неосуществимой. Когда Илиана закончила, офицеры задали несколько уточняющих вопросов, а затем тут же, не сходя с места, принялись составлять сценарий грядущей атаки, согласовывая взаимодействие полков. Илиана получила клятвенные заверения, что все будет исполнено в точности. Покинув генеральский шатер, она направилась к видневшейся неподалеку группе. Ее сопровождала только Сирелина, а остальные дожидались вместе со взводом горгулий-воинов, сформированным специально для реализации плана. Здесь было все ядро отряда Рубистеллы. Троица послушниц о чем-то тихонько перешептывалась, Алеада традиционно спорила с Уной, а Бэйл и Ульм хранили невозмутимое молчание. Заклинатели стихий от волнения играли чарами, создавая вокруг себя небольшие воплощения огня или холода. При виде показавшейся предводительницы отряд встрепенулся.
— Порядок, — сказала подошедшая Илиана. — Отправляемся дальше.
Горгульи тут же пришли в движение. Подхватив заклинателей и воинов, они почти вертикально взмыли в темное небо и быстро исчезли из виду.

Крылатый взвод, набрав огромную высоту, несся с поистине головокружительной скоростью. Достать его с земли не было никакой возможности, да никто и не всматривался в ночное небо до такой степени, чтобы узреть в нем едва уловимое движение. Если среди бела дня перемещение небольшой группы еще можно было обнаружить, то в темное время суток путешествие оставалось со-

вершенно незаметным. Сверху земля казалась черной, и лишь водные пространства слабо серебрились от звездного света, да луга и поля несколько выделялись на фоне бескрайних лесов и болотистых равнин. Лишь рукотворные огни, большие и малые, напоминали о присутствии людей и служили ориентиром на погруженной во тьму местности. Даже одинокое пламя свечи в окне деревенской избушки было видно за множество миль. Города же светились целыми гирляндами уличных факелов. Западный фронт, представлявший собой прерывистую линию огней, остался далеко позади, уйдя за край невидимого в темноте горизонта. Огромное зарево на севере исходило от осажденной крепости, перед которой жгли костры легионы хана. От него островками света можно было проследить присутствие южан вплоть до самого Ганхельда. Форпосты, дозоры, военные лагеря и вставшие на ночлег части — все это складывалось в наглядный узор стратегических сил Красной саламандры. Несомые горгульями люди не могли переговариваться, так как от быстроты полета аж воздух свистел в ушах, а кричать было никак нельзя, зато вдоволь рассматривали проносившееся внизу пространство. Крылатые помощники по двое несли заклинателей и по трое каждого из воинов, поскольку последние были гораздо тяжелее. Путешествие происходило с определенными удобствами. Каждый человек сидел в специально сконструированном кресле, имевшем ремни безопасности на случай чтобы кто-нибудь не вывалился. От этого кресла шли короткие прочные веревки, крепившиеся к параллельным перекладинам, которые и держали горгульи. Если одна из них смещалась, поднимаясь выше или ниже, крен компенсировался хитрым балансировочным механизмом перекладин, позволяя пассажирам оставаться в неизменно ровном положении. Таким образом те чувствовали себя вполне комфортно, имели возможность полноценного обзора и беспрепятственного наложения чар в случае необходимости. Больше всех наслаждалась полетом молодая ведьма. Это только в книжках для недалеких обывателей они летают на всяких совершенно идиотских с точки зрения любой логики и удобства конструкциях, а на деле небо для них являлось столь же недоступным, как и для простых смертных. Тем не менее, о нем многие мечтали, и Уна была совершенно счастлива, вдыхая ночной воздух с высоты орлиного полета. Бэйл, в отличие от нее, испытывал диаметрально противоположные чувства. Гладиатор предпочитал стоять на твердой земле или, в крайнем случае, на качающейся палубе, и старался не думать о пропасти под ногами. Он и согласился-то на эту затею исключительно ради Сирелины и ее воспитанницы, чтобы вместе с Ульмом служить заслоном последней надежды. Ульм, кстати, де-

монстрировал исключительное равнодушие к происходящему, будто пребывание высоко в небе было для него чем-то совершенно обыденным. Он лишь иногда улыбался, думая о чем-то своем, особенно когда поглядывал на летевшую в центре отряда Илиану.

Когда горгульи пошли на снижение, под ними вовсю горели огни восточного фронта. Они приземлялись подле небольшой палатки, стоявшей в кольце других, следуя на зов цветных огней ряда бездымных факелов. Илиану уже ждали. Вместе с Сирелиной она немедленно прошла в шатер командующего, но на сей раз прихватила и Уну с Алеадой. Командующий желал с ними пообщаться, так как им был никто иной, как Каролайна.

— Ах, дорогая, я так рада тебя видеть! — сказала чародейка, без всяких церемоний заключая девушку в объятия.

Илиана, начинавшая отвыкать от таких сантиментов, была не прочь уделить несколько минут простому разговору о своем житье-бытье, искренне интересовавшим заведующую Ардо. Потом наступил черед Алеады и молодой ведьмы. С первой Каролайна пообщалась по части дел Гексенхаммера, а вторую расспросила о том, каково ей на новом поприще. Уна не скупилась на восторженные отзывы, считая, что вытащила свой счастливый билет. Жозефина, перекочевавшая вместе с другими ведьмами в Данерхейм, продолжала учить ее всяким премудростям, а колдовскую силу развивала Илиана. Находясь подле нее, Уна ощущала непрерывный приток энергии и с каждым днем ее возможности постепенно росли. Если бы некогда все ведьмы Ливьянских болот были такими же, как она, северянам прибавилось бы головной боли на порядок, а кронусы превратились в стихийное бедствие. Уна и не помышляла о возвращении к прежней жизни, но сетовала на недоверие и излишнюю придирчивость со стороны Алеады. С последним, впрочем, трудно было что-либо поделать, уж коль скоро сестра Гексенхаммера большую часть жизни гонялась за такими как Уна.

Покончив с личными разговорами, вся компания перешла к делу. Когда в шатер вошел командный состав восточного фронта, Илиана изложила свой план, утвержденный всеми высшими лицами Оборонительного союза. Каролайна слушала очень внимательно, мотая на ус каждое слово, но мало кто примечал что она следит не столько за ораторшей, сколько за лицами внимавших ей северян. Поскольку нападение на Коулбридж так и не состоялось ввиду кардинальных изменений в стратегии Красной саламандры, опытная чародейка, заведовавшая не только Ардо, но и управлявшая ближайшими силами союзников, оказалась во главе всех воинских частей в регионе. Они продолжали подходить отовсюду,

вливаясь в ее изрядно разросшуюся армию, постоянно испытывавшую южан на прочность. Ад-Сейдин, вероятно, давно проклял Коулбридж, застрявший у него как кость в горле. Он так и не успел избавиться от этого оплота чародеек, ставшего вдохновителем сопротивления на восточном рубеже. Теперь в этот городок прибывали дальние гарнизоны, формируясь в крупные соединения. Они, в свою очередь, направлялись прямиком в ударную армию, вплотную подступившую к вспомогательному фронту Красной саламандры. Каролайна, как и генерал Даус, избрала мобильную тактику, нанося удары по врагу и быстро отступая, пока тот не сконцентрировал силы, но делала это более успешно. Северянин постоянно перемещал полки вдоль линии блокады, то отходя от нее подальше, а то стремительно налетая в одночасье. Каролайна действовала хитрее. Обычно ей удавалось обмануть противника, внушив ему ложные представления о грядущей атаке, и он ожидал удара совсем не там, где тот происходил в действительности. Южане, откровенно не привыкшие к обороне, рыли окопы, ставили частоколы, строили фортификационные сооружения и даже возводили небольшие крепости, но им было очень непросто контролировать рубеж длиной около сотни миль. Изначально занятые и наспех обустроенные позиции они уже оставили, отойдя на второй эшелон, где инженерные команды подготовили сеть укреплений. За ним, уже совсем недалеко от Данерхейма, возводился третий, чтобы полки ад-Сейдина при случае имели возможность откатиться еще дальше, уменьшив линию фронта до предела и таким образом сконцентрировав силы. Каролайна постоянно трепала южан, изматывая их точно так же, как сами южане изматывали защитников осажденной крепости, но пока не могла пробить оборону ханских войск и выйти на правый фланг центральной армии ад-Сейдина. Следовало отдать должное: его полководцы отлично знали свое дело. Они расплачивались за осаду значительными потерями, но зато сама осада шла так, как и было запланировано, и могла продлиться еще недели три-четыре, за которые хан рассчитывал истощить стратегические возможности Данерхейма и сломить сопротивление союзников.

План Илианы в целом Каролайне понравился. Она, разумеется, обещала в точности исполнить все, что от нее требовалось. Ее лишь беспокоил связанный с этим риск.

— Дорогая, надеюсь, ты понимаешь, что успех всего замысла целиком и полностью зависит от тебя? Если ты не преуспеешь или, упаси небо, с тобой что-нибудь случится, поражение Оборонительного союза станет быстрым и неотвратимым, — сказала Каролайна, когда старшие офицеры удалились в свои подразделения гото-

вить солдат к грядущей атаке. — Люди следуют за тобой безоговорочно. Сейчас у них еще есть шанс справиться с врагом самостоятельно, однако поведя их в бой ты замкнешь все на себя до такой степени, что северян ждет катастрофический разгром, если они останутся без своей Рубистеллы.
— Я знаю, — кивнула Илиана. — Я не подведу.
— Тогда пусть будет так, — подытожила встречу чародейка. — Можешь на меня рассчитывать.
Девушка, тепло попрощавшись с похожей на сельскую вдовушку женщиной, от которой веяло мудростью и спокойствием, уже направилась к выходу из шатра, как та окликнула ее у самого порога.
— Они верят тебе, — с каким-то особым подтекстом произнесла Каролайна. — Если ты потерпишь неудачу, будет сокрушена не только физическая сила этих людей, но и их моральный дух. Если же преуспеешь, твоя власть над ними станет абсолютной. Не находишь, что это довольно неважный выбор?
Илиана, встретившись глазами с испытующим взором чародейки, немного помедлила, придерживая рукой откинутый полог. Затем молча вышла из шатра. Вместе с Каролайной там осталась одна Сирелина, с которой старшая сестра желала о чем-то переговорить. Отряду следовало лететь дальше, поэтому Сирелина попросила собеседницу быть краткой.
— О, я тебя долго не задержу, — успокоила ее Каролайна. — Я лишь хотела спросить продолжает ли к тебе прислушиваться твоя воспитанница.
— Д-да, — с легкой запинкой ответила Сирелина. — Ну, исключая всякие выходки вроде рейда в Мильм, когда она никому о своих замыслах не говорит.
— То есть, если я правильно понимаю, она избрала тактику непосвящения? Когда Илиана знает, что не добьется от тебя согласия, она просто заведомо молчит и поступает по-своему? — усмехнулась Каролайна.
— Просто она никогда не лжет! Это я ее так воспитала. Я и старый шейх, — блеснула глазами Сирелина.
— Но ты порозовела, дорогая, и порозовела отнюдь не от гнева, — слабо улыбнулась Каролайна. — А это и есть ответ на мой вопрос.
Смутившись, Сирелина поинтересовалась к чему вообще такой разговор.
— Присматривай за ней, дорогая, — мягко сказала старшая сестра. — Она все еще тебя слушает, так что не пренебрегай этим. Страшна не та буря, что перемешивает небо с землей и обращает день в ночь, а та, что не поддается никакому контролю.

Едва Сирелина присоединилась к дожидавшемуся ее отряду, как горгульи тут же рванули в небо и до утра приземлялись еще в нескольких местах, координируя союзников. Верховное командование, разумеется, могло известить всех и почтой, действовавшей быстро и безотказно, что собственно, и сделало, но Илиана предпочла облететь все ключевые точки лично. Отнюдь не просто так, а заранее проверяя возможности взвода горгулий прямо в деле. Кроме того, кое-кто из тех, кого посетила девушка, не умел читать.

* * *

Едва начало темнеть, как военачальнику ад-Сейдина, возглавлявшему западную армию, доложили о появлении северян. Дозорные имперцев, старавшиеся отслеживать все перемещения противника, доложили, что полки северян направляются прямиком к расположению его частей. Дозорным далеко не всегда удавалось вовремя обнаружить неприятеля, так как обычно тот обнаруживал и обезвреживал их, но на сей раз ошибка исключалась. Пройдя стремительным маршем три десятка миль, северяне, судя по поведению, собирались атаковать два армейских корпуса Красной саламандры, находившиеся под началом старшего военачальника. Кто бы ни внушил им эту идею, ему следовало выдать орден Железных земель. Напасть на самые отборные части, закрывавшие западный тракт, где концентрация воинов хана была наивысшей, а возглавлял их сам командующий фронтом — лучше и представить нельзя. Командующий, усмехнувшись, тут же приказал трубить общий сбор и отправить в соседние подразделения приказ выступать к центральному лагерю. Наконец-то можно будет сразиться с врагом крупными силами, не гоняясь за ним вдоль всей линии соприкосновения, и пока идет бой подтянуть резервы. Сегодня ночью полки северян наконец-то потерпят крупное поражение и надолго забудут как досаждать людям Великого хана. Вызвав к себе старших офицеров, командующий известил их о складывавшейся ситуации и велел готовиться к сражению. Северяне были уже на подходе и максимум через час их полки достигнут позиций Красной саламандры. Над лагерем бодро запели сигнальные трубы. Офицеры, выбегая из шатра военачальника, скакали в свои отряды — поднимать войска на долгожданное сражение.

Северяне ударили прямо с ходу. Выстроившись в боевой порядок, они без промедления ринулись в бой, атакуя широким клином. Лучники обеих сторон наскоро обстреляли вражеские шеренги, а затем те столкнулись в рукопашной. Над сочными травами большого луга, примыкавшего к холмистому перелеску с высокой

дозорной башней, зазвенели скрещенные мечи. Шатер командующего южан стоял на одном из холмов, чья вершина была лишена разросшихся вокруг деревьев. Он находился там с самого начала блокады Данерхейма и оттуда военачальник ад-Сейдина руководил вверенной ему армией. Отправив в ставку повелителя кронуса с донесением, командующий, вооружившись подзорной трубой, вышел из шатра и расположился под открытым небом — наблюдать за ходом начавшейся битвы. В сгустившейся темноте ярко пылали костры, озаряя позиции южан и подсвечивая луг, ставший центром сегодняшнего противостояния. Последний усеивали огни от факелов и зажигательных стрел, образовавших многочисленные очаги возгорания. Согласно устоявшейся традиции все сражения обычно проводились в светлое время суток. На кой ляд без прямого стратегического расчета вести бои в кромешном мраке, осложняя себе жизнь? Противник видит неважно — факт, но ведь и твои собственные солдаты ориентируются в пространстве ничуть не лучше! Зачем обеим сторонам жечь факелы и всеми доступными средствами освещать поле битвы, если можно обойтись вообще без этого, спокойно дождавшись утра? Впрочем, у северян, вероятно, имелись какие-то свои причины, иначе зачем они вообще полезли в самое пекло? Любопытно будет узнать какие. Когда их рассеянные полки побегут, воины хана возьмут достаточно пленников, чтобы узнать основания для такого опрометчивого набега. А ведь до сих пор южане считали генерала северян хорошим и опытным полководцем. Военачальник Ад-Сейдина усмехнулся, предвкушая грядущие лавры и благодарность самого повелителя. Никто не говорит что бой будет легким — вон как хорошо наступает противник, руководимый матерыми вояками. Только это ему не поможет. Слишком неравны силы, так что все тактические ухищрения северян и их несомненные боевые качества разобьются о хорошо организованные заслоны солдат Империи. И на сей раз контратака не заставит себя ждать, ибо соседние подразделения уже на подходе, стягиваясь к разгоравшейся схватке. Продолжая смотреть в подзорную трубу, ханский военачальник периодически отдавал команды, корректируя действия подчиненных. Освещавшие холм факелы частично притушили, чтобы полководец мог без помех наблюдать за разворачивавшимся действием. Шипение оставшихся, трепетавших в порывах легкого ночного ветерка, заглушалось доносившимся с поля боя шумом. Он же заглушил и другие звуки, появившиеся совсем с другой стороны. Внезапно откуда-то сверху раздался странный легкий гул, будто в воздухе затрепетали натянутые полотнища. Раздался совсем рядом, стремительно приближаясь. Командующий удивленно поднял

голову, соображая, что бы это могло быть, и даже не успел пошевелиться, как вокруг него на холм посыпались приземлявшиеся горгульи. В следующую секунду все окружающее пространство озарила ослепительная вспышка света, а затем погасли все факелы разом, погрузив холм во тьму до самого основания.

Натиск северян заслуживал уважения, поскольку они пошли в бой прямо с марша, не дав себе ни часу передышки. Они потеснили солдат Красной саламандры, заняв весь луг, и продолжали это делать, местами вплотную подобравшись к позициям противника. Их боевой пыл и умение сражаться делали им честь, но на одном энтузиазме все-таки победы не одержать. Воины хана уже останавливали их напор, а подходившие сзади полки сходу вклинивались в кипевшее сражение, постепенно склоняя чашу весов в пользу южан. С флангов северян начинали обступать соседние подразделения ад-Сейдина, приближавшиеся к центру противостояния. Еще немного, и полки Красной саламандры пойдут в контратаку. Легкая кавалерия, выстраивавшаяся для наступательного боя, готовилась вылететь на луг, чтобы стремительным наскоком ворваться в ряды неприятеля. Она зашла с фланга и теперь лишь ждала условного сигнала, как ждали его и готовые к схватке свежие армейские части, подошедшие к линии соприкосновения. Солдаты, стоически сдерживавшие напор северян, знали, что их товарищи вот-вот придут им на выручку, сомнут и опрокинут дерзкого, неистово наседавшего врага. До кардинального перелома в битве оставались считанные минуты. И вот, наконец, взыграли сигнальные трубы. Раздавшись с командного холма, они были автоматически подхвачены всеми горнистами, разнося приказ военачальника. Но что это за сигнал?! Солдаты ад-Сейдина вздрогнули. Горнисты, надрываясь во всю силу своих легких, трубили отступление! Всадники, уже собиравшиеся пустить коней вскачь, недоуменно переглядывались, натягивая поводья. Готовые вступить в бой свежие полки ошеломленно прислушивались к хорошо знакомым трелям, настойчиво звавших их назад. Ряды сражавшихся воинов хана дрогнули. Ничего не понимая, они пятились, соображая, отчего командующий отдал такой странный приказ. Вероятно, у него имелись на то веские основания. Возможно, он хочет заманить северян в ловушку, позволив им проникнуть вглубь позиций войск империи и там эту ловушку захлопнуть. Что ж, если так, тогда другое дело. Сигнал отчетливо повторялся. Повинуясь его зову, солдаты Красной саламандры отступали, стараясь сохранять боевой порядок. Северяне, тут же захватив утраченную инициативу, увеличили натиск, грозя прорвать линию обороны, поскольку помощь бившимся южанам не пришла. Ко-

мандиры воинских подразделений Красной саламандры слали на холм курьеров с запросом дальнейших инструкций. То, что приходило в ответ, заставляло их таращить глаза, читая короткие строки ошеломительного приказа. В бой не вступать ни при каких обстоятельствах! Немедленно отходить! А трубы продолжали сигналить отступление, и звуки горна разносились далеко по позициям ничего не понимающих воинов ад-Сейдина. Но в его армии царила жесткая дисциплина. Приказы командиров не обсуждаются. Военачальнику следует повиноваться беспрекословно. Один за другим полки Красной саламандры пятились, отходя вглубь от линии соприкосновения. На последней же дела у южан пошли совсем плохо. Оставшись без подкрепления, солдаты хана были уже не в состоянии сдерживать натиск противника и начинали обращаться в бегство. Прорвав оборонительный рубеж, северяне с громкими криками ринулись в самое сердце вражеских позиций, опрокидывая отступавшие части.

— Назад! Все назад! — гудели трубы, окончательно выбивая армейские корпуса ад-Сейдина из колеи.

Воины хана нервничали, откровенно перестав что-либо понимать, отчего действовали и соображали весьма неважно. Победа, сама шедшая им в руки, начинала смахивать на какой-то разгром. Может быть, сзади подходят корпуса из центра, чтобы быстрым ударом смять растянувшихся наступавших северян? Хорошо если так, потому что те полностью перехватили инициативу и теперь откровенно крушили разрозненные полки Красной саламандры.

— Сложить оружие! Полная капитуляция! — тяжело и уныло громыхнули вдруг сигнальные трубы.

Командиры ад-Сейдина потеряли дар речи. Полки, с тяжелыми потерями отступавшие под ударами северян, окончательно пали духом. Началось массовое бегство. Больше половины всех солдат, так и не принявших участие в сражении, совсем перестали что-либо понимать.

— Измена! Это измена! Нас предали! — все чаще раздавались отовсюду голоса ошеломленных воинов.

На холм командующего вновь полетела лавина курьеров. Офицеры требовали подтверждения немыслимому приказу, откровенно не зная как им следует поступить. Там уже никого не было. Сигнальные трубы, висевшие прямо в воздухе, трубили совершенно самостоятельно, продолжая вносить ошеломление в ряды воинов хана. Мощное облако дурмана, охватившее весь холм, сбивало с толку любого, кто попадал в его эпицентр. Прибывавшие курьеры тупо метались взад и вперед, не понимая что происходит. Военачальник и весь командный состав исчезли. Вместе с ними ушли и бли-

жайшие гвардейские части, сунувшиеся на холм когда там стало происходить нечто очень странное. Но ушли они недалеко. Громкий шум битвы, подобравшейся к самому холму, неожиданным эхом отозвался гораздо дальше, в глубине вконец растерявшихся полков ад-Сейдина. Только это было не эхо. Два гвардейских полка, объединившись в ударный кулак, с налету ударили по своим, безжалостно рубя товарищей. И без того смятенные южане окончательно утратили понимание происходящего. В рядах солдат ад-Сейдина началась откровенная паника. Гвардейцы, лучшие бойцы, охранявшие военачальника, со стальным блеском в глазах атаковали собственные части, сминая их яростным натиском. И в самом центре их рядов сияло, заходилось лучами алое свечение.

— Рубистелла! — взревели северяне.

Эхо их боевого клича разорвало ночь, прокатившись на многие мили. Они повторяли и повторяли его снова и снова, оглушая обращавшегося в бегство врага. Очаги красного света неожиданно стали зажигаться сразу во многих местах. Солдаты Красной саламандры не видели, что это горгульи бросали сверху зачарованные шашки, исторгавшие потоки алых лучей. Они слышали что кричат северяне, видели этот свет, о котором ходило столько слухов, наблюдали, как гвардейские полки атакуют своих, а те в свою очередь начинают присоединяться к ширившемуся безумию.

— Штельская ведьма! — зазвучало среди ужаснувшихся южан.

Громко и шепотом, эти слова волной пронеслись среди деморализованных воинов ад-Сейдина под рвущие душу сигналы о капитуляции. А северяне широкой волной громили бежавшего врага, на корню сломив его сопротивление. В рядах южан началась неконтролируемая паника. Утратив всякую способность к осмысленной обороне, они удирали прочь, преследуемые как северянами, так и со своими соратниками. Немногие полки осмеливались противостоять неприятелю, являясь островками в воцарившемся хаосе. И жестоко расплачивались за это своей кровью. Превосходящие силы северян — теперь уже многократно превосходящие — сминали их в какие-то минуты. Собственные боевые братья, столько раз бившиеся с ними плечом к плечу, теперь бросались на них как на заклятых врагов, с остервенением орудуя мечами без малейшей жалости. Легкая кавалерия, столь эффективная в быстрой атаке на открытом просторе, на пересеченной местности да шагом оказалась совершенно беззащитна перед лавиной противника. Потери южан становились поистине катастрофическими. Не успевшие отойти подальше от этого кошмара начали массово сдаваться, как и велели им надрывавшиеся сигнальные трубы. Сопротивлявшиеся части были уничтожены почти поголовно.

Шедшие на зов командующего свежие полки Красной саламандры изрядно опешили, заслышав доносившиеся до них звуки горнов. Они подходили с флангов, собираясь вступить в бой согласно поступившему приказу, и неожиданно наткнулись на убегавших товарищей. Убегавших не просто поодиночке, а целыми подразделениями. Судя по всему, на поле битвы творилось нечто невообразимое. Из обрывочных разговоров становилось ясно, что южане потерпели серьезное поражение, с каждой минутой превращавшееся в настоящую катастрофу. Отступавшие солдаты ад-Сейдина, встретившись со своими, немного приободрялись, вливаясь в незатронутый хаосом армейский корпус. Его старшие офицеры быстро соображали что им следует предпринять, когда с темного неба в самый центр полков приземлилось две дюжины здоровенных горгулий. И в следующую секунду яркий алый свет разорвал ночную тьму, затмив собой колеблющееся пламя факелов. Несколько сотен воинов, с лязгом выхватив мечи, тут же набросилось на своих совершенно не ожидавших нападения соседей. Это была настоящая резня. Кровь хлестала ручьями, заливая землю как после сильнейшего ливня. Целый армейский корпус быстро погружался в неконтролируемое безумие.

— Штельская ведьма! — в ужасе завопили едва начинавшие приходить в себя солдаты, бежавшие с поля битвы.

— Лучники, пли! Бить в центр наших позиций! Ориентир на красный свет! — кричали старшие офицеры, догадавшись что происходит.

Куда там… Взвившиеся стрелы массово разили своих — тех, что были не в силах преодолеть захватившую их чужую волю и тех, с кем они скрещивали клинки. Илиану надежно закрывали два стихийных купола, наведенных Алдаром и Ювионом. Послушницы раз за разом бросали круговую волну, отражавшую все летящие объекты, а чародейки и ведьма непрерывно накладывали защитные чары, надежно прикрывавшие небольшой отряд. А сверху этот отряд охраняли верные горгульи-воины, получавшие прямотаки несказанное удовольствие от эпичности схватки. На стрелы людей им было откровенно наплевать, поскольку те были просто не в состоянии пробить толстую шкуру этих колдовских существ. Закрывая Илиану и ее спутников телами и крыльями, горгульи раз за разом швыряли свои булавы, неизменно возвращавшиеся им в руки, чем вносили в ряды противника дополнительную неразбериху. Чем больше южане разили сами себя, тем большее их число тут же попадало в поле воздействия Илианы, охватывавшей солдат ад-Сейдина тисками своей непреодолимой воли. Четыре колдуна, попытавшиеся достать эпицентр заклинаниями и взрывающими-

ся шарами, были быстро уничтожены выстрелами Сирелины и Алеады. Их ударившие в ответ столбы света обожгли Манипуляторов не хуже разъяренного пламени. Ничуть не больше преуспели колдуны и у холма командующего, когда отряд Илианы захватил его подчистую, а девушка подчинила своей воле всех, кто имел неосторожность оказаться в радиусе ее влияния. Сообразив в чем тут может быть дело, Манипуляторы пытались подобраться к холму и их уничтожало гвардейское оцепление. Илиана, не будь дурой, сохранила вокруг командной высоты боевой порядок, поэтому подкрадывавшиеся колдуны даже не догадывались что их ждет, в то время как девушка отчетливо улавливала сущность направлявшихся к ней людей. Когда вспышка ослепила всех находившихся рядом южан, Илиана быстро взяла их под контроль и продолжала это делать со всеми кто приближался, намереваясь выяснить что произошло. Всего за несколько минут все окружение командующего западным фронтом Красной саламандры и ближайшие гвардейские подразделения очутились в полной ее власти. Илиана тут же вернула их в прежнее построение и весь отряд Рубистеллы начал заранее спланированный спектакль, являвшийся самой масштабной диверсией за последние тысячелетия. Прибывавшие на холм курьеры, посланные после сигнала к отступлению, действительно общались с командующим, из-за наведенного дурмана не замечая укрывшихся рядом чужаков. Его приказы не вызывали никаких сомнений и курьеры возвращали командирам письменное распоряжение оставить позиции и отступать, любой ценой избегая столкновения. Потом все стало гораздо проще. Зачаровав сигнальные трубы с помощью заклинательниц, Илиана увела гвардейские полки вместе с командующим и его свитой, и атаковала растерянных, пятившихся южан, усиливая и без того царившую среди них неразбериху. Северяне, прорвав оборону, массово обращали врага в бегство, а их Рубистелла кидала подразделения Красной саламандры друг на друга, непрерывно увеличивая число подвластных ее воле людей. Затем, когда солдаты хана полностью утратили возможность к мало-мальски серьезному сопротивлению, а северяне подошли вплотную к ее отряду, Илиана заставила всех воинов сломать свое оружие. Сама же, подхваченная горгульями вместе со своими спутниками, унеслась в темное небо, но лишь для того, чтобы ворваться в самый центр подходившего армейского корпуса врага. И теперь этот корпус яростно уничтожал сам себя, озаряемый лучами алого света. Долго это не продлилось. Не ожидавшие коварной атаки солдаты валились как снопы, усеивая землю ранеными и убитыми. Даже чародейки, уже попривыкшие к тактике Илианы, оказались потрясены про-

исходящим. Было заметно, что ее возможности серьезно выросли, а число охваченных волей людей стало намного больше. В какие-то кратчайшие сроки целый армейский корпус был разгромлен в пух и прах, а оставшиеся стали хвататься за грудь, где останавливалось сердце, и падать бездыханными.

Второй соседний корпус, приближавшийся с юга, постигла та же участь. Не теряя времени на разрозненные соединения, отходившие и убегавшие кто куда, Илиана с налету бросалась на самые крупные силы врага, предоставляя громить остальных вошедшим в раж северянам. Свалившись с ночного неба в центр рядов Красной саламандры, Алая звезда погружала их в настоящий кошмар, стремительно охватывавший все армейское подразделение. Чародейки время от времени выстреливали в небо разноцветные огни, видимые издалека. Ориентируясь на них, генерал Даус координировал действия своих людей, наносивших Красной саламандре какой-то фантастический урон. Северяне уже прекрасно управлялись и без Рубистеллы, чье имя продолжало греметь повторявшимся боевым кличем. Их воодушевление достигло апогея. Кровь кипела в жилах, а оружие непрестанно обрушивалось на бегущего врага, павшего духом дальше некуда и массово сдававшегося в плен. Когда сигнальные огни возвестили о том, что Рубистелла улетела, в западном фронте южан зияла огромная брешь. Четыре их армейских корпуса перестали существовать, а оставшиеся, растянутые на значительной территории, были не в состоянии воспрепятствовать прорвавшим оборону северянам. Оставив генерала Дауса развивать оглушительный успех, Илиана и ее спутники стремглав унеслись в направлении восточного фронта.

Войска Каролайны действовали иначе. Разделив доступные ей силы пополам, чародейка атаковала позиции Красной саламандры сразу в двух местах, навязывая затяжные бои. Подобная стратегия основывалась на разнице, имевшей место в сравнении с западным фронтом. Здешний военачальник ад-Сейдина не торчал безвылазно на месте, а постоянно перемещался, лично инспектируя полки и организуя оборону. Последней это шло только на пользу, тем более что ее структура основывалась на ряде возведенных укреплений. В отличие от восточного фронта, западный проходил по сильно пересеченной местности, изобилующей оврагами, речушками и болотами. Это создавало известные сложности в контролировании длинного рубежа, но точно такие же затруднения испытывали и северяне. К примеру, топкое болото, раскинувшееся на добрый десяток миль, не позволяло пересечь его мало-мальски крупному отряду, а дремучий бурелом являлся естественной бар-

рикадой. Командующий южан поступил следующим довольно логичным образом. В ключевых местах он построил крепости, в дополнение к захваченным фортам северян, а там, где это по ряду причин было нецелесообразно комбинировал естественные препятствия на местности с рвами, частоколами и прочими заградительными укреплениями. Таким нехитрым образом он запер все основные пути, где противник мог пройти быстрым маршем, а остальные области удерживал мобильными отрядами. В случае необходимости им на помощь тут же выдвигались гарнизоны ближайших крепостей. Труднодоступные участки при этом оставались практически незатронутыми, так как и сами северяне не желали завязнуть в топях или продираться сквозь непролазные дебри. Последнее только казалось хорошей идеей. В этих дебрях можно было основательно застрять, если враг подтянет к лесу значительные силы и будет преспокойно дожидаться пока измученные северяне высунут оттуда нос. Судоходная Луана, проходившая через Коулбридж, охранялась особенно тщательно. Ханские солдаты заняли форт, стоявший на излучине наподобие Ардо, и перекрыли реку, наведя на нее боевые машины. Для этого ад-Сейдин даже пожертвовал запасами Липкого огня, сконцентрированными у Данерхейма. Северяне потеряли три ладьи, сожженные дотла, и больше не пытались пробить блокаду по воде. Имперцы хорошо укрепили форт. Более того, они очень быстро выстроили новый, расположенный в десяти милях от первого и не позволявший обойти его с тыла. Сеть рвов и частоколов окончательно заперла пространство между крепостями. Северяне уже не могли миновать его с наскока, не напоровшись на действенную оборону. Крепости тут же реагировали, и все попытки отбить господствующие укрепления неизменно терпели неудачу. Именно поэтому Каролайна, оставив в покое неприступный участок, наносила удары в других местах, трепля неприятеля и мотая ему нервы. Другие форты также уверенно отбивали все атаки, но концентрация южан там была меньше, а линия обороны более растянута и не так эффективна. Каждый раз складывалась почти одинаковая картина. Если северяне осаждали какую-либо крепость, та посылала сигнал соседям, и к зоне сражения стекались ближайшие полки Ад-Сейдина. Если же войска Оборонительного союза пытались проскочить меж фортов, то их гарнизоны тут же выступали, атакуя северян с двух сторон и, опять-таки, поджидали спешившее подкрепление. Каролайна умело вводила врага в заблуждение касательно направления грядущей вылазки, что позволяло ей использовать эффект неожиданности и тем самым наносить противнику больший ущерб. Тем не менее, ее войска каждый раз бы-

ли вынуждены отходить, даже если пробивали линию обороны Красной Саламандры на каком-либо участке. Подходившие армейские корпуса хана грозили ударить им в тыл или взять в клещи, чего допускать было никак нельзя. Именно поэтому Каролайна, в очередной раз потрепав врага, командовала отступление и уходила прежде, чем южане успевали стянуть превосходящие силы. Для того, чтобы реально изменить ситуацию и создать надежный плацдарм для прорыва блокады требовалось захватить одну из ключевых крепостей, а этого солдаты хана по вполне понятным причинам не давали. Каролайна неоднократно проверяла защиту стен на прочность, но каждый раз просто не успевала овладеть опорным пунктом до прибытия крупных вражеских соединений. Так противники и играли в догонялки, обмениваясь чувствительными тычками, пока в одну темную сентябрьскую ночь северяне неожиданно не явились к фортам подле Луаны, собрав все свои войска. На сей раз они даже особо не таились, поэтому командующий узнал о перемещении противника загодя. Вероятно, северяне решили попытать счастья в крупном сражении, рассчитывая овладеть жизненно важными стратегическими объектами. Что ж, пусть рассчитывают. Прямое столкновение армии Красной саламандры будет только на руку. Крепости достаточно укреплены чтобы сдержать натиск неприятеля до тех пор, пока не подойдут соседние армейские корпуса и не ударят с флангов. Тогда, очутившись в котле меж двух фортов и их подоспевшего прикрытия, северяне наконец-то ощутят на себе всю мощь воинов ад-Сейдина, давно поджидающих хорошей битвы. Чтобы не спугнуть расхрабрившегося противника, командующий хана даже позволил тому беспрепятственно выйти на рубеж перед фортами, давая возможность хорошенько втянуться в бой. Он уже скоординировал своих людей и запросил подмогу. Та вовсю поднималась по течению Луаны на десантных ладьях, как делала всякий раз, когда северяне пытались угрожать прибрежной крепости. Еще немного — и они наконец-то попадут в капкан, откуда если и выберутся, то с огромными потерями. Когда начался штурм, военачальник ад-Сейдина удовлетворенно сверился с картой. Если верить выставленным на ней значкам, не позднее чем через час противник горько пожалеет о том, что столь самонадеянно сунулся прямо волку в пасть.

Каролайна, лично принимавшая участие в сражении, с растущей тревогой поглядывала в ночное небо. Ее войска одновременно атаковали оба форта. Первый, у реки, чтобы овладеть этим важным опорным пунктом, а второй для недопущения помощи первому. Ханский военачальник нашел такую тактику не слишком

удачной. Разделив силы, северяне ослабили ударный кулак. Да, крепости южан теперь тоже были каждая сама за себя, но им, в отличие от противника, шло подкрепление, и подкрепление немалое. Штурмуя форты по отдельности, северяне уменьшали собственный натиск, затрачивая больше времени для достижения успеха. Что ж, пусть поступают как хотят. Итог-то в любом случае будет один. Командующий Красной саламандры посмотрел на часы. Еще немного, и ловушка захлопнется. Помощь уже на подходе, и северяне просто не успеют захватить ни одну крепость. Понимала это и Каролайна. Действуя строго по плану, она все ждала условного сигнала, а тот все никак не поступал. Ее люди, самоотверженно жертвуя собой, стянули к себе значительные силы врага, и те с каждой минутой становились все ближе. Чародейка знала, что несмотря на достигнутый успех полки северян не смогут полноценно взять хотя бы один форт. Даже если они ворвутся внутрь, то в итоге сами окажутся в окружении. Тем не менее, Каролайна продолжала руководить атакой. Крепость у реки, некогда возведенная самими северянами, представляла собой действительно мощное укрепление и уверенно держалась, обстреливая нападавших чувствительным огнем. Второй форт, наскоро построенный южанами, значительно уступал в оборонительных качествах, поэтому северяне все же сумели сломать ворота и перейти в рукопашную. Командующий ханской армией отдал им должное, мысленно похвалив боевые качества неприятеля. Тем не менее, падение второго форта ничего не решало. Его гарнизон продолжал стоически сопротивляться, когда ввиду позиций северян показались два армейских корпуса Красной саламандры. Каролайна, получив донесение разведки, приказала отступать в направлении речной крепости. Оставив уцелевших южан в покое, полки Освободительного союза быстро отошли, напоследок запалив почти захваченное сооружение. Пожар был не то чтобы очень сильным, но на какое-то время он заставит ханских солдат забыть о сражении и заняться борьбой с пламенем. Тех, во всяком случае, что находились в форте и вокруг него. Приближавшегося подкрепления это, разумеется, это не касалось. Оно уверенно двигалось в направлении северян, намереваясь кардинально изменить ход битвы. И у него для этого имелись все шансы, если вдруг не случится какого-либо чуда. На это чудо, собственно, и рассчитывала Каролайна, снедаемая быстро растущей тревогой. Условного сигнала все не было и не было, а вот уже на тусклой речной ленте показались огни приближавшихся десантных судов. Если прямо сейчас она не скомандует общее отступление, полки северян попадут в западню и будут уничтожены. Чародейка мучилась тяжелым выбором. До

сих пор она точно следовала полученным инструкциям, но назначенный час давно наступил, а никаких изменений в ходе сражения Каролайна не наблюдала. Еще немного — и вверенных ей людей постигнет катастрофа, которую она все еще имеет возможность предотвратить. Чародейка взглянула на лица старших офицеров. Те хранили суровое спокойствие. Их вера в Рубистеллу была какой-то несокрушимой. Каролайна даже заподозрила, что они просто откажутся ей повиноваться, если отдать им приказ нарушающий план Илианы. Словно угадав ее мысли, невысокий сухощавый полковник, проследив за взглядом чародейки, заметил приближавшиеся корабли, но не выказал ни малейшей тревоги.

— Она придет, — сказал он твердо. — Она всегда приходит.

И словно в подтверждение его слов на вершинах всех восьми башен форта полыхнули разноцветные вспышки. Две из них озарились снопами белого света, на секунду загоревшегося ярче любого маяка. Три другие окрасились синим, испещренным тонкими прожилками молний. Еще одну обдало красным, а языки пламени лизнули башенные зубцы. Холод ее соседки было не так отчетливо видно, но осколки льда от сотни острых сосулек со звоном посыпались вниз. Восьмую башню окутало облако тьмы, скрывшее огни горевших там факелов, и в этом облаке что-то дважды зловеще сверкнуло. Вся эта иллюминация объявилась практически одновременно, после чего на вершинах башен все стало по-прежнему. Во всяком случае, на первый взгляд. Флагманская ладья поравнялась с фортом и стала подниматься выше. Пять сотен человек, сгрудившихся на ее палубе, готовились ринуться в бой. Ладья направлялась к берегу, намереваясь высадить десант позади позиций северян. За ней шли еще девять, суммарно неся целый армейский корпус. До берега оставалась какая-нибудь сотня ярдов, когда точный выстрел с башенной баллисты зажег на палубе головного десантного корабля страшный пожар. Липкий огонь, вырвавшись из расколовшейся сферы, испепелил на месте более сотни солдат и в считанные секунды превратил посудину в свирепо пылающий костер.

Илиану задержали кронусы. Ее отряд направлялся на восточный фронт в условленное время, когда горгульи известили людей о появлении крупной стаи нечисти. Та, вероятно, следовала к Данерхейму, либо же патрулировала окрестности с какой-либо недоброй целью. Завидев летевшую в небе группу, кронусы перестроились и стали быстро подниматься, догоняя обнаруженную цель. Будь в группе только горгульи в количестве двух дюжин, кронусы вряд ли стали бы нападать. С помощницами чародеек нечисть справлялась плохо, предпочитая избегать прямого столк-

новения. Ныне ситуация была иная. Кронусы среагировали на людей. В отличие от горгулий, те были очень даже уязвимы, особенно теперь, находясь в непривычной для себя среде. По сообразительности кронусы серьезно отставали от своих крылатых соперниц, обладавших весьма развитым умом, и действовали как опасные хищники, повинуясь управляющим командам и стадному инстинкту. Будь нечисть поумнее, она бы, вероятно, сообразила, что несомые горгульями люди вряд ли простые смертные. Кронусы увидели добычу и вознамерились до нее добраться. Зайдя по дуге на цель, они выстроились широким фронтом и ринулись в атаку. Горгульи уступали им в скорости. Кроме того, груженые своей ношей, они медлили еще больше, а также лишались маневренности. Все это давало кронусам значительное преимущество. Сирелина и Алеада опасались использовать чары света на полную катушку. Яростные вспышки в небе будет видно издалека, а группу лучше не демаскировать ни при каких обстоятельствах. Кронусов встретили довольно слабые выстрелы, способные сойти за обычную зарницу. Чародейки рассчитывали отпугнуть тварей, поэтому несколько поторопились, направив им навстречу лучи из посохов. Нечисть, к сожалению, предупреждению не вняла, зато тут же рассредоточилась, окружая летевший отряд эдаким плотным облаком. Сестры Гексенхаммера могли поразить их сферообразными волнами света, исторгнув их разом во все стороны, но побоялись ослепить горгулий. Для последних, хорошо видевших в темноте, оказаться в эпицентре сияния было бы сродни кошке, высматривавшей мышь в темном подполе и неожиданно получившей в глаза луч солнечного света. Заклинательницы, лишенные возможности накрыть атакующих заклинаниями массового поражения, встретили их одиночными выстрелами, наносившими тварям существенный, но все же не разгромный урон. Уна сшибала кронусов развеивающими заклятьями. В прах они не обращались, зато создавшая их колдовская сила слабела, и твари, кувыркаясь, сыпались вниз, не в состоянии продолжать погоню. Алдар поджег сразу десяток сунувшихся к нему нападавших, а Ювион успешно лишал наседавшую гнусь подвижности, вызывая оледенение крыльев вплоть до полной невозможности летать. В ход шло и новое ультразвуковое оружие чародеек, напрочь выводившее ближайших врагов из строя. Вот только попасть из него в поднявшейся кутерьме было не так уж просто, и выстрелы по большей части шли наугад, в мельтешащую массу. Кронусы, тем не менее, не унимались. Неся потери, они лезли к людям как оглашенные, хотя горгульи непрерывно разили их своими булавами. Защита, наложенная чародейками, работала, поэтому нечисть натыкалась

на световые щиты, обжигавшие их весьма болезненно. Каждый раз когда какая-нибудь тварь подбиралась вплотную к человеку, вокруг того вспыхивал легкий светящийся купол, от которого чудища шарахались как от чумы. Некоторое время такие вспышки следовали одна за другой, создавая в небе эдакую хаотичную иллюминацию, пока кронусы упорно атаковали десятерых людей. Чародейки уже рассчитывали управиться с некстати объявившейся стаей, как вдруг произошло нечто неожиданное. Веревки, на которых были подвешены кресла, обладали повышенной прочностью, скрепленные колдовством и расписанные руническими знаками. Кронусы каким-то образом умудрились перекусить сразу несколько, в результате чего сиденья Флеи, Ювиона и Бэйла лишились части поддерживающих тросов и опрокинулись на бок. Люди удержались исключительно благодаря ремням безопасности, надежно удержавшим их от падения. Впрочем, до этого падения оставалось совсем немного, если твари порвут и оставшиеся крепления. Пострадала даже люлька Илианы, хоть и в меньшей степени, потому что порождения тьмы старались держаться от нее подальше. Не успела Сирелина отдать приказ, как сиденье Флеи оторвалось и послушница полетела вниз. Несшие ее горгульи реагировали мгновенно. Сложив крылья, они сделали вираж и подхватили падавшую девушку, догнав ее в воздухе. А следом уже сорвался Бэйл, и его так же перехватили крылатые помощницы, почти полностью утратив возможность маневрировать. Повинуясь команде чародеек, вся группа тут же перешла практически в вертикальное снижение, пикируя к земле с ужасающей скоростью и продолжая на ходу отстреливаться от кронусов. Даже Уна, которая испытывала буйный восторг от полета, пережила непростую минуту, пока продолжалось это стремительное падение, остановленное горгульями лишь у самой земли. Тормозя, отчего люди ощущали значительные перегрузки, горгульи садились на прогалине среди дремучей чащи и уж тут чародейки наконец-то дали себе волю. Кронусы, в азарте погони и не подумавшие убраться восвояси, получили по полной. Столбы испепеляющего света враз отбили у них охоту нападать. Во всяком случае, у уцелевших. Разом потеряв около трети всей стаи, нечисть прыснула кто куда, спасаясь от доселе сдерживаемой мощи сестер Гексенхаммера. Убедившись, что кронусов и след простыл, чародейки занялись починкой пострадавших кресел. Ответ, каким образом крылатой напасти удалось перекусить зачарованные веревки, пришел сам собой, когда на глаза Уне попалась ползавшая неподалеку тварь, сбитая ультразвуком. Придавив кронуса посохом, молодая ведьма изучила особь и пришла к выводу, что ее зубы имеют какие-то накладки, сродни ко-

ронкам у людей. Нечто похожее наблюдалось и на когтях. Быстрый анализ, проведенный Алеадой, обнаружил наличие демонического воздействия. Манипуляторы все-таки изыскали возможность усилить крылатых чудовищ, снарядив их заколдованным металлом. Не настолько серьезно как сквардов, но все же достаточно, чтобы повысить их боеспособность. Этими накладками твари и перерезали колдовские веревки, обязанные выдерживать все обычные посягательства.

На ремонт ушло около получаса. Веревки чародейки срастили быстро, очистив концы от налета скверны, но с амортизационной конструкцией пришлось повозиться. С учетом всех перипетий столкновения в воздухе, задержка составила почти час, в результате чего войска Каролайны оказались в критическом положении, едва не угодив в самими же расставленную западню. Илиана вся извелась, поглядывая на свои солнечные часы. Опоздание грозило катастрофическими последствиями, и девушка испытала невероятное облегчение, осознав, что все же успела, хоть и практически в самый последний момент.

Захватить все восемь башен форта разом у Илианы не было никакой возможности. Исходя из данного обстоятельства, она настояла на раздельной атаке. Заклинатели распределили между собой башни по одной, в то время как сама Илиана, начав с ближайшей к проплывавшим мимо кораблям, последовательно облетела остальные вместе с волновавшейся за нее Сирелиной. У наставницы имелось предостаточно оснований трепетать за свою бесценную воспитанницу. Разделенный отряд уже не мог обеспечить ей надлежащую защиту, а перелет между башнями на низкой высоте был чреват любыми неожиданностями. Воины хана, конечно, поглощены отражением атаки противника, но все же не настолько, чтобы никто из них не заметил порхавших наверху здоровенных горгулий, особенно бойцы на стенах. Взяв под контроль вершину первой башни, Илиана указала наводчикам где в действительности находится их враг и велела топить его подчистую. Лучники, доселе стрелявшие в северян, обнажили мечи и закрыли тяжелый люк на лестницу, отгородившись таким образом от товарищей. Илиана, не теряя времени, тут же ухватилась за горгулий и вместе с наставницей перенеслась на соседнюю башню, захваченную Алеадой. Чародейка успешно обезвредила находившихся там солдат, и девушке перво-наперво пришлось приводить их чувство. На это у нее ушло какое-то время, зато обработанные враги поверили, что ладьи на реке — это десантные боты северян, и принялись топить их с величайшим усердием. С остальными башнями, за исключением той, где хозяйничала Уна,

было сложнее. Послушницы и заклинатели стихий старались избегать жертв, повергая южан в беспамятство, но в отличие от чародеек применяли другие средства. Разряды электричества действительно оглушили часть солдат, но часть и убили на месте. Алдар же с Ювионом практически перебили всех врагов, а от уцелевших было крайне мало пользы. Илиана, впрочем, предвидела такой поворот событий, поэтому поручила им те башни, какие достаточно просто вывести из строя. Лучше всех справилась Уна. Будучи ведьмой, она основательно задурманила головы защитникам форта, и Илиана явилась на все готовое. Пришедшие в себя воины, получив новые инструкции, рьяно принялись за дело, поворачивая вверенное им боевое орудие. На вершины первых башен уже вовсю ломились солдаты ад-Сейдина, ломая заблокированные люки. С их точки зрения, там явно происходило нечто совсем неладное, поскольку наводчики перестали обстреливать северян и принялись топить своих, превращая корабли в гигантские костры один за другим. Перелетавших с башни на башню горгулий и их ношу начали атаковать со стены. Когда Илиана приземлялась к поджидавшей ее Уне, ей вслед неслась целая туча стрел, а по лестницам топотали ноги бегущих наверх солдат. Если бы не заслон горгулий, закрывавших людей крыльями, последним пришлось бы плохо. Несколько стальных жал вскользь задели Илиану и ее наставницу, но девушка быстро залечила раны. Половина кораблей уже пылала, стремительно обращаясь в идущие на дно головешки. Львиная доля их экипажей сгорела заживо или получила такие ожоги, что полностью утратила боеспособность. Наблюдая судьбу соседей, все еще уцелевшие корабли разворачивались, пытаясь уйти подальше от взбесившихся стрелков. Те же исправно продолжали поливать ладьи Липким огнем, запасы которого были заботливо сложены возле орудий. Их приберегли на решающий момент сражения, когда северяне окажутся в западне, и теперь те кто это сделал, вероятно, горько сожалели о своем решении. Каролайна же была просто счастлива. Ее войска пострадали довольно незначительно всего от нескольких пробных снарядов, пущенных скорее для острастки. Наблюдая как пылают охваченные лютым пожаром ладьи врага, она мысленно переводила дух и теперь уже без всяких сомнений отдавала приказы, перегруппируя воинов. А с еще целых ладей, не дожидаясь грядущей участи, люди прыгали в воду. Прыгали и тонули под весом доспехов и вооружения. Их печальный опыт заставил товарищей скидывать с себя все тяжести и бросаться в волны налегке, что, впрочем, ничуть не помогало тем, кто не умел плавать. Однако между страхом утонуть и испепеляющими объятиями Липкого огня попавшие в ловушку экипажи обычно

выбирали первое. Армейские корпуса ад-Сейдина еще не знали какая беда постигла речную крепость и собирались атаковать как раз в тот момент, когда первая баллиста всадила в их ряды большую сферу с адской смесью. Следом за ней еще две плюнули жутким огнем, тут же учинившим над своими жертвами страшную расправу. Из крепости наконец-то полились сигналы тревоги.

— Враг внутри! — возвещали они, давая понять находившимся снаружи соратникам о происходящем.

Но горнисты были не способны передать всю глубину поглощавшей форт катастрофы. Полторы дюжины горгулий двумя звеньями ринулись на стены, сшибая с них защитников как кегли. Манипуляторы, все-таки присутствовавшие в крепости, хоть и малым числом, пытались им помешать, но точные выстрелы чародеек быстро обезвредили разрозненных демонологов. С последней башни Илиана вместе с Уной и Сирелиной любезно открыла заблокированный люк, предоставив возможность ломившимся туда солдатам послужить ее верными слугами. Обратив всех ближайших защитников, девушка тут же бросила их на товарищей, а сама, под прикрытием чародейки и ведьмы, стала спускаться по лестнице, стремительно усеиваемой телами убитых и раненых. Кровь с журчанием заструилась вниз по ступенькам и к той минуте как Илиана ступила во двор стекала по ней бурными ручьями. Враги, как обычно, истребляли сами себя, но когда девушка очутилась под открытым небом, этот процесс тут же обрел совершенно иные масштабы. Все, до кого доставали светившиеся алым глаза Илианы немедленно попадали в тиски ее непреодолимой воли и становились послушными марионетками. Два уцелевших колдуна, схоронившихся в арсенале, попытались достать Рубистеллу заклинаниями, но безуспешно. Илиана убила их на месте, превратив в кровавые лохмотья. Вообще в ее действиях резко прибавилось жестокости. Все чаще она сражала врагов своей неотразимой хваткой, способной не только останавливать сердца, но и вытворять с телами нечто совершенно жуткое. Людей швыряло со стен, ломало пополам, заставляло их мышцы напрягаться столь чудовищно, что трещали кости и рвались сухожилия. К колдовству и заклинаниям это не имело ни малейшего отношения. Илиана оперировала собственными возможностями живых существ, просто в обычном состоянии они были не способны проделать такое с собой самостоятельно. Жертв ее воздействия толкали не чары, а судорога собственных мускулов, сокращавшихся настолько сильно, что удар крушил тела и убивал в мгновение ока. Илиана взывала к любой крови, бежавшей в жилах, и та подчинялась ей беспрекословно. Из всех ныне живущих только Дегонис знал, что именно

это и присуще той, кого некогда называли Принцессой Крови, и то знал лишь потому, что ему об этом рассказало древнее, не имевшее возраста существо.

Речной форт пал. Горгульи, пребывавшие от битвы в состоянии эйфории, учинили на его стенах невиданную бойню. Оружие людей, вполне эффективное даже против лучших заклинателей, весьма посредственно доставало этих колдовских существ. Самая могущественная чародейка могла быть сражена мечом солдата, но горгульи не обращали на клинки и копья особого внимания. Страх смерти был им не присущ, а боевой раж напрочь застил им глаза желанием крушить врага. Южане просто не успевали нанести им достаточно серьезные ранения, а все остальные позже исцеляли чародейки. Разумеется, нападай горгульи на форт в одиночку, совместными усилиями его защитники перебили бы их всех, но в нынешних обстоятельствах у солдат Красной саламандры хватало и других забот. Их атаковали просто отовсюду. Северяне лезли снаружи, горгульи бесчинствовали на стенах, с башен стреляли колдовством, а во дворе, куда вышла Илиана, и вовсе творилось нечто невообразимое. И вот уже добрая треть гарнизона вступила в жестокую схватку со своими товарищами, а ворота, доселе уверенно выдерживавшие натиск осаждающих, распахнулись, впуская толпы северян. Их боевой клич гремел повсюду, разносясь на многие мили окрест. Прокатываясь над рекой, он гудел в ушах барахтавшихся в воде людей, в ужасе наблюдавших как пылают их корабли и тонут соратники. Наполнив весь форт, он громогласно пронесся над полками, вступившими в сражение с новыми армейскими корпусами ад-Сейдина. Те, рассчитывая замкнуть кольцо окружения, сами вдруг неожиданно попали в мясорубку, усилившуюся обстрелом из собственного форта. Липкий огонь, вздымаясь среди полков Красной саламандры, вносил в их боевые порядки полнейший хаос. От нестерпимого жара даже самые дисциплинированные воины бросались кто куда. Те, кто в долю секунды не обращался в пепел, с истошными воплями метались живыми факелами.

— Рубистелла! — ревели северяне, вновь и вновь подхватывая боевой клич, родившийся под стенами Хельбурга.

Они верили в Алую звезду, способную сокрушать врага одним велением своей воли, и готовы были идти за ней хоть на край света, хоть на верную смерть. Каролайну охватывал внутренний трепет, когда она слышала этот могучий рев, вырывавшийся из многих тысяч глоток, видела блеск в глазах и граничащее с фанатизмом воодушевление. Еще до того, как Илиана покинула захваченный форт, северяне ударили по врагу с таким ошеломительным натис-

ком, что за минуту смяли его передние полки, проехавшись по ним словно катком. Две последние ладьи как раз догорали, когда весь отряд Рубистеллы снова взмыл в ночное небо, где на горизонте уже показалась светлая полоска катившегося с востока рассвета. Само собой, Илиана улетела недалеко. Горгульи тяжело бухнулись прямо в центре образовавшегося фронта, где кипела жаркая схватка. Пятившиеся имперцы только-только сумели притормозить продвижение неприятеля и сомкнуть дрогнувшие было ряды. Все-таки два свежих армейских корпуса, плюс все кто уже участвовал в сражении — отнюдь не мелочь. Ослепительное алое сияние тут же нарушило установившийся было баланс. Оно шло сразу из многих мест, поскольку горгульи снова разбросали колдовские шашки, но именно в центре схватки для солдат ад-Сейдина тут же начался подлинный кошмар. Отборные полки рубились друг с другом, образуя стремительно растущую брешь, и в эту брешь с громогласными криками врывались объятые запредельным воодушевлением северяне.

— Рубистелла! — гремел и гремел боевой клич, деморализуя наблюдавших алые лучи южан.

Как и на западном фронте, в их сознании тут же всколыхнулись все разговоры о Штельской ведьме, стремительно реализовавшиеся во плоти. Солдаты хана дрогнули. Мощный клин северян, возглавляемый ярким сиянием, пробивал их шеренги насквозь, рассеивая боевые порядки и обращая в бегство. Развив успех в центре, Илиана, подхваченная горгульями, вместе со спутниками снова взлетела в начинавшее светлеть небо, но только для того, чтобы приземлиться в тылу полков ад-Сейдина и учинить там очередной разгром. Форт не обладал значительными запасами Липкого огня, поэтому оттуда уже не вели убийственный обстрел неприятеля. Впрочем, в этом и не было особой необходимости. Сражение отдалилось за границу досягаемости башенных орудий, а все ладьи ушли на дно обугленными головешками. Рассредоточившись по берегу, северяне вылавливали уцелевших солдат Красной саламандры, даже и не помышлявших о сопротивлении. От пятитысячного армейского десанта осталось в живых меньше восьми сотен. Последние сферы Липкого огня горгульи обрушили на тот корпус хана, что подошел с другого берега Луаны. Его командир, рассчитывавший присоединиться к избиению северян, был просто потрясен, наблюдая катастрофическое поражение войск повелителя. Очаги раскаленного огня, взметнувшиеся к небу прямо среди его людей, окончательно убедили военачальника в бесполезности бессмысленной жертвы. Он отдал приказ отступать, и солдаты поспешно скрылись в лесу, избежав массовой бойни.

Командующий южан попал под раздачу последним. Он находился в окрестностях второго форта, где имперцы уже потушили пожар и приводили укрепления в порядок. Из своего лагеря он руководил ходом сражения, принимая и отправляя курьеров. Последние донесения повергли его в ступор. Речная крепость утопила десантные суда, а затем пала; северяне громят полки Красной саламандры; солдаты повелителя бегут. Шум сражения действительно становился все ближе и ближе, вновь подступая к второй крепости. Ту еще не успели восстановить, так как было некогда да и незачем. Никому и в голову не пришло, что спустя всего пару часов придется вновь выдерживать натиск противника, причем на сей раз натиск просто разгромный. Илиана не сразу нашла командующего. Горгульи уже не парили высоко в небе, с каждой минутой все более светлевшем, а держались низко над лесом. Расстроив крупные соединения Красной саламандры, девушка предоставила северянам разносить их в пух и прах, а сама занялась поисками ханского военачальника. Обнаружив спешившего курьера, Илиана сковала его своей волей и допросила. Второй всадник подтвердил показания первого, и девушка точно узнала местонахождение вражеского полководца. Обогнув второй форт, где южане в спешке готовились к обороне, летучий отряд вихрем пронесся над перелеском и опустился на краю большой поляны, усеянной шатрами. Завидев спикировавших горгулий, ближайшие лучники даже успели поднять оружие, но так и застыли словно изваяния. Затем опустили луки и стали выстраиваться в шеренги. Илиана и ее спутники пошли прямиком к центру поляны, где командующий восточной армией Красной саламандры пытался остановить разразившуюся катастрофу. Все встречные солдаты и офицеры присоединялись к этой процессии, выстраиваясь по обе стороны от нее плотным живым заслоном. Илиана не учинила резню. Она явилась к полководцу хана в окружении его же людей. Тот, и без того едва что-либо соображавший, протер глаза, когда узрел перед собой светившуюся алым девушку и ее спутников, да еще в окружении собственных подчиненных и гвардейского караула.

— Разошлите приказ о немедленной капитуляции, генерал! — заявила окруженная лучистым свечением Илиана, остановившись в трех ярдах от полноватого мужчины лет пятидесяти.

— Что?! Как вы смеете?! Кто вы такая?! — возопил полководец.

— Повторяю: разошлите приказ о капитуляции во все вверенные вам полки, иначе их ждет массовое уничтожение, — твердым голосом произнесла девушка.

— Стража, ко мне! Убить колдунью! — рявкнул военачальник ад-

Сейдина, у которого от вида сплошь залитых алым глаз душа ушла в пятки.
Солдаты отчеканили несколько шагов вперед, действуя как единый механизм, обнажили оружие и навели его на своего полководца. Острия мечей качнулись в сторону высшего командного состава, стрелы были готовы сорваться с натянутой тетивы.
— Ваши люди теперь подчиняются мне, — спокойно сказала Илиана. — Одно мое слово — и они убьют вас и ваших старших офицеров на месте. Генерал, если вы немедленно не выполните мое требование, ваших людей ждет только смерть. Один за другим я захвачу ваши армейские корпуса и заставлю их перебить друг друга. Вы ведь уже слышали про Штельскую ведьму? Она перед вами!
Девушка нарочно не брала военачальника и его штаб под свой контроль. Ей требовалась добрая воля. Когда она улетит, военачальник продолжит слать депеши, приказывая всем войскам, все еще находившимся на линии восточного фронта, сложить оружие. Уж кто сдастся, а кто нет — как получится, но неразбериха и деморализация южанам обеспечена, а северяне тем временем пройдутся по ним тараном, снося все опорные пункты один за другим и стирая полки врага в порошок.
— Генерал, я жду вашего ответа! — повысила голос Илиана. — В случае отказа смерть ваших людей будет на вашей совести! Многих тысяч ваших людей!
Солдаты и офицеры красной Саламандры снова пришли в движение. Крутанув свое оружие, они все так же синхронно приставили его к собственному горлу; даже стрелки, опустив луки и выхватив кинжалы.
— Если я велю — они тут же убьют себя. Все вокруг будет завалено трупами, — пояснила Илиана. — Ваше слово, генерал!
Сгорбившийся, враз постаревший военачальник обвел взглядом окружавших его людей. Будь они посторонними, он решил бы, что все это какая-то гнусная мистификация, но нет, вон стоят знакомые гвардейцы, сержанты, офицеры. Стоят словно чужие, готовые исполнить самоубийственный приказ этой немыслимой чародейки. Штельская ведьма!.. Силы небесные, значит все это действительно правда! Все, что о чем шептались по ночам у костров, и о чем ходили столь невероятные слухи. Вдруг один из штабистов зашатался, хватаясь за грудь, и упал на колени, хватая ртом воздух. Следом за ним рухнул второй, затем третий.
— Мне не нужно оружие чтобы убить вас всех, — сказала Илиана. — Повинуйтесь или они умрут!
— Хорошо!.. Я… согласен, — выдавил задрожавший полководец.

— Что именно я должен сделать?

Когда подошли первые отряды северян, командующий восточным фронтом и его штаб сидели в центре поляны, заваленной телами. Командующий в точности исполнил волю Штельской ведьмы и разослал во все форты и воинские части приказ о немедленной капитуляции. Войска должны были сложить оружие и двигаться на юго-восток — туда, где их возьмут в плен подразделения Освободительного союза. В этом случае всем сдавшимся гарантировалась безопасность. Начало было положено тотчас. Гарнизон второго форта моментально подчинился, радуясь столь легкому исходу дела. Илиана не стала убивать имперцев на поляне. Она просто погрузила их в глубокий сон, а командующему заявила, что он умрет, если пересечет границу лагеря. После всего увиденного тот и не подумал усомниться в подобном исходе и благополучно дождался неприятеля, остервенело размахивая белым флагом. А затем еще долго и совершенно безропотно подписывал приказы, составленные по всей форме и рассылаемые по всей линии фронта.

Илиана уснула почти сразу, как горгульи поднялись в воздух и взяли курс на Данерхейм. Насчет уничтожения оставшихся армейских корпусов она попросту блефовала. Силы девушки были на исходе. Она и так умудрилась за одну ночь сотворить гораздо больше своих прежних возможностей. Это отмечали все ее спутники, бдительно хранившие сон Рубистеллы. Успех был поистине ошеломительным! Даже если не затронутые разгромом части Красной саламандры не сдадутся, они лишились единого командования и северяне быстро разобьют их поодиночке. Если же у имперцев хватит ума покинуть оба серьезно пробитых фронта и отступить в расположение центральной армии, то блокада Данерхейма все равно будет уничтожена. Крупными силами северяне зайдут ад-Сейдину с обоих флангов и захватчики окажутся меж трех огней. Южан все еще было больше, и у них имелся Липкий огонь, но у них не было Алой звезды. А между тем ад-Сейдин еще не знал какая катастрофа постигла нынче ночью сразу две его вспомогательные армии, и ему только предстояло осознать масштабы приключившегося бедствия. Летучие мыши, совы и филины, поднятые Илианой по всем окрестным лесам, перехватывали всех спешивших с донесениями кронусов, полностью прервав почтовое сообщение между фронтами Красной саламандры. Колдуны нарочно посылали крылатую нечисть низко над лесом, чтобы та была менее заметна для северян, чародеек и горгулий, и кронусы таким образом становились легкой добычей для ночных хищников, действовавших заодно с летучими мышами. Крылатая ар-

мия Илианы, насчитывавшая несколько тысяч птиц и еще больше рукокрылых, успешно выполнила возложенную на нее миссию. Ни один кронус так и не прибыл в расположение ханской ставки и ни один посланный оттуда так и не долетел до места назначения.

* * *

Теперь уже никто не жалел о том, что последовал настойчивой рекомендации Илианы придержать захваченные запасы Липкого огня на крайний случай. Северяне с самого начала осады имели возможность уничтожить боевые машины врага, обстреливавшие крепость, но девушка заявила, что в этом мало проку. Инженеры хана, судя по имевшимся сведениям, быстро соберут новые, используя немалый запас заранее изготовленных конструкций. Через пару дней южане возобновят бомбардировку, а Липкого огня у защитников крепости уже не будет. Удар следует нанести в решающий момент, способный изменить ход всей битвы. Именно это и произошло, когда центральная армия Красной саламандры неожиданно для себя оказалась в окружении постоянно прибывавших северян. Звенья горгулий, спикировав на позиции дальнобойных орудий, сбросили на них стеклянно-металлические сферы, добытые в сражении при Хельбурге. Войска хана лишились всех боевых машин разом и больше не могли метать Липкий огонь ни по крепости, ни по полкам противника, зашедшим одновременно с обоих флангов. Снаряды с адской смесью в избытке лежали в хорошо укрепленных погребах под охраной гвардейцев и колдунов, но их практическая ценность свелась к круглому нулю. Жестокие пожары, вызванные воздушным налетом горгулий, еще яростно полыхали, когда все баллисты и катапульты крепости разразились дружными залпами, забрасывая позиции южан всем доступным арсеналом. Камни, зажигательные смеси, колдовские заряды — в ход шло абсолютно все, и шло в поистине грандиозных количествах. Казалось, северяне решили израсходовать весь свой боезапас разом, обрушивая на врага смертоносную лавину. Так оно и было. Защитники Данерхейма больше не собирались обороняться, отсиживаясь за стенами до последнего. Мощнейший артобстрел, от которого содрогалась земля, все еще продолжался, когда ворота крепости распахнулись. Огромный мост, доселе скрывавшийся в недрах хитроумного механизма, выдвинулся в считанные минуты, протянувшись над глубокой ямой с остатками разбитого тарана. Вся армия Оборонительного союза, сосредоточенная во внутренней долине Данерхейма, выступила в открытый бой. Гул от падавших снарядов боевых машин допол-

нился гулом из восточного разлома в горе, совсем недавно прожженного подземной галереей. Оттуда, тяжело шагая во весь свой исполинский рост, показалось шестеро Нереймитов, управляемых старшими чародейками. Выходя из разлома, они выстраивались в шеренгу, держась друг от друга на расстоянии в сотню ярдов. За ними, пользуясь прикрытием гигантов, шли вспомогательные полки северян с широкими рядами лучников. Каменные стражи больше не боялись Липкого огня, способного уничтожить их интенсивным обстрелом. Метательные орудия Красной саламандры обратились в пепел вместе со всеми стальными деталями. С вершины западного замка Данерхейма взлетела ракета. Взмыв высоко в небо, она взорвалась на множество зеленых огней, осыпавшихся яркими искрами. Следуя этому сигналу, фланговые армии северян ринулись в наступление.

Манипуляторы не вызвали заградительный ураган. Во-первых, на сей раз именно чародейки непрерывно создавали зону противодействия, блокировавшую появление бушующей стихии. Во-вторых, колдуны получили категорический приказ ад-Сейдина не препятствовать атаке северян. Хан решил не играть в кошки-мышки. Он явился сражаться, и если уж противник сам инициирует решающую битву, выступая за стены крепости, то какой смысл ему мешать? Если вместо продолжительной осады исход кампании будет решен в открытом бою — так тому и быть! Колдунам велели не допускать возможных штормов чародеек, а также срочно принять меры против наступавших каменных исполинов. Последние представляли наиболее серьезную угрозу, совладать с которой обычными методами было попросту невозможно. Это понимали и сами Манипуляторы, спешно готовившие заградительные рубежи. Инженерные команды подносили сферы Липкого огня, на скорую руку создавая ловушки, а колдуны расчерчивали охранные зоны, способные повлиять на шагавших гигантов. Их старания, разумеется, не остались без внимания. Дозорные чародейки наблюдали за подозрительными действиями врага и тут же извещали сестер, нанося всю обнаруженную активность на подвижную карту. Копии этой карты, обновлявшиеся каждые четверть часа, поступали в распоряжение верховного командования и всех крупных подразделений, включая армии на флангах. Горгульи носились высоко в небе совершенно беспрепятственно и у имперцев просто не было средств им помешать. У земли, однако, крылатым воинам грозила немалая опасность. Манипуляторы швыряли в них заклинания, влиявшие на колдовскую сущность горгулий. Наиболее сильные колдуны вблизи и вовсе обращали их в камень, делая похожими на украшавшие особняки и соборы ста-

туи. Сами они не могли использовать кронусов при свете дня, но и воздушная армия чародеек получала серьезный отпор и была вынуждена действовать очень осторожно. Численность горгулий не позволяла им бросаться в массированную атаку, способную подавить любые контрмеры врага. Тем не менее, они доставляли солдатам хана уйму неприятностей, стремительно появляясь и исчезая в самый неподходящий момент, швыряясь булавами и забрасывая гулко рвавшимися колдовскими снарядами.

Центральный фронт северян взял передовые позиции Красной саламандры в кратчайшие сроки. Пострадав от сильнейшего обстрела, южане оттянулись вглубь, прекрасно понимая что последует дальше. Там, за пределами досягаемости крепостных орудий, они поджидали приближавшегося неприятеля. И вот противники сошлись в яростной схватке, где решалась судьба этой всеобъемлющей и разрушительной войны. Звон мечей сливался с треском ударявших молний и грохотом приводимых в действие зарядов. Чародейские вспышки и завесы соседствовали с тучами стрел и залпами пращников. Манипуляторы, покинувшие укрытия, сошлись в открытом бою с чародейками и ведьмами Оборонительного союза. Колдовство билось бок о бок с простыми воинами. Всю долину Данерхейма охватила неистовая, давно невиданная по своей сути и масштабам битва.

Ад-Сейдин, как обычно, молча наблюдал за ходом противостояния, почти не вмешиваясь в действия своих полководцев. Положение было тяжелым, и все это прекрасно понимали. Хан достойно воспринял одновременный разгром вспомогательных фронтов, лишивший его не только важного стратегического преимущества, но и целой трети армии. Несколько корпусов были уничтожены, многие сдались в плен или застряли вдали от эпицентра событий, и лишь часть сумела добраться до своих, присоединившись к основным силам. Войска Империи очутились в том самом положении, которого властелин Железных земель изначально стремился избежать. А именно попали в окружение сразу с трех сторон, откуда и подверглись нападению. Теперь северяне вполне могли позволить себе пойти на такой шаг. После внезапного краха восточного и западного фронтов размер противоборствующих армий серьезно уравнялся, и Красная саламандра утратила подавляющее численное преимущество. Уяснив себе всю сложившуюся картину, ад-Сейдин ничуть не удивился скоординированной атаке противника. Более того, он ожидал ее, едва ему доложили о подходе северян на обоих флангах. Вот чего он не ожидал — это потери всех боевых машин. Липкий огонь все еще мог решительно переломить исход разгоравшейся битвы, массово разя неприятеля своей жес-

токой хваткой, но теперь его было попросту нечем метать. Фактически имперцам следовало рассчитывать только на себя да на помощь колдунов. С последней, однако, все тоже обстояло ничуть не радужно. Чародейки имели заметное преимущество и колдуны едва сдерживали их натиск. Сражение со всеми сестрами Альмирстала разом — навязчивый кошмар ад-Сейдина, и именно его он получил тогда, когда меньше всего этого ожидал. Тем не менее, хан ничуть не растерялся и с незыблемым спокойствием отдавал распоряжения. Он не собирался ни хвататься за голову ни, тем более, отступать. Карты были сданы, и он продолжал партию с тем, что лежало на игровом столе. Несмотря на всю тяжесть положения, ад-Сейдин имел неплохие шансы на благоприятный исход, и лишь холодный расчетливый разум был ему лучшим помощником. В соответствии с приказами повелителя его полководцы вели солдат в бой, выводили резервы и перегруппировывали силы. На трех фронтах, постепенно сливавшихся в единую линию противостояния, кипел жестокий бой, а хан по большей части молча наблюдал за его развитием. На его лице не дрогнул ни единый мускул когда Нереймиты, достигнув позиций Красной саламандры, обрушили на них всю свою стотысячетонную ярость. Следуя приказу и здравому смыслу, солдаты старались обходить каменных Стражей, ударяя в шедшие за ними полки поддержки. Сделать это было крайне непросто. Исполины шагали близко друг к другу, исправно молотя кулаками, и далеко не всем удавалось избежать их сокрушительной мощи. Взвившиеся заградительные рубежи из Липкого огня несколько притормозили это продвижение. Нереймиты поначалу переступали через очаги пламени, но следовавшие за ними северяне так сделать не могли. Пока чародейки тушили свирепые пожары, имперские инженеры разжигали новые, не позволяя Стражам продвигаться слишком далеко в расположение Красной саламандры. Когда же огня стало слишком много, а за ним появились опасные, созданные Манипуляторами заколдованные области, Нереймиты остановились, сосредоточившись на прикрытии наступавших полков. Подхватывая подвозимые камни и все подходящие объекты, они принялись швырять их по позициям врага, медленно двигаясь вдоль заградительного рубежа.

Хан ожидал прибытия своей легкой кавалерии. При осаде Данерхейма она была совершенно бесполезна, поэтому часть всадников рассредоточили по вспомогательным фронтам, а часть отправили защищать центральную армию с юга. Она контролировала пути снабжения ввиду необходимой для этого мобильности. Сейчас кавалерия была на подходе и с марша сразу должна ринуться в бой, атаковав северян на флангах. В текущем противо-

стоянии ее появление сыграет значительную роль и позволит нанести наседавшему противнику чувствительный удар. Между тем, кавалерия что-то запаздывала. Ад-Сейдин не выказывал признаков беспокойства, но все же почувствовал: что-то пошло не так. Пошло в очередной раз, как и все приключавшееся прежде. Что-то вновь нарушило его планы, которым, казалось бы, уже ничто было не в силах помешать; вмешалось в строгую схему кампании самым немыслимым и непредсказуемым образом. Когда прискакал взмыленный, запыленный вестовой, хан заметил, как всполошились его военачальники. Слов он не слышал, но приблизившийся ди-Орт озвучил повелителю то, что тот уже предугадал.

— Кавалерия не придет, мой хан, — без обиняков сообщил верный полководец.

— Что случилось? — коротко осведомился ад-Сейдин.

— Волки, повелитель, — ответил ди-Орт, стараясь сохранять такое же невозмутимое выражение, как и властелин Железных земель.

— Волки? — невольно удивился хан. — Моим солдатам помешала стая волков?

— Их были тысячи, повелитель, — тихо сказал полководец. — Лес ими просто кишел. Они набросились на полки разом со всех сторон. Лошади просто обезумили. Их инстинкт не устоял перед таким огромным количеством хищников.

Ди-Орт был совершенно прав, но сухость донесения не могла передать всего того, что произошло в десятке миль к югу. Пятнадцать тысяч кавалеристов, способных смять почти любого врага в считанные минуты, оказались совершенно беззащитны перед огромными стаями волков. Чудовищно огромными. Свирепо рыча, они выскакивали из леса сотнями, бросаясь на людей и коней. От такой массы хищников лошади тут же ударились в неконтролируемую панику, не слушая ни наездников, ни колдунов. А волки все прибывали, набегая какими-то кошмарными волнами. Их могучие челюсти смыкались на ногах коней, вгрызались в человеческую плоть; дикие звери опрокидывали людей навзничь и безжалостно терзали. Стройные полки, готовившиеся ринуться на поле брани, рассыпались в неспособные к осмысленному сопротивлению клочья. Ржание обезумевших лошадей смешивалось с утробным волчьим рыком, ужасными криками солдат, хрустом костей и предсмертными хрипами. Опытная боевая кавалерия с полками прикрытия пехоты могла быстро уничтожить всего несколько тысяч врагов даже в условиях ограниченной подвижности. Несколько тысяч волков разделались с ней как с неразумным ребенком. Сбиваясь в группы, воины пытались дать отпор наседавшим хищникам, но количество последних и общая неразбериха играло ре-

шающие роли. Кое-кому действительно удалось отбиться, но кавалерия ад-Сейдина перестала существовать. Лишившись частично растерзанных, частично разбежавшихся лошадей, кавалеристы утратили всякую практическую пользу. Они и сами понесли колоссальные потери. Растерзанные волками не поддавались счету. Более того, волки никуда не убежали, а до сих пор продолжают преследовать людей, разрывая не только одиночек, но и недостаточно большие группы. Фактически южная дорога отрезана разъяренным зверьем, и пройти по ней сейчас не сможет даже до зубов вооруженный полк. Хищники просто сомнут его напором, ибо даже шеренга воинов, непрерывно орудуя мечами, не способна отбиться от такой жуткой массированной атаки. Собственно, курьеру удалось пробраться лишь каким-то чудом, ибо все остальные гонцы сгинули, пав жертвами свирепой волчьей армии.

Известие о гибели кавалерии хан выслушал со стоическим спокойствием. Теперь он располагал лишь теми ресурсами, что имелись здесь и сейчас. С учетом всего услышанного, на свежие резервы больше рассчитывать не приходилось. Не посылать же армейский корпус разгонять волков, когда каждый солдат сейчас на счету.

— Что они кричат? — спросил вдруг хан, словно потеряв интерес к судьбе всадников.

Он никуда не указывал, но ди-Орт догадался что имел в виду повелитель.

— Они кричат "Рубистелла", мой хан. Это их новый боевой клич. Так они называют Штельскую ведьму, — пояснил полководец.

— Велите жечь Липким огнем все места, где объявится красный свет! — приказал хан, поворачиваясь к центральному фронту.

— Но мой хан, нам нечем его метать, — слегка растерялся ди-Орт.

— Я знаю. Найдите добровольцев. Тех, кто доставит снаряд на себе и приведет его в действие, — жестко сказал хан. — Семьи добровольцев ждет щедрая награда. Они ни в чем не будут нуждаться.

Боевой клич северян сопровождал появлявшиеся на поле боя очаги алого света. Их становилось все больше, и вспыхивали они повсюду: в рядах северян, на линии столкновения, среди позиций Красной саламандры. Швыряя колдовские шашки, горгульи сбивали противника с толку, чтобы тот не знал где именно появилась Рубистелла. Это немедленно привело к массе ложных запусков Липкого огня. Не дожидаясь пока чары Штельской ведьмы начнут сеять безумие, сферы с адской смесью стали взрываться везде, где красный свет озарял сражавшихся людей. Раскаленные очаги вздымавшихся пожарищ разили своих и чужих. Доставляемые

смертниками, ибо эти люди были обречены, снаряды издали приводились в действие колдунами, решившими подстраховаться от возможного обращения носильщиков. Подобный ход со стороны ад-Сейдина чародейки предвидели. Было нетрудно догадаться, что после всего произошедшего он попытается подавить источник алого света любой ценой. Собственно, именно поэтому еще во время сражений на вспомогательных фронтах горгульи бросали заколдованные шашки, дезориентируя таким образом противника. Жестокое решение хана плодов не принесло, зато потери в его собственных рядах увеличились еще больше. Сообразив, что жечь направо и налево все источники красного света недопустимо, повелитель приказал следить за поведением солдат и взрывать Липкий огонь лишь там, где они начнут нападать друг на друга. Чародейки учли и это решение. Заметив, что новые очаги пожаров практически перестали появляться, они прибегли к хитрости. По их команде пращники, вооруженные специальными шарами, принялись метать их в сторону алого свечения. Нечто подобное проделывали и горгульи, сбрасывая сверху эти шары целыми пригоршнями. На месте падения маленьких снарядов возникали фантомы. Сирелина, несколько лет назад спасаясь от погони в Солтенстиле, использовала означенное средство, но здесь оно приняло совсем другие масштабы. В рядах Красной саламандры возникали точные копии ее солдат, казавшиеся совершенно настоящими. Они вовсю размахивали мечами и создавалось впечатление, что одна часть воинов хана рубится с другой. Эффект усиливался дурманом, вырывавшимся из тех шаров, что заколдовали ведьмы, причем он же мешал хорошенько рассмотреть происходящее издали, наводя оптические иллюзии. Результат не заставил себя ждать. На тревожные крики южан тут же бросались смертники, посланные наблюдателями. Расчет был прост: взорвавшаяся сфера, расплескивая свое раскаленное содержимое, уничтожит не только обращенных, но доберется и до Штельской ведьмы, не сокрытой кристаллами Плетения. Липкий огонь стал расцветать вновь и вновь, пожирая попавшихся на удочку южан. Ведь везде, где вздымалось бешено ревущее пламя, Рубистеллы не было и в помине.

Илиана все еще не вступила в битву. Ее отряд находился во внутренней долине Данерхейма подле искусственного озера. Традиционный состав дополняло несколько чародеек, среди которых заметно выделялась Настоятельница. Для задуманного ее присутствие было строго обязательно. Изабелла была не в духе, считая, что ее место отнюдь не здесь, когда за стенами снаружи кипит решающее сражение, а рядом с сестрами. Илиана же уверила и ее

и своих спутников в необходимости проведения ритуала, чье успешное завершение с лихвой компенсирует их отсутствие на поле боя в столь важный час. К этому скептически отнеслась даже Сирелина, просто не понимавшая чем это вообще возможно сделать, когда в Долине гремит сражение тысячелетия, но спорить не стала. Как ей, так и всем остальным приходилось признать: до сих пор Илиана плохих советов не давала. Стало быть, лучше сделать как она говорит, тем более верховное командование доверяло девушке безоговорочно. Переглядываясь друг с другом, чародейки и послушницы разложили на берегу озера Круг Призыва. Он был втрое больше обычного. Совместное участие сестер сплошь и рядом практиковалось и раньше, но на сей раз Илиана подключила к нему и молодую ведьму, несмотря на протесты Настоятельницы. Вот заклинатели стихий в принципе не владели нужными чарами, поэтому смиренно дожидались в сторонке, рассчитывая поскорее вступить в битву. Неподалеку стояли и Бэйл с Ульмом, а также несколько наиболее доверенных воинов из охраны Илианы. Рассредоточившись по периметру, они бдительно поглядывали вокруг, высматривая малейшую опасность.

Призыв осуществляла Изабелла. Ее связь с колдовскими существами не была заполнена до максимума по настоянию той же Илианы. Настоятельница откровенно не понимала зачем этой непредсказуемой и настырной Рубистелле выдвигать столь странные условия. Седьмой Нереймит, ждавший хозяйку, сейчас должен быть в гуще схватки, а она торчит здесь, следуя указаниям девушки. Впрочем, внутренне Изабелла сознавала, что у Илианы имеются какие-то веские причины недоговаривать о смысле затеянного мероприятия, а посему, ворча, приняла эту игру в жмурки. Подхватив колдовской поток сестер, она направила его в центр Круга, немедленно отозвавшегося лучами разноцветного сияния. Чары Уны заметно подкрашивали его голубые тона в темно-зеленый цвет, отчего колдовские волны начинали походить на волны морские. И вот уже в середине очерченной области образовался полупрозрачный портал, откуда послышались далекие, исполненные неземных переливов звуки. С каждой секундой он становился все плотнее, создавая пространственный проход между мирами. Не являясь физическим образованием, он соединял ткани реальностей в едином эфирном соприкосновении, открывая устойчивый канал. В нем замелькали многочисленные тени, проносившиеся где-то там, по ту сторону, а на землю внутри Круга ложились отблески далеких и недоступных людям огней другого измерения. Настоятельница осуществляла призыв по всем правилам, с академической точностью совершая пассы и нараскат читая за-

клинания. Ее громогласная колдовская речь разносилась далеко окрест, внушая случайным слушателям трепет. Платиновые волосы настоятельницы неторопливо колыхались как при сильном ветре, но при этом замедленные в сотню раз. На голове огнем горел алмазный венец, а бело-голубое одеяние мерцало в свете переливавшихся вокруг огней, присоединяясь к царству иллюминации. В ходе призыва Изабелла делала только одно отклонение. Она не ориентировалась на какое-то существо конкретно, в частности на горгулью. Открыв портал, верховная чародейка взывала о помощи. Уж где Илиана проведала о таком нестандартном проведении ритуала — оставалось только гадать, как и о его результатах. Она молчала как партизан, что периодически делала, когда у нее допытывались откуда ей известны те или иные особенно необычные сведения. Глядя в сформировавшееся бесплотное окно, занимавшее весь центр Круга, Изабелла заклинала неведомую силу явиться на выручку, обращаясь к ней как носительница верховной власти Альмирстала. Этот обряд был чародейкам вполне известен, но использовался он в совершенно других целях, никак не пересекавшихся с призывом. Настоятельница, устремив взор и мысли в портал, раз за разом слала колдовскую речь в переливавшееся пространство, испытывая сомнения и неопределенность из-за отсутствия внятного понимания происходящего.

Некоторое время ничего не менялось. Портал продолжал оставаться открытым, но через него никто не проходил. Игра разноцветного света шла своим чередом, лились чарующие, неведомые звуки, и тени стремглав проносились где-то там, в глубинах чудесного мира. Изабелла уже начала всерьез сомневаться в целесообразности всей затеи. Она не видела Илиану, поскольку та стояла вне круга, овевая заклинательниц потоками энергии, но девушка чувствовала ее эмоциональный фон. Настоятельницей малопомалу начинали овладевать досада и отчаяние. Досада на то, что она попусту теряет здесь время, когда ее сестры схватились с врагом насмерть, и отчаяние от непредсказуемости исхода этой схватки. В очередной раз безрезультатно воззвав к безучастному ко всему порталу, верховная чародейка уже подумывала прервать ритуал, когда светящееся окно неожиданно выросло в размерах. Выросло совершенно беззвучно, став выше и шире сразу на добрых пару ярдов. Удивленные заклинательницы даже не успели осознать что происходит, как окно расширилось вновь, насыщая Круг усилившимися потоками света. Несущиеся с той стороны чарующие звуки послышались громче и отчетливее. И тут в пространстве появилось заметное напряжение. Оно росло с каждой секундой, будто сам воздух становился плотнее, наполняясь стру-

ившейся через эфир неведомой мощью. В портале показалась какая-то тень, растущая так же быстро, как рос сам портал. Становясь поистине громадным, он охватывал весь Круг Призыва, отчего Изабелла невольно попятилась, отступая к кольцу заклинательниц. Переливчатый свет померк, заслоненный кем-то или чем-то, что приближалось с той стороны. Тень от неведомой громады полностью закрыла пространственное окно, достигшее невиданных размеров. Все звуки стихли, заглушенных гулом чьих-то вздымавшихся могучих крыльев.

Сражение за Данерхейм вступило в решающую фазу. Противоборствующие стороны достигли некоего равновесия, тесня друг друга с переменным успехом. Армия Красной саламандры сумела приостановить натиск северян и теперь удерживала позиции, выискивая возможность для контрудара. Колдуны довольно успешно противостояли чародейкам и ведьмам. Они были слабее, но их численность многократно превышала заклинательниц, а зловещие Покровители изрядно разнообразили арсенал носителей скверны. В ход начинали идти самые различные средства, прежде не использовавшиеся публично. Терять колдунам было особо нечего, а в разгаре боя чего только не спишешь на обстоятельства и уловки врага. Расплачивались за чужие амбиции простые воины, чьи жизни уносились тысячами. Ад-Сейдин, лишившийся резервов, не изменил тактику, но переиграл роль задействованных войск. Он составил новый план битвы прямо на лету, действуя исходя из сложившейся ситуации, и этот план мало-помалу приносил плоды. Наибольшую угрозу теперь представляли только Нереймиты. Горгулий Манипуляторы навострились обезвреживать точно направленными заклинаниями, и крылатая армия чародеек несла значительные потери. Горгульи держались повыше в небе, продолжая бомбардировку, и без крайней необходимости не снижались. Нереймиты же обходили заколдованные зоны, норовя пролезть в самое сердце битвы, где были способны нанести ужасающий урон. Колдуны искусно блокировали их намерения, мало-помалу сбивая Каменных Стражей с толку. Массированные заклятья создавали в колдовской силе исполинов серьезные помехи, осложнявшие старшим сестрам управление и снижавшие подвижность. Инженерные отряды Красной саламандры в спешке собирали несколько катапульт. Восстановить всю обычную численность боевых машин прямо сейчас было попросту невозможно, но им поставили задачу соорудить хотя бы несколько. Эта задача была близка к завершению, а наводчики готовились осуществить первый пробный залп по полкам северян. Хан продолжал наблюдать за ходом битвы, по-прежнему сохраняя внешнюю невозмутимость. Его полководцы

заметно приободрились. Уверенность повелителя передалась и им, тем более невооруженным глазом были заметны достигнутые успехи. Нет, чтобы сломить Красную саламандру все же нужно нечто большее! Еще максимум час — и полки Империи перейдут в наступление, сконцентрировав силы для пробивающего удара. Фланги северян все так же уступали центральному фронту в численности и сокрушив хотя бы один, ад-Сейдин тут же кратно увеличит преимущество на другом. Это должна была сделать легкая кавалерия, но раз уж ее нет, пехота управится и сама. Особенно при поддержке вот-вот вернувшегося Липкого огня.

Небо над Данерхеймом внезапно потемнело. Казалось, чародейки снова призвали мощный шторм, и он теперь быстро приближался, норовя затянуть все пространство над полем битвы сизыми тучами. Но это были не тучи. В воздухе, нарастая с каждой секундой, послышался звук множества машущих крыльев. Сливаясь в унисон, он производил такой гул, от которого начинала дрожать и без того ходившая ходуном земля. Проносясь над крепостной стеной, к кипевшему сражению на всех парах неслась орда каких-то существ. Теперь уже любой участник сражения с одного взгляда безошибочно их узнавал, даже если не имел вообще никакого представления о колдовстве. Это были горгульи-воины и их были тысячи. Многие тысячи. Растянувшись в широкий фронт, они летели настоящей лавиной, размахивая булавами. И вот эта лавина, достигнув позиций Красной саламандры, ринулась к земле, пикируя с ужасающей скоростью. Рука ад-Сейдина дрогнула, опуская подзорную трубу. В центре невесть откуда взявшейся несметной стаи, в окружении пары сотен наиболее крупных существ виднелся настоящий исполин. Огромная, размером со слона, горгулья наводила оторопь одним своим видом. За могучими плечами вздымались не менее могучие крылья. Вместо булавы она держала правой лапой здоровенный жезл, взмахам которого повиновалась заполонившая небо орда. Удар небесных полчищ был неотразим. С налету они сшибали воинов хана как соломенных кукол, заходя на них тысячами. Остановить такой чудовищный натиск уже не могли никакие заклинания. Манипуляторы делали все, что было в их силах, но в общей массе атакующих существ их старания ничего не меняли. Лучники южан, обратив закаленные жала стрел в сторону горгулий, засыпали их стрелами. Зачарованные колдунами, те обладали определенной эффективностью против воздушной армии чародеек, но только не в этот раз. Скорость и количество крылатого противника не оставляла лучникам каких-либо шансов повлиять на исход противостояния. И вот огромная горгулья достигла линии сражающихся. Опустив жезл, она неожиданно рину-

лась к земле и пронеслась над ней сокрушительным тараном, проделав в рядах солдат ад-Сейдина широкую улицу. Колдуны, пытавшиеся поразить кошмарного исполина, были тут же уничтожены меткими бросками оружия его телохранителей. Северяне, разметав противника, тут же устремились в образовавшуюся брешь, рывком разрывая линию фронта. Чародейки, сперва пораженные таким невероятным явлением не меньше, чем враг, воодушевленно удвоили натиск. И враг дрогнул. Манипуляторы потеряли контроль над ситуацией, стремительно убывая в численности. Хрупкий баланс был нарушен, и чаша весов быстро склонялась в пользу защитников Данерхейма, оплота всего Оборонительного союза.
— Что это за чудовище? — дрогнувшим голосом изрек хан, наблюдая как летучий гигант крушит его лучших воинов, бросая на них воздушные полчища.
Это была горгулья-матриарх. Королева, явившаяся на зов верховной чародейки, как бывало в древние времена, о которых ныне все попросту забыли. Пришла, слыша в нем волнение, отчаяние и растерянность. Тот, кто звал ее, подлинно нуждался в помощи, и королева откликнулась, приведя свое крылатое воинство. Горгулью-матриарха нельзя было долго удерживать в мире людей, зато ее армия не требовала наличия какой-либо связи и затрат колдовской силы, источаемых самой королевой. И эта армия теперь свирепо крушила полки Красной саламандры, совершенно не готовые к такому развитию событий. Но ад-Сейдину было некому объяснить все происходящее, ибо этого не знала даже Изабелла. Он мог лишь наблюдать как орда горгулий разносит в клочья его закаленные в боях корпуса.

Над крепостью взмыла еще одна ракета. Взлетев повыше, она взорвалась оранжевым облаком, испустившим яркие сполохи. Повинуясь этому сигналу, чародейки срывали с себя медальоны и бросали их Бесплотным ударом далеко в позиции врага. На месте их падения тут же возникали полупрозрачные фигуры разъяренных джиннов, среди которых было и немало ифритов. Последние тут же воспламеняли все окружающее пространство и принимались жечь всех подряд не хуже Липкого огня. Грохот молний, лютая стужа и языки вздымавшегося пламени вторглись в позиции Красной саламандры, и без того разваливавшиеся под натиском северян и непрерывной атакой горгулий. Манипуляторы больше не могли справляться с таким количеством атакующего колдовства. Этим тут же воспользовались Нереймиты, которых стало семеро. Прорвав зачарованный рубеж, они двинулись в расположение врага, увеличивая его и без того растущие потери. А в передовых эшелонах северян наконец-то вспыхнула, засияла алая звезда. На

сей раз та самая. И у врага уже не было возможности ее остановить. Во все еще стоически сопротивлявшихся полках ад-Сейдина появилась новая, стремительно разраставшаяся брешь. Боевой клич солдат Оборонительного союза, вновь и вновь повторявший ужасавшее врагов имя, прогремел с новой силой. Северяне больше не сомневались в победе. Под прикрытием воздушной армии, вслед за тяжелыми шагами Каменных стражей и ослепительным алым сиянием они шли в атаку, сметая своим натиском окончательно ослабшие шеренги Империи.

Хан услышал, как кто-то настойчиво его зовет. Обернувшись, он некоторое время смотрел невидящими глазами на ди-Орта. Полководец, обеспокоенный поведением повелителя, был непривычно бледен.

— Что такое? — спросил ад-Сейдин, даже не надеясь услышать хорошие новости.

— Мы атакованы с юга, повелитель, — в четвертый раз повторил военачальник. — Волки. И кабаны. Лоси, медведи… Кажется, туда явился весь этот чертов лес. Мы несем большие потери.

— Что-нибудь еще? — бесцветным голосом осведомился хан.

— Птицы. Дозорные сообщают, что всякое сообщение с нашими тылами прервано. Мы отрезаны от Империи, — сказал ди-Орт, не на шутку испугавшись выражения лица властелина Железных земель.

— Это все? — криво усмехнулся ад-Сейдин.

— Это пришло последним, — ответил военачальник, протягивая небольшую депешу. — Вне всяких сомнений, послание подлинное. Вероятно, противник пропустил его намеренно.

Взяв бумагу, хан развернул ее и быстро ознакомился с содержанием. Там сообщалось, что объединенные войска пяти восточных государств вторглись на территорию Империи и осадили Гибин, один из самых мощных оплотов канувшего в лету шаха Гелетбея. Из-за северной кампании, стянувшей на себя все ресурсы, численность тамошних войск Красной саламандры не позволяла дать им сколь-нибудь серьезный отпор. Падение Гибина — вопрос максимум двух суток. Судя по знаменам, войска нападавших присоединились к Оборонительному союзу и образуют в Бафелоне мощный плацдарм, нарушивший пути снабжения Империи.

Скомкав бумагу, ад-Сейдин небрежным жестом отшвырнул ее прочь. Налетевший ветерок подхватил этот маленький клочок, послуживший вестником еще одного тяжелого удара, и унес за пределы видимости. Старания Дегониса, скрывавшего от повелителя важные сведения, не прошли втуне. Хан узнал о намерениях восточных государств только тогда, когда они уже осуществились.

Повернувшись лицом к передовой, ад-Сейдин окинул поле битвы долгим взглядом. В нем читалась глубокая задумчивость, смешанная с каким-то презрительным безразличием. Властелин Железных земель был очень амбициозным правителем с далеко идущими замыслами. Когда надо, он был очень жесток и требовал от подчиненных беспрекословного повиновения. Вместе с тем, в отличие от верховного колдуна, он не собирался понапрасну платить жизнями своих солдат за несбыточные надежды. Ни одна великая цель не стоила гибели всей армии. Ад-Сейдин не стал цепляться за соломинку.

— Вели трубить сбор, Тигран, — тихо сказал, не оборачиваясь, хан. — Мы отступаем.

– 15 –

Красная саламандра потеряла все северные земли в течение сентября. Войска ад-Сейдина так и не сумели оправиться от нанесенного им поражения. С тяжелыми боями отступив в Ганхельд, они были вынуждены покинуть Фербур и Аугост, столь легко захваченные год назад. Эти серьезные оплоты южане тогда сразу превратили в военные базы с хорошо организованным снабжением. Хан теоретически все еще мог их удержать, но он уже не видел в этом никакого смысла. Северная кампания была проиграна. Ведь ее целью являлась обитель чародеек, а после поражения у Данерхейма стало очевидно, что эта цель теперь недостижима. Кроме того, дела в Империи принимали дурной оборот. Пять объединившихся государств, сходу взяв Гибин, оккупировали большую часть Восточного Бафиона, выкинув оттуда людей эмира Дирзунского. К ним тут же примкнули повстанцы, сохранившие верность покойному шаху. Очень многие при первой же подвернувшейся возможности подняли голову и восстали против Красной саламандры, увязшей в северных лесах. Покинув Ганхельд, хан быстрым маршем провел войска через Стеммхайр и уже не останавливался до самого Кириона. В нем, впрочем, он тоже не слишком задержался. Местные вожди стараниями чародеек и Рубистеллы переменили мнение о взаимовыгодном союзе и были готовы наброситься на полки чужаков, доставляя им немало хлопот своими дерзкими вылазками. Ад-Сейдин был вынужден забрать с собой все гарнизоны, в спешке оставлявшие форты. Про то, чтобы оставить своих людей в северных землях уже не шло и речи, но точно так же пришлось поступить и в Кирионе. Можно было не сомневаться, что тамошние племена тут же сожгут все укрепления вместе с их защитниками, едва те останутся без поддержки регуляр-

ной армии. Впрочем, это государство хана никогда особо не интересовало. Оно было необходимо для успешного вторжения в северные земли, а теперь, когда те оказались потеряны, перестало играть какое-либо значение. Стремясь поскорее достичь Восточного Бафиона, ад-Сейдин рассчитывал крепким ударом восстановить в этой провинции порядок, разгромив дерзких соседей. Вернувшись в свои земли, легионы Красной саламандры не станут церемониться с бунтовщиками и подавят вспыхнувшее восстание, сокрушив и спровоцировавших его незваных гостей. Армия пяти восточных государств, нахально вторгшаяся в пределы Империи, не устоит перед грядущим возмездием. И это возмездие распространится не только на оккупированные области, но и на собственные земли захватчиков. Полки ад-Сейдина, пусть и серьезно потрепанные в проигранной войне, все еще обладали значительной мощью, которая восточным соседям была не по зубам. Вот только реализовать эти планы на деле оказалось куда сложнее, чем их придумать. Армия пяти государств выступала под знаменами Оборонительного союза отнюдь не просто так. Северяне неотступно преследовали войска хана до самой границы Кириона, что выглядело вполне естественно. Хан не ожидал, что они перейдут границу и отправятся за ним следом, причем кирионские племена никак им в этом не препятствовали. Властелин Железных земель к своему великому неудовольствию вдруг осознал: северяне не собираются оставлять его в покое только потому, что его армия, обломав себе зубы, убралась восвояси. Слишком много было пролито крови, сожжено городов и загублено жизней. Черные колдуны Империи оставили по себе недобрую память, и северяне намеревались воздать оккупантам по заслугам. Первые же послы сразу развеяли все сомнения. Верховное командование Оборонительного союза не желало идти на мировую, удовлетворившись одним лишь изгнанием захватчиков. Не пошло оно и на сепаратные переговоры. Хан надеялся получить передышку, чтобы навести порядок в подконтрольных ему землях, но северяне были непреклонны. Они имели обязательства не только перед своими погибшими согражданами, но и перед новыми союзниками, которым теперь шли на помощь. Ад-Сейдин оказался перед нелицеприятным фактом: война, принесенная им на север, теперь бумерангом вернулась в его собственную Империю. И она немедленно начала приносить свои плоды.

До вторжения северян взбунтовался один лишь Восточный Бафион при прямой поддержке восточных государств. Союзники ад-Сейдина, входившие в состав Империи, то бишь эмиры Аешский, Бушерский и Дирзунский, заняли выжидательную позицию,

старательно не вмешиваясь в новый конфликт. Поскольку положение Красной саламандры серьезно пошатнулось, а Желтой пуме и Голубой щуке и без того досталось на севере на орехи, они предпочли умыть руки, предоставляя Великому хану самостоятельно разбираться с новой проблемой. Крысы, бегущие с корабля, и то не вызывали у ад-Сейдина такого презрения, как поведение эмиров. Сам-то он без колебаний помог бы союзнику, однако воинский кодекс чести, как и чести вообще, оказался в ходу лишь у Железных земель. Что же касалось владыки Зелистана, то он и вовсе не входил в состав Империи. Семейные узы, связавшие одну правящую династию с другой, не перевесили здравого смысла. Хусейн аль-Харуддин был готов урезонить соседей, пока Гийюр ад-Сейдин громил северян, но не был готов пожертвовать своей страной и подданными, расплачиваясь за провал Красной саламандры. Кроме того, никто из двоих не знал о вмешательстве Дегониса, перехватывавшего и подделывавшего их взаимную переписку. В результате, не имея никаких внятных гарантий от хана Гийюра, владыка Зелистана не стал вступать в войну, когда соседи послали объединенные войска на запад.

Эмиры, разумеется, отнюдь не отреклись от Великого хана. Все трое нашли подходящие предлоги, выжидая чем кончится дело. И, как выяснилось, сделали огромную ошибку, поскольку оно приняло крайне неожиданный для них оборот. Когда северяне вступили в пределы Империи, идя на помощь недавно присоединившимся членам Оборонительного союза, земли Голубой щуки также охватил пожар восстания. Начавшись с Западного Бафиона, полыхнувшего вслед за Восточным, оно перекинулось на вотчину эмира. Саргалу уль Диону, этому самозваному правителю, живо припомнили смерть свергнутого дяди, и по всей стране поднимались недовольные, пылающие жаждой мщения. Объединяясь в крупные отряды, они присягнули Оборонительному союзу, и тот не отказал повстанцам, поддержав их желание скинуть узурпатора. Эмир Бушерский, не придя на помощь ад-Сейдину, хотя и находился неподалеку, теперь пожинал плоды своей трусости, столкнувшись с восстанием народа, слившимся с пожаром войны в Западном Бафионе. Следом за ним всю глубину своей оплошности осознал и эмир Дирзунский. Без сопротивления покинув Восточный Бафион, доверенный ему ад-Сейдином, он рассчитывал остаться в стороне от конфликта, оправдываясь незначительной численностью своих людей, не способных остановить захватчиков. Ведь их значительная часть действительно ушла вместе с Великим ханом на север. Означенные захватчики, между тем, на Восточном Бафионе не остановились. Поднявшие голову люди воскре-

савшего Черного буйвола не забыли роль Хасана аль-Дани в разделении их страны и смерти шаха, и вознамерились вернуть Зеленой ящерице должок с набежавшими на него процентами. Эмир Дирзунский и глазом не успел моргнуть, как в его землях началось черти что. Южные соседи, давно точившие зуб на аль-Дани из-за поборов с торговых путей, проходивших через разросшиеся территории эмирата, тут же решили получить свой кусок пирога и поддержали восточных. Теперь уже самому эмиру Дирзунскому требовалась помощь могущественного союзника, но тому хватало забот с северянами.

Схожее развитие событий постигло и Желтую пуму. Несмотря на близость Железных земель, восстание началось и там. Столица бея ан-Нуадона, прекрасный Хал-Амин, была уничтожена, но сам бей был до сих пор жив, томясь в особой темнице Солтенстила. Его поглощенное государство вознамерилось вернуть свою независимость и своего правителя. Эмир Аешский, стремясь избежать нежелательной войны на севере и востоке, вдруг столкнулся с ней прямо в собственном доме. Если бы все три союзника ад-Сейдина своевременно пришли ему на подмогу и подавили пожар Восточного Бафиона в зародыше, ситуация развивалась бы по-другому. Не выступив против вторгавшегося противника единым фронтом, они тем самым спровоцировали развитие процесса и в собственных землях, где находилось немало желающих отплатить им за все сторицей. Оборонительный союз, родившийся на севере, стремительно разрастался, включая в себя все новых и новых членов. Казавшаяся доселе незыблемой Империя затрещала по швам.

Могучий флот ад-Сейдина на Шиале, так хорошо служивший ему прежде, оказался не слишком полезен в северной кампании и совершенно не у дел теперь, когда Империя разваливалась на части. Корабли Красной саламандры все еще представляли собой грозную силу, но эту силу было решительно некуда приложить. Никто и не соперничал с ханом на воде — повсеместные бои раздирали только земли. Хан вернулся в Восточный Бафион с намерением привести зарвавшихся соседей в чувство, но сам попал в крайне сложное положение. Его измотанные, потрепанные армейские корпуса поначалу без труда отбросили войска Пяти государств, попутно громя отряды мятежников, но затем дело застопорилось. Войска Пяти, отступая, сплотились в единый фронт, одновременно засев в крупных городах при поддержке местного населения и повстанцев, образовавших армию Черного буйвола. Эти Пятеро и возрождавшийся Бафелон вошли в состав верховного командования Оборонительного союза как полноправные члены, приняв все условия этого образования. Координация между вой-

сками немедленно улучшилась на порядок, не в последнюю очередь благодаря натасканным Илианой птицам. Их действия стали следовать общей стратегии, что тут же почувствовал на себе ад-Сейдин. Он сумел отбить бывшую столицу Бафелона, но дальше начались серьезные затруднения. На юге и юго-востоке ему противостояли Пятеро плюс Буйвол. Хан сумел бы управиться с ними должным образом, кабы ему в спину не дышали северяне. Кроме того, Западный Бафион окончательно вышел из повиновения эмира Бушерского, терявшего всякую власть и поддержку своей страны, и объявил о восстановлении территориальной целостности всего Бафелона, сливаясь с повстанцами Черного буйвола на восточном берегу Шиалы. Ад-Сейдин очутился меж трех огней. Два из них не представляли для него серьезной угрозы, но в совокупности с третьим, то бишь с наступавшими северянами, дело принимало весьма дурной оборот. Хан попробовал с наскока разгромить армию Пяти и даже достиг некоторых успехов, но противник уверенно оборонялся, сознавая приближение основных ударных сил Оборонительного союза. Положение быстро становилось критическим. Оставляя в бывшей столице Бафелона крупные силы, ад-Сейдин не мог взять Гибин. Переброска же всей армии к последнему с высокой вероятностью означала потерю столицы. Хан рискнул. Пройдя быстрым маршем, его полки осадили Гибин и после ожесточенной битвы овладели этим крупным и хорошо укрепленным городом. Войска Пяти отступили к расположенному южнее Данту. Армия Черного буйвола сдвинулась к западу, идя на соединение с повстанцами на другом берегу Шиалы. Ад-Сейдин сделал ставку на свой флот. Поднявшись по течению реки, тот перекрыл водную артерию, рассчитывая превратить ее в непробиваемый рубеж. Этот рубеж должен был остановить подходивших северян, не позволяя им вторгнуться в Восточный Бафион, что в свою очередь дало бы Красной саламандре возможность разгромить всех других врагов. План был хорош, только из него ничего не вышло. Вернув Гибин, хан узнал, что северяне благополучно переправились через реку и неуклонно продвигаются вперед. Детали его интересовали мало, хотя это было то еще зрелище. Чародейки попросту заморозили реку на несколько миль в ширину, покрыв ее толстой коркой льда. Полторы сотни сестер Альмирстала и сотня послушниц подняли такой ужасающий буран, что день превратился в ночь. Неистовый снежный вихрь швырял тяжелые пригоршни снега, а градины били не хуже камней, пущенных из пращи. Шиалу сковала лютая стужа, рисовавшая на стекле и полированном металле снежные узоры. На берегах реки, усыпанных толстым слоем снега, ненадолго наступила преждевременная зима. По ледяной

корке ударная армия Оборонительного союза не только перебралась на другой берег как по проезжему тракту, но и уничтожила десятки оказавшихся в ловушке кораблей Красной саламандры. Скованные во льдах, те яростно плевались Липким огнем, но это не спасло их от грядущей участи. Уцелела лишь та часть флота, что оказалась выше по течению Шиалы и несколько судов ниже. Принц Камаль был в числе счастливчиков из первой группы и хан, не желая рисковать ни сыном, ни оставшимися кораблями, приказал флоту укрепиться в Тироле. Этот приказ немного запоздал. Когда корабли Красной саламандры приблизились к речному городу, он уже был захвачен объединившимися повстанцами Черного буйвола. Флот хана не располагал достаточным числом десанта, чтобы вернуть себе контроль над бывшей базой военной флотилии Гелетбея. Вторично повторить успех захвата Тироля адмиралу Дир Абалу, уцелевшему вместе с наследным принцем, было попросту нечем. Чтобы хоть немного дать передохнуть своим людям, Ад-Сейдин был вынужден провести в Гибине два дня, на исходе которых северяне вплотную подошли к столице Бафелона. Они взяли ее без особого труда. Граждане города и отряды повстанцев перебили часовых и открыли ворота. Гарнизон Красной саламандры сдался, будучи не в состоянии оказать вразумительное сопротивление. Северяне, овладев столицей Бафелона, тут же восстановленной в своих правах от имени Оборонительного союза, без промедления двинулись на столкновение с армией хана.

Ад-Сейдин оказался перед крайне непростым выбором. Продолжить нападение на войска Пяти означало покинуть Гибин и таким образом сдать его северянам. Остаться в этом городе предполагало гарантированную осаду со стороны неприятеля. Объединившись с Пятью, северяне обложат Гибин непрошибаемой блокадой, а затем пойдут на штурм, и его исход вызывал у хана справедливые опасения. Если бы не пожары восстаний, охватившие провинции Империи, он, пожалуй, рискнул бы дать противнику еще один крупный бой. Все-таки вне Данерхейма тот заметно потерял в боевых возможностях и уже не имел в своем распоряжении части средств, решивших исход сражения за древнюю крепость. Тем не менее, следовало помнить, что ослабла и армия Красной саламандры, лишившись не только многих тяжелых боевых машин, но и половины колдунов. Люди были измотаны, а численность личного состава больше не восполнялась за счет резервов из Империи. Противник подходил все ближе, вынуждая хана быстро принимать решение. И он его принял. Солдаты ад-Сейдина оставили Гибин и быстрым маршем ушли на юго-запад. Флот, следуя полученному приказу, прошел через Тироль, не ввязываясь в

бой, и стал подниматься вверх по течению Шиалы. Властелин Железных земель выбрал третий путь и поступил так, как всего год назад сделал король Ганхельда. Войска Красной саламандры покинули Бафелон.

* * *

Дежавю. Должно быть, это ощущение испытывал хотя бы раз в жизни любой человек. Ощущение, что все происходящее некогда уже было; странный и по-своему удивительный момент, внушающий непередаваемое чувство. Чувство чего-то таинственного и сверхъестественного, будто на секунду-другую приподнявшее завесу над неведомыми чудесами вселенной. Обычно это всего лишь игра воображения, какой-то мимолетный процесс в работе сложного механизма мозга. В случае нервных расстройств и психических заболеваний дежавю, разумеется, обретает иные формы, совсем не такие, какие присущи безобидным фантазерам, грезящим о параллельных мирах и прошлых жизнях. Больной верит в реальность ощущения вплоть до самых агрессивных форм проявления этой веры. Гийюр ад-Сейдин таким больным не был, однако никак не мог отделаться от мысли, что все это уже случалось с ним раньше. Он чувствовал дежавю в каждом предмете, в каждом звуке. Взгляд, обращенный в окно, словно раздваивался, одновременно наблюдая настоящее и прошлое, а каменные стены прямотаки давили на психику, внушая сомнения в окружающей действительности. Хан и впрямь пребывал в посредственной форме, и состояние его нервной системы оставляло желать лучшего. Тем не менее, он отнюдь не сходил с ума, и дежавю было вызвано вполне естественными причинами. Властелин Железных земель вновь находился в Аяз Моле, некогда столь эффектно захваченном им при помощи первого опыта использования Липкого огня. Тогда он провел в этом городе-крепости немало времени, лично возглавив восстановление пострадавших при осаде укреплений и строительство нового флота. В могучей цитадели, возвышавшейся над крутыми берегами выдававшегося в реку мыса, находилась его ставка. Угловая башня стала личной резиденцией хана, а в ее нижнем зале собирался Военный совет. Под стук молотков корабелов, доносившийся из окон с утра до ночи, военачальники и их повелитель вынашивали грандиозные планы. Этим планам вскоре суждено было сбыться. Подняв паруса, флот победоносно прошелся по всей Шиале, громя любого противника. Собравшись по зову повелителя, Армия Красной саламандры выступила в поход, закончившийся разгромом Черного буйвола. Да, славные были деньки,

полные больших надежд и великих свершений. Империя росла как на дрожжах и казалось что уже никто не в силах противостоять натиску ее легионов. Ад-Сейдин уже видел себя властелином половины мира; Великий хан рассчитывал стать первым султаном в своей династии. Судьба распорядилась иначе. Ныне хан Гийюр вновь находился все в той же угловой башне цитадели Аяз Мола, а из окон знакомо доносились звуки стучавших молотков. Вот только они не строили новый флот, а чинили уцелевшие корабли, счастливо избежавшие уничтожения. Военный совет опять расположился в нижнем зале, только теперь на нем обсуждались не планы по созданию Империи, а предложения как сохранить хотя бы ее оставшуюся часть. А осталось от Империи совсем немного.

Потеря обоих Бафионов, поднявших флаг воскресшего Бафелона, стала лишь первой ласточкой в разразившейся катастрофе. Хасан аль-Дани, столкнувшийся с многократно превосходящими силами противника, капитулировал, когда Красную саламандру вытеснили в земли Голубой щуки. Впрочем, на самом деле сдался он гораздо раньше. Трусливый, но при этом расчетливый эмир за спиной ад-Сейдина умудрился заключить сделку с Оборонительным союзом. Покинув территорию Черного буйвола, хан не собирался просто так сдавать страну Зеленой ящерицы, своего союзника. Здесь была совсем иная стратегическая ситуация, учитывая крепости аль-Дани, географию местности и расположение сил. Северяне продолжали наступать, но ад-Сейдин рассчитывал остановить продвижение неприятеля, дав ему надлежащий отпор. Эмир, однако, не оправдал ожиданий. Хан потерпел еще одно поражение, не слишком тяжелое, зато открывшее ему глаза на союзника. Аль-Дани не присоединился к сражению, а увел войска в лучших традициях предательства, выполняя поставленные ему соседями условия. Ад-Сейдин с удовольствием наказал бы изменника, сообразив что происходит, но он был лишен возможности столь соблазнительной мести. Между тем, поведение эмира сняло с хана все обязательства. Предоставив Зеленую ящерицу своей судьбе, армия Красной саламандры ушла в эмират Бушер. Там ей на какое-то время удалось восстановить порядок, причем не столь ввиду собственных успехов, сколь потому, что северяне задержались в землях аль-Дани. Забравшись так далеко от дома, им требовалось обеспечить надлежащее снабжение и организовать опорные плацдармы. Население Черного буйвола, пять восточных государств, а также южные соседи Зеленой ящерицы активно им в этом помогали, предоставляя ударной армии Оборонительного союза все необходимое. Слава этой армии, состоявшей из мужественных воинов и чародеек, сокрушивших самого непобедимого Гийюра ад-

Сейдина, разнеслась по всему цивилизованному миру. Все, кто желал выступить против властелина Железных земель теперь стремились либо присоединиться к новому союзу, либо выказать ему свою лояльность. Даже Зелистанский хан, породнившийся с ад-Сейдином, отправлял послов верховному командованию Оборонительного союза. Его осторожный интерес был вполне понятен. Хусейн аль-Харуддин беспокоился, не достанется ли неприятностей и на его долю за дружбу с Красной саламандрой. Ответ его более-менее успокоил. Верховное командование разъяснило, что раз хан Зелистана не принимал участие в боевых действиях и ни на кого не нападал, значит и отвечать ему за это не придется. Никто не собирается мстить людям аль-Харуддина за то, чего они не делали.

Ад-Сейдин, узнав обо всех политических перипетиях, понял, что Зелистан ему на помощь не придет. Впрочем, его правителя вполне можно было понять. Ввязаться в драку теперь, когда вся Империя рассыпалась в прах означало почем зря пожертвовать своим собственным государством без какого-либо смысла. Хан великодушно простил отца своего зятя и не держал на него зла. Несмотря на жесткие решения и неоднократную жестокость, властелин Железных земель был благородным человеком. Все-таки повелитель обязан в первую очередь думать о своих подданных и не лить их кровь, расплачиваясь за чужие ошибки. Пользуясь передышкой, ад-Сейдин сумел усмирить почти весь эмират Бушер, но довести это дело до конца не успел. Во-первых, Саргал уль Дион, загнанный с остатками своих сторонников на север эмирата, был разгромлен армией повстанцев и захвачен в плен. Во-вторых, северяне, быстро утвердившись в непривычных для себя краях, собирались перейти в дальнейшее наступление. Тогда-то хан Гийюр и испытал первый раз острое чувство дежавю. В похожем положении он очутился еще тогда, когда захватил Аяз Мол и всю юго-восточную часть земель Голубой щуки, в то время как на севере все еще правил Сулейман Уль Дион. В ту пору ад-Сейдин решил не тратить понапрасну силы, добивая оставшиеся войска эмира, чтобы сосредоточиться исключительно на востоке, обращая взор в сторону Зеленой ящерицы и Черного буйвола. Теперь он точно также был вынужден концентрировать солдат точно в той же части страны, готовясь к вторжению Оборонительного союза, и уже не мог позволить себе заниматься повстанцами взбунтовавшегося эмирата. Оборонительный союз между тем представлял еще большую угрозу. Армия северян пополнилась за счет полков Пяти восточных государств и воскресшего Бафелона. Их общая численность сравнялась с легионами Красной саламандры, а боевой по-

тенциал и вовсе превосходил. Липкий огонь, все еще имевшийся в распоряжении ад-Сейдина, из наступательного оружия превратился в оружие сдерживания. Заняв Аяз Мол, хан готовился к тяжелым боям с неизвестным исходом, прекрасно понимая, что помощи ему ждать неоткуда. Эмир Дирзунский, формально сохранивший власть, ныне подчинялся воле Оборонительного союза, серьезно пересмотревшего политику торговых путей и поборов в пользу соседей Зеленой ящерицы. Саргал Уль Дион и вовсе исчез с игровой доски. Бывший принц Рахман дожидался суда за государственную измену и другие преступления против родины. Впрочем, он с самого начала был жалкой пешкой; сателлитом, игравшим скорее представительскую роль, нежели обладавшим реальной властью. Пока был силен ад-Сейдин, этот сателлит чувствовал себя уверенно, управляя врученными ему землями от имени Империи. На большее, однако, его не хватало, о чем красноречиво свидетельствовали "успехи" означенного правителя в северной кампании. Впрочем, его сосед, эмир Аешский, тоже подвел Великого хана дальше некуда. Трусливо сбежав при первых же затруднениях, теперь он стремительно утрачивал контроль над бывшим государством ан-Нуадона и всеми северными соседями. Те, некогда безропотно экспроприированные Желтой пумой, пользуясь сложившейся ситуацией надавали этой самой Пуме ощутимых пинков, а Тал Дауд никогда не демонстрировал таланты великого полководца. Со своими превосходящими силами он умудрялся терпеть поражение за поражением и сейчас едва удерживал часть подаренного ему восточного соседа, откровенно подумывая удрать к себе в логово. Причем удерживал в основном потому, что там находились армейские корпуса Красной саламандры, охранявшие жизненно необходимый переход между Железными землями и Аяз Молом. Иными словами, толку от эмира Аешского ад-Сейдину также было никакого. Бестолковый союзник быстро терял остатки земель Империи, а хан Гийюр даже при желании не мог прийти к нему на помощь, застряв в краях Голубой щуки. Властелин Железных земель уже сознавал, что фактически от его Империи остался только этот клочок в виде Аяз Мола и его ближайших провинций. Однако этот клочок он отдавать не собирался ввиду очень важного обстоятельства. Город-крепость являлся колыбелью и последней базой для флота Красной саламандры в сердце южных земель. Потерять его означало окончательно распроститься со всеми достижениями. Кроме того, сдав эту твердыню, ад-Сейдин откроет противнику прямую дорогу в Железные земли, куда тот и пойдет, если не удовлетворится достигнутым результатом. Война таким образом закипит прямо в стране Красной саламандры, разоряя ее под-

чистую, чего хан допускать никак не желал. Нет уж, если и столкнуться насмерть, то здесь и сейчас! Последовательно лишившись всех провинций Империи, хан решил во что бы то ни стало отстоять Аяз Мол и готов был драться за него до конца.

Чувство дежавю, упорно преследовавшее как-то совсем сникшего и постаревшего ад-Сейдина, усиливалось, когда он оставался в своей башне один. Размышляя о постигшей Империю катастрофе, хан пытался определить где же он допустил просчет; чего не сумел учесть в той карточной колоде, что всегда столь щедро сдавала ему судьба. Ведь он был всего в одном шаге от достижения своих планов, видел все перипетии мира насквозь, командовал самой могучей армией этой стороны света и управлял крупнейшим государством с незапамятных времен. Терзавшее ад-Сейдина чувство порождала именно принципиальная схожесть мыслей. В прошлый раз они бежали в русле предстоящих свершений, анализируя все обстоятельства и выстраивая стройную цепочку последовательных шагов на пути к цели. Сейчас хан фактически повторял этот путь, пробегая внутренним взором по оставшимся позади событиям и силясь найти в них ответ: где же он совершил непоправимую ошибку? Или все же поправимую? Может так статься, что его легионы вновь воспрянут из пепла и под гордо реющие знамена Красной саламандры победным маршем пройдутся по всем южным и северным землям, объединяя их в единое целое? Если удержать Аяз Мол, если нарастить флот и снабдить его новыми ресурсами, если… Нет, пожалуй, не получится. Понеся огромные потери, армия не утратила боеспособности, но и прежними возможностями более не обладала. Солдаты все еще идут за повелителем до конца, и за оборону своей родины — а Аяз Мол фактически становился форпостом и оплотом этой обороны — будут стоять до конца, однако на новую экспансию их уже не хватит. Не хватит на нее и ресурсов. Экономика Железных земель рухнет, если хан продолжит выжимать из нее все соки, а он не мог допустить, чтобы его замыслы вместо богатства и процветания принесли подданным нищету и неисчислимые беды. Да и политическая карта мира менялась прямо-таки на глазах. Прежде ад-Сейдин ловко пользовался слабостями различных правителей, играя на их вожделениях, страхах и пороках. Он имел дело с разрозненными, самостоятельными государствами со всеми их достоинствами и недостатками. Теперь почти половина из них проявляла редкое единодушие, сплотившись перед лицом внешней угрозы, хотя эта угроза, казалось бы, полностью подчинила их своей воле. Даже ближайшие соседи Железных земель и все слабые государства до самого Далабада, с которыми ад-Сейдин просто не хотел

связываться, считая их недостойными внимания и затрачиваемых усилий, осмелели и вели себя довольно вызывающе. Хан некогда рассчитывал поглотить их без единого солдата, когда победоносные войска Красной саламандры вернутся с севера и эти государства сами попросятся в состав Империи. Теперь же они косились в сторону богатого соседа и подумывали, не удастся ли и им урвать свой кусочек, если ад-Сейдин потерпит крах и его страна ослабнет дальше некуда. Найдется немало улусов, которые у него тут же попытаются оттяпать, а защитить их будет уже нечем… У хана все еще имелся некоторый запас золота, но он быстро истощался на фоне произошедших кардинальных изменений. Если изматывающая война в ближайшие полгода не прекратится, Железные земли начнут влезать в неподъемные долги, а четкий, отлаженный механизм надежной государственной машины заскрипит, угрожая развалиться на ржавые обломки. Да, тут уж точно не до второй экспансии…

Час назад состоялся Военный совет. Совсем как тогда, когда здесь же, в нижнем зале, приближенные ад-Сейдина выдвигали предложения как поступить с землями Голубой щуки и обсуждали планы на будущее. То же самое обсуждали они и сегодня, только в совершенно другом ключе. Почти все сходились во мнении, что сдавать Аяз Мол никак нельзя, и добивать повстанцев на севере тоже. В прошлом Совет решал судьбу племянника Сулеймана Уль Диона, принца Рахмана, и поддержал его дворцовый переворот. Решал он ее и сегодня, вынеся обратный вердикт. Армия Железных земель не станет рисковать всем, вызволяя из плена своего жалкого сателлита, допустившего восстание в Империи и затем столь бесславно павшего его же жертвой. Принц Рахман опозорил себя дважды. Первый раз, когда убил своего дядю и его сыновей ради захвата власти, пусть это и было в интересах Красной саламандры. Взяв себе новое имя, не то следуя старинной традиции, не то пытаясь смыть с себя прилипшие к старому пятна крови, ныне Саргал Уль Дион вновь обесчестил его трусостью. И теперь понесет за свои прегрешения заслуженную кару. Ад-Сейдина радовало практически полное единодушие его приближенных в такое трудное время, но отделаться от мысли, что он поступает как-то неправильно, хан все же не мог. Вернувшись к себе в покои, он уселся подле топившегося камина и молча смотрел на игру жаркого пламени, чьи красные языки весело плясали на потрескивавших поленьях. Ад-Сейдину же было не до веселья. Возможно, стоило хотя бы из принципа попытаться выдернуть ничтожного эмира из рук повстанцев. Возможно, стоит вообще оставить эти земли вместе с крепостью и флотом в обмен на заключение мира,

если северяне и их союзники пойдут на такие переговоры и примут их условия. Да, все великие надежды хана окончательно пойдут прахом, зато он сохранит покой и благоденствие своей родины, перед которой несет обязательства. Возможно, стоит…

От дверей послышался тихий шорох. Стояла глубокая январская ночь. Здесь, в Аяз Моле, она не приносила с собой таких лютых холодов как где-нибудь в Ганхельде или Орнхольме, но и камин топился отнюдь не просто так, согревая камни цитадели. Хан не видел посетителя. Это мог быть кто-нибудь из приближенных, имевших право входить к нему в любое время дня и ночи, но он давно узнавал почти бесшумную походку.

— Почему Кристальный Каскад солгал? Почему он показал мне ложное видение? — негромко спросил ад-Сейдин, продолжая смотреть в глубину пламени.

— Это не так, повелитель. Кристальный Каскад никогда не лжет, — раздался вкрадчивый голос вошедшего.

— Разве? Я задал четкий вопрос и отлично помню каждое его слово. Если что-то в этом мире может помешать моим планам, я, Гийюр ад-Сейдин, властелин Железных земель, наследный хан Ста городов и законный владелец родовой платиновой печати, желаю увидеть это здесь и сейчас — вот что я сказал тогда. И что же я узрел в ответ? Прибежище Липкого огня, — без всякого гнева произнес хан, просто констатируя прошлое. — Но ведь отнюдь не Липкий огонь разрушил все мои планы, обратив их в прах. Ведь ты же не будешь сейчас утверждать, что еще не все потеряно и моя Империя возродится из пепла?

— Повелитель, Кристальный Каскад никогда не лжет. Ошибаются люди, интерпретируя дарованные им видения по-своему, — пояснил Дегонис. — Ты решил… Да чего уж там — мы оба решили, что речь шла о Липком огне. Боюсь, на самом деле Каскад подразумевал совсем другое.

— Тогда объясни-ка мне, что же я увидел на самом деле, — предложил ад-Сейдин подошедшему к нему верховному колдуну.

— Каскад предупреждал тебя о Штельской ведьме, — ровным голосом изрек Дегонис.

— Что?! — поразился хан, невольно поворачиваясь к собеседнику.

— Именно так, повелитель. Теперь я в этом абсолютно уверен, — кивнул колдун.

— Но это же просто бред! Почему тогда он показывал мне какие-то пейзажи вместо того, чтобы четко явить образ этой особы?! — воскликнул ад-Сейдин.

— Загвоздка заключалась в самом вопросе. Ты спросил, как сам только что напомнил: "если что-то в этом мире может помешать

моим планам...", и невольно лишил Каскад возможности ответить тебе более ясно, — сказал Дегонис.
— Я не понимаю. Говори толком! — нахмурился хан.
— Она не из этого мира, — тихо ответил верховный колдун. — Кристальный Каскад не мог показать тебе Штельскую ведьму, но не мог и совсем проигнорировать заданный вопрос. Поэтому ты и наблюдал панорамы местности, в которых пророческий инструмент пытался на чем-то сфокусироваться, но у него это никак не получалось. Он был обязан дать тебе желаемое, однако формулировка поставленного вопроса вступала в логический конфликт с сущностью целевого объекта. Этим и были вызваны столь странные видения, которые мы ошибочно приписали тайне Липкого огня, взяв за основу ее нематериальность и нынешнее местонахождение. Признаюсь — если ты сразу уверился в сделанном выводе, то я поначалу испытывал некоторые сомнения. Уж больно странно вел себя Каскад. Я долго и тщательно обдумывал увиденное, но все же пришел к выводу, что ничего другого просто не может быть. И разделил твое заблуждение, повелитель.
Хан стиснул подлокотник кресла до белизны в костяшках пальцев. Опять Штельская ведьма! Поистине она оказалась его злым роком. Алая звезда, как называли ее северяне. Для Гийюра ад-Сейдина она стала несчастливой звездой, олицетворявшей крушение всех его великих замыслов. Теперь о ней говорили практически все. С приходом армии чародеек в южные земли о Рубистелле узнали во всех краях, присоединившихся к Освободительному союзу. Да и не только в них. О ней ходили невероятные слухи, слагали фантастические легенды, а потом якобы выяснялось, что все это правда и даже больше. К восторгам северян, едва ли не поклонявшихся этой особе, чье имя они избрали своим боевым кличем, теперь добавлялось растущее восхищение южных народов. Говорили, что верховное командование слушается ее беспрекословно, а северяне убьют на месте любого, кто осмелится не то что тронуть, а хотя бы оскорбить их бесценную Рубистеллу. Ей не осмеливались перечить даже самые могущественные чародейки, а ее сверхъестественные чудеса завоевывали тысячи почитателей среди новых членов Оборонительного союза. Воздействие Штельской ведьмы было непреодолимо. Одним усилием воли она превращала людей в марионеток, безропотно выполнявших все ее приказы. Не только людей. Ее слушалась любая живая тварь. Полчища диких зверей немедленно приходили по первому ее зову, а птицы становились ее крылатой армией, способной на такое, о чем прежде никто не мог даже мечтать. Ад-Сейдин до сих пор, несмотря ни на что, считал бы все эти истории выдумками, рожденными разыгравшимся вооб-

ражением суеверных обывателей, кабы лично не столкнулся с означенными явлениями на поле боя. При этом он никак не мог понять, почему Штельская ведьма, если она настолько всесильна, как о ней говорят, до сих пор не явилась по душу самого хана Гийюра? Элементарная логика подсказывала, что у этой особы имелось предостаточно возможностей обезглавить Красную саламандру, с ее-то расписанными всеми кому не лень талантами. Так почему же она этого не сделала еще давным-давно, одним махом поставив точку во всей затянувшейся истории? Ад-Сейдин, как ни ломал голову, так и не находил этому парадоксу внятного объяснения. Напрашивался вывод, что Штельская ведьма далеко не так всемогуща, как ее представляют, но этот вывод разбивался об очевидные факты, лично подтверждаемые самим ханом и многочисленными заслуживающими доверия свидетелями. Возможно, в только что услышанном от Дегониса и кроется ответ на все мучительные вопросы. Ад-Сейдин напряженно обдумывал новые сведения о предсказании Кристального Каскада и Штельской ведьме, взглянув на них совсем с другой стороны. И вдруг, осененный какой-то мыслью, резко изменился в лице.

— Постой! Раз ты так говоришь, значит, ты знаешь кто она? — пытливо спросил хан, неожиданно сообразив, что кроется в словах колдуна.

— Да. Знаю, — глухо отозвался Дегонис.

Теперь скрывать что-либо не имело особого смысла. В прошлый раз колдун утаил от ад-Сейдина часть очень важных сведений, чтобы тот, чего доброго, не передумал воевать с чародейками. Дегонис старался любой ценой не допустить отмены штурма Данерхейма, включая откровенный подлог и перехват корреспонденции. Он шел ва-банк, прекрасно сознавая, что другой возможности у него уже не будет. Но время было безвозвратно упущено. Лишившись серьезных стратегических ресурсов, ослабленные Манипуляторы не смогли оказать легионам Красной саламандры необходимую поддержку. Победа была близка, и в какой-то момент даже казалось, что крепость вот-вот падет. Увы, вмешательство Принцессы Крови уже достигло критической точки. Дегонис никак не мог забыть, что она так долго была у него в руках, слабая и беспомощная. Всего один удар кинжалом — и сейчас на месте Альмирстала дымились бы обугленные руины! Судьба распорядилась иначе. Верховный колдун, уверенный в своем могуществе, проглядел прямо у себя под носом единственного врага, которого ему следовало немедленно уничтожить. Подумать только — он столько дней находился подле ее бесчувственного тела во время поездки в Калихари! Знал бы он, кого везет и с кем разговаривает там, у под-

ножия развалин древнего дворца. Перед ним во плоти была Принцесса Крови, а он — он! — вел с ней какие-то идиотские разговоры, воображая что обведет ее вокруг пальца, когда ему следовало убить девушку на месте. Но откуда же он мог знать?.. Впрочем, оправдание так себе. На сущность Илианы указывало столько косвенных фактов, что будь Дегонис хотя бы немного прозорливее, он был просто обязан догадаться с кем имеет дело. Ведь и бедолага Алепид взорвался вместе со своей лабораторией наверняка отнюдь не из-за неудачного эксперимента с химическими веществами. Если припомнить, как раз накануне он ловко взял у внучки шейха образец крови и собирался ее исследовать. Результат не заставил себя ждать, а Дегонис даже тогда не удосужился свести концы с концами. Он-то мнил себя великим колдуном, знающим все и обо всех, и это величие сыграло с ним злую шутку, застлав глаза и разум. Впрочем, теперь уж ничего не поделаешь.

— И долго ты собираешься молчать? — спросил ад-Сейдин с нотками нетерпения.

Дегонис встрепенулся. Оказывается, собираясь ответить повелителю, он незаметно для себя погрузился в раздумья и потерял счет времени.

— Она не из этого мира, — повторил колдун, возвращаясь к действительности.

— Это я уже слышал, — поморщился хан. — Так кто она? Что ты о ней знаешь? Откуда она вообще взялась и при чем здесь было видение Нирелина, увиденное мной в Кристальном Каскаде, а в следующий раз моего собственного дворца?

Дегонис усмехнулся. Незаметно для собеседника, ибо его лицо по-прежнему скрывал традиционно непроницаемый капюшон. Даже сейчас ад-Сейдин не замечает очевидного, когда, казалось бы, все карты выложены на стол; не может сложить два и два, учитывая, что с означенным оазисом связано не так уж много. Впрочем, чья бы корова мычала! Сам-то верховный колдун тоже хорош, и сейчас будто смотрелся в зеркало своих прежних заблуждений.

— Повелитель, ты помнишь тот день, когда я впервые заговорил с тобой о Липком огне? — неожиданно спросил Дегонис.

— Разумеется. Такое не забывается. И что? — слегка удивился хан, но не одернул собеседника, посчитав его реплику прелюдией ответа на поставленные вопросы.

Дегонис, однако, завел эту тему отнюдь неспроста.

— Тогда ты обещал мне свое покровительство. Взамен на открытый секрет ты дал слово, что я и мои люди получат полную неприкосновенность как лично, так и в своей работе. Мне не в чем тебя упрекнуть, но ввиду нынешних обстоятельств я вынужден просить

дополнительных гарантий. Я открою тебе тайну личности Штельской ведьмы, если ты позволишь беспрепятственно забрать из Нижних подземелий все, что я пожелаю, и уйти, если дело примет совсем дурной оборот. Ведь если мы потеряем Аяз Мол…
— Ты тоже собрался меня покинуть? — криво улыбнулся ад-Сейдин.
— Если бы это было так, я бы уже это сделал, — заметил верховный колдун. — Тем не менее, я и мои люди все еще с тобой. Однако я прекрасно понимаю, что чародейки в лице Оборонительного союза могут потребовать нашей выдачи. Просто так ты, разумеется, им не уступишь, но если они сделают это условие частью приемлемого мирного договора, то…
Дегонис многозначительно не закончил, но хан понял, куда тот клонит. Верховный колдун опасался стать разменной монетой в переговорах, на которые властелин Железных земель вполне мог пойти, очутившись на краю пропасти. Во всяком случае, хан думал что понял. На деле Дегонис планировал совсем иное. Он и не помышлял играть в великую преданность, оставаясь с повелителем до конца. После поражения у Данерхейма верховный колдун больше не строил иллюзий, но не покинул ад-Сейдина по ряду немаловажных соображений. Сбежать немедленно означало не только выдать себя с головой, но и лишиться всех ресурсов, еще остававшихся в распоряжении Манипуляторов. Хан продолжал оказывать колдунам покровительство, но при этом не забывал и о расследовании. Ввиду краха Империи оно было отложено, поэтому пока Дегонис оставался на виду, изо всех сил стараясь для Красной саламандры, это было его лучшим прикрытием. Бегущие сразу — тут же попадаются. Те, кто уходит под самый занавес, хорошенько подготовив пути отступления, благополучно и бесследно исчезают. Сейчас Дегонису и его людям безопаснее всего было именно подле ад-Сейдина, но только до поры, и все отпущенное время следовало потратить на организацию собственного спасения. Именно поэтому верховный колдун продолжал сопровождать властелина Железных земель, а его Манипуляторы не щадили сил, замедляя падение Империи. Ад-Сейдин, разумеется, всего этого не знал и в очередной раз истолковал слова колдуна совсем не так, как следовало бы.
— Что ж, ты имеешь право просить таких гарантий хотя бы потому, что не бросил меня так, как все остальные союзники, — великодушно заметил ад-Сейдин к злобной радости собеседника. — Ты совершенно прав: чародейки вполне могут потребовать твою голову и головы всех тех, кто помогал мне строить новую Империю. Не в моих правилах воздавать черной неблагодарностью за помощь и

преданность. Да, я могу дать обещание, что не выдам тебя и твоих людей и позволю вам уйти, когда ты пожелаешь, вместе со всей своей собственностью.
— Даже если чародейки потребуют моей выдачи взамен на приемлемые для тебя условия? — осторожно уточнил Дегонис.
— Ты знаешь — мое слово нерушимо, — напомнил хан. — В случае чего, я дам тебе возможность беспрепятственно исчезнуть, а затем просто разведу руками и заявлю, что понятия не имею где ты находишься. Ведь это, как я понимаю, будет сущей правдой.
— Тогда дай мне свое слово, повелитель, и мои знания к твоим услугам, — сказал верховный колдун, протягивая хану вынутую из рукава бумагу.
— Что это? — осведомился тот.
— Это приказ не чинить мне и моим людям препятствий при сборе имущества и отъезде, — пояснил Дегонис. — Лучшей гарантии не существует. С твоей подписью и печатью никто не осмелится нарушить выданное мне обязательство.
— Резонно, — усмехнулся хан. — Да будет так.
Вооружившись письменным прибором, услужливо перемещенным колдуном прямо по воздуху, он окунул перо в чернильницу и поднес его к развернутой перед ним бумаге. Легкое шуршание сопровождало бег пера, выводившего гордое имя ад-Сейдинов. Скрепив документ большой красной печатью, властелин Железных земель свернул его в трубочку.
— Теперь у тебя есть мое слово, — сказал он, протягивая бумагу собеседнику.
Громкий звук, раздавшийся откуда-то из-за спины, заставил хана вздрогнуть от неожиданности и машинально отдернуть свиток, едва не перекочевавший в руки к торжествующему Дегонису. Это был звук распахнувшейся двери, ведущей на лоджию.
— Остановись, отец! — воскликнул чей-то до боли знакомый голос.
— Остановись, что бы ты сейчас ни делал!
Изменившись в лице, хан вскочил с места как ужаленный, с грохотом опрокинув отлетевшее кресло. Круто развернувшись, он вперил взор в направлении незабываемого голоса и увидел его обладателя. Это была его младшая дочь. Потеряв дар речи, ад-Сейдин смотрел на Талару пораженным взглядом, силясь сообразить откуда она здесь взялась. Не менее поражен был и Дегонис, однако его замешательство вызвало отнюдь не появление дочери повелителя. В отличие от хана, он глядел не на Талару, а на ту, кто находилась позади нее. Там, не сводя с колдуна мерцающих сиреневых глаз, стояла Принцесса Крови.

Безмолвная сцена длилась всего несколько секунд, показав-

шихся присутствующим вечностью. Каждый испытывал сильнейшие чувства, серьезно разнящиеся с теми, что захлестывали остальных. Талара была поистине рада снова увидеть отца живым и невредимым, и желала уберечь его от дальнейших губительных ошибок. Хан был потрясен внезапным появлением дочери и переживал крайне противоречивые мгновения счастья и сомнения одновременно. Дегонису же до этой семейной встречи не было ни малейшего дела. Гнев и досада, злоба и ненависть заполонили его черную душу при виде той, кто явился подлинной причиной крушения всех великих планов. Даже сейчас, когда он вот-вот заполучил бы драгоценную охранную грамоту, позволяющую беспрепятственно скрыться из пределов досягаемости Красной саламандры, он вновь потерпел очередную неудачу. Но к этому набору целой бури отрицательных эмоций примешивалось и кое-что еще. Страх. Да, верховный колдун испытывал самый настоящий страх, ибо хорошо знал, на что способна Принцесса крови. А та смотрела на него не отрываясь, и Дегонис прямо-таки кожей ощущал исходившую от нее великую силу. Смотрела сиреневыми глазами — столь отличительным признаком своего рода, — еще не заволоченными алой дымкой. Илиана выглядела совершенно спокойной, но в ее душе кипели великие страсти. При виде заклятого врага, являвшегося виновником всех обрушившихся на стольких людей несчастий, она готовилась к самой важной схватке. Ее подозрения оправдались. Дегонис был просто пропитан скверной, и справиться с ним одним лишь мановением руки даже для нее было невозможно. Илиана тщательно прощупывала исходивший от колдуна фон, изучая его сущность и выискивая слабое место. Смертельные враги не нападали друг на друга, хотя именно таков был их первый с трудом подавленный импульс. Илиана знала с кем имеет дело, и это удерживало ее от немедленной атаки, заставляя хорошенько взвешивать все свои действия. Дегонис, в свою очередь, был осведомлен о возможностях Принцессы Крови, и не мог допустить даже малейшей оплошности, грозившей ему роковым поражением. Парадокс этой ситуации заключался в том, что верховный колдун лучше самой Илианы знал кто она такая, и столь необычное распределение этих знаний удерживало противников от взаимного нападения.

— Талара! — наконец воскликнул ад-Сейдин.

Отцовские чувства взяли верх, и он, просветлев лицом, шагнул навстречу дочери, раскрывая объятия. Та, на мгновение забыв про все, бросилась к нему и обняла, немедленно и сама обвитая крепкими любящими руками. Первые слова, сказанные обоими, не имели никакого отношения ни к войне, ни к какой-либо иной

драме, кроме драмы их продолжительной разлуки. Затем, малопомалу, рациональные чувства взяли верх.
— И где же ты была? — спросил хан, когда Талара мягко отстранилась и отступила на два шага. — Я ведь пропустил твой день рождения. Такой важный день рождения!
Минувшей осенью принцессе исполнилось восемнадцать лет, и она стала совершеннолетней. Маленький праздник состоялся в кругу друзей практически в походной обстановке.
— Я скрывалась. Скрывалась от него, — ответила принцесса, указав пальцем на стоявшего поодаль колдуна.
— Мне говорили, что тебя видели в Данерхейме. Что ты разговаривала там с моими пленными солдатами… — осторожно сказал хан и не договорил.
— Да, я была там. Ибо только там эти злодеи не могли меня достать, — смело ответила Талара. — И я действительно рассказывала солдатам об их преступлениях. Никогда я не поднимала меч против тебя, отец, и никогда не призывала делать это никого из твоих подданных. Но эти демонопоклонники — совсем другое дело. Они твои истинные враги. Они воспользовались тобой, чтобы захватить власть над миром. Затем ты бы стал им не нужен. Они и замену тебе приготовили — моего брата Камаля. Он был куда податливее, чем мой старший брат, который не поддавался их влиянию, за что и был убит кем-то из этой своры. А младшего обрабатывали годами, и он был готов занять твой трон, едва падет Альмирстал. Но Альмирстал не пал, и план этого исчадия ада рухнул.
— Значит, это и впрямь благодаря тебе мои солдаты отказывались выступать бок о бок с колдунами, отчего я сформировал два вспомогательных фронта практически без колдовской поддержки. И впоследствии это дало себя знать, — с горечью произнес хан, окинув дочь таким взглядом, что у той защемило сердце.
— Да говорю же тебе, отец, не там ты видишь своих врагов! — воскликнула Талара. — Истинный враг с самого начала был подле тебя. Наш общий враг. Враг всех свободных людей! И сейчас он здесь. Стоит вон там и думает, небось, как ему снова выкрутиться. Не на этот раз, мерзавец, ибо я пришла не одна!
— Кстати, а кто это с тобой? — спросил ад-Сейдин, среагировав на последнюю фразу и только теперь обратив внимание на спутницу своей дочери.
— Это моя лучшая подруга, отец. Разве ты не узнаешь ее? Илиана, внучка старого шейха ан-Бакира, — сказала Талара, делая шаг в сторону, чтобы не загораживать девушку.
— Илиана? — удивился хан. — Ах да, точно. То-то я гляжу лицо знакомое. Невероятно! Надо же как ты выросла! Тебе же должно

быть сейчас лет двенадцать, а выглядишь ты как молодая женщина… Кстати! Талара говорила что тебя похитили, и обвинила в этом моего главного колдуна. Это правда?
— Да. Все, что рассказывала Талара, соответствует истине, — кивнула Илиана, продолжая смотреть на своего врага. — Этот человек попытался меня убить и, можно сказать, преуспел в своем намерении, ибо вернулась к жизни я совсем другой.
— Если так, я желаю выслушать все и прямо сейчас! — заявил нахмурившийся ад-Сейдин. — Довольно я пренебрегал дочерью.
— Я бы не стал ее слушать, повелитель, — вдруг подал голос Дегонис. — Это небезопасно.
— Это еще почему? Считаешь, что девушки сговорились или боишься, что они поведают мне правду? — спросил хан с заметным холодком в голосе.
— Нет. Дело совсем в другом. Дело в самой подруге твоей дочери. Ты знаешь ее как Илиану, но у нее теперь есть и другое имя, куда более известное, — отозвался верховный колдун.
— Да? И какое же? — усмехнулся ад-Сейдин.
— Штельская ведьма, — тихо произнес Дегонис.
Появившаяся было улыбка застыла на лице властелина Железных земель, когда он вдруг осознал, что колдун и не думает шутить. Лицо хана вытянулось. Побледнев, он воззрился на девушку с сиреневыми глазами, впервые ответившую ему встречным взглядом.
— Ты?! — выдохнул он пораженно.
Илиана чуть улыбнулась уголком рта, стараясь ни на мгновение не ослаблять наблюдение за врагом.
— Проклятье, ну конечно! Какой же я глупец! Нирелин! — воскликнул хан, звонко треснув себя по лбу. — Это с самого начала была ты, а я даже не догадывался!
— Северяне зовут ее Рубистелла, — подтвердила Талара. — Для меня же она по-прежнему Илиана и лучшая подруга. Между прочим, это она запретила тебя трогать, сумев убедить командование северян и даже чародеек. Ты никогда не задумывался, отец, почему на тебя лично ни разу не напали ни горгульи, ни кто бы то ни было еще, включая саму Илиану? А та ночная бомбардировка сферой Липкого огня была блефом, и ты в него поверил. Неужели ты еще тогда не заподозрил насколько нелогично поджигать соседний холм, но при этом предупреждать тебя, хотя куда проще сразу обезглавить всю армию?
О да, ад-Сейдин неоднократно над этим размышлял и никак не мог найти хоть сколь-нибудь приемлемого ответа. Замечание дочери попало не в бровь, а в глаз. Открыв было рот для резкого замечания, хан так ничего и не сказал. Он вдруг начал понимать,

что все происходящее гораздо сложнее, чем ему представлялось до сих пор. Если эта Илиана действительно Штельская ведьма, то почему она его до сих пор не убила? Зачем явилась сюда среди ночи вместе с его дочерью? Пожалуй, есть смысл об этом спросить, да и вообще услышать все, что обе девушки собирались сказать, а уж потом принимать решение.

— Вам нечего бояться, хан. Я вас не трону. Мы просто поговорим все вместе, — произнесла вдруг Илиана спокойным голосом, таким мелодичным, будто собиралась зачаровать слушателей.

— Я ничего не боюсь! — гордо вскинул голову ад-Сейдин совсем как когда-то Талара у клетки с тигрицей Зарой.

— И совершенно напрасно, — заметила Илиана. — В данный момент ваш колдун, судя по всему, обдумывает возможность напасть на вас и взять в заложники. Он полагает, что на глазах Талары я не рискну подвергнуть вас угрозе и прикидывает, успеет ли он осуществить задуманное до того, как я смогу ему помешать. Взвешивает, стоит ли игра свеч. Он не позвал стражу, ибо знает, что против меня это не только бесполезно, но лично для него и небезопасно.

Хан чертыхнулся, откровенно не зная что сказать и кому вообще верить. Талара вдруг сделала шаг к отцу, повернулась к нему спиной и выхватила свой меч, направив его в сторону колдуна. Этот красноречивый жест дал ад-Сейдину понять, что обе девушки сейчас отнюдь не его считают врагом и источником общей угрозы подчеркнуто обозначают колдуна.

— Дегонис, что ты молчишь? Ничего не хочешь сказать? — осведомился изрядно сбитый с толку хан, невольно тронутый поведением дочери.

— Талара под управлением Штельской ведьмы, как и твои солдаты на поле боя, — глухо отозвался колдун. — Как можно верить в искренность происходящего в присутствии Принцессы Крови?

Илиана немедленно навострила уши. Ад-Сейдин подумал, что Дегонис подразумевал Талару и никак не мог уловить в его словах какого-либо смысла. Илиана же поняла кого имел в виду колдун, и тут же насторожилась, озадаченная уже встречавшимся ей прежде именованием.

— Не слушай его отец! — воскликнула Талара. — Никто мной не управляет! Илиана поклялась, что никогда этого не сделает. Пусть лучше этот злодей объяснит вот что. Если Илиана способна заставить меня подчиняться, почему она не заставляет моего отца?

— Повелитель, ты можешь даже не понять, что тобой управляют. Ты осознаешь это потом, когда освободишься от ее воли, — тут же парировал Дегонис, обращаясь к ад-Сейдину.

— Возможно, — усмехнулась Талара, не дав хану и слова вставить. — Но скажи-ка, верный и преданный слуга моего отца, что тогда мешает ей проделать то же самое с тобой?! Исходя из твоей же логики! Ведь она до сих пор так не поступила, хотя таким образом одним махом решила бы все проблемы!
Колдун растерялся, сообразив, что принцесса поймала его в ловушку. Ад-Сейдин, не упускавший ни одного слова из этой невероятной драмы, заметно помрачнел, глядя на фигуру в черном балахоне.
— Отвечай на вопрос, Дегонис, — предложил он не слишком любезным тоном.
— Повелитель, я колдун. Она не может со мной справиться так, как справляется с другими, — наконец нашелся тот.
— Насколько мне известно, это не мешало Илиане управляться с твоими ублюдками! — резко заметила Талара.
— Я сильнее их всех! Я ей не по зубам! — прошипел Дегонис.
— Ваш колдун отчасти прав, хан, — сказала вдруг Илиана. — Я действительно не могу с ним управиться так, как со всеми остальными. А на свете есть только три вещи, которые мне неподвластны: мертвая плоть, ибо в ней нет жизни, колдовские существа, поскольку они суть средоточие чар, и, наконец, создания иного мира, к коим относится и такая сущность, как скверна. Та скверна, что исходит от обитателей так называемой преисподней; демонов, чье дыхание насквозь отравило этого злодея. Отравило настолько сильно, что это не позволяет мне обойтись с ним традиционным образом. Но он лжет, что мне не по зубам. Не ошибается, а именно лжет. Ведь он все еще человек, хотя от этой природы там осталось довольно мало. Будь он уверен в моем бессилии, он бы уже напал на кого-нибудь из нас или предпринял что-нибудь еще. Но он боится. Боится меня. Боится так, как никого еще не боялся! Я чувствую его страх! Чувствую, как он растет и ширится! Его демоническая часть плохо поддается моей власти и будет ей сопротивляться. Она уже ей сопротивляется. Однако с человеческой я уж как-нибудь совладаю.
— Отец! Сделай свой выбор! Сделай свой выбор прямо сейчас! — воскликнула Талара. — Клянусь тебе честью нашего рода — я сказала тебе сущую правду! Обнажи меч и направь его на своего подлинного врага! Не веришь мне, поверь моей матери!
Хан даже не успел сообразить что означают эти слова, как дверь на лоджию вновь распахнулась, пропуская какую-то фигуру. Бросив на нее взгляд, властелин Железных земель остолбенел.
— Талара говорит правду, любовь моя, — мягко сказала вошедшая Сантара. — Верь ей. Верь нам. Верь во имя себя, меня и наших

пятерых детей.
— Четверых, — машинально поправил хан, чувствуя, как голова у него идет кругом. — Наш старший сын умер.
— Теперь уже пятерых. Ты же видишь, я разрешилась от бремени. Минувшим вечером у тебя родился еще один сын, и он ждет когда ты дашь ему имя, — ласково улыбнулась Сантара, вложив в свой голос бесконечную нежность.
— Но как же… Как это возможно?! Минувшим вечером?! Но ты же здесь! И ты прекрасно выглядишь! — изумился ад-Сейдин, окончательно перестав все либо понимать.
— Это Илиана. Она исцелила меня тогда, когда злые колдуны отравили мои тело и разум. Она исцелила меня и сегодня. Я совершенно здорова и буду с тобой до конца, что бы ни произошло, — пояснила Сантара.
На лице властелина Железных земель отразилась совершенно непередаваемая игра чувств. Все мускулы напряглись, а руки задрожали будто в лихорадке. Мутнеющим взором, словно пьяный, хан взглянул на Дегониса. Тот на мгновение отвлекся, невольно поглощенный разыгравшейся сценой. Совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно. Сконцентрировав всю волю в одном мощном импульсе, Илиана нанесла точный удар. Дегонис вдруг ощутил ее непреодолимую хватку, и прежде чем скверна успела отразить внезапный натиск, собственной рукой сорвал со своей головы непроницаемый колдовской капюшон.
— Взгляни, хан! Взгляни, кого ты пригрел на своей груди! Вон оно — истинное лицо твоего верного слуги! — громогласно воскликнула Илиана, протянув руку в направлении врага.

Дегонис уже давно не был человеком. Точнее, не был им в традиционном понимании этого слова. Его человеческую основу трансформировала скверна, долгие годы пожиравшая колдуна в большой концентрации, и трансформировала весьма заметно. Уродство, некогда полученное Дегонисом в схватке с сестрами Гексенхаммера, обрело совсем иные масштабы. Часть легенды колдуна, объяснявшей его вечно укрытую голову, соответствовала истине. Этот злодей действительно серьезно пострадал в жестокой схватке. Он сумел унести ноги, но память о том бое навечно запечатлелась на нем шрамами и ожогами. И с годами внешность Дегониса лучше не стала. Строго наоборот — она подверглась очень примечательным изменениям. Скверна давно должна была его погубить, сведя с ума либо выпив всю жизнь, однако ничего подобного не произошло. Демоническая сущность, глубоко пустив корни в человеческом теле, вызвала мутацию, и она значительнее всего проявлялась вокруг головного мозга — этого центра искаженной

до неузнаваемости личности. Лицо, обтянутое неестественно красной кожей, выделялось резкими скулами с сеточкой вен, складывавшихся в зловещие синюшные символы. Нос походил на клюв, ибо там, где полагалось быть хрящу и плоти, поврежденным в результате схватки, появился костяной нарост, вылезавший прямо из черепа. На лишенной волос голове с отчетливо проступавшими на ней черными письменами, наблюдалось еще два нароста. Их расположение и внешний вид самым непосредственным образом смахивали на те, что украшали прародителей скверны, а проще говоря, демонов. Конечно, это было лишь некое подобие, но все же не приходилось сомневаться — у Дегониса имелись небольшие костяные выпуклости, обычно называемые рогами. Бескровные губы колдуна, поврежденные и высохшие из-за полученных увечий, не полностью закрывали зубы. Через прореху было хорошо видно, какой хищный оскал представляет собой кривившийся рот, усеянный желтоватыми острыми клиньями. Под излишне массивными надбровными дугами горели злобой оранжевые глаза, и зрачки этих глаз вместо традиционно круглых, человеческих, обрели заметно вытянутую вертикально форму. В глубоких шрамах, оставшихся на этом жутковатом лице, равно как и на коже черепа, тускло проступало какое-то красное свечение, будто в глубине головы тлели горячие угли. Демонология — эта зловещая и губительная стезя погибели, — каким-то образом не уничтожила очередного адепта, пощадив основы жизни колдуна. В остальном же влияние скверны следовало неизменным традициям. Колдун, вероятно, и сам не заметил, как перешел грань, навсегда изменившую его восприятие. Кем бы он теперь ни являлся, от него прежнего не осталось ничего. Мысли, витавшие в глубине неестественно выглядевших глаз, принадлежали некоему существу, возможно, все еще считавшему себя человеком, но по сути превратившемуся в сгусток злобы пополам со скверной.

Пользуясь покровительством властелина Железных земель, Дегонису отлично удавалось скрывать свою внешность при помощи низко опущенного капюшона, неизменно наполненного колдовской завесой. Никто не осмеливался сорвать с него этот покров. К тому же, такая попытка не принесла бы результата. Капюшон и витавший под ним полумрак прочно удерживались могущественными чарами, разрушить которые было мало кому под силу. Из присутствующих сейчас в покоях ад-Сейдина сделать этого не смог бы никто. Илиана поступила проще. Улучив момент, она заставила Дегониса сдернуть покров своей собственной рукой, таким образом разрушив старательно наведенное заклятье. Девушка, хорошо прощупавшая фон колдуна, уже подозревала увидеть

под капюшоном нечто крайне примечательное, но даже она была впечатлена открывшимся зрелищем. Талара побледнела, еще крепче стиснув направленный на врага меч. Сантара испуганно охнула, схватившись за грудь. Илиана краешком мысли быстро отметила, что поступила крайне верно, не притащив любимую супругу повелителя вместе с новорожденным, да и вообще дождавшись счастливого разрешения от бремени. Наиболее бурно среагировал хан. Когда первый столбняк прошел, он побагровел от гнева и выпалил такое ругательство, что у дочери порозовели уши. Отстранив Талару, он с яростным лязгом выхватил свой клинок, отдавшийся звоном от каменных стен башни.

— Стража! Ко мне! — взревел ад-Сейдин столь страшным голосом, что у присутствующих похолодели сердца.

У всех, разумеется, кроме Дегониса. Тот, ошеломленный своим собственным жестом и последовавшей за этим немой сценой, понял, что его маскарад раскрыт и дальше ломать комедию бесполезно. Выбросив вперед обе руки, он швырнул сразу два искажающих заклятья. Помешать ему Илиана не смогла, но подобный ход она в целом предвидела. Толкнув отца, Талара приняла на себя удар. Защитный амулет Сирелины, созданный на основе Эмбринусов, моментально раскалился, вступив в противоборство со злыми чарами. Принцесса почувствовала, как у нее темнеет в глазах, а тело наливается болезненной слабостью, но это было ничто в сравнении с предотвращенными последствиями. Илиана, в свою очередь, закрыла Сантару. Кому в точности предназначался выпад она не знала, но ей он не повредил. Девушка лишь поморщилась, ощутив молниеносно продернувшую тело умеренную боль.

— Это все на что ты способен? — холодно спросила она колдуна.

Тот явно не ожидал столь незначительного эффекта от своей атаки и исторг волны ненависти с замешательством одновременно.

— Да ты никак хотел убить своего повелителя? — продолжила Илиана, чувствуя, как ослабела Талара. — Зачем, скажи на милость? Тебе надо убить меня. Будешь растрачивать силы на других — точно не выживешь.

Разговоры, казавшиеся совершенно неуместными в этих обстоятельствах, девушка вела не просто так. При всех своих возможностях она не была чародейкой, способной защитить союзников заклинаниями. Илиана использовала свои методы. Слушая ее чарующий голос, колдун отвлекался, ибо голос и впрямь воздействовал на разум. Кроме того, девушка отнюдь не бездействовала, незаметно для самого колдуна вторгаясь в его внутреннее пространство. Дело едва не испортил хан. Бросившись на уродливое чудовище, столько лет лгавшее ему в лицо, ад-Сейдин нанес ему удар

своей фамильной саблей. У простого человека от такого взмаха голова слетела бы с плеч, но только не у Дегониса. Защитные чары надежно оберегли демонолога от закаленной стали. Небрежно махнув запястьем, колдун отшвырнул нападавшего в сторону мощным Бесплотным ударом. Илиана сумела компенсировать атаку, послав хану значительный заряд жизненной энергии, но тому все равно досталось. Трудно было сказать, убил бы Дегонис бывшего повелителя или нет, если бы приложил больше стараний. Во всяком случае, слова Илианы не прошли даром, искусно переплетясь с собственными соображениями колдуна. Ад-Сейдин не представлял для него опасности, и растрачивать на него силы и концентрацию было непозволительной роскошью. Дегонис полностью сосредоточился на Принцессе крови, обращая внимание на остальных лишь постольку поскольку. Талара вскрикнула, испугавшись за отца, но Илиана тут же направила ей успокоительный импульс. Она чувствовала, что хан серьезно не пострадал и, ошеломленный, скоро встанет на ноги. Глаза Илианы затянуло алым. Дегонис заскрежетал зубами. Принцесса крови неторопливо направилась прямо к нему, окутываясь нараставшим свечением. Колдун прорычал заклятье на искаженном колдовском наречии — типичном языке демонологов. Его глотка неожиданно полыхнула, будто в ней проснулось жерло вулкана. Из осклабленного рта вырвался столб пламени, ударивший прямо в Илиану. От него не веяло жаром. Это был холодный огонь. Колдовской огонь преисподней. Выставив руку ладонью вперед, девушка отразила натиск, развеявшийся вокруг нее яростными сполохами. Алое сияние усилилось, поглощая вредоносное излучение. Тело Илианы заживлялось быстрее, чем ему наносились повреждения. Колдовство не смогло преодолеть столь интенсивное восстановление, разбившись о его жизненную силу. Дегонис изрыгнул проклятье, воплотившееся в язычках облизавшего губы пламени, и толкнул девушку могучим Бесплотным ударом. В отличие от темных чар, практически не действовавших на Илиану, или заклятий демонологов, поражавших тело, но нивелировавшихся его регенерацией, означенный прием имел совершенно другой эффект. Не будь девушка к нему готова, она покатилась бы кубарем, сбитая с ног как и любой другой человек. Илиана не могла остановить выпад, но сумела его упредить. На ее груди тоже висел защитный медальон, сделанный Сирелиной. В отличие от подаренного Таларе, он обладал противодействием только одним чарам, зато делал это поистине великолепно. Бесплотный удар не причинил девушке ни малейшего вреда, лишь слегка тронув ее волосы подобно дуновению легкого ветерка. Илиана даже не покачнулась.

— Иля, что же ты медлишь! Сделай что-нибудь! — воскликнула Талара.
— Я и делаю! — послышался громкий ответ. — Он не может сойти с места.
Злобно хохотнувший Дегонис попытался наглядно доказать, что ничего подобного с ним не происходит и вдруг обнаружил, что так оно и есть. Его ступни стояли как влитые, будто их охватил паралич. При желании колдун мог наклониться и упасть, но совершенно лишился возможности сделать хотя бы шаг. Прошипев ругательство, Дегонис молниеносным движением вытряхнул из рукава небольшую сферу, намереваясь швырнуть ее в Илиану. Та уже хорошо знала подобные штуковины, поэтому была готова к такому развитию событий. Пальцы колдуна крепко охватили метательный снаряд, но броска не последовало. Со страхом и ненавистью Дегонис осознал, что не в состоянии осуществить задуманное. Сфера, приведенная в действие, меж тем собиралась взорваться, и Дегонис видел, как его собственная ладонь начинает разжиматься, грозя уронить предмет под ноги. Колдун еле успел нейтрализовать содержимое заклинанием, как зловещий шар упал на пол и разбился вдребезги.

Осознав ситуацию, Талара ястребом ринулась на врага и всадила в него меч. Точнее, думала что всадила. Резкая вспышка полыхнула в том месте, где острие оружия соприкоснулось с колдовской защитой. На сей раз оно было отнюдь не простым. Древний меч, некогда созданный могущественным чародеем, отлично управлялся со всякой чертовщиной. Дегонис болезненно взревел. Пробив защиту, клинок пронзил ему правый бок и застрял там, хотя его острие вошло совсем неглубоко. Место, где он пересекался с прежде незримым, а теперь ставшим видимым защитным барьером заволокло темной дымкой, по которой, как в грозу, разбегались множественные трещавшие молнии. Дегонис вскинул руку, намереваясь нанести Таларе жестокий удар. Громыхнуло злое заклятье. Вырвавшись из скрюченных пальцев черной смолью, оно мутным облаком прорезало пространство и врезалось в стену. Удар пришелся в пустоту. Илиана внимательно ловила каждое движение врага. Талара, сама того не ожидая, неожиданно сделала резкий скачок в сторону и благополучно приземлилась на ноги, приняв стойку готовой к бою пантеры. Предупреждать подругу не было времени. Илиана выполнила этот прыжок за нее, послав молниеносный импульс. Повторный выстрел Дегонис нанести не смог, поскольку даже не увидел куда попал первый. Он ослеп. Илиана, продолжая выискивать подходящий момент, воспользовалась атакой на Талару и выключила ему зрение, окутав колдуна кромеш-

ным мраком. Правда, ненадолго. Дегонис быстро переключился на демонический взор, больше подходивший для кромешной тьмы, но все же позволявший видеть. Для него все вокруг стало оранжево-красным, с примесью черного и серого. Этого, однако, было достаточно, чтобы продолжать схватку.

Со стороны двери послышался грохот. Створка содрогалась от обрушившихся на нее яростных ударов. Это ломилась стража, прибежавшая на зов повелителя. Колдун успел затворить единственный вход надежным заклятьем, и теперь солдаты пытались проникнуть внутрь, сопровождая стук тревожными криками. А Илиана была уже подле колдуна. Обретя демоническое видение, тот узрел ее прямо перед собой. Алое сияние, исходившее от Принцессы Крови, было хорошо различимо даже в том специфическом восприятии, которым смотрел сейчас на мир Дегонис. Илиана протянула руки, и ее пальцы впились в плечи колдуна. Взгляд девушки вонзался в глаза врага двумя острейшими кинжалами, проникая глубоко в отравленную злобой сущность. В следующую секунду вокруг демонолога полыхнуло кольцо пламени около трех футов шириной. Его колдовская основа не причиняла вреда хозяину, но с его помощью Дегонис надеялся если и не остановить нападавшую девушку, то хотя бы ее ослабить. Тщетно. Холодное пламя преисподней, смертельное для любого другого существа, не успевало пробиться сквозь алую дымку — испускаемую Илианой концентрированную жизненную силу. На расстоянии пропитанный скверной колдун стойко выдерживал напор своего опаснейшего противника. Девушка хоть и лишала его некоторых телесных возможностей, но не могла заблокировать ни чары, ни основные жизненные функции. Прямой контакт даже такому мутировавшему демонологу оказался не по зубам. Принцесса Крови обрушилась на него настоящей лавиной, сдавливая все защитные барьеры сокрушительной хваткой. Дегонис почувствовал, как его сердце начинает давать сбой, а дыхание перехватывает. Кровь вскипала, вздувая вены и артерии, а мышцы быстро деревенели. Скверна неистово боролась за свое обладание этим гнусным телом, но Илиана один за другим ломала оборонительные рубежи. Она могла дарить жизненную силу, наполняя ей живые существа как полноводная река. Она могла ее и забирать. Со стороны это выглядело совершенно жутко. Вцепившись друг в друга, столь разные противники молча стояли в кольце пламени, сверля один другого взглядом. Вокруг Илианы сияла плотная алая дымка. Колдун окутался темным облаком. Красное и черное столкнулось в неистовой схватке, силясь преодолеть стихию противника. Казалось, каждый из двоих является эпицентром какого-то немыслимого

вихря, и этот вихрь под бешеным напором бьет навстречу врагу и разлетается в плоскости соприкосновения широкими потоками.

Мало-помалу горевшее под ногами пламя пошло на убыль, а чернота заметно начала сдавать, оттесняемая натиском алого сияния. Дегонис понял, что проигрывает. Если он и мог совладать с Принцессой Крови, то шанс был упущен. В прямом противостоянии она имела несомненное превосходство, ибо у колдуна, при всем его могуществе, просто не было средств поразить ее уникальную сущность. Вот если бы он сумел заранее подготовиться, тогда… Сабля ад-Сейдина, лежавшая у ног приходившего в себя хозяина, неожиданно поднялась в воздух и стремглав метнулась в Илиану. Та чуть сместилась в сторону, и при этом сдвинула самого Дегониса. Оружие, чиркнув по барьеру тьмы, отрикошетило в сторону и со звоном упало на пол. Дегонис особо и не рассчитывал преуспеть, но сдаваться без боя не собирался. Пользуясь замешательством Принцессы Крови, всего на мгновение ослабившей неумолимую хватку, колдун вдруг унял тут же исчезнувшее пламя и испустил столб черного дыма. Ударив в потолок, дым разошелся вдоль него по комнате и хлынул вниз, проливаясь на всех находившихся в ней людей. Илиана не поняла что произошло. Дегонис выбросил странные чары, ослабившие его так, что жить ему оставалось считанные секунды. Меж тем она ощутила всплеск подлинного злорадства. Его причина тут же стала ясна.

— Убьешь меня — и они тоже умрут! — прохрипел колдун из последних сил.

Илиана могла бы подумать что он блефует, но немедленно получила доказательства обратного. Огоньки источников жизни Талары, ад-Сейдина и его жены стали блекнуть вместе с колдуном. Сантара и принцесса побледнели, зашатавшись, и стали оседать на пол. Возвращавшееся сознание ад-Сейдина вновь помутилось. Чутье Илианы работало безошибочно и тут же определило причину происходящего. Высасывая жизненную энергию Дегониса, она теперь высасывала ее и из остальных.

— Ты знаешь, что я не лгу. Ты чувствуешь это. Умру я — умрут они, — выдавил колдун.

Илиана тут же ослабила хватку. Два мощных вихря, из которых алый почти подавил черный, резко уменьшились до уровня умеренного дуновения. Дегонис с облегчением вздохнул свободнее, и настолько же легче стало трем жертвам, пораженным злым колдовством.

— Связующие чары, — пояснил колдун, уже не скрывая своего торжества. — Старый трюк. Вот уж не думал, что он вновь меня выручит. Ведь как ты думаешь, каким образом мне тогда удалось

уйти от любезных твоему сердцу чародеек? Убери руки и отойди.
— И не подумаю! — гневно отозвалась Илиана. — Я не позволю тебе причинить им вред!
— На это я и рассчитываю, — заметил Дегонис. — Если я каким-либо образом убью их — а мне, признаюсь, этого очень хочется, — ты тут же убьешь меня. Но первой ты меня не прикончишь, ибо таким образом лично вынесешь приговор остальным. Я не самоубийца, а ты слишком дорожишь их жизнями, чтобы пойти на столь неподъемную для тебя жертву и покончить со мной. Патовая ситуация, не правда ли? Отойди и давай поговорим.
— Нам не о чем говорить, — холодно сказала Илиана.
— Разве? — скривился колдун. Его осклабленная пасть при этом стала особенно уродливой. — Значит, так и будем стоять столбами, вцепившись друг в друга?
— Ты же знаешь, что я не выпущу тебя из этой комнаты, — тихо произнесла Илиана.
— Тогда ты тем более ничем не рискуешь, не так ли? — заметил демонолог.
Поколебавшись, девушка отняла руки от врага и сделала два шага назад, по-прежнему окутанная алым сиянием. Положение и впрямь было затруднительным, и она быстро искала приемлемый выход, прощупывая жизненный фон присутствующих. Те вновь пришли в нормальное состояние. Талара помогла отцу подняться. Пошатываясь, тот опирался рукой на стену, пытаясь сфокусироваться на происходящем. Сантара, следуя жесту Илианы, переместилась к девушке за спину.
— Что это ты задумала? — осведомился Дегонис.
Он не мог так быстро оправиться от последствий непреодолимой хватки Принцессы Крови, но более-менее пришел в себя и теперь старался казаться хозяином положения.
— Я изгоню из них твою заразу. А потом мы с тобой закончим, — без обиняков заявила Илиана, делая знак Таларе.
У нее мелькнула было мысль воздействовать на хана и его дочь таким же образом, каким она помогла подруге избежать злого заклятия, но решила не рисковать. Было неизвестно как при этом скажется на обоих связующее колдовство.
— Не успеешь, — усомнился Дегонис.
— Поспорим? — холодно сказала Илиана. — Как ты мне помешаешь, если сам признал, что не можешь их убить? Кстати, я ожидала от тебя большего. Чего-то поистине грандиозного, а не набора жалких трюков, доступных любому из твоих Манипуляторов.
— Я мог бы объять все здесь пламенем, пожирающим все живое! Я мог бы залить башню тьмой, обгладывающей плоть до костей! Я

мог бы провернуть такое, что живые позавидовали бы мертвым! — обозлился задетый за живое демонолог.
— Что же помешало? — насмешливо спросила Илиана.
— Я же не идиот! Тьма на тебя не действует, а колдовской огонь, как выяснилось, тоже не особо. Я бы уничтожил всех, кроме тебя, и таким образом лишился бы страховки, которая сейчас меня спасает. Неужели ты вообразила, что я оставил в живых этих людишек по доброте душевной?! — злобно выпалил Дегонис.
Теперь Илиане стало понятно почему колдун не прибег к более разрушительным чарам, включая чары массового поражения. Он с самого начала предвидел неблагоприятный исход и заранее подстраховался. Все, кроме Илианы, не представляли для него угрозы, зато в случае чего могли послужить своеобразным щитом. Что, собственно, и произошло.

Положение и впрямь смахивало на патовое. Эх, жаль тут нет Сирелины… Илиана, тщательно спланировав сегодняшний визит, решила не брать никого из чародеек, чтобы почем зря не провоцировать предубежденного ад-Сейдина. Наличие в комнате Дегониса оказалось полной неожиданностью. Уже приземлившись у покоев хана, Илиана заколебалась, соображая как поступить. С одной стороны присутствие колдуна имело немалые плюсы в грядущем разоблачении. С другой — несло большой риск. Риск не столько для Илианы, сколько для ее спутниц. Высаженные горгульями на лоджию, Талара и Сантара ожидали указаний Рубистеллы. Часовые на вершине башни, мимо которой вертикально опустились из ночной темноты горгульи, молчали, погруженные в навеянную им дремоту. Тревогу никто не поднимал, поэтому у проникшей в цитадель троицы было время обождать когда хан останется один. Ситуацию обострила Талара. Прислушиваясь к доносившемуся разговору, она не выдержала и, забыв про всякую осторожность, эффектно появилась в самый драматический момент. Илиана, поглощенная совсем другими заботами, не успела ее удержать, и была вынуждена вступить в начавшуюся игру. Теперь, когда эта игра достигла критической точки, она старательно искала выход из создавшегося положения, размышляя как обезвредить Дегониса и при этом не навредить остальным. Враг находился от Илианы всего в двух шагах и наглел с каждой секундой. Убить его нельзя, но с этим, пожалуй, действительно можно повременить. Что если просто вырубить его? Отправить в беспамятство. Даже если хан с женой и дочерью также потеряют сознание, Илиана живо избавит их от связующих чар, пока колдун пребывает в блаженном забытье. Пожалуй, если отвлечь его внимание, то можно попытаться…

— Талара, открой стражникам дверь, — сказала Илиана, не спуская алых глаз с врага.
— Она же запечатана этим чудовищем! — возразила принцесса.
— Ударь по замку своим клинком. Что-то мне подсказывает, что это сработает, — предложила Илиана.
— Вряд ли, — снова усомнился Дегонис. — К тому же, чем вам помогут стражники? Воображаешь, если не ты меня убьешь, а они — что-то изменится?
Талара, оставив отца, уже подбегала к двери. Взмахнув мечом, она нанесла по замку гулкий удар. На нем ли лежало запечатывающее заклятье, либо на самой створе, но оно тут же пало. Древний клинок, прекрасно управлявшийся с темным колдовством, оправдал ожидания, разбив заклинание демонолога, не догадавшегося применить более нейтральные чары. Дверь немедленно распахнулась наседавшими стражниками.
— Не трогать мою дочь! Наш враг — колдун Дегонис! — неожиданно послышался громкий голос ад-Сейдина.
Предупреждение было не лишним. Прибежав на зов повелителя и выбив дверь, стража узрела перед собой девушку с мечом и запросто могла наломать дров. Впрочем, Илиана ни за что бы не допустила столь плачевного развития событий. Едва воины переступили порог, как она тут же взяла их под свой контроль. Сделать это было строго необходимо. Во-первых, стража способна нечаянно убить Дегониса, чего допускать никак нельзя. Во-вторых, поведение гвардейцев становилось непредсказуемым, ибо по ряду признаков как минимум двое из них были преданы верховному колдуну. Они еще только колебались, заслышав приказ хана и уразумев к кому он относился, а Илиана уже поняла все, хорошо ощущая исходивший от них фон. Повинуясь ее воле, солдаты окружили Дегониса, наставив на него клинки. Илиана замыкала это кольцо, готовясь нанести задуманный удар.
— Чего вы ждете?! — возмутился окончательно пришедший в себя ад-Сейдин, подходя к гвардейцам. — Убить предателя!
— Нельзя, — ответила Илиана. — Он связал себя с вами, вашей женой и вашей дочерью. Умрет он — умрете вы трое. Именно поэтому я до сих пор его не уничтожила!
Хан оторопел, уставившись на окутанную сиянием Штельскую ведьму. Теперь он окончательно понял почему северяне называли ее Рубистелла — Алая звезда.
— К тому же не ты сейчас командуешь своими воинами, хан, а она, — подал голос Дегонис. — Они лишь марионетки в ее руках.
— И это говоришь ты, мерзавец! Ты, который сам обманывал меня на протяжении стольких лет! — побагровел ад-Сейдин, машиналь-

но нащупывая на поясе валявшуюся в стороне саблю. — Это я был марионеткой в твоих черных руках!
— Возможно, — криво усмехнулся Дегонис. — Только ты даже не представляешь на что способна она. Меня вы можете остановить. Ее — нет.
— Не заговаривай мне зубы, исчадие ада! Довольно лжи и коварных обещаний! — прорычал хан, нечасто дававший волю эмоциям. — Взять его!
Стража шагнула вперед, будто и впрямь намереваясь схватить колдуна. Она следовала приказу Илианы, старавшейся отвлечь Дегониса. Нужен был лишь один точный удар. Какая-то секунда, чтобы девушка вновь оказалась подле врага и одним касанием вышибла его сознание. Илиана уже нащупала нужную волну и теперь выжидала подходящий момент, готовясь ворваться в незаметно расширяемую невидимую брешь. К сожалению, Дегонис все это время болтал не просто так. Он делал именно то, что так точно охарактеризовал ад-Сейдин — заговаривал зубы. Сам же копил силы для решающего действия. Нет, он не надеялся управиться с Принцессой Крови. Не сделав этого сразу, теперь, ослабший и едва живой, он понимал, что это невозможно. Колдун задумал нечто совсем другое. Он не знал намерений Илианы, но даже не сомневался, что она тоже не тратит время попусту. Вопрос заключался в том, кто успеет реализовать свой замысел раньше. Илиана едва заметно качнулась вперед. Еще секунда — и она бросилась бы на врага, как вдруг тот посмотрел ей прямо в глаза.
— Сейчас ты победила, Принцесса Крови. Посмотрим что будет, когда ты узришь легионы Арферона! — сказал он тихим, зловещим голосом.
В следующий миг он прогремел какое-то слово на искаженном колдовском наречье. Пол под ногами колдуна раздался. На месте гладких серых плит появилась дыра ярда полтора в диаметре, от которой протянулось несколько широких изгибистых трещин. Дыра озарялась красно-оранжевым светом, бившим откуда-то из неведомой глубины. Тут же повеяло сильным жаром, а в воздухе отчетливо потянуло серой. Языки пламени, ударившие из разлома, поглотили фигуру провалившегося в него Дегониса.

Первым потрясенное молчание нарушил ад-Сейдин. Подойдя к закрывшейся дыре он, словно не веря увиденному, дважды топнул сапогом по полу, принявшему свой привычный вид.
— Куда он делся? — хмуро спросил хан, посмотрев на Рубистеллу.
— Отправился в преисподнюю. Прямиком к своему Покровителю, — отозвалась та, унимая алое сияние.
Теперь на властелина Железных земель смотрели обычные сирене-

вые глаза, в глубине которых мерцали таинственные искорки. Талара и ее мать, не сговариваясь, бросились к хану и обняли его одновременно. Тот обнял их в ответ, но при этом продолжал смотреть на Рубистеллу.
— Я уведу стражу? — спросила та. — Она нам тут ни к чему.
— Значит, эти воины и в самом деле сейчас подчиняются тебе? — беззлобно уточнил хан.
— Да, — коротко ответила Илиана.
— Хорошо, — кивнул ад-Сейдин. — Полагаю, нам надо о многом поговорить.

* * *

С приходом весны Тал-Амин утопал в цветах. Апрель еще не вступил в полную силу, а все сады и улицы окутались благоуханием, являя миру изумительную игру красок. Деревья, кусты, травы — решительно все было покрыто гроздьями всевозможных соцветий самых различных расцветок. Не меньшее великолепие творилось и в предместьях этого прекрасного города. Южные края и зимой не жаловались на отсутствие тепла, но теперь, сбрасывая сонливость, одевались в самые красочные одежды в преддверии грядущего лета. Солнце дарило земле свою щедрую благосклонность и под его лучами буйно всходили посевы, наливались пышные луга, а исполинские рощи тянули к небу резные ладошки обновленных листьев. Обширные предместья Тал-Амина превратились в один бескрайний сад, колыхавшийся морем цветов, над которым мерно жужжали крупные мохнатые пчелы. Ручьи и речушки, искрившиеся миллионами алмазных брызг, несли большие и малые лепестки, усеивавшие водную гладь каналов и прудиков. В воздухе витала ни на что не похожая свежесть, пробуждавшая во всех живых существах то особое ощущение, которое бывает только весной. Которое чувствуется в каждом вздохе, в каждом запахе; горячит разбегающуюся по жилам кровь и наполняет сердце легким волнующим трепетом. Привычные вещи вдруг начинают казаться привлекательнее. Исхоженные вдоль и поперек края наливаются особой прелестью, а от знакомых уголков веет удивительной, чарующей красотой.

Весна очень шла Тал-Амину, приобретавшему необычайное очарование. Природные украшения бесподобно дополняли великолепие мраморных зданий. Улицы, площади и дворы превращались в цветочное царство, поднимавшееся от самой земли, изобиловавшей газонами и клумбами, до верхних этажей, а высокие крыши со статуями и лепниной увенчивали гирлянды из живых рас-

тений. Этот город, полный света и музыки, был так похож на своего побратима, погибшего в самом начале войны, принесшей столько разрушений и горя. Хал-Амин — столица земель бея ан-Нуадона, — был уничтожен до основания. От него осталась только память. Когда-то и в нем журчали сверкающие воды каналов, цвели сады, и птицы щебетали среди изумительной архитектуры, присоединяя свои звонкие голоса к пленительным звукам музыкальных инструментов, поющих в руках искусных исполнителей. Потом пришли солдаты. Очень много солдат. Свет сверкал и на их доспехах и копьях, но этот свет нес отнюдь не красоту и жизнь, а смерть и разрушения. Под громовую поступь несметного воинства Хал-Амин обратился в прах, и ныне лишь усеянные бурьяном груды слипшегося пепла напоминали о его существовании. Этой весной, под сенью упоительно прекрасных садов, огромные воинства наполнили и Тал-Амин. Но не было в их появлении ни беды, ни отчаяния. Дым от пожарищ не застилал небо, и люди не умирали в жестокой схватке, погибая вместе со своим городом. Нынешняя армия пришла совсем с другой целью, и ее шатры мирно стояли среди весеннего благоденствия, осыпаемые цветочными лепестками.

Армия Освободительного союза стояла лагерем уже две недели. Здесь, в Тал-Амине, завершился ее поход, в котором надлежало поставить последнюю точку, и выбор города был весьма символичен. Хал-Амин — Южная Жемчужина — пал жертвой начала войны. В Тал-Амине — Северной Жемчужине — она закончится. После капитуляции Красной саламандры объединенные войска несколько недель наводили порядок в бывших землях Империи. Законные правители Голубой щуки и Черного буйвола были мертвы, а многие страны в результате дважды сменившейся власти переживали не лучшие времена. Разброд и шатания удалось приостановить, мародерство пресечь, а бунтарей и грабителей взять в узду. Во всех южных землях установился относительный мир, но мир это был весьма шатким. Избавившись от властелина Железных земель, освобожденные территории вновь обрели независимость, но с этой независимостью росли и ширились беспорядки, как всегда бывает, когда в правительстве образуется неопределенность. Даже в тех странах, где властители остались прежними, неожиданно подняли голову разные политические течения, стремившиеся воспользоваться текущей ситуацией. Формально война закончилась, и нужда в Оборонительном союзе вроде бы отпала. Тем не менее, его армия не распускалась, продолжая подчиняться верховному командованию. Слишком многие соседи, освободившись от ад-Сейдина, теперь имели друг к другу как обоснованные,

так и нет претензии, территориальные, имущественные и прочие. Союзная армия поддерживала порядок, однако было очевидно, что если ситуацию пустить на самотек, то дело добром не кончится. Являя собой единый дисциплинированный механизм, полки Оборонительного союза как бы замещали железную руку Великого хана, прочно державшего в узде все свои владения. Убери эту руку — и тут же начнется черти что, снедаемое самыми различными страстями. Верховное командование продолжало управлять армейскими подразделениями, стоявшими на страже законности и порядка, и терпеливо дожидалось пока все правители различных земель придут к какому-либо соглашению. Требовалось назначить легитимное правительство в тех странах, которые лишились своих государей. Было необходимо подписать мирные договоры, заведомо исключающие немедленные столкновения соседей. Наконец, следовало выработать единую стратегию добрососедства, исключающую повторения таких глобальных войн в будущем. Все эти намерения, безусловно, были благими и исходили из самых лучших побуждений, однако они раз за разом разбивались о собственные интересы отдельных людей. Людей облеченных властью по праву рождения или прихоти судьбы. И интересы эти, увы, были по большей части меркантильными и мелочными, как-то совершенно не присущими высокому положению своих, казалось бы, благородных носителей. Армия терпеливо ждала, когда князья, короли, принцы, беи, шахи и выбранные представители народов найдут какой-нибудь компромисс. Этой весной в Тал-Амине решалась дальнейшая судьба половины цивилизованного мира. Это понимали не только те, кто день за днем собирался в главном соборе, выходившем на центральную площадь. Каждое утро перед этим собором выстраивались отборные полки, ожидавшие услышать решение Совета. Солдаты и офицеры каждый раз надеялись, что великие мира сего наконец-то договорятся и придут к единому мнению, достигнут согласия и взаимопонимания. Куда там… Чем больше проходило времени, тем сильнее накалялись страсти. Старые распри, притушенные взлетом и падением Красной саламандры, вспыхивали с новой силой; разгорались взаимные претензии и обиды. Верховное командование, присутствующее на заседаниях Совета, терпеливо ждало, когда все эти вожди наконец-то сумеют преодолеть взаимные претензии и договорятся. Гвардейские офицеры, занимавшие ближайшую ко входу часть собора, сидели на длинных скамьях, испытывая к своим владыкам все менее радужные чувства. Три сотни этих воинов олицетворяли собой цвет армии. Сплоченные в едином фронте, связанные узами боевого братства они относились друг к другу куда теплее, чем их прави-

тели. Офицеры внимательно прислушивались к дебатам, и на их лицах с каждым днем росло заметное беспокойство. Голоса ораторов громко раздавались под сводами старинного собора. Склоки, дрязги, эмоциональные перепалки — эхо голосов разносилось от стены до стены, вырываясь в открытые витражные окна и становясь достоянием общественности. И в этом эхе все отчетливее звучали громовые набаты пылающих городов, а в воздухе проступал призрак новой войны. Офицеры мрачно переглядывались. У них не было ни малейшего желания оказаться по разные враждующие лагеря и идти друг на друга только потому, что кучка знатных сеньоров никак не может поделить мир. В этом свете даже Гийюр ад-Сейдин казался им не таким уж плохим. Поступая как суровый завоеватель, он затем действовал и как мудрый правитель, твердой рукой привнося единый закон на захваченные земли, пред которым были все равны. Избавившись от его длани, другие правители теперь изо всех сил пытались ввергнуть собственные земли в хаос и анархию, идя на поводу давних обид и корыстных интересов. Переругались даже северяне, недавно сплотившиеся в единое целое. Князь Сильвур и Олаф VII, братавшиеся в Данерхейме, чуть не устроили поединок, и разнимать их пришлось чародейкам. Те хотя бы сохраняли относительное спокойствие и не пытались навязать свое мнение. Фактически их роль сводилась к тому, чтобы остальные хоть как-то договорились, и сестры Альмирстала прилагали к этому все усилия. Увы, конца края на этом неблагодарном поприще не наблюдалось, и распри Совета постепенно принимали все более дурной оборот.

Железные земли представлял Иль Машхан. Несмотря на капитуляцию Красной саламандры, визирь был приглашен в Совет, поскольку такое могущественное государство нельзя было оставлять за бортом при создании общей концепции будущего мира. На этом особенно настояла Илиана. Присутствие самого ад-Сейдина по вполне понятным причинам исключалось, но девушка не могла допустить, чтобы родина ее лучшей подруги была лишена права голоса. Скромно сидя в составе высшего командования, Илиана то и дело о чем-то перешептывалась с Таларой и Сирелиной. Несмотря на бушевавшие страсти, никто и не помышлял отобрать у Рубистеллы ее привилегии. Девушка по-прежнему пользовалась правом вооруженной охраны в любом месте своего присутствия и занимала данный ей пост без каких-либо оговорок. Именно поэтому Илиана сидела с краю от полковников, генералов и фельдмаршалов верховного командования, включая троих чародеек. Там ей удобнее всего было находиться со своими спутниками, в число которых входили Сирелина с Алеадой, принцесса Талара, ведьма

Уна, три послушницы, два заклинателя стихий и Бэйл с Ульмом. Вся эта компания разместилась подле своей предводительницы полукругом, кто сидя, кто стоя, и тихо обменивалась мнениями касательно происходящего. Офицеры со скамей бросали завистливые взгляды на двух воинов из неизменной свиты Рубистеллы. В армии Оборонительного союза не было более почетного места, чем оказаться под началом Алой звезды, а то и вовсе в ее личной охране.

Талара была безмерно благодарна подруге за отца. Илиана не допустила в отношении властелина Железных земель никаких карательных мер. Забыть ад-Сейдину все причиненные беды было невозможно, но и возлагать только на него вину за все случившееся Рубистелла считала несправедливым. Вопрос передачи власти требовал времени и подготовки, а пока хан пользовался предоставленным ему иммунитетом, не допуская развала Железных земель. Визирь защищал интересы страны в Тал-Амине, а принцесса Талара присутствовала в соборе как представитель правящей династии. В Оборонительном союзе она заслужила репутацию как храбрый борец с черными колдунами, а близкая дружба с Рубистеллой была дочери хана Гийюра лучшей рекомендацией. С несомненной поддержкой Илианы принцесса чувствовала себя куда увереннее в это трудное для ее страны время, стараясь с достоинством выполнить возложенный на нее долг. Ведь с благословения отца она сейчас представляла их семью, ибо принц Камаль, ставший жертвой воздействия Манипуляторов, требовал продолжительного лечения и особого ухода. Илиана обещала сделать все возможное, но заранее предупредила, что, вероятно, последствия пагубного влияния окажутся необратимыми. Исцеленный принц останется уязвим к злым чарам, и те вновь обратят его при первой же возможности. Таким образом, само пребывание Камаля во власти таило в себе немалую опасность с непредсказуемыми последствиями. Талара неожиданно для себя стала единственным отпрыском своего царственного отца подходящим для государственных дел. Участие Илианы позволяло ей уверенно оставаться на плаву под грузом свалившихся забот.

А забот было хоть отбавляй. Все завоеванные ханом земли отходили прежним владельцам. Парадоксально, но эта мера, призванная восстановить справедливость, тут же послужила камнем преткновения, грозившим обернуться целым рядом кровопролитных междоусобиц. Еще хуже дела обстояли с собственностью Красной саламандры на чужих территориях. Флот на Шиале все еще насчитывал десятки боевых кораблей, являющих собой грозную силу даже без Липкого огня. Чародейки предложили поделить

его в качестве контрибуции, превратив боевые суда в торговые. Поделить, разумеется, между теми, кто напрямую пострадал от действий флотилии ад-Сейдина, то бишь Голубой щукой, Черным буйволом и Ранхельмом. Этим троим предложение пришлось по душе, зато нашлось немало таких, кто его решительно отверг. Флот представлял лакомый кусок, отщипнуть от которого хотелось многим под самыми разными предлогами. Дебаты вокруг кораблей разгорелись нешуточные, причем часть спорщиков не видела необходимости переквалифицировать суда на мирное поприще. Чародейки, как и армейские офицеры, быстро сообразили, что правители, так или иначе поделив флотилию, запросто могут вернуть ей первозданный вид и применить по прямому назначению. То бишь развязать еще одну войну, рассчитывая нанести удар соседу до того, как сосед нанесет его сам. Правители проявляли редкое единодушие лишь в одном — они наотрез отказывались уничтожать первоклассный боевой флот, чтобы он вообще никому не достался. Нетрудно было догадаться, что дело тут отнюдь не в корысти, а в подлинных, далеко идущих планах. Эти планы строили даже те, кто не граничил с Шиалой, но при этом заявлял претензии на свою долю в дележе. Предметом торга умудрился стать и сам Аяз Мол — этот город-крепость корабелов. Ад-Сейдин серьезно укрепил защитные сооружения, а строительство судов вывел на новый уровень. Формально Аяз Мол принадлежал Голубой щуке, но неожиданно выяснилось, что отдавать его ей никто просто так не собирался. Соседи в один голос заявляли, что вверять такую мощную стратегическую твердыню с колоссальным производственным ресурсом абы кому — чистейшее безумие. Ведь после гибели Сулеймана Уль Диона с сыновьями прямая правящая ветвь прервалась, и сейчас эмират Бушер представляло временное правительство. А от него никто толком не знает чего ожидать. Это же, хоть и в меньшей степени, относилось и к Тиролю, вновь перешедшему во владение Черного буйвола, а также ко всем значимым крепостям, построенным Красной саламандрой. Впрочем, все это было просто ничто в сравнении с Липким огнем.

Все запасы адской смеси, конфискованные у армии ад-Сейдина согласно акту о капитуляции, немедленно помещались в особые арсеналы. Армия Оборонительного союза сторожила их на совесть при прямом участии чародеек. Возникал серьезный вопрос: кому достанутся все эти запасы? Здесь против дележа категорически выступали сестры Альмирстала. Обладание таким оружием способно совратить любого правителя. Многие из них и так не в ладах друг с другом, и периодически выясняют отношения. Если же в их распоряжении окажется Липкий огонь, то ситуация

грозит выйти из-под контроля с самыми плачевными последствиями. Кроме того, было совершенно очевидно, что любой из правителей, несмотря на данные клятвы, предпримет немалые усилия чтобы проникнуть в тайну изготовления этого разрушительного вещества с целью самостоятельно производить его в любых количествах. Сейчас эта тайна принадлежала узкому кругу лиц, но как раз это и вызывало бурные препирательства. Если с Хранителями из Нирелина ситуация оставалась более-менее спокойной, ибо чародейки и не подумали разгласить сам факт их существования, то Дегонис и его приспешники вызывали тревогу. Аргументация у спорщиков была простая. Черные колдуны, владеющие секретом, могут объявиться с ним где угодно и когда угодно. Лучший способ предотвратить возможные последствия — это заблаговременно иметь под рукой точно такое же оружие. Иными словами, владеть Липким огнем желали все, и никто не собирался в этом пункте уступать, заведомо становясь критически слабее соседа. Чародеек же такое развитие событий ничуть не устраивало. Если хан Гийюр старательно оберегал этот ужасающий стратегический ресурс от посторонних, то расползшись по миру сферы с адской смесью способны натворить немало бед и вообще привести людей к глобальной катастрофе. Армия, несмотря на свой традиционно воинственный дух, считала точно так же. Офицеры были не против благородных жарких баталий, но столкнуться друг с другом в войне на уничтожение, когда Липкий огонь сжигает города вместе с женщинами и детьми — это не вписывалось в их концепцию ведения войны. Чародейки даже подумывали потихоньку сговориться с верховным командованием и охраной арсеналов, чтобы уничтожить камень преткновения на корню и поставить Совет перед свершившимся фактом. Однако они пока воздерживались от подобного шага. Затея грозила подорвать всю легитимность переговорного процесса. Совет, возмущенный таким самоуправством, тут же самоликвидируется, а его члены немедленно вцепятся друг другу в глотку. Тал-Амин и его окрестности рисковали разделить судьбу Хал-Амина, если единая армия Освободительного союза развалится под начало пары десятков враждующих правителей. Бей ан-Нуадон, освобожденный вместе со своей семьей из продолжительного заключения в особой тюрьме Солтенстила, вообще старался не допустить на свои земли такое несметное воинство, но оказался в абсолютном меньшинстве. Армия все еще была едина, но в той или иной степени состояла из полков разных государств. И правители этих государств желали иметь своих солдат поблизости в случае неблагоприятного развития событий. Именно ввиду означенного обстоятельства все войска, за исключением поддер-

живавших порядок на периферии и охранявших арсеналы, явились в Тал-Амин, став огромным лагерем.

Илиану складывавшаяся ситуация беспокоила ничуть не меньше остальных. Ее блестящий ход с ад-Сейдином позволил добиться капитуляции Красной саламандры без потерь. Вместо тяжелых и кровопролитных боев за Аяз Мол и его окрестности армия хана организованно ушла в Железные земли, оставив все внешние ресурсы, включая боевой флот. Казалось, Рубистелла добилась потрясающего успеха, позволившего избежать множества ненужных жертв, но дальнейшее развитие событий показало, что это не совсем так. Илиана с самого начала пыталась избежать пожара междоусобной войны, способной охватить все южные земли в случае устранения ад-Сейдина. И вот теперь, когда цель вроде бы была достигнута с наименьшими жертвами, ситуация начинала развиваться самым нежелательным образом. Полки Красной саламандры добровольно прекратили войну, а освобожденные государства не придумали ничего лучше, как подталкивать друг друга к новой, у которой не будет ни победителей, ни проигравших. Призрак близящейся катастрофы все отчетливее витал под сводами старинного собора, где союзники, пока еще пытавшиеся найти компромисс, того и гляди сменят тактику и начнут подыскивать подходящий предлог для отказа от всех обязательств. Пока что спорящие правители если и задумывались об этом, то не подавали и вида, но в их поведении уже сейчас начинали прослеживаться тревожные предпосылки. Теперь уже мало кто сомневался в целесообразности решения Рубистеллы не устранять ад-Сейдина как во время северной кампании, так и после. Альтернатива его железной власти сейчас начинала представать во всей красе. Причем при худшем развитии событий в затяжном конфликте увязнут не только южные, а и северные земли. Поделать, однако, Илиана ничего не могла. Любое ее вмешательство в распри Совета было способно нарушить хрупкое равновесие. Отдав предпочтение кому-то одному, она бы автоматически вызвала недовольство другого и снизила вероятность взаимного согласия. С врагами она умела обходиться жестко и неумолимо, но для союзников такие методы не годились. Поскольку ее мнением все же регулярно интересовались, девушка по-прежнему увещевала искать приемлемое для всех решение, а от себя предложила сделать нынешний Совет, в том или ином виде, основой управления другого союза. Союза мирного и более глобального, призванного защищать интересы всех входящих в него стран. Ад-Сейдин намеревался построить Империю, но построить ее для себя. То, что она по факту досталась бы черным колдунам и их Покровителям — это уже отдельный вопрос, но оп-

ределенные преимущества единого образования были налицо. Что если Оборонительный союз трансформируется в подобие такой Империи, только управлять ей будет не один человек, а все представители государств-участников на основе парламента? Страны на местах сохранят особенности своей культуры и самобытность, позволяющие не потерять национальную идентичность и обычаи. При этом какие-то законы станут общими для всех, гарантируя гражданам все базовые свободы, включая свободу образования, верований и предпринимательства. Армия останется союзной, способной отразить любую внешнюю угрозу. Спорные территории и имущество могут быть переданы не какому-либо отдельному государству, а правительству нового Союза и станут служить на общее благо, действуя в интересах всех стран одновременно.

Когда Илиана озвучивала свое предложение, офицеры встрепенулись и слушали ее с живейшим интересом. Идея сохранить единство, расширить и упрочить его до невиданных прежде масштабов показалась им весьма недурной. Империя Красной саламандры внушала антипатию только до тех пор, пока она принадлежала именно Красной саламандре. Если же армия Оборонительного союза сама станет армией такой Империи, то о большем и мечтать нельзя. Широта размаха нового государства поражала воображение и заставляла грезить о великом будущем для всех одновременно, не шедшем ни в какое сравнение с мелкими междоусобными дрязгами. Войскам не придется разрушать устоявшийся монолит, рискуя в ближайшей перспективе пойти друг на друга войной. Они так и останутся единым целым. Офицеры, присутствующие сейчас в соборе, не разбредутся по враждующим лагерям, а на своих плечах будут поддерживать великую государственную машину, несущую всем подданным богатство и процветание. Верховное командование разделяло настроение своих людей. Когда Илиана вернулась на место, военачальники шепотом высказали ей одобрение и выразили надежду, что Совет прислушается к идее Рубистеллы и возьмет ее в разработку.

Совет не оправдал ожиданий. Нет, в целом речь Алой звезды присутствующим понравилась. По здравому размышлению правители нашли такую форму сосуществования достойной обсуждения и даже реализации, действительно открывавшей невиданные доселе возможности. Промышленность, торговля, науки и искусства получили бы такой резкий скачок, напрямую выражающийся в денежном эквиваленте, что самые архаичные и закоснелые режимы были готовы поступиться некоторой частью своих патриархальных принципов. К сожалению, Совет поменял местами очередность достижения цели. Вместо того чтобы сразу сориентиро-

ваться на глобальный союз, правители намеревались сначала утрясти насущные заботы и уладить взаимные претензии, а именно в этом и заключался корень проблемы. Проблемы, с каждым новым днем становившейся все менее разрешимой. Илиана ловила на себе взгляды членов верховного командования, надеявшихся, что ей удастся вразумить спорщиков. К сожалению, подчинение внушаемым приказам отлично действовало лишь на врагов, но никак не годилось для союзников. Последними должны двигать только искренние побуждения и никак иначе. Лишь добрая воля способна послужить ядром любой прочной государственности. Если гипотетически допустить, что сейчас Илиана повлияет на Совет и попытается направить его заседание в нужном русле — что толку? Рано или поздно освободившись от ее воздействия, правители осознают, что ими манипулировали, и станет только хуже. Обозленные и разгневанные, они окончательно утратят склонность к любому компромиссу. Нет, в основе общего согласия может лежать только добровольное решение. Решение такой силы, которой будут вынуждены подчиниться все, и которая составит надежную основу будущего государства. Если Совет сам не придет к такому решению, тут уж ничего не поделаешь.

Члены верховного командования внимательно слушали Рубистеллу. Получая от нее объяснения, они перешептывались между собой, обсуждая складывающуюся ситуацию. Илиана обещала помочь всем, чем может, но регулярно давала понять, что насильственно вмешиваться в ход дебатов — очень плохая идея. Верховное командование занимало места у стены между скамьями офицеров и той частью собора, где за кругом составленных столов заседал Совет. Военачальникам таким образом было хорошо видно и слышно абсолютно все, что происходило внутри величественного строения. Они наблюдали, как день ото дня менялись лица правителей, их эмоции и риторика. От них не укрывалось как реагировали офицеры, мрачнея вслед за каждой новой тучей, рожденной очередным витком политических неурядиц. Гражданских в соборе практически не было, ибо чародеек за таковых не считали. Армия сейчас несла на себе все обязательства по поддержанию стабильности, и она же должна была обеспечить законную передачу власти от Освободительного союза к правительствам на местах. А уж дальше дело правителей дать своим подданным достойную жизнь и букву закона. Вот только не слишком означенные правители на этом поприще преуспевают. За прошедшие две недели, начавшиеся в самом оптимистичном расположении духа, они вдрызг переругались. Теперь заседания сразу начинались с взаимных упреков и обвинений. Часы перерыва, вместо того чтобы все хоро-

шенько обдумать и успокоиться, члены Совета тратили на подготовку к препирательствам. Незавершенные стычки продолжались с возрастающим жаром, где каждая сторона пускала в ход старательно подготовленные аргументы и нападки. При этом правители, сосредоточенные на конкретно своей проблеме, все меньше удосуживались поразмыслить о чем-то еще. Сцепившись с оппонентами, они посвящали свободное время разбору мелких вопросов, откровенно начиная забывать о глобальных вещах.

На исходе третьей недели надежды на достижение компромисса таяли на глазах. Кто-то даже предложил взять паузу и перенести заседание Совета на пару месяцев, чтобы дать его участникам возможность отойти от накала страстей и как следует все взвесить в спокойной обстановке. Это заявление нашло серьезную поддержку, но Илиане и чародейкам удалось не допустить подобного развития событий. Возможно, кто-то действительно воображал, что передышка пойдет собранию на пользу, только на деле все выйдет совсем иначе. Часть присутствующих попросту воспользуется подходящим предлогом чтобы удрать, а часть, спустя означенное время, надумает совсем не то, что надо, и не вернется. Разойдясь сейчас из Тал-Амина, Совет, по расчетам Илианы, не соберется вновь с вероятностью более восьмидесяти пяти процентов. Нет уж, решать что-то надо здесь, и решать безотлагательно. Разбежавшись на перерыв, Совет сделает всем только хуже, и вот тогда уже гражданских войн не избежать. Войн, которые, сливаясь очагами губительных пожарищ, быстро перерастут в глобальную катастрофу.

Илиана действительно старалась как могла. Не выдержав, она слегка нарушила собственное намерение не вмешиваться и снижала спорщикам уровень агрессии, посылая им волны спокойствия и умиротворения. Это действовало, но, увы, совсем не так как хотелось бы. Правители перестали опускаться до площадной брани и уже не лезли друг к другу с кулаками, грозя превратить Совет в банальное ристалище. К ним вернулась часть прежней вежливости и обходительных манер, однако на ситуацию в целом это никак не повлияло. Ведь ход мыслей у них не изменился, и, воздерживаясь от излишне резких эпитетов, они просто употребляли более дипломатичные слова для обозначения своей позиции, либо позиции оппонента. Илиана продолжала ловить на себе взгляды как военачальников, так и простых офицеров, и чувствовала себя очень неловко. Девушка полагала, что те ждут от нее очередного чуда, способного разрешить опасно накалявшуюся обстановку, и ее угнетала мысль разрушить возлагаемые на нее надежды. Утешение она находила в многочасовых занятиях с чаро-

дейками, ведьмами и солдатами. Заклинательницам она традиционно увеличивала уровень колдовской силы, а воины обретали повышенные физические возможности. Армия Оборонительного союза уже сформировала три отборных полка особого назначения, где каждый солдат обладал необычайными ловкостью и реакцией, и число таких воинов продолжало расти, автоматически увеличивая ряды почитателей Рубистеллы. Не забывала Илиана и про исцеление. Для нее было одинаково легко излечить боевую рану или застарелый недуг, избавить человека от хромоты или изгнать тяжелую болезнь. Седой генерал из верховного командования к своему величайшему восторгу вновь чеканил шаг, избавившись от старой травмы колена, заставлявшей его приволакивать ногу; солдат, лишившийся надежды ходить, вставал на ноги с совершенно здоровым позвоночником и становился полноценной боевой единицей. Неизлечимые заболевания вдруг перестали считаться таковыми, а заражение крови, некогда гарантированно сводившее людей в могилу, лечилось Илианой не сложнее обычного насморка. Впрочем, на такие банальные вещи как простуда девушка свои силы не растрачивала, и если она вдруг срывалась куда-то со звеном горгулий, то можно было не сомневаться, что повод для ее поездки более чем серьезный. Минусом новых целительских горизонтов была очевидная невозможность обойтись без личного вмешательства Рубистеллы. Несомненным плюсом — их наличие вообще, ибо раньше на жизнях и судьбах многих людей попросту ставился жирный крест. Верховное командование с нескрываемым одобрением относилось к деятельности девушки, старавшейся помочь как можно большему числу нуждающихся. У нее было крайне мало свободного времени, но она не жаловалась, внося свою бесценную лепту в общее дело, особенно важную в эту непростую для мира пору. На ее фоне продолжающиеся дрязги правителей выглядели особенно раздражающе, и военачальники поглядывали на своих суверенов с растущей неприязнью. У воинов был перед глазами наглядный пример добросовестного служения народу, о котором все эти принцы, князья и эмиры попросту забыли.

Илиане все меньше нравилось торчать почем зря в соборе, когда требовалось решить немало срочных дел. Вынужденная часами находиться подле Совета, она старалась наверстывать упущенное невиданными темпами, все чаще загоняя себя до того, что откровенно валилась с ног. Дольше всего ей удавалось поспать в пути, несомой самыми могучими горгульями. К счастью, уникальная сущность девушки позволяла ей быстро восстанавливаться, ограничиваясь непродолжительным отдыхом. Немалую роль играли и продолжавшие возрастать силы, чего так боялся Дегонис. Те-

перь Илиана исцеляла в несколько раз быстрее, а ее энергетический запас не шел ни в какое сравнение с прежним. Пропорционально увеличились и остальные возможности, что немедленно сказалось на очень многих вещах, включая способности чародеек. Те открывали для себя совершенно новые горизонты, от которых захватывало дух даже у старших сестер. В этом серьезно участвовал и Эбби, по-прежнему пребывавший в секретном подземелье Абериджа. Чародейки устроили к говорящей Сфере настоящее паломничество, благо что в Железных землях их отныне не преследовали. Строго наоборот — теперь они считались друзьями государства, в то время как черных колдунов Дегониса объявили чрезвычайно опасными изменниками. Наведывалась к Эбби и Илиана. Поскольку круглый обитатель Абериджа не знал современного языка, поначалу девушка работала переводчиком между ним и чародейками. Это отнимало у нее много времени, а чародейки желали общаться со Сферой круглосуточно, против чего та совершенно не возражала. Илиана нашла подходящий выход. Выбрав пару сестер-добровольцев, она установила контакт между ними и Эбби, и за несколько сеансов обучила их вполне прилично понимать друг друга. Благодаря воздействию Илианы, Сфера усвоила новый язык, а две чародейки наловчились воспринимать необычного собеседника. Они же стали постоянными переводчиками, и дальнейший процесс их общения непрерывно совершенствовался. Память Эбби представляла для сестер Альмирстала кладезь самых разнообразных знаний. Сфера читала найденные в Абериджe древние книги, рассказывала о давно минувших днях, делилась со слушательницами колдовскими тайнами. Более того, по ее наводке чародейки организовали несколько экспедиций в самые разные уголки мира, где, по мнению Эбби, могли уцелеть осколки известного ему прошлого. Судя по поступавшим донесениям, часть этих экспедиций в той или иной степени увенчалась успехом к великой радости ученых сестер обители. К сожалению, Эбби по-прежнему не мог пролить свет на происхождение самой Илианы. На сей счет, судя по отпущенным репликам, кое-что знал Дегонис, но он бесследно исчез, провалившись в преисподнюю. Хотелось верить, что он сгинул там навечно, но Сирелина, посовещавшись со старшими сестрами, выразила сомнение в таком исходе. Для любого обычного человека падение в Разлом было необратимо и смертельно. Верховный демонолог, однако, слишком изменился. Скверна не погубила его в известном смысле, а перестроила под себя, вызвав невиданную прежде мутацию. Именно это позволяло Дегонису не разделить традиционную участь всех демонологов, и не исключено что это также даровало ему определенную возможность

перемещения между мирами. Илиана попыталась узнать какие-то подробности у захваченных Манипуляторов, но из этого ничего не вышло. С Манипуляторами, кстати, был разговор особый, выделявшийся из общего целого. Их объявили вне закона, как некогда чародеек, но сам вопрос колдовства оставался в сильно подвешенном состоянии. Это была одна из наиболее серьезных забот, одолевавших Илиану, которую требовалось побыстрее уладить вместо того, чтобы торчать в соборе и слушать перепалку раздраженных сюзеренов.

Только на первый взгляд казалось, что в отношении носителей колдовского дара отныне наступила справедливость. На их примере как нельзя более ясно доказывалось утверждение, что справедливость — понятие относительное. Черных колдунов, бесспорно, все теперь считали злодеями и преступниками, кем они изначально и являлись. Вот только многие не отличали адептов темных чар от заклинателей стихий или колдунов Запада, не имевших ничего общего с прихвостнями Дегониса. Илиана старалась как могла, прекращая гонения на чародеек, но тут же сама сталкивалась с проблемой как отделить зерна от плевел. Взять тех же ведьм. Ведь часть из них поддерживала демонологов, в то время как другие приняли сторону Оборонительного союза. И это не считая занявших нейтральную позицию. Что прикажете с ними со всеми делать? Грести под одну гребенку? Исключено. Наглядным примером была Уна, вошедшая в свиту Рубистеллы, хотя прежде успела порядком натворить на Ливьянских болотах. Ведьмы Оборонительного союза могли вроде бы рассчитывать на официальное признание и защиту, но ведь среди них было немало таких, кто не собирался дружить с чародейками вечно, а примкнул к ним лишь на время. Кто-то, безусловно, сойдет с кривой дорожки и перестанет сеять зло, но будут и такие, кто вернутся к прежней жизни. Если всем помогавшим ведьмам было решено простить предыдущие прегрешения, то амнистия отнюдь не распространялась на прегрешения будущие. Как же тогда обезопасить от преследования одних и предоставить своей судьбе других? Эта задача вызывала затруднение даже у чародеек, а что было взять с простых обывателей, обычно вообще не видевших разницу между заклинателями? На данный момент действовало половинчатое решение, частично копировавшее заведенные ад-Сейдином порядки. Всем доверенным заклинателям выдавались охранные грамоты Оборонительного союза, действовавшие также и на территории Железных земель. При отсутствии такой грамоты замеченные в колдовстве должны были препровождаться в специально отведенное место для дальнейшего разбирательства. Ирония заключалась в том,

что некогда чародейкам решительно не нравились подобные меры, а теперь они были вынуждены применять их сами, в том числе и по отношению к себе. Они мечтали о свободе. О тех временах, когда можно будет не бояться преследований и косых взглядов; когда сам факт владения колдовским даром не станет накладывать на своего обладателя каких-либо ограничений. И на тебе! Сами устанавливают правила, по которым без соответствующих документов и шагу нельзя ступить! В дальнейшем требовалось разработать и внедрить какой-то более адекватный закон, регулирующий деятельность и права заклинателей, но пока приходилось обходиться нынешним, причем в первую очередь из-за Манипуляторов и их сообщников. Ведь с капитуляцией Красной саламандры проблема демонологов сама собой отнюдь не исчезла.

С разоблачением Дегониса власти тут же принялись за его приспешников, но многие из черных колдунов сумели ускользнуть, предвидя столь неблагоприятное развитие событий. В жестоких стычках полегло немало представителей закона, ибо демонологи показали себя во всей красе. Серьезнее всего пострадала Имперская стража ад-Сейдина. Получив прямой и недвусмысленный приказ хана, солдаты попытались взять всех не успевших сбежать колдунов под арест и встретили ожесточенное сопротивление. К немалым жертвам привел и штурм особняка Ин-Хашуф, но сложнее всего было с Нижними подземельями. Ад-Сейдин, скрепя сердце, допустил чародеек в свою святая святых, и те немало провозились со змеиным гнездом, пустившим глубокие корни прямо в сердце Железных земель. Сестры Гексенхаммера потрудились на совесть, обезвреживая злодеев и уничтожая плоды их нечестивой деятельности. Они же помогли избежать и значительных жертв среди людей хана, придя им на выручку в деле поимки Манипуляторов. По мере избавления от заразы демонологов вскрывались такие факты, что ад-Сейдин при одобрении чародеек тут же засекретил все результаты расследований, чтобы не вызвать в народе опасных кривотолков, способных пошатнуть устои действующей власти. Преступления черных колдунов были поистине чудовищны и последние два года носили ужасающе масштабный характер. Особым секретным указом хан распорядился постепенно изъять из обращения все золотые монеты, отчеканенные казначейством за определенный период. Кровавое золото, полученное демоническим способом на крови безвинных людей, внушало неприятие и даже ужас. Талара оказалась права — ее отец ни за что бы не согласился на такое кошмарное пополнение казны и теперь, оказавшись перед лицом собственных ошибок и заблуждений, старался хоть как-то исправить ситуацию. Место Баратиса, быв-

шего придворного специалиста по алхимии и колдовству, теперь занимала одна из сестер Гексенхаммера. Она возглавляла ликвидацию всех последствий деятельности демонологов и координировала мероприятия по их поимке. Самому же Баратису удалось бежать, и следы его, к сожалению, затерялись. Эта же сестра, которой была никто иная, как Каролайна, заведовала новым министерством, выдававшим документы доверенным заклинателям, а также консультировала власти по всем вопросам, связанным с чародейством. И, в отличие от ученика Дегониса, делала это на совесть.

Чародейки, хоть и с величайшей неохотой, согласились на настойчивое желание Илианы привлечь к обсуждению планов на будущее и ведьм. От лица последних в совещательный орган вошли Жозефина и Уна. Ведьмы — во всяком случае, те, кто не чинил зла людям, — тоже имели право на свободное существование, гарантированное им законом. Разработку этого закона, равно как и меры по идентификации "хороший-плохой", требовалось осуществлять всем заинтересованным сторонам, а не только сестрам Альмирстала. Ведь ведьмы были категорически против, чтобы одна лишь практика темных искусств тут же ставила бы их вне закона, и в этом их поддерживала Илиана. Заклинание заклинанию рознь, а уж против кого оно направлено — и тем более! Чародейки не могли отказать Рубистелле в том, что они и сами, положа руку на сердце, признавали справедливым. Ведьмы же обрели в ней заступницу, способную избавить от беспричинных гонений.

Ругавшийся в соборе Совет ничего не имел против, чтобы все тяготы по обеспечению колдовского мира и прочие сопутствующие заботы взяла на себя Рубистелла, обладавшая для этого должными возможностями и авторитетом. Пока девушка не вмешивалась в передел земель и имущества, столь сильно заботивший венценосных владык, они предоставляли ей полную свободу действий, тем более что эти действия шли всем только во благо. Верховному командованию же такая ситуация нравилась все меньше. Полководцы, наблюдая как Илиана и ее соратники из кожи вон лезут, решая разом целую кучу насущных вопросов, все чаще хмурились, поглядывая на своих сюзеренов. Плоды трудов Рубистеллы они лицезрели более чем наглядно, в то время как князья и принцы преуспели только в разжигании розней. Пока девушка помогала людям и прилагала невероятные усилия по ликвидации последствий большой войны, правители, того и гляди, втравят свои народы в новую. Чародейки — эти могущественные долгожительницы — и те постоянно советовались с Рубистеллой, а сами офицеры без колебаний выполняли любой ее приказ, заведомо уверенные,

что он будет одобрен верховным командованием. Эти же офицеры все чаще о чем-то перешептывались, поскольку время шло, а вместо долгожданного мира Тал-Амин грозил стать колыбелью новых потрясений для и без того настрадавшихся людей.

Среди всех свалившихся на Илиану забот были и две большие радости. Во-первых, воссоединилась компания юных подопечных Фаризы. После побега дочери Сантара сумела уберечь остававшихся во дворце ребят, укрыв их от гнева мужа и мщения черных колдунов. Сейчас молодежь находилась в Тал-Амине, следуя за Илианой, но только до тех пор, пока им не будет готов новый дом. Точнее, отремонтирован старый. Согласно предложению Талары, горячо одобренного чародейками и реализованного приказом ад-Сейдина, Аберидж становился центром обучения и проживания детей и подростков, обладавших колдовским даром. После полного восстановления, за который активно взялись сестры Альмирстала, древние стены обретут новую жизнь, а ребята Фаризы поселятся там на правах совладельцев и сотрудников. Не забыли даже про колонию Буса. Она также сохранит свои владения и уже никто не посмеет обидеть или изгнать четвероногих сторожей Абериджа.

Но радостней всего Илиане становилось при мысли, что Хранители Липкого огня наконец-то вернулись в Нирелин. Старый шейх уже и не думал дожить до того дня, когда он вновь ступит на землю родного оазиса. Нирелин пережил немало горя, но отныне следовало смотреть только в будущее. И ради этого будущего Арбах ан-Бакир надеялся прожить еще хотя бы несколько лет, чтобы вернуть родину своих предков на путь тихого счастья и процветания. Ему предстояло проделать очень много работы, но в этом шейху вызвались помочь чародейки. Они взяли Нирелин под свое покровительство, и больше никто не осмелится посягнуть на оазис не вызвав гнев и возмездие со стороны всех сестер одновременно. Установленная с оазисом почтовая связь позволяла шейху переписываться с Илианой, и не было большего счастья для старика, чем получить письмо от внучки. Илиана лично проводила всех нирелинцев домой при помощи взвода горгулий и чародеек, но остаться с ними не могла. Ее призывали неотложные дела, и девушка, трогательно распрощавшись с шейхом, отбыла на большую землю. Она обещала непременно прилетать в гости как только удастся утрясти все важные задачи, и ан-Бакир ответил, что он будет жить в ожидании этих встреч. Старику было девяносто три года, но Илиана даже не сомневалась, что они увидятся еще много раз. Шейх от природы обладал отменным здоровьем и его род славился долгожителями. Воздействие же внучки вне всяких сомнений сказалось на нем самым благоприятным образом с первых лет ее по-

явления. Правда последние годы, ввиду обрушившихся на него тяжких испытаний ан-Бакир заметно сдал, но счастливое воссоединение с родиной и Илианой восстановило его душевные и жизненные силы. У него вновь была цель осмысленного существования, а чудотворная энергия девушки обновила его тело и разум. Оценивая состояние старика, Илиана с радостью отметила, что тот еще вполне бодр и крепок, и машинально подсчитала сколько ему еще примерно осталось лет. Здесь она сделала для себя одно волнующее открытие, прежде ускользавшее от ее взора. Илиана сообразила, что может довольно точно предсказать длительность жизни как без ее вмешательства, так и с ним, исключая, разумеется, случайные сторонние обстоятельства. Цифры существенно разнились в ее пользу, но дело было не в этом. Само осознание этого факта — факта знания продолжительности чужой жизни — легло на ее сердце печальной тенью. Все живые существа смертны. Для большинства людей это выглядит настолько привычно и естественно, что они редко задумываются на данную тему, пока какое-нибудь потрясение не столкнет их с этой грустной стороной существования, всегда заканчивающегося одинаково. Но все эти люди обладают одним примечательным даром — даром неведения. Кто знает, насколько изменился бы мир и его дети, если бы каждый умел определять отпущенный ему и другим природный ресурс. Ресурс, через который никто из них будет не в силах перешагнуть. Даже при помощи таких как Илиана. Вернувшись из Нирелина, девушка никому не сказала о своем открытии и с тех пор старалась вообще о нем не думать, чтобы не жить в окружении стремящихся к нулю биологических часов.

В последний день первой недели мая в Тал-Амине стояла прекрасная погода. С самого утра сияло щедрое южное солнце, источавшее благодатное золотое тепло. На высоком синем небе не было ни единого облачка. Гремевшая накануне гроза ушла далеко за горизонт, и теперь ничто не предвещало даже малейшего ненастья. Вволю отпив живительной влаги, листва и травы прямо-таки светились налитой зеленью, а цветущие сады и луга напоили воздух пьянящим благоуханием. Все вокруг лучилось светом и красотой, и выглядело исполненным покоя и умиротворения. Прохожие на улицах улыбались друг другу, слышался звонкий детский смех, весело ржали лошади и даже собаки лаяли менее задиристо при виде не только друг друга, но и какого-нибудь неторопливо шествующего по своим делам кота. Жители Тал-Амина радовались новому солнечному дню и старались провести его с максимальной пользой для дела или отдыха. Казалось, неоткуда взяться туче, способной омрачить их чело, стереть румянец на лицах и погасить искры во

взорах. Меж тем такая туча была. Она росла и ширилась, вбирая в себя все новые вихри, и в ней мало-помалу начинали сверкать первые молнии. Правда граждане Тал-Амина эту тучу не видели и даже не подозревали о ее существовании, ибо она не имела ни к небу, ни к проявлениям стихии вообще никакого отношения. Ее хорошо видело лишь верховное командование Оборонительного союза, ибо незримые, иссиня-черные грозовые клубы формировались под сводами старинного собора. Илиана отлично знала причину резкого обострения ситуации и чувствовала себя неловко. Ведь это она сумела договориться с ханом о капитуляции и лично гарантировала выполнение всех данных ему обещаний. Психологический момент девушка тогда рассчитала очень точно, задействовав Талару и любимую жену гордого властелина, причем в отношении последней специально ждала рождения их ребенка. Замысел полностью оправдался. Ад-Сейдин выполнил все условия точно и беспрекословно, и ни разу не давал повода упрекнуть себя в нарушении достигнутых договоренностей. Вот только теперь в этих договоренностях и появился огромный подводный камень. Хан освободил Аяз Мол и отдал флот на Шиале как залог для достижения мира. Илиана сумела убедить его отказаться от всех притязаний, чтобы закончить тяжелую и кровопролитную войну, а заодно и хоть как-то искупить причиненное зло. Ад-Сейдин прислушался к Рубистелле, увещевавшей его вместе с женой и дочерью, и принял ее условия. Теперь, однако, голос Иль Машхана, представлявшего Железные земли, звучал все более резко, и у него, к сожалению, были на то все основания. Визирь напоминал присутствующим, что армия Красной саламандры оставила Аяз Мол, флот и прочие ресурсы не просто так. Таким образом хан гарантировал свои мирные намерения и взамен получил обещание прекратить против Железных земель все боевые действия. Однако ад-Сейдин отказался от кораблей и крепостей отнюдь не для того, чтобы новые владельцы сами использовали их для войны, причем войны, в которую могут быть втянуты и Железные земли! Он отдавал их для восстановления мира, а не как плацдарм для воинственных чужих аппетитов. Ад-Сейдин не собирается допускать ситуацию, когда добровольно переданные им ресурсы будут обращены против его страны; когда пожар войны, ради прекращения которой его убедили поступиться очень многим, охватит огромные территории, причем охватит именно потому, что он честно выполнил все поставленные условия. Выходит, он поступил напрасно, уведя свои войска, а выданные ему гарантии не соответствуют действительности. В лице Иль Машхана ад-Сейдин требовал документального подтверждения от Совета, что ни Аяз Мол, ни корабли флота, ни

другие ресурсы, оставленные в соседних с ним странах не будут применены для войны. В противном случае хан оставлял за собой право потребовать их назад, и потребовать незамедлительно. Справедливость этих требований признавали даже члены верховного командования, сидевшие рядом с Илианой. Хоть и будучи военными противниками ад-Сейдина, они находили аргументацию хана соответствующей действительности. И в самом деле, Красная саламандра покинула стратегические рубежи отнюдь не для того, чтобы превратить их в очаг нового конфликта и самой пострадать от него непредсказуемым образом. Если базовые условия соглашения, достигнутого между ханом Гийюром и Оборонительным союзом, выполняться не собирались, то и само это соглашение становилось недействительным. Хану обещали мир, а вместо этого дело идет к новой войне, еще более жестокой и на сей раз совершенно бессмысленной. Визирь, выражая позицию повелителя, отдельно подчеркивал, что если бы Аяз Мол и прочие ресурсы остались в ведении Красной саламандры, то как минимум половины нынешних раздоров, угрожающих перерасти в затяжной вооруженный конфликт, не было бы вовсе. Таким образом, апеллируя к условиям договора и требуя от Совета гарантий невоенного использования переданных земель и имущества, ад-Сейдин четко обозначал свою позицию. Либо ему документально подтверждают обещанный мир, либо он должен обеспечить его сам, вернув себе контроль над добровольно оставленными владениями. Верховное командование, в отличие от большинства правителей, и здесь находило рассуждения представителя Железных земель справедливыми. И в самом деле: если бы мир был заключен таким образом, что флот, Аяз Мол и прочие крепости остались бы за ад-Сейдином, и уже тот гарантировал бы их мирное использование, то ситуация по факту была бы намного лучше, нежели она стала теперь. Стала, и продолжала усугубляться. Перешептываясь, военачальники спрашивали мнение Рубистеллы. При этом и их и девушку беспокоили приступы голоса совести. Ведь Илиана дала хану обещания от имени верховного командования, а то в свою очередь клятвенно заверило Рубистеллу, что не нарушит ни единого пункта соглашения, если девушке и впрямь удастся завершить войну не пролив более ни единой капли крови. Ад-Сейдин поверил Рубистелле, принял предложенные пункты и подписал акт о капитуляции. И что же получалось теперь? Верховное командование продолжало неукоснительно соблюдать установленные договоренности, но как только власть перейдет обратно к собравшимся здесь суверенам, ситуация сразу же изменится, и изменится, судя по всему, крайне дурным образом. Илиана недавно наведывалась к хану и имела с

ним разговор. Ад-Сейдин не без иронии заметил, что даже сама Рубистелла теперь имеет прекрасную возможность убедиться, как желаемое расходится с действительностью. Дай людям свободу — и они тут же распорядятся ей наихудшим образом. Отпусти узду — и лошади понесут экипаж, разбивая его обо все камни и ухабы, а то и вовсе сбросят с обрыва. Он, хан, искренне хотел хоть как-то загладить все причиненное зло, но этим, похоже, сделал только хуже. Вот только на сей раз ответственность с ним разделит и Рубистелла. Илиана заверила ад-Сейдина, что приложит все усилия для того, чтобы претворить в жизнь все, о чем они договорились в цитадели Аяз Мола, но улетала из Солтенстила в скверном расположении духа. Сегодняшняя речь Иль Машхана не стала для нее неожиданностью, и Илиана старательно размышляла как поправить положение. А Совет в лице компании суверенов продолжал его усугублять. Вместо того, чтобы прислушаться к справедливым замечаниям визиря Железных земель, присутствующие стали высказываться в том духе, что уж кому-кому, а не Красной саламандре ставить условия, рассуждая о войне и мире. Ни о каком возвращении крепостей и флота ад-Сейдину не может быть и речи, а каким образом своим имуществом и землями будут пользоваться их законные владельцы его и вовсе не касается. Подоплека столь резкой реакции на речь Иль Машхана была проста: правители откровенно не собирались связывать себя пусть даже формальными обязательствами, причем дело было отнюдь не в хане Гийюре. Суверены заранее оставляли себе возможность воспользоваться плодами контрибуции для силового разрешения взаимных претензий, а это исключало подписание любых запрошенных визирем бумаг. И чтобы прикрыть сей очевидный факт они не придумали ничего умнее, чем избрать наихудшую риторику из возможных. В нападках на Железные земли, совершенно справедливо намеревавшиеся защитить обещанные им интересы, они увидели подходящую возможность отступить как минимум от части обязательств. К тому же обязательств выданных отнюдь не ими. Ведь теперь, после свержения Красной саламандры, безоговорочная власть верховного командования больше не рассматривалась как нечто строго необходимое. Если прежде суверены поступались своими привилегиями, ибо в противном случае они и вовсе могли их лишиться, то ныне их голоса звучали все более громко и надменно. И от немедленного выхода из Оборонительного союза их удерживало лишь намерение заполучить себе больше того, чем они владели до объединения.

Сирелина шепотом передавала воспитаннице самые последние новости, полученные от чародеек. Новости эти были тревож-

ными. Втайне друг от друга правители начинали образовывать альянсы, прощупывая возможные плюсы и минусы от различных предложений. Переговоры пока велись очень скрытно, так что если бы не чародейки, о них не узнали бы даже самые искусные шпионы. Цель этих переговоров не оставляла никаких сомнений: объединившись в те или иные группировки, суверены от слов перейдут к делу. То бишь, отбросив все бумаги и рассуждения, силой начнут брать якобы причитающееся им по праву. Пожилой генерал, сидевший ближе всех к Илиане, невольно слышал этот разговор. Поколебавшись, он вдруг наклонился к Рубистелле и сообщил, что его государь велел быть готовым забрать полки их страны и уйти. А заодно между строк намекнул, чтобы оружие не застряло в ножнах, если вдруг понадобится его обнажить. Соседи генерала изменились в лице. Члены верховного командования растерянно переглянулись, а затем, избрав Рубистеллу объектом исповеди, стали признаваться, что такие речи, в той или иной форме, накануне слышал едва ли не каждый из них. Настал черед переглядываться Илиане и Сирелине. Услышанное показало, что дела обстоят гораздо хуже, нежели они полагали до сих пор. Переговорный процесс не просто зашел в тупик — он семимильными шагами двигался к развалу, вот-вот угрожая пересечь черту невозврата. Повернувшись к военачальникам, Илиана поочередно посмотрела каждому в глаза, а затем спросила, готовы ли они немедленно стать врагами и приказать своим солдатам убивать друг друга. И ради чего тогда, собственно, создавался Оборонительный союз, как не для скорейшего избавления от подобного кошмара. Верховное командование растерялось. Доселе каждого мучила совесть, что он скрывает важные сведения от других. Теперь, когда выяснилась истинная подоплека, с одной стороны присутствующим стало гораздо легче. С другой, они осознали, что стоят на пороге катастрофы. И что, быть может, уже завтра получат приказ обнажить друг против друга оружие. Опытные вояки, они не имели ничего против войны как таковой, как и подобает высоким армейским чинам, но бессмысленная резня, грозившая залить их родины кровью еще сильнее, нежели это делала Красная саламандра, их совершенно не устраивала. Особенно резня с боевым, сидящим сейчас рядом с тобой соратником, с которым бок о бок сражались с общим врагом. В такой войне не будет ни чести, ни славы. Она принесет одну лишь разруху и опустошение, обернется неисчислимыми бессмысленными жертвами. И в самом деле, чего ради стоило прилагать столько усилий, если в итоге они пойдут прахом и ввергнут все государства разом в еще больший хаос?

— Что же нам делать, госпожа? — спросил кто-то из генералов.

Остальные тут же обратились в слух.
— Я не вправе диктовать вам какие-то решения, — невесело отозвалась Илиана. — Боюсь, сейчас только от вас зависит допустить новое кровопролитие или нет. Я чувствую настрой Совета. В нем уже не осталось ни рассудительности, ни желания достичь компромисса. Его члены начинают сознательно идти на обострение и теперь ищут повод выйти из Союза и взять свое силой. Взять на ваших плечах, расплачиваясь кровью собственных подданных якобы для их же блага.
Словно желая подтвердить слова девушки, правители начали переходить на крик. Их резкие реплики произносились уже не в качестве аргументации, а исключительно для уязвления оппонента. В адрес Красной саламандры посыпались совсем уж недипломатические выпады, хотя страна ад-Сейдина по-прежнему служила лишь предлогом, из-за которого вот-вот произойдет взрыв.
— Вас вообще не должно быть здесь, Иль Машхан! — кричал один из суверенов, не слишком беспокоясь о тоне своего голоса. — Вы должны благодарить за это Рубистеллу!
— Я могу сказать вам абсолютно то же самое! Вас самих не было бы сейчас здесь, если бы не Рубистелла! Мы стерли бы вас в порошок, и во всей Империи никто бы и пикнуть не посмел! Той Империи, которую вы сейчас намереваетесь превратить в арену для междоусобиц! — громко отвечал визирь, разгневанный недопустимым поведением оппонентов.
Правители аж задохнулись от злости, ибо вельможа Железных земель фактически напомнил им об их ничтожестве. Повскакав с мест, все члены Совета вступили в ожесточенную перепалку, и хотя она была адресована Иль Машхану, смотрели они при этом отнюдь не на него. Сейчас суверены, намеренно или подсознательно, открыто группировались в альянсы, делая выбор в пользу тех или иных кандидатур. Недавние союзники прямо на глазах образовывали враждующие лагеря. Сыпавшиеся угрозы уже не содержали оскорблений — в них звучал открытый вызов. Абсолютно всем присутствующим в соборе стало ясно, что до заката Совет не просуществует. Чародейки побледнели, пытаясь восстановить порядок, но было очевидно, что одними словами здесь уже не обойдешься.
— Илиана, ты можешь что-нибудь сделать? — спросила Сирелина, повинуясь немому вопросу Арадоры.
Верховное командование вновь обратилось в слух.
— Я сейчас перестала их сдерживать. Теперь прекрасно видно что члены Совета думают и чувствуют на самом деле. Я могу их успокоить, но это ничего не даст. Все мое воздействие, оставляющее

им свободу воли, больше не эффективно. Они не слушают голос разума, а изменить это я могу только приказом повиновения. Если я буду бездействовать, члены Совета вот-вот объявят друг другу войну. Если я вмешаюсь, они сделают то же самое, как только избавятся от моего влияния, — произнесла Илиана, стараясь казаться спокойной под множеством обращенных на нее взглядов. — Какой вы мне предлагаете сделать выбор? Скажите — и я приму ваше решение!

В последних словах девушки звучала неприкрытая горечь. Сказав так, она не собиралась переложить всю тяжесть решения на других. Решения, где оба варианта вели к одному и тому же исходу. Илиана лишь открыто озвучила безнадежность создавшегося положения, как бы признаваясь: простите, друзья, но сегодня чуда не будет. Ей было тяжко сознавать, что она подвела столько возлагавшихся на нее надежд, причем подвела как раз тогда, когда все ужасы и невзгоды были в одном шаге от счастливого финала. Опустив ресницы, девушка старалась не смотреть на всех этих полководцев, столько раз доверявших ей свою судьбу и судьбу своих народов. Скоро они пойдут друг на друга войной, а она ровным счетом ничего не может сделать.

Седой фельдмаршал — тот самый, которого Илиана исцелила на стенах Данерхейма — вдруг резко поднялся с места. Его лицо, где только что играли гнев и растерянность, а скулы ходили ходуном от обуревавших эмоций, сейчас казалось высеченным из камня. Оправив мундир, старый вояка повернулся к стоявшим неподалеку дежурным гвардейцам.

— Горнисты, сигнал к общему сбору! — рявкнул он во всю мощь своих легких.

Дисциплинированные солдаты тут же исполнили приказ. Под сводами собора загремели трубы, и их громогласный звук вырывался через открытые окна наружу, привлекая внимание выстроенных полков. Крики и ругань стихли. Члены Совета, прекратив выяснение отношений, с невольным изумлением уставились на горнистов. Орать все равно было бесполезно, потому что при пении труб становилось ничего не слышно. Весь собор молча дожидался когда отзвучит подаваемый сигнал, гадая что бы он значил. Когда этот сигнал, наконец, прекратился, и горнисты опустили украшенные гербами инструменты, члены Совета неприязненно осведомились в чем дело. Не слушая этих людей, фельдмаршал, чеканя шаг, сделал несколько шагов вперед, а затем круто развернулся через плечо, когда оказался на открытом, хорошо видимом со всех сторон пространстве.

— От имени верховного командования, прошу вас подойти ко

мне, госпожа! — громко и твердо заявил он, протягивая руку к Илиане.
Удивленная и немного растерянная девушка встала и приблизилась к военачальнику, не понимая, чем вызвано его приглашение. Когда она остановилась, тот неожиданно сам отступил на шаг, со звоном выхватил меч и поднял его под углом вверх.
— Да здравствует королева! — громогласно воскликнул фельдмаршал.
Его голос еще эхом гремел под сводами древнего собора, как все военачальники верховного командования повскакали с мест.
— Да здравствует королева! — трижды грянули они, вскидывая оружие в приветственном салюте.
Раздался лязг множества обнажаемых клинков. Офицеры, срываясь со скамей, поднимали мечи в едином порыве.
— Да здравствует королева! — оглушительно громыхнули они. — Да здравствует королева! Да здравствует королева!
Наполняя весь собор, эти слова вырывались в окна и разносились далеко за его пределы. Звон мечей немедленно перекинулся на площадь. Выстроенные там полки выхватывали оружие и, устремив его к небу, присоединялись к гремевшему кличу. Набрав новую силу, он прокатился по всему Тал-Амину и в считанные секунды достиг предместий. И везде, заслышав его могучие перекаты, солдаты и офицеры бросали все занятия, выбегали на улицу и салютовали, вновь и вновь выбрасывая в пространство торжественные слова. Им не требовалось уточнять о ком шла речь — они и так прекрасно это знали. Армия избрала себе повелительницу.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ